СЛУЖБА АРТИЛЕРІЙСКАГО ОФИЦЕРА,

воспитывавшагося въ I кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 году [1]).

Правда водила перомъ моимъ.

Солдатъ, излагая свои мысли, не порочитъ, не критикуетъ начальника.

Различные взгляды на одинъ и тотъ же предметъ многосложны, какъ фигуры калейдоскопа.

Plus le sujet de la discussion est important, plus nombreux surgissent les pour et les contre du raisonnement.

La vieille vérité que la critique est aisée, mais l'art difficile ne doit pas empecher un homme de profession d'émettre son opinion, de crainte de se tromper.

Я не пишу для военной исторіи. Я припоминаю только то, что самъ видѣлъ и что случалось со мною, и потому кратко разсказываю о томъ, что собственно до меня касается.

I.

Родъ нашъ. Внимательность Императора Павла. Фельдфебель—крестный отецъ. Добрая память Павла I. Умный, добрый гувернеръ. 1-й кадетскій корпусъ. Артилерійскій прапорщикъ самъ себѣ протекторъ. Немудреная наука. Смотръ при с. Вертю во Франціи. L'armée d'occupation. Пріятная стоянка. Но проводамъ—спасибо. Не палка бьетъ, а рука. На кантониръ-квартирахъ. Не всякую выдумку къ дѣлу примѣнишь. Діоптръ, названный бестужевскимъ. Не впопадъ себя потѣшишь—народъ разсмѣшишь. Ждалъ спасибо—„дурака" получилъ. Движеніе—жизнь. „Прошу васъ, не берите съ меня примѣра". Балакиревъ. Выступленіе изъ Франціи. Самоучка-коновалъ и отецъ-командиръ. Отдыхъ. Квартиры въ таврической губерніи. Живое эхо. Служба въ Петербургѣ. Въ кабинетѣ у Императора. Недогадливость большихъ господъ. Генералъ Ермоловъ. Переводъ мой въ кавказскую гренадерскую бригаду. Первое представленіе Ермолову.

Родъ нашъ древній дворянскій, изъ сѣверной Голитиніи. Когда тевтонскіе рыцари овладѣли остзейскими провинціями, для обращенія приморскихъ жителей въ христіан-

[1]) Настоящія записки покойнаго генерала отъ артилеріи Эдуарда Владиміровича Бриммера доставлены въ Редакцію его родственникомъ, полковникомъ Александромъ Ивановичемъ Фонъ-деръ-Ховеномъ, которому перешли по наслѣдству съ правомъ печатанія.

скую религію, то въ сонмѣ ихъ были и Бриммеры. Изъ этой фамиліи нѣкоторые, кажется, добыли себѣ помѣстья въ Лифляндіи, другіе въ Эстляндіи. Родовое имѣніе наше было с. Мерьяма, лежащее отъ Ревеля къ Пернову; оно было продано предъ смертью двоюроднымъ братомъ отца моего въ **1828** году и перешло въ чужія руки. Въ началѣ XVIII столѣтія два члена этой фамиліи перешли въ Швецію, а оттуда въ Финляндію, почему и записаны тамъ въ дворянскихъ книгахъ. Извѣстный графъ Отто Фридрихъ Бриммеръ, родившійся въ **1690** году въ помѣстьѣ Вайкуль, въ Лифляндіи, былъ голштейнъ—готторпскій оберъ-гофъ-маршалъ и прибылъ къ русскому Двору съ наслѣдникомъ престола Петромъ Ѳеодоровичемъ, впослѣдствіи Императоромъ Петромъ III. Онъ былъ кавалеромъ голштинскаго ордена св. Анны и русскихъ—Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго, получилъ потомственный титулъ графа и значительную пенсію; умеръ въ Висмарѣ 13-го марта **1752** года.

Отецъ мой Владиміръ Астафьевичъ былъ старшій изъ пяти братьевъ, которые, кромѣ младшаго, умершаго въ юношескихъ лѣтахъ, всѣ были въ военной службѣ. Владиміръ и Астафій, служа поручиками въ Невскомъ мушкетерскомъ полку были выбраны при Императрицѣ Екатеринѣ II въ кавалергарды. Оба отличались красотою, имѣли 2 арш. 11 верш. росту. Третій, Егоръ, служилъ въ артиллеріи въ чинѣ подполковника; за ошибку на ученіи былъ сосланъ Государемъ Павломъ Петровичемъ въ Сибирь, по пріѣздѣ куда, внезапно, не отдохнувъ отъ курьерской ѣзды, былъ отправленъ для узнанія порядка службы въ Италію, въ корпусъ генерала Розенберга, его дяди; умеръ полковникомъ. Четвертый, Адольфъ, командовалъ Малороссійскимъ гренадерскимъ полкомъ и послѣ неудачнаго штурма Рущука въ **1809** году, вмѣстѣ съ другими, оставшимися въ жи-

выхъ начальниками колоннъ, былъ отставленъ отъ службы и поселился съ семействомъ въ Одессѣ, близь коей имѣлъ небольшое имѣніе Дофиновку. Этотъ дядя (вторая его дочь, Елизавета, была за новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Ланжерономъ), при поступленіи на службу, былъ перекрещенъ фельдфебелемъ въ Кузьмичи: на повторительный вопросъ—„какъ по батюшкѣ?“ дядя отвѣчалъ—„Густафьевичъ!“—„Видно, что изъ нѣмцевъ, по нашему должно быть Кузьмичъ!“—и былъ мой дядя на всю жизнь Кузьмичемъ.

Отецъ мой женился смолоду на дѣвицѣ Аннѣ Каменской, дочери кирасирскаго офицера, остававшейся по смерти матери ея у родственниковъ своихъ въ Лифляндіи. Женившись, трудно было служить въ Петербургѣ, и потому изъ кавалергардовъ онъ перешелъ, въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины, въ Невскій мушкетерскій полкъ капитаномъ. Матушка разсказывала мнѣ, что отецъ, служа въ кавалергардахъ и стоя на часахъ въ комнатахъ дворца, за какой то прямой отвѣтъ, данный Государю Наслѣднику Павлу Петровичу, понравился ему. Вступивъ на престолъ, Императоръ вспомнилъ кавалергарда, произвелъ его въ маіоры, а вскорѣ затѣмъ въ подполковники, назначивъ комендантомъ въ г. Петрозаводскъ, гдѣ въ **1797** г. февраля 24-го я родился. Кажется, въ томъ же году батюшка былъ произведенъ въ полковники, переименованъ въ статскіе совѣтники и назначенъ директоромъ г. Павловска и шлоссъ-гауптманомъ дворца. Родившіеся тамъ братъ Павелъ и сестра Марія были крестными дѣтьми Императора Павла и Императрицы Маріи. Нѣсколько собственноручныхъ записокъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ отцу моему, имѣющихся у меня, показываютъ довѣренность и благоволеніе, коими пользовался онъ отъ Высочайшей фамиліи.

Когда зимою съ **1802** на **1803** годъ, въ жестокую сту-

жу, дворецъ Павловскій горѣлъ, батюшка только на третій день возвратился домой, безотлучно находясь на пожарѣ. Онъ *отморозилъ ноги, ему отрѣзали ихъ,* и онъ умеръ 13-го февраля **1803** года, хотя послѣднее время ему сдѣлалось лучше и его катали въ креслахъ по комнатамъ. Отецъ мой очень любилъ меня. Матушка разсказывала, что когда горничная утромъ разбудила меня и объявила, что батюшка умеръ, я вскочилъ на постелькѣ и далъ ей оплеуху. „Ты всегда былъ такой вспыльчивый“ — прибавила матушка. Вижу, что пословица справедлива: горбатаго и могила не исправитъ.

По прибытіи нашемъ въ Павловскъ, старшій братъ Егоръ и я были записаны въ Пажескій корпусъ, но, по смерти отца, Его Высочество Константинъ Павловичъ приказалъ насъ опредѣлить въ 1-й кадетскій корпусъ. Великій князь очень жаловалъ этотъ корпусъ и часто его посѣщалъ. Мы поступили туда въ маѣ того же года. Въ Павловскѣ у насъ былъ гувернеръ, который поселился въ Петербургѣ и навѣщалъ насъ въ корпусѣ. Онъ намъ часто говаривалъ: „Soyez brave homme comme votre père et vous fairez votre chemin“. Эта фраза добраго гувернера была у меня въ памяти всю жизнь.

Изъ корпуса у меня осталось мало пріятныхъ воспоминаній. Учился я, кажется, хорошо, но крайней мѣрѣ лѣнивымъ не былъ никогда, да и мудрено было отставать отъ другихъ при поверхностномъ воспитаніи того времени. Въ нашемъ корпусѣ, въ мое время, было три Бриммера. Такъ какъ между собой кадеты даютъ всѣмъ прозвища, то перваго, Якова, звали *толстымъ*; онъ служилъ въ артиллеріи, командовалъ ротой и изрубленъ на орудіи турками въ **1828** году; второго брата моего, Егора, звали *борода*, по длинному окладу лица; этотъ убитъ въ бородинской битвѣ въ **1812** году; меня, третьяго, звали *коньякомъ*, потому что

я держался прямо. Повторяю, не много пріятныхъ воспоминаній осталось у меня изъ корпуса. Девяти лѣтъ отъ роду, въ **1806** году, бывъ въ 3-й ротѣ маіора Ранефта, я ходилъ на второй день Свѣтлаго праздника на-вѣсти къ Его Высочеству великому князю Константину Павловичу въ Мраморный дворецъ въ числѣ кадетъ, изъ каждой роты по одному; ординарцемъ же назначенъ былъ унтеръ-офицеръ 1-й роты Беклемишевъ (служилъ въ конной гвардіи). Вообразите девятилѣтняго ребенка въ слѣдующемъ нарядѣ: мундиръ съ длинными фалдами и панталоны темнозеленаго цвѣта; сапоги высокіе, обрѣзанные подъ колѣнами въ кружокъ; на мундирѣ воротникъ высокій, красный съ откосами; въ два борта 12-ть пуговицъ, 13-я снизу, для застежки; поясная портупея, въ широкую лопасть которой вставлялся тесакъ, наконечникъ коего долженъ былъ быть виденъ весь изъ-за правой ноги; спереди на портупеѣ огромная мѣдная пряжка; черезъ плечо перевязь съ сумою; киверъ суконный, цилиндромъ, съ подбороднымъ ремешкомъ, застегивавшимся на пуговку; спереди на немъ чернооранжевая кокарда, въ серединѣ ея пуговка; на верху кивера стоячій помпонъ; киверъ надѣтъ на тщательно причесанную, напудренную головку. Дайте этой куклѣ въ правую руку дребезжащее ружье, чтобъ темны лихо отдавались—и вотъ кадетъ, вѣстовой Его Высочества въ **1806** году. Помню, какъ однажды на экзаменѣ я озадачилъ почтеннаго профессора Вольямута. Первый, верхній, классъ экзаменовался по физикѣ, механикѣ и прочая. Инспекторъ полковникъ Перскій вызываетъ меня къ доскѣ на кафедру. Профессоръ задаетъ задачу по механикѣ, очень длинную, въ которой надобно было вывести двѣ формулы и выводы обѣихъ свести вмѣстѣ, чтобы получить результатъ. Я хотя зналъ задачу, но ошибся въ одной формулѣ, и, comme de raison—выводъ вышелъ невѣрный. Кадеты шушукаютъ мнѣ, я ни-

какъ не догадываюсь гдѣ ошибка и продолжаю; но, сведя выводы обѣихъ формулъ, я остановился и гляжу на мою задачу, ибо ничего не могу сдѣлать..... Такъ какъ краткое рѣшеніе я очень помнилъ, то, не думавши много, написалъ его большими буквами и обернулся къ классу лицомъ. Инспекторъ, разговаривавшій съ директоромъ корпуса г.-л. Клингеромъ, увидѣвъ, что я кончилъ задачу, говоритъ профессору: „посмотрите у г. Бриммера“. Г. Вольямутъ входитъ на кафедру, беретъ мѣлъ въ руки и слѣдитъ за рѣшеніемъ первой формулы.—„Хорошо,“—но смотритъ на другую и, повернувшись ко мнѣ, говоритъ—„да вы ничего не знаете, это стыдно“.... Болѣе я не далъ ему сказать ни слова, взялъ со стола губку, махнулъ передъ носомъ профессора губкой по всей задачѣ и шепнулъ ему: „молчите, вамъ же стыдно будетъ,“—затѣмъ положилъ губку на столъ и съ самодовольнымъ видомъ сошелъ съ кафедры. Инспекторъ, глядя на мою физіономію, привѣтливо спрашиваетъ меня: „Eh bien, vous avez fini? Très bien m. Brummer!“ Я пошелъ къ своей лавкѣ и сѣлъ, какъ будто дѣло сдѣлалъ. Кадеты, видя мой особенный способъ рѣшенія задачи, долго еще фыркали и, какъ послѣ мнѣ разсказывали, ихъ смѣшилъ еще болѣе столбнякъ на фигурѣ почтеннаго профессора, который послѣ экзамена, въ первый приходъ въ нашъ классъ, сказалъ во всеуслышаніе: „Ваша дерзкая выходка изумила меня“.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ корпусѣ я былъ фельдфебелемъ въ 1-й ротѣ: у насъ двѣ роты назывались старшими—гренадерская и 1-ая. Несмотря на то, что меня кадеты звали строгимъ фельдфебелемъ, кажется, я пользовался ихъ расположеніемъ, потому что не любилъ жаловаться ни офицерамъ, ни полковнику Арсеньеву; а какъ кадетъ зашалилъ или провинился въ чемъ, такъ самъ справлялся: подерешь за ухо, или щелчка въ носъ дашь

да тѣмъ и кончишь. А самое большое наказаніе—приведу за ухо въ умывальную, поставлю въ уголъ ставчикъ и на полчаса посажу молодца, чтобъ сидѣлъ смирно, безъ занятій и безъ разговоровъ. Этого они не любили, и часто провинившійся шалунъ просилъ: „пожалуйста только не въ умывальную!“

У дѣтей столько жизненныхъ силъ, что имъ научныхъ занятій мало, чтобы взять все ихъ время. Изъ этой массы, свезенной со всѣхъ концовъ обширнаго нашего отечества для воспитанія, выдвигаются болѣе дѣятельныя натуры и выдумываютъ занятія, помимо разныхъ шалостей—всякій по своимъ наклонностямъ и способностямъ. Вотъ разныя профессіи, которыя я могу припомнить. Птицеловство; можно вообразить сколько различныхъ занятій требуетъ это препровожденіе времени, напримѣръ, вязаніе сѣтей, заготовленіе колышковъ, ловля птицъ, дѣланіе клѣтокъ, наконецъ обученіе птицъ разнымъ штукамъ. По каждому ремеслу были свои мастера. Были кадеты, занимавшіеся торговлею: за обѣдомъ намъ давали каждому по продолговатому пирогу съ кашей, говядиной, горохомъ и прочая; утромъ—каждому по бѣлой булкѣ, а въ старшихъ ротахъ по двѣ; за пирогъ на другой день давали двѣ булки, за сегодняшнюю булку—завтра двѣ. Видите, какая спекуляція! Капиталъ на капиталъ въ однѣ сутки. Двѣ булки стоили пятакъ. Правда, торгашей было не много, но они были и торговали съ успѣхомъ. Такимъ образомъ существовали кредиторы и должники. Послѣдніе были въ большомъ презрѣніи, и слово „должникъ“ было бранное.

Въ **1806** году отмѣнили косы, но пудра оставалась до **1809** года. Каждому кадету въ мѣсяцъ давалась стопка сала вышиною въ $1^1/_2$, а въ основаніи въ 1 вершокъ, чтобы помадиться. Стопки эти ставились на полочки надъ кроватями кадетъ, куда нѣкоторые ставили и образа свои. Мо-

жете вообразить, какое множество мышей развелось въ нашихъ длинныхъ камерахъ. Ловля ихъ была также однимъ изъ препровожденій свободнаго времени, но истребленіемъ не довольствовались—ихъ пріучали къ запряжкѣ. Помню одного кадета, который торговалъ умственнымъ товаромъ, т. е. онъ былъ мастеръ отговариваться отъ всякой шалости, отъ всякой вины, и, сдѣлавши проступокъ, всегда съ такимъ наивнымъ видомъ увѣрялъ въ своей невинности и такъ простосердечно приводилъ ложные факты, его оправдывающіе, что дѣйствительно ему почти все сходило съ рукъ. Вотъ къ этому господину ходили провинившіеся и боявшіеся экзекуціи за совѣтомъ—какъ бы отговориться? Тогда онъ въ подробности приказывалъ разсказать, какъ было дѣло и, смотря по степени вины и трудности отговориться отъ проступка, бралъ за совѣтъ то булку, то пирогъ, а то и пятакъ и даже болѣе. Конечно, не всегда отговорки его были успѣшны, но тѣ, которымъ удавалось отговориться по его совѣту, восхваляли его находчивость до небесъ. Вотъ одинъ образчикъ. Приходитъ къ нему 2-й роты кадетъ, извѣстный всѣмъ какъ малый глупый, и разсказываетъ ему, что разбилъ стекло.

— Гмъ! Разбилъ стекло! А видѣлъ кто, какъ ты разбилъ?

— Видѣлъ лакей, сказалъ каптенармусу, а Арсеньевъ (командовалъ тогда 2-й ротой) всегда за разбитое стекло розгами сѣчетъ.

— Знаю, знаю, что сѣкутъ розгами. Плохо! Ну—булку дашь?

— Пожалуй.

— Такъ, видишь, какъ завтра Арсеньевъ придетъ въ роту и станетъ выкликать, кто провинился, такъ ты не плачь, а сдѣлай глупую рожу—это тебѣ не трудно—и какъ спросятъ тебя, зачѣмъ стекло разбилъ, такъ ты скажи:

простите, Никита Васильевичъ, хотѣлъ разбить два, да нечаянно разбилъ одно, впередъ не буду.

Тотъ, какъ ни былъ глупъ, однако усомнился.

— Ну, пошелъ, небось, не высѣкутъ, больше никакой отговорки не надо—и, заставивъ его пересказать нѣсколько разъ, отпустилъ.

На другой день онъ прибѣгаетъ къ намъ въ роту, отдаетъ булку тайному совѣтнику, съ одушевленнымъ восхищеніемъ благодаритъ за отговорку.

— Ну, разсказывай, какъ было.

— Только-что Арсеньевъ прошелъ по фронту, какъ спрашиваетъ у дежурнаго: „кто разбилъ стекло? Поди-ка сюда, молодецъ“. Я подошелъ.—„Что-ты, стекла бить? Зачѣмъ разбилъ стекло?“ Я испугался и молчу; онъ опять:—„зачѣмъ разбилъ стекло?“ Я и говорю: извините, Н. В., хотѣлъ разбить два, да нечаянно разбилъ одно. Онъ захохоталъ и кадеты тоже; взялъ меня за ухо, повернулъ, далъ ногой подж....ка и говоритъ: „видно дуракъ—ну, пошелъ, да впредь, смотри, стеколъ не бить“. А кантонармусъ, каналья, уже и розогъ принесъ—такъ кончилъ свой разсказъ провинившійся.

Въ началѣ **1815** года я былъ выпущенъ въ артилерію, въ 9-ю бригаду, которою командовалъ полковникъ Черемисиновъ. Проѣзжая чрезъ Варшаву, гдѣ командовалъ резервами инспекторъ артилеріи баронъ Меллеръ-Закомельскій, задерживавшій, по повелѣнію Государя, всѣхъ офицеровъ для резервовъ, я просился у самаго инспектора ѣхать въ армію, сѣвшившую тогда во Францію, и онъ съ улыбкою приказалъ отправить меня прямо въ бригаду, которая находилась въ корпусѣ генерала Сабанѣева. Ватерлооская битва остановила насъ въ Нанси. Чтобы учиться пріемамъ при орудіяхъ, каждое утро ходилъ я въ артилерійскій паркъ, расположенный за городомъ, но эта премудрость такъ ско-

ро далась, что недѣли чрезъ двѣ бомбардиръ объявилъ мнѣ, что я все знаю отлично-хорошо, только—„ваше благородіе, лафетъ не надобно такъ сильно поднимать, когда на передокъ надѣваете, а то надорветесь, ваше благородіе“. Тѣмъ и кончилось мое артилерійское строевое обученіе.

Въ половинѣ августа мы выступили изъ Нанси къ с. Вертю, въ Шампаніи, гдѣ собралось 160 тысячъ русскихъ на смотръ. При воспоминаніи объ этомъ знаменитомъ смотрѣ, встаетъ передо мною величественная фигура нашего Императора въ сонмѣ государей и полководцевъ. Помню, что вся армія одѣта была щегольски, на-ново. Все время погода стояла ясная, безоблачная; дни были чрезвычайно жаркіе, а звѣздныя ночи до того холодны, что буквально спать не давали. Помню восьмидневный голодъ, ибо мы питались сухарями, часмъ, сыромъ и шампанскимъ. Съ этого времени я уже сталъ уважать чай. Сотни торговокъ изъ ближнихъ деревень, крича „par la goutte“, шныряли по необозримымъ бивуакамъ съ сыромъ и шампанскимъ. Рѣдко когда удавалось купить хлѣба или булокъ, а на второй день уже не было въ продажѣ домашнихъ птицъ. Гора Mont-aimé, у которой армія собиралась для смотра 28-го и для церковнаго парада 30-го августа, отстояла отъ насъ верстъ на 10, если не болѣе. Вставали въ часъ ночи, выходили въ третьемъ, чтобы придти на мѣсто въ шестомъ. Въ 7 часовъ пріѣзжалъ фельдмаршалъ Барклай-де-Толли, въ 8 часовъ—государи, послѣ чего прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ и разныя эволюціи продолжались до 2-хъ часовъ. Около 5-ти возвращались мы въ нашъ лагерь. По ракетамъ и по пушечнымъ сигналамъ орудія, стоявшаго на горѣ Mont-aimé, дѣлались передвиженія. Двѣ конно-батарейныхъ роты, Поздѣева и Бракера, развернутымъ фронтомъ должны были проскакать ventre à terre съ одного конца на другой, мимо государей, и проскакали благопо-

лучно. Сердце радовалось, да и не шутка въ орудіяхъ о восьми лошадяхъ и съ тремя рядами ящиковъ сзади; но чѣмъ шибче бѣжимъ, тѣмъ ровнѣе линія. П. Поздѣевъ разсказывалъ, что, закричавъ „маршъ-маршъ“, онъ уже не помнилъ себя—„ну, какъ ось сломится или лошадь оступится...“ На смотру 28-го числа молодой фельдцейхмейстеръ Его Высочество великій князь Михаилъ Павловичъ первый разъ командовалъ резервомъ артилеріи и все время былъ передъ нашей 9-й батарейной ротой. Помню, что во время движенія, ящичная подсѣдельная, испугавшись чего-то, сшибла гатлангера, но ящикъ скоро остановили. Ротный командиръ полковникъ Черемисиновъ подскакиваетъ къ лежащему солдату: „вотъ я тебя, б—къ, вздеру, вставай!“ Едва онъ выразилъ это нѣжное участіе къ ушибленному солдату, какъ сзади его подъѣхавшій великій князь спрашиваетъ: „Не ушибся ли ты, молодецъ? Гдѣ лекарь?“—и, отъѣзжая, приказалъ дать ему пятифранковый. Я слышалъ, какъ одинъ усатый бомбардиръ съ георгіевскимъ крестомъ говорилъ товарищу: вотъ какой добрый, а нашему все бы подраться.—„Небось, вамъ мирволитъ!“—отвѣчалъ ему фейерверкеръ Клементьевъ.

30-го августа, когда мы возвращались съ церковнаго парада, жара была невыносимая, и наши громадные кирасиры, расположенные бивуаками по сосѣдству съ нами, были на парадѣ пѣшіе со своими тяжелыми палашами, огромными ботфортами и длинными шпорами; отъ долгой ходьбы, жары и пыли они до того устали, что то и дѣло спотыкались и падали. Всѣхъ войскъ офицеры и солдаты ложились на полѣ и отдыхали; подходя къ бивакамъ, строя уже не было—шли кучками, въ разбродъ, едва волоча ноги. Вдругъ среди этой стотысячной толпы пробѣгаетъ испуганный заяцъ, за нимъ другой, третій и т. д. Куда дѣвалась усталость, изнеможеніе—всѣ воспрянули! Крики „ло-

ви, лови," шумъ, бѣготня; кто киверъ швырнетъ, кто тесакъ броситъ въ догонку; кирасиръ рубитъ палашомъ..... Съ шумнымъ говоромъ и смѣхомъ входили въ лагерь—объ усталости забыли—и завидна была участь кому посчастливилась охота!

Вотъ какого рода воспоминанія остались у меня, восемнадцатилѣтняго прапорщика. Я бралъ жизнь, какъ Богъ давалъ, не вспоминалъ прошедшаго, не думалъ о будущемъ, а жилъ такъ, около себя.

1-го сентября въ 3 часа утра вся армія выступила по разнымъ направленіямъ въ Россію. Предположено было оставить во Франціи une armée d'occupation въ 150 т., подъ начальствомъ герцога Веллингтона, въ томъ числѣ 30 т. русскихъ: 9-я и 12-я пѣхотныя, одна драгунская дивизіи, два полка донскихъ казаковъ и наша 9-я артилерійская бригада, въ составѣ 9-й дивизіи, поступили въ сводный корпусъ г.-л. М. С. Воронцова. Мы пошли на Арси въ Жуанвиль, гдѣ еще разъ увидѣли нашего Государя, проѣздомъ обѣдавшаго въ городѣ. Въ Жуанвилѣ мы простояли мѣсяцъ, потомъ октябрь и ноябрь—въ Коммерси.

Здѣсь мнѣ отвели квартиру у m-r de Lafond, изъ уважаемой дворянской фамиліи. Семейство состояло изъ матери, лѣтъ 50-ти, хозяина, веселаго молодаго человѣка, премилой жены его и двухлѣтней дочери. Такъ какъ я говорилъ по-французски, хотя не совсѣмъ бойко, и самъ былъ малый веселый, то скоро вся семья меня полюбила, въ особенности старушка, которая хотѣла непремѣнно окончить мое воспитаніе и сдѣлать французомъ. „Il faut que vous soyez français" была ея всегдашняя фраза. Кажется, она была изъ богатыхъ въ городѣ. Родственники семьи, все дворяне, часто собирались у нея по вечерамъ, а въ воскресенье всегда обѣдали гости. Получая продовольствіе отъ хозяевъ, я только утромъ пилъ кофе у себя; прочее время

большею частью проводилъ въ ихъ семействѣ, о чемъ они, впрочемъ, сами просили меня. У нихъ часто бывала племянница старушки, кузина хозяина, прелестная, стройная дѣвица лѣтъ 18-ти, m-lle Albertine. Этой дѣвицей старушка дразнила меня, увѣряя, что чуть она войдетъ—я непремѣнно раскраснѣюсь. И вправду, глазѣть-то я любилъ на нее, а какъ она на меня посмотритъ—я и покраснѣю. Хотя мнѣ было уже 18 лѣтъ, но я былъ совершеннымъ ребенкомъ. Между прочимъ образованіемъ старушка и вообще всѣ хотѣли, чтобы я ѣлъ лягушекъ, но отъ этого блюда я всегда отказывался. Въ одно воскресенье, за обѣдомъ, молодая m-me de Lafond, зная, что я большой сластена, говоритъ матери:

Si m-r Edouard ne mange pas des grénouilles, il n'aura ni torte, ni frontignac!

— Alors je me priverai du doux, pour ne pas manger ce qui me répugne, отвѣчалъ я.

— Je vous forcerai bien de manger les grénouilles— вскричалъ m-r de Lafond—l'assiete des grénouilles, avec un baiser de ma cousine!

— Ah! Bien imaginé Joseph, сказала старушка.

— Mais mon cousin, vous disposez de ce que ne vous appartient pas. Et puis, vous n'êtes guére galant de mettre sur la même assiete les grénouilles et..... mon bien à moi.

— M-r de Lafond, vous mettez un trop haut prix a une chose insignifiante, сказалъ я. Pour finir une fois pour toutes avec les grénouilles, je me soumets. Une assiette des grénouilles et un verre de frontignac!—я мигнулъ прислуживавшей дѣвушкѣ и наложилъ себѣ этого очень вкуснаго блюда.

— Voyez mon cousin, un russe est plus galant que vous, сказала Альбертина.

— Oui mademoiselle, возразилъ я съ дѣтскою горячно-

стью,—on n'aspire qu'à ce qu'on peut atteindre! Откуда взялась у меня смѣлость, сказавъ это, взглянуть на Альбертину. Старушка же говоритъ:

— Oh, oh, il est filou, notre jeune homme.

Я увѣрялъ, что блюдо было отличное, и, дѣйствительно, такъ какъ у лягушекъ снимаютъ только заднія ножки, то въ желтомъ кисленькомъ соусѣ съ лимонами онѣ походятъ на цыплятъ.

24-го ноября, въ день св. Екатерины, patronne des demoiselles, существуетъ обычай у католиковъ, а можетъ быть и мѣстный, что въ церкви избранная изъ общества дѣвица, подъ руку съ кавалеромъ, во время богослуженія собираетъ для бѣдныхъ (une quête pour les pauvres). Дѣвицы изъ своей среды выбираютъ la quêteuse, а родственники выбранной ищутъ ей кавалера. Веселая старушка придралась къ случаю подразнить меня.

— Vous serez le cavalier d'Albertine, m-r Edouard.

— Mais je suis protestant.

— Qu'est-ce que cela fait, vous êtes joli garçon, et il ne faut que cela! Я опять покраснѣлъ, а старушкѣ только этого и надобно было.

Это была пріятная стоянка: большая, чистая комната, милые, привѣтливые хозяева, хорошій столъ. Чего еще желать молодому офицеру?

Въ день выступленія изъ Коммерси былъ очень непріятный случай съ бомбардиромъ моего взвода Иваномъ Грибовымъ. Утромъ, совершенно одѣтый въ походную форму, Грибовъ выходитъ изъ квартиры, чтобы идти въ паркъ. Хозяинъ, кажется, сапожникъ, провожаетъ его со свѣчей въ рукѣ. Дойдя до наружныхъ дверей дома и уже ставъ одной ногой за порогъ, Грибовъ оборачивается и говоритъ хозяину: „вотъ, мусье, ты бы на дорогу далъ фромажу“. Хозяинъ, имѣя, вѣроятно, въ виду отвязаться отъ гостя,

толкнулъ его за дверь, думая, конечно, проворнѣе захлопнуть ее. Но, увы, толчекъ, хотя и сильный, какъ говоритъ Грибовъ, не сдвинулъ его съ мѣста. Бомбардиръ обернулся къ нему лицомъ и говоритъ: „ахъ ты поганый французикъ, какъ ты смѣешь драться?“ — да хвать его въ ухо. Французъ повалился—и духъ вонъ. Жена его, стоявшая на верху лѣстницы, вскрикнула, народъ сбѣжался, а Грибовъ, прійдя въ паркъ, разсказывалъ старшему фейерверкеру Клементьеву, что онъ далъ французику оплеуху. Не прошло и десяти минутъ, какъ въ паркѣ сдѣлалась суматоха; толпа французовъ съ женщиною скоро пришли къ моему взводу, и несчастный Грибовъ былъ арестованъ. Вотъ была русская оплеуха—наповалъ убила,—а Иванъ Грибовъ былъ человѣкъ небольшой, но кряжистъ въ плечахъ. Поведенія онъ былъ отличнаго и всѣми любимъ.

Графъ Воронцовъ, по просьбѣ нашего полковника, смягчилъ строгость военнаго суда: Грибовъ прошелъ чрезъ 2000 шпицрутеновъ и остался въ ротѣ. Тутъ еще разъ увидѣлъ я, что это ужасное наказаніе, обстановка коего торжественно-строгая, въ сущности можетъ смягчаться солдатами, или же сдѣлаться дѣйствительно ужаснымъ. Пѣхотный баталіонъ, узнавъ, что солдаты любили Грибова и его наказываютъ только за то, что убилъ французика, грозно помахивая палочками, тихо опускали ихъ на спину осужденнаго; о нашей командѣ и говорить нечего; а потому Грибовъ вышелъ только съ краснепькой спинкой. Но когда, близь Жуанвиля, въ м. Вокулеръ наказывали нашей роты солдата за кражу и побѣгъ въ военное время 2000 шпицрутенами съ отсылкою въ Сибирь, и въ приказѣ главнокомандующаго было сказано, что стыдъ преступленія падаетъ на роту, наши солдаты, раздраженные на негодяя за стыдъ приказа, приложили руку. Черезъ строй, состоящій изъ 350 солдатъ Нашебургскаго полка и

150 солдатъ нашей роты, ему слѣдовало пройти четыре раза; проходя нашебургцевъ, онъ ни разу не упалъ, но сквозь небольшой строй одноротцевъ въ каждую очередь падалъ три и четыре раза.

Въ декабрѣ, въ ненастную погоду, изъ Коммерси мы выступили проселочными дорогами въ департаментъ du Nord. Удивляюсь, отчего Наполеону грязь въ Польшѣ показалась такою чрезвычайною, что онъ назвалъ ее пятою стихіею. Неужели онъ никогда не видѣлъ топкихъ проселочныхъ дорогъ Франціи? Этотъ переходъ въ департаментъ du Nord намъ очень памятенъ, особенно дороги около Grand-près-Montirander. Ротѣ нашей отвели квартиры въ 6-ти верстахъ отъ кр. Avesnes, въ большомъ селеніи Etröeng и въ окрестныхъ деревняхъ.

Что сказать о нашей $3^1/_2$ годичной стоянкѣ во Франціи? Молодой артилерійскій офицеръ, я охотно занимался обязанностями службы, и начальники часто давали мнѣ порученія; между прочимъ, одно артилерійское, которое мнѣ случай помогъ привести къ окончанію уже впослѣдствіи, въ **1832** году, когда я командовалъ батареею. Вотъ оно. Нашъ бригадный командиръ полковникъ Черемисиновъ былъ недоволенъ кабановскими діоптрами, вошедшими передъ тѣмъ въ употребленіе въ нашей артилеріи. Дѣйствительно ли онъ видѣлъ недостатокъ ихъ, или только желалъ блеснуть новымъ изобрѣтеніемъ передъ начальствомъ, только онъ не на шутку занялся изобрѣтеніемъ новаго способа наводить орудія, выдумавъ для этого вмѣсто діоптра и мушки ставить два гребешка—одинъ на тарельный поясъ, другой на конецъ дульной части. Гребешки эти имѣли видъ дуги съ острыми зубцами. Нарѣзы дуги, лежащіе на казенной части орудія, соотвѣтствовали нарѣзамъ гребешка, лежащаго на дульной части, такъ что наводили орудіе по вторымъ, третьимъ и т. д. остріямъ

обоихъ гребешковъ. Тогда говорили, что если одно колесо стоитъ выше другого, то прицѣливаніе съ кабановскимъ діоптромъ не вѣрно. Устройство этой выдумки пало на мою долю, прибавлю, къ крайнему моему неудовольствію, ибо, не смотря на поверхностное образованіе кадета, я все же понималъ, что для правильнаго нарѣзанія выемокъ надобны инструменты. Рѣшено было сдѣлать въ своей мастерской параллельные бруски, а дуги отковать въ ротной кузницѣ. Какъ видите, русскій человѣкъ ни въ чемъ не затруднится. Отыскали сухое дерево—и самодѣльщина готова. Въ разговорѣ съ полковникомъ, когда онъ похвалилъ мою работу, я собрался съ духомъ и наивно сказалъ ему: ну, а какъ грязью забросаетъ всѣ выемки, тогда какъ наводить орудіе?—„Прапорщикъ, тоже разсуждать пустился! Ну, грязь вытрутъ. Знай—дѣло дѣлай, и не разсуждай,—молодъ еще!“ Какъ видите, въ тѣ времена прапорщикамъ не дозволялось высказывать свое мнѣніе.

Выдумка эта была представлена въ лагерѣ графу Воронцову, но, при сравнительной пробѣ стрѣльбы, кажется, наводка по гребешкамъ не отличалась вѣрностью и потому канула въ Лету со многими другими подобными изобрѣтеніями. Въ **1832** году, командуя легкой № 1-й ротою кавказской гренадерской артилерійской бригады, я въ іюнѣ мѣсяцѣ долженъ былъ выступить въ походъ въ Чечню, въ составъ отряда, подъ начальствомъ самаго корпуснаго командира барона Розена. Въ маѣ мѣсяцѣ былъ препровожденъ ко мнѣ черезъ начальника артилеріи, по повелѣнію Его Высочества генералъ-фельдцейхмейстера, діоптръ, какъ было сказано, изобрѣтенный генералъ-маіоромъ Шушериным, для испытанія во время похода. Діоптръ этотъ былъ тотъ же висячій кабановскій, только привинченный къ тарельной части и не снимавшійся уже съ орудія. Въ горной экспедиціи въ Чечнѣ **1826** года, потомъ въ персид-

ской и турецкой кампаніяхъ я убѣдился, что недостатки кабановскаго діоптра состоятъ въ томъ, что онъ не имѣетъ вольнаго качанія, которое при возвышеніи орудія совсѣмъ прекращается и при этомъ онъ даже выпадаетъ. Находя безполезными перемѣны, сдѣланныя въ немъ генералъ-маіоромъ Шушеринымъ, я сказалъ гг. офицерамъ, что кабановскій діоптръ хорошъ, но что его надобно не вкладывать, а накладывать, чтобы не свалился и чтобы имѣлъ вольное качаніе, для чего надо за казенною частью сдѣлать затыльникъ съ рожками, на который бы его накидывать. Заняться этимъ я поручилъ прапорщику Павлу Бестужеву, который и приспособилъ кабановскій діоптръ по способу, нынѣ употребляемому въ нашей артилеріи и названному бестужевскимъ, хотя онъ все тотъ же кабановскій. Достоинство его заключается въ томъ, что онъ висячій, а не подвижной, какіе употреблялись прежде подъ названіемъ аракчеевскихъ.

Нашъ полковникъ все хотѣлъ щегольнуть передъ 12-й бригадой и потому съ восторгомъ принялъ предложеніе прибывшаго къ намъ изъ Россіи офицера П. Давыдова сдѣлать для подручныхъ лошадей подвязныя гривы. Я крѣпко трунилъ надъ этимъ украшеніемъ, и когда полковникъ узналъ, что я смѣюсь надъ такими занятіями, я подвергнулся его гнѣву. Впрочемъ, эти прививныя гривы, долженствовавшія изъ артилерійскихъ лошадей сдѣлать грозныхъ львовъ, были скоро со стыдомъ сброшены. Въ 1818 году Его Высочество Михаилъ Павловичъ, въ бытность свою во Франціи, сдѣлалъ смотръ нашему корпусу. На первомъ прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ, Его Высочество, увидѣвъ эти огромныя гривы, спросилъ у полковника: „Это что за уродливое украшеніе? Такъ этимъ-то вы занимаетесь въ артилеріи!“ И тутъ же, на полѣ, давай живѣе снимать гривы, такъ что на дру-

гомъ прохожденіи, колоннами, наша батарея не безобразилась противъ другихъ. Но бѣдный офицеръ попалъ въ опалу.

Графъ Воронцовъ, желая, чтобы войска, стоявшія на кантониръ-квартирахъ, были всегда готовы къ выступленію, приказалъ производить всѣмъ войскамъ безъ исключенія, въ полной походной формѣ, съ полнымъ обозомъ, два раза въ недѣлю, походы на 25 верстъ. Была ли существенная польза для службы—не знаю, но больныхъ было довольно.

Внѣ службы офицеры обыкновенно ходили въ партикулярномъ платьѣ, да и на службѣ не крѣпко придерживались формы, чему примѣромъ служилъ самъ корпусный командиръ, выѣзжавшій обыкновенно къ строю въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, съ кривою турецкою саблею на толстомъ, красномъ шелковомъ поясномъ снуркѣ, въ треугольной шляпѣ безъ пера и надѣвая поверхъ мундира синій сюртукъ съ откиднымъ воротникомъ. Такъ одѣвались и адъютанты его, хотя онъ имъ говорилъ, чтобы съ него примѣра не брали. Но приказывать легко, а старшій для младшаго всегда и во всемъ будетъ примѣромъ, и потому перьевъ на треугольныхъ шляпахъ никто не носилъ. Чтобы понять до какой степени пренебрегали формою одежды, представьте себѣ разводъ въ г. Мобежѣ, гдѣ была корпусная квартира. Разводъ производился въ присутствіи графа Воронцова. Графъ въ описанномъ выше костюмѣ, кромѣ синяго сюртука. Всѣ присутствующіе въ треугольныхъ шляпахъ безъ перьевъ; нѣсколько офицеровъ пѣхотныхъ при саблѣхъ. Караулы во всей должной формѣ. Полковой адъютантъ въ мундирѣ, при кривой саблѣ, въ синихъ, венгерскаго покроя, снурками вышитыхъ штанахъ, въ гусарскихъ полусапожкахъ, шляпа безъ пера. И въ такомъ костюмѣ молодой красивый офицеръ рисовался на пра-

вомъ флангѣ музыкантовъ, проходя мимо корпуснаго командира.

Изъ всѣхъ присутствующихъ офицеровъ одинъ только нашей бригады поручикъ Балакиревъ былъ одѣтъ всегда по формѣ и никогда не носилъ партикулярнаго платья, почему всѣ признали, что онъ дѣйствительно долженъ быть потомокъ ближнему человѣку Петра Великаго, тому Балакиреву, котораго честный умъ потомство обратило въ смѣхъ. Нашъ артилеристъ Балакиревъ былъ умный, честный и веселый человѣкъ. Разсказывали о немъ, что онъ всю прошлую **1812—13—14** годовъ кампанію дѣлалъ пѣшкомъ, ни разу не садясь на лошадь, не смотря ни на какую усталость. Когда послѣ бородинскаго дѣла приказано было ночью отходить, ротный командиръ подполковникъ Эриксъ, видя молодого офицера совершенно уставшимъ, предложилъ ему верховую лошадь, но Балакиревъ отвѣчалъ: „нѣтъ не сяду, дойду пѣшкомъ до Парижа, а тамъ ужъ, если Богъ допуститъ, вернусь верхомъ, пожалуй.“ Я спрашивалъ у него, справедливо ли это?—„Справедливо!—отвѣчалъ онъ, улыбаясь,—чтожъ, тутъ мудренаго нѣтъ ничего, не я одинъ до Парижа пѣшкомъ дошелъ; а вотъ въ чемъ Богъ былъ милостивъ: рота наша была почти во всѣхъ дѣлахъ **1812**, **13** и **14** годовъ, а Эриксъ, я и лошадь остались живы. И когда мы вошли въ Парижъ послѣ монмартскаго дѣла и остановились на какой-то площади, такъ нашъ добрый командиръ подозвалъ меня къ себѣ, слѣзъ съ лошади и, отдавая ее мнѣ, сказалъ — ну теперь вы ее примите, когда пророчество ваше сбылось такъ счастливо,—и я вернулся на ней верхомъ“. Балакиревъ служилъ впослѣдствіи въ генеральномъ штабѣ.

Нѣсколько офицеровъ артилерійскихъ, въ томъ числѣ и я, были прикомандированы къ свитѣ (нынѣ генеральный штабъ); но какъ главное занятіе наше состояло въ черче-

ніи плановъ, снятыхъ съ занимаемыхъ нами крѣпостей, а я никогда не былъ силенъ ни въ чистописаніи, ни въ рисованіи, ни въ черченіи, то въ $1^1/_2$ года, проведенныхъ мною между свитскими офицерами, ни я пользы службѣ, ни занятія мои мнѣ пользы никакой не принесли. Филиповичъ, Горскій и Балакиревъ были произведены въ слѣдующіе чины въ **1818** г., въ бытность у насъ Государя, и всѣ трое переведены въ свиту.

18-го ноября **1818** года мы выступили изъ нашихъ кантониръ квартиръ, чтобы предпринять обратный путь въ Россію. Не безъ доброжелательства провожали русскихъ изъ Франціи. Русскій въ чужихъ земляхъ скоро снискиваетъ расположеніе жителей, стараясь жить ихъ жизнью и осваиваясь скоро съ ихъ бытомъ. Другія войска союзниковъ не могли похвалиться этимъ; можетъ, они и не искали того.

Въ Германіи вездѣ насъ принимали, какъ родныхъ, и этотъ зимній походъ былъ пріятною прогулкою. Очень часто мы танцовали. Случалось и такъ, что прямо съ танцевъ, надѣвъ шинель въ рукава и подпоясавъ себя шарфомъ, сядешь на подведенную къ крыльцу лошадь и отправляешься въ походъ. Но если были дни веселые, то были и крайне грустные и смѣшные. Тогдашнее произвольное и нерѣдко жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными было часто причиною грустныхъ сценъ. Разскажу одну изъ многихъ, оставшуюся въ памяти, въ неиспорченномъ сердцѣ молодого офицера.

У насъ въ батарейной ротѣ былъ коновалъ изъ чувашъ, толстый, добрый малый, простъ до глупости и ничего не понимавшій по своей части, кромѣ того, что успѣлъ выучиться у нѣмцевъ и французовъ во время стоянокъ на квартирахъ, однимъ словомъ—самоучка. Вы спросите, да кто-жъ его сдѣлалъ коноваломъ? А вотъ какъ: въ

роту привели рекрутъ; прежде всего выбрали въ музыканты, потомъ отобрали невзрачныхъ въ нестроевые и изъ нихъ замѣщали вакантныя штатныя званія. Нашъ толстый чувашъ, не зная никакого мастерства, непригодный въ строй, былъ назначенъ въ нестроевые, и какъ званіе штатнаго коновала было вакантное, то его сдѣлали коноваломъ. Онъ выучился пускать лошадямъ, впопадъ и не впопадъ, кровь, во всѣхъ внутреннихъ болѣзняхъ давать внутрь какія-то лепешки, а самое дѣйствительное лекарство его было при мокрецахъ у лошадей—чаще намачивать больную ногу урином. Можете вообразить, что съ такими практическими познаніями коновалъ-чувашъ, при двухстахъ лошадяхъ батарейной роты, иногда попадалъ въ затруднительное положеніе. Такъ случилось однажды и въ обратномъ походѣ изъ Франціи. Выйдя изъ Гейдельберга, гдѣ студенты изъ остзейскихъ провинцій, провожая роту, шедшую съ музыкою черезъ городъ, кричали намъ—„кланяйтесь Россіи, нашему славному отечеству!“—мы продолжали идти около Неккера. Проѣзжаетъ полковникъ и видитъ, что подручная орудійная лошадь въ первомъ взводѣ хромаетъ; онъ спрашиваетъ ѣздоваго:

— Отчего лошадь хромаетъ?

— Не могимъ знать, ваше благородіе, уже третій день хромаетъ.

— Коновалъ лечитъ?

— Даетъ примочку, ваше благородіе.

— Отчего заводную не взяли вмѣсто ея?

— Коновалъ говоритъ, что ничего—можетъ идти.

— Послать коновала!

Между тѣмъ рота остановилась на привалъ. Полковникъ все выговаривалъ то капитану, то взводному командиру, то ругалъ ѣздового и тѣмъ ставилъ себя въ diapason раздражительности. Приходитъ коновалъ.

— Отчего ты лошадь еще не вылечилъ, уже три дня хромаетъ?

— Я примачиваю ногу.

— Нога болитъ, а оставляешь се въ запряжкѣ? Вотъ я тебя, с..... с...! Розогъ!

— Да, помилуйте, ваше высокоблагородіе, я больше этой примочки ничего не знаю.

— Не знаешь, лѣнтяй! Ложись! И такъ какъ палки и розги всегда были въ обозѣ, то несчастнаго чуваша разложили и сѣкли, сѣкли, что онъ и кричать пересталъ. Когда перестали, онъ все лежалъ.—„А, встать не хочешь? Воды!“ Въ баклагахъ принесли изъ Неккера декабрьской воды и окачивали лежащаго; но солдаты тутъ же подняли его и увели съ глазъ начальника. Сколько такихъ расправъ могъ бы разсказать всякій, служившій въ былое время.

Изъ г. Петрикау я былъ посланъ въ Варшаву, отвести польскихъ уроженцевъ изъ артилеріи для выбора въ гвардію. Въ январѣ мѣсяцѣ бригада наша пришла въ Житомиръ и расположилась на квартирахъ въ окрестностяхъ. Мой 2-й взводъ пошелъ въ Ловково, имѣніе графа Пушинскаго, въ 12-ти верстахъ отъ города. Этотъ трехмѣсячный отдыхъ въ шумномъ домѣ богатаго помѣщика памятенъ мнѣ, какъ веселое время беззаботной юности. Въ началѣ мая бригада пошла въ таврическую губернію и расположилась по лѣвому берегу Днѣпра на постоянныхъ квартирахъ. Наша рота стояла въ с. Большая Знаменка. Народъ жилъ въ привольи, и о знаменскихъ бабенкахъ говорили: это знаменская идетъ да шумитъ, давая тѣмъ знать, что она вся въ нарядахъ. Къ намъ начали пріѣзжать начальники для смотра батарей, чтобы лично убѣдиться въ распущенности войскъ французскаго корпуса. Такова была репутація подчиненныхъ графа Воронцова. Пріѣхавшій къ намъ начальникъ артилеріи 2-й арміи генералъ отъ арти-

леріи Левенстернъ пустился въ разговоры съ нижними чинами. Остановившись передъ правымъ флангомъ, онъ поздоровался съ ними и спросилъ:

— А что, ребята, вы рады, что вернулись въ любезное отечество?

— Рады, ваше превосходительство.

Проходя по фронту и смотря на строй, хвалилъ обмундированіе и былъ, кажется, въ хорошемъ расположеніи духа. Затѣмъ генералъ изъ нѣмцевъ спросилъ солдатъ:

— А хорошо вамъ было во Франціи?

— Хорошо, ваше превосходительство.

— Чтожъ вамъ досадно, что вы вышли оттуда?

— Досадно, ваше превосходительство.

Какъ видите, русскій солдатъ весь живетъ въ начальникѣ и не понимаетъ противорѣчія.

Въ декабрѣ этого года я поѣхалъ въ отпускъ въ Одессу, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ Его Высочество, по случаю формированія артилерійскаго училища и учебной артилерійской бригады, приказалъ мнѣ остаться въ Петербургѣ. При первомъ представленіи моемъ, Его Высочество вынесъ мнѣ нарисованнаго офицера въ предположенномъ мундирѣ артилерійскаго училища и приказалъ такъ одѣться. На десятый день я былъ готовъ и въ половинѣ седьмого утра пріѣхалъ къ Михаилу Павловичу. Въ $7^1/_2$ часовъ— это было въ февралѣ **1820** года, тогда и начальство подымалось рано — принималъ Великій Князь, а въ 9 часовъ утра—Государь. Разводъ былъ всегда въ 11 часовъ. Когда Его Высочество принялъ рапорты отъ адъютантовъ и ординарцы явились, пришелъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, осмотрѣлъ меня и мы трое пошли на половину Государя. Подходя къ покоямъ Императора, Его Высочество говоритъ мнѣ: „когда Государь спроситъ васъ о чемъ, то говорите громко, ясно, внятно“,—Императоръ Александръ

былъ тугъ на ухо. Вошли въ комнату. У окна стоялъ Великій Князь Николай Павловичъ, предъ диваномъ лежала большая собака. Князь Петръ Михайловичъ Волконскій пошелъ въ другую комнату, собака за нимъ. Я сталъ предъ диваномъ. Братья поздоровались и стали разговаривать. Минутъ чрезъ пять вышелъ Государь съ своимъ начальникомъ главнаго штаба и съ собакой, которая легла подлѣ меня у дивана, на прежнемъ мѣстѣ. При входѣ Императора Великіе Князья взяли шляпы въ лѣвую руку и низко поклонились. Государь съ Михаиломъ Павловичемъ подошли ко мнѣ. Осмотрѣвъ мундиръ, Государь тронулъ слегка пальцемъ середину мундира и сказалъ:

— Не лучше ли будетъ сдѣлать однобортный, какъ въ инженерномъ училищѣ?

Михаилъ Павловичъ поклонился. Государь спросилъ меня:

— Какъ фамилія ваша?

— Прапорщикъ Бриммеръ, Ваше Величество.

— Давно ли вы служите?

— Съ **1815** года.

Его Величество обратился къ Михаилу Павловичу:

— Какъ долго въ одномъ чинѣ! Какой вы бригады?

— 9-й артилерійской, Ваше Величество.

— Вы были въ корпусѣ у графа Воронцова?

— Точно такъ, Ваше Величество.

Государь сдѣлалъ мнѣ привѣтливый знакъ головою, Михаилъ Павловичъ отошелъ въ сторону, я повернулся налѣво и пошелъ. Представленіе кончилось, но величественно-привѣтливый видъ Государя остался у меня въ памяти.

Въ то время служебный день начинался очень рано, зимою и лѣтомъ одинакова. Въ 7 часовъ утра уже собирались въ отдѣленіи Зимняго дворца, гдѣ жилъ Великій Князь, полковые командиры, адъютанты съ рапортами, офи-

церы съ ординарцами и вѣстовыми отъ полковъ, коихъ Его Высочество Михаилъ Павловичъ былъ шефомъ, а въ четвертъ восьмаго Великій Князь принималъ.

Вышедши отъ Государя, я пошелъ на половину Михаила Павловича. Вскорѣ пришелъ великій князь и, подойдя ко мнѣ, сказалъ: „вы будете служить въ артилерійскомъ училищѣ.“ Черезъ мѣсяцъ меня произвели въ подпоручики и до сформированія артилерійскаго училища и учебной артилерійской бригады прикомандировали къ гвардейской артилеріи. Въ августѣ мѣсяцѣ я получаю записку— завтра, въ 6 ч. утра, быть у генерала Засядки. На другой день, въ назначенный часъ, я нашелъ генерала за бумагами. Онъ обернулся, когда я вошелъ.

— Что вы такъ не веселы?

— Не имѣю причинъ быть скучнымъ.

— Можетъ отъ того, что Его Высочество, зная васъ за хорошаго строевого офицера, приказалъ назначить въ учебную бригаду?

— Его Высочество сказалъ мнѣ, что я буду служить въ артилерійскомъ училищѣ.

— Да, но тамъ, по штату, положено быть поручикомъ, а вы подпоручикъ.

— Это легко поправить Его Высочеству.

Генералъ обернулся на стулѣ и спросилъ: какъ такъ поправить?

— Произвесть меня въ поручики.

— Да-а-а! Но Его Высочество не догадался.

Тѣмъ кончился разговоръ, и я остался служить въ учебной артилерійской бригадѣ. Два года житья въ Петербургѣ несомнѣнно убѣдили меня, что молодому, веселому, но бѣдному офицеру плохая жизнь въ столицѣ. Хотя знакомыхъ пріятныхъ семействъ и было у меня много, но общественныя удовольствія, за которыя надобно было платить,

были мнѣ не по карману, и потому часто грусть нападала на сердце. Въ особенности досадовалъ я, что не могъ часто бывать въ театрѣ.

Въ **1820** году, собираясь командовать арміею, назначенною въ Италію, пріѣхалъ съ Кавказа въ Петербургъ генералъ Ермоловъ. Всѣ офицеры, служившіе когда либо подъ его начальствомъ, ѣздили къ нему представиться. 9-я артилерійская бригада, въ которой я началъ службу, была въ составѣ сильнаго авангарда, которымъ Алексѣй Петровичъ командовалъ въ Краковѣ въ **1814**—**15** годахъ; и хотя я прибылъ въ роту уже по распущеніи этого 90,000 авангарда, тѣмъ не менѣе поѣхалъ съ артилеристами, чтобы увидѣть генерала, о которомъ тогда много говорили и который, по мнѣнію Государя и народа, стоялъ во главѣ способнѣйшихъ генераловъ Россіи. Первый взглядъ на Ермолова сдѣлалъ на меня сильное впечатлѣніе. Нѣсколько артилерійскихъ офицеровъ пріѣхали къ нему въ десятомъ часу утра, ранѣе обычнаго пріемнаго часа. Генералъ не хотѣлъ насъ заставлять ждать и вышелъ тотчасъ еще не совсѣмъ одѣтый: изъ подъ сюртука виднѣлась русская рубашка съ косымъ воротникомъ, что́ напомнило мнѣ о нелюбви его къ нѣмцамъ. Высокій, могучій ростъ генерала, его прямая воинская осанка, лицо рѣдко встрѣчаемой мужской красоты, умные глаза и вообще непринужденность и привѣтливость всей особы поразили меня.—„А, кровь моя, артилеристы!“—и всякаго изъ насъ подарилъ или вопросомъ, или пріятнымъ словомъ. Я вышелъ отъ Алексѣя Петровича совершенно очарованный и, садясь съ товарищами на дрожки, сказалъ: непремѣнно буду служить у него подъ начальствомъ.—„Да онъ нѣмцевъ терпѣть не можетъ?“—Пустяки, да и какой же я нѣмецъ?

Въ началѣ **1822** г. Его Высочество былъ такъ милостивъ, что снизошелъ на просьбу мою и перевелъ меня въ

кавказскую гренадерскую артилерійскую бригаду. Въ тогдашнее время просьба порядочнаго офицера о переводѣ его на службу въ Грузію была дѣломъ не совсѣмъ понятнымъ, и потому Его Высочество приказалъ спросить меня, что я тамъ забылъ? Когда командиръ бригады полковникъ Коцаревъ представилъ меня въ станицѣ Екатериноградской генералу Ермолову, онъ спросилъ меня: „за что васъ сослали къ намъ?“—и тѣмъ вызвалъ у меня отвѣтъ: я недумалъ, что въ кавказскій отдѣльный корпусъ ссылаютъ, и просился у Его Высочества о переводѣ, желая имѣть честь служить подъ начальствомъ вашего высокопревосходительства. И слова мои были истинной правдой, ибо я, просясь въ Грузію, совершенно не зналъ никого тамъ, кромѣ генерала Ермолова, только разъ видѣннаго. Алексѣй Петровичъ приказалъ меня взять въ экспедицію, которую онъ предполагалъ тогда сдѣлать въ Кабарду для проложенія новой и донынѣ существующей дороги изъ Екатеринограда прямо во Владикавказъ, оставивъ Моздокъ слѣва. Мнѣ дали въ команду два конно-казачьихъ орудія Волгскаго казачьяго полка и 6 кегорновыхъ мортиръ, чтобы ходить по горамъ.

Такъ я началъ службу на Кавказѣ, съ усердіемъ исполняя всѣ возлагаемыя на меня порученія и въ обыкновенное время занимаясь своими обязанностями по ввѣренной мнѣ части. Кромѣ службы я мало имѣлъ развлеченій; но кто желаетъ заниматься службою, тотъ на Кавказѣ найдетъ много занятій. Тамъ я сроднился съ кавказскимъ солдатомъ и въ особенности съ артилерійскою семьею. Во время моей службы въ кавказскомъ отдѣльномъ корпусѣ я сдѣлалъ 8 горныхъ экспедицій, персидскую и двѣ турецкія войны.

Въ концѣ **1830** г., при возстаніи Польши, я поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и Ригу. Въ то время была холера. Послѣ опустошеній, произведенныхъ ею въ Грузіи и въ особенности въ Тифлисѣ, она перешла черезъ Кавказъ

и распространилась по всей Россіи. Въ польскую кампанію я не попалъ, но участвовалъ въ усмиреніи литовскаго возстанія.

II.

ЭКСПЕДИЦІЯ 1822 ГОДА. Ночной эпизодъ. Авось попадетъ—и попала. Ночная экспедиція. Захватъ баранты. „Только другъ проходитъ". Пріятности аріергардной службы. Служба не отдыхъ. Особенности горныхъ экспедицій. Нельзя пройти—а все идешь и прійдешь, куда хотѣлъ. Удаль кавказскаго солдата. Хоть тресни, а полѣзай. Горцы не устояли. По пословицѣ: кувшинъ по воду ходилъ и голову сломилъ. Нехотя, да послушаешь. Припомнимъ цѣль экспедиціи. Мѣткій выстрѣлъ. На Кубань. И еще мѣткій выстрѣлъ. Обратный походъ. Осы. Не сойду, такъ скачусь. Досталось пѣмцу.

Прежняя дорога изъ Моздока до Владикавказа проходила чрезъ небольшіе отроги горъ и въ ненастную погоду движеніе по ней было очень затруднительно, особенно для транспортовъ, слѣдовавшихъ въ то время гораздо чаще чѣмъ нынѣ, ибо кавказскія провинціи сѣяли хлѣбъ только для себя, а не для продажи, и весь хлѣбъ для войскъ доставлялся изъ Россіи по военно-грузинской дорогѣ и Каспійскимъ моремъ. Алексѣй Петровичъ былъ первый, пріохотившій туземцевъ засѣвать хлѣбъ для продажи его войскамъ, и я видѣлъ какъ обширныя пустопорожнія мѣста въ Грузіи мало по малу обращались въ плодородныя поля. Притомъ названная дорога на плоскости Малой Кабарды была не безопасна, ибо правый берегъ Малки и Терека былъ, какъ тогда называли, „немирный", и большая дорога изъ Россіи въ Грузію—единственный нашъ путь сообщенія—отъ Ставрополя до Солдатской шелъ вблизи непріязненнаго народонаселенія. Отъ Солдатской на 70 верстъ до Моздока эта дорога, примыкая къ Малкѣ, служила какъ бы границею, а отъ Моздока до Владикавказа шла уже совершенно по

непріятельской землѣ, почему и рѣшено было проложить болѣе удобную дорогу по кабардинской плоскости. Алексѣй Петровичъ предположилъ непріязненныхъ намъ кабардинцевъ удалить въ горы, а у выхода ущелій поставить укрѣпленія, чтобы оставшихся на плоскости покорныхъ имѣть въ повиновеніи. Сильное племя кабардинцевъ, которое въ прежнія времена могло выставить въ поле, подъ начальствомъ своего вали, до 25-ти тысячъ конныхъ, хорошо вооруженныхъ воиновъ, нынѣ, послѣ того какъ чума 9 лѣтъ, съ **1804** по **1813** годъ, ѣла этотъ народъ, все еще имѣло довольно сильное народонаселеніе на плоскости, жившее тамъ въ большихъ аулахъ. Когда, въ началѣ мая, войска двинулись чрезъ р. Малку изъ Екатериноградa, то жители, не желавшіе оставлять своихъ привольныхъ мѣстъ на плоскости, покорились; не желавшіе же подчиниться—удалились въ горы; многіе ушли къ туркамъ за Кубань, въ анапскій пашалыкъ. Генералъ Ермоловъ осматривалъ всѣ ущелья горъ, изъ коихъ вытекаютъ значительныя рѣки: Черекъ, Чегемъ, Урухъ, Нальчикъ, Баксанъ, Малка и Кубань. Въ горахъ кабардинцы собирались незначительными толпами, около 1000 человѣкъ и болѣе, заводили перестрѣлку, но ихъ скоро прогоняли, и генералъ, осмотрѣвъ мѣстность, назначалъ гдѣ быть укрѣпленію. Въ одной изъ такихъ перестрѣлокъ, въ началѣ экспедиціи, я былъ съ двумя конными орудіями, по обыкновенію, въ авангардѣ, начальникъ коего приказалъ мнѣ поставить орудія на возвышеніи, а казаковъ пустилъ впередъ. Алексѣй Петровичъ подъѣхалъ къ авангарду, взъѣхалъ на холмъ, гдѣ стояли мои орудія, слѣзъ со своего бѣлаго маленькаго коня и началъ всматриваться въ мѣстность. Справа и слѣва наши застрѣльщики поднимались на горы, казаки гарцовали съ кабардинцами и пересылались невредными выстрѣлами. Вдругъ нѣсколько пуль просвистѣло въ свитѣ генерала и офицера два-три изъ

молодыхъ невольно уклонили головы. Алексѣй Петровичъ говоритъ имъ: „И вамъ не стыдно, господа, кланяться татарскимъ пулямъ? Г. артилерійскій офицеръ, возьмите ваши два орудія и прогоните ихъ“. Я поскакалъ передъ казацкую цѣпь. Два выстрѣла картечью, въ догонку ядра два—и перестрѣлка прекратилась; только вдали видны были отходящія въ разсыпную толпы пѣшихъ, а версты двѣ впереди—остановившаяся толпа конныхъ.

Мы перешли р. Черекъ и осмотрѣли ущелье, изъ котораго вытекаетъ рѣка. На обратномъ пути, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ выхода, случилась маленькая непріятность, окончившаяся, къ счастью, безъ послѣдствій. Во время слѣдованія и осмотра черекскаго ущелья мы имѣли постоянныя перестрѣлки съ кабардинцами, а при обратномъ движеніи они, по обыкновенію, провожали насъ, и въ аріергардѣ надо было держать ухо востро. Кажется 24-го мая, лагерь былъ расположенъ на довольно просторной равнинѣ, на лѣвой сторонѣ Черека; сзади и около лагеря на лѣсистыхъ отрогахъ кишѣли горцы. На ночь разставлены были секреты, по верстахъ въ двухъ впереди, гдѣ горы почти смыкались, ихъ не имѣлось. Лазутчикъ далъ знать, что горцы хотятъ засѣсть на скалахъ и оттуда вредить намъ и выстрѣлами, и каменьями. Алексѣй Петровичъ счелъ нужнымъ занять это узкое мѣсто ночью, чтобы не дозволить засѣсть тамъ горцамъ, и послалъ для того роту Ширванскаго полка капитана Корніенко, съ двумя кегорновыми мортирами. Когда мы поздно вечеромъ проѣхали мимо ставки корпуснаго командира, генералъ, поздоровавшись съ солдатами, сказалъ: „смотрите, братцы, идти безъ шуму, тихо—вы будете проходить подлѣ кабардинцевъ!“ Вышедши изъ лагеря и пройдя съ полверсты, мы повернули налѣво, къ горамъ; шли въ чрезвычайной тишинѣ; темень кромѣшная, ничего не видать. Вдругъ слѣва, съ высоты—залпъ

изъ ста и болѣе ружей. Невольно всѣ остановились, а я, обернувшись, прошелъ по своей командѣ—не раненъ ли кто? Слава Богу, всѣ выстрѣли пошли чрезъ головы. Ширванцы смѣялись надъ карабинерами, рота коихъ, поставленная здѣсь на низкомъ холмѣ въ секретѣ, приняла насъ за кабардинцевъ, что́ и было понятно, ибо мы огибали холмъ, на космъ они лежали, а дежурный по лагерю, увѣдомивъ полевой караулъ, чтобы насъ пропустили за цѣпь, забылъ дать знать о томъ сильному секрету.

Пройдя немного, мы стали подыматься весьма круто—хоть ползкомъ идти, и такъ какъ въ совершенной темнотѣ мѣстности было не видно, то понятно, что, ища гдѣ бы лучше ступить, рота немного разбрелась. Карабкаясь, какъ могъ, на верхъ, то держась за траву, то скользя по ней назадъ, я наткнулся въ потьмахъ на солдата, сшибъ его, повалился и самъ. Солдатъ ругнулъ втихомолку, я—ни гугу, только взялъ влѣво и спрашиваю: Прокофьевъ, ты здѣсь?—„Здѣсь ваше благородіе.“—Кажется, влѣво лучше? —и пошли влѣво. Скоро вышли на верхъ и стали спускаться; только Прокофьевъ говоритъ мнѣ: „ваше благородіе, что-то нашихъ не слышно; спустимся проворнѣе, вѣрно всѣ ужъ впереди“. Спускаясь и оступаясь по крутизнѣ, которую не видѣли, мы благополучно добрели до ровнаго мѣста, но передъ нами лѣсъ и чувствуемъ, что мы на тропѣ; подвинулись впередъ, точно—лѣсъ и дорожка въ гору. —„Ваше благородіе, наши назади, вернемся“. Прислушиваемся—тихо; пошли еще впередъ—все въ гору. „Вернемся“, говорю—и пошли назадъ по тропѣ. Сдѣлали нѣсколько шаговъ—я впереди, Прокофьевъ сзади меня. Еще не вышли изъ лѣса, какъ вдругъ голосъ: „кто это?“—и штыкъ у моей груди. Отодвинувъ штыкъ, отвѣчаю: „я артиллеристъ“. —Какъ же вы изъ лѣсу? спрашиваетъ меня шопотомъ юнкеръ, шедшій съ проводникомъ и четырьмя солдатами

впереди роты. Я разсказалъ, что, лѣзши въ гору, отбились и, не видя роты, вернулись назадъ.—Но отчего вы такъ тихо идете?—„Солдаты поразбрелись, такъ капитанъ остановилъ роту пока собрались всѣ. Эхъ, ваше благородіе, не хорошо—чуть не прикололъ васъ въ испугѣ; Прокофьевато въ бѣлыхъ штанахъ и буркѣ мы приняли за верхового, а васъ-то ужъ подъ носомъ увидѣлъ".—Ну, признаюсь, отлегло отъ души, когда я опять былъ подлѣ своихъ мортирокъ. А юнкеръ этотъ—запомнилъ его имя—былъ малый рослый, лѣтъ 25-ти, можетъ и болѣе; такихъ въ Ширванскомъ полку было много, еле-еле знающихъ грамоту; такъ какъ всѣ записывались въ полкъ, ежегодно бывавшій въ экспедиціяхъ, то ихъ набралось тамъ много; служили хорошо, но вакансій не было для производства.

Придя на мѣсто еще до разсвѣта, мы расположились такъ, что насъ снизу не было видно. Проводникъ намъ сказалъ, что подъ нами чрезъ рѣку въ бродъ будетъ переправляться партія конная съ пѣшими, чтобы, выйдя на нашу сторону, провожать отрядъ съ горы выстрѣлами и каменьями. Я очистилъ мѣстечко для двухъ мортиръ, покато къ броду, привязалъ ихъ къ деревьямъ накрѣпко за станки, опутавъ веревками и самыя мортирки, чтобы при выстрѣлѣ не прыгнули внизъ, зарядилъ обѣ и направилъ на бродъ, какъ глазъ съумѣлъ. Да и точно, дѣльно сдѣлать такой наклонный выстрѣлъ съ горы изъ 6-ти фун. кегорновой мортиры внизъ по крайней мѣрѣ сажень на 30—наука не выучитъ, а глазъ, инстинктъ, навыкъ—глядь, и свалитъ кого; главное, чтобы на лету не разорвало гранаты, а то изъ этихъ мортиръ такой высокій полетъ, что и уберечься легко, а за трубки я ручаться не могъ—не при мнѣ изготовляли. Только-что стало немного свѣтать, нашъ проводникъ-кабардинецъ, все время глядѣвшій какъ мы возились съ мортирками, подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „офи-

церъ, офицеръ—пафъ, пафъ!“ И вправду, толпа конныхъ, по одному и по два на лошади, подъѣхала къ броду и начала спускаться въ рѣку. Я подошелъ къ мортиркамъ, прилегъ наземь, смотрю—кажется, хорошо, а у самого такъ и бьется сердце: ну, какъ не попадетъ или на воздухѣ разорветъ—бѣда, ширванцы осмѣютъ. Всталъ за дерево, схватился за него и смотрю надъ обрывомъ внизъ.—„Бей!“... Проклятая, какъ тихо летитъ! То ли дѣло—ядро! Хорошо. —„Бей!“.... Ну, ну еще немного... Нѣтъ, лопнула; однако, не высоко—все куски задѣнутъ того-другого; а первая—славно, прямо въ бродъ и разорвалась! Всѣ всколыхнулись, повернули назадъ, но передніе—на нашей сторонѣ. Ширванцы спускаются, пули засвистѣли, горцы назадъ. А въ рѣкѣ что-то долго кучка возилась; жаль, что не видать хорошо. Чтожъ, мортирки пригодились; а я такъ смѣялся надъ полетомъ ихъ гранатъ, когда дѣлали пробы съ ними у р. Малки, на первомъ переходѣ! Въ тотъ же день, часу въ девятомъ, пропустивъ отрядъ, мы спустились съ горы и присоединились къ аріергарду; къ вечеру вышли изъ ущелья. Перестрѣлка въ аріергардѣ продолжалась не долго. Лагерь расположился на лѣвомъ берегу Черека.

На другой день мы дневали тутъ. Вечеромъ, часовъ въ восемь, вѣстовой позвалъ меня къ полковнику Коцареву (командовавшему всей артилеріей отряда), который приказалъ мнѣ тотчасъ явиться къ подполковнику Волжинскому, Ширванскаго полка, назначенному съ двумя баталіонами этого полка, 4-мя пѣшими орудіями, нѣсколькими сотнями линейскихъ казаковъ и двумя конными орудіями, идти ночью въ экспедицію. Иду отъ Юрія Павловича Коцарева, да и думаю—хорошо, что выспался.

Часовъ въ 10 мы въ тишинѣ, но хорошимъ шагомъ, пошли вдоль подошвы горъ къ р. Чегему. Часа три шли, останавливаясь; потомъ дали отдохнуть минутъ двадцать

людямъ и опять впередъ. Скоро мы подошли къ р. Чегему и, не долго думая—за проводникомъ въ бродъ. Перейдя рѣку, подполковникъ Волжинскій подъѣхалъ къ маіору Верзилину, полковому командиру Волгскаго казачьяго полка, ѣхавшему впереди со мною и съ Петромъ Ермоловымъ (офицеромъ генеральнаго штаба, двоюроднымъ братомъ Алексѣя Петровича), и говоритъ, что они должны врасплохъ захватить огромное стадо барановъ, рогатаго скота и лошадей, согнанныхъ недалеко въ ущелье, и такъ какъ уже разсвѣло, то полагаетъ пустить всѣхъ казаковъ рысью съ проводникомъ къ мѣсту пастьбища, а пѣхоту довести ускореннымъ шагомъ. Сказано—сдѣлано. Сотня казаковъ оставлена была при орудіяхъ, прочіе поскакали впередъ; я съ двумя орудіями и сотнею старался не отставать. Не проскакавъ и двухъ верстъ, мы услышали въ ущельи выстрѣлы, значитъ—казаки открыли стадо и были встрѣчены огнемъ. Не забавляясь перестрѣлкой, казаки, шашки наголо, бросились на обѣ стороны стада и охватили его кругомъ. Часть поскакала за кабардинцами, охранявшими стадо и хотѣвшими угнать табунъ лошадей, и скоро вернула табунъ; другіе везли пастуховъ; сотня оставалась въ порядкѣ и медленно подвигалась впередъ. Взъѣхавъ съ орудіями на холмъ, мы снялись съ передковъ, а сотня прикрытія слѣзла внизу холма съ лошадей. На первый взглядъ съ холма, вся сцена представлялась въ ужасномъ безпорядкѣ. Такъ какъ бараны и скотъ паслись на огромномъ пространствѣ, по равнинѣ и холмамъ, то, понятно, что изъ массы казаковъ, которая бросилась врассыпную для охвата, многіе попали въ средину стада, гоняясь за стрѣляющими пастухами, и расшевелили огромное стадо, которое, при блеяніи барановъ, мычаніи воловъ, ржаніи лошадей, лаѣ собакъ и гиканьи казаковъ, сопровождавшихся выстрѣлами, бросалось то въ ту, то въ другую сторону. Но только-что

часть угнанныхъ лошадей была возвращена казаками, какъ порядокъ мало по малу сталъ водворяться въ этомъ хаосѣ. Любо было смотрѣть какъ тихо, безъ суеты, казаки отдѣлили табунъ лошадей и рогатый скотъ отъ этого огромнаго стада барановъ, а резервная сотня, подвигавшаяся впередъ, заняла всѣ возвышенности пикетами и стройно встала по дорогѣ, оставивъ за собою товарищамъ приводить въ порядокъ неурядицу ночнаго набѣга. Смотря на удалыхъ линейскихъ казаковъ, невольно скажешь: дѣло мастера боится.

Въ то время какъ лошадей и рогатый скотъ уже выгоняли изъ ущелья, пришла пѣхота. Тотчасъ были отряжены двѣ роты къ баранамъ, чтобы гнать ихъ въ лагерь. Когда ихъ выпроводили изъ ущелья, мы со всею добычею отправились въ обратный путь; но въ самомъ ущельи надобно было размѣняться нѣсколькими выстрѣлами съ кабардинцами и пустить имъ гранату на прощанье.

Между тѣмъ лагерь перешелъ къ правому берегу р. Чегема, такъ что нашъ обратный путь былъ не великъ. Тутъ я впервые познакомился съ размашистымъ, безотчетнымъ хозяйничаньемъ русскаго солдата съ некупленнымъ добромъ, хотя впослѣдствіи, въ продолженіи боевой жизни моей, я и попривыкъ къ этому. Надобно сказать, что горные бараны на задней части тѣла имѣютъ висячіе курдюки; это родъ мѣшка, наполненнаго саломъ, оканчивающагося короткимъ хвостикомъ. Этого сала бываетъ въ курдюкѣ иногда до 30 фунтовъ; слышалъ, что бываетъ до пуда и что баранамъ подвязываютъ колеса подъ курдюкъ, чтобы они могли легче ходить, но выше 28 фунтовъ свѣшеннаго при мнѣ курдюка я не видѣлъ. Наши казаки и крестьяне ставропольской губерніи, которымъ начальство раздавало отбитую у горцевъ баранту въ вознагражденіе потерь отъ грабежа сихъ послѣднихъ, хотя и старались не

смѣшивать горскихъ барановъ со своими, но, не смотря на то, чрезъ два-три года пастьбы на плоскости у нихъ пропадали курдюки. Отъ этихъ-то курдюковъ солдаты, гнавшіе ихъ, не могли оторвать глазъ. Извѣстно, что солдату сало нужно для смазки сапоговъ, ружья и прочихъ надобностей, да и для смаку; а вотъ Богъ послалъ такое приволье сала, да еще даромъ. Что долго думать? У каждаго солдата на ремнѣ виситъ ножикъ—и пошли рѣзать курдюки. Такъ какъ операція эта легкая, то я увѣренъ, что всякій солдатъ въ двухъ баталіонахъ принесъ себѣ надолго сала. По окраинамъ огромнаго стада видны были особыя кучки барановъ, охраняемыя отдѣльно отъ стада нѣсколькими солдатами—это была ротная добыча. Около каждой сотни казаковъ также гнались отдѣльныя кучки; кромѣ того у многихъ казаковъ бараны были перекинуты впереди сѣдла—это личная собственность! Послѣ полудня подошли мы къ рѣкѣ. Надобно было идти въ бродъ и перегнать все стадо. Лошади и рогатый скотъ не затруднялись, но баранамъ и овцамъ приходилось жутко; много ихъ потонуло, какъ ни старались переправлять ихъ частями, но, извѣстно, баранъ глупъ—все жмется въ кучку. Лагерь былъ не вдалекѣ отъ берега, который весь былъ усыпанъ любопытными, обрадованными лакомою добычею. Когда все было переправлено, нашъ маленькій отрядъ перешелъ на ту сторону, построился въ порядкѣ и—„пѣсенники впередъ“—двинулся къ лагерю.

Вскорѣ увидѣли мы А. П. Ермолова, выѣхавшаго къ намъ на встрѣчу. Около него былъ А. А. Вельяминовъ и много штабныхъ, всѣ съ веселыми лицами. Каждой ротѣ, всякой сотнѣ, многимъ лицамъ сказалъ онъ какое-нибудь привѣтственное, обязательное, одобрительное слово или похвалу. Когда приблизились орудія, онъ, глядя на меня, сказалъ:

— Ба, да это нашъ петербургскій! Здравствуй Бриммеръ. Напервыхъ ему посчастливилось, добрый знакъ! Спасибо артилеристы!

Тутъ съ суетливою торопливостью подходитъ маіоръ Павловъ (зять Ермолова, бывшій въ отрядѣ за дежурнаго штабъ-офицера) къ начальнику штаба и громко спрашиваетъ:

— Не прикажете ли изъ лагеря взять казаковъ, чтобы оцѣпить баранту и пересчитать?

— Оцѣпить прикажи, но сегодня не считать, а завтра, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ, чтобы солдаты на вольную руку, еще до счета, могли добыть себѣ шашлыка.

Назавтра, не смотря на поздній счетъ, оказалось 304 лошади, около 500 штукъ рогатаго скота и 12,800 барановъ. Такими распоряженіями добываютъ любовь и признательность солдата.

Въ двадцатыхъ числахъ іюня мы вошли въ баксанское ущелье. Этотъ маршъ памятенъ мнѣ по многимъ особенностямъ. Ущелье рѣки Баксана имѣетъ три названія. Начало его, при входѣ съ равнины, называется гунделенскимъ ущельемъ, по рѣчкѣ, впадающей въ Баксанъ; тутъ дорога хороша. Средняя часть называется кизбурунскимъ, по преданію о какой то дѣвицѣ; въ этой части дорога часто узкая, каменистая, идетъ съ подъемами и спусками и наконецъ прекращается вовсе, ибо Баксанъ течетъ между двухъ скалъ, запирающихъ входъ въ настоящее баксанское ущелье. Тутъ на одной изъ скалъ кабардинскій князь Тау-Султанъ, которому принадлежало баксанское ущелье, написалъ: „*Только другъ проходитъ*“. Мы перешли на правый берегъ Баксана и весь отрядъ потянулся въ гору съ батарейною артилеріею. Мои два конныя орудія, съ значительнымъ числомъ линейскихъ казаковъ, были оставлены въ аріергардѣ, а на горы по лѣвой сторонѣ р. Баксана потянулся баталіонъ Ка-

бардинскаго полка подполковника Якубовича, съ однимъ горнымъ единорогомъ—по тропѣ, проложенной на обрывистомъ скалистомъ берегу Баксана.

Въ этотъ день мнѣ довелось узнать, какъ тяжела аріергардная служба. Пока мы шли по ущелью, то немного, изрѣдка перестрѣливались съ горцами, и тихое, часто остановочное движеніе не утомляло; но когда войска пошли влѣво на гору, движеніе, по частымъ остановкамъ обоза, сдѣлалось несносно-утомительнымъ; а тутъ, на несчастье, пошелъ сильный дождь и растворилъ глинистую почву. Все уже двигалось шагъ за шагомъ, а маркитантскія арбы на волахъ поминутно останавливались. Можно вообразить, какова сдѣлалась дорога, когда обозъ всего отряда размѣсилъ ее. Уже стало крѣпко вечерѣть, а дождь все ливнемъ льетъ. Солдатъ нагнулъ ружье, прячетъ замокъ и плетется по закраинѣ; казакъ надѣлъ башлыкъ, накинулъ бурку и не слѣзаетъ съ усталой лошади; орудіе послѣ каждыхъ двухъ шаговъ останавливается передохнуть. А дождь все льетъ, какъ изъ ведра! Стало темнѣть. Вдругъ пріѣзжаетъ офицеръ съ приказаніемъ ночевать тамъ, гдѣ кто стоитъ. Я слѣзъ съ лошади, мокрый, будто одѣтымъ вышелъ изъ рѣки, дрожалъ и думалъ, какъ бы согрѣться.

— Нельзя ли развести огонь? говорю я фейерверкеру Гузихину.

— Какой огонь, ваше благородіе—какъ льетъ!

— Правда, видно быть безъ чая.

— Какой чай! Вотъ я принесу кизлярки, такъ согрѣетесь—и пошелъ отыскивать маркитанта. Возвращается со стаканомъ подъ буркою и съ булкою.

— Выпейте, ваше благородіе.

— Да я водки съ роду не пилъ!

— Пейте, а не то захвораете—вишь, какъ трясетесь; пейте разомъ!

Я стоялъ, прислонившись къ дереву, и, точно, трясся, но выпить водку не хотѣлъ.

— Эхъ, какіе, ваше благородіе! да выпейте, а то плохо будетъ; вѣдь простая, хлѣбная.

Я схватилъ стаканъ и выпилъ разомъ. Обманулъ, злодѣй—была виноградная, кизлярская, какъ огонь! Что этотъ стаканъ водки произвелъ въ моей внутренности—не знаю, но я швырнулъ стаканъ въ грязь, схватилъ булку, закричалъ—„воды!“—грызъ и глоталъ куски хлѣба и все спрашивалъ воды, потомъ закрывалъ и открывалъ глаза, легъ на землю, еще разъ закрылъ глаза—и болѣе ничего не помню..... Когда фейерверкеръ меня разбудилъ—былъ свѣтъ, дождь прошелъ, лошадей впрягали въ орудія и мы тихо потащились въ гору. У меня во рту было что-то непривычное, какъ изжога, и болѣла голова; часа черезъ два на привалѣ напились чаю—и все прошло..... Вотъ мой первый стаканъ водки; кажется, второго не будетъ.

Къ вечеру весь отрядъ стянулся на вершину горы и расположился лагеремъ, т. е., правильнѣе сказать, что аріергардъ пришелъ къ вечеру, а войска два раза варили кашу. Только-что я успѣлъ у товарищей хлебнуть стаканъ чаю, меня требуютъ къ начальнику артилеріи генералъ-маіору Базилевичу.

— Гдѣ вы были, Бриммеръ, что васъ не сыщутъ?

— Я только-что пришелъ съ аріергардомъ.

— Возьмите ваши четыре мортирки и станьте тамъ справа, впереди лагеря, на закраинѣ горы, съ пѣхотною ротою—вамъ покажутъ мѣсто; да возьмите бурку съ собою, вы останетесь на передовомъ посту всю ночь.

Вотъ и отдыхъ, на который я расчитывалъ всю дорогу, чтобы и бѣлье перемѣнить, и члены поправить. Генеральнаго штаба офицеръ поставилъ пѣхотную роту на обрывѣ горы и въ нѣсколькихъ мѣстахъ секреты. Я съ че-

тырьмя кегорновыми мортирами примкнулъ къ ротѣ. Тутъ мнѣ въ первый разъ показалось, что гг. шитые мундиры безъ толку примѣняютъ свою ученость, зарубивъ себѣ въ памяти, что передъ передовымъ постомъ ставятъ цѣпь, а передъ нею кладутъ секреты. Г. офицеръ не взялъ на себя трудъ всмотрѣться въ мѣстность, а исполнилъ все, какъ изучилъ по книгамъ. Рота стояла на обрывѣ горы; обрывъ этотъ, сажень 40 глубины, былъ ничѣмъ инымъ какъ промоиною, идущею слѣва отъ вершины горы къ самому Баксану и раздѣлявшею насъ отъ противоположной горы, на которой былъ виденъ пикетъ горцевъ. Справа отъ плоской мѣстности, на которой расположена была рота, и въ недальнемъ разстояніи отъ оной была лагерная цѣпь, доходившая до обрыва; слѣва, въ двухъ шагахъ отъ роты, спускалась по окраинѣ обрыва двухъ-аршинной ширины дорожка, шедшая въ глубь промоины и, какъ было видно, круто поднимавшаяся на противоположную гору. Дорожка лежала подъ нами, какъ доска, безъ единаго загиба до самой глубины и, повернувъ на днѣ промоины, также доской поднималась вверхъ. Ясно, кажется, что поставь на верху дорожки двухъ человѣкъ—и достаточно для надзора. Нѣтъ, г. свитскій офицеръ разставилъ пять-шесть паръ по обрыву и, найдя по дорогѣ два куста, положилъ за ними два секрета. Хитро, нечего сказать! Такимъ образомъ до 20 солдатъ было на постахъ и не имѣло покоя, а г. офицеръ, сдѣлавъ дѣло, пошелъ спать. Я говорилъ ротному командиру, чтобы онъ снялъ и секреты, и пары, да пустилъ людей часа на 4 поспать.

— Оно и правда, что они тамъ лишніе, да узнаютъ—плохо будетъ.

— Узнаютъ, такъ намъ спасибо скажутъ, отвѣчалъ я.

Со свѣтомъ я проснулся, разбудилъ Прокофьева—солдата Ширванскаго полка, изъ числа 40 человѣкъ, несшихъ

кегорновыя мортирки и заряды—велѣлъ поставить чайникъ. Покуда онъ сбѣгалъ за водой, развелъ огонь, проснулись пѣхотные господа, и мы за стаканомъ чая начали разсуждать—пойдетъ ли Алексѣй Петровичъ впередъ, и рѣшили единогласно, что пойдетъ, оставивъ орудія и обозы на горѣ. Такъ дѣйствительно и рѣшилась задача. Мы увидѣли изъ лагеря подходящую къ намъ роту 7-го карабинернаго полка и впереди ея, верхомъ, нашего почтеннаго оберъ-квартирмейстера полковника Верховскаго. Капитанъ отрапортовалъ ему о благосостояніи поста, а онъ, въ отвѣтъ, приказалъ ему тотчасъ слѣдовать внизъ вмѣстѣ съ пришедшей ротой.

— А мнѣ прикажете идти? спросилъ я.

— Кажется, нѣтъ; о мортиркахъ я не имѣю никакихъ приказаній.

— Мнѣ сказано быть при ротѣ, на передовомъ посту; рота отходитъ съ него, слѣдовательно и я долженъ идти съ нею.

— Этого я вамъ не могу приказать!—и онъ отъѣхалъ. Рота начала спускаться съ горы. Что было дѣлать?... Приказаній не получаю. Не долго думая, я приказалъ собраться своимъ и за первой ротой потянулся подъ гору—авось и мортирки пригодятся! Это былъ первый самостоятельный, произвольный поступокъ на моемъ солдатскомъ поприщѣ. А потомъ? Потомъ ихъ бывало много, и, слава Богу, что я бралъ на себя дѣйствовать безъ приказаній и не спрашивая ихъ. Богъ видѣлъ чистоту моихъ намѣреній на общую пользу, безъ своекорыстныхъ видовъ, и я всегда кончалъ успѣшно предпринятое мною по собственному произвольному рѣшенію.

Чтобы разорить логовище разбойника кн. Тау-Султана, Алексѣй Петровичъ счелъ достаточнымъ послать двѣ роты и поручилъ это Верховскому, умному, хладнокровному и всѣми уважаемому. Онъ взялъ съ собою шесть ка-

заковъ. Помню, что четыре казацкія лошади имѣли на сѣдлахъ много сумокъ, покрытыхъ бурками.

Весь отрядъ остался на горѣ. Это было 24-го іюня, въ Ивановъ день. Въ предупрежденіе вопросовъ при разсказѣ о нашемъ десятиверстномъ походѣ отъ лагеря до аула Тау-Султана, я долженъ начать съ казаковъ, чтобы показать, какъ прошли лошади, и потому взглянемъ еще на мѣстность.

Выше я сказалъ, что отрядъ съ лѣваго берега рѣки Баксана перешелъ на правый и потянулся въ гору, на которой поставленъ былъ лагерь. Причина этому была та, что горы скалисты и до того сближаются, что оставляютъ для рѣки отъ 6-ти до 10-ти сажень, и Баксанъ, сжатый въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, бушуетъ и пѣнится, какъ собратъ его Терекъ близь Дарьяла. Промоина, о которой я говорилъ и которую мы перешли, чтобы подняться на противоположную гору, тянулась, все уширяясь, до самаго Баксана. Въ дождливое время она несетъ потоки водъ съ горъ въ Баксанъ, но въ то время по ней текли только малые ручейки отъ дождя, выпавшаго два дня тому назадъ. Вотъ по этой-то промоинѣ проводникъ указалъ казакамъ, что должно спуститься въ рѣку и, держась горы у праваго берега, пройти вверхъ по рѣкѣ сажень 30, и какъ теченіемъ своимъ рѣка въ этомъ мѣстѣ бьетъ въ лѣвый берегъ, то хотя несовершенно безопасно, но можно пройти въ бродъ это малое пространство до плоскаго берега и дойти до мѣста, гдѣ пѣхота спустится съ горы, что̀ не далеко.

Спустившись за первою ротою въ промоину или, по-кавказскому—въ балку, я увидѣлъ казаковъ, спускающихся верхомъ внизъ по балкѣ къ р. Баксану. Что бы это значило, что казаки пошли къ Баксану, думалъ я. А Прокофьевъ съ моей буркой на плечахъ и съ переметными сумками въ рукахъ (моя провизія: хлѣбъ, сыръ, чай, сахаръ, чайникъ мѣдный и стаканъ), какъ будто отгадалъ

о чемъ я думаю, говоритъ: „ваше благородіе, вишь, казаки-то въ Баксанъ идутъ, знать, куда мы идемъ—съ лошадьми-то не пройдешь!“ Тянемся мы на гору по тропинкѣ и добрели на высоту съ зеленью—мѣсто довольно ровное. Солдаты передо мною остановились; остановилъ и я своихъ и пошелъ посмотрѣть, что дѣлается впереди. Вижу—пѣхота спускается съ крутой плоскости гуськомъ по проложенной тропѣ, и спускъ дѣлается что дальше, то круче. Подвинулся впередъ, гляжу—и глазамъ не вѣрю: спалзываютъ на четверенкахъ! Побѣжалъ назадъ къ своимъ, разсказываю, что видѣлъ и давай распоряжаться, чтобы мортирки и станки спускать осторожно. Пошли и мы въ концѣ первой роты. Я пропустилъ мортирки и станки впередъ, потомъ пошелъ самъ, упираясь на шашку, за мною Прокофьевъ, тамъ прочіе съ зарядными сумами. Однако, сдѣлалось такъ круто, что, хоть смѣшно, но я легъ и поползъ, какъ другіе, задомъ, держась за траву. Такъ какъ плоскость этой крутой отлогости была обширная и заросшая только травою, то видно было, какъ она дѣлалась все круче, но по тропѣ уже отъ ногъ образовалось вродѣ ступеней, что̀ облегчало нашу маршировку задомъ. Наконецъ я слышу кто-то говоритъ: „прыгай проворнѣе, бросай ее на бурку проворнѣе!“ Я оглянулся: на площадкѣ въ аршинъ ширины и сажени полторы длины стоитъ унтеръ-офицеръ и не позволяетъ никому задумываться. Только-что я сталъ на площадку, какъ онъ кричитъ: „прыгайте, ваше благородіе!“ —и прыгнулъ я аршина три съ половиною, если не четыре. Тутъ я нашелъ полковника Верховскаго, всѣхъ казаковъ и роту пѣхоты—мы были въ баксанскомъ ущельи. Покуда другая рота спускалась и прыгала, мы отдохнули и поѣли хлѣба и сыру. Я далъ булочку Евстафію Ивановичу Верховскому, чтобы ему не развьючивать лошадей своихъ. Да, полковнику Верховскому, полагаю, этотъ спускъ былъ

чувствителенъ. Онъ былъ высокаго роста, вершковъ 11-ти, и съ больными ногами; чтобы безопасно спрыгнуть, ему высоко набросали солдатскихъ шинелей. Все прошло благополучно, только одинъ барабанъ 2-й роты съ самой вершины то катился, то прыгалъ, пока не скакнулъ внизъ.

Увы, хотя мы были въ баксанскомъ ущельи и теперь шли по ровной плоскости, подъ шумъ ревущей рѣки, но до аула Тау-Султана намъ предстояли трудности чуть ли не хуже этого смѣшного спуска. Пройдя около двухъ-трехъ верстъ по ровному ущелью между высокихъ скалистыхъ горъ, изъ-за которыхъ высились снѣжныя вершины Кавказа, ярко освѣщаемыя солнцемъ, мы опять подошли къ узкому мѣсту, гдѣ ревѣлъ и брызгалъ Баксанъ, сердясь, что не имѣетъ простора для своего теченія, и опять взяли влѣво въ гору, все идя вверхъ по теченію рѣки. Сначала все шло хорошо и хотя скоро берегъ опять сталъ отвѣсною скалою, но мы шли довольно широко по травѣ. Это продолжалось, однако, не долго. Наша поляна начала съуживаться и мы подошли къ отвѣсной скалѣ, въ которой образовался каменный навѣсъ надъ рѣкою. Теченіе здѣсь било съ яростью въ скалу праваго берега, по которому мы шли подъ угломъ въ 50°—60°, и такъ какъ въ этихъ мѣстахъ искусство и настойчивость человѣка еще не борятся съ природою, то рѣка, имѣя вѣчно съ собою своего неутомимаго спутника, время, дробила скалу, не смотря на гордую крѣпость ея, и, ревомъ своимъ какъ бы издѣваясь, брызгала, въ исполина пѣнныя струи свои. Этотъ каменный навѣсъ, длиною сажень въ 30, то съуживался до двухъ аршинъ, то расширялся до 3-хъ сажень, имѣя по всему протяженію сквозныя дырья отъ аршина до сажени въ діаметрѣ. Подъ этою дорогою, черезъ дырья, саженяхъ въ 4-хъ, видна была ревущая рѣка, брызги которой долетали до насъ. Не надо забывать, что мы находились на большомъ хребтѣ

Кавказа, гдѣ по склону ущелій теченіе рѣкъ быстрое. Эти сквозныя дырья или провалы были довольно часты и иногда оставляли мало мѣста для прохода, особенно для коней. Одна не очень податливая лошадь не хотѣла идти между двухъ большихъ провалинъ; ее ударили сзади, она попятилась въ бокъ и упала съ вьюкомъ въ Баксанъ, который, конечно, далеко-далеко унесъ ее, можетъ быть, за гунделенское ущелье. Это была единственная жертва, которою мы поплатились на этомъ переходѣ. Солдаты прозвали этотъ мостъ чертовымъ мостомъ.

Вскорѣ мы спустились опять въ ущелье и пошли ровною мѣстностью, видимо, поднимаясь. Мы должны были торопиться походомъ своимъ, чтобы застать аулъ врасплохъ, но можно ли торопиться по такой дорогѣ? И все-таки, можетъ быть, мы захватили бы всѣхъ жителей, если-бы четыре казака, ѣхавшіе впереди, увидя при поворотѣ дороги передъ ауломъ нѣсколько барановъ, не поскакали ихъ отбивать. При стадѣ были три пастуха; одинъ поскакалъ въ деревню, два другіе выстрѣлили изъ-за камней и ранили казачью лошадь, которая упала. Казаки остановились и порѣшили послать назадъ дать знать, чтобы, молъ, торопились, а то жители уйдутъ.

Торопиться! А мы были еще за три версты. Прибавили шагу, но, увы, ни барановъ, ни жителей не нашли въ деревнѣ. Пробѣжали аулъ; за нимъ широкая поляна, замкнутая передъ нами двумя отвѣсными скалами, между ними Баксанъ и крѣпкій завалъ, за который отъѣзжали послѣдніе арбы и гнали отсталыхъ барановъ. За этимъ заваломъ были уруспійцы. Пока мы бѣжали къ завалу, насъ частили выстрѣлами съ лѣвой горы. Полковникъ приказалъ поставить мортирки противъ завала. Бросили 30 гранатъ; много рвало на воздухѣ—значитъ, дурныя были трубки; но гранатъ десять, кажется, упали въ завалъ. Полковникъ

спросилъ меня, много ли у меня зарядовъ?—По 15-ти на мортирку, всего 60 взято.—„Такъ перестаньте“. На завалъ не пошли. Съ горы изъ-за каменьевъ выстрѣлы участились, вѣроятно, въ виду нашей нерѣшительности. Приказано отойти къ деревнѣ. Кажется, полковникъ Верховскій не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности за потерю людей (видимо, что, посылая отрядъ къ Тау-Султану, генералъ расчитывалъ застать его врасплохъ), которыхъ Алексѣй Петровичъ щадилъ еле возможно, и потому послалъ проводника назадъ съ запискою къ начальнику штаба. Былъ уже восьмой часъ вечера, когда мы вошли въ деревню. Я занялъ себѣ и для команды двѣ сакли, и такъ какъ было довольно холодно, то вскорѣ вездѣ запылали огоньки. Нельзя не упомянуть, что мы, къ великому нашему изумленію, увидѣли въ аулѣ князя Тау-Султана, въ ущельи главнаго снѣжнаго хребта Кавказа, русскую рубленую хату, чистую, просторную, на двѣ половины, съ сѣнями, съ крылечкомъ, съ вычурными украшеніями. Подлѣ хаты огородъ; въ немъ лукъ, рѣдька, огурцы—все въ росту; по рѣдьку нашли въ закромѣ—славная, черная, горькая. На дворѣ былъ холодный родникъ чистѣйшей воды. Откуда этотъ русскій бытъ могъ войти внутрь Кавказа, когда нога русская здѣсь не была? Отвѣтъ: князь Тау-Султанъ укралъ изъ Павловской станицы (25 верстъ отъ Георгіевска) казачку, красавицу Марью, и такъ полюбилъ ее, что ни за какія деньги не хотѣлъ выдать, и вотъ она-то хозяйничала у него на русскій ладъ.

Нельзя не разсказать здѣсь о продѣлкѣ нѣсколькихъ ширванскихъ солдатъ. Когда мы подошли къ деревнѣ, полковникъ оставилъ по сю сторону аула взводъ солдатъ при офицерѣ, а съ прочими, какъ выше сказано, перешелъ за аулъ. Солдаты, поотдохнувъ, начали разглядывать мѣстность и примѣтили на ближней снѣговой горѣ какія-то

точки. Пошли толки—что бы это было? Порѣшили, что это должны быть бараны и что хорошо бы ихъ отогнать. Доложили офицеру; тотъ и самъ не прочь отъ удальства, но, какъ человѣкъ практичный, облекъ все въ служебную форму: послалъ унтеръ-офицера съ 20 рядовыми на ближнюю гору, къ сторонѣ барановъ, въ пикетъ, для высматриванія непріятеля, наказавъ ему быть осторожнымъ. Взойдя на гору, 8 охотниковъ изъ пикета, не теряя времени, отправились далѣе и добрели до снѣговой горы. Пастухъ гонитъ стадо дальше, бараны противятся, разбѣжались; собака то мечется за баранами, то лаетъ на солдатъ. Наши все ближе, а бараны бѣгутъ на встрѣчу. 114 штукъ согнали благополучно, но не всѣхъ; около полуночи вернулись къ взводу и давай шашлыки на шомполахъ жарить. На другой день изъ лагеря рано утромъ послана была рота раздѣлать дорогу. Нашли, гдѣ устроить спускъ—не далеко отъ того мѣста, гдѣ мы прыгали—и фашинами заложили, по возможности, крѣпко дырья на навѣсѣ, такъ что возвращались мы припѣваючи. Такъ какъ Алексѣй Петровичъ, кажется, былъ недоволенъ, что не взяли аулъ врасплохъ, то къ намъ въ 9 час. утра пріѣхалъ начальникъ штаба Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ. Между тѣмъ на горахъ опять показались горцы, но за заваломъ не было видно ни души. Генералъ призвалъ меня: „много выпустили зарядовъ?“ —Тридцать, половину того, что взяли съ собою.—„Съ лѣвой стороны Баксана переправятъ горное орудіе—подите и примите его.“

Тутъ умѣстно сказать два слова о баталіонѣ, шедшемъ по лѣвому берегу р. Баксана, при которомъ было одно горное орудіе, безъ лошадей. На послѣднемъ ночлегѣ, передъ поворотомъ въ гору, приказано было для горнаго орудія выдолбить чурбанъ, имѣя въ виду, что по горной тропѣ, по которой предстояло идти на лѣвомъ берегу Баксана,

нельзя было проходить лошадиному вьюку. Баталіонъ Кабардинскаго полка маіора Якубовича перешелъ въ бродъ Баксанъ, а орудіе—6-ти фун. горный единорогъ на четырехъколесномъ англійскомъ лафетѣ—перевезли на лошадяхъ; на берегу его разобрали и понесли всѣ части на рукахъ; орудіе же потащили въ чурбанѣ. Скоро чурбанъ бросили и взяли на руки семи-пудовое орудіе, привязавъ скобами къ дрючку. Потянулись наши кабардинцы въ гору тропою въ аршинъ ширины, имѣя слѣва обрывъ, а справа гористыя скалы, то спускаясь, то поднимаясь и изрѣдка отдыхая на ровной мѣстности. Впереди шелъ унтеръ-офицеръ и 4 рядовыхъ съ проводникомъ, и хотя дорога была трудненька—крутые, узкіе, частые спуски и подъемы по гладкому камню, особенно во время дождя, затрудняли шествіе—но все же помаленьку, съ роздыхами, подвигались впередъ.

Болѣе всѣхъ, конечно, измучился маіоръ Якубовичъ, непомѣрная толщина котораго, казалось, не была вовсе сподручна для усиленныхъ служебныхъ путешествій по горамъ. Упираясь на палку, тутъ и тамъ поддерживаемый, отдыхая, закусывая для подкрѣпленія силъ, онъ, крихтя и ругаясь, плелся между ротами. Но, вообразите ужасъ храбраго, почтеннаго маіора: тропа пропала и передъ нимъ скала! Влѣво обрывъ, вправо скала, а въ скалѣ разсѣлина, въ которую исчезла рота, шедшая передъ нимъ....—„Ничего, ваше высокоблагородіе, тутъ можно пройти“, говоритъ ему изъ разсѣлины унтеръ-офицеръ; но разсѣлина-то до того узка, что толстый маіоръ не пролѣзаетъ. Онъ становится на носки, вытягивается елико возможно, чтобы утонить свою тучность; унтеръ-офицеръ тянетъ его спереди, офицеръ пихаетъ сзади; маіоръ пыхтитъ и багровѣетъ.... новый натискъ—и маіоръ вышелъ изъ защемленія; еще шаговъ пять-шесть—его приняли опять на тропу, и рота, спустившись на довольно просторную мѣстность, не вдалекѣ отдыхаетъ.

Гдѣ прошелъ Якубовичъ, тамъ легко прошло разобранное орудіе. Такимъ путемъ и съ такими же трудностями кабардинцы дошли до лѣваго берега Баксана, противъ аула князя Тау-Султана.

Я пошелъ къ берегу и вижу, что люди перетаскиваютъ орудіе въ бродъ черезъ шумно ревущій Баксанъ. Проводникъ впереди показывалъ дорогу, косвенно по теченію рѣки, и люди, не смотря на быстрое теченіе и на торчащіе камни, благополучно переправились. Орудіе притащили на площадку къ пѣхотѣ. Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ послалъ полковника Верховскаго (каково было полк. Верховскому со слабыми, длинными ногами!), съ ротою, оттѣснить горцевъ съ покатости горъ и подойти по склону горы во флангъ завалу, запиравшему уруспійское ущелье, а если за заваломъ увидитъ горцевъ, то онъ самъ съ пѣхотой пойдетъ на завалъ съ фронта. На горѣ завязалась перепалка; горцы скоро оттѣснены безъ потери; завалъ оказался совершенно оставленнымъ; за нимъ нашли двухъ убитыхъ лошадей и въ разныхъ мѣстахъ кровь, чья—барановъ или людей—не знаемъ.

Генералъ Вельяминовъ приказалъ отходить за деревню, а орудіе опять перевезти на ту сторону. Я просилъ орудіе везти по этой сторонѣ, ссылаясь на артилеристовъ, увѣрявшихъ, что тамъ ужасная дорога, и разсказалъ объ разсѣлинѣ.—„Пустяки, братецъ, отправь на ту сторону“. Жаль мнѣ было людей, а дѣлать нечего. Пришли къ Баксану; воды, кажется, больше чѣмъ утромъ. Потащили орудіе, сзади держатъ веревками; идутъ—ничего, подвигаются; но вотъ все быстрѣе потокъ, люди еле двигаются; не дошли и до половины, вижу—орудіе перевернуло и лѣвое заднее колесо несетъ Баксанъ. Къ счастію, тутъ остановилась карабинерная рота. Я прошу ротнаго командира штабсъ-капитана князя Гурамова помочь бѣдѣ. Гурамовъ, молодецъ, сбросилъ

въ мигъ платье, кричитъ—„за мной ребята!“—и человѣкъ десять, взявшись за руки, побрели въ Баксанъ; за ними еще нѣсколько охотниковъ съ веревками отъ казачьихъ вьюковъ. Гурамовъ впереди всѣхъ, подпрыгивая въ одной рубахѣ, скоро добрался до орудія, но фаланга шла медленно, и, можно вообразить, какъ я боялся, чтобы Баксанъ не сшибъ кого съ ногъ. Наконецъ всѣ спасатели были у орудія, перевязали накрѣпко и, бережно поддерживая ось, перетащили его обратно на берегъ, но, увы—безъ колеса! Нашли въ аулѣ аробное и, clopin-clopant, потащили орудіе по правой сторонѣ въ лагерь. Осмотрѣвъ его, я увидѣлъ, что во время паденія орудія сломалась чека, верхняя часть которой, съ ремешкомъ, была на концѣ оси хорошо пристегнута. Слѣдственно неисправности не было, а просто—„грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ!“ Дѣло въ томъ, что бродъ былъ одинъ; съ лѣваго берега орудіе шло по теченію, а съ праваго должно было идти противъ онаго, и вода къ полудню прибавилась.

Часу въ десятомъ вечера пришли благополучно въ лагерь, очень тѣсно стоявшій на горѣ. Отыскавъ штабъ, я поразспросилъ—гдѣ палатка начальника артилеріи, чтобы донести о своемъ прибытіи и о случившемся. Адъютантъ отворилъ полу солдатской палатки и я увидѣлъ на буркѣ лежащаго генералъ-маіора Александра Ивановича Базилевича.

— Ваше превосходительство, честь имѣю явиться, прибылъ изъ экспедиціи въ аулъ Тау-Султана; выпущено 30 зарядовъ изъ кегорновыхъ мортиръ; горный единорогъ (начальникъ артилеріи машетъ рукою, чтобы я тише говорилъ) также прибылъ со мною, потому что на обратной переправѣ (опять машетъ рукою) черезъ бродъ его перевернуло.....

— Что тамъ такое?—слышится снаружи.

— ....И Баксанъ унесъ заднее колесо....

— Какъ унесъ колесо? Кто это у тебя, Александръ?— опять тотъ же голосъ.

Начальникъ артилеріи всталъ, проговорилъ адъютанту: „напойте его чаемъ“—и ушелъ.

Дѣло въ томъ, что Алексѣй Петровичъ лежалъ тоже въ солдатской палаткѣ, разбитой подлѣ палатки начальника артилеріи, и обѣ палатки стояли такъ близко, что были привязаны къ однимъ колышкамъ, слѣдственно все, что говорилось у начальника артилеріи, было слышно у главнокомандующаго и, обратно, я слышалъ, что́ говорилось у главнокомандующаго.

— Кто это у тебя?

— Бриммеръ вернулся съ Алексѣемъ Александровичемъ изъ аула Тау-Султана; при переправѣ обратно орудія черезъ Баксанъ, его перевернуло и унесло колесо.

— Значитъ, чека не была пристегнута, и потому ты арестуй его.

Въ этотъ моментъ къ намъ въ палатку деньщикъ приноситъ стаканъ чаю, и я говорю адъютанту:

— Чека была пристегнута, но она сломалась, я ремень („тише!“ говоритъ адъютантъ) со сломаннымъ кускомъ показывалъ Алексѣю Александровичу.... А изъ другой палатки слышится:

Все-таки арестуй, не смотря, что хорошій офицеръ.

— Да ужъ на этотъ разъ простите его!

— А, тезка, здравствуй! Ну, что? Ты знаешь, что у горнаго орудія колесо снесло въ рѣку?

— Вода была большая къ полудню, орудіе опрокинуло, чека сломалась; хорошо, что карабинеры скоро орудіе вытащили на берегъ.

Это говорилъ г. Вельминовъ, вошедшій въ палатку генерала Ермолова.

— Ну на этотъ разъ, пускай ужъ такъ Бриммеру сойдетъ.

Въ нашу палатку вернулся начальникъ артилеріи и говоритъ мнѣ: „ступайте, отдохните—завтра рано походъ". Я отправился, но слышанный мною разговоръ не давалъ мнѣ заснуть; къ утру только забылся.

Хотя и не удалось захватить врасплохъ аула кн. Тау-Султана, разбойничавшаго въ нашихъ предѣлахъ, но гнѣздо его сожгли и доказали горцамъ, что нѣтъ для насъ непроходимыхъ мѣстностей на Кавказѣ и что вездѣ мы найдемъ и накажемъ разбойниковъ. Уруспійцы, испуганные сожженіемъ аула, пришли въ гунделенскій лагерь съ покорностью. Итакъ самонадѣянная надпись—„Только другъ проходитъ"—оказалась несправедливою.

26-го іюня отрядъ выступилъ рано тою же дорогою и, пройдя кизбурунское и гунделенское ущелья, остановился на равнинѣ лагеремъ; я съ казацкими орудіями былъ въ авангардѣ.

Генералъ Ермоловъ предпринялъ эту экспедицію въ Кабарду для проложенія прямой дороги изъ Екатеринограда во Владикавказъ, и такъ какъ это была единственная тогда дорога изъ Россіи въ Грузію, то онъ хотѣлъ обезопасить ее и потому предположилъ выселить изъ горъ кабардинцевъ на плоскость между дорогою, идущею отъ Ставрополя во Владикавказъ, и подошвою отроговъ Кавказа, а у выходовъ ущелій изъ горъ поставить полевыя укрѣпленія, чтобы жители, выселенные изъ горъ, были между нашими укрѣпленіями и нашими казацкими станицами, лежащими по лѣвому берегу р. Малки и по правому р. Кубани. Но какъ дорога между Екатериноградскою станицею на Малкѣ и Владикавказомъ на Терекѣ шла на протяженіи ста верстъ между выселившимися кабардинцами, въ отдаленіи отъ нашихъ станицъ и близъ подошвы горъ, то здѣсь

сообщеніе производилось только два раза въ недѣлю, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты и двухъ орудій. На этой дорогѣ также были выстроены, кажется, четыре полевыя укрѣпленія: Пришибъ, Нальчикъ, Урухское и Ардонское. Три послѣднія названы по рѣкамъ, вытекающимъ изъ ущелій Кавказа, а первое—въ память убіенія здѣсь трехъ казаковъ разбойниками. При донесеніи объ этомъ происшествіи было написано, что разбойники *пришибли* казаковъ. У выхода р. Баксана изъ гунделенскаго ущелья было поставлено первое укрѣпленіе и названо Баксанскимъ. Для постройки его былъ отдѣленъ отрядъ войскъ; постройка поручена была артилерійскому офицеру п. Горячко, исполнившему хорошо порученіе. Послѣ нѣсколькихъ дней стоянки близь р. Баксана, употребленныхъ на выборъ мѣста, разбитіе укрѣпленія, на заготовленіе лѣса и проч., Алексѣй Петровичъ двинулся съ отрядомъ на Кубань къ Каменному мосту.

Здѣсь я долженъ разсказать маленькій безстыдно-траги-комическій случай, доказывающій, какъ артилерійскій выстрѣлъ много зависитъ отъ глаза артилериста. На горахъ противъ лагеря часто показывались горцы и глазѣли на насъ, конечно, съ желаніемъ скорѣе имѣть удовольствіе убѣдиться въ нашемъ уходѣ. Когда кучки ихъ были небольшія или они стояли довольно отдаленно и не стрѣляли, ихъ оставляли въ покоѣ удовлетворять свое любопытство; но случалось, что они подкрадывались и изъ-за дерева стрѣляли; ну, тогда и наши въ цѣни не оставались въ долгу, а иногда и ядро пускали въ большую кучку, чтобы отогнать ихъ. Въ послѣдній день нашей стоянки, во время солдатскаго обѣда, когда люди расположились на травѣ около чашъ и котловъ, съ молитвою приступая къ подкрѣпленію силъ на службу царскую, мы видимъ, что одинъ горецъ отдѣлился отъ кучки своихъ, взошелъ на ближній отрогъ горы, въ видѣ совершенно голаго конуснаго холма, началъ

ругаться и высовывать языкъ. Солдаты смѣялись. Но вотъ онъ оборачивается задомъ, показываетъ рукой на часть тѣла между спиной и ногами и наконецъ, безстыдникъ, спускаетъ съ себя ту часть одежды, которую англичане, изъ скромности, называютъ невыразимыми, и, негодный человѣкъ, въ то время, какъ наши принимали въ себя даръ Божій, онъ дѣлаетъ противное..... Вдругъ, слышимъ мы выстрѣлъ. Не успѣли прослѣдить за полетомъ, какъ видимъ, что ядро ударило на вершинѣ холма въ ту часть тѣла безстыднаго горца, которую онъ намъ показывалъ рукою! Вотъ это прицѣльный выстрѣлъ! Артилеристы батарейной роты 19-й бригады разсказывали мнѣ, что этотъ горецъ уже нѣсколько дней продѣлывалъ эти безобразія. Многимъ пѣхотнымъ хотѣлось его подстрѣлить, но холмъ былъ голый и отдаленъ, и съ ружьемъ подойти было бы неуспѣшно, а такъ какъ батарейная рота стояла противъ ущелья, т. е. фронтомъ къ холму, то солдаты едва только увидѣли, что горецъ опять показался на горѣ, попросили у офицера позволенія зарядить ядромъ 12-ти фун. пушку средней пропорціи и были готовы, когда горецъ сѣлъ.... Что потомъ—видѣлъ весь отрядъ.

Опять потянулся отрядъ по плоскости вдоль подошвы лѣсистыхъ отроговъ Кавказа, по высокой травѣ, испещренной разнообразными цвѣтами. День былъ крѣпко жаркій. Тьма оводовъ облѣпливала лошадей, кружилась у нашего лица—то въ лобъ ударится, то за носъ укуситъ, то съ уха сгонишь. Всѣ мы, отъ мала до велика, имѣли въ рукахъ по древесной вѣткѣ или по пучку травы. Особенно жаль было лошадей, паче сѣрыхъ—ну, точно попона, насядутъ на нихъ овода. Бѣдныя—машутъ хвостомъ, мотаютъ головой, бьютъ копытомъ, останавливаются, визжатъ съ досады, а оводы пьютъ себѣ кровь ихъ и лакомятся такимъ изобильнымъ пиршествомъ. И люди, и лошади измучились въ этой пре-

лестной зеленой равнинѣ. Но, вотъ—разбиваютъ лагерь на невысокой плоскости послѣдняго отрога; тутъ оводовъ нѣтъ, и прохладой вѣетъ изъ ущельевъ горъ, и дрова изъ лѣсу, и вода изъ чистаго ручья близко. Но что это за кучи каменьевъ спрятались въ густой зеленой травѣ? Увы—мы расположились на чумномъ кладбищѣ. Можете вообразить, какъ расходился Алексѣй Петровичъ! Не было спуска никому, кто къ нему приближался. Въ пылу первой минуты онъ всегда таковъ! Тутъ насмѣшливое язвительное краснорѣчіе, съ видимымъ оттѣнкомъ побранки, изливается потокомъ и тутъ-то маститый герой преображается въ златоуста. Откуда берется это сочетаніе словъ для вѣрнаго выраженія оригинальной, картинной мысли..... Всюду, въ части войскъ, побѣжали офицеры, чтобы никто не смѣлъ разбирать каменьевъ. Дѣло въ томъ, что эта мѣстность, по сосѣдству съ анапскимъ пашалыкомъ (на правой сторонѣ Кубани), первая зачумилась и богатыя кабардинскія деревни превратились въ чумныя кладбища. Но, слава Богу, бѣду стряслн безъ послѣдствій и рано-рано утромъ отрядъ выступилъ по дорогѣ къ Каменному мосту.

Болѣе мы не видѣли вооруженныхъ непріятелей предъ собою—почти всѣ перебрались за Кубань къ туркамъ; малая же часть попряталась въ ущельяхъ вѣчно бѣлаго хребта Кавказа. Осмотрѣвъ мѣстность на вершинахъ Кубани, мы вернулись назадъ.

Какъ артилеристъ, не могу умолчать еще объ одномъ выстрѣлѣ, сдѣланномъ моимъ любезнымъ урядникомъ Гузихинымъ, тѣмъ самымъ, который поднесъ и принудилъ меня выпить первый и, кажется, единственный опорожненный мною въ жизни стаканъ водки. Урядникъ Гузихинъ имѣлъ между казаками-артилеристами репутацію вѣрнаго глаза. Когда мы подошли къ Каменному мосту, то по лѣвой сторонѣ рѣки разъѣжало много вооруженнаго народа.

Такъ какъ по ту сторону рѣки былъ уже анапскій пашалыкъ, принадлежащій Турціи, то, поставивъ передъ мостомъ два казачьихъ орудія и разсыпавъ по берегу нѣсколько стрѣлковъ, приказано было, пока горцы или турки, разъѣзжавшіе за рѣкой, не будутъ стрѣлять, и намъ не начинать, хотя бы они подъѣзжали и къ самому берегу; если же отъ нихъ будутъ стрѣлять—выстрѣлами отогнать ихъ отъ берега. Пока мы располагались лагеремъ, зарѣчныя толпы все увеличивались, но держались на благородной дистанціи, такъ что казаки моихъ двухъ аріергардныхъ орудій, поставленныхъ передъ мостомъ, расположились отдыхать. Но зарѣченскіе молодцы не могли долго довольствоваться однимъ глядѣньемъ: конные начали отдѣляться отъ кучекъ и, гарцуя, все ближе подвигались къ рѣкѣ. Вдругъ человѣкъ пять подскакиваетъ вразсыпную и каждый—по выстрѣлу..... Наши стрѣлки имъ отвѣтили, но они бодро продолжали разъѣзжать.—„Гузихинъ, наведи въ кучку, да хорошенько, и ударь—авось, такъ скорѣе уйдутъ,“ сказалъ я уряднику. Гузихинъ нагнулся къ 6-ти фун. пушкѣ, заряженной ядромъ, подставилъ на линію прицѣла два большіе пальца и черезъ уголъ соединенныхъ суставовъ (практическій способъ наводки у казаковъ, у кого хорошій глазъ) и мушку навелъ на кучку людей.

— Прикажете, ваше благородіе?

Я посмотрѣлъ, думаю—хорошо.—„Бей!“—Выстрѣлъ—кучка разбѣжалась, но одно тѣло осталось на мѣстѣ; отъ берега молодцы ускакали. Орудіе подвинули на прежнее мѣсто, выбанили и опять зарядили. Гузихинъ говоритъ:

— Ваше благородіе, надобно опять навести орудіе на это мѣсто—придутъ за тѣломъ.

— Пожалуй, наведи, да неужели ты думаешь, что попадешь другой разъ въ то же мѣсто?

— А, можетъ быть, и попаду!

Навелъ. Казакъ съ пальникомъ сталъ небрежно у колеса, а пальникъ держитъ на лафетѣ, чтобы огонь не былъ видѣнъ.

— Что, братъ, никто не идетъ.

— Непремѣнно придутъ, ваше благородіе; они тѣла не оставятъ, это стыдно по ихнему.

Точно, не прошло и получаса, какъ нѣсколько всадниковъ вразсыпную приближаются къ тѣлу. Вотъ одинъ спускается съ лошади, которую принялъ другой; пѣшій ползетъ по травѣ къ тѣлу, прочіе все ѣздятъ вокругъ. Гузихинъ лежитъ на берегу, смотритъ и вдругъ кричитъ: „правая!“ Выстрѣлъ—Гузихинъ вскакиваетъ: „пошало, лежитъ другой; теперь ужъ не придутъ—уберутъ тѣла вечеромъ.“ Вотъ и это прицѣльный выстрѣлъ! Увидѣвъ гдѣ ударило ядро, я закричалъ: „ай, молодецъ,“... да и не договорилъ. И вправду, выстрѣлъ прекрасный, удалой, но вѣдь совершенно безполезный для насъ, а стоилъ смерти человѣку. И какъ часто это бываетъ на войнѣ. Ну, впрочемъ, задать страху также хорошо—впередъ пригодится.

Съ Каменнаго моста мы вернулись назадъ; ни мы горцевъ, ни они насъ болѣе не тревожили. Былъ августъ мѣсяцъ, жара стояла сильная, хотя мы шли все у подошвы Кавказа. Такъ дошли до Кисловодска, гдѣ Алексѣй Петровичъ остался недѣли на двѣ, а отрядъ распредѣлили для постройки полевыхъ укрѣпленій при выходѣ ущелій на долину.

На этомъ обратномъ походѣ, я припоминаю множество осъ, буквально облѣпливавшихъ нашихъ лошадей и впивавшихся имъ въ морды. Особенно сѣрыя и рыжія лошади были покрыты ими, какъ попонами. Кровь такъ и струилась по лошадямъ, которыя съ безпокойствомъ мотали головами, били себя хвостами, останавливались, топали ногами и подпрыгивали. Всѣ эти эволюціи были весьма не-

пріятны сѣдокамъ, которые, отмахиваясь вѣтками и травою отъ осъ и мухъ, должны были еще унимать лошадей своихъ. Можно было вообразить свирѣпую нетерпѣливость Алексѣя Петровича, у котораго маленькій сѣрко былъ облѣпленъ осами. Одинъ штабный офицеръ, веселый малый, проѣзжая мимо меня, говоритъ: „хочешь послушать, какъ старикъ ругается; никому нѣтъ спуску; всѣ держатся отъ него подалыше; и тезкѣ (Вельяминову) достается.“ Мы приблизились къ группѣ офицеровъ, ѣхавшихъ позади Алексѣя Петровича и, увы, услышали, что, перебравъ всѣхъ окружающихъ—тотъ близко подъѣхалъ и осъ съ собой привезъ; этотъ, отмахивая отъ себя осъ, гонитъ ихъ на него: „ужъ пускай бы, сударь, вашу лошадь кусали, да и у васъ-то крови много у самихъ, нечего гнать ихъ на насъ“, и прочее въ этомъ родѣ—онъ взялся за мірозданіе. „Увѣряютъ, что все отлично-хорошо создано на свѣтѣ. Мудрецы, а все нѣмцы! Въ халатѣ, за стаканомъ пива ему хорошо. Не угодно ли пожаловать сюда въ Кабарду, г-нъ Gelehrter! Пускай-ка осы васъ покусаютъ, да потомъ и разскажите намъ—зачѣмъ созданы осы, комары, мухи и нѣмцы, и что отъ нихъ пользы?“ Непріятное расположеніе духа выражалось въ такихъ затѣйливыхъ фразахъ и такъ отчетисто, что даже въ самыхъ мелочахъ невольно удивляли и сочетаніе мыслей, и подборъ словъ, и всегда добродушный юморъ. Доѣхали до рѣчки, текущей изъ ущелья, и осы оставили насъ. Алексѣй Петровичъ первый сталъ смѣяться надъ тѣмъ, какъ иногда ничтожное насѣкомое можетъ разстроить расположеніе духа порядочнаго человѣка, и, обращаясь къ одному офицеру, которому сказалъ, чтобы отъѣхалъ отъ него, что онъ ему осъ привезъ:

— А вы, милостивый государь, думали, что я и вправду сердился? Совсѣмъ нѣтъ; я только хотѣлъ къ вамъ придраться, чтобы хоть разъ выговоръ сдѣлать; а какъ, по от-

личной вашей службѣ, вы не дозволяете себѣ выговаривать, такъ вотъ я и придрался, чтобы вы не зазнавались.

Такими рѣчами съ молодыми офицерами генералъ Ермоловъ привлекалъ къ себѣ сердца подчиненныхъ. Еслибы всѣ начальники знали, какъ ласковое слово ихъ много значитъ! Но чтобы понять это—надобно умъ и сердце.

На одномъ изъ переходовъ генералъ взъѣхалъ на высокій холмъ, слѣзъ съ лошади и сталъ осматривать окружающую мѣстность. Когда пришлось сходить съ крутой покатости, оказалось, что она обросла до того скользкою травою, называемою „веперинъ волосъ“, что трудно было спускаться. Какой-то шалунъ разостлалъ бурку, сѣлъ на нее и, подталкивая шашкою, покатилъ внизъ. Примѣръ нашелъ подражателей, и горка покрылась катящимися бурками.

Уже нѣсколько дней мы все какъ бы огибали Эльборусъ (Шатъ-гора). Не доходя, кажется, двухъ переходовъ до Кисловодска, въ раннее утро, Ермоловъ, взявъ съ собою двѣ роты пѣхоты, сотню казаковъ и мои два конно-казачьи взвода, пошелъ въ ущелье. Я никакъ не понималъ, для чего съ такими малыми силами самъ генералъ пустился въ ущелье; но вскорѣ узналъ, что Алексѣй Петровичъ хотѣлъ посмотрѣть на Эльборусъ. Когда пришли къ мѣсту, откуда слѣдовало подниматься на гору, сотня казаковъ, рота пѣхоты и одно орудіе были оставлены внизу, а мы потянулись на верхъ. На полдорогѣ оставили еще взводъ съ нѣсколькими казаками и полроты пѣхоты. Я съ орудіемъ и конвойные казаки генерала начали взбираться по тропѣ, которая съ каждой минутой становилась круче. Наконецъ, часамъ къ девяти утра, выбрались на просторную зеленую поляну, на самой вершинѣ горы. Тутъ мы всѣ повалились на землю, чтобы отдохнуть, ибо крутизна дороги всѣхъ утомила. Мы были на скалистой горѣ, отвѣсный каменный обрывъ которой, вѣрно, былъ сажень сто и болѣе. Эльбо-

русъ скрывался за туманомъ. Этотъ туманъ разсердилъ Алексѣя Петровича; онъ препятствовалъ видѣть кавказскаго великана, притомъ сырость болѣзненно дѣйствовала на его раненую ногу. Старикъ началъ бранить туманъ, увѣрялъ, что онъ всегда ложится невпопадъ, что здѣсь и безъ него сыро и прочая. Потомъ, подойдя къ орудію, приказалъ мнѣ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ—не разгонитъ ли сотрясеніе воздуха туманъ. Тутъ нѣсколько приближенныхъ господъ тоже подошли къ орудію и сказали, что туманъ началъ подниматься.—„А вотъ мы его совсѣмъ прогонимъ,“ сказалъ Алексѣй Петровичъ. Сдѣлали два выстрѣла и, дѣйствительно, туманъ скоро поднялся и совершенно очистилъ Эльборусъ. Величественная картина! Громадная гора отъ подошвы до своихъ округленныхъ вершинъ была какъ на ладони, точно сидитъ на двухъ хребтахъ: на высокомъ снѣжномъ, соединяющемъ ее съ Казбекомъ, и на меньшемъ, направляющемся къ Черному морю. Сей послѣдній, какъ будто изъ уваженія къ ея громадности, казался отступившимъ немного назадъ. Двѣ трети всей высоты были покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Скала, на которой мы стояли, была въ 25-ти верстахъ отъ подошвы Эльборуса; гладкая болотистая равнина раздѣляла насъ. Мы видѣли, такимъ образомъ, Эльборусъ отъ самой подошвы его до вершины. Форма сей послѣдней представляла два мощныя округленія—совершенное подобіе могучей, бѣлой, дѣвственной груди. Обманчивое разстояніе казалось такъ близко, что никто не хотѣлъ вѣрить, что до горы было 25 верстъ. Долго, безмолвно мы созерцали это величіе природы. Потомъ генералъ посадилъ Николая Воейкова, своего адъютанта, срисовывать наглядно видимую мѣстность и приказалъ проводнику указать, гдѣ живутъ карачаевцы. Когда проводникъ прибавилъ, что у нихъ много-много барановъ, то Ермоловъ, обернувшись къ генералъ-маіору Сталю, командовавшему

войсками на кавказской линіи, сказалъ: „я увѣренъ, ваше превосходительство, что вы ихъ посѣтите, если они будутъ продолжать разбойничать и не захотятъ выселиться.“ Это приглашеніе было не совсѣмъ по праву почтеннаго Сталя, который не любилъ экспедицій и предпочиталъ мирно вести дѣла съ горцами.

Пока мы, не отрывая глазъ, смотрѣли на Эльборусъ и окружающую его мѣстность, разостлали ковры, бурки и приготовили закуску и чай, Алексѣй Петровичъ въ разговорѣ упомянулъ: „когда то мы будемъ имѣть хорошія, вѣрныя топографическія карты, а то въ 25 лѣтъ всѣ наши карты похожи—онъ указалъ на Воейкова—на работу Николая.“ Тутъ полковникъ Гозіушъ, начальникъ округа путей сообщенія, вздумалъ увѣрять, что еще во время Зубова они всегда снимали мѣстность и что карта Дагестана и Шемахинскаго ханства должны быть хороши. Заносчивый защитникъ зубовскихъ временъ дорого поплатился, а мы услышали новую тираду русскаго краснорѣчія, которое лилось изъ устъ, не останавливаясь, и чѣмъ дальше, тѣмъ выраженія становились рѣзче, доводы убѣдительнѣе и сильнѣе. Пожилой полковникъ ввязался въ споръ и приводилъ доводы свои довольно громко, но гдѣ тамъ! Эти слабыя доказательства только усиливали рѣзкость возраженій.

— Я служилъ тогда въ свитѣ (генеральный штабъ)—утверждалъ Гозіушъ—такъ я долженъ знать, были ли дѣланы съемки.

— Вы тогда были унтеръ-офицеромъ—возражалъ Ермоловъ—нижній чинъ, слѣдовательно не могли знать.

— Я былъ колонновожатый.

— Тотъ же нижній чинъ, подъ другой кличкой.

— Мы на походѣ всегда снимали мѣстность.

— Какъ вы могли дѣлать съемки, когда вамъ нельзя было сдѣлать двухъ шаговъ отъ дороги, чтобы васъ не под-

стрѣлили? Карты дѣлали, мѣстность снимали! Да вы, г. колонновожатый, когда за два шага отъ дороги хотѣли за нуждой присѣсть, умоляли пѣхоту дать вамъ конвой. Ну, вотъ, сударь, ту мѣстность, на которой стояли или сидѣли, и могли снимать! А то, вишь, хвалитесь, что вы при Зубовѣ еще карты снимали! И видно—нѣмецъ, привыкли выше носа и..дѣ.ь.

Гозіушъ, услыхавъ эту заключительную фразу, надулся и отступилъ шага два назадъ. Алексѣй Петровичъ посмотрѣлъ на Эльборусъ, потомъ на Гозіуша:

— Ну, вотъ, и разсердился, вотъ такъ всегда—мы прямой правды не жалуемъ. Ну, не сердитесь—продолжалъ Ермоловъ, протягивая ему руку—пожалуйте вашу ручку, помиримся!

Но старый, почтенный человѣкъ не жаловалъ русскихъ пословицъ и держалъ правую руку за спиною.

— Если мы не помиримся, то вы этимъ подтвердите, что не любите правды, и потому—пожалуйте ручку.

Полковникъ, медленно протягивая руку, бормоталъ что-то о грубыхъ русскихъ выраженіяхъ, но Алексѣй Петровичъ, пожавъ крѣпко руку, говоритъ: „а вотъ и чай готовъ, давайте закусывать.“

Такъ кончилась кампанія въ Кабардѣ 1822 года—безъ кровопролитныхъ битвъ, ограничиваясь малыми перестрѣлками. Но результаты оной были успѣшны, ибо г. Ермоловъ достигъ того, что предполагалъ сдѣлать, т. е. для прекращенія разбоевъ близъ единственной дороги изъ Россіи переселить горцевъ на плоскость, не желающихъ переселиться—выгнать изъ горъ, въ исходѣ ущелій поставить укрѣпленія и провести дорогу прямо изъ Екатериноградской станицы во Владикавказъ. Все—распоряженія цѣлесообразныя.

III.

Военно-грузинская дорога. Прибытіе въ бригаду. Ермоловъ на Гомборахъ. Изуродованный артиллеристъ. Прибытіе къ 3-ей легкой ротѣ. Расправа безъ суда. Персидская граница. Поѣздка генерала Ермолова въ бамбакскую провинцію. Ахзабіюкъ. Башкичетъ. Устройство штабъ-квартиръ въ Грузіи. „Не довернешься—бьютъ и перевернешься—бьютъ.“ Вѣрная Акулина. Джелалъ-оглу или Каменка. Медвѣдь. Министръ на баранѣ. Электричество. Мѣткій выстрѣлъ. Летучка. Плугъ. „По службѣ буду мстить.“ Убійство генераловъ Лисаневича и Грекова. Взводъ горныхъ единороговъ подъ моею командою для экспедиціи. Немощь тѣла у геніальнаго человѣка. Кризисъ болѣзни.

Поблагодаривъ Юрія Павловича Коцарева за доставленіе мнѣ случая быть въ экспедиціи и пробывъ день въ Кисловодскѣ и два въ Пятигорскѣ, я отправился въ Грузію. Въ ясное сентябрское утро увидѣлъ я изъ Екатеринограда всю снѣжную цѣпь кавказскихъ горъ, освѣщаемую взошедшимъ солнцемъ. Полагаю, что трудно найти гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ такую величественную картину. Смотря на эту громадную стѣну отъ Казбека до Эльборуса, я думалъ: какъ же это я проѣду въ Грузію? Но въ стѣнахъ есть трещины, въ горахъ ущелья, и вотъ по такой-то трещинѣ горъ, называемой Дарьяльское ущелье, изъ которой вытекаетъ бурливый Терекъ, вьется военно-грузинская дорога—до Дарьяла все по лѣвому берегу Терека, а за станціею Казбекъ въ бродъ чрезъ мелкій Терекъ переходитъ на правый. Не доѣзжая Дарьяла, дорога идетъ чрезъ Троицкія ворота—такъ называется каменная, нависшая скала, подпертая натуральнымъ столбомъ у самаго берега рѣки. Ворота эти только немного уширили (онѣ видны и теперь на лѣвомъ берегу Терека)—и дорога готова. Со станціи Казбекъ видишь гору этого имени, высочайшую изъ кавказскихъ высей, вѣчно ледяную; кажется—такъ близко, что рукой ткнуть. Отъ сказаннаго брода, мимо ст. Коби, дорога близь желѣзныхъ ключей, пріюта Байдары, то поднимаясь, то опускаясь, вела къ перевалу на Крестовую гору, на коей высокій, изъ

камня высѣченный крестъ. У Коби вы видите, какъ Терекъ вытекаетъ изъ ущелья, и, право, простительно удивляться, какъ этотъ маленькій ручей чрезъ десятокъ верстъ уже дѣлается тѣмъ бурливымъ потокомъ, гулъ и ревъ котораго слышенъ далеко, и который, подавляя всякій иной звукъ въ узкомъ и крутомъ пространствѣ своего шумливаго бѣга, какъ бы мертвитъ всю природу пройденной вами дороги. Самое шумное теченіе Терека—близь Дарьяла, гдѣ высокія гранитныя скалы должны были быть въ незапамятныя времена прорваны рѣкой, ибо тутъ на днѣ ея лежатъ огромные обломки гранита. Тутъ Терекъ, ужъ точно, реветъ, брызжетъ, какъ бы въ исступленіи, сердясь на возможность какой либо преграды своему бѣгу. Въ Коби вы оставляете Терекъ за собою и, поднимаясь съ одной горы на другую, озираетесь вокругъ. Дикое и величественное безобразіе природы ужасаетъ васъ. Все снѣжныя высокія горы, голыя гранитныя скалы кругомъ; вы медленно идете впередъ къ зеленой вершинѣ перевала, на коей путеводный крестъ, какъ знаменіе Спасителя, говоритъ усталому путнику: мужайся, конецъ труднаго пути близокъ, а за нимъ ожидаютъ тебя радости неземныя! И путникъ, не теряя изъ глазъ нагорнаго креста, тихо влекущаго его къ себѣ, доходитъ, усталый и вѣрующій, до вершины и, подавленный строгимъ величіемъ окружающей природы, невольно возносится мыслью къ Творцу и съ вѣрою осѣняетъ себя символомъ спасенія!

Спустившись съ Крестовой горы, проходишь бурную Чертову долину, съ вѣчными вѣтрами, потомъ подъемъ на Гутъ-гору, спускъ съ оной и—на кайшаурскую станцію.

Отъ креста до кайшаурской станціи, спускаясь и поднимаясь, вы все еще находитесь на высотахъ перевала, хотя ручьи уже текутъ въ противоположную сторону; но въ верстѣ отъ кайшаурской станціи путникъ круто спускает-

ся по дорогѣ, продѣланной на обрывѣ горы, въ прелестную долину Арагвы. Остановитесь на вершинѣ спуска, взгляните на открывшуюся предъ вами картину южнаго склона Кавказа. Не правда ли, сердце радуется? Все дышетъ веселою жизнью, и рѣзвая, млечная Арагва, струясь по камешкамъ, манитъ васъ съ собою—вамъ одинъ путь съ нею—въ благословенный край, гдѣ въ роскошныхъ виноградныхъ садахъ, при поднятыхъ азарпешахъ, полныхъ виномъ, раздаются шумныя пѣсни веселыхъ грузинъ!

Спѣшите сойти съ кайшаурскаго спуска, но осторожно—онъ крутъ, длиненъ и обрывъ подлѣ; спѣшите вмѣстѣ съ Арагвой все далѣе; видите, что она не останавливается ни въ Пасанаурѣ, ни въ Ананурѣ, ни въ Душетѣ; но въ Мцхетѣ посмотрите на нее, какъ она въ веселомъ бѣгѣ своемъ, встрѣтясь здѣсь съ Курою, хотящею обнять ее, стыдливо уклоняется къ лѣвому берегу и, долго еще бѣлѣя, воды ея текутъ цѣломудренно близь настойчивой Куры, которая наконецъ принимаетъ ее въ свои объятія, смѣшавшись, поглощаетъ все бытіе красивой рѣки и, уже подъ своимъ именемъ оросивъ восьмисотъ-верстное пространство, умираетъ въ Каспійскомъ морѣ.

Вотъ я въ Тифлисѣ. Явился почтенному командиру кавказской гренадерской бригады полковнику Копылову, и такъ какъ 3-я легкая рота, въ которую я былъ назначенъ, была еще въ Дагестанѣ и лишь весной должна была прибыть въ бамбакскую провинцію, въ м. Караклисъ, то полковникъ прикомандировалъ меня ко 2-й легкой, и я поѣхалъ въ Гомборы, въ 50-ти верстахъ отъ Тифлиса, гдѣ были расположены двѣ роты—1-я батарейная и 2-я легкая. Пошла скучная, томительная жизнь безъ развлеченій, служба безъ дѣятельности.

Въ ноябрѣ посѣтилъ насъ, проѣздомъ въ Кахетію, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Онъ долженъ былъ ночевать въ

Гомборахъ. Но гдѣ пріютить корпуснаго командира? Мы всѣ жили въ наскоро-срубленныхъ хатахъ или въ землянкахъ. У бригаднаго командира была русская хата съ сѣнями; направо, въ комнатѣ, жилъ онъ, налѣво—его люди; кухня—на дворѣ. Въ этомъ домѣ помѣстили Алексѣя Петровича. Какъ и гдѣ размѣстили прочихъ высокихъ сановниковъ—не понимаю, ибо съ нимъ были: военный губернаторъ, начальникъ корпуснаго штаба, директоръ его канцеляріи и нѣсколько молодежи.

Едва переѣхали р. Іору и потянулись въ горы, пошелъ дождь и всѣ 18 верстъ мочилъ безъ устали. Алексѣй Петровичъ ѣхалъ на дрожкахъ, въ буркѣ. Адъютантъ, пріѣхавшій сказать, чтобъ встрѣчи не было, говорилъ, что корпусный командиръ все ругается, что никто не смѣетъ приближаться къ нему (молодежь была верхами). Наконецъ въ 6 час. вечера подъѣхали къ дому дрожки. Всѣ офицеры стояли тутъ.

— Здравствуйте, господа артиллеристы!—Увидѣвъ меня: „ба! и ты тутъ, тевтонъ! Что у васъ всегда такая паскотная погода? Или это вы для меня подготовили угощеніе?“ Онъ вошелъ въ сѣни и, замѣтивъ кипящіе самовары, развеселился.—„Еще разъ здравствуйте господа! А что, Гермогенъ Ивановичъ—такъ звали полковника Копылова—кажется, вы насъ чаемъ хотите напоить? И дѣло! Что тамъ ни говори, а лучше самовара и нѣмецъ ничего не выдумаетъ.“ Тутъ Алексѣй Петровичъ обратился къ офицерамъ, каждому сказалъ ласковое слово или задалъ вопросъ.—„А тевтону-то въ прокъ наша жизнь“—и, положивъ руку на мое плечо—„вишь, онъ какъ полная луна. Ну, господа, тутъ тѣсненько и потому я васъ не задерживаю“—и, повернувъ меня къ бригадному командиру, говоритъ: „я рекомендую, онъ добрый, дѣльный офицеръ.“ Подали чай; бригадный командиръ сказалъ мнѣ, чтобы я не уходилъ.

Офицеры хозяйничали, приходили, уходили; раскрыли ломберный столикъ. Алексѣй Петровичъ разговаривалъ съ полковникомъ Копыловымъ про постройки.—„Хорошо, что выстроили казармы для солдатъ, да и для себя сруби хату-то попросторнѣе, а то вѣдь никто и въ гости не придетъ; вишь, каморка-то—не повернуться; сядемте лучше.“

Г. Могилевскій, директоръ канцеляріи (вскорѣ назначенный полтавскимъ губернаторомъ), сломалъ колоду картъ, подалъ Алексѣю Петровичу, Роману Ивановичу Ховену (военному губернатору) и Алексѣю Александровичу Вельяминову. Усѣлись: справа отъ Алексѣя Петровича—Могилевскій, слѣва—Вельяминовъ, напротивъ—Ховенъ. Нашъ бригадный командиръ сѣлъ подлѣ Алексѣя Александровича. Нѣкоторые изъ молодежи входили и выходили изъ комнаты и прислуживали дорогимъ гостямъ. Я принесъ лимонъ Могилевскому. Алексѣй Петровичъ говоритъ мнѣ: „садись сюда, тевтонъ“—и указалъ мнѣ мѣсто подлѣ себя. Дверь изъ комнаты была отворена и видно было, какъ молодежь расположилась за чайнымъ столомъ въ другой комнатѣ и, не стѣсняясь, шумно болтала. Началась игра. Сначала все шло чинно и Алексѣй Петровичъ былъ веселъ, подшучивалъ надъ тезкой, что плохо играетъ и прочее. Я, сидя подлѣ, смотрю то въ карты Алексѣя Петровича, то въ карты Могилевскаго. Но, вотъ, Могилевскій ходитъ съ десятки трефъ; у Алексѣя Петровича король. Ему жаль его: класть или нѣтъ? Ну, какъ убьютъ? Ясно, что короля подводятъ и взятка пропала..... Алексѣй Петровичъ положилъ короля, Вельяминовъ убилъ его тузомъ.—„Я зналъ, что это будетъ!“—Зачѣмъ же вы клали короля? спросилъ хладнокровно Вельяминовъ. Но Алексѣй Петровичъ, не отвѣчая ему, вдругъ съ самымъ серьознымъ видомъ обращается ко мнѣ и говоритъ: „а вы, сударь, чего смотрѣли? вы думаете, я васъ тутъ даромъ посадилъ?“ Можете вообразить мой испугъ. Но общій

смѣхъ играющихъ, уже привычныхъ къ такимъ выходкамъ, немного успокоилъ меня. Однако, признаюсь, съ этой минуты я все думалъ, какъ бы убраться подальше. Но, какъ видно, судьба хотѣла, чтобъ я свыкся съ карточною игрою Алексѣя Петровича, и доставила мнѣ случай чрезъ нѣсколько минутъ опять услышать фразу геніальной несообразности. Играли въ бостонъ. Игра осталась за Ховеномъ, Могилевскій пасуетъ, Алексѣй Петровичъ идетъ въ вистъ. Играютъ. Все идетъ хорошо. У Алексѣя Петровича уже двѣ взятки, Ховенъ беретъ свою послѣднюю, пятую; остается на рукахъ по двѣ карты; у Алексѣя Петровича дама бубенъ отыгралась и онъ расчитываетъ ею взять третью взятку. Вдругъ Ховенъ ходитъ съ трефъ. Происходитъ взрывъ:

— Съ бубенъ, ваше превосходительство, съ бубенъ надо ходить! Я вамъ показалъ, что у меня дама бубенъ!

— Да у меня бубенъ нѣтъ!

— Да я не прошу съ больной—хоть съ двоечки, сударь, съ двоечки!“ И видѣть эту колосальную голову Ермолова, вытянутую впередъ, объ ладони вывернутыми надъ столомъ, чуть ли не слезно-умоляющимъ голосомъ взывающаго: „хоть съ двоечки, сударь, съ двоечки!“ Когда всѣ бросили карты на столъ, оказалось, что бубенъ ужъ ни у кого не было. Говоритъ, что за ломбернымъ столомъ у него всегда вырываются подобныя убѣжденія. Онъ всегда весь въ томъ дѣлѣ, которымъ занятъ.

На другой день онъ ѣздилъ по Гомборамъ, ходилъ по казармамъ, заходилъ въ кухни, болталъ съ солдатами и, послѣ легкой закуски, отправился въ Кахетію. Мы провожали его до вершины перевала.

Этотъ проѣздъ съ Ермоловымъ былъ для насъ и развлеченіемъ, и сюжетомъ для разговоровъ на цѣлыя недѣли. Но нашему почтенному Гермогену Ивановичу этотъ визитъ

не посчастливился. Онъ очень понравился Алексѣю Петровичу—человѣкъ образованный, начитанный, молодой, изъ гвардіи и любимый офицерами. Корпусный командиръ, желая его употребить съ пользою для кавказской службы, представилъ въ командиры Грузинскаго гренадерскаго полка. Копыловъ вначалѣ согласился, но когда дошло до пріема полка, убоявшись отвѣтственности, подалъ въ отставку и года черезъ два померъ въ Бессарабіи.

Такъ промаялся я на Гомборахъ до весны.

На страстной недѣлѣ нашъ бригадный командиръ получаетъ письмо отъ сосѣда своего командира Грузинскаго гренадерскаго полка полковника Ермолова (Петра Николаевича, двоюроднаго брата корпуснаго командира), въ коемъ тотъ проситъ, чтобы онъ на праздникъ Пасхи прислалъ ему 4 орудія въ Мухровань, пострѣлять, увѣдомляя при этомъ, что Алексѣй Петровичъ будетъ у него разгавливаться и проситъ его съ артилеристами къ себѣ. Полковникъ послалъ 4 батарейныя орудія своей роты и нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и меня. Погода была дождливая. Сдѣлавъ 16 верстъ горами, мы подошли къ р. Іорѣ и увидѣли, что она разыгралась. Дѣло къ вечеру—думать долго нечего: вся прислуга сѣла на упряжныхъ лошадей и на орудія и—въ бродъ. Лошадямъ по брюхо, горная рѣчка быстра и камениста, но кое-какъ прошли и потянулись на высокую гору, по грязной дорогѣ, въ Мухровань. Въ 9 час. вечера пришли всѣ усталые и грязные, а Іора унесла два кивера и нѣсколько султановъ солдатскихъ. Поставили орудія близь новой музыкантской казармы, и при возглашеніи „Христосъ воскресъ“ началась пальба.—„Откуда это орудія?“ спросилъ Алексѣй Петровичъ.—Артилеристы прислали, отвѣчалъ полковой командиръ. Нечего дѣлать, чтобъ не разсердиться въ праздникъ на самовольное передвиженіе, Алексѣй Петровичъ принялъ это за gentillesse.

Но подпоручикъ Голенко, который пришелъ съ дивизіономъ и ночью находился при стрѣльбѣ, испортилъ кашу. Онъ приказалъ всѣ холостые заряды положить на брезентъ сзади орудій, причемъ, по мѣрѣ того какъ выстрѣливались заряды, солдаты съ сумами подходили къ кучѣ и накладывали себѣ въ сумы; а г. офицеръ, закуривъ трубочку, разгуливалъ по батареѣ. Но, вотъ, стрѣльба продолжается уже довольно долго; онъ съ трубкой въ зубахъ подходитъ къ брезенту посмотрѣть, много ли осталось зарядовъ; искра падаетъ изъ трубки—всѣ заряды взрываетъ и Голенко, съ обожженымъ лицомъ и съ дымящейся одеждой, лежитъ на землѣ. Волоса-то опять выросли и одежду другую надѣлъ, но рожу-то ужъ не поправилъ—все лицо такъ навсегда и осталось въ пятнахъ. Начальству сказали, что скорострѣльная трубка выскочила изъ затравки и зажгла заряды. Голенко былъ выпущенъ въ артилерію изъ дворянскаго полка. Увы, подобныхъ артилерійскихъ офицеровъ было много-много; были и пьяненькіе. Образованіе научное было крѣпко поверхностное, и кто, выпедши изъ корпуса, не старался самъ себя образовать немного, въ томъ развивались природныя наклонности и вели его, каждая по своей дорогѣ—то къ добру, то къ порчѣ.

Въ маѣ я поѣхалъ въ 3-ю легкую роту, пришедшую изъ Дагестана въ бамбакскую провинцію, въ м. Караклисъ, гдѣ была штабъ-квартира роты, изъ коей шесть орудій должны были состоять при 7-мъ карабинерномъ полку, на урочищѣ Башкичетѣ. Вмѣстѣ съ донесеніемъ о прибытіи роты въ Караклисъ, ротный командиръ подполковникъ Флиге просилъ отправить меня въ Башкичетъ для командованія полуротою, хотя въ ротѣ былъ старше въ чинѣ, капитанъ Листъ. Но такъ какъ Листъ только-что перешелъ къ намъ изъ морской артилеріи, нашей службы вовсе не зналъ и вообще не интересовался ею, то и былъ доволенъ,

что его оставляли въ покоѣ, дозволяя большею частью жить въ Тифлисѣ.

Скажу два слова о капитанѣ Листѣ—это былъ своего рода оригиналъ. Извѣстно, что въ то время морская артилерія не могла похвалиться обществомъ образованныхъ офицеровъ и Листъ не выходилъ изъ ряда. Хорошаго роста, крѣпко сложенный, брюнетъ уже съ просѣдью въ густыхъ бакенбардахъ, онъ былъ молчаливъ въ обществѣ, наружность имѣлъ весьма приличную, видъ сдержанный, почти скромный, казалось, характера невозмутимаго. Послѣ школьной скамейки никогда ни одной книги не бралъ въ руки; съ удовольствіемъ проводилъ время только въ трактирахъ за биліардомъ или за картами, и за обоими столами былъ мастеръ своего дѣла. Однажды въ трактирѣ, въ домѣ Арцруни, онъ потѣшилъ всѣхъ присутствовавшихъ оригинальной расправой съ маіоромъ Шишковымъ за дерзкія и неприличныя выходки. Шишковъ—племянникъ адмирала, который прислалъ на Кавказъ къ Ермолову роденьку, кажется, на исправленіе—былъ дерзкій, задорный, видно, избалованный малый, худенькій, малаго роста, но съ бойкимъ язычкомъ. Видя, что всѣ присутствующіе съ удовольствіемъ слѣдятъ за игрою капитана Листа и, конечно, обманутый его скромною физіономіею, онъ вздумалъ потѣшиться надъ нимъ. Вначалѣ дерзкими, иногда острыми замѣчаніями на игру капитана онъ думалъ разшевелить его; при видѣ же этого безотвѣтнаго спокойствія, выходки его сдѣлались рѣзче. Онъ стоялъ у самаго биліарда, одна рука локтемъ на борту. Листъ учтиво проситъ его посторониться, говоря, что ему съ этого мѣста играть надо. Шишковъ, отвѣтивъ что-то дерзкое, слышно было слово—биліардный герой—обернулся къ нему спиной и отъ биліарда не отошелъ. Капитанъ Листъ кладетъ кій на биліардъ и, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, говоритъ: „господа, покорнѣйше прошу из-

винить меня—вы были свидѣтелями, что я учтиво просилъ г. маіора отойти отъ биліарда, но вмѣсто исполненія просьбы моей, онъ отвѣчалъ мнѣ грубостями." По окончаніи этой предуготовительной рѣчи, онъ беретъ спереди г. маіора за обѣ руки, не смотря на его жесты и крики, поднимаетъ его на воздухъ, несетъ въ уголъ, ударяетъ спиною его три раза въ стѣну, приговаривая—„будьте учтивы"—потомъ ставитъ малютку-маіора на полъ и, сказавъ: „еще разъ покорнѣйше прошу, господа, извинить меня"—беретъ кій и и продолжаетъ играть. Сцена была, какъ разсказывалъ нашъ товарищъ, бывшій свидѣтелемъ оной, довольно комичная. Спокойная фигура Листа, несущаго маленькаго маіора, который и языкомъ и ногами болтаетъ что есть силъ, но при первомъ ударѣ въ стѣну блѣднѣетъ и умолкаетъ... Послѣ третьяго ему подали фуражку и проводили. Такъ какъ языкъ и заносчивый характеръ маленькаго человѣка надоѣли уже многимъ, то всѣ нашли расправу молчаливаго капитана справедливою и цѣлесообразною.

Этою осенью Алексѣй Петровичъ долженъ былъ кончить недоразумѣнія съ Персіею по нѣкоторымъ спорнымъ пунктамъ въ мирномъ трактатѣ. Дѣло было въ томъ, что въ казахской дистанціи персіяне, претендуя на довольно большую полосу горъ съ пастьбищною землею, не дозволяли нашимъ казахскимъ татарамъ выгонять на оную свой скотъ, отчего были ежегодные споры и ссоры, кончавшіеся почти всегда дракою. А какъ безъ этого пастьбищнаго мѣста наши татары не могли обойтись, то наше правительство настояло на разграниченіи мѣстности по гюлистанскому трактату.

Согласились послать съ обѣихъ сторонъ коммисаровъ. Пріѣхали на мѣсто. Мирный трактатъ въ рукахъ. Читаютъ статью: „Земля, лежащая по лѣвую сторону рѣки, принадлежитъ Россійской Имперіи"... Пространство спорной земли лежало на лѣвой сторонѣ упомянутой рѣчки. Кажется ясно;

не тутъ-то было! Персидскій коммисаръ лукаво улыбнулся и говоритъ: „конечно, если вы такъ стали, такъ горы эти будутъ на лѣвой сторонѣ рѣчки; но оберните назадъ— тогда онѣ будутъ на правой сторонѣ рѣчки и, слѣдственно не принадлежатъ вамъ по трактату".

Какъ вамъ кажется эта персидская логика? Хитрили ли персіяне или просто были неучи и прикидывались наивными—трудно разрѣшить. Но всячески довольно трудно было ихъ убѣдить, что для опредѣленія правой и лѣвой стороны, при движеніи человѣка, теченіи рѣки, полетѣ птицы и прочая, надобно стать лицемъ къ сторонѣ движенія.

— Вотъ, когда вы ходите или ѣдете верхомъ, какъ вы опредѣляете правую и лѣвую сторону—тоже по обращенію лица къ сторонѣ куда двигаетесь.

— Положимъ, такъ - сказалъ персіянинъ—но, вотъ, я обернусь, и то, что была правая сторона, дѣлается лѣвою.

— Ну—отвѣчалъ одинъ изъ нашихъ чиновниковъ— прикажите рѣчкѣ обернуться назадъ и течь въ гору, тогда, по гюлистанскому трактату, эти пастьбищныя горы будутъ принадлежать вамъ!

Вотъ какіе разговоры надобно вести съ Востокомъ, заключая съ нимъ дружественные трактаты.

Послѣ такого-то спора, ѣхалъ Алексѣй Петровичъ, чтобъ посмотрѣть на персидскую и турецкую границы, прилегающія къ нашей бамбакской провинціи.

— А ты, тевтонъ, ужъ видѣлъ своего ротнаго командира? спросилъ меня Алексѣй Петровичъ, когда мы встали изъ-за обѣденнаго стола у полковаго командира Н. Н. Муравьева. Я отвѣчалъ, что не являлся еще лично, пріѣхавъ къ полуротѣ сюда.

— Ну, такъ поѣзжай съ нами въ Караклисъ; я тебя познакомлю съ нимъ.

На другое утро рано поѣздъ тронулся въ путь. Онъ

состоялъ: изъ дрожекъ, на коихъ сидѣлъ генералъ, трехъ бричекъ, въ коихъ сидѣли начальникъ инженеровъ Трузсонъ, директоръ канцеляріи Могилевскій, генеральнаго штаба капитанъ Кихаревъ и два адъютанта корпуснаго командира—Воейковъ и Талызинъ, и я на тройкѣ въ повозкѣ. Муравьевъ провожалъ генерала верхомъ чрезъ Мокрыя горы верстъ на 15 отъ Башкичета. Погода была прекрасная, жары спали и потому всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа. Переѣздъ до Каракліса былъ около 60-ти верстъ. Перевалившись чрезъ Мокрыя горы, которыя, слава Богу, были тогда совершенно сухи, расположились въ тѣни на берегу ручья завтракать. Веселый говоръ, юмористическія выходки Алексѣя Петровича—и мы не видѣли, какъ прошло время отдыха. Когда начали вставать, чтобы разсаживаться, генералъ спрашиваетъ меня: „а ты съ кѣмъ сидишь, тевтонъ?“—Одинъ на телѣжкѣ, ваше превосходительство. —„Не хорошо. Трузсонъ, возьми кровь мою съ собою, вы оба нѣмца—не поссоритесь: впрочемъ артиллеристы съ инженерами почасту ссорятся“. Но я отклонилъ приглашеніе генерала Трузсона, сѣлъ въ свою телѣжку, и мы покатили по голой степи: влѣво—высокій хребетъ Ахзабіюка, вправо—Безобдалъ со своими темными лѣсистыми отрогами, у подошвы коихъ въ глубокихъ скалистыхъ берегахъ бѣжитъ намъ на встрѣчу рѣчка Джелалъ-оглу (Каменка), въ млечныхъ, шумящихъ водахъ которой плещутся вкусныя форели. Миновавъ казацкій постъ Джилки и проѣхавъ степью верстъ 20, мы приблизились къ спуску черезъ р. Джелалъ-оглу и, поднявшись на крутой берегъ по хорошо отдѣланной дорогѣ, встрѣтили командира казачьяго донского полка, который здѣсь квартировалъ. Поговоривъ нѣсколько съ полковникомъ, генералъ продолжалъ путь до с. Гергеръ, у подошвы Безобдала, гдѣ была расположена женатая рота Тифлисскаго пѣхотнаго полка. Тутъ

былъ и князь Севарсамидзевъ, командиръ полка. Опять часовой отдыхъ. Было часа два. Напились чаю и начали взбираться на Безобдалъ; подъему, кажется, будетъ верстъ пять и спуску версты три, мѣстами очень крутого; потомъ 16 верстъ по ущелью горъ до Караклиса. Весь поѣздъ поѣхалъ къ дому полкового командира, гдѣ была назначена квартира Алексѣя Петровича и гдѣ ожидалъ его почетный караулъ; я же поѣхалъ на квартиру одного изъ нашихъ офицеровъ, чтобы одѣться по формѣ и потомъ—къ ротному командиру на квартиру. Когда подполковникъ Карлъ Яковлевичъ Флиге пріѣхалъ, я явился. Онъ, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, сказалъ, что корпусный командиръ, увидѣвъ его, говоритъ: „А я привезъ тебѣ вашего брата, нѣмца; гдѣ же тевтонъ?..... Прошу жаловать—дѣльный офицеръ! Приходите вечеромъ пить чай“.

Генералъ пробылъ въ бамбакской провинціи дней десять, ѣздилъ въ Гумры (что нынѣ кр. Александрополь), осматривалъ границы, былъ на горѣ Памбѣ, гдѣ полагаютъ можно видѣть остатки помпеева лагеря.

Когда Алексѣй Петровичъ былъ въ Караклисѣ, то вечерами зала была полна. Всѣ разсаживались по бостоннымъ столамъ. Покончивъ съ дѣлами, онъ выходилъ къ обществу и, поговоривъ и пошутивъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, почти всегда садился за кого нибудь играть въ бостонъ, обыкновенно за Николая Павловича Воейкова, своего адъютанта. За себя онъ никогда не игралъ. Такъ какъ Алексѣй Петровичъ всегда почти проигрывалъ, ибо игралъ рискованно, надѣясь на вистъ, то разъ какъ-то онъ началъ оправдывать свою горячность: „вамъ хорошо проигрывать хладнокровно свое состояніе (игра была всегда самая ничтожная), а я долженъ за игру другого стоять горой“.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, мы, выпивъ чаю дома, съ подполковникомъ Флиге пошли къ Алексѣю Пет-

ровичу. Войдя въ залу, видимъ генерала сидящимъ на диванѣ за бостонным столомъ, около котораго сидятъ и стоятъ гости.

— А, Карлъ Яковлевичъ, милости просимъ! Тевтонъ, покупай карты!—Я подошелъ къ столу. Алексѣй Петровичъ, держа колоду картъ въ рукѣ, спрашиваетъ: „сколько картъ покупаешь?“—Ваше высокопревосходительство, да у меня всего абазъ за душой!—и вынулъ изъ жилета абазъ, дѣйствительно въ ту минуту все мое богатство.

— Ребромъ его! Вотъ тебѣ карта.—Я взялъ карту и положилъ на столъ абазъ.

Дѣло въ томъ, что играли въ лоттерею. На столѣ двѣ колоды картъ. Изъ одной вынимаютъ нѣсколько картъ, обыкновенно три, много—пять, и кладутъ ихъ закрывши на столъ, чтобы никто не видѣлъ какія карты. Потомъ начинаютъ продавать другую колоду, опредѣливъ напередъ цѣну одной карты. Продавъ такимъ образомъ 52 карты, тотъ, кто держитъ лоттерею и самъ покупать картъ не можетъ, распредѣляетъ добытыя отъ продажи картъ деньги на столько кучекъ, сколько отложено картъ, кладетъ на каждую карту по кучкѣ денегъ и потомъ, взявъ въ руки колоду, изъ коей вынуты карты, начинаетъ по одной картѣ сверху раскрывать, громко называя каждую вскрытую карту. У кого оказывается провозглашенная карта, тотъ бросаетъ ее на столъ, какъ пустышку. Такимъ образомъ, прокричавъ всю колоду, изъ которой вынуты выигрышныя карты, кромѣ ихъ самихъ, лежащихъ на столѣ, на рукахъ у играющихъ останутся съ розданной колоды точно тѣ же карты, и онѣ-то и есть счастливыя! Но интересъ этой игры развивается лишь когда держащій лоттерею прокричитъ половину колоды. Тутъ начинается перекупка картъ, и чѣмъ менѣе картъ остается на рукахъ, тѣмъ дороже даютъ за карту. Наконецъ, когда

всѣ карты прокричали и на рукахъ остались только выигрышныя, но какъ великъ выигрышъ каждой карты—еще не извѣстно, перекупка усиливается, и можно вообразить, сколько, при ничтожной игрѣ, смѣху въ веселомъ обществѣ.

Почти у всѣхъ было по 3, 4 и 5 картъ, у меня одна, и она осталась въ выигрышныхъ. На пяти картахъ лежали пять кучекъ серебра. На одной, которую назвали воротынецъ, по разыгрываемому въ то время имѣнію г. Головкина, 5 руб. сер., на второй 3, на третьей и четвертой по 1 рублю, а на пятой два абаза (абазъ=20 коп. сер.), итого 52 абаза. У меня покупали мою карту за рубль, давали два, наконецъ одинъ громко говоритъ: „за даму червей три рубля!“ Дама червей была у меня.—Не отдамъ, сказалъ я. —„Ну, чтожъ, господа, спросилъ Алексѣй Петровичъ, никто не продаетъ?“ и началъ вскрывать съ младшей—не моя, другую, третью, четвертую, и чтожъ? оказалось, что моя червонная дама выиграла воротынецъ, т. е. пять рублей серебромъ.

— Поздравляю, тевтонъ, сказалъ Алексѣй Петровичъ; однако, не очень, братъ, вѣрь имъ—какъ разъ обманутъ! Ну, скажи, нѣмецъ, жаль тебѣ было послѣдняго абаза?

Послѣ лоттереи размѣстились по бостоннымъ столамъ. Алексѣй Петровичъ тоже сѣлъ. Играющіе съ нимъ были: по лѣвую руку Флиге, напротивъ князь Севарсамидзевъ, а по лѣвую генеральнаго штаба капитанъ Жихаревъ, котораго генералъ очень жаловалъ за веселый, безотвѣтный характеръ. Я, какъ въ карты не играю, поболтавшись въ залѣ, подошелъ къ стоявшимъ около стола, за которымъ игралъ Алексѣй Петровичъ.

— А ты, чтожъ не играешь?

— Я ничего въ картахъ не понимаю, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ садись здѣсь и учись!—и показалъ мнѣ мѣсто на канапе подлѣ себя. Тутъ-то мнѣ пришлось увидѣть

еще вспышку неудовольствія, излившуюся въ такихъ комическихъ выраженіяхъ, что я, удерживаясь изъ уваженія отъ смѣха, наконецъ фыркнулъ и хотѣлъ встать.

— Сиди, тевтонъ!

Дѣло было такъ. Кажется, я уже сказалъ, что Алексѣй Петровичъ игралъ довольно рисованно и, когда у него была игра, не любилъ отдавать ее другимъ. Теперь у него было пять взятокъ вѣрныхъ и больше ничего. Онъ играетъ бостонъ, его перебиваютъ въ сорахъ: онъ играетъ шесть и явно рискуетъ, надѣясь на вистъ: но ошибся—никто не пошелъ въ вистъ, и такъ какъ Жихаревъ сказалъ послѣдній „пасъ“, то Алексѣй Петровичъ къ нему обратился:

— Отчего вы не вистуете?

— Оттого, что нѣтъ четырехъ взятокъ, ваше высокопревосходительство.

— А вотъ, посмотримъ!

Началась игра и, какъ можно было ожидать, Алексѣй Петровичъ, сдѣлавъ только пять взятокъ, поставилъ ремизъ.

— Сколько вы сдѣлали взятокъ, спрашиваетъ онъ у Жихарева.

— Четыре.

— Отчего же вы не пошли въ вистъ ко мнѣ?

— Оттого, что у меня не было вѣрныхъ четырехъ взятокъ, я не могъ помочь ни въ чемъ.

— Когда вы играете только на вѣрное, значитъ вы и играть не умѣете, ибо чтобы съ пятью старшими козырями взять пять взятокъ, дѣло не хитрое; на это не много ума потребно!

— Не могу же я съ невѣрной игрой идти въ вистъ, чтобъ навѣрное ремизъ поставить.

— Извините, сударь, ремиза бы не было, ибо со мной вы бы взяли пять взятокъ, только на это надо умѣть играть, а вотъ этого-то у насъ и не достаетъ. Мы, вишь,

люди не хитрые, играемъ когда игра привалитъ. У насъ въ русскомъ нарѣчіи на этакую игру есть славная пословица.

— Какая это?

— Нельзя вамъ сказать—пословица чисто русская, не совсѣмъ деликатная, вы, пожалуй, разсердитесь; а пословица хороша!

Ну скажите, ваше высокопревосходительство, что за пословица?

— Говорятъ вамъ—нельзя сказать; вы тамбовскій дворянинъ, офицеръ, пожалуй, разсердитесь, а потомъ за вами надо ухаживать, чтобы вы смилостивились. Нельзя, нельзя!

А самому такъ и хотѣлось сбросить пословицу съ языка.

— Какъ я смѣю сердиться! Скажите, что за пословица.

— Разсердитесь, милостивый государь, носъ повиснетъ, губы надуются, все ваше благообразіе исказится—вѣдь пословица-то чисто русская (тутъ я фыркнулъ)... и хороша же... развѣ дадите честное слово офицера, что не разсердитесь.

— Извольте, ваше высокопревосходительство, только не томите.

— Прошу прислушаться, господа, что онъ сердиться не будетъ. Придвиньтесь поближе ко мнѣ, пожалуйте ваше ухо....

И сказалъ же онъ ему пословицу, какъ топоромъ рубнулъ. Я такъ близко сидѣлъ къ обоимъ, что, право, нехотя, а услышалъ всѣ шесть словъ, изъ коихъ она состояла.

Покончивъ съ пограничными дѣлами, Алексѣй Петровичъ возвращался въ Тифлисъ прямой дорогой чрезъ Ахзабіокъ и с. Шулаверы. На первомъ посту былъ назначенъ ночлегъ. Генералъ помѣстился въ комнатѣ казацкаго офицера, въ единственномъ домикѣ на казацкомъ посту; всѣ прочіе—или въ своихъ экипажахъ, или подъ ними: я—подъ своей телѣгой. Чай пили всѣ у Алексѣя Петровича.

Только-что мы стали расходиться, пріѣзжаетъ курьеръ изъ Дагестана. Увы, горестное событіе—Амалатъ-бекъ измѣнически застрѣлилъ правителя Дагестана, Астафія Ивановича Верховскаго. Вотъ благодарность за спасеніе его отъ петли, которую онъ заслужилъ своими разбоями и отъ которой, только по настойчивой просьбѣ п. Верховскаго, былъ помилованъ генераломъ Ермоловымъ. Верховскій взялъ его въ свою палатку, жилъ съ нимъ какъ съ братомъ. Алексѣй Петровичъ предостерегалъ его: „братъ Астафій, ты не хорошо дѣлаешь, не вѣряйся такъ горцу, эти дикари коварны!“ Но умный, образованный человѣкъ думалъ благородствомъ побѣдить врага—и поплатился жизнью. Для насъ это была большая потеря. А невѣста его, милое прелестное созданіе! Она ждала пріѣзда жениха въ Тифлисъ для обрученія, но возвращеніи туда генерала Ермолова. Перо Пушкина облекло въ поэтическій интересъ жизнь дикаря-злодѣя. Въ экспедицію въ Кабардѣ я часто видѣлъ Амалатъ-бека: статный красивый мущина, удивительно боекъ на конѣ; на крѣпко обросшемъ черными волосами лицѣ желалось бы прочитать благородство души, но не вѣрилось чернымъ бѣглымъ глазамъ его. Долго-долго горѣли почью двѣ свѣчи въ маленькой комнатѣ на ахзабінокскомъ посту... Въ 6 час. утра, съ тягостными въ его богатой головѣ мыслями, Алексѣй Петровичъ выѣзжалъ уже въ Тифлисъ.

Зиму съ 1823 на 1824 годъ я провелъ въ Башкичетѣ, командуя полуротой при 7-мъ карабинерномъ полку, командиръ коего, какъ я сказалъ, былъ полковникъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, человѣкъ отлично образованный и очень хорошій музыкантъ, игравшій на разныхъ инструментахъ. Я видѣлъ его играющимъ на фортепіано, на флейтѣ, въ хорѣ музыкантовъ съ волторною и съ почтовымъ рожкомъ въ рукѣ. Говорилъ онъ понѣмецки, пофранцузски, поанглійски, потатарски и, кажется, впослѣдствіи учил-

ся поеврейски. Есть имъ написанная грамматика татарскаго языка. Роста былъ выше средняго, блондинъ, крѣпкаго сложенія, сильный, но тучный. Однажды, гуляя съ нимъ, мы проходили мимо провіантскаго магазина: „посмотримъ, сколько въ насъ вѣсу?“ Въ немъ оказалось слишкомъ шесть пудовъ, во мнѣ не было пяти. По службѣ педантъ до мелочности, самолюбивъ до уродливости, недовѣрчивъ до обиды; но, когда хотѣлъ, могъ быть любезенъ, привѣтливъ и незнакомыхъ даже обворожить любезностью. Что въ сильномъ характерѣ называется твердостью, у него было упрямствомъ;. Онъ никогда не признавалъ причинъ дѣйствій въ другомъ, но свои доводы были въ его глазахъ всегда непогрѣшимы. Человѣкъ былъ своеобычный иногда до смѣшного, и все изъ самолюбія. Года два назадъ онъ былъ посланъ Алексѣемъ Петровичемъ въ Хиву и издалъ книгу о своемъ путешествіи. Николай Николаевичъ былъ со мною привѣтливъ, просилъ посѣщать его. Я старался сдержанно пользоваться его расположеніемъ; но мой живой характеръ и непринужденность приводили его иногда въ замѣшательство: не роняетъ ли онъ своего достоинства полкового командира?

Въ одинъ вечеръ, послѣ чая, мы сѣли за шахматный столъ, и такъ какъ онъ очень хорошо игралъ въ шахматы, а я былъ гораздо слабѣе, то, садясь, всегда просилъ быть немного снисходительнымъ, ибо я съ нимъ не могу играть pièce touchée pièce jouée. Но, вотъ, я сдѣлалъ ходъ просмотрѣвъ, что оставилъ коня безъ защиты. Онъ схватилъ его и держитъ въ рукѣ, смѣясь мнѣ. Я всталъ, протянулъ руку черезъ столъ, чтобы отнять коня, и говорю: отдайте, это видимая ошибка. И въ то время, когда я стою съ протянутой къ нему рукой, а онъ свою держитъ за спиной—о, ужасъ—дверь отворяется и входитъ дежурный по полку, съ ефрейторомъ, къ рапорту послѣ вечерней зари

Полковникъ обомлѣлъ. Принявъ рапортъ и отпустивъ дежурнаго, онъ спросилъ меня: „что они подумаютъ?“ По его тону видно было, что дисциплина страдаетъ, а вмѣстѣ съ нею и онъ.

По прибытіи полуроты въ 1823 году въ Башкичетъ, когда пришлось выпускать артилерійскихъ лошадей на пастьбу, я просилъ г. полкового командира приказать отвесть мнѣ пастьбищное мѣсто.

— Пускай ходятъ вмѣстѣ съ полковыми—тамъ луга обширные, кормъ прекрасный.

— Точно такъ, но я не могу артилерійскихъ лошадей пускать съ чужими.

— Это отчего?

— Да у насъ такъ принято, вѣдь я отвѣчаю за лошадей.

Входитъ квартирмейстеръ съ бумагами.

— Полковыя лошади такія же казенныя.

Я молчалъ.

— Выпустите на подножный кормъ артилерійскихъ лошадей вмѣстѣ съ полковыми, сказалъ полковникъ мнѣ, какъ ультиматумъ.

— Я этого не сдѣлаю, Николай Николаевичъ; артилерійскія лошади съ чужими подъемными лошадьми на подножный кормъ не выпускаются, а вы мнѣ позвольте донести ротному командиру, что пастьбищныхъ мѣстъ не отводятъ.

— Я вамъ сказалъ, что дѣлать, а причинъ вашихъ не понимаю.

— Причина очень понятная: артилерійскіе начальники отвѣчаютъ за своихъ лошадей, а въ чужихъ подъемныхъ могутъ быть паршивыя и заразить артилерійскихъ.

Николай Николаевичъ всталъ, я поклонился и вышелъ. На другой день утромъ приходитъ ко мнѣ квартир-

мейстеръ и говоритъ, что полковникъ приказалъ отвести мнѣ пастьбищное мѣсто. Не желая быть въ непріятныхъ отношеніяхъ съ Николаемъ Николаевичемъ, я тотчасъ же пошелъ къ нему и поблагодарилъ за исполненіе покорнѣйшей просьбы моей. Онъ, видимо, былъ доволенъ этимъ, понимая, что я принялъ исполненіе законнаго требованія моего за милость, мнѣ оказанную; но не могъ не сказать, что онъ не ожидалъ, чтобъ я въ глаза сказалъ ему, что у него въ полку могутъ быть паршивыя лошади—„да еще и при квартирмейстерѣ“—присовокупилъ онъ. А того онъ не признавалъ, что самъ вызвалъ меня на объясненіе.

Въ это время Алексѣй Петровичъ былъ также озабоченъ устройствомъ полковыхъ штабъ-квартиръ по стратегическимъ пунктамъ края. Еще въ 1819 году онъ просилъ Государя о высылкѣ на казенный счетъ всѣхъ женъ, мужья коихъ служили въ кавказскомъ отдѣльномъ корпусѣ, что̀ и было разрѣшено. Изъ этихъ солдатъ были сформированы при полкахъ женатыя роты, расположенныя въ штабъ-квартирахъ и только въ особенныхъ случаяхъ выходившія въ экспедиціи. Мѣра эта тогда многимъ казалась безнравственною. Такой поверхностный взглядъ на распоряженія геніальнаго человѣка былъ несправедливъ, ибо всѣ служившіе тогда въ Грузіи знали, что замкнутость восточныхъ женщинъ и расположеніе войскъ по селеніямъ были всегдашнею причиною разлада жителей съ войсками, причемъ непріятности эти доходили до дракъ и убійствъ. Тамъ, гдѣ всякій житель всегда имѣетъ при себѣ кинжалъ, какъ принадлежность одѣянія, расправы были скорыя; это же было причиною частыхъ бунтовъ въ разныхъ мѣстахъ края. Если же взять во вниманіе, что полки, расположенные въ Дагестанѣ между татарскимъ населеніемъ, гдѣ затворничество женщинъ еще крѣпче, начали усвоивать себѣ магометанскую безнравственность, обходящуюся безъ женщинъ, то

всякій скоро поймет, что мѣры, принятыя кавказскимъ начальствомъ при начальномъ устройствѣ края, были совсѣмъ не безнравственныя, какъ тогда говорили недоброжелатели генерала Ермолова, коихъ у него было, увы, много! Возьмите еще во вниманіе, что ссылка скопцовъ, по законамъ, въ отдаленные края Имперіи, развела эту гадину, это противоестественное ученіе въ нѣкоторыхъ полкахъ, расположенныхъ на отдаленныхъ границахъ. Эти поганые изувѣры-проповѣдники, при условіяхъ тогдашняго быта солдатъ въ томъ краѣ, были убѣдительно краснорѣчивы, ибо говорили: „чему учу, то самъ творю“; уродливость была доказательствомъ. Вотъ примѣръ, случившійся въ мою бытность въ Караклисѣ въ началѣ 1825 года. Молодой, красивый деньщикъ полковника кн. Севарсамидзева, командира Тифлисскаго полка, Николай, понравился красавицѣ-грузинкѣ, горничной жены полковника. Молодые люди шалили; шалость стала обнаруживаться на округляющейся таліи горничной. Она созналась; бѣдненькую сослали въ деревню, а красавца деньщика князь отчислилъ въ рядовые и, выпоровъ розгами, отправилъ въ роту, расположенную въ с. Гумры, на турецкую границу. Тамъ было нѣсколько ссыльныхъ скопцовъ изъ Россіи. Они опутали молодца, наговорили ему о святости безбрачія, о своемъ счастливомъ состояніи, въ коемъ дьяволъ не смѣетъ смущать ихъ, и прочую ахинею сектаторовъ. Вѣрилъ ли, не вѣрилъ имъ молодой солдатъ, но, помня крѣпкія розги за свою шаловливость и почесывая изсѣченный задъ, дозволилъ отрѣзать себѣ нѣредъ или, какъ онъ называлъ, дьявола. Дѣло не новое. Несчастнаго молодого человѣка отдали подъ судъ—улика на лицо. Судъ не долго думалъ: раскрылъ узаконенныя постановленія и присудилъ прогнать шпицрутенами и сослать въ отдаленныя губерніи. Ведутъ молодца сквозь строй, сыплются палки на его спину, а онъ кричитъ: „ваше сіятельство, помилуйте!

за что же? жилъ я какъ Богъ велѣлъ—высѣкли; отрѣзалъ дьявола, чтобы не смущалъ—опять сѣкутъ.“ Вотъ и пословица въ лицахъ: не довернешься—бьютъ и перевернешься—бьютъ. И отправили красавца въ Сибирь! Въ то время такіе случаи бывали и не съ однимъ Николаемъ. Конечно, примѣровъ цѣломудрія и супружеской вѣрности не надобно было искать въ полковыхъ штабъ-квартирахъ, но, какъ говорятъ, вѣдь на этотъ товаръ спросъ не великъ и въ другихъ, лучшихъ слояхъ общества. Что же касается до солдатскаго или сельскаго быта, то, какъ образчикъ понятій о супружеской вѣрности, я прошу любопытныхъ быть при прочтеніи мною въ **1825** году письма, полученнаго канониромъ Ѳедотовымъ отъ жены. Во время обѣда у ротнаго командира пришла почта. Разобравъ ее, онъ отдалъ мнѣ два солдатскихъ письма моего взвода, одно фейерверкеру, другое—канониру Ѳедотову. Пріѣдя на квартиру, я приказалъ призвать обоихъ и, отдавъ имъ письма, говорю: ступайте, ребята, и читайте, что ваши родные дѣлаютъ. Оба повернулись налѣво кругомъ; фейерверкеръ вышелъ, а Ѳедотовъ обернулся опять и говоритъ: „ваше благородіе, прочтите; чай, отъ жены,“—онъ былъ неграмотный. Я взялъ письмо. Послѣ обыкновенныхъ поклоновъ отъ всей родни, непремѣнно поименованной, каждый и каждая именемъ-отчествомъ, читаю: „и вотъ приписываю тебѣ, что Божьимъ благословеніемъ, у насъ родился сынъ, какъ и въ прошлый годъ, около Михайлова дня, и нареченъ при крещеніи Алексѣемъ, по дядюшкѣ Алексѣѣ Ивановичѣ; послѣ того цѣлую тебя, вѣрная жена твоя Акулина.“ Я какъ съ неба упалъ.

— Когда ты былъ послѣдній разъ дома?

— Да какъ въ рекруты отдали, вотъ ужъ четыре года слишкомъ. Покорнѣйше благодаримъ ваше благородіе—и пошелъ себѣ въ радости сердечной, что получилъ благо-

получныя извѣстія отъ вѣрной Акулины. Слѣдовательно нравственная сторона распоряженія только выиграла. Не имѣя же частыхъ столкновеній съ солдатами, въ населеніи неудовольствіе и ропотъ прекратились, а штабъ-квартиры, поставленныя на хорошо выбранныхъ пунктахъ, повеселѣли..... Чрезъ нѣсколько лѣтъ доморощенныя невѣсты вѣнчались въ полковыхъ церквахъ, а кантонисты плодились.

Въ маѣ 1824 года 7-й карабинерный полкъ выступилъ въ свою новую штабъ-квартиру, урочище Манглисъ, а полурота папа перешла на Каменку (ур. Джелалъ-оглу); казацкій же полкъ перешелъ оттуда на Джилки, поближе къ цалкской долинѣ и турецкой границѣ. Векоръ и ротный командиръ нашъ подполковникъ Флиге переѣхалъ на Каменку. Четыре орудія нашей роты приказано было оставить впредь до приказанія въ Караклисѣ, а два были на персидской границѣ въ маломъ полевомъ укрѣпленіи. Тутъ прожилъ я годъ и, удивительное дѣло молодость—не скучалъ! А занятій—ни служебныхъ, ни своихъ, а такъ себѣ проходитъ день за днемъ. Впрочемъ, и тутъ не безъ дѣла: то въ казармы зайдешь—посмотришь, все ли въ порядкѣ, потолкуешь съ солдатами; то на чистку лошадей, то по работамъ поскачешь верхомъ за нѣсколько верстъ—а работъ много. Въ одномъ мѣстѣ рубятъ лѣсъ на постройки, въ другомъ пилятъ доски, тамъ уголья жгутъ, а надъ рѣчкой кирпичный заводъ и прочая. Никогда не писалъ я столько писемъ, и, я думаю, матушка моя благодарила Бога, что я въ такомъ захолустьи остался порядочнымъ человѣкомъ. А все дѣло было въ бездѣльи. Пойдешь утромъ гулять, зайдешь на свиной дворъ покормить Мишку, медвѣдя. Презабавный былъ Мишутка. Полюбилъ одного здороваго фурлейта, борется, бывало, съ нимъ и позволяетъ себя побороть; лежитъ вверхъ ногами, только что не смѣется—а все изъ-за куска хлѣба. На свиной дворъ попалъ, какъ

въ ссылку, съ двора ротнаго командира, гдѣ онъ, привязанный къ столбу, былъ забавою всѣхъ. Такъ какъ на дворѣ было много всякой домашней птицы, и Мишка видѣлъ какъ ключница сыпала изъ руки кормъ курамъ, то и онъ, бывало, возьметъ въ переднюю лапу песку, станетъ на заднія лапы, протянетъ переднюю и сыплетъ курамъ песокъ; тѣ сдуру подбѣгутъ, а онъ и схватитъ, кто поближе. Вотъ за это Мишку изгнали на свиной дворъ. Съ медвѣдемъ плохо дружбу водить, это говорилъ намъ и Крыловъ; такъ и нашъ показалъ себя въ одинъ прекрасный день совершеннымъ медвѣдемъ. Старикъ Михайло, дворникъ подполковника Флиге, носилъ ему въ 12 часовъ всегда въ чашѣ пищу. Запоздаетъ—медвѣдь сердится. Покормивъ, водилъ его купать въ ручей: въ лѣвой рукѣ на цѣпи ведетъ его, а въ правой—палка. Однажды запоздалый обѣдъ былъ принятъ съ ревомъ, на заднихъ лапахъ; получивъ по головѣ нѣсколько напоминаній учтивости, медвѣдь съѣлъ пищу, но только-что его отвязали, чтобы вести купаться, онъ какъ-то улучилъ минуту, когда палка не была поднята надъ нимъ, бросился сзади на дворника, да лапой оторвалъ у старика одну изъ половинъ округленной части тѣла, которую нѣмцы называютъ sitzfleisch. Къ счастью, тутъ было много солдатъ; дубинами привели Мишку въ разсудокъ, а назавтра ужъ окорока его коптились въ высокой трубѣ командирскаго дома. Карлъ Яковлевичъ Флиге, человѣкъ веселый, прійдя къ постели старика, утѣшалъ его тѣмъ, что онъ теперь будетъ ужъ совершенно его товарищемъ, такъ какъ у него австрійцы подъ Городечнымъ оторвали ядромъ тоже лѣвую половину округлости. Старика вылечили.

Въ пяти верстахъ отъ насъ, вверхъ по Каменкѣ, на той же высокой плоскости, на которой стояла наша штабъ-квартира, были развалины армянскаго города Лори, гово-

рятъ, послѣдней столицы армянскихъ царей, когда ужъ царство ихъ было миніатюрное. Между многими колоннами и тесанными камнями мы нашли тамъ два довольно хорошо изваянныхъ барана. Подполковникъ Флиге приказалъ ихъ привезти къ намъ и поставить передъ канцеляріей. У насъ былъ писарь Шелухинъ, котораго К. Я. Флиге звалъ министромъ или просто Безбородко. Онъ наизусть зналъ всѣ постановленія, все касающееся до роты, но, увы, пилъ крѣпко. Толстый, одутловатый, съ краснымъ носомъ, онъ держалъ себя передъ солдатами довольно важно, почти всѣ говорили ему „вы“ и называли его по имени-отчеству; а какъ выпьетъ, дѣлался взыскательнымъ, и тогда двумъ писарямъ и сторожу доставалось отъ него. Когда однажды утромъ Шелухинъ пришелъ съ бумагами къ ротному командиру, подполковникъ Флиге сказалъ ему:

— Послушай, министръ, видишь этихъ барановъ?

— Вижу, ваше высокоблагородіе.

— Ну, такъ знай же, первый разъ, какъ ты напьешься, я для сраму посажу тебя на одного изъ нихъ, и пускай вся рота смѣется.

— Да когда же я былъ пьянъ? я не бываю пьянъ.

— Ну, объ этомъ полно; но знай, что я исполню, что̀ сказалъ. И чтожъ! Убоявшись сраму, цѣлый мѣсяцъ министръ не пилъ; но, приглядѣвшись къ баранамъ и позабывъ или принявъ за шутку сказанное ему подполковникомъ, Шелухинъ предсталъ предъ нимъ болѣе чѣмъ полупьяный. Министръ былъ посаженъ на барана верхомъ, и сторожъ приставленъ къ нему, чтобы сидѣлъ смирно. Но, увы, срамъ этотъ подѣйствовалъ въ противоположную сторону—онъ съ горя запилъ крѣпче!

Зима съ **1824** года на **1825** была морозная. Въ январѣ было сѣверное сіяніе, продолжавшееся съ минуту; половина видимаго небосклона была освѣщена палевымъ за-

ревомъ. Это было въ 7-мъ часу вечера. Часовой, стоявшій у денежнаго ящика, ударилъ въ окно и закричалъ: „небо горитъ!“

Электричество въ воздухѣ, въ ту зиму, было такъ сильно, что когда я чесалъ голову гребешкомъ, волоса трещали. Разъ вечеромъ, за чаемъ, я разсказываю объ этомъ Карлу Яковлевичу; онъ не вѣритъ, но когда и другіе офицеры подтвердили это, онъ взялъ со стола серебряный гребешокъ и началъ чесаться.

— Видите, что ничего не трещитъ!

— Да возьмите роговой, какимъ мы чешемся, а не металическій, сказалъ я.

— Ну, рогового нѣтъ, а черепаховый. И дѣйствительно, у всѣхъ трещали волоса.

— Надобно послать за Прасковьей—говоритъ Флиге—у ней искры посыпятся.

Приходитъ Прасковья, прачка наша, солдатская жена, полная, румяная бабенка, съ прекрасными черными волосами.

— Что вамъ, батюшка, надо?

— А, вотъ, пойдемъ-ка въ темную комнату!

— Какъ, батюшка, въ темную комнату, да зачѣмъ я пойду туда?

— Извѣстно зачѣмъ: зачѣмъ ходятъ съ бабами въ темную комнату.

Прасковья смотритъ своими темно-карими плутовскими глазами то на одного, то на другого.

— Да что же вы, батюшка, смѣетесь, иль на дуру напали на какую?

— Ну, полно, небось, вѣдь мы всѣ пойдемъ съ тобою; вотъ и Ѳедоръ (деньщикъ) пойдетъ; но прежде здѣсь надобно тебѣ косу расплесть.

Насилу уговорили бабенку. Но какъ распустила она

косу, какъ разсыпались ея черные, длинные, густые волосы ниже колѣнъ—мы забыли и объ электричествѣ.... Пошли въ темную комнату, начали чесать волосы—искры трещатъ и сыплются.

— Только-то, батюшка, за этимъ-то звали? да вы бы кошку противъ шерсти почесали, и она бы васъ позабавила.

Ротный праздникъ 3-й легкой роты былъ въ день св. Михаила, 8-го ноября. Къ этому дню для служенія молебна выписали изъ Караклиса священника Тифлисскаго полка, а какъ молебенъ долженъ былъ быть съ пушечной пальбой, то подполковникъ Флиге желалъ знать, гдѣ лучше, т. е. громче будутъ раздаваться гулъ и перекаты, чтобы въ томъ направленіи поставить орудія. Наше квартирное расположеніе было на лорійской долинѣ, опоясанной рѣчкою Джелалъ-оглу и отрогомъ Безобдала. Рѣчка текла съ изгибами въ глубинѣ оврага, скалистые берега коего были до 30 саженъ высоты. 7-го ноября, часовъ въ 11 утра, притащили на рукахъ орудіе, 6-ти фун. пушку, и подполковникъ самъ назначилъ откуда и по какому направленію стрѣлять. Насъ было четыре офицера: подпоручики Носенко-Вѣлецкій, Куколь-Яснопольскій и я и прапорщикъ Отрада. Пострѣлявъ въ разныхъ направленіяхъ и назначивъ какъ назавтра поставить орудія, подполковникъ пошелъ вверхъ по берегу. Вдругъ онъ остановился и кричитъ намъ: „ядромъ въ барановъ! я плачу!“ Внизу на берегу самой рѣчки паслись пять барановъ нашего духанщика (маркитанта); при нихъ былъ мальчишка. Духанщикъ, шедшій за подполковникомъ съ другими зрителями, услышавъ приказаніе стрѣлять въ его барановъ, началъ махать и кричать мальчику, чтобы бѣжалъ вонъ. Тотъ, растерявшись, погналъ было барановъ, но потомъ побѣжалъ съ благимъ матомъ. Четыре барана отошли отъ рѣчки, а одинъ, черноголовый, остался отдѣльно у самой рѣчки. Орудіе было

взвода подпоручика Носенко-Бѣленкаго. Ему говорятъ, чтобъ наводилъ орудіе, но онъ и другіе офицеры, а также солдаты при орудіи говорятъ, что это напрасный выстрѣлъ, что ядромъ попасть нельзя. Точно, выстрѣлъ былъ чрезвычайно наклонный (фишировавный), а разстояніе съ полверсты или около. Подполковникъ Флитге опять кричитъ: „чтожъ не стрѣляете?“

— Будете вы наводить, спрашиваю я у Носенко-Бѣлецкаго.

— Затѣмъ, чтобъ онъ послѣ смѣялся!

— Ну, такъ я наведу—сказалъ я—пускай смѣется!

Зарядъ вынули изъ передка, я сталъ наводить. Черноголовый баранъ стоитъ все на мѣстѣ—вѣрно, вкусную травку нашелъ. Я повернулъ весь клинъ, подложилъ еще подъ тарель свернутую бумажку, закричалъ подполковнику: „въ черноголоваго!“—„Бей!“—Выстрѣлъ.... Я за дымомъ ничего не вижу, солдаты кинулись къ обрыву, одинъ закричалъ —„убитъ!“ Тотчасъ три солдата бросились за своимъ шашлыкомъ и принесли черноголоваго барана, ядромъ разорваннаго надвое. Это былъ выстрѣлъ à la Гузинкинъ, надежда на свой собственный глазъ; теорія такимъ выстрѣламъ не научитъ. Карлъ Яковлевичъ Флитге, подойдя, говоритъ: „вотъ такъ снимаютъ часовыхъ.“ И когда я сказалъ, что, подвернувъ весь клинъ, подложилъ еще бумажку—прибавилъ: „хоронъ глазъ! дай Богъ вамъ въ дѣлѣ побольше такихъ выстрѣловъ.“ Я былъ очень доволенъ, чуть ли не выросъ на вершокъ отъ этой похвалы, и въ моемъ глупомъ самодовольствіи вспомнилъ—„да гдѣ ему!“—сказанное однимъ изъ товарищей въ то время какъ наводилъ орудіе. Я обернулся къ нему и съ нахальною самоувѣренностью бросилъ ему глупое: „а что—не попалъ?!“ Успокоившись отъ радостнаго волненія, я краснѣлъ за это „а что—не попалъ?!“ Сознаюсь, люблю справедливое одобреніе, но

съ тѣхъ поръ сталъ бояться похвалы. А Носенко, который боялся насмѣшки за неуспѣшный выстрѣлъ, долженъ былъ выслушать за обѣдомъ колкія насмѣшки, что побоялся даже испытать вѣрность глаза своего, да и солдатамъ дурной примѣръ.

Въ концѣ 1825 года получено было приказаніе генералъ-фельдцейхмейстера отправить на годъ изъ каждой бригады по одному офицеру въ арсеналы, чтобы учились мастерствамъ и могли быть полезными въ ротахъ. Въ это время померъ нашъ бригадный адъютантъ. Новый бригадный командиръ полковникъ Долгово-Сабуровъ предложилъ мнѣ занять это мѣсто. Я отказался. Онъ, не долго думая, назначилъ меня въ брянскій арсеналъ, какъ въ ссылку. Нечего дѣлать, простился я съ Каменкой. Въ Тифлисѣ, полковникъ Зеничъ, знавшій меня еще во Франціи и исправлявшій тогда должность начальника артилеріи (генералъ-маіоръ Базилевичъ вышелъ въ отставку), приказалъ мнѣ откланяться корпусному командиру, „такъ какъ онъ васъ знаетъ.“ Я пошелъ и былъ принятъ въ кабинетѣ.

— Вы куда изволите отправляться?

— Въ Брянскъ, ваше высокопревосходительство.

— Зачѣмъ это?

— По приказу Его Высочества, чтобы артилерійскіе офицеры усвоили себѣ арсенальную часть и потомъ могли быть полезны въ ротахъ.

— Такъ вы просили, чтобы васъ послали?

— Вовсе не просился, ваше высокопревосходительство, меня посылаютъ туда.

— Да отчего же именно тебя?

У меня такъ и срывалось съ языка—оттого, что въ адъютанты не хотѣлъ—однако удержался.

— Не знаю—отвѣчалъ я—но не по желанію.

Генералъ обратился къ стоящему тутъ адъютанту Та-

лызину „le petit“ (Талызинъ былъ малаго роста): „напиши бригадному командиру, чтобъ назначилъ другого офицера въ Брянскъ, а Бриммеръ пойдетъ лѣтомъ въ экспедицію.“

Я поклонился.

— Ну, ступай, тевтонъ; лѣтомъ тебя вызовутъ. Да поживи у насъ въ Тифлисѣ.

Пріятель мой Дейтрихъ, исправлявшій должность бригаднаго адъютанта, разсказывалъ мнѣ послѣ, какой страхъ произвела летучка съ большою печатью, изъ корпуснаго штаба, на нашего бригаднаго командира. Надобно сказать, что летучкой назывался конвертъ съ перышкомъ на печати, къ коему приклеивалась бумажка, въ которой на каждомъ посту записывалось время полученія и отправленія. Этотъ конвертъ отдавался казаку и онъ скакалъ до перваго поста, откуда немедленно скакалъ другой казакъ на свѣжей лошади и т. д., однимъ словомъ—это былъ нашъ телеграфъ, и посылался только въ особенно спѣшныхъ случаяхъ. Я доложилъ полковнику Зеничу, что корпусный командиръ приказалъ мнѣ остаться.—„Ну, вотъ и хорошо, въ четвергъ пойдемъ къ нему.“

По четвергамъ и по воскресеньямъ у Алексѣя Петровича собиралось все общество Тифлиса, т. е. только мущины; иногда бывали танцы. Дамъ было весьма мало. Грузинки только-что начинали принимать участіе въ нашей жизни, и, кажется, были очень обязаны генералу Ермолову, что онъ убѣдилъ мужей и отцовъ ихъ заняться серьознѣе хлѣбопашествомъ, распахивая пустопорожнія мѣста. Это убѣжденіе, приведенное почти во всемъ краѣ въ исполненіе, дало: намъ хлѣбъ, грузинамъ деньги, а красавицамъ наряды. Въ послѣдніе годы его правленія войска, расположенныя въ Грузіи и Карталиніи, могли уже продовольствоваться туземнымъ хлѣбомъ, тогда какъ доставка

его изъ Россіи черезъ Баку и кавказскія горы обходилась очень дорого. И плугъ понемногу вытѣснилъ саблю изъ занятій обитателей Закавказья.

Позволю себѣ еще припомнить одинъ случай за карточнымъ столомъ, обрушившійся на мою голову. Въ четвергъ полковникъ Зеничъ взялъ меня съ собою къ корпусному командиру. Двѣ залы были полны гостей. Алексѣй Петровичъ ходилъ и со всѣми былъ очень привѣтливъ. Слова его ловили. Стали разносить чай и все общество размѣстилось за зелеными столами. Я хотѣлъ уйти, какъ многіе это дѣлали, но полковникъ Зеничъ просилъ меня остаться и съ нимъ ѣхать. Тогда извощиковъ почти не было въ Тифлисѣ, а такъ какъ домъ корпуснаго командира отъ артилерійскаго былъ довольно далеко и шляться по грязи не весело, то я и остался ожидать П. Гр. Зенича. Около стола, за которымъ игралъ генералъ, были всегда зрители. Съ лѣвой стороны Алексѣя Петровича сидѣлъ Иванъ Александровичъ Вельяминовъ (послѣ генералъ-губернаторъ Сибири), начальникъ 21-й дивизіи, братъ начальника штаба; съ правой стоялъ стулъ. Ермоловъ, увидѣвъ меня, сказалъ: „садись, тевтонъ!“ Старикъ Вельяминовъ изъ-за стула Алексѣя Петровича смотритъ на меня съ любопытствомъ. Сыграли игры двѣ. Алексѣю Петровичу не везетъ. Онъ подаетъ мнѣ карты и говоритъ: „ну-ка, любезный тевтонъ, потасуй-ка ты, авось, на твое счастіе, я выиграю.“ Я взялъ карты и давай ихъ перебирать. Игру сыграли, я положилъ карты. Алексѣй Петровичъ далъ снять и началъ сдавать. Кончивъ, онъ собралъ свои карты, положилъ на столъ краномъ вверхъ и началъ по одной брать въ руки—такъ онъ всегда дѣлалъ. Я смотрю въ его карты и—о, ужасъ—все двойки, тройки и пятерки... Взявъ картъ восемь, онъ открыто положилъ ихъ на столъ, посмотрѣлъ на меня гнѣвнымъ и вмѣстѣ насмѣшливымъ

взглядомъ и продолжалъ вскрывать остальныя.... Страхъ обуялъ меня, душа ушла въ пятки! Вообразите, въ тринадцати картахъ ни одной фигуры, старшая карта девятка... Я обомлѣлъ. Генералъ обернулъ стулъ ко мнѣ.

— Что вы, милостивый государь, шутить изволите? Кто вамъ далъ право подбирать для меня шутовскую игру? Отвѣчайте!

Я молчалъ; игра началась.

— Вы не воображайте, что эта продѣлка вамъ съ рукъ сойдетъ—я васъ и на Каменкѣ найду. Я вамъ по службѣ мстить буду!

Всѣ улыбнулись, а Иванъ Александровичъ Вельяминовъ изъ-за спины генерала навелъ на меня лорнетъ и разглядывалъ мою физіономію. Я съ удовольствіемъ припоминаю такіе случаи, ибо кромѣ характерной черты русскаго, открыто-военнаго юмора, всѣ знали, что такая шутка, обращенная къ молодому офицеру, показывала благоволеніе къ нему Алексѣя Петровича.

На Кавказѣ и года не пройдетъ безъ происшествій. Въ прошлый годъ измѣннически убитъ полковникъ Верховскій, въ нынѣшній чеченцы убили двухъ генераловъ: Лисаневича и Грекова. Первый, недавно назначенный вмѣсто генерала Сталя, второй—управлялъ Чечней и былъ командиромъ егерской бригады. Лисаневичъ, извѣстный необузданною храбростью, былъ во всѣхъ дѣлахъ съ Котляревскимъ. Персіяне называли его *делибашъ* (сумасшедшая голова). Послѣ убіенія Верховскаго, Дагестанъ и Чечня стали волноваться, но первый скоро успокоился, только партіи лезгинъ, соединяясь съ чеченцами, разбойничали на кумыкской плоскости и переправлялись въ казацкія станицы; наконецъ дурь въ головѣ у нихъ дошла до того, что въ началѣ весны, когда лѣсъ одѣлся, они, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, обложили наше укрѣпленіе Герзель-аулъ, лежащее

на лѣвомъ, высокомъ берегу р. Аксая, при истокѣ его изъ кумыкскихъ отроговъ Кавказа на плоскость. Напротивъ его, на правомъ берегу, находился огромный аулъ Аксай, который, далеко вдаваясь въ ущелье, не весь обстрѣливался съ нашего укрѣпленія. Это укрѣпленіе было бастіонной системы съ полевыми профилями и, подобно всѣмъ укрѣпленіямъ на Кавказѣ, въ несовершенно исправномъ состояніи. Главное неудобство его состояло въ томъ, что за водой надобно было ходить на рѣку, внизъ; вся же рѣка не могла быть обстрѣливаема, потому что часть ея закрывалась высокимъ берегомъ.

Прежде всего горцы устроили закрытыя лазейки и стали не допускать людей къ водѣ. Въ укрѣпленіи были войска: баталіонный штабъ, 43-го егерскаго полка, кажется, 3-я карабинерная рота, прислуга гарнизонной артилеріи при семи чугунныхъ пушкахъ, изъ коихъ три 12-ти фунтовыя—не болѣе 15-ти человѣкъ, съ прапорщикомъ Икренниковымъ, и команда казаковъ, человѣкъ 10. На второй день горцы штурмовали укрѣпленіе съ горной, лѣсистой стороны, но были отбиты; нѣкоторые уже были наверху и, конечно, погибли. Потеря горцевъ была значительна—этого они не любятъ—картечь опустошала толпу. Зная, что воды у гарнизона нѣтъ, они расположились вокругъ, ожидая сдачи. Но тутъ капитанъ карабинерной роты Шпаковскій открылъ свой ледникъ, послѣ чего, въ 12 часовъ дня, производилась раздача каждому по кусочку льда, для утоленія жажды: сухарями поддерживали силы. Иногда, въ ночное время, удавалось смѣльчакамъ подойти къ рѣкѣ и принести воды. Дни были жаркіе. Весь гарнизонъ, больные и женщины были на валу. Старикъ Икренниковъ день и ночь дѣлалъ заряды, жена его и другія женщины шили картузы. Раза два-три въ день бывали тревоги: то толпа подкрадывается по оврагу, то съ дикимъ гикомъ, визгомъ,

крикомъ, какъ туча саранчи, несется съ горы толпа безумныхъ, расчитывавшихъ на упадокъ духа въ гарнизонѣ. Ихъ принимали картечью и пулями, и они, ошеломленные, бѣжали назадъ. На второй день еще была вода, ибо ею запаслись въ первый день осады; три дня раздавали ледъ. На шестой день всѣ были въ недоумѣніи, что̀ съ ними будетъ?.... Артилерійскихъ зарядовъ и патроновъ уменьшилось до того, что съ безпокойствомъ думали о возможности ихъ истощенія; воды нѣтъ, сухарь только горло рѣжетъ; хотя духъ бодръ, но... плоть немощна. На шестой день утромъ, часовъ въ 8 или 9, у горцевъ необыкновенное движеніе: толпы уходятъ за Аксай въ аулъ, спускаются съ горъ и останавливаются со стороны Терека. Движеніе это не напрасно—идетъ спаситель! Все ожило.... Деньщикъ съ крыши дома закричалъ какимъ-то нечеловѣческимъ голосомъ: „наши идутъ,“ — и всѣ встрепенулись! Какъ по командѣ, всѣ сняли шапки и перекрестились.

Генералъ-маіоръ Грековъ,ославъ по летучей картѣ донесеніе генералъ-лейтенанту Лисаневичу въ г. Ставрополь, что горцы въ большихъ силахъ обложили укрѣпленіе Герзель-аулъ, приказалъ двумъ ширваискимъ баталіонамъ, расположеннымъ по станицамъ на Терекѣ, собираться къ переправѣ у Амиръ-Аджи-юрта, равно и нѣсколькимъ сотнямъ линейскихъ казаковъ съ четырьмя ихъ орудіями; самъ же изъ Грозной пошелъ съ двумя ротами 43-го егерскаго полка и, переправившись близь Горячихъ водъ у Николаевской, тоже спѣшилъ къ переправѣ. Генералъ Лисаневичъ, получивъ донесеніе, сѣлъ, не думая долго, въ коляску и поскакалъ къ переправѣ. Около Моздока въ колясксѣ сломалась ось; онъ пересѣлъ на телѣжку и, прискакавъ къ переправѣ, приказалъ переправившимся егерямъ идти за нимъ, а ширванцамъ, немедленно по переправѣ, слѣдовать къ Герзель-аулу, съ 4-мя орудіями легкой № 2-й

батареи 19-й артилерійской бригады, пришедшими изъ ст. Старогладковской. Отдавъ эти незатѣйливыя приказанія, онъ сѣлъ на казацкую лошадь и, приказавъ Грекову поторопиться переправою пѣхоты, а потомъ слѣдовать поспѣшнѣе за нимъ, пошелъ впередъ, прямо къ Герзель-аулу— гдѣ шагомъ, гдѣ рысцой—съ нѣсколькими сотнями линейскихъ казаковъ и четырьмя казачьими орудіями. Говорятъ, что генералъ Грековъ уговаривалъ его обождать всю пѣхоту и двигаться одновременно всѣмъ отрядомъ, но, вмѣсто отвѣта, Лисаневичъ ускакалъ съ казаками.... Вотъ это и былъ спаситель, это и вызвало радостный крикъ: „наши идутъ!“ Грековъ велѣлъ егерямъ слѣдовать ускореннымъ шагомъ и потомъ догналъ ихъ. Впереди скакали гребенскія сотни, предводимыя ихъ войсковымъ старшиною Фроловымъ, рослымъ, плечистымъ мужчиною, лѣтъ шестидесяти, сѣдымъ, какъ лунь: въ правой рукѣ своей онъ имѣлъ длинное куртинское копье изъ багдадскаго тростника; подлѣ него ѣхалъ генералъ. Не доѣзжая съ версту до спустившихся съ горъ чеченцевъ, изъ-за правой сотни выскакиваютъ четыре конныя орудія и обдаютъ горцевъ картечью. Лисаневичъ вырываетъ копье у Фролова, съ крикомъ —„за мной!“ Всѣ сотни казаковъ, шашки наголо, понеслись на чеченцевъ—рубили ихъ, какъ капусту. Но вотъ артилерія подъѣзжаетъ къ горѣ, бросаетъ въ толпы ядра и гранаты. Лисаневичъ съ пикой, Фроловъ безъ шапки несутся на отлогую гору, гдѣ были подѣланы въ разныхъ мѣстахъ изъ бревенъ завалы. Но что это за преграда для ожесточенныхъ спасителей—нѣсколько наброшенныхъ бревенъ?! Кто черезъ, кто въ объѣздъ, но все скачетъ впередъ, все рубитъ. Кто ждалъ казака за заваломъ и выстрѣлилъ—тотъ тутъ и легъ; кто бѣжалъ—того рубили. Спаслись тысячи ушедшихъ рано утромъ. На горку подъѣхала артилерія и скоро очистила лѣсокъ.

Но васъ заняла молодецкая удаль казаковъ съ генераломъ „делибашъ“ впереди и потому вы не взглянули на укрѣпленіе. Только-что казаки понеслись на гору, гарнизонъ вышелъ изъ крѣпости и принялъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ, а артилерія съ валу громила уходившихъ горцевъ. Вскорѣ двѣ роты егерей, съ Грековымъ, пришли или, лучше, прибѣжали и совершенно очистили лѣсъ, а казаки—всю окрестность.

Надо замѣтить, что чеченцы, начавъ волноваться, поджигали кумыковъ соединиться съ ними; но кумыки, зная скорую расправу русскихъ, не хотѣли приставать къ нимъ, причемъ вся кумыкская плоскость глядѣла на два своихъ большихъ аула: Андрееву (близь которой укрѣпленіе Внезапное) и Аксай. Первый не поддался: старики удержали молодежь; но Аксай, какъ ни держался, наконецъ пустилъ чеченцевъ, и приставъ кумыковъ долженъ былъ уйти изъ аула въ укрѣпленіе.

Только-что Лисаневичъ въѣхалъ въ укрѣпленіе, какъ послалъ пристава въ Аксай-аулъ съ приказомъ явиться всѣмъ жителямъ завтра въ укрѣпленіе, если хотятъ, чтобы аулъ остался цѣлъ. Утромъ, въ 9 часовъ, около 300 человѣкъ изъ аула начали подниматься къ укрѣпленію. Караульный офицеръ, получивъ приказаніе впустить горцевъ, остановилъ ихъ за воротами и сталъ отбирать оружіе: кинжалы, шашки, у нѣкоторыхъ ружья—горецъ безъ ружья изъ сакли не выйдетъ. Приставъ доложилъ, что горцы пришли и что тѣ, которые возмущали народъ—здѣсь-же. Генералъ приказалъ поставить ихъ на площадь, „да не мѣшкать, проворнѣе!“ Двѣ егерскія роты, пришедшія съ генераломъ Грековымъ, расположились на небольшой площади въ укрѣпленіи—ружья въ козлахъ, люди на землѣ. Всѣ казаки находились внѣ укрѣпленія, близь рѣки Аксая. Утромъ были, по обыкновенію, отправлены команды въ

лѣсъ за дровами, съ приличнымъ конвоемъ отъ гарнизона и отъ пришедшихъ войскъ. Такъ какъ повозокъ не было, то солдаты несли дрова на себѣ, почему всѣ были безъ ружей. Прочіе солдаты пошли къ однополчанамъ въ казармы разспрашивать и разсказывать, такъ что на площади было, кромѣ аксайскихъ кумыкъ, нѣсколько зѣвакъ, нѣсколько любопытныхъ казаковъ и два часовыхъ у фронта при ружьяхъ.

Часовъ въ 11 генералъ Лисаневичъ выходитъ изъ маленькаго комендантскаго домика и спрашиваетъ: „да скоро ли кончатъ обезоруживать ихъ?“ Потомъ, вскорѣ, посылаетъ своего адъютанта, чтобы поторопились и вслѣдъ ему кричитъ: „да скажи, чтобы впустили, какъ они есть!“ Генералъ Грековъ, приставъ (кажется, капитанъ Ѳедоровъ) и другіе штабъ-офицеры, бывшіе около генерала, начали просить его, чтобы позволилъ отнять у всѣхъ оружіе, что на нихъ полагаться нельзя. Лисаневичъ съ нетерпѣніемъ повторилъ приказаніе: „впустить тотчасъ!“ Роковое приказаніе! Судьбу не обойдешь.

Караульный офицеръ, получивъ это приказаніе, отворилъ ворота. Кумыки толпой вошли. Караульные продолжали у приходящихъ отбирать оружіе, но уже на-скоро, не обыскивая ихъ, брали что видѣли. Вся толпа кумыковъ, около 300 человѣкъ, помѣстилась на площади, передъ крылечкомъ комендантскаго дома, у коего стояли генералы и нѣсколько офицеровъ. Вправо отъ кумыковъ стояли ружья въ козлахъ, влѣво—два полуфурка. Генералъ Лисаневичъ, сдѣлавъ шага два къ нимъ, гнѣвно сказалъ имъ, что только по просьбѣ генерала Грекова не истребилъ всѣ бунтовавшія деревни, но главныхъ виновниковъ онъ накажетъ. „Перескажите имъ это“, сказалъ онъ приставу, и когда тотъ кончилъ—„выкликайте!“ Приставъ громко прочелъ одно имя. Его обыскали и отвели.

Кликнули другого — отвели; потомъ Хаджи-мулла Х... Адъютантъ генерала подходитъ къ нему, чтобы снять съ него огромный лезгинскій кинжалъ. Мулла, высокій, крѣпко сложенный мущина, медленно отстегиваетъ поясокъ кинжала и, когда Лисаневичъ громко сказалъ: „въ Сибирь!“— лѣвой рукой въ грудь отталкиваетъ адъютанта... въ правой рукѣ блеснулъ кинжалъ... Лисаневичъ упалъ, Грековъ пошатнулся. Мулла обернулся къ приставу, отбѣжавшему къ повозкамъ; тотъ ударилъ его по рукѣ шашкой. Вдругъ выстрѣлъ—и мулла повалился. Два брата Эмины, изъ аксайскихъ кумыковъ, служившіе при приставѣ и не отходившіе ни на минуту отъ него, имѣя ружья въ рукахъ, выстрѣлили, но и приставъ получилъ легкую рану въ руку. Всѣ эти убійства совершены въ мгновеніе, въ полминуты. Но выстрѣлы вывели всѣхъ изъ оцѣпѣненія; тревога сдѣлалась общая! Солдаты бросаются къ ружьямъ, казаки вынули шашки, и все, что было русскаго, бросилось на толпу кумыковъ. Они бѣгутъ къ воротамъ, ихъ преслѣдуютъ—и колятъ, и рубятъ, и бьютъ чѣмъ попало. У воротъ ихъ встрѣчаютъ возвращающіяся изъ лѣсу команды; дрова брошены, ружья и полѣна на руку—и пошла свалка. Свалка была, но не рѣзня: обезоружить успѣли немногихъ, не болѣе сотни—всѣ прочіе защищались. Ожесточеніе нашихъ доходило до изступленія и потому, хотя и у насъ были раненые и, кажется, двое убитыхъ, кумыки пали почти всѣ въ крѣпости и у воротъ. Спаслись нѣкоторые, которымъ удалось броситься въ офицерскія квартиры и тамъ спрятаться. Это побоище кумыкъ въ минуту изступленія понятно: въ глазахъ солдатъ зарѣзаны два ихъ любимые начальника! Да, любимые! Грекова давно знали; Лисаневича же полюбили въ одну минуту, видя его на конѣ съ пикой въ рукахъ, впереди. Какъ кавказскому солдату не уважать рѣшительность и отвагу въ начальникѣ? Ему часто выпадаетъ на

долю только въ нихъ видѣть успѣхъ или даже спасеніе! И потому не удивляйтесь этой изступленной ярости, почти безсознательно убивавшей. Въ такомъ настроеніи были солдаты; кумыковъ же, ошеломленныхъ неожиданнымъ происшествіемъ, до того обуялъ страхъ, что они окаменѣли и только послѣ выстрѣла и крика: „бей ихъ!“ бросились бѣжать. Ну, еслибы они схватились за близстоявшія въ козлахъ ружья?...

Линейскіе казаки одѣты, какъ горцы. Разсказывали, что одинъ солдатъ, справившійся уже съ нѣсколькими кумыками, встрѣтивъ казака, пырнулъ его штыкомъ; тотъ— „что ты, я казакъ!“—солдатъ глядитъ на него и въ какомъ-то тупомъ, безсмысленномъ изступленіи нанесъ ему пять ранъ, но такой уставшей рукою, что казакъ показывалъ ихъ, смѣха ради. Мнѣ разсказывалъ одинъ офицеръ изъ герзель-аульскаго гарнизона, что онъ въ тотъ день утромъ смѣнился съ караула и, раздѣвшись, легъ спать. Вскорѣ онъ былъ разбуженъ шумомъ подлѣ двери, потомъ что-то повалилось:

— Дверь отворилась и въ хату вбѣгаетъ мой аксайскій кунакъ (пріятель), блѣдный, огромный кинжалъ въ рукѣ, кричитъ: „спаси!“ и съ этимъ словомъ—бухъ ко мнѣ подъ кровать! Вообразите мое положеніе! Не зная, что случилось, я предполагалъ, что кунакъ мой рехнулся и что имѣть его въ близкомъ сосѣдствѣ, особенно когда у него кинжалъ въ рукѣ, не хорошо. Вскочилъ съ постели—и былъ таковъ!

Другъ на друга навели страхъ! Не такъ ли Кутузовъ и Наполеонъ послѣ битвы подъ Мало-Ярославцемъ, оба ошеломленные, повернулись другъ къ другу спиной: одинъ пошелъ къ полотнянымъ заводамъ, а другой на Вязьму, по голодной дорогѣ?!

Вотъ эту то неурядицу генералъ Ермоловъ долженъ былъ привести въ порядокъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ я получилъ предписаніе прибыть въ Тифлисъ и сформировать тамъ взводъ горной артилеріи, принявъ для того людей, лошадей и сбрую отъ резервной батареи 21-й артилерійской бригады, и слѣдовать съ нимъ во Владикавказъ. Орудія были 3-хъ фун. единороги, на четырехъ-колесномъ англійскомъ лафетѣ; запрягались въ 4 лошади. Все это разбиралось и накладывалось на вьюки для слѣдованія по горамъ. На каждое орудіе имѣлось 120 зарядовъ—на трехъ вьюкахъ и въ передкѣ. Съ этими орудіями я перешелъ въ первый разъ кавказскія горы. Погода была прекрасная; прислуга—народъ удалой, веселый; я молодъ и здоровъ; переходъ чрезъ горы былъ прогулкою. Кажется, трудовая служба въ горныхъ экспедиціяхъ и чистый нагорный воздухъ развиваютъ въ кавказскомъ солдатѣ какую-то свободу движеній, умственныхъ и физическихъ силъ, проявляющихся и въ смѣшныхъ, и въ серьозныхъ случаяхъ. При мнѣ былъ солдатъ, вродѣ вѣстового. Наканунѣ выступленія изъ Тифлиса, вечеромъ, онъ говоритъ мнѣ:

— Ваше благородіе, позвольте пропасть на нынѣшнюю ночь.

— Какъ пропасть! Куда пропасть? Да говори толкомъ, что тебѣ надо?

— То-есть, ваше благородіе, не ищите меня; а завтра какъ встанете—и самоваръ будетъ готовъ.

Хотя просьба и не была пристойная, служебная, я дозволилъ ему пропасть. Вставъ наутро, я нашелъ все готовымъ: самоваръ кипитъ, платье и сапоги вычищены; только у Ивана Богатырева волосы мокры.

— Что ты, купался?

— Гдѣ тамъ, времени нѣтъ; ведро воды на голову вылилъ.

При выступленіи моемъ изъ Тифлиса, генералъ Ермоловъ былъ крѣпко нездоровъ, и уже начали сомнѣваться,

чтобъ онъ не поручилъ кому другому чеченскую экспедицію. Но, слава Богу, ему стало легче и 18-го іюля, кажется, онъ выѣхалъ во Владикавказъ, еще не совсѣмъ оправившись. Дорогой чрезъ горы Алексѣй Петровичъ простудился и, пріѣхавъ во Владикавказъ, слегъ. Вѣсть о его болѣзни и даже о его смерти разнеслась быстро по горамъ. Дня три-четыре лихорадочная слабость и жаръ не оставляли его—трудно было произвести транспирацію въ этой могучей натурѣ. Доктору было съ нимъ не легко: онъ его не слушалъ, лекарствъ не принималъ, а рецепты хотя и позволялъ прописывать, но читалъ ихъ самъ и спорилъ съ докторомъ—говорилъ, что всѣ эскулапы не болѣе насъ, профановъ, знаютъ, а чванятся только тѣмъ, что маракуютъ полатыни, и такъ какъ онъ самъ знаетъ латинскій языкъ —языкъ Цицерона, не аптекарскій,—то его трудно надуть, и что онъ считаетъ себя тоже немного фельдшеромъ! Эти оригинально-пестрыя разсужденія оканчивались всегда такъ: „и потому, милостивый государь, я этого не приму: выдумайте что почище!“

Съ такимъ больнымъ трудно возиться, и бѣдный докторъ, который со всѣми окружающими, какъ говорится, души не чаялъ въ Алексѣѣ Петровичѣ, разъ сказалъ ему, что онъ губитъ себя и что онъ не можетъ нести отвѣтственности за больного, который его не слушаетъ,—и вышелъ.

Къ счастью, опасенія доктора не оправдались. Вѣроятно, Алексѣй Петровичъ зналъ свою натуру и потому позволялъ себѣ шутить съ эскулапомъ: но всѣмъ намъ было не до смѣха, видя слабость его. Когда на третій день Алексѣй Петровичъ всталъ съ постели, пришелъ комендантъ генералъ Скворцовъ. Онъ между разговоромъ спрашиваетъ его: „а горные единороги пришли?“ и, на утвердительный отвѣтъ, приказалъ мнѣ явиться. Генералъ Сквор-

цовъ тотчасъ послалъ за мною и передалъ приказаніе. Я пошелъ, адъютантъ доложилъ. Алексѣй Петровичъ лежалъ на диванѣ въ большой комнатѣ; видно было, что онъ очень слабъ.

— Отчего тебя не видно, тевтонъ? Прошу разъ навсегда быть поближе къ намъ.

Съ этого дня я ежедневно, на стоянкахъ и въ походѣ, обѣдалъ и вечеромъ пилъ чай у Алексѣя Петровича въ теченіе всей экспедиціи, продолжавшейся съ 3-го августа до 9-го мая 1826 года. Иногда случалось заставать его одного; если онъ занятъ письмомъ, то скажетъ—„садись“ и дастъ книгу въ руки, но не позволитъ уйти; случалось, раскладываетъ пасьянсъ—тогда начинаетъ разговаривать, разспрашиваетъ объ отцѣ моемъ и о службѣ. Любилъ разсказывать о военныхъ дѣлахъ, въ коихъ участвовалъ, и о разныхъ событіяхъ своей жизни.

Въ іюлѣ пришелъ высочайшій приказъ съ артилерійскимъ производствомъ—я былъ произведенъ въ поручики. 25-го іюля, въ обѣденный часъ, мы стали собираться къ Алексѣю Петровичу. Когда я вошелъ въ залу, почти всѣ господа (штабные) уже были тамъ. Алексѣй Петровичъ сидѣлъ въ углу на диванѣ, локтемъ подпершись на столикъ; голова лежала на рукѣ, ноги протянуты; видно было, что онъ былъ очень слабъ.

— Ты произведенъ, поздравляю—сказалъ онъ слабымъ голосомъ—сколько лѣтъ былъ подпоручикомъ?

— Пять лѣтъ прапорщикомъ и пять лѣтъ подпоручикомъ.

— Какъ туго идутъ чины въ артилеріи—и, обращаясь къ двоюродному брату своему Сергѣю Николаевичу Ермолову—вотъ ты давно ли офицеръ (тотъ былъ гвардейскаго генеральнаго штаба)—ты будешь полковникомъ, а онъ и до капитана не дойдетъ.

Все это онъ говорилъ очень слабымъ голосомъ и замолчалъ. Всѣ молчали, видя его слабость. Онъ закрылъ глаза и, видимо, желалъ заснуть, но въ дремотѣ локоть скользилъ по столу и онъ, просыпаясь, вздрагивалъ; такъ было раза два. Я стоялъ подлѣ стола, гдѣ остался послѣ разговора. Всѣ, видя, что онъ желаетъ заснуть, притихли, а нѣкоторые господа на цыпочкахъ выходили въ отворенную дверь въ столовую. Я нагнулся къ столу, тихо придвинулъ нижнюю часть лѣвой руки къ его локтю, чтобъ онъ не скользилъ, и въ такомъ положеніи стоялъ долго. Всѣ вышли въ столовую. Алексѣй Петровичъ спалъ. Одинъ за другимъ господа подходили къ двери и звали меня обѣдать. Я отмахнулся разъ правой рукой и, съ чувствомъ, право, сыновней любви, смотрѣлъ на эту могучую, покоющуюся натуру. Но чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе становилось мнѣ въ нагнутомъ и неподвижномъ положеніи. Господа отобѣдали. Онъ спитъ... Какъ тихъ былъ его сонъ, съ ровнымъ дыханіемъ. Я не отвожу глазъ отъ блѣднаго лица... На лбу показались крупныя капли.... Мнѣ невыносимо-тяжело стоять, но я не шевелюсь. Вдругъ больной открываетъ глаза, правой рукой поводитъ по лбу. Я выпрямился и невольно вздохнулъ.

— Ахъ, какъ легко! Это ты, тевтонъ? Что, я спалъ, кажется?

Докторъ и нѣкоторые были тутъ; я вышелъ и сѣлъ обѣдать.

Въ 1856 году, въ Москвѣ, возвращаясь изъ Грузіи въ Петербургъ, я былъ у Алексѣя Петровича. Онъ припомнилъ мнѣ это и пожалъ крѣпко руку мою.

На другой день онъ спрашиваетъ меня:

— Правда ли Флиге разсказывалъ, будто ты крѣпко наклоннымъ выстрѣломъ, ядромъ, убилъ барана, въ котораго цѣлилъ?

Я подтвердилъ слова Флиге.

— Случай, братецъ!

— Нѣтъ, не случай, ваше высокопревосходительство, сказалъ я.

— А чтожъ? Ужъ не на школьной ли скамьѣ тебя выучили такой невозможной вѣрности?

— Ваше высокопревосходительство, я сказалъ впередъ на какой предметъ навожу орудіе; подвернувъ весь клинъ, я подложилъ еще свернутую бумажку, слѣдственно я дѣйствовалъ сознательно. Ядропо летѣло, куда я хотѣлъ. Какъ же ваше высокопревосходительство этотъ вѣрный выстрѣлъ называете случайнымъ?

Ему, видимо, пріятна была моя горячность.

— Ну, ты самъ знаешь, это выстрѣлъ невѣрный, слѣдственно тутъ искусства нѣтъ; да другого такого выстрѣла и не сдѣлаешь.

— Да я и не хвалился искусствомъ—это выстрѣлъ à la Грузихинъ.

— Это что за новый родъ выстрѣловъ?

— Выстрѣлъ au naturel, ваше высокопревосходительство!

Тутъ я припомнилъ 1822 годъ, выстрѣлъ у Каменнаго моста на Кубани и на горѣ во время привала, въ Кабардѣ, въ безстыднаго горца. Онъ засмѣялся и сказалъ: „увидимъ, сдѣлаешь ли еще такой выстрѣлъ?“

И часто впослѣдствіи приводилось мнѣ, стрѣляя во время сраженія или въ отдѣльные предметы—увы, не въ барановъ—заслуживать похвалу начальства.

IV.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ЧЕЧНЮ ВЪ 1825 И 1826 ГОДАХЪ. Обозрѣніе края и предварительныя распоряженія. Расходныя статьи безъ подписи. Численность отряда. Точно ли это Ермоловъ? Аулъ Эндери или Андрей. Ермоловъ въ Герзель-аулѣ. Я на отдѣльномъ посту. Разбои на плоскости. Перевозка крѣпостныхъ орудій. Раздача наградъ. Постройка полевыхъ укрѣпленій. Si fabula non vera e ben trovato. Разсказы А. П. Ермолова. Роспускъ отряда по станицамъ. Смерть Государя. Пріятель мой Дейтрихъ. Фальшивая тревога. Мищенко. Дѣло при сел. Башлы. Начальникъ и молодежь другъ друга понимаютъ. Шамайка. Тараканы. Завтракъ въ первый день Рождества. Еще присяга.

Кампанію чеченскую **1825** и **1826** годовъ можно раздѣлить на 4 періода: 1) обозрѣніе края и предварительныя распоряженія. 2) постройка укрѣпленій вновь и исправленіе имѣющихся, 3) зимній походъ и 4) весенній походъ.

Въ первые двадцать пять лѣтъ войска, занимавшія этотъ новый для насъ край, были немногочисленны, по пространству, которое должны были охранять или, лучше сказать, занимать, и потому экспедиціи производились весьма малыми отрядами. 9-го августа Ермоловъ, еще не совсѣмъ оправившійся отъ болѣзни, выѣхалъ изъ Владикавказа въ кр. Грозную, съ ротою Тифлисскаго полка, пришедшею съ нимъ изъ Тифлиса, казачьимъ полкомъ Сергѣева, однимъ орудіемъ Гребенскаго казачьяго полка и моими двумя единорогами. Въ Назрани присоединился къ намъ баталіонъ Шырванскаго полка, а въ Грозной—двѣ роты расположеннаго тамъ 43-го егерскаго полка и два орудія легкой № 2 артилерійской бригады. Въ крѣпости Грозной генералъ собиралъ положительныя свѣдѣнія о положеніи края и узналъ достовѣрно, что кумыки вовсе не сочувствовали возстанію чеченцевъ, что было пріятно Алексѣю Петровичу, но что слухъ о болѣзни и смерти Ермолова встревожилъ ихъ; вообще же на кумыкской плоскости все было покойно, кромѣ нѣкоторыхъ буйныхъ головъ, приставшихъ къ чеченцамъ. Ауховцы, живущіе между гор-

ными чеченцами и Андреемъ, почти всѣ были вмѣстѣ со своими горными сосѣдями. Лазутчики донесли также, что чеченцы все время находятся въ сборѣ, что во главѣ ихъ стоитъ Бей-Булатъ и что они послали къ лезгинамъ нанимать ихъ и звать на помощь себѣ.

Узнавъ, что при описи имѣнія убитаго генералъ-маіора Грекова оказалась очень значительная сумма въ наличности, но что въ расходной книгѣ объ экстраординарной суммѣ много статей не подписано генераломъ Грековымъ, Алексѣй Петровичъ очень сердился и хотѣлъ отдать подъ военный судъ казначея управленія. Только ходатайство полковника Сарочана, командира 43-го егерскаго полка, и убѣдительное свидѣтельство его, что онъ казначей отличный, безкорыстный и аккуратный офицеръ,—только заступничество этого стараго, всѣми уважаемаго полковника спасло отъ несчастія молодого человѣка. Сарочанъ говорилъ генералу, что Грековъ, точно, имѣлъ привычку подписывать разомъ много статей и что, при первомъ извѣстіи объ убіеніи генераловъ, казначей прибѣжалъ къ нему съ книгой и, указывая на неподписанныя статьи, говорилъ: „я несчастный—генералъ погубилъ меня! при выступленіи его изъ Грозной, я принесъ книгу и просилъ подписать статьи, онъ сказалъ—какъ вернусь!“ Однако, Алексѣй Петровичъ не хотѣлъ принять доводы Сарочана къ совершенному оправданію молодого человѣка и, призвавъ его къ себѣ, далъ ему крѣпкій выговоръ въ такихъ, хотя пристойныхъ, но краснорѣчиво-энергическихъ словахъ, что офицеръ, потрясенный рѣчистымъ потокомъ, заплакалъ. „Посмотрите—говорилъ ему Ермоловъ—вотъ стоитъ мой казначей; онъ человѣкъ не дальній, не получилъ вашего образованія, но человѣкъ честный; онъ всякую статью приноситъ мнѣ подписать—ибо и мнѣ этими дрязгами должно заниматься—но не всегда есть къ тому время: случается, что я гоню его, но

онъ не отстанетъ безъ моей подписи; вотъ такъ и вамъ слѣдовало служить," и проч. Легко сказать, но какъ принудитъ офицеръ какого нибудь дюжиннаго начальника исполнить свою обязанность, когда тотъ въ олимпійскомъ тупоуміи своемъ прикажетъ ему молчать? Молодой человѣкъ вышелъ изъ залы совершенно потерянный и проговорилъ: „хоть пулю въ лобъ!" Но добрый, умный Сарочанъ тотчасъ призвалъ его и успокоилъ.

14-го августа выступили мы изъ крѣпости Грозной, присоединивъ къ отряду двѣ роты 43-го полка. Переправясь черезъ Терекъ у Николаевской сл., пришли черезъ ст. Червленную къ амиръ-аджи-юртовской переправѣ, гдѣ къ намъ присоединились 500 гребенскихъ казаковъ съ 4-мя конными орудіями; такъ что въ первый періодъ экспедиціи отрядъ состоялъ: 2 баталіона Ширванскаго полка, 2 роты егерскаго, донской полкъ Сергѣева, 500 гребенскихъ казаковъ, 4 пѣшихъ орудія, 4 конныхъ и 2 горныхъ. 20-го переправились чрезъ Терекъ и 23-го прибыли въ Андрей. На отрогѣ горъ, отдѣляющихъ кумыкскую плоскость отъ Чечни, виднѣлись пикеты горцевъ и кое-гдѣ ихъ толпы.

Во время ночлега на переправѣ у Терека Ермолову доложили, что изъ Андреевой пришли два почтенныхъ кумыка и хотятъ его видѣть. Когда ихъ допустили къ нему, они поклонились и хотѣли уйти.

— Что съ ними? вѣдь не затѣмъ же они пришли, чтобы посмотрѣть на меня, сказалъ онъ переводчику, кн. Мадатову.

— Именно затѣмъ—сказали кумыки—у насъ въ Андреѣ распустили слухъ, что ты померъ и что другой генералъ надѣлъ твой мундиръ и называетъ себя Ермолай. Вотъ какъ мы тебя видѣли прежде и знаемъ, то насъ и послали посмотрѣть, и, слава Аллаху, что ты живъ—а то не удержать бы нашу молодежь!

Имъ сказано, что дня чрезъ два будутъ у нихъ въ гостяхъ и чтобы полъ-аула было очищено отъ жителей. Это они исполнили. Оврагъ раздѣлялъ насъ отъ жителей, когда отрядъ сталъ на квартиры.

21-го мы расположились на р. Аксаѣ у деревни Ташъ-Кичу (каменный бродъ). На это мѣсто генералъ хотѣлъ перевесть жителей аула Аксай изъ ущелья; укрѣпленіе же герзель-аульское уничтожить, а выстроить у Ташъ-Кичу другое. На слѣдующій день онъ осматривалъ мѣстность и назначилъ, гдѣ быть аулу и укрѣпленію.

23-го мы прибыли въ аулъ Эндери или Андрей (нашли тутъ баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, пришедшій наканунѣ съ инженернымъ подполковникомъ Литовымъ), по сказаніямъ, построенный русскими выходцами, какъ извѣстно, жившими прежде на правомъ берегу Терека. Они очень братались съ кумыками, переняли ихъ костюмъ, женились на кумычкахъ—оттого и случается видѣть между гребенскими и моздокскими казаками и казачками красивыя горскія лица. Петръ I положилъ конецъ этому братскому житью, и явившихся къ нему русскихъ людей изъ-за Терека перевелъ на лѣвую его сторону. Но, по разсказамъ казаковъ, дружескія отношенія съ кумыками продолжались еще долго. Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ сношеній и связей кумычки не строго закрываются, а то и вовсе бываютъ безъ покрывала. Ихъ стройный ростъ и красивыя лица не нуждаются въ покрывалахъ, хотя и у нихъ они въ обычаѣ.

Въ Андреевомъ аулѣ мы расположились по квартирамъ. Обозъ и артилерія составили вагенбургъ на оконечности аула, подъ прикрытіемъ одной роты. Мои два горные единорога поставлены были на дворѣ квартиры генерала, при которой былъ пѣхотный караулъ. По затруднительному продовольствію, артилерійскія и подъемныя лоша-

ди были отправлены на кумыкскую плоскость въ Темиръ-аулъ, съ полкомъ Сергѣева. Сотни двѣ линейскихъ казаковъ были оставлены при отрядѣ, прочіе распущены по домамъ.

Чеченцы были въ сборѣ до 3000 человѣкъ, подъ начальствомъ Бей-Булата, и расположились надъ Акташъ-юртомъ, на противоположной Андрей-аула лѣсистой горѣ, такъ что съ горной поляны надъ ауломъ, называемой Чумлы, виденъ былъ ихъ таборъ. Здѣсь отрядъ простоялъ до 17-го сентября. Въ это время было исправлено и снабжено всѣмъ нужнымъ укрѣпленіе Внезапное.

Съѣздивъ съ малымъ конвоемъ изъ всѣхъ родовъ войскъ въ укрѣпленіе герзель-аульское, Алексѣй Петровичъ увидѣлъ всѣ недостатки онаго и рѣшилъ въ наказаніе аксаевцамъ перевести ихъ на Ташъ-Кичу, построивъ тамъ новое укрѣпленіе, что̀ и начали немедленно приводить въ исполненіе. Призвавъ къ себѣ старшинъ, онъ крѣпко ругалъ ихъ за то, что пристали къ чеченцамъ, коихъ они всегда презирали, за которыхъ никогда не отдавали дочерей своихъ, а теперь дѣлались клятвопреступниками, измѣнниками, въ угоду разбойникамъ-чеченцамъ. „Я всегда считалъ кумыковъ своими друзьями, я любилъ васъ; Андрей-аулъ и другіе остались моими друзьями. А вы, жители богатаго аула, на который всѣ смотрѣли съ уваженіемъ... имѣете при себѣ укрѣпленіе и убоялись—кого?—оборванцевъ ауховцевъ и чекалокъ чеченцевъ. За это я васъ накажу.“ Потомъ благодарилъ за добрую службу гарнизонъ, столь мужественно защищавшій укрѣпленіе, говорилъ со всѣми офицерами, очень благодарилъ капитана Шпаковскаго, ходилъ между собравшимися солдатами—тому слово, тому два, кому руку на плечо положитъ, кого по головѣ погладитъ. Офицеры и солдаты такъ и таращатъ на него глаза, кажется, говорятъ—„прикажи только!“ Призвалъ старика

Икренникова и жену его, благодарилъ обоихъ, приказалъ выдать имъ въ помощь сто рублей. Роздалъ нѣсколько георгіевскихъ знаковъ отличія; и если привелъ въ страхъ кумыковъ, то гарнизонъ порадовалъ настоящимъ праздникомъ.

Дѣти и люди неразвитые, неразумные, всегда принимаютъ доброту за слабость характера. Въ сношеніяхъ съ горцами, въ особенности съ лезгинами и чеченцами, надобно быть осторожнымъ и не дозволять добротѣ сердца брать верхъ надъ разумною строгостью; иначе дикій горецъ, понимающій только силу, скоро будетъ презирать васъ. Дитя природы, онъ презираетъ многословіе; длинныя рѣчи, убѣжденія словесныя съ нимъ напрасны. Эминъ, убившій Хаджи, который зарѣзалъ генераловъ, былъ кумыкъ смышленый. Услышавъ разговоръ генерала Ермолова съ лезгинской депутаціей, онъ сказалъ: „Ермолай большой человѣкъ, ума много; онъ говоритъ, какъ кулакомъ бьетъ: мало, крѣпко и больно—это хорошо!“ Но за словомъ, хотя короткимъ и сильнымъ, надо, чтобы шло дѣло. При разборѣ объ участвовавшихъ въ возстаніи, а, главное, о подговорщикахъ, надобно было быть строгимъ. Человѣкъ пять въ это время было повѣшено, другіе разосланы; а одинъ высокій лезгинъ, только-что прибывшій изъ Мекки, отправленъ въ Торнео служить въ Финляндіи солдатомъ.

Напрасно объ Алексѣѣ Петровичѣ говорятъ, что онъ былъ жестокъ—это не правда; но онъ былъ разумно строгъ. „Этотъ харамъ-зада (собачій сынъ) всему виноватъ—говорилъ чеченецъ-сынъ, указывая на отца, шедшаго сквозь строй: если бы не онъ, насъ бы не били теперь!“ Развѣ можно быть добродушнымъ съ народомъ, изъ среды котораго сынъ ругаетъ отца. Эта разумная строгость, это неуклонное исполненіе долга при взысканіяхъ, всегда непріятныхъ для благороднаго человѣка, простое, привѣтливое об-

ращеніе, свято исполняемое обѣщаніе—угроза ли она или милость—все это, при колосальной, могучей фигурѣ, съ нависшими бровями, умной, иногда шутливой рѣчи и знаніи татарскаго языка, наводили страхъ на горцевъ и внушали имъ уваженіе къ одному имени „Ермолоу.“

Въ началѣ сентября изъ Аухъ-юрта пришелъ житель и разсказалъ, что Бей-Булатъ хочетъ спуститься ночью съ горъ, напасть на Чопанъ-аулъ (оконечность Андрея) и сжечь его. Генералъ, извѣстившись о томъ, приказалъ сказать андреевцамъ, чтобы сами защищали свою деревню, на что тѣ охотно согласились и, собравъ болѣе 1000 человѣкъ, расположились впереди деревни. Но кумыкъ, извѣстившій насъ о преднамѣреваемомъ нападеніи, вѣроятно, пересказалъ чеченцамъ о принятой защитѣ—и нападенія не состоялось. Войскамъ сказано было быть готовымъ на всякій случай, а всѣмъ постамъ быть осторожными. На защиту моста чрезъ оврагъ, бывшій въ близкомъ разстояніи отъ квартиры генерала, приказано выдвинуть къ мосту мои два единорога и взводъ ширванцевъ въ прикрытіе. Офицеръ, приведшій взводъ, оказался подпоручикомъ и потому я былъ главнокомандующимъ на посту. Мы разставили въ приличныхъ мѣстахъ парную цѣпь и двухъ часовыхъ при орудіяхъ. Пѣхотинцы расположились вповалку отдыхать, а артилеристамъ своимъ я сказалъ, чтобы шли подъ навѣсъ сказками разгонять сонъ. Часу въ первомъ ночи, смѣнившійся съ часовъ артилеристъ говоритъ мнѣ, что, кажется, по оврагу, сверху, генералъ идетъ. Приказавъ людямъ сидѣть какъ были, я пошелъ къ орудіямъ и, точно—Алексѣй Петровичъ, а за нимъ, по обыкновенію, два гребенскихъ казака; подошелъ къ орудіямъ.

— А, ты тутъ, тевтонъ! А гдѣ твои люди?

— Вотъ здѣсь, подъ навѣсомъ.

Онъ подошелъ.

— Здравствуйте, артилеристы!

Тѣ вскочили.

— Чтожъ вы не спите?

Подлѣ стоявшій бомбардиръ отвѣчалъ: „сказку слушали, ваше высокопревосходительство, да вотъ поджидаемъ.“

Генералъ улыбнулся, подошелъ къ орудіямъ, стоявшимъ передъ мостомъ, минутъ пять поговорилъ со мною о картечахъ и ядрахъ и, видимо, довольный, что все въ исправности, пошелъ дальше. На другой день мы услышали, что не всѣмъ было спасибо, а дежурный по карауламъ получилъ маленькую головомойку: зачѣмъ при двухъ легкихъ орудіяхъ, стоявшихъ тоже по оврагу, не было пѣхотнаго часового, а цѣпныя пары далеко отъ орудій.

За обѣдомъ въ тотъ день Алексѣй Петровичъ темою разговора взялъ нѣмцевъ, что они никогда не поймутъ широкой, безпорядочной натуры русскаго человѣка; что мелочная щепетильность нѣмцевъ и непониманіе сущности дѣла доходятъ у нихъ до смѣшного. Когда царь Алексѣй Михайловичъ пожелалъ завести регулярныя войска въ Россіи, то выписалъ нѣсколько военныхъ изъ Германіи; но когда они по своему стали одѣвать солдатъ, то царь прикрикнулъ на нихъ—не портить русскаго человѣка, которому съ такимъ узкимъ платьемъ и развернуться нельзя будетъ. Нѣмцы отвѣчали, что широкія движенія не приличны регулярному войску, что тамъ все должно быть steif, gerade, und Einer wie der Andere. Умный царь пожималъ плечами, но оставилъ работать нѣмцевъ. „Но, господа, не надобно смѣшивать нѣмцевъ изъ остзейскихъ провинцій—это русскіе! Какихъ прекрасныхъ офицеровъ давали они нашимъ арміямъ! И всѣ они идутъ служить—у нихъ природный военный духъ, и всѣ оттого разорились“—и на эту тему продолжалъ до конца обѣда.

10-го сентября привели къ генералу еврея, торговав-

шаго въ горахъ. Еслибы не физіономія, то, по его одеждѣ, можно было признать его за горца. Онъ разсказывалъ, что молодые люди сердиты на Бей-Булата, что ничего не предпринимаетъ, но Бей-Булатъ боится генерала. Чеченцамъ ѣсть нечего—объѣли ауховцевъ и тѣ больше барановъ не даютъ; надняхъ чеченцы разойдутся по домамъ, а партіи будутъ разбойничать на плоскости. Все, что еврей говорилъ, оказалось справедливымъ. На слѣдующій день видно было въ зрительную трубу, какъ толпы расходились и высоты опустѣли. Хотя полковникъ Мищенко, командовавшій на кумыкской плоскости, и предостерегалъ жителей бросить на время полевыя работы и быть осторожнѣе со стадами, все-таки разбойникамъ на первыхъ порахъ удалось отогнать нѣсколько скота; но когда сильная партія ихъ пришла 12-го числа къ Баташъ-юрту, что за Яманъ-су, то жители, вогнавъ скотъ въ аулъ, дали такой отпоръ чеченцамъ, что тѣ ушли, не солоно хлѣбавъ; а тутъ полковникъ Сергѣевъ со своимъ казачьимъ полкомъ, двумя ротами пѣхоты и двумя орудіями—настигъ ихъ и поколотилъ. 13-го числа жители опять вышли на полевыя работы, а чеченцы только въ октябрѣ опять собрались на горы и высматривали, что мы дѣлаемъ.

13-го сентября Ермоловъ приказалъ перевезти три 12-ти фун. чугунныя пушки изъ герзель-аульскаго укрѣпленія во Внезапную крѣпость. Для этого пошелъ небольшой отрядъ изъ 400 ширванцевъ, двухъ полевыхъ орудій и 200 казаковъ, подъ командою подполковника Волжинскаго; укладка и перевозъ собственно орудій поручены были мнѣ. Генералъ безпокоился, какимъ образомъ ихъ перевезти. Тутъ пригодились артельныя повозки тѣхъ ротъ, которыя стояли гарнизономъ во Внезапной. На нихъ перевозили сѣно съ горъ и потому онѣ были на низкихъ колесахъ, что очень пригодно для орудій въ 95 пуд. тяжести, но деревянныя

оси пугали насъ. Дѣлать, однако, нечего, взяли запасныя и отправились съ Богомъ.

Такъ какъ въ прошлую ночь чеченцы, уходя отъ Сергѣева, прошли мимо Герзель-аула на Аксай, и прапорщикъ Икренниковъ пустилъ въ нихъ 40 картечныхъ зарядовъ, то я полюбопытствовалъ узнать, какой вредъ онъ причинилъ имъ. Старикъ признался мнѣ, что стрѣлялъ болѣе для страха, а вреда-то имъ, кажись, и вовсе не было. Я сказалъ старику, что такую канонаду, страха ради, не подымаютъ—это напрасная трата зарядовъ; притомъ, стрѣльба его безпокоила генерала и всю окрестность. Трудно мнѣ было увѣрить гарнизоннаго прапорщика, что онъ не правъ былъ. Онъ не хотѣлъ понять, что благоразуміе и тутъ у мѣста.

— Помилуйте, Эдуардъ Владиміровичъ, какъ же не стрѣлять въ этихъ еретиковъ; не убьешь, такъ пугнешь.

Поди тутъ, разсуждай съ такимъ!

Съ вечера мы наложили орудія на повозки, станки и заряды на арбы и рано утромъ отправились въ обратный путь. На спускѣ въ оврагъ одна ось сломалась, но съ народомъ скоро все поправили и благополучно прибыли во Внезапную въ 9 часовъ вечера. Возня-таки была съ ними по такой неровной дорогѣ. На другой день Алексѣй Петровичъ, увидѣвъ меня, сказалъ: „Волжинскій мнѣ говорилъ, что ты много хлопоталъ съ орудіями. Спасибо, тевтонъ!“ Баталіонъ ширванскій подполковника Волжинскаго, два легкихъ орудія и двѣ сотни казаковъ пошли на Ташъ-Кичу; подполковнику Кихареву поручено было снять мѣстность для аула и укрѣпленія.

Въ этотъ день генералъ раздавалъ награды приверженнымъ намъ жителямъ. Храброму кумыку Чопану Алексѣй Петровичъ навѣсилъ на шею золотую медаль на георгіевской лентѣ; онъ стоялъ третьимъ. Два получили медали на

анненской лентѣ—это были вліятельные старики. Генералъ дѣлаетъ шагъ къ Чопану, адъютантъ отрѣзываетъ георгіевскую ленту, вдѣваетъ медаль и подаетъ генералу; надобно было видѣть, какъ заблистали глаза храбраго Чопана при видѣ георгіевской ленты! О, эта лента, этотъ бѣлый крестъ! Не бывъ причиною, побужденіемъ къ исполненію долга, къ воинскимъ подвигамъ, они безсознательно разшевеливаютъ благородное честолюбіе солдата; и какъ ни свято сказаніе Спасителя или, можетъ быть, именно потому, что оно свято—оно никогда не сроднится съ чувствами воина, не примѣнимо къ быту его: истинно доблестный, онъ скроменъ, онъ не хвалится тѣмъ, что сдѣлалъ, онъ исполнилъ долгъ свой; но ему пріятно, чтобы соотчичи, земляки его, узнали—какъ трудно было исполненіе этого долга! И потому полученіе георгіевскаго креста есть дѣйствительно награда солдату. Желательно, чтобы всегда только заслуга получала его, но, увы!....

17-го весь отрядъ выступилъ изъ Андрея, но для окончанія инженерныхъ работъ оставленъ былъ полковникъ Мищенко съ баталіономъ ширванцевъ и двумя полевыми орудіями. Вскорѣ онъ и подполковникъ Литовъ прибыли къ Ташъ-Кичу, гдѣ послѣдній выстроилъ укрѣпленіе, получившее названіе по рѣчкѣ—Ташъ-Кичу.

Съ 18-го три дня стояла невыносимая жара, солнце жгло. Генералъ назначилъ мѣста, гдѣ быть укрѣпленію и аулу, догналъ войска уже въ Амиръ-Аджи-юртѣ, тотчасъ переправился на ту сторону Терека и расположился въ слободкѣ. На другой день приказано было для караула переправить роту и мои два единорога.

Инженеръ-подполковникъ Литовъ, кончивъ работы во Внезапной, прибылъ въ Ташъ-Кичу и разбилъ сначала здѣсь, а потомъ въ Амиръ-Аджи-юртѣ укрѣпленія. Работы начались и тамъ и тутъ; работали усердно, но, увы, пого-

да не благопріятствовала намъ. Послѣ невыносимой жары пошли дожди и продолжались почти мѣсяцъ съ малыми перерывами. Потомъ погода установилась хорошая, теплая; начавшіяся было болѣзни также скоро прекратились, будто убоясь учрежденнаго въ ст. Шелковой лазарета. Во время дурной погоды людямъ на работахъ часто давали водку, а пища ежедневно была мясная. Ермоловъ почти каждый день пріѣзжалъ смотрѣть работы, привѣтливымъ словомъ или шуткой оживлялъ работавшихъ и почти всегда бывалъ на кухняхъ. На работы выходило 500 человѣкъ.

Въ концѣ сентября пріѣзжали посланные отъ аварцевъ поклониться генералу, но, вѣроятнѣе, чтобы убѣдиться— дѣйствительно ли это „Ермолоу".

По лагерю изъ устъ въ уста разошелся разсказъ о ночномъ обходѣ генерала, видимо, преувеличенный и какимъ нибудь шалуномъ выпущенный съ варіантами. Дѣло въ томъ, что донцы держали около всего отряда конные пикеты, кажется, каждый по два и по три человѣка. Разъ ночью сдѣлалась маленькая тревога въ полевомъ караулѣ и на передовыхъ постахъ, по случаю близкаго выстрѣла. Оказалось, что подкравшійся чеченецъ убилъ казака и увелъ двухъ лошадей. Видимая оплошность! Немного спустя пронесся слухъ, что Ермоловъ поздно вечеромъ пошелъ въ лагерь донцовъ, прямо къ палаткѣ войскового старшины, командовавшаго полкомъ (командиръ полка только-что уѣхалъ въ отпускъ), и спрашиваетъ, гдѣ войсковой старшина? Казакъ отвѣчаетъ: „спятъ." Генералъ входитъ въ палатку.

— Какъ! Твой начальникъ ѣздитъ и осматриваетъ посты, а ты, негодный драбантъ, разлегся на его постель и спишь?

— Это я самъ, ваше высокопревосходительство!

— Какъ! И ты смѣешь еще называться его именемъ! Вотъ я тебя!....

Видимо, вся исторія выдумана и пущена въ ходъ какимъ-то шалуномъ, не жаловавшимъ донцовъ. Такъ какъ объ Алексѣѣ Петровичѣ въ арміи ходило много подобныхъ сказаній, то я вздумалъ провѣрить ихъ спросомъ у самаго источника. Однажды въ январѣ мѣсяцѣ, въ станицѣ Червленной, мы пили чай въ его казацкой хатѣ. У него вся квартира состояла изъ двухъ комнатъ: въ одной была спальня, кабинетъ и пріемная, въ другой столовая; въ этой послѣдней стоялъ самоваръ и разливали чай. Алексѣй Петровичъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и раскладывалъ пасьянсъ. Онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и разсказывалъ разные случаи изъ своей военной жизни. Припомню нѣкоторые.

„Извѣстно, что въ аустерлицкомъ сраженіи мы потеряли много артилеріи. Вслѣдъ затѣмъ была прусская кампанія, и эта потеря артилеріи вызвала у главнокомандующаго приказъ по арміи, въ коемъ сказано было, что офицеръ, потерявшій орудіе, будетъ отданъ подъ судъ. Я командовалъ тогда артилеріею въ авангардѣ князя Багратіона. Получивъ этотъ приказъ, я пошелъ къ князю и говорю ему, что это приказъ—дичь, что его могъ написать только нѣмецъ.

— „Говори, да не ругайся, сказалъ Багратіонъ.

— „Если за потерю орудія артилерійскаго офицера будутъ отдавать подъ военный судъ, то онъ почтетъ первою святою обязанностью своею не дѣйствовать по непріятелю и сколь возможно болѣе вредить ему, но сохранять въ цѣлости орудія, и потому не будетъ выжидать не только нѣхотнаго наступленія, но и кавалерійской атаки, а проворнѣе удеретъ, чтобъ не попасть подъ судъ. Артилерія должна дѣйствовать донельзя: четыре картечныхъ выстрѣла по наступающей пѣхотѣ и непремѣнно два по кавалеріи: если не охладятъ ихъ жаръ, если орудія будутъ потеряны, то

они окупились сильнымъ вредомъ, сдѣланнымъ непріятелю. Орудіе—кусокъ металла, а честь артилерійскаго офицера дороже. Я замолчалъ. Князь, выслушавъ меня, спрашиваетъ:

— „И все-таки приказъ отданъ, что же тутъ дѣлать?

— „Я свой отдамъ приказъ по авангардной артилеріи.

— „Ну, дѣлай, какъ знаешь!

„Я отдалъ приказъ, согласно того, что высказалъ князю, и кончилъ его увѣренностью, что ни одинъ артилерійскій офицеръ не захочетъ подвергнуться военному суду за раннее оставленіе позиціи.

„Когда Государь пріѣхалъ въ армію, на походѣ онъ догналъ однажды авангардъ и, увидѣвъ меня, подозвалъ къ себѣ, хвалилъ роту мою, что подъ Морунгеномъ славно дѣйствовала; узнавъ же, что это не та, которою я командовалъ въ австрійской кампаніи, а вновь сформированная, еще разъ лестно отозвался и чрезъ графа Аракчеева, при предписаніи [1]), я получилъ три тысячи рублей для раздачи храбрымъ. Это, братцы, единственный примѣръ.

„Послѣ минутнаго молчанія Государь вдругъ спросилъ меня:

— „Какъ ты это позволилъ себѣ отдать приказъ по авангардной артилеріи, совершенно противорѣчащій приказу главнокомандующаго?

---

[1]) Г. Артилеріи полковнику Ермолову. Доходившее неоднократно до свѣдѣнія моего, отличное дѣйствіе артилеріи командуемой вами роты, въ теченіе прошедшей кампаніи, и лучшее состояніе, въ какомъ я нашелъ оную противу прочихъ при вступленіи въ Шкловъ, въ лагерь, обязало меня пріятнѣйшимъ долгомъ при оставленіи, по причинѣ слабаго моего здоровья, командованія мною Артилерійскимъ Департаментомъ, исходатайствовать вамъ у Государя Императора Высочайшій рескриптъ и тысячу рублей, при семъ сопровождаемые, для раздачи, по назначенію вашему, нижнимъ чинамъ и рядовымъ вѣренной вамъ роты, кои въ дѣйствіяхъ прошедшей кампаніи себя наиболѣе отличили. Я увѣренъ, что вы, г. полковникъ, пріймете сіе доказательствомъ безпристрастной справедливости, которую я, во все время командованія моего артилеріею, всякому служащему подъ начальствомъ моимъ оказать желалъ, и знакомъ особеннаго моего къ заслугамъ вашимъ уваженія, и надѣюсь, что вы конечно не оставите сіе сдѣлать извѣстнымъ. Въ С. П. бургѣ. Декабря 12 дня 1807 года. Подлинное подписалъ: Инспекторъ всей Артилеріи *Графъ Аракчеевъ*.

— „Ваше Величество, приказъ главнокомандующаго поставлялъ артилерійскаго офицера въ постыдное положеніе забыть присягу, данную Вашему Величеству — служить вѣрно и честно до послѣдней капли крови. Нѣтъ страшнѣе наказанія офицеру, какъ угроза подъ судъ.

„И я разсказалъ Государю, что говорилъ Багратіону.

— „Полагаю, что ты правъ: а главнокомандующій сердитъ?

„Тѣмъ и кончилось.

„Александръ Павловичъ любилъ меня и я въ душѣ искренно платилъ ему тѣмъ же. Когда въ 1810 году (кажется, онъ такъ сказалъ) меня назначили командиромъ 1-й гвардейской бригады, то при представленіи Государю я просилъ Его Величество перевесть въ гвардію поручика Бистрома, бывшаго въ моей ротѣ, какъ офицера не знающаго страха.“

Ермоловъ замолчалъ; я воспользовался минутой и спросилъ его: ваше высокопревосходительство, позвольте спросить у васъ, правда ли, что вы нѣмцевъ не жалуете?

— Ну, братецъ, нельзя сказать, чтобы я горячо любилъ вашу братью, но, вѣдь, случаются же и между вами хорошіе люди; вотъ, Бистромъ — дѣйствительно человѣкъ безстрашный; я любилъ его. Есть, есть и между вами порядочные люди, но вѣдь это все тевтоны.

— Ну, а про ваше высокопревосходительство говорятъ, что вы совсѣмъ нѣмцевъ терпѣть не можете; и Богъ знаетъ, что разсказываютъ.

— Ну, чтожъ разсказываютъ? Говори.

— Будто вы главную квартиру фельдмаршала Барклая называете нѣмецкою колоніею.

— Ну да, тамъ и была нѣмецкая колонія.

— Что въ 14-мъ году, пріѣхавши въ Варшаву, вы пришли къ разводу и, озираясь кругомъ, будто ищете

кого, подходите къ коменданту главной квартиры генералу Безродному (Ермоловъ улыбается) и понѣмецки что-то его спрашиваете. „Я не говорю понѣмецки, отвѣчаетъ вамъ комендантъ, я русскій.“—„Русскій! землякъ! говорите вы, обрадовавшись—я думалъ, что тутъ все нѣмцы; ну вотъ хоть одинъ русскій, да и тотъ безродный!“

— Хорошій человѣкъ былъ этотъ Безродный, промолвилъ Ермоловъ. Русскихъ такъ мало было въ главной квартирѣ, что ихъ, точно, искать надо было. Ну, чтожъ еще разсказываютъ?

— Вотъ и объ Аракчеевѣ говорятъ, что онъ, инспектируя роту вашего высокопревосходительства, нашелъ, что лошади не въ порядкѣ и выговорилъ вамъ, сказавъ, что этакъ рота репутацію потеряетъ, а вы ему въ отвѣтъ: „точно, ваше превосходительство—нынѣ репутація артилерійскаго офицера отъ скотовъ зависитъ!“

— Ужъ будто я такъ и сказалъ; чего не наговорятъ! Алексѣй Андреевичъ [2]) былъ очень ко мнѣ расположенъ,— и продолжалъ уже объ Аракчеевѣ.

Можетъ показаться страннымъ, что молодой офицеръ позволяетъ себѣ такіе разговоры съ высокимъ начальникомъ; но Алексѣй Петровичъ любилъ свободное обхожденіе, а моя непринужденность, никогда не выходившая изъ границъ, и усердная служба, видимо, нравились ему. Такая болтовня за пасьянсомъ была ему отдыхомъ.

Вторая половина сентября и начало октября были дождливы, и работы по укрѣпленіямъ подвигались медленно, но потомъ погода установилась постоянно хорошая и оба укрѣпленія—въ Ташъ-Кичу, названное Надзорной, и въ Амиръ-Аджи-юртѣ—скоро были окончены, послѣ чего, въ началѣ ноября, отрядъ былъ распущенъ по станицамъ. Чеченцы, какъ доносили лазутчики, тоже разошлись по

[2]) Аракчеевъ.

домамъ, и Бей-Булатъ еще настойчивѣе просилъ лезгинъ идти на помощь, за хорошую плату. Когда мы смѣялись надъ приходящими чеченцами-лазутчиками, что у нихъ денегъ нѣтъ и лезгинъ трудно нанять будетъ, они увѣряли, что Чечня богата. И дѣйствительно, мы послѣ убѣдились— это богатая страна.

Такъ кончился второй періодъ этой кампаніи. Устроивъ все и поручивъ войска полковнику артилеріи Мищенко, Алексѣй Петровичъ выѣхалъ изъ Червленной въ Таганрогъ, гдѣ проживалъ тогда Государь. Въ Екатериноградѣ, гдѣ онъ остановился на нѣсколько дней по казацкимъ дѣламъ, кажется, 20-го числа вечеромъ, адъютантъ его, капитанъ Талызинъ принесъ ему извѣстіе о кончинѣ Государя. Присягнули Константину Павловичу. Генералъ 16-го декабря вернулся въ Червленную.

Зима оказывалась довольно чувствительною. Жизнь станичная была безъ развлеченій и я чрезвычайно обрадовался, когда пріятель мой Дейтрихъ, служа съ которымъ въ учебной артилерійской бригадѣ мы жили въ Петербургѣ на одной квартирѣ душа въ душу—пріѣхалъ въ декабрѣ въ отрядъ, чтобы участвовать въ чеченской экспедиціи. Онъ, какъ и я, соскучился въ Петербургѣ безъ денегъ, за мной просился на Кавказъ и былъ переведенъ тоже въ кавказскую гренадерскую артилерійскую бригаду, а теперь на время экспедиціи прикомандированъ къ 3-й легкой ротѣ 19-й бригады. Мы опять начали сражаться съ нимъ въ шахматы. Это былъ человѣкъ прямой, честный, горячій до смѣшного; въ пріятельской компаніи весь на распашку, но при начальникахъ и съ посторонними умносдержанный. Когда я трунилъ надъ нимъ за его горячку, утверждая, что онъ людей смѣшитъ, онъ говорилъ, что я откровененъ до глупости, что нѣтъ акта въ жизни моей, котораго бы не знали всѣ окружающіе. „И къ этой глу-

ности ты добавилъ глупость добродушія, а потому тебя всякій дуракъ обманетъ, а кого дуракъ обмануть въ состояніи тотъ....“ Онъ всталъ передо мной и смотритъ мнѣ въ глаза.

— Ну, договаривай, тотъ....

Онъ круто повернулся и пошелъ шагать.

— Однимъ словомъ я тебѣ говорю, Эдуардъ, что изъ тебя никогда ничего не выйдетъ; хоть бы ты кланяться, просить выучился, а то, вишь—тевтонъ!

— А ты умѣешь кланяться?

— А мнѣ зачѣмъ? Я ни умному, ни дураку противорѣчить не буду; я смолчу.

— Ты смолчишь!—я такъ и расхохотался.

— Хоть губы прикушу, а смолчу—гроза и пройдетъ.

— Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ ты съ своей рожей (онъ не былъ красивъ лицемъ) будешь предъ Долгово-Сабуровымъ (нашъ взбалмошный бригадный командиръ, курносый, съ круглымъ лицомъ) губы кусать; то-то смѣшная физіономія будетъ у обоихъ.

Однажды за чаемъ, въ Андреевомъ аулѣ, Алексѣй Петровичъ спрашиваетъ меня, знаю ли я офицера, который въ прошлый годъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Гомборы, бѣлый, курносый? Я отвѣчалъ, что знаю и что это мой хорошій пріятель Дейтрихъ.

— Точно, кажется мнѣ, такъ его назвали. Ну, если онъ тебѣ пріятель, то посовѣтуй, братъ, ему никогда мазурку не танцовать. Я былъ у брата Петра (Петръ Ермоловъ, командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка, двоюродный братъ Алексѣя Петровича Ермолова) на Мухровани; тамъ плясали. Онъ такъ ворочалъ нашихъ дамъ—того и смотри, руку вывернетъ. Потѣха была! Я хотѣлъ попросить его пощадить бѣдныхъ дамъ—у насъ вѣдь ихъ не много; да и его-то жаль было—онъ съ такимъ удоволь-

ствіемъ отплясывалъ! Ты скажи, братецъ, ему; дѣло извѣстное: для нѣмца мазурка—камень преткновенія.

При взятіи аула Урусъ-Мартанъ, видя бойкое дѣйствіе двухъ орудій, отбивавшихся картечью отъ чеченцевъ, бросавшихся въ шашки на эти орудія, генералъ спросилъ: кто тамъ офицеръ? Ему отвѣчали—Дейтрихъ.

— Да это нашъ ярый нѣмецъ, дѣло! Онъ и въ Чахкери такъ отбивался [3]).

Въ началѣ декабря лазутчики донесли, что партія чеченцевъ хочетъ напасть на станицы. Полковникъ Мищенко нашелъ нужнымъ стянуть къ Николаевской переправѣ 2 баталіона пѣхоты, 4 орудія и казаковъ, но вскорѣ отрядъ этотъ былъ распущенъ.

Полковникъ Мищенко былъ старый кавказецъ временъ типичныхъ оригиналовъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстностямъ Кавказа, коихъ при генералѣ Ермоловѣ уже мало встрѣчалось. Мищенко былъ средняго роста, брюнетъ, носилъ длинные волосы, усы и огромные бакенбарды; толстъ былъ до невѣроятности, голосъ—какъ замогильная труба. Любилъ поѣсть и часто платился за это; спалъ сидя, а деньщикъ, стоя за креслами, всякія пять-десять минутъ будилъ его, когда храпѣніе, по тону своему, дѣлалось опаснымъ. Вообразите испугъ жены, пробужденной необыкновеннымъ, громовымъ храпѣніемъ, и замѣчающей мужа на креслахъ, а деньщика за спинкой, на полу, хранящихъ взапуски! Человѣкъ добродушный, умный, но грубый, какъ и вся фигура его. О храбрости упоминать нечего, но неустрашимость и находчивость въ опасностяхъ снискали ему общее уваженіе.

Кажется, въ началѣ двадцатыхъ годовъ генералъ Ер-

[3]) Осодоръ Карловичъ Дейтрихъ былъ послѣ кампаніи 1829 года адъютантомъ у начальника артилеріи дѣйствующей арміи Гиллешмидта, потомъ начальникомъ штаба артилеріи этой арміи и въ концѣ 1855 г. начальникомъ пѣхотной дивизіи. Умеръ въ Тулѣ въ 1857 г., куда привелъ дивизію изъ Крыма.

моловъ приказалъ г.-м. Вреде, командовавшему въ Дагестанѣ, сдѣлать экспедицію въ Акушу. Умный, веселый человѣкъ, Вреде не любилъ экспедицій. Войдя въ Акушу, его небольшой отрядъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ многочисленными толпами горцевъ; всѣ горы кишѣли народомъ. Ущелье, по которому пришли, и ущелье, въ которое должны были идти, кажутся запертыми, такъ что пробиваться—и не думай! Баронъ Вреде заболѣлъ, послалъ подполковнику Мищенко приказаніе командовать отрядомъ, легъ въ коляску и—знать ничего не хочу! Подполковникъ Мищенко призываетъ приверженнаго намъ горца, проводника, знавшаго горы, какъ свою ладонь, и спрашиваетъ его, зачѣмъ онъ привелъ сюда отрядъ?

— Я говорилъ генералу, чтобы тутъ не ночевать, а идти далѣе.

— Нѣтъ ли выхода отсюда, чтобы непріятель не видѣлъ какъ отрядъ тронется?

— Есть дорога, но пушки стучатъ: услышатъ—не хорошо будетъ; а часовой тамъ нѣтъ: думаетъ—урусъ не можетъ ходить тамъ; тамъ онъ очень близко.

Подполковникъ Мищенко, распросивъ хорошенько проводника о дорогѣ, а также—можно ли до свѣту пройти опасное мѣсто, и услыхавъ, что можно, но чтобы пушка не стучала, призвалъ ротныхъ командировъ и приказалъ: съ водвореніемъ совершенной темноты, быть готовымъ къ выступленію, двигаться въ чрезвычайной тишинѣ, трубокъ не курить, не оттягивать; всѣ колеса у артилеріи обернуть шинелями и все, что можетъ производить малѣйшій стукъ, устранять.

— Весь фитиль мнѣ испортили—такъ разсказывалъ самъ чудакъ о своемъ подвигѣ—то шинели перевязывали, то то, то другое обмотаютъ. Ну, и пошли. Темень—зги не видать; ну, думаю, чортъ возьми, какъ сполохнутся—вотъ

пойдетъ кутерьма! А тутъ мнѣ одинъ изъ нашихъ молодыхъ офицеровъ: „да вы бы, чѣмъ чорта-то поминать въ такую минуту, лучше бы Богу помолились!“—Молодъ ты, братъ, еще ничего не знаешь: въ такой бѣдѣ не токмо Богъ, да и всѣ святые не помогутъ; тутъ, братъ, надобно самому работать.—„А коляску-то съ генераломъ взяли съ собою или оставили ее тамъ?“—Человѣкъ-то хорошій былъ, а то, пожалуй, можно бы и оставить. Ну, вотъ мы и идемъ, да такъ тихо, что, право, земля не слышала, что мы ступали по ней. Проводникъ-то мнѣ вдругъ и говоритъ: „вотъ здѣсь хорошо—прошли!“ Мы остановились, да какъ увидѣли, что дорога передъ нами чиста, а на горахъ акушинцы, положа въ ротъ палецъ изумленія, ищутъ жертву свою—вотъ тутъ, братъ, и помолились Богу.

— А потомъ? продолжайте, доскажите ужъ все.

— Что тамъ досказывать! Потомъ, разумѣется, повернули назадъ да и грянули въ нихъ картечью. Ну, они—давай Аллахъ ноги.... думали, что Богъ-вѣсть какой секурсъ пришелъ къ намъ.“

Дѣло въ томъ, что этотъ кавказскій солдатъ, своего рода оригиналъ, не довольствуясь тѣмъ, что избѣжалъ опасности, непремѣнно хотѣлъ наказать поставившихъ его въ опасное положеніе: развернулъ свою могучую рать, напалъ сзади на ближнія толпы, погналъ ихъ и такъ картечью хозяйничалъ, что дальнія, видя бѣгство ближнихъ къ нимъ, скоро всѣ убрались и очистили горы. Онъ простоялъ тутъ день. Явились старшины съ повинною; онъ послалъ ихъ къ генералу Вреде, и экспедиція успѣшно кончилась. Командующій въ Дагестанѣ, начальникъ отряда, описалъ въ подробности все, какъ было, хвалилъ распорядительность и неустрашимость Мищенко, представилъ его къ Георгію, только забылъ написать въ донесеніи о приключившейся съ нимъ болѣзни. Онъ получилъ за дѣло при

сел. Башлы орденъ св. Анны 1-й степени, а подполковникъ Мищенко св. Георгія 4-й степени. Казалось, все шито и крыто, но шила въ мѣшкѣ не утаишь. Когда на другой годъ г. Ермоловъ пріѣхалъ въ Дагестанъ, то нашлись люди, которые разсказали дѣло безъ утайки. Онъ позвалъ Мищенко къ себѣ и, видя прямого, умнаго русскаго человѣка, скромнаго, не хвастливаго, представилъ его въ полковники. Говорятъ, будто Алексѣй Петровичъ извинялся предъ Государемъ за представленіе Вреде къ 1-й ст. св. Анны. Не знаю—правда ли это, но вѣрно то, что генералъ-маіоръ Вреде былъ переведенъ въ Россію и кончилъ жизнь въ кампанію 1828 года, убитый во время ночного нападенія турокъ на окопы, облегавшіе Шумлу, гарнизонъ которыхъ приготовлялся, какъ ходилъ слухъ въ арміи, къ инспекторскому смотру бригаднаго командира.

Молодежь наша назвала полковника Мищенко, по толстотѣ его, грубой дебелой фигурѣ, по широкому лицу, обросшему огромными черными съ просѣдью волосами—„*Задонскія орды непобѣдимый ханъ!*“ Онъ скоро узналъ о томъ, потому что на походѣ, подъѣзжая на своемъ рыжемъ высокомъ конѣ къ орудіямъ, то и дѣло слышалъ, какъ офицеръ, будто не видя его, начиналъ декламировать: „Задонскія орды“... Такъ какъ это начало рѣчи татарина ему случалось иногда слышать разъ по десяти въ день, то, конечно, эта тирада ему наскучила. Въ Чечнѣ, во время похода, я ѣхалъ съ однимъ офицеромъ вмѣстѣ, подлѣ орудій. Вдругъ мы увидѣли, что полковникъ Мищенко ѣдетъ сзади; едва онъ приблизился къ намъ, какъ товарищъ мой началъ: „*Задонскія орды непобѣдимый ханъ*“—а я: „*И всѣхъ восточныхъ странъ верховный обладатель!*“ Въ это время Мищенко поровнялся съ нами. Мы будто только его увидѣли—руки къ фуражкамъ и поклонились, а онъ протянулъ руку, сжатую въ кулакъ, и, въ отвѣтъ намъ, гром-

кимъ голосомъ: „*Вашъ грозный судія, крамольниковъ каратель!*“ Я перебилъ его: „*Ту руку, коею вамъ долженъ смерть нанесть*“... а товарищъ, ѣхавшій подлѣ него, поклонившись: „*Благоволилъ еще ко благости простерть!*“ И всѣ трое расхохотались. Мищенко отъ смѣха побагровѣлъ, и больше мы уже не декламировали Озерова!

Разъ онъ насъ крѣпко напугалъ. Когда, весной, отрядъ пришелъ къ Тереку, чтобъ переправляться, Мищенко сидитъ у берега и смотритъ за порядкомъ переправы. Между дѣломъ велѣлъ онъ подать завтракать, созвавъ, кого могъ, изъ артилеристовъ, а казакамъ велѣлъ наловить въ Терекѣ шамаи. Эта рыба очень костлява, но, сваренная тотчасъ по уловѣ, съ лимономъ, говоритъ, очень вкусна; Мищенко любилъ хорошій кусочекъ и потому не хотѣлъ упустить случая поѣсть свѣжей шамайки. Штукъ пять-шесть благополучно прошли, но вотъ одна заартачилась; толстякъ закашлялся, побагровѣлъ; одинъ изъ офицеровъ хотѣлъ поколотить его въ шею, но хорошо, что другой, благоразумный, удержалъ, сказавъ ему на ухо: убьешь! Къ счастью, скоро позвали доктора и нашли у маркитанта окорокъ; отрѣзали длинную полосу сала; докторъ удачно просунулъ ею косточку во внутренность, а потомъ багровое лицо освѣжилъ мокрымъ полотенцемъ и тѣмъ привелъ въ чувство „Задонскія орды хана.“

Я не былъ при этомъ неудавшемся завтракѣ, но очень сожалѣлъ о случившемся, потому что мы всѣ уважали и любили добраго грубіяна.

Правду хозяинъ говоритъ: чтобы вымерозить таракановъ, надо въ сѣняхъ спать; холодно, но все лучше, чѣмъ съ сотнею таракановъ подъ своимъ одѣяломъ. Печку перестали топить; днемъ окна отворятъ, а дверь крѣпко запрутъ и щели затыкаютъ—черезъ недѣлю таракановъ нѣтъ.... до поры до времени.

Вотъ и Рождество пришло. Послѣ длиннаго молебна за изгнаніе двунадесяти языковъ въ **1812** году, мы пошли къ корпусному командиру съ поздравленіемъ. Длинный столъ во всю хату уставленъ разнообразною пищею. Ай-да Сергѣй Михайловичъ (поваръ Ермолова), отличился! Чего тутъ не было: и всякой дичи и Leber-Wurst и Bluth-Wurst и Sischens mit sauer Kraut. Отличился, нечего сказать—на славу накормилъ. Алексѣй Петровичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, шутилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ.

— Ну, тевтонъ, ты что же не завтракаешь? вонъ подсядь къ картофелю; это по вашей части—нѣмецъ безъ картофеля жить не можетъ.

— Чтожъ, и картофель дѣло хорошее.

— Ну, что въ немъ хорошаго? развѣ крахмалъ дѣлать. Ужъ что до ѣды, то вы, нѣмцы, ничего хорошаго не выдумали.

— А колбасы, которыя такъ нравятся вашему высокопревосходительству?—онъ съ удовольствіемъ уписывалъ кровяную колбасу.

— Ну ужъ, братъ, извини, это произведеніе поляковъ: полякъ безъ колбасы и за столъ не сядетъ.

— А зачѣмъ же вы нѣмцевъ колбасниками ругаете, ваше высокопревосходительство, сказалъ я плачевнымъ тономъ; будьте справедливы къ тѣмъ, коихъ вы гоните: оставьте за нѣмцами колбасы.

— Убѣдилъ, братъ! Вѣдайтесь съ поляками—кто изобрѣлъ колбасы, а мы ихъ ѣсть будемъ. А вѣдь какъ дѣло дойдетъ до спора, то, пожалуй, какой нибудь профессоръ настрочитъ ученую диссертацію о первоначальномъ происхожденіи и развитіи этой промышленности.

Среди такого шутливаго разговора адъютантъ его Талызинъ докладываетъ:

— Курьеръ изъ Петербурга.

— Проси, братецъ!

Входитъ фельдъегерь съ сумкою. Генералъ пошелъ съ нимъ въ другую комнату и оставался тамъ съ полчаса. Потомъ дверь отворилась и генералъ сказалъ:

— Поздравляю васъ, господа, съ новымъ Государемъ: Великій Князь Константинъ Павловичъ отказался отъ престола въ пользу брата своего Николая Павловича. Завтра будемъ присягать.

Это насъ изумило, какъ и всю Россію.

Назавтра генералъ Ермоловъ съ войсками, бывшими въ окрестностяхъ, присягнулъ новому Императору; въ тотъ же день былъ написанъ приказъ по корпусу и отосланъ съ курьеромъ въ Тифлисъ о присягѣ.

V.

Теперь пора! Талызинъ. Выступленіе въ Грозную. Чечня. Рыжій фельдъегерь. Ханкальское ущелье. Предостереженіе. Взятіе аула большой Атаги. Послѣ дѣла. Нападеніе чеченцевъ. „Пули въ кастрюляхъ—готовить нельзя.“ Чахкери. Въ малую Чечню. Милосердіе—морозъ и роспускъ отряда. Весенній сборъ отряда. Сел. Курчали. Meine herren, meine herren! Ракеты. Убилъ, да не меня. Какъ Ермоловъ награждалъ. Замѣчаніе. Сѣрко ранент. Еще аріергардное дѣло. Пасха. Урусъ-Мартанъ. Хладнокровіе генерала Ермолова. Сел. Герменчукъ. Въ Грозную. Вниманіе Алексѣя Петровича Ермолова ко мнѣ. Пребываніе на минеральныхъ водахъ. Александровскій ключъ. Желѣзноводскъ. Тарантулъ. Змѣи. Вторженіе персіянъ въ наши границы. Отъѣздъ въ Тифлисъ. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ. Конвойный шагъ. Мой Сѣрко отличился. Болтовня на Крестовой горѣ. Паскевичъ на телѣжкѣ. Перемѣна начальства. Опять въ отрядѣ. Очищеніе границъ отъ непріятеля. Полусолдатъ. Артилерійскіе случаи.

Въ это время уже было извѣстно, что нѣсколько тысячъ лезгинъ были наняты чеченцами за дорогую цѣну, пришли въ Чечню и вмѣстѣ съ чеченцами расположились въ ущельи Ханкала, чрезъ которое дорога ведетъ въ Чечню. Когда капитанъ Мадатовъ, переводчикъ, разговари-

вавшій всегда съ лазутчиками, принесъ эту вѣсть, Алексѣй Петровичъ сказалъ:

—Я зналъ, что лезгины недальняго ума, но чтобы они на зиму пришли на помощь чеченцамъ—это что-то очень глупо.

Мадатовъ, честный, не глупый человѣкъ и, по дѣламъ съ горцами не стѣснявшійся высказывать свое мнѣніе, говоритъ:

— Вотъ бы теперь напасть на нихъ, когда всѣ вмѣстѣ, и побить бы разомъ—и лезгинъ, и чеченцевъ.

— Нѣтъ, мой мудрый Талейранъ! Не такъ; а мы обождемъ, чтобъ они подрались между собою.

5-го января, когда мы сидѣли за столомъ, Мадатовъ, вѣрившій въ слова генерала Ермолова чуть ли не крѣпче, чѣмъ въ Евангеліе, входитъ съ сіяющимъ лицемъ и начинаетъ генералу говорить потатарски.

— Ничего, говори—это и всѣ могутъ слышать.

— Лезгины не довольны, что ихъ заставляютъ работать: говорятъ, что они пришли драться, а не землю копать, что русскихъ вовсе нѣтъ здѣсь, что Ермолоу въ Тифлисѣ—а то бы онъ былъ въ Чечнѣ давно.

— Ну, этого ожидать надо было. Теперь ты скоро услышишь, что они подрались и что лезгины уйдутъ къ себѣ; вотъ тогда мы тронемся.

Видя, что предположеніе генерала начинаетъ сбываться, мы уже съ вѣрою ожидали, что все предсказаніе исполнится. И точно, почти ежедневно лазутчики приходили съ извѣстіями, что неудовольствіе и ропотъ лезгинъ возрастаютъ, что они отказываются работать, жалуются, что мало кормятъ, что холодно и пр. и пр., а 19-го числа, часу въ девятомъ вечера, Мадатовъ и адъютантъ Талызинъ торопливо входятъ къ генералу. Видно было, что принесли хорошія вѣсти.

Генералъ повернулся къ нимъ, отбросилъ перо:

— Ну, что—подрались?

— Нѣтъ не подрались—отвѣтили оба—а лезгины побили чеченцевъ, ограбили ихъ и вернулись домой.

— Въ Ханкала—доложилъ Мадатовъ—ровъ не оконченъ, чеченцы не слушаютъ Бей-Булата, разошлись по домамъ, оставили въ Ханкала только караулъ для наблюденія.

— Теперь пора! Le petit (Талызинъ), сейчасъ напиши, чтобы отрядъ собрался къ Николаевску и переправлялся къ горячеводскому укрѣпленію; 21-го вечеромъ я выѣзжаю, ночевать буду въ горячеводскомъ укрѣпленіи, а 22-го выступаемъ въ Грозную.

Сказано-сдѣлано. Посланные казаки понеслись по станицамъ съ предписаніемъ къ начальникамъ, и 22-го мы изъ горячеводскаго укрѣпленія пришли въ крѣпость Грозную.

Надобно сказать слово и о Талызинѣ. Это былъ очень малаго для мужчины роста, умный, проворный, ловкій офицеръ. Образованіе получилъ, кажется, не изысканное; но здравый умъ, гибкій характеръ, какая-то чуткость того, что должно дѣлать, съ избыткомъ замѣняли ему образованіе въ той порѣ, когда я его зналъ. Онъ изучилъ Алексѣя Петровича и потому всегда предугадывалъ, что тотъ желаетъ или ожидаетъ. Сперва онъ былъ адъютантомъ у начальника штаба, Вельяминова, и, когда Алексѣй Петровичъ спросилъ: „не знаешь ли надежнаго офицера, чтобы всегда имѣть подъ рукой?“—онъ предложилъ Талызина и тотъ, будучи назначенъ адъютантомъ къ генералу Ермолову, оправдалъ его рекомендацію. Алексѣй Петровичъ звалъ его обыкновенно Лепти (le petit). Этотъ маленькій, умный человѣкъ зорко слѣдилъ за всѣми приближенными и крѣпко не жаловалъ домогавшихся въ чемъ нибудь успѣть у Алексѣя Петровича. Онъ хотѣлъ, чтобы все проходило чрезъ его руки. Когда это подмѣтили, то всѣ

стали обращаться къ Талызину. Но это не значитъ, чтобы онъ дѣлался ходатаемъ за всѣхъ и про все. Нѣтъ, эта умная голова разбирала очень хорошо всякое дѣло, всякую просьбу, и доводила до свѣдѣнія Алексѣя Петровича только то, что дозволительно было исполнить. Этимъ онъ облегчалъ генералу дѣло и избавлялъ его отъ всегда непріятныхъ отказовъ. Дѣла, о которыхъ онъ докладывалъ или о которыхъ просилъ, извѣстны ему были во всѣхъ подробностяхъ. Такой адъютантъ или приближенный человѣкъ—настоящее сокровище для начальника, обремененнаго дѣлами. А что Талызинъ ревниво оберегалъ расположеніе къ себѣ Алексѣя Петровича и дорожилъ имъ, это весьма понятно. И крайне несправедливо разсуждали тѣ, которые обвиняли Алексѣя Петровича въ излишней довѣрчивости къ молодому офицеру. Никогда Талызинъ не злоупотреблялъ этою довѣрчивостью и никогда не было слышно, чтобы онъ отъ ходатайства или доклада имѣлъ свою выгоду. Это слово о Талызинѣ я написалъ затѣмъ, чтобы опровергнуть мнѣніе и укоръ Алексѣю Петровичу, будто черезъ Талызина у него все можно было сдѣлать.

Чеченцы, узнавъ, что отрядъ собирается, тоже начали собираться въ ханкальскомъ ущельи; но когда мы, 22-го января, прибыли въ Грозную, то пришло извѣстіе, что они пошли къ аулу большой Атаги. Зима была крѣпкая, морозъ держался постоянно до 10° ниже нуля и къ концу января сильно увеличился. Переправившись у Горячеводскаго (гдѣ сѣрныя воды въ 60°), войска остановились на бивакахъ близь этого укрѣпленія. Снѣгъ лежалъ довольно глубокій. Солдаты разгребали его, чтобы улечься рядами, въ длину строя роты, одна за другою, такъ что между ротами были снѣговыя стѣнки; въ расчищенное мѣсто ложилась рота, тѣсно сжимаясь другъ къ другу. Всякіе полчаса смѣнялись часовые, и смѣнившійся ложился

на мѣсто новаго часового. Плохой былъ ночлегъ! И дровъ было немного. Мы съ Дейтрихомъ, не найдя и коморки въ укрѣпленіи, остались при орудіяхъ и извели весь наличный сахаръ, распивая всю ночь чай и давая его артилеристамъ. Нѣсколько женъ офицеровъ, не желая оставаться въ станицахъ безъ мужей, отправились съ отрядомъ до Грозной, чтобы тамъ провесть зиму. Молодой проказникъ, стоя съ нами и видя проѣзжающую въ санкахъ жену офицера, говоритъ: „cette nuit l'amour sera frappé à la glace et il naîtra un Lapon au bord du Tereck!“ Вечеромъ 22-го мы пришли въ Грозную. Отрядъ расположился близь крѣпости. Тутъ мы простояли три дня, въ которые Алексѣй Петровичъ осматривалъ укрѣпленіе, приказывалъ дѣлать нѣкоторыя исправленія въ веркахъ, много знакомился съ чеченскими дѣлами, разспрашивая п. Сарочана, и, получивъ 25-го числа точное увѣдомленіе, что чеченцы оставили ханкальское ущелье, 26-го рано утромъ двинулся съ отрядомъ въ Чечню.

Чечня—плоскость у самой подошвы сѣвернаго склона кавказскихъ горъ, въ длину верстъ на 150, въ ширину отъ 30 до 40 верстъ, имѣя съ востока границею лѣсистый отрогъ Кавказа, качкалыковскій хребетъ, съ запада—галашевцевъ и карабулаковъ, а съ сѣвера—р. Сунжу, впадающую въ Терекъ, на оконечности качкалыковскаго отрога, у Брагунъ. Плодородная почва ея покрыта разнородными лѣсами, для которыхъ, мѣстами, вѣка протекали въ безмятежной тишинѣ, не слыша говора топора. На полянахъ среди густого лѣса, стояли богатые деревни (аулы) и хутора, въ которыхъ жили чеченцы. Къ рѣдкимъ изъ нихъ были проложены арбныя дороги. И вся эта страна, цвѣтущая тучными нивами, покрытая благоухающею травою, пестрыми цвѣтами и вѣковыми лѣсами, орошается частыми рѣчками и журчащими ручьями, впадающими въ

р. Сунжу. За Сунжей, на лѣвомъ берегу, въ такъ называемой „мирной Чечнѣ,“ лѣсовъ нѣтъ, за исключеніемъ угла при впаденіи ея въ Терекъ. Климатъ въ Чечнѣ, лежащей у подошвы Кавказа, благорастворенный и совершенно здоровый; лѣтомъ жара умѣренная, рѣдко выше 24° Р.; зима почти всегда сухая и морозная, такъ что мы терпѣли стужу въ 27°. Вѣтровъ большихъ не бываетъ. Однимъ словомъ, такого уголка—поискать на землѣ, такъ врядъ ли найдешь. Но, нарадовавшись окружающею васъ прелестною природою, чтобы довершить обаятельное впечатлѣніе, произведенное ею, взгляните наверхъ. Тамъ снѣговой, льдистый, вѣчно-бѣлый Кавказъ съ высей своихъ, кажется, съ любовью оберегаетъ этотъ роскошный уголокъ своихъ обширныхъ и разнообразныхъ владѣній.

24-го пріѣхалъ изъ Петербурга рыжій фельдъегерь. Мы говорили между собою: отъ рыжаго добра не будетъ. И точно. Уже до насъ дошли слухи, что въ Петербургѣ какъ-то не ладно, что многихъ забираютъ, въ особенности изъ 2-й арміи; но мы на Кавказѣ были такъ спокойны, будто этотъ ералашъ до насъ не касался. Пріѣхалъ рыжій фельдъегерь и увезъ, 25-го числа, съ собой Грибоѣдова, состоявшаго, кажется, по дипломатической части въ канцеляріи и бывшаго съ нами въ отрядѣ. Мы шли съ Дейтрихомъ изъ крѣпости въ лагерь рано утромъ; слышимъ за нами ѣдутъ; оглядываемся—на тройкѣ Грибоѣдовъ и рыжій.

— Прощайте, Александръ Сергѣевичъ!

— До свиданія, господа!

— Кто это? спрашиваетъ громко рыжій—и помчались далѣе съ сильнымъ конвоемъ казаковъ.

И точно, скоро возвратился Грибоѣдовъ чистъ, какъ голубь, и болѣе не было подозрѣній на кавказскій корпусъ.

26-го января отрядъ, перейдя р. Сунжу по мосту у

кр. Грозной, направился къ ханкальскому ущелью, которое Бей-Булатъ хотѣлъ перекопать рвомъ по всему протяженію въ ширину. Работа, какъ сказано выше, не была окончена. Лезгины, наскучивъ зимою копать землю, побили чеченцевъ, ограбили ихъ и ушли домой. Отрядъ нашъ состоялъ, кажется, изъ 2-хъ баталіоновъ Ширванскаго полка, одного баталіона Апшеронскаго и одного баталіона 43-го егерскаго полка. Артилеріи было: 8 орудій легкой № 3 роты 19-й бригады, два горныхъ единорога и 4 конныхъ орудія Гребенскаго и Моздокскаго полковъ; кавалерія состояла изъ нѣсколькихъ сотенъ линейскихъ казаковъ. Генералъ Ермоловъ далъ знать чеченцамъ: который явится съ повинною, не будетъ тронутъ; но ни одинъ аулъ не отозвался на милосердное слово. Это былъ первый походъ русскихъ въ Чечню послѣ 20-ти лѣтъ. Въ **1807** году генералъ-аншефъ Булгаковъ ходилъ въ Чечню и у Герменчука потерялъ до 500 человѣкъ, да при походѣ чрезъ Ханкала до 1000 человѣкъ, и много было отбито драгунскихъ лошадей. Чеченцы надѣялись справиться и съ „Ермолоу.“

Часа въ четыре, послѣ обѣда, сдѣлавши около 25-ти верстъ по ровной плоскости, мы пришли къ огромному аулу большой Атаги, гдѣ чеченцы собрались, чтобы защищаться. Аулъ лежалъ по обѣимъ сторонамъ Аргуна. Поставили артилерію, началась недолго продолжавшаяся канонада, и только-что въ нѣсколькихъ мѣстахъ зажгли аулъ, какъ генералъ спустилъ въ него два баталіона—и началась рѣзня. Рукопашный бой былъ ужасный, ибо огромный аулъ былъ полонъ—семейства не вывезены, все имущество и скотъ оставались дома. Когда солдаты врывались въ дома за убѣгавшими чеченцами, женщины встрѣчали ихъ съ кинжалами въ рукахъ, яростно бросались на нихъ и погибали на штыкахъ. Я слышалъ отъ солдатъ и офицеровъ,

что въ началѣ боя много солдатъ получили раны отъ женщинъ, ибо не рѣшались колоть ихъ; но когда увидѣли, что онѣ „взаправду дерутся“, то уже не разбирали пола враговъ. Я видѣлъ внѣ дома лежащую молодую чеченку съ окровавленнымъ кинжаломъ въ рукахъ.

Вначалѣ бой былъ жестокъ и наши тихо подвигались впередъ; но вскорѣ генералъ приказалъ усилить напоръ по берегу Аргуна и дойти поскорѣе до моста у мельницы, черезъ который гнали скотъ и бѣжали женщины съ дѣтьми. Проходящимъ ротамъ генералъ говорилъ: „дружно къ мосту, ребята, мы скоро покончимъ съ ними!“ Но этимъ воинамъ не надо было ободрительныхъ словъ—они глядѣли на него и улыбались, какъ бы говоря: не безпокойся—все разметемъ! Я понялъ, что въ этихъ людяхъ съ покойною, самоувѣренною доблестью могло сложиться задушевное русское слово: „кто противъ Бога и Великаго Новагорода?“ Когда чеченцы увидѣли, что мы хотимъ дойти до моста и на кратчайшей дорогѣ къ нему усилили войска, они начали сбѣгаться на тотъ край аула и дали славный отпоръ. Тутъ полегло ихъ много, ибо высланныя за войсками два легкихъ и два горныхъ орудія крѣпко помогали штыкамъ, хотя въ этомъ почти постоянно рукопашномъ бою трудно было улучать мѣсто для выстрѣла, чтобы, очищая дорогу, не смести и своихъ. Къ каждымъ двумъ орудіямъ было дано по взводу пѣхоты въ прикрытіе—предосторожность не безполезная; но удержать это прикрытіе въ порядкѣ, чтобы часть его не ушла къ товарищамъ потѣшиться надъ чеченцами—для этого надо было быть строгимъ офицеромъ, а особливо унтеръ-офицеромъ. Офицеръ, бывшій съ легкимъ взводомъ, разсказывалъ намъ, что, когда они были уже въ серединѣ аула, прикрытіе, долженствовавшее находиться всегда около орудія, мало по малу растаяло. Вдругъ изъ одной сакли и изъ-за деревьевъ выско-

чили чеченцы и, шашки наголо—на проходившее орудіе. Къ счастью, около пѣхотнаго офицера еще оставалось человѣкъ двадцать, такъ этими, оставшимися отъ своихъ, скоро покончили съ горцами. Подобные эпизоды въ сраженіяхъ часто бываютъ: гонишь впереди себя непріятеля, думаешь—покончилъ, вдругъ сзади или съ боку выскочитъ, какъ изъ земли. Въ продолженіи боевой службы моей случалось мнѣ видѣть такія печальности, но кончались онѣ всегда неудачно для непріятеля. По мѣрѣ того, какъ войска подвигались внутрь аула, съ натискомъ на лѣвую окраину его, движеніе впередъ ускорилось, ибо много защитниковъ бросилось къ сторонѣ моста и тѣмъ ослабили оборону аула. Генералъ выслалъ еще роты двѣ для очищенія аула; эти роты, а также бывшіе съ ними казаки пригнали множество скота и барановъ и нѣсколько семействъ въ лагерь. Когда аулъ былъ взятъ, у моста оставили баталіонъ съ двумя орудіями, кругомъ заняли посты и приказали послать команды для разборки саклей на дрова. Тогда началась работа для медиковъ и пиръ для здоровыхъ. По всему лагерю запылали костры; въ артельныхъ котлахъ не было мѣста для убитой скотины и барановъ, всѣ костры были какъ бы оцѣплены шомполами съ нанизанными на нихъ кусками мяса—это жарился шашлыкъ; кто не варилъ, не жарилъ и не ѣлъ—тотъ разбиралъ доставшіяся ему лохмотья чеченскихъ дамъ или разное имущество изъ ихъ домашняго скарба. У духанщиковъ (маркитантовъ) толпились десятками солдаты: кто продавалъ какую рухлядь, кто обмѣнивалъ добытое на чарку водки. Движеніе въ лагерѣ было общее, говоръ и шумъ повсемѣстный, вездѣ веселыя и радостныя лица, кромѣ одного мѣста, гдѣ слышались стоны и предсмертное хрипѣніе.... Это былъ перевязочный пунктъ, въ большихъ госпитальныхъ палаткахъ—оборотная сторона красивой медали. Но отойдемъ оттуда, мы имъ

помочь не можемъ, тамъ знаніе и усердіе врачей полезнѣе нашего состраданія.

Офицерство пило чай и, конечно, многіе, послѣ трудовъ, съ кизляркой (крѣпкая виноградная водка). Всѣ разсказывали, но рѣдко кто слушалъ; тотъ говорилъ, что дѣлалъ, этотъ—что видѣлъ, а третій—что слышалъ. Не родился мудрецъ, который различилъ бы правду отъ вранья, хвастливаго отъ добросовѣстнаго разсказчика. Подполковникъ Аристовъ, командиръ легкой роты, къ которой генералъ прикомандировалъ два горные единорога затѣмъ, чтобы дать мнѣ законное право быть съ легкими орудіями въ дѣлѣ, уже два раза присылалъ за мною, идти пить чай, но я никакъ не могъ оторваться отъ своего взвода: все какъ-то находилъ что приказать, о чемъ распорядиться и, правду сказать, полюбоваться на веселыя лица моихъ артилеристовъ и порадоваться, что всѣ они цѣлы и невредимы, хотя, дѣлая свое дѣло, мы были все время подъ жуткимъ огнемъ; я видѣлъ, что и имъ пріятно со мною и, такъ болтая съ однимъ да съ другимъ, я не могъ оторваться отъ своей семьи. Но вотъ приходитъ Дейтрихъ, беретъ меня за руку: „иди пить чай“—и уводитъ къ г. Аристову. Мнѣ не сидѣлось. Кончивъ второй стаканъ и закуривъ трубку, я предложилъ Дейтриху пойти гулять по лагерю. Мы направили шаги къ походному госпиталю, шли молча, какъ бы наслаждаясь веселымъ говоромъ солдатъ, то распростертыхъ около костровъ, то сновавшихъ во всѣ стороны. Когда мы стали подходить къ большимъ палаткамъ, Дейтрихъ спрашиваетъ меня: „куда мы?“—Посмотрѣть раненыхъ и много ли ихъ.—„Ты имъ не поможешь, не пособишь, а твои, слава Богу, всѣ цѣлы; пойдемъ назадъ.“ И пошли мы опять по лагерю, направляясь къ своимъ. Въ Дейтрихѣ, моемъ задушевномъ пріятелѣ, было столько жизни, онъ такъ былъ полонъ ею, что физическія страданія человѣка, какъ бы не-

вольно отталкивали его отъ себя; онъ, отдававшій послѣднюю копѣйку бѣдному, готовый отдать и послѣднюю рубашку, не могъ видѣть мрачной картины людскихъ страданій. Думаю, что не онъ одинъ былъ таковъ въ молодости, и, полагаю, что это отталкиваніе кипучей жизни отъ предсмертныхъ страданій понятно. Недалеко отъ горнаго взвода мы нагнали Алексѣя Петровича.

— А, артилеристы! обратился онъ къ намъ—есть у васъ что въ котлахъ?

— Полны, ваше высокопревосходительство, отвѣчали мы.

— Посмотрите, ни головы, ни ногъ въ котелъ спрятать не могутъ; вы бы, ребята, назавтра что поберегли, сказалъ онъ, остановившись у егерскаго баталіона и глядя на котелъ, переполненный мясомъ.

— А можетъ, ваше высокопревосходительство, завтра еще аульчикъ будетъ; ихъ тутъ много — отвѣчалъ ему одинъ усатый егерь.

Ермоловъ былъ, видимо, въ хорошемъ расположеніи духа и ему было пріятно, что солдаты добыли себѣ часъ удовольствія. Подойдя къ горному взводу, поздоровался съ солдатами и спросилъ: „есть ли раненые?“ Ему отвѣтили, что нѣтъ—„ну, и слава Богу!“

27-го числа въ отрядѣ было спокойно. Часть аула за р. Аргуномъ была покинута чеченцами и растаскана нами на дрова; сожжено, что осталось. Въ Грозную дано знать, чтобы къ полудню 28-го выслать встрѣчный отрядъ за ханкальское ущелье. 28-го числа чеченцы, увидѣвши, что мы отправили раненыхъ въ Грозную, вздумали воспользоваться уменьшеніемъ нашихъ силъ и напали на лѣвый флангъ нашего лагеря. Нападеніе было сильное и упорное, такъ что генералъ самъ поѣхалъ туда. Въ самомъ началѣ, стремительно напавъ на цѣпь застрѣльщиковъ, они оттѣснили ее и бросились въ шашки на два стоявшія вблизи

орудія, но, не добѣжавъ до нихъ, были встрѣчены картечью, а прикрытіе и застрѣльщики откинули ихъ далеко и съ большимъ урономъ. Много ихъ тѣлъ валялось тутъ. Наша потеря была незначительна, однако раненые шашками были, но за то и проткнутые штыками улеглись на снѣжной землѣ.

Во время дѣйствій на лѣвомъ флангѣ лагеря, на правомъ, гдѣ былъ расположенъ штабъ, близь коего стояли мои два горные единорога, сдѣлался маленькій переполохъ на кухнѣ генерала. Толпы чеченцевъ, собравшихся въ лѣсномъ обрывѣ передъ лагеремъ и всползавшихъ на высоту, пострѣливали; наши застрѣльщики скоро ихъ прогнали внизъ, но нѣсколько пуль попало въ кухню, прямо въ кастрюли. Сергѣй Михайловичъ, толстенькій кухмистръ его высокопревосходительства, тотчасъ послалъ доложить, что чеченцы такъ близко подошли, что готовить нельзя и что главная квартира въ опасности; затѣмъ, видя меня при двухъ орудіяхъ, толстенькій человѣкъ съ колпакомъ на головѣ, въ фартукѣ и съ ножемъ въ рукѣ, въ испугѣ прибѣгаетъ ко мнѣ и кричитъ: „помилуйте, г-нъ офицеръ, ужъ пули въ кастрюли падаютъ, насъ всѣхъ перебьютъ, готовить нельзя; его высокопревосходительство будетъ безъ обѣда!“ Я успокоилъ его сколько могъ, но онъ продолжалъ восклицать: „пули въ кастрюляхъ!“ Генералъ, узнавъ, что и на правомъ флангѣ не спокойно, послалъ капитана Хихарева посмотрѣть, что тамъ такое. Хихаревъ прискакалъ въ то время, какъ я наводилъ орудіе внизъ, въ собравшуюся толпу. „Бриммеръ, что это у васъ дѣлается?“—Сейчасъ!—я отбѣжалъ отъ орудія къ вѣтру—„Пли!“ Граната полетѣла и разорвалась въ толпѣ.—„Ай, молодецъ!“ говоритъ Хихаревъ. Я ему разсказалъ, какъ чеченцы подкрались за толстыми деревьями почти до вершины обрыва и дали залпъ, испугъ Сергѣя Михайловича и его восклицанія: „пули въ кастрюляхъ!“ Хихаревъ, увидѣвъ, что у насъ все

спокойно, поскакалъ доложить о томъ генералу.... Алексѣй Петровичъ, выслушавъ его, приказалъ ему ѣхать обратно, выдвинуть отъ вправо стоявшаго баталіона роту къ орудіямъ и остаться тамъ; въ случаѣ же чего—пріѣхать съ донесеніемъ; „а Бриммеру скажи, чтобы защищалъ главную квартиру!“ Не прошло получаса по возвращеніи Жихарева, какъ генералъ вернулся и все успокоилось въ лагерѣ. За обѣдомъ я долженъ былъ разсказать объ испугѣ кухмистра, а на другой день, видя меня у орудій, Ермоловъ подошелъ и спрашиваетъ: „покажи-ка, куда ты вчера стрѣлялъ, когда Жихаревъ пріѣзжалъ?“ Я указалъ внизъ, въ долину, на дерево, у котораго стояла толпа чеченцевъ и куда упала граната.—„Хорошъ выстрѣлъ!“—и прошелъ мимо.

Версты три отъ большой Атаги былъ аулъ Чахкери, жители коего, самые отъявленные разбойники, всѣ участвовали въ нападеніи на лагерь, почему генералъ положилъ уничтожить этотъ аулъ. Порученіе это дано подполковнику Грекову, въ команду которому назначено было два баталіона Ширванскаго полка, 4 легкихъ орудія и нѣсколько сотень казаковъ. Когда аулъ истребили и войска стали отступать по дорогѣ къ лагерю, бой, выдержанный при занятіи аула, показался имъ шуточнымъ въ сравненіи съ тѣмъ отчаяннымъ нападеніемъ, которому подверглись они при отступленіи. Только-что послѣдніе люди вышли изъ аула, какъ весь отрядъ съ трехъ сторонъ былъ охваченъ тысячами чеченцевъ, съ яростью бросавшихся въ шашки на орудія, которыя, за невозможностью поднять на передки, двѣ версты шли на пролонжахъ. У орудій осталось по одной и по двѣ картечи. Хладнокровный Грековъ отступалъ тихо, пѣхота стрѣляла мало, но каждое нападеніе на орудія, шедшія въ аріергардѣ, и на пѣхоту, съ боковъ колонны, было отбрасываемо штыками; изрѣдка бросались на толпы чеченцевъ и топтали ихъ. Дейтрихъ, бывшій въ аріергардѣ съ двумя

орудіями, разсказывалъ мнѣ, что на второй верстѣ отраженіе чеченцевъ дѣлалось правильное: только-что орудіе выстрѣлитъ, чеченцы, какъ звѣри, бросаются впередъ; ширванцы встрѣчаютъ ихъ мѣткими выстрѣлами и тотчасъ же съ крикомъ „ура“ бросаются впередъ на штыки; тутъ минуты 3 или 5—рукопашная схватка; съ крикомъ „ура“ еще взводъ бѣжитъ впередъ—и чеченцы бѣгутъ; иногда казаки, если не заняты, понесутся за ними, шашки наголо; въ это время колонна продолжаетъ отходить. Но только-что казаки отъѣхали, опять толпы бѣгутъ, возвращаются къ колоннѣ, стрѣляютъ, кричатъ, ругаются; орудійный выстрѣлъ—съ гикомъ, какъ звѣри, бросаются чеченцы по направленію къ орудію.... и опять все то же. На двухъ верстахъ, какъ солдаты мнѣ разсказывали, было до пятнадцати нападеній; болѣе скромные соглашались на пять—„да и уложили же мы этихъ звѣрей!“ Случалось, что изъ двухъ орудій, шедшихъ въ аріергардѣ, одно выстрѣлитъ, и отуманенные чеченцы безсмысленно, яростно бросаются впередъ, но ихъ встрѣчаетъ картечь другого орудія, пули пѣхоты и наконецъ штыки нашихъ славныхъ ширванцевъ. Можно вообразить сколько улеглось на снѣгу изъ тысячной толпы! Но и наша потеря была значительна, кажется, до 300 раненыхъ; убитыхъ только около двадцати. Раны большею частью были отъ шашекъ при схваткахъ, и потому много незначительныхъ.

Въ началѣ февраля мы пошли въ Малую Чечню чрезъ р. Гойту, прорубили широкую дорогу черезъ гойтинскій лѣсъ, сожгли большое селеніе Белгатой, встрѣтившее насъ сильнымъ отпоромъ. Потомъ, пройдя чрезъ всю Малую Чечню, густо населенную, съ частыми аулами, пришли въ огромное селеніе Гехи, покорно встрѣтившее насъ, потому что жители его много торговали съ Кизляромъ и сады ихъ были полны шелковичныхъ деревъ; богатые изъ нихъ, какъ

говорили, продавали шелку на тысячи рублей. Страхъ потери садовъ сдѣлалъ ихъ покорными. На возвратномъ пути въ Грозную, кажется 20-го февраля, въ аулѣ Алда, морозъ усилился до 27° Реомюра. Аулъ былъ пустой—семейства ушли въ окрестные лѣса. Генералъ, услыхавъ отъ переводчика Мадатова, что солдаты стрѣляютъ на огни, около которыхъ располагались семейства, приказалъ прекратить пальбу и не тревожить чеченцевъ. Я слышалъ, что жены настояли, чтобы мужья отправились къ генералу просить не истреблять аула, и вотъ явилась депутація чеченцевъ съ покорностью. Головы-то имъ намылили, но аулъ остался цѣлъ.

Жестокій морозъ! Въ сакляхъ спать нельзя. Разведешь, бывало, въ каминѣ огонь, думаешь—вотъ засну подлѣ огня. Куда тамъ! Къ огню—тепло, а спина мерзнетъ: обернешься спиною къ огню, глядишь—носъ отморозишь. Ну, и давай чай пить. Бомбардиръ Богатыревъ то и дѣло самоваръ наставлялъ. Каждые полчаса приказано было смѣнять часовыхъ и вездѣ по дорожкѣ часового была постлана солома, чтобы не ходили по снѣгу. И все-таки около ста человѣкъ отморозили—то ногу, то пальцы, то носы. Тутъ мы при жесточайшемъ морозѣ простояли три дня; потомъ морозъ спалъ, отрядъ пошелъ въ Грозную и былъ распущенъ до весенняго похода. Я съ горными орудіями и легкою ротою пошелъ въ ст. Старогладковскую, гдѣ въ короткое пребываніе успѣлъ познакомиться съ хозяйскимъ бытомъ нашихъ храбрыхъ линейскихъ казаковъ. Недѣль около пяти войска отдыхали по станицамъ, и мы, молодежь, не скучали въ Старогладковской.

8-го апрѣля отрядъ опять стянулся къ крѣпости Грозной. Выше, у Алханъ-юрта, мы переправились на каюкахъ черезъ Сунжу. Въ бродъ переходить было нельзя, а строить паромы—отняло бы много времени. Каюками управ-

ляли казаки; переправа шла медленно, но стройно и въ порядкѣ. Только-что первая пѣхотная рота, перейдя поляну, двинулась къ лѣсу, какъ была встрѣчена выстрѣлами, и чѣмъ дальше—перестрѣлка учащалась. Генералъ смотрѣлъ на противоположный берегъ, а мы всѣ стояли около него.

— Хотѣлось бы мнѣ имѣть тамъ пушечку.

— Прикажите, ваше высокопревосходительство, я переправлю горный единорогъ.

— Дѣло, братъ; только больше одного каюка не брать.

Скорость, съ каковою разобрали, уложили, перевезли, собрали и поставили на мѣстѣ дѣйствія единорогъ, заслужила его похвалу. Скоро чеченцевъ отогнали.

На другой день мы тронулись по дорогѣ къ с. Курчали, которое за разбойничество жителей Алексѣй Петровичъ хотѣлъ уничтожить. 12-го утромъ мы подошли къ лѣсу, въ которомъ лежало Курчали. Передъ лѣсомъ была сажени $2^1/_2$ или 3 канава, глубокая и топкая; пройти ее нельзя было. Генералъ призвалъ капитана барона Засса, командовавшаго карабинерной ротой въ 43 егерскомъ полку, и приказалъ ему нарубить деревъ и перебросить чрезъ канаву, чтобы люди могли пройти; потомъ приказалъ барону Унгернъ-Штернбергу, маіору путей сообщенія, наскоро перекинуть мостъ для прохода артилеріи; затѣмъ оглянулся на близстоявшую артилерію и, увидѣвъ меня въ кучкѣ офицеровъ: „Бриммеръ, пожалуйте сюда.“ Я прибѣжалъ.

— Когда Унгернъ поставитъ мостъ, такъ вы, съ двумя легкими орудіями, пойдете съ Зассомъ въ аулъ, чтобы уничтожить его.

Только-что я отвернулся, вдругъ слышу:

— Meine Herren, meine Herren! Kommen sie zurück. Herr baron Sass, Herr baron Ungern, H. o. Brümmer. Боже мой, все нѣмцы!

Мы всѣ вернулись.

— Meine Herre, haben sie mich auch verstanden? Ich sagte ihnen H. baron Ungern, die Brucke muss...

Зассъ махнулъ рукою, обернулся и пошелъ; я за нимъ. Унгернъ, высокій, прекрасный собою мужчина, очень хорошо воспитанный, вѣжливый и мало знавшій Алексѣя Петровича, выслушавъ его, отвѣтилъ: ваше высокопревосходительство все это уже приказали мнѣ на русскомъ языкѣ.

— А, такъ вы поняли? Ну, и прекрасно!

Видя, что капитанъ Зассъ по перекинутымъ уже деревьямъ переправляетъ свою роту, я приказалъ людямъ поискать мѣста—нельзя ли канаву перейти, только бы не завязнуть. Фейерверкеръ прибѣгаетъ ко мнѣ и увѣряетъ, что, хотя вязко, но грунтъ довольно твердый и пройти можно. Я подошелъ къ мѣсту и, замѣтивъ, что на той сторонѣ подъемъ не крутъ, приказалъ орудію переходить. Хорошо, что остановилъ ящики, желая посмотрѣть, какъ пройдетъ орудіе. Орудіе-то, слава Богу, прошло, но страхъ мой, чтобы не засѣло, былъ такъ великъ, что другое орудіе и ящики я повелъ къ мосту. Скоро мостъ былъ кое-какъ сколоченъ и мы переѣхали; за нами пошла еще гренадерская рота Ширванскаго полка. Такимъ образомъ насъ было двѣ роты пѣхоты и два орудія. До деревни Курчали было всего версты полторы, все лѣсомъ, но дорожка почти вся была завалена срубленными деревьями и потому мы подвигались очень медленно, въ особенности, когда на половинѣ дороги начали свистать чеченскія пули. Но наши не долго думали. Только-что первые выстрѣлы раздались въ лѣсу, стрѣлки, шедшіе длинной линіей, остановились; я съ трудомъ, наскоро, снялъ оба орудія съ передковъ, выдвинулъ впередъ на болѣе просторное мѣсто: изъ одного ядромъ, изъ другого дальнею картечью—и вся пѣхота, оставивъ при орудіяхъ взводъ егерей, ринулась съ крикомъ

„ура“ впередъ и погнала чеченцевъ до аула. Не прошло и четверти часа, я съ орудіями подошелъ къ аулу, прямо къ воротамъ; пѣхота лежала за плетнемъ вправо отъ воротъ. Капитаны Зассъ и Юдинъ стояли у воротъ; я просилъ ихъ приказать сломать плетень, чтобы поставить въ воротахъ орудіе. Только-что это было сдѣлано, чеченцы открыли огонь—и мы убѣдились, что вся деревня полна народу. Послѣ нѣсколькихъ ядеръ, которыя пронизывали сакли, выстрѣлы прекратились, и только по широкой улицѣ, идущей отъ воротъ чрезъ весь аулъ, видны были толпы, показывавшіяся и пропадавшія отъ хорошо направленныхъ ядеръ. Такъ простояли мы съ полчаса, пока капитаны, оглядѣвшись, не порѣшили идти въ аулъ выгнать штыками чеченцевъ и зажечь его. Вдругъ пріѣзжаетъ адъютантъ генерала съ приказаніемъ: избѣгать потери людей, а если непріятель крѣпко защищается, то ожидать прибытія пѣхоты, которую онъ пришлетъ немедленно. Не успѣлъ адъютантъ передать приказаніе, какъ Дейтрихъ скачетъ на моемъ горскомъ Сѣрко съ запискою ко мнѣ отъ Алексѣя Петровича: Бриммеръ, постарайтесь сжечь аулъ [4]).—Увы, у меня были двѣ пушки—ядрами и картечью не сожжешь ничего! Я обратился къ господамъ и, прочитавъ имъ написанное, говорю: такъ какъ мнѣ исполнить приказанія невозможно, то пойдемте и сожжемъ, какъ порѣшили.— „Пойдемъ“—былъ отвѣтъ, и затѣмъ команда: „вставай!“ Вдругъ Дейтрихъ кричитъ: „ракеты ѣдутъ!“

Надо сказать, что передъ весеннимъ выступленіемъ отряда изъ Грозной, были присланы изъ Петербурга первыя ракеты на Кавказъ съ артилерійскимъ поручикомъ Бдиль (человѣкъ слабаго здоровья, не перенесъ климата, схватилъ горячку и осенью этого же года умеръ въ Киз-

[4]) „Бриммеръ. Если будете стрѣлять въ деревню, то испытайте зажечь ее брандскуглями. Ермоловъ.“

лярѣ). Ракеты были съ снарядами и зажигательныя. Когда на первой пробѣ ракета, вѣроятно задержанная загибомъ лотка, лопнула на станкѣ, Ермоловъ выразился, что ракеты эти страшнѣе своимъ, чѣмъ непріятелю. Съ прибытіемъ ракетъ, нашъ планъ кампаніи противъ аула разсыпался въ прахъ. Между тѣмъ чеченцы, ободренные пятиминутною тишиною, опять стали стрѣлять изъ ближнихъ домиковъ. Я подошелъ къ взводу. По моему приказанію, артилеристы сидѣли въ сторонѣ за плетнемъ, а у орудій, которыя стояли открыто въ воротахъ, были только №№ 4-е съ пальниками. На мнѣ былъ разстегнутый сюртукъ, а подъ нимъ голубой шелковый архалукъ, сшитый мнѣ сестричками-кумычками въ Андреевомъ аулѣ. Только-что я подошелъ къ орудію, чтобы осмотрѣться—куда направить его, какъ нѣсколько пуль просвистало мимо ушей и меня сзади кто-то толкнулъ. Это былъ артилеристъ № 4: пуля попала ему въ сердце, онъ обернулся, упалъ и—духъ вонъ. Это были послѣдніе выстрѣлы чеченцевъ. Я пустилъ по саклямъ три ядра; ракеты, хорошо направленныя, одна за другою, скоро зажгли аулъ. Съ малымъ пособіемъ, онъ скоро весь запылалъ. Мы стали отходить; проводы чеченцевъ были незначительны.

Между тѣмъ отрядъ началъ располагаться лагеремъ. Адъютантъ генерала привезъ намъ приказаніе остановиться: Алексѣй Петровичъ желаетъ поблагодарить насъ. Два орудія стали съ праваго фланга, подлѣ—ширванцы, а потомъ егеря; фронтъ не величекъ. Генералъ подходитъ со свитой съ праваго фланга.—„Спасибо, артилеристы!“—Рады стараться, ваше высокопревосходительство!—„Спасибо, молодцы ширванцы!“—такъ и егерямъ 43-го полка. Идя по фронту пѣхоты, онъ говорилъ много обязательнаго офицерамъ и солдатамъ, и между прочимъ: „ну, вотъ, мы и лѣтомъ по лѣсамъ ходимъ“ и пр. Солдаты, глядя на генера-

ла, только и кричали: „рады стараться!“ Пройдя фронтъ, онъ обернулся и вдругъ спрашиваетъ: „а гдѣ же Бриммеръ?“—При орудіяхъ.—„Я не видѣлъ его тамъ.“ Адъютантъ Новиковъ прибѣгаетъ ко мнѣ: „генералъ васъ спрашиваетъ.“ Я иду, и подхожу къ нему предъ самой срединой фронта. Алексѣй Петровичъ, положивъ мнѣ руку на плечо, говорилъ: „добрый офицеръ, храбрый, флегматически храбрый офицеръ!“—и потомъ прибавилъ понѣмецки—„nun jetzt können Sie gehen!“ Я поклонился и пошелъ къ орудіямъ. Вѣроятно, пріѣзжавшій адъютантъ что нибудь разсказалъ ему.—„Еще разъ благодарю васъ, господа!“—обратившись къ Зассу и Юдину. „Спасибо, братцы!“—и мы пошли въ лагерь.

Когда я отрапортовалъ ротному командиру о прибытіи взвода, что одинъ убитый и столько-то выпущено зарядовъ, добрякъ нашелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ выговоръ: артилеристовъ надо беречь; мы зимою ходили, да ни одного артилериста не убили.... и прочее.

Дейтрихъ идетъ мнѣ на встрѣчу и рапортуетъ, что Сѣрко мой раненъ въ скулу: когда онъ съ адъютантомъ возвращались въ лагерь, изъ-за деревьевъ было пущено нѣсколько выстрѣловъ и одна пуля попала въ Сѣрко; но скоро опухоль пропала и осталась только царапина.

Четыре дня мы рубили лѣсъ, и перестрѣлки были незначительныя; но когда 17-го числа, въ страстную субботу, мы возвращались къ Алханъ-юрту, гдѣ оставили нашъ вагенбургъ, чеченцы въ огромныхъ толпахъ провожали насъ съ ожесточеніемъ. Моя очередь была быть въ аріергардѣ. Едва отрядъ спустился къ р. Сунжѣ и началась переправа, какъ аріергардъ былъ остановленъ на возвышенности и усиленъ еще двумя орудіями съ ротою пѣхоты; но и этотъ усиленный аріергардъ съ трудомъ отбивалъ разъяренныхъ чеченцевъ. Такъ простояли мы до вечера, поку-

да весь отрядъ не переправился. Близь берега, на чистомъ мѣстѣ, горцы оставили насъ покойно переправляться.

На третій день Пасхи кизлярское общество давало отряду обѣдъ. Должно полагать, что солдаты были угощены вдоволь, ибо я слышалъ какъ насыщенный даровымъ обѣдомъ солдатъ говорилъ: накормилъ шельма армянинъ на славу!

23-го опять выступили въ Чечню и пошли прямо къ огромному аулу Урусъ-Мартанъ; 23-го взяли его и сожгли до тла. Бой былъ ожесточенный, какъ и въ Атагѣ, только здѣсь женщины не принимали участія въ свалкѣ. Такъ какъ аулъ былъ растянутъ по рѣчкѣ и углублялся въ ущелье, мы же непремѣнно хотѣли совсѣмъ его уничтожить, кромѣ того, были критическія минуты для находившихся въ глубинѣ ущелья и зажигавшихъ крайніе дома, то отошедшій взводъ долженъ былъ вернуться назадъ, выручать своихъ. Разъ напоръ ихъ черезъ зажженную деревню былъ такъ силенъ, что наши отошли до стоявшихъ на площадкѣ орудій, къ серединѣ аула, и офицеръ П., бывшій при двухъ орудіяхъ, не могъ стрѣлять, чтобы не повалить своихъ. Чуть было звѣри эти не смяли взводъ прикрытія.... но близстоявшая рота впору явилась съ крикомъ „ура“ и напоромъ своимъ прекратила штыковую работу у самыхъ орудій, которыя, надо признаться, были въ опасности перемѣнить прислугу, т. е. достаться чеченцамъ; но кавказцы не оставляютъ другъ друга въ бѣдѣ. Тутъ и наша потеря была значительна, но не превышала потери при Атагѣ. Этотъ разгромъ Урусъ-Мартана сильно ошеломилъ чеченцевъ: они не хотѣли вѣрить, что мы лѣтомъ будемъ навѣщать ихъ, ибо когда лѣсъ одѣвался, то ихъ не безпокоили, боясь большихъ потерь.

30-го апрѣля мы вернулись въ Грозную, сдали раненыхъ, запаслись военными припасами и провіантомъ, а

2-го мая выступили для обозрѣнія таплинскихъ полей; затѣмъ пять дней рубили лѣса для проложенія дорогъ къ аулу Шали, который сожгли за непокорность, и—къ прекрасному аулу Герменчуку, который былъ настолько уменъ, что прислалъ старшинъ съ покорностью, прося генерала не входить въ аулъ—а то за молодежь не ручаются. Во время рубки лѣса были безпрестанныя перестрѣлки. Чеченцы влѣзали на деревья и стрѣляли оттуда; но такъ какъ рубка производилась въ чрезвычайномъ порядкѣ—впереди рабочихъ былъ всегда сильный авангардъ съ орудіями, а съ боковъ сильныя застрѣльщичьи цѣпи съ резервами—то потеря у насъ была незначительная. Тутъ я долженъ разсказать случай, изъ котораго можно заключить, что патріархальное правленіе старшинъ не совсѣмъ надежно для трактованія съ нимъ. Въ то время, когда мы рубили лѣсъ по направленію къ аулу Герменчуку и уже подошли къ нему, такъ что оставалось до него всего полторы версты, старшины Герменчука вышли къ авангарду и просили позволенія представиться генералу Ермолову. Авангардъ, состоявшій изъ баталіона 43-го егерскаго полка, двухъ легкихъ орудій моего взвода и 2-хъ конныхъ казачьихъ, при коихъ была сотня гребенскихъ казаковъ, стоялъ на большой полянѣ. Передъ нами была широкая канава съ насыпью съ нашей стороны, вырытая, какъ чеченцы говорили, еще за 200 лѣтъ; за канавою—лѣсъ, закрывавшій отъ насъ Герменчукъ, вправо—лѣсная прогалина, соединявшаяся съ поляною, на которой лежалъ аулъ. Канаву передъ орудіями и въ другихъ мѣстахъ скоро засыпали, застрѣльщики заняли опушку лѣса, а орудія выдвинули за ровъ. Сзади авангарда рабочіе рубкою лѣса прокладывали дорогу. Когда генералу дали знать, что старшины пришли, онъ пріѣхалъ къ авангарду. Между тѣмъ у всѣхъ старшинъ отняли оружіе и солдаты взяли ихъ въ свой кружокъ; ихъ

было человѣкъ до десяти, не болѣе. Сойдя съ коня, генералъ поздоровался съ солдатами, всталъ у моего орудія (орудія были сняты съ передковъ) и облокотился на лѣвое боевое колесо; я стоялъ у праваго. Старшины подошли, низко поклонились, привѣтствовали генерала съ прибытіемъ, радовались, что онъ здоровъ и просили быть къ нимъ милостивымъ и не раззорять ихъ. Переводчикъ капитанъ Мадатовъ очень мягко переводилъ ихъ рѣчи. Генералъ послѣ грозныхъ словъ выговора сказалъ имъ, что покорность на этотъ разъ спасаетъ ихъ отъ раззоренія, но что поздняя покорность не всегда останется безнаказанною. Старшины благодарили за милость, но просили генерала не входить въ ихъ аулъ, ибо боятся, чтобы молодежь, которую не всегда могутъ удержать, не была причиною его гнѣва. „Скажи имъ, что объ этомъ напрасно просятъ—отвѣтилъ Ермоловъ—если будетъ одинъ выстрѣлъ или малѣйшій безпорядокъ при переходѣ войскъ чрезъ аулъ—ни одной сакли не останется цѣлой.“ Едва капитанъ Мадатовъ началъ переводить слова генерала, послышался выстрѣлъ и пуля, со свистомъ пролетѣвъ близь головы Алексѣя Петровича, ударилась въ землю, въ трехъ шагахъ отъ хобота орудія, на колесо котораго стоялъ онъ, облокотившись. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ съ вершины дерева. Старшины поблѣднѣли, страхъ обуялъ ихъ.... Солдаты, стоявшіе около нихъ, какъ бы по командѣ, взяли ружья на-руку и смотрятъ на генерала.... Мадатовъ, не кончившій рѣчь, окаменѣлъ отъ изумленія. Невольно всѣ взялись за оружіе, много кинжаловъ были вполовину выдернуты изъ ноженъ.... Одинъ Ермоловъ спокойно улыбался, смотря на испугъ старшинъ, и, давъ имъ минуты двѣ выйти изъ оцѣпенѣнія, привѣтливымъ голосомъ сказалъ: „не бойтесь, они хотятъ, чтобы я разсердился на васъ.“ Старшины стали просить, чтобы онъ дозволилъ имъ пой-

мать виновника. Генералъ, улыбаясь, позволилъ имъ удалиться и тутъ же довольно громко сказалъ: „никого не найдутъ—своего не посмѣютъ выдать!“ И покуда чеченцы разбирали отобранное у нихъ оружіе, присовокупилъ: „повтори имъ сказанное мною: если при проходѣ чрезъ аулъ будетъ одинъ выстрѣлъ или малѣйшій безпорядокъ, я прикажу всѣхъ жителей переколоть, а аулъ сжечь.“ Старшины ушли; помоложе которые—бросились въ лѣсъ, другіе же по дорогѣ черезъ прогалину поѣхали въ Герменчукъ. Не болѣе какъ черезъ часъ рубка сзади насъ была окончена и весь отрядъ потянулся къ аулу. Когда я скомандовалъ „впередъ на передки“, генералъ спросилъ меня: заряжены ли орудія?—„Заряжены картечью, ваше высокопревосходительство.“ Подойдя къ аулу, отрядъ остановился на пять минутъ: старшины пришли къ генералу сказать, что въ лѣсу никого не нашли и что виновнаго не могли отыскать. „Понятно—отвѣчалъ генералъ—своего какъ выдать?“ Мы увидѣли на всѣхъ домахъ, прилежащихъ къ длинной улицѣ, по которой намъ слѣдовало идти, толпы стоящихъ чеченцевъ—почти всѣ съ ружьями, только у впередистоявшихъ не видно было ружей. Всѣ мы думали: быть передрягѣ! Ибо какъ чеченцу удержаться—не выстрѣлить во врага, имѣя заряженное ружье въ рукѣ?! Однако мы смирно, безъ переполоха прошли аулъ, а когда возвращались, то и женщины вышли на улицу и глазѣли на непрошенныхъ гостей. Осмотрѣвъ мѣстность за Герменчукомъ и принявъ андійскихъ старшинъ, генералъ черезъ Герменчукъ вернулся въ Грозную.

При переправѣ въ бродъ черезъ р. Аргунъ, въ которой вода поднялась выше пояса и притомъ была крѣпко холодная, я простудился и получилъ лихорадку. Узнавъ объ этомъ, Алексѣй Петровичъ приказалъ мнѣ сдать горный взводъ Дейтриху, для отвода въ Тифлисъ, и ѣхать на

воды въ Пятигорскъ, а казначей его пришелъ мнѣ сказать, чтобы я принялъ триста рублей изъ экстраординарной суммы для леченія. Такое вниманіе Алексѣя Петровича тронуло меня до слезъ, ибо у меня и въ головѣ не было проситься на воды. На другой день я пошелъ откланяться, такъ какъ шла оказія на линію изъ Грозной и я отправлялся съ нею. Я благодарилъ генерала за вниманіе, которымъ пользовался все время, и за отпускъ. Вотъ слова, съ которыми онъ отпустилъ меня: „Лечись и береги себя; а начальство всегда будетъ беречь тебя, ибо ты дѣльный, хорошій офицеръ и честный тевтонъ. Ну, прощай и возвращайся здоровымъ“, поцѣловалъ меня и еще: „прощай, тевтонъ!“ Я былъ тронутъ, слезы лились изъ глазъ и, чтобы не разревѣться, я убѣжалъ.

Чеченская кампанія кончилась. Наказаніе было строго, хотя и не безъ милости, но, увы—не надолго усмирились горцы. 26-го мая отрядъ былъ распущенъ и Ермоловъ вернулся въ Тифлисъ.

Въ первыхъ числахъ іюня я прибылъ въ Пятигорскъ, гдѣ горячіе сѣрные ключи. Тотчасъ пошелъ къ доктору, который единообразныя наставленія свои измѣнялъ только названіемъ сѣрныхъ источниковъ: „вы будете пить изъ михайловскаго источника два стакана утромъ и два вечеромъ; сабанѣевскія ванны—10 минутъ, увеличивая время до 20-ти минутъ и полчаса; такъ и питье—до 12 стакановъ въ день; 10 ваннъ сабанѣевскихъ, 20 ермоловскихъ и 10 александровскихъ.“ Первыя были, кажется, 28°, вторыя 35°, а третьи 40°. Когда паціенты сходились и повѣряли другъ другу данныя наставленія, то сходство ихъ смущало мнительныхъ, которые всегда желаютъ, чтобы и судьба, и доктора пеклись о нихъ особенно; молодежь же говорила, что докторамъ нельзя входить въ подробности всѣхъ болѣзней, что для этого у нихъ записаны всѣ источники одинъ за дру-

гимъ и, по приходѣ больныхъ, они назначаютъ имъ пить по порядку записанные у нихъ источники—кому какой пришелся.

Еще въ 1826 году встрѣчались на водахъ помѣщики изъ Малороссіи и хлѣбородныхъ нашихъ губерній, которые пріѣзжали на воды на своихъ лошадяхъ, съ огромнымъ обозомъ, навьюченнымъ провизіею и дворнею; но такихъ теперь уже только три-четыре семейства. Въ 1822 году ихъ, можетъ быть, было до 15-ти. Каждый поѣздъ состоялъ изъ одной или двухъ бричекъ и нѣсколькихъ повозокъ, полныхъ разной провизіи и даже мѣшковъ съ сухарями; на нихъ размѣщалась дворня, состоявшая изъ нѣсколькихъ парней и дѣвокъ. Мужчины бывали и пожилые, но женская прислуга, какъ замѣчали, всегда была молодая: малороссіянки въ плахтахъ, а румяныя русскія дѣвки въ короткихъ юбочкахъ и съ широкими рукавами на рубашкахъ; тѣ и другія босыя. Этотъ товаръ былъ очень на зубокъ кавказской молодежи.

Испаривши до-нельзя въ ермоловскихъ ваннахъ, неумолимый эскулапъ непремѣнно настоялъ, чтобы я взялъ назначенныя мнѣ 10 александровскихъ ваннъ, вѣроятно, чтобы совершенно выварить меня. Этотъ александровскій ключъ былъ весьма замѣчательное явленіе природы: онъ находился на верхней плоскости горы и билъ изъ камня ключемъ, почти кулакъ въ объемѣ. Надъ этимъ камнемъ, который былъ почвою горы, выстроили домикъ съ двумя отдѣленіями—для мужчинъ и женщинъ. Въ мужской половинѣ находился самый ключъ сѣрной минеральной воды, температурою 40° R. Когда въ камнѣ надъ ключемъ была высѣчена ванна, то ключъ уменьшился въ объемѣ на половину, но за то вода выходила изъ трехъ разсѣлинъ въ самой ваннѣ и еще сбоку—изъ дудочки въ палецъ толщиною. Вода была горяча, но удивительно легко въ ней просиживали

отъ 2-хъ до 7-ми минутъ, и всякую минуту пили по стакану этой же воды изъ дудочки, для чего у сторожа были песочные часы. Послѣ ванны, въ просторномъ предбанникѣ отдыхали непремѣнно 20 минутъ. Казалось бы, что послѣ такой усиленной транспираціи человѣкъ долженъ ослабнуть, что̀ и было при другихъ ваннахъ; но, выйдя изъ александровской, я чувствовалъ себя легко, и еслибы не голодъ, настойчиво навязывающійся къ завтраку, то не вошелъ бы въ квартиру. Изъ мужской половины ключъ былъ проведенъ на женскую, прямо въ ванну; устройство было то же. Ожидали очереди войти въ ванну на галлереѣ съ перильцами и весьма малымъ навѣсомъ. Кто прежде пришелъ, тотъ прежде бралъ и ванну. Если приходилось долго ждать—предложишь руку знакомой дамѣ, пойдешь съ нею гулять по горѣ и напѣваешь ей старую погудку на новый ладъ. Этотъ славный источникъ пострадалъ отъ бывшаго въ 1832 году землетрясенія.

Совершенно здоровый, но почти сваренный въ сѣрныхъ ключахъ, я поѣхалъ въ Желѣзноводскъ укрѣпиться нѣсколькими ваннами, а потомъ въ Кисловодскъ—попить шипучаго Нарзана. Но не все удается, что предполагаешь. Въ Желѣзноводскѣ былъ всего одинъ домъ, выстроенный правительствомъ; кажется, въ немъ было комнатъ восемь. Квартиры давались въ немъ раненымъ или бѣднымъ офицерамъ по билетамъ начальства, а иногда и больнымъ генераламъ. Въ то время жилъ тамъ генералъ-маіоръ Нилусъ, начальникъ корпусной артилеріи во 2-й арміи. При этомъ домѣ была еще мазанка—изъ сѣней и двухъ комнатъ—принадлежавшая солдату, который смотрѣлъ за домомъ. Вся же толпа пріѣзжихъ помѣщалась въ кибиткахъ и палаткахъ. Первыхъ было достаточно, ибо ногайцы выгодно промышляли этимъ. Соображаясь съ кошелькомъ, я нанялъ комнату въ мазанкѣ; солдатъ помѣстился въ сѣняхъ. Но не долго я тамъ

пробылъ: на третью ночь, въ самый крѣпкій сонъ, я вдругъ вскочилъ на постели и ударилъ себя по ляжкѣ. Опомнившись и продолжая безсознательно держать руку на ударенномъ мѣстѣ, я зову солдата. Онъ зажегъ свѣчу и мы увидѣли, что я придавилъ тарантула. Былъ второй часъ ночи. Съ посмертными останками моего непріятеля, въ доказательство случившагося, я пошелъ къ знакомому мнѣ доктору Н. Ѳ. З—му, который жилъ въ кибиткѣ съ молодою прелестною женою. Попросивъ обождать, онъ впустилъ меня. На кровати лежало одѣяло, но не плоско, а вздувшись горкой. Осмотрѣвъ насѣкомое и ужаленное мѣсто, которое, покраснѣвъ, начало опухать и немного жечь меня, онъ приказалъ мнѣ сѣсть тотчасъ въ теплую ванну и потомъ тереть теплымъ масломъ. Ванны открывались въ 3 часа утра, ибо на всѣхъ посѣтителей ихъ было всего двѣ. Сторожъ впустилъ меня тотчасъ. Скоро разнеслось извѣстіе о случившемся со мною, причемъ знакомые и незнакомые присылали узнавать о здоровьи; другіе присылали баночки съ масломъ, Богъ вѣсть чѣмъ настояннымъ; въ одной сидѣлъ скорпіонъ. Пріятнѣе всего было то, что генералъ Нилусъ взялъ меня къ себѣ въ казенный домъ и далъ мнѣ одну изъ двухъ своихъ комнатъ. Черезъ три дня и опухоль, и жгучая боль прошли.

Квартира моя, оставшись пустою, тотчасъ была занята уланскимъ офицеромъ, который прожилъ въ ней, какъ и я, только три дня. Проснувшись утромъ и открывъ глаза, онъ видитъ стоящую передъ нимъ змѣю, любопытно озирающую новаго жильца. Онъ крикнулъ человѣка—змѣя подъ кровать. Оказалось, что у ней подъ кроватью было гнѣздо съ дѣтенышами. Послѣ того мазанка эта оставалась все лѣто незанятою, но солдатъ не былъ въ накладѣ, ибо и съ меня, и съ улана взялъ деньги впередъ за весь сезонъ.

Между тѣмъ персіяне задумали сыграть съ нами глупую шутку—напасть врасплохъ на пограничныя наши провинціи и отнять у насъ, что будетъ можно. Эриванскій ханъ собралъ войска на границѣ, а Аббасъ-Мирза въ Нахичевани. Въ одно прекрасное утро, кажется въ іюлѣ мѣсяцѣ, эриванскій ханъ напалъ на наше пограничное полевое укрѣпленіе, думая взять живьемъ стоявшую тамъ роту Тифлисскаго полка съ двумя орудіями нашей роты; но случилось иначе. Командиръ кавказской гренадерской артилерійской бригады полковникъ Долгово-Сабуровъ, инспектируя бригаду, пріѣхалъ къ нашей 3-й легкой ротѣ, свидѣлся въ Караклисѣ съ командиромъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка княземъ Севардсамидзевымъ и, узнавъ, что онъ ѣдетъ на границу, въ укрѣпленіе, въ которомъ стояли два орудія, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ. Только-что они прибыли въ маленькое укрѣпленіе, какъ одинъ армянинъ является къ Севарсамидзеву и объявляетъ ему, что завтра на разсвѣтѣ эриванскій ханъ нападетъ на укрѣпленіе. Извѣстіе о нападеніи было не новостью, ибо его ожидали, но хорошо было узнать часъ дѣйствія. Князь Севарсамидзевъ приказалъ маленькому гарнизону собраться къ выступленію, такъ чтобы ни одного дыряваго сапога не оставлять въ добычу непріятелю. Когда персіяне переступили границу, ихъ встрѣтили ядрами, и рота въ совершенномъ порядкѣ выступила въ походъ, имѣя въ серединѣ полуфурокъ, артельную и офицерскую повозки и дрожки, на которыхъ ѣхалъ полковникъ Долгово-Сабуровъ. Съ правой и лѣвой стороны—цѣпь застрѣльщиковъ, на концахъ цѣпей къ аріергарду шли орудія. Стрѣляли рѣдко, но мѣтко, почти все ядрами; картечей было выпущено мало, изъ чего можно заключить, что натиски были рѣдки. Такъ прошла рота 60 верстъ до с. Гумры, преслѣдуемая 20-ти тысячною арміею. Убитыхъ: ротная собака, кличка—„Гудовичъ“—въ честь фельдмар-

шала, разбившаго турокъ на рѣкѣ Арпачаѣ—отъ роду 16-ти лѣтъ. Раненыхъ: командиръ кавказской гренадерской артилерійской бригады полковникъ Долгово-Сабуровъ—пулею въ пахъ—ѣхавшій на дрожкахъ, не принимавшій никакого участія въ дѣйствіи и все время ругавшій себя и всѣхъ, зачѣмъ его занесло въ такой переполохъ. Выбывшихъ изъ строя—никого.

Въ началѣ августа было получено приказаніе изъ Тифлиса, чтобы всѣмъ офицерамъ кавказскаго корпуса, находящимся на водахъ, предложить отправиться къ мѣстамъ служенія. Тотчасъ всѣ офицеры, служившіе за Кавказомъ выѣхали, но только на десятый день я могъ добраться до Тифлиса. Перебирая въ мысляхъ это время, вспоминаю о знакомствѣ моемъ на водахъ съ отставнымъ полковникомъ Финляндскаго полка Малиновскимъ, еще молодымъ человѣкомъ, съ которымъ мы жили пріятелями. У него одна сестра была за Вальховскимъ—впослѣдствіи оберъ-квартирмейстеръ при генералѣ Паскевичѣ, а потомъ начальникъ штаба, при генералѣ Розенѣ, въ кавказскомъ отдѣльномъ корпусѣ. Другая сестра была за штабсъ-капитаномъ Розеномъ, ротнымъ командиромъ того же Финляндскаго полка; 14-го декабря онъ остановилъ на исакіевскомъ мосту полкъ, шедшій противу мятежниковъ, и потому былъ подъ судомъ. Грустное было настроеніе духа моего пріятеля, ежедневно ожидавшаго рѣшенія суда. Были и другіе, безпокоившіеся объ участи близкихъ родныхъ.

Изъ Екатериноградa во Владикавказъ ходила два раза въ недѣлю оказія, т. е. всѣ транспорты, слѣдующіе въ Грузію, собирались къ этимъ днямъ въ ст. Екатериноградъ, и проѣзжающіе пользовались этими отправленіями. Для безопасности наряжалась рота пѣхоты и одно орудіе. Точно такія же оказіи отправлялись и изъ Владикавказа въ Екатериноградъ. Только большіе господа и курьеры могли по-

лучать сильный конный конвой, не въ примѣръ другимъ, для проѣзда этихъ 105 верстъ по кабардинской плоскости. Прибывъ во Владикавказъ, я узналъ, что въ горахъ отъ сильныхъ дождей упало нѣсколько значительныхъ каменныхъ заваловъ и что проѣзда нѣтъ, но, впрочемъ, уже дня три работаютъ. Явившись коменданту г.-м. Скворцову, услышалъ отъ него, что онъ весьма радъ гостю, который долженъ прожить у нихъ нѣсколько дней, и просилъ бывать у него. Только-что я проснулся на другой день, какъ бомбардиръ Богатыревъ, который также былъ со мною на водахъ, объявляетъ мнѣ новость, что вчера поздно вечеромъ пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ и еще много адъютантовъ Государя и что ночью послана рота въ горы, чтобы проворнѣе сдѣлать какой возможно только проѣздъ. Я побѣжалъ къ коменданту и насилу упросилъ его разрѣшить мнѣ отправиться вмѣстѣ съ прибывшими. Оказалось, что это были: генералъ-адъютантъ Паскевичъ и два флигель-адъютанта—полковники князь Долгорукій [5]) и баронъ Фридрихсъ [6]). Едва мы прибыли въ Ларсъ—первый постъ въ 24-хъ верстахъ отъ Владикавказа, гдѣ дорога, направляясь вверхъ по Тереку, входитъ совершенно въ горы—какъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ пріѣхалъ съ комендантомъ. Сойдя съ дрожекъ, онъ поклонился намъ и, глядя на меня, спросилъ у г. Скворцова: „это что за костюмъ?“ Я былъ въ сюртукѣ, спереди, на поясѣ, кинжалъ, черезъ плечо шашка, а за поясомъ, сзади, заряженный пистолетъ.—„Здѣсь гг. офицеры всегда такъ ходятъ—отвѣчалъ Скворцовъ—чтобы, въ случаѣ нужды, не быть простыми зрителями, а принять участіе въ битвѣ“. Паскевичъ одобрительно кивнулъ головой, сѣлъ верхомъ—и мы поѣхали. Всю дорогу онъ удивлялся скорой ходьбѣ конвоировавшихъ насъ солдатъ

[5]) Впослѣдствіи малороссійскій генералъ-губернаторъ.

[6]) Умершій начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса.

владикавказскаго гарнизоннаго баталіона, которые не только не отставали отъ хорошаго шага верховыхъ лошадей, но при малѣйшихъ остановкахъ заходили впередъ. Вѣроятно предполагая, что такимъ ускореннымъ шагомъ идутъ для него, онъ призвалъ офицера и замѣтилъ ему, что люди утомляются, и потому онъ поѣдетъ тише; но, получивъ категорическій отвѣтъ: „намъ такая ходьба ничочемъ, мы привыкли, всегда такъ ходимъ“—махнулъ рукою, и бѣговая прогулка продолжалась до Душета.

Какъ ни старался офицеръ путей сообщенія ускорить работу, какъ ни выбивались изъ силъ люди, но семь или восемь каменныхъ обваловъ были настолько значительны, что дорога чрезъ нихъ представляла лишь немного очищенную тропу, а горные ручьи, свалившіе эту массу камней сверху, быстротой своего теченія скоро промыли себѣ путь къ Тереку. Мостиковъ съ перильцами не вездѣ успѣли сдѣлать, и потому чрезъ два или три ручья было положено только нѣсколько досокъ, хорошо прикрѣпленныхъ къ бревнамъ. Горный ручей въ шумномъ, веселомъ бѣгѣ своемъ, разумѣется, обрызгалъ эти мостики, импровизированные на скорую руку. Генералъ Паскевичъ ѣхалъ впереди, мы, черезъ обвалы, за нимъ гуськомъ. Первые два мостика были съ перильцами: лошадь его немного пятилась, но, энергически двинутая впередъ, перешла ихъ. Во Владикавказѣ я опять нашелъ своего Сѣрко, маленькую горную лошадь, на которой сдѣлалъ чеченскій походъ, и потому не перемѣнялъ казацкихъ лошадей на каждой станціи, какъ эти господа. Подъѣхавъ къ первому мостику безъ перилъ, лошадь генерала не на шутку заартачилась и, не смотря на шпоры и ногайку, пятилась упорно назадъ, отказываясь идти по мокрымъ доскамъ. Я выѣхалъ впередъ, приподнялъ фуражку и, сказавъ: „позвольте моей пойти впередъ, она за нею пойдетъ“—поѣхалъ на мостикъ. Сѣрко,

навостривъ уши и бережно ступая, прошелъ; за нимъ—лошадь генерала и другія. За мостикомъ я остановился. Генералъ Паскевичъ привѣтливо улыбнулся мнѣ. Эта улыбка была началомъ почти тридцатилѣтняго расположенія его ко мнѣ.

На подъемѣ Крестовой горы Паскевичъ ѣхалъ одинъ впереди, а мы за нимъ, рядомъ, разговаривая о томъ, о другомъ; вдругъ я засмѣялся. На вопросъ—о чемъ я смѣюсь, я отвѣтилъ:

— Видите, мнѣ пришла мысль, что, вѣроятно, Кавказъ на хребтѣ своемъ въ первый разъ видитъ генералъ и флигель-адъютантовъ при шпагахъ. Вѣдь мы на Кавказѣ шпагъ не носимъ—у насъ все сабли турецкія, персидскія кривыя или шашки горскія; отъ шпагъ отвыкли—на что онѣ годны? развѣ шашлыкъ на нихъ жарить?

— Что такое шашлыкъ? спросилъ меня тучный князь Долгорукій.

— Куски баранины, которые нанизываютъ на палочки и, какъ на вертелѣ, жарятъ на вольномъ огнѣ. Наши солдаты употребляютъ на это шомпола и очень приловчились.

— Да это должно быть вкусно?

— А вотъ поживете у насъ, такъ слюбится; и шпаги-то отбросите!

Тутъ генералъ Паскевичъ обернулся и подозвалъ меня.

— Гдѣ Акстафа?

— Акстафа?.... акстафинскій постъ есть на елизаветпольской дорогѣ.

— Какъ далеко отъ Тифлиса?

— Кажется, на половинѣ дороги—верстъ около ста.

— Тамъ стоитъ съ отрядомъ генералъ Мадатовъ? Великъ отрядъ у него?

Признаюсь, этотъ вопросъ показался мнѣ страннымъ: еслибы я ѣхалъ изъ Тифлиса и встрѣтился съ генераломъ

на дорогѣ, то, можетъ быть, и могъ отвѣчать ему, но теперь вопросъ этотъ ясно обнаруживалъ лихорадочное нетерпѣніе генерала скорѣе быть въ Тифлисѣ, что́, впрочемъ, скоро выказалось въ Душетѣ.

— Не знаю—отвѣчалъ я—какъ великъ отрядъ генерала князя Мадатова, но всячески достаточенъ, чтобы побить персіянъ.

Въ это время подъѣхали къ намъ оба флигель-адъютанта.

— Кто поставилъ этотъ крестъ?

— Грузинскій князь Казбекъ, по предложенію Алексѣя Петровича.

Рано утромъ мы пріѣхали въ г. Душетъ, оставивъ гористую дорогу за собою, ибо остальныя 50 верстъ до Тифлиса дорога идетъ ровная, по ущелью. Генералъ Паскевичъ добылъ себѣ у воинскаго начальника простую повозку съ тройкою лошадей. Кое-какъ помѣстили на нее два чемодана, на коихъ усѣлся генералъ-адъютантъ при шпагѣ, на облучекъ съ кучеромъ—его человѣкъ, и такъ поѣхалъ въ Тифлисъ, хотя не очень покойно, но все скорѣе, чѣмъ верхомъ; мы же продолжали путешествіе, какъ начали.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я узналъ, что генералъ-адъютантъ генералъ-лейтенантъ Паскевичъ присланъ Государемъ командовать войсками отдѣльнаго кавказскаго корпуса, подъ главнымъ начальствомъ генерала Ермолова. Тутъ пошли толки: не смѣнятъ ли Алексѣя Петровича? Когда же въ мартѣ пріѣхалъ начальникъ главнаго штаба Его Величества генералъ баронъ Дибичъ—догадки обратились въ истину.

Нашъ начальникъ артилеріи генералъ Базилевичъ вышелъ въ отставку, а до замѣщенія этого поста командовалъ артилеріею полковникъ Зеничъ. Старикъ принялъ меня очень ласково, разсказалъ мнѣ, что Алексѣй Петровичъ,

посѣтивъ его во время болѣзни, говорилъ обо мнѣ въ очень лестныхъ выраженіяхъ, хвалилъ и Дейтриха, но меня назвалъ храбрымъ, дѣльнымъ офицеромъ. „Жаль—прибавилъ старикъ—онъ у насъ не долго останется, его смѣнятъ, потому что не любятъ въ Петербургѣ."

Пріѣхавъ въ Джелалъ-оглу къ 3-ей легкой ротѣ, я уже не нашелъ нашего веселаго ротнаго командира Флиге: съ производствомъ въ полковники, онъ получилъ, кажется, Навагинскій полкъ.

На Каменкѣ собирается небольшой отрядъ: 2 баталіона изъ карабинернаго полка, 3 баталіона Тифлисскаго пѣхотнаго полка, 8 орудій нашей легкой роты, казачій донской полкъ и конные волонтеры изъ грузинъ. Ясно, что мы идемъ очистить отъ персіянъ бамбакскую провинцію и границу нашу; но кто будетъ командовать отрядомъ и пойдемъ ли въ Персію—не знаемъ. Какъ только отрядъ собрался, около половины сентября, прибылъ къ намъ генералъ-маіоръ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, знаменитый партизанъ 1812 года, чтобы командовать отрядомъ; а Н. Н. Муравьевъ, командиръ 7-го карабинернаго полка, былъ назначенъ исправлять должность начальника штаба въ отрядѣ. Едва персіяне узнали, что мы собираемся ихъ выгнать, какъ по добру по здорову убрались восвояси. Однако, мы таки пошли за ними. Убѣжавшіе жители потянулись за нами и опять водворились въ своихъ деревняхъ. Войдя въ эриванское ханство, мы нашли персидскій корпусъ, высланный ханомъ, чтобы преградить путь нашему отряду. Намъ только того и надо было. Такъ какъ пѣхоты у нихъ было мало, и та держалась на благородной дистанціи, то съ десятитысячной массой кавалеріи мы скоро справились. Артилерія ихъ намъ не сдѣлала много вреда, ибо вмѣстѣ съ пѣхотою скоро отретировалась, а конница не выдержала нашего огня, такъ что погнавшимся за ними казакамъ и гру-

зинамъ не удалось вдоволь и натѣшиться. Постоявъ немного, чтобы успокоить жителей, мы вернулись въ Джелалъ-оглу.

Денисъ Давыдовъ, знаменитый партизанъ отечественной войны, самъ надъ собою смѣялся и говорилъ, что не находитъ въ себѣ прежней удали, что округлился, отяжелѣлъ и послѣ десятилѣтней жизни между москвичами чувствуетъ, что отвыкъ отъ военной жизни; „но люблю ее, чтожъ дѣлать—духъ бодръ, да плоть немощна.“ И дѣйствительно, этотъ забіяка-гусаръ, этотъ лихой партизанъ, который, бывало, день и ночь на конѣ, какъ будто приросшій къ сѣдлу, безъ устали гнавшійся за французами, будившій ихъ отъ сна, не дававшій имъ отдыха и минуты покоя и не нуждавшійся самъ въ немъ, этотъ вихорь-молодецъ—теперь кругленькій, полненькій весельчакъ—любилъ, чтобы прежде чѣмъ онъ сядетъ на лошадь, конюхъ поѣздилъ на ней. Вскорѣ генералъ Давыдовъ оставилъ нашъ отрядъ и вслѣдъ за Алексѣемъ Петровичемъ выѣхалъ (по непріятностямъ съ генераломъ Паскевичемъ, который его не долюбливалъ) изъ Грузіи въ любезную Москву, а слѣдствіемъ его прогулки въ Персію явились въ свѣтъ его веселые стишки—„Полусолдатъ“—въ коихъ онъ признается, что теперь ему необходимы щи да чарка съ запеканкой!

Почему же не вспомнить мнѣ о томъ, какъ я убѣдилъ г.-м. Муравьева, что глазъ у меня вѣренъ? Въ день нашей схватки или, лучше, встрѣчи съ персіянами, когда отрядъ еще шелъ походной колонной по дорогѣ, толпы непріятельской кавалеріи стали показываться съ лѣвой стороны, близь подошвы горъ. Одна изъ этихъ кучекъ, человѣкъ въ 300-400, отдѣлилась отъ массы и, подвигаясь тихо къ намъ, остановилась на очень благородной дистанціи. Казалось бы—пускай глазѣетъ! Но г.-м. Муравьеву это не понравилось. Какъ начальникъ штаба, онъ подъѣхалъ ко мнѣ, прика-

залъ выѣхать изъ линіи и ударить въ толпу. Я съ орудіемъ побѣжалъ ускореннымъ шагомъ, но не отъѣхалъ и 100 с. какъ Муравьевъ прискакалъ къ орудію.

— Куда вы бѣжите, Эдуардъ Владиміровичъ?

— На дистанцію, чтобы ядро хватило.

— Отсюда хватитъ; прикажите сняться съ передка.

— Помилуйте, да тутъ и батарейная не хватитъ!

— Прикажите сняться и стрѣлять!

Нечего дѣлать—снялись съ передка; я навелъ орудіе и говорю г-ну начальнику штаба: „не угодно-ли посмотрѣть, что это самый дальній выстрѣлъ легкаго орудія, а ядро не донесетъ и до деревьевъ, а оттуда до толпы всадниковъ еще 150 сажень.“ Выстрѣлъ—и ядро упало ближе группы деревьевъ, сдѣлало прыжокъ и остановилось. Муравьевъ съ боку слѣдилъ за вѣстрѣломъ.

— Прикажите имъ ѣхать на мѣсто.

Мнѣ такъ было досадно на подобное вмѣшательство въ мою службу, что я почти крикнулъ: „вѣдь говорилъ, что не хватитъ, такъ нѣтъ—стрѣляй! Вотъ и зарядъ пропалъ, и куртинцы смѣются!“

Въ тотъ же день, при стрѣльбѣ въ непріятельскую кавалерію, былъ случай, доказывающій, что артилерійскій офицеръ долженъ смотрѣть въ оба за прислугою, чтобы стрѣльба была хороша. Шелъ небольшой дождикъ и глинистая почва, на которой стояли мои два орудія, растворилась; сдѣлалось грязно. Орудіямъ приказано было обстрѣлять огромную массу кавалеріи. Только-что снялись съ передковъ, подходитъ генералъ-маіоръ Давыдовъ и спрашиваетъ: „это единороги?“—Точно такъ, ваше превосходительство. Зарядили. Выстрѣлъ.... снарядъ легъ передъ толпой, но гранату не разорвало. Изъ другого единорога выстрѣлъ былъ хорошъ и граната лопнула. Изъ перваго орудія опять гранату не разорвало. Я подошелъ къ орудію, взялъ у

№ 2-го гранату, самъ срѣзалъ пластырь, расправилъ стопинъ, вдоволь опудрилъ мякотью и, вложивъ зарядъ въ дуло, бросилъ туда добрую пригоршню мякоти. Ну, думаю, теперь разорветъ. Выстрѣлъ—опять не разорвало. Да это колдовство! Покуда я, стоя съ боку орудія и глядя на него, искалъ въ головѣ своей причины—отчего бы трубкѣ не загорѣться—орудіе съ отката выдвинули на прежнее мѣсто, первый номеръ, выбанивъ орудіе, обернулъ банникъ для прибивки заряда.... и, вообразите мое негодованіе—на прибойникѣ я увидѣлъ кусокъ мокрой глины, которымъ номеръ 1-й, подвигая зарядъ до казенной части, всякій разъ методически залѣпливалъ приготовленную для принятія огня гранатную трубку. Дозволяя себѣ держать древко банника перпендикулярно, онъ не ставилъ прибойникъ на ногу, но прямо на землю, и каждый разъ приставшій къ прибойнику кусокъ мокрой глины залѣпливалъ трубку. Подобные случаи бываютъ нерѣдко, если артилерійскій офицеръ самъ строго не исполняетъ своихъ обязанностей; при этомъ могутъ быть несчастія, но ужъ служба всегда терпитъ. Въ прошлую чеченскую кампанію Алексѣй Петровичъ Ермоловъ приказалъ выдвинуть къ опушкѣ лѣса два единорога и стрѣлять въ толпу конныхъ чеченцевъ. Послѣ двухъ выстрѣловъ, видя, что снаряды не долетаютъ, онъ разсердился и пошелъ самъ къ орудіямъ. Мы за нимъ. Только-что мы приблизились къ орудіямъ, скомандовали: „пли!“ Номеръ 3-й нанесъ пальникъ на трубку, она зажглась, но выстрѣла не послѣдовало. Странно, подумалъ я, и подошелъ къ единорогу, но, услышавъ какое-то шипѣніе и въ ту же минуту крикъ одного бомбардира—„ложись, ребята“,—подбѣжалъ въ испугѣ къ Алексѣю Петровичу, заслонилъ его и говорю: отойдите, ваше высокопревосходительство—граната лопнетъ! Онъ отодвинулъ меня и не успѣлъ спросить, „что тамъ такое?“ какъ граната выпала изъ дула по-

длѣ орудія и лопнула; осколокъ пролетѣлъ вблизи генерала, другой ударилъ въ колесо передка. Къ счастью, никого не тронуло. Наканунѣ перехода въ бродъ черезъ Аргунъ, заряды подмочило; офицеръ поручилъ фейерверкеру осмотрѣть заряды, тотъ—строевому ефрейтору. Отъ оплошности и нерадѣнія офицера осколкомъ могло убить начальника. Въ закругленіи заряда огонь зажегъ сухой порохъ, достигъ до расправленнаго стопина, зажегъ трубку и безсильные газы двигали тихо снарядъ, пока онъ не выпалъ изъ дула. Вотъ еще случай неисполненія установленныхъ правилъ, происшедшій оттого, что гг. офицеры относятся легкомысленно къ мелочамъ (какъ они называютъ это) артилерійской службы. Въ 1823 году, въ бытность генерала Ермолова въ Караклисѣ, кажется въ праздникъ коронаціи Государя, была при молебствіи салютаціонная пальба, разумѣется, холостыми зарядами, каждый въ фунтъ пороха. Случай произошелъ у 3-го орудія. Во время стрѣльбы къ № 2-му подходитъ номеръ съ запасной сумой, для передачи зарядовъ; № 2-й широко открываетъ крышу сумы и вкладываетъ заряды. Въ это время данъ выстрѣлъ изъ его орудія и скорострѣльная трубка, выскочивъ изъ затравки, падаетъ въ открытую суму № 2-го; бывшіе тамъ шесть холостыхъ зарядовъ вспыхнули, обожгли солдата въ лицо, а зажженный кусокъ армяка попалъ ему въ глазъ, отчего тотъ окривѣлъ. Дѣло въ томъ, что зарядную суму во время стрѣльбы не должно открывать; но, для вынутія и вложенія зарядовъ, слѣдуетъ одною рукою поднимать немного крышу, не открывая совсѣмъ внутренность сумы.

Вернувшись въ Джелалъ-оглу, мы нашли тамъ высочайшій приказъ, въ коемъ я за прошлую чеченскую экспедицію былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. И такъ, поручикомъ я былъ только годъ. Спасибо Алексѣю Петро-

вичу—этимъ я обогналъ болѣе ста товарищей. Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ октября, новый начальникъ артилеріи генералъ-маіоръ Унтилье вытребовалъ меня въ Тифлисъ состоять при немъ. Этотъ начальникъ артилеріи былъ человѣкъ дѣловой, честный, справедливый, не скоро рѣшавшійся на дѣло, но, разъ усвоивъ его, исполнялъ съ твердостью. Характера былъ серьознаго, учтивъ и даже привѣтливъ съ подчиненными, а въ домашнемъ кругу любилъ непринужденный, веселый разговоръ. Онъ скоро понялъ дѣльную кавказскую службу, но, къ сожалѣнію всѣхъ знавшихъ этого почтеннаго человѣка, не долго былъ съ нами.

VI.

ВО ВРЕМЯ ПЕРОИДСКОЙ КАМПАНІИ 1826 И 1827 ГОДОВЪ. Сводный гвардейскій полкъ и ширванцы. Военныя дѣйствія въ 1826 году. Обманутое честолюбіе. Разговоръ умнаго начальника съ подчиненными. Порученная мнѣ покупка ремонтныхъ лошадей для всей артилеріи. За ремонтомъ. Богъ хранитъ. Хоть не опытный, да не совсѣмъ простъ. Славное вино у донца. Рискъ—благородное дѣло. Удивленіе Дейтриха. Хорошо, что торопился. Перегонъ табуна. Еще порученіе. Посѣщеніе отъѣзжавшаго начальника. Чрезъ кавказскія горы. Въ Тифлисѣ у генерала Сипягина. Дальнѣйшее слѣдованіе съ ремонтомъ къ арміи. Неучъ. Богъ сохранилъ. Болѣзнь не помѣшала пріему ремонта. Жара персидская и состояніе войскъ въ Карабабѣ. Графъ Коновницынъ у постели больного товарища. Гречневая каша. Выступленіе изъ Карабабы. „Всякому мужику шапку ломаетъ.“ Князь Эристовъ. Въ Тавризъ, въ Тавризъ! „А саманъ есть?“

Персидская война, какъ я упомянулъ выше, началась вторженіемъ персіянъ въ наши границы, безъ объявленія войны, прямо поазіатски. О сборѣ войскъ въ ханствахъ эриванскомъ и нахичеванскомъ, безъ сомнѣнія, генералъ Ермоловъ зналъ и писалъ о томъ въ Петербургъ; но онъ такъ былъ убѣжденъ, что они не посмѣютъ затронуть наши границы, что видимыхъ приготовленій къ отпору не было примѣтно. Въ то время наставниками персіянъ были

англичане и они-то подвинули ихъ на дерзкое нарушеніе мира, а сыну шаха, Аббасъ-Мирзѣ, хотѣлось посмотрѣть, какъ будутъ драться его, вновь обученые англичанами, сарбазы. Но оказалось, что и будучи регулярными, персіяне вели себя по поговоркѣ, которая въ ходу у нихъ въ войскѣ: „какъ бы люди были храбры, еслибы на войнѣ не убивали до смерти.“

Въ концѣ августа пришелъ въ Тифлисъ сводный гвардейскій полкъ, чтобъ заслужить на Кавказѣ опять доброе имя и тѣмъ стереть вину свою. Полкомъ командовалъ полковникъ Шиповъ. Въ тотъ же день прибылъ къ Тифлису изъ Кабарды Ширванскій пѣхотный полкъ. Этотъ храбрый, боевой полкъ былъ генераломъ Ермоловымъ отечески любимъ. Два баталіона этого полка послѣ чеченской кампаніи были посланы въ Кабарду и расположены около укрѣпленія Нальчика. По вторженіи персіянъ, Алексѣй Петровичъ, желая поспѣшнѣе стянуть сколько возможно войскъ въ Грузію, приказалъ и двумъ баталіонамъ Ширванскаго полка, штабъ-квартира коего была въ Кахетіи, прибыть въ Тифлисъ. Чтобы ускорить прибытіе ихъ, Алексѣй Петровичъ написалъ командовавшему двумя баталіонами подполковнику Грекову коротенькое письмо, въ коемъ фраза: „расправьте крылья, кавказскіе орлы, и спѣшите бить персіянъ,“ прочтенная Грековымъ солдатамъ и офицерамъ, замѣнила маршрутъ. Полкъ дѣлалъ до 50-ти и болѣе верстъ въ сутки и не оставилъ ни одного больного или отсталаго на разстояніи 300 слишкомъ верстъ. Можно представить себѣ контрастъ: гвардейскій полкъ при вступленіи въ городъ былъ одѣтъ въ мундиры, со всевозможною опрятностью, а за нимъ шли два баталіона Ширванскаго полка въ походной формѣ, т. е. въ шинеляхъ, вмѣсто ранцевъ—кавказскіе мѣшечки черезъ плечо, въ фуражкахъ; у офицеровъ вмѣсто шпагъ шашки. Едва прошли мимо корпуснаго командира,

какъ передъ баталіонами пѣсенники затянули родныя русскія солдатскія пѣсни. Проходили по отдѣленіямъ, причемъ ширванцы такъ и пожирали глазами любимаго начальника, а онъ—кому привѣтливое слово, кому головой кивнетъ; то слышишь—„здравствуй, молодецъ Петровъ!“ то—„здорово Сидоровъ!“ то—„спасибо, ребята, что поторопились!“ и т. д., а генералъ-адъютантъ Паскевичъ стоитъ тутъ же, подлѣ генерала Ермолова, и только что не пожимаетъ плечами, слыша привѣтствія, отпускаемыя Алексѣемъ Петровичемъ этимъ оборванцамъ, и громкое, радостное: „рады стараться!“ Но самъ въ душѣ солдатъ, онъ скоро полюбилъ этихъ оборванцевъ, и хотя не имѣлъ дара словомъ оживлять массы [7]), но всегда отдавалъ справедливость кавказскому солдату, заботился о немъ какъ слѣдуетъ, гордился имъ какъ начальникъ и любилъ какъ отецъ. Теперь же, пріѣхавъ только изъ Петербурга, насквозь пропитанный гвардейщиною, онъ весь былъ генералъ-адъютантомъ, покуда не провѣтрился подъ Елизаветполемъ: надушеный роднымъ ему пороховымъ дымомъ, герой 1812 года, Паскевичъ сдѣлался опять солдатомъ! Послѣ прохожденія войскъ, онъ обратился къ генералу Ермолову съ просьбою послать сводный гвардейскій полкъ въ отрядъ при Акстафѣ, которымъ онъ назначенъ командовать.

— Нѣтъ, Иванъ Ѳеодоровичъ — отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ—я вамъ пошлю въ отрядъ эти два баталіона ширванцевъ, которыми вы будете довольны; а съ гвардейцами я прогуляюсь по лезгинской линіи, чтобы молодежь пріобвыкла къ кавказскому боевому быту.

Иванъ Ѳеодоровичъ былъ недоволенъ этимъ распоряженіемъ, но когда въ елизаветпольскомъ дѣлѣ, 18-го сентября, онъ увидѣлъ какъ эти два баталіона ширванцевъ по-

[7]) Начальникъ штаба Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ говорилъ объ немъ: „Паскевичъ говоритъ съ запятыми, а пишетъ безъ запятыхъ.“

шли въ штыки на полчища сарбазовъ, то, вѣроятно, въ душѣ поблагодарилъ Ермолова.

Когда мы съ генераломъ Давыдовымъ очищали бамбакскую провинцію, Аббасъ-Мирза вступилъ въ Карабахъ и обложилъ Шушу. Подполковникъ Клюки-фонъ-Клюгенау запер ся въ городскихъ стѣнахъ съ двумя баталіонами 42-го егерскаго полка и держался тамъ противъ цѣлой арміи. Аббасъ-Мирза отрядилъ Гассанъ-хана по дорогѣ къ Тифлису, кажется, съ 25-ю тысячами. Гассанъ-ханъ вошелъ въ Елизаветполь, совершенно беззащитный, и подвинулся къ с. Шамхоръ, но тутъ встрѣтилъ подошедшаго изъ Акстафы князя Мадатова, который съ малымъ отрядомъ своимъ разбилъ хана въ пухъ и отбросилъ его въ горы. Тогда Аббасъ-Мирза оставилъ Шушу и со всѣмъ войскомъ пошелъ къ Елизаветполю, чтобы раздавить Мадатова и идти на Тифлисъ. Въ это время Мадатовъ, занявъ Елизаветполь, выдвинулъ свой отрядъ на нѣсколько верстъ отъ города по дорогѣ къ Шушѣ; вскорѣ къ нему пришли два баталіона ширванцевъ и еще небольшія подкрѣпленія. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ, принявъ начальство надъ отрядомъ, преградилъ Аббасъ-Мирзѣ путь въ Тифлисъ. Тутъ было сраженіе, извѣстное подъ названіемъ елизаветпольскаго, гдѣ Паскевичъ на голову разбилъ персіянъ, взялъ много трофеевъ, за что получилъ отъ Государя шпагу, осыпанную брилліантами съ надписью: „За пораженіе персіянъ подъ Елизаветполемъ.“

По прибытіи моемъ въ Тифлисъ, начальникъ артилеріи давалъ мнѣ нѣсколько порученій, исполненіемъ коихъ, кажется, остался доволенъ. По распоряженію высшаго артилерійскаго начальства, старшихъ капитановъ въ корпусахъ отправляли въ образцовую батарею въ Петербургъ; объ этомъ теперь получено было въ Тифлисѣ предписаніе генералъ-фельдцейхмейстера. Капитанъ Линденфельдъ, коман-

довавшій батарейною № 1-й ротою кавказской гренадерской бригады, за раною бригаднаго командира полковника Долгово-Сабурова [8]), былъ старшимъ въ корпусѣ и долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ; меня же начальникъ артилеріи назначилъ на его мѣсто и, такъ какъ въ отрядѣ Паскевича не было ни одного артилерійскаго штабъ-офицера, потому что, кромѣ батарейной роты, бывшей въ полномъ составѣ, тамъ находились все взводы отъ разныхъ батарей, —то поручилъ въ мое вѣдѣніе всѣ части артилеріи, состоявшей въ отрядѣ. Такое назначеніе мнѣ, только-что произведенному въ штабсъ-капитаны, было очень лестно. Было извѣстно также, что генералъ Паскевичъ, по разбитіи Аббасъ-Мирзы, пошелъ въ мусульманскія ханства и къ Араксу, и потому, въ надеждѣ столкнуться еще гдѣ нибудь съ персіянами, я съ истиннымъ удовольствіемъ отправился въ путь. Но, увы, пріѣхавъ на другой день вечеромъ поздно въ Шамхоръ, я узналъ на посту, что Паскевичъ возвращается съ отрядомъ и ночуетъ въ Елизаветполѣ. Вотъ тебѣ и командованіе всею артилеріею въ отрядѣ! Что было дѣлать? Я заночевалъ на шамхорскомъ посту и рѣшилъ завтра утромъ ѣхать на встрѣчу и передать генералу имѣющіяся у меня къ нему бумаги, письма и пачку денегъ, присланныя ему изъ Россіи, но долго, долго не могъ заснуть —такъ обманутая надежда волновала меня.

Отъ Елизаветполя до Шамхора 26 верстъ. День былъ солнечный и теплый, не смотря на исходъ ноября. Проѣхавъ верстъ 18, я увидѣлъ приближающійся побѣдоносный отрядъ. Команда казаковъ и при нихъ генеральнаго штаба офицеръ ѣхали впереди; я спросилъ: здѣсь ли генералъ Паскевичъ?—„А вотъ съ версту отсюда, впереди со штабомъ.“ Проѣхавъ немного, саженяхъ въ 50-ти отъ приближавшихся войскъ я слѣзъ съ лошади, вынулъ изъ сумки бумаги,

[8]) Въ то время бригадные командиры были вмѣстѣ и командирами батарейной роты.

казака съ вьюкомъ и верховою лошадью поставилъ въ сторону и пошелъ на встрѣчу героямъ.

— Куда вы ѣдете? былъ первый вопросъ генерала Паскевича, ѣхавшаго впереди; подлѣ него былъ начальникъ штаба генералъ Вельяминовъ.

— Вашему высокопревосходительству честь имѣю явиться — штабсъ-капитанъ Бриммеръ; назначенъ въ отрядъ вашего высокопревосходительства командовать артилеріею, вмѣсто капитана Линденфельда, который долженъ отправиться въ образцовую роту.

— Зачѣмъ? Линденфельдъ хорошій офицеръ, я имъ доволенъ.

Тутъ какой-то офицеръ подошелъ ко мнѣ, чтобы принять бумаги; я отдалъ ему толстый пакетъ изъ дежурства, а два письма и пачку съ деньгами подалъ Ивану Ѳеодоровичу.

— Изъ Россіи къ вашему высокопревосходительству два письма и посылка съ деньгами.

— А, благодарю; но Линденфельдомъ я доволенъ, онъ въ образцовую не поѣдетъ.

Я отошелъ. А. А. Вельяминовъ подъѣхалъ ко мнѣ: „здравствуй, Бриммеръ! примкни къ батарейной ротѣ.“

Вотъ тебѣ и командованіе всею артилеріею въ отрядѣ!

По возвращеніи въ Тифлисъ, я остался при начальникѣ артилеріи, и Амилій Ананьевичъ то тѣмъ, то другимъ занималъ меня, не оставлялъ безъ дѣла. Всякій день я обѣдалъ у него вмѣстѣ съ адъютантами и нѣсколькими артилерійскими офицерами, приглашаемыми къ столу. Однажды, въ январѣ мѣсяцѣ, когда чужихъ никого не было, генералъ какъ-то повернулъ разговоръ на то, что рѣдко люди предпочитаютъ обязанности свои личнымъ выгодамъ, и развивалъ эту тему довольно обстоятельно, не скупясь на примѣры. Я противорѣчилъ ему и говорилъ, что есть

люди себялюбивые, своекорыстные или съ другими дурными наклонностями, удовлетвореніе коихъ они предпочитаютъ своимъ обязанностямъ, чего оспаривать нельзя; но я полагаю, что большинство предпочитаетъ исполненіе обязанностей себялюбивымъ расчетамъ, иначе пришлось бы сомнѣваться въ благородствѣ природы людской. „Оно такъ — сказалъ генералъ — но все-таки въ обыденной жизни больше встрѣчаешься съ первыми, чѣмъ съ послѣдними, которыхъ вы восхваляете.“ И разговоръ продолжался на эту тему. Одинъ офицеръ, обращая взглядъ генерала на человѣчество въ шутку, соглашался съ нимъ, но не думаю, чтобы этимъ поддакиваніемъ выигралъ въ его мнѣніи.

Тутъ умѣстно сказать, что по неимѣнію артилерійскихъ парковъ для персидской войны, присланы были въ Георгіевскъ англійскія четырехъ-колесныя фуры, состоявшія изъ двухъ ящиковъ: одинъ на передкѣ, другой, совершенно отдѣльный, на задней оси, на спицахъ которой былъ желѣзный кругъ, надѣвавшійся на высокій шворень передка; въ эти составные два ящика запрягались 4 лошади. Всѣхъ ящиковъ должно было быть 64. Это большое число лошадей поручили искупить ш.-к. Н., давъ ему для такой покупки всевозможныя льготы: его послали въ Черноморію въ сентябрѣ, а въ маѣ онъ долженъ былъ на выѣзженныхъ за зиму лошадяхъ перевезти эти ящики черезъ горы, для слѣдованія за войсками; ему отведено было на Кубани нѣсколько станицъ и дано чуть ли не болѣе сотни казаковъ для присмотра за лошадьми да, кромѣ того, двѣ роты—одна, кажется, Навагинскаго, другая Тенгинскаго полковъ—для выѣздки и присмотра за лошадьми; самое же заманчивое, что̀ давало ему средства исполнить порученіе, состояло въ томъ, что лошади по мѣрѣ покупки зачислялись на фуражное довольствіе. При такихъ средствахъ онъ имѣлъ полгода для выѣздки лошадей. Послѣ этого бу-

детъ понятно, къ чему генералъ повелъ разговоръ объ обязанностяхъ и личныхъ выгодахъ. И точно, генералъ имѣлъ право задумываться и быть въ сомнѣніи. Назначенный въ началѣ открывающейся кампаніи начальникомъ артилеріи въ новый край—обязанности, на немъ лежавшія, были велики—онъ не сочувствовалъ проекту заведенія парковъ, который нашелъ уже въ ходу и которому, какъ новый человѣкъ въ краѣ, не могъ поперечить, и къ тому же весьма желалъ знать офицеровъ, кому поручены или кому придется поручать дѣла.

— А къ какой категоріи вы причисляете ш.-к. Н.—исполнитъ ли онъ сдѣланное ему порученіе? спросилъ вдругъ меня генералъ.

— Онъ бойкій, расторопный офицеръ: ему не впервые покупать ремонты и потому, полагаю, онъ можетъ исполнить порученіе.

— Можетъ исполнить! Это не отвѣтъ. Я спрашиваю: исполнитъ ли?

— Причинъ, кажется нѣтъ, чтобы сомнѣваться въ этомъ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось узнать, въ какомъ состояніи теперь его порученіе.

Я испугался; мнѣ представилось, что вотъ генералъ пошлетъ меня посмотрѣть, что дѣлаетъ Н.

— Впрочемъ, я вамъ долженъ сказать, что у меня и для васъ есть подобное порученіе; я хочу послать васъ искупить ремонтъ на всю артилерію, въ Грузіи расположенную.

Я засмѣялся.

— Ваше превосходительство, да мои знанія въ лошадяхъ ограничиваются только тѣмъ, что я могу различить хвостъ отъ гривы. Какой же я ремонтеръ?

— Прошу васъ, Бриммеръ, не отговаривайтесь; мнѣ

сказалъ Флиге, что вы всякое порученіе исполните добросовѣстно; въ степныхъ лошадяхъ знаній не нужно. Приготовляйтесь къ скорому отъѣзду!

— Я строевой офицеръ, ваше превосходительство, какъ же я кампанію потеряю?

— Вы вернетесь въ маѣ и будете еще въ кампаніи. Ну, довольно; теперь прощайте и приготовляйтесь.

Совершенно озадаченный, я стоялъ и не слыхалъ слова „прощайте.“ Серьозный генералъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся.

— Прощайте, Бриммеръ; много черезъ недѣлю, вы поѣдете.

— Я одинъ не поѣду, ваше превосходительство, позвольте въ помощь мнѣ Дейтриха.

— Лучше не берите помощника, чтобы не было непріятностей. Да захочетъ ли онъ ѣхать съ вами?

— Коли я поѣду, то и онъ поѣдетъ—мы пріятели.

— Ну, съ Богомъ!

Грустный, съ поникшею головою вышелъ я отъ генерала и пошелъ къ старшему адъютанту, жившему тутъ же въ артилерійскомъ домѣ. Я нашелъ у него нѣсколько офицеровъ и между ними Дейтриха, которому и разсказалъ о порученіи. Нѣкоторые поздравляли меня съ такой командировкой; не слушая ихъ, я обернулся къ Дейтриху и говорю: поѣдемъ вмѣстѣ; я одинъ не справлюсь—слишкомъ 350 лошадей!—„А кампанію прозѣваемъ?“—Да вѣдь я же ѣду, какъ ни отговаривался. Поѣдемъ! Дейтрихъ задумался: „ну, пожалуй, ѣдемъ, куда ни шло! Хороши мы съ тобою ремонтеры!“

Наканунѣ отъѣзда нашего начальникъ артилеріи поѣхалъ со мною къ генералу Паскевичу. Когда генералъ представилъ меня какъ ремонтера для всей артилеріи, Паскевичъ сказалъ:

— Я его знаю. Вы уже ремонтировали прежде?

— Никогда, ваше высокопревосходительство.

— Поѣзжайте на Донъ, тамъ есть русскія, очень хорошія лошади. На Манычѣ—у Иловайскаго, только не у Алексѣя, у того все горбоносыя.

И, поговоривъ немного съ генераломъ, отпустилъ насъ.

Въ это время, подъ видомъ болѣзни, генералъ Ермоловъ не принималъ никого. Начальникъ штаба Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ занималъ нижній этажъ дома, въ которомъ жилъ корпусный командиръ. Поѣхали къ начальнику штаба. Войдя въ первую комнату—человѣкъ пошелъ доложить—вдругъ мы слышимъ голосъ Алексѣя Петровича: „онъ одинъ?“—Съ артилерійскимъ офицеромъ. Слуга отворилъ дверь. Генералъ вошелъ; я остался, но не успѣлъ деньщикъ затворить дверь, какъ услышалъ призывъ:

— Войди, тевтонъ. Здоровъ ли ты? Что это—тебя за ремонтомъ отправляютъ?

И, обращаясь къ генералу:

— Да знаете ли, ваше превосходительство, этого офицера? Это дѣльный боевой офицеръ; а въ военное время брать изъ фронта такихъ офицеровъ не хорошо. Да знаешь ли ты толкъ въ лошадяхъ?

— Хвостъ отъ гривы различу; больше ничего не знаю. Вельяминовъ, сидѣвшій одинъ за своимъ письменнымъ столомъ, прессерьозно говоритъ: „ну это не много.“

— Видите ли, ваше превосходительство, онъ и толку въ лошадяхъ не знаетъ. Какой онъ ремонтеръ?

Генералъ Уитлье, кажется, начиналъ терять терпѣніе и потому довольно настойчиво отвѣчалъ:

— Бриммера мнѣ рекомендовали, какъ дѣльнаго, добросовѣстнаго и усерднаго офицера: операція значительная и притомъ въ военное время: я не могу повѣрить ее ко-

му нибудь, потому я выбралъ его и увѣренъ, что онъ исполнитъ порученіе хорошо. Въ степныхъ лошадяхъ надобенъ только глазъ.

— Ну, если вамъ довольно одной добросовѣстности въ ремонтерѣ, то онъ исполнитъ порученіе, сказалъ Алексѣй Петровичъ.

Тѣмъ и кончилось представленіе.

Когда мы сѣли въ коляску, начальникъ артилеріи говоритъ мнѣ: „я уже слышалъ, что Алексѣй Петровичъ къ вамъ благоволитъ; мнѣ весьма пріятно, что вы заслужили вниманіе такого генерала.“

Всѣ расчеты уже сдѣланы, всѣ инструкціи и приказанія получены и потому—ожидать нечего. На другой день, рано утромъ, взявъ изъ ящика уже принятыя деньги, я и Дейтрихъ отправились, съ Богомъ, въ путь. Лошадей артилерійскихъ мы должны были купить около 250 и парковыхъ 115. Денегъ съ нами было до 60-ти тыс. руб. асиг.

Какъ подумаешь теперь, какъ это насъ Богъ спасъ отъ всѣхъ непріятныхъ приключеній, которыя могли бы легко случиться. Мы ѣхали верхомъ, какъ тогда всѣ путешествовали чрезъ кавказскія горы, и имѣли при себѣ два вьюка. Съ нами были два добрыхъ артилериста—фейерверкеръ Гайдукъ, мой старый знакомый, и одинъ бомбардиръ—и два конвойныхъ казака. Какъ непріятна эта ѣзда верхомъ на казачьихъ лошадяхъ въ жестокую зиму, въ февралѣ, чрезъ кавказскія горы и съ такою отвѣтственностью на плечахъ; но молодость—золотое время: всякая тяжесть легка, всякая отвѣтственность ничочемъ! И все сходитъ съ рукъ, жизнь какъ по маслу течетъ. Мерзли и голодали мы вдоволь, а чаю пили на каждой станціи, что животы пучило. Дейтрихъ говорилъ, что мы изсушили и Арагву, и Терекъ. А дорога-то! Снѣгъ такъ глубокъ, что идешь по тропѣ—влѣво пропасть, вправо—стѣна снѣгу, а на покато-

сти лежатъ снѣжныя глыбы двѣ-три сажени въ діаметрѣ, и ждутъ только—не дуновенія вѣтра, но малѣйшаго колыханія воздуха или солнечнаго луча, чтобы оттаять и, клубясь, низвергнуться внизъ, низринувъ все встрѣчающееся на пути въ пропасть. Идя въ обходъ перевала по Крестовой горѣ, по новопроложенной дорогѣ, мы видѣли девять такихъ глыбъ вправо, на покатости Крестовой горы, причемъ одна, вчера свалившаяся, усыпала тропу нашу глубокимъ снѣгомъ, на которомъ, однако, уже виднѣлись слѣды людей и лошадей. Эта обрушившаяся глыба произвела на насъ весьма непріятное впечатлѣніе. Я шелъ впереди, за мною Дейтрихъ, потомъ два казака, ведшіе выючныхъ лошадей—своихъ пустили передъ собою—за казаками два артилериста; такъ гуськомъ, въ тишинѣ, шли мы по снѣжной тропѣ, невольно поглядывая вправо на эти огромныя глыбы снѣга, и въ сердцѣ каждаго барабанило: перенеси Богъ! перенеси Богъ! Вдругъ Дейтрихъ запѣлъ... какую пѣсню—не помню; я оглянулся и говорю ему: развѣ ты не знаешь, что отъ сотрясенія воздуха глыбы могутъ оторваться? Онъ замолкъ. Въ тишинѣ тянулись мы, увязая иногда въ глубокомъ снѣгу и охраняя лицо отъ мороза, спотыкались и падали, но прошли благополучно, благодаря Бога, и въ Коби опять отогрѣлись чаемъ. Изъ Владикавказа тянулись мы съ такъ называемою оказіею (принятое на Кавказѣ выраженіе для означенія срочныхъ отправленій съ конвоемъ, къ коимъ примыкаютъ транспорты и путешественники) четыре дня до Екатеринограда, а тамъ, пересѣвъ на почтовыя телѣжки, помчались въ Черноморію.

Въ Екатеринодарѣ я оставилъ Дейтриха, съ инструкціею и деньгами, покупать лошадей въ Черноморіи, а самъ полетѣлъ въ Черкаскъ. Въ два дня распросовъ я узналъ заводчиковъ и какія у кого лошади, и напервыхъ поѣхалъ къ Дмитрію Тимофеевичу Грекову, женатому на дочери

покойнаго атамана Платова. Онъ жилъ въ садахъ на берегу Аксая. Только-что я сказалъ, зачѣмъ посѣтилъ его: „здравствуйте, желанный гость, садитесь. Эй! завтракать, да скоро!“—и видимое удовольствіе разлилось по почтенному лицу генерала.

И могъ радоваться въ эту пору донской хозяинъ ремонтеру. Въ нашу армію не дозволено было покупать степныхъ лошадей; вся кавалерія—и тяжелая, и легкая—ремонтировалась заводскими. Не знаю, позволено ли было австрійцамъ покупать у насъ лошадей, но, всячески, они дальше Бердичева не ѣздили, и потому донскіе хозяева должны были разсылать по ярмаркамъ своихъ лошадей, что̀ неудобно и дорого стоитъ. Мелкіе продавцы, нуждавшіеся въ деньгахъ, жалуясь на тяжелыя времена, водили своихъ меренковъ на ярмарки; но хорошіе хозяева ждали лучшаго времени и, какъ мнѣ говорили, уже три года не продавали своихъ лошадей. Мнѣ посчастливилось. Куда я ни пріѣзжалъ, меня принимали, какъ родного, чуть ли не подъ образа сажали; и, только благодаря этимъ стѣсненнымъ обстоятельствамъ донского края, я за ничтожную сумму, мнѣ отпущенную на лошадь—200 руб.—могъ искупить лошадей на Дону и тѣмъ исполнить желаніе Ивана Ѳеодоровича Паскевича.

Вернемся въ домъ Грекова, къ радушному хозяину.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, позавтракаемъ послѣ; прежде о дѣлѣ поговоримъ.

— И, что тамъ много говорить: вамъ надобны лошади—у меня есть онѣ; возьмите, а за бутылкою и покончимъ дѣло.

— Я прошу ваше превосходительство прежде дѣло кончить, а потомъ воспользоваться вашею привѣтливостью.

— Ну, какъ хотите; видно—аккуратный человѣкъ.

Хотя круты для меня были условія, не видавъ лоша-

дей, но съ первымъ заводчикомъ въ началѣ дѣла мнѣ не хотѣлось разорвать и потому я согласился, оставивъ, впрочемъ, за собою: если донскія лошади покажутся мнѣ не пригодны—не брать ни одной. Дмитрій Тимофеевичъ послалъ со мною своего довѣреннаго человѣка и мы поскакали въ деревню, кажется, отъ садовъ верстъ за сто. Всю дорогу я только и думалъ, какъ бы это начало мое удалось, тогда дѣло пойдетъ. И было начало, сверхъ ожидашія, хорошее! Лошади оказались помѣсью съ русскими, ни одной горбоносой, рослыя, кряжистыя и болѣе 40 мереновъ отъ 4-хъ до 7-ми лѣтъ. Такъ какъ у меня было разрѣшеніе парковыхъ лошадей покупать всѣхъ мастей, то мнѣ такъ и хотѣлось всѣхъ забрать; но, увы—цѣна на парковую лошадь не могла подходить къ цѣнамъ генерала Грекова, хотя онъ сказалъ: „въ случаѣ возьмете всѣхъ, тогда 185 рублей.“ Я взялъ слишкомъ 30, заплатилъ по 195 руб. за лошадь, поставилъ на каждую свое клеймо и, написавъ обо всемъ Дмитрію Тимофеевичу, поѣхалъ по другимъ. Былъ въ Таганрогѣ, чтобы и въ міусскомъ начальствѣ посмотрѣть табуны; но это была единственная покупка, гдѣ я взялъ такъ много лошадей.

Купивъ 104 лошади на правомъ берегу Дона и погнавъ ихъ со сборнаго пункта въ Аксайскую станицу, я поѣхалъ въ сады, къ генералу Грекову, для окончательнаго расчета. Въ 9 часовъ утра я былъ у него. Онъ приказалъ накрыть завтракъ, отъ котораго теперь я вовсе не отказывался, хотя торопился въ Аксай, чтобы присутствовать при переправѣ; но, какъ я ни торопился, гостепріимный, радушный хозяинъ успѣлъ-таки уговорить меня попробовать стараго, собственнаго издѣлія, донского вина, бутылочки котораго, припечатанныя разными сургучами—желтымъ, зеленымъ, краснымъ и проч.—означали разные сорта винъ. Онъ разсказывалъ, какъ донцы въ 1814 и 1815

годахъ много привезли французскихъ лозъ и какъ хорошо можно выдѣлывать изъ донскихъ лозъ подобіе разныхъ французскихъ винъ. Между разговорами все укорялъ меня, что я мало пью, а когда я наконецъ всталъ, чтобы раскланяться, Грековъ говоритъ: „ну, какъ вы пить у меня не хотите, то я прикажу положить дюжину бутылочекъ къ вамъ въ повозку;“ и дѣйствительно, ящикъ со славнымъ донскимъ виномъ, котораго въ продажѣ не бываетъ, былъ снесенъ въ повозку, пока я прощался съ генераломъ.

Пріѣхавъ въ Аксай, я былъ ужасно встревоженъ заявленіемъ станичнаго атамана и старшинъ, что, вслѣдствіе ледохода на Дону, переправу лошадей надо или отложить, или переправлять на баркахъ малыми частями, связанныхъ, т. е., значитъ, весь табунъ переловить, потомъ по одной вводить на огромныя лодки и тамъ каждую валять! Легко сказать! Эта ломка табуна мнѣ была не понутру и пугала меня; переправить же черезъ Донъ вплавь аксайское начальство не соглашалось, боясь отвѣтственности. День клонился къ вечеру, я рѣшилъ переправляться завтра—авось, Богъ надоумитъ! Такъ какъ въ близлежащей станицѣ былъ хорошій загонъ, то я погналъ табунъ туда на ночлегъ. Вставъ утромъ, я позвалъ атамана и началъ съ нимъ толковать о переправѣ лошадей вплавь. Куда! и слышать не хочетъ: „какъ можно! да мы своихъ лошадей перепортимъ, а тутъ еще казенныя—и не оберешься отвѣту“ и пр. Нѣкоторые изъ молодыхъ говорили, что можно, ничего, только надо взяться за дѣло хорошенько. Другіе прибавляли: „г. офицеръ не обидитъ насъ, почему же не переправить?“... Атаманъ стоялъ на своемъ: „пока ледъ не пройдетъ—нельзя; да и кто въ такую холодную воду лошадей гоняетъ?“ и т. д. Наскучили мнѣ всѣ эти толки; я вошелъ въ хату, вынулъ сторублевую бумажку и вышелъ къ казакамъ. „Казаки—говорю—атаманъ долженъ произ-

весть переправу лошадей, но онъ отказывается, боясь отвѣтственности за казенныхъ лошадей; вотъ 100 рублей—я поднялъ бѣленькую надъ головами—и весь отвѣтъ за мной! Будете переправлять?“ Вдругъ вся кучка заговорила разомъ: „отчего не переправить? ледъ—ничего, на то багры; собирайте каюки“ и пр. Атаманъ, махнувъ рукою, отошелъ въ сторону. Тогда я обратился къ одному видному казаку, къ которому всѣ особенно обращались:

— Послушай, молодецъ, надобно, чтобы одинъ изъ васъ распоряжался и чтобы былъ порядокъ во всемъ.

— Будетъ порядокъ, какъ же безъ порядка? вѣдь мы не калмыки-какіе! Слушайте, ребята: три каюка впереди, по два справа и слѣва табуна, одинъ назади; на каюкѣ по два молодца—одинъ гребетъ, другой держитъ осѣдланную лошадь. Ну, разбирайтесь живо!

Не прошло и часа, какъ всѣ каюки были у берега и при каждомъ—осѣдланная лошадь съ казакомъ. Когда съ горки погнали тихо табунъ къ рѣкѣ, три каюка поплыли впередъ, по два съ боковъ, и образовался четвероугольникъ, въ который тихо спускали табунъ. Поартачившись немного, онъ вошелъ въ воду и стройно, окаймленный каюками, переплылъ Донъ.

Когда табунъ спускался къ рѣчкѣ, подъѣхалъ ко мнѣ фейерверкеръ Гайдукъ и говоритъ: ваше благородіе, отъ такого холода въ водѣ лошади могутъ запаршивѣть.

— Небось, служивый! Ты посмотри, какъ мы ихъ согрѣемъ; отсюда до Махинской станицы 6 верстъ—какъ имъ не согрѣться!

И пошелъ видный казакъ съ переднимъ каюкомъ. Мою повозку съ тройкой поставили на большую ладью съ помостомъ и мы поплыли вслѣдъ за табуномъ. Видно, какъ передніе три каюка гребли что есть силы, чтобы скорѣе поспѣть къ берегу; и только-что причалили, какъ три ка-

зака уже сидѣли верхомъ и вскачь понеслись по дорогѣ; табунъ за ними. Загудѣла степь отъ ржанія и конскаго топота. Я было погналъ тройку, но скоро одумался; и вправду—гдѣ вольныхъ, степныхъ коней, выскочившихъ изъ холодной воды, догнать въ запряжкѣ? Ледъ шелъ не сильный, и какъ ни усердно работали багры, все же льдины попадали въ табунъ, и тутъ-то ретивое крѣпко билось у Эдуарда Владиміровича: ну, какъ ногу разрѣжетъ или брюхо распоретъ, или, Богъ вѣсть, что за бѣда приключится? Но, нѣтъ, все прошло благополучно, льдины проходили мимо, а табунъ плылъ впередъ. Господь помогъ; видно, и Онъ любитъ, когда въ крайности человѣкъ, очертя голову, ломитъ бѣду!

Подъѣзжая къ Махинской станицѣ, я увидѣлъ товарища моего Дейтриха, который, зная изъ письма моего, что я предполагалъ вчера быть въ Махинской, пріѣхалъ для переговоровъ со мною.

— Здравствуй, Ѳедоръ! Гдѣ табунъ?

— Здравствуй! Погнали около станицы; лошади въ мылѣ, но казаки говорятъ, что еще немного упарить, а потомъ—въ загонъ. Откуда ты такихъ коней набралъ—да это чудо! Какъ они мимо меня неслись: головы вверхъ, ноздри раздувши, хвосты трубой! Я гляжу, разинувъ ротъ, и не могу понять, какъ ты за ничтожную ремонтную цѣну могъ добыть такихъ лошадей? А я-то думалъ, что ты похвалишь моихъ. Дрянь да и только черноморскія противъ этихъ.

Разсказавъ ему все, что касалось до покупки мною лошадей, я просилъ его не хулить черноморскихъ, уже сдѣлавшихъ себѣ репутацію на Кавказѣ, а что лошадь, выскочившая изъ холодной рѣки, всегда красива: я просилъ его остаться при моемъ табунѣ, а самъ на другой день поскакалъ на р. Салу.

Недалеко отъ р. Маныча я встрѣтилъ верхового казака:

— Ваше благородіе, не вы ли ремонтеръ, что лошадей покупаете?

— А что тебѣ?

— Да я къ вамъ, ваше благородіе, въ Махинскую ѣхалъ. Не угодно ли нашихъ лошадокъ посмотрѣть—вотъ здѣсь близко, на хуторѣ графа Платова.

— Нѣтъ, ваши мнѣ не пригодны—у васъ все рослыя, вершковъ пять.

— Да посмотрите, ваше благородіе, авось, что и найдете.

— Ну, завтра, послѣзавтра вернусь въ Салы, такъ заѣду.

Пріѣхавъ на хутора, расположенные на р. Салѣ, и искупивъ тамъ около 30 лошадей, широкогрудыхъ, совершенно русскихъ статей, весьма довольный своею покупкою и окончаніемъ оной, я черезъ два дня, возвращаясь назадъ, изъ любопытства хотѣлъ посмотрѣть лошадей графа Платова. Подъѣхавъ къ хутору, вижу—лошади въ загонѣ, у околицы уланскій офицеръ и нѣсколько уланъ. Я слѣзъ, подхожу, поклонился офицеру и, увидѣвъ казака, съ коимъ разговаривалъ, ѣхавши на Салу: „здравствуй, молодецъ!“ Куда тамъ! и шапки не ломаетъ, знать не хочетъ—все около уланскаго офицера. Тутъ я узналъ, что отъ Государя вышло дозволеніе легкую кавалерію ремонтировать донскими лошадьми. На уланскую лошадь отпускалось 300 и, кажется, 350 руб.; гдѣ же мнѣ тягаться съ ними со своими 200 рублями. Слава Тебѣ Господи, что кончилъ!

Соединивъ табуны донской и черноморскій, я погналъ ихъ въ Георгіевскъ. Дейтрихъ просилъ меня отпустить его въ Пятигорскъ, чтобы посмотрѣть на кавказскія минеральныя воды.

Трудная, безпокойная была эта перегонка огромнаго табуна, слишкомъ въ 400 лошадей, когда я отдѣлился отъ

р. Кубани и пошелъ по маловодному тракту въ Георгіевскъ. Не смотря на 70 линейскихъ казаковъ, слѣдовавшихъ со мною въ дѣйствующія войска, табунъ почти каждую ночь шарахался и бѣжалъ, какъ казаки выражались „на воду“, т. е. обратно. Забѣжитъ верстъ на пять и болѣе, найдетъ травку въ степи и остановится попастись; тутъ казаки его густо охватятъ и тихо погонятъ назадъ. Мало было мнѣ сна въ эти дни. Пріѣхавъ въ Георгіевскъ и явившись генералъ-маіору Либштейну, командовавшему артилеріею во французскомъ корпусѣ графа Воронцова, я съ первыхъ же словъ услышалъ отъ него двѣ непріятности: первую, что мнѣ надобно здѣсь принять шестнадцать англійскихъ повозокъ для парка и отвезти въ Тифлисъ на искупленныхъ мною парковыхъ лошадяхъ, на что онъ вручилъ мнѣ и предписаніе начальника артилеріи, съ приказаніемъ принять примѣрную сумму въ 4 тысячи рублей на продовольствіе лошадей, на ковку ихъ и проч.; вторая непріятность—Дейтрихъ крѣпко заболѣлъ въ Пятигорскѣ. Въ казенномъ конвертѣ я нашелъ письмо отъ старшаго адъютанта, который увѣдомлялъ, что начальникъ артилеріи проситъ меня, какъ можно скорѣе прибыть съ ремонтомъ къ войскамъ. Какъ вамъ покажется это порученіе: на степныхъ ремонтныхъ лошадяхъ, не имѣвшихъ никогда узды на себѣ, везти чрезъ кавказскія горы обозъ, да еще скорѣе! Какъ тутъ не разсердиться? Я сказалъ генералу Либштейну: „предписаніе, полученное мною, неисполнимо и потому я ни ящиковъ, ни денегъ не приму отъ вашего превосходительства и погоню завтра же ремонтъ далѣе.“ Но старикъ Либштейнъ былъ добрый, хладнокровный, разсудительный человѣкъ, знавшій меня еще во Франціи. Онъ согласился со мною, что порученіе, сдѣланное мнѣ, немного грѣшило противъ благоразумія, но—„видно начальство надѣялось, что ты какъ нибудь извернешься и исполнишь

его. Ящики тамъ надобны. Ну, садись, подумаемъ, какъ бы это сдѣлать. Двѣ недѣли назадъ штабсъ-капитанъ Н. принялъ изъ арсенала 64 англійскія фуры, запрегъ выѣзженныхъ ремонтныхъ лошадей и здѣсь же сломалъ 18 дышелъ при запряжкѣ; я ему помогъ, да радъ былъ, что наконецъ онъ выступилъ. Должно, въ горахъ ему плохо будетъ."

— По моему—продолжалъ генералъ—на 4000 р. купи ты воловъ, а я къ заднимъ ящикамъ велю придѣлать дышла со спицами; въ каждый ящикъ впряги пару воловъ, амуницію на 64 лошади въ тюкахъ положи на повозки и также на волахъ вези съ ящиками, да иди потихоньку —придешь благополучно, безъ хлопотъ. Конечно, 4-хъ тысячъ мало на воловъ, на повозки и на прочее; ну, прибавь изъ ремонтной суммы—въ Тифлисѣ вернешь.

Тѣмъ и закончилъ старикъ. Я сидѣлъ и, прослушавъ его внимательно, не долго думая, согласился на все. Закипѣла работа. Въ арсеналѣ къ заднимъ ящикамъ придѣлывали дышла. Я съ Гайдукомъ поѣхалъ на Куму въ Воронцовку и въ другія селенія и въ два дня купилъ 41 пару огромныхъ сѣрыхъ малороссійскихъ воловъ, съ ярмами; пара кругомъ обошлась около 100 р. Потомъ принялъ патроны, конскую амуницію и роту пѣхоты, назначенную для препровожденія парка, и чрезъ 8 дней выступилъ съ ремонтомъ, отправивъ за день 16 ящиковъ, съ пѣхотою, впередъ. По случаю болѣзни Дейтриха, генералъ Либштейнъ написалъ въ артилерійское управленіе, въ Тифлисъ, о высылкѣ офицера для препровожденія парковыхъ ящиковъ. Назначенный офицеръ встрѣтилъ ихъ въ Екатериноградѣ, благополучно привелъ въ Тифлисъ и подъ квитанцію, во всей исправности, сдалъ въ артилерійскій гарнизонъ; отсюда съ другимъ офицеромъ они прибыли въ дѣйствующій корпусъ и сданы въ паркъ.

Въ Екатериноградѣ я узналъ, что Алексѣй Петровичъ

Ермоловъ ночуетъ здѣсь и завтра отправляется въ Россію. Я пошелъ къ нему. Онъ принялъ меня, какъ родного, оставилъ пить чай и продержалъ часа два. Я долженъ былъ разсказать ему всю операцію свою и, когда дошелъ до того, что ящики везу не лошадьми, а на волахъ, Алексѣй Петровичъ сказалъ мнѣ: „ты распорядился какъ нельзя лучше, но—чтобъ тебѣ не имѣть непріятностей съ артилерійскимъ департаментомъ.“ Потомъ, раскладывая пасьянсъ, говорилъ о своемъ смѣщеніи. какъ Дибичъ, присланный Государемъ, усердно работалъ съ нимъ, какъ онъ выспрашивалъ его о всѣхъ приготовленіяхъ, о средствахъ края и ожидаемыхъ изъ Россіи, а также мнѣніе Алексѣя Петровича о планѣ кампаніи.

— И когда все это было у него въ карманѣ—прибавилъ Ермоловъ—онъ выждалъ перваго курьера изъ Петербурга и предъявилъ мнѣ высочайшій приказъ, бывшій у него давно за пазухой.

Когда онъ кончилъ и могучая голова какъ-бы съ неудовольствіемъ наклонилась, я хотѣлъ что-то сказать и остановился. Алексѣй Петровичъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на меня:

— Ты что-то хотѣлъ сказать, говори.

— Извините, ваше высокопревосходительство — такъ, ничего.

— Говори, тевтонъ! Что ты хотѣлъ сказать?

— Да вотъ, ваше высокопревосходительство, мы всѣ думали, что еслибы вы на коронацію да поѣхали къ Государю, то всѣхъ бы ихъ тамъ, петербургскихъ-то, за поясъ заткнули.

Онъ молчалъ и, Богъ вѣсть, не сознавалъ ли въ эту минуту справедливость общаго желанія, выраженнаго въ моей простой рѣчи. Я всталъ, чтобы откланяться. Алексѣй Петровичъ поцѣловалъ меня:

— Прощай, тевтонъ, прощай лучшій изъ нѣмцевъ! Служи хорошенько, чтобы видѣли, что я отличалъ дѣльныхъ офицеровъ.

Растроганный, прослезившись, я вышелъ отъ этого необыкновеннаго человѣка. Противникамъ его—а у него ихъ было много—я скажу коротко: всякій человѣкъ имѣетъ недостатки; но пускай эти господа заставятъ уважать и любить себя такъ безгранично, какъ уважали и любили Алексѣя Петровича Ермолова, кто его зналъ, и тогда пускай тѣшатся и бросаютъ камни въ его огородъ.

Слѣдованіе мое съ ремонтомъ, а сзади меня парковыхъ ящиковъ, до Тифлиса было благополучно, благодаря отчасти и предосторожностямъ, принятымъ мною. Одною и самою дѣйствительною было то, что въ горахъ, гдѣ дорога идетъ между Терекомъ и скалистыми горами, я, по прибытіи на постъ или на ночлегъ, тотчасъ посылалъ впередъ казака къ почтовому начальнику съ увѣдомленіемъ о моемъ слѣдованіи и съ просьбою удерживать всѣхъ до моего прослѣдованія. Кромѣ того, въ верстѣ впереди ѣхалъ урядникъ съ тремя казаками, чтобы на случай встрѣчи съ кѣмъ, безъ разговоровъ сворачивать съ дороги—хоть въ Терекъ. Была еще предосторожность: весь табунъ гнали не одною массою, но отдѣлами лошадей въ пятьдесятъ, саженъ на сто разстоянія одинъ отъ другого. У Казбекской станціи я увидѣлъ два зеленыхъ фургона, свалившихся съ кручи, и при нихъ двухъ солдатъ. „Ого, подумалъ я—наши недалеко!“ Много павшихъ лошадей по дорогѣ и стая орловъ, витавшихъ надъ нею, ясно говорили о неблагополучномъ слѣдованіи парка на ремонтныхъ лошадяхъ штабсъ-капитана Н. Ужъ Алексѣй Петровичъ говорилъ мнѣ, что онъ встрѣтилъ паркъ и что, кажется, грекъ не хорошо исполнилъ данное ему порученіе. Увы, скоро я своими глазами убѣдился, что огромная операція эта вовсе не

удалась. Кого винить? По моему, поручеше могло быть исполнено при средствахъ и 8-ми мѣсячномъ времени, данномъ офицеру; но надобно было послать, мало что бойкаго, но и добросовѣстнаго. Пріѣхавъ въ Коби, я увидѣлся съ штабсъ-капитаномъ Н. Подлѣ поста стоялъ паркъ; много ящиковъ было поломано и довольно солдатъ искалѣчено. Я спросилъ его, гдѣ же лошади?—„Я отправилъ ихъ на Гомборы, донесъ въ Тифлисъ, что слѣдовать съ паркомъ не могу и ожидаю распоряженія начальства, какъ доставить ящики въ Тифлисъ.“ Вотъ тутъ можно сказать: da stehen die Ochsen am Berge! Плохо! Въ результатѣ оказалось: вмѣсто того, чтобы ящикамъ выступить съ войсками въ походъ, ящики были переломаны, патроны помяты, люди искалѣчены, лошадей много околѣло, остальныя изнурены, и казнѣ же пришлось еще доставить ящики черезъ перевалъ въ Тифлисъ. Плохо! Чтожъ вы думаете—произвели слѣдствіе, отдали подъ судъ офицера, стерли съ лица земли? Ничего этого не было—все отнесли къ дурному распоряженію *бывшаго* начальства. А осталось бы прежнее начальство—не отдѣлаться такъ легко офицеру. Впрочемъ онъ, кажется, скоро вышелъ въ отставку и жилъ въ Таганрогѣ.

Пройдя до Гартискара, послѣдней станціи къ Тифлису, я поѣхалъ туда и на другой день въ урочный часъ явился генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Сипягину. Зала была довольно полна. Проходя рядъ ожидавшихъ его превосходительство офицеровъ и чиновниковъ, генералъ подошелъ ко мнѣ.

— А, это вы такъ славно исполнили данное вамъ порученіе? Вы пойдете подъ судъ! Гдѣ ваши ящики?

Дежурный штабъ-офицеръ говоритъ генералу, что я штабсъ-капитанъ Бриммеръ, приведшій ремонтъ, а не штабсъ-капитанъ Н.

— А, прошу извинить меня. Гдѣ вашъ ремонтъ? я хочу видѣть его.

— Черезъ часъ будетъ здѣсь; я доложу вашему превосходительству.

— Хорошо; какъ придетъ, такъ скажите—я посмотрю.

Ремонтъ пригнали на Мадатовскую площадь, передъ квартиру генерала. Онъ вошелъ въ середину табуна, хвалилъ, очень хвалилъ лошадей, спрашивалъ о цѣнѣ. Я долженъ былъ показывать ему донскихъ и разсказалъ, отчего мнѣ удалось купить ихъ такъ дешево.—„Да, очень дешево; мнѣ пріятно будетъ написать главнокомандующему и донести Государю, что вы исполнили порученіе какъ слѣдуетъ.“ Когда генералъ ушелъ, я просилъ дежурнаго штабъ-офицера оставить линейскихъ казаковъ при ремонтѣ съ тѣмъ, чтобы они вмѣстѣ со мною присоединились къ войскамъ. „Хорошо, я спрошу генерала,“ и пошелъ къ нему. Генералъ позвалъ меня въ кабинетъ. Рапортъ мой къ нему о моемъ слѣдованіи и прибытіи въ Тифлисъ лежалъ на столѣ.

— Казаковъ можете удержать при ремонтѣ, но не болѣе недѣли. Старайтесь кончить ваши дѣла въ недѣлю и потомъ слѣдуйте къ дѣйствующимъ войскамъ къ Аббасъ-Абаду.

Я поклонился.

— Вы доносите въ рапортѣ, что паркъ изъ 16-ти ящиковъ слѣдуетъ на волахъ, а онъ долженъ слѣдовать на искупленныхъ вами лошадяхъ. Какъ же это?

— При отправленіи меня за ремонтомъ, мнѣ предписано было купить 115 парковыхъ лошадей, но не сказано было, что я повезу на нихъ ящики; это предписаніе получилъ я въ Георгіевскѣ (я вынулъ его изъ кармана и подалъ генералу). Какъ же, ваше превосходительство, можно мнѣ было исполнить предписаніе? А исполнить предписа-

ніе, т. е. перевезти ящики въ Тифлисъ—надо было; поэтому на отпущенныя мнѣ на продовольствіе лошадей 4000 р. я купилъ воловъ, три повозки для амуниціи, веревки и прочее и привезъ ихъ.

— Сколько паръ воловъ вы купили?

— Сорокъ одну пару.

— И все это на 4000 рублей?

— Нѣтъ, мнѣ все стало до 5000 рублей.

— Откуда же вы взяли деньги?

— Изъ ремонтной суммы; у ремонтера всегда остается для непредвидѣнныхъ случаевъ при сдачѣ лошадей.

— Что вамъ обошлась пара воловъ?

— Кругомъ около ста рублей, съ ярмами.

— Ого!—обратился онъ къ дежурному штабъ-офицеру—а намъ свыше 150 рублей, кажется.

— Больше, ваше превосходительство.

— А какъ же вы продовольствовали воловъ, на коихъ не были отпущены деньги?

— Гналъ съ ремонтомъ на подножный кормъ, а въ горахъ покупалъ сѣно для всѣхъ.

— Чтожъ вы сдѣлаете съ волами?

— Что прикажете, ваше превосходительство.

— Намъ волы нужны для транспортовъ въ армію; я вамъ возвращу ваши деньги, а воловъ возьму.

— Воловъ возьмите, ваше превосходительство, а денегъ я не возьму.

— Почему же это? Я ихъ покупаю у васъ—это ваша собственность.

— Я ихъ продавать не могу, потому что они куплены на казенныя деньги.

— Да вѣдь деньги даны на продовольствіе, которое было бы съѣдено, слѣдственно волы ваша собственность.

— Ваше превосходительство, я не подрядчикъ, а арти-

лерійскій офицеръ (генералъ взглянулъ на меня удивленнымъ и суровымъ взглядомъ) и изъ казенныхъ суммъ своей собственности не дѣлаю.

Генералъ всталъ.

— Мнѣ пріятно повторить вамъ, что вы вашимъ благоразумiемъ поправили ошибочное распоряженіе начальства. Объ этомъ я напишу главнокомандующему.

Онъ поклонился; я вышелъ.

Нѣкоторые практичные офицеры говорили мнѣ, что деньги слѣдовало взять отъ Сипягина и представить своему начальству. Но il y a pour et contre во всякомъ дѣлѣ. И такъ хорошо.

Для усиленія войскъ кавказскихъ были присланы изъ Россіи 20-я пѣхотная дивизія съ ея артилерійскою бригадою и два полка уланъ, съ бригаднымъ командиромъ Дмитріемъ Ерофеичемъ барономъ Сакеномъ, при коихъ находился дивизіонный начальникъ генералъ-лейтенантъ баронъ Розенъ. Когда, въ концѣ іюня, я выступилъ съ ремонтомъ изъ Тифлиса, войска осаждали Аббасъ-Абадъ, почему я и пошелъ на Елизаветполь, черезъ Шушу и Гирюсы, горами, къ Аббасъ-Абаду, на р. Араксѣ, невдалекѣ отъ Нахичевани. Жара была несносная. Подножнаго корму въ долинѣ мало; сѣна на такое число лошадей достать негдѣ. Я очень былъ озабоченъ, видя, что лошади начинаютъ худѣть. За рѣкою Тертеръ жители начали приносить мнѣ дурныя вѣсти, что персидская кавалерія перешла черезъ Араксъ и рыскаетъ по долинѣ. Надобно сказать, что по всей дорогѣ отъ Тифлиса до Шуши, кромѣ донскихъ казаковъ — десятка по полтора на каждомъ посту, да и тѣ все лихорадочные—войскъ не было. На посту Шахъ-Булахъ казацкій есаулъ предъявилъ мнѣ предписаніе, чтобы, впредь до приказанія, всѣхъ, слѣдующихъ по тракту на Шушу, останавливать. Предписаніе было отъ генералъ-

маіора князя Абхазова, начальника въ мусульманскихъ провинціяхъ. На посту я нашелъ семейство полковника Клюки-фонъ-Клугенау, который защищалъ Шушу отъ Аббасъ-Мирзы, и еще нѣсколько семействъ. Что дѣлать? надобно было покориться и уставить табунъ на ночлегъ. Возвращаясь, я проходилъ мимо родника, бившаго изъ скалы ключомъ, въ руку толщиною, чистой холодной воды въ огромный мраморный бассейнъ. Мнѣ пришла такая охота выкупаться, что я тутъ же раздѣлся, бухъ въ него и, продолживъ наслажденіе свыше мѣры благоразумія, поплатился здоровьемъ. Напившись чаю послѣ крѣпко холодной ванны и поужинавъ хорошенько, я улегся спать на сѣнѣ въ сараѣ, предоставивъ всѣмъ дамамъ постовой домикъ; но скоро былъ разбуженъ казацкимъ офицеромъ, за которымъ шелъ армянинъ, подавшій конвертъ отъ князя Абхазова. Мнѣ предписывалось совершенно ввѣриться предъявителю конверта, армянину Мелихову, который долженъ провести меня горами въ Шушу, чтобы не быть обезпокоену непріятельскими партіями.

Чуть-свѣтъ все было на ногахъ, а дамы, узнавъ, что пріѣхалъ посланный отъ Абхазова, стали, разумѣется, разспрашивать о персіянахъ. Одна молодая красивая бабенка, жена офицера, ѣхавшая къ мужу въ Шушу, стала проситься, чтобы я позволилъ ей слѣдовать при табунѣ, что она боится остаться на посту.

— Въ чемъ же вы ѣдете? спросилъ я.

— Въ бричкѣ.

— Ну, вотъ видите, какъ же вы въ бричкѣ поѣдете по горнымъ дорогамъ; тамъ только лошадь съ трудомъ пройдетъ.

— Да вѣдь у васъ же есть повозка! Позвольте, прошу васъ.

— Что моя повозчонка! нельзя будетъ тащить ее, такъ

брошу; а васъ съ бричкой нельзя же мнѣ бросить въ горахъ.

— Да позвольте ѣхать—тамъ есть дороги. Я боюсь остаться на посту.

— Но вѣдь другія дамы остаются же, и притомъ, милостивая государыня, подумайте, что скажетъ мужъ вашъ, когда узнаетъ, что вы съ ремонтеромъ и казаками прогуливаетесь по горамъ?

— Что скажетъ? Мужъ обрадуется, что я скорѣе пріѣхала.

— Да послушайте, милостивая государыня, все какъ-то неловко вамъ ѣхать съ нами. Останьтесь, изъ Шуши пришлютъ конвой и вы покойно пріѣдете.

— Жди конвоя—станутъ объ насъ думать! Что за неловко? развѣ мужу пріятнѣе будетъ, когда меня персіяне утащатъ? Да ужъ позвольте ѣхать съ вами.

Видя, что никакіе доводы не убѣждаютъ красивую бабенку, я сѣлъ на коня и ускакалъ, поклонившись ей. Кажется мнѣ, а можетъ и послышалось вслѣдъ за мною слово: „неучъ!“

Шахъ-Булахъ (царскій родникъ) въ разстояніи отъ Шуши, кажется, 35 верстъ; мы же горами сдѣлали верстъ до 50-ти и на другой день поздно вечеромъ пригнали табунъ къ Шушѣ; усталыя лошади отдохнули и попаслись на прекрасной горной травѣ, въ верстѣ отъ города. Я поѣхалъ въ городъ, явился къ князю Абхазову, который весьма былъ доволенъ, услышавъ, что артилерійскій ремонтъ благополучно прибылъ; „но—сказалъ князь—лучше бы вы лошадей вогнали за городскую стѣну.“ Два дня карабкались мы по горамъ, почти безъ корму; я радъ былъ, что нашелъ близь города немного травы, поѣхалъ на отведенную мнѣ квартиру и заснулъ, какъ убитый. Часовъ въ шесть утра пришелъ вѣстовой отъ князя: требуетъ меня къ себѣ

какъ можно скорѣе. Пріѣдя въ пріемную залу, я увидѣлъ кн. Абхазова посреди множества армянъ и нѣсколькихъ офицеровъ. Онъ пошелъ со мною въ кабинетъ.

— Гдѣ табунъ вашъ? пріѣзжалъ кто съ рапортомъ? что, все благополучно?

— Нѣтъ еще, но сейчасъ долженъ быть.

— Сейчасъ долженъ быть! Персіяне ночью отбили около Чинакшіе (штабъ-квартира егерскаго полка) скотъ и лошадей, а это подъ тою мѣстностью, гдѣ вы расположили табунъ. Узнайте, не было ли тревоги у васъ, да не говорите ни съ кѣмъ здѣсь.

Съ улыбающимся лицомъ онъ вошелъ въ залу къ встревоженному собранію, а я за нимъ, какъ встрепанный, и—бѣгомъ по дорогѣ къ табуну. Къ счастью, я скоро увидѣлъ ѣдущихъ полемъ двухъ казаковъ съ моею осѣдланною лошадью. Я невольно перекрестился: значитъ, все благополучно! Разспросивъ урядника, я побѣжалъ успокоить Абхазова. Опасеніе князя было справедливо. Дѣло въ томъ, что съ горной мѣстности, гдѣ расположился табунъ, шла дорога внизъ по оврагу, въ долину; у самаго спуска дороги персіяне отбили скотъ и лошадей армянской деревни, слѣдственно перешли за большую дорогу изъ Елизаветполя въ Шушу, по которой я шелъ. Ясно, что они знали о гонѣ большого табуна, и, не распорядись генералъ повести меня горами, я бы попалъ съ табуномъ въ руки персіянъ; а еслибы они знали, что табунъ наверху и что къ нему по оврагу идетъ торная дорога, конечно попытались бы угнать его; но онъ, усталый, такъ покойно спалъ, что не далъ знать о себѣ—и бѣда прошла мимо. А плохое вышло бы дѣло, еслибы съ нетерпѣніемъ ожидаемый ремонтъ въ своихъ предѣлахъ былъ бы отбитъ. Но, Богъ милостивъ, всегда былъ милостивъ ко мнѣ!

Давши отдохнуть сутки, князь отправилъ меня далѣе.

Вмѣстѣ со мной шли маркитанты, аптечныя снадобья и нѣсколько офицеровъ, ѣхавшихъ къ своимъ мѣстамъ, почему была дана рота егерей въ конвой.

Когда я привелъ ремонтъ къ дѣйствующимъ войскамъ, военныя дѣйствія были въ слѣдующемъ положеніи: генералъ Паскевичъ расположилъ войска въ Карабабѣ, но, получивъ извѣстіе о неудачномъ дѣлѣ генерала Красовскаго съ персіянами въ эриванскомъ ханствѣ, поспѣшилъ съ частью войскъ туда, оставивъ въ Карабабѣ генералъ-лейтенанта князя Эристова, съ достаточными силами. Въ Карабабѣ я нашелъ двѣ батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады—1-ю батарейную и 3-ю легкую, въ которой я состоялъ. Всю дорогу отъ Шуши до прибытія къ войскамъ я чувствовалъ себя крѣпко нездоровымъ: купанье въ шахъ-булахскомъ бассейнѣ и потомъ гулянье по горамъ надломили меня. Прибывъ, я явился бригадному командиру полковнику Долгово-Сабурову, который объявилъ мнѣ, что генералъ-адъютантъ Сипягинъ писалъ главнокомандующему объ успѣшномъ исполненіи сдѣланнаго мнѣ порученія, что начальникъ артилеріи весьма этимъ доволенъ и приказалъ тотчасъ принимать ремонтъ въ батареи и въ паркъ и кончилъ тѣмъ, что назначилъ завтра же разборъ лошадей. На другой день утромъ рано я собрался идти къ помощнику начальника главнаго штаба генералъ-маіору Муравьеву, но чувствовалъ себя такимъ слабымъ, что насилу одѣлся. Голова горѣла; я крѣпился, имѣя одно въ мысляхъ—сдать сегодня ремонтъ; но, увы, только-что я дотащился до палатки Н. Н. Муравьева, какъ онъ спрашиваетъ меня: что съ вами? вы нездоровы? У меня глаза помутились и я зашатался. Николай Николаевичъ приказалъ ординарцу свести меня въ палатку.... Болѣе я ничего не помню. Сильная горячка съ бредомъ уложила меня въ постель. Къ ремонту былъ назначенъ офицеръ, вмѣстѣ съ которымъ сда-

валъ его фейерверкеръ Гайдукъ, и отъ всѣхъ частей я получилъ квитанціи.

Бригадный медикъ разсказывалъ, что онъ тотчасъ пустилъ мнѣ кровь и далъ каломели, а генералъ-штабъ-докторъ Зубовъ, пріѣдя на другой день, приказалъ еще пустить кровь и удвоить порцію каломели. Не смотря, однако, на эти сильныя средства, десять дней доктора сомнѣвались въ выздоровленіи, но тутъ открылся у меня геморой и я былъ спасенъ. Отъ ужасной жары въ долинѣ Аракса, при осадѣ кр. Аббасъ-Абада, люди болѣли разстройствомъ желудка и смертность была большая. Транспортный скотъ отъ безкормицы (всю траву выжгло) падалъ, лошади всѣ изнурились и много пало. Когда, послѣ взятія крѣпости, главнокомандующій перевелъ войска въ Карабабу, у подошвы горъ, гдѣ мѣстность съ высокою травою, казалось, обѣщала прохладу и возрожденіе силъ, жители говорили, что „Московичъ“—такъ они называли главнокомандующаго —измѣняетъ Государю и что онъ, вѣрно, другъ шаха, что поставилъ войско въ Карабабу, самое нездоровое мѣсто. И дѣйствительно, люди болѣли и умирали, какъ мухи. Жара была нестерпимая, ежедневно слишкомъ 40° по Реомюру; нигдѣ нельзя было найти прохлады. Съ прибытіемъ войскъ въ Карабабу, вся зелень скоро исчезла и голая, раскаленная земля жгла подошвы. Нашъ бригадный командиръ, правда, никогда не имѣлъ репутаціи хладнокровнаго человѣка, но однажды выходка его разсмѣшила лагерь. Часу въ первомъ дня, когда солнце стояло прямо надъ головами на лазуревомъ безоблачномъ небѣ, Ѳ. П. вдругъ выскакиваетъ изъ палатки съ костылемъ въ рукахъ, въ одной рубашкѣ, сбрасываетъ съ себя фуражку на земь и кричитъ: „нà, жги, красное, жги!“.... Не вмочь, ужъ видно, припекло! Свѣжаго хлѣба нѣтъ. Сухари часто попадались съ плѣсенью, кашица съ мясомъ надоѣла и только раздувала

животы. Офицерство питалось чаемъ; никакого разнообразія въ пищѣ; а солнце постоянно жжетъ. Мухи, разведшіяся отъ падали, не давали покоя: съ каждымъ кускомъ пищи, съ каждымъ глоткомъ чая врывались десятками въ ротъ. Вечеромъ бросимся на постель, думая въ забытьи отдохнуть—видишь, какъ фаланги снуютъ внутри палатки, какъ тарантулы вылѣзаютъ изъ норокъ и какъ змѣя, проползая въ палатку, норовитъ свернуться клубкомъ подъ подушку или поближе къ тебѣ, подъ одѣяло. Вообразите пріятность такого положенія и присовокупите къ нему множество заболѣвающихъ кругомъ васъ, а всякаго заболѣвающаго считали погибшимъ—такъ мало выздоравливало. Надо полагать, что и у главнокомандующаго было не легко на сердцѣ. Раздражительность характера усиливалась зноемъ, и потому всѣмъ окружающимъ, а въ особенности докторамъ, было тяжелое время. Онъ требовалъ отъ нихъ, казалось, невозможнаго—чтобы люди не болѣли! И когда мысли, гнѣздившіяся въ головѣ его, казалось, не могли выработать средства помочь горю, вдругъ отъ тренія ихъ одна о другую блеснула искра—свѣтлая мысль: Паскевичъ разослалъ по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ увѣдомленіе, что въ лагерѣ ежедневно будутъ базары, съ приказаніемъ жителямъ приносить всякіе жизненные припасы; платить будутъ хорошо. И ожилъ лагерь! Съ ранняго утра стекались жители, причемъ главный продуктъ, приносимый ими, было неопрятнѣйшее кислое молоко въ бурдюкахъ! Это прохладительное, но дешевизнѣ доступное для всѣхъ, остановило разстройство желудка и лихорадку, и еще до отбытія своего изъ лагеря Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ могъ видѣть благодѣтельное дѣйствіе своей мысли. Но если мало заболѣвало вновь, то множество больныхъ не скоро выздоравливало и, хотя смертность поуменьшилась, больныхъ все-таки было много.

Получивъ донесеніе о неудачномъ дѣлѣ генерала Красовскаго съ Аббасъ-Мирзою при ур. Аштаракъ, генералъ Паскевичъ поспѣшилъ въ эриванское ханство, оставивъ генералъ-лейтенанта князя Эристова съ достаточнымъ числомъ войскъ въ Карабабѣ. Черезъ нѣсколько дней по уходѣ главнокомандующаго я привелъ ремонтъ и, какъ сказалъ выше, слегъ, опасно заболѣвъ; но добрая натура моя спасла меня отъ почти общей участи заболѣвающихъ—быть въ молодыхъ лѣтахъ уложеннымъ въ землю на чужой сторонѣ. Пролежавъ въ горячечной безпамятности дней десять, я очнулся. Моментъ выздоровленія моего мнѣ очень памятенъ. Часовъ въ семь утра я открылъ глаза, повелъ ихъ кругомъ по палаткѣ, вижу—у изголовья моей кровати сидитъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ, истощеннымъ лицомъ, въ какомъ-то сѣренькомъ халатикѣ, опахаломъ изъ перьевъ усердно обмахиваетъ мухъ и съ такой пріятной улыбкой смотритъ на меня, что мнѣ стало какъ-то хорошо.

— Кто ты? спросилъ я.

— Я графъ Коновницынъ, изъ конной роты, пришелъ навѣстить васъ, отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ.

— Но вы сами больны?

— Да, я очень былъ боленъ, какъ и вы, но вотъ поправляюсь, и докторъ мнѣ сегодня позволилъ выйти, но только къ вамъ; ужъ я его три дня прошу о томъ.

У меня навернулись слезы, я подалъ ему руку и сказалъ: вы очень добры, графъ!—и помню, что мнѣ было и легко, и пріятно. Это былъ младшій сынъ знаменитаго графа Коновницына, одного изъ сонма героевъ **1812** года. Старшій братъ, Петръ, по кличкѣ товарищей *Петруханъ*, былъ разжалованъ за 14-е декабря; младшій, тогда артилерійскій прапорщикъ, пришелъ къ намъ съ конною ротою Костыря. Вскорѣ пришелъ докторъ съ фельдшеромъ и солдатъ, котораго Коновницынъ занялъ мѣсто. Докторъ, ви-

димо, былъ доволенъ. „Посадите меня скорѣе, посадите!“ повторялъ я. Когда меня, поддерживая, посадили, открывшійся геморой брызнулъ такимъ источникомъ, что со мною отъ изнеможенія сдѣлался обморокъ—это былъ переломъ болѣзни и начало выздоровленія. Я всегда съ умиленіемъ вспоминалъ объ этомъ посѣщеніи хвораго, еле двигавшагося, къ больному въ безпамятствѣ. Хотя доктора и находили выздоровленіе мое натуральнымъ и, конечно, частью приписывали его своему искусству—пускай такъ, я не отнимаю у нихъ, что имъ принадлежитъ—но отчего же именно въ эту минуту долженъ былъ посѣтить меня этотъ ангелъ доброты, незнавшій и не видѣвшій меня никогда? И мое тихое, радостное спокойствіе при взглядѣ на его блѣдное, изнеможенное лицо и невольныя слезы сердечной благодарности, когда я услышалъ слова его? Развѣ это радостное нравственное потрясеніе не могло имѣть благотворнаго вліянія на болѣзнь, вліянія, тутъ же сказавшагося? Если это нравственное потрясеніе не было единственною причиною моего, выздоровленія, то, во всякомъ случаѣ, доктора не отнимутъ у меня вѣры, что оно ускорило благодѣтельный переломъ болѣзни, а потому воспоминаніе о молодомъ Коновницынѣ, сидящемъ съ блѣднымъ, исхудалымъ лицемъ у моего болѣзненнаго одра и отгоняющемъ отъ меня мухъ своею слабою рукою, наполняетъ сердце мое благодарностью.

Вспоминая объ особенностяхъ стоянки войскъ въ Карабабѣ, не могу не разсказать о продѣлкѣ одного маркитанта, пришедшаго со мною въ отрядъ. Вѣроятно, инстинктивно предчувствуя, что въ русскомъ лагерѣ найдется много охотниковъ на гречневую кашу, онъ, въ числѣ прочихъ продуктовъ, привезъ двѣ четверти гречневыхъ крупъ (солдаты получали сарачинское пшено) и началъ продавать по полъ-абазу (10 к.) фунтъ. Но видя, что ее

разбираютъ нарасхватъ, на другой день увеличилъ цѣну до полтины и такъ продалъ одну четверть. Другую пустилъ по рублю за фунтъ и взялъ за двѣ четверти гречневыхъ крупъ до 400 р. Какова спекуляція! Врядъ ли лучшій финансистъ дѣлалъ такіе обороты своими капиталами на биржѣ, какъ этотъ армянинъ. А главное въ томъ, что, по прошествіи трехъ дней, и фунта не осталось.

Вскорѣ нашъ отрядный начальникъ князь Эристовъ получилъ приказаніе отъ главнокомандующаго сняться съ лагеря у Карабабы, перейти черезъ Араксъ, преслѣдовать Аббасъ-Мирзу и стараться разбить его. Я начиналъ поправляться, но былъ еще чрезвычайно слабъ и верхомъ ѣхать не могъ, потому что причина моего выздоровленія продолжалась въ сильной степени; но нашъ бригадный командиръ былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ свои дрожки на весь путь. Мы перешли Араксъ и по дорогѣ къ Хою гнались за персіянами, но Аббасъ-Мирза шелъ скоро и его не догнали. Дойдя до Хоя, войска повернули на дорогу въ Тавризъ, чрезъ городъ Маранду. Тамъ мы дневали и совершенно были увѣрены, что хребетъ горъ, отдѣляющій Маранду отъ Тавриза, а также ущелья, по коимъ идетъ тавризская дорога, будутъ заняты непріятелемъ и что вотъ мы подеремся!

У Миранды ханъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу и въ цвѣтистой рѣчи выразилъ удовольствіе жителей принять давно ожидаемыхъ гостей. Это, вѣрно, пощекотало самолюбіе начальниковъ и не знаю, кто изъ нихъ убѣдилъ князя Эристова войти въ городъ парадомъ, для чего велѣно было людямъ одѣться въ мундиры и вообще прихорошиться. Но солдатъ въ походѣ не очень-то любитъ тормошить свое ранцевое хозяйство и опять его укладывать, а потому это парадное вступленіе въ такъ называемый „городъ,“ видно, не очень нравилось солдатамъ. Проходя мимо одной

пѣхотной роты, солдаты которой развязывали свои ранцы и вынимали, что кому надо, я слышу слѣдующій разговоръ:

— Ну, къ чему этотъ парадъ?

— Какъ къ чему? вишь, городъ покорился, ну—вотъ и парадъ!

— Что тамъ за городъ! вишь, все глиняныя домишки, ни одного высокаго нѣтъ. Городъ нашелъ!....

— Начальство говоритъ городъ, такъ и городъ.

— Городъ! нѣтъ, ты лучше скажи такъ: извѣстно, молъ, что русскій человѣкъ дуракъ—всякому мужику шапку ломаетъ.

Два слова о нашемъ отрядномъ начальникѣ князѣ Григоріѣ Евсеичѣ Эристовѣ. Это былъ храбрый, честный грузинъ, высокаго роста, худой, съ длиннымъ носомъ, длинными волосами съ просѣдью, всегда нечесанными. Тогда было ему около 60-ти лѣтъ. Уваженіе его къ начальникамъ походило на боязнь; но Паскевича онъ дѣйствительно боялся. Когда онъ былъ оставленъ въ Карабабѣ, то Паскевичъ далъ ему въ помощники начальника главнаго штаба, Муравьева, чтобы при случаѣ былъ ему полезенъ добрымъ совѣтомъ, потому что Эристовъ не понималъ и, конечно, не признавалъ никакого военнаго искусства; онъ зналъ одно: надо бить непріятеля! Вотъ онъ и гнался за Аббасъ-Мирзой, но, добѣжавъ до Маранды и увидѣвъ, что наслѣдникъ шахскаго престола скрылся за высокимъ хребтомъ горъ, князь усумнился идти въ Адзербейджанъ, опасаясь получить отъ Паскевича выговоръ, что такъ далеко углубился въ Персію. А, перейдя хребетъ горъ, придется взять Тавризъ—бѣда да и только! Паскевичъ заругаетъ, того смотри и прибьетъ; нѣтъ, лучше останусь въ Марандѣ. Таковъ, вѣроятно, былъ ходъ мыслей этого почтеннаго, храбраго грузина. Но не таковъ былъ расчетъ генералъ-маіора Муравьева и еще нѣкоторыхъ начальниковъ: имъ хотѣлось

взять Тавризъ безъ главнокомандующаго. Когда князь высказалъ свое мнѣніе, чтобы остаться, впредь до полученія приказаній отъ главнокомандующаго, въ Марандѣ, Н. Н. Муравьевъ, генералъ-маіоръ Панкратьевъ, командиръ 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи полковникъ Поповъ, командиръ Херсонскаго гренадерскаго полка и, кажется, баронъ Остенъ-Сакенъ пошли къ князю Эристову, чтобы уговорить его идти и взять Тавризъ. Это было послѣ обѣда, на дневкѣ, на другой день по взятіи Маранды. Собиралась непогода, вѣтеръ бушевалъ сильно и срывалъ палатки; черныя тучи скоплялись надъ лагеремъ и, покуда они въ палаткѣ отряднаго начальника уговаривали его двинуться на Тавризъ, а онъ старался доказать совѣтникамъ, что Паскевичъ разсердится и имъ всѣмъ будетъ плохо—разразилась ужасная гроза. Вдругъ изъ палатки выбѣгаетъ князь и кричитъ: „не хочу, дядька!“ за нимъ—совѣтники, стараясь удержать его..... Молнія освѣтила эту сцену. Старикъ грузинъ съ непокрытою головою, съ развѣвающимися отъ вѣтра волосами, крича „не хочу, дядька,“ и совѣтники, почти силою старающіеся ввести его въ палатку! Ужасный раскатъ грома, яркая молнія и ливень прогнали всѣхъ въ палатку. Видно, докучливые, частые совѣты надоѣли старику, что онъ вышелъ изъ себя; но, не смотря на крѣпкое сопротивленіе его, мы все-таки пошли впередъ: вѣрно, совѣтники тронули какую нибудь благородную струну храбраго грузина. Проходя ущелье высокихъ горъ и подымаясь на перевалъ, мы удивлялись, какъ персіяне, имѣя 25 тысячъ войска, не защищали этого прохода къ резиденціи наслѣдника, Тавризу. Положимъ, что мы бы сбили ихъ съ этой крѣпкой позиціи, но все-таки стыдно отдавать ее безъ схватки. Стыдно? Вотъ этого чувства и нѣтъ на Востокѣ!

Только-что мы тронулись съ послѣдняго ночлега, чтобы идти къ Тавризу, какъ увидѣли великолѣпный поѣздъ,

ѣдущій намъ на встрѣчу. Это былъ сэръ Макдональдъ, резидентъ англійскаго Двора при Аббасъ-Мирзѣ. Въ довольно значительной свитѣ его виднѣлись красные мундиры, и разнообразная пестрота одежды восточныхъ народовъ при солнечномъ сіяніи была довольно эффектна; особенно отличались пестротою цвѣтовъ и перьями смуглые индійцы. Онъ объявилъ намъ, что Тавризъ сдается, что Аббасъ-Мирза съ войскомъ оставилъ городъ и зять его, Беглеръ-бей, (военный губернаторъ) самъ вынесетъ намъ ключи города, причемъ Макдональдъ просилъ пощадить городъ. Когда эту рѣчь, начатую на французскомъ и конченную на англійскомъ языкѣ (потому что г.-м. Муравьевъ въ началѣ рѣчи сдѣлалъ вопросъ на англійскомъ языкѣ), перевели князю Эристову, онъ спросилъ: „А саманъ есть?“ [9]) Передали ли этотъ вопросъ Макдональду—не знаю и сомнѣваюсь; но что онъ былъ сдѣланъ—это точно. И въ радостномъ настроеніи духа, что найденъ въ Тавризѣ саманъ, мы продолжали шествіе наше, какъ бы предчувствуя, что пьеса идетъ къ окончанію и что бить персіянъ болѣе не будемъ!

(Продолженіе будетъ).

[9]) Саманъ есть протертая солома, остающаяся отъ восточной молотьбы; саманомъ, по недостатку сѣна, мы кормили лошадей и скотъ.

СЛУЖБА АРТИЛЕРІЙСКАГО ОФИЦЕРА,

воспитывавшагося въ I кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 году.

(Продолженіе).

VII.

Занятіе Тавриза. Посѣщеніе дворца Аббасъ-Мирзы. Разочарованіе или непризнанный подвигъ. Успокоенное самолюбіе. Уничтоженіе порохового завода. Занятіе Хоя. Встрѣча Аббасъ-Мирзы. Крѣпость Хой. Разговоръ мой съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ. Переговоры о мирѣ. Понятія персіянъ о воинской подчиненности. За рубль—денежку. Прапорщикъ-евнухъ. Контрибуціонное золото. Болѣзнь и смерть начальника артилеріи. Житье въ Хоѣ. Квартира. Базаръ. Бой пѣтуховъ. Бой барановъ. Русскіе бѣглецы. Нравственность Востока. Амиръ-Асланъ-ханъ хойскій. Посѣщеніе хана. Офицерскій кружокъ. Знакомство съ персидскимъ артилерійскимъ офицеромъ. Посѣщеніе мною персидскаго семейства. Предусмотрительность персидскаго воина. Еще артилерійскій офицеръ. Генералъ Панкратьевъ. Пари. Переселеніе армянъ. Арестъ Амиръ-Асланъ-хана. Восточная привѣтливость. Пріемъ контрибуціоннаго золота. Законъ о сердцѣ. Мой отъѣздъ изъ Персіи и прибытіе къ дѣйствующимъ войскамъ въ Турціи. Въ дорогѣ. Представляюсь начальнику артилеріи. Командую батарейною № 1 ротою. Выгода командованія арсеналомъ. Ужинъ въ Хоѣ.

Приближаясь къ Тавризу, мы увидѣли сплошную массу народа, стоявшаго версты на три отъ города по обѣ стороны дороги, по которой медленно подъѣзжалъ къ намъ беглеръ-бей съ огромной свитой. Преклоня голову, онъ передалъ ключи города отрядному начальнику князю Эристову. Въ эту минуту, кажется, старикъ помирился съ дядьками!... Огромную, пеструю свиту беглеръ-бея трудно было свернуть въ сторону. Кавалерійскій отрядъ выѣхалъ впередъ, князь, указавъ персіянину ѣхать подлѣ себя, тронулся впередъ—и началось цере-

моніальнымъ маршемъ торжественное шествіе съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Народъ кланялся до земли, подымалъ руки то къ небу, то къ сердцу, кричалъ что-то про Аллаха и справа и слѣва, при приближеніи князя Эристова, рѣзалъ барановъ, какъ жертвоприношеніе. Чуть ли не до ста штукъ было зарѣзано на этихъ двухъ верстахъ. Пройдя мимо дворца Аббасъ-Мирзы, называемаго „Аркъ“ и окруженнаго каменною стѣною, мы расположились лагеремъ.

Отдохнувъ немного, я пошелъ съ товарищемъ въ городъ, гдѣ мы встрѣтили много офицеровъ и солдатъ, расхаживающихъ по лавкамъ и узкимъ улицамъ съ такою беззаботностью, какъ будто они были въ калужской губерніи. Проходя близь дворца, мы вошли въ него и увидѣли тамъ князя Эристова и много генераловъ, разсматривавшихъ жилище наслѣдника персидскаго престола. Тутъ подошелъ ко мнѣ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ и, поздоровавшись, разсказалъ, что Эристовъ въ восторженномъ настроеніи отъ взятія Тавриза, считаетъ себя чуть ли не выше Цезаря и, разговаривая съ нимъ, вдругъ спросилъ:

— А что, братъ, Паскевичъ будетъ доволенъ?

— Не знаю—отвѣчалъ Грибоѣдовъ—это еще посмотримъ.

— Ничего, братъ! Тавризъ взялъ, шахъ-зада прогналъ! А что, братъ, какъ ты думаешь, что скажетъ Европа?

— Э, ваше сіятельство! Европа не Катерина Акакіевна [1]); она мало заботится о Тавризѣ и кто его взялъ, отвѣчалъ Грибоѣдовъ.

Дворецъ довольно обширный, залы двѣ просторныя, одна небольшая комната съ широкими диванами, стѣны и потолокъ зеркальные—chambre des ébats lubriques, goût oriental; видѣли комнату, въ которой, сидя у растворенаго окна, Аббасъ-Мирза давалъ аудіенціи, а также судъ и расправу; окно обра-

[1]) Полковница, вдова, жившая въ Тифлисѣ съ занятія Грузіи русскими и всегда игравшая съ княземъ Эристовымъ въ бостонъ; извѣстная говорунья.

щено на четырехъ-угольный дворъ, вымощенный мраморомъ; въ срединѣ его бассейнъ. Вообще дворецъ чистенькій, внутри много пестрыхъ арабесковъ, много мрамора и воды.

Старикъ Эристовъ гулялъ по комнатѣ, точно хозяинъ, показывающій гостямъ свое родовое, имъ улучшенное имѣніе. Но, увы, разочарованіе уже слѣдило по пятамъ почтеннаго князя, и восторженное настроеніе духа должно было скоро, скоро уступить мѣсто какой-то ребяческой, чтобъ не сказать одурѣлой боязни гнѣва главнокомандующаго [2]). Вотъ въ чемъ дѣло. Когда мы вошли въ Маранду, наши начальники узнали о взятіи Эривани, 1-го октября, и расчитывали, что генералъ Паскевичъ, не имѣя свѣдѣній о томъ, что дѣлается по лѣвую сторону Аракса, поспѣшитъ переправиться на правый берегъ, чтобы соединиться съ отрядомъ князя Эристова и быть единымъ дѣятелемъ на военномъ поприщѣ. Заключеніе это было безошибочно, и потому совѣтники или, какъ называлъ ихъ старикъ въ минуту негодованія—„дядьки“—постарались уговорить князя идти поспѣшнѣе на Тавризъ, опасаясь вскорѣ получить отъ главнокомандующаго повелѣніе остановиться. Дѣйствительно, пріѣхалъ курьеръ съ повелѣніемъ остановиться, но повелѣніе опоздало: Тавризъ былъ взятъ, притомъ Эристовымъ, а не Паскевичемъ, который долженъ былъ удовольствоваться наименованіемъ „Эриванскаго,“ а не „Тавризскаго,“ что̀ ему крѣпко желалось, какъ нѣкоторые утверждали. Когда Паскевичъ прочелъ донесеніе о взятіи Тавриза, онъ ужъ былъ въ Марандѣ и страшно разсердился за самовольный подвигъ. Генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ, управляющій штабомъ главнокомандующаго, разсказывалъ г.-м. Панкратьеву, что онъ никогда не видѣлъ его болѣе разгнѣваннымъ. Перейдя хребетъ горъ, главнокомандующій приказалъ г.-м. Муравьеву явиться къ нему. Муравьевъ поѣхалъ; тутъ была головомойка à la Паскевичъ, т. е. съ раздраженіемъ, не терпящая противорѣчія

[2]) Все тутъ разсказанное я знаю отъ Н. Н. Муравьева и Никиты Петровича Панкратьева.

и повторяющая: „какъ вы смѣли?!“ Когда Муравьевъ, достаточно награжденный, былъ отпущенъ и сердце Ивана Ѳеодоровича немного улеглось, генералъ Сухтеленъ, человѣкъ придворный и, какъ видно, разсудительный и находчивый, бросилъ главнокомандующему слѣдующую фразу: „впрочемъ, ваше высокопревосходительство, отрядъ генерала князя Эристова —вашъ авангардъ, который дѣйствуетъ по вашимъ распоряженіямъ, исполняетъ ваши повелѣнія; и если онъ воспользовался отсутствіемъ непріятеля и занялъ Тавризъ, то это было только слѣдствіемъ вашихъ распоряженій.“ Главнокомандующій успокоился, но ключи и торжественность вступленія въ Тавризъ Эристова, видно, все-таки лежали на сердцѣ, и потому было приказано: возвратить ключи беглеръ-бею, чтобы при торжественномъ вступленіи главнокомандующаго онъ вручилъ ихъ ему, затѣмъ, чтобы нашъ отрядъ стоялъ при проходѣ войскъ на одной сторонѣ дороги, а народъ на другой. Такъ все и было. Шествіе было великолѣпное и продолжительное; наши войска отдавали честь, музыка играла, барабаны били; а на другой сторонѣ народъ кричалъ, поднималъ руки, кланялся въ поясъ и въ землю и принесъ въ жертву уже не однихъ барановъ, но и съ десятокъ быковъ. Потомъ былъ всему войску церковный парадъ и торжественное молебствіе за взятіе Тавриза. Но князь Эристовъ, не даромъ предчувствовавшій гнѣвъ главнокомандующаго, получивъ отъ Государя орденъ Александра Невскаго, былъ скоро назначенъ начальникомъ войскъ въ Дагестанѣ и тѣмъ заключилъ свое военное поприще, а генералъ Муравьевъ, кажется, съ этихъ поръ потерялъ расположеніе Ивана Ѳеодоровича. И самый лучшій человѣкъ, все-таки человѣкъ, а человѣкъ имѣетъ свои слабости. А потому не будемъ ставить въ укоръ нашему счастливому полководцу, что, высокая, прямая душа его поддалась мелочному самолюбію и не забудемъ, что, принявъ начальство послѣ Алексѣя Петровича Ермолова, онъ всюду думалъ видѣть око-

ло себя интриги, и потому былъ раздражителенъ. La part de l'homme!

По взятіи Тавриза, г.-м. Муравьевъ поручилъ мнѣ описать и уничтожить имѣющійся тутъ пороховой заводъ. Хотя я узналъ отъ главнаго мастера и другихъ рабочихъ, что заводомъ управлялъ англичанинъ, но онъ не явился, вѣроятно потому, что нечѣмъ было похвастать, ибо порохъ былъ нехорошъ—зерна легко раздавливались пальцами; видно, работы производились не тщательно, но спѣшно. Лучшее что̀ я нашелъ въ заводѣ, это были два огромные бѣлые лебедя, которыхъ я послалъ съ фейерверкеромъ въ Аркъ—дворецъ Аббасъ-Мирзы, въ коемъ жилъ Паскевичъ—пустить ихъ въ большой бассейнъ на мраморномъ дворѣ. Какъ только два артилериста пустили ихъ въ бассейнъ, главнокомандующій вышелъ изъ комнатъ: „Откуда лебеди?“—Съ порохового завода, ваше высокопревосходительство. — „Хорошо, спасибо!“ и, обернувшись къ адъютанту, приказалъ дать имъ по червонцу.

Вскорѣ по прибытіи главнокомандующаго въ Тавризъ завязались сношенія съ Аббасъ-Мирзою, который просилъ свиданія съ Паскевичемъ и предлагалъ для этого свой дворецъ въ Дейкарганѣ, невдалекѣ отъ озера Урміи. Генералъ согласился. Въ началѣ ноября, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Константина Бенкендорфа, былъ собранъ отрядъ войскъ для занятія крѣпости Хой. Отрядъ этотъ состоялъ изъ полковъ: Козловскаго и Нашебургскаго, 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи—командиръ г.-м. Панкратьевъ [3])—легкой № 3 роты кавказской гренадерской артилерійской бригады, четырехъ орудій 2-й легкой роты и казацкаго донского полка. Аббасъ-Мирза, стоявшій близъ озера Урміи, къ сторонѣ Делимана, узнавъ, что при проѣздѣ его въ Дейкарганъ, на переговоры, онъ долженъ встрѣтить войска, идущія для занятія Хоя, просилъ д. с. с. Обрѣзкова, главнаго дипломатическаго чиновника,

[3]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и варшавскій генералъ-губернаторъ.

чтобъ, при встрѣчѣ съ русскими войсками, ему отдали честь и стрѣляли изъ пушекъ. Главнокомандующій тотчасъ приказалъ удовлетворить щекотливое самолюбіе наслѣдника шахскаго престола. Между тѣмъ отрядъ г.-л. Бенкендорфа выступилъ по дорогѣ къ кр. Хою. Погода стояла прекрасная, теплое солнце гуляло по безоблачному лазоревому небу, дорога шла по ровной долинѣ до горъ Казахъ-дагъ, за хребтомъ которыхъ лежала крѣпость Хой. На другой день по выступленіи изъ Тавриза, въ д. Диза, къ г. Бенкендорфу пріѣхалъ посланный отъ Обрѣзкова съ извѣстіемъ, что Аббасъ-Мирза ѣдетъ. Войска выстроились въ одну линію; артилерія между полками, казаки на лѣвомъ флангѣ. Когда поѣздъ сталъ приближаться, артилерія снялась съ передковъ и мы сдѣлали 51 выстрѣлъ. Еще счетъ не былъ конченъ, какъ шахъ-зада подъѣхалъ къ правому флангу и остановился. Артилерія замолкла, войска отдали честь, барабаны забили, музыка заиграла. Довольный принцъ, весело улыбаясь, поѣхалъ по фронту. У каждаго баталіона онъ говорилъ порусски: „здравствуйте, ребята!“ Подъѣхавъ къ артилеріи, онъ остановился. Я стоялъ у банника подлѣ перваго орудія; подлѣ меня—командиръ роты подполковникъ Аристовъ, маленькій, толстый человѣкъ, верхомъ. Аббасъ-Мирза былъ въ двухъ шагахъ предо мною. Онъ сидѣлъ на высокой сѣрой лошади, одѣтъ былъ просто—никакихъ яркихъ цвѣтовъ въ одеждѣ, въ папахѣ; на поясѣ—кривая сабля; лѣвою рукою держалъ уздечку, въ правой—полу-аршинную серебряную палочку, сверху которой изображеніе луны; этой палочкой довольно часто чесалъ себѣ шею. Черная, длинная, окладистая борода; физіономія порядочнаго, добраго человѣка. Обернувшись къ г. Бенкендорфу онъ говоритъ черезъ переводчика: „у васъ артилерія очень хороша; мои персіяне никогда не будутъ хорошими артилеристами—они горячія головы, у нихъ нѣтъ спокойствія.“ Затѣмъ, указывая палкой на подполковника Аристова—„вотъ и у васъ, какъ у меня, всѣ

командиры артилерійскихъ батарей толстые; вѣрно, имъ хорошо жить!“—и тронулся дальше.

Съ этого ночлега отрядъ нашъ раздѣлился: половина пошла въ кр. Хой, а другая заняла Делиманъ и Урмію; я съ четырьмя орудіями нашей роты пошелъ въ Хой, гдѣ была квартира отряднаго командира. Городъ оказался изрядный, съ большимъ базаромъ и множествомъ лавокъ; крѣпость въ жалкомъ состояніи. Здѣсь Аббасъ-Мирза расположилъ сформированный имъ русскій баталіонъ изъ бѣглыхъ солдатъ, переженивъ ихъ всѣхъ на армянкахъ. Генералъ-маіоръ Панкратьевъ пошелъ для занятія Делимана и г. Урміи. Устроивъ тамъ все какъ слѣдовало, онъ вернулся въ Хой и, по отъѣздѣ г.-л. Бенкендорфа, принялъ начальство надъ отрядомъ. На другой день по занятіи Хоя г. Бенкендорфъ приказалъ мнѣ придти къ себѣ и, отдавъ мнѣ приказаніе осмотрѣть арсеналъ и подать ему краткую записку о томъ, что тамъ находится, спросилъ меня понѣмецки: „Wie kommt's, dass Sie hier dienen?“—Ich diente in Petersburg und bat den Grossfürsten übergeführt zu werden nach dem Caukasischen Corps.—„Also eigener Wille Sie haben keine dummen Streiche gemacht?“

— Sehe ich danach aus, Excellenz?—„Nein, im Gegentheil, darum kommt's mir sonderbar vor, dass Sie hier dienen. Ich werde Ihnen einen guten Rath geben: nehmen Sie Urlaub, fahren Sie nach Petersburg, besuchen Sie meinen Bruder, und sagen Sie ihm, dass ich ihn bitte, Ihnen einen guten Platz in Petersburg zu geben,—er wird's thun und Sie werden es besser haben, als hier.“

— Danke Ihnen recht sehr Excellenz, aber ich will nicht in Petersburg dienen, ich will suchen mich hier im beständigen Kriege emporzuhelfen!—„Nach Ihrem Willen,“ сказалъ генералъ и тѣмъ кончилъ разговоръ.

Но при отъѣздѣ его, когда мы пришли къ нему проститься, онъ, обходя съ Панкратьевымъ гг. офицеровъ, подошелъ ко

мнѣ и сказалъ: „Haben Sie überdacht von was wir sprachen? Ich werde doch an meinem Bruder schreiben?“ Я поклонился и поблагодарилъ его, но остался при своемъ, предложенія его не принялъ и, бывши послѣ турецкой кампаніи въ Петербургѣ, къ брату его не пошелъ. Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ былъ младшій братъ шефа жандармовъ Александра Бенкендорфа. Это былъ настоящій Баярдъ—храбръ, добръ, веселъ, привѣтливъ, любимъ всѣми окружающими. Разсказывали, что когда онъ, командуя въ началѣ кампаніи авангардомъ, вступилъ въ эриванское ханство, то масса персидской кавалеріи тѣснила сотни донцовъ. Онъ подъѣхалъ къ черноморцамъ и впереди ихъ, съ пикою въ рукѣ, бросился на персіянъ, смялъ ихъ, гналъ и кололъ, такъ что черноморцы говорили: „О, це якій! то изъ нашихъ; а казалы, що съ Питербурха!“ Не долго жилъ—умеръ въ турецкую кампанію.

И, вотъ, мы зажили въ Хоѣ на долгое время, зажили точно у себя дома, гуляли и ѣздили по Персіи, какъ по своей странѣ, пожалуй, чуть ли не привольнѣе.

Послѣ свиданія въ Дейкарганѣ, дипломаты сошлись въ Туркманчаѣ для трактованія о мирѣ. Между тѣмъ главнокомандующій выслалъ отрядъ по дорогѣ къ Тегерану, столицѣ шаха, въ селеніе Міаны [*]), къ подошвѣ Кафланъ-куха. Если-бы генералъ Паскевичъ тотчасъ поддался настояніямъ Государя о скорѣйшемъ заключеніи мира (ибо тогда предвидѣлся уже разрывъ съ Турціею) и, въ случаѣ упорства персіянъ выплатить военныя издержки, довольствоваться присоединеніемъ къ Имперіи двухъ ханствъ—эриванскаго и нахичеванскаго, т. е. съ границею по Араксу, то не видать бы намъ персидскаго золота. Но Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ, очень хорошо зная, что не легко убѣдить шаха разстаться съ накопленными сокровищами, не показывалъ большого желанія къ за-

*) С. Міана извѣстно ядовитыми клопами, которые, какъ говорятъ, для туземцевъ не опасны, но иностранцы отъ укушенія такого клопа умираютъ. Разсказывали, что одинъ изъ нашихъ нижегородскихъ драгунъ умеръ отъ укушенія клопа.

ключенію скораго мира; напротивъ, въ половинѣ декабря, когда Аббасъ-Мирза уже крѣпко заупрямился, онъ приказалъ прервать переговоры и отдалъ приказъ быть готовымъ къ выступленію. Но такъ какъ снѣгъ на дорогѣ, въ горахъ, лежалъ глубокій, то приказано было дѣлать треугольники для очищенія снѣга. А когда, чрезъ нѣсколько дней, какъ отъ Тавриза, такъ и отъ Міаны дорогу на гору стали очищать, испуганные персіяне согласились на всѣ требованія, и такимъ образомъ намъ достались два ханства и 80 милліоновъ рублей за военныя издержки.

Тутъ можно кстати разсказать случай, показывающій понятія персіянъ о нашей воинской подчиненности. Наивность этихъ понятій доказываетъ между прочимъ шаткость зависимости отдаленныхъ хановъ отъ шаха. Баронъ Отто Розенъ, кавалерійскій дивизіонный генералъ, командовалъ отрядомъ въ Міанѣ. Когда стали расчищать снѣгъ по дорогѣ, то онъ для пробы, хорошо ли артилеріи и обозамъ будетъ идти, приказалъ четыремъ легкимъ орудіямъ и части обоза потянуться въ гору; съ ними пошла рота пѣхоты и нѣсколько казаковъ. Выйдя чрезъ нѣсколько времени къ лагерю и замѣтивъ, что эта команда прошла довольно въ гору, онъ своимъ обычнымъ громкимъ голосомъ и жестомъ руки приказалъ адъютанту вернуть ихъ. Тотъ сѣлъ верхомъ и поскакалъ. Команда вернулась. Множество персіянъ въ разныхъ группахъ смотрѣли на все это. Что же вы думаете, какое они вывели заключеніе изъ этой пробной прогулки? Что главнокомандующій Московичъ, приказалъ войскамъ идти въ Тегеранъ, но что г. Розенъ разсердился и вернулъ ихъ. Такъ и доложили шаху. Вы думаете, вамъ разсказываютъ изъ „не любо—не слушай, а лгать не мѣшай“—ошибаетесь! Когда миръ, 10-го февраля, былъ подписанъ, шахъ просилъ Паскевича прислать къ нему Розена. Иванъ Ѳеодоровичъ, надрываясь со смѣху, трунилъ надъ Розеномъ и, кажется, поздравивши съ новрузомъ (новый годъ

помусульмански, въ мартѣ), послалъ его къ Фетъ-Али-шаху, который принялъ его чрезвычайно радушно, благодарилъ за *приверженность къ его особѣ,* крѣпко надарилъ его, по азіятскому обычаю, и возложилъ на него орденъ Льва и Солнца 1 ст., такъ изукрашенный крупными брилліантами, что и орденъ Паскевича былъ менѣе цѣнный.

Къ новрузу контрибуціонное золото уже было въ дорогѣ; по послѣднему извѣстію, оно прошло уже Казвинъ и Султанію и приближалось къ Кафланъ-куху. Главнокомандующій былъ въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа, и было отчего: кампанія кончена блистательно, взято два ханства, установлена прочная граница—р. Араксъ, потеря людей не весьма значительна (12 т., изъ коихъ на полѣ битвъ менѣе одной тысячи, прочіе—отъ болѣзней, въ госпиталяхъ), и 80 милліоновъ золотомъ уже везутъ, уже приближаются къ нашимъ карманамъ. Какъ не быть въ хорошемъ расположеніи духа?

— Надо потѣшить шаха—я пошлю его поздравить съ новымъ годомъ! сказалъ Паскевичъ.

— По восточному обычаю, при поздравленіи долженъ быть подарокъ, сказалъ Обрѣзковъ.

— Что ему послать? У насъ ничего нѣтъ.

— Пошлите ему червонцевъ, тысячъ десять—это будетъ пріятно шаху.

— Хорошо—сказалъ Иванъ Ѳеодоровичъ улыбнувшись—но десять тысячъ много, я пошлю ему пять тысячъ червонцевъ, и все новенькими.

Шахъ былъ чрезвычайно доволенъ поздравленіемъ, а болѣе подаркомъ. Онъ пересчитывалъ новенькіе голландскіе червонцы, ставилъ ихъ въ кучки, перетиралъ потускнѣвшіе и любовался ихъ отчетливою чеканкою. Однимъ словомъ, Паскевичъ, взявъ у скупого старика 20 куруровъ золотомъ, угодилъ ему 5-ю тысячами червонцевъ!

Объ удовольствіи шаха при полученіи подарка мы узна-

ли отъ его казначея, бывшаго прапорщика Троицкаго пѣхотнаго полка, взятаго въ плѣнъ при нападеніи цѣлой арміи персіянъ на баталіонъ того полка въ карабахскихъ горахъ. Котляревскій отплатилъ имъ за это подъ Асландузомъ. Плѣнныхъ привели въ Тегеранъ къ шаху; физіономія молодого офицера понравилась шаху, онъ оставилъ его съ нѣсколькими другими во дворцѣ и, по врожденной недовѣрчивости къ своимъ, сдѣлалъ его казнодаромъ или, по нашему, своимъ казначеемъ. Чтобы совершенно привязать его къ себѣ и совсѣмъ отстранить отъ свѣта, онъ уговорилъ его оскопить себя. И сдѣлался прапорщикъ Троицкаго полка евнухомъ, казнодаромъ, значительнымъ человѣкомъ при дворѣ и частымъ собесѣдникомъ Фетъ-Али-шаха. Но когда русскіе плѣнные, согласно конвенціи, были выданы, и ему захотѣлось вернуться въ отечество. Онъ былъ назначенъ въ одинъ изъ полковъ нашего хойскаго отряда, и тутъ я его видѣлъ. Желто-блѣдное, впалое лицо, тусклые глаза, волоса уже съ просѣдью; иногда въ бесѣдѣ офицеровъ онъ оживлялся, но обыкновенно былъ молчаливъ. Бѣдному такъ строго оперировали орудіе жизни, что и скрывать нечего было: для малой природной нужды онъ долженъ былъ вставлять трубочку въ тѣло.

Когда контрибуціонное золото привезли—палочки въ $1^1/_2$ четверти длины все туманнаго золота, выше нашего червоннаго—и 16 куруровъ, т. е. 64 милліона были приняты, войска, въ началѣ апрѣля, выступили изъ Персіи, а для полученія остальныхъ 16-ти милліоновъ былъ оставленъ въ кр. Хой нашъ отрядъ, подъ начальствомъ генерала Панкратьева.

По прибытіи главныхъ войскъ въ Тавризъ, я пошелъ къ начальнику артилеріи, но, увы, засталъ генерала Унтильe въ жестокой лихорадкѣ, захваченной имъ въ Эривани. Онъ благодарилъ меня за хорошее исполненіе порученія и сказалъ, что главнокомандующій охотно согласился, чтобы я тотчасъ былъ представленъ къ чину капитана. Но скоро этотъ почтенный

человѣкъ слегъ совершенно, и Иванъ Ѳеодоровичъ уговорилъ его отправиться въ Тифлисъ. Пока онъ доѣхалъ до Эривани, болѣзнь до того усилилась, что онъ долженъ былъ тамъ остаться, и молодая супруга его (Елизавета Карловна, урожденная Петерсъ), поскакавшая съ докторомъ на перекладныхъ чрезъ два хребта горъ, пріѣхала въ Эривань, чтобы принять послѣднее прощаніе любимаго человѣка.

Припоминаю почти восьмимѣсячное житье мое въ г. Хоѣ. Комендантъ, подполковникъ Высоцкій, помѣстился въ премиленькомъ дворцѣ Хозревъ-Мирзы, любимаго сына Аббасъ-Мирзы, красавчика, который былъ посланъ въ Петербургъ извиниться въ убіеніи посла нашего Грибоѣдова въ Тегеранѣ, и такъ какъ, по размѣщеніи комендантскаго причета, оставалось еще помѣщеніе, то мнѣ предложили три комнаты съ кухнею. Въ комнатахъ кругомъ стѣнъ находились низкіе диваны, въ гладкихъ стѣнахъ зеркала и пестрые камины, а въ одной комнатѣ съ большимъ, во всю стѣну, окномъ—бассейнъ съ бьющимъ фонтаномъ. Два прапорщика, Отрада и Михаилъ Селивановъ, помѣстились въ двухъ комнатахъ подлѣ, артилеристы —близь дворца; тутъ же и артилерія, и конюшни, однимъ словомъ, размѣстились на славу. Препровожденіе времени было довольно однообразное; только молодость можетъ разнообразить монотонную жизнь до того, что скука лишь издали смотрѣла на насъ своими косыми, завистливыми глазами, но приближаться къ намъ не смѣла. Утромъ, послѣ уборки лошадей, если особеннаго дѣла не было, мы ходили по городу, а болѣе по разнымъ базарамъ. Тамъ все было не по нашему, все имѣло своеобычный характеръ. Портные, сапожники, серебряныхъ дѣлъ мастера и проч., сидя съ поджатыми подъ себя ногами въ открытыхъ лавкахъ, молча заняты своею работою, не заботясь о снующемъ взадъ и впередъ народѣ. Торговцы громкимъ крикомъ залучаютъ къ себѣ покупщиковъ; молчаливые дервиши, съ важностью духовнаго человѣка, нищенски протя-

гиваютъ руку съ чашею изъ кокосоваго орѣха за подаяніемъ—вы должны дать ему что нибудь, а даютъ ему, ужъ точно, ленту, малую толику, по русской пословицѣ: съ міру по ниткѣ—бѣдному рубаха. Взгляните, вотъ зеленщикъ далъ ему щепотку какой-то зелени; вотъ изъ другой лавки купецъ бросилъ изюменку въ его кокосъ; сосѣдъ его, торговецъ шелковыхъ матерій, оторвалъ кусокъ отъ своего лаваша [5]) и съ пренебреженіемъ бросилъ туда же; портной бросилъ нитку. Серебряникъ завтракаетъ—онъ ѣстъ со своимъ работникомъ кебабъ—кусочекъ кебаба полетѣлъ въ кокосъ; но дервишъ не отходитъ, протянутая рука не опускается, кокосъ ждетъ другого подаянія. Купецъ съ досадою бросаетъ въ него карапуль (копѣйка) и дервишъ отошелъ. Вся сцена происходитъ въ молчаніи. Однако, если нищенство и милосердіе сталкиваются и расходятся въ молчаніи, то тишина вовсе не въ обычаѣ на базарахъ; напротивъ, крики на разные голоса, съ визгомъ и бранью, утомляютъ слухъ вашъ. Снующая взадъ и впередъ толпа то уноситъ васъ съ собою, то останавливаетъ, то толкаетъ, то придавитъ къ лавкѣ. Бойтесь носильщика съ огромною ношею хлопчатой бумаги—предъ нимъ раступаются, сторонитесь и вы—если споткнетесь отъ толчка да, Боже упаси, упадете, могутъ и потоптать васъ. Тутъ всякій знаетъ только себя, и человѣколюбіе еще не развилось до той благости, чтобы поднять упавшаго. Но вотъ мы благополучно протолкались чрезъ лавочный базаръ и выходимъ на малый мейданъ (площадь), куда поселяне привозятъ изъ деревень разныя разности: зелень, рисъ, фрукты. Тутъ же разбиты какія-то кухонки, въ которыхъ на вертелахъ жарятъ шашлыкъ, а въ кастрюлѣ жарится кебабъ съ бараньимъ саломъ; тутъ же и пловъ, при-

[5]) Лаваши—пресный хлѣбъ, тонкій какъ листъ бумаги, величиною четверти двѣ и болѣе, шириною въ одну четверть. Употребляютъ во всѣхъ порядочныхъ домахъ и у шаха за столомъ вмѣсто салфетокъ; взявъ съ блюда или съ тарелки пальцами пловъ, шашлыкъ или кебабъ, вкладываютъ въ ротъ, облизываютъ пальцы, потомъ вытираютъ ихъ лавашемъ и вымазанный жиромъ кусокъ лаваша отрываютъ и ѣдятъ.

готовленный на разные манеры; тутъ же носильщики съ ключевой водою въ бурдюкахъ; другіе съ лотками, на коихъ чуреки и лаваши, прикрытые грязною тряпицею. Тутъ кричатъ, бранятся и ѣдятъ. Пойдемте дальше.

Опять толпа, но здѣсь она составила кружокъ; крикъ, смѣхъ и хохотъ. Протолкаемся—надобно же узнать, что̀ забавляетъ персіянина. Ба! бой пѣтуховъ! да какіе здоровые! красные, на высокихъ ногахъ, до верху гребешка чуть ли не будетъ аршина или немного поменьше—это шлянскіе пѣтухи. Хозяева стоятъ сзади ихъ и поддразниваютъ. Зрители держатъ пари, кто за одного, кто за другого. Часто случается, что послѣ боя пѣтуховъ начинается потасовка между проигравшимъ и хозяиномъ побитаго пѣтуха. Чѣмъ выше было проигранное пари, тѣмъ сильнѣе потасовка. И этотъ бой тѣшитъ публику чуть ли не болѣе перваго.

Вотъ еще кружокъ; этотъ просторнѣе, а народу все много. Знакомый бекъ, бывшій начальникомъ крѣпостной артилеріи въ Аббасъ-Абадѣ, протолкалъ народъ и намъ дали дорогу. Бой барановъ! Какіе здоровые удары! Какъ лбы ихъ не разлетятся?... вотъ разошлись, уткнули внизъ головы и ждутъ, подготовляются... бѣлый, кажись, сильнѣе, а черный хитрѣе; какъ онъ исподлобья смотритъ на противника, непремѣнно подстережетъ минуту и возьметъ на рога.... пригнулъ! опять лбы стукнулись, черный чуть не упалъ. Хозяева то хвалятъ, то ругаютъ; бараны—хоть бараны—понимаютъ и похвалу, и подстрекательства, и крупную брань; а народъ и смѣется, и тѣшится, и убиваетъ время!

Аббасъ-Мирза составилъ изъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ цѣлый баталіонъ и помѣстилъ его въ г. Хоѣ; баталіонъ хоть и не комплектный, но доходилъ до 300 человѣкъ. Чтобы пріохотить ихъ къ своей службѣ, онъ ихъ переженилъ на армянкахъ. Разсказывали намъ, что они крѣпко скучали, въ особенности когда подходили праздники,—тогда они съ горя на-

нивались. Я зналъ одного изъ офицеровъ этого баталіона, который разъ спросилъ у меня: „какъ же ты, топчи-капитанъ, сказалъ мнѣ, что у васъ въ полкахъ солдаты и мундиры шьютъ, и сапоги, что есть и кузнецъ, и слесарь, и всякій мастеровой, а вотъ русскіе солдаты, что къ намъ въ баталіонъ пришли— ни одинъ не умѣлъ ничего дѣлать! Только много пили араку."

— Хорошій солдатъ не бѣжитъ — отвѣчалъ я ему — къ вамъ бѣгали негодяи, пьяницы, мошенники, а вы, съ дуру, всякаго подлеца принимали, кормили, поили, жену давали; а что̀ выиграли, какую пользу принесли они вашему шахъ-зада, ну, скажи?

— Правду ты говоришь, топчи-капитанъ, много они пили, а какъ напьются, крѣпко женъ били!

Comme chez nous à Paris!

Распущенность нравственная въ армянскомъ населеніи доходила до невѣроятной угодливости. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Входитъ вѣстовой къ офицеру и докладываетъ, что пришла армянка.

— Зачѣмъ?

— Не могимъ знать, ваше благородіе, вѣрно съ жалобою.

— Ну, позови. Входитъ женщина въ чадрѣ, лѣтъ подъ сорокъ.

— Что тебѣ надобно?

— Я бѣдный человѣкъ—отвѣчала армянка—мой мужъ боленъ, а на квартирѣ стоитъ унтеръ-офицеръ.

— Ну, такъ чтожъ?

— У меня двѣ дочери: одна замужемъ была, теперь взялъ русскій офицеръ—очень хорошій человѣкъ; другая, такая хорошенькая, четырнадцати лѣтъ—я боюсь.

— Чего же ты боишься?

— Унтеръ-офицеръ боюсь; возьми ты, женись.

Офицеръ и ротъ разинулъ или, какъ персіянинъ бы выразился, вложилъ въ ротъ палецъ изумленія; онъ съ недоумѣ-

ніемъ посмотрѣлъ на переводчика-армянина; тотъ повторилъ фразу армянки. Офицеръ, статный молодой парень, у котораго и деньжонки водились, вскочилъ съ тахты и весело закричалъ переводчику:

— Пошелъ, приведи попа!

— Зачѣмъ попа—сказала армянка—такъ женись!...

Чадолюбивая мать боялась унтеръ-офицера, отъ котораго взятки были гладки, и предложила молоденькую дочку офицеру за нѣсколько червонцевъ, а дочь назвала перваго знакомца своимъ мужемъ. Такъ ужъ въ обычаѣ на Востокѣ.

Амиръ-Асланъ-ханъ хойскій былъ изъ каджарскаго племени, какъ и Фетъ-Али-шахъ, царствовавшій въ то время въ Персіи. По просьбѣ Аббасъ-Мирзы, генералъ Паскевичъ дозволилъ ему управлять ханствомъ, но съ условіемъ исполнять всѣ требованія наши. Ханъ былъ человѣкъ веселый, гостепріимный, хлѣбосолъ, любилъ чтобъ у него собирались вечеромъ играть въ шахматы, а больше въ асонасъ (карточная игра наподобіе нашей гальбецвельфъ). Средняго роста, черный, съ длинной бородой клиномъ, сидитъ, бывало, ханъ съ картами въ рукахъ и не пошевельнетъ ни однимъ мускуломъ, только плутовскіе черные глаза бросятъ исподлобья взглядъ то на того, то на другого изъ играющихъ. Въ эту игру главное, чтобы никакъ не показать другимъ играющимъ, а въ особенности оставшемуся противнику, когда другіе запасуютъ, какая у тебя игра—хорошая, дурная или и вовсе нѣтъ, а то хоть поднадуть; но когда ему удавалось надуть кого своей серьозной физіономіею—съ какою жадностью, съ какимъ удовольствіемъ и съ какою скоростью онъ придвигалъ выигранные червонцы къ своей кучкѣ. Онъ посѣщалъ изрѣдка отряднаго начальника и коменданта, всегда въ сопровожденіи большой свиты—восемь, десять бековъ и нѣсколько нукеровъ—а впереди шли два фераджа съ палками и разгоняли народъ. Въ февралѣ, на другой день послѣ того, какъ изъ Тавриза почта привезла при-

казъ о моемъ производствѣ въ капитаны, ханъ былъ у коменданта; услышавъ отъ него о моемъ производствѣ, онъ захотѣлъ поздравить топчи-капитана. Усадивъ хана и бековъ на тахтѣ, я не могъ принудить сына его, двадцатитрехлѣтняго мужчину, сѣсть. Онъ все, отговариваясь, смотрѣлъ на отца, которому нукеръ подавалъ трубку; наконецъ ханъ замѣтилъ недоумѣніе сына и позволилъ ему сѣсть, кивнувъ головой. Когда я увидѣлъ, что ребята закурили трубки—ба, да этакъ имъ надобно кофе подать, подумалъ я—а кофе нѣтъ! Но у меня изъ привезенныхъ мною запасовъ оставались варенье, конфеты и рижскій бальзамъ. Чѣмъ богатъ—тѣмъ и радъ! Чрезъ переводчика я просилъ хана позволить ему поднести соку изъ травъ—питье, которое дѣлаютъ въ провинціяхъ, откуда я родомъ; сокъ этотъ очень полезенъ для желудка и пріятенъ на вкусъ. Ханъ согласился отвѣдать. Деньщикъ мой, Онисимъ, входитъ, держа въ лѣвой рукѣ поднось съ серебряною чарочкою, довольно почтеннаго объема, но не доходившей еще до чайной чашки, а въ правой—глиняную бутылку съ бальзамомъ. Я налилъ хану полную чарку. Онъ отвѣдалъ зеленой влаги, понялъ, что это спиртъ и, обращаясь къ бекамъ, говоритъ: „точно, это сокъ изъ травъ“—и выпилъ. Затѣмъ Онисимъ наливалъ и подносилъ всѣмъ гостямъ, по очереди, и всякій, прихлебнувъ первый разъ и высушивъ чарку до дна, смотря на хана, приговаривалъ: „да, это сокъ изъ травъ!“ Кого же они обманывали, плуты? Сами они, попробовавъ, очень хорошо знали, что это спиртъ, да и подергиванье физіономіи, а у нѣкоторыхъ и слезы на глазахъ обличали ихъ во лжи; но каждый непремѣнно считалъ необходимымъ согласиться съ ханомъ и повторить его фразу—„да, это, точно, сокъ изъ травъ.“ Когда Онисимъ поднесъ чарку ханскому сыну, тотъ опять посмотрѣлъ на отца и медлилъ. „Можешь пить—это сокъ изъ травъ!“ Но несчастный молодой человѣкъ, хлебнувъ неосторожно, закашлялся, а все-таки сквозь слезы, несмотря на то,

что бальзамъ жегъ ему горло, выговорилъ: „да, это сокъ изъ травъ.“ Потомъ подали варенье и конфеты, которыя они очень хвалили, потому что дѣйствительно такихъ не случалось имъ ѣсть, ибо всѣ конфеты въ Персіи дѣлаются на бараньемъ салѣ. Долженъ признаться, что во время всего посѣщенія въ пріемахъ какъ хана, такъ и бековъ виднѣлась какая-то природная образованность, если можно такъ выразиться. Увидѣвъ, что я не хотѣлъ курить, онъ сдѣлалъ нѣсколько bouffées и отдалъ трубку нукеру; такъ сдѣлали и другіе. Брали они не болѣе одной конфеты и только ложечку варенья; но, кажется, всѣ съ сожалѣніемъ смотрѣли, когда Онисимъ уносилъ недопитый бальзамъ. Посидѣвъ съ полчаса, ханъ, назвавъ меня при прощаніи своимъ добрымъ пріятелемъ (кардашъ), отправился со всей свитой во-свояси.

Въ этотъ же день человѣкъ десять знакомыхъ офицеровъ собрались ко мнѣ на стаканъ чаю, чтобъ за ужиномъ поздравить меня съ производствомъ. Послѣ чая одни сѣли играть въ асонасъ, другіе, сидя на тахтѣ, болтали. Между гостями былъ артилерійскій штабсъ-капитанъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, командовавшій паркомъ до прибытія назначеннаго командира, подполковника Родожницкаго. Ивановъ, изъ мѣщанъ ярославской губерніи, былъ отданъ въ рекруты еще въ царствованіе Императрицы Екатерины. Высокаго роста, 2-хъ аршинъ и 10-ти вершковъ, съ огромной головой, бѣловолосый, въ плечахъ, какъ говорится, косая сажень, онъ смолоду, должно быть, былъ молодецъ и потому попалъ въ гвардейскую артилерію, былъ послѣ въ ротѣ Его Высочества фельдфебелемъ и оттуда произведенъ въ подпоручики, въ полевую артилерію. Человѣкъ былъ хорошій, простой, но не забывалъ себя при хозяйственномъ управленіи паркомъ. Обыкновенно онъ былъ всѣмъ недоволенъ, хвалилъ прежнюю службу и иногда солдату, какъ говорили, давалъ пробовать силу своего могучаго кулачища. За разговоромъ одинъ изъ офицеровъ спросилъ меня,

сколько я былъ штабсъ-капитаномъ; я отвѣтилъ—полтора года. —„А какъ вы думаете, многихъ вы обогнали?“ Услышавъ этотъ вопросъ, Ивановъ, ходившій по комнатѣ, остановился.

— Конечно, многихъ обогнали, да вотъ и меня; ну, да что —я вѣдь не нѣмецъ.

Я перебилъ его:

— Такъ вы полагаете, что меня оттого произвели, что я нѣмецъ, а не за то, что я заслужилъ это?

— Ну, ужъ извините, Эдуардъ Владиміровичъ, этого я не говорилъ; такъ съ языка сорвалось, да и какой же вы нѣмецъ? отъ русскаго не отличишь; а все-таки въ экспедицію ли взять кого, поручить ли что кому, глядишь—другому не дали, а вамъ.

— Ну, послушайте, Иванъ Ивановичъ (одинъ саперъ закричалъ—„Ивановъ!“—всѣ расхохотались), вы знаете, что въ прошлую экспедицію назначилъ меня самъ Алексѣй Петровичъ, а онъ нѣмцевъ не очень жаловалъ. Порученіе же, за которое я произведенъ, исполнилъ какъ слѣдуетъ, и за то же порученіе, которое легче было исполнить, другой вѣроятно пойдетъ подъ судъ.

— Э! да то грекъ! да помилуйте, Эдуардъ Владиміровичъ, вѣдь дѣло не о васъ.

— Какъ же не обо мнѣ? вѣдь я васъ обогналъ!

— Да оно такъ! ну, да вы въ сторонѣ; я хотѣлъ только сказать, что теперь уже служба не та, что прежде.

Всѣ засмѣялись. Я рукой махнулъ, а Ивановъ пошелъ разсказывать, что прежде ужъ начальникъ, такъ былъ, точно, начальникъ, да и солдаты не то, что нынѣ. „Глядишь, бывало, въ глаза начальнику, чтобы острастку не получить; а нынѣ что? скажетъ: слушаю, ваше благородіе, да и все тутъ. Эхъ, ужъ не тѣ времена! Бывало, на ученье, что-ли, роту выведутъ; ну, вотъ вышла на плацъ-парадъ, ужъ всегда за часъ впередъ; стоятъ солдаты да охорашиваются, а за фронтомъ охапки двѣ палокъ барабанщики принесли; а начальникъ—ничего, про-

хлаждается, чай изволитъ кушать; рота ждетъ, бывало, часъ и болѣе—ничего. Вдругъ закричатъ: „смирно!“ и стоятъ всѣ, какъ вкопанные. Подходитъ капитанъ къ ротѣ, сталъ у праваго фланга да и смотритъ на фронтъ—хорошо ли выровненъ. А потомъ закричитъ, бывало: „широкоплечіе впередъ!“...

Всѣ невольно взглянули на широкія плечи Иванова, и взрывъ общаго, дружнаго смѣха прервалъ на мгновеніе разскащика.

— Вамъ смѣшно, господа, а оно такъ бывало. Вышлетъ фельдфебель двухъ-трехъ посильнѣе, влѣпятъ имъ барабанщики—кому десять, кому пятнадцать въ спину—для острастки, какъ говорилось, въ задатокъ, такъ посмотрѣли бы вы, какъ рота училась (смѣхъ и одобреніе молодежи). А нынѣ, что? Придется, такъ, если когда дать солдату подзатыльника или зубочистку, глядь—и самому какъ-будто жалко. А все вы, господа, виноваты.

— Какъ же это мы виноваты, Иванъ Ивановичъ?

— Переучились, вотъ что. Вишь, говорятъ: стыдно драться. Хорошо книгамъ-то говорить, а въ службѣ безъ кулака дѣло плохое. Нѣтъ, господа, ужъ нѣмцы тамъ что̀ ни говори, что стыдно драться, а русскій человѣкъ любитъ порядокъ.

Въ это время входитъ мой деньщикъ Онисимъ, держа чайную чашечку въ рукѣ и громко, во всеуслышаніе говоритъ: „ваше высокоблагородіе, ханъ прислалъ просить чарку водки, говоритъ—отъ головной боли.“ Опять общій взрывъ смѣха. Я вышелъ узнать въ чемъ дѣло; дѣйствительно оказалось, что ханъ прислалъ нукера съ чашечкой просить у меня соку отъ головной боли. Экій плутъ, персіянинъ! Видно, бальзамъ-то понравился. Было 9 часовъ вечера, и хану захотѣлось на сонъ грядущій клюкнуть. Я послалъ ему неначатый, запечатанный кувшинъ рижскаго бальзама. Конечно, веселость отъ этого эпизода не пропала. Скоро мы сѣли ужинать. Приправою къ ужину была молодость и всепоглощающій аппетитъ; рѣ-

шили, что Онисимъ отличная стряпуха, чуть ли не кордонъ-блё (cordon bleu). За шашлыкомъ возникъ споръ, какое вино лучше—кахетинское или ширазское? Пробовали полными стаканами и то, и другое, прежде кахетинское, потомъ ширазское, но не могли согласиться; опять начинали пробовать, прежде ширазское, потомъ кахетинское, и наконецъ пришли всѣ къ тому заключенію, что шампанское все-таки лучше всѣхъ, но не хорошо въ немъ то, что его подали только двѣ бутылки—послѣднія! Шумный говоръ и смѣхъ не прекращался. Въ часъ ночи разошлись, поддерживая другъ друга.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ городъ, пришелъ ко мнѣ бекъ N. и рекомендовался тоже артилерійскимъ офицеромъ, бывшимъ въ Аббасъ-Абадѣ начальникомъ крѣпостной артилеріи. Въ первое посѣщеніе онъ выкурилъ трубку и скоро ушелъ. Видя, что онъ человѣкъ разговорчивый, я поблагодарилъ его за посѣщеніе и просилъ навѣщать меня. Онъ не заставилъ долго ждать себя и дня черезъ три опять явился. Я завтракалъ; на приглашеніе мое раздѣлить завтракъ со мною, онъ отказался. Тогда я приказалъ подать бутыль съ рижскимъ бальзамомъ и, наливъ ему чарку, просилъ отвѣдать; сокъ этотъ ему понравился, и онъ сталъ часто навѣщать меня. Переводчикъ у меня былъ подъ рукой, и потому я очень много съ нимъ разговаривалъ, конечно, только о простыхъ житейскихъ предметахъ, его окружающихъ; о другихъ же вопросахъ и помина быть не могло, потому что наивность персіянина граничила съ дикостью. Часто въ разговорахъ о житейскомъ обиходѣ я обходился и безъ переводчика. Татарскій языкъ не труденъ; въ ежедневныхъ соприкосновеніяхъ съ жителями мы настолько освоились съ нимъ, что, при помощи грамматики Н. Н. Муравьева и приличныхъ жестовъ, желающіе понять насъ—понимали. Изъ разговоровъ съ бекомъ я узналъ, что онъ житель г. Хоя, имѣетъ здѣсь свой домъ, живетъ съ матерью и сестрою, что недавно женился и прочее. Черезъ мѣсяцъ

или болѣе онъ спрашиваетъ меня: отчего я никогда не зайду къ нему, ему бы это было весьма пріятно. Я навѣстилъ его. Слуга ввелъ меня въ чистенькую комнату; кругомъ стѣнъ тахты, покрытыя коврами, съ подушками, зеркало, столикъ—вотъ и все. Хозяинъ принялъ меня съ веселою улыбкою. Мы сѣли, подали трубки.

— Ну—говорю я—чтожъ мы здѣсь сидимъ, пойдемъ къ матушкѣ, къ женѣ.

— Какъ можно! это нельзя—у насъ не обычай.

— Ну, такъ прощай.

— Постой, топчи-капитанъ, кофе, шербетъ будетъ.

— Прощай!—и ушелъ.

На другой день явился мой знакомецъ съ упреками, зачѣмъ я такъ скоро ушелъ. Я ему попросту сказалъ, что онъ неучъ: зная, что я, какъ иностранецъ, хотѣлъ посмотрѣть, какъ они живутъ въ семействѣ, что жены бы его я не съѣлъ, а когда мать его тутъ же, то ни за жену, ни за сестру ему бояться нечего; однимъ словомъ, что обычай ихъ глупъ, да и самъ онъ дуракъ.

— Ай, какой ты сердитый! Говорю тебѣ, что это у насъ обычай, что въ домъ (т. е. въ семейство) нашъ мы никого не пускаемъ. Брось это пожалуста, а вотъ лучше скажи Онисимъ, чтобы онъ подалъ соку, и ты выпей—это насъ успокоитъ.

— Ни одной чарки соку ты больше у меня не выпьешь, покуда не покажешь мнѣ жену, сестру и мать свою. Прощай, у меня дѣло есть.

— Ну, хорошо, я тебѣ мать покажу.

— Прощай!

И не солоно хлебнувъ, удрученный горемъ, вышелъ отъ меня пріятель. Въ три мѣсяца нашего знакомства онъ до того свыкся въ моей квартирѣ, что когда я бывалъ чѣмъ занятъ, онъ сядетъ на тахту, поджавъ подъ себя ноги, закуритъ трубку и скажетъ Онисиму: „дай соку.“ Тотъ нальетъ ему

чарку; онъ смотритъ, бывало, во дворъ—кто пройдетъ, или на клубящійся дымъ изъ трубки, молчитъ себѣ и блаженствуетъ. Или господа придутъ, и онъ болтаетъ съ молодежью, а то съ переводчикомъ-армяниномъ перекидывается базарными новостями. Прошла недѣля послѣ нашей размолвки; пріятель не являлся. Въ одно утро Онисимъ докладываетъ: „бекъ пришелъ.“—Проси.

Входитъ мой несговорчивый знакомецъ, поклонился; вижу, видъ не веселый, болѣе унылый.—„Буюръ, бекъ!“—и указываю на тахту. Переводчикъ только-что вышелъ, я велѣлъ его воротить. Бекъ сѣлъ и послѣ минутнаго молчанія началъ:

— Вотъ теперь въ природѣ весна, солнце радостно смотритъ на всю природу, травка зазеленѣла, цвѣты благоухаютъ и всѣ люди веселы; только у меня и въ головѣ, и въ сердцѣ зима лежитъ, и мнѣ холодно, оттого что пріятель мой, братъ мой, разсердился на меня; его гнѣвъ мертвитъ мою душу. Я пришелъ просить его, чтобъ прежнее солнце дружелюбія возсіяло въ нашихъ отношеніяхъ.

Всю эту цвѣтистую тираду восточнаго краснорѣчія онъ высказалъ, поникнувъ головою, но при послѣднихъ словахъ, взглянулъ на меня умоляющимъ взглядомъ.

— Это отъ тебя зависитъ, бекъ, чтобъ мы были пріятелями, какъ прежде, сказалъ я.

— Я говорилъ матушкѣ, что ты очень хорошій человѣкъ, что ты мнѣ братъ, и она просила, чтобъ ты навѣстилъ ее.

— Поблагодари матушку.

— Когда же ты придешь? сегодня, завтра?

— Когда нибудь зайду; когда время будетъ.

Переводчикъ, которому было дѣло, подалъ беку трубку и вышелъ. За всякимъ bouffée онъ взглядывалъ на меня, какъ бы ожидая чего-то, наконецъ не вытерпѣлъ:

— Такъ какъ ты опять возвратилъ мнѣ дружбу свою, а съ нею и всѣ радости жизни, то прикажи Онисимъ дать соку.

Вотъ вамъ персіянинъ наголо, безъ всякихъ коментарій.

— Я сказалъ тебѣ, что соку выпьешь, когда я увижу твое семейство. Такъ и будетъ. Но чтобы немного утѣшить его, я сказалъ, что приду завтра.

На другой день, часовъ въ 10 утра, я пошелъ къ беку. Онъ первымъ словомъ сказалъ мнѣ, что матушкѣ его очень будетъ пріятно принять меня. Ого, подумалъ я—все матушка да матушка! Если теперь надуешь, не видать тебѣ соку. Онъ повелъ меня. На галлереѣ встрѣтилась намъ высокая женщина въ чадрѣ—только глаза и видны были. Это была его мать. —„Менъ кардашъ!“ сказалъ онъ ей. Она поклонилась и что-то пробормотала, чего я не разслышалъ. Мы вошли въ длинную комнату, убранную, какъ описанная выше: тахты, покрытыя коврами, на нихъ много продолговатыхъ подушекъ, два небольшихъ зеркала; для меня былъ поставленъ въ отдаленіи отъ сидѣвшихъ женщинъ деревянный простой стулъ съ рѣзьбою на спинкѣ, каковые я часто видѣлъ въ армянскихъ домахъ. Когда мы вошли, двѣ фигуры въ чадрахъ, сидѣвшія у окна на тахтѣ, встали и, скрестивъ на груди руки, поклонились.—„Буюръ!“ сказала мать, указывая на стулъ. Я взялъ стулъ и, поставивъ его подлѣ женщинъ, сѣлъ; бекъ—подлѣ, на тахтѣ. Ну, подумалъ я, плохо съ моимъ татарскимъ языкомъ, не много разговоришься; жаль, что не взялъ грамматики съ собою, хотя все утро изучалъ въ ней и слова, и разговоры.

— Ну, вотъ ты желалъ видѣть домъ мой—вотъ ты видишь!

— Я вижу ковры, подушки, чадры, но счастья твоего не вижу. Развѣ вы всегда сидите въ чадрахъ? обратился я къ матери съ вопросомъ.

Бекъ что-то ей сталъ нашептывать; она, не слушая его, отвѣчала:

— Нѣтъ, чадры не носятъ дома, а на улицахъ; но при чужомъ мужчинѣ нельзя показываться.

— Я думалъ, что я его братъ, а не чужой!—и, вставая

со стула, прибавилъ: „прошу васъ, снимите чадры, какъ будто меня здѣсь нѣтъ; тогда я увижу, какъ счастливъ мой пріятель.“ Опять нашептываньe бека, но мать, не слушая его, сняла чадру и сказала что-то сидѣвшимъ фигурамъ—обѣ чадры спустились. Двѣ прелестныя молоденькія женщины предстали предо мною; я закрылъ глаза и сказалъ: „я ослѣпну!“ Мать, женщина лѣтъ 50-ти, съ большими черными глазами, указывая на шестнадцатилѣтній цвѣточекъ: „вотъ эта—Гюль-зада (Розы дочь), дочь моя.“

— Оттого она такъ хороша, что она дочь розы—твоя дочь.

Она опять улыбнулась—и на Востокѣ любятъ сладкія слова. Обѣ черноокія красавицы были одѣты по домашнему, т. е. въ шелковыхъ красныхъ рубашкахъ, спереди отверстіе, въ такихъ же панталонахъ и пестрыхъ чулочкахъ—вотъ и все. Обворожителенъ былъ этотъ простой нарядъ. Мать сказала что-то дочери, та вышла и, тотчасъ же вернувшись, подала матери флакончикъ розоваго масла. Она указала на меня и сказала: „пешкешъ!“ Гюль-зада подошла ко мнѣ, одну руку держа на груди, другою подавая флаконъ, и тихо прошептала: „пешкешъ.“ Съ тѣхъ поръ, какъ мать и молодыя сняли чадры, мой пріятель сидѣлъ, какъ на угольяхъ. Видя его мучительное состояніе, я только раза два взглянулъ на жену его, но довольно было и этого, чтобы назвать его счастливцемъ. Принявъ флакончикъ, я сказалъ, что также пришлю имъ пешкешъ, всталъ и откланялся. Опять красавицы встали на тахтѣ, сложили ручки на груди и поклонились. Мать проводила насъ на галлерею. У дверей бекъ такъ сильно вздохнулъ, что я оглянулся; мать опять улыбнулась. Выходя, я говорю ему:

— Пойдемъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, я завтра приду.

Бѣдный бекъ! Это посѣщеніе, длившееся всего минутъ двадцать, до того его разстроило, что онъ забылъ и о сокѣ; но не надолго—ждать до завтра у него не хватило ни воли,

ни терпѣнія. Когда въ тотъ же вечеръ, за чаемъ, я разсказывалъ молодежи о моемъ посѣщеніи, вошелъ бекъ. Поданный ему стаканъ чаю онъ выпилъ необыкновенно скоро и, ухмыляясь, поглядывалъ на меня и на убиравшаго чай Онисима. Я понялъ его и велѣлъ подать бальзама—лице его совершенно прояснилось, и въ прихлебываніяхъ слышалось счастіе наслажденія. Еслибы онъ зналъ, что это мой послѣдній кувшинъ рижскаго бальзама, не видать бы мнѣ ни жены, ни сестры, ни даже веселой старушки, его матери! Я просилъ бека взять съ собою пешкешъ для его дома: двѣ коробочки конфетъ, еще фунта два въ бумажкѣ—остатокъ провизіи—и четыре палочки шоколада à la vanille, разсказавъ какъ его приготовлять. На другой день, увидѣвъ его, я сказалъ ему:

— Вчера я забылъ сказать тебѣ, бекъ, что шоколадъ, который я вчера тебѣ далъ, возбуждающее средство, ты понимаешь?—и сдѣлалъ понятный жестъ.

— Понимаю, понимаю; а я, дуракъ, отдалъ все матушкѣ; пойду сейчасъ, возьму назадъ и скажу, что это мнѣ пешкешъ ты далъ.

И скорыми шагами онъ пошелъ домой. Удалось ли ему добыть обратно этотъ талисманъ—не знаю; но до возбуждающихъ средствъ восточные жители большіе охотники.

Однажды, разговаривая съ моимъ пріятелемъ объ осадѣ Аббасъ-Абада, въ которомъ онъ былъ начальникомъ крѣпостной артилеріи, я спросилъ его: „отчего ваша артилерія такъ дурно стрѣляла? она намъ почти никакого вреда не дѣлала.“

— Что я—дуракъ, что ли? вѣдь мы всѣ знали, что вы возьмете крѣпость, а потомъ будетъ миръ и мы будемъ пріятелями. Зачѣмъ же мнѣ было убивать пріятелей? Вотъ мы такъ и стрѣляли, чтобы не попасть и не разсердить васъ.

Эта фраза не была пошлой, низкой уверткой неискуснаго въ своемъ дѣлѣ „артилериста;“ это была правда, малодушный расчетъ *человѣка*.

— Ну, любезный—сказалъ я ему—вотъ мы съ тобою и пріятели, но если и вправду будетъ разрывъ (это было во время перерыва переговоровъ, когда Аббасъ-Мирза заупрямился) и мы опять будемъ драться, я, братъ, тебя не пощажу, и ты лучше теперь мнѣ скажи, какой зубъ тебѣ ядромъ выбить!

— Развѣ это можно? спросилъ въ испугѣ бекъ, невольно схватившись за ротъ.

Переводчикъ засмѣялся.

— Ахъ, какой ты сердитый, топчи-капитанъ!

По выздоровленіи моемъ, въ Карабабѣ, товарищи разсказывали мнѣ о дѣлѣ генерала Красовскаго при урочищѣ Аштаракѣ, проигранное имъ противъ Аббасъ-Мирзы. Почти всѣ обвиняли генерала въ дурныхъ распоряженіяхъ, въ нерѣшительности; но были и такіе, которые оправдывали его, выставляя несносный жаръ, усталость солдатъ, томившую ихъ жажду въ безводной мѣстности и прочая. Помню, что я тогда сказалъ: „господа, съ кавказскими войсками этого бы не случилось; 20-я дивизія не привычна еще. Еслибы у Красовскаго былъ одинъ капитанъ со своею ротою хоть Ширванскаго или другого изъ кавказскихъ полковъ, онъ бы прямо пошелъ на эту большую батарею—и дѣло было бы кончено; а дали оглядѣться персіянамъ—и пришлось постыдно отступать.“ Въ справедливости этихъ словъ мнѣ довелось удостовѣриться въ Хоѣ. Однажды пріятель мой, бекъ, привелъ ко мнѣ другого артилерійскаго офицера изъ войскъ, бывшихъ противъ генерала Красовскаго. При распросахъ моихъ, какъ происходило дѣло, онъ разсказалъ слѣдующее:

„Когда, послѣ сраженія при Джеванъ-булахѣ, мы опять собрались и услышали о взятіи Аббасъ-Абада, то у насъ въ войскѣ всѣ думали, что русскіе пойдутъ скоро на Тавризъ, а мы будемъ защищать его; сражаться же съ вами послѣ Джеванъ-булаха у насъ охоты ужъ не было. Но Аббасъ-Мирза, какъ говорили, получилъ отъ шаха строгій выговоръ, что далъ-

побить себя, послѣ того какъ онъ хвалился, что со вновь обученными сарбазами выгонитъ русскихъ изъ Грузіи. Вотъ шахъ-зада (сынъ шаха), услышавъ, что въ эриванскомъ ханствѣ мало русскихъ, и пошелъ къ Эривани, откуда мы, соединившись съ войсками хана, пошли впередъ. Но когда мы увидѣли русскихъ, всѣ стали бранить хана, что онъ обманулъ Аббасъ-Мирзу, сказавъ—русскихъ мало—а ихъ было очень много, и пушекъ много. Вотъ, говоримъ мы, побьютъ насъ, какъ при Ганжѣ (Елизаветполѣ) и при Джеванъ-булахѣ, и начальники боялись, что пушки у насъ отнимутъ; поэтому приказано было: какъ только русскіе пойдутъ впередъ, тотчасъ пушкамъ уходить, чтобы русскіе не взяли. Но русскіе стояли, начали изъ ружей налить, а впередъ на насъ все не идутъ. Что это значитъ, думаемъ мы, и все глядимъ—вотъ пойдутъ на насъ! а мы были совсѣмъ готовы бѣжать съ пушками. Но русскіе только изъ ружей палятъ и изъ пушекъ стали бить. Чтожъ это? Аллахъ вѣдаетъ! значитъ—русскіе струсили! И послалъ Аббасъ-Мирза курдовъ, дѣтей дьявола, и велѣлъ изъ пушекъ чаще стрѣлять. Когда же мы разглядѣли, что вправду русскихъ было мало, а насъ вдесятеро больше, приказано было идти всѣмъ впередъ, а пушкамъ чаще стрѣлять. Какъ мы впередъ—русскіе назадъ, и побѣжали къ Эчміадзину; а курды, дѣти дьявола, кричатъ имъ: „постой, Иванъ, дай голову сниму!“

Вотъ разсказъ персіянина: идетъ на бой съ русскими неохотно, ибо увѣренъ, что побьютъ; у страха глаза велики—отрядъ генерала Красовскаго ему показался за армію; бездѣйствіе, нерѣшительность непріятеля удивляетъ его, онъ недоумѣваетъ—чтожъ это? Время идетъ—его не бьютъ.... и онъ перекидываетъ мысли въ пустой головѣ: не бьютъ меня, значитъ меня трусятъ, и онъ начинаетъ дѣйствовать глупо, но удачно. А всему виновенъ противникъ, незнакомый съ духомъ непріятеля.

Генералъ Панкратьевъ былъ всегда очень привѣтливъ ко мнѣ. Смолоду онъ былъ пріятелемъ зятя моего А. К. Фриша, когда тотъ, еще молодымъ человѣкомъ, служилъ въ кавалеріи отца его, бывшаго губернаторомъ въ Кіевѣ. Онъ приглашалъ меня „чаще бывать, чаще обѣдать у него и чаще проводить съ нимъ вечера“—это были его слова. Я пользовался его привѣтливостью, не докучая, но генералъ былъ недоволенъ моею сдержанностью, выговаривалъ мнѣ и учащалъ приглашенія. Расположеніе ко мнѣ осталось до конца жизни его, и передъ кончиною Никита Петровичъ прислалъ мнѣ изъ Варшавы въ Тифлисъ литографированный портретъ свой, на намять. Много онъ мнѣ разсказывалъ про видѣнное и слышанное имъ; много мы разговаривали и часто спорили, не сходясь во мнѣніяхъ. Любилъ вспоминать о вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ онъ и Киселевъ были, какъ флигель-адъютанты, при Императорѣ Александрѣ. Панкратьевъ былъ образованный, свѣтскій, ловкій, совершенно придворный человѣкъ; характера веселаго, ума бойкаго, остраго; говорилъ хорошо, плавно, убѣдительно; строгихъ правилъ, кажется, не имѣлъ, на жизнь смотрѣлъ легко; въ душѣ былъ, что называется, добрый человѣкъ, а въ военномъ дѣлѣ—умный, храбрый генералъ. Разъ вечеромъ, послѣ чаю, разговоръ зашелъ о современномъ состояніи политическихъ дѣлъ. Отношенія съ Турціею были крѣпко натянуты; извѣстія, приходившія къ намъ, все болѣе и болѣе заставляли ожидать скораго разрыва.

— Если правда—сказалъ я—что съ Турціею будетъ война, то это истинное несчастіе для Россіи; и какъ больно должно быть нашему Государю, только-что вступившему на престолъ, вести войну за войною.

— Ну, эта война съ Турціею скоро кончится—отвѣчалъ мнѣ генералъ—теперь не будутъ вести войну, какъ въ былыя времена, не станутъ заниматься взятіемъ дунайскихъ крѣпостей; пойдутъ прямо черезъ Балканы, встрѣтятъ турецкую армію,

разобьютъ ее—Балканы не Кавказъ, они насъ задержать не могутъ—займутъ Адріанополь—это не крѣпость—и до Константинополя съ небольшимъ сто верстъ гладкой, открытой дороги.

— Какъ вы шагаете, ваше превосходительство! изъ вашихъ словъ можно заключить, что единственное препятствіе вы видите въ турецкой арміи, которую, положимъ, мы побьемъ и отбросимъ, да вѣдь въ крѣпостяхъ, которыя вы оставляете въ тылу, есть гарнизоны. Какъ они сберутся, такъ и сообщенія наши будутъ прерваны. Вѣдь по этой дорогѣ у насъ должны быть госпитали, магазины, артилерійскіе склады и прочее, а вы забыли о нашемъ Impedimento: ведя войну въ Турціи, вѣдь все надобно возить съ собою. Обозъ въ арміи будетъ на славу, одни провіантскіе транспорты на такое дальнее разстояніе, ужъ не говоря объ артилерійскихъ паркахъ, не позволятъ изъ арміи сдѣлать летучій корпусъ. Нѣтъ, ваше превосходительство, пунктъ на Дунаѣ намъ необходимъ. Я не хвалю медленность прежнихъ войнъ въ Турціи, но такъ шагать, какъ вы говорите, нельзя, не упоминая уже о непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ.

— Старой рутины не должно держаться. Стотысячная армія идетъ впередъ и давитъ всѣ препятствія, 50 тысячъ остаются въ тылу для наблюденія за крѣпостями и охраняютъ тылъ—и кампанія должна кончиться въ три мѣсяца. Въ три мѣсяца мы въ Константинополѣ.

— Если для насъ все пойдетъ какъ по маслу и никакихъ непредвидѣнныхъ препятствій не будетъ, то прогулка до Константинополя все-таки возьметъ полгода.

— Полгода! Не угодно ли закладъ, что чрезъ три мѣсяца мы будемъ въ Константинополѣ и заключимъ миръ?

— Я говорю, что и чрезъ полгода не будемъ въ Константинополѣ.

— Ну, хорошо, что закладъ? дюжина шампанскаго? срокъ —полгода; согласны?

— Согласенъ; только предупреждаю ваше превосходительство, что вы проиграете.

Въ 1829 году, въ маѣ мѣсяцѣ, пройдя съ батарейною № 1 ротою кавказской гренадерской артилерійской бригады, которою я командовалъ, на сборный пунктъ къ Карсу, я явился къ генералу Панкратьеву, командовавшему въ продолженіи зимы войсками, оставленными въ завоеванныхъ нами крѣпостяхъ. Мнѣ казалось, генералу было пріятно увидѣть меня.

— Здравствуйте, Эдуардъ Владиміровичъ; очень радъ, что будемъ вмѣстѣ дѣлать кампанію. Помните, я вамъ сказалъ, что вы ѣдете за георгіевскимъ крестомъ? Поздравляю васъ! А дюжину шампанскаго я проигралъ. Приходите обѣдать сегодня въ часъ. Не моя вина, что не такъ дѣйствовали, какъ должно. Много было начальниковъ, много совѣтниковъ; теперь скорѣе пойдетъ, какъ Дибичъ одинъ. Приходите же обѣдать.

Когда послѣ обѣда я уходилъ, Никита Петровичъ говоритъ мнѣ: „я приказалъ снести къ вамъ проигранный закладъ.“

— Нѣтъ, ваше превосходительство, уговоръ былъ вмѣстѣ распить, слѣдственно, позвольте мнѣ, какъ было въ Хоѣ, изрѣдка приходить къ вамъ обѣдать.

— Хорошо, хорошо, только приходите почаще.

Такъ и было.

Такъ какъ много армянъ заявило желаніе переселиться изъ Персіи въ наши владѣнія, особенно во вновь пріобрѣтенное эриванское ханство, то главнокомандующій прислалъ къ намъ въ Хой богатѣйшаго армянина, гвардіи полковника Лазарева, чтобы быть начальникомъ армянъ, его соотчичей, съ точнымъ наказомъ переселять зажиточныхъ, не требующихъ помощи, или мастеровыхъ, а также рабочихъ, которые бы только для водворенія на мѣстѣ потребовали помощи, но не для переселенія. Въ такомъ смыслѣ, кажется, дано было предписаніе начальнику эриванскаго и нахичеванскаго ханствъ, вслѣдствіе чего и приготовленій большихъ сдѣлано не было.

Но вышло, какъ почти всегда это бываетъ, что расчетъ былъ сдѣланъ безъ хозяина и потому оказался не вѣрнымъ. Зажиточнымъ армянамъ жилось и въ Персіи кое-какъ, отчего только нѣкоторые, имѣвшіе на то особенныя причины, пожелали переселиться, но масса оказалось бѣдныхъ или совсѣмъ бездомныхъ нищихъ. Полковникъ Лазаревъ боялся, отказывалъ, но жалость къ своимъ взяла верхъ, и вотъ—тысячи почти голодныхъ семействъ потянулись къ нашимъ границамъ. Придя на указанныя имъ мѣста, они ничего не нашли къ ихъ пріему. Начальство, армяне и русскіе помогали, какъ могли. Многихъ водворили, но многіе вернулись въ Персію. Главнокомандующій, узнавъ объ этомъ, былъ недоволенъ Лазаревымъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ начали ходить какіе-то недобрые слухи о заговорѣ персіянъ противъ насъ, будто въ одну прекрасную ночь хотятъ перерѣзать всѣхъ русскихъ, расположенныхъ въ хойскомъ ханствѣ. Намъ крѣпко не вѣрилось, чтобы у персіянъ стало духу на такое опасное дѣло. Но—вѣрь, не вѣрь—а осторожность не мѣшала дѣлу: днемъ не выходили безъ оружія, а ночью усиливали патрули около расположенія войскъ. Такъ какъ въ народѣ не видно было никакихъ перемѣнъ въ обращеніи съ нами и вообще никакія подозрѣнія не оправдывались, то предосторожности продолжались не долго, и мы опять зажили по старому.....

Однажды, рано утромъ, забѣгаетъ ко мнѣ плацъ-адъютантъ Караяни и говоритъ:

— Эдуардъ Владиміровичъ, вашего пріятеля Амиръ-Асланъ-хана нынче ночью заарестовали и отвезли; мы идемъ запечатывать его бумаги и дѣлать обыскъ; въ домѣ караулъ, вездѣ часовые; пойдемте съ нами, можетъ быть, увидимъ женъ его, говорятъ, есть молоденькія; пойдемте.

Какъ отказаться отъ такого предложенія! Не долго думавши, я побѣжалъ за плацъ-адъютантомъ; мы скоро догнали коменданта и всѣ вмѣстѣ пришли въ ханскій домъ. Должност-

ныя лица занялись своимъ дѣломъ; я походилъ по комнатамъ, потомъ вошелъ во внутреннюю галлерею, гдѣ расхаживалъ караульный офицеръ; поговоривъ съ нимъ немного, я уже хотѣлъ уйти, какъ вдругъ одна дверь на галлерею отворилась и показались три молодыя красавицы въ вышеописанномъ костюмѣ. Увидя насъ, онѣ засмѣялись, оскалили бѣлые зубки; одна манитъ насъ къ себѣ, другія жестами показываютъ, чтобы мы ихъ взяли. Дверь была отъ насъ шагахъ въ 15-ти, и мы уже подходили, какъ вдругъ—крикъ ужаса: „ай, ой!“ дѣвушки скрылись, дверь захлопнулась и мы услышали громкій, визгливый старушечій голосъ, съ татарскою бранью. Видя суматоху въ домѣ, красавицы хотѣли воспользоваться минутной свободой, чтобы пошалить, но—увы—не удалось!

Вскорѣ мы узнали, что дѣйствительно заговоръ противъ насъ былъ въ ходу, что Амиръ-Асланъ-ханъ былъ главою его, а начало онаго шло изъ Тегерана. Причины, какъ говорили, были слѣдующія: по уплатѣ 16-ти куруровъ или 64-хъ милліоновъ, войска должны были выйти изъ Персіи, оставивъ отрядъ въ хойскомъ ханствѣ до уплаты остальныхъ 4-хъ куруровъ или 16-ти милліоновъ. Но чтобъ не выплачивать этихъ 4-хъ куруровъ, хотѣли насъ вырѣзать, въ томъ предположеніи, что предстоящій разрывъ съ Турціею не дозволитъ намъ позаняться расправой. Такой заговоръ могъ только быть выдуманъ въ безмозглой головѣ восточнаго жителя. Кончилось тѣмъ, что шаху предложили ускорить присылку остальныхъ куруровъ. Вмѣсто смѣненнаго и арестованнаго хана каджарскаго племени прислали править хойскимъ ханствомъ родственника бывшаго ширванскаго хана Мустафы—Келбалай-хана, нашего приверженца.

Какъ узнали о заговорѣ? Хотя вначалѣ и скрывали доносчика, но какъ все всплываетъ наверхъ и шила въ мѣшкѣ не утаишь, то скоро узнали, кому обязаны арестованіемъ хана. Ни одинъ честный человѣкъ не въ состояніи будетъ от-

гадать ни доносчика, ни причины доноса, а потому, хоть и съ омерзѣніемъ, но выскажусь: доносчикомъ былъ сынъ хана, тотъ самый, который при отцѣ не смѣлъ выпить чарку соку; причина же, какъ мнѣ разсказывали персіяне, состояла въ томъ, что отецъ взялъ къ себѣ дѣвушку, за которой ухаживалъ сынъ. Вотъ и образчикъ нравственныхъ понятій Востока.

Не скажу, чтобъ намъ было жаль Амиръ-Асланъ-хана—наглупилъ, ну и поплатился, да жаль, что онъ наглупилъ. Онъ былъ привѣтливъ, внимателенъ къ намъ. Эта восточная внимательность выходила иногда изъ границъ и, будучи сама по себѣ смѣшна, была для того, къ кому относилась, довольно раззорительна. Разскажу случай со мною. Разъ ханъ просилъ насъ обѣдать. Я былъ немного нездоровъ, такъ что на званный обѣдъ нельзя было идти; я не пошелъ. Видя, что меня нѣтъ, ханъ спрашиваетъ: „отчего топчи-капитанъ не пришелъ?“ Ему сказали, что я нездоровъ. „Знаю, отчего онъ нездоровъ—засмѣялся ханъ—когда онъ былъ у меня послѣдній разъ, то и въ шахматы, и въ асонасъ проигралъ, вотъ и боится прійти, чтобъ опять не проиграть.“ Возвращаясь на другой день съ прогулки, часовъ въ 11, я вижу на маломъ дворѣ дворца, у моихъ дверей, нѣсколько персіянъ съ огромными блюдами на головахъ, а одинъ держалъ огромнаго живого барана съ рогами, отъ которыхъ бы и олень не отказался. Одинъ изъ пришедшихъ, видно старшій Фераджъ, подходитъ ко мнѣ и говоритъ, что ханъ очень жалѣетъ, что я не былъ вчера у него на обѣдѣ, а потому присылаетъ мнѣ сегодня нарочно для меня сдѣланный обѣдъ и желаетъ мнѣ здоровья. Я такъ расхохотался, что долженъ былъ спросить стаканъ воды. Но офицеры, которые тутъ были, и переводчикъ говорили, что надобно принять, а то ханъ разсердится. Нечего дѣлать—съ волками по волчьи выть надо. Я приказалъ снять крыши съ хорошо вылуженныхъ мѣдныхъ блюдъ, и чтожъ? Оказалось шесть блюдъ плова, состряпаннаго на разный манеръ: съ шафраномъ, безъ

шафрана, съ изюмомъ, съ курицею, съ бараниной и еще съ какими-то пряностями, а барана прислалъ на шашлыкъ. Весь пловъ тотчасъ пошелъ къ артилеристамъ, а баранъ на конюшню. Но финалъ былъ для меня раззорителенъ: носильщикамъ по червонцу, да старшему два, итого 9 червонцевъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ была назначена г.-м. Панкратьевымъ комиссія для принятія остальныхъ 16-ти милліоновъ контрибуціоннаго золота, подъ его собственнымъ предсѣдательствомъ; въ эту комиссію и я былъ назначенъ членомъ. Золото было привезено въ палочкахъ, вершковъ пять длины и толщиною не много болѣе пальца; уложено все въ единообразныхъ кожаныхъ мѣшкахъ; достоинствомъ должно было быть какъ персидскій туманъ (4 руб. сер.), въ которомъ гораздо меньше лигатуры, чѣмъ въ червонцѣ. По испытаніи достоинства золотыхъ палочекъ и по приведеніи въ извѣстность вѣса ста тумановъ и отношенія ихъ къ рублямъ, начался пріемъ. На длинномъ столѣ, тщательно вычищенномъ, садился персидскій казначей, поджавъ ноги подъ себя, предъ нимъ вѣсы; съ лѣвой стороны клали мѣшочки, которые слѣдовало взвѣсить, съ правой—уже взвѣшенные. Одинъ персіянинъ клалъ мѣшки на столъ, другой распечатывалъ ихъ. Казначей вынималъ палочки и клалъ на вѣсы, члены комиссіи повѣряли—то одинъ, то другой—потомъ нашъ казначей бралъ золото и укладывалъ въ тѣ же мѣшочки. Одинъ изъ членовъ комиссіи запечатывалъ ихъ, секретарь записывалъ вѣсъ принятаго золота и число мѣшковъ, потомъ они укладывались въ сундуки, при которыхъ стоялъ часовой. Операція эта еще не была кончена, какъ я уѣхалъ въ Турцію къ дѣйствующимъ войскамъ.

Въ полку, расположенномъ въ Хоѣ, были два брата Р—хъ, хорошіе офицеры; кажется, старшій былъ даже казначеемъ. Вдругъ, безъ видимой причины, младшій бѣжалъ. Искали, догадывались, розыскивали и, спустя нѣкоторое время, узнали, что онъ, уже совсѣмъ переодѣтый, проживаетъ у макинскаго

хана. Маку лежитъ на одномъ изъ высокихъ отроговъ Малаго Арарата. Ханъ этого небольшого ханства, считаясь подвластнымъ персидскаго шаха, въ сущности не признаетъ ничьей власти, съ курдами своими разбойничаетъ, гдѣ можетъ, и всегда безнаказанно. Генералъ послалъ ему сказать, чтобъ онъ тотчасъ выдалъ бѣжавшаго, и такъ какъ бѣглый офицеръ не караванъ съ товаромъ, то ханъ, не долго думая, выдалъ его. Что дѣлать? Надобно было дать гласность постыдному дѣлу—нарядили военный судъ. Какъ-то вечеромъ я былъ у генерала Панкратьева. Послѣ чая мы остались одни. Вдругъ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „скажите, Эдуардъ Владиміровичъ, еслибы вы были на моемъ мѣстѣ, что бы вы сдѣлали съ Р—мъ?“

— То, что ваше превосходительство сдѣлали—отдалъ бы подъ судъ.

— Ну, а если военный судъ приговоритъ къ смертной казни—вѣдь это бѣгство въ военное время.

Я молчалъ.

— Что бы вы сдѣлали? повторилъ генералъ.

— Ничего бы ни сдѣлалъ; предоставилъ бы, кому слѣдуетъ, исполнить приговоръ суда.

— И подписали бы смертный приговоръ?

— Конечно бы подписалъ—это мой долгъ.

— Но это ужасно! вы этого не понимаете. Подписать смертный приговоръ!

— Оно непріятно, Никита Петровичъ, согласенъ, но мало ли непріятныхъ обязанностей налагаетъ на насъ служба. Чѣмъ выше занимаемый постъ, тѣмъ отвѣтственность становится тяжелѣе. Строгое исполненіе закона есть долгъ. Законъ снимаетъ съ начальника отвѣтственность; онъ орудіе закона. Оно непріятно, но тутъ можно сказать: fais ce que dois, advienne que pourra.

Генералъ ходилъ по комнатѣ, видимо недовольный. Онъ

говорилъ о молодости офицера, называлъ сдѣланное преступленіе проступкомъ, вспоминалъ о прежней хорошей службѣ, и пр., и пр., какъ бы стараясь найти причины къ смягченію вины офицера и къ ослабленію взысканія. Когда я поклонился генералу, чтобы уйти, онъ, подавая мнѣ руку, спросилъ:

— И вы бы подписали?

Но отвѣта я не далъ.

Умный Панкратьевъ, конечно, хорошо понималъ, что въ военномъ быту, особенно въ военное время, послабленіе закона имѣетъ дурныя послѣдствія, но доброе сердце его мѣшало ему ихъ видѣть, какъ бы заслоняло ихъ. Уѣхавъ вскорѣ къ войскамъ, дѣйствовавшимъ уже въ Турціи, я не знаю, чѣмъ кончилась судьба молодого преступника.

Въ началѣ іюня мы узнали, что главнокомандующій, собравъ войска при Александрополѣ, перешелъ турецкую границу и осаждаетъ крѣпость Карсъ. Въ послѣднее время я часто просилъ генерала Панкратьева отправить меня подъ какимъ нибудь предлогомъ въ дѣйствующій корпусъ, но онъ всегда смѣялся и говорилъ, что въ артилерію не вмѣшивается, а разстаться со мною не желаетъ, и что скоро мы сами будемъ въ дѣйствіи. Но вотъ, къ счастью моему, нашъ ротный командиръ получаетъ отъ бригаднаго командира письмо, въ которомъ между прочимъ тотъ пишетъ, что такъ какъ Бриммеръ произведенъ въ капитаны, а въ батарейной № 1-й батареѣ вакансія, то онъ имѣетъ намѣреніе представить меня къ переводу въ эту батарею. Я ухватился за письмо, какъ за предлогъ къ отправленію меня въ Турцію, но толстенькій Аристовъ, при всей своей простотѣ, все-таки хорошо понималъ, что для перемѣщенія офицера надобно предписаніе начальства или приказъ. Два дня непрестанныхъ, докучливыхъ убѣжденій, что онъ не подвергнется отвѣтственности, потребовалось, чтобы уломать его.

— Да какъ же я вамъ напишу предписаніе отправиться?

— На основаніи полученнаго письма бригаднаго командира.

— Ну напишите сами; посмотримъ, какъ вы вывернетесь? Да и у генерала Панкратьева надо спроситься?

— Не безпокойтесь, ужъ у него я выхлопочу позволеніе; только дайте вы предписаніе.

— Ну, пишите!

Съ подписаннымъ ротнымъ командиромъ предписаніемъ, въ коемъ было сказано—„освѣдомясь изъ письма бригаднаго командира, что онъ имѣетъ намѣреніе представить васъ къ переводу въ батарейную № 1 роту, предписываю вамъ немедленно отправиться къ означенной ротѣ,“ я пришелъ къ генералу Панкратьеву и, разсказавъ ему о моемъ перемѣщеніи, просилъ дозволенія отправиться. Долго генералъ не соглашался; тогда я сказалъ, что получилъ отъ ротнаго командира предписаніе.—„Покажите.“—Я подалъ его, онъ прочелъ и засмѣялся.

— Да это вы сами написали!

— Подписано не мною, ваше превосходительство.

— Ну, Богъ съ вами, поѣзжайте. Я знаю, вы ѣдете за георгіевскимъ крестомъ. А Аристову будетъ выговоръ. Я напишу начальнику артилеріи, что по случаю вашего перевода, дозволилъ вамъ выѣхать изъ отряда.

Откланявшись генералу и простившись съ товарищами, изъ коихъ мнѣ болѣе всѣхъ жаль было Мишку Селиванова, прапорщика, въ началѣ 1826 года прибывшаго къ намъ изъ кадетъ 2-го кадетскаго корпуса (объ этомъ достойномъ молодомъ офицерѣ скажу впослѣдствіи), я съ казачьимъ конвоемъ отправился на собственной тройкѣ, запряженной въ телѣжку. Одинъ деньщикъ правилъ, другой, Онисимъ, сидѣлъ подлѣ на облучкѣ, весьма недовольный перемѣщеніемъ, потому, какъ говорилъ онъ, лучшей квартиры въ Турціи не найдешь: „шутка сказать, жили во дворцѣ, и въ городѣ приволье—всего достать можно; а тамъ опять валяйся на землѣ, сегодня недо-

спишь, завтра не доѣшь.“ А главное неудовольствіе, о которомъ мой добрый Онисимъ умалчивалъ, заключалось въ томъ, что ему пришлось разстаться со своею возлюбленною армянкою. Въ Аббасъ-Абадѣ, уже русскомъ городѣ, я заночевалъ. Утромъ рано пошелъ выкупаться въ Араксѣ, но рѣка имѣла отвратительный запахъ: какъ только голову высунешь изъ воды, такъ мертвечиной и повѣетъ. Дѣло въ томъ, что смертность людей и скота въ прошломъ году была велика, а за зиму много умерло больныхъ въ госпиталѣ; зарывали не глубоко, видно, мало обращали вниманія на это. Какъ Богъ спасъ отъ чумы! Но тифъ, кажется, свирѣпствовалъ. Посмотрѣлъ на пресловутую Эривань, глиняныя стѣны которой (изъ необожженаго кирпича), аки іерихонскія, могли бы, кажется, пасть отъ звука трубъ. Осмотрѣлъ прекрасную мечеть, свѣтлую и просторную. Ночевать поѣхалъ въ армянскій первопрестольный монастырь Эчміадзинъ. Монахи очень любезно приняли меня, отвели просторную комнату, предлагали ужинать, но я отказался и легъ спать. Въ 5 часовъ утра монахъ показалъ мнѣ великолѣпную церковь и мощи св. Григорія; мы заглянули даже въ нѣсколько келій. Должно быть, тамъ живется хорошо, ибо всѣ видѣнные мною монахи были тучные, краснощекіе ребята, аки упитанные тельцы. Верстахъ въ 25-ти отъ Эчміадзина, я проѣзжалъ по полю сраженія, неудачно окончившагося для генерала Красовскаго. Конвойный казакъ, бывшій въ этомъ дѣлѣ, разсказывалъ, что̀ зналъ и какъ умѣлъ, и показалъ гдѣ, на малой возвышенности, стояла персидская батарея. Еще говорилъ, что наша артилерія въ заднемъ авангардѣ (въ аріергардѣ) славно била персіянъ: „все пушки были большія (батарейныя); а полковникъ Гилленшмидтъ-то такой тихій, отойдетъ немного, да опять остановится—ужъ положилъ онъ ихъ тутъ! А то бы плохо было нашимъ. Да, нечего сказать, и такъ досталось хорошо! Э-эхъ, плохо было, ваше благородіе“, закончилъ казакъ. Полковникъ, котораго онъ хва-

лилъ, былъ командиръ 20-й артилерійской бригады Яковъ Яковлевичъ Гилленшмидтъ, произведенный въ генералы и назначенный, по смерти Унтилье, начальникомъ артилеріи кавказскаго корпуса.

Пріѣхавъ въ Александрополь поздно вечеромъ, я узналъ, что утромъ на другой день пойдетъ оказія въ Карсъ. Лучшаго и ожидать нельзя было. Чтобы не терять времени, я остановился у казацкаго поста, напился чаю и легъ спать въ повозку. Утромъ рано мы переправились чрезъ р. Арпачай, нашу границу съ Турціею, и поплелись черепашьимъ шагомъ по дорогѣ къ Карсу. Погода была ясная, но вѣтеръ дулъ намъ прямо въ лицо; на полдорогѣ онъ до того усилился, что во время одного порыва лошади мои повернули повозку налѣво и остановились. Я закрылся справа и вижу: передо мною гора, отъ нея плоская возвышенность тянется къ деревнѣ, кругомъ равнина [6]). Весь транспортъ, остановившійся при порывѣ урагана, скоро поплелся далѣе, и мы заночевали близь армянской деревни, верстахъ въ десяти отъ лагеря. Утромъ рано почта съ коннымъ конвоемъ и я на своей тройкѣ мчались уже въ лагерь. Переодѣвшись у товарищей-артилеристовъ, очень удивленныхъ моимъ пріѣздомъ, я пошелъ къ бригадному командиру.—„По какому случаю вы пріѣхали?“ было первое слово, меня встрѣтившее.

— По вашему письму къ подполковнику Аристову.

— По письму! что онъ это выдумалъ? Развѣ письмо предписаніе? Начальникъ артилеріи будетъ недоволенъ, Аристову достанется. Впрочемъ, что вы пріѣхали, я весьма доволенъ. Ступайте проворнѣе къ начальнику артилеріи.

Прихожу къ генералу Гилленшмидту, человѣкъ доложилъ, вхожу въ ставку, явился.—„Кто сказалъ генералу Панкратьеву, что вы переведены въ батарейную роту?“—и указываетъ

[6]) Поле битвы при Кюрюкъ-дара въ 1854 году. Какъ будто Провидѣніе желало, чтобы я разсмотрѣлъ поле, на которомъ ровно черезъ 26 лѣтъ заслужилъ Георгія 3-й степени.

на бумагу, лежащую на столѣ. Значитъ—почта съ конвертомъ Панкратьева опередила меня. Генералъ, человѣкъ тихій, казался мнѣ крѣпко разсерженнымъ.—„Какъ вы могли отъѣхать изъ своей роты, не получивъ предписаніе отъ своего начальства?“ Въ это время входитъ адъютантъ и говоритъ: „бригадный командиръ не давалъ предписанія объ отправленіи капитана Бриммера.“—Я имѣю предписаніе ротнаго командира,—и вынулъ его.—„Покажите сюда!“ Я подалъ ему, онъ прочелъ, пожалъ плечами: „это вы сами сочинили; не можетъ быть, чтобы онъ вздумалъ, на основаніи не сдѣланнаго еще представленія, отправить васъ къ новому назначенію.“

— Ваше превосходительство, позвольте мнѣ сказать одно слово: въ началѣ персидской кампаніи покойный начальникъ артилеріи далъ мнѣ трудное порученіе, отъ котораго, какъ всѣмъ извѣстно, я просилъ его превосходительство меня уволить, потому что не хотѣлъ потерять кампаніи. Порученіе, данное мнѣ, я выполнилъ, но кампанію потерялъ. Теперь открылась война, вотъ уже и Карсъ взятъ, а я долженъ оставаться въ войскахъ, которыя бездѣйствуютъ. Чѣмъ же я провинился?

Генералъ выслушалъ меня и все время смотрѣлъ мнѣ въ глаза; казалось, онъ поуспокоился и ужъ не такъ сердито отвѣчалъ:

— Прочитавши отзывъ генерала Панкратьева, я приказалъ написать вамъ предписаніе отправиться обратно въ 3-ю легкую роту (адъютантъ показываетъ предписаніе, принесенное имъ для подписи), но такъ какъ вы уже пріѣхали, а штабсъ-капитанъ Лѣпницкій умеръ, то я васъ назначаю командовать крѣпостною артилеріею въ Карсѣ.

— Я прошу ваше превосходительство позволить мнѣ отправиться въ 3-ю легкую роту: я не знаю за собой никакой вины; не зналъ также, что я нахожусь въ опалѣ. За то, что офицеръ просится быть въ дѣйствіи противъ непріятеля, его не наказываютъ.

Добрый, почтенный генералъ улыбнулся; видимо, гнѣвъ его уже прошелъ.

— Да вы не проситесь, вы сами пріѣхали; этакое самовольство нельзя терпѣть.

— Я имѣлъ честь показать вамъ полученное мною предписаніе.

— Ну, хорошо, Бриммеръ, на этотъ разъ вамъ сойдетъ.

Затѣмъ онъ обратился къ адъютанту:

— Скажите бригадному командиру, чтобы сейчасъ сдѣлалъ представленіе о переводѣ ихъ въ 1-ю батарейную роту.

Я поклонился и поблагодарилъ.

— Но впередъ сами себѣ не пишите предписаній.

Ухъ, отлегло отъ сердца!

Когда мы вышли изъ палатки, адъютантъ сказалъ: „ну отдѣлался, счастливъ! Прочтя бумагу Панкратьева, онъ ужасно разсердился.“

— А ты хорошъ: ужъ и обратное предписаніе настрочилъ!

Возвратившись къ бригадному командиру, я передалъ ему разговоръ съ начальникомъ артилеріи.—„Ну, слава Богу—сказалъ онъ—вы знаете, Эдуардъ Владиміровичъ, я раненый, не могу за всѣмъ усмотрѣть, и потому, прошу васъ, распоряжайтесь всѣмъ въ моей ротѣ и командуйте ею—я въ васъ совершенно увѣренъ.“

Такимъ образомъ я принялъ командованіе батарейною № 1 ротою, а настоящій командиръ ея уже ни во что не вмѣшивался, кромѣ одного раза, гдѣ самолюбіе его было затронуто; но объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ.

Кажется я упомянулъ раньше, что довольно значительный хойскій дворецъ былъ въ моемъ вѣдѣніи, за благоразумный разборъ коего, т. е. что̀ послать въ Тифлисъ, что̀ отдать войскамъ и что̀ уничтожить, я получилъ благодарность. Но это была не вся выгода собственно для меня. При арсеналѣ былъ

довольно большой садъ съ фруктовыми деревьями, въ особенности съ прекрасными вишнями, большими и превкусными. Въ маѣ онѣ поспѣли. Раздавая ихъ всѣмъ и каждому и лакомясь самъ до пресыщенія, я все таки не успѣлъ покончить съ ними и потому вздумалъ приготовить изъ нихъ вишневую настойку, которая оказалась совершеннымъ нектаромъ. Этой настойки я привезъ въ Турцію съ дюжину бутылокъ, умѣренное употребленіе коихъ протянулось во всю кампанію 1828 года. Видите, какую я извлекъ выгоду, командуя персидскимъ арсеналомъ!

Припомню здѣсь вечеръ, когда почта привезла намъ въ Хой извѣстіе съ объявленіемъ войны Турціи. Товарищи-артилеристы и нѣсколько саперъ пришли ко мнѣ чай пить. Разговоръ, разумѣется, зашелъ о войнѣ. Саперная рота штабсъ-капитана Шеффлера и артилерійскій паркъ уже получили приказаніе выступить въ Александрополь къ собравшимся дѣйствующимъ войскамъ; нашей роты прапорщикъ Отрада шелъ съ паркомъ. Разумѣется мы, оставшіеся, поздравляли уходящихъ. За ужиномъ кто-то сказалъ: „вотъ насъ собралось здѣсь семь человѣкъ, а сколько-то останется послѣ кампаніи? вѣдь война съ турками—это будетъ посерьознѣе, чѣмъ съ персіянами.“

— Полноте объ этомъ говорить—сказалъ я—наше дѣло честно служить, а тамъ, что будетъ, то будетъ.

— Батюшка писалъ мнѣ—пошутилъ Отрада—что въ своемъ городишкѣ, въ Малороссіи, послѣ каждой нашей побѣды надѣваетъ мундиръ къ молебствію; я боюсь, если турецкая война будетъ также счастлива, какъ персидская, то онъ скоро износитъ бѣлые штаны свои.

Странно, когда господа расходились и прощались со мною, мнѣ, всегда веселому, любившему молодую кипучую бесѣду и сегодня принимавшему въ ней участіе, сдѣлалось грустно, и я каждаго провожалъ съ сожалѣніемъ! Вопросъ—сколько-то оста-

нется изъ насъ—не выходилъ у меня изъ головы. Засыпая съ послѣднею мыслью—сколько-то останется?—мнѣ было жаль всю эту молодежь (только саперъ Вильде былъ уже не молодъ), точно уже обреченную на смерть. И вотъ, какъ сбылись мои грустныя предчувствія: прапорщикъ Отрада, по взятіи Карса, былъ первою жертвою чумы, купивъ у плѣннаго турецкаго офицера шаль; прапорщикъ Селивановъ изрубленъ турками при нападеніи на Баязетъ (въ своемъ мѣстѣ припомню), саперный штабсъ-капитанъ Шеффлеръ убитъ на моихъ глазахъ при штурмѣ Ахалцыха, укрѣпляя взятую батарею; штабсъ-капитанъ Ш—ъ раненъ подъ Баязетомъ; саперъ Вильде раненъ тяжело въ шею послѣ турецкой кампаніи, въ экспедиціи 1831 года за Кубанью; прапорщикъ Головачевъ умеръ во время кампаніи 1829 года.

VIII.

ВО ВРЕМЯ ТУРЕЦКОЙ КАМПАНІИ 1828 и 1829 ГОДОВЪ. Непростительный проступокъ артилериста. Человѣкъ вмѣсто куля. Чума. Походъ къ Ахалцыху. Взятіе Ахалкалакъ. Размѣнъ мирнаго трактата съ Персіею. Хертвисъ. Завтракъ съѣлъ не тотъ, для кого онъ былъ приготовленъ. Къ Ахалцыху. Сильная рекогносцировка. Батарея № 1. Ночное движеніе. Полевое сраженіе 9-го августа. Взглядъ съ возвышенности на Ахалцыхъ. Осада Ахалцыха съ 9-го по 15-е августа. Замѣщеніе начальниковъ, по солдатскому понятію. Оставленіе малыхъ укрѣпленій. Крупный разговоръ съ главнокомандующимъ. Задѣтое самолюбіе ближайшаго начальника. Передъ штурмомъ. Предчувствіе. Тишина передъ бурею. Усиленная стрѣльба. Штурмъ. „Дитя межъ ужасовъ войны.“ Сдалась и цитадель. Добродушіе русскаго солдата. Добыча стоитъ солдату дорого, а отдаетъ онъ ее дешево. Ахиллъ убитъ въ пятку. На квартирѣ. Въ Грузію. За совѣтъ—Георгія.

Припоминаю, что видѣлъ или что со мною случилось; отрывочныя замѣтки помогаютъ моей памяти. По взятіи Карса, начальникъ артилеріи назначилъ штабсъ-капитана Лѣпницкаго командиромъ крѣпостной артилеріи въ завоеванной крѣпости, съ предписаніемъ принять артилерію и всѣ запасы въ свое вѣдѣніе, привесть все въ порядокъ и описать. Офи-

церъ, увидѣвъ пороховые погреба, ужаснулся: они столѣтія не провѣтривались, на каменныхъ стѣнахъ отъ сырости плѣсень, изъ незакупоренныхъ и опрокинутыхъ бочекъ порохъ вездѣ валялся разсыпаннымъ по землѣ; стѣны и воздухъ въ погребахъ были пропитаны пороховою пылью, однимъ словомъ—безпорядокъ, настоящее турецкое хозяйство! Нарядили рабочихъ, изъ артилерійскихъ ротъ назначили мастеровыхъ и закипѣла вездѣ работа. Пороховые погреба совершенно очистили, двери, окна, отдушины—все, что могло пропустить воздухъ, отворили. Стѣны и потолки мыли, скребли и опять мыли. Наконецъ пошла плотничная работа—двери, рамы, полки и прочее. Штабсъ-капитанъ Лѣпницкій ходитъ по работамъ, смотритъ и не нарадуется, что всѣ склады, въ особенности пороховые погреба, приняли порядочный видъ и все, взятое у турокъ, разсортируется и размѣстится какъ слѣдуетъ, еще до отхода войскъ и что онъ можетъ показать труды свои начальнику артилеріи. Въ такомъ радостномъ настроеніи разъ онъ пришелъ въ одинъ пороховой погребъ, въ которомъ четыре плотника доканчивали свои работы.—„Что, сегодня все кончите?“—Сегодня кончаемъ, отвѣчаютъ плотники.

— Ну, хорошо. Кажется, всю пороховую пыль вывѣтрили и вымели; все бы не дурно попробовать не осталось ли чего? И, обращаясь къ пришедшему съ нимъ фейерверкеру, говоритъ: „поди-ка, да принеси горсточку пороху да фитиль.“ Чрезъ пять минутъ фейерверкеръ приноситъ въ мѣшочкѣ порохъ и фитиль. Штабсъ-капитанъ Лѣпницкій насыпаетъ пороху на полъ и беретъ фитиль у фейерверкера. А тотъ, подавая ему фитиль, говоритъ: „ваше благородіе, не зажигайте, ради Бога; вѣдь Богъ знаетъ, что можетъ случиться. Право, не зажигайте.“

— Что можетъ случиться? развѣ мы даромъ провѣтривали, да мыли стѣны?—и занесъ фитиль на порохъ. Тотъ вспыхнулъ—взрывъ, весь погребъ въ пламени... Лѣпницкій и трое

мастеровыхъ на землѣ, задохнувшіеся на-смерть; фейерверкеръ успѣлъ добѣжать до открытой двери и, ушибленный, упалъ на порогѣ. Четвертый мастеровой, Афанасьевъ, нашей роты, который это разсказывалъ мнѣ и работавшій у самой двери, былъ сброшенъ взрывомъ на фейерверкера.—„А голова-то моя была за дверьми, на воздухѣ, такъ насъ двухъ и спасъ Богъ,“ кончилъ онъ свой разсказъ.

А вотъ еще другой случай, гдѣ тоже отличился артилеристъ. По взятіи Карса, туда поставили гарнизономъ пѣхоту и четыре орудія легкой № 2 роты нашей бригады, подъ командою капитана Кузнецова. Казарма, гдѣ расположились артилеристы, была въ крѣпости или, лучше сказать, въ цитадели, т. е. на самой вершинѣ обрывистой скалы, у подножья которой течетъ Карсъ-чай. На этой рѣкѣ, почти подъ казармой, была водяная мельница, гдѣ мололи пшеницу для солдатъ; потомъ муку доставляли чрезъ городъ въ цитадель. Перевозка снизу, отъ рѣки, чрезъ городъ на высокую гору, по скверной дорогѣ, конечно, утомляла лошадей. Чтобы устранить это, капитанъ Кузнецовъ придумалъ сдѣлать на скалѣ, близъ казармы, на блокахъ спускную досчатую площадку (какъ бываетъ въ двухъ-этажныхъ провіантскихъ магазинахъ), которая бы веревками на блокахъ поднимала муку вверхъ. Когда все было готово, попробовали спустить пустую машину — идетъ хорошо. Теперь надобно посмотрѣть выдержатъ ли веревки куль муки? Кажется, чего бы легче—наложить куль и поднять! Нѣтъ, Кузнецовъ выдумалъ лучше: онъ самъ сѣлъ на доску и велѣлъ себя спускать. Вначалѣ все шло хорошо; но по мѣрѣ того, какъ веревка развертывалась, спускающаяся тяжесть, т. е. Кузнецовъ, становилась все тяжелѣе, а на половинѣ горы веревки не выдержали, лопнули, доска обернулась—и несчастный полетѣлъ внизъ, ударяясь о неровности горы то одной, то другой частью тѣла. Когда я посѣтилъ его дня черезъ три послѣ случившагося, онъ лежалъ съ обвязанною го-

ловою и жаловался, что весь разбитъ. Послѣ турецкой кампаніи онъ получилъ роту на линіи; но говорили, что отъ ушибовъ умственныя способности его пострадали и, кажется, въ началѣ 30-хъ годовъ онъ умеръ.

По пріѣздѣ моемъ къ дѣйствующимъ войскамъ, чума хотя еще не прекратилась, но уже энергическими мѣрами главнокомандующаго ослабѣла до того, что паническій страхъ первыхъ дней пропалъ. Всѣ части войскъ стояли отдѣльно; нѣкоторыя, въ коихъ оказывались чумные случаи, были еще оцѣплены часовыми. Всѣ войска, съ офицерами, ходили разъ или два въ день купаться въ Карсъ-чай; гдѣ оказывался чумный случай, ту часть войскъ отдѣляли совершенно и всѣ вещи клали въ рѣку промывать. Тутъ не было пощады никакому платью, на что крѣпко жаловались командиры частей, у которыхъ на мундирахъ имѣлось красное сукно. Всѣ тогда говорили, что крѣпкая воля Паскевича, не терпѣвшая никакихъ послабленій въ мѣрахъ, принятыхъ для прекращенія заразы, была причиною малой смертности въ дѣйствующемъ отрядѣ.

Предосторожности, принимавшіяся противъ заразы и неуклонно исполняемыя начальниками частей подъ страхомъ строгой отвѣтственности, крѣпко надоѣли войску, и потому радость была общая, когда въ половинѣ іюня приказано было выступить къ Ахалцыху. Трудный переходъ! Вся дорога шла горами—то длинные, высокіе, крутые подъемы, то необдѣланные крутые спуски—и находилась въ первобытномъ состояніи до нагорнаго Чалдырскаго озера, даже почти до Ахалкалакъ, однимъ словомъ—турецкая дорога. У подошвы горы, на которой лежитъ Чалдырское озеро, мы дневали. Поднимались, чтобы полюбоваться рѣдкимъ явленіемъ огромнаго озера на высокой горѣ. Видѣли какія-то толстыя, развалившіяся стѣны, работу, кто знаетъ, какихъ вѣковъ и какихъ людей, но ужъ, конечно, не турокъ. Тотчасъ по прибытіи къ Ахалкалакамъ, ихъ обложили; на другой день батарейная рота 20-й бригады нашла себѣ

на возвышенномъ мѣстѣ позицію, съ которой въ крѣпость можно было стрѣлять безъ промаха. Потомъ капитанъ этой батареи князь Чхеидзе хвалился мѣткою стрѣльбою, тѣмъ, что ни одно ядро мимо не пошло. Еще бы! Ахалкалаки—это нѣсколько жилыхъ строеній, обнесенныхъ толстою каменною, четыреугольною стѣною, кажется, съ одними воротами. Противъ воротъ поставили пушку, пѣхота ихъ доломала, нетерпѣливые перелѣзли чрезъ стѣну. Гарнизонъ не долго держался—бросился въ другую сторону; кто успѣлъ бѣжать за стѣны, того кавалерія или била, или хватала. Говорятъ, гарнизона было тысячи полторы, плѣнныхъ взято до двухсотъ, удалось убѣжать или скрыться, можетъ быть, не больше десяти.

На другой день, послѣ молебствія съ парадомъ, была передача ратификаціоннаго мирнаго договора съ Персіею, привезеннаго наканунѣ персидскимъ посломъ. Въ цвѣтистой рѣчи, сказанной при этомъ случаѣ, онъ называлъ нашего Государя „могущественнѣйшимъ“, а главнокомандующаго—„величайшимъ изъ полководцевъ всѣхъ временъ,“ и кончилъ такъ: „если уже вы восторжествовали надъ войсками непобѣдимаго шаха, то и турокъ повергнете въ прахъ, потому что и мы ихъ всегда бьемъ!“ Иванъ Ѳеодоровичъ, которому бить персіянъ было легче, чѣмъ разговаривать съ ними, сказавъ нѣсколько словъ о дружбѣ между сосѣдями, о покорности и прочая, остановился, не кончивъ фразы. Молчаніе его начинало ужъ насъ безпокоить, какъ вдругъ онъ поднялъ голову, грозно взглянулъ на персіянина и громко сказалъ: „да, порядокъ ведетъ къ побѣдамъ!“

На другой день гренадерская бригада, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева, своего бригаднаго командира, выступила къ Хертвису, по дорогѣ въ Ахалцыхъ. Войска стали лагеремъ на горной плоскости Хертвисъ; маленькое укрѣпленіе лежало внизу, въ ущельи, по которому протекала Кура. Ночью турки оставили укрѣпленіе.

За совершенное и скорое истребленіе чумы въ кавказской гренадерской бригадѣ Муравьевъ получилъ благодарность главнокомандующаго, но осмотръ по утрамъ всѣхъ чиновъ продолжался. Вообразите же мою досаду, когда однажды утромъ, только-что я вышелъ изъ палатки, нашъ долговязый бригадный медикъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Эдуардъ Владиміровичъ, у васъ въ ротѣ зачумленный.“

Меня такъ и обдало холодомъ, однако я велѣлъ привести его къ себѣ. Солдатъ подходитъ, снимаетъ шинель, рубашку; точно—подъ лѣвой мышкой багровый желвакъ; впрочемъ, видъ бодрый, глаза свѣтлые.

— Откуда это у тебя? спрашиваю я его.

— Изъ деревни, ваше высокоблагородіе.

— Какъ изъ деревни?

— Точно такъ; у насъ въ деревнѣ это у всѣхъ бываетъ. Это „сучье вымя“ зовется—отъ воды, ваше высокоблагородіе.

— А по вашему это чума? обратился я къ медику.

— Точно такъ,-отвѣчалъ онъ.

Нечего дѣлать, я пошелъ къ генералъ-маіору Муравьеву съ медикомъ, чтобы доложить о непріятномъ случаѣ. Николай Николаевичъ вышелъ посмотрѣть на больного.

— Да, помилуйте, это здоровый человѣкъ! и глаза свѣтлые. Раздѣнься.

Солдатъ раздѣлся.

— Что это у тебя?

— Сучье вымя, ваше превосходительство.

— Да онъ совсѣмъ бодрый; онъ здоровъ. Аппетитъ есть у тебя?

— Не могимъ знать, ваше превосходительство.

— Ѣсть хочешь? спросилъ я его.

— Какъ прикажете, ваше высокоблагородіе.

Николай Николаевичъ приказалъ подать, что было съѣстного—принесли курицу, хлѣба, кусокъ холодной говядины; отъ

меня принесли водки и тоже говядины. Нашъ больной сѣлъ на траву и въ присутствіи кружка любопытныхъ какъ началъ уписывать все поданное, такъ Муравьевъ рѣшилъ, что онъ здоровъ. Отходя со мною въ свою палатку, онъ сказалъ: „вашъ медикъ не геній, а солдатъ-то мой завтракъ съѣлъ!“ Это было послѣднее напоминаніе о чумѣ, болѣе мы не заботились о ней; но при главнокомандующемъ былъ докторъ, италіянецъ или грекъ, который и послѣ взятія Ахалцыха пугалъ его чумой.

Опять потянулись мы, то спускаясь въ ущелья, то круто подымаясь на высокія горы и часто останавливаясь, гдѣ надобно было хоть немного разработать дорогу, чтобы возможно было пройти. Шли все внизъ по Курѣ, обошли укрѣпленіе Аспиндзу, запиравшее ущелье и занятое турками, и наконецъ вышли на плоскость предъ Ахалцыхомъ. 3-го августа мы вышли изъ ущелья и расположились лагеремъ верстахъ въ двухъ-трехъ отъ крѣпости. 4-го пришелъ изъ Гори малый отрядъ войскъ, двигавшійся вверхъ по Курѣ, по ущелью, мимо турецкаго укрѣпленія Ацхуръ, изъ котораго сдѣлали по немъ нѣсколько выстрѣловъ. Говорили, что въ ахалцыхской крѣпости гарнизона 14 тысячъ—все лазы, горный народъ, самый бойкій изъ всего турецкаго населенія. Одинъ порядочный армянинъ, житель здѣшняго пашалыка, пришелъ къ нашему полковнику и сказалъ: „Ну, если вы возьмете Ахалцыхъ, тогда гуляйте по всей Азіи, идите въ Эрзерумъ, Багдадъ, хоть въ Индію—никто не будетъ противиться; а кто захочетъ драться, того скоро побьете; лазы самые храбрые люди.“ Былъ слухъ, что изъ Эрзерума идетъ войско на выручку Ахалцыха; у насъ же съ пришедшимъ подкрѣпленіемъ едва ли было до десяти тысячъ. А если взять въ соображеніе, что въ случаѣ неудачи у насъ на пути отступленія горы и два ущелья, въ каждомъ изъ которыхъ по турецкому укрѣпленію, то весь благородный рискъ нашего главнокомандующаго и вся безпре-

дѣльная увѣренность къ предводимымъ имъ войскамъ будутъ понятны.

5-го числа Паскевичъ сдѣлалъ усиленную рекогносцировку, съ цѣлью занять гору, съ которой былъ виденъ Ахалцыхъ. Двѣ батарейныя роты кавказской гренадерской и 21-й бригадъ шли впереди развернутымъ фронтомъ, за ними пѣхотная гренадерская бригада, съ распущенными знаменами; кавалерія на флангахъ и позади. Главнокомандующій, пріѣхавъ, остановился впереди между батареями и самъ скомандовалъ: „движеніе впередъ!“ Все тронулось, знамена заколыхались, музыка заиграла. Солнце съ чистаго небосклона какъ бы улыбалось намъ. Я ѣхалъ передъ батареей. Увидѣвъ впереди у подошвы горы оврагъ, я поскакалъ, чтобъ посмотрѣть, какъ провезти орудія. Оврагъ шелъ слѣва, все углубляясь вправо, такъ что ротѣ 21-й бригады можно было идти прямо; четыре лѣвыя орудія нашей батареи, очертя голову, могли рискнуть, но прочимъ надо было взять вправо, по дорогѣ, идущей въ оврагъ, огибавшій всю крѣпость съ этой стороны. Только-что я успѣлъ прискакать къ батареѣ и сказать, чтобъ справа спускались по дорожкѣ, какъ главнокомандующій скомандовалъ: „рысью, маршъ!“ Батареи стройно понеслись впередъ. Батарейная рота п. Семчевскаго благополучно прошла оврагъ; правыя орудія нашей батареи взяли въ одно орудіе по дорогѣ, а шесть орудій, несмотря на крутость оврага, не уменьшили хода и рысью спустились внизъ. Два ящика разстроили порядокъ. Одинъ вскачь опередилъ орудія, и только довольно крутая гора успокоила лошадей, послѣ чего онъ повернулъ на свое мѣсто; другой, ударившись колесомъ о камень, опрокинулся; лошади упали и ѣздовой съ ними. Я подскакалъ, чтобы посмотрѣть, не сломалось ли что. Въ это время главнокомандующій со всей свитой подъѣхалъ къ ящику и говоритъ: „молодцы артилеристы!“ и, обращаясь ко мнѣ — „ступайте къ батареѣ, мы тутъ все поправимъ.“ Батарея ускореннымъ ша-

гомъ подвигалась по крутизнѣ на гору, но какъ только подъемъ сдѣлался отложе, мы стройно двинулись рысью впередъ. Огромная толпа конныхъ и пѣшихъ турокъ, стоявшихъ на горѣ, видя наше приближеніе, бросилась бѣжать; нѣсколько ядеръ и гранатъ скоро совершенно очистили гору.

Съ этой горы виденъ былъ весь Ахалцыхъ. Главнокомандующій тотчасъ же велѣлъ на горѣ выстроить редутъ, названный батареею № 1-й. Здѣсь оставили меня съ 4-мя единорогами, а баталіонъ занялъ гору. На этомъ мѣстѣ я простоялъ 5-е и 6-е число. Въ первую ночь турки подползали изъ крѣпости и насъ безпокоили, но, удостовѣрившись, что мы не оплошны, оставили въ покоѣ. 7-го числа пріѣхалъ на гору главнокомандующій со свитою. Увидя, что начальникъ артилеріи со мною разговариваетъ, онъ спросилъ меня, что я видѣлъ и въ кого стрѣлялъ? Я сказалъ, что вчера утромъ было большое движеніе въ этой сторонѣ и потому сдѣлалъ три выстрѣла въ проходившія толпы, а потомъ скоро все утихло. Тутъ мы узнали, что на выручку крѣпости пришелъ съ войсками Кіайя-паша, начальникъ штаба эрзерумскаго сераскира, по прозвищу Кёсё-паша. Отъѣзжая, начальникъ артилеріи сказалъ, что меня тотчасъ смѣнятъ и что сюда придутъ четыре орудія 21-й бригады, чему мы всѣ очень обрадовались.

8-го числа мы получили приказаніе быть готовыми къ ночному движенію. Если въ несвѣтлую ночь вы двигаетесь съ войскомъ по торной большой дорогѣ, то возможно избѣгнуть всякаго безпорядка; но если движеніе производится безъ дороги, по неровной мѣстности и приходится переходить овраги, то надобно ожидать, что пѣхота смѣшается съ артилеріею, что при спускахъ и подъемахъ она будетъ обгонять артилерію, а на гладкомъ полѣ послѣдняя опередитъ пѣхоту; хорошо если какая нибудь кавалерійская часть не перерѣжетъ вамъ дорогу. Хотя у насъ и былъ проводникъ, но съ пѣхотою мы столкнулись. Только благодаря благоразумію гг. офицеровъ, зани-

мавшихся своими взводами, съ крутыхъ спусковъ сходили бережно, а на подъемахъ не останавливались; такимъ образомъ все прошло благополучно, хотя нашъ горячій бригадный командиръ уже началъ сильную перебранку съ какимъ-то пѣхотнымъ штабъ-офицеромъ. Сдѣлавъ около пяти верстъ, мы со свѣтомъ приблизились къ турецкимъ лагерямъ. Турки уже увидѣли наше движеніе и выстраивались, чтобы принять насъ.

Хотя я не описываю сраженія, а припоминаю только то, что меня собственно касается, но, чтобы хоть сколько нибудь быть понятнымъ, долженъ описать нашу позицію. Мы стояли на небольшой ровной плоскости, лицомъ къ тремъ пѣхотнымъ лагерямъ, имѣя крѣпость предъ собою съ лѣвой руки, въ разстояніи 2-хъ верстъ или около этого. Лагери турокъ справа примыкали къ крѣпости, въ верстѣ отъ оной; войска ихъ выдвинулись впередъ и приняли влѣво, такъ что лѣвая оконечность ихъ была противъ нашего центра. Занимаемая нами плоскость оканчивалась полукружіемъ, на которомъ были расположены наши войска; съ него былъ спускъ сажени въ двѣ, потомъ мѣстность отлого подымалась до турецкихъ лагерей; за ними—лѣсистыя горы. Вотъ взглядъ съ мѣста, гдѣ стоялъ главнокомандующій, противъ пѣхотныхъ турецкихъ лагерей. Теперь огибайте нашу позицію къ центру и къ правому флангу—и вы увидите предъ собою чистую мѣстность, отлого возвышающуюся версты на три; на высотѣ—деревня и лагерь турецкой конницы. Отъ этой деревни идетъ оврагъ, саженей 8—10 ширины, вплоть до нашего лагеря на правомъ флангѣ, гдѣ онъ сливается съ мѣстностью. Этого покуда довольно, чтобы понять начало сраженія.

Артилерія наша была расположена на оконечности полукружія противъ турокъ, а нѣсколько легкихъ орудій въ срединѣ; на правомъ флангѣ, противъ оврага, орудій вначалѣ не было. Гренадеры, въ баталіонныхъ колоннахъ, стояли внизу, имѣя предъ собою застрѣльщичьи цѣпи. Прочія войска были

въ резервѣ, сзади; полкъ казаковъ на правомъ флангѣ. За нашею батареею стоялъ главнокомандующій. Дѣйствіе открылось артилерійскимъ огнемъ, который для турокъ, казалось, былъ чувствителенъ, а ихній намъ—не очень. Всѣ полагали, что послѣ артилерійскаго огня двинутъ пѣхоту на турокъ и покончатъ съ ними; но у главнокомандующаго, вѣрно, было другое на умѣ, и бездѣйствіе стало уже намъ надоѣдать, какъ вдругъ турецкая кавалерія съ высоты, гдѣ она была массирована, начала тихо спускаться по отлогой мѣстности. Начальникъ артилеріи подъѣхалъ ко мнѣ и говоритъ: „главнокомандующій приказалъ поставить 4 батарейныхъ орудія на правый флангъ; возьмите дивизіонъ и станьте на самой оконечности, противъ оврага.“ Едва я двинулся въ одно орудіе рысью, какъ увидѣлъ массу турецкой кавалеріи, вскачь бросившуюся на нашу пѣхоту, собственно на херсонскихъ застрѣльщиковъ, вся линія которыхъ на протяженіи, можетъ быть, двухсотъ сажень, какъ по командѣ, свернулась въ кучки и приняла турокъ сильнымъ огнемъ. Всадникамъ удавалось врѣзываться въ кучки—штыкъ, пуля и сабля работали скоро и успѣшно. Проскакавшихъ линію застрѣльщиковъ встрѣчали пули баталіоновъ. Представленіе продолжалось не долго, но картина была великолѣпная. Въ это время я успѣлъ стать на позицію противъ оврага, сняться съ передковъ и зарядить орудія. Турецкая кавалерія уже скакала назадъ, провожаемая пулями; я приказалъ навести орудія въ полгоры. Проскакавъ нѣсколько въ гору, эти тысячныя толпы турокъ уменьшили ходъ, чтобы не утомить своихъ жеребцовъ. Тутъ упало въ толпу ядро, а вслѣдъ за нимъ полетѣли двѣ гранаты; ядро придало имъ проворства, но не отучило отъ попытокъ, несмотря на то, что всѣ снаряды легли хорошо и гранаты рвало среди толпы. Блестящій наскокъ на херсонскихъ застрѣльщиковъ былъ около 8 ч. утра.

Прошелъ часъ или полтора. Мы стояли въ совершенномъ

бездѣйствіи; только пѣхота, гдѣ былъ главнокомандующій, то перестрѣливалась, то передвигалась. Но вотъ, турецкой кавалеріи надоѣло бездѣйствіе—мы видимъ, какъ она тихо спускается въ оврагъ у самой деревни и приближается къ нашему правому флангу. Я приказалъ двѣ 12-ти фун. пушки зарядить картечью, а $^1/_2$ пуд. единороги гранатами. Что за огромная масса кавалеріи! Ужъ передніе на полдорогѣ къ намъ, а хвоста все еще не видать. Несутся вскачь!... Большое зеленое знамя впереди... Двѣ гранаты разорвало въ толпѣ—несутся ближе; картечь встрѣчаетъ ихъ. Зеленое знамя падаетъ, вѣрно, ранило байрахтара. Они такъ близко, что баталіонъ, ставшій въ оврагѣ, правѣе моихъ орудій, началъ стрѣльбу; картечь играетъ неумолчно, люди падаютъ, передніе поворачиваютъ назадъ, задніе еще несутся впередъ. Суматоха, крикъ, брань! Ушли отъ картечи; ядра и гранаты догоняютъ. Много повалило ихъ въ оврагѣ, но зеленое знамя увезли. Адъютантъ главнокомандующаго б. Ф. привезъ артилеристамъ спасибо отъ него. Вслѣдъ затѣмъ пріѣзжаетъ начальникъ артилеріи, приказываетъ сняться съ позиціи и слѣдовать за нимъ. Тутъ надо сказать слово о мѣстности, на которой будетъ рѣшительное дѣйствіе. Если вы станете спиною къ полукруглой оконечности, гдѣ стояли войска наши, или, лучше сказать, если вы пойдете теперь со мною при 4-хъ орудіяхъ, то врагъ будетъ съ лѣвой руки, а съ правой крѣпость Ахалцыхъ. Между крѣпостью и вами будетъ возвышеніе; спускъ съ него къ намъ мѣстами довольно отлогій, мѣстами крутой, а къ сторонѣ крѣпости, которую это возвышеніе почти огибаетъ, отвѣсный; между нимъ и крѣпостью—оврагъ. На возвышеніи была у турокъ построена батарея, которая безпокоила наши войска. Подлѣ этой батареи возвышенность разрывалась, а черезъ прорывъ шла дорога въ крѣпость по разработанной отлогости и по высокой насыпи въ оврагѣ, гдѣ вмѣсто воротъ стояла батарея, которую мы послѣ штурмовали. Но все это мы увидѣли послѣ.

Сказавъ мнѣ, чтобы я слѣдовалъ за нимъ, начальникъ артилеріи поѣхалъ впередъ. За перевязочнымъ пунктомъ, на которомъ уже было, на глазъ, человѣкъ до ста раненыхъ, онъ поскакалъ мнѣ на встрѣчу: „поторопитесь, ужъ колонны готовы, въѣзжайте на эту возвышенность и обстрѣливайте турецкую батарею. Смотрите, чтобъ орудія не останавливались, грязно.“ — Взъѣдемъ, ваше превосходительство! — и я поскакалъ наверхъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Едва я оглянулся, какъ ядро ударило въ отлогость горы. Орудія тихо въѣхали, не останавливаясь, по довольно крутому скату, живо снялись; передки отъѣхали; насъ встрѣтили нѣсколькими безвредными ядрами, и стрѣльба въ турецкую батарею началась. Разстояніе было такъ близко для батарейныхъ орудій, что о вѣрности выстрѣловъ и говорить стыдно—всѣ ядра и гранаты ложились у турокъ за пазухой. Двѣ баталіонныя колонны, одна за другою, двинулись на батарею. Генералъ-маіоръ Корольковъ, бригадный командиръ, ѣхалъ впереди. На полдорогѣ ядромъ убиваетъ генерала. Колонна останавливается; я учащаю огонь. Непріятный моментъ недоумѣнія войскъ!..... Вдругъ сзади громкій голосъ (говорятъ, донской генералъ Сергѣевъ) крикнулъ „ура!“ Донцы, пѣхота, артилерія—все, что тутъ было, подхватило это „ура.“ Остановившійся передовой баталіонъ бѣжитъ впередъ съ этимъ оживляющимъ возгласомъ, подъ градомъ пуль и картечи взбирается на гору, лѣзетъ на батарею, колетъ, что подъ рукой и преслѣдуетъ бѣгущихъ подъ гору. За нимъ двинулось все, что тутъ стояло. Я снялся съ позиціи и поставилъ свои 4 орудія на возвышеніи близь взятой турецкой батареи. Здѣсь я долго оставался безъ всякаго прикрытія, разсматривая Ахалцыхъ и видимыя движенія нашихъ и турецкихъ войскъ. Одновременно со взятіемъ батареи на возвышеніи, главнокомандующій, послѣ сильной канонады, двинулъ войска на турецкій фронтъ. Турки не выдержали—артилерія ихъ ускакала, пѣхота разсыпалась. Въ этотъ

моментъ пѣхота и казаки, преслѣдовавшіе турокъ со взятой батареи, съ прочими войсками ворвались въ турецкіе лагери и разобрали ихъ. Кёсё-паша бросился съ частью турецкихъ войскъ въ крѣпость, остальныя разбѣжались по лѣсамъ; плѣнныхъ взято не много. Турецкая кавалерія, крѣпко пострадавшая при своихъ неудачныхъ нападеніяхъ, видя съ горы разгромъ пѣхоты, тоже разбѣжалась. Итакъ, результатъ прибытія 20-ти тысячъ, пришедшихъ на выручку, былъ тотъ, что самъ начальникъ и, какъ мы послѣ узнали, тысячъ пять съ нимъ бросились въ крѣпость, чтобы защищать ее.

Тотчасъ послѣ сраженія крѣпость обложили и лагерь перевели ближе. Осадныя и батарейныя орудія поставили на возвышенности, для чего саперы и пѣхота вырыли траншею съ грудным прикрытіемъ. Къ вечеру наша батарея заняла свое мѣсто съ лѣвой стороны дороги, спускавшейся въ крѣпость, а съ правой сталъ карабинерный полкъ. Влѣво отъ насъ поставили на хорошо отдѣланной батареѣ 4 орудія 20-й бригады и 4 осадныхъ орудія; далѣе по возвышенности разставили, кажется, до 40 пушекъ въ томъ же порядкѣ; въ ложбинахъ и неровностяхъ размѣстили легкія орудія.

Городъ, построенный на отлогомъ скатѣ горы и обнесенный палисадомъ изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ (добрая защита, которую не легко разбить снарядами), между которыми въ приличныхъ мѣстахъ поставлены брустверныя батареи—лежалъ предъ нами, какъ на ладони. Выше города была цитадель съ высокою толстою стѣною; недалеко отъ нея, въ городѣ, высокая мечеть со шпицомъ, на которомъ красовалась вызолоченная луна. Не было видно ни одной длинной, порядочной улицы—все узкія, неправильно пересѣкавшіяся и расходившіяся. Съ возвышенности, между нашею батареею и карабинерами, шла довольно крутая дорога, сажень въ 150 внизъ къ турецкой батареѣ; отъ мѣста, гдѣ спускъ кончался, она направлялась сажень на 50 по ровной, высокой насыпи,

сдѣланной въ оврагѣ. Насыпь эта у горы была шириною саженъ 10, но, съуживаясь къ городской оградѣ, у турецкой батареи была не шире четырехъ сажень. На батареѣ, какъ мы послѣ увидѣли, стояло шесть орудій. Крутость насыпи, по которой шла дорога въ обѣ стороны оврага, была сажени въ четыре. Если спускаться по дорогѣ къ крѣпости, то съ лѣвой стороны, въ оврагѣ, была батарея, прикрытая брустверомъ, устроенная съ цѣлью стрѣлять по насыпи; но такъ какъ она сверху была блиндирована и огня не открывала все время осады, то и оставалась нетронутою до послѣдняго момента. Справа отъ насыпи оврагъ расширялся до мѣста сраженія, а возвышенность склонялась. Тутъ, въ палисадной оградѣ, были двѣ башни съ орудіями, которыя однако намъ мало причиняли вреда. Въ палисадѣ, а также съ лѣвой и съ правой сторонъ насыпи были потерны, но, кажется, всѣ заваленныя, кромѣ одной, лѣвой, за овражною батареею, изъ которой въ первыя ночи смѣльчаки выходили и изъ-за кустовъ стрѣляли по нашимъ. 10-го августа, придя рано утромъ на батарею, куда приказалъ принести самоваръ, я удивился измѣненію, которому подверглась мѣстность съ того момента, когда я перевелъ дивизіонъ на пустую возвышенность близь взятой турецкой батареи. Теперь вся эта возвышенность была стройно уставлена прикрытыми батареями и войсками. Въ то время, какъ мы пили чай, явился нашъ бригадный командиръ полковникъ Долгово-Сабуровъ. Прихрамывая, съ палочкой, онъ дошелъ до перваго орудія.—„Я ужъ здѣсь пристроюсь; принеси мнѣ кресло изъ палатки,“ сказалъ онъ солдату и усѣлся, промолвивъ, по обыкновенію, фразу: „а ужъ вы, Эдуардъ Владиміровичъ, пожалуста посмотрите, чтобы все было въ исправности.“ Въ 7 часовъ утра приказано было открыть артилерійскій огонь, но турки насъ предупредили. Такъ какъ непріятельская батарея, къ которой вела дорога съ возвышенія, была почти противъ нашихъ орудій, то мы и выбрали ее нашею цѣлью. Съ

земляною работою мы скоро справились, но съ палисадами, вкопанными на $2^1/_2$ аршина въ землю, бились, бились, такъ и не сбили ихъ. Щепы отъ нихъ летѣли, но бревна не падали. Кажется, и всѣ батареи выбрали себѣ постоянную цѣль для дѣйствія. Съ нашей стороны стрѣльба производилась рѣдко, съ турецкой—рѣдко и гадко, потому что батареи наши оставались цѣлы, а убитыхъ было такъ мало, что и не говорили объ нихъ. Помню, что къ намъ на батарею ядро ударило между 4-мъ и 5-мъ орудіями, контузило двухъ солдатъ и врылось въ землю; да бомбу разорвало сзади батарей между осаднымъ паркомъ и нашими ящиками. 11-го числа приказано было ровно въ 11 часовъ прекратить стрѣльбу и до 4-хъ часовъ не стрѣлять. Обыкновенно въ городѣ не видно было никакого движенія по улицамъ; но тутъ женщины выползали изъ своихъ норъ и городъ оживлялся—синія чадры такъ и шныряли изъ дому въ домъ, до перваго выстрѣла.

Разъ во время такого отдыха я шелъ мимо лагеря полковъ 20-й дивизіи и слышу разговоръ двухъ солдатъ, усердно чистившихъ разобранныя ружья. По первымъ словамъ я остановился, будто что разсматриваю.

— Ну чтожъ? убили, такъ убили,—на то воля Божія.

— Оно такъ, да къ намъ-то кого въ бригадные поставятъ?

— Небось, безъ бригаднаго не останемся—въ Петербургѣ тотчасъ кого нибудь напечатаютъ.

Они замолчали. Я пошелъ своею дорогою; но такой сухой поминъ убитаго начальника легъ мнѣ непріятно на душу: начальникъ ли въ томъ виноватъ или это огрубѣлая, ледяная нечувствительность солдата?

Такъ прошли первые три дня осады: скучно, болѣе въ разговорахъ, предположеніяхъ и, кажется, безъ особенностей; развѣ припомнить слухъ, что гарнизоны Ацхура и Аспиндзы оставили укрѣпленія и ушли.

13-го августа. Я сказалъ выше, что съ 11-ти до 4-хъ ча-

совъ орудійная стрѣльба прекращалась. Обѣ очереди людей ужъ пообѣдали и мы послѣ обѣда собрались опять на батареѣ. Было около 2-хъ часовъ, когда сказали, что ѣдетъ главнокомандующій. Всѣ стали по мѣстамъ. Паскевичъ, подъѣхавъ къ нашей батареѣ, остановился противъ 5-го орудія; его окружала большая свита. Я по траншеѣ подошелъ къ нему и, отдавъ честь, остановился поблизости—не будетъ ли приказаній? Иванъ Ѳеодоровичъ минутъ 10 смотрѣлъ на городъ, потомъ началъ разговаривать съ окружающими. Видя, что мнѣ дѣла нѣтъ здѣсь, я отошелъ къ полковнику, сидѣвшему на креслѣ за первымъ орудіемъ. Не успѣли мы перекинуться нѣсколькими фразами и полковникъ проговорить: „все лучше будьте тамъ, можетъ, что прикажетъ“.... какъ вдругъ—выстрѣлъ!... Я обернулся—выстрѣлило пятое орудіе. Взглянувъ на полетъ ядра, вижу, что его перенесло чрезъ батарею. Я быстро подошелъ къ орудію и спрашиваю у поручика Станкевича (бригадный казначей, которому полковникъ поручилъ 3-й взводъ во время осады, чтобы было за что̀ къ наградѣ представить), „кто приказалъ стрѣлять? и какъ не стыдно вамъ не попасть въ батарею!“—Главнокомандующій приказалъ, отвѣчалъ онъ мнѣ тихо. Вдругъ громкій голосъ сзади: „Какъ смѣть не попасть, когда я приказалъ! Какъ смѣть не попасть!“

— Поторопились исполнить приказаніе вашего сіятельства. Не прикажете ли—всѣ 8 орудій попадутъ въ одну точку, сказалъ я держа руку у фуражки.

— Я вамъ не сдѣлаю этой чести. Какъ смѣть не попасть, когда я приказалъ! Посмотрите, какъ 20-я бригада стрѣляетъ! Вы стрѣлять не умѣете, вы заряды теряете.

Я поблѣднѣлъ и громко, смотря ему въ глаза, съ поднятой головой отвѣчалъ:

— Ваше сіятельство, тѣ заряды не потеряны, которыми разбиваютъ непріятельскія батареи!—и указалъ рукою на лежавшую предъ нами внизу турецкую батарею.

— Не вы разбили!—и голосъ его былъ угрожающій.

— Нѣтъ мы, ваше сіятельство, не отнимайте чести!

Я дрожалъ и былъ совершенно блѣденъ. Стоявшіе сзади главнокомандующаго, изъ свиты, знакомые и незнакомые, жестомъ показывали, чтобы я молчалъ. Раздражительности главнокомандующаго всѣ боялись. Вмѣсто отвѣта мнѣ, онъ приказалъ адъютанту: „чтобы орудія 20-й бригады стрѣляли въ эту батарею“ и указалъ на нашу турецкую, внизу. Батарейныя орудія 20-й бригады стояли подлѣ насъ и осадныхъ. Я отошелъ къ своимъ орудіямъ и приказалъ навести 4-е и 6-е, оба $^1/_2$ пуд. единороги. Выстрѣлъ слѣва—ядро далеко перенесло чрезъ батарею. Это былъ выстрѣлъ 20-й бригады. „Еще!“ громко сказалъ главнокомандующій, видимо съ досадою. Надобно сказать, что выстрѣла изъ моего 5-го орудія главнокомандующій за дымомъ не могъ видѣть и узналъ о промахѣ лишь по моему выговору офицеру, а выстрѣлъ батарейной роты 20-й бригады, сдѣланный слѣва, дымъ не мѣшалъ ему видѣть. Выстрѣлъ!—гранату перенесло черезъ батарею и разорвало на воздухѣ. Фейерверкеръ Абакумовъ, стоявшій у 4-го орудія, довольно громко сказалъ: „вотъ тебѣ и 20-я бригада! хваленая!“ Я обернулся къ главнокомандующему и смотрю на него. Онъ былъ будто въ раздумьи: сдѣлать ли мнѣ честь приказаніемъ? но потомъ громко сказалъ мнѣ—„стрѣлять!“ Я подошелъ къ орудію, посмотрѣлъ въ діоптръ, приказалъ его снять, наставить трубку и отошелъ въ сторону.—Бей!—Четвертая!... Выстрѣлъ!.... Главнокомандующему не видать за дымомъ—онъ съ вопрошающимъ видомъ смотритъ на меня.

— Въ батареѣ! сказалъ я. Дымъ отнесло, гранату рветъ и рыхлую, уже разбитую землю выбросило къ верху.

— Еще! сказалъ главнокомандующій.

Выстрѣлъ изъ 6-го орудія... Но тутъ уже многіе изъ свиты закричали: „въ батареѣ!“ И опять лопнувшая граната выбросила землю.

— Прикажете продолжать, ваше сіятельство? спросилъ я.

— Довольно, хорошо!—потомъ, чрезъ минуту времени, подозвалъ меня къ себѣ. Я подошелъ. Главнокомандующій повернулъ лошадь такъ, что онъ правымъ бокомъ стоялъ ко мнѣ, бывшему въ траншеѣ, нагнулся корпусомъ, положилъ мнѣ правую руку на плечо и сказалъ: „Хорошо! Канонеръ-гренадеръ такъ и долженъ стрѣлять!“

— Мы заряды не теряемъ—отвѣчалъ я—всѣ въ одну точку попадутъ!

Рука съ моего плеча была отнята, указательнымъ пальцемъ главнокомандующій теръ ротъ, давая знать, чтобы я не дозволялъ себѣ разговоровъ; я замолчалъ.

— Когда люди поужинаютъ, ты съ двумя орудіями станешь на лѣвомъ флангѣ; мѣсто укажутъ—тамъ стоитъ рота; турки ночью безпокоятъ нашихъ. Завтра утромъ назадъ. Понялъ?

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство.

Главнокомандующій кивнулъ мнѣ головою, улыбнулся и отъѣхалъ. Съ этой минуты, когда бы и гдѣ ни встрѣчалъ меня, Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ всегда имѣлъ мнѣ сказать доброе слово или хоть простое—„здравствуй Бриммеръ,“ съ его добродушною, солдатскою улыбкою. Вечеромъ съ двумя орудіями пошелъ я на указанное мнѣ мѣсто, но, видно, турки узнали, что хотятъ ихъ дружески встрѣтить—не показывались всю ночь, и мы, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, вернулись къ своимъ.

По отъѣздѣ главнокомандующаго съ батареи, когда офицеры подошли ко мнѣ, штабсъ-капитанъ Тр—въ говоритъ мнѣ: „какъ же вы, Эдуардъ Владиміровичъ, такъ утвердительно сказали главнокомандующему—всѣ восемь попадутъ въ одну точку?

— За словомъ было бы дѣло, отвѣчалъ я.

— Ну, а какъ не попали бы?

— Развѣ изъ вашихъ двухъ не попало бы! — вздумалъ анализировать въ горячности сказанныя слова. Мы подошли къ полковнику, сидѣвшему все время въ креслѣ.—„Какъ вы неосторожны, Эдуардъ Владиміровичъ! какъ можно такъ противорѣчить главнокомандующему? Я такъ боялся за васъ; хорошо, что все такъ кончилось; а все это длинноносый журавль (Станкевичъ) виноватъ!“

— А зачѣмъ онъ ругается? Артилеристу вдругъ сказать, что онъ заряды теряетъ! Да еще хвалитъ 20-ю бригаду! А забылъ, что послѣ елизаветпольскаго сраженія назвалъ нашу батарею „мой неизмѣнный мечъ.“ Ну, да .ничего, по крайней мѣрѣ познакомились.

14-го числа, часу въ 8-мъ вечера, пріѣзжаетъ къ намъ на батарею начальникъ артилеріи и ищетъ меня. Я всю ночь напролетъ не спалъ, а потому пошелъ было въ палатку, чтобы прилечь. Прибѣгаю и нахожу начальника артилеріи въ разговорѣ съ бригаднымъ командиромъ, который съ какою-то горячностью говоритъ: „Я самъ пойду съ дивизіономъ!“ Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ—„вы съ четырьмя орудіями спуститесь съ горы, тамъ саперы поставятъ батарею; главнокомандующій приказалъ васъ назначить; онъ скоро будетъ здѣсь.“

— Я самъ пойду, ваше превосходительство! воскликнулъ еще разъ бригадный командиръ.

— Можете идти, если угодно—и, обращаясь ко мнѣ: приготовьтесь, чтобы все было въ исправности,—и уѣхалъ.

Тогда я обратился къ п. Долгово-Сабурову съ вопросомъ: какимъ орудіямъ прикажете идти?—„Я самъ назначу,“ былъ мнѣ отвѣтъ, обернулся и ушелъ отъ меня. Ого! подумалъ я, самолюбіе затронуло; ну, распоряжайся самъ—и пошелъ къ сосѣду, командиру карабинернаго полка полковнику Фридрихсу попросить людей для спуска орудій съ горы. Возвращаясь оттуда минутъ черезъ десять, слышу голосъ бригаднаго командира: „да гдѣ капитанъ Бриммеръ, куда онъ ушелъ? пошелъ,

сыщи его сейчасъ. Кто позволилъ ему уйти съ батареи?“ и крикливый голосъ его раздавался во всеуслышаніе.

— Что вамъ нужно отъ капитана Бриммера? спросилъ я, подойдя близко къ нему.

— Я хотѣлъ вамъ приказанія отдать.

— Вѣдь вы сказали, что сами распорядитесь.

— Да, но надобно пѣхоту, чтобы спустить орудія съ горы.

— Я уже былъ у карабинеръ для этого; позвольте вамъ сказать: нечего было кричать—„сыщите капитана Бриммера,“ отвѣтилъ я и пошелъ отъ него.

Часовъ въ 10 пріѣхалъ главнокомандующій. Херсонскую роту съ саперами спустили съ горы, за ними потянулись орудія. Саперы поставили туры, наполнили ихъ землею—и амбразурная батарея была готова. Она находилась въ 10-ти саженяхъ отъ подошвы горы, къ лѣвой сторонѣ, такъ что дорога справа была чиста. Саперы и карабинеры ушли; осталась рота Херсонскаго гренадерскаго полка въ прикрытіи нашего дивизіона. Полковникъ, пришедшій также съ дивизіономъ, устроился у перваго орудія. Послѣ вечерняго разговора я болѣе не подходилъ къ нему, и онъ оставлялъ меня распоряжаться, не вмѣшиваясь ни во что. Такъ ждали мы разсвѣта. Но вспыльчивый, раздражительный, самолюбивый бригадный командиръ нашъ все-таки былъ добрый человѣкъ. Успокоившись и видя, что я продолжаю распоряжаться, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ пожелалъ загладить неумную вспышку свою и приказалъ попросить меня къ себѣ.

— Что, все готово, Эдуардъ Владиміровичъ?

— Все готово.

— Ну, ужъ вы не сердитесь; вѣдь Богъ знаетъ, что будетъ сегодня—зачѣмъ же намъ въ размолвкѣ разставаться.

— Что я вамъ сдѣлалъ? отвѣчалъ я. За что вы разсердились и кричите: „сыскать капитана Бриммера“, будто я бѣжалъ куда.

— Ну, полноте, полноте, дайте руку; да ужъ пожалуста распоряжайтесь, чтобы все было въ исправности. Однако, эти саперы предурно прибивали землю въ турахъ—все разсыпется.

Такъ кончилась наша размолвка.

15-е число. Въ пять часовъ послѣ обѣда назначено было штурмовать крѣпость и прежде всего идти на лежащую предъ нами и разбитую нами батарею.

Разсвѣтъ! Не даромъ мы съ любопытствомъ ожидали дня. Только-что мы открыли огонь по батареѣ, какъ на насъ со всѣхъ угловъ крѣпости посыпались ядра, бомбы и гранаты. Еслибы половина ихъ попала порядкомъ—мы всѣ должны были быть убитыми, а наши орудія подбитыми; но, къ нашему счастью, у турокъ было больше охоты чѣмъ умѣнья стрѣлять: всѣ снаряды ложились въ оврагъ или врывались въ отлогости горы. Эта неудачная, но шумная канонада продолжалась недолго, ибо какъ только съ возвышенія наши батареи замѣчали, откуда турки стрѣляютъ, то направляли туда свои выстрѣлы—и огонь непріятеля скоро умолкалъ; особенно удачно дѣйствовали осадныя орудія. Однимъ словомъ, чтобъ не возвращаться къ этому предмету, скажу, что во всю канонаду у насъ убило, кажется, двухъ херсонцевъ, ранило ихъ столько же и двухъ артилеристовъ—осколками бомбъ; зато одно ядро, попавшее косвенно въ два тура, до того расшатало ихъ, что вся земля высыпалась, чему много помогли и свои выстрѣлы. Мнѣ крѣпко хотѣлось подбить и опрокинуть сваи, стоявшія предъ батареей, но, какъ мы ни ухищрялись стрѣлять, щепы отскакивали, а сваи стояли. Я приказалъ каждому орудію взять для себя три сваи, такъ что двѣнадцать свай по порядку были непрестанною цѣлью выстрѣловъ, и за всякую повваленную сваю обѣщалъ рубль серебромъ. Увы, мнѣ только пришлось заплатить три рубля! Три сваи повалились; почти всѣ были разбиты, многія до половины, ужъ всѣ, конечно, рас-

шатаны, но стояли! Мы ужъ и усиливали, и уменьшали заряды—сваи все стоятъ.

Около полудня, когда мы завтракали, приходитъ къ намъ на батарею ш.-к. Шеффлеръ, саперный ротный командиръ; мы въ Персіи были съ нимъ пріятели. Онъ сказалъ, что рота его назначена идти на штурмъ съ ширванцами и что онъ пришелъ повидаться со мною, увѣренный, что его убьютъ, да и на сваи-то хотѣлось посмотрѣть—„вишь, выстрѣлами повалить не можете.“ Я попросилъ его позавтракать съ нами. „Съ большимъ удовольствіемъ—отвѣчалъ Шеффлеръ—вѣдь на дорогѣ въ рай трактировъ нѣтъ.“

— Полно тебѣ все о смерти говорить; такъ, пожалуй и вправду, бѣду накличешь. Побывъ съ часъ у насъ, онъ ушелъ.

Въ 11 часовъ—часъ солдатскаго обѣда—опять наступила тишина. Артилерійскій огонь прекратился; слышенъ былъ пронзительный голосъ муллъ, кричавшихъ съ минаретовъ въ часъ полудня. Въ городѣ все шевелилось. Турки тихо проходили по улицамъ и, вѣроятно, не безъ досады поглядывали на высокій минаретъ, съ котораго сбита была выстрѣломъ позолоченная луна; чадры шныряли бѣгомъ изъ дома въ домъ. Солнце свѣтило ясно; день былъ жаркій. Въ томительномъ ожиданіи время шло тихо, минуты казались часами; у всѣхъ было одно на умѣ—какъ бы скорѣе покончить! Въ часъ наша батарея опять начала стрѣлять и, рѣдкими, но мѣткими выстрѣлами, старалась сбить сваи; онѣ кололись, ломались до половины, шатались въ изрытой землѣ, но не падали, проклятыя! Только одну, третью, удалось свалить часу въ четвертомъ, за что главнокомандующій съ возвышенія прислалъ чрезъ адъютанта сказалъ: „хорошо!“

Около 3-хъ часовъ пріѣхалъ главнокомандующій на возвышеніе и приказалъ открыть артилерійскій огонь. Часа въ четыре начали собираться войска, составлявшія штурмовую колонну. Ровно въ пять они начали спускаться съ горы. Всѣ

орудія съ 4-хъ часовъ обратили свой огонь на батарею и окрестности ея. Въ городѣ произошло ужасное движеніе: со всѣхъ концовъ, по всѣмъ улицамъ толпы турокъ бѣжали къ батареѣ. Снаряды наши вырывали ряды; турки все бѣжали впередъ. Видно, отчаяніе руководило ими, и защита предстояла отчаянная, но порядка не было, и потому на успѣхъ намъ была добрая надежда.

5 часовъ. Штурмовая колонна спускается тихо съ горы. Артилерійскій огонь со всѣхъ батарей учащается, снаряды сыпятся за батарею, а турки со всего города, толпами и въ одиночку, бѣгутъ къ батареѣ, за сваи, къ оградѣ, къ кладбищу и къ домамъ, вблизи стоящимъ.

Колонна приближается къ нашей батареѣ. Впереди на сѣромъ конѣ ѣхалъ командиръ Ширванскаго полка полковникъ Бородинъ, храбрый офицеръ, котораго Паскевичъ еще въ 1812 году зналъ за такого и потому далъ ему боевой Ширванскій полкъ. Немного позади его—баталіонный командиръ, потомъ два знамени, около нихъ группа офицеровъ—сабли наголо, и знаменные ряды; за ними поющій хоръ пѣсенниковъ; затѣмъ первый баталіонъ во взводной колоннѣ, хоръ музыкантовъ, потомъ другой баталіонъ, рота саперъ, катившая туры, и наконецъ два орудія донской казачьей батареи Зубкова.

Когда знамена съ офицерами подошли къ нашей батареѣ, я приказалъ изъ всѣхъ орудій ударить картечью въ турокъ. Наша батарея отъ непріятельской, которую шли штурмовать, была въ 41-й сажени разстоянія [7]).

На половинной дистанціи турки встрѣтили колонну сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Полковникъ крикнулъ „ура!“... и съ этимъ могучимъ возгласомъ колонна бросилась въ схватку. Я приказалъ орудія на рукахъ выдвинуть на дорогу, чтобы быть готовымъ на всякій случай, ибо за турами ужъ дѣлать было нечего. Подпоручикъ Елютинъ, нашъ бригадный адъютантъ, быв-

[7]) Потомъ смѣрено.

шій съ полковникомъ на нашей батареѣ, при проходѣ штурмовой колонны не выдержалъ: маленькаго роста, веселый, умный офицеръ, онъ съ саблей наголо бросился въ толпу офицеровъ, къ знаменамъ, и чрезъ полчаса, раненый въ руку, пришелъ назадъ. Только-что орудія отвезли, я всталъ на туръ и началъ смотрѣть на схватку. Помню странное чувство, овладѣвшее мною: меня какъ будто толкало что-то впередъ, и это нравственное чувство до того было сильно и ощутительно, что я невольно обернулся назадъ, посмотрѣть, кто меня толкаетъ. Расшатанные палисады, какъ по мановенію, свалились. Ширванцы взбѣжали по разсыпавшейся крутости и, встрѣченные въ упоръ выстрѣлами, саблями и ятаганами, скоро штыками прогнали внизъ турокъ. Схватка на батареѣ длилась минутъ до десяти, и георгіевское знамя Ширванскаго полка водрузили на парапетѣ батареи. Я перекрестился. Громкое „ура!“ привѣтствовало первый успѣхъ штурма. Я обернулся, чтобы сойти съ тура, но меня невольно опять повернуло взглянуть на кипѣвшій бой. Саперы ставили туры; едва я взглянулъ туда, вижу Шеффлера: онъ быстро повернулся и упалъ—пуля ударила въ сердце! Я соскочилъ съ тура и опять меня стало толкать впередъ. Но вотъ съ горы пріѣхалъ начальникъ артилеріи: „Бриммеръ, вотъ ваши лошади, скорѣе смѣните казаковъ; у нихъ много перебито.“ Такъ вотъ почему меня все толкало впередъ—кажется, наши храбрые казацкіе артилеристы не такъ взялись за дѣло и дали перебить себя.

Говоря о сраженіи 9-го числа, я сказалъ, что разработанная дорога спускалась съ возвышенія и потомъ шла сажень на 50 по ровной насыпи къ батареѣ. Когда ширванцы бросились на батареѣ въ схватку, то храбрый капитанъ Зубковъ поставилъ свои два орудія такъ, чтобы стрѣлять по оврагу въ турецкую блиндированную батарею, которая теперь открыла огонь, а также въ турокъ, засѣвшихъ за палисадомъ и оттуда крѣпко и мѣтко стрѣлявшихъ въ нашихъ, столпившихся у

турецкой батареи. Но стрѣлять артилеріи за палисадъ не дозволяла наша пѣхота. Отъ насыпи шли въ оврагъ скаты или отлогости; пѣхота, не имѣя возможности вся разомъ вскарабкаться на батарею, спускалась около палисада по покатостямъ въ оврагъ, ища мѣста, гдѣ бы пройти, а нѣсколько саперъ начали рубить эти палисады—оно и хорошо бы, да всѣ эти люди мѣшали донцамъ прогнать турокъ картечью изъ-за укрытія, а они оттуда строчили въ нашихъ съ дьявольскимъ успѣхомъ. Только-что донцы отвезли свои два орудія, покуда снимались наши съ передковъ, пули начали свистать въ насъ изъ-за палисада и ранили артилериста. Я подбѣжалъ къ офицеру, чтобы онъ убралъ своихъ людей, не то въ него ударю картечью.

— Куда мнѣ идти? Вонъ, раненые есть.

— Ступайте вонъ, или васъ всѣхъ здѣсь перебьютъ, отвѣчалъ я ему, и онъ приказалъ своимъ взойти около палисада на насыпь. Какъ только мѣсто очистилось—картечь разогнала турокъ. Скоро мы увидѣли ширванцевъ уже за палисадомъ, въ ручной схваткѣ подвигающихся къ кладбищу. Когда оно было твердо занято, войска наши справа и слѣва занимали уже часть города; но вездѣ, сильно защищаясь, турки дрались отчаянно. Турецкая батарея изъ оврага дала по нашимъ орудіямъ два выстрѣла, ударившихъ оба въ отлогость насыпи и не причинившихъ никому вреда; нѣсколько нашихъ выстрѣловъ заставили ее замолчать. Послѣ разсказывали, что блиндажъ былъ у нея обрушенъ, а у одного изъ двухъ стоявшихъ тамъ орудій нашли на цѣпи привязаннаго и засыпаннаго землею бѣглаго русскаго солдата: „нехай гяуръ пропадаетъ!“

Ужъ былъ восьмой часъ—битва въ городѣ все длилась; въ иныхъ мѣстахъ отпоръ былъ сильнѣе натиска. Желая покончить дѣло скорѣе, главнокомандующій приказалъ зажечь городъ. Въ это время начальникъ артилеріи приказалъ два оставшіяся орудія нашего дивизіона перевести чрезъ взятую ба-

тарею и поставить у кладбища, гдѣ стояла рота пѣхоты. Это передвиженіе съ орудіями по обдѣланному подъему и спуску дозволило мнѣ обнять однимъ взглядомъ картину еще продолжавшагося боя. Городъ горѣлъ въ разныхъ мѣстахъ, но не видно было, чтобы пожаръ крѣпко распространялся. Полный мѣсяцъ, совершенно красный, всходилъ на горизонтѣ. Справа и слѣва большая часть города уже была очищена отъ турокъ. Наши изъ-за домовъ медленно приближались къ цитадели; въ разныхъ мѣстахъ уже были видны резервы—гдѣ рота, гдѣ взводъ; порядокъ водворялся—ясный признакъ того, что бой ослабѣвалъ. Армяне съ женами, дѣтьми и имуществомъ толпами со всѣхъ улицъ шли къ батареѣ; откуда ихъ съ конвоемъ препровождали на гору. Солдаты выносили, послѣ ожесточеннаго боя, изъ домовъ добычу—кому что попало подъ руку.

Но вотъ бой прекратился. Изрѣдка то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ слышится выстрѣлъ; пожаръ стараются потушить, что не совсѣмъ удается. Я съ товарищемъ пошелъ посмотрѣть, что дѣлается около насъ. Недалеко отъ кладбища—домъ, передъ нимъ площадка до ограды; на площадкѣ лежатъ убитые два турка и одинъ солдатъ. Въ домикѣ дверь отворена, подлѣ дома—убитый турокъ, должно быть ядромъ, потому что часть тѣла оторвана. Я посмотрѣлъ въ открытую дверь: небольшая комната, много женщинъ; одна лежала въ углу на тюфякѣ, грудь обнаженная; около нея двѣ старухи—одна прикладывала что-то къ груди, другая помогала. Въ другомъ углу нѣсколько женщинъ разбирали разный хламъ, около нихъ дѣти. Раненый молодой турокъ лежалъ у противоположной стѣны, подлѣ него стояли женщины. Посреди комнаты двухлѣтній мальчикъ, въ одной рубашонкѣ, держалъ лѣвой рукой маленькаго, чернаго щенка за переднія ноги, поднявъ ихъ къ верху, а правой давалъ щелчки въ брюхо щенку—и смѣялся громко. Я обернулся, чтобы уйти. Старуха съ одѣяломъ и разнымъ тряпьемъ вошла въ домъ. Мы вернулись на батарею.

Подкрѣпленія передовымъ войскамъ проходили мимо насъ. Начальникъ главнаго штаба баронъ Сакенъ тоже прошелъ впередъ. Городъ очищенъ, войска въ приличныхъ мѣстахъ стояли около цитадели. Главнокомандующій послалъ парламентеровъ къ нашѣ, чтобы сдалъ цитадель, не то—тотчасъ велитъ штурмовать и пощады никому не будетъ. Послѣ надменныхъ рѣчей и увѣреній, что никогда не сдастся, наша покорился необходимости. Къ утру цитадель была занята нашими войсками.

Не могу не припомнить добродушія русскаго солдата. Я упомянулъ, что много армянъ съ семействами и съ возможнымъ къ переноскѣ имуществомъ старались во время штурма перейти къ нашимъ войскамъ; ихъ толпами отправляли на гору, поручая отводъ одному, двумъ или тремъ солдатамъ; всѣ они проходили мимо насъ. Тутъ я видѣлъ, что эти конвойные не только добросовѣстно провожали ихъ, но многіе несли, при ружьѣ, еще тѣхъ маленькихъ дѣтей на рукахъ, которыя не могли поспѣвать. Проходя мимо нашихъ орудій по насыпи, солдатъ Ширванскаго полка вслъ толпу, человѣкъ въ 15; видя, что женщина, несшая на одной рукѣ грудного ребенка, а въ другой тяжелую корзину, хотѣла отъ усталости присѣсть подлѣ орудій, онъ сказалъ: „Нельзя, матушка, нельзя; не приказано останавливаться. Дай корзину-то сюда, я понесу.“ Армянка что-то заговорила, но корзины не дала; тутъ подошелъ армянинъ—на каждой рукѣ по ребенку—и началъ ей говорить, но армянка корзинки не выпускала изъ рукъ; тогда солдатъ говоритъ: „Ну, неси ты корзинку, а я маленькаго понесу,“ и протянулъ къ нему руку. Мать посмотрѣла ему въ лицо и бережно посадила ему на руку малютку; и добрый русскій солдатъ, послѣ тяжкаго боя, понесъ ношу на гору.

Когда городъ взятъ съ боя, когда на улицахъ непріятель защищается и дорого продаетъ уступаемую мѣстность, то не безъ того, чтобы солдатъ не нагрѣлъ себѣ руку. Такъ и тутъ.

Въ армянскомъ кварталѣ грабежа не было; но въ турецкихъ домахъ послѣ боя таскали, что кому попало подъ руку, и все натасканное продавалось маркитантамъ, можно вообразить за какую дешевую цѣну! Раненыхъ ли проводятъ на перевязочный пунктъ, который былъ на нашей батареѣ, когда мы свезли оттуда орудія въ началѣ штурма, провожающіе или носильщики непремѣнно имѣли въ рукахъ какую нибудь добычу. Одинъ солдатъ крѣпко разсмѣшилъ насъ. Онъ волочилъ цѣпь, толстую, длинную, кажется, употребляемую для запряжки воловъ, когда пашутъ, ибо на Востокѣ запрягаютъ нѣсколько паръ. Солдатъ, кажется, былъ легко задѣтъ, такъ какъ на ногѣ былъ подвязанъ платокъ. Переволочивъ цѣпь чрезъ взятую батарею и идя по насыпи мимо нашихъ орудій, онъ, несмотря на насмѣшки артилеристовъ, волочилъ ее бодро, хоть и останавливался отдохнуть.

— На гору пойдешь, такъ цѣпь на плечи возьми или за пазуху—легче будетъ. Дешево не отдавай духанщику (маркитанту).

— Проси двѣ чарки.

— Ей! Лучше зови его подъ гору—не доволочитъ!

Такъ провожали его наши, и точно, чрезъ четверть часа возвращается назадъ безъ цѣпи.

— Что продалъ? — спрашиваютъ артилеристы — сколько взялъ?

— Чаво продалъ! усталъ, вишь, тащить; да какъ на гору-то глянулъ, такъ плюнулъ да и бросилъ тамъ.

— Ну и то дѣло, что до горы доволокъ, отвѣчали ему вслѣдъ.

Разнообразна была добыча, которую солдаты тащили на гору. Если удавалось имъ продать что нибудь офицерамъ внизу, они тотчасъ возвращались поискать еще. Кажется, цѣлый магазинъ сахару попалъ имъ подъ-руку—голова сахару продавалась въ день штурма по абазу (20 коп. сер.). Одинъ ширванскій солдатъ несъ корзину.

— Что у тебя тамъ? спрашиваютъ офицеры, которыхъ на нашей батареѣ, у кладбища, собралось довольно; мы пили чай.

— Да вотъ посуда, ваше благородіе! купите, по абазу за штуку—на гору далеко идти.

Оказалось, что корзина была наполнена японскимъ фарфоромъ. Мы сказали ему, что это фарфоръ и что это дороже стоитъ.

— Маркитантъ, ваше благородіе, извѣстно, болѣе абаза за штуку не дастъ; а мнѣ куда съ посудой? Возьмите, чтобы на гору не ходить.

Я взялъ два маленькихъ кувшинчика, далъ ему по рублю серебромъ за каждый и подарилъ ихъ нашимъ двумъ раненымъ офицерамъ—Елютину и Трубникову—и вся корзина скоро была разобрана.

— Дай вамъ Богъ здоровья, ваше благородіе.

И много послѣ было разсказовъ о добытомъ и проданномъ.

Штурмъ Ахалцыха стоилъ намъ дорого, потому что малѣйшая потеря храбрыхъ, надежныхъ войскъ чувствительна. Ширванскій полкъ пострадалъ. Въ самомъ началѣ штурма пуля сразила отважнаго полковника Бородина, командира полка. Когда его раздѣли, увидѣли, что онъ былъ въ панцырѣ: ясно, что предчувствіе смерти невольно заставило храбраго оберегаться отъ оной; но панцырь не спасъ его—не уйдешь отъ предопредѣленія. И объ немъ не жалѣли солдаты, говорили, что онъ былъ суровый человѣкъ.

16-го августа весь лагерь приведенъ былъ въ порядокъ; артилерію убрали съ горы. 17-го я встрѣтился съ начальникомъ артилеріи. Поздоровавшись со мною, онъ говоритъ:

— Вчера, говоря объ артилеріи, главнокомандующій сказалъ: „Бриммеръ хорошій офицеръ, онъ заслужилъ Георгія; представьте его за сраженіе 9-го числа.“ Поздравляю васъ!

Вообразите радость мою!...

Устроивъ все въ Ахалцыхѣ, мы двинулись на Ардаганъ.

Опять гористыя, неразработанныя дороги, такъ что лошадкамъ-таки доставалось. Тутъ пришло извѣстіе, что Панкратьевъ, выступивъ изъ Персіи по полученіи всей контрибуціонной суммы, взялъ Баязетъ, и что ванскій паша хотя собралъ войско, но не выходитъ изъ своего пашалыка. Изъ Карса пришло донесеніе, что тамъ все благополучно и вездѣ тихо. Такъ какъ была уже половина сентября, то главнокомандующій приказалъ войскамъ двинуться на зиму въ Грузію. Въ двадцатыхъ числахъ октября наша батарея вернулась въ Гомборы, въ свое квартирное расположеніе. Бригадный командиръ остался въ Тифлисѣ, предоставивъ мнѣ полное командованіе ротою. Зима прошла тихо; турки насъ не безпокоили, только въ мартѣ мѣсяцѣ имъ вздумалось отнять у насъ Ахалцыхъ, узнавъ о незначительности оставленнаго въ немъ гарнизона. Но тамъ былъ начальникомъ г.-м. князь Василій Осиповичъ Бебутовъ. Онъ заперся въ цитадели и оттуда громилъ ихъ изъ орудій. Скоро высланныя изъ Тифлиса и окрестностей войска справились съ турками и опять все успокоилось. Тутъ былъ случай, что за хорошій совѣтъ представили капитана артилеріи Горячко къ Георгію 4-й степени, и онъ получилъ его. Дѣло въ томъ, что, когда турки подошли, князь Бебутовъ собралъ нѣсколько старшихъ офицеровъ и спросилъ ихъ: какъ они полагаютъ—лучше ли выйти изъ цитадели со всѣмъ гарнизономъ и побить турокъ или ждать выручки? его же мнѣніе—идти и побить турокъ. Всѣ согласились, кромѣ артилерійскаго капитана Горячко. Его мнѣніе было: ждать прихода войскъ, которыя не замедлятъ прійти, такъ какъ насъ мало, чтобы ихъ побить; а не побивъ, трудно будетъ войти въ цитадель, и тогда Ахалцыхъ потерянъ! Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ согласились съ этимъ мнѣніемъ, а храбрый князь Бебутовъ впалъ въ раздумье и, неубѣжденный, согласился сидѣть въ цитадели и ждать прихода войскъ. Но войска—не птицы; надо время, чтобы прибыть, и время шло; турки вошли въ городъ,

хозяйничали; говорили, что изъ одного дома дѣлаютъ подкопъ подъ стѣны и уже закладываютъ мину. Въ это хоть и короткое время у храбраго князя накипало на сердцѣ, онъ проклиналъ благоразуміе и всю европейскую мудрость; да и у артилерійскаго капитана не покойно было на душѣ, я полагаю: вѣдь въ началѣ-то мы могли бы побить турокъ—слава Богу, не впервые—ну, а какъ до прихода войскъ да взорвутъ стѣну, да бросятся въ цитадель—тогда плохо! Но вотъ идутъ спасители!... и турокъ не стало. За благоразумный совѣтъ артилерійскій капитанъ получилъ Георгія.

Зимою было работъ много въ штабъ-квартирѣ: конскую амуницію вычинили заново, артилерію и обозъ починили, выкрасили; людей обмундировали съ головы до ногъ; лѣсу запаснаго нарубили вдоволь; заряды пересмотрѣли и пр. и пр.

IX.

1829 ГОДЪ. Доброе расположеніе ко мнѣ гг. офицеровъ. Верховая лошадь. Устами ребенка говоритъ предопредѣленіе. Недоумѣніе. Мое мнѣніе. La part de l'homme. Пушкинъ. Холодно. Сраженіе при Милидюзѣ. Взятіе Эрзерума. Смерть прапорщика 3-й легкой роты кавказской гренадерской артилерійской бригады Михаила Селиванова. Посредничество при сдачѣ парка. Инстинктъ лошади. Сварено для насъ, а съѣли другіе. Отказъ. Всѣ довольны. Движеніе къ г. Байбурту. Взятіе Харта-Ага. Пчелы—союзники турокъ. Убитый мастеровой. Угнанныя дроги. Игра въ прятки передъ начальствомъ. Иногда и впору сболтнешь. Добрая душа—Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ! Обратный походъ. Св. Георгія 1-й степени. Возвращеніе въ Грузію.

Около половины января курьеръ привезъ награды, утвержденныя Государемъ въ новый годъ. П. Елютинъ привозитъ изъ Тифлиса „Инвалидъ“ съ наградами, купленный, по порученію гг. офицеровъ, георгіевскій крестъ и приноситъ мнѣ. Радость моя была велика! И Георгій радовалъ такъ, что и высказать не могу, и привѣтливость товарищей была крѣпко по сердцу. То былъ радостный день въ службѣ моей! И, благо-

даря Господа, онъ былъ не единственный, когда я могъ радоваться доброму расположенію сослуживцевъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Тифлисъ, маркитантъ, отыскивавшій по порученію моему верховую лошадь, приводитъ мнѣ прекрасную, стройную, гнѣдую отъ г.-м. Лаптева, отъѣзжавшаго въ Россію. Лошадь была кабардинская, завода Лоова. Головка маленькая, съ острыми ушами, глаза такъ дружелюбно смотрѣли, ножки—какъ точеныя; на шеѣ талисманъ съ тремя бирюзами. Я какъ взглянулъ, такъ и полюбилъ „Черкеса.“—„Что хочетъ генералъ за лошадь?“—Пятьсотъ рублей.—„Вотъ деньги!“ Цѣна за черкесскую лошадь была хорошая. Когда ее осѣдлали и я проѣхался—будто вѣкъ на ней ѣздилъ; мы сроднились. Но вотъ маркитантъ подходитъ и, отдавая мнѣ деньги, говоритъ: „полковникъ сказалъ, что онъ заплатитъ.“ Я обернулъ армянина и вытолкалъ его вонъ изъ воротъ. Полковникъ за обѣдомъ дулся на меня, наконецъ не вытерпѣлъ:

— Вы хотите сдѣлать меня неблагодарнымъ—цѣлую зиму работали за меня, малѣйшіе хозяйскіе расчеты мнѣ представляли; вы мнѣ сдѣлали экономіи 5 тысячъ рублей—и не хотите взять отъ меня лошадь.

— Главное при экономіи, чтобы рота была исправна; а если у меня есть свои деньги, зачѣмъ вы будете мнѣ покупать лошадь, и потому перестанемъ говорить объ этомъ.

Черезъ недѣлю пріѣхалъ къ намъ на Гомборы начальникъ артилеріи для инспекторскаго смотра. Рѣка Іора, которую слѣдовало переѣзжать въ бродъ у сел. Хашмы, была, какъ всѣ горныя рѣки весною, въ полномъ разгулѣ: она надулась, ревѣла, бушевала. Въ такое время деревня выставляетъ на берегъ арбы и перевозятъ людей на волахъ; верхомъ же переѣзжаютъ на свой рискъ—тогда около лошади прыгаютъ обыкновенно два грузина. Возвращаясь изъ Тифлиса, я переѣхалъ Іору на Черкесѣ, и онъ ступалъ такъ вѣрно по каменному

грунту, что ни разу не споткнулся. Полагая, что начальникъ артилеріи пріѣдетъ къ рѣкѣ въ коляскѣ, переправа которой будетъ продолжительна, я послалъ ему на ту сторону Черкеса, а на этой сторонѣ его ждали дрожки. Когда онъ подъѣхалъ къ рѣкѣ, ему перевозчики сказали, что коляска будетъ на той сторонѣ часа чрезъ два, и предложили арбу. Солдатъ подвелъ лошадь, говоря, что ее я прислалъ и что я уже переѣзжалъ на ней, а на той сторонѣ дрожки ждутъ его превосходительство. Онъ сѣлъ верхомъ, переѣхалъ благополучно и, такъ какъ дорога, 18 верстъ, все шла горами, не сѣлъ на дрожки, но продолжалъ ѣхать на Черкесѣ до Гомборъ, гдѣ мы ожидали его. Когда онъ подъѣхалъ къ почетному караулу и я подошелъ къ нему съ рапортомъ, онъ съ своей добродушной улыбкой сказалъ:

— Бриммеръ, я у васъ отыму лошадь.

— Не отдамъ никому, ваше превосходительство.

— Отыму, отыму! Славная лошадь; я заплачу, что вы хотите,—и пошелъ къ фронту.

— Ни за какія деньги не отдамъ, ваше превосходительство!

Осмотрѣвъ во всей подробности роту, онъ остался ею весьма доволенъ, а за обѣдомъ объявилъ, что бригадный командиръ, за раною, просилъ о назначеніи его по внутреннему артилерійскому вѣдомству—„такъ вы въ походѣ будете командовать батареею; затѣмъ я и смотрѣлъ ее въ такой подробности, чтобы удостовѣриться, хорошо ли вы ее приготовили.“ Потомъ похвалилъ меня за то, что во время похода не хочу разстаться съ хорошею верховою лошадью.

Съ отбытіемъ Алексѣя Петровича Ермолова съ Кавказа, многіе старшіе начальники оставили кавказскій корпусъ. Почтенный г.-л. Романъ Ивановичъ Ховенъ также хотѣлъ, еще въ 1827 году, выйти въ отставку, но генералъ Дибичъ, бывшій тогда въ Тифлисѣ, упросилъ этого умнаго, честнаго, всѣми уважаемаго военнаго губернатора не оставлять своего поста

на нѣкоторое время. По отъѣздѣ г. Дибича, онъ подалъ въ отставку, а вмѣсто него былъ назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ г.-л. Сипягинъ. Тогда же, послѣ персидской кампаніи, оберъ-квартирмейстеръ кавказскаго корпуса полковникъ Морицъ Астафьевичъ Коцебу былъ переведенъ въ Россію (онъ былъ женатъ на дочери Р. И. Ховена), оставивъ довремени семейство въ Грузіи, при которомъ жилъ старикъ Романъ Ивановичъ. Лѣтомъ 1828 года все семейство жило на Гомборахъ, спасаясь отъ жаровъ; а такъ какъ бригадный командиръ нашъ зиму оставался въ Тифлисѣ, то они, до отъѣзда своего изъ Грузіи, продолжали жить у насъ, что оживляло немного наши уединенныя Гомборы и было намъ очень пріятно. У супруговъ Коцебу было нѣсколько дѣтей, изъ коихъ одна, 6-ти-лѣтняя дочь, Даша, мнѣ крѣпко полюбилась, и я часто игралъ съ малюткой. Разъ, держа ее на колѣнахъ, я спрашиваю: „А что, Дашенька, пойдешь ты за меня замужъ?“—Пойду, отвѣчала малютка. И вотъ, когда обстоятельства и служба мнѣ дозволили думать о женитьбѣ, судьба свела насъ и, несмотря на мои 44 года, 18-ти-лѣтняя милая дѣвица сдержала слово—и мы тридцать лѣтъ живемъ въ мирѣ и согласіи.

Зима прошла скоро, а въ началѣ мая рота наша выступила въ походъ къ Карсу.

Прійдя съ командуемою мною ротою на сборный пунктъ войскъ у Карсъ-чая, я часто обѣдалъ у генерала Панкратьева, чтобы распить вмѣстѣ проигранную имъ мнѣ дюжину бутылокъ шампанскаго. Въ это время главнокомандующій былъ, кажется, въ недоумѣніи, какъ начать дѣйствія, и потому раза три-четыре у него собирались по утрамъ генералы. Дѣло въ томъ, что дорога въ Эрзерумъ намъ была открыта—это правда; но на соганлугскомъ хребтѣ, въ сторонѣ отъ дороги, стоялъ паша съ 25-ти-тысячнымъ войскомъ. Раздумье брало главнокомандующаго: идти ли на пашу, побить его и потомъ—въ Эрзерумъ, или оставить пашу и идти на встрѣчу Гагки-пашѣ,

вышедшему ужъ изъ Эрзерума и стоявшему у Гасанъ-кала? Предпріимчивый военачальникъ, видя, что мы оставили его въ сторонѣ, могъ спуститься съ кавалеріею, обойти Карсъ, вторгнуться въ наши предѣлы, накутить тамъ и, похозяйничавъ, уйти; а тамъ—ищи его! Вотъ объ этомъ-то и разсуждали въ ставкѣ главнокомандующаго. Надо сказать, чтобы добраться до паши, должно было бросить эрзерумскую дорогу и взять влѣво, въ горы, по неразработанной дорогѣ, а отъ большой эрзерумской дороги онъ былъ отдѣленъ глубокими оврагами, уродующими весь соганлугскій хребетъ. Идти же съ войсками и обозами по горнымъ дорогамъ, конечно—не радость, да и паша вѣдь не совсѣмъ же простъ, чтобы ждать насъ. Конечно, онъ отошелъ бы къ Меджингерту и соединился бы съ Гагки-пашой, а тотъ, увидя, что мы оставили большую эрзерумскую дорогу, могъ послать по ней кавалерію и скоро добраться до нашихъ границъ. Но Паскевичъ не могъ, зная о присутствіи предъ собою непріятеля, не побить его. На первый день послѣ обѣда генералъ Панкратьевъ, разсказывая мнѣ, какъ они разсуждали въ ставкѣ, сказалъ: „я прямо высказалъ свое мнѣніе, чтобъ идти на Эрзерумъ и если встрѣтимъ турокъ, то разбить ихъ; а паша не осмѣлится спуститься съ горъ. Главнокомандующій разсердился и громко опровергалъ мое мнѣніе, говоря, что это значитъ приглашать 25-ти-тысячное войско непріятеля въ наши предѣлы. Послѣ того я остался одинъ съ моимъ мнѣніемъ.“ На другой день Никита Петровичъ, вернувшись отъ главнокомандующаго, былъ уже веселѣе и не былъ такъ встревоженъ, какъ наканунѣ.—„Кажется онъ поддается—говорилъ Панкратьевъ—хотя и утверждаетъ, что неосторожно оставлять непріятеля съ боку себя.“

На третій день, идя по лагерю, я вижу генерала Панкратьева, расхаживающаго предъ своей палаткой. Я поклонился.

— Отчего вы обѣдать не пришли сегодня?

— Я не привыкъ пить всякій день шампанское; надобно съ роздыхами, ваше превосходительство!

Онъ засмѣялся.

— Кажется, сегодня опять собирались у главнокомандующаго? Можно полюбопытствовать, чѣмъ кончились конференціи, ваше превосходительство?

— Очень просто. Когда мы вошли, Иванъ Ѳеодоровичъ сказалъ намъ, что *его мнѣніе*—идти на Эрзерумъ, и если Гагки-паша осмѣлится выйти на встрѣчу, то разбить его; а паша, стоящій съ 25-ю тысячами, не посмѣетъ спуститься къ намъ; впрочемъ мы будемъ наблюдать за нимъ. Мы всѣ поклонились въ знакъ совершеннаго согласія и на дняхъ выступаемъ.

Дней чрезъ десять послѣ этого разговора было сраженіе при Милидюзѣ, гдѣ мы разбили трехбунчужнаго пашу Гагки-пашу и взяли его въ плѣнъ. Генералъ Панкратьевъ за это дѣло получилъ Георгія 3-й степени и съ тѣхъ поръ, до самой кончины своей, оставался съ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Паскевичемъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Когда же Паскевичъ былъ назначенъ намѣстникомъ царства польскаго, то просилъ о назначеніи Панкратьева генералъ-губернаторомъ Варшавы.

Первый переходъ нашъ былъ къ подошвѣ Соганлуга, куда вечеромъ пріѣхалъ поэтъ А. Пушкинъ, чтобы состоять при Паскевичѣ. Онъ жилъ у Николая Николаевича Раевскаго, командира Нижегородскаго драгунскаго полка. На другой день мы взошли на вершину Соганлуга и простояли тамъ недѣлю. Холодъ по вечерамъ, послѣ заката солнца, былъ такъ чувствителенъ, что всякій бы радъ былъ одѣться въ шубу, еслибъ была. Влѣво отъ насъ стоялъ паша; мы отдѣлены были отъ турокъ бездоннымъ оврагомъ. Съ высшей точки мѣстности можно было видѣть турецкій лагерь. По окраинамъ оврага разъѣзжали казаки и турки, перекидываясь безвредными ругательствами и выстрѣлами. Кажется, главнокомандующій выжидалъ, что

будутъ дѣлать турки, а Гагки-паша, стоявшій съ присланными изъ европейской Турціи и сообранными въ Азіи войсками, въ числѣ 50-ти тысячъ, у Гасанъ-кала, видя наше бездѣйствіе, началъ подвигаться впередъ и прошелъ Зивинъ. Когда онъ приблизился къ Милидюзу, главнокомандующій приказалъ тронуться къ нему на встрѣчу. Турки были разбиты и вся армія ихъ разсѣялась; мало возвратилось въ Эрзерумъ. Сраженіе это не напоминаетъ мнѣ никакихъ особенностей, кромѣ сильной кавалерійской атаки на нашъ фронтъ. Наша кавказская гренадерская резервная бригада стояла ближе къ правому флангу; батарейная № 1 рота была между Грузинскимъ полкомъ справа и Херсонскимъ слѣва. Турки находились предъ нами на равнинѣ и занимали лѣсъ, бывшій у нихъ съ лѣвой руки. Они стояли на эрзерумской дорогѣ. Послѣ довольно сильнаго артилерійскаго огня съ обѣихъ сторонъ, въ то время какъ главнокомандующій отъѣхалъ отъ насъ, отдавши генералу Муравьеву какія-то приказанія, мы ясно увидѣли въ массѣ турецкой кавалеріи сильное движеніе.

— А что, Эдуардъ Владиміровичъ—говоритъ мнѣ поручикъ Ш—въ, стоявшій у 4-го орудія—вѣдь это они собираются на насъ въ атаку?

— Глупо сдѣлаютъ—отвѣчалъ я—потому что ихъ отваляютъ картечью.

— Отвалять-то отваляемъ, а посмотрите, если они на насъ не бросятся. Эхъ, поле-то чистое, не то, что 9-го августа, гдѣ другъ друга они давили.

Я только-что успѣлъ пройти по батареѣ и сказать, чтобъ картечь была наготовѣ, какъ огромная толпа кавалеріи понеслась прямо на нашъ фронтъ. Встрѣченная при первомъ движеніи ядрами и гранатами со всѣхъ батарей, стоявшихъ на фронтѣ, потомъ картечью и батальнымъ огнемъ пѣхоты, она, не доскакавъ до фронта, повернула назадъ, конечно, съ большою потерею и безъ всякой нужды. Глупъ начальникъ,

подумалъ я. Послѣ этого мы двинулись впередъ. Грузинцы скоро очистили лѣсъ и мы заняли эрзерумскую дорогу, отбросивъ турокъ въ овраги и лѣса. На лѣвомъ флангѣ турки также не долго держались: конные всюду бѣжали по лѣсистой дорогѣ на Меджингертъ или—кому куда удобнѣе, а пѣхота вся разсыпалась. Сколько мы взяли орудій—не помню, но знаю, что мы проходили близь брошенныхъ турецкихъ орудій. Преслѣдованіе поручено было начальнику главнаго штаба г.-л. Дмитрію Ерофеевичу барону Остенъ-Сакену. Линейскіе казаки скоро нагнали турецкаго главнокомандующаго, трехбунчужнаго Гагки-пашу, и, какъ разсказывали, ужъ хотѣли его рубнуть, какъ онъ вскричалъ: „Менъ паша!“—Тѣмъ лучше, отвѣчали линейцы,—и привезли дорогого гостя въ лагерь. Когда его привели предъ нашего главнокомандующаго, онъ съ первыхъ словъ объявилъ, что не простой паша, а трехбунчужный, и попросилъ кофею. Иванъ Ѳеодоровичъ разсмѣялся и велѣлъ сказать ему: „какъ обозы подойдутъ, такъ его напоятъ кофеемъ.“ На другой день, чуть свѣтъ, небольшой отрядъ, подъ начальствомъ генерала Панкратьева, въ коемъ артилеріи было только командуемая мною рота, выступилъ по эрзерумской дорогѣ на Зивинъ и, не дойдя до этого города, остановился. Тутъ мы набрали сотни двѣ блуждавшихъ турецкихъ пѣхотинцевъ. Въ тотъ же день прибыли войска. Генералъ Панкратьевъ говорилъ мнѣ, что главнокомандующій очень недоволенъ барономъ Сакеномъ за слабое преслѣдованіе и тѣмъ, что только 2000 плѣнныхъ привели. 22-го іюня мы двинулись дальше по эрзерумской дорогѣ и 24-го заняли Гасанъ-кала. Подлѣ этой крѣпостцы былъ каменный, построенный римлянами мостъ, еще совершенно прочный. 25-го подошли къ Эрзеруму и, не доходя пяти верстъ, были встрѣчены турками, которыхъ скоро прогнали; остановившись тутъ лагеремъ, дневали. 26-го рано утромъ двинулись къ столицѣ турецкихъ владѣній въ Азіи. Турки занимали гору Топъ-дагъ, предъ самымъ городомъ; скоро ее очи-

стили и поставили батареи. Вокругъ всего города были выстроены батареи, которыя открыли по насъ почти безвредный огонь. Тутъ я припоминаю немного смѣшной случай. Когда батарейная рота 21-й бригады стала на позицію и снялась съ передковъ, я со своею ротою слѣдовалъ, чтобы занять подлѣ нея мѣсто. Главнокомандующій, со штабомъ, верхомъ на сѣромъ трухменскомъ конѣ, стоялъ тутъ же; нѣсколько офицеровъ были пѣшіе; Пушкинъ стоялъ предъ главнокомандующимъ на чистомъ мѣстѣ одинъ. Вдругъ первый выстрѣлъ изъ батареи 21-й бригады. Пушкинъ вскрикиваетъ—„славно!“ Главнокомандующій спрашиваетъ: „Куда попало?“ Пушкинъ, обернувшись къ нему—„Прямо въ городъ!“—„Гадко, а не славно,“ сказалъ Иванъ Ѳеодоровичъ. Скоро всѣ выстрѣлы умолкли. Сераскиръ сдалъ городъ, но все войско, бывшее въ городѣ, самовольно ушло, оставивъ своего главнаго начальника военно-плѣннымъ. Толпы армянъ высыпали изъ города на Топъ-дагъ. Они были въ какомъ-то одурѣніи, плакали, смѣялись, поминутно крестились, цѣловались съ солдатами, лобызали руки у офицеровъ. Толпа ихъ идетъ мимо батареи; двое отдѣляются, становятся предо мною, творятъ крестное знаменіе и благоговѣйно прикладываются къ моему георгіевскому кресту. Отъ ногъ и стремянъ главнокомандующаго ихъ надобно было отгонять—всѣ хотѣли цѣловать ихъ. Бѣдные христіане! Они вообразили, что все занятое нами останется за нами, а они избавятся отъ гнета турокъ. Радость ихъ была кратковременная: по уходѣ нашемъ, они крѣпко поплатились за сочувствіе, оказанное гяурамъ.

По занятіи Эрзерума, войска расположились лагеремъ. Такъ мы простояли здѣсь около мѣсяца. Въ это время получено было донесеніе отъ г.-м. Попова, что турки нападали на Баязетъ и были отбиты. Вскорѣ по занятіи Баязета, главнокомандующій приказалъ генералу Панкратьеву передать командованіе бригадою г.-м. Панютину, а весь отрядъ—старшему по себѣ г.-м. Попову, бывшему командиру Херсонскаго

гренадерскаго полка, и прибыть въ Карсъ, гдѣ командовать всѣми войсками, оставленными на зиму за границею.

Въ спискѣ потерь нашихъ при нападеніи турокъ на Баязетъ показанъ былъ убитымъ 3-й легкой роты прапорщикъ Селивановъ и раненымъ штабсъ-капитанъ Трубниковъ 2-й, въ руку, легко. Смерть Михаила Селиванова, молодого, года три только выпущеннаго изъ 2-го корпуса, во всѣхъ отношеніяхъ отличнаго офицера, произошла, какъ мнѣ разсказывали, слѣдующимъ образомъ. Его поставили на небольшой площадкѣ надъ оврагомъ, съ двумя орудіями, чтобы отогнать турокъ, стоявшихъ за оврагомъ и вредившихъ нашимъ войскамъ. Турки отогнаны; но они ниже спустились по оврагу и полѣзли на гору. Все это дѣйствіе намъ не было видно, а увидѣли ихъ, когда они вдругъ очутились на горѣ, надъ двумя орудіями Селиванова, и оттуда начали въ артилеристовъ стрѣлять. Покуда орудія поворачивали на малой площадкѣ, чтобы ударить въ гору, нѣсколько артилеристовъ было переранено, а Селивановъ изъ первыхъ получилъ пулю въ бокъ. Раненый въ ногу артилеристъ хотѣлъ его взять и увести. „Не пойду отъ орудій!“ закричалъ молодой герой. Другая пуля ударила въ его ногу, онъ упалъ. Турки бросаются съ горы на площадку. Что дѣлать 14-ти артилеристамъ, изъ коихъ двое было убито и половина переранена? Уцѣлѣвшіе схватили офицера и раненыхъ и побѣжали по скату горы. Турки нагнали ихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ орудій и кого могли, того изрубили; шесть человѣкъ успѣли убѣжать къ ротѣ пѣхоты, бѣжавшей съ капитаномъ Полтининымъ на выручку артилеристовъ. Турки, при видѣ роты, бросились на гору и ушли, оставивъ на мѣстѣ нѣсколькихъ раненыхъ и нѣсколькихъ проколотыхъ штыками. Заряженныя два орудія, стоя на маленькой площадкѣ, были пассивными зрителями этого минутнаго боя! Такъ погибъ 21-го года храбрый, усердный офицеръ, честный человѣкъ, истинно чистая русская душа;

всякій, кто зналъ, любилъ его за прямоту. Михаилъ Селивановъ былъ рязанской губерніи и имѣлъ девять братьевъ и одну сестру, Анну. Миръ праху твоему, мой молодой, добрый товарищъ!

Отрядъ, занимавшій Баязетъ, былъ не великъ. Когда увидѣли, что турки подошли къ городу, всѣ больные, которые могли держаться на ногахъ, выбѣжали изъ госпиталя къ своимъ частямъ. Говорили, что распоряженія начальника были неудовлетворительны. Войска дѣлали свое дѣло превосходно.

Подполковникъ Радожитскій, назначенный командиромъ парка, вступивъ въ командованіе и осмотрѣвъ его, далъ штабсъ-капитану Иванову сдаточную вѣдомость, по которой онъ долженъ былъ приплатить ему, безъ малаго, 20 тысячъ рублей. Видимо, г. Радожитскій желалъ обобрать своего предшественника, формировавшаго паркъ. Иванъ Ивановичъ Ивановъ былъ ошеломленъ, увидя громадность требуемой съ него суммы. У него было 14 тысячъ собственныхъ въ казенномъ ящикѣ. Что дѣлать? Онъ пошелъ за совѣтомъ къ адъютанту начальника артилеріи; тотъ посовѣтовалъ просить посредника. Генералъ Гилленшмидтъ назначилъ меня. Это было еще на сборномъ пунктѣ у Карсъ-чая, но, за скорымъ выступленіемъ, я не приступалъ къ дѣлу. По взятіи Эрзерума, начальникъ артилеріи приказалъ кончить скорѣе. Осмотрѣвъ паркъ во всей подробности и сдѣлавъ свои замѣчанія на сдаточной вѣдомости (которую не показывалъ тяжущимся), я увидѣлъ, что Радожитскій не только многое требовалъ несправедливо, но былъ руководимъ одною предвзятою мыслью обобрать старика. По осмотрѣ парка и опросѣ людей, я сказалъ господамъ, что завтра приду къ подполковнику для окончательнаго соглашенія. На другой день, когда я шелъ въ паркъ, штабсъ-капитанъ Ивановъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Эдуардъ Владиміровичъ, ужъ пускай беретъ 14 тысячъ, что въ ящикѣ лежатъ, а ужъ больше, право, нѣтъ у меня.“

— Если вамъ угодно, пожалуй я предложу это соглашеніе; но, по моему, вы торопитесь.

— Да ужъ Богъ съ нимъ, абы кончить скорѣе.

Мы вошли въ палатку къ подполковнику и сѣли около стола. Разложивъ предъ собой бумаги, я началъ съ того, что высказалъ желаніе Иванова покончить на 14-ти тысячахъ рубляхъ.

— Угодно ли вамъ на это согласиться? спросилъ я подполковника Радожитскаго.

— Нѣтъ, какъ можно! У меня вѣдомость вѣрно написана— я сбавить ничего не могу.

— Въ такомъ случаѣ приступимъ къ дѣлу. И, статью за статьей, я началъ указывать ему несправедливость его требованій, которыя до того были произвольны, что даже не согласовались съ положеніями. Сначала г. Радожитскій слушалъ меня небрежно, улыбался, и, несмотря на главныя улики, говорилъ, что онъ правъ; Иванъ Ивановичъ Ивановъ сидѣлъ и молчалъ. Но когда онъ увидѣлъ, что всѣ статьи его разобраны спеціально, улыбка исчезла съ непригожаго лица и онъ заговорилъ, что это ошибка. Потомъ, обернувшись къ Иванову, говоритъ:

— Извольте, Иванъ Ивановичъ, я согласенъ—покончимте на 14-ти тысячахъ, и я выдамъ квитанцію.

Иванъ Ивановичъ подумалъ, подумалъ и, махнувъ своей широкой ладонью, воскликнулъ: „ну, ужъ сказалъ разъ, такъ пускай—я согласенъ.“ Радожитскій всталъ.—„Ну, такъ кончено!“ сказалъ онъ.

— Позвольте, господа; я имѣю предложеніе начальника артилеріи повѣрить справедливость требованій, указанныхъ въ сдаточной вѣдомости, и потому долженъ кончить дѣло, начавъ его. Еслибы вы согласились прежде, я бы доложилъ о томъ начальнику артилеріи; теперь позвольте кончить. Иванъ Ивановичъ Ивановъ молчалъ, но г. Радожитскій заговорилъ: „да

къ чему же это, когда у насъ съ Иваномъ Ивановичемъ покончено," и пр., пр. Но я продолжалъ свое дѣло до конца. Перебравъ всю сдаточную вѣдомость, я всталъ:

— Сегодня вечеромъ я представлю начальнику артилеріи вѣдомость. Прощайте.

— Да вы скажите, что мы ужъ покончили съ Иваномъ Ивановичемъ, поспѣшилъ сказать Радожитскій.

— Ну какъ же покончили, когда Эдуардъ Владиміровичъ долженъ подать вѣдомость начальнику артилеріи.

Кончу въ двухъ словахъ. Вмѣсто 20-ти или 14-ти тысячъ Ивановъ заплатилъ за испорченныя и недостающія вещи, т. е. за все, всего 7200 рублей. Начальникъ артилеріи, разсмотрѣвъ несообразность требованій пріемщика, сдѣлалъ строгій и, для болѣе чувствительнаго офицера, обидный выговоръ подполковнику Радожитскому; а Иванъ Ивановичъ Ивановъ, получивъ при чистой квитанціи въ сдачѣ парка свои остальныя 6800 руб., былъ въ совершенномъ удовольствіи и, въ кружкѣ офицеровъ разсказывая, какъ мы перебирали сдаточную вѣдомость въ палаткѣ, воскликнулъ: „Ну, ужъ нѣмецъ! Нечего сказать, хорошій человѣкъ!" Въ 30-тыхъ годахъ Ивановъ находился при кіевскомъ арсеналѣ и въ бытность Николая I въ Кіевѣ, встрѣтился съ Императоромъ. Могучая солдатская фигура офицера обратила на себя вниманіе Государя. Его Величество спросилъ, гдѣ онъ прежде служилъ; Ивановъ разсказалъ всю службу и что подъ Аустерлицомъ былъ; Государь произвелъ старика въ подполковники.

Возвращаясь однажды въ темную, облачную ночь изъ Эрзерума въ лагерь съ донскимъ казакомъ, котораго далъ мнѣ адъютантъ, чтобъ проводить прямой дорогой чрезъ гору, я чуть не попалъ на дно каменоломни, но инстинктъ Черкеса, моей верховой лошади, спасъ насъ. Проѣхавъ нѣсколько по горѣ битою тропою, мнѣ показалось, что мы ѣдемъ не по гладкому. „По дорогѣ ли мы ѣдемъ?" спросилъ я казака.—Какъ

же, по дорогѣ, ваше высокоблагородіе.—Но чрезъ нѣсколько шаговъ лошадь моя вдругъ остановилась; я было тронулъ ее ногой—она попятилась назадъ. Казакъ сзади наѣхалъ на меня. „Мы сбились съ дороги, лошадь не идетъ впередъ," сказалъ я казаку.—Должно быть сбились, ваше высокоблагородіе; дороги нѣтъ—говоритъ казакъ, уже слѣзшій съ лошади. И я слѣзъ; темно, ни зги не видать. Мнѣ хотѣлось узнать, отчего Черкесъ остановился. Я нагнулся и бережно щупаю впереди по землѣ, вдругъ камушки покатились внизъ и рука не слышитъ земли—мы были у каменоломной пропасти! Вотъ-те и прямая дорога ночью, да еще съ такимъ проводникомъ. Ощупью, мы скоро нашли тропу, увидѣли огни въ лагерѣ и благополучно пріѣхали. Ложась спать, я поблагодарилъ Бога, что купилъ моего Черкеса.

9-я артилерійская бригада, въ которой я въ 1815 году началъ службу, теперь называлась 20-ю, и съ 20-ю дивизіею пришла въ Грузію въ началѣ 1827 года, чтобы съ нами дѣлать персидскую кампанію. Командовалъ ею Гилленшмидтъ, произведенный въ генералы и назначенный, по смерти Унтилье, начальникомъ артилеріи отдѣльнаго кавказскаго корпуса. По какой причинѣ она не пришла на сборный пунктъ—не знаю; но по взятіи Эрзерума, недѣли чрезъ двѣ, она вмѣстѣ съ пѣхотнымъ полкомъ присоединилась къ намъ. Узнавъ, что она должна прибыть около полудня, я въ 11 часовъ, когда солдаты пошли обѣдать, вышелъ тоже къ котламъ и прежде, чѣмъ они расположились на землѣ, призвалъ всѣхъ къ себѣ; они стали въ кружокъ.

— У васъ кашица съ говядиной сегодня?

— Съ говядиной, ваше высокоблагородіе! крикнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Рота, въ которой я началъ службу, пришла въ лагерь; люди устали; мнѣ хочется угостить ее. Подарите мнѣ вашу кашу, а чрезъ два-три часа вамъ сварятъ.

— Возьмите, возьмите, ваше высокоблагородіе, мы обождемъ, рады стараться, и пр., пр.

— Ну, такъ несите же котлы къ усталымъ товарищамъ.

И съ крикомъ, хохотомъ, весело всѣ побѣжали къ котламъ.

Пріѣзжалъ ко мнѣ г.-м. князь Голицынъ, спрашивалъ, не продамъ ли я свою верховую лошадь? Главнокомандующій желаетъ имѣть покойную и надежную, „а Яковъ Яковлевичъ (Гилленшмидтъ) очень хвалилъ вашу.“—Конечно, хороша, и покойна, и надежна; но я не продамъ. Онъ крѣпко настаивалъ и въ приводимыхъ причинахъ сказалъ:

— Какъ же вы главнокомандующему не хотите уступить ее?

— Порядочный офицеръ въ военное время не разстается съ хорошею верховою лошадью, былъ отвѣтъ. Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Наканунѣ выступленія изъ эрзерумскаго лагеря къ Байбурту я по дѣламъ службы былъ у начальника артилеріи. Отпуская меня, онъ говоритъ улыбаясь:

— Вчера главнокомандующій спрашиваетъ меня, отчего артилеристы въ походѣ никогда не поютъ? Идутъ около орудій, точно мыши кота хоронятъ. Что у васъ въ ротѣ есть пѣсенники?

— Право не знаю, ваше превосходительство, есть ли пѣсенники; но если ему угодно, то пѣть будутъ.

— Прошу васъ, сдѣлайте, какъ знаете, чтобъ пѣли.

Пріѣхавъ въ лагерь и вечеромъ отдавая фельдфебелю Тетюцкому приказанія на завтрашній день, я приказалъ, чтобъ 20 пѣсенниковъ шли передъ первымъ орудіемъ и при проѣздѣ главнокомандующаго какъ можно громче пѣли, какую хотятъ, пѣсню.

— Да у насъ въ ротѣ пѣсенниковъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну такъ будутъ; собери 20 крикуновъ, и чтобы пѣли, да громче; ну, ступай.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

Съ каждаго взвода нарядили по 5-ти человѣкъ и почти всю ночь спѣвались молодцы. На другой день въ походномъ слѣдованіи наша гренадерская бригада была въ хвостѣ. Главнокомандующій, по обыкновенію обгонялъ войска, въ сопровожденіи всего штаба, и здоровался съ частями. Услышавъ барабанъ сзади, я поѣхалъ къ 8-му орудію. Главнокомандующій, подъѣхалъ къ ротѣ и увидалъ меня.

— Здравствуй Бриммеръ! Что, отдохнули твои?

Я поклонился и поѣхалъ за нимъ. Приближаясь къ передовымъ орудіямъ, онъ слышитъ пѣніе.

— Бриммеръ, у тебя поютъ?

— Поютъ, ваше сіятельство.

— Яковъ Яковлевичъ, у него поютъ! А что́ поютъ?

— Не знаю, какую-то пѣсню; приказано пѣть—и поютъ.

Главнокомандующій засмѣялся, подозвалъ адъютанта и приказалъ дать пѣсенникамъ 5 червонцевъ.

При второмъ переходѣ къ Байбурту мы вошли въ горы. Дорога по отлогости ущелья была невообразимо гадкая; слѣва крутость горы, справа крутой обрывъ въ рѣчку, вся—въ крутыхъ спускахъ и подъемахъ, каменистая; большіе камни торчали изъ земли. Къ тому же еще полковые командиры жаловались, что фуражу, въ особенности сѣна, достать не могутъ. Жалобы эти дошли до главнокомандующаго, и его сіятельство былъ крѣпко не въ духѣ. Штабные господа старались быть подальше отъ него. Въ одинъ изъ этихъ переходовъ къ Байбурту, когда войска сплотились, какъ могли, въ узкой долинѣ на привалѣ, главнокомандующій, разсерженный болѣе обыкновеннаго докучливыми докладами о недостаткѣ сѣна и при проѣздѣ своемъ увидѣвшій самъ двѣ повозки, свалившіяся съ кручи въ оврагъ, подъѣзжаетъ къ нашей ротѣ.

Лошади ѣли ячмень; на артилеріи и на обозѣ видны были кипы сѣна; я съ офицерами завтракалъ у перваго орудія, лежа на раскинутомъ коврѣ. Кто-то закричалъ: „главнокомандующій!“ Мы вскочили и пошли передъ орудія.

— Здравствуй Бриммеръ! да у тебя, видно, есть фуражъ?

— Какъ же безъ фуражу, ваше сіятельство; лошадей кормить надо.

— Да и сѣно есть?

— И сѣно есть.

Онъ остановилъ лошадь, обернулся. Начальникъ артилеріи подъѣхалъ.

— Въ артилеріи есть сѣно, Яковъ Яковлевичъ?

— Поберегаютъ, ваше сіятельство, понемногу даютъ. Главнокомандующій обратился ко мнѣ и спросилъ:

— А какова дорога?

— Шоссе, ваше сіятельство, отвѣчалъ я.

— Шоссе! воскликнулъ графъ и засмѣялся.

Привѣтливо улыбнувшись мнѣ, онъ отъѣхалъ со всей свитой. И долго потомъ, проѣзжая по этой сквернѣйшей дорогѣ, въ веселомъ расположеніи духа онъ повторялъ: „Шоссе!“ Развѣ виноватъ главнокомандующій, что въ ущельи мало родилось травы; развѣ онъ виноватъ, что у турокъ необдѣланныя дороги? Къ чему же ему надоѣдать и сердить его? Яковъ Яковлевичъ, подъѣхавъ на другой день ко мнѣ на походѣ, разсказывалъ, что всѣ окружающіе главнокомандующаго были очень довольны, что я развеселилъ его.

Турки не защищали Байбурта, но укрѣпились въ с. Хартѣ, куда собрались жители этихъ горъ, лазы, самый храбрый народъ въ Турціи, по сказанію самихъ турокъ. Не доходя верстъ двухъ, турки ожидали насъ; надобно было развернуться, чтобы очистить дорогу къ укрѣпленному селенію. Послѣ довольно упорной защиты своей позиціи, ихъ прогнали, и 1-й батарейной ротѣ кавказской гренадерской артилерійской бри-

тады, которою я командовалъ, приказано было стать на равнинѣ предъ селеніемъ съ частью пѣхоты, а главнокомандующій потянулся съ остальными войсками вправо, на горную плоскость, подъ которой лежалъ Хартъ. Генералъ-адъютанту Потемкину [8]) поручено было начальство надъ оставленными внизу войсками. Онъ стоялъ на уступѣ горы, на которую потянулись войска; пѣхота выслала застрѣльщиковъ. На концѣ селенія, подъ самой горой, была мельница, изъ которой турки строчили въ застрѣльщиковъ и даже въ колонны, и многихъ ранили. Наша батарея уже нѣсколько часовъ стояла на плоскости безъ дѣла, какъ пріѣхалъ офицеръ отъ г.-м. Муравьева съ приказаніемъ дать два орудія, чтобы унять мельницу. Два орудія, стоявшія съ праваго фланга, пошли. Не прошло и получаса, какъ адъютантъ начальника артилеріи привезъ приказаніе вести батарею на гору. Едва мы взяли на передки, подъѣзжаетъ ко мнѣ г.-м. Муравьевъ и говоритъ: „Эдуардъ Владиміровичъ, поѣзжайте сами къ вашимъ орудіямъ—офицеръ не можетъ попасть въ мельницу; Потемкинъ сердится. Поѣдемте!“ Я велѣлъ двигаться батареѣ, а самъ поскакалъ впередъ. У орудій я соскочилъ съ лошади, бросилъ поводья, посмотрѣлъ на мельницу, велѣлъ передвинуть орудія, самъ навелъ первое, а другое фейерверкеръ. Выстрѣлъ! Огромный уголъ мельницы отвалился, ядро внутри. Подойдя къ другому орудію, я похвалилъ фейерверкера. Выстрѣлъ—граната въ мельницѣ, а чрезъ мгновеніе выходившій дымъ показалъ, что она благополучно лопнула.

— Хорошо! закричалъ генералъ Потемкинъ.

Между тѣмъ рота проходила, я приказалъ этимъ двумъ орудіямъ присоединиться къ ротѣ, и мы потянулись на гору. Инженерный капитанъ Веденіктовъ разсказалъ мнѣ послѣ, что стоялъ близь генерала, со свитою его; Потемкинъ, видя какъ

[8]) Бывшій командиръ л.-гв. Семеновскаго полка; былъ присланъ Государемъ въ 1829 году къ войскамъ кавказскаго корпуса въ распоряженіе главнокомандующаго; прибылъ по взятіи Эрзерума и назначенъ командовать всею пѣхотою.

я подскакалъ къ орудіямъ и самъ сталъ наводить, сказалъ громко: „Не попадетъ и онъ“. Веденіктовъ говоритъ: это хорошій офицеръ, ваше превосходительство.—„Какъ фамилія?“ —Капитанъ Бриммеръ, ваше превосходительство.—„Посмотримъ!“ Вслѣдъ затѣмъ—выстрѣлъ, отбившій уголъ мельницы. Тутъ-то онъ весело закричалъ—„хорошо!“ Послѣ этихъ двухъ выстрѣловъ, турки ужъ не стрѣляли изъ мельницы. На другой день по занятіи Харта, мы увидѣли въ мельницѣ нѣсколько труповъ. Былъ уже вечеръ, когда рота стала на позицію на горѣ. Всѣ думали, что послѣ артилерійскаго огня пошлютъ пѣхоту въ селеніе, гдѣ въ каждой саклѣ сидѣли турки, тоже въ ожиданіи рѣзни; но главнокомандующій думалъ иначе: „Незачѣмъ напрасное кровопролитіе. Турки ночью уйдутъ—я оставлю имъ дорогу въ ущелье незанятою.“ Скоро артилерія прекратила огонь, а въ полночь дали знать главнокомандующему, что турки оставляютъ селеніе.

На другой день мы прошли чрезъ сел. Хартъ и остановились лагеремъ по дорогѣ на Чифтликъ; это было 29-го, а 30-го іюля былъ церковный парадъ съ благодарственнымъ молебномъ. Главнокомандующій, обходя войска и здороваясь съ ними, подошелъ къ нашей батареѣ; я стоялъ на правомъ флангѣ. Онъ остановился предо мною: „Здравствуй Бриммеръ!“ и, обращаясь къ шедшему подлѣ г. Потемкину, говоритъ:

— Капитанъ Бриммеръ храбрый офицеръ и хорошій артилеристъ!

— Ужъ мы вчера познакомились съ капитаномъ, когда онъ разбилъ двумя выстрѣлами мельницу, изъ которой турки крѣпко безпокоили насъ.

— Ага! сказалъ Паскевичъ, улыбнулся мнѣ и пошелъ дальше.

Проходя наканунѣ черезъ сел. Хартъ, солдаты нашли тамъ множество ульевъ, наполненныхъ медомъ. Рѣдкая пожива для солдата! Разумѣется, ихъ стали разбивать; но пчелы

крѣпко защищали свое добро—и пошла битва! Но такъ какъ награда за побѣду была ужъ больно сладостна, то пѣхотинцы, несмотря на жало пчелъ, кусавшихъ ихъ въ лицо, одержали побѣду, опорожнивъ всѣ улья. Наша взяла, хоть рыло въ крови! Пускай бы такъ, все-таки пѣхотинецъ зналъ, за что́ его пчелы кусали. Но вотъ бѣда—за пѣхотою, раззорившею улья, шла артилерія, ни въ чемъ неповинная, и пчелы давай кусать артилеристовъ! Тутъ-то услышали русскую брань на всѣ голоса. И досталось пѣхотному солдату отъ артилериста. Но брань не помогла, и много рожъ было опухшихъ. Изъ первыхъ ужаленныхъ пчелами былъ штабсъ-капитанъ Ш—ртъ, шедшій у перваго орудія; ему досталось и въ носъ, и въ щеку—все лицо раздулось. Одинъ изъ товарищей, mauvais plaisant, говоритъ ему въ утѣшеніе: „Ну ужъ васъ-то могли бы оставить въ покоѣ—вѣдь вы же хотѣли вчера ихъ мельницу пощадить!“

4-го августа пришли мы къ сел. Балахору. Тутъ случилось несчастное происшествіе въ нашей ротѣ. Хотя запаснаго лѣса изъ штабъ-квартиры взято было довольно, но гадкія турецкія дороги истребляли его крѣпко. Не упуская случая, гдѣ только можно было добыть дѣлового лѣса, ибо охотниковъ на него много, а его было мало—вездѣ былъ лѣсъ сосновый, въ подѣлку негодный—я въ каждую фуражировку по деревнямъ посылалъ дроги и при нихъ мастерового. 5-го числа возвратившійся съ фуражировки фейерверкеръ доложилъ мнѣ, что турки убили мастерового и угнали тройку лошадей съ дрогами. Вѣроятно, пустая деревня, въ которой они хозяйничали, была внѣ казацкой цѣпи, хотя они въ этомъ не признавались. „Мы втроемъ, и фурлейтъ тутъ же, ломали дубовую дверь, а мастеровой Афанасьевъ понесъ отысканный дѣловой лѣсъ на дроги; вдругъ слышимъ крикъ его: ай, помогите! Глянули въ окно—Афанасьевъ лежитъ, а турки, всего человѣкъ пять, верхами, гонятъ тройку съ дрогами по дорогѣ.“ Вотъ

разсказъ фейерверкера. Дѣлать нечего, бѣда стряслась! Я пошелъ доложить о томъ начальнику артилеріи. Генералъ покачалъ головою: „Главнокомандующій разсердится; лучше пойти предупредить его. Пойдемте со мною, можетъ, васъ спроситъ.“ И пошли. Гилленшмидтъ вошелъ въ ставку главнокомандующаго, а я остановился около большой столовой палатки и думаю себѣ: хоть не крѣпко бы разсердился да не ругался. Вдругъ изъ ставки выходитъ Паскевичъ. Я спрятался за уголъ палатки и—увы—слышу, къ великому прискорбію моему, что онъ гнѣвно произноситъ: „Это безпорядокъ—они поѣхали за цѣпь; я взыщу, крѣпко взыщу,“ и пошелъ впередъ по площадкѣ. Плохо, думаю; какъ бы удрать. Вдругъ слышу: „Гдѣ Бриммеръ?“—Онъ былъ здѣсь, ваше сіятельство,—и начальникъ артилеріи, отойдя отъ главнокомандующаго, увидѣлъ меня, прятавшагося за палаткой.

— Ступайте къ главнокомандующему.

— Не пойду, ваше превосходительство, разругаетъ.

— Идите проворнѣе.

— Не пойду, ваше превосходительство; дѣлайте, что́ хотите со мною,—а самъ смотрю изъ-за угла палатки и, увидя, что графъ обернулся къ намъ спиной, все громче и громче сердясь, я—шмыгъ между штабныхъ палатокъ, и былъ таковъ.

Когда начальникъ артилеріи сказалъ, что не нашелъ меня и что я ужъ ушелъ, главнокомандующій послалъ за полковникомъ Верзилинымъ, начальникомъ всѣхъ казаковъ. Тотъ поспѣшилъ явиться съ улыбающимся лицомъ, ничего не зная о случившемся. И стряслась брань надъ неповинной головой: „казаки ничего не дѣлаютъ, дѣла своего не знаютъ; вы ничего не смотрите—турки у васъ подъ носомъ лошадей уводятъ; у васъ безпорядокъ вездѣ,“ и пр., и пр.

Мастерового Афанасьева похоронили почетно, съ видимымъ сожалѣніемъ о случившемся; гг. офицеры и почти всѣ нижніе чины роты провожали гробъ. Это былъ тотъ самый

Афанасьевъ, который спасся при воспламененіи пороховыхъ газовъ въ Карсѣ тѣмъ, что былъ выброшенъ за дверь. Вѣрно, было ему опредѣлено умереть въ Турціи! Я старался долгое время не попадаться на глаза нашему почтенному начальнику артилеріи—авось гнѣвъ его уляжется; впрочемъ, такъ какъ мы больше съ турками не встрѣчались и дѣлъ не было, то и встрѣчи съ генераломъ Гилленшмидтомъ избѣжать было легко.

По взятіи Эрзерума, я сидѣлъ въ палаткѣ одного артилерійскаго подполковника, какъ къ нему входитъ знакомый его, адъютантъ главнокомандующаго князь К—въ, и говоритъ, что завтра парадъ, благодарственный молебенъ и большой столъ у главнокомандующаго.

— А кто приглашенные къ большому обѣду? спросилъ я.

— Обыкновенно кто: всѣ штабъ-офицеры, отвѣчалъ князь.

— Не совсѣмъ-то хорошее обыкновеніе! замѣтилъ я. Главнокомандующій зоветъ къ своему офиціальному столу штабъ-офицеровъ безъ разбора. Вотъ, напримѣръ, и вчера имъ при всѣхъ ошеломленный, которому онъ въ сердцахъ сказалъ—„маіоришка! темлячишко оборву!“—этотъ господинъ будетъ сидѣть за офиціальнымъ столомъ его сіятельства главнокомандующаго, а нашъ братъ, артилерійскій капитанъ, георгіевскій кавалеръ—не удостоивается приглашенія.

— Его сіятельству весьма пріятно будетъ, если вы когда пожалуете къ нему откушать!

— Я говорю объ офиціальныхъ приглашеніяхъ высшаго начальства, а не объ обѣдѣ. Слава Богу, и въ своей семьѣ сыты бываемъ.

Когда адъютантъ ушелъ, хозяинъ говоритъ мнѣ:

— Развѣ вы не знаете, Эдуардъ Владиміровичъ, что онъ все, что услышитъ, пересказываетъ Паскевичу?

— Чтожъ, пускай пересказываетъ; онъ узнаетъ, что артилеристы цѣнятъ его благорасположеніе.

Первый благодарственный молебенъ и большой обѣдъ были 30-го іюля, по взятіи Харта. Вечеромъ 29-го, когда мы пили чай съ господами, приходитъ князь К—въ: „его сіятельство г. главнокомандующій приказалъ мнѣ просить васъ завтра въ 4 часа къ обѣденному столу.“ И обѣдали мы, два артилерійскихъ капитана, я и Горячко, за офиціальнымъ столомъ главнокомандующаго.

Только обѣдъ этотъ не прошелъ благополучно. Когда пили за здоровье Государя, была салютаціонная пальба изъ нашей батареи, стоявшей въ первой линіи, предъ ставкой главнокомандующаго. Графу Паскевичу показалось, что выстрѣлы очень рѣдки; онъ кивнулъ адъютанту, тотъ подошелъ и получилъ приказаніе, чтобъ чаще стрѣляли. Чѣмъ бы передать приказаніе старшему офицеру, онъ, какъ мнѣ разсказывали, закричалъ громко: „чаще стрѣлять!“ а потомъ уже, видя подходящаго къ нему п. Ш—а, передалъ ему приказаніе. Тутъ опять пришла очередь правому флангу; фейерверкеръ скомандовалъ—„первая!“ Бомбардиръ Вирясовъ, стоявшій съ банникомъ, № 1-й, поторопился выбѣжать впередъ; выстрѣлъ!—ему раздробило лѣвую руку, а банникъ полетѣлъ впередъ. Вѣроятно, трубка скорострѣльная не разомъ воспламенилась и выстрѣлъ на секунду запоздалъ. Когда всѣ встали изъ-за стола и вышли предъ палатку, офицеръ доложилъ мнѣ о случившемся; я сказалъ начальнику артилеріи, а тотъ, тутъ же, главнокомандующему.

— Жаль—сказалъ Иванъ Ѳеодоровичъ—а хорошій солдатъ?

— Бомбардиръ стройный, прекраснаго поведенія, отвѣчалъ съ моего доклада начальникъ артилеріи.

— За добрую службу этой роты показать его раненымъ въ сраженіи, дать георгіевскій крестъ и выпустить въ отставку.

Не знаю, желалъ ли главнокомандующій завладѣть Трапезонтомъ, но демонстрація по дорогѣ къ этому порту была

сдѣлана. Вмѣстѣ съ отправленіемъ графа Симонича съ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ для занятія Гюмишъ-хана, гдѣ серебряные рудники, былъ посланъ небольшой отрядъ по дорогѣ къ Трапезонту; но тамъ, въ горахъ, оказалось бездорожье, и, по возвращеніи обоихъ отрядовъ, мы начали обратный походъ въ Эрзерумъ.

Не доходя двухъ переходовъ, главнокомандующій поѣхалъ впередъ и былъ пріятно обрадованъ, встрѣтивъ курьера, привезшаго ему Георгія 1-й степени. При поздравленіи его съ этою наградою, генералъ-адъютантъ Потемкинъ сказалъ, что надѣется скоро поздравить его фельдмаршаломъ.

— Этого не будетъ! возразилъ Иванъ Ѳеодоровичъ.

— Побьемтесь объ закладъ, что за эту войну вы будете фельдмаршаломъ.

— Хорошо; но вы проиграете.

— Сто червонцевъ? сказалъ Потемкинъ.

— Идетъ! согласился будущій фельдмаршалъ, и проигралъ, ибо при заключеніи мира былъ произведенъ въ фельдмаршалы.

Возвратившись въ эрзерумскій лагерь, главнокомандующій, видя, что непріятеля нигдѣ нѣтъ, отпустилъ часть войскъ въ Грузію. Наша батарейная № 1-й рота кавказской гренадерской бригады, которою я командовалъ, получила приказаніе къ выступленію на Гомборы, въ свою штабъ-квартиру. 17-го августа мы выступили изъ Эрзерума и, чрезъ Гасанъ-кала, Карсъ, Александрополь, по избитой нами дорогѣ на Цалку и Башкичетъ, мнѣ знакомыя мѣста, потянулись домой. У нѣмецкой колоніи нагналъ насъ курьеръ, ѣхавшій отъ главнокомандующаго въ Тифлисъ, и объявилъ намъ о заключеніи мира, а покуда ему запрягали лошадей, разсказалъ, что войска еще разъ ходили къ Байбурту, гдѣ Османъ-паша, новый сераскиръ, собралъ значительное войско и, по обѣщанію, данному султану, думалъ непремѣнно разбить насъ; но, когда это ему не удалось и все его войско, разбитое, разбѣжалось, онъ

выпустилъ задержаннаго имъ курьера, генеральнаго штаба капитана Дюгамеля, посланнаго Дибичемъ чрезъ Трапезонтъ. Каково дерзкое нахальство турецкаго паши! Изъ-за его глупой безрасчетной самонадѣянности погибли тысячи людей! Въ 20-хъ числахъ сентября мы вернулись на Гомборы. Скоро возвратились и всѣ войска.

X.

1830 ГОДЪ. Назначеніе меня командиромъ батареи. Потеря четырехъ орудій. Холера. 1831 ГОДЪ. Отпускъ. Путешествіе до Москвы. Посѣщеніе А. П. Ермолова въ его деревнѣ. Представленіе генералъ-фельдцейхмейстеру Великому Князю Михаилу. Разговоръ съ генераломъ Костенецкимъ. Представленіе Государю. Отзывъ Государя. Испугъ фрейлинъ. Разговоръ въ гостинной. Отъѣздъ въ Ригу. Возстаніе въ виленской губерніи. Мое участіе въ подавленіи онаго. У генералъ-губернатора. Формированіе орудій и выступленіе въ походъ. Встрѣчи съ мятежниками. Оригинальное, но цѣлесообразное распоряженіе. Крюковъ и Гелгудъ. Отъѣздъ мой въ Ригу. Я—начальникъ артиллеріи. Отъѣздъ на Кавказъ. Перемѣна начальства. Первое представленіе новому начальнику. Начальство кавказской линіи. Служебныя занятія.

Отъ Его Высочества генералъ-фельдцейхмейстера пришелъ къ начальнику артилеріи запросъ, не желаетъ ли кто изъ капитановъ кавказскаго отдѣльнаго корпуса командовать новоформируемою ротою въ Сибири? Узнавъ объ этомъ и желая видѣть новую сторонку, я просилъ генерала Гилленшмидта назначить меня. Яковъ Яковлевичъ отговаривалъ меня отъ этого, сказавъ, что мнѣ и здѣсь скоро будетъ назначеніе; съ тѣмъ и отпустилъ. На другой день, призвавъ меня къ себѣ, онъ говоритъ, что фельдмаршалъ приказалъ меня назначить командиромъ легкой № 2-й роты кавказской гренадерской артилерійской бригады, командиръ которой п. Цебриковъ назначается командиромъ этой бригады, а до того, чтобы я принялъ отъ п. Долгово-Сабурова на законномъ основаніи батарейную роту. Четыре мѣсяца я командовалъ этою ротою; по-

томъ, въ началѣ іюня, сдалъ ее п. Цебрикову, а отъ него принялъ 2-ю легкую.

Во время пріема легкой № 2-й батареи, я получилъ предписаніе отправить четыре орудія въ Кахетію, гдѣ собирался отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-губернатора Стрекалова, назначеннаго на это мѣсто по смерти генералъ-адъютанта Сипягина, для занятія Закаталъ и наказанія тамошнихъ лезгинъ за частые ихъ разбои въ Кахетіи. Экспедиція была неудачная; говорили—по дурнымъ распоряженіямъ начальства, и, кажется, справедливо. У самыхъ Закаталъ эти четыре орудія, поставленныя на малой площадкѣ, при слабомъ прикрытіи, которое было сбито натискомъ огромной толпы лезгинъ, были взяты лезгинами и увезены въ Закаталы. Офицеръ, нѣсколько артилеристовъ и много лошадей было переранено. Вскорѣ орудія эти, по взятіи Закаталъ, были тамъ найдены и отданы по негодности въ тифлисскій арсеналъ, а рота получила новыя. Лезгины, добывъ орудія, не знали что̀ съ ними дѣлать, ибо ни зарядовъ, ни принадлежности не было: давай рубить лафеты и сдирать оковку; хозяйничали съ радости и около самыхъ орудій, избили ихъ каменьями и какъ-то ухитрились у одного орудія сломать дельфинъ или одну изъ скобъ, что̀ на верху орудія для подъема онаго; отбили одинъ виноградъ и попортили у всѣхъ дула.

Кто зналъ ген.-ад. Стрѣкалова, отзывался о немъ, какъ о добромъ, любезномъ, очень гостепріимномъ человѣкѣ; но въ глазахъ кавказцевъ эта экспедиція въ Закаталы уронила его и его назвали „Стаканъ Стакановичъ“, вмѣсто Степанъ Степановичъ, какъ онъ назывался.

Въ прошломъ году, когда мы вернулись изъ Эрзерума въ Тифлисъ, ходили слухи о какой-то заразительной болѣзни, называемой холерою. Говорили, что она зародилась въ Индіи, пройдя въ Персію, много народа повалила, и не дай Богъ, чтобы пришла въ Грузію; слышалось, что Каспійскимъ моремъ

уже посѣтила Астрахань. Вездѣ на персидской границѣ учредили карантины, но никто не вѣрилъ, чтобы они могли удержать холеру, ибо знали, что она въ воздухѣ и что въ Персіи валила цѣлыя селенія; вѣрили, что и отъ прикосновенія заражаются. Не припомню, чтобы для предохраненія отъ оной говорили что-нибудь о пищѣ, но держать желудокъ тепло совѣтовали и, какъ удобное къ тому средство, предлагали пить пуншъ, отчего на ромъ сдѣлался большой расходъ и, кажется, онъ немного вздорожалъ. Вообще ожиданіе этой гостьи было томительно въ первой половинѣ 1830 года. И вотъ, въ іюнѣ она пожаловала къ намъ въ Тифлисъ; на первыхъ же порахъ начала хозяйничать, какъ у себя дома, и, надобно признаться, навела страхъ на всѣхъ. Главнокомандующаго не было въ Тифлисѣ—онъ поѣхалъ на линію, а оттуда къ отряду на Кубань; начальникъ артилеріи былъ съ нимъ; генералъ-губернаторъ—въ экспедиціи у лезгинъ, въ Закаталахъ, откуда вернулся въ іюлѣ. Изъ жителей, кто могъ, спасался въ горы. Два сенатора, гр. К—ъ и С., бывшіе въ Тифлисѣ для устройства гражданскаго управленія, отправились по добру по здорову въ Пятигорскъ на минеральныя воды, но Государь приказалъ имъ вернуться тотчасъ. Да, нечего сказать, было отъ чего и одурѣть: народъ валился, какъ снопы. Вотъ что я читаю у себя въ замѣткахъ: „Арцруни, купецъ, богатый армянинъ, каменный домъ котораго на большой улицѣ, близь дворца главнокомандующаго, возвращаясь домой, вдругъ на улицѣ падаетъ; судороги, корчи, рвота и—духъ вонъ. Такъ и пролежалъ болѣе сутокъ на улицѣ—не поднимали, ибо боялись подойти, чтобы не заразиться.“ Генералъ-губернаторъ вызвалъ изъ Карабаха полковника, управлявшаго ханствомъ. Тотъ, пріѣхавъ въ Тифлисъ, является къ нему утромъ; поговоривъ съ полковникомъ, г. Стрѣкаловъ проситъ его обѣдать. Въ обѣденный часъ генералъ выходитъ въ столовую залу, гдѣ ужъ собрались гости.—„Чтожъ это полковникъ заставляетъ насъ

ждать? говоритъ онъ, не видя пріѣзжаго, и, обращаясь къ адъютанту—„вы знаете его квартиру, пошлите ординарца попросить его; уже время обѣдать.“ Ординарецъ сходилъ и, возвратившись, входитъ въ залу.

— Ну что, идетъ? спрашиваетъ генералъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, приказали кланяться.

— Какъ приказалъ кланяться? что ты, братецъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство—ужъ на столѣ лежатъ!

Такихъ случаевъ въ азіятскомъ городѣ, со столпившимся 60-ти-тысячнымъ населеніемъ въ узкихъ, грязныхъ улицахъ, понятно, было много. Однимъ словомъ, холера хозяйничала энергично и свалила нѣсколько тысячъ, въ особенности въ сильную жару съ 10-го іюля по 20-е августа.

Мы на Гомборахъ, въ горахъ, въ 50-ти верстахъ отъ Тифлиса, жили беззаботно, хотя по дорогѣ къ намъ, въ с. Сартачалы—въ 30-ти верстахъ отъ Тифлиса, и въ с. Хашмы,—въ 18-ти верстахъ отъ насъ, у самой подошвы горъ, были частые холерные случаи. Но вотъ артилерійское начальство прислало къ намъ человѣкъ до 50-ти артилеристовъ на отдыхъ; команда составляла сборъ людей изъ всѣхъ ротъ, опроставшихъ эрзерумскій арсеналъ и привезшихъ въ Тифлисъ турецкія орудія, ружья и разныя годныя вещи. Это было въ концѣ іюля. Команда вышла изъ города здоровая, но дорогою одинъ солдатъ заболѣваетъ и на казацкомъ посту отдаетъ Богу душу. Это непріятно подѣйствовало на другихъ. Заболѣваютъ еще четверо; ихъ на арбахъ привозятъ къ намъ на Гомборы —и разыгралась у насъ холера. Бригадный командиръ, выѣхавшій въ Джелалъ-оглу осматривать 3-ю легкую роту, оставилъ старшему офицеру батарейной роты инструкцію—съ появленіемъ холеры на Гомборахъ, прекратить всѣ работы. Я оставался при двухъ ротахъ старшимъ и, по совѣту медика,

отдалъ приказаніе: грибовъ, лѣсныхъ фруктовъ, сырыхъ овощей не ѣсть; пьяныхъ будутъ наказывать. Ежедневно приказалъ давать людямъ по чаркѣ водки, кашу варить съ мясомъ, но всѣ работы по устройству штабъ-квартиры и хозяйственныя—продолжать. Работы были слѣдующія: въ казармѣ работали портные и сапожники, въ лѣсу жгли уголь и обжигали кирпичи, подлѣ лѣса дѣлали кирпичи. Въ самомъ квартирномъ расположеніи строили артилерійскій сарай для помѣщенія орудій, ящиковъ и обоза, ибо старый сарай гнилъ и разваливался. Кромѣ того, былъ сѣнокосъ, на который, поденно чередуясь, высылались и портные, и сапожники, чтобы не засиживались въ казармахъ. Изъ этого распоряженія видно, что вся батарея крѣпко транспирировала, и слава Богу! Изъ 12-ти заболѣвшихъ холерою въ моей ротѣ только двое померли, и эти двое—кузнецъ и сапожникъ—были пьяницы. Въ батарейной ротѣ холера была гораздо сильнѣе и смертность гораздо болѣе.

Въ началѣ сентября болѣзнь прекратилась. Войска, шедшія чрезъ Тифлисъ на линію по военно-грузинской дорогѣ, перенесли ее съ собою чрезъ кавказскія горы—и пошла она по столбовой дорогѣ въ незнакомый ей еще край и скоро добѣжала до Москвы, а затѣмъ, въ 1831 году, ужъ поселилась въ Петербургѣ и вообще похозяйничала-таки въ Россіи; да и всей Европѣ досталось.

Въ декабрѣ я подалъ просьбу объ отпускѣ на четыре мѣсяца въ Петербургъ и Ригу, гдѣ живетъ сестра моя, Марія Фришъ. Въ январѣ я выѣхалъ чрезъ кавказскія горы верхомъ, съ однимъ вьюкомъ; въ Екатеринодарѣ сѣлъ на перекладную и поскакалъ по знакомой дорогѣ чрезъ Москву и Петербургъ. По всей дорогѣ и въ самой Москвѣ была холера. Много карантиновъ надобно было проѣзжать и на всякомъ надобно было много разговаривать: гдѣ день, гдѣ три хотятъ удержать безъ всякаго смысла. По всей дорогѣ только и рѣчи, что о холерѣ:

гдѣ радуются, что сбыли съ рукъ, гдѣ считаютъ сколькихъ повалила, гдѣ съ боязнью ожидаютъ незванную гостью.

Въ Георгіевскѣ я узналъ, что въ Польшѣ возстаніе, хотѣли убить Великаго Князя Константина Павловича и перерѣзать всѣхъ русскихъ. Въ Москвѣ, чтобы отдохнуть отъ ѣзды на перекладныхъ телѣжкахъ, пробылъ три дня. Въ какой-то деревнѣ, не доѣзжая г. Клина, опять карантинъ! Господи, что за неурядица! Обозы, идущіе изъ Москвы, останавливаютъ, идущіе въ Москву тоже останавливаютъ. И присмотръ только по большой дорогѣ, на шоссе, а кругомъ—ходи и ѣзди сколько и куда хочешь. Такъ, сынъ хозяйскій привозилъ мнѣ изъ Клина всякую провизію, а меня не пускали. Ну, спасибо холерѣ—выказала нашу безурядицу въ полной наготѣ.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ жилъ тогда въ орловской губерніи, въ купленной имъ недавно деревнѣ, недалеко отъ большой дороги. Я счелъ долгомъ заѣхать къ бывшему начальнику, который въ продолженіи слишкомъ пяти лѣтъ оказывалъ постоянное расположеніе молодому офицеру. Пріѣхавъ въ Орелъ и разспросивъ о дорогѣ, я поѣхалъ къ Алексѣю Петровичу. Было крѣпко холодно, санная дорога прекрасная. Подъѣхавъ къ дому, я спросилъ у вышедшаго человѣка: дома ли Алексѣй Петровичъ?—Дома; какъ прикажете доложить? Я сказалъ ему и спросилъ, нѣтъ ли какой комнаты, гдѣ бы можно почиститься.

— Нѣтъ, отвѣчалъ слуга, но можно въ кухнѣ, она просторная.

Онъ указалъ мнѣ кухню, а самъ пошелъ докладывать. Только-что я успѣлъ снять съ себя волчью шубу и сѣсть на скамью, чтобы скинуть теплые сапоги, какъ Алексѣй Петровичъ входитъ съ громкимъ возгласомъ—„гдѣ, гдѣ тевтонъ?“ обнялъ меня, поцѣловалъ и тащитъ изъ кухни.

— Пойдемъ. Онъ въ кухню зашелъ!... и проч.

— Позвольте хотя коты скинуть.

— Скинешь въ комнатѣ; пойдемъ, пойдемъ,—и, взявъ меня за руки, повелъ. Прійдя въ комнаты, онъ поставилъ меня за своей спиной и, обращаясь къ Роману Ивановичу Ховену, гостившему у него, говоритъ: „Отгадай, Романъ Ивановичъ, кого я привелъ!“ потомъ отстранился: „тевтонъ вѣдь пріѣхалъ-таки навѣстить старика, помнитъ!“

Онъ хотѣлъ непремѣнно, чтобы я переночевалъ у него, но, пробывъ цѣлый день, я на ночь выѣхалъ, чрезвычайно довольный, что опять увидѣлъ любимаго начальника и обрадованный его ласковымъ пріемомъ. Онъ много говорилъ о прошломъ, вспоминалъ о разныхъ случаяхъ моей службы, какъ въ чеченскую кампанію, у с. Курчалы, я въ аріергардѣ отбивался картечью отъ чеченцевъ, и еще нѣкоторые; припомнилъ, какъ я ему, больному, во Владикавказѣ приставилъ руку къ его локтю, чтобы не скользила по столу, и какъ онъ крѣпко заснулъ: „Тутъ показалась транспирація—это былъ кризисъ болѣзни!“ Потомъ промолвилъ: „Да какъ это тебѣ дали георгіевскій крестъ? впрочемъ, ты его вырвалъ у Паскевича; вѣдь я знаю, мнѣ писали, что ты на него огрызался при осадѣ Ахалцыха.“

— Какъ я смѣлъ огрызаться съ главнокомандующимъ? Я только отвѣтилъ ему, что заряды, которыми разбиваютъ непріятельскія батареи, не потерянные; онъ и самъ увидѣлъ, что я правъ и, по взятіи крѣпости, самъ же приказалъ начальнику артилеріи представить меня къ Георгію. Онъ горячъ, ваше высокопревосходительство, распечь любитъ, накричитъ; а, впрочемъ, нашему брату, который только своимъ дѣломъ занимается, онъ не страшенъ.

— Ну, какъ бы тамъ ни было, коли онъ далъ тебѣ Георгія, значитъ заслужилъ; съ тѣмъ и поздравляю!

— Да вѣдь вы же приказали мнѣ въ Екатериноградѣ хорошо служить.

Въ такой болтовнѣ прошелъ день. Вечеромъ, когда я от-

кланивался, чтобы ѣхать, Алексѣй Петровичъ, поцѣловавъ меня, говоритъ:

— Спасибо, тевтонъ, что навѣстилъ меня; но, смотри, въ Петербургѣ не проболтайся, что ты былъ у меня—вѣдь я въ опалѣ.

— Я горжусь, ваше высокопревосходительство, добрымъ, ласковымъ расположеніемъ вашимъ, а вы хотите, чтобы я пряталъ его въ карманъ.

— Ну, еще разъ спасибо! Прощай, мой добрый нѣмецъ!

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я узналъ, что гвардія уже выступила въ походъ въ Польшу, но что командиръ гвардейскаго корпуса, Великій Князь Михаилъ, еще въ Петербургѣ, ожидая разрѣшенія отъ бремени Великой Княгини—не подаритъ ли его „барабанщикомъ," какъ онъ разъ выразился, говоря объ ожидаемомъ сынѣ,—но тщетно. На другой день по пріѣздѣ я представлялся Великому Князю. Поздравивъ меня съ георгіевскимъ крестомъ, Его Высочество спросилъ:

— Это вѣдь вашей роты лезгины взяли четыре орудія?

— Точно такъ, Ваше Высочество.

— Правда ли, какъ мнѣ донесли, что они совершенно испортили орудія и дельфины отбили?

— Правда, Ваше Высочество, я самъ видѣлъ въ арсеналѣ испорченныя орудія.

— Да какъ они дельфины-то отбили? Это невѣроятно!

— Сила солому ломитъ, Ваше Высочество.

— Ну вотъ и рѣшилъ недоумѣніе, усмѣхнувшись сказалъ Его Высочество, и отошелъ далѣе.

На другой день я былъ въ артилерійскомъ училищѣ у капитана Клибера. Вдругъ говорятъ, что пріѣхалъ Великій Князь. Мы пошли въ зданіе училища. Увидавъ меня, Его Высочество сказалъ: „Здравствуй, Бриммеръ!—и, указывая на георгіевскій крестъ—Каковы наши! Посмотри-ка, какъ мы теперь живемъ—устроились порядкомъ; это не то, что въ твое время."

Въ комендантской канцеляріи мнѣ сказали, что въ воскресенье, на разводѣ, я буду представляться Государю Императору. До прибытія къ разводу Государя, когда я стоялъ на линіи представляющихся и разговаривалъ со знакомымъ артилерійскимъ офицеромъ, ко мнѣ подходитъ артилерійскій генералъ, высокаго роста, брюнетъ съ крѣпкою просѣдью.

— Вы съ Кавказа?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Все деретесь, все бьете горцевъ?

— Бьемъ, кто подъ руку попадется: и горцевъ, и персіянъ, и турокъ.

— Вотъ это хорошо; и безъ маневровъ бьете?

— Какія тамъ маневры съ этими народами! прежде картечь, а потомъ штыкъ—и конецъ дѣлу.

— Хорошо! Штыкъ и картечь! Очень хорошо! Вѣрно, хорошо служили вы, г. офицеръ, что имѣете георгіевскій крестъ?

Мнѣ разговоръ этотъ начиналъ надоѣдать и я отвѣчалъ: —Георгія даромъ не даютъ.

— А какъ ваша фамилія, г. офицеръ?

— Бриммеръ.

Генералъ отвернулся и ушелъ.

— Кто этотъ чудакъ? спросилъ я артилериста, съ которымъ прежде разговаривалъ.

— Это генералъ Костенецкій.

— Тотъ, что подъ Аустерлицомъ правиломъ отбивался отъ французскихъ кирасиръ, наскакавшихъ на его батарею?

— Тотъ самый, сказалъ офицеръ.

Возвратившись съ развода домой, я записалъ разговоръ съ знаменитымъ чудакомъ, храбрымъ Костенецкимъ.

Когда Государь подъѣхалъ верхомъ къ представлявшимся офицерамъ и комендантъ сказалъ, что я пріѣхалъ въ отпускъ, Его Величество изволилъ поздороваться со мною и спросить:

— Ты георгіевскій крестъ получилъ за Ахалцыхъ?

— Точно такъ, Ваше Величество.

— Поздравляю тебя, ты служилъ хорошо. Спасибо тебѣ!

Я такъ былъ ошеломленъ этимъ неожиданнымъ „спасибо,“ что не могъ оторвать глазъ отъ колоссальной фигуры Царя.

И послѣ, въ **1840** году, когда я былъ командиромъ 7-й артилерійской бригады, на смотру Государь сказалъ мнѣ при прохожденіи войскъ:

— Бриммеръ, у тебя бригада въ исправности; я доволенъ тобою, спасибо тебѣ!

Но это *спасибо,* даже въ совокупности съ другимъ милостивымъ вниманіемъ Государя (объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ), не произвело на меня такого радостнаго впечатлѣнія, какъ *спасибо* за добрую боевую службу.

Въ то время былъ въ Петербургѣ новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Ланжеронъ съ женою (моя двоюродная сестра, Елизавета Адольфовна, урожденная Бриммеръ). Въ четвергъ на той недѣлѣ, когда я представлялся Государю, графъ, возвратившись изъ дворца часу въ одиннадцатомъ вечера, увидя меня, говоритъ:

— L' Empereur a parlé de vous, mon cousin (такъ онъ называлъ всегда меня), il m'a dit: „Votre cousin est un brave officier, il a bien servi.“ Je lui dis: que la croix de St. George que vous avez obtenue, vous recommande comme un tel. „Il l'a bien mérité“—m'a répondu l'Empereur. „Ma foi, mon cousin, je vous en félicite; ce n'est pas peu, ma foi, quand l'Empereur se rappelle d'un officier. Bonne chance pour l'avenir.“

Въ тотъ день, какъ графъ долженъ былъ ѣхать во дворецъ къ Государю, сестра предложила мнѣ навѣстить m-lle Пущину, фрейлину Императрицы, жившую въ Зимнемъ дворцѣ. Старушка была сестрою генерала Пущина, женившагося на Генріеттѣ (старшей сестрѣ графини), оставшейся вдовою по смерти перваго мужа, Аркудинскаго. Не успѣлъ я выпить чашку чаю, какъ горничная входитъ въ гостиную и говоритъ громко:

„фельдъегерь пріѣхалъ отъ дежурнаго генерала и требуетъ тотчасъ капитана Бриммера.“ Надобно сказать, что въ это время въ Петербургѣ забирали много личностей по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ поляками, что, конечно, было извѣстно и фрейлинамъ во дворцѣ. Можно вообразить ужасъ, выразившійся на всѣхъ лицахъ, при зловѣщихъ словахъ горничной: „за капитаномъ Бриммеромъ присланъ фельдъегерь отъ дежурнаго генерала?“ Старушка Пущина и сестра поблѣднѣли; прочія четыре или пять молодыхъ фрейлинъ, тутъ же бывшихъ, начали перешептываться. Выходя въ переднюю, чтобы спросить фельдъегеря, не ошибся ли онъ и не знаетъ ли, зачѣмъ меня требуютъ, я замѣтилъ, какъ Пущина на ухо что-то говорила сестрѣ. Возвратившись въ комнату, я подошелъ къ Пущиной: къ сожалѣнію, надобно оставить васъ—и подалъ ей руку; она дрожала.—„Revenez vite, si c'est possible,“ послышалось мнѣ. Я поклонился молодымъ, смотрѣвшимъ на меня съ какимъ-то сожалѣніемъ, и, подойдя къ сестрѣ, взялъ ея руку; она повернула меня въ сторону и тихо спросила: „скажи, Эдуардъ, не замѣшанъ ли ты въ какомъ заговорѣ? Будь откровененъ со мною.“ Я разразился такимъ громкимъ гомерическимъ смѣхомъ, что опустился на стулъ и продолжалъ хохотать. Въ это время фельдъегерь растворилъ немного дверь и взглянулъ въ комнату, но, увидя меня, опять спрятался.

Я вышелъ съ фельдъегеремъ, но, спустившись до второй лѣстницы, увидѣлъ, что забылъ перчатки и говорю фельдъегерю: „вы обождите здѣсь, я сбѣгаю за перчатками,“—и побѣжалъ назадъ; фельдъегерь за мною. Почти у дверей горничная, тоже бѣгомъ, подаетъ мнѣ перчатки. Обернувшись и увидя фельдъегеря, я спросилъ его: „зачѣмъ вы тамъ не дожидались, или думали, что я убѣгу?“ Онъ молчалъ. На казенной тройкѣ мы прискакали черезъ дворцовую площадь въ строеніе главнаго штаба. Адъютантъ провелъ меня тотчасъ въ кабинетъ дежурнаго генерала.

— Гдѣ вы это были? ужъ я жду, не дождусь васъ?

— Я былъ въ Зимнемъ дворцѣ, у фрейлины Пущиной въ гостяхъ.

— Вотъ посмотрите, вѣрно ли все? Государь приказалъ тотчасъ прислать Ему вашъ краткій послужной списокъ.

— Все вѣрно, только въ наградахъ не проставлена Анна 2-й степени, полученная мною за сраженіе при Милидюзѣ.

— Проставьте ее. Да тутъ не означено, за какое отличіе по службѣ вы произведены въ капитаны. И развѣ вы Георгія получили прежде Владиміра?

— Прежде. А въ капитаны произведенъ за приводъ ремонта на всю артилерію кавказскаго корпуса въ короткое время, и ни одна лошадь не была забракована.

Дежурный генералъ отмѣтилъ и далъ мнѣ прочесть, потомъ отпустилъ меня.

Проходя дежурную комнату, я говорю адъютанту: „будьте такъ добры, прикажите, чтобы фельдъегерская тройка свезла меня опять во дворецъ, а то тутъ, на площади, не достанешь извощиковъ.“ Онъ приказалъ исполнить просьбу мою, и тотъ же фельдъегерь пошелъ со мною къ санямъ.

— Ну слава Богу, что васъ отпустили.

— Ну, а вы что же думали? спросилъ я его.

— Да вѣдь, Богъ вѣсть, неровенъ случай; вонъ третьяго дня также привезъ сюда офицера, да отсюда-то прямо въ крѣпость сердечнаго.

— То-то вы съ меня глазъ не спускали.

— А наше дѣло такое—велятъ привезти, такъ и привези непремѣнно. Былъ у васъ на квартирѣ, сказали у графа, тамъ сказали—во дворцѣ. Я сѣлъ въ сани и поскакалъ во дворецъ.

Было часовъ около десяти, когда я вошелъ къ испуганнымъ дамамъ.

— Enfin!—закричала хозяйка—racontez donc qu'ést ce qu'il y avait!

Я разсказалъ, зачѣмъ меня спрашивалъ дежурный генералъ, и всѣ успокоились.

— Oh, j'étais sûre qu'il n'y avait rien de mauvais, сказала еще не совсѣмъ твердымъ отъ страха голосомъ Пущина, и солгала старушка, по привычкѣ къ свѣтскому обращенію.

Когда возвращались домой, сестра пересмѣивала всѣхъ фрейлинъ. „Онѣ испугались не за тебя, что вотъ можешь ты быть несчастнымъ — имъ что до этого! Mais imaginez vous ce scandal, on prend un conspirateur dans ma chambre, que dira l'Impératrice!

— Chère cousine, il fallait leur dire le proverbe français: dis moi qui tu hantes, je te dirai ce que tu es. Вотъ бы испугались, бѣдненькія.

Скоро возвратился и графъ, много смѣялся испугу фрейлинъ и тутъ же передалъ разсказанный выше отзывъ Государя.

Пришло въ Петербургъ извѣстіе о гроховскомъ дѣлѣ. Многіе обвиняли фельдмаршала Дибича, что онъ не воспользовался геройской атакой кирасиръ Мейендорфа, гнавшихъ непріятеля чрезъ мостъ до самыхъ воротъ Варшавы, и что не двинулъ всѣ войска впередъ на изумленнаго непріятеля. Говорили, что, по всей вѣроятности, оттѣснивъ непріятеля, можно было съ нимъ вмѣстѣ ворваться въ городъ.

Прійдя обѣдать къ графу Ланжерону, я засталъ у него нѣсколько большихъ господъ и дамъ, разсуждавшихъ объ этой неполной побѣдѣ. Дамы были все молодыя и утверждали, что надобно было идти впередъ, что тутъ и риску не было и что фельдмаршалъ Дибичъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Господа, бывшіе всѣ во фракахъ, высказывались и pro, и contra, особенно одинъ, почтенной наружности, говорилъ, что высокій берегъ Вислы (лѣвый) былъ унизанъ артилеріею и что эта артилерія разгромила бы на мосту наши войска. Тутъ одинъ старикъ говоритъ:

— Dites nous votre opinion m-r Brummer? Qu'en pensez vous de notre discussion, vous êtes artilleur?

— „Tel que vous me voyez, je suis de l'avis des dames, mais il faut être juste—c'était risquant, mais pourtant il fallait aller en avant. Qui ne risque rien—ne gagne rien. Mais pour être juge compétent il fallait se trouver dans le moment sur la place, sinon, on peut accuser à tort ceux qu'on juge.

— Ma foi, mon cousin, il me parait que vous avez raison.

Гости разошлись, мы пошли обѣдать. Графъ далъ мнѣ свое кресло въ 1-мъ ряду во французскомъ театрѣ и просилъ, чтобы послѣ театра я заѣхалъ къ нимъ ужинать и разсказалъ о піесѣ. Знакомыхъ въ Петербургѣ было много, время я проводилъ весело, а въ концѣ февраля отправился въ Ригу, къ сестрѣ.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ догонялъ гвардейскій корпусъ, коимъ онъ командовалъ и который только-что прошелъ виленскую губернію и вступилъ въ царство польское. Его Высочество за день или за два до моего пріѣзда проѣхалъ Ригу.

Въ Ригѣ я нашелъ все семейство здоровымъ и въ пріятномъ душевномъ настроеніи по случаю ожидаемаго завтра 10-ти-лѣтняго юбилея замужества сестры. И мужъ, и жена, проживъ счастливо все это время, хотѣли отпраздновать завтрашній день и потому пригласили родныхъ и добрыхъ знакомыхъ къ обѣду. Урочный часъ обѣда пробилъ, всѣ гости собрались, нѣтъ одного г.-м. Ширмана, дивизіоннаго начальника войскъ, стоявшихъ въ Ригѣ и Динабургѣ. Наконецъ пріѣхалъ и Ширманъ и извинился, что опоздалъ, бывъ задержанъ генералъ-губернаторомъ, который только-что получилъ непріятное извѣстіе: какъ только гвардія прошла и во всей виленской губерніи не осталось войскъ, кромѣ нѣсколькихъ запасныхъ кавалерійскихъ эскадроновъ, подъ командою генерала Безобразова, вся губернія возстала, а въ г. Россіены одурѣвшіе бунтовщики чуть было на почтѣ не задержали проѣзжав-

шаго Великаго Князя Михаила, котораго станціонный смотритель провелъ незамѣтно къ коляскѣ во время шума и спора въ сосѣдней комнатѣ.

— Здѣшніе два полка выступаютъ завтра въ Митаву; изъ Динабурга тоже приказано выступать двумъ полкамъ моей дивизіи, но ни артилеріи, ни кавалеріи у насъ нѣтъ. Генералъ-губернаторъ ѣдетъ самъ, беретъ всѣхъ жандармовъ и хочетъ предложить обитателямъ Риги сформировать эскадронъ волонтеровъ—это будетъ наша кавалерія; но въ артилеріи нѣтъ ни одной пушки.

За обѣдомъ только и было разговоровъ о возстаніи и выходѣ войскъ; я мало принималъ участія, но все думалъ, какъ бы добыть артилерію, и выдумалъ. Только-что встали изъ-за стола, я подхожу къ генералу и прошу его позволить мнѣ сказать ему слова два. Устранившись отъ гостей, я спросилъ его:

— Развѣ полевой артилеріи вовсе нѣтъ по близости?

— Вовсе нѣтъ.

— Такъ вы можете сформировать въ два-три дня шесть орудій и болѣе здѣсь, въ Ригѣ. Въ рижскомъ арсеналѣ, вѣроятно, есть легкія орудія, лафеты, ящики и вся принадлежность, а въ артилерійскомъ гарнизонѣ всегда есть конская сбруя; выѣзженныхъ лошадей можно искупить на базарѣ; для прислуги при орудіяхъ есть гарнизонная артилерійская рота, а командовать этою частью я предлагаю капитана Бриммера.

— Это прекрасно, это отлично прекрасно! воскликнулъ Ширманъ съ своимъ нѣмецкимъ акцентомъ. Поѣдемте сейчасъ къ генералъ-губернатору, вы ему все разскажите. Моя коляска ждетъ меня здѣсь.

— Поѣдемте!

Пріѣхавъ къ барону Матвѣю Ивановичу Палену, коему я утромъ представлялся, Ширманъ спрашиваетъ меня:

— Дѣйствительно ли возможно такъ скоро сформировать орудія для похода?

— Вѣдь я, ваше превосходительство, сказалъ, какъ все сдѣлать.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но приходъ генералъ-губернатора остановилъ его.

— Честь имѣю представить: капитанъ Бриммеръ.

— Ужъ мы знакомы—онъ былъ утромъ у меня.

Потомъ генералъ Ширманъ разсказалъ о моемъ предложеніи, а когда, на вопросы Палена, я объяснилъ ему обстоятельно, что все для сформированія имѣется у него подъ рукой и что только за деньгами для покупки лошадей можетъ быть затрудненіе со стороны начальства, генералъ-губернаторъ отвѣтилъ мнѣ:

— Все сформированіе я поручаю вамъ; деньги тотчасъ вамъ будутъ отпущены—примѣрная сумма; прошу васъ только скорѣе кончить.

— Позвольте мнѣ вамъ сказать мое мнѣніе, ваше превосходительство. Дайте сейчасъ полковнику Левису (начальникъ рижскаго гарнизоннаго артилерійскаго округа) предписаніе о сформированіи четырехъ легкихъ орудій; пошлите ему деньги на покупку лошадей, если у него ихъ нѣтъ, ибо я не желаю имѣть дѣла съ артилерійскимъ департаментомъ; а мнѣ позвольте командовать этими орудіями; по хозяйственной же части полковникъ Левисъ будетъ знать, кому поручить ее. Я здѣсь въ отпуску и связывать себя хозяйственными отчетами мнѣ не приходится.

— Хорошо, пускай такъ будетъ, какъ вы желаете; только вы торопите Левиса.

И, горячо поблагодаривъ меня за добрую мысль и мою готовность быть полезнымъ, онъ прибавилъ: „сегодня же донесу Государю о вашемъ усердіи къ службѣ Его Величества.“

Съ тѣмъ и отпустилъ насъ.

Я поѣхалъ тотчасъ къ п. Левису, разспросилъ у него, все ли есть въ гарнизонѣ, что надобно; оказалось—все, какъ я до-

кладывалъ генералъ-губернатору; тутъ же сказалъ ему, что онъ сегодня же получитъ предписаніе о сформированіи 4-хъ легкихъ орудій, двухъ 4-хъ-пудовыхъ единороговъ и двухъ 6-ти-фунтовыхъ пушекъ, причемъ просилъ его, чтобы при каждомъ орудіи былъ двойной комплектъ картечей взамѣнъ гранатъ и ядеръ.

На третій день послѣ разговора съ Паленомъ четыре орудія выступили въ походъ на сборный пунктъ, въ г. Митаву. Стоило-таки мнѣ труда въ первые дни водворить порядокъ въ этой командѣ; но умѣстная строгость скоро вразумила и капитана (у котораго была на рукахъ хозяйственная часть), и солдатъ въ томъ, что, вышедши въ походъ, надо быть солдатами и не таскать съ собою женъ, которыя и воротились изъ Митавы назадъ въ Ригу. Скоро прибыло въ Митаву, кажется, до ста человѣкъ конныхъ волонтеровъ. Ожидать было некого, а потому мы выступили изъ Курляндіи; и пора была—бунтовщики, предводимые шляхтой, переходили границу и пытались грабить деревни.

Первая встрѣча у насъ произошла въ с. Янишки. Тутъ было ихъ нѣсколько тысячъ всякаго сброда, и, разумѣется, ихъ порядкомъ поколотили. Оттуда пошли въ Шавли, по пятамъ бѣгущихъ очистили этотъ городъ отъ сволочи и направились въ Россіены. Передъ этимъ городомъ мы встрѣтили уже толпы гораздо многочисленнѣе, ожидавшія насъ съ застрѣльщиками впереди. Право, жаль было стрѣлять въ этихъ барановъ; но не гладить же ихъ по головкѣ, когда они начали строчить въ насъ пулями. Я хотѣлъ подъѣхать на картечный выстрѣлъ и тѣмъ покончить съ ними, но баронъ Паленъ приказалъ пугнуть ихъ прежде ядрами и гранатами. Толпы зашевелились, но стоятъ; справа огромная толпа даже подвигается впередъ. Два орудія подъѣхали на картечь, ударили мѣтко; баталіонъ закричалъ „ура“ и бросился въ штыки. Куда тамъ—не догонишь! Вотъ и вся линія отходитъ, сначала въ порядкѣ, крѣп-

ко строча въ насъ пулями; но когда орудія подъѣхали на картечь и вся наша линія тронулась, да двѣ-три гранаты лопнули въ огромной толпѣ, стоявшей въ резервѣ у лѣса, тогда за нею весь ихъ неустроенный строй разстроился совершенно и—давай Богъ ноги! Все побѣжало.....

Въ Россіенахъ было арестовано нѣсколько личностей и отправлено въ Шавли съ Невскимъ полкомъ [9]), которымъ командовалъ п. Крюковъ, получившій порученіе занять Шавли; ему даны были два орудія и, кажется, часть рижскихъ волонтеровъ, коихъ, по минованіи надобности, дозволено было отпустить домой.

Послѣ того какъ панамъ и возмущенному ими народу добрымъ порядкомъ почесали затылки при встрѣчѣ съ ними въ Россіенахъ, они уже не собирались массами. Всѣ крестьяне разошлись по домамъ, проклиная помѣщиковъ; только иногда слышно было, что малыя партіи шатаются по лѣсамъ, и тѣ рѣдко уходили отъ нечаянныхъ нападеній. Плѣнныхъ приводили много.

Баронъ Матвѣй Ивановичъ Паленъ примѣнялъ къ плѣннымъ довольно оригинальную и, какъ впослѣдствіи оказалось, весьма цѣлесообразную мѣру. Чтобы плѣнныхъ не держать у насъ, что̀ одинаково было тягостно и для насъ, и для нихъ, онъ ставилъ ихъ въ строй и приказывалъ полковымъ цырюльникамъ обривать имъ половину головы; послѣ этого имъ объявляли, что кто съ бритой головой попадется между мятежниками, тотъ будетъ крѣпко высѣченъ и сосланъ въ Сибирь. Когда, послѣ дѣла у с. Янишекъ, сдѣлали надъ плѣнными первый разъ эту операцію, они всѣ закричали, что въ Сибирь надобно пановъ сослать, тогда въ краѣ будетъ смирно. Однако, несмотря на то, что крестьяне всю вину слагали на пановъ,

---

[9]) Полки этой дивизіи были однобаталіонные. Командиры полковъ, Невскаго п. Крюковъ и Софійскаго—Ахлестышевъ, разсказывали мнѣ, что послѣ турецкой кампаніи перешли обратно за Дунай численностью немного свыше 100 чел. въ полку.

человѣка три бритыхъ попались опять въ плѣнъ и между ними дворецкій или комиссаръ какого-то пана; ну и высѣкли всѣхъ, а чиновника крѣпче другихъ.

Въ то время отрядъ нашъ увеличился соединившимися съ нами гвардейскимъ конно-піонернымъ эскадрономъ, подъ командою п. Бартоломея, четырьмя орудіями 5-й бригады и двумя конно-казачьими. Отрядный генералъ получилъ извѣстіе, что резервная армія, подъ начальствомъ графа П. А. Толстого, идетъ въ г. Вильно.

Утвердивъ порядокъ въ Россіенахъ, мы двинулись на Таурогенъ, Новое-Място, вдоль прусской границы до Палангена, водворяя вездѣ порядокъ. Изъ Палангена г. Паленъ уѣхалъ въ Ригу къ своему посту, оставивъ командованіе отрядомъ генералъ-маіору Ширману, такъ какъ получено было извѣстіе, что резервная армія вступила въ Вильно и очистила окрестности, причемъ фельдъегерь разсказалъ о молодецкой стойкости полковника Крюкова въ Шавляхъ. Гелгудъ одинъ изъ мятежныхъ начальниковъ, вторгшійся съ регулярными войсками и съ толпою повстанцевъ въ виленскую губернію при приближеніи резервной арміи къ Вильно и, вѣроятно, увѣдомленный, что нашъ отрядъ, очистивъ эту мѣстность, потянулся къ Палангену,—пошелъ на Шавли. Прійдя къ городу и узнавъ о малочисленности въ немъ нашихъ войскъ, Гелгудъ послалъ къ п. Крюкову парламентера, требуя сдачи. Крюковъ разругалъ порусски парламентера и его начальника и сказалъ ему: „если еще разъ пріѣдетъ съ такимъ предложеніемъ, то велитъ его повѣсить; но если мятежники раскаются и сложатъ оружіе, то онъ, именемъ Государя, обѣщаетъ прощеніе.“ Крюковъ занялъ позицію въ городѣ, на возвышенности, за стѣною монастыря или тюремнаго замка; Гелгудъ занялъ городъ, поставилъ батарею изъ 8-ми орудій и началъ стрѣлять. Наши два орудія ему отвѣчали. Наступившая ночь прекратила огонь. Въ ожиданіи какого либо ночного сюрприза,

никто изъ нашихъ за оградою не смыкалъ глазъ—всѣ были насторожѣ. Съ разсвѣтомъ видно было какое-то волненіе между поляками, артилерія запрягала лошадей. Скоро Гелгудъ со своими покинулъ Шавли и пошелъ на Россіены. Вскорѣ увидѣли наши войска, идущія изъ Поневѣжа—отрядъ резервной арміи, преслѣдующій Гелгуда, который однако, какъ было слышно, успѣлъ уйти въ Царство. Полковникъ Крюковъ получилъ за это георгіевскій крестъ.

Пробывъ въ Палангенѣ нѣсколько дней, отрядъ нашъ пошелъ чрезъ Тельши въ Шавли. Съ прогнаніемъ Гелгуда, весь край успокоился. Баталіоны размѣстили въ приличныхъ мѣстахъ, гв. конно-піонеры пошли въ дѣйствующую армію, а я, видя, что болѣе нечего дѣлать, отправился въ Ригу пользоваться своимъ отпускомъ.

При слѣдованіи нашемъ изъ г. Шавли къ Россіенамъ, въ началѣ кампаніи, прибылъ къ барону Палену флигель-адъютантъ графъ Опперманъ, посланный Государемъ съ какими-то особенными приказаніями. Время было предобѣденное, и мы всѣ были у генерала. Увидѣвъ меня, Опперманъ поздоровался со мною, какъ съ кавказскимъ знакомцемъ (онъ былъ адъютантомъ фельдмаршала Паскевича), и говоритъ Палену, что Государь, отправляя его, сказалъ:

— „Ты тамъ найдешь стараго знакомца.“

— „Кого это, Ваше Величество?“

— „Капитана Бриммера; онъ тамъ начальникъ артилеріи!“

Это мнѣ было очень пріятно. Пробывъ мѣсяцъ въ Ригѣ, въ кругу родныхъ, гдѣ время прошло довольно весело, я отправился обратно на Кавказъ чрезъ Динабургъ, Витебскъ, Смоленскъ, Москву, Харьковъ и т. д. Выѣзжая изъ Тифлиса, я ѣхалъ до самой Москвы мѣстностью, въ коей свирѣпствовала холера. Покуда я былъ въ отрядѣ, она посѣтила Петербургъ, гдѣ крѣпко хозяйничала. Между многочисленными жертвами ея былъ и графъ Ланжеронъ, такъ что прекрасная ку-

зина моя осталась вдовою. Изъ Петербурга нигдѣ и никѣмъ не прошенная гостья пришла въ остзейскія губерніи и къ намъ въ отрядъ. Возвратясь въ Ригу, я нашелъ тамъ холеру въ полномъ развитіи. При отъѣздѣ моемъ изъ Риги она стала ослабѣвать, но въ Динабургѣ, Витебскѣ и даже за Смоленскомъ еще не совсѣмъ отъ нея отдѣлались. Въ Витебскѣ тогда лежалъ больной Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Пробывъ въ Москвѣ недѣлю и отдыхая въ большихъ городахъ, я, въ началѣ августа, возвратился въ Тифлисъ. Здѣсь я нашелъ все начальство перемѣнившимся. Главнокомандующій былъ вызванъ въ Петербургъ. Принявъ командованіе арміею послѣ Дибича, онъ вызвалъ къ себѣ много лицъ въ Польшу, между прочимъ и начальника артилеріи, который взялъ себѣ въ адъютанты пріятеля моего Дейтриха. Генералу Панкратьеву поручено было временное командованіе войсками и всѣмъ краемъ. Вскорѣ по окончаніи польской кампаніи былъ назначенъ на Кавказъ корпуснымъ командиромъ и управляющимъ гражданскою частью генералъ-адъютантъ Григорій Владиміровичъ баронъ Розенъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ начальникъ артилеріи генералъ-маіоръ Жуковскій, исправлявшій въ послѣднее время должность начальника штаба при Паскевичѣ и назначенный на новый постъ по его представленію. Хотя за обѣдомъ у себя онъ и сказалъ, что очень радъ видѣть себя въ своей артилерійской семьѣ, но семья не крѣпко ему обрадовалась. Не пробывъ и двухъ лѣтъ, онъ былъ смѣненъ, по представленію корпуснаго командира.

Въ декабрѣ бывъ по дѣламъ въ Тифлисѣ, я пошелъ въ урочный часъ утромъ представиться корпусному командиру, какъ это всегда водилось. Баронъ Розенъ подошелъ ко мнѣ и, по докладу дежурнаго адъютанта—кто я, спросилъ меня:

— Гдѣ ваша рота расположена?

— На Гомборахъ, ваше высокопревосходительство.

— Это здѣсь, близь Тифлиса?

— 50 верстъ отъ города.

— Отчего же я васъ еще не видѣлъ?

— Занятый службою, я бываю въ Тифлисѣ только по дѣламъ, и потому не имѣлъ еще чести представиться вашему высокопревосходительству.

— Такъ вы не считаете дѣломъ познакомиться съ новымъ начальникомъ?

Я промолчалъ, генералъ отошелъ.

Ну, подумалъ я про себя, для первой встрѣчи не совсѣмъ радостно.

Въ концѣ этого года, вскорѣ по назначеніи барона Розена, вмѣсто смертельно раненаго генерала Емануеля былъ назначенъ командующимъ на кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, бывшій при Ермоловѣ начальникомъ корпуснаго штаба. Когда въ **1824** или **1825** году вмѣсто генералъ-маіора Сталя назначили на этотъ постъ Емануеля, то Алексѣй Петровичъ выразился объ немъ такъ: „Это одинъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ нашей храброй арміи, но на этотъ постъ не годится!“ И точно, неудержимая отвага была причиною, что въ экспедиціи этого года онъ былъ раненъ. Въ **1814** году Великій Князь Константинъ Павловичъ, встрѣтивъ Емануеля въ Парижѣ, воскликнулъ:

— Comment, ce gaillard—il n'a pas encore la croix de St. George au cou?

— Monseigneur! j'ai mieux que ça—j'ai sept blessures sur le corps, отвѣтилъ Емануель. Но онъ уже былъ представленъ къ Георгію 3-й степени и получилъ его.

Въ ротѣ своей я нашелъ много дѣла, а потому съ обычнымъ усердіемъ принялся ставить всѣ части оной на исправную ногу. По передѣлкѣ зарядовъ, посадилъ лаборатористовъ за фейерверки, до коихъ я былъ большой охотникъ, и почти каждый вечеръ, спуская нѣсколько штукъ, тѣшилъ наше захолустье.

XI.

1832 ГОДЪ. Развлеченія для солдатъ. Горная экспедиція въ Чечню и Ичкерію. Дождливая погода. Сидѣнье на-смерть или бѣлыя рубашки на чеченцахъ. Послѣ дѣла. Удачный набѣгъ Кази-муллы—разбитіе гребенцовъ и отнятіе двухъ орудій. Волжинскій. Рѣшеніе начальства. Не хочу оставаться въ вагенбургѣ. Не пренебрегай доброю рекомендаціею—она пригодится. Легкій отрядъ. Контрабандный ящикъ. Шестипалый казакъ. Дежурный по отряду. Расположеніе бивачной стоянки. Плѣнъ и казнь невиннаго. Корову-то поймали, а отъ насмѣшекъ не поздоровилось. Еще быль для лагернаго смѣха. Переходы до Беноя. Очищеніе дороги артилерійскимъ огнемъ. Сомнѣніе. Артилерія и тутъ помогла. Нетерпѣніе. Разговоры ожидающихъ. Опять очищать дорогу. Возвращеніе родныхъ. Пригодился контрабандный ящикъ. По другой дорогѣ назадъ. Все хорошо въ перемежку.

Мюридизмъ распространился на Кавказѣ. Кази-мулла фанатически проповѣдывалъ новое ученіе, которое, совпадая съ наклонностями горцевъ, было ими принимаемо съ вѣрою. Чеченцы, ичкерійцы, жители нагорнаго Дагестана и Аваріи волновались. Кази-мулла дѣлалъ сильные набѣги на плоскость, на наши станицы, доходилъ до Кизляра. Пора была унять безпокойныхъ. Прошлогодняя экспедиція генерала Емануеля доказала, что надобно принять сильныя мѣры. Розенъ рѣшилъ идти самому съ болѣе сильнымъ отрядомъ, чтобы дѣйствовать энергично, а Вельяминовъ получилъ приказаніе собрать отрядъ и лично участвовать съ нимъ. Въ числѣ войскъ, въ Грузіи расположенныхъ, и моя рота была назначена въ походъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ я въ другой разъ перешелъ Кавказъ съ артилеріею по военно-грузинской дорогѣ. Корпусный командиръ съ пѣхотою, казаками и двумя горными единорогами сдѣлалъ экспедицію въ горы, посѣтилъ галгаевцевъ, кистовъ и ингушей, очень удивившихся, увидя у себя незванныхъ гостей. Такъ какъ я не былъ въ этой горной прогулкѣ, то и скажу только, что слышалъ. По голымъ, скалистымъ тропамъ взлѣзали на вершины и спускались въ бездны; результатомъ этой утомительной прогулки было устрашеніе и успокоеніе всѣхъ нагорныхъ обществъ этой мѣстности. Потомъ всѣ вой-

ска, какъ грузинскія, такъ и линейскія, сосредоточились при крѣпости Грозной, въ половинѣ августа.

Я взялъ изъ квартирнаго расположенія въ походъ двѣ повозки ракетъ и разныхъ фейерверочныхъ штукъ, уложенныхъ въ ящики, чтобы иногда веселить отрядъ. Въ лагерѣ близь Грозной я приказалъ спустить между повѣсткой и вечернею зарей нѣсколько ракетъ. Увы! бывшіе дожди испортили ихъ —онѣ отсырѣли и лопались; это произвело громкій смѣхъ, насмѣшки, шумъ и говоръ, т. е. развлеченіе—ergo—цѣль все-таки достигнута. Но зато на каждой стоянкѣ мы съ лаборатористами принимались дружно работать.

Всѣ горныя экспедиціи, предпринимаемыя для наказанія горцевъ, сходны между собою: утомительные переходы, незначительныя перестрѣлки, встрѣча непріятеля за завалами, взятіе съ бою деревень, неминуемыя аріергардныя дѣла при отходѣ и т. д. Разница бываетъ въ степени трудностей, кои должно преодолѣть въ борьбѣ съ природою или съ людьми. Постоявъ нѣсколько дней въ Грозной, отрядъ двинулся черезъ гойтинскій лѣсъ къ с. Шали, лежавшему на открытой полянѣ. Никогда русскія войска не проходили гойтинскій лѣсъ безъ драки и безъ потерь. Въ 1826 году мы вырубили въ немъ широкую дорогу, такъ что справа и слѣва отъ оной на ружейный выстрѣлъ не было деревца. Ермоловъ сказалъ тогда: „Ну, теперь въ Чечню ходить будетъ гулянье.“ Но, увы! въ 6 лѣтъ все вырубленное пространство заросло частымъ кустарникомъ. Чеченцы, по обыкновенію, такъ любили драться въ гойтинскомъ лѣсу, что и теперь при проходѣ отряда была перестрѣлка, а когда медленная переправа чрезъ р. Валерикъ утомила войска, чеченцы, прорвавъ цѣпь, изрубили нѣсколькихъ фурлейтовъ. Полагаю, что при этомъ было не безъ оплошности цѣпи вокругъ обоза. Аулъ Герменчукъ, пощаженный генераломъ Ермоловымъ въ 1826 году за его покорность, былъ первый наказанъ за разбои, производимые его жителями. Они

засѣли въ аулѣ и защищались на-смерть. Припомню одинъ эпизодъ. По прекращеніи артилерійскаго огня, когда пѣхота пошла въ аулъ и послѣ ожесточеннаго боя, казалось, очистила его, генералъ Вельяминовъ приказалъ моей ротѣ слѣдовать черезъ аулъ и „остановиться на полянѣ близь аула, или дѣйствовать, гдѣ нужда будетъ.“ Иду я съ ротою черезъ очищенный уже аулъ и нигдѣ не вижу чеченцевъ; вдругъ мы слышимъ вблизи, передъ нами, выстрѣлы; нѣсколько пуль просвистѣло, одна ударила въ хомутъ подручной лошади 1-го орудія. Я ѣду впередъ, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и въ нѣсколькихъ шагахъ встрѣчаю пѣхотнаго офицера: „Полковникъ, ударьте въ саклю: засѣли, канальи, строчатъ оттуда, ужъ нѣсколькихъ убили.“

Подъѣхавъ къ мѣсту, гдѣ разыгривалась послѣдняя сцена трагедіи, я увидѣлъ большую саклю, огороженную плетневымъ заборомъ; между саклей и заборомъ—пространный дворъ почти кругомъ; сзади же сакли—кучи навоза и примыкавшій почти вплотную лѣсъ. За плетнемъ сидѣли наши застрѣльщики; кучка солдатъ стояла за близлежащимъ домомъ, при ней капитанъ. Я подъѣхалъ къ нему и спросилъ, что тутъ дѣлается?

— Нашъ баталіонъ послѣдній очищалъ деревню; я съ ротою былъ назади. Только-что мы вышли совсѣмъ изъ деревни, какъ изъ этой сакли въ насъ пустили нѣсколько пуль; одна ранила въ руку солдата. Я взялъ взводъ и вернулся, но тутъ еще трехъ ранили; хотѣлъ поджечь, да намъ строго наказано не жечь. А что съ ними, бездѣльниками, подѣлаешь? Наконецъ увидѣли, что и вы за нами идете.

Дѣйствительно, нѣсколько пуль просвистѣло изъ сакли и изъ сидѣвшихъ за плетнемъ еще ранило одного. Я приказалъ поставить орудіе такъ, чтобы пронизать ядромъ всю саклю—авось выйдутъ. Пріѣхалъ начальникъ штаба генералъ-маіоръ Вольховскій съ офицерами. Выстрѣлъ! Въ отвѣтъ—изъ разныхъ дыръ нѣсколько пуль, но никто не вышелъ. Я сказалъ

начальнику штаба, что прикажу бросить гранату въ трубу. Приказавъ орудіе отвезти на свое мѣсто, я пошелъ за нимъ и спрашиваю своихъ артилеристовъ: „ребята, не сыщется ли между вами охотника бросить гранату въ трубу сакли?“ Вся прислуга закричала—„позвольте мнѣ, ваше высокоблагородіе.“

— Надо одного, а не всѣхъ! ну, № 2-й, ступай ты, коли охота есть.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе.

Давъ ему наставленіе, какъ и въ какомъ мѣстѣ слѣдовало переползти, чтобы не убили, передъ саклей, а потомъ съ навозной кучи на крышу, гдѣ уже срѣзать и распудрить гранату, я подошелъ къ капитану и сказалъ ему, чтобъ люди направили выстрѣлы на дверь, ибо, вѣроятно, лопнувшая граната выживетъ изъ сакли оставшихся въ живыхъ. Артилеристъ Чернышевъ поползъ съ гранатой въ рукѣ. Миновавъ уголъ дома, онъ всталъ и скоро, по навозной кучѣ, былъ на крышѣ сакли, приготовилъ гранату, зажегъ трубку и, не торопясь, спустилъ ее въ трубу. Вслѣдъ затѣмъ слышенъ былъ разрывъ гранаты. Дверь сакли растворилась. Чеченецъ въ бѣлой чалмѣ, съ кинжаломъ въ лѣвой, пистолетомъ въ правой рукѣ, выбѣгаетъ на дворъ, даетъ выстрѣлъ и тотчасъ падаетъ самъ, убитый пятью пулями.

Солдаты бросились къ саклѣ—еще чеченскій выстрѣлъ... мимо! Штыкъ покончилъ. Въ саклѣ нашли одного убитаго, двухъ раненыхъ и одного нетронутаго. Выстрѣлилъ въ дверь раненый гранатою; подлѣ лежалъ его пистолетъ.

Итакъ, пять человѣкъ засѣли въ послѣдней саклѣ и разыграли послѣднюю сцену трагедіи. Я спрашивалъ капитана, какъ они, проходя мимо, не заглянули—есть ли кто? Онъ отвѣчалъ, что тутъ драки и ручной схватки не было, мѣсто просторное, видное, и войска ужъ проходили его въ порядкѣ. Я оставилъ молодцовъ и поспѣшилъ со своими 8-ю орудіями къ передовымъ баталіонамъ, гдѣ слышалась еще перепалка, кончившаяся скоро по прибытіи артилеріи.

Покончивъ съ Герменчукомъ, считавшимся въ Чечнѣ самымъ сильнымъ ауломъ, отъ котораго въ 1807 году генералъ Булгаковъ отошелъ съ большою потерею, не взявъ его, и котораго милостивая пощада генераломъ Ермоловымъ сдѣлала еще дерзновеннѣе,—мы простояли на этой мѣстности восемь дней.

Горцы, эти дѣти природы, какъ и всѣ глупые и немыслящіе люди, принимаютъ всегда доброту за слабость; съ ними надобно быть справедливымъ и крѣпко держаться своего слова—тогда они будутъ и уважать, и бояться васъ.

Погода сдѣлалась дождливая, не проходило дня безъ сильнаго дождя; и семь дней, съ ранняго утра, выходили войска малыми отрядами жечь аулы чеченцевъ. Обыкновенно эти отряды состояли изъ 2-хъ, 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ или 6-ти орудій и сотень двухъ казаковъ. Къ вечеру возвращались въ лагерь, промокшіе до костей, сжегши два-три аула и нѣсколько хуторовъ. Рѣдко случалось находить аулы, оставленные безъ обороны, и то развѣ лежавшіе на открытой полянѣ, но обыкновенно всѣ сильно защищались.

Подойдя однажды къ аулу, лежавшему совершенно въ лѣсу у одного изъ отроговъ Кавказа, мы видимъ за плетнемъ чеченцевъ, всѣхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ. Спрашиваемъ у проводника-чеченца, почему всѣ въ бѣлыхъ рубашкахъ?

— Охъ, не хорошо! отвѣчалъ онъ. Говорилъ я генералу Вельяминову бросить этотъ аулъ, не ходить сюда; вотъ драться будутъ, смерти хотятъ! о-охъ, не хорошо!

— Какъ смерти хотятъ? Что это значитъ?

— Будутъ драться, не уйдутъ; всѣхъ убьютъ! О-охъ, не хорошо! Все мулла виноватъ!

Полковникъ Пирятинскій, командиръ Бутырскаго полка, человѣкъ спокойный, разсудительный, слыша эти „охъ, не хорошо!“ не́ долго думалъ. Подозвавъ меня, онъ сказалъ: „разставьте орудія, какъ знаете, и начинайте, а я пошлю охотниковъ поджечь аулъ сзади; авось выживемъ и уйдутъ.“

Оглядѣвъ взглядомъ мѣстность, я оставилъ четыре орудія передъ ауломъ, а съ двумя взялъ влѣво, въ лѣсъ, и, снявъ съ передковъ, на рукахъ притащилъ ихъ къ мѣсту между деревьями, откуда они могли дѣйствовать продольно по плетню, за которымъ сидѣли бѣлыя рубашки. Съ открытіемъ артилерійскаго огня, въ аулѣ все зашевелилось; изъ саклей выбѣгали чеченцы къ плетневому забору и къ заваламъ [10]), подѣланнымъ въ нѣкоторыхъ узкихъ мѣстахъ; бывшіе у плетня бѣжали отъ него къ саклямъ отъ продольныхъ выстрѣловъ. Народъ сталкивался между собою, видна была суматоха. Такъ продолжалось съ полчаса; гранаты зажгли середину аула. Между тѣмъ охотники проползли незамѣтно къ задамъ и зажгли сѣно и сакли. Когда полковникъ увидѣлъ, что и сзади аулъ загорѣлся, онъ пустилъ пѣхоту, съ двухъ сторонъ по баталіону; съ каждой стороны двѣ роты бросились впередъ, а по двѣ шли въ резервѣ; артилерія участила огонь. Плетень въ минуту былъ очищенъ; орудія смолкли. Въ двухъ-трехъ завалахъ завязалась штыковая работа, другіе были брошены; но и въ нѣсколькихъ сакляхъ, изъ которыхъ стрѣляли, надо было ломать двери и колоть защитниковъ. Аулъ горѣлъ. Чеченцы, всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ, дрались на-смерть. Очень мало ушло, какъ мы послѣ узнали, и почти всѣ полегли на мѣстѣ. Чрезъ часъ все было кончено. Убитыхъ и раненыхъ нашихъ вынесли изъ аула. Первыхъ было 6, вторыхъ 31, въ томъ числѣ два офицера. Сдѣлали носилки и одноротцы понесли своихъ. Для прикрытія отхода полковникъ послалъ двѣ свѣжихъ роты за аулъ, которыя должны были служить аріергардомъ. Я послалъ къ нимъ двѣ пушки, но полковникъ сказалъ мнѣ, что это напрасно, что горцевъ всѣхъ прикололи и что мы отойдемъ спокойно, да притомъ отходить чрезъ горѣвшій аулъ съ орудіями опасно—можетъ что нибудь случиться.

[10]) Завалъ—бревна, наложенныя другъ на друга, иногда пересыпанныя землею; грудная защита стрѣлкамъ.

— Проводы у насъ будутъ крѣпкіе, повѣрьте мнѣ, я ихъ знаю; теперь они въ лѣсу ожидаютъ, чтобъ мы тронулись; а съ орудіями ничего не случится, я самъ тамъ буду; ящики не пойдутъ.

— Ну, дѣлайте, какъ знаете.

Я приказалъ орудія зарядить картечью, взять по картечи въ двѣ сумы къ каждому орудію, и пошелъ съ ними по горѣвшему аулу къ двумъ ротамъ, попрося полковника, чтобы онъ прислалъ намъ сказать, когда послѣдніе въ отрядѣ отойдутъ.

На мѣстѣ орудія снялись съ передковъ, застрѣльщики густою цѣпью стали за деревьями. Все было тихо. Бутырцы, впервые бывшіе въ горной кавказской экспедиціи, думали, что мы спокойно отойдемъ.

— А вотъ вы увидите, какіе проводы будутъ—сказалъ я ротному командиру—держите ухо востро и не торопко отступайте.

Вскорѣ пріѣхалъ офицеръ съ приказаніемъ отходить. Оставивъ застрѣльщиковъ и при нихъ резервы, я приказалъ одной пѣхотной ротѣ отходить. Орудія стояли на чистомъ мѣстѣ, невдалекѣ отъ застрѣльщиковъ, которымъ приказано было при отходѣ равняться съ орудіями. Едва застрѣльщичья цѣпь стала выходить изъ лѣса, какъ раздался знакомый свистъ пуль; двое ранено. Всѣ деревья будто ожили, сотни чеченцевъ перебѣгали къ окраинѣ лѣса. Впереди поставленные солдаты, отбѣжавъ въ сторону, открыли орудія; два картечныхъ выстрѣла огорошили чеченцевъ—и все спряталось за деревья. Одно орудіе взяло на передокъ и съ ротою, скоро пройдя чрезъ аулъ, встало на позиціи, чтобы принять провожающихъ насъ; изъ передковъ взяты въ сумы картечи, взамѣнъ выпущенныхъ. Другая рота стала тихо отходить къ аулу; при орудіи она оставила 20 человѣкъ въ прикрытіи, у передка, стоявшаго шагахъ въ десяти за орудіемъ. Застрѣльщичьей цѣпи дано знать, что если че-

ченцы послѣ картечнаго выстрѣла выбѣгутъ изъ опушки впередъ, то принять ихъ мѣткой стрѣльбой всей цѣпи; впередъ на „ура“ не бросаться, а отходить, равняясь съ орудіемъ. Какъ только другая рота вошла въ горѣвшій аулъ, я приказалъ выстрѣлить... Вдругъ, послѣ выстрѣла, чеченцы выскочили изъ опушки лѣса и бросились на цѣпь и на орудіе. Сильный ружейный огонь повернулъ ихъ назадъ, но не всѣхъ..... нѣсколько бѣлыхъ рубахъ, шашки наголо, добѣжали до цѣпи и были приколоты, одинъ—близь самого орудія.

Еще картечный выстрѣлъ... Орудіе на рукахъ двинули назадъ, надѣли на передокъ, и все двинулось черезъ горящій аулъ, подъ свистомъ пуль. Выйдя изъ аула, я подбѣжалъ къ стоявшему на позиціи орудію и сказалъ офицеру не стрѣлять безъ моего приказанія, боясь, чтобы чеченцы и наши не вышли вмѣстѣ; но при отходѣ ручной схватки не было. Весь этотъ отходъ, здѣсь длинно разсказанный, продолжался минутъ двадцать; все же время, какъ мы стояли за ауломъ, ружейная стрѣльба чеченцевъ изъ-за деревьевъ не прекращалась, и мы имѣли четырехъ раненыхъ. Когда аріергардъ соединился съ отрядомъ, проводы ружейными выстрѣлами продолжались до самой шалинской поляны, гдѣ наши стояли лагеремъ и куда мы вернулись промокшими.

Въ столовой палаткѣ моей, гдѣ мы обѣдали съ господами, былъ уже столъ накрытъ и самоваръ готовъ. Во время чая я обыкновенно настаивалъ, чтобы промокшіе пили съ ромомъ, чему самъ подавалъ примѣръ. Потомъ мы садились обѣдать и за добрымъ кахетинскимъ виномъ, въ веселой болтавнѣ съ молодежью, убивали вечеръ. Солдаты же моей роты, возвращаясь изъ мокрыхъ экспедицій, всегда находили готовый обѣдъ съ говядиной, а предъ обѣдомъ чарку водки.

Въ эту стоянку нашу на шалинской полянѣ, мы получили весьма непріятное извѣстіе, что Кази-Магометъ или, какъ его обыкновенно называли, Кази-мулла, убравшись изъ Гер-

менчука подобру-поздорову еще прежде разгрома его, сдѣлалъ удачный набѣгъ на кумыкскую плоскость, крѣпко побилъ гребенскихъ казаковъ и отнялъ два конныхъ орудія. Это произвело во всемъ отрядѣ сильное негодованіе и желаніе хорошенько отомстить имъ. Говорили, что несчастіе произошло отъ необдуманной опрометчивости полковника Волжинскаго, командира Гребенского казачьяго полка, поплатившагося за нее жизнью. Кази-мулла, съ малымъ числомъ конныхъ, подошелъ къ Тереку противъ Червленной станицы и началъ грабить мирные аулы кумыковъ. Волжинскій взялъ сколько было подъ рукою—сотни три гребенцевъ и два орудія, переправился черезъ Терекъ и погнался за разбойниками. Тѣ, будто въ испугѣ, давай Богъ ноги, бѣгутъ отъ него, и навели преслѣдователей на сильную засаду, встрѣтившую ихъ частымъ огнемъ. Опешомленные неожиданностью, казаки едва снялись съ передковъ, какъ тысячи чеченцевъ, шашки наголо, бросились на казаковъ и на орудія. Схватка скоро была кончена. Половина казаковъ легла на мѣстѣ, кто могъ—ускакалъ, а съ ними и передки орудій, взятыхъ чеченцами. Изъ первыхъ убитыхъ пулями, былъ полковой командиръ.

Я зналъ полковника Волжинскаго въ экспедиціяхъ 1822 и 1826 годовъ, тогда еще баталіоннаго командира Ширванскаго пѣхотнаго полка. Безгранично храбрый, въ этомъ славномъ полку, гдѣ храбрость ужъ не считалась достоинствомъ личностей, но какъ бы принадлежностью мундира, Волжинскій съумѣлъ такъ служить, что неустрашимость его значительно выдѣлялась и въ этой средѣ. Онъ былъ средняго роста, плотной, чисто русской фигуры, добрый и простой человѣкъ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ объ немъ говорилъ—„славный баталіонный командиръ, но дальше впередъ пускать не надо,“ опредѣляя этимъ умственныя способности необразованнаго человѣка, несоотвѣтствующія его неустрашимости.

Вслѣдъ за этимъ печальнымъ извѣстіемъ лазутчики увѣ-

домили, что орудія отвезены Кази-муллой въ с. Беной, въ Ичкерію, въ гористую и весьма лѣсистую мѣстность, граничащую съ Андіей. Начальство рѣшило отыскать и взять орудія.

Отрядъ въ с. Автуры раздѣлился надвое. Для облегченія горной экспедиціи требовалось оставить весь обозъ и транспорты. Въ ожиданіи чая, въ кружкѣ офицеровъ мы разбирали дѣло Волжинскаго; кто осуждалъ его неосмотрительность, кто оправдывалъ его, говоря, что бѣда надъ всякимъ можетъ стрястись. Въ это время подходитъ къ намъ одинъ изъ штабныхъ офицеровъ и говоритъ, что онъ сейчасъ слышалъ, что изъ моей роты въ горную экспедицію назначено только два орудія, въ шесть лошадей каждое.

— Такъ я буду въ вагенбургѣ? воскликнулъ я невольно, и пошелъ къ генералу Вельяминову, который всѣмъ распоряжался.

— Ваше превосходительство, позвольте идти всей ротѣ съ вами.

— Нельзя, дражайшій! надобно усиленную упряжь.

— Такъ 4 орудія могутъ идти съ усиленною упряжью, ваше превосходительство.

— Нельзя, дражайшій; ужъ такъ разъ приказано—такъ и будетъ.

— Такъ я при 6-ти орудіяхъ долженъ въ вагенбургѣ оставаться?

— Чтожъ дѣлать, дражайшій; впрочемъ сходи къ Вольховскому и скажи, что вмѣсто двухъ горныхъ можно взять еще два легкихъ.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство.

Тутъ умѣстно сказать, что Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ былъ очень добръ ко мнѣ съ самаго пріѣзда моего на службу въ кавказскій корпусъ, въ 1822 году. Первоначальный, привѣтливый пріемъ его былъ, кажется, вслѣдствіе письма къ нему полковника Винспера (потерявшаго руку, кажется,

при Краонѣ), съ коимъ онъ вмѣстѣ служилъ въ гвардейской артилеріи въ 1812 году и всегда оставался въ дружескихъ отношеніяхъ. Полковникъ Винсперъ, человѣкъ очень умный и всѣми уважаемый, состоялъ при графѣ Михаилѣ Семеновичѣ Воронцовѣ во французскомъ отдѣльномъ корпусѣ; когда я былъ прикомандированъ къ свитѣ и жилъ въ Мобежѣ, онъ видѣлъ меня часто у Ѳ. Ѳ. Шуберта, нашего оберъ-квартирмейстера, и всегда былъ привѣтливъ къ молодому офицеру. Встрѣтившись со мною въ Петербургѣ въ началѣ 1822 года и узнавъ, что я прошусь на Кавказъ, онъ сказалъ мнѣ, что у него тамъ есть пріятель, начальникъ штаба Вельяминовъ. Когда же я въ Екатериноградѣ явился генералу Вельяминову, онъ спросилъ меня о Винсперѣ. И потому очень можетъ быть, что Винсперъ, хотя безъ моей просьбы, писалъ обо мнѣ Вельяминову, котораго расположеніе я заслужилъ уже послѣ, могу прямо сказать, моею усердною службою.

Нашъ impedimento, подъ прикрытіемъ оставшихся войскъ, выступилъ на линію и ждалъ нашего возвращенія на кумыкской плоскости въ Герзель-аулѣ; а мы, съ легкимъ отрядомъ, кажется, въ 7 баталіоновъ пѣхоты, сотни казаковъ, 4-хъ легкихъ и 2-хъ горныхъ орудій, пошли на с. Маюртупъ, лежащее на качкалыковскомъ хребтѣ, чтобы, разворивъ это гнѣздо разбойниковъ, потянуться въ лѣсистую нагорную Ичкерію на поискъ за пропавшими орудіями.

На первомъ же переходѣ, когда артилерія стройно поднималась по крутой горѣ, генералъ баронъ Розенъ съ генераломъ Вельяминовымъ, въ сопровожденіи штаба, начали обгонять войска; подъѣхавъ къ 1-му орудію, Вельяминовъ говоритъ мнѣ:

— А у тебя, дражайшій, контрабандный ящикъ?

— Точно такъ; но если онъ хоть на одну минуту задержитъ слѣдованіе, я сброшу его въ кручу.

— Ну, надѣюсь, до этого не дойдетъ—возразилъ корпус-

ный командиръ—лошади хоть и рыжія, но также хороши, какъ и во всей батареѣ.

Они проѣхали дальше. Дѣло въ томъ, что у меня былъ собственный зарядный ящикъ, разумѣется, безъ гнѣздъ внутри, который я употреблялъ вмѣсто фургона и вьюковъ. Въ ротѣ были гнѣдыя лошади, а мои собственныя—рыжія.

С. Маюртупъ, лежащее въ лѣсистой котловинѣ, мы нашли оставленнымъ. Видно, погромъ Герменчука научилъ жителей не пускаться въ неравный бой. Пройдя аулъ, стали занимать лѣсъ, по которому чеченцы гнали свой скотъ. Пошла перестрѣлка. Наши крѣпко напираютъ за скотомъ; чеченцы, отстрѣливаясь, уходятъ, что есть силъ. Застрѣльщики, прибѣжавшіе къ оставленному пепелищу, слышатъ крикъ—„господа егеря, развяжите!“—и видятъ привязаннаго къ дереву человѣка въ рубашкѣ и исподнихъ, безъ сапогъ. Развязали. Оказалось, что это былъ плѣнный казакъ Червленной станицы, котораго, видно второпяхъ, забыли. Можно вообразить радость этого несчастнаго, но также и изумленіе нашихъ солдатъ, когда увидѣли, что у казака по шести пальцевъ и на рукахъ, и на ногахъ.

Въ прежнее время артилерійскихъ штабъ-офицеровъ не наряжали дежурными по отряду, но въ нынѣшнюю экспедицію генералъ Вельяминовъ приказалъ и насъ наряжать въ очередь съ пѣхотными. Обязанности дежурнаго по отряду довольно многосложны, и день такого дежурства не есть день покоя и отдыха. Согласно приказа, за стройнымъ выступленіемъ авангарда и всѣхъ частей и за движеніемъ отряда обыкновенно наблюдаютъ офицеры генеральнаго штаба; но за порядокъ въ аріергардѣ отвѣчаетъ дежурный по отряду; безпорядочное шествіе застрѣльщичьихъ цѣпей, замедленіе по горнымъ дорогамъ—все съ него спрашиваютъ и, разумѣется, съ частныхъ начальниковъ. Пришелъ отрядъ на привалъ или на ночлегъ, дежурный по отряду осматриваетъ всю мѣстность во-

кругъ лагеря, предоставляя частнымъ начальникамъ ставить цѣпь съ полевыми караулами, назначать, гдѣ быть секретамъ и какъ сильны они должны быть. Все это дѣлаютъ дежурные по полкамъ, а онъ осматриваетъ и, что надобно, поправляетъ. Съ его позволенія впускаютъ въ лагерь, онъ смотритъ за общимъ порядкомъ и обо всемъ необыкновенномъ доноситъ начальнику отряда или тотчасъ, или при вечернемъ и утреннемъ рапортѣ; при долгихъ стоянкахъ на одномъ и томъ же мѣстѣ строго смотритъ за чистотою въ лагерѣ и пр., и пр.

Несмотря на мое громкое званіе начальника артилеріи въ этомъ легкомъ отрядѣ, я былъ назначенъ дежурнымъ по отряду въ день выступленія къ Маюртупу. Когда мы заняли это селеніе и прогнали чеченцевъ, отрядъ расположился около аула, у котораго съ двухъ сторонъ возвышались два продолговатыхъ холма, въ разстояніи 100—150-ти сажень отъ аула. Вся мѣстность, кромѣ поляны около селенія и этихъ холмовъ, покрыта была сплошнымъ лѣсомъ. Гребень холмовъ былъ занятъ густою, безпрерывною цѣпью застрѣльщиковъ отъ баталіоновъ, стоявшихъ внизу, близь оныхъ; у одного холма стояли карабинеры, у другого московскіе баталіоны. Объѣхавъ лагерь и исполнивъ свою обязанность, я вернулся къ своимъ и, въ ожиданіи ужина, пилъ чай съ гг. офицерами. Завечерѣло; ударили зарю. Принявъ рапорты отъ дежурныхъ, я пошелъ къ корпусному командиру, а отъ него къ г. Вельяминову; отъ обоихъ получилъ обычное: „прошу быть осторожнымъ.“ Я вернулся къ себѣ и думаю: все покойно, поужинаю и отдохну немного—усталъ, весь день былъ, какъ угорѣлый. Не тутъ-то было! Только-что мы сѣли за ужинъ, какъ слышимъ выстрѣлы, все чаще и чаще, наконецъ непрерывная стрѣльба... Не успѣлъ кончить и тарелки супа, вскочилъ, набросилъ шашку и побѣжалъ, приказавъ казакамъ привесть лошадь на выстрѣлы.

Стрѣльба была у московцевъ съ холма. Встрѣчаю бата-

ліоннаго командира: „Что у васъ?“—Вѣрно, чеченцы подкрадываются. Взошли съ нимъ на гребень длиннаго холма, усѣяннаго лежащими солдатами. Стрѣльба трещитъ по всей линіи. Я схватываю одного унтеръ-офицера:

— Что вы, ребята, съ ума спятили! Въ кого вы стрѣляете?

— Въ чеченцевъ, ваше высокоблагородіе; все подползаютъ.

— Вишь, какая темень—гдѣ ты видишь чеченцевъ?... Перестать стрѣлять! Пошелъ по фронту, чтобъ не стрѣляли!

— Это они подкрадываются къ правому флангу; оттуда начали стрѣлять.

Пошли мы къ правому флангу. И я, и баталіонный командиръ, и два офицера унимали стрѣльбу—и не могли унять; при насъ не стрѣляютъ, но только-что мы отойдемъ, сзади насъ подымается трескотня, точно весь строй одурѣлъ. На правомъ флангѣ дѣйствительно что-то шевелилось внизу, въ оврагѣ. Я опять схватилъ унтеръ-офицера:

— Чего ты смотришь? Перестать стрѣлять!

— Чеченцы все подкрадываются.

— Врешь, ни одного чеченскаго выстрѣла не слышно.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

Тутъ уняли стрѣльбу, но на пройденномъ нами пространствѣ выстрѣлы продолжались, хотя менѣе, чѣмъ прежде. Я спросилъ фамилію двухъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и громко, нарочно, чтобы солдаты слышали, сказалъ: „завтра генералъ Вельяминовъ взыщетъ съ васъ за эту безурядицу.“ Баталіоннаго командира, конечно, успокоилъ, сказавъ, что фамиліи спросилъ только для острастки, чтобы строже за людьми смотрѣли. Но не скоро еще успокоились наши ребята—долго еще видны были огоньки и, несмотря на приказаніе, стрѣльба, хотя и рѣдкая, не умолкала всю ночь. А на другомъ холмѣ, гдѣ стояли карабинеры, и во всемъ лагерѣ было тихо.

Я поѣхалъ къ себѣ. Деньщикъ говоритъ, что часъ тому назадъ приходилъ ординарецъ отъ генерала Вельяминова, звать къ нему. Поѣхалъ я въ темную ночь къ генералу; онъ сидѣлъ на барабанѣ передъ костромъ.

— Что это, дражайшій, тебя сыскать нельзя?

— Я былъ на холмѣ у московскаго баталіона, гдѣ стрѣляли. Ничего и никого нѣтъ, стрѣляютъ наобумъ; все говорятъ, что чеченцы подползаютъ; насилу унялъ.

— А кто баталіонный командиръ?

— Не знаю, какъ зовутъ, но я засталъ его на холмѣ въ цѣпи, съ офицерами, которые всѣ унимали солдатъ. Но на тѣхъ какая-то дурь нашла.

— А у карабинеръ тихо?

— Ни одного выстрѣла.

— Ну, прощай, дражайшій; а завтра разспроси, отчего стрѣляли.

И, утомленный усталостью, голодный, я поѣхалъ къ себѣ, въ первомъ часу ночи пообѣдалъ и, бросившись на бурку, заснулъ часа на два, а со свѣтомъ отправился къ московскому баталіону.

Чтожъ бы вы думали было причиною этой безсознательной стрѣльбы?... Корова, вѣроятно отставшая отъ угнаннаго стада, преспокойно пасшаяся въ оврагѣ и ходившая кое-гдѣ по хворосту! Несмотря на тысячи пуль, свиставшихъ ей въ уши и пролетавшихъ надъ головою, утромъ она, нетронутая, расхаживала по оврагу, чмокая злачную травку; я видѣлъ этотъ corpus delecti еще живою. Съ первымъ мерцаніемъ свѣта люди, увидѣвшіе корову въ оврагѣ, спустились съ холма, взяли ее въ плѣнъ, и за проступокъ солдатъ—смертная казнь была ея удѣломъ. Когда при утреннемъ рапортѣ я доложилъ о причинѣ стрѣльбы генералу Вельяминову, онъ только сказалъ: „всякое бываетъ на свѣтѣ.“

Можно вообразить, какъ подсмѣивались солдаты другихъ

баталіоновъ надъ московцами, когда узнали, что корова держала насторожѣ длинный рядъ густой цѣпи застрѣльщиковъ, особенно, когда узнали, что карабинеры, занимавшіе другой холмъ, поймали корову съ теленкомъ еще съ вечера, безъ выстрѣла. Дѣло въ томъ, что московцамъ приказано было занять холмъ—они и заняли его; карабинеры, получивъ приказаніе занять другой холмъ, также заняли его. Но такъ какъ ужъ вечерѣло, то капитанъ послалъ унтеръ-офицера и 10 человѣкъ осмотрѣть внизу мѣстность и чиста ли опушка близлежащаго лѣса. Патруль этотъ, найдя на опушкѣ засаду изъ коровы и теленка, привелъ ихъ къ себѣ—и всю ночь пролежали тихо на холмѣ, не тревожа лагеря. Это показываетъ навыкъ кавказскихъ войскъ къ боевой жизни во время горныхъ экспедицій и непривычку къ тому гостей нашихъ 14-й дивизіи.

Такія intermezzo случаются въ экспедиціяхъ чаще, чѣмъ въ мирной жизни городскихъ обывателей, и, какого бы свойства они ни были, служатъ развлеченіемъ лагерной жизни. Припомню случившееся въ Герменчукѣ. При баталіонахъ, двинувшихся въ аулъ, были и медики для немедленной помощи и устройства перевязочныхъ пунктовъ. Какого-то сибирскаго баталіона медикъ попалъ въ свалку близь рукопашной, штыковой и кинжальной работы. Въ одной улицѣ, испугавшись натиска чеченцевъ, свиста пуль, крика, визга, стона падающихъ и крѣпкихъ ударовъ штыка, онъ совсѣмъ растерялся, началъ махать фуражкой и кричать, что онъ мирный, чтобъ его не трогали, наконецъ упалъ и лежалъ, какъ убитый. Чрезъ нѣсколько минутъ начальникъ штаба, со свитою проѣзжая аулъ, натыкается на лежащаго медика. Шевелится, бормочетъ—значитъ живъ; хотятъ поднять, кричитъ—„я мирный, не убивайте!“... но его осилили, тутъ же бросили ему кровь и отправили въ лазаретъ, какъ больного горячкой. На другой день утромъ ищутъ медика—пропалъ, нѣтъ нигдѣ, какъ въ воду канулъ. Тогда только спохватились, не рехнулся ли онъ, не

надобно ли было приставить къ нему особаго служителя? Мы, русскіе, вѣдь говорятъ, заднимъ умомъ крѣпки. День-другой поискали, поговорили и рѣшили, что пропалъ... значитъ—и конецъ дѣлу, и забыть пора. Вдругъ дня чрезъ три къ лагерной цѣпи чеченцы приводятъ пропавшаго медика, въ томъ же костюмѣ. Послали за переводчикомъ—что и какъ? и узнали, что онъ въ одинъ прекрасный день, т. е. въ очень дождливый, приходитъ къ нимъ въ аулъ, садится у очага и требуетъ ѣсть; когда его хотѣли связать, онъ сказалъ, что онъ лекарь и мирный. Изъ собравшихся около него кто-то понялъ, что онъ дохтуръ, акимъ, а такъ какъ у нихъ медики въ большомъ уваженіи, то они накормили его, но вмѣстѣ и признали его за сумашедшаго, т. е. божьяго человѣка, почему уваженіе къ нему усугубилось. Но какъ божій человѣкъ ничѣмъ не былъ доволенъ, несмотря на оказываемое ему уваженіе, приходилъ въ раздраженіе и началъ своеручно бить ихъ, то, потерпѣвъ дня два, они порѣшили, чтобы не было бѣды, отвесть и сдать его на руки русскимъ. Что съ нимъ было послѣ—не знаю.

Разъ вдавшись въ ичкеринскіе лѣса, мы уже не покидали ихъ, покуда не вышли на кумыкскую плоскость. Дорога на Центури и Беной шла почти сплошнымъ лѣсомъ съ небольшими полянами, крутыми подъемами на горы и крутыми спусками съ оныхъ. Лѣсъ былъ до того густой въ иныхъ мѣстахъ, что застрѣльщичьей цѣпи трудно было проходить между разросшимися кустами, а цѣпь не смѣла разрываться, не смѣла и близко подходить къ войскамъ, идущимъ по дорогѣ; за эти промахи строго бы взыскали съ офицеровъ и частныхъ начальниковъ. Благоразумная строгость сдерживастъ порядокъ, и потому прогулка по Ичкеріи съ увеселительными перестрѣлками была довольно благополучна. То тамъ, то тутъ кого ранятъ, кого убьютъ въ нашей семьѣ, а мы жжемъ ихъ аулы, топчемъ хлѣба, бьемъ ихъ и пулями, и ядрами, колемъ русскимъ безпардоннымъ штыкомъ... валятся они и десятками,

и сотнями... Не разбойничай! Ну и вышло по пословицѣ: гдѣ дрова рубятъ—тамъ щепки летятъ.

На другой день по выступленіи изъ Маюртупа, мы къ вечеру пришли въ Белгатой; тутъ отрядъ раздѣлился. Начальникъ штаба генералъ-маіоръ Вольховскій съ половиною отряда долженъ былъ идти впередъ и занять переправу чрезъ рѣку. Когда люди пообѣдали и отдохнули, онъ поздно вечеромъ двинулся. Отбросивъ отъ рѣки чеченцевъ послѣ жаркаго дѣла, онъ со свѣтомъ пошелъ по дорогѣ къ Беною; другая половина отряда пошла за нимъ, а къ 10-ти часамъ весь отрядъ стянулся на горѣ, внизу которой, въ узкомъ оврагѣ, течетъ рѣка Аксай, здѣсь, въ верховьяхъ своихъ, вездѣ проходимая въ бродъ. На правой сторонѣ Аксая мѣстность гористая, вся покрытая вѣковымъ лѣсомъ; по ней дорога, то крутая, то отлогая, извиваясь, вела къ с. Беной, куда орудія, взятыя у Волжинскаго, были свезены чеченцами. Послѣ отдыха и осмотра мѣстности начальствомъ, генералъ Вольховскій съ тремя баталіонами и сотнею линейскихъ казаковъ началъ спускаться съ горы къ р. Аксаю. Тутъ я былъ призванъ къ Григорію Владиміровичу Розену. Онъ, генералъ Вельяминовъ и откланивавшійся Вольховскій стояли у самаго обрыва.

— Поставь, братъ, всю свою артилерію вотъ здѣсь, у самаго обрыва, и очищай дорогу, сказалъ мнѣ Вельяминовъ.

— Но осторожнѣе стрѣляйте, любезный Бриммеръ, чтобы своихъ не задѣть, прибавилъ Розенъ.

Г. Вольховскій раскланялся и ушелъ. Орудія тотчасъ были придвинуты къ кручѣ. Ихъ было: три 6-ти-фун. пушки, одинъ $^1/_4$ пуд. единорогъ и два горныхъ единорога. Три единорога открыли стрѣльбу по опушкѣ лѣса, находившейся внизу у самой переправы, откуда чеченцы уже стрѣляли по спускавшимся войскамъ; но скоро ружейный огонь съ нашей стороны и лопающіяся въ опушкѣ гранаты прогнали ихъ отъ рѣки, и наши, переходя ее, начали подниматься въ гору. Тогда единороги замол-

кли, а пушки начали очищать путь ядрами, сообразуя поднятіе прицѣла съ восхо́домъ головныхъ людей въ гору; частые завалы по дорогѣ, изъ которыхъ чеченцы крѣпко стрѣляли въ нашихъ, были цѣлью, куда направлялись пушечные выстрѣлы. Картина была, дѣйствительно, занимательная: длинной ниткой двигался рядъ штыковъ по извилистой дорогѣ; по бокамъ, въ лѣсу, густыя цѣпи застрѣльщиковъ; огонь чеченцевъ изъ завала, частый отвѣтный нашихъ солдатъ, рѣдкіе огоньки застрѣльщиковъ въ лѣсу и ядра, падающія въ завалы, предъ носомъ нашей колонны. Когда штыками выгоняли горцевъ изъ завало̀въ, ядра гнали ихъ далѣе, укладывая того-другого на мѣстѣ. Генералы стояли подлѣ орудій и слѣдили за каждымъ выстрѣломъ. Розенъ часто хвалилъ. Но когда изъ наведеннаго мною орудія ядро ударило въ третій завалъ, и Вельяминовъ (самъ артилеристъ) сказалъ—„хорошо, дражайшій; какъ-разъ въ завалъ!“—признаюсь, мнѣ было очень пріятно. Такъ артилерія, стрѣляя надъ головою движущейся колонны, очищала ей путь; но всему есть предѣлъ—и вѣрнымъ выстрѣламъ легкихъ орудій, къ сожалѣнію, не очень дальнимъ. Уже раза два корпусный командиръ говорилъ: „хорошо, очень хорошо! но будьте осторожнѣе.“ Наконецъ голова войскъ, движущихся въ гору, отошла ужъ довольно высоко; я обратился къ Алексѣю Александровичу: „боюсь своихъ задѣть, ваше превосходительство.“—Пора перестать! сказалъ онъ—и артилерійскіе выстрѣлы замолкли. Скоро голова колонны скрылась, но еще видна была нить штыковъ... наконецъ—одинъ аріергардъ... скрылся и тотъ...

Слава Богу! кончилась эта азартная стрѣльба! Ну, еслибы своихъ задѣли? И точно, намъ съ дальняго разстоянія казалось, что нѣкоторыя ядра ложились въ нашихъ рядахъ, особенно, когда подходили къ заваламъ—а это-то были лучшіе выстрѣлы, прямо въ завалы или въ толпы горцевъ, какъ назавтра объяснилъ Вольховскій. Но до завтра еще далеко, и не-

вольное сомнѣніе, какъ бы спросъ у совѣсти—не попалъ ли въ своего?—мимолетно пробѣгало въ мысляхъ до ночи, когда вѣстовой разбудилъ меня, сказавъ: „генералъ требуетъ ваше высокоблагородіе.“ Въ мигъ надѣлъ сапоги, сюртукъ, накинулъ шашку и былъ у Вельяминова.

— Вольховскій прислалъ людей. Орудія дѣйствительно найдены, но чеченцы бросили ихъ въ глубокій оврагъ; онъ проситъ канатовъ—есть у тебя?

— Какъ же, ваше превосходительство, есть оттяжной канатъ и коновязный.

— Такъ пошли, дражайшій, проворнѣе. Люди съ проводникомъ здѣсь; да посмотри, чтобъ они, не мѣшкая, отправлялись. Ну, поторопись!

Я ушелъ. Разбудили фельдфебеля Лонгинова, собрали канатъ, положили на дрючки—и посланные отправились обратно. Между тѣмъ я успѣлъ спросить, не тронули ли своихъ наши ядра?

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, своихъ не трогали, а чеченцевъ-таки побили, особенно въ завалахъ.

Отлегло на сердцѣ у Эдуарда Владиміровича; пошелъ я къ себѣ и заснулъ богатырскимъ сномъ часа на два.

Утромъ смѣнили людей, занимавшихъ переправу чрезъ Аксай, заняли лѣсъ съ обѣихъ сторонъ дороги и начали поджидать возвращенія отряда.

Генералы опять были близь батарей. Вся окраина оврага усѣялась любопытными—всѣ смотрѣли на лѣсистую вершину противоположной горы, на ту точку, откуда была видима спускающаяся дорога. Корпусный командиръ начиналъ выказывать нетерпѣніе.

— Ужъ девять часовъ! можно бы все кончить и выступить.

Алексѣй Александровичъ, подозвавъ меня, спрашиваетъ, скоро ли я далъ канаты и отправилъ людей.

— Какъ вышелъ отъ васъ, такъ, много, чрезъ полчаса команда съ проводникомъ спускалась уже къ Аксаю.

— Ну, такъ засвѣтло пришли и скоро покажутся.

— Чего бы съ ними не случилось, промолвилъ Григорій Владиміровичъ.

Еще прошло полчаса.

— Да теперь бы имъ пора справиться, сказалъ Алексѣй Александровичъ, котораго не столько безпокойство, сколько скучное нетерпѣніе всѣхъ окружающихъ тоже начинало шевелить. Только-что онъ сказалъ эти слова, какъ одинъ изъ офицеровъ, смотрѣвшихъ въ зрительную трубу, закричалъ: „идутъ, штыки блестятъ!“ И дѣйствительно, отрядъ генерала Вольховскаго показался, спускаясь съ горы. Вся масса народа, стоявшая на высотѣ, зашевелилась и заговорила.

— А что пушки притащатъ?

— А то какъ? вѣстимо, притащатъ.

— А кто его знаетъ! можетъ, проклятые бусурманы ихъ дальше увезли.

— Куда дальше-то! вѣдь не въ снѣговыя же?

— Да, вишь ты, у нихъ трущобъ-атъ сколько.

— Да вы развѣ не слыхали, что ночью присылалъ штабъ-начальникъ за веревками и что отъ нашихъ пушекъ всѣ постромки забрали? Знать, у насъ въ рукахъ ужъ. Ну, вотъ, перевяжутъ и притащатъ. Глядь-ка вонъ какъ онѣ спускаются, и выстрѣловъ не слышно.

— Небось, безъ проводовъ не обойдется: народецъ великатный, учливый, всегда гостей провожаетъ. Вотъ дай только задамъ показаться, такъ увидишь проводы.

Между тѣмъ, какъ наши ребята толковали, разсуждали и глазѣли на спускающійся отрядъ, генералъ Вельяминовъ говоритъ мнѣ: „А ты, дражайшій, по вчерашнему—какъ будутъ насѣдать, такъ черезъ головы нашихъ.“

И было все по вчерашнему; только прицѣлъ, вчера все

подымавшійся, сегодня все опускался; били ядра мѣтко и крѣпко, не своихъ, а чеченцевъ. На поворотѣ дороги, въ полугорѣ, горцы бросились въ шашки на аріергардную цѣпь, но резервнымъ взводомъ к. Пикалова были отброшены. Два выстрѣла, одинъ за другимъ, были сдѣланы славно—оба ядра упали какъ-разъ въ толпу отбѣгавшихъ чеченцевъ. Вельяминовъ громко похвалилъ: „хорошо, спасибо, г. офицеръ!“ Рѣдко бывало, чтобъ Алексѣй Александровичъ похвалилъ кого; оттого его „спасибо“ было прямою наградою, какъ и привѣтливыя слова Алексѣя Петровича Ермолова. Въ данномъ случаѣ—*хорошо* и *спасибо*—у него, кажется, вырвались невольно, какъ у артилериста.

Но вотъ проводы все слабѣютъ, только частые выстрѣлы изъ-за деревьевъ стараются вредить намъ и не оставляютъ насъ въ покоѣ, продолжая слѣдить за нами. Ужъ головной баталіонъ спустился къ рѣкѣ и перетаскиваетъ чрезъ нее орудія, а перестрѣлка съ неотвязчивыми горцами все продолжается въ аріергардѣ; даже выстрѣлы ихъ участились. Вотъ опять кучи ихъ подбѣгаютъ къ аріергардной цѣпи, но наши орудія молчатъ. Вдругъ справа и слѣва отъ дороги открывается частый огонь въ ихъ толпы; съ крикомъ „ура,“ обѣ засады выскакиваютъ и колятъ, и гонятъ, и топчатъ...

Перестрѣлка кончилась. Тихо спускаются остальныя войска къ рѣкѣ, а съ нашей стороны вся масса солдатъ, стоявшая на горѣ и глазѣвшая на возвращеніе отряда, бросилась къ рѣкѣ.

— Побѣжимъ, ребята! потащимъ родныхъ въ гору-то! закричалъ кто-то изъ толпы.

И побѣжали всѣ, и съ крикомъ, смѣхомъ, хохотомъ втащили на гору двѣ 6-ти-фунтовыя пушки, отнятыя обратно у горцевъ.

Артилеристы положили ихъ на запасные лафеты, взятые съ собою, сдали опять гребенцамъ, и раздраженныя орудія, на

новыхъ лафетахъ, при всякомъ удобномъ случаѣ впослѣдствіи мстили чеченцамъ за свой кратковременный плѣнъ.

Стоя у орудій, мы смотрѣли на пеструю картину происходившаго вокругъ насъ и вели немудреныя рѣчи. Видимъ, Вольховскій подходитъ къ Розену и Вельяминову, стоявшимъ невдалекѣ отъ батареи, доноситъ о благополучномъ возвращеніи отряда и объ исполненіи даннаго ему порученія. Его поздравляютъ. Баронъ видимо доволенъ, что его начальнику штаба посчастливилось; и Алексѣй Александровичъ доволенъ, что орудія возвращены, ибо по его мысли пошли въ Беной искать ихъ. Мы отправились обѣдать. Когда всѣ улеглись на буркахъ, Павелъ Бестужевъ и Вороновъ, молодые, веселые товарищи, говорятъ: „а, право, Эдуардъ Владиміровичъ, не дурно бы выпить шампанскаго за здоровье возвращенныхъ орудій.“ Серьозный Пикаловъ присоединился къ ихъ мнѣнію. Нечего было дѣлать, надобно было согласиться, и такъ какъ деньщикъ Афанасій объявилъ, что въ ящикѣ имѣется шампанское, то я приказалъ подать.

— Прежде чѣмъ сами выпьемъ, господа, пойдемъ да поздравимъ начальниковъ!

— Вишь, они все стоятъ у орудій и разговариваютъ, будто предчувствуютъ шампанское, смѣясь сказалъ Бестужевъ.

Сняли проволоку, отрѣзали снурокъ; придерживая пробку, я пошелъ къ кружку генераловъ, неся бутылку, а Афанасій —на подносѣ три стакана.

— Какъ артилеристу, позвольте поздравить васъ съ возвращеніемъ орудій изъ плѣна.

— Откуда это у васъ шампанское, Бриммеръ? спросилъ Розенъ.

— Изъ контрабаднаго ящика, отвѣтилъ Вельяминовъ.

Я налилъ три стакана и поднесъ по старшинству. Вельяминовъ, взявъ свой стаканъ, обратился къ Вольховскому: „Поздравляю васъ съ возвращеніемъ намъ орудій!“ Розенъ, по-

здравивъ также, говоритъ: „налейте же и себѣ, Бриммеръ,“ что я и исполнилъ, поздравивъ ихъ всѣхъ. Тогда Григорій Владиміровичъ промолвилъ: „конечно, здѣсь въ горахъ пьютъ въ первый разъ шампанское.“

На другой день рано утромъ отрядъ двинулся въ обратный путь. До Белгатоя мы шли тою же дорогою; проходя Дарго, впослѣдствіи резиденцію Шамиля, генералъ Вельяминовъ приказалъ разорить его, что не обошлось безъ сильной перестрѣлки. По извѣстіямъ отъ лазутчиковъ, чеченцы, воображая, что мы пойдемъ старою дорогою, совершенно испортили оную и вездѣ подѣлали завалы; но мы изъ Белгатоя повернули направо и пошли по лѣвому берегу р. Аксая, по теченію ея, и на другой день поздно вышли на кумыкскую плоскость у Герзель-аула. Это обратное слѣдованіе было менѣе безпокойно, хотя трескотня перестрѣлокъ слышалась не только въ аріергардѣ, но и въ боковыхъ цѣпяхъ. Все тотъ же густой, разросшійся лѣсъ съ прогалинами и рѣдкими полянами, все тѣ же крутые и высокіе подъемы и спуски съ горъ. На половинѣ дороги, у аула, собравшіеся чеченцы крѣпко понасѣли на насъ, выбравъ мѣстность, гдѣ дорога поднималась на довольно крутую, лѣсистую гору. Во время движенія два легкихъ орудія Бестужева шли при головномъ баталіонѣ, а два легкихъ Никалова и два горныхъ Воронова—при аріергардномъ баталіонѣ. Я былъ всегда при аріергардной цѣпи, гдѣ удерживалъ то тѣ, то другія два орудія на ровныхъ мѣстахъ, отходя съ цѣпью; другія же два отходили съ баталіономъ, занимали удобную позицію, снимались съ передковъ и ожидали, а бывшія съ цѣпью проходили мимо и опять сзади занимали позицію. Такъ было и тутъ. Когда мы стали приближаться къ горѣ, постоянно провожаемые все увеличивавшимися толпами чеченцевъ, и прошли довольно широкую поляну, то чтобы не напирать на арбы, тянувшіяся въ гору съ ранеными, баталіонный командиръ приказалъ остановиться у подъ-

ема. Цѣпь застрѣльщиковъ прилегла на полянѣ; резервы ея и четыре орудія стали въ лѣсу, прикрываясь кустарникомъ. Я приказалъ сняться съ передковъ и зарядить картечью. Сзади насъ находился баталіонъ; у подошвы горы, напротивъ, на той сторонѣ поляны, въ лѣсу, остановились толпы чеченцевъ. Ширина поляны была сажень въ полтораста; цѣпь лежала передъ нами саженяхъ въ пятидесяти. Такъ простояли мы съ полчаса. Когда дорога сзади насъ очистилась и баталіонный командиръ приказалъ двигаться, я просилъ его, чтобы цѣпь быстро отбѣжала въ лѣсъ, увѣренный, что чеченцы бросятся за нами въ шашки. Такъ и случилось. Едва только наша цѣпь поднялась и побѣжала къ лѣсу, какъ чеченцы съ гикомъ и дикимъ визгомъ, шашки наголо, выбѣжали на поляну. Послышалось нѣсколько выстрѣловъ. Я далъ имъ выбѣжать на середину—картечь изъ легкаго орудія ударила, за нею другая. Они остановились—въ нихъ полетѣла картечь изъ горнаго единорога. Нѣсколько отвѣтныхъ выстрѣловъ.... Пикалова ранило въ руку. Чеченцы бросились назадъ, нѣкоторыхъ утащили съ собою, многихъ оставили на мѣстѣ.

Легкія орудія, каждое послѣ своего выстрѣла, брали на передки и отходили, съ приказаніемъ въ возможномъ мѣстѣ занять позицію. Несмотря на полученный урокъ, горцы не оставили еще насъ въ покоѣ; хорошо, что по крайней мѣрѣ безъ потерь мы прошли по дорогѣ почти съ версту, гдѣ два легкихъ орудія стояли уже на позиціи. Но только-что цѣпь дошла до орудій, какъ опять должна была обернуться, и опять перестрѣлка возобновилась. Горныя орудія уже прошли мимо легкихъ, продолжая съ ротою пѣхоты тянуться въ гору, какъ генералъ Вельяминовъ, направляясь къ аріергарду, приказалъ имъ вернуться. Дѣло не легкое—въ лѣсу, по едва проложенной тропѣ, идущей въ гору, обернуть орудія съ выносомъ; особенно это досадно, если напрасно. Услышавъ пушечные выстрѣлы, генералы вообразили, что баталія въ самомъ разгарѣ.

Подъѣхавъ къ легкимъ орудіямъ и видя, что идетъ только обыкновенная перестрѣлка, Вельяминовъ спрашиваетъ меня, зачѣмъ стрѣляли такъ часто изъ орудій? Я разсказалъ и прибавилъ: „теперь угомонились, можно слѣдовать.“ Вельяминовъ, молча смотрѣлъ въ лѣсъ; ясно было, что онъ желалъ увидѣть гдѣ нибудь толпу, чтобы недаромъ пріѣхать, но только толпы нигдѣ не было. Онъ постоялъ еще немного, потомъ велѣлъ ударить въ лѣсъ картечью и отходить. Будетъ ли понятна моя досада, когда генералъ вернулъ орудія? Каюсь, я обидѣлся. Я видѣлъ въ этомъ вмѣшательствѣ признакъ недовѣрія: онъ зналъ и баталіоннаго командира, и баталіонъ, и артилеристовъ, и меня; зналъ, что мы всѣ сдѣлаемъ свое дѣло—и сдѣлали его. Еслибы генералъ остановилъ горныя орудія и, пріѣхавъ въ аріергардъ, разспросилъ и разсмотрѣлъ, что дѣлается—было бы очень пріятно; но вернуть орудія?... признакъ недовѣрія къ моему распоряженію.... И напрасно! Я былъ не въ духѣ, каюсь!

На другой день чеченцы провожали насъ стрѣльбою изъ чащи лѣса, стрѣляли и съ деревьевъ; случались мелкіе натиски, но крѣпкихъ схватокъ не было; раненыхъ же было вдоволь. Такъ пришли мы въ Герзель-аулъ. Проходя вечеромъ мимо кибитки Вельяминова, предъ которою онъ сидѣлъ на барабанѣ и грѣлъ руки у разложеннаго костра, я поклонился ему.

— Здравствуй, дражайшій!

Я подошелъ.

— Имѣю тебѣ объявить пріятное извѣстіе: получено свѣденіе, что вчера въ аріергардѣ горцы имѣли большую потерю —33 убитыхъ и много раненыхъ, все отъ картечи.

Видите вы эту чистую, прямую, умную душу нашего славнаго Вельяминова? Онъ, подмѣтивъ, что я былъ не въ духѣ вчера, хотѣлъ мнѣ сообщить пріятное извѣстіе. Какъ не уважать, какъ не любить такихъ начальниковъ?

Тутъ мы нашли нашъ вагенбургъ, т. е. всѣ удобства лагерной жизни: спали въ палаткахъ, обѣдали и ужинали въ свое время и могли выспаться. Когда же отсюда отправили на линію раненыхъ, мы, дня три отдохнувши, уже начали скучать, что не слышимъ свиста чеченскихъ пуль. Правду говорятъ, что все въ свое время хорошо. Въ Ичкеріи этотъ вѣчный, днемъ и ночью, свистъ пуль, это безпрестанное безпокойство, особенно на комъ лежитъ отвѣтственность, утомляли человѣка, и, какъ ни любили мы ходить по горамъ, эта напряженность силъ наскучала.

XII.

Горная экспедиція въ Салатавію и Гимры. Старые знакомые. Кумыкское семейство. Салатавцы покорены. Пешкешъ. Гимры. Каранайскій спускъ. Отдыхъ. Начальство между собою. Поѣздка черезъ каранайскій хребетъ. Своеобычность твердаго характера или хоть и безъ нужды, да сдѣлай. Еще разговоръ. Медикъ. Прогулка за цѣпь. Обратное шествіе. Молодежь. Совѣщаніе. Глазъ-на-глазъ съ корпуснымъ командиромъ. А невзгода по пятамъ. Объясненіе. Взятіе завала и селенія Гимры. Еще разговоръ. Фейерверкъ. Обратный походъ въ Грузію. Тифлисскія бани. Заговоръ. Дерись и трудись.

Движеніе наше въ Салатавію было уже прогулкою. Ни вѣковыхъ дремучихъ лѣсовъ, ни высокихъ горъ, ни свиста пуль. Въ Андреевой деревнѣ жители встрѣтили корпуснаго командира съ покорностью. Онъ осматривалъ Внезапную крѣпость, офицеры и солдаты ходили по базарамъ, пили одуряющую бузу, лакомились лавашами и фруктами, и всѣ были довольны и веселы. Я также пошелъ пошататься по знакомому аулу и хотѣлъ навѣстить знакомую семью, гдѣ двѣ сестрицы сшили мнѣ канаусовый голубой архалукъ въ 1825 году. Прошло семь лѣтъ—найду ли я ихъ? узнаютъ ли меня? Войдя во дворъ, я встрѣтилъ хозяина, отца моихъ маленькихъ швей. Кумыкъ поклонился, но не узналъ меня. Когда я поздоровался

съ нимъ и назвалъ его по имени, онъ пристально посмотрѣлъ на меня, вдругъ подошелъ близко, взялъ меня за руку, повеселѣлъ и, крикнувъ—„кунакъ, кардашъ!“—повелъ меня въ саклю. Мать и одна дочь, сидѣвшія на тахтѣ, поклонились, сказавъ съ веселою улыбкою: „топчи-офицеръ.“ Кумыкъ, вѣроятно, чтобы удостовѣрить меня, что онъ помнитъ время нашего знакомства, спросилъ: „а гдѣ Ермолоу?“—онъ говорилъ немного порусски. Я отвѣтилъ ему, что генералъ Ермоловъ живетъ въ Москвѣ и здоровъ. „О! человѣкъ былъ Ермолоу! Видѣлъ Розенъ—хорошъ человѣкъ, но не Ермолоу!...“ Я спросилъ, гдѣ младшая дочь.—„Мужъ взялъ.“ Посмотрѣвъ на старшую дочь, которая немного поблекла—ей теперь было 26 лѣтъ—и сказавъ имъ дружеское привѣтствіе, я распрощался съ добрымъ кумыкскимъ семействомъ. Кунакъ проводилъ меня, погулялъ со мною по базару и мы простились. 17 лѣтъ спустя, когда я былъ начальникомъ артилеріи кавказскаго отдѣльнаго корпуса, въ первый объѣздъ мой, имѣя порученіе главнокомандующаго осмотрѣть и гарнизонную артилерію, я былъ опять во Внезапной и опять пожелалъ видѣть моихъ знакомыхъ. Въ сомнѣніи, найду ли ихъ саклю, я взялъ съ собою переводчика, кумыка изъ Андреевой деревни, а комендантъ упросилъ взять и казака. Въ саклѣ нашли мы старика, лѣтъ за 60 слишкомъ, женщину лѣтъ около 40-ка, парня лѣтъ 18-ти и очень красивую дѣвушку, лѣтъ 16-ти, какъ распустившійся розанчикъ.

— Ты не туда привелъ меня—я никого здѣсь не знаю, хотя дворъ и сакля мнѣ знакомы.

— Нѣтъ, генералъ, это твой кунакъ, это его дочь, а это ея дѣти,—и началъ говорить покумыкски съ хозяиномъ.

Всматриваясь въ этого дряхлаго, худого старика, я съ трудомъ узналъ въ немъ моего стараго знакомца. И онъ въ пріѣзжемъ генералѣ не узналъ молодого, веселаго тончи-офицера... Вотъ что мнѣ разсказали. Жена его и старшая дочь

померли лѣтъ пять тому назадъ; это погнуло старика и онъ сталъ хилѣть. Видя одиночество отца, младшая дочь перешла съ семействомъ жить къ нему, но вскорѣ потеряла мужа, и теперь вдова съ двумя дѣтьми и старикъ-дѣдъ составляютъ всю семью. Я напомнилъ матери, что 24 года тому назадъ она шила съ сестрой архалукъ молодому топчи-офицеру. Она засмѣялась и сказала, что помнитъ и что ей было жаль, что не видѣла меня, когда я приходилъ навѣстить ихъ.

— Теперь у тебя дочь такъ же хороша, какъ ты была, когда я въ первый разъ познакомился съ вами.

— О, она дитя еще!

Мать забыла, что въ лѣта дочери своей она не считала себя, да и не была ужъ ребенкомъ.... Уходя изъ этого дома, мнѣ немного сгрустнулось, видя какъ одно поколѣніе замѣняетъ другое, какъ молодые вытѣсняютъ старшихъ!

Кумычки выходя изъ дома, надѣваютъ чадры (синія съ полосками покрывала, закрывающія женщину отъ головы до пятокъ, съ дырьями, прорѣзанными для глазъ), но дома не стѣсняются, показываются и чужому человѣку. Онѣ статны, какъ и всѣ горянки, и очень хороши собою. Вообще кумыки народъ добрый, не то что сосѣди ихъ, ауховцы и чеченцы.

Изъ Андреевой деревни мы пошли въ Салатавію; всѣ ожидали и тамъ встрѣчъ съ горцами, полагали, что знакомство съ этою мѣстностью не пройдетъ безъ схватокъ. Но салатавцы, хоть всегда поразбойничать не прочь, видя жестокое наказаніе чеченцевъ и ичкерійцевъ, благоразумно порѣшили преклонить покорныя головы предъ русскими штыками, чтобы не накликать на себя картечныхъ выстрѣловъ и раззоренія своей, Аллахомъ благословенной страны, полной сочныхъ виноградныхъ гроздьевъ. Прійдя къ с. Міатлы (гдѣ лучшій виноградъ), на р. Сулакѣ, мы нашли уже тамъ всѣхъ старшинъ, прибывшихъ къ корпусному командиру изъявить свою совершенную покорность, просить помилованія и забвенія всѣхъ

прошлыхъ прегрѣшеній. Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.... Баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ сказалъ имъ, что на этотъ разъ прощаетъ, но если впередъ хоть одинъ салатавецъ будетъ съ Кази-муллою, то генералъ Вельяминовъ ихъ строго накажетъ и раззоритъ всю страну. Старшины невольно посмотрѣли на Алексѣя Александровича, давно имъ знакомаго, еще съ ермоловскихъ временъ, и холодно-спокойное лицо его убѣдило ихъ въ правдѣ словъ Розена. Все это привелось мнѣ видѣть и слышать, потому что моя рота въ лагерномъ расположеніи всегда становилась въ серединѣ первой линіи, а въ серединѣ второй располагался штабъ корпуснаго командира, и его палатка разбивалась всегда за моею, въ приличномъ отдаленіи; правѣе становился Вельяминовъ со своимъ штабомъ, лѣвѣе палатки корпуснаго командира, также въ приличномъ разстояніи—начальникъ штаба со своимъ причтомъ, а подлѣ него, пріѣхавшій въ отрядъ начальникъ артилеріи, г. Жуковскій, котораго мы застали въ Герзель-аулѣ. Старшины, услышавъ милостивое слово, просили принять отъ нихъ пешкешъ (подарокъ), состоявшій изъ нѣсколькихъ аробъ винограда, уложеннаго въ корзины. Надобно сказать, что не принять отъ горца пешкешъ, значитъ его обидѣть. Въ с. Міатлахъ лучшій виноградъ. Баронъ Розенъ приказалъ раздать виноградъ въ войска гг. офицерамъ и, увидѣвъ меня, прибавилъ: „И артилерію не забудьте. Ну, да вотъ, Бриммеръ, прикажите взять одну арбу въ вашу роту,“ и засмѣялся. Арбу въ мигъ оттащили къ ротѣ. Мы для себя наложили тарелки двѣ, по корзинѣ отдали въ каждый взводъ, а прочее послали къ другимъ артилеристамъ. Удивительно сочный виноградъ, большой, тяжелый, формы кувшина, очень вкусный, но для винодѣлія негодный.

Съѣвши міатлинскій виноградъ, отрядъ потянулся въ бывшія владѣнія шамхала и остановился лагеремъ на р. Озенѣ, невдалекѣ отъ вновь строющейся штабъ-квартиры пѣхотнаго полка на урочищѣ Темиръ-ханъ-Шура. Отсюда Григорій Вла-

дміровичъ Розенъ хотѣлъ посѣтить койсубулинцевъ и отыскать Кази-муллу въ его притонѣ, въ с. Гимры. Селеніе это лежитъ по ту сторону каранайскаго хребта, въ верховьяхъ р. Аварскаго-Койсу, которая на плоскости принимаетъ названіе Сулакъ. Въ немъ жилъ пророкъ мюридизма, руководитель, совѣтникъ и глава возставшихъ горцевъ, стяжавшій уже между ними славу счастливаго въ набѣгахъ вождя. Къ этому притону вела тропа черезъ высокій каранайскій хребетъ. По сѣверному склону отъ насъ подъемъ шелъ верстъ на пять, изъ коихъ большая половина вела круто въ гору и выходила на горную поляну, гдѣ впослѣдствіи стоялъ Московскій полкъ; отсюда извилистая тропа чрезвычайно круто спускалась верстъ шесть на неровную, холмистую площадь, на которой потомъ генералъ Вельяминовъ расположилъ свой отрядъ. Затѣмъ дорога шла, все спускаясь, но уже отложе, версты двѣ до поворота направо, гдѣ былъ горцами сдѣланъ завалъ; отъ завала, съ версту или немного болѣе, она шла вправо, къ с. Гимры, лежащему при подошвѣ отвѣсной скалы, на вершинѣ которой была поляна, гдѣ стоялъ отрядъ Вельяминова. Прежде чѣмъ спуститься съ отрядомъ въ такую трущобу, надобно было разработать дорогу, почему и было рѣшено—генералу Вельяминову, съ пѣхотою, спуститься на площадь и оттуда начать разработку, по мѣрѣ возможности. Погода стояла прекрасная, какъ всегда осенью на Востокѣ; но все-таки времени терять было нельзя, и чрезъ два дня рабочій отрядъ отправился на каранайскій хребетъ.

Во время отдыха я съ офицерами ѣздилъ смотрѣть на строющуюся штабъ-квартиру. Много играли въ шахматы и славно спали. Разъ Григорій Владиміровичъ, прохаживаясь передъ своею кибиткою, заглянулъ ко мнѣ въ окно и, увидя, что мы играемъ въ шахматы, вошелъ въ палатку посмотрѣть на игру. Каждый вечеръ, по пробитіи повѣстки, спускали передъ батареею или три ракеты, или лусткугели, или жаво-

ронковъ, но оканчивалось всегда ракетой, по которой били вечернюю зарю. И всякій разъ за каждой штукой смѣхъ, говоръ и шумъ солдатъ всего лагеря показывали удовольствіе ихъ, за что Григорій Владиміровичъ часто благодарилъ меня. Дѣлу не мѣшало бездѣлье, а бездѣлье это оказывалось выгоднымъ для всѣхъ: артилеристы мои были заняты, начальство довольно, солдаты всякій вечеръ забавлялись и смѣху было вдоволь, особенно когда жаворонки, вертясь съ громкимъ жужжаньемъ, подымались высоко; я же радовался, что могъ сдѣлать пріятное нашей военной семьѣ.

Объ отношеніяхъ нашихъ трехъ дѣятелей между собою скажу слова два, какъ я ихъ понималъ, и, кажется, безошибочно. Баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ, заслуженный генералъ, всѣми уважаемый, храбрый, какъ нѣмцы выражаются—ein Degenknopf—честный, умный, принявъ начальство совсѣмъ не зная Кавказа, конечно желалъ найти человѣка, который бы могъ быть ему полезенъ, и счастье послужило его желанію, давъ сотрудника въ генералѣ Вельяминовѣ. Алексѣй Александровичъ, человѣкъ высокаго ума, честный въ полномъ смыслѣ этого слова, хладнокровный до ничѣмъ невозмутимаго спокойствія, бывшій начальникъ штаба Ермолова, не только сотрудникъ, но другъ его, дѣлавшій съ нимъ и отдѣльно поручаемыя ему экспедиціи, занимавшійся съ Алексѣемъ Петровичемъ и гражданскими дѣлами, знавшій край, какъ свои пять пальцевъ,—конечно могъ быть полезнымъ помощникомъ Розену. Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій, воспитанникъ царскосельскаго лицея, образованный, честный, умный, бывшій оберъквартирмейстеромъ въ корпусѣ Розена во время польской кампаніи 1831 года, пользовался полною его довѣренностью. Оберегая эту довѣренность, какъ свою собственность, онъ ревниво глядѣлъ на всѣхъ приближенныхъ къ корпусному командиру, опасаясь, чтобы расположеніе къ другому лицу не умалило его значенія. Вольховскій былъ умный честолюбецъ. Каза-

лось бы, между такими людьми никогда не пробѣжитъ черная, кошка, а все-таки гармонія нарушалась, невидимо для всѣхъ, не въ ущербъ государственнаго дѣла—нѣтъ! что́ надобно было дѣлать, то дѣлалось, и дѣлалось дѣльно и хорошо—но нарушавшаяся гармонія вредила душевному расположенію, привѣтливымъ отношеніямъ и, можетъ быть, подчиненнымъ. По пріѣздѣ въ отрядъ, баронъ Розенъ отдалъ въ приказѣ, что генералъ Вельяминовъ командуетъ всѣми войсками отряда. Никакое предпріятіе, никакое движеніе не было сдѣлано безъ совѣта Алексѣя Александровича. Розенъ былъ къ нему чрезвычайно внимателенъ. Вельяминовъ умѣлъ цѣнить это и, сколько могъ, сдерживалъ сродную его характеру своеобычность; а своеобыченъ, оригиналенъ былъ онъ во многомъ. Эта сторона характера иногда невольно задѣвала старшаго начальника, но у такихъ благородныхъ людей эти минутныя неудовольствія никогда не разрастались значительно, въ особенности, когда окружающіе генерала Розена старались ихъ тушить. Разскажу ничтожный случай, который, по моей къ нему прикосновенности, могъ лично замѣтить. Когда мы обложили с. Герменчукъ, генералъ Вельяминовъ приказалъ артилеріи открыть огонь по аулу, чтобы, подготовивъ атаку огнемъ, двинуть пѣхоту. Невдалекѣ отъ моей батареи онъ сѣлъ на барабанъ, велѣлъ подать завтракать и смотрѣлъ на направленіе выстрѣловъ. Стрѣльба продолжалась минутъ 20. Штабъ Вельяминова завтракалъ. Розенъ, стоявшій въ отдаленіи отъ Алексѣя Александровича и не ожидавшій такой продолжительной бомбардировки, началъ терять терпѣніе и послалъ генерала Вольховскаго спросить Вельяминова, не пора ли двинуть пѣхоту? Тотъ отвѣчалъ, что рано, и послалъ, въ свою очередь, ко мнѣ офицера, чтобы я направилъ выстрѣлы въ другую часть аула... а самъ продолжаетъ завтракать. Въ это самое время знакомый мнѣ офицеръ изъ корпуснаго штаба, проѣзжая мимо моей батареи, спрашиваетъ: „Эдуардъ Владиміровичъ, да скоро ли вы пе-

рестанете стрѣлять? Баронъ ужъ начинаетъ сердиться.“ Когда начальникъ штаба вернулся къ корпусному командиру съ лаконическимъ отвѣтомъ—„еще рано“—и прибавилъ, что Алексѣй Александровичъ завтракаетъ, то, конечно, это не могло быть пріятно Розену. А между тѣмъ стрѣльба, продолжавшаяся, правда, съ полчаса, была рѣдкая, хорошо и дѣльно направляема и по возможности выгоняла изъ аула чеченцевъ, облегчая пѣхотѣ штыковую работу. Такіе случаи во время экспедиціи могли встрѣчаться часто, ибо генералъ Вельяминовъ распоряжался самостоятельно. Генералу же Вольховскому, какъ начальнику штаба, приближенному и довѣренному лицу, не могло быть пріятно постоянное уваженіе, оказываемое Розеномъ къ словамъ и предложеніямъ Вельяминова. И вотъ почему между умными и благородными людьми тоже пробѣгаетъ черная кошка. Какъ человѣкъ ни умно мыслитъ и разсуждаетъ, но дѣйствуетъ почти всегда по характеру.

Уже нѣсколько дней, какъ рабочій отрядъ ушелъ для обработки каранайскаго спуска, а отъ Вельяминова не было никакихъ извѣстій. Опять своеобычность: напишу-дескать, когда будетъ готово. Но неполученіе извѣстій породило нетерпѣніе, и начальникъ штаба предложилъ съѣздить посмотрѣть, что тамъ дѣлается? Корпусный командиръ согласился. Утромъ рано Вольховскій, выходя отъ Розена, видитъ меня, прохаживающагося предъ палаткой съ трубкой во рту и прихлебывающаго чай, стоящій на барабанѣ; онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Я сейчасъ ѣду въ отрядъ Алексѣя Александровича посмотрѣть дорогу; не хотите ли со мною проѣхаться?

— Съ большимъ удовольствіемъ, ваше превосходительство.

Осѣдлали Лоова и мы поѣхали. На вершинѣ каранайскаго хребта мы нашли баталіоны Московскаго пѣхотнаго полка, у командира котораго, п. Щеголева, легко позавтракали и отдохнули. Помню его горячіе, вкусные пирожки съ бараниной, лукомъ и перцомъ, и съ благодарностью вспоминаю стаканъ

горячаго чая, ибо на горѣ былъ морозъ, костры горѣли день и ночь, часовыхъ смѣняли каждые полчаса. При разставаніи онъ снабдилъ каждаго изъ насъ посошками, заостренными съ одного конца, такъ какъ спускаться къ отряду, верстъ пять, надо было пѣшкомъ. Съ Вольховскимъ было два штабныхъ офицера и 10 казаковъ. Труденъ былъ путь. Крутая тропа съ каранайскаго хребта шла, спускаясь большею частью около обрыва; въ началѣ спуска рѣдкій лѣсъ слѣва становился все гуще и гуще; уширяя эту тропу, надо было обрубать шиферную гору. На высотѣ горы работа шла скоро, ибо крутизна была незначительна, но тамъ, гдѣ склонъ горы былъ отложе, при соединеніи съ скалистымъ обрывомъ, тамъ приходилось обрубать значительный уголъ, чтобы уширить дорогу, а это было слишкомъ версты четыре. Отбитый такимъ образомъ шиферъ оставался на дорогѣ, уравнивая оную; ширина же продѣланной дороги была меньше сажени. Не вездѣ дорога шла возлѣ обрыва, но очень часто приближалась къ нему совершенно и шла сажень до 20-ти и болѣе близь онаго, спускаясь чрезвычайно круто. Мы скользили по шиферу и, несмотря на то, что у всякаго была палка для упора, нерѣдко падали. Лошади также скользили и, часто садясь на зады, роняли казаковъ. Слишкомъ два часа ходьбы употребили мы, чтобы спуститься къ отряду.

Когда мы пріѣхали къ Алексѣю Александровичу, онъ, поговоривъ съ генераломъ Вольховскимъ, обращается ко мнѣ:

— Здравствуй, дражайшій; мнѣ пріятно, что ты пріѣхалъ —я для твоей батареи мѣстечко отвелъ, откуда ей дѣйствовать.

— Благодарю, ваше превосходительство.

— Ольшевскій, пошли кого нибудь съ Бриммеромъ, чтобъ указали мѣсто его батареи.

Полковникъ Ольшевскій, довѣренное лицо генерала, далъ мнѣ офицера и мы пошли. Чтожъ я вижу? Привелъ меня

офицеръ къ скалѣ, у которой лопатой проведенная борозда означала мѣсто батареи, и говоритъ: „здѣсь внизу Гимры; вѣроятно, будете стрѣлять въ селеніе.“ Гимры, лежащее вплоть подъ скалою, возвышающеюся надъ нею сажень до 50-ти, было частью видно. Я изумился, но, не сказавъ ни одного слова, пошелъ назадъ; мы разстались. Что же это, думаю я про себя, смѣется что ли Алексѣй Александровичъ надо мною? Для того ли спускать съ такихъ горъ по шиферу батарею, почти съ увѣренностью, что нѣсколько орудій упадутъ въ пропасть, чтобы съ отвѣсной скалы стрѣлять въ селеніе? Да это непонятно.... Однако, возвращаясь тихо въ лагерь, мысли мои мало-по-малу выпутывались отъ обуявшаго меня изумленія и я положительно сказалъ себѣ, что должно быть тутъ играетъ роль своеобычность Вельяминова. Генералъ Панкратьевъ, дѣлавшій въ прошломъ году экспедицію въ нагорный Дагестанъ для наказанія разбойническихъ набѣговъ Кази-муллы, не пошелъ въ Гимры, по невозможности провезти артилерію. И вотъ Вельяминовъ думаетъ: „я же имъ докажу, что можно взять Гимры, и провезти артилерію можно!“ Гимры—продолжалъ я разсуждать про себя—пожалуй, можно взять, но артилерію-то спускать по шиферу, наваленному чуть не въ аршинъ толщины на дорогѣ—это другое дѣло; да потомъ ее вѣдь надо и втащить на горы по этому грунту. Нѣтъ, это не хорошо, это значитъ затруднить все дѣло... и все затѣмъ, чтобъ съ высокой скалы стрѣлять въ ея подножье. Нѣтъ, это не дѣло!.... Таковъ былъ ходъ мыслей моихъ при возвращеніи въ лагерь. Кончилъ тѣмъ, что надумалъ пойти къ Алексѣю Александровичу. Вельяминова я нашелъ одного, лежащимъ на кровати на спинѣ, обѣ руки подъ головой.

— Ну что, видѣлъ мѣсто для батареи?

— Видѣлъ ваше превосходительство; да въ кого же я стрѣлять буду съ этой отвѣсной скалы?

— Въ Гимры.

— Да вѣдь Гимры у подножья скалы, оно внѣ выстрѣловъ. Туда лучше просто бросать гранаты.

— Это твое дѣло, дражайшій; какъ знаешь, такъ и дѣлай.

— Если такъ, ваше превосходительство, то можно въ зарядныхъ сумахъ гранаты принесть.

— А гдѣ ты столько зарядныхъ сумъ найдешь?

— Около пятидесяти можно собрать въ артилеріи.

Входитъ медикъ.

— Ну, ступай обѣдать.

У генерала Вельяминова отъ ходьбы со спуска болѣли тогда ноги и медикъ натиралъ ихъ муравьинымъ спиртомъ. Этотъ сухой, долговязый, черный эскулапъ отличался необыкновенною неловкостью какъ въ движеніяхъ и пріемахъ, такъ и въ разговорахъ. Разсказывали, что, натирая генералу ноги, онъ полагалъ необходимымъ занимать его разговорами, и потому во время натиранія, всегда что нибудь болталъ. Холодный, молчаливый Вельяминовъ упретъ свои стеклянные глаза вверхъ кибитки и молчитъ, предоставляя ему разглагольствовать. Вотъ, разъ онъ хотѣлъ разсказать что-то о Наполеонѣ и началъ такъ свою фразу:

— Вы слышали, ваше превосходительство, что Наполеонъ былъ въ Россіи...

— Слышалъ, братецъ! оборвалъ его Вельяминовъ.

Во время обѣда у меня все вертѣлась въ головѣ позиція моей батареи. Только-что мы встали, я пошелъ по дорогѣ искать, нѣтъ ли другого мѣста и вообще посмотрѣть мѣстность впереди. На дорогѣ стоялъ полевой караулъ; я попросилъ офицера позволить мнѣ пройти немного за цѣпь; онъ далъ мнѣ двухъ солдатъ въ конвой и мы прошли сажень 200 за цѣпь. Тутъ одинъ изъ солдатъ сказалъ: „а вонъ тамъ, съ версту отсюда, заворотъ къ ихъ завалу.“ По всему протяженію не видно было ровнаго мѣста, гдѣ бы можно было поставить два орудія, а дорожка все спускалась до самаго поворота. Я вернулся. Ужъ

лошади были осѣдланы, и мы предприняли обратное путешествіе.

Когда мы ѣхали въ отрядъ и спускались по мелкому шиферу, поминутно скользя и падая, г. Вольховскій сказалъ, что съ такихъ горъ артилерію спускать невозможно. Я соглашался охотно относительно трудности спуска... но теперь, возвращаясь и увидавъ мѣстность, онъ положительно утверждалъ, что артилеріи брать не слѣдуетъ. „Видѣли вы, Эдуардъ Владиміровичъ, мѣсто, которое Алексѣй Александровичъ выбралъ для вашей батареи? Въ кого вы тамъ стрѣлять будете?“—такъ велъ онъ разговоръ. Видя, что это ужъ ведетъ къ совершенному разнорѣчію съ Вельяминовымъ и зная теперь, что дѣло идетъ собственно о моей батареѣ, я считалъ неловкимъ для себя подтверждать замѣчанія, хотя бы и справедливыя, начальника штаба, а потому, соглашаясь въ трудности спуска, говорилъ, что, можетъ быть, впереди есть мѣста для позицій.

— Никакихъ нѣтъ, негдѣ поставить двухъ орудій. Когда вы пошли смотрѣть мѣсто для вашей батареи, я также пошелъ за цѣпь оглядѣть мѣстность впереди.

Итакъ, онъ сдѣлалъ прежде то, что я сдѣлалъ послѣ; но я смолчалъ. Вернувшись въ лагерь, я долженъ былъ разсказать все, что видѣлъ, офицерамъ. За чаемъ молодежь разсуждала и вкось, и впрямь; всѣмъ хотѣлось участвовать въ дѣлѣ, но всѣ вѣрили словамъ моимъ. Молодой Павелъ Бестужевъ болѣе всѣхъ ораторствовалъ и острилъ. Онъ предлагалъ посадить на дорогу весь отрядъ и такимъ образомъ спуститься прямо къ завалу; упавшіе, по неосторожности или изъ любопытства, въ пропасть составятъ особый обходный отрядъ, который вверхъ по Койсу зайдетъ въ тылъ завала и поставитъ лезгинъ между двухъ огней. Или: поставить передъ заваломъ демонстраціонный небольшой отрядъ; солдаты держатъ ружья на руку, офицеры впереди, сабли на голо, чтобы лезгины думали, что вотъ тотчасъ пойдутъ въ штыки; а между тѣмъ всему отряду

съ мѣста, гдѣ назначено быть нашей батареѣ, спрыгнуть съ отвѣсной скалы прямо въ Гимры, занять ее, учредить правленіе и потомъ идти въ тылъ завала. Въ это время демонстраціонному отряду, державшему ружья наготовѣ идти въ штыки, поставить ихъ къ ногѣ и, по командѣ, высовывать языки лезгинамъ. Волей-неволей они должны будутъ положить палецъ изумленія въ ротъ и сдаться. Во время такой болтовни у палатки показывается ординарецъ: „ваше высокоблагородіе, извольте идти къ корпусному командиру.“

Накинувъ шашку, я вышелъ изъ палатки, а шалунъ Бестужевъ мнѣ вслѣдъ: „Эдуардъ Владиміровичъ, предложите мои проекты!“

Войдя въ ставку корпуснаго командира, я увидѣлъ его сидящимъ у столика; предъ нимъ сидѣлъ начальникъ артилеріи, Жуковскій; начальникъ штаба стоялъ. Я поклонился.

— Вы ѣздили съ Владиміромъ Дмитріевичемъ къ генералу Вельяминову?

— Ѣздилъ, ваше высокопревосходительство.

— Какова дорога, то есть спускъ?

— Спускъ сдѣланъ и, кажется, дорога готова.

— Да, это я слышалъ; но артилерію спустить можно?

— Прикажутъ, такъ буду спускать, ваше высокопревосходительство.

— Это я знаю; да я спрашиваю васъ, можно ли артилерію спустить?

— Ваше высокопревосходительство, я другого отвѣта дать не могу.

Баронъ Розенъ, недовольный, посмотрѣлъ на меня; я глядѣлъ ему прямо въ лицо. Въ это время начальникъ артилеріи сказалъ:

— Отчего не спустить? на это есть канаты, люди поддержатъ; надо только больше людей!

— Вы слышали, Степанъ Степановичъ, что на крутой

дорогѣ наваленъ шиферъ, по которому и просто идти людямъ трудно; когда же они будутъ удерживать скользящую тяжесть, не имѣя другого упора, какъ свои ноги на сыпучемъ шиферѣ, то съ орудіемъ полетятъ внизъ, а удержать его будутъ не въ силахъ безъ упора. Все это уже мы высказали; я только желалъ узнать мнѣніе подполковника, такъ какъ онъ видѣлъ дорогу и самъ артилеристъ.

Я поклонился.

— Подполковникъ Бриммеръ соглашался со мною, что артилерію спустить почти невозможно, замѣтилъ генералъ Вольховскій.

Корпусный командиръ вопросительно взглянулъ на меня.

— Дѣйствительно, спускъ съ горы труденъ, отвѣтилъ я.

Тутъ начальникъ артилеріи началъ говорить: „Есть разныя средства для спуска артилеріи; можно....“

Я не могу, не хватаетъ духу передавать предложенія моего начальника-артилериста—до того они были непрактичны, чтобы не употребить болѣе рѣзкаго выраженія; я опустилъ глаза, чтобы не видѣть говорящаго, но не могъ не слышать. Вдругъ громкій голосъ корпуснаго командира прервалъ эту безсмыслицу: „Перестаньте, ваше превосходительство; все, что вы говорите, не идетъ къ дѣлу!“ и, посмотрѣвъ на меня, наклонилъ голову. Я поклонился и вышелъ. Офицеры, видя мою серьозную мину, не спрашивали, а ждали, не разскажу ли я самъ чего. Я сбросилъ шашку и сталъ набивать трубку. Бестужевъ не утерпѣлъ: „А что, Эдуардъ Владиміровичъ, приняли мои проекты?“ Офицеры захохотали. „Очень понравились, отвѣчалъ я шалуну, но корпусный командиръ желаетъ, чтобы вы показали на дѣлѣ, какъ, сидя, спускаться съ горы и какъ прыгать со скалы; я же вамъ совѣтую, садясь на шиферъ, снять штаны, чтобы поберечь ихъ.“

Когда я раздѣвался, ложась спать, писарь, списывавшій ежедневно приказы въ корпусномъ штабѣ, принесъ мнѣ при-

казъ, въ коемъ я вычиталъ, что завтра отрядъ выступаетъ и съ нимъ идутъ только два горныхъ орудія, прикомандированныя къ моей батареѣ, коими завѣдывалъ п. Вороновъ. Долго не могъ я заснуть, перебирая въ головѣ все случившееся въ этотъ день съ ранняго утра до поздняго вечера, и результатомъ всѣхъ размышленій было то, что я навлекъ на себя неудовольствіе всѣхъ своихъ высшихъ начальниковъ. Кажется, было бы чѣмъ огорчиться, но я былъ спокоенъ, ибо дѣйствовалъ, какъ честный офицеръ. Генералу Вельяминову я высказалъ правду, что артилерію спустить почти невозможно безъ несчастныхъ случаевъ (онъ тогда не видѣлъ разработанной дороги съ наваленнымъ на нее шиферомъ), что для дѣйствія ея нѣтъ мѣста и что на обратномъ движеніи она, съ затрудненіемъ вытаскиваемая по такому крутому пятиверстному подъему, замедлитъ ходъ отряда; мнѣніе же генерала Вольховскаго о невозможности спустить артилерію не подтвердилъ предъ корпуснымъ командиромъ потому, что моей ротѣ предстояло идти. Кромѣ того я не хотѣлъ говорить противъ уважаемаго мною Алексѣя Александровича и показаться ищущимъ въ начальникѣ штаба.

Въ 7 часовъ утра было назначено выступленіе отряда. Вставъ, по обыкновенію, въ 6-мъ часу, я мылся, когда камердинеръ Григорія Владиміровича, не отворяя палатки, спросилъ:

— Можно войти?

— Войди.

— Баронъ проситъ, чтобы вы сейчасъ пришли къ нимъ.

Недомывшись, я утерся, надѣлъ галстукъ, сюртукъ, шашку, и черезъ минуту вхожу въ ставку корпуснаго командира.

— Здравствуйте, Бриммеръ. Вчера я видѣлъ, что вы не хотѣли высказать своего мнѣнія; я понялъ причину (онъ улыбнулся): надобно было говорить противъ себя, ибо ваша батарея назначалась къ походу. Но я желаю знать ваше мнѣніе —надобно ли брать артилерію? Безъ артилеріи....

— Ваше высокопревосходительство ужъ рѣшили вопросъ, приказавъ идти только двумъ горнымъ орудіямъ.

Онъ съ видимымъ неудовольствіемъ повернулъ голову.

— Ecoutez colonel, je vous sais pour un honnête et brave officier; vous avez vû la route, ce n'est pas la première expédition que vous faites dans les montagnes, donc je vous demande: y a-t-il chance de succès sans artillerie? Nous sommes seul, parlez-moi franchement.

— Excellence! Vous me faites trop d'honneur, en me demandant mon opinion. Mais vous ordonnez et je vous le dirai franchement, comme vous me le demandez. Спускъ чрезвычайно труденъ, на всей дорогѣ наваленъ шиферъ; не думаю, чтобы обошлось безъ несчастныхъ случаевъ. Но, спустивъ артилерію, вамъ негдѣ будетъ ее употребить, развѣ, можетъ быть, передъ самымъ заваломъ одно или два орудія (поднявъ голову, я смотрѣлъ прямо въ глаза генералу). Развѣ для успѣха ужъ непремѣнно необходима артилерія? Еще штыкъ не ослабѣлъ въ рукахъ кавказскаго солдата.

Григорій Владиміровичъ перебилъ меня:

— Благодарю васъ, Бриммеръ, благодарю; vous êtes un brave officier.

— Позвольте еще два слова, ваше высокопревосходительство. Взявъ артилерію, вамъ труднѣе будетъ поднять ее обратно на гору, чѣмъ взять Гимры. Что же касается до успѣха безъ артилеріи, какъ вы изволили спросить меня, то я напередъ имѣю честь поздравить ваше высокопревосходительство со взятіемъ Гимръ.

Григорій Владиміровичъ улыбнулся, подалъ мнѣ руку и сказалъ—„благодарю васъ!“ съ такимъ веселымъ лицомъ, какъ будто Гимры ужъ были въ карманѣ.

Я вышелъ.

Увы! Когда я выходилъ изъ кибитки корпуснаго командира, г. Вольховскій выходилъ изъ своей палатки, чтобы ид-

ти къ нему. Онъ увидѣлъ откуда я иду и спросилъ: „вы отъ Григорія Владиміровича?“ я отвѣчалъ—„онъ ждетъ ваше превосходительство.“

Мое посѣщеніе корпуснаго командира въ такое раннее время показалось ему, ревнивому къ довѣренности барона, преступленіемъ противъ дисциплины, можетъ быть святотатствомъ, а главное—преступленіемъ de lèze Majesté противу его особы. Дойти до особы корпуснаго командира мимо него?... Не слыхано!

Тутъ можно сказать, что всякій человѣкъ судитъ другого по своимъ понятіямъ, вытекающимъ изъ его собственнаго характера. Вольховскій былъ благородный, честный, образованный генералъ, но когда онъ принесъ къ подписи корпуснаго командира представленіе о наградахъ и Григорій Владиміровичъ противъ меня хотѣлъ написать—къ слѣдующему чину, т. е. въ полковники, начальникъ штаба взялъ на себя сказать, что я еще молодъ и что это будетъ обидно артилеристамъ, коихъ я обгоню. Молодъ! а я по службѣ былъ на два года старше его—я съ 1815, онъ съ 1817 года.

— Mais c'est un excellent officier, il faut l'avancer.

— Государю очень будетъ пріятно, если за военныя дѣла будутъ представлять къ Станиславу.

Въ 1832 году польскіе ордена Бѣлаго Орла и Станислава были присоединены къ императорскимъ россійскимъ орденамъ. Благородный Григорій Владиміровичъ имѣлъ несчастную въ начальникѣ слабость поддаваться настойчивымъ совѣтамъ ближнихъ, за что впослѣдствіи и пострадалъ. Я, имѣвшій уже орденъ св. Анны 2-й ст., получилъ Станислава 3-й степени.

Нижеслѣдующія строки вполнѣ пояснятъ, почему Розенъ желалъ имѣть подтвердительное мнѣніе кавказскаго офицера—можетъ ли быть успѣхъ съ горцами безъ артилеріи, особенно въ такой трущобѣ какъ Гимры? Ему было непріятно идти противъ мнѣнія Вельяминова, котораго очень уважалъ, а потому,

уступивъ представленіямъ начальника штаба, онъ все-таки, какъ бы въ угоду Алексѣю Александровичу, приказалъ взять два горныхъ орудія.

Вотъ, что я слышалъ впослѣдствіи. По утвержденіи Государемъ экспедиціи 1832 года, Розену слегка было написано, что предшественникъ его, г. Панкратьевъ, находитъ экспедицію въ Гимры невозможною, потому что нельзя взять съ собою артилеріи. Когда же, послѣ ичкеринскаго похода, курьеръ привезъ извѣстіе, что отрядъ идетъ въ Гимры, разворить это разбойничье гнѣздо, Государь пожелалъ слышать еще разъ мнѣніе г. Панкратьева, который будто бы сказалъ, что Розенъ пропадетъ, если пойдетъ въ Гимры, въ чемъ онъ впрочемъ сомнѣвается. Весьма вѣроятно, что барона Розена кто нибудь изъ Петербурга увѣдомилъ объ этомъ письмомъ, и онъ, въ сомнительномъ настроеніи духа, пожелалъ знать мнѣніе кавказскаго офицера, видѣвшаго дорогу. Но не прошло и мѣсяца, какъ курьеръ привозитъ извѣстіе, что Гимры взяты и Казимулла, пророкъ и предводитель, убитъ. Государь, въѣзжая верхомъ на разводъ въ манежѣ, поздравилъ строй съ побѣдою и взятіемъ Гимръ; подъѣхавъ же къ своему мѣсту и увидѣвъ между генералъ-адъютантами Панкратьева, громко сказалъ ему: „Не сомнѣвайтесь болѣе—Гимры взяты, разворены, и съ малою потерею.“

Соединенные отряды подошли къ завалу. Два горныхъ орудія, съ большими трудами спущенныя съ горы, начали стрѣльбу; потомъ бросили на завалъ пѣхоту—пошла штыковая работа, крѣпкая, жестокая по отпору, но кончившаяся скоро. Горцы бѣжали, оставивъ убитыхъ, и между ними Казимуллу, пораженнаго гранатою; ихъ преслѣдовали по ровному мѣсту до Гимръ. Селеніе разворили и войска возвратились въ лагерь. Только-что пришло извѣстіе въ лагерь, что Гимры взяты, много офицеровъ поѣхали туда.

Въ день возвращенія войскъ я былъ дежурнымъ по от-

ряду. Когда корпусный командиръ сходилъ съ коня передъ своею кибиткою, я отрапортовалъ о благосостояніи остававшихся войскъ и поздравилъ его съ побѣдою.

— Здравствуйте, Бриммеръ; ужъ вы меня поздравляли— сказалъ онъ, улыбнувшись—а зачѣмъ вы не пріѣхали въ Гимры? Знаю, знаю—оттого, что сами не участвовали.

Онъ посмотрѣлъ на меня и покачалъ головою. Я поклонился, потомъ пошелъ къ Вельяминову, который возвратился немного позже. Онъ принялъ рапортъ и не сказалъ ни слова.

Вечеромъ, послѣ зари, я пошелъ опять съ рапортомъ къ г. Вельяминову. Онъ былъ одинъ и, по своему обыкновенію, сидѣлъ на барабанѣ предъ разложеннымъ костромъ. Послѣ рапорта я спросилъ его:

— Ваше превосходительство, позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ?

— Говори, дражайшій.

— Гимры взяты, дѣло кончено. Надобно ли было брать легкую артилерію или хорошо, что ее не взяли?

Онъ посмотрѣлъ на меня своими свѣтлыми, какъ бы стеклянными глазами. Мнѣ показалось, что неудовольствіе было написано на лицѣ его.

— Ваше превосходительство, не сердитесь на меня за этотъ вопросъ. Мнѣніе ваше всѣ мы привыкли уважать, какъ непреложную правду; я не спрашиваю изъ любопытства—вѣдь моя же батарея была вами назначена идти.... и голосъ мой при послѣднихъ словахъ дрогнулъ.

Алексѣй Александровичъ посмотрѣлъ на меня. Лицо его приняло опять обычное спокойное выраженіе и мнѣ показалось, что едва замѣтная привѣтливая улыбка мелькнула на губахъ.

— Видишь ли, дражайшій: хорошо бы было имѣть два легкихъ орудія передъ заваломъ; можетъ быть, скорѣе покончили бы; но какъ безъ нихъ дѣло обошлось—то и такъ хорошо.

— Ну, отлегло отъ души, ваше превосходительство, сказалъ я, переводя духъ.

Привѣтливая улыбка яснѣе мелькнула на губахъ. Прійдя въ палатку, я и этотъ разговоръ набросилъ на бумагу. При холодномъ, ледяномъ характерѣ, генералъ Вельяминовъ былъ все-таки добрый человѣкъ.

Надо же сказать два слова и о фейерверкѣ, который сжегъ я въ этомъ лагерѣ и который усугубилъ неудовольствіе на меня нашего начальника артилеріи. Трудно жить на свѣтѣ! Сдѣлаешь пріятное одному—разсердишь другого. Лабораторія моя на этой продолжительной стоянкѣ была въ полномъ ходу. Какъ я уже упомянулъ выше, ежедневно предъ зарею спускалось нѣсколько штукъ. Ракеты со звѣздками, лусткугели и жаворонки рѣшительно полюбились солдатамъ, и корпусный командиръ часто благодарилъ меня за веселый шумъ и хохотъ въ лагерѣ. Разъ приходитъ ко мнѣ баронъ Врангель, адъютантъ корпуснаго командира, и говоритъ, что они хотятъ устроить праздникъ въ день рожденія Григорія Владиміровича и просятъ—нельзя ли сдѣлать фейерверкъ.

— Ну, два дня сроку—времени не много; впрочемъ, что можно, то сдѣлаемъ; прошу только не быть взыскательнымъ.

И закипѣла работа.

На другой день передъ обѣдомъ прохаживавшійся передъ своею кибиткою генералъ Вельяминовъ, увидѣвъ меня, зоветъ къ себѣ.

— Послушай, дражайшій, я слышалъ, ты затѣваешь фейерверкъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство! Господа просили; говорятъ, Григорія Владиміровича рожденіе хотятъ отпраздновать.

— Дѣло, братъ. А гдѣ же спускать будутъ? Я мѣста здѣсь не вижу.

— У рѣки, передъ батареею; орудія и ящики сдвину на-

право и налѣво, чтобы было больше простора. А ракеты будутъ спускать за рѣкой, и небольшой павильонъ тамъ. же.

— Бураки будутъ?

— Будутъ, ваше превосходительство.

— А какъ сильны?

— Посредственные—въ 250 швермановъ и столько же звѣздокъ.

— Ну, дражайшій, сдѣлай-ка въ 1000 швермановъ и въ 1000 звѣздокъ. Только, видишь ли, чтобы быть увѣрену, что дѣйствительно столько будетъ, ты самъ сосчитай.

— Будьте увѣрены, что ровно по 1000 будетъ; спущу за рѣкой послѣ павильона.

Только-что я сѣлъ обѣдать съ господами, какъ отъ начальника артилеріи приходитъ ординарецъ.

— Ваше высокоблагородіе, извольте къ начальнику артилеріи идти.

Озабоченный видъ угрюмаго, некрасиваго человѣка съ толстыми, мясистыми и необыкновенно большими ушами не обѣщалъ пріятнаго разговора.

— Вы на рожденье корпуснаго командира хотите фейерверкъ спустить?

— Господа офицеры просили меня.

— А гдѣ будете спускать?

Я разсказалъ, что говорилъ Алексѣю Александровичу.

— Этого нельзя, можетъ взорвать ящикъ. Нельзя!

— Какъ же можетъ взорвать? Они закрыты, и притомъ я приму всѣ предосторожности.

— На батареѣ нельзя спускать фейерверка.

— Ракеты и бураки будутъ на той сторонѣ рѣки.

— Нѣтъ, нельзя!

— Въ такомъ случаѣ я скажу корпусному командиру и генералу Вельяминову, что ваше превосходительство находите это непозволительнымъ.

— Я вамъ позволенія не даю, а если что случится, вы будете отвѣчать и съ васъ строго взыщется.

Въ этомъ я былъ увѣренъ.... Я вышелъ.

Если на этомъ долженъ былъ кончиться разговоръ, то, кажется, лучше было бы вовсе и не разговаривать со мною.

За рѣкою очистили кустарникъ, вырубили пять-шесть деревьевъ и сдѣлали порядочную площадку. Спуски для павильонныхъ и одиночныхъ ракетъ устроили немного наклонно отъ батареи, такъ что всѣ хвосты падали въ лѣсъ. У подвижного провіантскаго магазина мои господа выпросили рогожные кули; ихъ расшили передъ спускомъ фейерверка, намочили и покрыли ими зарядные и передковые ящики; всѣ баклаги были съ водою, люди—насторожѣ. На той сторонѣ—маленькій павильонъ изъ 150-ти ракетъ и одиночныя для антрактовъ, кругъ изъ 7-ми малыхъ бураковъ, каждый въ 75 швермановъ и столько же звѣздокъ, а въ срединѣ круга—большой въ 1000 швермановъ и 1000 звѣздъ. Это былъ финалъ. На этой сторонѣ—лусткугели, жаворонки, помфейеры со звѣздками, а между орудіями—вертящееся колесо, сажень въ діаметрѣ, и около него двѣ вертящіяся пирамиды.

Григорій Владиміровичъ, Алексѣй Александровичъ и всѣ зрители стояли передъ кибиткою корпуснаго командира. Генералъ Вельяминовъ спросилъ меня: „ты самъ считалъ шверманa?“, а начальникъ штаба—„а что, ничего не можетъ случиться? Степанъ Степановичъ [11]) такъ озабоченъ, что жаль смотрѣть на него.“

Маленькій фейерверкъ удался совершенно, потому что гг. офицеры моей батареи, славная молодежь (Никаловъ, Вороновъ и Бестужевъ), разобрали его для присмотра по частямъ. Григорій Владиміровичъ благодарилъ меня, Алексѣй Александровичъ, уходя, сказалъ: „а буракъ-то хорошъ былъ!“

Экспедиція кончилась, отрядъ распускался.

---

[11]) Г. Жуковскій.

Такъ какъ упавшій лѣтомъ завалъ на военно-грузинской дорогѣ еще не былъ совершенно очищенъ, то меня съ батареею и двумя баталіонами отправили черезъ Дагестанъ, Ширванъ, Елизаветполь на свои квартиры, въ Гомборы. Походъ былъ довольно трудный: переправа черезъ Самуръ, крайній недостатокъ сѣна по всему Дагестану, въ особенности въ бакинской провинціи, гдѣ его совсѣмъ не было возможности купить; потомъ приходилось колоть ледъ по дорогѣ отъ наступившихъ морозовъ, а частая ненастная погода заставляла непрестанно имѣть въ виду сбереженіе людей, поведеніемъ коихъ за всю кампанію я не могъ нахвалиться. Но всякій день щи съ бараниной, гдѣ можно было достать—тамъ съ говядиной, а при ненастьи всегда чарка водки, сохранили моихъ молодцовъ. Одинъ крѣпко заболѣвшій, котораго я хотѣлъ оставить въ Шемахѣ, Христомъ-Богомъ просилъ не бросать его въ госпиталѣ, гдѣ, онъ думалъ, что непремѣнно умретъ; поддался на просьбу, и лекарь позволилъ—взялъ съ собой; посадили въ крытую повозку, поили чаемъ—поправился.

Въ Шемахѣ К. Из. Вл—ло, командовавшій парочною батарейною ротою, принялъ насъ понріятельски.

Дорога отъ ст. Коды въ Тифлисъ идетъ между р. Курою и горами, но съ версту отъ города есть площадка. Поставивъ кое-какъ артилерію съ обозомъ, поѣхалъ къ начальнику артилеріи, отъ него—прямо въ бани.

Какое наслажденіе, послѣ 7-ми-мѣсячной экспедиціи, лежать и протягиваться въ теплой мраморной ваннѣ! Когда ловкій грузинъ начинаетъ ломать размягченное тѣло—всѣ суставы хрустятъ; потомъ шерстяной тряпицею третъ тебѣ все тѣло—и вся нечистота осколками выходитъ наружу; окатитъ разъ-другой водою, и мыльною пѣною оканчиваетъ свою работу. Опять въ ванну! Всѣ движенія легче, и мысли веселѣе, и выходишь изъ бани, какъ оживленный. Но пора, надо торопиться—молодежь ждетъ, и она хочетъ наслаждаться.

Тутъ, въ Тифлисѣ, мы узнали о какомъ-то заговорѣ между грузинъ. Грузины заговорщики! Непонятно! Многихъ взяли, и между прочими г.-м. князя А. Чавчавадзе. Ну, если князья глупятъ, то добрый грузинскій народъ, право, не виноватъ.

На другой день, т. е. 15-го декабря, мы были у себя дома, въ ур. Гомборы. Оставшійся дивизіонъ накосилъ сѣна и трудился по прочему хозяйству, но поправить ветхія мазанки, служившія казармами, былъ не силахъ. Итакъ, съ труднаго похода да за тяжелую работу! Къ счастью, погода стояла хорошая. Тутъ я положилъ себѣ непремѣнно выстроить казармы, изъ сруба, чтобы послѣ похода солдатъ могъ успокоиться.

XIII.

1833 ГОДЪ. Непріятности по службѣ. Штабъ-квартиры. Раздумье командира. Собственный взглядъ на службу, по характеру командировъ. Постройки. Жизнь въ Гомборахъ. Хозяйство. Собаки, козочки, журавль. Пчельникъ. Первое представленіе новому начальнику артилеріи. 1834 ГОДЪ. Переформированіе артилеріи. Я—командиръ батарейной № 2 батареи. Сдача легкой батареи. Предсказаніе, исполнившееся прежде срока. Трудно командовать батареею. И до сихъ поръ не разгадано. Баронъ съ семействомъ въ гостяхъ на Бѣломъ-Ключѣ. Еще фейерверкъ. Поплатился. Разговоръ съ начальникомъ артилеріи.

1833 годъ памятенъ мнѣ безпрестанными непріятностями по службѣ. Неудовольствіе начальника артилеріи, что генералъ Розенъ, при изложеніи имъ проекта о спускѣ артилеріи съ каранайскаго хребта, прервалъ его словами: „перестаньте, ваше превосходительство...“ пало на меня. Потомъ фейерверкъ на батареѣ, потомъ привѣтливость ко мнѣ корпуснаго командира и генерала Вельяминова, наконецъ мнѣніе мое о діоптрѣ г.-м. Шушерина, который Его Высочествомъ былъ присланъ ко мнѣ для испытанія во время экспедиціи и кото-

раго всѣ невыгоды я изложилъ, предложивъ исправить кабановскій діоптръ инымъ способомъ [12]). Можетъ быть, генералу Жуковскому не понравилось то, что подполковникъ смѣетъ разбирать и опровергать выдуманное генераломъ..... Однимъ словомъ вотъ всѣ причины къ неудовольствію на меня—другихъ за собою не знаю. Но такъ какъ въ нашей службѣ, особенно въ то время, начальникъ всегда придраться можетъ даже къ самому усердному офицеру, то и ко мнѣ придрались. Бригадный командиръ, видя, что онъ можетъ угодить начальнику, вмѣсто того, чтобы отстаивать подчиненнаго, старался мнѣ вредить. Однимъ словомъ, чтобы не марать воспоминаній моихъ длиннымъ изложеніемъ этихъ дрязгъ, скажу коротко, что начальникъ артилеріи нашелъ три преступленія, за которыя меня должно было отдать подъ военный судъ, о чемъ и представилъ Генералъ-Фельдцейхмейстеру, приложивъ и рапортъ мой къ бригадному командиру, въ коемъ я, излагая одно изъ взведенныхъ на меня дѣлъ, прибавилъ: „примѣнять же къ честному и достойному во всѣхъ отношеніяхъ артилерійскому офицеру постыдный артикулъ воинскаго устава—непозволительно.“ Вотъ по какому случаю былъ написанъ этотъ рапортъ. Штабсъ-капитанъ П—ъ на ученьи своего взвода выговаривалъ за что-то солдату; тотъ оправдывался; П—въ ударилъ его въ плечо, сказавъ: „какъ ты смѣешь говорить во фронтѣ?“ Солдатъ въ отвѣтъ нагрубилъ ему. Узнавъ объ этомъ, я собралъ роту, сдѣлалъ офицеру строгій выговоръ, а Андреева тутъ же, передъ ротою, наказалъ 150-ю ударами розогъ. Такъ и кончилось это дѣло. Но на инспекторскомъ смотру бригадный командиръ, опрашивая претензіи, остановился передъ Андреевымъ и спрашиваетъ его: „ты жалобы никакой не имѣешь? если есть жалоба, говори!“ Тотъ молчитъ и думаетъ. Полковникъ стоитъ предъ нимъ и ждетъ. Наконецъ солдатъ

---

[12]) Впослѣдствіи принятый у насъ въ артилеріи и названный Бестужевскимъ. Все это изложено выше.

говоритъ, что его во фронтѣ офицеръ ударилъ. Послѣдовалъ рапортъ къ начальнику артилеріи. Приказано сдѣлать строжайшее слѣдствіе. Пошли таскать солдатъ командами и порознь къ бригадному командиру. Измучились солдаты, наскучило имъ это тасканье, взялись они за Андреева—кто пинка ему, кто зуботычину, кто въ рожу плюнетъ. Плачетъ, горемыка, самъ не радъ, что кашу заварилъ. По окончаніи слѣдствія мнѣ былъ выговоръ за безпорядки въ батареѣ и въ предписаніи этомъ сказано, что: „если впередъ ш.-к. П—въ дозволитъ себѣ ударить солдата, то будетъ отданъ подъ судъ, съ примѣненіемъ къ нему артикула воинскаго устава.“ Я рапортомъ протестовалъ.

Былъ октябрь мѣсяцъ. Я сказался больнымъ и, въ ожиданіи, чѣмъ все это кончится, подалъ въ отставку. Григорій Владиміровичъ приказалъ начальнику штаба узнать, зачѣмъ я выхожу въ отставку. Узнавъ отъ штабсъ-капитана П—ва, котораго онъ хорошо зналъ, въ чемъ дѣло, и что незаслуженныя непріятности, которымъ я подвергаюсь, нестерпимы, начальникъ штаба доложилъ о томъ корпусному командиру, который приказалъ отставку пріостановить до моего выздоровленія.

Между тѣмъ Его Высочество, получивъ рапортъ начальника артилеріи, препроводилъ его со всѣми приложеніями къ корпусному командиру, прибавивъ въ отзывѣ: „какъ этотъ штабъ-офицеръ лично Мнѣ извѣстенъ, то прошу васъ удостовѣриться въ справедливости донесенія и если онъ дѣйствительно виноватъ, то строго взыскать съ него.“ Въ половинѣ ноября я получаю изъ Тифлиса съ нарочнымъ письмо, въ которомъ говорилось, что вслѣдъ за симъ получится предписаніе о выступленіи обѣихъ ротъ въ Тифлисъ для смотра корпуснаго командира. На другой день, точно, предписаніе было получено и въ немъ сказано: „выступить, съ полученіемъ сего.“ Обѣ роты немедленно пришли въ Тифлисъ. Я остался въ Гомборахъ, какъ больной;

а штабсъ-капитанъ П—въ представилъ роту. Корпусный командиръ былъ доволенъ исправностью и нашелъ, что лошади легкой роты (моей) въ лучшихъ тѣлахъ, чѣмъ батарейной (бригаднаго командира); вызывалъ людей, спрашивалъ не обижаютъ ли ихъ, все ли получаютъ, не отягощаютъ ли работами?—„Всѣмъ довольны“—былъ одинъ громкій крикъ. Потомъ онъ благодарилъ солдатъ за ихъ хорошую службу въ экспедиціи прошлаго года, остался весьма доволенъ исправностью роты и здоровымъ, веселымъ видомъ солдатъ; въ заключеніе же спросилъ штабсъ-капитана П—ва о моемъ здоровьи и прибавилъ: „скажите подполковнику Бриммеру, чтобы проворнѣе выздоравливалъ.“ Послѣ смотра корпусный командиръ донесъ Его Высочеству, что, вытребовавъ неожиданно обѣ роты въ зимнее время въ Тифлисъ, онъ нашелъ ихъ въ исправности; что, по изслѣдованіи имъ обвиненій на подполковника Бриммера, находитъ его во всемъ совершенно невиноватымъ, развѣ-что въ наказаніи солдата могъ быть менѣе строгъ, но наказаніе это солдатъ заслужилъ. Потомъ, упомянувъ о всей предыдущей службѣ моей, доносилъ, что если генералъ Жуковскій останется на этомъ мѣстѣ, то несправедливостями и грубымъ обращеніемъ своимъ скоро разгонитъ всѣхъ хорошихъ офицеровъ, а потому просилъ о смѣнѣ его и о назначеніи другого начальника артилеріи.

Чрезъ мѣсяцъ былъ назначенъ начальникомъ артилеріи генералъ-маіоръ Козляниновъ.

Отправивъ такую бумагу къ его Высочеству, баронъ Розенъ въ короткомъ письмѣ приказалъ возвратить мнѣ отставку, а начальникъ штаба, возвращая мою просьбу на высочайшее имя объ отставкѣ, просилъ пріѣхать въ Тифлисъ. У корпуснаго командира, которому я представлялся, онъ мнѣ сказалъ: „очень пріятно, что вы выздоровѣли и что мы будемъ продолжать служить вмѣстѣ.“ Тутъ въ пору сказать пословицу: Господь не выдастъ—свинья не съѣстъ.

Весь 1833 годъ прошелъ въ улучшеніи штабъ-квартиры новыми постройками казармъ, парка, офицерскаго дома, въ занятіяхъ хозяйственныхъ и служебныхъ; а непріятности по службѣ служили какъ бы развлеченіемъ, о коемъ заботилось уже артилерійское начальство. Не знаю какъ теперь, но въ мое время въ штабъ-квартирахъ полковъ и батарей командиры должны были жить собственнымъ обширнымъ хозяйствомъ, ибо, чтобы имѣть что нибудь, надобно было самому завести, а то добыть и за деньги было негдѣ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, устраивая штабъ-квартиры для войскъ, берегъ государственную копѣйку и употреблялъ кавказскихъ солдатъ, какъ римляне—и дерись, и трудись, и трудись, и дерись. Люди были довольны и обожали его; здоровье солдатъ крѣпло, въ госпиталяхъ было мало; что строй терпѣлъ—не спорю, но ужъ, конечно, не военный духъ, ибо кто сроднился съ кавказскимъ солдатомъ, тотъ зналъ, что для такого закала людей надобна была добрая школа.

Хотите знать, какъ устраивались штабъ-квартиры? Возьмемъ въ примѣръ хоть Гомборы, гдѣ расположены были батарейная и легкая роты кавказской гренадерской артилерійской бригады. Когда, кажется въ 1821 году, Государь, по представленію генерала Ермолова, переименовалъ грузинскій въ кавказскій отдѣльный корпусъ, тогда при пѣхотной гренадерской бригадѣ сформировали и артилерію. Ее надобно было расположить около Тифлиса. Поискали..... и нашли котловину въ горахъ; есть вода, лѣсъ и трава, 50 верстъ отъ Тифлиса—значитъ годно, и порѣшили поставить на этомъ урочищѣ двѣ артилерійскія роты. Роты пришли. Оглядываются—ни кола, ни двора, ни одной живой души. Голыя горы, испещренныя цвѣтами среди сочной травы; лѣсистыя горы съ вѣковыми лѣсами, въ коихъ если и былъ слышенъ стукъ топора, то, конечно, ужъ въ давніе годы. Горная рѣчка, вытекая изъ ущелья, въ ненастное время бурно шумитъ и обрываетъ бе-

рега свои; въ тихую погоду привѣтливо, весело журчитъ по камешкамъ и оживляетъ всю мѣстность. Дикія козы, чекалки, журавли живутъ здѣсь какъ у себя дома; почасту слышенъ и вой волковъ. Оглянувшись, не долго думали: послали въ городъ за желѣзомъ, топорами, лопатами, косами и прочимъ. Нарубили кольевъ, бревенъ, вѣтвей, поставили плетни; накосили камышу и высокой старой травы; кто мажетъ стѣны, кто кроетъ крышу, кто занятъ другимъ чѣмъ. Работа кипитъ, всѣ за дѣломъ. Это въ виду, на глазахъ у васъ; но пойдемъ въ лѣсъ. Тутъ валятъ огромныя деревья и пилятъ доски; тутъ жгутъ известь; вотъ угольныя ямы, здѣсь кирпичный сарай. Носилками таскаютъ вязкую глину; босые молодцы мнутъ ее въ хитрыхъ самодѣльныхъ станкахъ; сидя важно на скамейкахъ верхомъ, мастера даютъ ей форму кирпича и, смотря на свое произведеніе, самодовольно улыбаются. А вотъ и кирпичная печь, куда здоровый, но простой парень бросаетъ длинные обрубки, чтобы кирпичи хорошо обжигались. Но вернемся. Бараки готовы, все подъ крышей. Теперь пойдетъ внутренняя работа: полы, потолки, койки, разныя полки для амуниціи. Мастеръ-печникъ, ухмыляясь, ставитъ въ кухнѣ русскія печи и совѣтуетъ въ казармахъ поставить голландскія, ибо лучше держатъ тепло и, прибавляетъ онъ, какъ знатокъ своего дѣла, онѣ и покрасивѣе. Эти начальныя работы, въ которыхъ видимая необходимость, чтобы все было какъ можно скорѣе подъ крышей, не позволяютъ задумываться русскому человѣку, а тѣмъ болѣе привычному къ трудамъ кавказскому солдату. Но когда командиръ пріютилъ солдатъ въ мазанкахъ, артилерію поставилъ въ сарай, лошадей въ конюшни, когда въ мастерскихъ работаютъ подъ крышей, наконецъ когда онъ самъ роскошно возлегаетъ на сѣнномъ тюфякѣ въ русской избенкѣ о двухъ горенкахъ—въ одной онъ, въ другой кухня и люди, а раздѣляютъ ихъ неширокія сѣни—тогда, въ часы отдохновенія, мысли его принимаютъ экономическій обо-

ротъ. Онъ начинаетъ расчитывать, во что всѣ эти постройки ему обошлись? „Вѣдь вотъ, поставилъ цѣлую штабъ-квартиру, а казна ничего не отпустила—все изъ своихъ (экономическія онъ считалъ своими); этакъ, пожалуй, и безъ гроша останешься...“ Это мысли справедливыя—не будемъ обвинять ихъ; но тутъ ходъ мыслей раздѣляется по свойствамъ характера и усердію къ служебнымъ обязанностямъ мыслителя. Офицеръ усердный къ службѣ и старающійся исполнять свои обязанности не ради страха отвѣтственности, а по долгу чести, этотъ командиръ послѣ словъ—„пожалуй, будешь безъ гроша,“ тотчасъ прибавитъ: „Ну, чтожъ?—деньги дѣло наживное! А дѣло въ томъ, чтобы устроиться порядочно; мазанки на первое время... вишь, сквозь сѣнную крышу такъ и течетъ въ казармѣ; не жить же людямъ въ грязи, и амуниція попортится, и пр., пр.“ И вслѣдъ за этимъ ходомъ мыслей—зимой рубятъ лѣсъ, приготовляютъ всѣ матеріялы и возводится прочная штабъ-квартира. Офицеръ, въ понятіяхъ котораго служба стоитъ на второмъ планѣ, а передъ нею и выше ея—собственное благосостояніе, тотъ, испугавшись, что онъ будетъ безъ гроша, если дастъ просторъ своему усердію къ службѣ, построивъ первое помѣщеніе, махнетъ рукой и скажетъ: „пускай-ка другой раскошеливается; съ меня довольно!“

Моими предмѣстниками были: первый приведшій роту на Гомборы, подполковникъ Ф—ъ. Человѣкъ, должно быть, былъ когда-то порядочный; я засталъ его еще въ 1822 году, но, вѣроятно, со скуки спился и померъ въ Тифлисѣ на дрожкахъ, когда, по приказанію начальника артилеріи, его везли въ госпиталь. Садясь на дрожки, еле живой, онъ сказалъ: „рому!“ Это было послѣднее его слово. Ему дали чайную ложечку для подкрѣпленія, но въ госпиталь привезли бездыханнаго. Принявшій послѣ него роту подполковникъ П—скій былъ человѣкъ порядочный, предъ начальствомъ молчалъ, или же одобрительно улыбался его пошлымъ остротамъ, и потому поль-

зовался его благорасположеніемъ. Принявъ роту, этотъ порядочный, притомъ холостой человѣкъ тотчасъ принялся строить себѣ порядочный домъ и зажилъ въ немъ со всѣми возможными удобствами. А казармы, гдѣ живутъ солдаты, а ротныя строенія? Ну, тѣ поправляли, чинили. Когда, во время турецкой кампаніи 1828 и 1829 годовъ, часть войскъ возвращалась на свои квартиры, можно вообразить, сколько было работы солдату... Третій, мой теперешній бригадный командиръ, полковникъ Ц—ъ, принявъ отъ него роту и поселившись въ командирскомъ домѣ, въ три года своего командованія не вбилъ ни одного кола въ землю; когда же въ разговорахъ я спрашивалъ его, отчего онъ не выстроитъ казармъ, потому что людямъ жить скверно, онъ отвѣчалъ мнѣ, своему подчиненному:

— Помилуйте, Эдуардъ Владиміровичъ, съ какой стати я изъ своихъ денегъ буду строить казармы.

— Стройте изъ экономическихъ—отъ фуража остается порядочная сумма, это деньги казенныя.

— Какъ же, казенныя, когда я (упирая на это я) сдѣлалъ экономію!

Какъ вамъ покажется такой цинизмъ, такая отвратительная откровенность, хотя и въ частномъ разговорѣ, начальника передъ подчиненнымъ? Считать всю такъ называемую благоразумную экономію своею собственностью, а не употреблять оную, какъ слѣдуетъ, въ пользу ввѣренной его управленію части!

Пришлось мнѣ строить и устраиваться. И закипѣла работа, когда солдаты увидѣли, что о нихъ заботятся. Часто, разговаривая съ ними о томъ и другомъ, я выслушивалъ совѣты мастеровъ своего дѣла; и какъ цѣнитъ нашъ русскій солдатъ каждое привѣтливое слово начальника! Крѣпкія бревенчатыя казармы, покрытыя тесомъ, чистыя, свѣтлыя, радовали солдата. Просторный сарай, чистый и опрятный, сохранялъ артилерію, обозъ и прочее.

Но постройки не были единственнымъ занятіемъ. Лабораторія тоже была въ ходу, и частые спуски съ разныхъ возвышенностей то тѣхъ, то другихъ штукъ веселили народонаселеніе Гомборъ. Обмундированіе людей и не утомительно производящіяся ученья занимали все время дня. Въ 12 часовъ собирались къ обѣду. Въ 6 обыкновенно пили чай на галлереѣ, придѣланной къ дому въ видѣ длиннаго балкона. Послѣ чая господа офицеры составляли концертъ: были двѣ скрипки, віолончель и флейта; хорошо ли, дурно ли, но играли. Составлялось и пѣніе, да не удалось. А я игралъ то съ тѣмъ, то съ другимъ въ шахматы. Въ 9 часовъ ужинали, а въ 10 расходились. Прогулки наши были всегда по работамъ; ѣздили и верхомъ по горамъ. Иногда съ навѣщавшими насъ гостями ѣздили на перевалъ (высокій хребетъ горы, отдѣлявшій насъ отъ Кахетіи), съ котораго открывался очаровательный видъ: внизу Кахетія, какъ длинный виноградный садъ съ широкою рѣкою Алазань и со множествомъ деревень, надъ нею отроги Кавказа, а за ними высокій снѣговой хребетъ. Дня на два, на три ѣздили въ Тифлисъ, чтобы немного размяться.

Я упомянулъ выше о домашнемъ хозяйствѣ. Дѣйствительно, оно было полное. Кромѣ верховой и четверки упряжныхъ лошадей, двѣ дойныя коровы; куры, гуси, утки дружно расхаживали на просторномъ дворѣ. Двѣ дворовыя собаки стерегли дворъ, третья, избалованный Приблудъ, была въ комнатахъ. Всѣ три собаки родились въ моемъ дворѣ, въ 1829 и 1830 году. Бѣлка, прозванная солдатами „Лошадь,“ была собака большая, бѣлая, съ широкою грудью, дерзкая, неласковая съ чужими, немного самонадѣянная, ибо гналась за стадомъ дикихъ козъ во время похода въ кубинскомъ ханствѣ, но умная и добрая со своими. Привязана была ко мнѣ до фанатизма. Околѣла на 14-мъ году отъ роду въ Курляндіи, въ г. Якобштадтѣ. Другая собака, Полканъ, прозванный солдатами „Ду-

ракъ," братъ Приблуда, сѣрый въ яблокахъ, былъ добрымъ сторожемъ, и я дозволялъ солдатамъ брать его на покосъ, откуда онъ почасту прибѣгалъ во дворъ посмотрѣть—все ли благополучно, а потомъ опять отправлялся на сѣнокосный станъ. Третья, Приблудъ, высокая, стройная, также сѣрая въ яблокахъ, ласковая, любопытная, вездѣ шныряющая, все обнюхивающая, была во время похода въ 1832 году часто ласкаема Алексѣемъ Александровичемъ Вельяминовымъ, который любилъ собакъ. Однажды онъ, гладя эту собаку, которая, обѣгавъ лагерь, прибѣжала къ намъ, говоритъ мнѣ:

— Ты, дражайшій, долженъ все знать, что въ лагерѣ дѣлается: Приблудъ всякій день обѣгаетъ весь лагерь—все ли онъ тебѣ разсказываетъ, что видитъ и слышитъ?

— Разсказывать-то разсказываетъ, да понять его трудно, отвѣчалъ я.

Во время похода Приблудъ, большой пріятель моего Лоова (верховая), былъ всегда при мнѣ, Полканъ при моемъ обозѣ—отъ моего провіантскаго ящика его, бывало, не отгонишь, и не хорошо было чужому приближаться къ нему; Бѣлка же всегда въ походѣ шла у перваго орудія, съ правой стороны подручной лошади, а какъ придутъ на мѣсто и поставятъ лагерь, ложилась обыкновенно передъ серединою орудій, и ужъ никто не смѣй идти чрезъ паркъ. Разъ шамхалъ тарковскій съ большой свитой ѣхалъ къ генералу Розену. Проѣзжая по фронту лагеря къ ставкѣ корпуснаго командира, которая была за моей ротой, и не зная, что черезъ паркъ ни ѣздить, ни ходить не позволяется, онъ завернулъ, чтобы проѣхать между орудій. Вдругъ Бѣлка бросается спереди на его лошадь; та—на дыбы, Шамхалъ чуть усидѣлъ, вынулъ саблю, но, къ счастью, много было глазѣвшихъ на пестрый поѣздъ, люди подбѣжали, попросили шамхала объѣхать артилерію; Бѣлку же солдаты увели, и все кончилось благополучно. Она не любила горской одежды (по инстинкту), а такъ какъ наши линейскіе казаки

одѣты подобно горцамъ, то у ней часто бывали схватки съ ними. Случалось, что послѣ налета на казака она отходила порядочно оцарапанная и въ крови. Однажды на походѣ линейскій казакъ, ведя лошадь въ поводу, подходитъ съ боку къ первому орудію; Бѣлка бросается на него, тотъ, не долго думая, вынимаетъ кинжалъ и хвать ее по рѣпицѣ—хвостъ повисъ. Солдаты, увидя на Бѣлкѣ кровь, бросаются на казака, давай колотить его чѣмъ попало—кто кулакомъ, кто пальникомъ—повалили наземь, топтали ногами и еслибъ не офицеръ, то врядъ бы встать самому казаку, добрымъ порядкомъ избитому. Кромѣ ранъ, полученныхъ въ сраженіи Бѣлкою и казакомъ, оказался поломаннымъ пальникъ.

У меня было четыре деньщика: два въ комнатахъ, кучеръ и поваръ; кромѣ того жилъ во дворѣ раненый солдатъ, не желавшій быть переведеннымъ въ артилерійскій гарнизонъ. Такъ какъ онъ по хромотѣ былъ къ фронту не годенъ, а поведенія хорошаго и женатъ, то я и помѣстилъ его у себя, сдѣлавъ его смотрителемъ командирскаго дома и близлежащихъ построекъ, т. е. канцеляріи и офицерскаго дома. Этотъ бомбардиръ Кузмицкій смотрѣлъ и за надворнымъ хозяйствомъ, а жена его за коровами и птицами. Разъ солдаты принесли съ покоса маленькую дикую козочку. Я вскормилъ ее въ комнатахъ, а когда всѣ собаки къ ней привыкли и такъ полюбили ее, что хлебали молоко изъ одной съ нею чаши, пустилъ ее на дворъ. Приблудъ любилъ рѣзвиться съ нею, но Бѣлка, какъ бы охраняя ее, часто ворчала на Приблуда. Другой разъ, тоже съ покоса, принесли солдаты журавля. И этого выкормили въ комнатахъ, а когда собаки съ нимъ освоились, пустили на дворъ. Зашагалъ длинноносый по широкому двору, подружился со всей птицей и, покуда былъ молодъ да сытъ, съ любопытствомъ посматривалъ на маленькихъ гусенятъ, цыплятъ и уточекъ. Но въ 1833 году, почти двухгодовалый, несмотря на достаточный кормъ и дружественныя

отношенія къ своимъ пернатымъ товарищамъ, въ немъ пробудился плотоядный инстинктъ. Какъ-то мнѣ показалось будто цыплята всѣхъ родовъ немного убавляются. Я передалъ свое замѣчаніе Кузмицкому, тотъ отвѣчаетъ, что и ему такъ кажется, и что, вѣроятно, это чекалки ихъ таскаютъ; но на другой день онъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что не чекалки, а Петька, журавль, носомъ бьетъ цыплятъ, и что сегодня утромъ онъ нашелъ двухъ съ окровавленными головками. Я разсердился на разбойника и приказалъ свернуть ему шею. Надо сказать, что утромъ и подъ вечеръ гуси и утки, всѣ гурьбой, ходили на рѣчку, а потомъ, пощипывая траву, сами возвращались домой. Обыкновенно и журавль ходилъ съ ними. На другой день вечеромъ, послѣ отданнаго мною приказанія насчетъ Петьки-журавля, я съ офицерами сидѣлъ на галлереѣ; мы пили чай и перебрасывались веселыми рѣчами. Вдругъ одинъ изъ господъ закричалъ: „Посмотрите, Эдуардъ Владиміровичъ, Петька гусей гонитъ.“ И точно, съ рѣчки на горку возвращались гуси и утки домой, а журавль то сзади подгонитъ отставшихъ, то побѣжитъ вправо къ отдѣлившейся съ своимъ семействомъ уткѣ, растопыритъ крыло и подобьетъ ихъ въ кучку, то бросится влѣво и, несмотря на протянутую къ нему шею гуся, съ ожесточеніемъ ударяетъ его крыломъ и приводитъ все въ порядокъ; и чѣмъ ближе подходили къ двору, тѣмъ живѣе, настоятельнѣе была его заботливость. Люди, стоя у воротъ, хохотали доупаду. Я позвалъ Кузмицкаго.

— Отчего ты не исполнилъ моего приказанія?

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе; всѣмъ намъ жаль стало Петьку, вотъ мы и порѣшили, чтобы кучеръ его въ горы снесъ, да и бросилъ. Вчера, какъ вы приказали, онъ тутъ же утромъ и снесъ за покосныя горы, да въ лѣсу въ оврагѣ и бросилъ, а онъ, вишь, каналья, вернулся да еще гусей загоняетъ—молъ, заслужить хочетъ.

Ну и остался Петька во дворѣ, только на ночь запирали его одного въ особую келью.

Былъ у насъ пчельникъ—десятка два ульевъ—заведенный еще порядочнымъ командиромъ, что домъ выстроилъ себѣ; смотрѣлъ за нимъ сибирякъ, нестроевой солдатъ, поступившій въ 1812 году, на 38-мъ году отъ рожденія, въ рекруты. Въ 1833 году, на шестидесятомъ году отроду, онъ только и говорилъ, что лѣтъ черезъ пять выйдетъ въ чистую (отставку), пойдетъ куда-то на родину, въ Сибирь, женится и заживетъ домкомъ, припѣваючи. Маленькій, худой, плюгавый старичишка былъ большой балагуръ и разсказчикъ; говорили, что онъ солдатскихъ женъ, особенно молоденькихъ, часто медомъ потчуетъ. У него на пчельникѣ было ружье, чтобъ бить птицу, убивавшую и пожиравшую пчелъ; птица была ростомъ съ добраго скворца, налетала во множествѣ на пчельникъ, кружилась надъ нимъ и не пускала пчелъ вылетать, била и ѣла ихъ, что̀ схватить могла. Старику удавалось убивать ихъ. Одну, съ набитымъ животомъ, мы распотрошили и нашли въ ней 11 пчелъ. Какъ зовутъ птицу—не знаю.

Нашъ новый начальникъ артилеріи, проѣзжая изъ Петербурга чрезъ Ставрополь, спрашиваетъ у бригаднаго командира: „какой это у васъ тутъ подполковникъ Бриммеръ, изъза котораго смѣняютъ начальниковъ артилеріи?“ Что тотъ ему отвѣчалъ—мнѣ не передали, но вопросъ, на мой взглядъ, долженъ былъ служить мнѣ предостереженіемъ. И—увы—какъ я ни желалъ усердіемъ къ службѣ и исполненіемъ своихъ обязанностей не навлекать на себя нерасположеніе своего ближняго начальства, но это удавалось мнѣ только съ одними дѣльными начальниками. Такъ и теперь. Узнавъ о пріѣздѣ начальника артилеріи, я поѣхалъ въ Тифлисъ представиться ему, помня сказанное мнѣ генераломъ барономъ Розеномъ. Пріѣзжаю въ урочный часъ въ артилерійскій домъ, адъютантъ говоритъ мнѣ:

— Только-что уѣхалъ къ начальнику штаба.

— Скоро вернется?

— Полагаю, черезъ часъ.

— Въ такомъ случаѣ успѣю явиться корпусному командиру.

— Конечно, успѣете.

Я поѣхалъ къ корпусному командиру. Вхожу въ пріемную, тамъ только дежурный адъютантъ.

— Я опоздалъ? спрашиваю его.

— Баронъ только-что вошелъ въ кабинетъ, я доложу.

Вернувшись, онъ сказалъ:

— Корпусный командиръ проситъ.

Вхожу въ кабинетъ. Г. Розенъ разговариваетъ съ незнакомымъ мнѣ артилерійскимъ генераломъ, очень маленькаго роста.

— Bonjour, mon cher Brummer! и прекрасно, что пріѣхали. Прошу ваше превосходительство полюбить — отличный офицеръ. Я увѣренъ, что вы будете довольны его службою. Только одно не хорошо—очень рѣдко къ намъ пріѣзжаетъ.

Потомъ еще слова два, я поклонился и вышелъ.

— Что вы мнѣ не сказали, что начальникъ артилеріи у барона—я бы не пошелъ къ нему, сказалъ я дежурному адъютанту.

Сѣлъ въ коляску и думаю: явлюсь къ начальнику штаба, мимоходомъ. Тотъ принялъ въ кабинетѣ, за бумагами.

Послѣ пары-двухъ привѣтливыхъ фразъ я откланялся. Въ двери кабинета вошелъ человѣкъ и докладываетъ: „начальникъ артилеріи.“

— Вотъ и прекрасно: я васъ познакомлю, и, обращаясь къ входящему генералу, поздоровался, а потомъ: „подполковникъ Бриммеръ, всѣми уважаемый офицеръ; конечно, ваше превосходительство будете довольны имъ.“ Я поклонился и вышелъ,

затѣмъ поѣхалъ въ артилерійскій домъ. Чрезъ полчаса возвращается начальникъ артилеріи, генералъ-маіоръ Григорій Ѳеодоровичъ Козляниновъ. Человѣкъ малаго роста, чистенькій, гладенькій, опрятненькій, любившій во всемъ чистую отдѣлку. На Бѣломъ-Ключѣ, глядя на мою мебель, сдѣланную ротнымъ мастеровымъ, онъ говоритъ: „вы, Эдуардъ Владиміровичъ, должно быть, порядочный человѣкъ, если у васъ въ батареѣ такъ чисто работаютъ.“

— Да мастеровой этотъ былъ мебельнымъ мастеромъ, такъ долженъ хорошо работать.

— Оно такъ, да хорошо работать еще не есть чистая, аккуратная отдѣлка; тутъ наблюдалъ глазъ хозяина. Посмотрите —не усмотришь, гдѣ доски сходятся.... Тщательная отдѣлка! кончилъ онъ, съ видимымъ удовольствіемъ разсматривая то ту, то другую вещь. Воспитывался, кажется, во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ въ былыя времена на изученіе иностранныхъ языковъ не обращали должнаго вниманія, а потому говорилъ только порусски, но говорилъ много и красно, за словомъ въ карманъ не лазилъ. Служилъ Григорій Ѳеодоровичъ во 2-й гвардейской бригадѣ, въ оберъ-офицерскомъ чинѣ, какъ аккуратный человѣкъ, былъ выбранъ въ казначеи и въ этой должности пробылъ, кажется, болѣе трехлѣтія. Когда его представили по старшинству на вакансію въ ротные командиры, то Его Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, увидя его во дворцѣ, спрашиваетъ:

— Какъ же ты, Козляниновъ, будешь ротой командовать —вѣдь ты все казначеемъ былъ, отъ фронта отсталъ?

— Ничего, Ваше Высочество, выучусь, припомню; дѣло не мудреное—вѣдь не боги же горшки лѣпятъ.

Его Высочество, любившій самъ поострить, далъ ему роту и такъ какъ онъ дѣйствительно командовалъ, не отставая отъ другихъ, то впослѣдствіи былъ назначенъ командиромъ 2-й гвардейской артилерійской бригады, а въ чинѣ генерала

получилъ мѣсто начальника артилеріи въ кавказскомъ корпусѣ. Человѣкъ былъ добрый, привѣтливый, словоохотный, но дозволялъ себѣ иногда несправедливости, что я въ началѣ его командованія и на себѣ испыталъ. Но вернемся въ залъ артилерійскаго дома, гдѣ стройный (2 арш. $9^1/_2$ вер. роста) штабъ-офицеръ ожидаетъ начальника. Только-что онъ вошелъ, я явился съ самою точною формальностью.

— Насъ уже познакомили и корпусный командиръ, и начальникъ штаба.

— Я имѣлъ честь быть у вашего превосходительства, но такъ какъ адъютантъ сказалъ мнѣ, что вы поѣхали къ начальнику штаба и не вернетесь раньше часа, то я поѣхалъ къ корпусному командиру, не полагая застать тамъ ваше превосходительство.

— Мнѣ очень пріятно было слышать хорошіе отзывы о васъ. Долго вы пробудете въ Тифлисѣ?

— Я сейчасъ возвращаюсь на Гомборы.

— Не торопитесь. Вы слышали, какъ барону пріятно, чтобы вы чаще бывали здѣсь.

— Я очень благодаренъ за вниманіе ко мнѣ его высокопревосходительства, но безъ нужды отъ роты не отлучаюсь, и теперь пріѣхалъ, чтобы представиться вашему превосходительству.

Мы поклонились другъ другу, кажется вмѣстѣ, и я, выйдя, тотчасъ отправился на Гомборы.

Легко понять, что привѣтливая рекомендація высшаго начальства, у котораго я такъ не въ пору столкнулся со своимъ новымъ, еще невидѣннымъ начальникомъ, только повредила мнѣ во мнѣніи его. Такъ и было вначалѣ, но послѣ, когда онъ узналъ меня покороче, кажется, я заслужилъ лучшее о себѣ мнѣніе.

Въ началѣ 1834 года было переформированіе всей артилеріи. У бригадныхъ командировъ отняли командованіе бата-

рейными ротами, артилерійскія роты стали называть батареями, въ каждой бригадѣ вмѣсто одной батарейной батареи приказано имѣть двѣ батарейныя и двѣ легкія батареи. При этомъ преобразованіи артилеріи я былъ назначенъ командиромъ вновь формируемой батарейной № 2-й батареи кавказской гренадерской бригады, а такъ какъ всѣ батареи изъ 12-ти-орудійнаго состава переформированы были въ 8-ми-орудійный, то мнѣ пришлось принять дивизіонъ отъ своего бригаднаго командира. Людей, лошадей и матеріяльную часть я взялъ отъ своего дивизіона, затѣмъ принялъ остальное недостающее изъ легкой № 2-й батареи нашей же бригады, а четыре орудія получилъ изъ арсенала. Такъ изъ разныхъ частей, не подходящихъ другъ къ другу, я долженъ былъ образовать стройное цѣлое. Изъ своей батареи я взялъ цѣликомъ 3-й дивизіонъ, но бригадный командиръ въ дивизіонъ, который онъ долженъ былъ сдать мнѣ, постарался сбыть все худшее, чтобы остальные два дивизіона сдать легче вновь назначенному командиру батарейной № 1-й батареи. Это понятно, и спорить съ ближнимъ начальствомъ трудно, хотя мнѣ отъ этого было не легко, но тутъ я скоро покончилъ. Командиръ легкой № 2-й батареи, отъ котораго мнѣ надобно было принять людей, лошадей, амуницію и прочее, былъ мой товарищъ, раненый, женатый, безалаберный, всегда безъ гроша; тутъ нечего было и задумываться: что принялъ, въ томъ выдалъ чистую квитанцію, а въ какомъ видѣ что взялъ, объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Вы видите, что мой пріемъ отъ бригаднаго командира и отъ товарища былъ сдѣланъ, какъ говорится, зажмуря глаза; но сдача моихъ 8-ми орудій вновь назначенному командиру была дѣломъ потруднѣе. При переформированіи назначеніе командировъ батарей дѣлалось въ Петербургѣ, и, конечно, штабсъ-капитанъ С—чъ никогда бы своимъ начальникомъ не былъ представленъ въ командиры батареи. Это былъ человѣкъ не-

уважаемый и нелюбимый товарищами, что̀ довольно обрисовываетъ и умъ, и воспитаніе, и характеръ его, а потому болѣе объ этомъ ничего не скажу; прибавлю только, что, не зная службы, онъ видѣлъ въ ней только средство къ наживѣ. Я его совсѣмъ не зналъ, ибо онъ служилъ въ другой бригадѣ, но офицеры предупреждали меня, что сдача батареи такому господину, какъ бы исправна она ни была, не пройдетъ безъ непріятностей. Такъ и случилось. Когда полученъ былъ приказъ начальника артилеріи о переформированіи батарей въ 8-ми-орудійный составъ, по назначеніи меня командиромъ вновь формируемой батарейной № 2-й батареи, я занялся отдѣленіемъ всего того, что должно было остаться въ легкой батареѣ и что поступить въ батарейную, равно и пріемомъ дивизіона отъ бригаднаго командира. Какъ-то въ послѣобѣденное время входитъ ко мнѣ въ комнату офицеръ, въ сюртукѣ, безъ эполетъ, безъ шпаги, фуражка въ рукахъ, видимо, только-что слѣзшій съ повозки; съ легкимъ наклоненіемъ головы онъ говоритъ: „штабсъ-капитанъ С—ичъ, прибылъ принять отъ васъ легкую батарею.“ Такая безцеремонность, такое пренебреженіе основными порядками службы удивили меня.

— Какъ же вы дозволили себѣ, г. штабсъ-капитанъ, явиться къ старшему по дѣламъ службы въ такомъ видѣ? Явитесь, какъ слѣдуетъ—въ мундирѣ, при шарфѣ; тогда и начнете пріемъ.

И я поклонился ему.

Теперь была его очередь удивляться: сдатчикъ принимаетъ такъ пріемщика! Чрезъ полчаса онъ явился во всей формѣ.

— Были вы у бригаднаго командира?

— Теперь пойду.

— Когда будетъ приказъ по бригадѣ о вступленіи вашемъ въ командованіе батареею, тогда старшій офицеръ представитъ вамъ гг. офицеровъ, и вы дадите ему приказанія о порядкѣ пріема; а мнѣ подайте, по окончаніи, сдаточную вѣдомость.

Чрезъ два дня, утромъ, г. С—ичъ приноситъ мнѣ вѣдо-

мость, съ поправками, съ зачеркнутымъ итогомъ, а вмѣсто онаго—проставленную круглую сумму; къ довершенію курьеза—вѣдомость безъ подписи. Взглянувъ на поданную мнѣ бумагу, я улыбнулся—до того мнѣ все это показалось смѣшно.

— Могли бы подать мнѣ почище сдаточную вѣдомость; отчего же вы не подписали ее?

— Зачѣмъ же подписывать, вѣдь это дѣло домашнее, между нами.

— Ошибаетесь; въ службѣ ничего нѣтъ домашняго; вы, при пріемѣ, находите недостатки или неисправности—я вношу деньги, чтобъ исправить все. Домашняго тутъ ничего нѣтъ. Не угодно ли подписать вѣдомость?

— Я не вижу надобности ее подписывать, когда я подалъ вамъ лично.

— Какъ угодно; я разсмотрю вѣдомость.

Я поклонился, онъ вышелъ. Я приказалъ запречь коляску и чрезъ часъ ѣхалъ уже въ Тифлисъ. Прійдя къ начальнику артилеріи, я просилъ его назначить комиссію для пріема моей батареи, потому что вновь формируемая мною 2-я батарейная заставляетъ меня ѣхать на Джелалъ-оглу и у меня нѣтъ времени для спора съ г. С—чемъ.

— Развѣ вамъ трудно сдать батарею? спросилъ начальникъ артилеріи, и въ голосѣ его отзывалось чувство, которое нѣмцы называютъ schadenfroh.

— Порядочному офицеру я бы скоро сдалъ. Не угодно ли посмотрѣть вашему превосходительству на поданную мнѣ сдаточную вѣдомость?

Я показалъ ее. Онъ пожалъ плечами.

— Не подписана, перемарана, и что за сумма! Да значитъ ваша рота въ совершенной неисправности?

— Я прошу нарядить комиссію для пріема.

— Кого же вамъ угодно, чтобъ я нарядилъ?—и назвалъ полковника С—го, капитана и штабсъ-канитана.

— Будете вы довольны этою комиссіею?

— Кого ваше превосходительство назначите, я буду доволенъ.

На другой день вечеромъ комиссія пріѣзжаетъ на Гомборы; въ слѣдующее утро она осмотрѣла батарею, а послѣ обѣда собралась въ квартирѣ полковника для разсужденій по сдѣланнымъ замѣчаніямъ. Когда господа усѣлись, я вошелъ въ комнату. Г. С—чъ былъ тутъ же. Обращаясь къ полковнику С—му, я сказалъ:

— Господа, я прошу извинить меня, что, по моей просьбѣ, васъ побезпокоили. Въ сознаніи вашей справедливости, я прошу объ одномъ—быть строгимъ ко мнѣ, не щадить меня, за найденные недостатки или неисправности назначить самую высшую сумму.

Когда комиссія кончила работу и показала г. С—чу что̀ она назначила, оказалось, что сумма была меньше трети, имъ спрошенной. Онъ не согласился и просилъ прибавить на лошадей. Попросили меня въ комиссію. Разсказавъ дѣло, полковникъ прибавилъ:

— Начальнику артилеріи будетъ непріятно, если мы не кончимъ дѣла.

— Кажется, оно кончено, отвѣчалъ я; но если вы находите требованіе пріемщика справедливымъ, то вносите его въ сдаточную вѣдомость; я не прекословлю ни въ чемъ.

— То-то и есть, что оно несправедливо.

— На какомъ же основаніи я внесу деньги?

Комиссія въ тотъ же день уѣхала, а я на другой день съ частями формируемой батареи выступилъ чрезъ Тифлисъ на уроч. Бѣлый-Ключъ. Начальникъ артилеріи, осмотрѣвъ части, остался доволенъ и послѣ смотра приказалъ мнѣ зайти къ себѣ.

— Мнѣ сказалъ полковникъ С—ій, что вы не покончили съ ш.-к. С—чемъ?

— Мнѣ нечего было кончать, ваше превосходительство;

что комиссія положила за исправленіе, на то я согласился, и вотъ деньги, которыя прошу ваше превосходительство приказать принять отъ меня и выдать мнѣ квитанцію въ сдачѣ батареи.

— Да, но пріемщикъ не согласенъ.

— Требованія его безразсудны, и, зная исправность во всѣхъ частяхъ моей батареи, я просилъ комиссію не стѣсняться, чтобы проворнѣе кончить; самъ полковникъ С—ій сказалъ, что они и такъ назначили за все болѣе, чѣмъ должно.

— Что же дѣлать теперь? Батарею сдать надобно.

— Что прикажете, ваше превосходительство, то и исполню; только позвольте сказать вамъ, что не пройдетъ и года, какъ вы отнимете батарею у г. С—ча.

— Ну, ужъ вы крѣпко на него сердиты; я посмотрю, какъ это кончить.

Съ тѣмъ я и отправился на Бѣлый-Ключъ, оставивъ, по приказанію начальника артилеріи, деньги подъ расписку старшаго адъютанта.

Чрезъ недѣлю я получаю отъ него письмо, въ коемъ онъ пишетъ, что начальникъ артилеріи, „потребовавъ объясненіе отъ ш.-к. Ст—ча, находитъ *справедливымъ* его требованія, а потому для полученія чистой квитанціи въ сдачѣ батареи его превосходительство находитъ нужнымъ, чтобы вы внесли деньги, требуемыя ш.-к. С—чемъ.“ Гдѣ тутъ *справедливость?* Мнѣнія пріемныхъ комиссій считаются безапелляціонными: комиссія была назначена самимъ начальникомъ артилеріи; я просилъ ее быть ко мнѣ строгою, она объявила начальнику артилеріи, что назначала за все болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и.... послѣ всего этого находятъ *справедливыми* своекорыстныя требованія пріемщика. Что мнѣ было дѣлать? Я послалъ свои послѣднія деньги, мнѣ выслали чистую квитанцію. Это было въ мартѣ.

Въ іюнѣ начальникъ артилеріи, спрашивая на инспектор-

скомъ смотру претензіи у людей легкой батареи ш.-к. Ст—ча, до того былъ тронутъ и сладостно обвороженъ отличнымъ командованіемъ батареею, что тутъ же, во фронтѣ, отрѣшилъ его отъ командованія и приказалъ принять ее старшему офицеру.

Все это я изложилъ здѣсь съ неинтересными для другихъ подробностями для того, чтобы показать, что и хорошій человѣкъ, какъ Г. Ѳ. Козляниновъ, пріѣхавшій съ предвзятою мыслью погнуть подполковника Бриммера, былъ несправедливъ ко мнѣ, какъ я сказалъ выше.

Въ прежнее время держать въ исправности артилерійскую батарею можно было не иначе, какъ расходуя благоразумно экономическія деньги, добываемыя командиромъ отъ фуражнаго продовольствія лошадей, давая имъ меньшую дачу ячменя, на который отпускались деньги по подряднымъ цѣнамъ, объявляемымъ въ приказѣ по корпусу. Командиры батарей брали продовольствіе лошадей на свою отвѣтственность. На сѣно отпускали всегда одну цѣну—8 коп. за пудъ, и его косили солдаты на привольной или на отведенной землѣ, получая во время покоса $^1/_2$ фун. мяса и 1 фун. хлѣба отъ командира; овощи батарея имѣла вдоволь изъ своихъ огородовъ. Артилерійскій ремонтъ былъ недостаточенъ. Окраска артилеріи обходилась дороже отпускаемаго ремонта. Постромки, пролонжи, коновязный канатъ—все веревочное—рвалось въ походахъ, а добыть было неоткуда, пока, ужъ въ 30-хъ или 40-хъ годахъ, не стали отпускать изъ артилерійскихъ гарнизоновъ. Расходы по постройкамъ были значительны, а правительство не отпускало на оныя ни гроша, слѣдовательно изворачиваться надобно было, дѣлая экономію изъ ячменнаго довольствія лошадей, что̀ можно было только во время стоянки въ штабъ-квартирахъ, ибо на походѣ лошадямъ надо было давать полную дачу. Легко представить себѣ неудовольствіе командира, если, по какимъ нибудь соображеніямъ, корпусный

штабъ назначитъ ячменное довольствіе лошадей въ батарею натурою, т. е. предпишетъ принимать ячмень изъ магазина.

Вотъ въ такомъ непріятномъ положеніи находился я съ новосформированною мною батареею. Отославъ послѣднія мои деньги для полученія квитанціи въ сдачѣ легкой батареи, я рѣшительно остался безъ гроша; а тутъ, въ маѣ, получаю приказъ отправить два орудія въ отрядъ, собираемый для наказанія абхазцевъ. Какъ я изворачивался все это время, чтобы ежеминутные, предвидѣнные и непредвидѣнные расходы уравновѣсить съ ничтожными пріемами казенныхъ суммъ—трудно понять; но единое помышленіе мое въ то время было, чтобы батарею мою привесть въ возможной скорости къ единообразію и въ благоустроенный видъ.

Выступая изъ Гомборъ съ новою батареею, чтобы слѣдовать на ур. Бѣлый-Ключъ, я, по просьбѣ солдатъ легкой батареи, оставилъ имъ моего Полкана, ходившаго съ ними всегда на покосъ. Въ то же время Бѣлка, объявившая войну собакамъ маркитанта, была ими такъ искусана, что не могла ходить, почему я ее при выступленіи не могъ взять съ собою, а просилъ фельдфебеля Логвинова при случаѣ переслать ее ко мнѣ на Бѣлый-Ключъ, что̀ онъ и обѣщалъ. Итакъ, съ нами на новыя квартиры пошелъ одинъ Приблудъ. Такъ какъ солдаты моей прежней батареи крѣпко любили Бѣлку и разстаться съ нею имъ было жаль, то въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ посылаемые почти еженедѣльно вѣстовые въ бригадный штабъ на Гомборы, съ почтою, не могли увезти Бѣлки. Сначала показывали, что у нея нога болитъ, а потомъ прятали ее отъ пріѣзжавшихъ. Въ маѣ, мѣсяца черезъ два по водвореніи нашемъ на Бѣломъ-Ключѣ, проснувшись утромъ, я позвонилъ человѣка; онъ отворилъ дверь спальни и только-что хотѣлъ ее притворить, какъ въ спальню врывается Бѣлка и, громко нюхая, бросается то туда, то сюда. Я закричалъ: „Бѣлка!“ Она бросилась къ постели, обнюхала,

прыгъ на нее и ну лизать мнѣ лицо, а кривымъ хвостомъ машетъ во всѣ стороны, насилу сбросилъ ее съ постели. Она сѣла на полъ, хвостъ такъ и бьетъ полъ, и все смотритъ мнѣ въ глаза. Деньщикъ тоже разинулъ ротъ и смотритъ на нее во всѣ глаза.

— Кто привезъ Бѣлку?

— Не знаю, ваше высокоблагородіе. Мы сидѣли въ кухнѣ, ея не было; когда вы зазвонили, я изъ кухни черезъ сѣни пошелъ къ вамъ, а Бѣлки не видалъ.

— Можетъ, кто изъ батареи ѣздилъ на Гомборы?

— Не знаю.

— Пошли вѣстового.

— Сходи къ фельдфебелю и скажи ему, чтобъ узналъ, не пріѣхалъ ли кто съ Гомборъ, и у женатыхъ чтобъ разспросилъ.

Вѣстовой, слушая мое приказаніе, съ такимъ удивленіемъ глядѣлъ на Бѣлку, что и безъ спроса можно было убѣдиться, что онъ ее видитъ чрезъ два мѣсяца совсѣмъ неожиданно. По всѣмъ разспросамъ, сдѣланнымъ въ батареѣ и у женатыхъ нижнихъ чиновъ, оказалось, что не только на Гомборы, но даже въ Тифлисъ никто три дня не ѣздилъ. Такъ и осталось неразгаданнымъ, какимъ образомъ собака могла найти хозяина за 100 верстъ: изъ Гомборъ 18 верстъ до Хашмы, горами, потомъ вплавь чрезъ р. Іору, потомъ холмистою плоскостью со множествомъ развѣтвляющихся дорогъ 36 верстъ до Тифлиса, чрезъ Куру по мосту, чрезъ большой многолюдный городъ, потомъ плоскостью, опять со множествомъ расходящихся дорогъ, до нѣмецкой колоніи 40 верстъ и оттуда до уроч. Бѣлаго-Ключа, все въ гору, 12 верстъ, и наконецъ на Бѣломъ-Ключѣ между расположеніемъ полка и батареи найти мою спальню? Долго, долго мы разспрашивали всѣхъ, и добились одного отвѣта: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ.

На Бѣломъ-Ключѣ былъ расположенъ 41-й егерскій полкъ.

Командиръ полка п. Кр—скій, бывшій передъ тѣмъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, былъ женатъ и бездѣтенъ. Тифлисскіе знакомые часто съѣзжались къ нему. Добродушіе хозяина, привѣтливость хозяйки дѣлали домъ ихъ пріятнымъ; между служебными занятіями и вечернею болтовнею, иногда и танцами, время шло скоро. Около половины августа полковница К—ская, возвратившись изъ Тифлиса, привезла извѣстіе, что баронъ со всѣмъ семействомъ желаетъ провести день именинъ баронессы (Елизавета Дмитріевна была урожденная Зубова), 5-го сентября, на Бѣломъ-Ключѣ. Все населеніе расшевелилось, а у хозяевъ начались разсужденія о пріемѣ дорогихъ гостей и какъ бы пребываніе ихъ сдѣлать веселѣе.

— Утромъ—прогулки въ экипажахъ, верхомъ, пѣшкомъ; обѣдъ; вечеромъ—танцы... все это такъ обыкновенно! Ничего не выдумаешь, такая досада! сказала полковница.

— Ну, для разнообразія я сдѣлаю фейерверкъ—сказалъ я —угодно вамъ?

— Вотъ это мило, Эдуардъ Владиміровичъ; только пожалуста не одинъ ракеты, а выдумайте что нибудь повеселѣе.

Повеселѣе? Легко сказать! Чтожъ въ фейерверкѣ можно выдумать веселаго? хоть бы что нибудь не совсѣмъ обыкновенное?....

Такъ какъ фейерверкъ долженъ былъ спускаться около дома полкового командира, въ коемъ остановится баронъ, то припомнимъ положеніе окрестностей дома. Онъ былъ расположенъ на широкомъ уступѣ горы, у каменнаго обрыва, гдѣ внизу протекалъ родникъ прекрасной, здоровой воды, отъ котораго мѣстность и получила названіе. Вода изъ него вливалась въ небольшой прудъ. Съ противоположной стороны дома была гора, на вершинѣ только покрытая лѣсомъ, а затѣмъ всюду до верха голая; съ третьей стороны были службы, а слѣва, по отлогой покатости горы до самаго низу, былъ садъ, оканчивавшійся у дороги, которая была между садомъ и прудомъ и

вела къ роднику. По этой дорогѣ скотъ ходилъ на водопой къ источнику.

Времени было довольно—слишкомъ двѣ недѣли; вотъ я и выдумалъ: на пруду поставить корабль, убравъ его свѣчами съ буквою &, и зажечь его проводомъ изъ сада. На горѣ помфейеръ со звѣздками, въ ружейныхъ стволахъ, представляющій также букву &, около которой вертящееся колесо наверху, а по сторонамъ пирамиды; потомъ жаворонки, лусткугели, бураки, павильонъ—все на голомъ мѣстѣ вершины горы, и тамъ же, какъ финалъ, буракъ въ 1000 шверманов и 1000 звѣздокъ. Распредѣленіе фейерверка было очень красивое и при зажженіи понравилось; но добыть 150 стволовъ для помфейера стоило мнѣ не малаго труда. Тутъ г. полковникъ показалъ себя дежурнымъ штабъ-офицеромъ, т. е. скрибомъ, а не солдатомъ: „ну какъ испортятся?“ Однако мы уломали добраго старика. Пробы всѣхъ работъ были удовлетворительны; ударная ракета шла плавно по проволокѣ и зажгла хорошо.

3-го сентября пріѣхалъ баронъ съ семействомъ: старшая дочь, ужъ 16-ти-лѣтняя красавица, вышедшая вскорѣ за командира карабинернаго полка полковника князя Дадіани; другія двѣ еще подростали. Во время пребыванія на Бѣломъ-Ключѣ гости были въ веселомъ расположеніи духа, со всѣми привѣтливы и милы, и время шло скоро.

5-го, предъ вечернимъ чаемъ, всѣ сошли въ садъ, чтобы посмотрѣть на спускъ фейерверка. Начать, по обыкновенію, должно было съ нѣсколькихъ ракетъ, потомъ зажечь корабль —родъ плота съ досчатыми стѣнками и мачтами. Я поднесъ выточенный изъ пальмоваго дерева фитиль, обвитый цвѣтами, Елизаветѣ Дмитріевнѣ и просилъ ее зажечь проводную ракету. Баронесса отговаривалась немного, говоря, что боится, но баронъ сказалъ: „allons, un peu de courage!“—и Елизавета Дмитріевна, подойдя съ боку къ ракетѣ, зажгла, по указанію моему, стопинъ... Вообразите ужасъ мой: ракета брызжетъ огнемъ

и ни съ мѣста! Ну какъ лопнетъ на мѣстѣ и зажжетъ огромный чепецъ или платье!... Заслонивъ тучную даму собою, я успѣлъ отвести ее за дерево, сказавъ только: „отойдите, отойдите, отойдите!“ Ракета лопнула, не причинивъ никому вреда. Въ ту минуту зажгли корабль и баронесса, увидѣвъ свой вензель, привѣтливо улыбнулась мнѣ.

Артилеристу, приставленному къ кораблю, дано было приказаніе, если ракета лопнетъ въ саду, тотчасъ зажечь фитилемъ стопинъ. Увидѣвъ лопнувшую въ саду ракету, онъ живо сбросилъ съ себя все, въ одной рубахѣ пошелъ въ воду, влѣзъ на плотъ и зажегъ проводный стопинъ. Корабль вспыхнулъ въ огнѣ, и публика на мгновеніе увидѣла бомбардира въ одной рубахѣ. Острякъ Пот—скій, офицеръ по особымъ порученіямъ при корпусномъ командирѣ, говорилъ потомъ, что рубашки у артилеристовъ очень коротки, „mais que l'homme était bien bâti, il avait le droit de se montrer, que c'était un plaisir à le regarder et qu'au bout du compte, le tableau était charmant et les dames devaient être contentes.“ Этотъ артилеристъ, стоя у воды, прозябнулъ и пошелъ выпить водки, чтобы согрѣться; въ это время запоздалая корова, направляясь къ водопою, оборвала проволоку. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, увидя проволоку на землѣ, взялъ бывшихъ тутъ лаборатористовъ и, не сказавъ мнѣ ничего—я былъ въ комнатахъ у барона—давай поправлять, да второпяхъ и не примѣтилъ несчастной вѣтки отъ дерева, прилегшей къ проводной проволокѣ и задержавшей ракету. Это и было причиною неудачи.

Во время фейерверка, который до самаго конца шелъ весьма хорошо и въ порядкѣ, Григорій Владиміровичъ Розенъ напомнилъ мнѣ о фейерверкѣ на кумыкской плоскости, прибавивъ: „а буракъ былъ великолѣпный, и Алексѣю Александровичу очень понравился.“

— Это онъ и просилъ меня сдѣлать тысячный, да чтобъ я самъ сосчиталъ и швермана, и звѣздки.

— Онъ все необыкновенное любитъ.

— И теперь будетъ для финала такой же, ваше высокопревосходительство.

Баронъ, обернувшись къ Елизаветѣ Дмитріевнѣ, началъ ей разсказывать, какъ во время кампаніи 1832 года я ежедневно веселилъ лагерь спускомъ разныхъ фейерверочныхъ штукъ.

6-го уѣхалъ баронъ, а на другой день уѣхала баронесса съ дочерьми. Вечеромъ, въ чайное время, я былъ у нихъ и между разговорами просилъ позволенія проводить съ горъ на плоскость, до колоніи. Елизавета Дмитріевна сказала: „только прошу быть въ сюртукахъ, а не такъ какъ сегодня, въ мундирахъ; непремѣнно въ сюртукахъ.“ Въ сюртукахъ! Этакую гордую даму, жену нашего высшаго начальника, да при ней еще такія миленькія дочки, и провожать въ сюртукахъ! Нѣтъ, m-me la baronne, née Zouboff, этого нельзя. На другой день погода была сырая; на нашей гористой мѣстности лежалъ небольшой туманъ, и холодъ былъ чувствителенъ намъ, въ мундирахъ провожавшихъ нашихъ дорогихъ гостей. Подъ гору съ каретами ѣхали бережно, тихо, иногда тормозили, а, возвращаясь въ гору, не разскачешься, и потому эти 24 версты, до колоніи и обратно, мы порядкомъ прозябли. Молодежи сошло съ рукъ, а я схватилъ осеннюю лихорадку, возвращавшуюся ежегодно въ это время и не покидавшую меня въ продолженіи 9-ти лѣтъ. Весною и лѣтомъ здоровъ, особенно въ походахъ, на воздухѣ; какъ осень—такъ треплетъ. Только перемѣна мѣста, благорастворенный воздухъ Варшавы и благоразумные, энергическіе совѣты доктора В., совѣтовавшаго мнѣ, несмотря ни на какую погоду, стараться всегда быть на воздухѣ, излечили меня.

Въ октябрѣ пріѣхалъ начальникъ артилеріи, строго инспектировалъ батарею, остался доволенъ; былъ очень привѣтливъ, хвалилъ работы въ мастерскихъ и въ особенности то, что ни отъ кого не слышалъ ни одной претензіи. „Что это онъ такъ

привѣтливъ, такъ ласковъ," думалъ я себѣ, и скоро узналъ причину. Наканунѣ выѣзда, когда послѣ ужина господа разошлись и мы остались вдвоемъ, начальникъ артилеріи говоритъ мнѣ:

— Вы слышали, что командиръ 20-й бригады полковникъ В—ло уходитъ; я хочу представить васъ на его мѣсто.

— Старше меня есть двое въ кавказской артилеріи, и даже одинъ полковникъ.

— Ну, да вы знаете, что имъ нельзя поручить бригады, и потому ужъ это мое дѣло.

— Ваше превосходительство, вы знаете, какъ я сдалъ только-что легкую роту, вамъ извѣстно тоже, какъ я формировалъ эту батарейную батарею. Я ничего не получилъ ни съ бригадныхъ командировъ, ни съ несчастнаго товарища, котораго хотѣли отдать подъ судъ за растрату казенныхъ суммъ. Мнѣ нечѣмъ сдать батарею.

— На ваше мѣсто назначается капитанъ Л—нъ, зять начальника штаба. Онъ ему прикажетъ быть снисходительнымъ при пріемѣ.

— Я до сихъ поръ снисхожденія по службѣ не просилъ; ваше превосходительство ставите меня въ положеніе потерять репутацію хорошаго офицера. У меня всего 100 червонцевъ, взятыхъ мною у подрядчика за недоданный ячмень. Вотъ все, что я имѣю.

— У васъ батарея въ порядкѣ; его дѣло будетъ изъ экономическихъ денегъ привесть ее въ совершенную исправность. Итакъ, это дѣло кончено.

— Я по службѣ не смѣю возражать, а потому повинуюсь.

Тѣмъ разговоръ и кончился; мы разошлись. Спалъ я плохо. Уѣзжая, начальникъ артилеріи говоритъ: „черезъ мѣсяцъ, полагаю, ваше назначеніе выйдетъ." Но оно длилось болѣе двухъ мѣсяцевъ, ибо изъ Петербурга былъ запросъ: отчего назначаютъ младшаго въ бригадные командиры, и должно бы-

ло донести, что подполковникъ Бриммеръ назначается, какъ отличный офицеръ, для исправленія 20-й бригады.

XIV.

1835 ГОДЪ. Сдача батарейной батареи. Курьезное состояніе бригады. Первый осмотръ ея. Въ службѣ казна не дойная корова. Миночка. Одна статья копчена. Чудакъ, вмѣсто того, чтобы служить осматривается! Калмыцкая степь. Прачка. Безпорядочное распоряженіе начальства. Приведено въ порядокъ. И вдова получила квитанцію для пенсіи. Соправительница выѣхала. Исправная батарея. Заслужилъ благодарность. Гвардейцы. Старый товарищъ. Осенняя лихорадка. Экспедиція 1835 ГОДА. Лягушки. Impedimento. Г. Малиновскій. Первое отдѣльное начальство. Рана князя А. И. Барятинскаго. Житье въ Ставрополѣ. Экспедиція 1836 ГОДА. Горячій начальникъ. Отводъ арріергарда подъ моимъ начальствомъ. Прогулка по болоту. Die wilde Jagd. Вотъ котлеты, такъ котлеты! Опять фейерверкъ, на этотъ разъ съ бѣдой. Не отвязная! И заночевали въ гостяхъ. Гдѣ же выигрышъ?

Въ началѣ января пріѣзжаетъ къ намъ пріемщикъ, капитанъ Л—нъ. Когда онъ явился ко мнѣ, я просилъ его расположиться у меня въ домѣ, а старшему офицеру приказалъ представить ему офицеровъ. По пріемамъ его и сдержанности въ разговорѣ я увидѣлъ, что и съ нимъ безъ разсужденій дѣло не обойдется, и потому въ тотъ же вечеръ объяснился съ нимъ безъ обиняковъ.

— Завтра вы осмотрите батарею и положите ваше мнѣніе о ней. Мнѣ, прошу васъ, сдаточной вѣдомости не подавать и вообще о недостаткахъ въ батареѣ не говорить. Я предупредилъ начальника артилеріи, что для сдачи батареи у меня только 100 червонцевъ, о чемъ и вамъ подтверждаю. Слѣдственно, если вы, осмотрѣвъ батарею, этимъ не удовольствуетесь, то скажите мнѣ и донесите о томъ начальнику артилеріи.

— Начальникъ артилеріи говорилъ мнѣ, что батарея въ исправности.

— Въ исправности—да; но не все ново, какъ пріемщики требуютъ. Бездѣлицы, что я получилъ при формированіи ея,

я вамъ передамъ, и къ тому еще 100 червонцевъ; болѣе я по этому предмету не буду разговаривать.

— Послѣ осмотра батареи я скажу вамъ мое мнѣніе.

Съ тѣмъ мы и пошли спать. Назавтра я сталъ собираться въ дорогу и занялся разборомъ и укладкою вещей; въ этихъ занятіяхъ нашелъ меня капитанъ.

— Ну что, осмотрѣли батарею? спросилъ я его.

— Осмотрѣлъ, но, Эдуардъ Владиміровичъ, я не могу согласиться....

— Такъ со мной и говорить нечего; напишите начальнику артилеріи, что вы принять батареи не можете, и баста.

— Зачѣмъ же мнѣ доносить начальнику артилеріи? Позвольте вамъ только объяснить мое мнѣніе, вы сами увидите, что я не могу согласиться....

— М. г., я вамъ вчера объяснилъ мое положеніе, болѣе я ничего сказать не могу и считаю излишнимъ разговаривать, перебилъ я его и поклонился.

Онъ вышелъ. Ну—подумалъ я, укладывая вещи—что-то будетъ? Только-что пріѣхавшему въ Грузію капитану даютъ батарейную батарею, которыми вездѣ командуютъ штабъ-офицеры, я бы не долго думалъ, а принялъ бы. Входитъ деньщикъ:

— Господа пришли; прикажете подавать на столъ?

— Подавай!

За обѣдомъ господа поглядывали на меня, я старался быть разговорчивъ. Капитанъ говорилъ немного, болѣе помалкивалъ. Только-что вышли изъ-за стола, я сказалъ, что пойду укладываться, просилъ извинить и пошелъ въ спальню. Капитанъ за мною.

— Я все обдумалъ, Эдуардъ Владиміровичъ, и согласенъ принять батарею; теперь же прикажу написать квитанцію.

— И прекрасно; слава Богу, что не долго думали.

Вечеромъ, когда онъ принесъ мнѣ квитанцію, я передалъ ему всѣ суммы, а, по окончаніи всего служебнаго, подалъ ему

пару серебряныхъ штабъ-офицерскихъ эполетъ (тогда мишурныя только-что входили въ употребленіе, и мы какъ бы стыдились носить ихъ), сказавъ: „прошу васъ принять эту пару эполетъ, только-что мнѣ присланныхъ изъ Петербурга; увѣренъ, что вы ихъ скоро надѣнете, чего искренно желаю.“

На другой день я выѣхалъ въ Тифлисъ. За сдачу и пріемъ въ однѣ сутки батареи мы оба получили благодарность Генералъ-Фельдцейхмейстера, что было тогда въ обычаѣ. Начальникъ артилеріи и начальникъ штаба были очень довольны, что у насъ кончилось все полюбовно. Я пробылъ недѣлю въ Тифлисѣ, затѣмъ, взявъ изъ комиссіи третное жалованье впередъ, чтобъ было съ чѣмъ выѣхать, откланялся начальству и въ концѣ января выѣхалъ въ Ставрополь.

Наканунѣ моего отъѣзда, когда я откланивался начальнику артилеріи, онъ просилъ меня прійти къ нему вечеромъ пить чай: „я изложу вамъ состояніе бригады, которою вы будете командовать, и что̀ именно надо скоро привести въ порядокъ.“ Вечеромъ я не засталъ никого у генерала Козлянинова; мы были одни въ кабинетѣ. Прихлебывая чай, онъ началъ мнѣ излагать состояніе бригады, разбросанной по всему кавказскому краю: на Кумѣ, на Терекѣ, близь Ставрополя, на Кубани и въ Черноморіи.

— Извольте видѣть, Эдуардъ Владиміровичъ, въ этой бригадѣ шесть батарей. При переформированіи артилеріи былъ назначенъ командиромъ батарейной батареи подполковникъ Г—й; онъ принялъ отъ бригаднаго командира батарею, но квитанціи ему не далъ, потому что тотъ за неисправности не можетъ внести денегъ. Теперь бригадный командиръ уѣзжаетъ— это надо кончить.

— Постараюсь, ваше превосходительство.

— Въ одной легкой батареѣ только-что назначенный командиръ, капитанъ К—фъ, померъ; теперь ею командуетъ подполковникъ М—о. Онъ вдовѣ покойнаго не выдаетъ квитанціи,

потому что всѣмъ извѣстно, что послѣ покойнаго денегъ его не осталось, но казенныя суммы всѣ налицо. Безъ квитанціи бѣдная вдова, оставшаяся съ дѣтьми, не можетъ получить пенсіи.

— Кажется, и это уладить можно.

— Другая легкая батарея, что расположена на Терекѣ въ ст. Старогладковской, теперь безъ командира. Ею командовалъ вашей роты офицеръ штабсъ-капитанъ Никаловъ. Говорятъ, хорошій былъ офицеръ, но недавно померъ. При описи казеннаго имущества и денежныхъ суммъ, все оказалось въ наличности. Я послалъ командовать батареею штабсъ-капитана С—го, ему слѣдовало по старшинству; но вотъ мѣсяцъ, а объ немъ и слуха нѣтъ.

— Пріѣхавши, я посмотрю, что онъ тамъ дѣлаетъ.

— Третья легкая батарея въ Черноморіи. Тамъ командиръ капитанъ Ш—тъ; объ этой я ничего не имѣю сказать; вы мнѣ напишите, какъ найдете ее.

— Я его знаю—офицеръ хорошій.

— Резервная батарейная батарея тоже въ Черноморіи; командуетъ подполковникъ М—й. О батареѣ ничего не знаю; вы мнѣ напишите, въ исправности ли она? Но тамъ другого рода несообразность: у командира живетъ его сестра, пожилая дѣвица, и, кажется, управляетъ не только его хозяйствомъ, но и батареею. Молодую жену брата она выпроводила изъ дома; та уѣхала къ родителямъ. Надняхъ старшій адъютантъ, М—й, получилъ отъ товарища изъ батареи письмо, въ коемъ тотъ пишетъ, что эта сестра, призвавъ фельдфебеля, приказала принесть розогъ и въ своемъ присутствіи, за ширмою, приказала высѣчь вѣстового....

Я разразился такимъ неудержимымъ, такимъ искреннимъ смѣхомъ, что маленькій генералъ заразился имъ, опрокинулся на стулѣ и тоже захохоталъ; но вскорѣ, опомнившись, что онъ со мною не въ пріятельской бесѣдѣ, продолжалъ:

— Вы согласитесь, что этого терпѣть нельзя, и потому я буду просить васъ выпроводить изъ батареи эту м....

— Ваше превосходительство, выпроводить обоихъ будетъ легче и справедливѣе.

— Оно такъ; но, можетъ, онъ только слабаго характера, офицеръ хорошій. Я его не знаю.

— Выпроводить сестру отъ брата не легко; надобно будетъ изслѣдовать справедливость до васъ дошедшихъ слуховъ, что еще болѣе уронитъ командира въ глазахъ солдатъ, а этого надобно избѣгать... Посмотрю, какъ взяться за это. У него жена молодая, хорошенькая; какъ это она успѣла ее выжить изъ дома?

— Надобно, чтобъ эта выѣхала.

— Теперь послѣдняя—нарочная батарея, которой командуетъ бывшей вашей роты капитанъ Р—нъ. Какъ этотъ господинъ служитъ—не знаю, но до меня дошло, что онъ у фейерверкера отнялъ жену и живетъ съ нею. Прошу васъ сказать ему, что это непристойно и чтобы тотчасъ возвратилъ жену мужу.

— Онъ всегда больше занимался юбками, чѣмъ службою; тутъ жена виновата; но это я улажу.

— Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать. Прошу васъ, послѣ объѣзда бригады, кромѣ донесенія, написать письмо о чемъ найдете нужнымъ; я буду стараться исполнять все, что можно.

Тѣмъ и кончилась наша конференція, изъ коей я вынесъ убѣжденіе, что мнѣ предстоитъ много непріятностей. Откланиваясь генералу, я спросилъ его, можно ли мнѣ, именемъ его, быть немного настойчивѣе въ моихъ требованіяхъ, въ особенности у трехъ господъ, командующихъ батареями безъ выдачи квитанцій?

— То есть, какъ же настойчивѣе? Я какъ-то не понимаю, спросилъ начальникъ артилеріи.

— Очень просто, ваше превосходительство: если заупрямятся выдать тотчасъ квитанціи, то я скажу, что, по представленію моему, будутъ вашимъ превосходительствомъ отрѣшены отъ командованія батареею.

Начальникъ артилеріи подумалъ немного, потомъ, какъ бы нехотя, сказалъ:

— Пожалуй; но вы употребите это средство, какъ послѣднее убѣжденіе.

Я видѣлъ, что полной его довѣренности еще не имѣю, но подумалъ, что на первый случай и этого довольно, а тамъ— увидимъ.

По пріѣздѣ въ Ставрополь, мнѣ было весьма пріятно услышать, что генералъ-лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ остался очень доволенъ моимъ назначеніемъ. Устроившись въ небольшой, уютной квартирѣ, въ домѣ у небогатаго, бездѣтнаго купца, я, не мѣшкая, поѣхалъ по батареямъ, начавъ съ ближайшей батарейной батареи, командиръ которой не выдавалъ квитанціи отъѣзжающему бригадному командиру. Осмотрѣвъ батарею, я убѣдился, что подполковникъ Г—ій службы вовсе не знаетъ, что въ хозяйственной части онъ о батареѣ не думаетъ, а полагаетъ, что хозяйство состоитъ въ томъ, чтобъ елико возможно болѣе сколотить себѣ въ карманъ. Съ такимъ человѣкомъ справиться легко: я приказалъ подать сдаточную вѣдомость, указалъ за что онъ требуетъ много, причемъ напомнилъ ему, что, командуя батареею почти годъ и получая ремонты, онъ ничего не исправилъ; высчиталъ ему по пальцамъ сколько въ продолженіи этого времени онъ могъ имѣть экономіи отъ фуража, а какъ лошади въ батареѣ въ дурныхъ тѣлахъ, значитъ онъ имѣлъ гораздо болѣе экономіи; но въ службѣ казна—не дойная корова, и потому, оставивъ незначительную сумму для спроса съ сдатчика, настоятельно потребовалъ тотчасъ квитанціи. Лѣтами старше меня, выпущенный изъ Дворянскаго полка въ артилерію въ 1813 году,

этотъ мужиковатый господинъ думалъ найти во мнѣ товарища, а не начальника—слушалъ меня, улыбаясь. Я увидѣлъ, что тутъ учтивая рѣчь неумѣстна, и потому кончилъ, сказавъ ему, что если онъ будетъ только улыбаться мнѣ, то я прикажу собрать батарею и спрошу, сколько въ какое время давали фуража лошадямъ, и прикажу ему оставшіяся деньги представить на улучшеніе батареи. Улыбка исчезла съ некрасивой физіономіи и тонъ его тотчасъ перемѣнился.

— Помилуйте, Эдуардъ Владиміровичъ, да Константинъ Из—чъ (сдатчикъ) и этихъ денегъ не даетъ, у него гроша нѣтъ. Вотъ еслибъ вы поручились за него, я тотчасъ далъ бы квитанцію.

Каковъ господинъ! Я поручусь за сдатчика, когда у меня у самого гроша лишняго нѣтъ!

— Безъ всякой поруки напишите чистую квитанцію, поѣзжайте завтра въ Ставрополь; Константинъ Из - чъ вамъ отдастъ деньги, и дѣло съ концомъ. По службѣ я не шучу— что сказалъ, то и сдѣлаю.

Я уѣхалъ домой и тотчасъ поспѣшилъ къ п. В—ло, котораго просилъ отдать назначенную мною сумму пріемщику, чтобы получить чистую квитанцію. Онъ и жена его были очень обрадованы этимъ добрымъ извѣстіемъ, а она объявила мнѣ, что припрятала небольшую сумму для сдачи батареи.

Полковникъ В—ло женился послѣ персидской кампаніи 1827 года. Жена его, когда я ее зналъ дѣвицею, была 16-тилѣтнее премилое созданіе, маленькая, хотя худенькая, но статная, хорошо образованная, умная и веселая. Мужъ всегда звалъ ее Миночкой. Въ 1832 году, проходя съ батареею г. Шемаху, я видѣлъ ее, и, не оскорбляя ни взора, ни слуха, ни чувства приличія, полненькую барыньку эту все еще можно было дразнить Миночкой. Но, по пріѣздѣ въ Ставрополь, нрійдя къ старому товарищу, который, поздоровавшись, кричитъ въ радости сердечной: „Миночка, выходи проворнѣе, Эдуардъ пріі-

ѣхалъ!“—я остолбенѣлъ отъ удивленія и не вѣрилъ глазамъ своимъ, что это Миночка. Въ отворенныя обѣ половинки двери входитъ жирная, толстая, всюду до исполинскихъ размѣровъ округленная дама, съ привѣтливымъ, улыбающимся личикомъ. Когда мужъ, отгадывая мое удивленіе, сказалъ: „а что, вѣдь хорошо откормилъ Миночку?“—я безсознательно потерялъ приличіе и захохоталъ самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Ужъ какъ я его прошу, чтобъ не звалъ Миночкой, онъ все свое, сказала весело умная барыня.

— Не могу, братецъ—привычка.

Ну, тутъ привычка смѣшная, живи съ нею, любезный товарищъ! но что люди отъ дурныхъ привычекъ не отстаютъ.... вотъ это не хорошо.

Назавтра пріѣхалъ подполковникъ Г—ій, получилъ деньги, отдалъ квитанцію В—ло, мнѣ представилъ копію, и эта статья была кончена.

Около 20-го февраля, предъ выѣздомъ на лѣвый флангъ линіи, я пошелъ къ генералу Вельяминову. Онъ сказалъ мнѣ какія орудія назначаются въ отрядъ и просилъ осмотрѣть, въ исправности ли паркъ, который онъ тоже беретъ за Кубань. „Въ концѣ апрѣля отрядъ сбирается у Ольгинскаго укрѣпленія, слѣдственно парку изъ д. Солдатской надо скоро выступить,“ кончилъ генералъ.

Я поѣхалъ на Терекъ, въ ст. Старогладковскую, чтобы оттуда направиться на Куму—въ Солдатскую и въ Георгіевскъ.

Пріѣхавъ въ легкую батарею, которою командовалъ покойный штабсъ-капитанъ Пикаловъ и которую теперь долженъ былъ принять капитанъ С—скій, я былъ не мало удивленъ, что съ рапортомъ меня ожидалъ офицеръ, командовавшій батареею по смерти Пикалова.

— А капитанъ С—скій боленъ? спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ, онъ дома.

— Отчего же не онъ подаетъ рапорта?

— Капитанъ не вступалъ въ командованіе батареею.

Чтобы удовлетворить возраставшее мое удивленіе, я, отпустивъ господъ, просилъ старшаго офицера войти въ комнату. Здѣсь онъ мнѣ и разсказалъ слѣдующую служебную несообразность г. капитана:

— Когда полученъ былъ приказъ, что капитанъ С—ій назначается командующимъ батареею, мы старались все держать въ исправности и надосугѣ написали разныя вѣдомости, съ показаніемъ недостатковъ, впрочемъ очень незначительныхъ, думая этимъ облегчить капитану пріемъ. Онъ пріѣхалъ, но приказа о вступленіи въ командованіе не отдалъ; ходилъ на чистку лошадей, смотрѣлъ ихъ, смотрѣлъ цейхаузъ, но батареи не собиралъ. Я нѣсколько разъ просилъ, чтобы онъ вступилъ въ командованіе, но онъ все откладываетъ.

— Да какая же причина?

— Говоритъ, что „успѣю.“

— Денежныя суммы сполна?

— Всѣ казенныя денежныя суммы налицо; кромѣ того за эти два мѣсяца есть экономія отъ фуража—я слѣдовалъ тому, какъ командовалъ покойный.

Въ это время входитъ капитанъ С—ій и является. Я отпустилъ офицера, давъ ему приказанія о порядкѣ смотра.

— Вы ужъ давно здѣсь? спросилъ я капитана.

— Скоро будетъ мѣсяцъ.

— Отчего же вы не вступили въ командованіе батареею?

— Я осматривался—былъ его буквальный отвѣтъ.

Я оглядѣлъ его съ головы до ногъ, но, видя, что онъ не улыбается, а говоритъ серьозно, еще разъ всмотрѣлся въ него: высокій, стройный, съ виду порядочный человѣкъ, должно быть, въ своемъ умѣ.

— Позвольте вамъ сказать два слова, м. г. Если офицера начальство назначаетъ командовать батареею и онъ, пріѣхавъ

на мѣсто, здоровый, безъ всякихъ побудительныхъ причинъ не исполняетъ служебныхъ обязанностей, значитъ онъ не хочетъ командовать батареею.

— Я думалъ, что мнѣ въ Грузіи дадутъ батарею.

— Въ этомъ я сомнѣваюсь; но такъ какъ вы не желаете командовать батареею на линіи, то я буду просить о назначеніи другого. Вы получите отъ меня предписаніе.

Я поклонился; чудакъ вышелъ.

Я спрашивалъ господъ, чѣмъ онъ занимается въ продолженіи дня? Старшій офицеръ говоритъ, что онъ, бывая изрѣдка у него, почти всегда заставалъ его за русскими книгами или просто лежащимъ на койкѣ; а то гуляетъ, болтаетъ съ казаками, ходитъ на чистку лошадей; „со мною иногда заговариваетъ о европейской политикѣ и о томъ, что здѣсь на Терекѣ климатъ нездоровъ, а о батареѣ—никогда ни слова.“

— Не пьетъ ли онъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, Эдуардъ Владиміровичъ, онъ очень порядочный человѣкъ и, кажется, начитанный, а такъ, съ придурью; а главное его пугаетъ, что два командира здѣсь другъ за другомъ померли.

Осмотрѣвъ батарею, я опредѣлилъ по вѣдомости сколько за недостатки и неисправности должно уплатить при пріемѣ батареи; а такъ какъ денежныя суммы были въ наличности и претензій никакихъ не было, то сумма была незначительна, а принадлежащія покойному Пикалову деньги съ экономическими покрывали съ излишкомъ то, что слѣдовало приплатить. На другой день я получилъ отъ капитана С—го рапортъ, что онъ боленъ. Вѣроятно, ясная опредѣлительность моего разговора съ нимъ побудила его къ тому. Донеся обо всемъ тутъ же начальнику артилеріи, я просилъ о присылкѣ другого командира, а въ письмѣ, изложивъ подробности, просилъ вызвать въ Тифлисъ капитана С—го, что и было исполнено тотчасъ. Онъ получилъ предписаніе начальника артилеріи, съ по-

дорожною и прогонами, и возвратился къ батареѣ, гдѣ прежде служилъ. Куда онъ дѣвался послѣ—не знаю.

Покончивъ въ четыре дня съ этою батареею, я степью поѣхалъ прямо на р. Куму, въ Солдатскую, гдѣ была расположена парочная батарея. Эти 260 верстъ я сдѣлалъ въ два дня, переночевавъ разъ на станціи. Болѣе скучной, утомительной ѣзды, какъ по калмыкскимъ степямъ, я не знаю: голая, безводная равнина, на ней ковыль, солончакъ. На станціяхъ широкорожіе калмыки, нечистота, блохи и прочее; только и слышишь: „бачка, пулковникъ!“ Медленность въ запряжкѣ, безпутная гонка, то одно порвется, то другое, безпрестанныя остановки, а пріѣхалъ на станцію—глупо-безстыдная увѣренность, что отлично сдѣлалъ свое дѣло, и потому неотвязчивая просьба на водку.

Пріѣхавъ въ Солдатскую, я съ командиромъ тотчасъ заговорилъ напрямикъ объ отнятой имъ у фейерверкера женѣ.

— Помилуйте, Эдуардъ Владиміровичъ, да это прачка у меня живетъ; вѣдь я ее не приневоливаю.

Но такъ какъ я зналъ хорошо капитана Р—на въ бытность его у меня въ батареѣ, то я съ нимъ не долго разговаривалъ, а просилъ, чтобы онъ тотчасъ отпустилъ жену къ мужу; если же будетъ фейерверкеромъ принесена жалоба, то я пущу ее въ ходъ, и тогда онъ не оберется непріятностей. Это подѣйствовало: онъ въ тотъ же вечеръ отправилъ бабенку къ мужу. Передъ выѣздомъ, я приказалъ фельдфебелю привести ко мнѣ мужа и жену и далъ имъ обоимъ добрую гонку, сказавъ послѣдней, что если она еще разъ осмѣлится бросить мужа, то прикажу ее крѣпко выдрать и переведу мужа въ другую батарею. Такъ возстановилъ я понаружности миръ и согласіе. Связь, какъ я слышалъ, продолжалась, но мужъ былъ доволенъ тѣмъ, что жена живетъ дома и ночуетъ съ нимъ, закрывая глаза на долгія отлучки, подъ предлогомъ мытья бѣлья. Et sempre bene!

Это было дѣло стороннее, но служебное дѣло оказалось въ

большомъ разстройствѣ. Послѣ турецкой кампаніи запасный паркъ отправили на линію въ сел. Солдатское. Бывшіе при немъ фуры и ящики сданы были въ георгіевскій арсеналъ, а лошади остались въ паркѣ; ремонта однако не отпускали ни на лошадей, ни на фуры. Такъ все и оставалось до переформированія въ 1834 году, когда дали парку составъ батарейной батареи и причислили къ 20-й бригадѣ. Тѣмъ распоряженія о паркѣ и кончились. Ящики остались въ арсеналѣ, а лошадей оставили, какъ есть, и ремонтовъ не отпускали. Командиръ, видя такое нерадѣніе о паркѣ, пустилъ лошадей на подножный кормъ. Они были худы, ихъ много попадало, но павшіе по описи не исключались, ибо фуражъ получался на наличное число. Ясно, что новое начальство не обратило на это никакого вниманія, а правительство кормило слишкомъ сто негодныхъ лошадей безъ пользы для службы. Это надобно было привести въ порядокъ. Покончивъ тутъ, я поѣхалъ въ Георгіевскъ. Начальникъ кавказскаго гарнизоннаго артилерійскаго округа г.-м. Ладыженскій сказалъ мнѣ, что парковые ящики не сданы въ арсеналъ, а, по неимѣнію помѣщенія въ с. Солдатскомъ, приказано ихъ поставить въ паркѣ. Осмотрѣвъ ихъ, я нашелъ, что всѣ они не только въ деревѣ, но и въ желѣзѣ требуютъ значительной починки, и что нынѣшній годъ паркъ въ экспедицію идти не можетъ. Говоря съ генераломъ Ладыженскимъ, я сказалъ ему, что, разсматривая вѣдомости о неисправностяхъ артилеріи, представленныя въ артилерійскій департаментъ, нашелъ, что одно орудіе въ резервной батареѣ, которая назначена въ экспедицію, за негодностью должно быть перемѣнено; кромѣ того, много затравокъ съ сильными разстрѣлами, на мѣсто коихъ требуется вставить розетки, и пр., пр., и просилъ его ускорить исправленіе артилеріи.

— Еще разрѣшенія артилерійскаго департамента нѣтъ и вѣдомостей отъ него не получалъ; это тянется долго—покуда тамъ разсматриваютъ, иногда и годъ пройдетъ.

— Знаю, знаю — отвѣчалъ я—но здѣсь медлить нельзя: всякій годъ въ походъ ходятъ. Я объ этомъ скажу генералу Вельяминову и буду просить, чтобы онъ далъ вамъ предписаніе о немедленномъ исправленіи.

— Ну, вотъ и прекрасно. Какъ командующій войсками напишетъ, я тотчасъ распоряжусь.

Пріѣхавъ въ Ставрополь, я на другое утро пошелъ къ Алексѣю Александровичу.

— Здравствуй, дражайшій! ну, что ты видѣлъ?

— Плохо, ваше превосходительство; парка вовсе не существуетъ.

Генералъ поднялся съ канапе, на которомъ сидѣлъ, и посмотрѣлъ пристально на меня своими свѣтло-голубыми глазами.

— Какъ не существуетъ?

Надобно сказать, что, испрашивая разрѣшеніе на экспедицію, всегда доносятъ сколько и какія войска предполагаютъ взять, и потому не удивительно, что мое: „парка не существуетъ!“ озадачило генерала.

Я разсказалъ ему о состояніи парка, потомъ о неполученіи разрѣшенія артилерійскаго департамента перемѣнить и исправить негодную артилерію, и что въ такомъ видѣ нельзя брать части въ экспедицію.

— Подай рапортъ о всемъ, что ты мнѣ сказалъ.

Я тутъ же подалъ ему двѣ докладныя записки: одну, въ которой проставилъ, что̀ сейчасъ же надо перемѣнить и исправить въ артилеріи (выбралъ изъ представленныхъ въ артилерійскій департаментъ вѣдомостей); другую—о состояніи парка, упомянувъ въ ней, что правительству вмѣсто того, чтобы кормить безъ пользы негодныхъ лошадей, лучше ихъ продать, а ящики сдать въ арсеналъ. Прочитавъ со вниманіемъ обѣ записки, онъ приказалъ позвать полковника Ольшевскаго, который правилъ канцеляріею и былъ его довѣренный офицеръ.

— Однако въ экспедицію паркъ надобенъ.

— Если позволите мнѣ сказать слово, ваше превосходительство, то можно взять вторые ящики отъ остающихся орудій; но я полагаю, что и одного комплекта будетъ довольно; а чтобы заряды понапрасну не теряли, то позвольте и мнѣ быть въ экспедиціи—ужъ я посмотрю за этимъ.

— Хорошо, дражайшій, иди! но бригадные командиры не ходили въ экспедиціи.

— Благодарю, ваше превосходительство, что мнѣ дозволяете идти.

Вошелъ Ольшевскій.

— Объ этомъ—подавая ему запису—напиши Ладыженскому, чтобы распорядился перемѣнить и исправить артилерію тотчасъ, не ожидая разрѣшенія артилерійскаго департамента; а эту записку препроводи къ начальнику артилеріи и упомяни, что съ мнѣніемъ бригаднаго командира я согласенъ.

— Еще, ваше превосходительство, позвольте сказать слово?

— Говори, дражайшій!

Тогда я разсказалъ ему все, что видѣлъ и сдѣлалъ въ легкой батареѣ, а также о томъ, что я просилъ начальника артилеріи туда же прислать другого командира.

— Все хорошо; но кого же ты просилъ прислать?

— Просилъ капитана М—на, я его знаю; но пришлетъ ли его начальникъ артилеріи—неизвѣстно.

— А если знаешь его, такъ напиши еще разъ отсюда.

Испросивъ въ дежурствѣ летучую карту, я тотчасъ написалъ командиру резервной батареи, чтобы негодные одно орудіе и одинъ лафетъ послалъ на артилерійскихъ лошадяхъ въ георгіевскій арсеналъ для перемѣны, а генералъ-маіора Ладыженскаго просилъ выслать мастера въ батарею, расположенную на правомъ флангѣ линіи, для замѣны розетокъ вмѣсто испорченныхъ затравокъ.

Отписавшись въ канцеляріи и отдохнувъ немного, я дня чрезъ три поѣхалъ на правый флангъ, на Кубань. Легкая ба-

тарея, къ которой я пріѣхалъ, была подполковника Ми—ко. Здѣсь я ожидалъ непріятныхъ столкновеній и приготовился къ нимъ, принявъ совершенно начальническій тонъ съ перваго слова. Подполковникъ М—ко былъ на 4 года старше меня въ службѣ, слѣдственно служилъ уже 24 года, но только въ прошломъ году былъ назначенъ командиромъ батареи. Долго служилъ въ литовскомъ корпусѣ и, сознавшись съ панами, принялъ много польскихъ сноровокъ; въ сущности же былъ пустой, необразованный бахвалъ. Привыкнувъ видѣть въ литовскомъ корпусѣ войска, содержимыя въ отличной исправности и наружной чистотѣ, онъ, принявъ батарею, потребовалъ отъ вдовы значительную сумму за неисправности, чего, конечно, та не имѣла, и вотъ 8 мѣсяцевъ заставляетъ бѣдную жить при батареѣ, не выдавая ей квитанцію. При осмотрѣ я нашелъ все въ совершенной исправности по всѣмъ частямъ, а, разговаривая то съ офицеромъ, то съ фейерверкерами и солдатами во время смотра, узналъ, что хотя она и приведена въ нынѣшнее состояніе стараніями М—ко, но что онъ на это не истратилъ много денегъ. Этого мнѣ было довольно. Передъ выѣздомъ я попросилъ его къ себѣ. Поблагодаривъ его за исправное состояніе батареи, что̀ онъ принялъ, какъ должную признательность къ его отличной службѣ, я спросилъ его, отчего онъ не выдаетъ вдовѣ покойнаго командира квитанціи въ пріемѣ батареи?

Черноволосый, кряжистый, подслѣповатый господинъ смотритъ на меня съ удивленнымъ видомъ.

— Какъ отчего? оттого, что денегъ не отдаетъ, которыя мнѣ слѣдуютъ за неисправности, найденныя мною при пріемѣ батареи, отвѣчалъ онъ мнѣ почти съ нахальнымъ видомъ, переминаясь съ одной ноги на другую.

— Прошу васъ выслушать меня—я разскажу вамъ въ какомъ вы положеніи. Когда вы вступили въ командованіе батареею и при пріемѣ оной за недостатки и неисправности по-

требовали отъ вдовы денегъ, и она вамъ ихъ не дала, вы тотчасъ должны были донести о томъ и просить о назначеніи комиссіи посредниковъ. Вы этого не сдѣлали, но продолжали командовать ею на законномъ основаніи и исправили ее такъ, что батарея въ очень хорошемъ состояніи...

— Я исправилъ ее на свой счетъ, перебилъ меня подполковникъ М—ко.

— Я васъ просилъ выслушать меня—сказалъ я настойчиво—но, чтобы вывесть васъ изъ заблужденія, я вамъ отвѣчу на ваше возраженіе. На какія суммы вы дѣлали исправленія? Истратили привезенные капиталы, продали деревню вашу (нетерпѣніе слушателя высказывается повертываніемъ головы и переминаніемъ ногъ)? Вы исправили все на экономическія деньги отъ фуражнаго довольствія. Вы распорядились, какъ хорошій хозяинъ, но не дѣлали исправленій на свой счетъ, какъ вы выразились. Пожалуй, деньги эти вы бы могли назвать своими, еслибы вы выдали квитанцію. Но безъ квитанціи въ пріемѣ вы командовать батареею не можете. Я совѣтую и прошу васъ не угнетать вдовы съ малолѣтнимъ ребенкомъ и выдать ей чистую квитанцію. Я чрезъ недѣлю возвращусь изъ Черноморіи; если найду квитанцію здѣсь на столѣ, мнѣ будетъ пріятно донести начальнику артилеріи о вашей готовности исполнять ожиданія его; если нѣтъ—донесеніе мое будетъ другого рода.

Я поклонился и взялся за фуражку.

— Но, позвольте, Эдуардъ Владиміровичъ, какъ же я...

— Больше объ этомъ говорить нечего. Прощайте.

Я вышелъ. Запряженная коляска стояла у крылечка; тутъ же были гг. офицеры, фельдфебель, ординарецъ и вѣстовой. Садясь въ коляску, я еще разъ поблагодарилъ подполковника и гг. офицеровъ за исправность батареи. Конечно, и на лицѣ его было видно, что онъ деньги предпочелъ бы благодарности, но я не обратилъ вниманія на недовольную физіономію. При возвращеніи изъ Черноморіи, вмѣстѣ съ рапортомъ о благо-

состояніи батареи онъ подалъ мнѣ квитанцію. Вдовушка пришла благодарить меня. Et de deux...

Съ командиромъ резервной батареи, у котораго сестра была соправительницею, я предположилъ себѣ быть строгимъ до мелочности и игнорировать, что жену выпроводили. Этотъ господинъ, также старше меня въ службѣ, имѣлъ правиломъ угодливостью предъ начальствомъ прикрывать всѣ свои служебные промахи. До сихъ поръ это ему удавалось. На смотру люди показали претензіи въ разныхъ недопускахъ; обмундированіе шло вяло; въ паркѣ, какъ мы называемъ сарай, гдѣ хранится артилерія, былъ безпорядокъ, а главное—послѣ экспедиціи прошлаго года заряды не были передѣланы и лошади не были въ хорошемъ состояніи. Я по всѣмъ частямъ былъ строгъ, взыскателенъ и упомянулъ, что такъ батареею, у которой 12 легкихъ орудій (вмѣсто 8-ми батарейныхъ) и которая ежегодно ходитъ въ экспедиціи, командовать непозволительно. Послѣ смотра я сдѣлалъ ему визитъ, и въ передней еще спросилъ: здорова ли супруга его?

— Ее здѣсь нѣтъ, она у родителей.

— Здѣсь нѣтъ? А какъ же я видѣлъ женскую прислугу?

— Моя сестра живетъ со мною.

— Сестра-а-а?

Я вошелъ въ комнату. Небольшого роста, тщедушная, крѣпко разряженная, при цвѣтныхъ лентахъ женщина встала съ канапе и подошла ко мнѣ. Неспокойный взоръ маленькихъ сѣрыхъ глазъ, тонкія безкровныя губы, окаймляющія некрасивый ротъ, дозволяли предполагать хитрый природный умъ и недоброе сердце.

— Сестра моя, сказалъ подполковникъ М—скій.

— Очень радъ познакомиться; я слышалъ, вы уѣзжаете въ Россію. Удивляюсь, право, какъ вы могли жить въ этой скучной сторонѣ! Но вамъ надобно торопиться, а то наступитъ такая распутица, что изъ грязи не вылѣзешь.

Въ самомъ началѣ сестрица разѣвала ротъ, чтобы мнѣ возражать, но я, не останавливаясь, высказался.

— Я въ этотъ годъ еще не думала выѣзжать.

— Навѣрное слышалъ, что вы хотите выѣхать въ Россію. Погостили у брата—и довольно. Поторопитесь, а то грязь ужасная.

И на эту тему разговоръ продолжался съ четверть часа; потомъ я всталъ и распрощался. Въ передней довольно громко еще разъ посовѣтовалъ скорѣе отправить сестрицу. Обѣдать не остался; сегодня обѣдалъ у атамана, а на другой день у казачьяго бригаднаго командира полковника Са—ва, гдѣ о соправительницѣ услышалъ еще нѣкоторыя курьозныя продѣлки, вынудившія меня сказать братцу, что я получилъ жалобу, о которой не говорилъ съ нимъ, чтобы не огорчить его и сестрицу, но которую, съ выѣздомъ ея, постараюсь замять. Эти разговоры подѣйствовали благодѣтельно для службы. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ г. Ставрополь, я получилъ письмо, что соправительница выѣхала и что въ батареѣ закипѣла работа. Это извѣстіе мнѣ было очень пріятно.

Изъ Екатеринодара я поѣхалъ въ Медвѣдскую, гдѣ стояла легкая батарея капитана Ш—та, того самаго, котораго въ 1829 году пчелы искусали въ сел. Хартъ. Батарея была въ исправности и часть ея, назначенная къ выступленію, была готова.

Начальникъ артилеріи, получивъ мои донесенія и подробное письмо, былъ очень доволенъ и высказался въ письмѣ о первомъ осмотрѣ бригады съ большою благодарностью. И было за что: присланный вмѣсто капитана С—го капитанъ М—нъ принялъ легкую батарею и, по сдѣланной мною вѣдомости, тотчасъ представилъ квитанцію; еще три квитанціи; жена, возвращенная мужу; изгнанная соправительница. И все это въ первый объѣздъ! Было за что благодарить. Видя такое доброе начало, начальникъ артилеріи представилъ меня къ

утвержденію бригаднымъ командиромъ, и я былъ утвержденъ имъ въ чинѣ подполковника.

Въ нынѣшнемъ году были присланы изъ гвардіи офицеры для участія въ экспедиціи противъ горцевъ праваго фланга, такъ какъ правительство рѣшило поставить на восточномъ берегу Чернаго моря нѣсколько укрѣпленій для воспрепятствованія сношеній турокъ съ горцами. Изъ этихъ молодыхъ офицеровъ нѣкоторые выдвинулись на высшія ступени государственной службы; припомню нѣкоторыхъ: корнетъ, кажется, кирасирскаго Ея Величества полка князь Александръ Ивановичъ Барятинскій [13]), артилеристы—адъютантъ военнаго министра графъ Штакельбергъ [14]), Баранцевъ [15]), П. Масальскій [16]) и другіе.

Въ Ставрополѣ я нашелъ изъ старыхъ знакомыхъ моихъ полковника Горскаго, оберъ-квартирмейстера при командующемъ войсками на линіи. Онъ служилъ артилерійскимъ офицеромъ, въ 12-й бригадѣ, во французскомъ корпусѣ графа Воронцова, былъ, какъ и я, прикомандированъ къ свитѣ (нынѣ генеральный штабъ), а потомъ переведенъ въ этотъ родъ службы. Намъ обоимъ было пріятно встрѣтиться. Онъ былъ женатъ и имѣлъ уже двухъ малютокъ.

По возвращеніи моемъ въ Ставрополь, я не долго пробылъ въ городѣ. Удивительно, что лихорадка, не безпокоившая меня въ дорогѣ, только-что я успокоился отъ оной на своей квартирѣ, опять дала себя знать. Малѣйшая неосторожность—и она бросала меня въ постель, а послѣ транспираціи я, какъ ни въ чемъ не бывало, былъ на ногахъ до первой незначительной простуды. Эта неотвязчивость осенней лихорадки крѣпко наскучаетъ. Странно, что хина мнѣ не въ прокъ—производитъ рвоту.

---

[13]) Нынѣ фельдмаршалъ.

[14]) Посолъ при вѣнскомъ, потомъ при французскомъ дворахъ.

[15]) Помощникъ Генералъ-Фельдцейхмейстера.

[16]) Начальникъ артилеріи гвардейскаго корпуса, утвержденный недавно въ княжескомъ титулѣ, по предкамъ.

Въ апрѣлѣ войска стали стягиваться къ Ольгинскому укрѣпленію, противъ Черноморіи, на лѣвомъ берегу р. Кубани. Я уже сказалъ, что всѣ горныя экспедиціи похожи одна на другую, а потому не стану описывать подробности ихъ дѣйствій; упомяну только особенности, какія случаются, и что собственно касается меня.

Прибывъ въ отрядъ, я осмотрѣлъ артилерію и нашелъ ее въ полной исправности; что надо было перемѣнить—было перемѣнено, что исправить—исправлено. По донесеніи о семъ генералу Вельяминову, онъ благодарилъ генерала Ладыженскаго.

Мы простояли лагеремъ около Ольгинскаго до половины мая. За нѣсколько дней до выступленія странность одного явленія природы встревожила весь лагерь. Съ разсвѣтомъ входитъ въ мою палатку деньщикъ, будитъ меня и говоритъ: „ваше высокоблагородіе, вставайте проворнѣе, чудо какое-то—лягушки нахлынули на лагерь, все идутъ тучею; такая напасть! Посмотрите.“ Я всталъ, накинулъ шинель и вышелъ изъ палатки, которая была недалеко отъ наружнаго рва укрѣпленія. Вижу: сплотившіяся толпы солдатъ и офицеровъ стоятъ на огромномъ пространствѣ; въ срединѣ ихъ идетъ какъ бы дорога, сажени въ двѣ, отъ рва до передовой цѣпи; на этомъ пространствѣ, передъ угломъ бастіона, лагерь, огибая укрѣпленіе, какъ бы раздѣлялся. Шумный говоръ, хохотъ.... Я пробился чрезъ толпу и вышелъ впередъ, недалеко отъ рва. По окаймленному толпою людей пространству идетъ, ползетъ и прыгаетъ какая-то движущаяся сплошная масса—все лягушки, одна на другой, темно-коричневыя, до полувершка росту; дойдя до рва, падаютъ въ него. Милліарды ихъ захватили уголъ и милліарды ползутъ по рву далѣе. Было надъ чѣмъ похохотать, было о чемъ и потолковать. Откуда эти незванныя гостьи? Съ вечера была гроза въ горахъ и сильный дождь, но въ лагерѣ дождикъ былъ не великъ. Отъ подошвы горъ почти до Кубани тянутся тлахо-фиштскія болота. Между разными своеобраз-

ными предположеніями установилось одно, что лягушки упали вмѣстѣ съ дождемъ въ болото. Accordez? Зачѣмъ же лягушкамъ не остаться въ болотѣ, кажется, ихъ стихія, ихъ царство? Солдаты порѣшили, что это вспомогательное войско пришло къ горцамъ. Смѣялись много надъ секретомъ, который, услышавъ приближающійся глухой шумъ, прежде свиснулъ, потомъ выстрѣлилъ, но когда лягушки полѣзли на него въ рукопашную, началъ отряхиваться и, не выдержавъ натиска, бѣжалъ.

У насъ, кромѣ полковыхъ обозовъ, былъ огромный транспортъ съ лѣсомъ, который мы везли для карауленъ и жилыхъ домовъ. Когда все было готово, мы выступили и съ нашимъ огромнымъ обозомъ потянулись черепашьимъ шагомъ по плоскости, по отдѣланной дорогѣ, къ Абинскому укрѣпленію, построенному еще въ прошломъ году. Справа и слѣва— огромныя болота. Кромѣ авангарда и аріергарда, весь отрядъ шелъ съ боку нашего нескончаемаго обоза, со стороны горъ, служа резервомъ густой застрѣльщичьей цѣпи, отъ коей, далѣе въ поле, линейскіе казаки со своими резервными сотнями фланкировали все шествіе. По дорогѣ шла артилерія и обозъ. Горцы издали съ любопытствомъ слѣдили за нашимъ шествіемъ.

Тотчасъ по прибытіи на мѣсто занялись складомъ матеріяловъ и разбитіемъ укрѣпленія. Простора не было. Ущелье здѣсь хотя было довольно широко, образуя площадь, въ серединѣ которой протекала рѣчка, но со всѣхъ сторонъ было окружено лѣсистыми горами.

Въ отрядѣ находился начальникъ 20-й дивизіи генералъ-лейтенантъ Малиновскій. Полякъ, человѣкъ добрый, привѣтливый, большой говорунъ, и былъ ужъ старъ. Бывъ въ одномъ чинѣ съ командующимъ войсками, онъ думалъ, что имѣетъ право разсуждать о распоряженіяхъ начальника. Генералъ Вельяминовъ его не долюбливалъ и не особенно уважалъ.

Оставивъ здѣсь, при складѣ, два баталіона, 8 орудій моей

бригады и сотню линейскихъ казаковъ, подъ моимъ начальствомъ, генералъ Вельяминовъ взялъ весь опроставшійся транспортъ для отправленія на линію и выступилъ съ отрядомъ къ Абинскому укрѣпленію. Отправивъ оттуда транспортъ въ Ольгинское и сдѣлавъ нужныя распоряженія, онъ чрезъ недѣлю вернулся къ намъ.

Первое отдѣльное, самостоятельное порученіе, данное мнѣ начальствомъ въ военное время, удивило не меня одного, но и многихъ. Въ первую ночь по отбытіи отряда я не спалъ вовсе; не говорю уже, что съ вечера объѣздилъ всѣ посты и самъ въ приличныхъ мѣстахъ поставилъ секреты. Ночь прошла спокойно. Но когда на другой день солдаты изъ секрета сказали мнѣ, что видѣли на холмѣ, выше въ ущельи, горцевъ, наблюдавшихъ за лагеремъ, я приказалъ очистить холмъ отъ лѣса и, сдѣлавъ тамъ крѣпкій завалъ изъ бревенъ, поставилъ роту, которую смѣнялъ ежедневно. Днемъ на нѣсколько часовъ я раздѣвался, но ночью ложился одѣтый; лошадь ночью была всегда осѣдлана. Какъ начнетъ смеркаться, начиналась перестрѣлка съ подползавшими горцами, но, къ счастью, безвредная—раненыхъ не было. Когда, на восьмой день, генералъ Вельяминовъ вернулся съ войсками и я, выѣхавъ ему на встрѣчу, отрапортовалъ о благосостояніи отряда, онъ, послѣ обычнаго—„здравствуй, дражайшій,“ спросилъ: „а гости были?“

— Всякій вечеръ жаловали—помѣняются выстрѣлами и отойдутъ; раненыхъ нѣтъ.

Узнавъ же, что я всѣ приказанія его исполнилъ, онъ былъ доволенъ. И я былъ очень доволенъ, что мое начальствованіе кончилось благополучно.

Начали строить укрѣпленіе, казармы для одной роты, командирскій домъ, офицерскій, караульню и прочая; ходили на фуражировки, вступали въ перестрѣлки, имѣли раненыхъ и убитыхъ, т. е. все, какъ слѣдуетъ. Особенностей въ этой экспедиціи—никакихъ. Выстроивъ укрѣпленіе, мы, въ октябрѣ,

вернулись на линію. За эту экспедицію я былъ произведенъ въ полковники.

Припоминаю, какъ послѣ одной изъ нашихъ прогулокъ въ шапсугскіе аулы привезли въ лагерь раненымъ молодого князя Барятинскаго. Бывая у полковника Безобразова (командовавшаго всей кавалеріей отряда), съ которымъ онъ жилъ, я познакомился съ молодымъ и блестящимъ представителемъ нашей аристократіи. Всѣ, знавшіе его, искренно жалѣли о немъ. Говорили, что рана смертельная. На другой день я пошелъ его провѣдать. Вхожу въ палатку: священникъ во всемъ облаченіи, нѣсколько офицеровъ; служителя князя цѣлуютъ руки и прощаются съ нимъ. Видя сомнительныя мины медиковъ и услышавъ слово „смертельная," князь пожелалъ исполнить послѣдній долгъ христіанина. Я подошелъ къ постели, онъ слабо пожалъ мнѣ руку. Видя на смертномъ одрѣ молодого человѣка, только-что начавшаго жить, котораго природа одарила и тѣлесною красотою, и знатностью, и богатствомъ, я невольно прослезился. По выходѣ изъ палатки, грусть напала на сердце, и томительныя мысли о несообразныхъ дѣйствіяхъ неминуемой судьбы не оставляли меня, покуда я не сбросилъ гнетъ этихъ безсильныхъ попытокъ человѣческаго самонадѣяннаго ума, сказавъ: „да будетъ воля Твоя, Господи!" Но скоро утѣшительныя извѣстія обрадовали принимавшихъ участіе въ положеніи князя Барятинскаго: крѣпкая натура, сильное, здоровое тѣлосложеніе пересилили опасную болѣзнь. Чрезъ 19 лѣтъ мы вмѣстѣ били турокъ, а потомъ онъ былъ намѣстникомъ кавказскимъ, побѣдителемъ Шамиля, фельдмаршаломъ....

Удивительно, что все лѣто, проведенное на чистомъ воздухѣ, лихорадка не безпокоила меня, а только-что попалъ подъ крышу—опять принялась трепать, наскучила, неотвязчивая! Доктора говорятъ: чтобы избавиться отъ осенней лихорадки, надобно перемѣнить мѣсто жительства. Оно, можетъ, и такъ, да кавказскую службу мнѣ оставлять не хочется.

Въ Ставрополѣ всѣ вечера въ недѣлѣ были разобраны. Напьются чаю, задымятъ трубки, засядутъ въ карты и бьются до часа и двухъ заполночь. Я въ карты не игралъ, въ шахматы не было охотниковъ; посидишь, поболтаешь съ дамами о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, и въ 10 часовъ домой. Я пересталъ ужинать—кусокъ чернаго хлѣба съ солью и стаканъ холодной воды, потомъ побалагуришь съ Приблудомъ, закуришь трубку, а тамъ—я на постель, а онъ—на коверъ подлѣ печки, и оба въ 6 часовъ были ужъ на ногахъ. Дурная привычка въ постели читать; но, придетъ время, отвыкну. Послѣ чая приходятъ адъютантъ, казначей; займешься бумагами, дѣлъ не много. Возьмешься за журналы, хорошо если попадется военная или историческая статейка, а то, прости Господи, дрянь да болтовня! Да и артилерійскій журналъ—возьмешь въ руки, думаешь, вотъ научитъ чему, перелистываешь да и бросишь. Ну, изъ своей избы сору выносить не надобно.... Передъ обѣдомъ пойдешь гулять, зайдешь куда или верхомъ проѣздишь съ часокъ, къ обѣду—домой, свои господа ждутъ; удалось залучить еще кого—хорошо! Уйдутъ господа, сядешь читать или пишешь что нибудь до чая. Такъ день за днемъ, съ малымъ разнообразіемъ. Два-три раза въ мѣсяцъ пойдешь обѣдать къ Алексѣю Александровичу Вельяминову и его разговоромъ какъ будто освѣжишься. Своеобычный человѣкъ былъ. Самъ ѣлъ такъ мало, что и трехлѣтній ребенокъ бы остался голоденъ при такой діэтѣ, а любилъ, чтобы у него было ежедневно человѣкъ двадцать за столомъ, чтобы огромные ростбифы, затѣйливыя блюда и разныя поварскія ухищренія подавались къ его столу. Самъ ихъ не ѣлъ, довольствуясь иногда молочнымъ супомъ, иногда бульономъ и кусочкомъ говядины; но когда увидитъ, что кто изъ сидящихъ за столомъ понимаетъ поданное блюдо и съ знаніемъ дѣла принимается уписывать его за обѣ щеки, глаза амфитріона проясняются, улыбка удовольствія появляется на холодной физіономіи, и сердце его радуется, что

онъ нашелъ человѣка, умѣющаго ѣсть со вкусомъ и понимающаго, что̀ онъ ѣстъ. Благороднѣйшій человѣкъ! Много спускалъ онъ молодости, если видѣлъ, что въ проступкѣ только молодость виновата; всегда радъ былъ дѣлать добро, радовался, когда дѣлали добро другіе, но низостей не прощалъ.

Такъ прошла зима; съ весною—опять въ объѣздъ по бригадѣ, а въ апрѣлѣ опять на сборный пунктъ къ Ольгинскому укрѣпленію, въ экспедицію противъ горцевъ.

Въ эту экспедицію мы выстроили укрѣпленіе Кабардинское у устья р. Дообъ, впадающей въ Черное море, и на отвѣсной скалѣ, вдоль всего залива, продолжали дорогу къ Геленджику. Дорога эта доказываетъ опять своеобычность Вельяминова: ужъ дѣлать, такъ дѣлать хорошо! И сдѣлали чудное шоссе, какъ въ Финляндіи! А, кажется, можно было удовольствоваться и менѣе великолѣпною дорогою.

Вмѣсто генералъ-лейтенанта Малиновскаго былъ весною назначенъ начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Фезе, швейцарецъ, человѣкъ храбрый, служившій подъ начальствомъ барона Розена въ литовскомъ корпусѣ.

На фуражировку посылались малые отряды всѣхъ родовъ войскъ, подъ начальствомъ пѣхотныхъ полковниковъ, обыкновенно полковыхъ командировъ; производились онѣ чрезъ день, иногда чрезъ два дня. Если вмѣстѣ съ фуражировкой надобно было наказывать какія нибудь племена, то отрядъ увеличивался и генералъ Вельяминовъ посылалъ генерала Фезе, а иногда и самъ ходилъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда генералу Фезе приказано было непремѣнно сжечь притонъ разбойниковъ, я тоже пошелъ прогуляться. Отошедши верстъ 5 или 6 отъ лагеря, мы пошли по холмистой мѣстности, почти безлѣсной. Толпы горцевъ провожали насъ слѣва, идя по невысокому кряжу, далѣе ружейнаго выстрѣла; я и нѣсколько офицеровъ ѣхали при генералѣ. Увидѣвъ провожавшихъ насъ горцевъ, онъ закричалъ: „надобно прогнать ихъ; какъ они смѣютъ!“

Онъ былъ человѣкъ горячій, антиподъ генерала Вельяминова.

— А развѣ они намъ мѣшаютъ, ваше превосходительство? пускай ихъ смотрятъ—вѣдь не стрѣляютъ; они знаютъ, что ружье не хватитъ, сказалъ я.

— Прикажите, чтобы пушки стрѣляли!

— Ваше превосходительство, мы отсюда ихъ прогонимъ, они пойдутъ на другой холмъ; напрасно солдаты будутъ за ними бѣгать и утомляться.

— Прикажите стрѣлять! сказалъ онъ мнѣ и обратился къ адъютанту: чтобъ цѣпь шла на холмъ и рота въ резервѣ.

Горцы, видя, что орудіе снимается съ передка и цѣпь взяла съ ротою направленіе на холмъ, спустились съ него и ушли. Орудіе, сдѣлавъ выстрѣлъ ядромъ, стало на свое мѣсто, цѣпь и рота заняли холмъ, оставленный горцами. Генералъ поскакалъ туда—видитъ, что горцы стоятъ на другомъ холмѣ и смотрятъ на его продѣлки. Генералъ, разсердившись, приказалъ ротѣ и цѣпи идти на свое мѣсто. Я ужъ не подъѣзжалъ къ этому горячему человѣку, но полковникъ Пирятинскій, командиръ Кабардинскаго полка, говоритъ мнѣ:

— Да этакъ онъ солдатъ уморитъ безъ дѣла.

— Скажите ему объ этомъ, а мнѣ надоѣло говорить съ нимъ.

Сдѣлавъ еще версты 3—4, мы подошли къ аулу, который приказано сжечь. Мы спустились на поляну; передъ нами—рѣчка въ неглубокомъ оврагѣ, за рѣчкой, въ полуверстѣ, ущелье между лѣсистыхъ горъ, въ коемъ аулъ; ширина ущелья саженъ до 250-ти, длина съ версту. Въ аулѣ множество деревьевъ толщины необычайной, видно, что сплошной лѣсъ вырубленъ, чтобы поставить аулъ. По выходѣ изъ ущелья—холмистая поляна съ оврагами. Войдя въ ущелье, мы увидѣли, что аулъ оставленъ, пустъ. Двѣ роты съ четырьмя орудіями прошли аулъ, цѣпь справа и слѣва, по горамъ, соединила авангардъ съ

прочими войсками, не входившими въ аулъ. Поставивъ по два орудія на отлогихъ холмахъ—съ одного изъ нихъ видны были изгибы овраговъ—я расположился здѣсь позавтракать съ господами взводными командирами. Одна рота стояла совсѣмъ влѣво, другая, въ прикрытіи орудій, направо. Пріѣхалъ генералъ, посмотрѣлъ на расположеніе войскъ, на мѣстность. Все тихо, ни одного выстрѣла. „Никого нѣтъ; не осмѣлятся!“ сказалъ онъ, отъѣзжая. Я не противорѣчилъ ему, хотя былъ увѣренъ, что при отходѣ отъ аула намъ будутъ проводы. Вскорѣ аулъ запылалъ. Мы преспокойно завтракали, но, прохлаждаясь и болтая, въ оба посматривали на окрестность. Вскорѣ мы углядѣли, что въ оврагахъ, перерѣзывающихъ мѣстность, и за холмами началось движеніе, которое убѣдило, что шапсуги собираются съ честью проводить насъ. Часа чрезъ полтора генералъ опять пріѣхалъ къ намъ. Весь аулъ пылалъ; отдѣльныя сакли, разбросанныя въ ущельи между огромными деревьями, всѣ занялись; дымъ изъ ущелья валилъ къ намъ. Подъѣхавъ ко мнѣ на холмикъ, генералъ Фезе сказалъ:

— Тутъ никого нѣтъ; я прошу васъ, примите команду надъ аріергардомъ, и когда я пришлю вамъ сказать, то отведите роты отсюда. Я поѣду къ войскамъ.

— Очень хорошо, ваше превосходительство; прошу васъ послать адъютанта, чтобы пѣхота слушалась моихъ приказаній. Вамъ кажется, что здѣсь нѣтъ никого, между тѣмъ какъ всѣ овраги полны горцами, ихъ тысячи, и только-что мы тронемся—будутъ крѣпкіе проводы.

Генералъ Фезе недовѣрчиво улыбнулся и уѣхалъ.

Орудія были заряжены картечью. Желая, чтобы два орудія отступали въ линіи застрѣльщиковъ, я приказалъ взять отъ другихъ двухъ орудій запасныя сумы, и всѣ сумы наполнить картечными снарядами. Два орудія и четыре ящика (по одному на орудіе) должны были слѣдовать первыми чрезъ аулъ. Пѣхотнымъ ротнымъ командирамъ я сказалъ, чтобы, от-

дѣливъ по 15-ти человѣкъ къ каждому изъ двухъ орудій, которыя будутъ въ аріергардной цѣпи, остальныхъ людей выслали бы впередъ въ цѣпь, связывая боковыя цѣни, стоящія на отлогостяхъ горы, и чтобы застрѣльщики равнялись по орудіямъ или по моей бѣлой фуражкѣ—все равно. Получивъ приказаніе отходить, я послалъ фейерверкера посмотрѣть, какъ пожаръ около дороги? Онъ принесъ извѣстіе, что нѣсколько домовъ еще горятъ, но почти вся деревня уже сгорѣла. Я приказалъ быстро отходить ящикамъ, и когда пѣхота стала, какъ приказано было, орудія спустили съ холма; два другія стояли отдѣльно, впереди пѣхоты шаговъ на 50. Только-что начали спускать съ холма орудія, вдругъ изъ всѣхъ овраговъ выскочили горцы, но увидя, что мы стоимъ, начали стрѣлять. Картечь съ одного орудія... и, живо наложивъ назадъ на передокъ, отъѣхало. Другой выстрѣлъ—и другое отъѣхало... Тутъ горцы съ дикимъ крикомъ и визгомъ бросились впередъ, но были встрѣчены сильною ружейною пальбою и картечью изъ другихъ двухъ орудій. Толпы ихъ разсѣялись, какъ бы ошеломленныя. Тутъ ихъ много повалило, многихъ оттаскивали, много валялось. Мы стали отходить. Вначалѣ орудія пошли на пролонжахъ, но, войдя въ деревню, гдѣ изгибалась дорога и были наброшены полѣнья, пролонжи были брошены; дальше пошли на лямкахъ. Каждыя 20—30 сажень заднее орудіе останавливалось, переднее проходило мимо его; цѣпь останавливалась у стоящаго орудія. Толпы горцевъ, вбѣжавъ въ горящій аулъ, изъ-за оградъ, изъза деревьевъ стрѣляли въ нашихъ, иногда съ дикимъ гикомъ, шашки обнаживъ, бросались на цѣпь; цѣпь отстрѣливалась, картечь гуляла, резервы подбѣгали съ крикомъ „ура!“ Горцы оттаскивали своихъ раненыхъ, прятались за деревья; мы тихо отходили къ сзади стоявшему орудію и опять останавливались, покуда орудіе не занимало позади мѣста. Къ серединѣ ущелья деревья были чаще; горцы подбѣгали на 5—10 шаговъ къ цѣпи и изъ-за толстыхъ деревьевъ стрѣляли навѣрняка. Во вре-

мя всего отхода я былъ возлѣ орудій, пославъ въ началѣ его пѣхотныхъ унтеръ-офицеровъ къ боковымъ цѣпямъ съ приказаніемъ, чтобы 10 солдатъ всегда держались впереди фронтовой цѣпи. Любо смотрѣть было въ какомъ порядкѣ офицеры держали отходящія цѣпи и резервы; всѣ они, шашки наголо, были при резервныхъ кучкахъ: при сильныхъ и частыхъ натискахъ горцевъ малѣйшій безпорядокъ могъ быть гибельнымъ.

Половина аула была уже пройдена. Только-что выстрѣлившее орудіе зарядили и я приказалъ ему отходить, какъ артиллеристъ № 1, обернувъ банникъ, упалъ къ моимъ ногамъ. Орудіе ужъ двигалось назадъ. Я взялъ артиллериста за плечо, чтобы оттащить, но горецъ съ кинжаломъ въ рукѣ бросился ко мнѣ. Офицеръ ударилъ его шашкой, два штыка покончили съ нимъ. Нѣсколько горскихъ выстрѣловъ... резервъ съ крикомъ „ура!“ бѣжитъ впередъ. Я, съ помощью одного солдата, оттаскиваю раненаго артиллериста за орудіе... Резервъ отходитъ назадъ; тѣло убитаго горца ужъ утащили свои. Ранившій артиллериста горецъ былъ за толстымъ деревомъ, шагахъ въ 8-ми отъ орудія. Офицеръ и солдаты, обернувшись на выстрѣлъ и увидѣвъ подбѣгающаго горца, бросились ко мнѣ въ пору. Другая половина аула, уже выгорѣвшая и съ рѣдкими деревьями, доставляла намъ болѣе простора—и горцы оставили насъ. Благодаря порядку, въ которомъ гг. кабардинскіе офицеры сдерживали цѣпь, и резервамъ, которые, не увлекаясь погонею за горцами, тотчасъ возвращались къ цѣпи, ранены при отходѣ изъ ущелья 1 артиллеристъ и 11 пѣхотныхъ солдатъ. Когда мы вернулись на поляну, я приказалъ орудіямъ идти на свои мѣста, а самъ пошелъ къ генералу съ рапортомъ.

— Что вы долго шли? Ужъ очень медленно!... спросилъ онъ меня.

— Отходили въ порядкѣ.

— Ужъ очень мѣшкотно.

— Оттого, что мѣшкотно отходили—сказалъ я съ досадою—и раненыхъ мало.

— Да что у васъ тамъ было?

— По выстрѣламъ и по тому, что мы слишкомъ часъ шли какую нибудь версту, ваше превосходительство можете заключить, что проводы горцевъ были хороши.

При этомъ разговорѣ было нѣсколько офицеровъ. Всѣ подробности нашего дѣла и прогулки быстро разнеслись по лагерю. Вечеромъ пріятель мой полковникъ Полтининъ, храбрый командиръ Навагинскаго полка, пришелъ ко мнѣ и, разспрашивая, что и какъ было, говоритъ:

— Эхъ, братъ, послѣ картечи ты бы всей линіей на нихъ —такъ бы ихъ отдѣлалъ!...

— Для того, чтобы, увлекшись погоней, разстроиться, прійти въ безпорядокъ? Нѣтъ, родимый, и тебѣ этого не совѣтую. А сколько при свалкѣ было бы раненыхъ, да ихъ оттаскивать, а ну какъ въ суматохѣ оставишь кого? а орудія сзади одни... Нѣтъ, любезный, я безпорядка не люблю. Мы ихъ отпотчивали добрымъ порядкомъ; у насъ тронутыхъ мало—значитъ хорошо.

Полтининъ былъ вмѣстѣ со мною офицеромъ съ 1815 года и выпущенъ изъ корпуса въ пѣхоту. Мы познакомились еще во Франціи, находясь оба въ корпусѣ генерала Воронцова. Человѣкъ добрый, веселый, офицеръ храбрый, прямая русская душа. Слушалъ онъ меня со вниманіемъ, кажется, убѣдился, но—увы—совѣта моего никогда не могъ примѣнить къ дѣлу. Такія „ура“ для штыкового дѣла хороши, когда сильные резервы поддерживаютъ натискъ и сзади все въ порядкѣ.

На другой день, возвращаясь къ себѣ послѣ купанья въ морѣ, я увидѣлъ генерала Вельяминова на берегу. Я подошелъ, поклонился.

— Здравствуй, дражайшій; а что твоего артилериста крѣпко ранили вчера?

— Будетъ здоровъ, ваше превосходительство—въ ногу выше колѣна.

Этотъ вопросъ былъ мнѣ наградою, потому что Вельяминовъ никогда бы не спросилъ меня о раненомъ, еслибы не былъ увѣренъ, что вопросомъ этимъ сдѣлаетъ мнѣ пріятное. Правда, холодный, но добрый, высокой честности и свѣтлаго ума человѣкъ былъ Алексѣй Александровичъ!

Окончивъ Кабардинское укрѣпленіе со всѣми его постройками, снабдивъ его фуражемъ и нарубивъ для гарнизона дровъ на зиму, мы, въ октябрѣ, пошли въ обратный путь для распущенія отряда. На одномъ изъ переходовъ, когда надобно было переходить густой лѣсъ, лазутчикъ привезъ извѣстіе, что въ очень дурномъ мѣстѣ горцы сдѣлали засаду и что ихъ собралось много изъ всѣхъ селеній. Генералъ Вельяминовъ, у котораго не было въ расчетѣ безъ нужды терять людей, спрашиваетъ лазутчика:

— Нельзя ли обойти мѣсто, гдѣ горцы насъ ждутъ?

— Можно; но дороги нѣтъ—все болото, много камышъ, много кабанъ.

— Пройти можно, не завязнемъ?

— Зачѣмъ завязнуть? пройти можно.

И пошли влѣво, чрезъ лѣсъ, оставивъ горцевъ ждать насъ. Скоро вышли на поляну; предъ нами другой лѣсъ—болотный камышъ: казакъ верхомъ съ пикой дѣлался невидимъ, только конецо пики видать поверхъ камыша, и толщина его пальца въ два. Генералъ приказалъ полусотнѣ казаковъ стать въ одну линію, а остальнымъ казакамъ ѣхать за нею, чтобы смять камышъ и прочимъ войскамъ и обозу сдѣлать дорогу. Стройно вошли казаки въ болото, которое, къ счастью, отъ знойнаго лѣта и хорошей осенней погоды не было особенно вязко. Баталіона два пѣхоты, четыре орудія вошли въ камышъ. Вязковато, кочковато, но, ничего—идти можно; утаптываемый камышъ помогалъ шествію. Генералъ со свитою поѣхалъ за

орудіями; я былъ при немъ. За нами шелъ весь обозъ; съ правой стороны его—роты пѣхоты въ рядахъ, съ лѣвой—необозримое болото. Всѣ прочія войска—за обозомъ. Съ каждымъ шагомъ мы отдалялись отъ лѣса, лежавшаго справа, и входили все болѣе въ болото. Вдругъ пѣхота впереди остановилась. Крикъ, шумъ непонятный; впереди ѣхавшіе казаки разсыпались, скачутъ во всѣ стороны, гикаютъ; въ пѣхотѣ шумъ увеличивается. Общій переполохъ... Офицеры изъ свиты генерала поскакали впередъ, чтобы узнать причину суматохи, и попадаютъ... въ тылъ охоты на кабановъ! Генералъ строго приказалъ, чтобы сотня казаковъ ѣхала впереди и топтала камышъ, а пѣхота не останавливалась; со стороны болота, по протяженію обоза и артилеріи, велѣно идти ротамъ пѣхоты въ рядахъ. Какъ только вѣсть о кабанахъ дошла до казаковъ, ѣхавшихъ сзади, они понеслись впередъ, много офицеровъ за ними. Всѣ разсыпались по камышамъ, справа и слѣва отряда. Стадо кабановъ, всполошенное казаками, бросилось, какъ угорѣлое, во всѣ стороны. Охотники, кто съ пикой, кто съ ружьемъ, кто съ шашкой наголо, гнались за ними. Разъяренныя животныя бросались на нихъ, бросались и въ ряды солдатъ, но вездѣ находили смерть то отъ штыковъ, то отъ мѣткой пули, то отъ сильнаго удара пики. Das war eine wilde Jagd! Хорошо что и съ лѣвой стороны, со стороны болота, приказано было идти пѣхотнымъ ротамъ въ рядахъ, а то обозу и артилеріи прошлось бы недосчиться нѣсколькихъ лошадей. Впрочемъ, главная охота была впереди отряда, и продолжалась версты три въ самой чащѣ густого камыша. Сдѣлавъ 5—6 верстъ по болоту, мы вошли опять на дорогу въ рѣдкомъ лѣсу и сдѣлали привалъ. Я сидѣлъ съ господами подлѣ саперной роты и мы много смѣялись разнымъ случайностямъ этой экспромптной охоты; вдругъ кабанъ бѣжитъ передъ фронтомъ роты. Одинъ саперъ схватилъ ружье и, когда кабанъ поровнялся съ нимъ, нырнулъ его шты-

комъ. Кабанъ бѣжитъ, солдатъ, держа ружье, бѣжитъ съ нимъ, но не могъ выдернуть штыка и упалъ, все держа ружье. Кабанъ волочитъ его, онъ выпускаетъ ружье. Взрывъ насмѣшекъ встрѣтилъ его, когда онъ вернулся къ ротѣ безъ ружья. Къ счастью, кабана скоро убили и возвратили ружье пристыженному солдату.

Das war eine wilde Jagd! Но веселье не прошло безъ плача: кажется, двѣ лошади были распороты клыками, а упавшаго съ лошадью казака чуть не поднялъ на острый клыкъ разъяренный звѣрь, но товарищъ успѣлъ спасти несчастнаго, вонзивъ пику въ кабана. Такъ какъ всѣ собаки отряда принимали участіе въ охотѣ, то и ихъ недосчитались. Зная задоръ Бѣлки, я крѣпко боялся за нее, но она благополучно вернулась къ артилеристамъ. Приблудъ, какъ благоразумное животное, не отходилъ отъ моего Черкеса (верховая лошадь); съ усиленнымъ виляніемъ хвоста, онъ болѣе обыкновеннаго ласкался ко всѣмъ знакомымъ въ свитѣ генерала, прикрывая тихимъ, будто веселымъ лаемъ свою природную... трусость. Фу! насилу проговорилъ—такое гадкое слово.

На другой день въ отрядѣ, кажется, не было котла, въ которомъ бы не варилась кабанина, и не было костра, гдѣ бы не жарился шашлыкъ.

Прійдя къ Ольгинскому укрѣпленію, я приказалъ тотчасъ освидѣтельствовать артилерію. Утромъ, когда я шелъ къ батареямъ, чтобы повѣрить освидѣтельствованіе, мнѣ встрѣчается адъютантъ генерала Вельяминова, завѣдывавшій во время похода хозяйственною частью.

— Что вы, Эдуардъ Владиміровичъ, ужъ такъ давно у насъ не обѣдали? Приходите сегодня, у насъ кабаньи котлеты будутъ очень нѣжныя—всю ночь были въ землѣ зарыты.

— Въ землѣ зарыты? спросилъ я—это зачѣмъ?

— А чтобъ нѣжнѣе были.

— Хорошо, прійду.

Освидѣтельствованіе артилеріи взяло время, и я только къ 12-ти часамъ (часъ обѣда генерала Вельяминова) успѣлъ кончить его. Чрезъ четверть часа я былъ ужъ у кибитки Алексѣя Александровича, спрашиваю деньщика: „ужъ обѣдаютъ?“ —Никакъ нѣтъ-съ, васъ поджидаютъ.—Вхожу.

— Здравствуй, дражайшій; а мы тебя поджидали!

— Извините, ваше превосходительство, что опоздалъ.

— Ничего, братъ; ты за дѣломъ былъ, мы и обождали; Х—ъ сказалъ, что ты кабаньихъ котлетъ отвѣдать хочешь, и дѣло.

Когда я ѣлъ эти, правда, превкусно изготовленныя котлеты, Алексѣй Александровичъ смотрѣлъ на меня, какъ будто самъ наслаждался и глазами спрашивалъ: „что, каковы?“ а между тѣмъ онъ только для вида съѣлъ кусочка два. Воздержанъ былъ во всемъ, но своеобыченъ—любилъ видѣть удовольствіе другихъ и доставлять его.

Въ эту экспедицію на насъ, артилеристовъ, стряслась бѣда. Алексѣй Александровичъ получилъ бриліянты на Александра Невскаго. Рѣшили отпраздновать обѣдомъ, пришли просить меня сдѣлать фейерверкъ; согласились. Командиръ резервной батареи подполковникъ М—скій взялся дѣлать его при своей батареѣ. Я просилъ его назначить непремѣнно офицера. „Я самъ буду смотрѣть, я охотникъ, будьте покойны“—былъ отвѣтъ. Я бывалъ у него въ палаткахъ, гдѣ работали—все въ порядкѣ. Въ обѣденное время, только-что лаборатористы пошли обѣдать, видитъ подполковникъ, что въ одной палаткѣ солдатъ третъ смѣшанный составъ; онъ приказываетъ ему перестать и идти обѣдать.

— Сейчасъ, ваше высокоблагородіе—вотъ кончу.

— Ступай, ступай! говоритъ подполковникъ, но, не выпроводивъ солдата, уходитъ самъ обѣдать. Едва онъ сѣлъ съ господами за столъ, какъ раздался взрывъ. Въ этой палаткѣ было полбоченка пороха, на двухъ столахъ лежали расти-

раемые составы и нѣсколько уже набитыхъ ракетъ. Эти несчастныя ракеты и поранили нѣсколько солдатъ. Къ счастью, другія палатки остались цѣлы; но еслибы зажглась палатка, въ которой были уже готовыя штуки и ракеты съ привязанными хвостами—Боже упаси отъ такой бѣды!

Въ прошломъ 1835 году былъ приказъ Генералъ-Фельдцейхмейстера, чтобы при батареяхъ фейерверковъ не дѣлать; а тутъ какъ-разъ, по приказанію бригаднаго командира, ну хоть по согласію его, предъ его глазами—несоблюденіе приказа! Я донесъ рапортомъ начальнику артилеріи о случившемся, онъ—въ Петербургъ, и я ждалъ, что будетъ строгое взысканіе. Ничего, ни одного слова: донесеніе начальника артилеріи осталось безъ отвѣта. Милость неожиданная Великаго Князя Михаила Павловича!

Опять привязалась лихорадка. Какъ подъ крышу—такъ и она тутъ. На улицѣ нельзя шапки снять, чтобы поклониться кому, какъ она тряхнетъ; и все крѣпче пароксизмы, и жаръ большой, и транспирація сильнѣе. Наскучило глотать эту латинскую кухню безъ толку!

Въ Ставрополѣ домъ командующаго войсками со штабомъ и съ пристройками находится на горѣ; онъ одноэтажный. 24-го ноября, въ день св. Екатерины, мы были на вечерѣ у дежурнаго штабъ-офицера полковника Л—ва. Домъ, имъ занимаемый, стоялъ фасадомъ на площадь, а съ площади—ворота во дворъ. Снѣгъ ужъ лежалъ большой, особенно на горѣ. Общество собралось большое, много танцовали, было весело. Послѣ ужина я вышелъ, чтобъ сказать подавать сани. „Еще не пріѣзжали,“ отвѣчаетъ деньщикъ. Ворота заперты, страшная метель. Оказалось, что изъ дома нѣтъ выхода—домъ занесло снѣгомъ по крышу и снѣгъ мететъ уже черезъ ворота. Волей-неволей должны были остаться до поздняго утра. Хозяйка увела дамъ въ спальню и въ уборную, и тамъ, какъ были, такъ и размѣстились на ночь на постеляхъ, на диванахъ и на мягкихъ

стульяхъ. Часть господъ сѣла играть въ карты, многіе улеглись на диванахъ и стульяхъ въ гостинной и въ залѣ. Полковникъ баронъ К—ъ, недавно прибывшій, предлинный, сухой, поставилъ пять стульевъ и, улегшись на нихъ, заснулъ. Какой-то проказникъ придвинулъ еще 5, на случай если со сна потянется. Наутро выслали роту, снѣгъ отгребли отъ воротъ и со всѣхъ концовъ города прибывшіе экипажи развезли запоздалыхъ гостей.

Всякій вечеръ гдѣ нибудь собиралось общество. Играли въ карты, aux petits jeux, болтали, проводили время, какъ и вездѣ. Общество было небольшое, и потому партіи въ карты составлялись часто изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, что сегодня, то завтра. Играли по небольшой, кажется, болѣе въ преферансъ. Вотъ, въ началѣ зимы, на одномъ столикѣ, около котораго собирались все обычные игроки, было сдѣлано предложеніе, всякому записывать ежедневный выигрышъ и проигрышъ, чтобы узнать, кому за зиму повезетъ счастье. Дали другъ другу честное слово записывать вѣрно. Въ половинѣ марта, когда кончались вечера, всѣ принесли записки и сосчитали: оказалось, что всѣ проиграли. Спрашивается, кому? Людямъ за карты.

(Продолженіе будетъ).

СЛУЖБА АРТИЛЕРІЙСКАГО ОФИЦЕРА,

воспитывавшагося въ I кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 году.

(Продолженіе).

XV.

Экспедиція 1837 ГОДА. „Спасибо, дражайшій.“ Полкорникъ Горскій. Мѣтйдъ въ голову, а попалъ въ сигару. На р. Пшадѣ. Купанье въ морѣ. Пріѣздъ въ отрядъ корпуснаго командира. Буря. „Вы не бережете корпуснаго командира.“ Непризнанный совѣтъ англичанина. Досада о потеряхъ людей высказывается. Фуражировка подъ моимъ начальствомъ. Сдѣланный мною выводъ. Авось. И дѣло дѣлаешь, да не всѣ похвалятъ. Бѣлка отличилась. Простое слово, а пріятно слышать. Въ Геленджикѣ. Государь въ отрядѣ. „Не подымайте выше.“ По Закавказью. Громовой ударъ. Подешевле. Смотръ въ Ставрополѣ. Слѣдствія путешествія Государя. По совѣту—дѣло. Перемѣнить климатъ.

Въ апрѣлѣ отрядъ собрался обычнымъ порядкомъ при Ольгинскомъ укрѣпленіи и мы выступили, чтобы идти къ устью р. Пшадъ. Нынѣшній годъ предположено было выстроить два береговыхъ укрѣпленія—на р. Пшадѣ и на р. Вуланѣ. До самаго Геленджика насъ горцы мало безпокоили, но когда отъ этого укрѣпленія мы вдались въ горы, то перестрѣлка сдѣлалась серьознѣе. На одномъ изъ переходовъ мы шли долиною; влѣво—глубокій оврагъ съ крутыми берегами, за нимъ лѣсистыя горы; вправо отъ насъ—лѣсъ, то близко къ дорогѣ, то отходя къ горамъ. Отъ вправо лежащихъ горъ выходилъ сказанный оврагъ и круто поворачивалъ влѣво, направляясь какъ бы намъ на встрѣчу. Дорога поворачивала въ лѣсъ, но проводникъ совѣтовалъ лучше идти прямо до поворота

оврага и тутъ спуститься, потому что горцы засѣли и ждутъ насъ при выходѣ изъ лѣса, гдѣ оврагъ очень крутъ и надобно его долго разрабатывать, чтобъ спускать обозъ. Генералъ, во избѣжаніе безполезной потери и людей, и времени, приказалъ идти прямо до заворота оврага. Пройдя съ версту, отрядъ остановился, какъ стоялъ, и на изгибѣ оврага началъ раздѣлывать дорогу. Авангардный баталіонъ, четыре легкихъ орудія и сотня казаковъ перешли оврагъ и заняли позицію впереди, въ долинѣ. Генералъ сѣлъ на барабанъ и смотрѣлъ на работу. Я поѣхалъ назадъ, чтобы позавтракать, но, не найдя ни адъютанта, ни деньщика при орудіяхъ, поѣхалъ дальше. Войска отдыхали. Тамъ, гдѣ дорога сворачивала въ лѣсъ, остановился обозъ. Онъ стоялъ въ порядкѣ, гуськомъ; лошадямъ подкладывали кипы сѣна. Что это? Одна повозка ѣдетъ въ лѣсъ; я поѣхалъ за нею посмотрѣть, куда ѣдетъ. Впереди еще одна; донской казацкій офицеръ, съ нимъ два-три казака.

— Куда вы ѣдете?

— А тутъ прямая дорога; впереди проѣхали повозки.

Я поѣхалъ впередъ. Еще повозка; слышны выстрѣлы... Я поскакалъ, офицеръ съ казаками за мной. Подскакавъ къ опушкѣ лѣса, видимъ—въ оврагѣ пароконная офицерская повозка лежитъ опрокинутая и раненый солдатъ старается всползти по крутому берегу оврага. Еще нѣсколько выстрѣловъ...

— Возьмите солдата, верните всѣ повозки, чтобы не смѣли ѣхать черезъ лѣсъ. Проворнѣе! сказалъ я офицеру и, спустившись въ оврагъ, поскакалъ.

Еще выстрѣлы... За оврагомъ чистая долина. Я прискакалъ къ авангарду, взялъ роту пѣхоты, два орудія и, поставивъ противъ горы, заросшей мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, велѣлъ сняться съ передковъ. Съ горы выстрѣлы—ранили лошадь и артилериста. Картечь... другая... застрѣльщики лѣзутъ на гору. Еще картечь... нѣсколько горскихъ выстрѣловъ—мимо. Какъ меня не задѣло—я все былъ верхомъ

у орудій. Я взялъ роту и пошелъ въ гору. Мелкій лѣсъ, частый кустарникъ, а потомъ поляна, шедшая въ гору, и оврагъ справа. Горцы пропали. Въ частомъ кустарникѣ нѣсколько срубленыхъ деревьевъ. Занявъ лѣсъ, я остановилъ роту на этомъ отрогѣ горъ и съѣхалъ въ долину. Тутъ былъ адъютантъ и деньщикъ съ закуской. Я слѣзъ съ Черкеса и мы расположились завтракать; но не успѣлъ деньщикъ разложить бурку, какъ подъѣхалъ къ намъ генералъ со свитой. Я всталъ и пошелъ на встрѣчу.

— Что тутъ такое, зачѣмъ стрѣляли?

Я разсказалъ все какъ было, что засѣвшихъ въ кустахъ, по горѣ и въ оврагѣ горцевъ прогналъ картечью, а потомъ съ ротою занялъ лѣсокъ на холмѣ.

— Гдѣ же рота? спросилъ Вельяминовъ.

— Въ лѣсу; застрѣльщики заняли опушку и кусты въ оврагѣ; лѣсокъ не великъ, а тамъ—довольно большая поляна.

— Ты былъ тамъ? спросилъ Вельяминовъ, смотря на меня.

— Я самъ съ ротой ходилъ наверхъ и разставлялъ застрѣльщиковъ. Прикажете спустить роту?

— Нѣтъ, оставь тамъ. Спасибо, дражайшій! А чья повозка первая поѣхала?

— Не знаю, ваше превосходительство, а солдата ранило.

— Ну и по дѣломъ ему. Спасибо тебѣ.

Зимой въ этомъ году я прихожу разъ къ пріятелю моему полковнику Горскому. Онъ рисуетъ.

— Опять что-то пачкаешь? спросилъ я его.

— Это для тебя, въ воспоминаніе того „спасибо,“ что тебѣ Вельяминовъ при всѣхъ насъ сказалъ—помнишь, когда ты прогналъ горцевъ изъ оврага, въ которомъ они засѣли. Вотъ я всѣхъ насъ и рисую тебѣ на память.

— Спасибо тебѣ, Николай Ивановичъ; но зачѣмъ же ты не нарисовалъ, какъ мы были тогда—вы всѣ верхами за нимъ, а я, пѣшій, у его лошади?

— Да, точно, это было бы лучше; но я вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ нарисовать поѣздъ нашъ въ горахъ. Ты назови эту картину: „Спасибо, дражайшій!“

И виситъ эта картина въ моемъ кабинетѣ до сихъ поръ, какъ намять прошлаго.

Этотъ пріятель мой, полковникъ Николай Ивановичъ Горскій, былъ немного оригиналенъ. Малаго роста, приземистый, кряжистый, добрый человѣкъ, умный, дѣльный генеральнаго штаба офицеръ, не только теоретикъ, но и практическій; никогда не передвигалъ разъ поставленныя лагеремъ войска, чему научилъ и подчиненныхъ. Но военныхъ способностей, выставляющихъ офицера изъ среды окружающихъ, кажется, не имѣлъ, кромѣ врожденнаго спокойнаго безстрашія. И такъ какъ характера былъ онъ прямого, неугодливъ, неуклончивъ, служилъ, а не прислуживался, то новое начальство и не выдвигало его. Генералъ Вельяминовъ былъ къ нему расположенъ. Горскій всегда былъ съ сигарой въ зубахъ. Эту странность мнѣ трудно забыть, и вотъ по какому случаю. Въ одинъ изъ переходовъ къ р. Вулану горцы дружно безпокоили наше шествіе; но когда мы вышли на просторную прогалину, такъ что весь отрядъ свободно расположился на привалѣ, они, казалось, оставили насъ въ покоѣ. Но не на долго! Скоро на занятой нами опушкѣ лѣса услышали перестрѣлку, все учащавшуюся. Наша дорога шла въ эту сторону, а потому я поѣхалъ къ стоявшимъ тамъ 4-мъ орудіямъ и вдвинулъ два орудія въ цѣпь, къ самой опушкѣ, на довольно удобное мѣсто. Послѣ двухъ картечныхъ выстрѣловъ горцы успокоились и перестрѣлка почти замолкла. Тутъ я увидѣлъ прискакавшаго Горскаго и подошелъ къ нему.

— Слѣзь, а то подстрѣлятъ.

— Что у васъ тутъ? Алексѣй Александровичъ прислалъ спросить.

Сказавъ еще разъ, чтобы онъ слѣзъ—„и полно, говори!“—

я положилъ сложенныя руки на его ногу и началъ разсказывать, что было. Вдругъ пуля выбиваетъ у него сигару изо рта и ударяется въ землю подлѣ лошади. Сигара упала мнѣ на руки, я подалъ ее ему, уже негодную.

— Бестіи, и докурить не дали!..

— Говорилъ я тебѣ, слѣзай!

Онъ уѣхалъ, я пошелъ къ застрѣльщичьей цѣпи и разсказалъ офицеру о выстрѣлѣ. Одинъ изъ солдатъ, слушая разсказъ, говоритъ: „Мы видѣли, ваше высокоблагородіе—это съ дерева мошенникъ выстрѣлилъ.“

Прелестное мѣстоположеніе устья р. Пшадъ обворожило всѣхъ; Алексѣй Александровичъ назвалъ его Царскимъ. Немедля, начали разбивать и строить укрѣпленіе. Казенные пароходы подвозили лѣсъ для построекъ. Опять начались фуражировки черезъ день или два; но чѣмъ глубже мы подвигались въ горы, тѣмъ сильнѣе становились перестрѣлки, что мы видѣли уже при слѣдованіи къ р. Пшадъ. Теперь генералъ Вельяминовъ сталъ посылать фуражировки подъ начальствомъ двухъ полковниковъ: состоявшаго при немъ Ольшевскаго—его довѣренное лицо—и командира Навагинскаго полка Полтинина, такъ какъ командиръ Тенгинскаго полка полковникъ Кашутинъ былъ сильно раненъ въ грудь.

Такъ какъ я страстно люблю купаться въ морѣ, то, несмотря на осень, опять вернулась моя неотвязная лихорадка и промучила меня зиму, а съ весною, на воздухѣ, оставила въ покоѣ. Ежедневно утромъ и вечеромъ, во всякую погоду, я ходилъ купаться. Охотниковъ было много, весь берегъ кишѣлъ народомъ—сотни купаются, сотни глазѣютъ. И какъ пріятно волна подымаетъ тебя, стоящаго съ разведенными руками, и потомъ, отнесши на себѣ подальше, ставитъ бережно на дно. Купаться въ морѣ—наслажденіе.

Еще въ Ставрополѣ ходили слухи, что нынѣшній годъ Государь посѣтитъ Кавказъ. Можетъ, по этому случаю кор-

пусному командиру пожелалось видѣть береговую линію. И вотъ пристаетъ пароходъ къ устью Пшада и мы встрѣчаемъ почтеннаго Григорія Владиміровича. Съ нимъ была небольшая свита; начальникъ штаба и начальникъ артилеріи были тутъ же. Для послѣдняго я уступилъ свой домикъ, а подлѣ разбилъ палатку для себя. Привѣтливое расположеніе ко мнѣ барона Розена не измѣнилось. Онъ подтвердилъ извѣстіе о пріѣздѣ Государя въ сентябрѣ въ нашъ отрядъ, и потомъ изъ Редутъ-кале въ Грузію. Послѣ обѣда у генерала Вельяминова начальникъ артилеріи вернулся къ намъ и съ удивленіемъ спросилъ меня: „Неужели на каждой фуражировкѣ теряютъ столько людей? Мы вставали изъ-за стола, когда полковникъ пришелъ съ рапортомъ, что 6 убитыхъ и 11 раненыхъ?“

— Это много—отвѣчалъ я—вѣрно, пришлось аулъ жечь и горцы крѣпко защищались. Потери бываютъ всегда, но не такъ значительны.

— Дорого же вамъ сѣно обходится.

На другой день баронъ Розенъ отправлялся на пароходѣ осматривать береговыя укрѣпленія и на мысъ Адлеръ, занятый нынѣшнимъ лѣтомъ абхазскимъ отрядомъ для постройки на немъ укрѣпленія. Начальникъ артилеріи предложилъ мнѣ проѣхаться съ ними. Испросивъ позволеніе у Алексѣя Александровича, я присоединился къ отъѣзжающимъ. Только-что мы вошли на пароходъ, какъ командиръ онаго, капитанъ 2-го ранга Хомутовъ, сказалъ корпусному командиру, что если вѣтеръ усилится, то быть бурѣ. И не долго ждали мы ее. Все болѣе и болѣе крѣпчавшій вѣтеръ высоко подымалъ волны—и разыгралось Черное море. Вскорѣ большая часть пассажировъ поддалась морской болѣзни. Кто ушелъ въ каюту, многіе разлеглись на палубѣ; бѣдные страдальцы, облегчаясь, были увѣрены, что наступилъ послѣдній ихъ часъ. Начальникъ артилеріи изъ первыхъ ушелъ въ каюту.

А пароходъ нашъ то поднимался огромною волною на

вершину, съ которой странно было смотрѣть въ глубокую хлябь морскую, то въ ту же секунду спускался, имѣя надъ собою горы волнъ, какъ бы хотѣвшихъ прикрыть насъ, но выносившихъ опять на высоту. Такъ море метало пароходъ, а онъ, безсильный, но духомъ покойный, продолжалъ держать свой румбъ на Адлеръ. Баронъ Розенъ ушелъ въ каюту, но скоро вернулся на палубу. Я не чувствовалъ никакого недуга. Перевязавъ платкомъ фуражку, чтобы вѣтеръ не сдулъ, и, крѣпко держась то за перилы, то за веревки, я вполнѣ наслаждался игрою волнъ.

— Вамъ бы быть морякомъ! сказалъ мнѣ Хомутовъ, проходя мимо.

— Нѣтъ ли опасности, однако? спросилъ его нашъ хладнокровный корпусный командиръ.

Изъ этого вопроса можно судить, какъ разыгралась стихія.

— Если съ земли не нанесетъ карчей въ колеса парохода, то ничего, ваше высокопревосходительство, благополучно, дастъ Богъ, пріѣдемъ въ Адлеръ.

И какъ всему, что имѣетъ начало, есть конецъ, такъ послѣ сильной грозы буря утихла и мы благополучно пристали къ мысу Адлеръ. Когда на палубу стали выходить одинъ за другимъ пассажиры, блѣдные, изнуренные и крѣпко облегченные, а потому и голодные, то приказали накрыть завтракъ. Усѣлись всѣ и съ большимъ аппетитомъ принялись за дѣло. Въ этотъ моментъ усиленной работы мускуловъ камердинеръ подходитъ къ Григорію Владиміровичу и говоритъ: „Докторъ Г. (корпусный штабъ-докторъ, пріѣхавшій съ барономъ) проситъ ваше высокопревосходительство пожаловать къ нему.“

— Гдѣ же докторъ? И вправду его нѣтъ здѣсь; гдѣ же онъ?

— Больной лежитъ, здѣсь недалеко.

Баронъ всталъ и нѣкоторые изъ насъ пошли за нимъ. Почтенный докторъ лежалъ на палубѣ блѣдный, совершенно разслабленный; подлѣ—матросъ съ тряпкою.

— Ну что, докторъ, еще у васъ не прошло? спрашиваетъ баронъ.

Докторъ тихо поворачиваетъ голову и слабымъ голосомъ говоритъ:

— Ваше высокопревосходительство, когда я умру, не оставьте жену и дѣтей моихъ.

Всѣ, бывшіе за полчаса въ такомъ же состояніи, разразились неудержимымъ смѣхомъ.

— Какія глупости говоритъ—отвѣчалъ Григорій Владиміровичъ—умирать вздумалъ, а чрезъ полчаса ѣсть попроситъ; мы оставимъ вамъ позавтракать.

И всѣ вернулись кончать начатое. Еще на пути въ Адлеръ баронъ подтрунивалъ надъ воскресшимъ докторомъ.

Прибывъ въ Адлеръ, корпусный командиръ поздоровался съ отрядомъ, осмотрѣлъ мѣстность, гдѣ построили потомъ укрѣпленіе св. Духа, и, переночевавъ, рано утромъ отправился съ нами на томъ же пароходѣ далѣе. Первую высадку сдѣлали въ Гаграхъ—маленькое, ничтожное укрѣпленіе, надъ нимъ лѣсистыя горы, а собакъ-то, собакъ! Да какія здоровыя, ласковыя; получаютъ казенный провіантъ, и бѣда абхазцу, который попадется имъ на зубокъ; онѣ сильно облегчаютъ сторожевую службу часовымъ.

Потомъ поѣхали въ Пицунду. Въ Бомборахъ пробыли часа полтора. По осмотрѣ укрѣпленія, пошли къ коменданту и завтракали. День былъ жаркій, мнѣ крѣпко захотѣлось кислаго молока. Я обратился къ поручику гарнизонной артилеріи.

— Вы женаты?

— Женатъ.

— Вѣрно, есть корова? нельзя ли у васъ достать кислаго молока?

— Сейчасъ спрошу у жены.

И черезъ пять минутъ поручикъ принесъ крынку холодной простокваши. Я усѣлся въ первой комнатѣ, предложилъ на-

чальнику артилеріи; тотъ, еще подъ вліяніемъ вчерашняго дня, съ ужасомъ отказался и разсказалъ о моей неосторожности. Григорій Владиміровичъ, услыхавъ, что есть кислое молоко, входитъ въ первую комнату и видитъ меня, прилежно работающимъ.

— Mais voyez donc, vous avez du lait caillé, donnez moi donc aussi une assiette.

— Volontiers, Excellence!—и подвинулъ къ нему крынку, тарелку съ ложкою и ломоть чернаго солдатскаго хлѣба.

Но только-что баронъ началъ ѣсть, похваливая—„mais c'est excellent"—какъ начальникъ штаба прибѣжалъ и началъ его уговаривать не ѣсть, припоминая вчерашній день.—„Какіе пустяки; это вамъ нездорово, а крѣпкому человѣку ничего, mais ce que le lait est excellent"—и тарелка очистилась.

Гарнизонной артилеріи офицеръ стоялъ тутъ же; я указалъ на него Григорію Владиміровичу: „вотъ нашъ благодѣтель!" Корпусный командиръ поблагодарилъ его, спросилъ фамилію; еще вопроса два—и мы отправились на пароходъ.

По дорогѣ генералъ Вольховскій выговаривалъ мнѣ, что я не берегу корпуснаго командира.

— Напротивъ, послѣ дѣла онъ имѣлъ пріятное наслажденіе.

— За которое поплатится.

Однако, все прошло благополучно.

Въ Сухумъ-кале ожидалъ барона Розена другой пароходъ, а Язонъ, на которомъ мы пріѣхали, принадлежалъ нашему отряду. Откланявшись всему начальству, я сѣлъ на Язона и въ тотъ же день вечеромъ обратно прибылъ въ отрядъ.

На возвратномъ пути я разговорился съ капитаномъ Хомутовымъ о морской службѣ и о продовольствіи людей на морѣ.

— Все бы хорошо, но сухари и соленая пища надоѣдаютъ людямъ.

Уходя съ парохода, я просилъ его послать со мною ма-

троса—можетъ, найду у артилеристовъ свѣжаго хлѣба, такъ онъ возьметъ для команды. Но одинъ матросъ не могъ снести тяжелой ноши. По просьбѣ моей, адъютантъ побѣжалъ къ артилеристамъ и, заплативъ за каждый хлѣбъ по рублю, нашелъ восемь свѣжихъ, въ тотъ же день испеченныхъ.

— Ахъ, ваше высокоблагородіе, вотъ команда-то спасибо скажетъ; дай Богъ вамъ здоровья! сказалъ матросъ на прощанье, отправляясь съ двумя артилеристами обратно на пароходъ.

Этотъ прекрасный пароходъ погибъ близь береговъ Чернаго моря въ весеннюю бурю 1838 года.

Окончивъ укрѣпленіе и постройки на рѣкѣ Пшадѣ, мы выступили далѣе на югъ, къ р. Вулану. Переходъ не великъ, но лѣсистыя горы выше, а жители горъ отважнѣе, не привыкши видѣть у себя непрошенныхъ гостей. Не знаю, были ли у нихъ учителя и наставники нынѣшній годъ, не слышно было о томъ, но въ прошломъ году два англичанина проживали въ горахъ и возбуждали горцевъ къ сильной оборонѣ. Лазутчикъ, пришедшій разъ къ генералу Вельяминову, разсказалъ, что послѣ перестрѣлки, во время которой у горцевъ было много убитыхъ, старшины, посовѣтовавшись между собою, попросили двухъ англичанъ къ себѣ на совѣщаніе. Когда кружокъ старшинъ чинно усѣлся, посадивъ англичанъ на почетное мѣсто, старѣйшій и болѣе уважаемый спросилъ ихъ:

— „Скажите, какъ же намъ драться, чтобы не пускать русскихъ къ себѣ? Кажется, мы деремся хорошо, а выходитъ все на одно—у насъ раненыхъ и убитыхъ много; жены и матери плачутъ, а русскіе все идутъ впередъ. Вотъ и вчера—сколько убитыхъ! Что намъ дѣлать противъ ихъ пушекъ? Скажите?“ Рыжій англичанинъ, выслушавъ длинную рѣчь, отвѣчалъ: „Противъ силы надо силу, а вы что дѣлаете? Когда русскіе приходятъ въ одно общество, то общество и дерется съ ними, а другія ждутъ, чтобы къ нимъ пришли; вотъ

васъ и бьютъ одного за другимъ. Вамъ надо всѣмъ соединиться и всѣмъ вмѣстѣ напасть на русскихъ, чтобы отнять у нихъ пушки.“ Сѣдой старшина посмотрѣлъ подозрительно на англичанина.—„Такъ вотъ твой совѣтъ? Всѣмъ соединиться!... Затѣмъ, чтобы разомъ всѣхъ побили! Если ты лучшаго ничего не выдумалъ, такъ и пріѣзжать незачѣмъ было.“ Старикъ всталъ; собраніе разошлось. Англичане должны были скоро уѣхать, ибо на нихъ стали косо смотрѣть.

Хорошо, что я всегда въ экспедиціи беру нѣсколько книгъ. Чай, обѣдъ, ужинъ, два раза въ день купанье, пройдешь по разнымъ частямъ артилеріи; посмотришь за тѣмъ, за другимъ; поболтаешь съ пріятелями—а всего дня не убьешь, и потому хорошо имѣть книгу подъ рукой.

Дней десять уже мы стоимъ на Вуланѣ. Черноморскіе баталіоны вмѣстѣ съ пѣхотою дружно трудятся надъ возводимымъ укрѣпленіемъ; но выбываніе людей изъ фронта на фуражировкахъ было непріятно генералу: черезъ день нѣсколько убитыхъ, нѣсколько раненыхъ. Вотъ полковникъ Полтининъ, возвращаясь, рапортуетъ Вельяминову, что 5 убитыхъ и, кажется, около 10-ти раненыхъ.

— Отчего такая потеря? Вѣрно безпорядокъ у васъ? говоритъ генералъ.

Безпорядокъ, можетъ, и бывалъ, но случилось вотъ что. Шли по полянѣ; влѣво лѣсистыя горы и ущелье. Застрѣльщичья цѣпь слѣва шла по тропѣ надъ подошвою горъ, голова цѣпи равнялась съ головою колонны, впереди шелъ унтеръ-офицеръ и 4 рядовыхъ. Кажется, все въ порядкѣ?... а вотъ, что случилось. Когда унтеръ-офицеръ и 4 рядовыхъ дошли до заворота въ ущелье и начали спускаться въ долину, горцы выскочили изъ-за скалы, два взмаха шашекъ—и двѣ головы слетѣли, два выстрѣла—и двое легли; пятый не тронутъ. Когда подошла слѣдующая пара и на выстрѣлы прискакали изъ отряда, увидѣли унтеръ-офицера и трехъ то-

варищей убитыми и три валяющихся ружья; горцы же скрылись. Нашъ храбрый Полтининъ былъ этимъ происшествіемъ до того встревоженъ, что послѣ рапорта генералу просилъ сказать въ штабѣ, что онъ боленъ. Я навѣстилъ пріятеля и нашелъ его въ тревожномъ состояніи. Спросъ о безпорядкѣ огорошилъ этого всегда веселаго, словоохотливаго человѣка.—„Не было безпорядка, но на этихъ фуражировкахъ за всѣмъ не усмотришь; бездѣльники, спрятавшись, все высматриваютъ и чуть только наши зазѣваются—глядь, и потеря.“ Я старался утишить его волненіе, но не успѣлъ.

Черезъ день, когда опять слѣдовало быть фуражировкѣ, часу въ шестомъ утра я былъ еще въ постели. Входитъ въ палатку деньщикъ и говоритъ—„Изъ штаба офицеръ пришелъ.“

— Проси.

— Алексѣй Александровичъ приказалъ вамъ идти на фуражировку. Ужъ войска готовы.

— Въ приказѣ назначенъ полковникъ Ольшевскій.

— Полковникъ ночью заболѣлъ; генералъ приказалъ вамъ идти.

Такъ вотъ какъ—подумалъ я—и довѣренное лицо заболѣло! Покуда Вельяминовъ ничего не говорилъ о потеряхъ, онъ былъ здоровъ, а какъ Полтинина пугнулъ, такъ и заболѣлъ. Пока я одѣвался, осѣдлали лошадь. Выхожу изъ палатки и вижу, что Бѣлка и Приблудъ ожидаютъ меня. Только-что я сѣлъ верхомъ, какъ они начали съ обѣихъ сторонъ весело прыгать къ мордѣ Черкеса. Добрый знакъ, подумалъ я.

Надо сказать, что генералъ Вельяминовъ приказалъ около лагеря версты на четыре не косить травы, а ходить дальше, въ горы, оставляя близлежащую для гарнизона укрѣпленія и на всякій случай. Такъ какъ мнѣ въ первый разъ пришлось быть начальникомъ фуражировки, то я хотѣлъ спокойно, на досугѣ, посмотрѣть, какъ лучше распоряжаться на нихъ; для

этого, пройдя довольно далеко отъ лагеря, я рѣшилъ скосить часть завѣтной травы съ отдаленной отъ лагеря стороны. Только-что мы остановились, одинъ изъ баталіонныхъ командировъ подъѣзжаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ, какому баталіону я прикажу быть въ резервѣ.

— Зачѣмъ баталіонъ? довольно роты.

Занялъ я огромное пространство для косьбы и разставилъ всю мою армію такъ, чтобы былъ взводъ въ цѣпи, а за нимъ той же роты взводъ въ резервѣ. Цѣпь оказалась довольно густою, резервы часты и не далеко другъ отъ друга; четыре орудія, по одному, въ приличныхъ мѣстахъ. А рота пѣхоты и два орудія—въ общемъ резервѣ. Казацкому офицеру приказалъ, чтобы казаки его разъѣзжали за цѣпью и, гдѣ будутъ выстрѣлы или что случится, тотчасъ давали знать въ главный резервъ. Занятая мѣстность была покрыта холмами, лѣсными прогалинами, частью лѣсомъ, словомъ—обыкновенная горная. Покуда я разставлялъ войска, пустые повозки и вьюки стояли у резерва; потомъ я распредѣлилъ какой части гдѣ косить и брать сѣно, и работа началась. Проѣзжая по разставленнымъ войскамъ и глядя то въ ту, то въ другую сторону, я усмотрѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на деревьяхъ солдатъ, чѣмъ-то прилежно занятыхъ. Подъѣхавъ, увидѣлъ, что они собираютъ лѣсныя яблоки и груши; а офицеръ тутъ же стоитъ и присутствіемъ своимъ какъ бы поблажаетъ этотъ безпорядокъ. Выговоривъ офицеру, я приказалъ ему смотрѣть, чтобъ живо косили и сбирали траву, а не занимались сборомъ лѣсныхъ фруктовъ. Солдатъ согнали съ деревьевъ—и косьба закипѣла. Когда она кончилась, я разставилъ въ порядкѣ обозъ, приказалъ цѣпи съ резервами и орудіямъ отойти съ занятыхъ мѣстъ и приблизиться на полуружейный выстрѣлъ къ обозу. Рота, бывшая въ резервѣ съ двумя орудіями, стала въ аріергардѣ. Въ такомъ порядкѣ мы двинулись въ лагерь. Во время косьбы не было ни одного

выстрѣла. Когда аріергардъ тронулся, нѣсколько безвредныхъ пуль просвистало, но, увидя, вѣроятно, орудія въ цѣпи, горцы замолкли. Въ полдень мы вернулись въ лагерь; я пошелъ къ генералу Вельяминову съ рапортомъ.

— Ты рано вернулся; куда ты ходилъ?

— Поблизости, версты три отъ лагеря.

— Вѣдь ты знаешь, дражайшій, что я не приказалъ тутъ косить.

— Знаю, ваше превосходительство; но такъ какъ я въ первый разъ хожу на фуражировку начальникомъ и мнѣ надобно было поучиться на досугѣ какъ дѣло дѣлать, то я и взялъ на себя на первый разъ скосить поближе.

— Ну хорошо, братецъ! но больше не трогай покуда этой травы.

Утромъ я чаю не пилъ, а потому съ наслажденіемъ выпилъ стаканъ, пропустивъ его черезъ засохшее горло.

Изъ этой первой фуражировки я вынесъ правило, что надобно содержать строгій порядокъ во все время фуражировки, что густая цѣпь съ малыми резервами предпочтительнѣе большихъ резервовъ и что надобно разставлять орудія въ цѣпи или около, а не держать цѣлый баталіонъ въ резервѣ и при немъ всю артилерію. Это были для меня общія правила, конечно, измѣняемыя по мѣстности и обстоятельствамъ. Въ слѣдующую фуражировку, т. е. черезъ день послѣ первой, я опять былъ назначенъ. Въ пять часовъ утра мы выступили, и я, призвавъ проводника, велѣлъ вести насъ въ то ущелье, у котораго убили унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ три дня тому назадъ. Передъ выступленіемъ я собралъ баталіонныхъ командировъ и гг. офицеровъ, которые назначались фуражирами. Я просилъ ихъ соблюдать все время порядокъ и, если увижу у кого солдата на деревѣ, то крѣпко взыщу и о начальникѣ донесу генералу Вельяминову; кислыя яблоки и груши хороши въ артельномъ котлѣ, но изъ-за нихъ терять солдатъ

не идетъ; а что я сказалъ—то сдѣлаю, и никакого безпорядка не потерплю. Съ тѣмъ и отпустилъ ихъ.

Въ ущельи я осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ погибли наши четыре солдата, и убѣдился, что съ дѣльнымъ офицеромъ въ цѣпи несчастья не случилось бы; онъ бы не позволилъ спускаться по тропѣ, имѣя гору влѣво, какъ стѣну. Пришли къ углу, горцы выскочили изъ-за угла, заросшаго кустарникомъ—и случилась бѣда. Надобно было или взять со всею цѣпью раньше въ гору, тогда бы горцы по добру по здорову ушли, чтобы не быть схваченными, или раньше спуститься въ долину, по которой шелъ отрядъ; но бѣда стряслась, и впредь будетъ случаться, покуда гг. офицеры не будутъ серьозно обдумывать и исполнять своихъ обязанностей, а служить спустя рукава, надѣясь на авось.

Авось! слово богатырское, сродное русскому народу, но не вездѣ примѣняемое. Пойдемъ къ толпѣ народа, стоящей на берегахъ Невы и глазѣющей на только-что тронувшійся ледъ. На серединѣ своей рѣка дружно отправляетъ льдины въ Финскій заливъ, но окраины еще держатся у береговъ. И полиція тутъ есть, какъ и вездѣ, но теперь ей нечего надзирать, чтобы не ходили по тонкому льду—ледъ несетъ въ море. Теперь взгляните на этого парня въ нарядной синей сибиркѣ, въ пуховой шляпѣ, съ краснымъ платочкомъ на шеѣ, въ щегольскихъ высокихъ сапогахъ. Посмотрите, какъ онъ переминается съ ноги на ногу и смотритъ то на берегъ Васильевскаго острова, то на несущіяся льдины. Видно какъ нетерпѣніе все болѣе и болѣе имъ овладѣваетъ... снялъ шляпу, перекрестился и бросился съ лѣстницы на ледъ... „Ѳедотъ! Ѳедотъ! куда ты? Экъ сумашедшій!“ кричитъ вслѣдъ ему, вѣроятно, товарищъ, котораго вмѣстѣ съ нимъ, можетъ быть, кума звала на крестины. Но Ѳедотъ ужъ далеко, ужъ льдины несутъ его... Онъ перескакиваетъ съ одной на другую... народъ смотритъ на удалого парня, а онъ все ближе къ берегу, нако-

нецъ перескакиваетъ на окраину льда у Васильевскаго острова, бѣжитъ на берегъ... снялъ пуховую шляпу и перекрестился на всѣ четыре стороны. Но попалъ ли онъ къ кумѣ на крестины или на съѣзжій дворъ—не знаю. Народъ съ обоихъ береговъ громко кричитъ—„Молодецъ!“

Молодецъ и есть! Это авось, рискнувшее собою, позволительное, богатырское авось, сродное русскому народу; но когда на тебѣ лежитъ отвѣтственность за другихъ, тогда серьозно обдумывай объ исполненіи своихъ обязанностей... Оно такъ, все это правда; да гдѣ же набраться столько серьознаго благоразумія, чтобы жизнь прожить безъ авось? Нѣтъ, и авось дѣло хорошее! А какъ проживешь всю жизнь съ русскимъ человѣкомъ, особенно въ солдатской семьѣ, такъ невольно и авось полюбишь.

Прекрасное ущелье! Холмы, горы гдѣ съ рѣдкимъ, гдѣ съ частымъ лѣсомъ; рѣчка рѣзво бѣжитъ по камушкамъ, все зелено. Пройдя съ версту, мы увидѣли аулъ, спрятавшійся за холмомъ; нѣсколько стожковъ сѣна, довольно копенъ. Тутъ прискакалъ проводникъ и говоритъ, что аулъ оставленъ, что онъ съ холма видѣлъ уходившихъ жителей. Оставивъ фуражировъ съ приличнымъ прикрытіемъ за холмомъ, я пошелъ за аулъ, занялъ всю мѣстность. Ни одного выстрѣла—значитъ будутъ сильные проводы, подумалъ я. Указавъ, гдѣ какой части набирать сѣно, я съѣздилъ посмотрѣть всѣ ли насторожѣ. Черезъ часъ фуражиры, забравъ сѣно, отъѣхали за холмъ. Я приказалъ зажечь аулъ со всѣхъ концовъ, и когда онъ весь былъ въ пламени, мы начали отходить. Едва только изъ четырехъ стоявшихъ впереди орудій три взяли на-передки, какъ началась трескотня и изъ-за деревьевъ показались горцы. Оставшееся въ цѣпи орудіе ударило картечью... Я приказалъ цѣпи отходить—трескотня продолжалась, но безвредная, потому что горцы, видя справа и слѣва отроги горъ занятыми, боялись приближаться къ цѣпи. Отойдя за аулъ съ войсками

и приведши все въ порядокъ, мы двинулись къ исходу ущелья и тутъ остановились, чтобы, у кого мало было сѣна, накосить травы. Горцы слѣдили за нами, стрѣляли себѣ на потѣху, и только. Въ первомъ часу мы возвратились въ лагерь.

Успѣхъ этой фуражировки меня очень порадовалъ. Я все болѣе убѣждался, что сохраненіе строгаго порядка есть непремѣнное условіе въ фуражировкахъ. Сколько яблонь и грушъ было въ аулѣ—но ни одного солдата на деревѣ; и проводы были, но порядокъ при отходѣ удерживалъ дерзость горцевъ. Тутъ же, на мѣстѣ, я былъ награжденъ, услышавъ слова пѣхотнаго солдата, сказанныя товарищу: „глядь-ка, какъ оголили проклятое ущелье; да и раненыхъ, кажись, нѣтъ!“

Когда я пришелъ съ рапортомъ къ генералу Вельяминову, онъ тотчасъ спросилъ, гдѣ я былъ? Услыхавъ, что я ходилъ въ ущелье, у котораго убили нашихъ солдатъ—„хорошо, дражайшій!“—а когда я сказалъ, что сжегъ аулъ—„и дѣло, братецъ“—былъ отвѣтъ.

Такъ я ходилъ одиннадцать разъ, черезъ день, на фуражировки, до самаго выступленія въ Геленджикъ на смотръ Государя, и десять разъ сряду не было ни убитыхъ, ни раненыхъ; въ лагерь возвращались мы въ первомъ или, много, во второмъ часу, тогда какъ прежніе господа никогда не возвращались раньше четырехъ или пяти часовъ. Въ послѣднюю, одиннадцатую фуражировку я долженъ былъ идти въ ущелье довольно далеко отъ лагеря, кажется, къ убыхамъ или джигетамъ. Тѣ не видали еще у себя русскихъ и встрѣтили радушно, т. е. съ начала до конца со всѣхъ сторонъ облипали насъ, въ особенности при отходѣ; но сохраняемый въ продолженіи всей фуражировки порядокъ и болѣе 20-ти выпущенныхъ изъ шести орудій картечей сохранили людей; всего было четверо раненыхъ, изъ коихъ одинъ тяжело въ грудь, прочіе легко. Проводы горцевъ были такъ усердны, что, не доходя версты до лагеря, изъ котораго все

было видно, они оставили насъ въ покоѣ, имѣя порядкомъ рыло въ крови.

Можно легко вообразить, что если прежде со всякой фуражировкой привозили раненыхъ и убитыхъ, а у меня въ десять фуражировокъ ни одного убитаго, ни одного раненаго, то это не могло нравиться ранѣе ходившимъ; и если пріятель мой Полтининъ только удивлялся и, почасту спрашивая—какъ я это дѣлаю?—всегда получалъ одинъ отвѣтъ: строгій порядокъ, орудія въ цѣпи и при ней частые малые резервы, то довѣренное лицо генерала, Ольшевскій, не довольствовался, кажется, удивленіемъ, и чуть ли не съ его подстрекательныхъ рѣчей почтенный Алексѣй Александровичъ спросилъ меня, по возвращеніи съ пятой фуражировки:

— Не торопишь ли ты очень людей? всѣ ли возвращаются съ фуражемъ?

— Развѣ вашему превосходительству кто жаловался, что возвращаются безъ сѣна?

— Нѣтъ, дражайшій, не жаловались.

— Я, точно, тороплю людей, чтобы работали живо, а не занимались лазаньемъ по деревьямъ и собираніемъ лѣсныхъ фруктовъ.

На слѣдующей, шестой, фуражировкѣ я увидѣлъ, что Навагинскаго пѣхотнаго полка нѣсколько солдатъ были на деревьяхъ, когда другіе еще собирали сѣно и въ разныхъ мѣстахъ цѣпи шла перестрѣлка. Я позвалъ офицера, сдѣлалъ ему выговоръ и спросилъ, какъ фамилія.

— Дураковъ—былъ отвѣтъ.

Ну, если русскій человѣкъ давалъ по рожѣ кличку, то, глядя на эту физіономію, казалось бы грѣхъ дать другое прозвище человѣку, носящему оное. Полтининъ увѣрялъ меня что, когда въ началѣ 30-хъ годовъ вышло отъ Государя дозволеніе измѣнять непристойныя фамиліи, онъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ своей, и—sempre bene!

На этой же фуражировкѣ отличилась моя Бѣлка. Отходя въ лагерь, мы вышли изъ лѣса на довольно просторную прогалину, по срединѣ которой протекала каменистая рѣчка. Горцы, казалось, оставили насъ въ покоѣ. Чтобы при переправѣ съ тяжелыми возами и вьюками не было безпорядка, я послалъ на ту сторону рѣки нѣсколько ротъ съ двумя орудіями занять мѣстность, а на этой сторонѣ расположилъ въ порядкѣ войска, причемъ аріергардная рота, раскинувъ цѣпь въ лѣсу, улеглась около двухъ орудій. Я былъ у рѣчки и смотрѣлъ за порядкомъ при спускѣ возовъ съ крутого берега. Какъ сказано выше, горцы оставили насъ въ покоѣ; нигдѣ ни одного выстрѣла... Вдругъ—дикое гиканье горцевъ и нѣсколько выстрѣловъ! Я сѣлъ верхомъ и поскакалъ къ переполоху; вижу—при двухъ орудіяхъ артилеристы на своихъ мѣстахъ, но аріергардная рота бѣжитъ въ лѣсу. Доѣхавъ до нея и не видя нигдѣ горцевъ, я остановилъ ее. Капитанъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: „Горцы бросились въ шашки на цѣпь застрѣльщиковъ; цѣпь пошатнулась; я съ ротою бросился въ лѣсъ; Бѣлка, бывшая все время въ аріергардѣ при орудіяхъ, бѣжала впереди насъ и схватила за черкеску одного горца; покуда тотъ выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлилъ въ нее, мы прибѣжали и прикололи горца.“

— Гдѣ же тѣло? спросилъ я.

— А вотъ недалеко, назади.

Бѣлка отошла отъ убитаго горца, приблизилась ко мнѣ и посмотрѣла на меня, какъ будто спрашивая: „хорошо?“ Пѣхотный солдатъ тутъ же сказалъ: „рана ничего, ваше высокоблагородіе, въ шею, только кожу прострѣлилъ, окаянный!“ Проводникъ говорилъ, что горцы непремѣнно придутъ въ лагерь за тѣломъ убитаго, надо выкупъ просить, чтобы корову дали. Нѣтъ, думаю себѣ, одной мало—вѣдь тѣла еще никто не привозилъ. Пришедши къ генералу съ рапортомъ, я разсказалъ ему во всей подробности о случившемся.

— Ну, дражайшій, представь стараго бомбардира къ наградѣ, сказалъ Алексѣй Александровичъ, видимо довольный.

— А тѣло, ваше превосходительство, можно отдать горцамъ, если придутъ просить? выкупъ—три коровы.

— Не дадутъ, братецъ; впрочемъ, дѣлай какъ знаешь.

Вечеромъ пришли два горца; изъ штаба ихъ препроводили ко мнѣ. Я сказалъ черезъ переводчика, чтобы завтра утромъ привели трехъ быковъ, и имъ отдадутъ тѣло.

— И одной коровы довольно—человѣкъ малый, отвѣчали они.

Переводчикъ, хорошо знавшій свою братію, говоритъ имъ, что полковникъ строгъ, если завтра не приведутъ трехъ коровъ, онъ прикажетъ тѣло бросить собакамъ. Горцы ушли и на другое утро привели трехъ коровъ. Аріергардная рота, которая берегла тѣло у себя, отдала его и получила одну корову; остальныя двѣ пошли тутъ же на мясную порцію прочимъ войскамъ, бывшимъ на фуражировкѣ. Бѣлка три дня пропадала, наконецъ ее нашли зарывшеюся въ стожокъ сѣна. Рана скоро зажила.

При движеніи отряда я обыкновенно ѣздилъ въ свитѣ генерала Вельяминова, но, когда была слышна перестрѣлка въ аріергардѣ, я отъѣзжалъ туда, чтобы смотрѣть за дѣйствіемъ артилеріи; такъ какъ всѣ баталіонные командиры хорошо знали меня, то не прекословили распоряженіямъ моимъ, если таковыя случалось мнѣ дѣлать. Какъ пріятно было услышать отзывъ обо мнѣ генерала Вельяминова во время слѣдованія отряда на р. Пшадъ. Войска становились на привалъ; генералъ слѣзъ съ лошади; въ аріергардѣ горцы неустанно провожали насъ. Слыша пушечные выстрѣлы, Алексѣй Александровичъ говоритъ полковнику Ольшевскому: „Поѣзжай, да посмотри, что тамъ такое? да кто тамъ баталіонный командиръ въ аріергардѣ?“ Ему назвали баталіоннаго командира и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ штабныхъ, только-что пріѣхавшій изъ аріергарда, говоритъ: „и полковникъ Бриммеръ тамъ.“

— Ну и хорошо; такъ останься, дражайшій, не ѣзди, сказалъ генералъ, обращаясь къ Ольшевскому.

Около 20-го августа мы пришли въ Геленджикъ и расположились близь него лагеремъ. День пріѣзда Государя уже былъ назначенъ, и какъ оставалось до онаго еще недѣли двѣ, то я просилъ господъ командировъ батарей выкрасить артилерію и воспользоваться отправленіемъ раненыхъ въ Черноморію, чтобы привезти все нужное для окраски. Такъ и сдѣлали. Полковые командиры также прихорошились, кто чѣмъ могъ. За два дня до пріѣзда Государя вся артилерія была выкрашена.

Въ день пріѣзда, часовъ въ 9 утра, когда увидѣли на морѣ приближающіеся пароходы, войска выстроились въ одну линію. Отъ Геленджика до оврага, раздѣлявшаго лагерь, стояла пѣхота, за оврагомъ вся артилерія, потомъ казаки. Но въ этотъ день вѣтеръ съ берега (боръ) былъ такъ силенъ, что мы прождали часа два слишкомъ, покуда пароходы могли пристать, а Государь выйти на берегъ. Бурнымъ вѣтромъ сносило фуражки, а потому всякій перевязывалъ ихъ чѣмъ могъ, чтобы удержать на головѣ—кто бѣлымъ или пестрымъ платкомъ, кто ремешкомъ, кто придерживалъ рукою, кто напяливалъ ее на уши такъ, что и носа не видать за козырькомъ; все-таки много шапокъ носилось по полю, а нестроевые сзади фронта бѣгали и ловили ихъ. Вѣроятно, такого пестраго, нестройнаго строя Государю еще не удавалось видѣть, но Онъ шелъ по фронту, придерживая правой рукой фуражку, и, привѣтливо улыбаясь, то тому, то другому говорилъ доброе слово. Я былъ верхомъ на правомъ флангѣ артилеріи. Подошедши къ оврагу, Государь остановился и громко спросилъ: „Полковникъ Бриммеръ?“—Точно такъ, Ваше Величество.—Перейдя оврагъ: „Здравствуй, Бриммеръ!“ Я поклонился. „Здравствуйте, артилеристы!“ Видя, что Государь идетъ пѣшкомъ, я соскочилъ съ коня и пошелъ съ Его правой руки.

— Несмотря на трудные походы по горамъ, у тебя лошади сыты.

— Даровой кормъ, Ваше Величество, фуражировки.

— А артилерія чиста, будто теперь выкрашена.

— Точно такъ, Ваше Величество, теперь здѣсь выкрашена.

Государь посмотрѣлъ на меня, будто сомнѣваясь въ сказанномъ мною.

— Два дня какъ кончили окраску.

Императоръ опять посмотрѣлъ на меня и улыбнулся.

— А больныхъ много было въ артилеріи?

— Двое легко раненыхъ; больныхъ не было.

Дойдя до послѣдняго орудія: „Спасибо тебѣ, у тебя артилерія въ порядкѣ.“

Пройдя по всѣмъ войскамъ, Его Величество приказалъ распустить отрядъ, представить Ему частныхъ начальниковъ, а гг. офицеровъ и частью нижнихъ чиновъ собрать къ ставкѣ генерала. Когда мы собрались къ ставкѣ, Государь вышелъ и генералъ Вельяминовъ представлялъ насъ. Подлѣ меня стоялъ командиръ Тенгинскаго пѣхотнаго полка полковникъ Кашутинъ, раненый въ нынѣшнюю экспедицію въ грудь и оставшійся въ Геленджикѣ, гдѣ, по вынутіи пули, рана, промучивъ его около двухъ мѣсяцевъ, зажила. Съ прибытіемъ отряда, онъ могъ уже вступить въ командованіе полкомъ. Когда генералъ Вельяминовъ назвалъ его, Государь спросилъ:

— Какъ же въ журналѣ было написано, что при слѣдованіи на р. Ишадъ полковникъ былъ тяжело раненъ въ грудь?

— Такъ и было, Ваше Величество, отвѣчалъ Вельяминовъ.

— Куда вы ранены?

— Въ грудь!—отвѣчалъ Кашутинъ—и указалъ на мѣсто раны.

— Зажила рана?

— Зажила, но болитъ еще.

— Это его пятая рана, сказалъ генералъ Вельяминовъ.

— Шестая, ваше превосходительство, поправилъ полковникъ.

— Куда же вы были ранены? спросилъ Государь.

— Шашкой въ голову, кинжаломъ въ руку, пулями два раза въ грудь, въ руку и въ ногу, Ваше Величество! — и указывалъ на всѣ мѣста ранъ.

— Ce sont des gens de fer! сказалъ Государь, обращаясь къ гр. Орлову.

Потомъ спросилъ у меня, давно ли я на Кавказѣ, я отвѣтилъ — съ 1822 года. Такъ прошелъ Государь рядъ частныхъ начальниковъ, сказавъ каждому привѣтливое слово, а потомъ, подойдя къ общему кругу и взявъ Великаго Князя Наслѣдника за руку, сказалъ: „Вотъ Я привезъ къ вамъ Сына; полюбите Его и служите Ему также вѣрно, какъ служите Мнѣ!“

Громкое „ура“ и „рады стараться“ было отвѣтомъ.

Въ это время показался въ Геленджикѣ огонь, и скоро слово „пожаръ“ полетѣло изъ устъ въ уста. А вѣтеръ все бушевалъ. Кухню и досчатый балаганъ для столовой, сдѣланные Алексѣемъ Александровичемъ по случаю пріѣзда Государя, разметало въ щепы. Пожаръ, видимо, увеличивался. Его Величество, смотря въ ту сторону, нѣсколько разъ спрашивалъ: „что горитъ?“ Говорили и то, и другое, но когда кто-то сказалъ: „кажется, провіантскій магазинъ,“ Государь попросилъ генерала Вельяминова съѣздить самому и посмотрѣть, что горитъ. Между тѣмъ толпа разошлась, но порядочный кружокъ офицеровъ стоялъ около Государя. Великій Князь Наслѣдникъ разговаривалъ съ генералъ-адъютантомъ Орловымъ. Государь все смотрѣлъ на пожаръ, потомъ повелъ глазами по кружку офицеровъ и подозвалъ меня къ себѣ.

— Что вы нынѣшній годъ дружно работали?

— Не теряли времени, Ваше Величество; усердно, скоро работали; два укрѣпленія поставили.

— Такъ скоро? посмотрѣвъ на меня и улыбнувшись, сказалъ Государь.

— Скоро и хорошо, Ваше Величество. Черноморцы помогли, а то бы не успѣли [1]).

— И крѣпко налегали на черноморцевъ?

— Чтожъ, Ваше Величество, они только работаютъ, а наши и работаютъ, и дерутся.

— Приготовь горныя орудія, я ихъ посмотрю.

Я отошелъ исполнить волю Государя. Вскорѣ возвратился генералъ Вельяминовъ и сказалъ, что сгорѣлъ провіантскій магазинъ. Государь приказалъ изслѣдовать строго причину пожара, и, подойдя къ готовому горному взводу, остался доволенъ скоростью разборки и навьючиванія. Потомъ отправился въ Геленджикъ, не пообѣдавъ въ лагерѣ, потому что за сильнымъ вѣтромъ нельзя было готовить. Уже къ вечеру утихъ вѣтеръ—и вездѣ запылали кухонные огни.

Вмѣстѣ со многими офицерами и я поѣхалъ въ Геленджикъ. Пріѣхавъ, мы слѣзли съ лошадей и пошли на пожаръ. На дорогѣ мы обогнали генералъ-адъютанта Орлова, идущаго съ какимъ-то генераломъ.

— Здравствуйте, полковникъ Бриммеръ—громко сказалъ Орловъ—помните ли, какъ въ 1831 году я пріѣзжалъ къ вамъ въ отрядъ? Вы немного похудѣли съ тѣхъ поръ.

— Очень помню, ваше сіятельство, когда вы были у насъ.

— Отчего вы такъ похудѣли?

— Съ 1835 года всякую зиму лихорадка бьетъ; только лѣтомъ въ экспедиціяхъ и здоровъ.

Тутъ другой генералъ спросилъ:

— Вы на пожаръ идете?

— Точно такъ, *ваше превосходительство!* Кто бы это былъ? мелькнуло у меня въ головѣ; морякъ! значитъ князь Меншиковъ.

---

[1]) Въ нынѣшнюю экспедицію генералъ Вельяминовъ взялъ, кажется, два пѣшихъ баталіона черноморцевъ для работъ.

— А какъ вы думаете, полковникъ, не поджогъ ли комисіонеръ провіантскій магазинъ?

— Кто его знаетъ, *ваше сіятельство,* можетъ, и поджогъ —и я засмѣялся, они оба тоже. Да вѣдь князь Меншиковъ „свѣтлѣйшій," пришло мнѣ въ голову.

— А вы знаете здѣшняго комисіонера?

— Никогда не видѣлъ, *ваша свѣтлость!*

— Не подымайте выше, сказалъ кн. Меншиковъ.

Графъ Орловъ засмѣялся. Я поклонился и убѣжалъ на пожаръ. Тутъ я вспомнилъ, что въ началѣ двадцатыхъ годовъ разсказывали будто Императоръ Александръ I во время путешествія по Малороссіи пріѣхалъ на перекладной тройкѣ въ какую-то деревню. Ямщикъ привезъ его къ сборной избѣ; собравшіеся передъ хатой казаки ожидали Государя. Императоръ слѣзъ съ повозки и, обращаясь къ стоявшему впереди всѣхъ, спрашиваетъ: „Ты, что-ли сотскій?"—Подымай выше, отвѣчалъ казакъ.—„Атаманъ, что-ли ты?"—Эге, отвѣтилъ казакъ. А що вы, вирно, передовой курьеръ?—„Подымай выше!" говоритъ Государь.—Щожъ, може, енаралъ, що съ Осударемъ ѣдетъ?—„Подымай выше."—Щожъ, значитъ самъ Осударь?—„Эге," отвѣтилъ Александръ Павловичъ.

Разсказывали послѣ, что Государь, проголодавшись, приказалъ принести изъ госпиталя тарелку супу или чего нибудь, но—увы!—посланный доложилъ, что обѣдъ давно поѣли, а ужинъ только-что начали готовить. Итакъ, по провіантской части полное fiasco. Еще утромъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы артилерія сдѣлала 101 выстрѣлъ, когда пароходъ Императора отъѣдетъ отъ берега, почему мы, артилеристы, посмотрѣвъ на пожаръ, поторопились возвратиться въ лагерь. Какъ только пароходъ тронулся, я приказалъ открыть пальбу. При второмъ выстрѣлѣ прискакалъ адъютантъ генерала Вельяминова съ приказаніемъ: „не стрѣлять, Государь не приказалъ."

— Поздно! сказалъ я; если ужъ начали, надо кончить: не двумя же выстрѣлами провожать Императора. Продолжать! —и сдѣлали 101.

Потомъ я пошелъ къ генералу Вельяминову и объяснилъ, отчего стрѣлялъ; онъ ничего не сказалъ.

О путешествіи Государя Императора по Грузіи и до Эривани я слышалъ отъ бывшаго адъютанта корпуснаго командира барона Врангеля, отъ Козлянинова, кн. Бебутова, управлявшаго тогда эриванскимъ и нахичеванскимъ ханствами, и отъ другихъ лицъ. Но прежде надобно припомнить, что сенаторъ д. с. с. баронъ Ганъ былъ передъ тѣмъ присланъ для введенія гражданскаго управленія въ закавказскихъ ханствахъ. Ганъ пріѣхалъ въ Тифлисъ со своей супругою. Черезъ нѣсколько дней баронесса Ганъ поѣхала съ визитомъ къ баронессѣ Розенъ. Но баронесса Розенъ ежедневно утромъ до 3-хъ часовъ сама занималась съ дѣтьми и въ это время никогда никого не принимала, а пріемъ начинался отъ 3-хъ до 5-ти, т. е. до обѣда. Это знало все тифлисское общество и согласовало съ тѣмъ свои визиты. Баронесса Ганъ, не освѣдомившись, въ которомъ часу принимаетъ супруга старшаго начальника въ краѣ или думая, что c'est bon pour les autres, пріѣхала около двухъ часовъ. Камердинеръ докладываетъ, что баронесса занимается съ дѣтьми и принимаетъ съ трехъ часовъ. Приказываютъ непремѣнно доложить. „Намъ строго приказано не безпокоить баронессу во время ея занятій съ дѣтьми.“ Приказаніе повторяется—непремѣнно доложить о пріѣздѣ баронессы Ганъ. Камердинеръ пошелъ. Докладывалъ ли онъ или нѣтъ—неизвѣстно, но принесъ отвѣтъ: „приказали извиниться, онѣ заняты съ дѣтьми.“ Какъ! Баронесса Розенъ не приняла баронессу Ганъ! Das ist ja unerhört! Выводовъ изъ этого не буду дѣлать никакихъ. Разсказывалъ мнѣ это Григ. Вл. К—въ.

Изъ Редутъ-кале Государь поѣхалъ въ Тифлисъ. Гадкія

туземныя лошади, мерзкая дорога; Государю случилось пересѣсть верхомъ на казачью лошадь, съ казацкимъ сѣдломъ. Надобно еще сказать, что когда шла переписка о путешествіи Государя, то Его Величество приказалъ написать барону, что у Него будетъ съ собою кухня и чтобы объ этой статьѣ не заботился. Хорошо это сказать, да слушать-то не слѣдовало. Гдѣ же въ путешествіи все приготовлять? надобно, чтобы мѣстными средствами все и вездѣ было готово. Для Государя и было заготовляемо, но о свитѣ никто не заботился, и потому можно понять, что недовольныхъ было много. Изъ Тифлиса Государь поѣхалъ въ Эривань. На границѣ эриванскаго ханства встрѣтилъ Его кн. Бебутовъ. На полѣ были накрыты въ двухъ огромныхъ ставкахъ столы для завтрака; въ особой палаткѣ для прислуги—тоже удовлетворительный завтракъ, и чтобъ и въ этой третьей палаткѣ ни въ чемъ не было недостатка, былъ особенный надсмотрщикъ. Время стояло прекрасное, дорога степная. Глядя на эриванскую крѣпость, Государь сказалъ: „Славны бубны за горами.“ При возвращеніи въ Тифлисъ, на послѣдней станціи, Коды, курьеръ между прочими бумагами привезъ извѣстіе о смерти командира кн. Варшавскаго (Ширванскаго) полка. Государь поздравилъ адъютанта корпуснаго командира гвардіи капитана барона Ал. Аст. Врангеля полковникомъ и назначилъ его командиромъ Ширванскаго полка. По пріѣздѣ въ Тифлисъ, Государь принялъ сенатора Гана, съ которымъ пробылъ, говорятъ, полтора часа. Этотъ докладъ, кажется, погубилъ и навлекъ немилость Государя на нашего почтеннаго и всѣми уважаемаго Григорія Владиміровича Розена.

Тутъ можно припомнить дикое понятіе о всякомъ государѣ, укоренившееся во мнѣніи восточныхъ народовъ, а потому причастное и всѣмъ разноплеменнымъ народамъ Закавказья. Они удивлялись, какъ самодержавный властитель такого великаго царства, пріѣхавъ въ первый разъ въ свои погра-

ничныя земли за Кавказомъ, въ продолженіи всего путешествія не приказалъ ни отрубить головы, ни посадить на колъ, ни даже выколоть глаза никому изъ своихъ вѣрноподданныхъ, если не за вину какую, то хоть въ свое удовольствіе, чтобы показать, что онъ господинъ! Въ силу этого убѣжденія о власти, у многихъ возродилось сомнѣніе, точно ли это царь? Много хановъ и бековъ изъ мусульманскихъ провинцій наѣхало въ Тифлисъ, чтобы посмотрѣть на такого кроткаго царя. Огромная толпа народа стояла на Мадатовской площади, когда на другой день Государь вышелъ къ разводу. Пройдя по фронту, Онъ всталъ на обычномъ мѣстѣ впереди офицеровъ и приказалъ призвать командира Эриванскаго карабинернаго полка флигель-адъютанта полковника кн. Дадіана, недавно женившагося на Лидіи Розенъ, старшей дочери барона. Государь громко выговаривалъ Дадіану, что онъ, Его адъютантъ, командиръ лучшаго полка кавказскаго корпуса, сдѣлался поставщикомъ дровъ, употребляетъ солдатъ къ своимъ собственнымъ интересамъ, держитъ свиней, продаетъ ихъ, солдатъ дѣлаетъ свинопасами. И послѣ краткихъ, но сильныхъ словъ, подозвавъ военнаго губернатора Брайко, приказалъ ему снять съ полковника кн. Дадіана аксельбантъ. Но аксельбантъ не иначе можно было снять, какъ растегнувъ совершенно мундиръ и развязавъ шнурокъ, которымъ онъ привязывался. Когда Дадіанъ, растегнувъ мундиръ, отворотилъ воротникъ и нагнулъ голову, чтобы легче было развязать г. Брайко шнурокъ, два испуганныя восклицанія, какъ бы протестовали противу совершавшагося: одно, молодой жены князя, сидѣвшей въ обществѣ дамъ на балконѣ углового дома, на площади—съ крикомъ ахъ! бѣдная упала въ обморокъ и ее отнесли,—другое, какого-то татарскаго бека, стоявшаго въ первыхъ рядахъ съ народомъ, который, увидѣвъ, что Дадіанъ отворотилъ воротникъ и нагнулъ голову, вообразилъ, что ему отрубятъ ее, и въ испугѣ, схвативъ себя обѣими руками за голову, закри-

чалъ—началъ! началъ!—пробился черезъ толпу, прибѣжалъ домой, бросился на тахту и сунулъ голову въ подушки, продолжая кричать: началъ, началъ!... Холодная вода не помогла; онъ поплатился, говорили, горячкой.

Принявъ отъ генерала Брайко аксельбантъ, Государь подозвалъ къ себѣ старшаго сына барона Розена, поручика Преображенскаго полка, получившаго георгіевскій крестъ за штурмъ Варшавы, и, давая ему, поздравилъ за хорошую службу флигель-адъютантомъ. Полковника кн. Дадіана отвезли въ кр. Бобруйскъ, гдѣ онъ, кажется, былъ сужденъ военнымъ судомъ и лишенъ чиновъ. Вечеромъ у барона былъ балъ. Подавали чай; на подносѣ, поднесенномъ Государю, стояло нѣсколько чашекъ. Онъ пожалъ плечами и тихо сказалъ какое-то слово, должно быть, не очень пріятное хозяину [2]). Вторая дочь барона, по настоянію матери, съ заплаканными глазами, должна была пройти польскій.

Кучеръ, возившій Государя, потребовалъ сто рублей, чтобы провезти Его Величество до Владикавказа. Это показалось дорого тому, на комъ лежала обязанность заботиться о семъ предметѣ. Приказали полицеймейстеру найти кучера болѣе сговорчиваго; тотъ привелъ нѣсколько самыхъ лучшихъ, что можно сыскать было въ Тифлисѣ, гдѣ въ то время товаръ этотъ былъ очень рѣдокъ. Условились съ нимъ подешевле... При выѣздѣ изъ Тифлиса, спускаясь съ горы къ рѣчкѣ Верѣ, лошади понесли, кучеръ не могъ удержать; на поворотѣ коляска опрокинулась... На этомъ мѣстѣ поставленъ памятникъ, напоминающій о случившемся. Узналъ ли Государь, что для Него наняли кучера подешевле? That is the question... Кажется, во Владикавказѣ встрѣтилъ Его Величество генералъ Вельяминовъ. Не помню, на какой станціи Государю угодно было сѣсть верхомъ; и Вельяминовъ сѣлъ на коня. Хотя Его Величество и предлагалъ генералу ѣхать въ колескѣ, но Алек-

[2]) Говорятъ, что въ такихъ случаяхъ подаютъ Государю особо на подносѣ одну чашку.

сѣй Александровичъ, считая это неприличнымъ, трясся верхомъ за Государемъ, то рысью, то вскачъ цѣлую станцію. Императоръ простудился и получилъ зубную боль. Вельяминовъ, съ больными ногами, никогда не ѣздившій верхомъ иначе какъ шагомъ, и вообще не крѣпкаго здоровья, разстроилъ его совершенно... двое, трое сутокъ крѣпился, но отъѣздѣ Государя изъ Ставрополя заболѣлъ, промаялся до весны, а въ апрѣлѣ скончался.

На другой день по пріѣздѣ въ Ставрополь, Государь смотрѣлъ войска, расположенныя въ городѣ и около. Батарейная батарея моей бригады также была на смотру. Я за три дня до пріѣзда Его Величества вернулся изъ отряда въ Ставрополь и, зная командира, тотчасъ поѣхалъ къ батареѣ, квартировавшей въ 12-ти верстахъ отъ города. Увы! чего боялся, то и случилось: артилерійскія лошади только за нѣсколько дней были взяты изъ табуна, до октября ходили на пастьбищѣ, овса не видѣли, были въ худыхъ тѣлахъ. Какъ ихъ поправить въ два дня? Досталось же отъ меня батарейному командиру! При прохожденіи войскъ церемоніальнымъ маршемъ я былъ на правомъ флангѣ батареи и, пройдя мимо Государя, остановился поблизости отъ Него. Когда батарея прошла, Его Величество подзываетъ меня и говоритъ: „Лошади въ дурныхъ тѣлахъ, только верховая подъ командиромъ толста; у тебя и въ походѣ артилерія была въ исправности. Какъ зовутъ командира и каковъ онъ?“

— Подполковникъ Гр—скій, какъ изволите видѣть Ваше Величество, требуетъ надзора.

— Отрѣшить его отъ командованія батареею.

И въ Грузіи былъ доволенъ артилеріею, и меня благодарилъ въ экспедиціи, а этотъ ..... все испортилъ.

Послѣ смотра Государь долженъ былъ выѣхать. Мы собрались всѣ въ залѣ, чтобы проводить Его Величество. Я стоялъ у окна, конечно, не въ веселомъ расположеніи духа. Ге-

неральъ-адъютантъ Орловъ и генералъ Вельяминовъ выходятъ изъ комнатъ Государя. Поговоривъ съ Вельяминовымъ, графъ Орловъ подходитъ ко мнѣ.

— Что вы такъ не весело смотрите, Бриммеръ, какъ будто сгрустнулось вамъ?

— Не будетъ весело, ваше сіятельство, когда Государь гнѣвается.

— Напрасно, напрасно; Государь вами очень доволенъ; вы были полгода въ экспедиціи, вы не можете отвѣчать за такого .....

— Все-таки я начальникъ, ваше сіятельство.

— Ну, полноте, полноте, будьте веселѣе; я говорю вамъ, что Государь доволенъ вами.

Государь вышелъ, видимо страдая зубною болью, поблагодарилъ генерала Вельяминова за все, что онъ видѣлъ на линіи, поручилъ поблагодарить войска, поклонился и при громкихъ, восторженныхъ кликахъ народа оставилъ Кавказъ.

Разсказывая о путешествіи Государя, я коснулся фактовъ, имѣвшихъ важныя послѣдствія для края, т. е. о смѣнѣ всего высшаго начальства. Передамъ теперь впечатлѣніе, произведенное этими фактами, какъ на мыслящихъ людей, такъ и на народъ, не разбирающій причинъ дѣйствія, а судящій по тому, какъ онъ видитъ. Всенародно на разводѣ опозоренный полковой командиръ былъ козлищемъ, вынесшимъ наказаніе за грѣхи всѣхъ полковыхъ командировъ, которыхъ обстоятельства края вынуждали употреблять солдатъ на работу и для собственныхъ надобностей; при этомъ легко вкрадывавшіяся злоупотребленія, превращались въ обычай. Громовымъ ударомъ не искоренились злоупотребленія; они продолжались и продолжаются; но такъ какъ жертвой искупленія былъ зять корпуснаго командира, то наказаніе пало и на него; высшая власть края потеряла въ уваженіи немыслящаго народа—le prestige s'est fondu отъ громового удара. Генерала барона Ро-

зена смѣнили и назначили сенаторомъ [3]), приказавъ оставаться въ Тифлисѣ до пріѣзда новаго корпуснаго командира. Начальника штаба генералъ-маіора Вольховскаго смѣнили и назначили въ какой-то корпусъ бригаднымъ командиромъ. Оба умные, достойные уваженія, пробывшіе шесть лѣтъ и хорошо познакомившіеся съ краемъ; и когда пріобрѣтенная опытность начала примѣняться къ дѣламъ для пользы края—ихъ смѣнили въ наказаніе! Достигнувъ высокаго званія вѣрною, честною службою, генералъ Розенъ не предвидѣлъ, что такъ кончитъ свою славную боевую карьеру.

Наканунѣ выступленія отряда отъ р. Вулана къ Геленджику на смотръ Государя, инженеръ-подполковникъ Бурачковъ приходитъ къ Вельяминову и, показывая письмо молодой жены своей, проситъ позволенія ѣхать въ Ставрополь, такъ какъ жена скоро ожидаетъ разрѣшенія отъ бремени.

— Нельзя, дражайшій; у тебя тутъ работы не кончены по постройкамъ, и расчеты не кончилъ по полученному лѣсу; нельзя; какъ покончишь всѣ постройки въ обоихъ укрѣпленіяхъ, тогда съ Богомъ поѣзжай,—отвѣчалъ ему генералъ, лежа на спинѣ на своей желѣзной кровати и, по обыкновенію, засунувъ обѣ руки подъ голову.

Бурачковъ убѣдительно просилъ отпустить его, говоря что инженерный офицеръ кончитъ постройки, а отчеты онъ представитъ въ Ставрополѣ, и что жена проситъ, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ. Это были первые роды молодой, миловидной жены подполковника.

— Я сказалъ тебѣ, что нельзя; тебѣ поручено—ты долженъ кончить. А ты напиши женѣ—прибавилъ серьозно Алексѣй Александровичъ—чтобы она съ родами обождала до твоего пріѣзда, дражайшій!

---

[3]) Баронъ Матвѣй Ивановичъ Паленъ, военный генералъ-губернаторъ остзейскихъ провинцій, услыхавъ о смѣщеніи и назначеніи Розена сенаторомъ, сказалъ: если такого заслуженнаго и всѣми уважаемаго генерала сдѣлали сенаторомъ, то меня можно посадить въ земскій судъ засѣдателемъ.

Видя непреклонность генерала, Бурачковъ вышелъ и отправился по служебнымъ дѣламъ, вмѣстѣ съ отрядомъ, въ Геленджикъ. При отправленіи раненыхъ на линію онъ еще разъ пришелъ къ Вельяминову—не умилостивитъ ли его—и принесъ еще письмо отъ жены, полученное въ Геленджикѣ.

— Да ты, дражайшій, написалъ ли ей, чтобы обождала?

— Написалъ, ваше превосходительство; да отпустите, прошу васъ; она въ такомъ безпокойствѣ, можетъ несчастіе случиться, а меня не будетъ при ней.

— Пустяки, дражайшій, напиши еще разъ, чтобы непремѣнно обождала.

Съ тѣмъ и отпустилъ его.

Покончивъ дѣла свои въ Геленджикѣ, Бурачковъ отправился на пароходѣ на Вуланъ, ужъ конечно, работалъ усердно и, кончивъ работы, поспѣшилъ къ женѣ. На другой день по выѣздѣ Государя изъ Ставрополя онъ пріѣзжаетъ домой. Соскочивъ съ повозки, входитъ въ домъ; въ гостинной на встрѣчу ему суетливая горничная: „Охъ, баринъ, это вы?“— Что жена, здорова?—„Тише, ради Бога, бабка тамъ, роды“—и побѣжала въ спальню, онъ за ней, а черезъ минуты двѣ бабка поздравляетъ его съ первенцомъ и съ благополучными родами. На другой день Бурачковъ является къ Вельяминову, на радостяхъ разсказываетъ ему о своемъ пріѣздѣ домой и о томъ, какъ благополучно все случилось.

— Да вѣдь ты два раза ей писалъ, чтобы обождала—ну и обождала, отвѣтилъ Алексѣй Александровичъ.

Дня черезъ три по отъѣздѣ Государя я поѣхалъ на лѣвый флангъ для осмотра батарей. Вернувшись благополучно, полагалъ, что трясучка покинула меня, ибо слишкомъ полгода, проведеннаго на воздухѣ, она оставляла меня въ покоѣ; но не даромъ, говорятъ, что осеннія лихорадки неотвязны и ежегодно возвращаются: только-что началась обыкновенная жизнь подъ крышей—и неотвязная вернулась, и пароксизмы все

сильнѣе. Что тутъ дѣлать? Хининъ не въ прокъ, доктора совѣтуютъ перемѣнить климатъ; а, можетъ, и вправду пособитъ? Подумалъ немного, да и написалъ Як. Як. Гилленшмидту, который въ то время былъ начальникомъ артилеріи дѣйствующей арміи, прося его дать мнѣ бригаду въ Россіи.

XVI.

Кончина генерала Вельяминова. Отъѣздъ барона Розена. Мое назначеніе командиромъ 7-й артилерійской бригады. Поваръ Карпъ. Встрѣча съ генераломъ Граббе. Карпъ ухаживаетъ за больнымъ. Первое знакомство съ новымъ начальникомъ. Писать-то не надо было. 1839-й ГОДЪ. Смотръ фельдмаршала. Слово о моемъ хозяйствѣ. 1840-й ГОДЪ. Отпускъ. Вредныя послѣдствія строгой регламентаціи въ военной службѣ. Смотръ Государя. Думы запали на сердце. 1841-й ГОДЪ. Зимой думалъ, а весной рѣшился. Ура! Пріѣздъ въ Лубны. Жизнь въ Лубнахъ. Академія генеральнаго штаба. „А бригадный будетъ у васъ?“ Гнѣвъ медицинскаго начальства.

Алексѣю Александровичу Вельяминову дѣлается все хуже; здоровье его, видимо, уходитъ, слабость всѣхъ членовъ. Онъ, какъ совершенный гомеопатъ, имѣлъ свою аптечку, любилъ лѣчить другихъ, лѣчилъ и себя, но, видя, что ни милліонныя раздробленія капли, ни крупинки не помогаютъ, просилъ прійти къ нему молодого доктора Мейера: человѣкъ умный, свѣтлая голова, который въ это время, какъ въ лѣтній сезонъ на минеральныхъ водахъ, такъ и въ Ставрополѣ счастливыми излѣченіями началъ пріобрѣтать извѣстность. Въ концѣ ноября Мейеръ объявилъ Вельяминову, что ему давно слѣдовало пустить кровь, что и теперь еще не поздно. Такъ какъ кровопусканіе совершенно противъ правилъ гомеопатіи, то Алексѣй Александровичъ отвѣтилъ ему:

— Не видать вамъ ни одной капли моей крови, кровопійцы!

— Въ такомъ случаѣ у васъ скоро сдѣлается водянка, а,

по вашей комплекціи и по состоянію общаго вашего здоровья, вы долго ее не вынесете, и я долженъ сказать вамъ, что съ наступленіемъ весны все кончится.

— А все-таки и капли крови не увидите.

Съ тѣмъ и разошлись.

Алексѣй Александровичъ пожелалъ видѣть доктора Прибиля, гомеопата, какъ и онъ самъ. Адъютантъ поскакалъ, какъ говорится, сломя голову, на перекладной черезъ кавказскія горы въ Тифлисъ, схватилъ почтеннаго доктора, посадилъ съ собою, помчался назадъ и на пятый день поставилъ его передъ больнымъ генераломъ до того измученнаго, что тотъ не могъ вымолвить слова. У обоихъ кости тряслись какъ въ мѣшкѣ. Вскорѣ, кажется въ мартѣ, Государь на курьерскихъ прислалъ какого-то кавалерійскаго полка медика, лучшаго гомеопата въ Петербургѣ. Но гомеопатія не помогла. Что сказалъ Мейеръ, то и случилось—сдѣлалась водянка, успѣхи ея были быстры, и въ началѣ апрѣля Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ скончался. Миръ праху твоему, честный, умный человѣкъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ генераловъ нашей арміи. Своеобычность его, не нравившаяся многимъ, помѣшала ему подвизаться на болѣе видномъ поприщѣ. Я былъ назначенъ командовать войсками погребальной церемоніи.

Я посѣтилъ семейство барона Розена, когда оно проѣзжало черезъ Ставрополь. Хотя баронесса и говорила, что ей пріятно оставить этотъ отдаленный край, но видно было, что гордая женщина сдерживалась въ разговорѣ. Еще при жизни Вельяминова пріѣхалъ въ Тифлисъ новый корпусный командиръ генералъ-лейтенантъ Головинъ, и вскорѣ баронъ Розенъ прослѣдовалъ черезъ Ставрополь въ Россію. Больно было смотрѣть на этого добраго, умнаго, заслуженнаго генерала, кончающаго такимъ образомъ свое боевое поприще!

Когда я увѣдомилъ начальника артилеріи, что прошусь о переводѣ въ дѣйствующую армію, онъ въ отвѣтномъ письмѣ

изъявилъ сожалѣніе, что я оставляю кавказскую артилерію. Мнѣ было пріятно заключить, что онъ отдаетъ справедливость моей усердной службѣ.

Въ апрѣлѣ я узналъ, что представленъ командиромъ 7-й артилерійской бригады въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Вслѣдъ затѣмъ полученъ былъ и приказъ военнаго министра; но начальникъ артилеріи въ предписаніи объ отправленіи моемъ просилъ замедлить отъѣздъ мой до прибытія новаго командира. Недѣли черезъ три и онъ прибылъ, а въ 20-хъ числахъ мая я отправился къ новому мѣсту служенія, въ Малороссію, въ г. Ахтырку. Больно мнѣ было оставить Приблуда въ Ставрополѣ—семь лѣтъ пробылъ онъ около меня, но дѣлать было нечего. Эту зиму на собачьяго джентельмена напала какая-то болѣзнь, онъ исхудалъ и едва волочилъ ноги. Я поѣхалъ въ коляскѣ и взялъ съ собою повара Карпа, а остальныя вещи и съ ними Бѣлку отправилъ дня за три до моего выѣзда, съ двумя деньщиками, на повозкѣ въ парѣ своихъ лошадей.

Удивительно, какъ у иныхъ людей самые гнусные пороки уживаются съ хорошими качествами души. Таковъ былъ у меня поваръ Карпъ, горькій пьяница и воръ, за что помѣщикомъ и отданъ былъ въ рекруты. Когда партіи рекрутъ стали приходить въ Ставрополь и мнѣ предоставлено было выбирать для артилеріи, у меня не было повара. Одинъ партіонный офицеръ говоритъ мнѣ, что поваръ есть въ партіи, но весьма дурного поведенія. Его позвали—худой черноволосый, блѣдный, испитая физіономія, глаза опущены.

— Ты былъ поваромъ у помѣщика? Кострюли чистилъ или кушанье готовилъ? спросилъ я у него.

— Я былъ поваромъ, а два поваренка учились у меня.

— За что же тебя помѣщикъ отдалъ въ рекруты? спросилъ я болѣе ласковымъ голосомъ.

— За пьянство и воровство!

При этомъ нахально-откровенномъ отвѣтѣ онъ взглянулъ

на меня, будто спрашивая: „что, хорошъ молодецъ?“ Но это чистосердечное признаніе своихъ пороковъ не было мнѣ противно, ибо я ожидалъ обыкновеннаго отвѣта: „не могимъ знать“ или „чтожъ, на то ихъ воля была.“

— Ну, я возьму тебя къ себѣ; дастъ Богъ, ты и красть не будешь, и пить перестанешь.

Рекрутъ смотрѣлъ на меня въ недоумѣніи; но когда я положилъ ему руку на плечо и, выдвинувъ впередъ, приказалъ бригадному адъютанту отправить его ко мнѣ на квартиру, онъ весело пошелъ за нимъ. Это было въ 1836 году. Увы! черезъ пять лѣтъ, въ 1841 году, я долженъ былъ его прогнать отъ себя, не могши его исправить: онъ остался и воромъ, и пьяницей. Кражи его были рѣдки, но крупны. Пилъ онъ немного, но и отъ немногаго былъ пьянъ, какъ говорятъ, на старую закваску; пьянымъ былъ бранчливъ и лѣзъ драться. Но для меня и для моего хозяйства былъ человѣкъ неоцѣненный: прекрасный поваръ, истый cordon bleu; честенъ въ покупкахъ, ревностно услужливъ.

Пріѣхавъ въ г. Бахмутъ около обѣденнаго времени, я сказалъ смотрителю станціи, чтобы распорядился запрягать лошадей, пока я пообѣдаю въ трактирѣ. Возвращаясь черезъ полчаса, вижу у станціи коляску, въ которую запрягаютъ шестерку, а моя отодвинута; смотритель тутъ же суетится.

— Отчего же мнѣ не запряжены лошади?

— Сейчасъ запрягутъ, только напоятъ.

— Я прежде пріѣхалъ, мнѣ прежде и запречь слѣдовало. Прикажите запрягать.

Смотритель побѣжалъ.

— Кто проѣзжій? спросилъ я у деньщика въ форменной шинели.

— Генералъ Граббе.

Назначенный вмѣсто покойнаго Вельяминова командующимъ войсками на кавказской линіи, генералъ ѣхалъ въ Ста-

вроподь. Я вошелъ въ комнату. У столика, на которомъ записываютъ подорожныя, сидѣлъ высокій, худощавый и серьознаго вида генералъ, въ шинели и въ фуражкѣ на головѣ. При входѣ моемъ онъ положилъ мою подорожную на книгу. Я снялъ фуражку и поклонился; онъ отвѣтилъ тѣмъ же и положилъ фуражку на столъ. Когда я подошелъ къ столику, чтобы взять подорожную, генералъ спросилъ меня, зачѣмъ я ѣду въ Кіевъ—такъ было прописано въ подорожной. Я разсказалъ о моемъ переводѣ и что̀ меня заставило оставить Кавказъ, и —странная случайность или назовите, какъ хотите—но только-что я выговорилъ—„ужъ четвертый годъ бьетъ лихорадка, и все сильнѣе“—вдругъ я почувствовалъ ознобъ во всемъ тѣлѣ и поблѣднѣлъ; она трясла меня всю станцію, такъ что я долженъ былъ остановиться на ночлегъ; пароксизмъ былъ сильный съ безпамятнымъ жаромъ, потомъ, по обыкновенію, транспирація, а наутро—опять въ дорогу. Генералъ, выслушавъ меня, сказалъ, что въ бытность его въ Петербургѣ военный министръ присылалъ ему журналы военныхъ дѣйствій прошлогодней экспедиціи и что онъ, часто встрѣчая имя мое на фуражировкахъ, съ удовольствіемъ видѣлъ, что я всегда возвращался безъ потерь. „А что вы съ успѣхомъ исполняли порученія доказываетъ то, что генералъ Вельяминовъ наконецъ вамъ одному поручалъ фуражировки. Сберегать людей—обязанность начальниковъ; мнѣ пріятно сказать вамъ это. Я сожалѣю, что вы оставили Кавказъ и я лишился въ васъ сотрудника.“ Эти слова, на другой день мною записанныя, было очень пріятно слышать изъ устъ храбраго, уважаемаго генерала. И чтожъ? невольно подумаешь, какъ судьба и обстоятельства играютъ помыслами и намѣреніями людей? Казалось бы послѣ высказанныхъ словъ о сбереженіи людей экспедиціи на Кавказѣ будутъ предприниматься съ бо̀льшею осмотрительностью и съ мѣньшими потерями?... И первое, что мы услышали, это была потеря въ ичкеринскихъ лѣсахъ и

штурмъ Ахульго!... Безстрашный воинъ, умный, честный человѣкъ и желалъ бы сберечь людей, да обстоятельства и судьба толкаютъ и дѣлаютъ иногда то, чего бы не хотѣлъ сдѣлать!

Вслѣдъ за генераломъ уѣхалъ и я, въ противуположную сторону. Ознобъ увеличивался, а только-что я сѣлъ въ коляску—меня начало трясти; такъ проѣхалъ я станцію, и долженъ былъ просить, чтобы показали домъ, гдѣ бы я могъ переночевать. Тутъ расторопность и услужливость Карпа выказались. Онъ живо прибралъ постель, вынесъ изъ коляски вещи и задній сундукъ, въ коемъ былъ чай, сахаръ и турецкія сливы, которыя я почти ежедневно варилъ въ дорогѣ; тутъ же лежали и деньги, завернутыя въ бумагу. Раздѣвъ меня, уложилъ въ постель; я отдалъ ему ключи отъ сундука, а бумажникъ съ прогонами сунулъ подъ подушку. Скоро взятый со станціи самоваръ закипѣлъ. Послѣ стакана горячаго чая меня бросило въ жаръ, затѣмъ я уже ничего не помню. Проснувшись ночью, вижу, что Карпъ сидитъ на скамейкѣ подлѣ моей досчатой кровати и смотритъ на меня. Стеариновая свѣча горѣла въ моемъ походномъ подсвѣчникѣ на столѣ.

— Что ты не спишь, Карпъ?

— Спите вы, я успѣю. Ишь жаръ какой былъ у васъ! Полегчало теперь?

Я повернулся къ стѣнѣ, а утромъ увидѣлъ, что на мнѣ, кромѣ одѣяла, лежала шинель, какой-то зипунъ, а въ ногахъ нагольный тулупъ. Я былъ весь мокрый.

— Полежите еще, я сдѣлаю чаю—ужъ самоваръ закипѣлъ, говоритъ Карпъ.

Напившись чаю, умывшись и одѣвшись, я приказалъ запрягать и мы поѣхали дальше. Убирая постель, Карпъ вынесъ мнѣ бумажникъ на крылечко, гдѣ я стоялъ, смотря какъ запрягаютъ лошадей.

И этотъ услужливый Krankenwarken, эта сестра милосердія былъ отъявленный пьяница и воръ! Онъ не взялъ ни

одного гривенника изъ кошелька, ни одной ассигнаціи изъ бумажника, а могъ изъ сундука взять всю пачку денегъ—ну хоть бы съ горя пьянъ напился!—нѣтъ, просидѣлъ почти сутки у постели больного и укутывалъ его, чтобы не простудить транспираціи. Какъ умѣщаются и живутъ дружно въ человѣческомъ сердцѣ гнусные пороки съ такими добрыми качествами души?

Въ Ахтыркѣ городничій объявилъ мнѣ, что бригада выступила въ лагерь въ г. Таращу и болѣе не вернется сюда, а будетъ расположена въ кіевской губерніи. Попросивъ его отправить мою повозку ко мнѣ въ Таращу, я поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ явился начальнику 3-го корпуса.

Не могу припомнить безъ смѣха разговора моего съ начальникомъ 3-й артилерійской дивизіи г.-м. Ловцовымъ. Услышавъ, что я служилъ на Кавказѣ 16 лѣтъ, онъ, вѣроятно, на этомъ основаніи сказалъ, что здѣсь требуютъ большей службы, чѣмъ тамъ, что здѣсь надобно обращать все вниманіе на равненіе и маршировку. „Вамъ кажется батарея стоитъ ровно, а я тотчасъ увижу, что въ 6-мъ орудіи солдатъ подалъ грудь впередъ, а другой откинулъ голову назадъ; такъ и въ маршировкѣ—можно ходить въ ногу, а все будетъ не тотъ темпъ, не тотъ выносъ ноги“—и онъ всталъ навытяжку, въ позитуру—„всмотритесь, вы тотчасъ поймете“... и пошелъ маршировать по комнатѣ, припѣвая: „тра-ра, ра-ра, тра-ра, ра-ра... оно и въ ногу, да не то; а вотъ, посмотрите... тра-тра, ра-ра, тра-тра, ра-ра; видите, тутъ все есть—и темпъ, и выносъ ноги“... Я стоялъ какъ ошеломленный, не зналъ, въ своемъ ли умѣ онъ и чуть не разразился громкимъ смѣхомъ, но, къ счастью, удержался. Такъ вотъ она въ чемъ здѣсь мудрость артилерійской службы!—въ равненіи и маршировкѣ! Ну, на Кавказѣ не то. Когда генералу показалось, что я понялъ всю суть имъ сказаннаго, онъ отпустилъ меня. Какъ только съ глазъ—сдержанный смѣхъ взялъ свое.

По дорогѣ изъ Кіева въ г. Таращу я все думалъ о равненіи и маршировкѣ. Нѣтъ, сказалъ я себѣ, не привыкнуть мнѣ къ этой службѣ; я все буду спрашивать съ батарейныхъ командировъ, чтобы заряды были въ порядкѣ и чтобы живо снимались съ передковъ, да занимать меня будетъ, кажется, только практическое ученье; а эти равненія въ струнку да „тра-ра, ра-ра“ не по мнѣ. Но, пріѣхавъ въ бригаду, увидавъ, что выговоры за нехорошее равненіе и за неотчетливую маршировку принимаются здѣсь съ любовью, а замѣчанія мои, что боевые заряды слабы и что не обращаютъ вниманія на продовольствіе солдатъ, коихъ дурно кормятъ на квартирахъ, отчего у всѣхъ видъ не бодрый, а усталый, недовольный— эти замѣчанія имъ кажутся странными... и я понемногу попривыкъ къ требованіямъ начальства, не отбросивъ, впрочемъ, своихъ убѣжденій о военной службѣ.

Сдѣлавъ батареямъ инспекторскій смотръ, я представилъ донесеніе свое начальнику артилеріи дивизіи. Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ начальникъ штаба полковникъ Безакъ для осмотра батарей. Когда мы остались съ нимъ одни, онъ сказалъ мнѣ, что въ дорогѣ, на станціи, встрѣтилъ нашего начальника дивизіи генерала Ловцова, который крѣпко сердитъ на меня за инспекторское донесеніе. Дѣло въ томъ, что въ этихъ донесеніяхъ принято писать, говоря о солдатахъ, „люди имѣютъ видъ здоровый и бодрый,“ я же написалъ, что люди не имѣютъ ни бодраго, ни здороваго вида вслѣдствіе дурной пищи, получаемой ими отъ квартирныхъ хозяевъ, что и было совершенно справедливо. Я объяснилъ п. Безаку, что завтра онъ увидитъ людей въ лучшемъ видѣ, чѣмъ я ихъ нашелъ мѣсяцъ тому назадъ, ибо пища ихъ изъ артельнаго котла въ лагерѣ лучше, чѣмъ на квартирахъ. „Знаю я это—отвѣтилъ онъ—и Яковъ Яковлевичъ (Гилленшмидтъ), пріѣхавъ къ намъ, нашелъ, что на Кавказѣ солдаты гораздо здоровѣе и молодцеватѣе смотрятъ, чѣмъ наши.“

По пріѣздѣ въ лагерь, начальникъ дивизіи горячо спросилъ меня: „Какъ можно писать въ инспекторскомъ донесеніи, что люди не имѣютъ бодраго вида?

— Потому, что это правда—былъ мой отвѣтъ.

— Положимъ, что правда, да писать не надо было этого. Вотъ съ этимъ я не былъ согласенъ.

По окончаніи лагеря мы пошли на новыя квартиры, кіевской губерніи въ г. Богуславъ и окрестности. Городокъ небольшой, жители почти всѣ жиды, нѣсколько польскихъ фамилій средняго сословія, уѣздный врачъ, прусакъ Притскій. Домъ, въ которомъ была моя квартира, стоялъ почти на самой горѣ и принадлежалъ вольноотпущенному крестьянину графа Румянцева, у котораго онъ былъ управителемъ въ какой-то деревнѣ. Старикъ былъ очень доволенъ, когда я приглашалъ его выпить со мною чаю; пилъ безъ устали стаканъ за стаканомъ цѣлый вечеръ, все подхваливая, и болталъ, и вралъ безъ умолку о покойномъ фельдмаршалѣ. Прекрасное лагерное мѣсто оказалось на горѣ недалеко отъ моей квартиры, куда въ 1839 году бригада и собралась для практическаго ученія, послѣ коего, въ августѣ, мы пошли на смотръ фельдмаршала Паскевича въ Кіевъ, гдѣ собранъ былъ весь 3-й корпусъ.

На этомъ смотру я увидѣлъ, что рекомендація высшаго начальника не остается безъ пользы и выгоды для подчиненнаго. Въ продолженіи слишкомъ года моего командованія этой бригадой я бывалъ вмѣстѣ съ другими по разнымъ случаямъ у корпуснаго командира, но, кромѣ вопроса, сдѣланнаго при первомъ моемъ представленіи—долго ли я служилъ на Кавказѣ?—мнѣ не приходилось слышать отъ него ни одного слова. На смотру фельдмаршалъ проѣзжалъ, какъ всегда, съ большою свитою по линіямъ войскъ; я стоялъ на лѣвомъ флангѣ бригады. Подъѣхавъ къ ней, онъ остановился: „Здравствуй, Бриммеръ!“—и, показалъ рукою, чтобы я приблизился къ

нему—„здоровъ ты?“—Здоровъ, слава Богу!—„А лихорадка оставила?“—Осень и зиму бьетъ, лѣтомъ здоровъ.—„Надо лѣчиться; поѣзжай за границу на воды, лѣчись!“—и, обернувшись къ г. Ридигеру, говоритъ: „Je vous recommande m-r Brummer, un bien brave homme et un bien brave officier,“ и опять мнѣ—„Надо лѣчиться, лѣчись!“—и тронулся; я поѣхалъ за нимъ по своей бригадѣ. Едва фельдмаршалъ отъѣхалъ, подъѣзжаетъ ко мнѣ адъютантъ генерала Ридигера: „Корпусный командиръ приказалъ просить васъ сегодня обѣдать.“ Вотъ благодать, вотъ честь какая! подумалъ я; до сихъ поръ ни одного привѣтливаго слова, а тутъ вдругъ обѣдать проситъ!

Послѣ смотра намъ опять перемѣнили квартиры, и мы пошли въ полтавскую губернію: бригадный штабъ 7-й бригады въ г. Лубны, 9-й въ Переяславъ, а 8-й въ Полтаву, гдѣ стала и корпусная квартира.

Скажу два слова и о хозяйствѣ своемъ. Терпѣть никогда не могъ долговъ, а потому никогда не занималъ денегъ, кромѣ одного раза, молодымъ офицеромъ, уѣзжая изъ Петербурга въ Грузію. Тогда былъ въ Петербургѣ пріятель мой П. А. Карачаровъ, однобригадецъ, съ которымъ мы вмѣстѣ были во Франціи. По возвращеніи оттуда онъ, за болѣзнью, вышелъ въ отставку и жилъ въ Тулѣ съ сестрою, гдѣ, кажется, они имѣли какую-то собственность. Этотъ почтенный человѣкъ, хотя былъ гораздо старше меня и въ чинѣ капитана, полюбилъ молодого, веселаго офицера, и мы сдѣлались пріятелями на „ты,“ по его желанію. Пріѣхавъ въ Петербургъ по какому-то дѣлу, онъ остановился у меня. Такъ какъ въ это время (начало 1822 года) я былъ переведенъ на Кавказъ, то передъ отъѣздомъ моимъ онъ однажды развернулъ мой бумажникъ, чтобы посмотрѣть съ какою суммою денегъ я ѣду въ такой дальній путь. Увидавъ, что, кромѣ только-что полученныхъ прогоновъ, тамъ была еще очень малая толика, онъ засмѣялся, побранилъ меня и настоялъ, чтобы я взялъ у него 500 рублей.

„Отдашь, когда будешь богатъ,“ сказалъ онъ, и не хотѣлъ взять расписки. Доѣхавъ до Георгіевска, я отослалъ ему 300 руб., а остальные 200 руб. черезъ годъ, за что онъ опять-таки побранилъ меня. Чистая душа, почтенный, любезный человѣкъ былъ П. А., несмотря на свою угрюмость.

Никогда не тратя денегъ выше получаемаго содержанія, я во время командованія 20-й бригадой старался сохранять прибавочныя деньги, получаемыя за экспедиціи, и они, съ полученными на подъемъ при выѣздѣ изъ Ставрополя, дали мнѣ сумму немного свыше 3000 руб. асс. Это сбереженіе дозволило мнѣ обзавестись на новомъ мѣстѣ. Когда мы пришли въ г. Богуславъ, одинъ изъ гг. офицеровъ привелъ мнѣ съ завода подъ верхъ еще невыѣзженную лошадь. Хотя это мнѣ и не понравилось, но лошадь была такъ красива, смотрѣла такими умными, большими глазами, что я купилъ ее. Высокая, вороная, 4-хъ лѣтъ кобыла, головка маленькая, ножки тоненькія, будто точеныя, арабской помѣси; я назвалъ ее Заирой. Потомъ другой добылъ мнѣ отъ помѣщика четверку вороныхъ въ упряжь. Заиру, чтобы объѣздить, отвели въ Кіевъ къ знакомому жандармскому офицеру на всю зиму. Весной, когда жандармъ, желая пріучить ее къ музыкѣ, красовался на ней на разводахъ около музыкантовъ, генералъ Ридигеръ, старый гусаръ, съ удивленіемъ спрашивалъ: „откуда это Бриммеръ добылъ такую лошадь?“

Такъ какъ неотвязная лихорадка всякую осень постоянно возвращалась и мучила меня всю зиму, то умный докторъ, прусакъ Притскій, посовѣтовалъ мнѣ путешествовать во время зимы, а потому, устроившись на новыхъ квартирахъ, я подалъ въ отпускъ на 4 мѣсяца и поѣхалъ черезъ Варшаву въ Ригу, къ сестрѣ, посмотрѣть, что она подѣлываетъ. Въ Варшавѣ я нашелъ много знакомыхъ кавказцевъ, между прочимъ моего пріятеля Дейтриха, бывшаго тогда адъютантомъ начальника артилеріи, и провелъ время довольно весело. По-

живъ въ Ригѣ у сестры мѣсяца два и повидавшись со всѣми родными, я возвратился въ бригаду и занялся усердно службою, чтобы къ предстоящему въ нынѣшнемъ **1840** году смотру Государя не ударить лицемъ въ грязь.

Бригадный лагерь былъ близь Лубно, на обширномъ полѣ. Къ концу лагернаго времени, передъ выступленіемъ въ м. Гомель, гдѣ предполагался смотръ Государя, пріѣхалъ къ намъ г.-м. Безакъ. Осмотрѣвъ бригаду и оставшись всѣмъ доволенъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Все въ порядкѣ, все хорошо—и равненіе, и шагъ; кажется, Государь будетъ доволенъ; но какъ вы сдѣлали, что артилерія всей бригады выкрашена совершенно одинаково, безъ малѣйшаго оттѣнка?

— Очень просто, ваше превосходительство: увидавъ въ прошломъ году на смотру фельдмаршала, что во всякой батареѣ свой цвѣтъ и оттѣнки бросаются въ глаза, я просилъ гг. батарейныхъ командировъ красить артилерію въ лагерномъ сборѣ; здѣсь сварили надъ однимъ огнемъ общую краску и выкрасили всѣ въ одно время.

— Хорошо выдумали, отвѣчалъ Безакъ.

И этотъ умный человѣкъ говорилъ о равненіи и шагѣ—таково было настроеніе въ войскахъ. Да если къ этому прибавить пять порядковъ для построенія войскъ въ бою, то и выйдетъ, что равненіе, шагъ и боевые порядки подавили всякую самостоятельность въ начальникахъ, а слѣдствіемъ было —„Слушаюсь!“ а на вопросъ даже генералу: „Отчего вы этого не сдѣлали?“ отвѣтъ—„Не было приказано.“

Въ исходѣ августа весь 3-й пѣхотный корпусъ собрался около мѣстечка Гомель, купленнаго недавно княземъ И. Ѳ. Паскевичемъ у графа Румянцева. Для устройства временнаго госпиталя во время корпуснаго сбора, былъ присланъ въ Гомель военнымъ министромъ адъютантъ его; вѣроятно, онъ имѣлъ и другія конфиденціальныя порученія, такъ какъ зна-

ли, что онъ часто писалъ письма къ военному министру. Тутъ надобно сказать, что на маневрахъ 3-го пѣхотнаго корпуса въ 1837 году, въ присутствіи Государя, одна изъ батарей 7-й бригады открыла огонь противу своихъ, принявъ ихъ за непріятеля. Государь, бывшій невдалекѣ, увидѣлъ это и крѣпко разсердился. По окончаніи смотра Онъ приказалъ смѣнить начальника 3-й артилерійской дивизіи г.-м. К—ва, котораго назначили начальникомъ петербургскаго артилерійскаго округа, и бригаднаго командира полковника Ф—на, который вслѣдъ затѣмъ вышелъ, кажется, въ отставку; начальникомъ 3-й артилерійской дивизіи былъ назначенъ г.-м. Ловцовъ. Этотъ начальникъ не возлюбилъ меня, потому что я не былъ проникнутъ удивленіемъ къ его познаніямъ о равненіи, шагисткѣ, хомутахъ, ремешкахъ и прочая, и въ разговорѣ съ корпуснымъ командиромъ сказалъ, что артилерія у него въ порядкѣ, только за 7-ю бригаду побаивается. Когда, по пріѣздѣ г.-л. Гилленшмидта, бригадные командиры пришли къ нему представиться, онъ, отпуская насъ, приказалъ мнѣ остаться и тутъ къ совершенному моему удивленію сказалъ: „Его Высочество спрашиваетъ меня, нѣтъ ли въ дѣйствующей арміи изъ полковниковъ, кто бы могъ занять мѣсто начальника тульскаго оружейнаго завода, ибо изъ артилерійскихъ генераловъ не имѣется въ виду никого; я отвѣчалъ Его Высочеству, что есть два, которые могутъ съ пользою занять это мѣсто—вы и полковникъ Самсонъ; но какъ вы готовились къ строевой службѣ, то я просилъ Великаго Князя дозволить спросить вашего согласія на занятіе этого поста. Его Высочество согласился. Подумайте объ этомъ; мое мнѣніе—примите этотъ постъ; вы будете на мѣстѣ и будете имѣть полезную дѣятельность.“

Я крѣпко отговаривался, представлялъ множество причинъ, но тутъ вошелъ Безакъ и они вдвоемъ почти убѣдили меня, что, отказываясь отъ такого мѣста, я дѣлаю глупость. Волей-неволей я согласился. Но на это мѣсто охотниковъ было мно-

го, между прочимъ командиръ образцовой конной батареи п. Ла—чъ, за котораго просилъ П. А. Сухозанетъ и ежедневно пилилъ начальника штаба Генералъ-Фельдцейхмейстера кн. Долгорукова настоятельными просьбами за своего родственника. А князь Долгоруковъ, какъ я слышалъ, не могъ долго отказывать, и потому, не соглашаясь мѣсяца два, началъ поддаваться просьбамъ Сухозанета, и когда пришло мое согласіе, то въ Инвалидѣ уже стояло назначеніе п. Л—ча. Съ нимъ кончилось не хорошо: заводъ сгорѣлъ, и онъ отданъ былъ, кажется, подъ слѣдствіе. Вмѣсто него назначили п. Сампсона; я уже былъ тогда на Кавказѣ начальникомъ артилеріи. Такъ кончилась попытка судьбы выкинуть меня изъ военнаго строя въ техническое заведеніе.

Припомню теперь смотръ Государя въ **1840** году у Гомеля, единственный смотръ, на которомъ мнѣ привелось участвовать. Гомель принадлежалъ уже Фельдмаршалу. Пріѣхавъ, онъ сдѣлалъ смотръ корпусу и остался доволенъ. Вскорѣ прибылъ Его Величество и на другой день сдѣлалъ смотръ. Войска были выстроены въ пять линій: въ первыхъ трехъ—дивизіи пѣхоты, въ четвертой артилерія, въ пятой кавалерія. Погода стояла превосходная. Объѣхавъ по линіямъ, Государь приказалъ идти церемоніальнымъ маршемъ подивизіонно. Порядокъ этого церемоніальнаго марша слѣдующій: впереди ѣдетъ оберъквартирмейстеръ, за нимъ жандармы; потомъ корпусный командиръ, начальникъ корпуснаго штаба, адъютанты, начальникъ дивизіи, адъютанты, командиръ бригады, полковой командиръ, барабанщики, музыканты, баталіонный командиръ; за нимъ шелъ уже командиръ гренадерской роты и потомъ строй солдатъ. Все начальство и все, что ѣхало и шло передъ строемъ, должно было ѣхать и идти на положенныхъ дистанціяхъ, въ 20-ти, 12-ти, 8-ми и т. д. шагахъ. Подходя къ мѣсту, гдѣ стоялъ Государь, всякій бралъ положенную дистанцію. Для этого осаживали лошадей и такимъ образомъ насѣда-

ли на строй, который все шелъ впередъ, вмѣсто того, чтобы топтаться на мѣстѣ въ отдаленіи отъ Государя и потомъ уже полнымъ шагомъ пройти мимо Его Величества. Но сноровку забыли—вѣроятно, какой нибудь начальникъ засуетился—и прошли предъ Государемъ не полнымъ шагомъ, чтобы не терять дистанцій.

— Это что за шагъ? Кто васъ научилъ такъ ходить? Полный шагъ!

Во главѣ 7-й дивизіи шелъ полкъ герцога Веллингтона, самый молодцеватый изъ всего корпуса. По слову: „Полный шагъ!“ все двинулось впередъ, но отъ этого размаха впередъ равненіе потерпѣло.

— И равняться не умѣютъ!

Такъ прошли три дивизіи пѣхоты, и ни одинъ дивизіонъ не получилъ отъ Государя одобрительное: „Хорошо!“ кромѣ егерскаго полка 8-й дивизіи, полковой командиръ котораго 14-го декабря 1825 года стоялъ въ караулѣ у Сената и не пустилъ туда бунтовщиковъ.

Г.-л. Гилленшмидтъ подъѣхалъ къ артилеріи, когда 9-я дивизія проходила мимо Государя, и сказалъ мнѣ: „Прошу васъ, Бриммеръ, идите полнымъ шагомъ и скажите, чтобы равнялись хорошенько; Государь сердится на пѣхоту.“ Я приказалъ идти тише, чтобы соблюсти дистанцію. Вдругъ г.-м. Ловцовъ обернулся ко мнѣ и громко спросилъ: „Чтожъ вы стоите? Идите, идите же!“ Начальникъ артилеріи остановилъ его порывистую суетливость: „Оставьте полковника въ покоѣ; онъ знаетъ, что дѣлаетъ.“ Проходя мимо Государя, я опустилъ шпагу; барабанщики ударили честь; моя красавица Заира навострила уши и начала перебирать ногами. „Покойно, Бриммеръ, покойно,“ сказалъ Государь. Потомъ я чинно подъѣхалъ и сталъ невдалекѣ отъ Его Величества; Онъ взглянулъ на Заиру. Какъ въ струнку, прошли всѣ батареи моей бригады. Государь подозвалъ меня къ Себѣ.

— У тебя бригада въ порядкѣ; спасибо тебѣ!

Я поклонился.

— Какой это георгіевскій крестъ на капитанѣ?

— За двадцать лѣтъ службы, Ваше Величество.

— Хорошо служитъ? ты доволенъ имъ?

— Исправный, усердный офицеръ, Ваше Величество.

— Поздравь его подполковникомъ!

Я поклонился, поднялъ шпагу, повернулъ Заиру и весело поскакалъ курцъ-галопомъ догонять бригаду.

Дѣвица Коцебу, теперешняя жена моя, сидѣла въ колясκѣ. Вечеромъ, когда я былъ у нихъ, она сказала мнѣ: „видно Государь былъ вами доволенъ—вы такъ весело проскакали; а всѣ полковые командиры ѣхали, повѣсивши носы.“

Подъѣхавъ къ капитану Бѣляеву, я объявилъ ему милость Государя. Маленькій, невзрачный капитанъ не хотѣлъ вѣрить, но я просилъ его сейчасъ же найти штабъ-офицерскіе эполеты и надѣть ихъ. Упросили одного, пріѣхавшаго съ начальникомъ артилеріи, снять свои и надѣли на молодого подполковника. Передъ прохожденіемъ колоннами г.-л. Гилленшмидтъ подъѣзжаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ, что Государь мнѣ говорилъ?

— Сказалъ: „Спасибо! У тебя бригада въ порядкѣ.“

— Это я слышалъ.

— Потомъ спросилъ, какой у Бѣляева георгіевскій крестъ и приказалъ поздравить его подполковникомъ.

— Право? Ну, поздравляю васъ—это рѣдко бываетъ.

При церемоніальномъ маршѣ колоннами гг. батарейные командиры были на правыхъ флангахъ своихъ батарей. Когда бригада прошла, Государь довольно громко сказалъ: „Хорошо!“ потомъ, взглянувъ на меня, указалъ головой на подполковника Бѣляева и улыбнулся. Генералъ Безакъ, проѣзжая мимо насъ на возвратномъ пути въ лагерь, говоритъ мнѣ: „у васъ въ бригадѣ болѣе всѣхъ единообразія, и все одинаковая окраска артилеріи.“

Въ тотъ день генералы, бригадные артилерійскіе и полковые командиры были приглашены къ обѣденному столу Государя. Когда встали отъ стола, Его Величество произнесъ: „Ну, теперь пойдемте на террасу—Я вамъ скажу о сдѣланныхъ Мною замѣчаніяхъ на смотру.“ Когда все успокоилось на террасѣ, Государь обратился къ генералу Ридигеру и спокойнымъ, но твердымъ голосомъ спросилъ его:

— Позвольте спросить васъ, Ѳ. В., откуда могъ взяться такой шагъ въ Моихъ войскахъ?

Генералъ Ридигеръ хотѣлъ что-то отвѣтить, но Государь не далъ ему сказать слова и назвалъ его:

— Г. корпусный командиръ, на все есть положенія, отъ которыхъ отступать никто не долженъ.

Потомъ Онъ говорилъ о музыкантахъ и барабанщикахъ, что это дѣло начальника штаба, чтобы они исполняли все, какъ слѣдуетъ; разъ обратился къ фельдмаршалу:

— Какъ вы, Иванъ Ѳеодоровичъ, могли терпѣть въ арміи такой шагъ?

Высокій ростъ, стройная осанка, строгій видъ Государя, хотя Онъ говорилъ спокойно, не возвышая голоса, каждымъ словомъ давили въ землю стараго генерала. „Церемоніальный маршъ пѣхоты былъ нехорошъ; Я одинъ цѣнитель, что хорошо и худо въ Моихъ войскахъ!“ кончилъ Государь о пѣхотѣ. О кавалеріи говорилъ немного, надѣялся на будущемъ смотру увидѣть ее въ лучшемъ видѣ, но одинъ уланскій полкъ похвалилъ. Потомъ повелъ глазами по собранію и подошелъ къ намъ, артилеристамъ. Мы стояли особой кучкой въ концѣ террасы: начальникъ артилеріи дѣйствующей арміи г.-л. Гилленшмидтъ, начальникъ штаба г.-м. Безакъ, начальникъ артилерійской дивизіи г.-м. Ловцовъ и бригадные командиры, 7-й—Бриммеръ, 8-й Филипповъ, 9-й Перситскій и конной Матвѣевъ.

— Тебѣ, Яковъ Яковлевичъ—обращаясь къ Гилленшмид-

ту—могу только сказать, что на всякомъ смотру ты приносишь Мнѣ удовольствіе; и теперь Я артилеріею доволенъ, и потому—спасибо, спасибо, спасибо и еще разъ спасибо вамъ, артилеристы! А что до васъ, г. начальникъ дивизіи (Ловцовъ), надѣюсь, что вы сохраните артилерію въ такомъ же хорошемъ видѣ, какъ ее приняли.

Съ этими словами Государь обвелъ глазами собраніе и вошелъ въ комнаты.

Назавтра былъ двухсторонній маневръ, на которомъ я былъ осчастливленъ привѣтливымъ словомъ Государя. Двѣ батареи моей бригады стояли на слегка возвышенномъ мѣстѣ; въ прикрытіи были два баталіона. Передъ нами стояла батарея и пѣхота; колонны непріятельскихъ войскъ массировались около нея. Государь былъ передъ лѣвымъ флангомъ нашей батареи. Артилерія перестрѣливалась. Когда непріятельскія колонны пошли на нашу батарею, ихъ встрѣтили залпами, прежде съ одной, вслѣдъ затѣмъ съ другой батареи, на разстояніи дальняго картечнаго выстрѣла, а потомъ орудійною стрѣльбою побатарейно. Въ это время я вижу непріятельскій эскадронъ или два подъѣзжаетъ къ намъ съ праваго фланга. Только-что мы успѣли обернуть на нихъ два орудія, какъ они понеслись на насъ, но нѣсколько выстрѣловъ повернули ихъ; пѣхотныя колонны также не выдержали огня и отошли. Тогда Государь проѣхалъ по фронту батарей и сказалъ: „Хорошо, артилеристы!“ а увидя меня на правомъ флангѣ—„Хорошо, Бриммеръ; противъ кавалеріи и двухъ довольно.“ Не знаю, была ли эта кавалерійская атака въ программѣ.

Такъ кончился смотръ, за который я получилъ аренду въ 800 р. с. Припомню тутъ, какъ передъ выступленіемъ изъ Гомеля одинъ изъ бригадныхъ командировъ спросилъ меня:

— А вы, Эдуардъ Владиміровичъ, къ чему желаете быть представлены—къ Владиміру на шею или къ арендѣ?

— Я ужъ и такъ награжденъ, отвѣчалъ я: выше Цар-

скаго „спасибо“ мнѣ не могутъ дать награды, а слова—„у тебя бригада въ порядкѣ“ и производство батарейнаго командира тутъ же, на смотру, кажется, лучшей награды и ожидать нельзя. Эти слова дали впослѣдствіи одному изъ артилерійскихъ офицеровъ, здѣсь бывшихъ, написать въ „Словѣ объ Э. В. Бриммерѣ:“

„Онъ высшею считалъ наградой
Спасибо Русскаго Царя.“

Морицъ Астафьевичъ Коцебу былъ тогда бригаднымъ командиромъ въ 8-й дивизіи и стоялъ въ Гомелѣ. Я почти каждый вечеръ посѣщалъ это радушное, гостепріимное семейство, знакомое еще съ Грузіи. Тутъ я опять увидѣлъ миленькаго 8-ми-лѣтняго ребенка, въ былое время котораго я такъ любилъ и который охотно игралъ со мною, а теперь ребенокъ былъ 18-ти-лѣтней милой дѣвицей. Вотъ у меня и стали прыгать думы... Съ ними я и поѣхалъ въ Лубно.

Прошла осень, настала зима, и опять неотвязная даетъ себя знать; хоть не такъ часто бьетъ, но пароксизмы все еще довольно сильны и жаръ большой. Докторъ настаиваетъ, чтобы я не сидѣлъ дома, а проѣздился куда, а думы, какъ будто ему въ подмогу, все твердятъ мнѣ: поѣзжай въ Гомель! И самому-то хочется, и что-то тянетъ, будто толкаетъ въ Гомель! Хорошо вамъ разыгрываться рѣзвыя думы утекшей молодости; не прочь я повеселиться съ вами, когда вы тормошите еще не заснувшее воображеніе пожившаго человѣка... Оно такъ, любо-то любо, да побаиваюсь—а ну какъ... Эхъ! куда ни шло! Думъ не выбьешь ни изъ головы, ни изъ сердца. Взялъ отпускъ на 15 дней и покатилъ на масляницѣ въ Гомель... Пріѣхалъ утромъ въ седьмомъ часу, въ восьмомъ переговорилъ съ дѣвицей, черезъ полчаса—съ родителями... Ура! Весело прожилъ 10 дней въ какомъ-то блаженномъ, непонятномъ состояніи, на Святую вернулся. 6-го апрѣля въ Ѳомино воскресенье обвѣнчались, а потомъ увезъ въ Лубны свое сокровище.

Рано утромъ подкатила карета къ крыльцу моего дома. Я выскочилъ, подаю руку женѣ, и мы видимъ—моя огромная Бѣлка сидитъ наверху крыльца и ждетъ насъ. Жена въ недоумѣніи; огромность собаки какъ бы пугаетъ ее.—„Это Бѣлка; небось, иди, поласкай ее!“ Мы пошли; Бѣлка все смотритъ на жену и часто и крѣпко бьетъ хвостомъ по полу галлереи.—„Видишь, какъ она радуется твоему пріѣзду!“ Только-что жена вошла на верхнюю ступень, Бѣлка подала ей лапу, жена взяла ее, погладила по головѣ; тогда Бѣлка вспрыгнула на меня. Мы вошли въ комнаты и, осмотрѣвъ ихъ, пошли въ садъ; Бѣлка, будто предугадывала—сидѣла у крылечка и поджидала насъ. Видимая привязанность этой умной собаки съ самой первой встрѣчи къ женѣ наложила на нее какъ бы новыя обязанности: въ обычные часы, когда жена гуляла въ обширномъ саду, Бѣлка поджидала ее на крылечкѣ и не спускала съ нея глазъ во все время гулянья; повернетъ ли жена въ другую аллею—Бѣлка бѣжитъ и ложится на перекресткѣ аллей, покуда видитъ ее, и такъ все гулянье. Такая привязанность къ моей милой женѣ сдѣлала мнѣ моего бомбардира-Бѣлку еще дороже.

О стоянкѣ въ Лубнахъ писать нечего. Лѣтомъ мы вставали рано, выѣзжали за городъ, тамъ гуляли по прекраснымъ окрестностямъ. Часовъ въ 8 возвращались домой, пили чай, потомъ—каждый къ своимъ занятіямъ. Въ 12 господа приходили къ обѣду, вечеромъ опять гуляли, и дни летѣли. Лѣтомъ лагерь былъ близь Лубенъ. Во время ярмарки сожгли великолѣпный фейерверкъ, чѣмъ чувствительно угодили съѣхавшейся публикѣ. Для знакомыхъ были разбиты палатки и навѣсы, въ коихъ чай, холодныя закуски и разные плоды и сласти приглашали къ себѣ, и не безъ успѣха. Жена объявила, что все это хорошо, но шумно и утомительно.

Въ это время приглашались офицеры для поступленія въ академію генеральнаго штаба. Я крѣпко уговаривалъ гг. офи-

церовъ воспользоваться этимъ, чтобы выйти изъ толпы и заняться науками. Въ бригадную библіотеку были выписаны книги, и многіе офицеры вняли моимъ совѣтамъ, такъ что мнѣ писали изъ Петербурга, что изъ 7-й артилерійской бригады офицеровъ болѣе всѣхъ въ академіи генеральнаго штаба. Чтожъ вы полагаете, обращеніе молодыхъ офицеровъ отъ тунеядной жизни къ полезнымъ занятіямъ было одобрено начальствомъ? Напротивъ. Корпусный командиръ, со словъ нашего дивизіоннаго начальника, выразился однажды обо мнѣ такъ: „Бриммеръ, кажется, порядочный человѣкъ; но, жаль, съ офицерами не умѣетъ обращаться—всѣ бѣгутъ отъ него въ академію.“

Случалось, что я, точно, надоѣдалъ молодежи, но на это гг. офицеры не сердились, а только протестовали, да и то со смѣхомъ пополамъ. Зимою у окрестныхъ помѣщиковъ часто бывали вечера съ танцами и, разумѣется, насъ всюду приглашали. Вотъ на одномъ изъ такихъ вечеровъ случилось, что послѣ одного танца я, оглянувшись, не вижу ни одного артилериста въ гостинной, гдѣ усѣлись дамы, между коими много было молоденькихъ и хорошенькихъ. Вошелъ въ танцовальную залу, тамъ нашелъ одного.—„Гдѣ наши?“—Пошли курить, отвѣчаетъ онъ. Я отыскалъ комнату и вижу—семь молодцовъ, въ зашуски курящихъ трубки и вонючія андреевскія сигары; вся комната въ дыму.—„Что вы тутъ дѣлаете, молодежь?“—Да такъ, болтаемъ.—„И не стыдно вамъ? чѣмъ трубки сосать, лучше бы поволочились за хорошенькими дамами, а то оставили красавицъ однѣхъ, вотъ онѣ и скучаютъ. Ступайте въ гостинную къ дамамъ—право стыдно за васъ, молодежь.“ Начались было протесты, но повертѣлись немного и пошли. Одинъ шалунъ подошелъ ко мнѣ: „вотъ, Эдуардъ Владиміровичъ, только трубочку докурю.“ Я отнялъ у него трубку, взялъ его подъ руку и привелъ въ гостинную. Когда послѣ этого гг. офицеровъ приглашали на танцы, этотъ шалунъ всегда спрашивалъ: „а бригадный будетъ у васъ?“

Недавно прибывшій къ намъ бригадный медикъ былъ совершенный неучъ, недоучившійся, мало заботился о больныхъ, за то много о практикѣ на сторонѣ. Солдаты его крѣпко не любили. Видя, что замѣчанія мои не дѣйствуютъ, я письменно просилъ смѣнить его, не желая вредить ему формальною жалобою. Когда начальникъ артилеріи просилъ о томъ главнаго доктора, оказалось, что его приходится третій разъ посылать на новое мѣсто. Его смѣнили, но медицинское начальство разсердилось на меня. Это было передъ смотромъ Государя. Только-что пріѣхалъ фельдмаршалъ, какъ медики, а разъ и офицеръ изъ главнаго штаба, стали посѣщать солдатскія кухни, всегда около 11-ти часовъ, передъ солдатскимъ обѣдомъ. Они пробовали пищу, но—увы!—придраться было нельзя. Солдаты говорили, что эти господа не пробовать пищу приходятъ, но просто обѣдать—вѣрно, молъ, у себя нѣтъ такихъ щей. Но безъ замѣчанія не обошлось. Разъ я дѣлалъ бригадное ученье и люди обѣдали въ половинѣ двѣнадцатаго. На другой день меня требуетъ начальникъ артилеріи и дѣлаетъ замѣчаніе, что у меня въ бригадѣ люди поздно обѣдаютъ, что это безпорядокъ. Когда я объяснилъ ему отчего это случилось вчера, всегда же обѣдаютъ въ 11 часовъ, и притомъ разсказалъ о частыхъ посѣщеніяхъ солдатскихъ кухонь, онъ засмѣялся и сказалъ, что объяснитъ все фельдмаршалу.

Въ **1840** году былъ въ Малороссіи неурожай, да и **1839** годъ былъ неблагопріятный. Особенно чувствовалъ это хорольскій уѣздъ, въ которомъ была расположена батарейная № 2 батарея. Солдатъ кормили дурно, но жалобъ не было. Въ апрѣлѣ **1841** года, только-что я пріѣхалъ съ молодой женой въ Лубны, привозятъ въ бригадный лазаретъ изъ бат. № 2 батареи трехъ солдатъ съ сильной цынготной болѣзнью: на тѣлѣ черныя пятна и почти у всѣхъ корчи; на другой день—еще двухъ, и у одного такія корчи, что страшно было смотрѣть. Молодой медикъ Н—въ, выпущенный изъ виленскаго университета, съ

отличнымъ аттестатомъ, но не успѣвшій еще пріобрѣсть практическихъ познаній, не выходилъ изъ лазарета. Увидѣвъ этихъ двухъ привезенныхъ, я тотчасъ послалъ за почтовыми лошадьми, взялъ медика съ собою, сѣлъ въ коляску и поскакалъ въ Хороль. На дорогѣ встрѣтили мы еще подводу съ тремя больными. Въ Хоролѣ я тотчасъ осмотрѣлъ батарею и опросилъ солдатъ. По осмотрѣ медикомъ людей, оказалось больныхъ еще 16 человѣкъ, которыхъ немедленно отправили въ Лубны. Въ началѣ спроса всѣ отвѣчали, по обыкновенію, что всѣмъ довольны, что кормятъ хозяева хорошо, а отчего болѣзнь приключилась—не могутъ знать; но когда я началъ тихо входить въ подробности, чѣмъ именно ихъ кормятъ и сколько хлѣба даютъ, то одинъ бомбардиръ вдругъ вымолвилъ: „ну, да что, ваше высокоблагородіе, ужъ надо правду говорить, коли начальство взаправду спрашиваетъ: у хозяевъ-то у самихъ нѣтъ хлѣба, такъ и намъ мало даютъ; впрочемъ, что самъ ѣстъ, то и намъ ставитъ—молоко, сало, пшена сваритъ; ну, и ѣшь, а всегда голоденъ“ и пр., пр. Какъ одинъ развязалъ языкъ, и всѣ пошли разсказывать о недостаточной пищѣ, упирая, что хлѣба мало. Надо сказать, что въ войскахъ вошло въ обыкновеніе довольствовать солдатъ на квартирахъ пищею отъ хозяевъ, почему провіантъ, т. е. мука и крупа, имъ не выдавался, а къ концу мѣсяца отъ старостъ, а въ городахъ отъ городничихъ получалась квитанція о благополучномъ квартированіи и неимѣніи жительскихъ претензій на солдатъ. Эти квитанціи представлялись начальству. Провіантъ, который должны были получать жители, продавался или изъ магазина брали деньгами, которыя записывались въ артельныя книжки и употреблялись на улучшеніе пищи въ лагерное время. Все это дѣлалось не только съ вѣдома начальства, но если какой нибудь части жители не хотѣли дарить провіанта, то оно дѣлало выводъ, что солдаты не спокойно стоятъ на квартирахъ, и командиры получали выговоры. Незаконное, но патріархальное командованіе!

Покончивъ съ разспросами и осмотромъ солдатъ, я замѣтилъ полковнику С—о, командиру батареи, что непростительно не знать, какъ дурно кормятъ солдатъ, а если онъ зналъ, то почему не выдавалъ провіанта. Затѣмъ приказалъ расположить батарею въ городѣ, кормить изъ артельнаго котла и тотчасъ послать на почтовыхъ въ Кременчугъ за кислой капустой, лукомъ и перцемъ. Офицеръ поскакалъ съ однимъ изъ артельщиковъ въ Кременчугъ и на другой день вечеромъ привезъ все въ достаточномъ количествѣ въ батарею, а я между тѣмъ упросилъ городничаго отвести людямъ квартиры въ городѣ. Это показалось ему затруднительнымъ, и онъ предложилъ одинъ пустой домъ съ пристройками и нѣсколько сараевъ. Было начало мая, погода стояла прекрасная, теплая; я согласился. Вдругъ, по осмотрѣ солдатъ, медикъ поскакалъ въ Лубны. Я пробылъ два дня въ Хоролѣ, устроивъ все, какъ описано выше, похлебалъ щи съ говядиной изъ артельнаго котла и, приказавъ давать два раза въ недѣлю людямъ по чаркѣ водки, возвратился въ Лубны, съ нетерпѣніемъ ожидая извѣстій о послѣдствіяхъ сдѣланныхъ мною распоряженій. Они увѣнчались полнымъ успѣхомъ: еще привезли двухъ солдатъ въ лазаретъ, больныхъ въ слабой степени, тѣмъ и прекратилась болѣзнь въ батареѣ. Но въ Лубнахъ ожидалъ меня крайне непріятный сюрпризъ, это отчаяніе молодого медика, что ни одно изъ принятыхъ имъ средствъ лѣченія не оказываетъ благопріятнаго дѣйствія. Подъѣхавъ прямо къ лазарету, я засталъ его тамъ чуть не въ слезахъ. Утѣшивъ его, сколько могъ, я просилъ его порыться въ книгахъ, и, не заѣзжая домой, поѣхалъ къ городничему, чтобы отвелъ еще домъ для лазарета. Старикъ, 35 лѣтъ бывшій городничимъ, разсказалъ мнѣ, что эта болѣзнь здѣсь бываетъ въ сырыхъ мѣстахъ отъ дурной пищи, и что казаки обыкновенно обкладываютъ больныхъ липовыми листьями, послѣ чего корчи и пятна проходятъ. Тутъ я вспомнилъ, что и въ Хоролѣ одинъ казакъ мнѣ говорилъ о

липовыхъ листьяхъ. Вечеромъ я просилъ прислать ко мнѣ медика; вмѣсто него приносятъ мнѣ рапортъ, что онъ боленъ. Можно вообразить мою досаду! Я пошелъ къ нему и крѣпко высказался... просилъ его, при мнѣ, разорвать рапортъ и не срамить себя малодушіемъ.—„Да я не знаю, что дѣлать? ужъ все испробовалъ, ничего не вычитаешь.“ Я разсказалъ о липовыхъ листьяхъ и рѣшилъ сегодня же набрать ихъ около Лубенъ, а назавтра послать команду за оными. Листья въ это время были въ самомъ соку и съ липовымъ цвѣтомъ. Ими обкладывали голыя больныя мѣста, и дѣйствія были самыя благопріятныя. Однимъ словомъ, люди стали поправляться и черезъ три недѣли всѣ выписались. Еще изъ Хороля я донесъ начальнику дивизіи, въ Полтаву, о болѣзни и о всѣхъ сдѣланныхъ мною распоряженіяхъ, но не получилъ никакого отвѣта. Только впослѣдствіи я узналъ, что начальникъ дивизіи донесъ въ Варшаву о болѣзни и о томъ, что я стянулъ батарею въ городъ самовольно, безъ его приказанія.

Изъ главнаго штаба арміи прислали медика и штабъ-офицера сдѣлать слѣдствіе. Однажды, часу въ одиннадцатомъ, я вхожу въ лазаретъ и встрѣчаю тамъ двухъ незнакомыхъ господъ.

— Кто вы такіе, господа? спросилъ я ихъ, поклонившись.

— Мы присланы на слѣдствіе изъ главнаго штаба по случаю болѣзни.

— Отчего же вы не явились къ бригадному командиру?

— Мы только-что пріѣхали и пришли прямо въ лазаретъ.

— Позвольте вамъ сказать, что это не въ порядкѣ по службѣ; явитесь къ бригадному командиру, и онъ дастъ приказаніе, чтобы васъ допустили произвести слѣдствіе.

Медикъ хотѣлъ было возражать, но, увидѣвъ серьозное лицо мое, счелъ за лучшее поклониться и исполнить совѣтъ мой. Вскорѣ по окончаніи слѣдствія я получилъ черезъ арти-

лерійское начальство отъ главнаго штаба замѣчаніе, отчего не предупредилъ болѣзнь, что при большей заботливости и проч., и проч... Я воображалъ, что заслужилъ похвалу за скоро принятыя мѣры, а тутъ вышло, что надобно было проглотить замѣчаніе. Да, бываетъ такихъ случаевъ довольно въ службѣ. Огрызаться надо на словахъ, а отписываться—ни къ чему не ведетъ. Пожми плечами и оттерпливайся!

XVII.

Въ Курляндіи. Задумалъ перемѣнить службу. Состою въ Варшавѣ при начальникѣ артилеріи дѣйствующей арміи. Постоянное благорасположеніе фельдмаршала кн. Паскевича. Служебныя порученія. Производство въ генералы. Опять на Кавказъ. Послѣднее слово Государя Николая Павловича. Послѣдній разговоръ съ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Паскевичемъ. Радость и горе. Послѣдній обѣдъ у Якова Яковлевича Гилленшмидта. Грусть разлуки. Авось. Передовыя мысли. Въ Тифлисѣ. Въ Шемахѣ. Гергебильская экспедиція. Подкрѣпленіе гарнизона ахтынскаго укрѣпленія. „Notre sauveur.“ Уклончивый отвѣтъ. Я—начальникъ артилеріи кавказскаго отдѣльнаго корпуса.

Послѣ лагеря 1842 года 3-й армейскій корпусъ опять перемѣнилъ квартиры: корпусная квартира была назначена въ г. Вильно, а нашей бригады—въ Курляндіи; бригадный штабъ и батарейная № 1 батарея направились въ Якобштадтъ, куда прибыли въ сентябрѣ. Нашъ вѣрный старый бомбардиръ Бѣлка, которому уже 13 лѣтъ отъ роду, видя укладку обоза и предчувствуя походъ, смотритъ на жену и на меня съ такимъ умоляющимъ видомъ и все старается быть около насъ, будто проситъ: не покиньте меня! Старикъ сталъ слабъ, ужъ не бѣгаетъ, гдѣ ему дѣлать солдатскіе переходы. Купили огромную плоскую корзину, наложили сѣна, привязали за бричкой, уложили въ нее Бѣлку и довезли благополучно до Якобштадта.

Зиму 1841-го на 42-й годъ осенняя неотвязная гостья моя крѣпко мнѣ надоѣдала—пароксизмы какъ будто усили-

вались, а медицинскія пособія не помогали. Я началъ думать о томъ, что съ разстроеннымъ здоровьемъ служить въ военной службѣ нельзя. Въ это время я познакомился съ предсѣдателемъ полтавской палаты государственныхъ имуществъ полковникомъ Ар—ко, бывшимъ артилеристомъ. Вслѣдствіе его разговоровъ объ ихъ службѣ я рѣшилъ написать письмо министру графу Киселеву. Въ отвѣтѣ графа, очень скоро полученномъ, было сказано, что для поступленія на службу по его министерству надобно подать мнѣ въ отставку. На это я не рѣшился и, прибывъ въ Якобштадтъ, взялъ 28-мидневный отпускъ въ Петербургъ, чтобы лично устроить дѣло, если возможно. Начальникъ штаба Генералъ-Фельдцейхмейстера кн. Долгоруковъ, которому я явился, прямо спросилъ меня, зачѣмъ я хочу оставить артилерію? Я отвѣчалъ, что 7 лѣтъ бьетъ лихорадка и что въ такомъ состояніи здоровья въ военной службѣ служить нельзя.—„Обливайтесь холодной водой утромъ и вечеромъ (тогда лѣченіе холодной водою входило въ моду), купайтесь въ холодной водѣ, наконецъ поѣзжайте на воды, но не оставляйте артилеріи; Его Высочеству это будетъ непріятно; я ему еще не говорилъ объ этомъ.“ Дѣйствительно, при представленіи Его Высочество замѣтилъ, что я постарѣлъ и что давно пора мнѣ было убраться съ Кавказа.

На другой день, это было въ воскресенье, я пошелъ къ графу Киселеву. Онъ былъ одинъ въ кабинетѣ.

— Чтожъ, вы раздумали? отчего вы не подали въ отставку?

— Какъ же я подамъ въ отставку, когда не увѣренъ, что буду тотчасъ опредѣленъ на мѣсто? у меня, кромѣ службы, нѣтъ состоянія.

— Да вѣдь вамъ годъ надобно будетъ служить безъ жалованья.

— Чѣмъ же я буду жить, ваше сіятельство?

Онъ улыбнулся.

— Ну, срокъ испытанія можно и укоротить. Подумайте, а потомъ скажите, на что вы рѣшились.

Я поблагодарилъ графа, поклонился и ушелъ.

Пробывъ недѣли двѣ въ Петербургѣ, я, передъ отъѣздомъ, пошелъ къ начальнику штаба откланяться, а къ гр. Киселеву и не заходилъ, потому что не могъ рѣшиться на отставку. Только-что я вошелъ въ кабинетъ начальника штаба, какъ кн. Долгоруковъ встрѣтилъ меня словами:

— Ну, вы не оставляете артилеріи, остаетесь?

— Ваше сіятельство, я не перемѣнилъ своего намѣренія, только просилъ графа, чтобы, не подавая въ отставку, быть переведеннымъ въ министерство государственныхъ имуществъ.

— Нѣтъ, это кончено—Его Высочество не согласился. Въ прошлое воскресенье мы съ графомъ обѣдали у Его Высочества; графъ сказалъ, что еще одного полковника оттягалъ изъ арміи къ себѣ.—„Кого это?“ спросилъ Его Высочество. Графъ назвалъ васъ.—„Не видать вамъ его; Я не согласенъ,“ отвѣчалъ Великій Князь, и потому это дѣло кончено; лѣчитесь, поѣзжайте на воды.

На другой день я былъ у Его Высочества въ урочный часъ откланяться. Представлявшихся господъ было много. Дойдя до меня, Великій Князь спрашиваетъ:

— Вы куда изволите ѣхать?

— Въ бригаду, Ваше Высочество; срокъ отпуска кончился.

— То-то въ бригаду! прошу глупостей не затѣвать—и сдѣлалъ шагъ дальше, потомъ обернулся—если нездоровъ, поѣзжай на воды, лѣчись. Слышалъ?

Я поклонился. Такъ кончилась вторая попытка судьбы выдернуть меня изъ военнаго строя.

Въ маѣ 1843 г. поѣхалъ я съ женою въ Дрезденъ лѣчиться холодною водою. Пробыли мы 8 мѣсяцевъ въ Дрезде-

нѣ—безъ толку. Напротивъ. Послѣ купаній и обливаній въ ваннѣ, уложивъ въ постель, покрывали до того тепло, что отъ сильныхъ транспирацій я совершенно изнемогъ и похудѣлъ, а лихорадка не оставляла. Такъ вернулись мы въ декабрѣ въ Варшаву. Когда я въ пріемный часъ представлялся фельдмаршалу Паскевичу, онъ, посмотрѣвъ на меня, говоритъ:

— Ты вернулся хуже, чѣмъ поѣхалъ; на что ты похожъ?

— Лѣченіе холодною водою, ваша свѣтлость!

— Брось бригаду, оставайся здѣсь—тутъ климатъ хорошъ и доктора хорошіе. Я напишу Государю.

Не прошло и мѣсяца, какъ вышло назначеніе состоять мнѣ при начальникѣ артилеріи дѣйствующей арміи, съ получаемымъ мною содержаніемъ бригаднаго командира. Мы поѣхали съ женой за вещами въ Якобштадтъ; коляску поставили на полозья. Переѣзжая Двину по льду отъ Крейцбурга, мы увидѣли невдалекѣ отъ нашей квартиры, на берегу, Бѣлку, какъ будто насъ поджидавшую. Я выскочилъ изъ коляски, началъ ласкать его—увы—старикъ уже не прыгалъ на меня, моталъ хвостикомъ, смотрѣлъ въ глаза, слабо лаялъ и оглядывался на коляску, какъ бы ища жену. Какъ онъ ласкался къ ней, когда она вышла изъ коляски. Я внутренно убѣжденъ, что Бѣлка предчувствовалъ наше возвращеніе, иначе что могло побудить старую 15-ти-лѣтнюю собаку выйти въ раннее морозное утро изъ теплой комнаты и лежать на снѣгу Двины, на дорогѣ? Устроивъ все, посѣтивъ знакомыхъ и простившись съ ними, въ особенности съ семействомъ барона Сакена, съ которымъ мы все время жили въ доброй дружбѣ, забравъ все свое достояніе, мы отправились обратно въ Варшаву.

1844, 1845, 1846 и до **1847** года прожилъ я въ Варшавѣ. Счастье было, что напалъ на хорошаго доктора, такъ что черезъ годъ неотвязная разсталась со мною. Съ душевною благодарностью вспоминаю постоянно оказываемое мнѣ благораспо-

ложеніе фельдмаршала: увидитъ ли на разводѣ или въ праздничные дни на пріемахъ у себя, всегда подойдетъ и скажетъ доброе, привѣтливое слово; и совѣты давалъ довольно настойчивые, напримѣръ, налѣпить на всю спину какой-то пластырь, какъ лучшее средство отъ лихорадки. Я сказалъ, что скажу доктору.

— А кто у тебя докторъ?

— Докторъ Вольфъ.

— Ба, демократъ, коновалъ! онъ только въ лошадяхъ знаетъ толкъ.

Дѣло въ томъ, что Вольфъ былъ вначалѣ постояннымъ докторомъ Ивана Ѳеодоровича, но въ разговорѣ какъ-то выразилъ довольно вольныя сужденія. Паскевичъ его удалилъ отъ себя, какъ демократа, революціонера. Черезъ нѣсколько времени онъ опять спрашиваетъ меня:

— А что, пластырь положилъ на спину?

— Докторъ говоритъ, что не надобно.

— Онъ коновалъ; не слушай его.

Но, предоставляя мнѣ заботиться о моемъ здоровьи, начальство не оставляло меня безъ дѣла. Въ этомъ же **1844** году начальникъ артилеріи поручилъ мнѣ завѣдываніе практическими занятіями при учебномъ полигонѣ артилеріи 2-го корпуса. Въ **1846** году комисія артилерійскихъ офицеровъ, подъ моимъ предсѣдательствомъ, испытала поправку, сдѣланную поручикомъ Шлиппенбахомъ въ крѣпостныхъ ружьяхъ, стѣны которыхъ до того грязнились отъ накипа пороховыхъ газовъ, что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ нельзя было закрывать казенную часть. Шлиппенбахъ сдѣлалъ нѣсколько отверстій въ стѣнахъ ящика и срѣзалъ закраины верхней доски казенной части для вольнаго выхода пороховой грязи. Сравнительные опыты показали, что поправка эта, сохраняя отъ поврежденій казенную часть, не имѣла вліянія ни на дальность, ни на вѣрность выстрѣловъ. Въ томъ же **1846** году мнѣ было

поручено съ нѣкоторыми артилерійскими офицерами дѣлать разнообразные, пространные опыты надъ огнестрѣльною хлопчатою бумагою или, какъ оную послѣ назвали, метательною. Результаты опытовъ, сдѣланныхъ въ Петербургѣ, были присланы въ нашу комисію. Оказалось, что она годна болѣе для разрывного дѣйствія, но пороха замѣнить не можетъ. Эти опыты продолжались близь года.

Собственно отъ главнокомандующаго я имѣлъ два порученія. Первое—отчего въ полку, недавно прибывшемъ въ Новогеоргіевскую крѣпость, увеличивается число больныхъ? Пробывъ три дня въ крѣпости и войдя во всѣ подробности солдатскаго быта, я сдѣлалъ свое предположительное заключеніе и подалъ въ рапортѣ мое мнѣніе. На другой день я получилъ приглашеніе къ обѣду отъ его свѣтлости. За обѣдомъ Иванъ Ѳеодоровичъ посадилъ меня подлѣ себя и подчивалъ кахетинскимъ виномъ.

— Итакъ, по-твоему, это амосовскія печи виноваты, что солдаты болѣютъ?

— Другой причины доискаться не могъ; я входилъ во всѣ подробности солдатскаго быта: служба обыкновенная, не тягостная, ученья бываютъ непродолжительныя. Всѣ три дня ходилъ по кухнямъ, пробовалъ обѣдъ и ужинъ—пища хорошая, здоровая. Опрашивалъ солдатъ и болталъ съ ними—всѣмъ довольны. Но только я первый разъ вошелъ въ казармы, меня удивило, что всѣ работавшіе солдаты—портной ли, сапожникъ или такъ строчившій что либо для себя—всѣ были въ шинеляхъ, тогда какъ вашей свѣтлости очень хорошо извѣстно, что русскій человѣкъ работаетъ всегда нараспашку, въ рубашкѣ. И въ казармахъ не было тепло. Печей нѣтъ, топка съ подваловъ; ни высушить портянокъ, ни обогрѣться негдѣ. Человѣкъ любитъ огонь, это другъ его, а солдату онъ необходимъ въ казармѣ, а потому эта дровяная экономія, по моему мнѣнію, не должна бы быть допускаема.

— Ну, братъ, инженеры не то говорятъ.

— Да вотъ тесть мой, комендантъ въ Ивангородѣ, прослужилъ близь 40 лѣтъ, нажилъ ревматизмы и жалуется, что въ квартирѣ холодно и воздухъ дурной,—а все амосовскія печи. Если инженерный офицеръ доволенъ комендантомъ—прикажетъ протопить, какъ слѣдуетъ, недоволенъ—убавитъ полѣньевъ десятокъ, и холодно. А кто его будетъ повѣрять, какое количество дровъ положено въ печь?

Фельдмаршалъ засмѣялся, но, какъ я послѣ слышалъ, кажется, приказано было топить крѣпче.

Другое порученіе было—изслѣдовать причину несчастія, случившагося на варшаво-вѣнской желѣзной дорогѣ близь Радомска. Это было $^{16}/_{28}$ мая 1847 года. Не доѣзжая до моста, былъ довольно значительной крутизны спускъ въ 406 сажень. Машинистъ началъ убавлять ходъ, когда поѣздъ уже пошелъ шибко по спуску и, видя, что скорость не уменьшается, растерялся. Поѣздъ бѣжалъ все шибче, а на мосту крюкъ, прикрѣплявшій первый вагонъ (бранкаръ) къ тендеру, сломался; машина съ тендеромъ пошли по рельсамъ, а бранкаръ, сойдя съ рельсовъ, скорымъ ходомъ потащилъ за собою восемь вагоновъ и, добѣжавъ до обрыва, глубиною въ 5 аршинъ, скатился внизъ; слѣдующіе за нимъ 8 вагоновъ, пройдя мѣсто паденія перваго, приближаясь къ оврагу, отрывались и поочередно падали въ обрывъ. Шесть человѣкъ было убитыхъ, 9 крѣпко искалѣченныхъ и 45 легко зашибленныхъ. По окончаніи слѣдствія, сдѣланнаго на мѣстѣ происшествія комисіею подъ моимъ предсѣдательствомъ, я подалъ начальнику штаба рапортъ со всѣми приложеніями, а для фельдмаршала написалъ докладную записку, изложивъ въ ней также просьбу трехъ вдовъ, лишившихся мужей при этомъ несчастномъ случаѣ. Тотчасъ отъ начальника штаба я пошелъ къ Ивану Ѳеодоровичу. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ.

— Здравствуй! ну что, кончилъ?

— Кончилъ, ваша свѣтлость—и разсказалъ ему вкратцѣ, пояснивъ, что виноватъ машинистъ, не убавившій раньше хода—слѣдственное дѣло со всѣми приложеніями я представилъ г. начальнику штаба, а эту докладную записку съ просьбою вдовъ позвольте подать вашей свѣтлости.

— Зачѣмъ же? Ты отдай князю Михаилу Дмитріевичу; онъ подастъ мнѣ съ тѣмъ дѣломъ.

— Ваша свѣтлость, несчастныя вдовы обращаются къ сердцу вашему; я обѣщалъ имъ лично просить васъ.

Фельдмаршалъ улыбнулся, взялъ докладную записку, и я удалился.

Исправляя должность начальника штаба въ 1847 году, я имѣлъ еще значительное порученіе кн. Горчакова, повидимому, крѣпко его занимавшее: нельзя ли уменьшить количество пороха, положеннаго имѣть въ крѣпостяхъ, чтобы уменьшить число пороховыхъ погребовъ? Я подалъ ему мое мнѣніе, по которому вывелъ, что количество пороха можно уменьшить на четвертую часть. Онъ остался доволенъ.

Въ 1846 году одинъ изъ артилерійскихъ полковниковъ, млаже меня, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Я пошелъ къ начальнику артилеріи и, изложивъ причину прихода, напрямки сказалъ: „я годъ прошу мѣста—мнѣ не даютъ его; теперь младшій меня обошелъ, значитъ—дальше мнѣ не идти, негоденъ; а потому я долженъ уйти въ отставку.“

Тотчасъ пошла записка къ фельдмаршалу, отъ него къ военному министру—и меня произвели за отличіе по службѣ.

Но быть генераломъ безъ мѣста мнѣ не нравилось. Переписка о назначеніи мнѣ мѣста возобновилась съ Петербургомъ. Къ счастью, лѣтомъ 1847 года намѣстникъ кавказскій кн. Воронцовъ просилъ кн. Паскевича о согласіи его представить г.-м. Безака въ начальники артилеріи отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Безакъ былъ на водахъ въ Пирмонтѣ. Его спросили, желаетъ ли онъ принять это мѣсто; онъ, по болѣзни, отказал-

ся. Тогда фельдмаршалъ предложилъ мнѣ. Но оказалось, что все это дѣлалось, не спросясь хозяина. Козляниновъ, бывшій въ отпуску въ Петербургѣ и взявшій тамъ отсрочку отпуска, что не понравилось Воронцову, объявилъ Генералъ-Фельдцейхмейстеру, что онъ вовсе не желаетъ оставлять мѣста. Тогда Воронцовъ просилъ военнаго министра причислить меня къ кавказскому отдѣльному корпусу, и какъ въ это время открылась ваканція пѣхотнаго бригаднаго командира, то меня перевели въ пѣхоту и назначили командиромъ 1-й бригады 21-й дивизіи. Это было въ началѣ октября.

Въ сентябрѣ пріѣхалъ Государь въ Варшаву. При представленіи генераловъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей, когда фельдмаршалъ назвалъ меня, Государь спросилъ:

— Это, что на Кавказѣ служилъ?

— Такъ точно, Ваше Величество.

— Давно Я не видѣлъ тебя. Какъ твое здоровье теперь?

— Слава Богу, Ваше Величество.

— Тебя опять тянутъ на Кавказъ, поѣдешь?

— Гдѣ велишь, Государь, тамъ и служить буду.

— Поѣзжай, тамъ тебѣ хорошо будетъ.

Я поклонился. Это были послѣднія слова и послѣдній привѣтливый взглядъ, которыми порадовалъ стараго солдата покойный Императоръ Николай.

2-го ноября я поѣхалъ откланяться фельдмаршалу. У самыхъ воротъ дворца встрѣчается выѣзжающій оттуда дежурный генералъ г.-л. Викинскій.

— Не принимаетъ никого, боленъ! закричалъ онъ мнѣ.

Какъ же это? сегодня вечеромъ ѣду—надо же откланяться, подумалъ я и на-авось вошелъ въ комнаты. Въ пріемной комнатѣ дежурные адъютантъ и гражданскій чиновникъ сказали мнѣ, что князь нездоровъ и приказалъ никого не принимать. Въ то время, какъ я убѣждалъ ихъ доложить обо мнѣ, вижу, изъ покоевъ князя отворяется дверь въ залу и выходитъ ка-

мердинеръ. Я къ нему: доложи князю, что я сегодня ѣду и пришелъ откланяться.—„Не смѣю, ваше превосходительство; князь никого не приказалъ пускать.“ Дверь опять полуотворилась и я увидѣлъ Ивана Ѳеодоровича въ халатѣ.

— А, это ты, Бриммеръ? войди.

Я за нимъ вошелъ въ кабинетъ.

— Здравствуй! Что ты ужъ ѣдешь?

— Сегодня ѣду, ваша свѣтлость; пришелъ откланяться и поблагодарить за ваше доброе расположеніе ко мнѣ.

— Что я для тебя сдѣлалъ? ничего!

— Я слишкомъ 20 лѣтъ пользовался расположеніемъ вашей свѣтлости и умѣю цѣнить это; вниманіемъ вашимъ ко мнѣ вы дали мнѣ возможность вылѣчиться и возвратили мнѣ здоровье.

— Я берегъ тебя для Государя, для службы—ты дѣльный офицеръ, честный человѣкъ; я долженъ былъ беречь тебя. Тутъ благодарить не за что. Что я для тебя сдѣлалъ? Вотъ попалъ бригаднымъ командиромъ на Кавказъ? Да я тебѣ бы здѣсь могъ дать лучшее мѣсто. Пришелъ благодарить! Посмотри кругомъ меня на этихъ интригановъ: я ихъ въ люди вывелъ, обвѣсилъ орденами, обогатилъ, а, ты думаешь, они благодарны?

И все болѣе разгорячаясь, князь продолжалъ говорить о неблагодарности людей, непріятностяхъ и клеветѣ, которою его чернятъ. Въ началѣ разговора онъ сидѣлъ одной ногой на стулѣ, халатъ былъ распахнувшись на груди; потомъ всталъ, продолжалъ рѣчь, ходя по комнатѣ, а, кончивъ, остановился противъ меня и бросилъ мнѣ съ какимъ-то рѣзкимъ, будто насмѣшливымъ тономъ: „А онъ благодаритъ меня!“

— Я не могу понять, чтобы получившіе черезъ васъ столько милостей Государя, были неблагодарны вашей свѣтлости.

— Ты интригъ не понимаешь. Ну, прощай! Бригаднымъ командиромъ ты не долго останешься. Береги здоровье!

Князь далъ мнѣ руку и поцѣловалъ меня. Я еще поблагодарилъ его и вышелъ. Болѣе я не видѣлъ Ивана Ѳеодоровича Паскевича. Послѣднимъ столь довѣрчивымъ разговоромъ, онъ какъ бы выказалъ свое полное расположеніе ко мнѣ. Признаюсь, вначалѣ рѣчь его смутила меня, но, услышавъ слово „интриганы," я вспомнилъ, что и въ Грузіи, принявъ послѣ Ермолова корпусъ, онъ все думалъ, что окруженъ интригами. Но какъ, вѣроятно, и теперь у него было не безъ завистниковъ, то какая нибудь вѣсточка изъ Петербурга привела его въ дурное настроеніе духа и онъ излилъ предо мною горечь мыслей своихъ. Нѣтъ человѣка безъ слабостей. Паскевичъ былъ и живалъ при дворѣ, слѣдственно болѣе другихъ смертныхъ могъ быть знакомъ съ интригами. Онѣ вѣчно были у него передъ глазами, и чѣмъ выше онъ шелъ, чѣмъ болѣе наживалъ завистниковъ и недоброжелателей, тѣмъ болѣе раздражался на интригановъ. Устраняя слабости человѣка, Паскевичъ былъ храбрый, добрый солдатъ, заботливый начальникъ, счастливый полководецъ. Заслуги его отечеству велики и неоспоримы. Въ 1857-мъ году, бывъ въ Ивангородѣ, я ѣздилъ въ маіоратное имѣніе фельдмаршала, Демблинъ, поклониться праху его.

Въ семейномъ быту нашемъ были радости и несчастія во время 4-хъ-лѣтняго житья въ Варшавѣ, и—увы—послѣднія пересилили первыя. Въ мартѣ 1845 года родился у насъ сынъ Владиміръ, милый малютка. Какъ онъ былъ крѣпокъ, здоровъ, и какой веселый, огромный мальчикъ. Въ мартѣ 1846 года его не стало! не вынесъ малютка прорѣзыванія разомъ многихъ зубовъ—и отнялъ Господь нашу радость!... а горе осталось. Роды эти печально повліяли на здоровье моей доброй, кроткой, нѣжно-любимой жены; зрѣніе ея ослабѣло и лѣвый глазъ заболѣлъ. Потеря малютки разстроила ея деликатное сложеніе. Для укрѣпленія своего здоровья ѣздила въ слѣдующемъ году на морскія воды, къ тогдашнему Wundredocktor

Шроту, что лѣчилъ всѣхъ больныхъ, укутывая въ мокрыя простыни, пищу давалъ сухую, немного вина и ни капли воды! Неужели Господь Богъ оросилъ землю столькими рѣками, чтобы мыть въ нихъ грязное бѣлье? Въ Вѣнѣ консультировала знаменитости по болѣзни глаза, и возвратилась худенькая и голодная. Болѣзнь глаза не поправилась, а потому мы рѣшили ѣхать—мнѣ на Кавказъ одному, а ей въ Петербургъ, лѣчиться у глазного доктора Тильмана—тоже знаменитость тогдашняго времени—и жить ей съ матерью у дѣдушки Р. И. Ховена. Выѣхать положили 2-го ноября въ кр. Ивангородъ, гдѣ тесть мой былъ комендантомъ. Въ день отъѣзда мы были приглашены отобѣдать у Якова Яковлевича Гилленшмидта. Этотъ прощальный день остался у меня въ памяти, какъ послѣдній знакъ расположенія, которымъ я пользовался, служа подъ начальствомъ этого почтеннаго, добраго и прямого человѣка. Болѣе я его не видѣлъ.

Пробывъ два дня въ Ивангородѣ, я простился съ женою съ весьма понятнымъ чувствомъ грусти и, нигдѣ не останавливаясь, поѣхалъ на Кавказъ. 26-го ноября я прибылъ въ Тифлисъ.

Много разнообразныхъ думъ гнѣздилось въ головѣ моей во время этого длиннаго переѣзда. Въ началѣ дороги разлука съ женою тяготила меня; мысли, какъ пойдетъ лѣченіе ея глаза, вылѣчатъ ли ее въ Петербургѣ и какъ она сдѣлаетъ путешествіе черезъ годъ изъ Петербурга въ Тифлисъ, ни на минуту не оставляли меня. Я выѣхалъ въ коляскѣ, а ей оставилъ прекрасную четырехмѣстную карету, приспособленную для дороги. Объ этихъ двухъ экипажахъ припомню странность, которая укоренила въ насъ мысль, что насъ ожидаетъ дальній путь. По пріѣздѣ въ Варшаву, у насъ была старая двухмѣстная карета и вѣнская красивая, но далеко не прочная коляска; оба экипажа для дороги не годные. Когда, въ концѣ **1845** года, пошла переписка о назначеніи мнѣ мѣста, я началъ по-

мышлять, какъ бы добыть хоть одну прочную карету, но всѣ совѣщанія съ женою кончались словами—„денегъ нѣтъ!“ Въ это время я взялъ билетъ въ классную лотерею, на-авось. Въ 1846 году, отправившись, по обыкновенію, рано утромъ гулять и, зная, что наканунѣ разыгрывался 5-й классъ лотереи, я зашелъ par acquis de consience къ коллектору, и только-что отворилъ дверь, какъ онъ, поклонившись изъ-за столика своего и указавъ рукою на черную доску, привѣшенную къ стѣнѣ, говоритъ: „поздравляю, пане пулковнику!“ Я взглянулъ на доску—мой номеръ выигралъ 10 тысячъ злотыхъ, т. е. 1500 р.! Какъ-разъ на два экипажа, подумалъ я, отдалъ билетъ, получилъ деньги, подарилъ 100 злотыхъ коллектору и, прійдя домой, выложилъ передъ женою деньги.

— Ну, вотъ и экипажи, сказала она.

Лучшій мастеръ, Вейсгейтъ, сдѣлалъ намъ назаказъ четырехмѣстную карету и коляску, приспособленныя къ дорогѣ.

Мысль, что я перемѣнилъ родъ службы также тяготила меня. Я, прослужившій 32 года въ артилеріи, въ душѣ артилеристъ, перемѣнилъ черный воротникъ на красный! Мнѣ было и досадно, и смѣшно! И чѣмъ болѣе я думалъ объ этой перемѣнѣ, тѣмъ болѣе безсознательно убѣждался, что скоро буду начальникомъ артилеріи въ кавказскомъ корпусѣ! Еще съ штабсъ-капитанскаго чина я былъ увѣренъ, что это мѣсто не уйдетъ отъ меня, потому что, зная бытъ артилеріи здѣшней, я чувствовалъ, что могу быть полезнымъ. И, воображая себя на этомъ мѣстѣ, въ то время, какъ коляска мчалась въ прекрасную осеннюю погоду по гладкимъ степнымъ дорогамъ, я устраивалъ штабъ-квартиры, налегалъ на батарейныя школы и на практическое ученье, знакомился непремѣнно со всѣми офицерами, чтобы пріохотить ихъ къ службѣ, и пр. и пр. Въ такомъ настроеніи духа проѣхалъ я хорошо знакомый мнѣ Ставрополь, увидѣлъ опять снѣжныя вершины Кавказа и пріѣхалъ въ Тифлисъ, какъ бы на родину.

Здѣсь пробылъ я дней десять. Представился главнокомандующему князю М. С. Воронцову, который, разспрашивая меня о службѣ, пожелалъ знать, въ чьей батареѣ я былъ во французскомъ корпусѣ, и припомнилъ нѣсколько артилерійскихъ случаевъ того времени. Начальникомъ главнаго штаба былъ П. А. Коцебу, старый знакомый, начальникомъ артилеріи—все тотъ же Г. Ѳ. Козляниновъ, служившій уже 13 слишкомъ лѣтъ на этомъ мѣстѣ. Нашелъ и еще нѣсколькихъ старыхъ знакомыхъ. Прійдя однажды по приглашенію обѣдать къ Козлянинову, я нашелъ у него человѣкъ десять артилерійскихъ офицеровъ. Прохаживаясь передъ обѣдомъ по залѣ, онъ вдругъ говоритъ мнѣ:

— Я боленъ, служить болѣе не могу; вотъ бы вамъ, Эдуардъ Владиміровичъ, на мое мѣсто.

— Какъ это можно, Григорій Ѳеодоровичъ; развѣ вы не видите моего краснаго воротника—артилерія выбросила меня; теперь я пѣхотинецъ!

— Право, постарайтесь занять это мѣсто; впрочемъ, ужъ теперь не то, что было. Вотъ эти господа—указывая на офицеровъ—совершенно отшатнулись отъ своего начальства, только и знаютъ отрядныхъ начальниковъ, черезъ которыхъ получаютъ награды.

Эта правда показалась мнѣ очень странною, и я рѣшилъ, что виноватъ самъ начальникъ.

4-го декабря ночью при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ выпалъ снѣгъ въ $^1/_2$ аршина, чего прежде не бывало, и начались холода. 6-го я выѣхалъ изъ Тифлиса въ Кубу. По всей дорогѣ глубокій снѣгъ затруднялъ мое путешествіе на колесахъ, а холода не дѣлали его пріятнымъ. Пріѣхавъ въ Шемаху рано утромъ, весь озябшій, я заѣхалъ къ Ѳедору Астафьевичу Коцебу, брату Павла, старому знакомому, и, отворивъ дверь въ комнаты, закричалъ: „Шерстяные чулки, халатъ и стаканъ пуншу!“ Голосъ изъ другой комнаты отвѣчаетъ: „Чулки есть, ха-

лата нѣтъ, пуншу—сколько душа хочетъ!“ Пробывъ два дня у этого умнаго, любезнаго дядюшки жены моей, я, нигдѣ ужъ не останавливаясь, черезъ Кубу прибылъ въ Кусары, штабъ-квартиру Ширванскаго пѣхотнаго князя Паскевича полка, гдѣ была и моя бригадная квартира. Этотъ полкъ и Самурскій, квартировавшій въ Дешлагарѣ, составляли 1-ю бригаду 21-й дивизіи.

О кратковременномъ командованіи мною пѣхотною бригадою и говорить, кажется, нечего; развѣ упомянуть о лѣтней экспедиціи въ дагестанскія горы для взятія Гергебиля, укрѣпленнаго мѣста, служившаго разбойничьимъ притономъ для горцевъ. Зиму я провелъ, подробно знакомясь съ пѣхотною службою. Въ началѣ мая главнокомандующій проѣзжалъ по Дагестану и останавливался день въ Кубѣ.

Вскорѣ я получилъ предписаніе командующаго войсками въ Дагестанѣ кн. Аргутинскаго-Долгорукаго выступить съ Ширванскимъ полкомъ, 8-ю орудіями и сотнею казаковъ черезъ Кумухъ къ Гергебилю. Этотъ горный походъ былъ интересною, но не всегда пріятною прогулкою. Хотя все время погода стояла прекрасная, чистый горный воздухъ живителенъ, общество—своя солдатская семья, однимъ словомъ, прогулка хоть куда; но частыя переправы въ бродъ черезъ бурныя горныя рѣчки и раза два шествіе гуськомъ по горнымъ тропамъ, гдѣ справа гора стѣной, слѣва обрывъ въ 50 и болѣе сажень, охлаждали немного пріятность впечатлѣній, производимыхъ великолѣпною природою. Такъ пришли мы на Турчидагъ, пространную горную плоскость съ злачною травою, гдѣ я далъ отряду дневку. Отсюда невдалекѣ былъ виденъ на высокой горѣ Чохъ—укрѣпленіе, занятое горцами. Потомъ пошли на Цудахаръ и тутъ перешли Казикумухское Койсу по странному мосту—огромныя каменныя глыбы, Богъ знаетъ въ какіе вѣка оторванныя отъ горъ, лежали одна возлѣ другой во всю ширину рѣки. Уравнять такой мостъ не стоило большого

труда, набросивъ въ промежутки каменья и щебню. Оттуда—въ Ходжалъ-Махи, гдѣ такой же мостъ, но такъ широкъ и гладокъ, а рѣка такъ скрыта мѣстностью, что, не обративъ особеннаго вниманія, не увидишь, какъ перешелъ съ праваго берега на лѣвый—до того дорога сливается съ мостомъ. Изъ Ходжалъ-Махи въ одинъ переходъ мы пришли къ Гергебилю, въ коемъ, укрѣпившись, засѣли горцы. Отрядъ занялъ окружающія возвышенности.

На другой день, желая разсмотрѣть положеніе Гергебиля, я взялъ роту пѣхоты и подошелъ поближе. При этомъ наглядномъ осмотрѣ мы увидѣли, что передъ Гергебилемъ, по нашу сторону, лежатъ сады, окаймленные длинною возвышенностью. Когда мы тихо подходили къ этой возвышенности, изъ укрѣпленія сдѣлали пушечный выстрѣлъ; ядро не долетѣло и скатилось къ намъ; мы посторонились, а когда оно остановилось, я поднялъ его—оно было 6-ти-фунтовое. Сказанную возвышенность мы заняли частою цѣпью застрѣльщиковъ съ сильными резервами. Горцы оставляли насъ въ покоѣ, и мы ихъ не тревожили. На третій день прибылъ къ Гергебилю кн. Аргутинскій съ отрядомъ, въ коемъ были бригадный генералъ Карлъ Врангель и кн. Барятинскій съ двумя баталіонами Кабардинскаго полка; Ширванскимъ же полкомъ командовалъ тогда п. Захаръ Степановичъ Манюкинъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ и достойнѣйшихъ кавказскихъ дѣятелей. Такимъ образомъ кн. Аргутинскій имѣлъ добрыхъ помощниковъ. О войскахъ толковать нечего; я не могу говорить безъ теплаго чувства душевной привязанности къ этимъ безотвѣтнымъ молодцамъ, которые въ разгарѣ битвы, смотря въ глаза уважаемому начальнику, какъ бы говорятъ: „ну приказывай, а ужъ мы исполнимъ!“ Кн. Аргутинскій никогда не дѣйствовалъ скоро, но на все давалъ себѣ время, а потому и взятіе Гергебиля продолжалось долѣе, чѣмъ слѣдовало. Я зналъ много такихъ начальниковъ: у однихъ нерѣшительность, неувѣренность въ успѣ-

хахъ, малое довѣріе къ подчиненнымъ; у другихъ—расчетъ, чѣмъ дальше тянется дѣло, тѣмъ оно должно казаться труднѣе, и пр. и пр. Расположивъ лагерь, черезъ нѣсколько дней онъ объѣхалъ мѣстность, потомъ черезъ нѣсколько дней поставилъ и на другой сторонѣ Гергебиля войска, подъ командою г.-м. Врангеля, оставивъ незанятою мѣстность отъ садовъ, въ коихъ расположились горцы, къ р. Кара-Койсу, въ надеждѣ—авось уйдутъ и оставятъ Гергебиль. Но горцы безъ драки не уходятъ, а потому, прождавъ еще съ недѣлю, князь поручилъ мнѣ выгнать ихъ изъ садовъ, для чего далъ два баталіона Кабардинскаго полка; я взялъ и два орудія. Оставивъ двѣ роты въ резервѣ, я пустилъ кабардинцевъ въ сады, прося кн. Барятинскаго не приближаться близко къ Гергебилю, чтобы не подвергать людей напраснымъ потерямъ. Кабардинцы съ малою потерею скоро выгнали горцевъ изъ садовъ, а нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ ускорили ихъ бѣгство. Тотчасъ въ приличномъ мѣстѣ наши выстроили полевое укрѣпленіе для двухъ орудій и одной роты. Сады были очищены, и къ Гергебилю, хотя буквально онъ не былъ обложенъ, подойти можно было только подъ нашими выстрѣлами. Черезъ два дня по очищеніи садовъ, ночью, въ лагерѣ услышали пальбу въ сторонѣ войскъ г. Врангеля—это горцы бросали Гергебиль и бѣжали; но наши аванпосты бодрствовали, и Врангель погнался за ними. Безъ потери не ушли.

Вотъ экспедиція, въ которой я принималъ участіе, какъ пѣхотный генералъ. Припомню, что до очищенія садовъ горцы, подкрадываясь ночью, крѣпко безпокоили облегающія ихъ войска—тревоги пустыя, но не дававшія спать. Такъ какъ каждый день передовыя войска смѣнялись свѣжими, то эти тревоги не утомляли солдатъ. Памятны мнѣ, какъ артилеристу, два горскихъ выстрѣла. На длинной возвышенности, облегающей сады, о которой я упомянулъ выше, лежала густая цѣпь нашихъ солдатъ; внизу было нѣсколько резервовъ, достаточно

сильныхъ. Я лежалъ на огромномъ камнѣ, покрытомъ буркой, съ подушкою въ головахъ, и читалъ. Около камня было нѣсколько деревьевъ, подлѣ одного стоялъ часовой. Было послѣобѣденное время. Ко мнѣ подходитъ ротный командиръ: „ваше превосходительство, людямъ скучно, позвольте пѣсенниковъ собрать.“

— Дѣло; пускай поютъ, да повеселѣе что.

Не прошло и полчаса, слышу—выстрѣлъ изъ орудія; пѣсенники замолчали. Я вскочилъ съ мягкаго ложа, часовой говоритъ: „барабанщика убило;“ я пошелъ къ резерву, шагахъ въ десяти отъ моего камня, и вижу, что съ возвышенности застрѣльщики сносятъ убитаго барабанщика. Люди будто съ изумленіемъ и горемъ смотрятъ на убитаго товарища.—„Чего пѣть перестали? развѣ вы впервые видите, что на войнѣ людей убиваютъ? Пой!“ И затянули какую-то веселую, а застрѣльщики вторили имъ.

— Зачѣмъ барабанщикъ былъ наверху? спросилъ я у ротнаго командира.

— Только-что пошелъ туда за чѣмъ-то, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ.

— Вишь, смерть позвала; должно быть ужъ такъ слѣдовало! покончилъ одинъ философъ изъ толпы.

Другой выстрѣлъ былъ при очищеніи садовъ. Я стоялъ у двухъ орудій и смотрѣлъ какъ горцы, тѣснимые кабардинцами, отходили, отстрѣливаясь изъ-за деревьевъ. Отъ роты, бывшей въ прикрытіи у орудій, гг. офицеры собрались къ огромному дереву, имѣвшему, вѣрно, толщину въ три человѣческихъ обхвата, и весело смѣялись чему-то. У горцевъ было на горѣ одно орудіе въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, изъ котораго они стрѣляли; но ядра, не долетая, не причиняли намъ вреда. Вдругъ ядро ударяетъ въ дерево, у котораго съ одной стороны стояли гг. офицеры; одинъ упалъ, но тотчасъ же всталъ и отбѣжалъ къ другимъ, безсознательно отскочившимъ отъ дерева. Зарядъ пропалъ даромъ, но если горецъ мѣтилъ въ офицеровъ, то выстрѣлъ былъ хорошъ.

Кажется, еще до очищенія садовъ адъютантъ начальника инженеровъ шт.-к. Константинъ фонъ-Кауфманъ вымѣрилъ глубину рва гергебильскаго укрѣпленія, за что получилъ георгіевскій крестъ.

По взятіи Гергебиля, кн. Аргутинскій, воспользовавшись сборомъ войскъ, распредѣлилъ часть ихъ для разработки горныхъ дорогъ Дагестана, и какъ мнѣ тутъ дѣла не было, то въ августѣ онъ отпустилъ меня въ Кусары.

Отъ жаровъ, безсонницы и геморроя здоровье мое немного пошатнулось въ послѣдніе дни въ отрядѣ, и потому я былъ очень радъ отдохнуть на свободѣ. Дней черезъ десять совершенно оправившись, я началъ уже скучать, ибо дѣлить время было не съ кѣмъ. При выступленіи полка были оставлены въ Кубѣ только двѣ роты для занятія карауловъ, музыканты, сапожники, портные и мастеровые. Но въ тѣ времена на Кавказѣ долго скучать не приходилось, ибо спокойствіе въ сосѣдствѣ или, лучше сказать, въ средѣ горцевъ не бывало продолжительно. Такъ случилось и теперь.

Въ концѣ августа начали доходить до меня слухи, что въ окрестныхъ деревняхъ татары что-то копошатся, какъ будто поджидаютъ чего-то. Въ началѣ сентября стали поговаривать, что Даніель-бекъ, бывшій элисуйскій султанъ, нашъ непримиримый противникъ, появился невдалекѣ отъ Ахтынскаго укрѣпленія съ многочисленною толпою и занялъ всю самурскую долину. Какой-то армянинъ, пріѣхавшій изъ Ахтынскаго укрѣпленія, разсказалъ, что комендантъ приказалъ гарнизону, стоявшему внѣ укрѣпленія, войти внутрь, и что ожидаютъ Шамиля съ войскомъ.

Въ подтвержденіе всѣхъ этихъ слуховъ, утромъ въ 10 часовъ 11-го сентября, прискакалъ ко мнѣ татарскій бекъ изъ Ахты, съ рапортомъ отъ коменданта полковника Рота [1]), въ

[1]) Свои воспоминанія, касающіяся осады Ахтовъ и событій Восточной войны въ Азіятской Турціи, почтенный авторъ подкрѣпляетъ многочисленными документами, которые будутъ помѣ-

которомъ онъ доносилъ о скопищахъ мюридовъ и слабости гарнизона и спрашивалъ есть ли у меня въ распоряженіи войска, чтобы поддержать его? Разспрашивая бека, я узналъ, что у Даніель-бека большія толпы, до 4-хъ тысячъ пѣхоты и много конныхъ, что назавтра ждутъ Шамиля съ большимъ войскомъ и орудіями, что комендантъ отправилъ нарочныхъ къ кн. Аргутинскому и въ Борчъ къ полковнику Бюрно, но отвѣта ни откуда не имѣетъ. Не долго думая, я послалъ за маіоромъ, который завѣдывалъ штабъ-квартирой полка. Гутъ, бригадный адъютантъ, очень маленькаго роста, бойкій и веселый малый, услыхавъ отъ меня, что я хочу послать 5-ю гренадерскую роту на помощь гарнизону въ Ахты, говоритъ, что въ прошломъ году бывшій полковой командиръ Плацъ-Бей-Кокумъ, за то что послалъ также роту, когда весь полкъ былъ дома, получилъ отъ кн. Аргутинскаго выговоръ, въ коемъ было сказано, что только командующій войсками имѣетъ право распоряжаться передвиженіемъ войскъ.

Приходитъ маіоръ; я приказываю ему изготовить 5-ю гренадерскую роту къ выступленію завтра утромъ, въ 5 часовъ, въ укрѣпленіе Ахты, дополнивъ ее до 200 человѣкъ и 20-ти унтеръ-офицеровъ.

— Ваше превосходительство, въ прошлый годъ полученъ выговоръ.....

И разсказываетъ мнѣ уже слышанное отъ адъютанта.

— Это ужъ мое дѣло. А васъ прошу исполнить, что я сказалъ. Десятидневный провіантъ на вьюкахъ, повозокъ не брать и въ 5 часовъ выступить.

Маіоръ поклонился и вышелъ.

Черезъ четверть часа приходитъ бригадный адъютантъ и говоритъ, что капитанъ Новоселовъ просится идти съ ротою въ Ахты.

щены, по окончаніи настоящихъ записокъ, въ послѣдующихъ томахъ Кавказскаго Сборника въ видѣ Приложеній. *Ред.*

— Попросите его и капитана Тизенгаузена (командиръ 5-й гренадерской роты) ко мнѣ.

Когда эти господа пришли, я спросилъ Новоселова: „вы желаете идти съ ротою въ Ахты?“

— Точно такъ, ваше превосходительство, прошу васъ, позвольте!

— Кто изъ васъ, господа, старше?

— Капитанъ Новоселовъ старше меня, отвѣчаетъ Тизенгаузенъ.

— Вы попріятельски живете другъ съ другомъ?

Они, улыбнувшись, отвѣчали: „попріятельски.“

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ выслушать меня: г. капитанъ Новоселовъ, мнѣ очень пріятно, что вы желаете участвовать въ защитѣ Ахтынскаго укрѣпленія и я дозволяю идти вамъ съ ротою; но капитанъ Тизенгаузенъ, какъ командиръ роты, остается ея начальникомъ и отвѣтственнымъ лицомъ. Если до Ахтовъ встрѣтитесь съ горцами, то помните, что вы однополчане и помогайте другъ другу, какъ братья. А пришедши въ Ахты, явитесь къ полковнику Роту—онъ васъ употребитъ по своему усмотрѣнію. Вы, капитанъ Новоселовъ, безъ дѣла не останетесь. Ну, прощайте. Да благословитъ васъ Богъ!

Рота выступила въ 5 часовъ утра 12-го сентября, ночевала въ Хазрахъ, а 14-го въ 10 часовъ утра, сдѣлавъ 70 верстъ по горамъ, пришла въ Ахты.

Бека, привезшаго рапортъ полковника Рота, напоили чаемъ, накормили и уложили спать. На мой вопросъ, какъ лошадь его выдержала 70-ти-верстную скачку по горамъ, онъ отвѣчалъ, что свою лошадь оставилъ у пріятеля въ Хазрахъ (21 верста отъ Кусаровъ) и на его лошади прискакалъ сюда; „а моя отдохнетъ“—прибавилъ онъ. Часовъ въ 5 его разбудили, и когда я сказалъ ему, отправляя съ конвертомъ къ коменданту, что рота идетъ завтра въ Ахты, онъ просто одурѣлъ отъ радости: бросился ко мнѣ, цѣловалъ руки, обнималъ

станъ и, уходя, вскричалъ—„хорошій генералъ, добрый человѣкъ!“

Зная, что все населеніе самурскаго округа волновалось и взятіе Ахтовъ послужитъ знакомъ къ общему возстанію, я счелъ нужнымъ принять мѣры, на случай неблагопріятныхъ обстоятельствъ, къ оборонѣ полковой штабъ-квартиры. При выступленіи полка оставлены были въ Кусарахъ двѣ роты для занятія карауловъ въ г. Кубѣ (11 верстъ) и въ штабъ-квартирѣ. Отправивъ въ укрѣпленіе Ахты одну роту, у меня оставалось подъ рукой не болѣе полуроты, почему, собравъ музыкантовъ и всякого рода мастеровыхъ, я приказалъ выдать имъ изъ цейхгауза ружья. Эта команда дала свыше комплектной роты. Ее привели въ порядокъ, подучивали; по окрестнымъ дорогамъ сдѣланы завалы, и я назначилъ мѣсто, гдѣ быть укрѣпленію въ видѣ цитадели. Однимъ словомъ, не имѣя никакихъ распоряженій отъ командующаго войсками въ Дагестанѣ, я старался быть готовымъ къ отпору; но, слава Богу, до этого не дошло.

Въ двухъ словахъ скажу, какъ кончился этотъ трагическій эпизодъ горныхъ войнъ. 14-го, какъ я сказалъ выше, пришла въ Ахтынское укрѣпленіе 5-я гренадерская рота Ширванскаго его свѣтлости фельдмаршала Паскевича полка. 15-го прибылъ къ укрѣпленію Шамиль съ многочисленными толпами горцевъ и съ орудіями. Горцы впослѣдствіи разсказывали, что онъ, зная о малочисленности гарнизона, хотѣлъ тотчасъ штурмовать укрѣпленіе, но, услыхавъ о прибытіи свѣжей роты, рѣшилъ прежде разрушить его. Онъ приказалъ вести закрытою траншеей мину подъ 1-й бастіонъ и стрѣлять изъ орудій. 16-го числа граната, брошенная изъ кегорновой мортиры, упала на крышу порохового погреба, пробила его и взорвала 400 пудовъ пороху. 17-го, 18-го и 19-го онъ продолжалъ дѣлать завалы и траншеями приблизился на край гласиса; стрѣльба его не умолкала. 19-го въ 5 часовъ пополудни показался на

лѣвомъ берегу Самура отрядъ кн. Аргутинскаго. 20-го въ 10 часовъ утра мина подъ 1-мъ бастіономъ была взорвана и бастіонъ обрушился; мюриды со всѣхъ сторонъ бросились на штурмъ, овладѣли 1-мъ, 4-мъ и 5-мъ бастіонами, но, несмотря на этотъ успѣхъ, были отброшены опять въ ровъ, оставивъ множество убитыхъ. Этого же числа кн. Аргутинскій, видя, что переправа черезъ Самуръ разрушена и что онъ съ лѣваго берега не можетъ подкрѣпить гарнизонъ, пошелъ на Кабиръ, 21-го переправился на правый берегъ, встрѣтилъ горцевъ на сильной позиціи у д. Мискенджи, разбилъ ихъ и двинулся къ укрѣпленію. Гарнизонъ, видя и послѣ отбитаго штурма неустанныя работы горцевъ, ожидалъ 22-го числа вторичнаго штурма, но вмѣсто того увидѣлъ въ полдень, что горцы поспѣшно оставляютъ работы и бѣгутъ.

Что долженъ былъ дѣлать командующій войсками при первомъ извѣстіи о прибытіи элисуйскаго султана къ Ахтынскому укрѣпленію? онъ находился въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Послать нарочнаго къ начальнику войскъ, разработывавшихъ дорогу, чтобы отправилъ двѣ роты въ Ахты немедля, а самому собрать отрядъ, какъ онъ и сдѣлалъ, и идти съ нимъ на Ахты черезъ Кабиръ, ибо онъ не могъ не знать, что мостъ, къ которому онъ шелъ былъ сломанъ и что съ этого моста онъ съ отрядомъ не дойдетъ до горцевъ и не подкрѣпитъ гарнизона. Видъ нашихъ войскъ, появившихся 19-го числа, понятно, ободрилъ гарнизонъ; но уходъ ихъ 20-го, въ день штурма, оставилъ грустное впечатлѣніе въ людяхъ. Что долженъ былъ дѣлать полковникъ Бюрно, стоявшій съ отрядомъ въ укрѣпленномъ с. Борчъ, когда получилъ отзывъ полковника Рота? у Бюрно было два баталіона и 100 саперъ; Борчъ отъ укрѣпленія Ахты въ разстояніи 66-ти верстъ. Послать роту въ Ахты и оставаться въ Борчѣ, но не покидать его, какъ онъ сдѣлалъ. Теперь пробѣжите Приложенія [5]) и рѣшите, от-

[5]) Рапортъ п. Рота № 791, отзывъ командира гренадерской бригады 21-й дивизіи № 1003,

чего начальство нигдѣ не сказало, *что командиръ 1-й бригады 21-й дивизіи, по рапорту ахтынскаго коменданта,* выслалъ самъ собою въ подкрѣпленіе гарнизона гренадерскую роту, имѣвъ только двѣ въ своемъ распоряженіи, и тѣ, занимавшія караулы въ Кубѣ и штабъ-квартирѣ полка? И если, по словамъ коменданта и по ходу дѣлъ, при самой геройской защитѣ гарнизона, безъ этой роты укрѣпленіе пало бы или на другой день по прибытіи Шамиля, или при штурмѣ 20-го числа,— то отчего бы не включить въ приказъ по корпусу, въ коемъ благодарятъ всѣхъ отъ мала до велика, и командира 1-й бригады 21-й дивизіи? Эта не послѣдняя выходка начальства противъ моей службы; впереди увидимъ лучшія. Отчего также полковникъ Ротъ, отбившій штурмъ и отстоявшій укрѣпленіе съ геройскимъ мужествомъ при малочисленномъ гарнизонѣ не получилъ заслуженнаго имъ Георгія 3-й степени? И отчего Новоселовъ и Тизенгаузенъ, оба раненые (послѣдній получилъ 6 ранъ), не были награждены по заслугамъ?

Въ концѣ ноября пріѣхалъ ко мнѣ, по моему приглашенію, раненый полковникъ Ротъ съ дочерью, обѣщанную Шамилемъ тому изъ наибовъ, который первый водрузитъ свой значекъ на валу. Я желалъ, чтобы они, удалившись отъ театра ужасовъ, отдохнули подъ моимъ мирнымъ кровомъ. Когда сани подъѣхали къ дому, я вышелъ на крылечко встрѣтить дорогихъ гостей. Дочь только-что вышла изъ саней, бросилась ко мнѣ на шею съ крикомъ: „notre sauveur, notre sauveur!“ и зарыдала. Отецъ, обнимая меня, тоже прослезился, ну, и я за ними. Эта награда была выше благодарности начальства.

Когда кн. Аргутинскій пріѣхалъ изъ Ахтовъ въ Кусары, я поздравилъ его съ побѣдою при Мискенджи и съ освобожденіемъ ахтынскаго укрѣпленія. Видя, что онъ мнѣ ничего не говоритъ о посланной мною ротѣ въ Ахты, я спросилъ его,

---

журналы коменданта и кап. Новоселова, приказы по кавказскому корпусу №№ 132 и 117 и три письма п. Рота.

хорошо ли сдѣлалъ, что послалъ 5-ю гренадерскую роту на подкрѣпленіе гарнизона?—„Ну, вѣдь вы больше и не могли послать!“—былъ его отвѣтъ, но на вопросъ не отвѣтилъ, и не сказалъ подчиненному *спасибо* за самостоятельное успѣшное распоряженіе.

22-го декабря я узналъ, что Высочайшимъ приказомъ отъ 26-го ноября, я назначенъ начальникомъ артилеріи отдѣльнаго кавказскаго корпуса, а 27-го декабря получилъ предписаніе отправиться по новому назначенію. День новаго 1849 года я провелъ въ средѣ славнаго Ширванскаго полка, и 2-го января, позавтракавъ передъ выѣздомъ у полкового командира Захара Степановича Манюкина, который былъ такъ любезенъ, что съ господами офицерами проводилъ меня, я, нигдѣ не останавливаясь, 10-го утромъ прибылъ въ Тифлисъ и, явившись главнокомандующему, въ тотъ же день вступилъ въ должность.

XVIII.

1849—1856 ГОДЫ. Дѣятельность моя въ новой должности. Разговоръ съ главнокомандующимъ. Батарейныя школы. Первое инспектированіе батарей. Еще разговоръ съ главнокомандующимъ. Весеннее путешествіе черезъ кавказскія горы. Доводы начальника противъ благоразумныхъ возраженій подчиненнаго. Базарный секретъ. Знакомство съ офицерами. Государь Наслѣдникъ въ кавказскомъ краѣ. Экспедиція за р. Бѣлую. Устройство артилерійскаго дома. Шахматные вечера. Начало 1853 ГОДА.

Давнишнее желаніе мое исполнилось; я получилъ мѣсто, на которое въ оберъ-офицерскомъ чинѣ смотрѣлъ, какъ на неотъемлемое мое достояніе. Предстояло теперь оправдать и свое собственное желаніе, и довѣріе начальства. Дѣятельность моя обратилась на слѣдующіе предметы:

1) устройство прочныхъ помѣщеній въ штабъ-квартирахъ, какъ для сохраненія здоровья солдатъ и приличнаго житья,

такъ и для устраненія вѣчныхъ работъ въ поправкѣ гнилыхъ, разваливающихся строеній.

2) непремѣнное, непрерывное обученіе солдатъ въ батарейныхъ школахъ.

3) учрежденіе въ Тифлисѣ дивизіонной школы, въ которой поступающіе изъ батарейныхъ школъ приготовлялись, по программѣ, въ фейерверкеры.

4) перемѣщеніе нѣкоторыхъ батарей, чтобы онѣ были близь мѣста дѣйствія на время экспедицій, а не дѣлали по нѣсколько-сотъ верстъ до сборнаго пункта.

5) основательное практическое ученье; примѣненіе ученья къ военному времени, устраняя все излишнее, насколько возможно.

6) близкое знакомство со всѣми подчиненными, чтобы знать, что отъ кого ожидать можно.

И всю эту программу моего командованія мои старанія и усердіе подчиненныхъ дозволили мнѣ исполнить въ теченіе короткаго четырехлѣтняго срока, такъ что въ 1852 году я могъ донести главнокомандующему, что штабъ-квартиры въ Закавказскомъ краѣ всѣ прочно устроены, хотя пособіе, полученное батареями, было весьма незначительно. При этомъ я припоминаю разговоръ мой съ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ.

Надобно было вывезти нарубленный лѣсъ на мухрованскую гору, гдѣ строилась штабъ-квартира батарейной № 2 батареи. Просили губернатора, кн. Андроникова, чтобы онъ приказалъ жителямъ доставить этотъ лѣсъ. Онъ отказалъ, ссылаясь, что безъ приказанія намѣстника не можетъ сдѣлать наряда. Желая сколь возможно облегчить издержки батарейныхъ командировъ, дѣлаемыя ими изъ благоразумной экономіи, я пошелъ къ Михаилу Семеновичу.

— Что вы, любезный генералъ?

— Пришелъ утруждать ваше сіятельство просьбою при-

казать губернатору, чтобы жители вывезли бревна, нарубленныя въ лѣсу для Мухровани.

— Да батареямъ отпущены деньги на постройку; наймите жителей и они вамъ вывезутъ.

— Сумма такъ незначительна, что едва станетъ на покупку инструментовъ, желѣза, стеколъ, разныхъ приборовъ къ домамъ; всего этого въ батареяхъ сдѣлать нельзя. Тутъ неначто нанимать жителей для возки лѣса.

— Это значитъ обременять жителей. Извернитесь, какъ можете; полки вѣдь не просятъ, чтобы имъ лѣсъ вывозили.

— Ваше сіятельство желали, чтобы штабъ-квартиры были прочно устроены. Исполняя волю вашу, всѣ батареи крѣпко принялись за работу, несмотря на малое число людей. Полкамъ дали сравнительно большія суммы, у нихъ и людей больше и средствъ больше, а чтожъ они выстроили до сихъ поръ? Музыкантскую казарму да домъ для штабныхъ офицеровъ [6]).

— Ну, ужъ это не мое дѣло. Я выдалъ деньги на постройки. А если Иванъ Малхазычъ Андрониковъ найдетъ возможнымъ пособить вамъ, обратитесь къ нему.

— Могу ли я сказать ему, что ваше сіятельство ничего не имѣете противъ того, чтобы жители лѣсъ вывезли?

— Совсѣмъ нѣтъ, ибо помоему это значитъ обременять жителей.

— Позвольте по крайней мѣрѣ сказать губернатору, что вашему сіятельству будетъ пріятно, если постройки будутъ скоро окончены и солдаты будутъ жить въ чистыхъ, здоровыхъ казармахъ?

— Пожалуй, это можете сказать; но приказанія на вывозъ лѣса жителями онъ не получитъ.

— Благодарю, ваше сіятельство, и за это позволеніе.

Я поклонился, вышелъ и тотчасъ поѣхалъ къ губернато-

---

[6]) Главнокомандующій, бывъ въ одной штабъ-квартирѣ гренадерской бригады, остался недоволенъ медленностью построекъ и сдѣлавъ замѣчаніе, что надобно было начать съ казармъ.

ру. Просилъ, уламывалъ—никакъ не поддается, отговариваясь, что князь не желаетъ обременять жителей.

— Это правда—отвѣчалъ я—но князь будетъ очень доволенъ, если постройка скоро кончится и солдаты будутъ жить въ чистыхъ казармахъ. Это удовольствіе вы ему можете сдѣлать, приказавъ вывезти жителямъ лѣсъ, на что, понятно, онъ самъ не дастъ повелѣнія.

Это убѣдило его сдѣлать удовольствіе князю—и лѣсъ вывезли. Надобно было обойти стороной дѣло, чтобы просьба была исполнена.

Батарейныя школы съ перваго же объѣзда моего основательно устроились. Когда гг. командиры и офицеры увидѣли, что я, не шутя, требую образованія солдатъ, то и они принялись за дѣло, не шутя. Обученіе шло успѣшно. Черезъ два года въ основанную въ Тифлисѣ дивизіонную школу поступили солдаты, съ коими тотчасъ можно было проходить программу этой школы, а потомъ она ежегодно начала давать батареямъ хорошо обученныхъ фейерверкеровъ.

Припомню одинъ случай во время второго объѣзда моего батарей, въ **1850** году. Разговаривая съ однимъ молодымъ солдатомъ въ батарейной школѣ о какомъ-то предметѣ, я не былъ доволенъ его отвѣтами и, обращаясь къ офицеру, говорю:

— Онъ очень не твердо знаетъ, хуже другихъ.

— Крѣпко лѣнивъ, ваше превосходительство.

— Если лѣнивъ, значитъ не хочетъ учиться, не хочетъ быть ни бомбардиромъ, ни фейерверкеромъ, ни офицеромъ; хочетъ остаться въ толпѣ тупыхъ солдатъ, которымъ ничего болѣе поручить нельзя, какъ чистить конюшни. Воля его—пускай 25 лѣтъ выноситъ навозъ, когда товарищи его будутъ бомбардирами, фейерверкерами и офицерами. Зачѣмъ же вы держите лѣниваго въ школѣ? Сторожъ, отвори дверь! не хочетъ учиться—ступай вонъ!

— Простите, ваше превосходительство, я буду учиться.

— Какого онъ поведенія, спросилъ я батарейнаго командира.

— Поведенія хорошаго.

— Ну, я вамъ предоставляю распорядиться съ нимъ. По-моему, кто не хочетъ учиться—не хочетъ понять добро, которое для него дѣлаютъ, тому дверь настежь.

И чтожъ? эта отворенная дверь для лѣниваго, безъ всякаго взысканія, разошлась по батареямъ и очень изумила солдатъ; имъ предоставлено было на собственную волю учиться или нѣтъ! И они стали проситься въ школу... А тотъ, котораго я хотѣлъ выпроводить, въ 1854 году былъ бомбардиромъ въ дивизіонной школѣ.

Вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность я осмотрѣлъ близь расположенныя батареи, а потомъ, передъ выѣздомъ для инспектированія прочихъ батарей, пошелъ откланяться главнокомандующему.

— Прошу васъ, любезный генералъ, осмотрите вмѣстѣ съ тѣмъ и гарнизонную артилерію въ возможной подробности и подайте мнѣ записку, какъ вы ее найдете; да не скрывайте безпорядковъ.

— Позвольте сказать вашему сіятельству, что гарнизонная артилерія не подчинена начальнику артилеріи.

— Осматривайте ее по моему порученію.

Такъ я и сдѣлалъ. Возвратясь, я подалъ кн. Воронцову записку о состояніи, въ какомъ я нашелъ гарнизонную артилерію въ разныхъ укрѣпленіяхъ, а копію съ нея представилъ Генералъ-Фельдцейхмейстеру; но какъ я нашелъ много безпорядковъ и несообразностей, то она была препровождена въ артилерійскій департаментъ, гдѣ не сдѣлала мнѣ пріятелей. Главнокомандующій просилъ военнаго министра подчинить гарнизонную артилерію начальнику артилеріи, но это представленіе не нравилось многимъ въ Петербургѣ, потому и тянулось до 1853 года, когда открылась война и, по постановленіямъ, она подчинилась начальнику артилеріи.

Въ этотъ же первый объѣздъ мой я убѣдился, что для Кавказа пяти горныхъ батарей много, почему въ запискѣ о полевой артилеріи просилъ князя о переформированіи одной гренадерской горной батареи въ батарейную, а другой—въ легкую. Онъ согласился и приказалъ подать о томъ докладную записку. Въ этой подробной запискѣ, въ коей основательно была изложена вся программа переформированія, было включено также и мое мнѣніе, чтобы артилеристовъ горныхъ батарей избавить отъ имѣющихся у нихъ пистолетовъ, въ которыхъ я не видѣлъ никакой надобности. При докладѣ былъ помощникъ начальника главнаго штаба г.-м. Иванъ Ивановичъ Гогель.

— Однако у французовъ всѣ артилеристы имѣютъ ружья; слѣдственно надобность въ нихъ есть, возразилъ князь.

— Но, ваше сіятельство, читая описанія сраженій, я нигдѣ не видѣлъ, чтобы французскіе артилеристы употребляли въ дѣлѣ ружья, а дѣлъ было у нихъ довольно. Что же касается до нашихъ пистолетовъ, то вотъ десять лѣтъ, что введена горная артилерія на Кавказѣ, всѣ батареи ежегодно бывали въ экспедиціяхъ и въ десять лѣтъ не было ни одного выстрѣла изъ пистолета, но 67 пистолетовъ потеряно при переправахъ черезъ горныя рѣки.

— А если непріятель на батареѣ, изъ орудій стрѣлять нельзя, тогда у артилериста есть пистолетъ для обороны.

— Дѣйствіемъ изъ орудій должно не допускать непріятеля на батарею, и потому артилеристъ долженъ все стараніе свое обращать на хорошее дѣйствіе изъ орудія, и будетъ это дѣлать, пока орудіе его единственная защита. Въ схваткѣ на батареѣ у него есть кинжалъ (саперный ножъ). Но пистолетъ невольно заставляетъ думать о себѣ, когда еще можно дѣйствовать изъ орудія: есть ли порохъ на полкѣ, какъ бы осѣчки не было?... „Я убью артилериста на мѣстѣ, если при мнѣ кто осмѣлится выстрѣлить изъ пистолета,“ кончилъ я, вставъ со стула, немного разгорячившись.

— Вы всегда такъ горячитесь при докладахъ, любезный генералъ? спросилъ меня князь, иронически улыбаясь своими тонкими, безцвѣтными губами.

— Извините меня, ваше сіятельство, но я убѣжденъ въ томъ, что пистолетъ вреденъ артилеристу.

— Но какъ я не убѣжденъ въ этомъ, то мы оставимъ это. Во всемъ прочемъ я согласенъ.

Я поклонился и вышелъ.

Покуда я разговаривалъ въ пріемной со знакомыми, вышелъ изъ кабинета Гогель и мы пошли вмѣстѣ. Передъ тѣмъ какъ сѣсть въ экипажъ, онъ говоритъ: „Эдуардъ Владиміровичъ, повѣрьте мнѣ, если вы будете такъ настойчивы въ докладахъ, то можете потерять мѣсто, что всѣмъ намъ очень будетъ жаль.“

— Я желалъ получить это мѣсто, но не искалъ ни въ комъ для этого. Если считаютъ, что я нехорошъ, пускай смѣстятъ; жалѣть не буду.

— А вотъ посмотримъ, какъ примутъ въ Петербургѣ представленіе ваше о переформированіи горныхъ батарей; если выйдетъ, тогда можно васъ поздравить.

Въ скоромъ времени все было утверждено, какъ представлено.

Въ Петербургѣ было рѣшено уничтожить при орудіяхъ зарядъ ближней картечи, на томъ основаніи, что дальняя картечь и на близкомъ разстояніи дѣйствуетъ такъ же смертоносно, какъ и ближняя, и мнѣ приказано было спросить согласія главнокомандующаго объ уничтоженіи оной въ кавказскомъ корпусѣ. Изложивъ кн. Михаилу Семеновичу суть дѣйствія той и другой картечи, я просилъ его согласиться на уничтоженіе ближней картечи въ кавказскомъ корпусѣ.

— Нѣтъ, я не могу согласиться съ мнѣніемъ петербургскихъ артилеристовъ. Я видѣлъ смертоносное дѣйствіе ближней картечи въ сраженіи и потому могу судить о немъ. Подъ

Краономъ только благодаря тому, что ближняя картечь нещадно валила французскія колонны, мы могли удержаться на плато.

— Ваше сіятельство, что Наполеону не посчастливилось подъ Краономъ—въ этомъ виновата не одна ближняя картечь. Когда войско увидѣло, что, несмотря на многочисленность непріятеля, начальникъ во что бы ни стало удерживаетъ плато, тогда стойкостью своею оно оправдало довѣріе къ нему начальника, и пуля, и штыкъ пѣхоты такъ же хорошо опрокидывали французовъ, какъ нещадно валила ихъ картечь. Кто знаетъ, не болѣе ли надѣлала вреда французамъ дальняя, чѣмъ ближняя картечь? И какъ я совершенно того мнѣнія, что дальняя картечь хорошо замѣнитъ ближнюю, то покорнѣйше прошу ваше сіятельство дать ваше согласіе на уничтоженіе послѣдней.

Князь, выслушавъ меня, ужъ не такимъ отрывистымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Я остаюсь убѣжденнымъ, что на близкомъ разстояніи эта картечь болѣе смертоносна, и потому полагаю оставить при каждомъ орудіи по три ближнихъ картечи. Такъ и отвѣчайте.

Изъ этихъ докладовъ главнокомандующему можно удостовѣриться, что мнѣ не легко было предпринимать улучшенія, ибо, видя мою усердную службу, князь, я увѣренъ, уважалъ меня, но расположеніемъ его я не пользовался. Впослѣдствіи въ важныхъ случаяхъ это подтвердилось.

Въ 1849 году, кончивъ мой первый объѣздъ батарей, я поѣхалъ въ Ставрополь, куда вскорѣ прибыла жена моя изъ Петербурга. Здоровье ея не улучшилось, и мы отправились отдохнуть и покупаться на кавказскія минеральныя воды. Въ началѣ сентября вернулись въ Тифлисъ. Въ 1850 году, въ маѣ мѣсяцѣ, мы опять поѣхали въ Пятигорскъ. Оставивъ тамъ жену у родственниковъ, я осмотрѣлъ расположенныя на линіи

батареи и, вернувшись, пробылъ въ Есентукской станицѣ недѣли двѣ, на щелочныхъ водахъ.

Весенніе переѣзды по военно-грузинской дорогѣ въ иные годы бываютъ не совсѣмъ пріятны; такъ случилось и въ нынѣшнемъ путешествіи. Когда мы собирались въ дорогу, приходитъ къ намъ Ѳедоръ Астафьевичъ Коцебу, дядя жены моей, бывшій тогда членомъ совѣта правленія и имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи почтовую часть.

— Дорога черезъ горы совершенно испорчена, ѣхать въ экипажѣ нельзя; я завтра на перекладныхъ ѣду осматривать станціи.

— Гдѣ перекладная проѣдетъ, проѣдетъ и карета.

— Вѣроятно, въ горахъ мнѣ придется и верхомъ ѣхать, и пѣшкомъ идти. Я ѣду завтра и напишу вамъ; обождите.

— А мы ѣдемъ послѣзавтра; теперь май, не можетъ же быть дорога такъ дурна, авось проѣдемъ! отвѣчалъ я.

Такъ и сдѣлали. Но оказалось, что дорога была хуже, чѣмъ предполагали. Въ Душетѣ—вторая станція отъ Тифлиса —станціонный смотритель подаетъ мнѣ записку отъ проѣхавшаго вчера Ѳедора Астафьевича, въ коей онъ пишетъ: „Возвращайтесь назадъ, дорога непроѣздима въ экипажѣ; я поѣхалъ верхомъ.“ Поразспросивъ станціоннаго смотрителя, мы узнали, что отъ сильныхъ дождей на дорогѣ по душетской горѣ грязь невылазная, что въ верстахъ трехъ отъ станціи часть дороги на протяженіи 10—12-ти сажень сползла внизъ третёгодни; что безъ поправки дороги ѣхать нельзя и всячески надо ѣхать на волахъ, а лошади не вывезутъ. Что тутъ дѣлать? Возвращаться вспять намъ не хотѣлось, а какъ проѣхать? Подумавъ немного, я спрашиваю: „Квартируютъ ли здѣсь солдаты?“

— Никакъ нѣтъ; но въ Ананурѣ стоитъ рота.

— И прекрасно; Анануръ всего 11 верстъ.

Я написалъ записку капитану, прося его прислать чело-

вѣкъ 30 какъ можно скорѣе, чтобы сколько нибудь исправить дорогу, прибавивъ, что отблагодарю солдатъ. Призвавъ казацкаго офицера, я просилъ его отправить съ казакомъ записку мою въ Анануръ. Было 6 часовъ пополудни, когда казакъ поскакалъ. Мы напились чаю и расположились на ночлегъ—жена въ каретѣ, я въ коляскѣ. По обычаю, принятому на Кавказѣ, при экипажахъ поставили часового казака. Около полуночи деньщикъ будитъ меня: „казакъ пріѣхалъ!“

— Ну что, молодецъ, дали людей?

— Какъ же, ваше превосходительство, работаютъ—30 человѣкъ у провала, а 10 оставили на дорогѣ. Грязь такая, что не дай Богъ!

— Ну спасибо, братецъ! ступай отдохни, да вотъ, возьми—и далъ ему рубль.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство.

Чуть свѣтъ намъ запрягали воловъ—пять паръ въ карету и три въ коляску, мы напились чаю—и въ путь-дороженьку. Съ версту отъ станціи начали подыматься на душетскую гору; точно—грязно, но волы тащатъ. Подъѣзжаемъ къ провалу—солдаты кончали работу, рубили кустарникъ, набрасывали его землею и сравняли провалъ съ дорогою. Выйдя изъ коляски и поздоровавшись съ солдатами, я взглянулъ внизъ: кусокъ дороги, протяженіемъ около 12-ти сажень, сползъ сажень на шесть внизъ и цѣлехонькій лежитъ-себѣ тамъ спокойно, будто дѣло сдѣлалъ. Солдаты поддерживаютъ и карету, и коляску, волы благополучно перевозятъ насъ черезъ бывшій провалъ, а кусокъ дороги снизу смотритъ и досадуетъ, что не можетъ задержать путешественниковъ. Потомъ воловьимъ шагомъ мы дотащились до Ананура. Я далъ 40-ка солдатамъ 20 руб. Говорю это, чтобы доказать, что прогоны недостаточны при ѣздѣ по кавказскимъ дорогамъ.

Изъ Ананура черезъ Пасанауръ поѣхали на лошадяхъ, которыя, съ горемъ пополамъ, втащили экипажи на кайша-

урскую гору; но въ Кайшаурѣ опять запрягли воловъ, ибо дорога была испорчена и мѣстами, въ особенности на Крестовой горѣ, очень грязна. Станціонный смотритель посовѣтовалъ намъ взять съ собою на всякій случай особые сани или, лучше, салазки на парѣ воловъ, говоря, что въ каретѣ будетъ очень тряско ѣхать и генеральшѣ будетъ покойнѣе на саняхъ. И дѣйствительно, не проѣхали версты, какъ я, шедшій пѣшкомъ, видя, что карету качаетъ по выбоинамъ дороги, предложилъ женѣ пересѣсть въ сани; она съ радостью согласилась. Устроивъ ей сидѣнье поуютнѣе, я надѣлъ ей бурку, чтобы она меньше чувствовала неровность дороги, но только-что мы стали подыматься на Гутъ-гору, какъ осетинъ, бывшій при саняхъ, предлагаетъ мнѣ перевезти жену безъ дороги, по покатости горы, прямо на Чертову долину: „не будетъ трясти, и мы прежде васъ тамъ будемъ.“ Признаюсь, такое предложеніе меня удивило. Пустить жену одну съ двумя осетинами гулять въ саняхъ по снѣжнымъ горамъ Кавказа! Но, видя, что на Гутъ-горѣ дорога не лучше и что жена не противится прогулкѣ, я согласился. Съ трудомъ втащили сани на гору; одинъ осетинъ велъ воловъ, другой поддерживалъ жену, и они преспокойно подымались на крутую снѣжную гору. Я потерялъ ихъ изъ виду, когда они стали спускаться, но когда мы приблизились къ спуску съ Гутъ-горы, увидѣли и ихъ, спускающихся въ Чертову долину. Тутъ она пересѣла въ карету, и мы благополучно прибыли въ Коби, откуда, ужъ на лошадяхъ, продолжали путешествіе. Можно вообразить, что и тутъ были расходы выше прогоновъ.

Послѣ турецкой кампаніи 1828 и 1829 годовъ Государь приказалъ осадное отдѣленіе перевести въ Эривань, что и было исполнено. Въ началѣ февраля 1850 года я получаю предписаніе главнокомандующаго отправить немедленно двѣ 24-хъ-фунтовыя пушки осаднаго отдѣленія въ г. Кубу, откуда онѣ будутъ, по распоряженію командующаго войсками въ Дагеста-

нѣ г.-а. кн. Аргутинскаго, взяты въ предполагаемую экспедицію въ Дагестанѣ. Я изумился: зимой тащить изъ Эривани черезъ нѣсколько хребтовъ горъ, заваленныхъ снѣгомъ, 24-хъ-фунтовыя пушки! И для чего? Какія тамъ разбивать стѣны? Я пошелъ къ помощнику начальника главнаго штаба просить его доложить князю о несообразности полученнаго мною предписанія.

— Нѣтъ, Эдуардъ Владиміровичъ, ужъ сами докладывайте. Кн. Аргутинскій при мнѣ просилъ главнокомандующаго объ осадныхъ орудіяхъ, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ согласился, а потому я увѣренъ въ отказѣ.

— Мнѣ странно, отчего главнокомандующій меня прежде не спросилъ—дѣло артилерійское; но моя обязанность выставить ему несообразность требованія Аргутинскаго.

— Пойдемте вмѣстѣ; я сейчасъ иду съ докладомъ.

И пошли. Въ кабинетѣ князь спросилъ меня: „Что, любезный генералъ, вы имѣете мнѣ сказать?“

— Я получилъ предписаніе вашего сіятельства о немедленномъ отправленіи изъ Эривани двухъ 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ въ Дагестанъ для лѣтней экспедиціи. Если вы позволите сказать мое мнѣніе, то я полагаю, что онѣ тамъ совсѣмъ безполезны.

— Мое правило, любезный генералъ: что у меня отрядный начальникъ проситъ, то я ему даю, чтобы онъ не могъ жаловаться.

— Ваше сіятельство, требованія начальниковъ не всегда бываютъ цѣлесообразны (князь хотѣлъ что-то сказать, но я продолжалъ, не останавливаясь); вотъ и въ этомъ случаѣ кн. Аргутинскій, предполагая взять укрѣпленіе Чохъ, требуетъ осадныхъ орудій, какъ будто надобно разбивать крѣпостныя стѣны. Ваше сіятельство очень хорошо знаете, что̀ такое укрѣпленія горцевъ. Вы въ 1847 году взяли укрѣпленіе Салты безъ осадныхъ орудій. Но если кн. Аргутинскій полагаетъ,

что ему надобны 24-хъ-фунтовыя ядра, чтобы разбить стѣны Чоха, то батарейный полупудовый единорогъ стрѣляетъ 24-хъ-фунтовымъ ядромъ, а батарейная батарея есть въ Дагестанѣ.

Князь перебилъ меня.

— Онъ именно требуетъ 24-хъ-фунтовыя пушки.

— Перевозка этихъ 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ въ теперешнее зимнее время черезъ три хребта горъ—Памбакъ, Безобдалъ и Ахзабіюкъ—покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ, потомъ 500 верстъ до грязныхъ шемахинскихъ горъ обойдется казнѣ дорого; волы будутъ падать, народонаселеніе будутъ выгонять на дорогу, чтобы тащить на горы и спускать съ нихъ 100 пудовыя пушки. Дай Богъ, чтобы люди не замерзли.

— Объ этомъ вы не безпокойтесь. А что это дорого будетъ стоить, такъ деньги на военныя потребности—должно на нихъ и расходовать.

— Собственно въ экспедиціи по дагестанскимъ горамъ ихъ будетъ трудно возить.

— На это у Моисея Захарьевича [7]) есть буйволы.

— Онѣ будутъ задерживать движеніе войскъ, цѣлые баталіоны понадобятся для подъема и спуска съ горъ.

— Это дѣло отряднаго начальника; онъ требуетъ осадныхъ орудій—я ему даю ихъ. Притомъ *онъ увѣряетъ, что въ войнѣ съ горцами всякій годъ надобно что нибудь новенькое.* И потому, я васъ прошу, прикажите теперь же отправить орудія.

— Желаю, чтобы хоть малѣйшая польза отъ нихъ прикрыла тѣ затрудненія, которыя произойдутъ отъ нихъ въ экспедиціи.

Съ тѣмъ я и ушелъ, и, съ изложеніемъ моего мнѣнія, донесъ о распоряженіи главнокомандующаго Генералъ-Фельдцейхмейстеру. Безъ всякихъ коментарій описалъ я здѣсь и этотъ

[7]) Кн. Аргутинскаго.

разговоръ съ княземъ. Офицеръ, пріѣхавшій изъ Эривани, разсказывалъ, что народъ роп­талъ, когда его въ зимнее ненастное время сгоняли на дорогу подымать и спускать орудія съ горъ; много воловъ пало. Изъ отряда я всегда получалъ письма отъ начальниковъ, командовавшихъ артилеріею, а иногда и отъ офицеровъ, при какихъ либо особенностяхъ. Такъ, я получилъ письмо отъ командовавшаго артилеріею въ отрядѣ, что первый выстрѣлъ изъ 24-хъ-фунтовой пушки былъ сдѣланъ въ толпу, въ которой кн. Аргутинскій предполагалъ Шамиля; въ другомъ письмѣ, что стѣны Чоха цѣлы. Но объ этомъ ниже.

Кажется, въ концѣ августа этого года приходитъ ко мнѣ, по обыкновенію утромъ въ 11 часовъ, адъютантъ мой ш.-к. князь Мухранскій. Я только-что отпустилъ дежурнаго штабъ-офицера и сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Поздоровавшись со мною, онъ говоритъ мнѣ.

— В. п., не слышали новость?

— Какую новость?

— Кн. Аргутинскій отступилъ отъ Чоха.

— Значитъ, взялъ Чохъ и ушелъ; чтожъ ему тамъ еще было дѣлать?

— Никакъ нѣтъ, в. п., не взялъ Чоха, а отступилъ.

— Какъ это можетъ быть! Откуда вы это знаете?

— Мнѣ поваръ сказалъ, прійдя съ базара. Армяне на базарѣ ругаютъ Аргутинскаго громко, вовсеуслышаніе. Вотъ, в. п., еслибы князь согласился съ вами да не далъ бы ему осадныхъ орудій, вся бы вина пала на васъ.

— Повѣрьте, любезный Мухранскій, что это базарные слухи; въ штабѣ ужъ было бы извѣстно.

— Да на базарѣ всѣ новости знаютъ прежде штаба.

И точно, только-что мы пообѣдали и вышли на нашу прекрасную галерею, которая съ горы смотритъ на Куру, пріѣзжаетъ къ намъ верхомъ Павелъ Астафьевичъ Коцебу, отво-

дитъ меня на другой конецъ галлереи и говоритъ: „Какую непріятную бумагу я сейчасъ получилъ“ [8]).

— Что же это за непріятное донесеніе, спросилъ я.

— Прошу васъ только не говорите никому—я не желаю, чтобы эта вѣсть распространилась по городу. Вообразите, кн. Аргутинскій, не взявъ Чоха, отступилъ. Срамъ да и только.

Я захохоталъ.

— Что вы смѣетесь, не вѣрите?

— Теперь вѣрю, когда вы говорите; но смѣюсь, что вы дѣлаете изъ этого секретъ, когда на базарѣ сегодня только объ этомъ и говорятъ и армяне ругаютъ Аргутинскаго вовсеуслышаніе. Сегодня съ этимъ извѣстіемъ пришелъ ко мнѣ Мухранскій, которому поваръ разсказалъ новость, прійдя съ базара.

И осадныя орудія опять отправили въ Эривань.

Съ самаго вступленія въ должность я старался короче знакомиться со всѣми офицерами, чтобы знать, что̀ отъ кого ожидать можно. Объѣзжая ежегодно всѣ батареи, я болталъ, шутилъ съ ними, игралъ въ шахматы, гдѣ находилъ игроковъ; но все, что касалось службы, я принималъ съ серьозной стороны—тутъ я былъ начальникъ строгій, хотя и непридирчивый. Мнѣ очень было пріятно, когда, видя усердіе къ службѣ или къ данному порученію, я могъ похвалить офицера; и я убѣждался, что привѣтливая похвала побуждала часто молодого человѣка къ вящей ревности.

Припомню, какъ однажды и. К., играя со мною въ шахматы, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, вдругъ говоритъ: „шахъ и матъ!“ вскакиваетъ со стула и, закричавъ—„обыгралъ, обыгралъ!“—убѣгаетъ вонъ изъ комнаты.

— Чему же онъ такъ обрадовался? спросилъ я.

— Да хвалился, что лучше васъ играетъ, а товарищи смѣялись надъ нимъ; ну, вотъ онъ обыгралъ и радуется.

— Спросите его, не хочетъ ли еще партію сыграть?

---

[8]) Кн. Воронцова не было въ Тифлисѣ.

Господа вернулись и говорятъ: „никакъ не хочетъ; боится, что в. п. будете недовольны, если онъ нѣсколько партій сряду выиграетъ.

— То-есть боится проиграть.

Въ другой объѣздъ я уже во многихъ батареяхъ нашелъ и шахматы, и игроковъ, и часто, сажая господъ играть, садился тутъ же, то подсмѣиваясь, то хваля ходы ихъ; а съ лучшими игроками потомъ самъ игралъ, и, кажется, это молодежи было пріятно.

Выпущенный изъ корпуса офицеръ, проѣзжая черезъ Тифлисъ въ батарею, не былъ у меня; узналъ же я, что онъ въ батареѣ по его подписямъ на ежемѣсячныхъ донесеніяхъ. Я приказалъ батарейному командиру прислать его въ Тифлисъ, чтобы я могъ съ нимъ познакомиться. Офицеръ пріѣзжаетъ, является мнѣ.

— Отчего вы, проѣзжая городъ, не были у меня?

— Я торопился въ батарею, в. п., и не зналъ, что надо являться высшему начальству.

— Не хорошо, молодой человѣкъ, что вы не высказали желанія представиться старшему артилерійскому начальнику въ краѣ, а заставили его, чтобъ познакомиться съ вами, просить васъ сдѣлать слишкомъ 100 верстъ и столько же назадъ.

— Извините меня, в. п.

— Ну, на этотъ разъ этимъ и кончится. Приходите въ 3 часа обѣдать, а послѣ обѣда, какъ вы торопитесь въ батарею—отправляйтесь обратно.

Случалось, что, читая въ приказахъ главнокомандующаго донесенія отдѣльныхъ начальниковъ, я не находилъ въ нихъ не только ни слова похвалы артилерійскимъ офицерамъ, но даже и о дѣйствіи артилеріи умалчивалось, будто ее вовсе въ отрядѣ и не было. Такіе промахи отрядныхъ начальниковъ я никогда не пропускалъ, тотчасъ спрашивая ихъ, довольны ли они дѣйствіемъ артилеріи и службою гг. офицеровъ? Если до-

вольны, то просилъ ихъ донести о томъ дополнительно главнокомандующему, ибо въ донесеніяхъ ихъ артилерія пропущена; въ противномъ случаѣ просилъ увѣдомить меня, въ чемъ провинилась артилерія, чтобы я могъ строго взыскать съ виновныхъ. Результатъ этихъ запросовъ—кажется ихъ было два или три—былъ всегда одинаковъ: отрядный начальникъ увѣдомлялъ меня, что онъ службою артилеріи вообще и дѣйствіемъ доволенъ, о чемъ въ дополненіи денесенія представлялъ главнокомандующему. Вслѣдъ за этимъ выходилъ особый приказъ по корпусу, въ коемъ главнокомандующій благодарилъ только однихъ артилеристовъ.

Артилерійскій журналъ обязательно выписывался въ бригадныя библіотеки, но на него, кажется, мало было охотниковъ. Желая, чтобы артилерійскіе офицеры болѣе прилежали къ научной части артилеріи, а не думали только объ экспедиціяхъ, я просилъ бригадныхъ командировъ, циркулярнымъ письмомъ, убѣдить ихъ, чтобы всякій для себя выписывалъ этотъ журналъ, что и было охотно исполнено. Начальникъ штаба Г. Ф. Безакъ въ письмѣ благодарилъ меня, что я увеличилъ скудныя средства журнала, который поэтому можетъ улучшиться.

Въ 1851 году Государь Цесаревичъ осчастливилъ въ другой разъ кавказскій край своимъ присутствіемъ и, кажется, многимъ, если не всѣмъ видѣннымъ остался доволенъ. Такъ какъ я не ѣздилъ съ Его Высочествомъ по краю, то и ограничусь случаями, собственно до меня касающимися.

Въ Тифлисѣ Его Высочество, осматривая арсеналъ, подымался по лѣстницѣ. Обернувшись, Цесаревичъ увидѣлъ меня за Собою и подозвалъ къ Себѣ.

— Къ тебѣ переведенъ изъ Петербурга п. Левинъ; что ты доволенъ имъ?

— Весьма доволенъ, Ваше Высочество—прекрасный офицеръ; если въ Петербургѣ много такихъ лишнихъ офицеровъ, мы имъ рады будемъ.

— Это Мнѣ весьма пріятно слышать, ибо онъ, точно, хорошій офицеръ. Ты знаешь, за что онъ переведенъ изъ гвардіи?

— Слышалъ, Ваше Высочество.

— Тутъ Шварцъ также виноватъ; но Левинъ строптивъ.

— Строптивыхъ унимаютъ, Ваше Высочество.

Въ арсеналѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ сказалъ нѣсколько словъ объ убранствѣ его, которое хвалилъ, и благодарилъ начальника грузинскаго округа. Изъ арсенала поѣхали на разводъ, гдѣ Его Высочество, увидавъ п. Левина, сказалъ, что Ему очень пріятно было слышать хорошіе отзывы о немъ начальника артилеріи и что онъ скажетъ объ этомъ Государю. Левинъ, совершенно счастливый, благодарилъ меня.

Изъ Тифлиса Его Высочество отбылъ въ Имеретію. Такъ какъ въ Гори стояла горная батарея, то и я поѣхалъ, чтобы представить ее. Батареею Цесаревичъ остался доволенъ и тутъ же съ обворожительною улыбкою своею припомнилъ, какъ я, въ 1837 году, у Геленджика представлялъ горный взводъ Государю и какъ сильный вѣтеръ срывалъ шапки и не позволялъ готовить на кухняхъ. За обѣдомъ Его Высочество спросилъ у П. А. Коцебу, у кого Онъ обѣдаетъ?

— У Батюшки Вашего! отвѣчалъ Коцебу.

— Вотъ это хорошо! возразилъ Цесаревичъ.

Послѣ обѣда Его Высочество обратился ко мнѣ съ вопросомъ, нравится ли мнѣ новая баранья шапка? Тогда только-что вышелъ приказъ, чтобы вмѣсто киверовъ въ кавказскомъ корпусѣ носить шапки. Я отвѣчалъ, что этотъ головной уборъ некрасивъ, причиняетъ головныя простуды и что придумать его могъ только человѣкъ, который, чтобы согрѣться, носитъ семь фуфаекъ. Его Высочество засмѣялся.

— А Братъ Мой Константинъ (Шефъ Грузинскаго гренадерскаго полка) полюбилъ папаху и носитъ ее.

— Скоро разлюбитъ, Ваше Высочество.

Разговоръ продолжался о военной формѣ и о разныхъ во-

енныхъ постановленіяхъ, причемъ я позволилъ себѣ сказать, что у насъ есть обидная несообразность.

— Какая? спросилъ Цесаревичъ.

— Артилерійскій офицеръ, заслужившій съ батареею отличіе, долженъ его снять, оставляя батарею.

— Потому, что отличіе дается батареѣ, а не лицу.

— Тѣ офицеры, которые заслужили съ батареею петлицы, должны бы ихъ носить и выбывая изъ оной въ батарею, которая петлицъ не имѣетъ. Высочайшая награда не портитъ однообразія формы. Я командовалъ 1-ю батарейною батареею гренадерской бригады въ турецкую кампанію и заслужилъ съ нею петлицы, а когда назначенъ былъ командиромъ 20-й бригады, то долженъ былъ снять заслуженныя мною петлицы. Мнѣ это было больно, и потому, я полагаю, что и всѣмъ непріятно.

Во время этого разговора князь Барятинскій сказалъ Его Высочеству, что въ 1837 году я навѣстилъ его, когда онъ, только-что раненый, лежалъ въ палаткѣ и, думая отдать Богу душу, причастился св. Таинъ, и первое мое слово было: „выздоровѣете, князь, вы человѣкъ молодой.“

Въ Ставрополѣ за обѣденнымъ столомъ у командующаго войсками на линіи генерала Завадовскаго кто-то изъ генераловъ, если не самъ хозяинъ, спросилъ Его Высочество, что Ему понравилось больше всего на Кавказѣ?

— Бодрый и свободный видъ солдата. Когда съ нимъ разговариваетъ начальникъ, онъ смотритъ ему въ глаза, отвѣчаетъ, не запинаясь. Я говорилъ со многими солдатами, всѣ смотрѣли Мнѣ въ глаза, отвѣчали непринужденно. Вообще Мнѣ было пріятно видѣть вездѣ въ кавказскихъ войскахъ бодрый, развязный, молодецкій видъ солдатъ.

Передъ отъѣздомъ Его Высочество подходилъ къ нѣкоторымъ начальникамъ и каждому сказалъ привѣтливое слово. Вотъ слово, сказанное мнѣ: „Артилерію, Мною виденную, Я

вездѣ нашелъ въ отличномъ состояніи. Увѣренъ, что еслибы покойный Михаилъ Павловичъ видѣлъ ее, то былъ бы доволенъ."

Я не могъ себѣ простить, что не передалъ ихъ въ приказѣ моимъ подчиненнымъ; но, впрочемъ, слова эти были такъ лестны, что я принялъ ихъ, какъ незаслуженную еще награду!

О непродолжительной экспедиціи за р. Бѣлую и говорить нечего: незначительныя перестрѣлки окончились обозрѣніемъ края и, кажется, занятіемъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Но адъютантъ мой кн. Багратіонъ-Мухранскій, пожелавшій быть въ экспедиціи, схватилъ лихорадку, поѣхалъ лѣчиться на минеральныя воды и тамъ померъ. Жаль было достойнаго офицера; оставилъ молодую жену.

По возвращеніи въ Тифлисъ, меня очень порадовало окончаніе работъ, затѣянныхъ мною при артилерійскомъ домѣ. Поселившись въ этомъ нрекрасномъ домѣ, стоявшемъ на берегу Куры, меня поразила нехозяйственность всего принадлежащаго къ нему. Около дома не было ограды. Въ 2-хъ, 3-хъ саженяхъ отъ него—глубокій провалъ, который солдаты изъ противулежащихъ саперныхъ казармъ наполняли всякою нечистотою. На обширномъ заднемъ дворѣ, вверхъ по Курѣ, ставились дрова открыто; при нихъ часовой, котораго водили съ главной гаубтвахты! Неправда ли смѣшно? а было такъ. Ледникъ съ погребомъ, сарай, конюшня—все на заднемъ дворѣ разбросано, какъ попало. Писаря жили кое-гдѣ, то на слободкѣ, то размѣщались по канурамъ въ дому. Артилерійскія команды, приходившія по службѣ въ Тифлисъ, не имѣли пристанища. Цѣлый годъ осматривался я, какъ бы размѣстить и устроить все прилично; мѣста для всего было слишкомъ много. Наконецъ надумался: для писарей—двухъ-этажный домъ, внизу—кухни и казарма для приходящихъ командъ; ледникъ съ погребомъ. Эти два строенія я хотѣлъ, съ разрѣшенія князя Во-

ронцова, выстроить на казенный счетъ. Все прочее—ограду, перенесеніе сарая и конюшни, навѣсъ для дровъ, засыпку оврага, устройство сада и фонтана—я взялся устроить самъ, только бы князь позволилъ мнѣ употребить на это солдатъ, съ платою.

Сдѣлавъ всему планъ, я пошелъ къ главнокомандующему. Княгиня была въ кабинетѣ. Я изложилъ просьбу мою, показалъ планъ. Осмотрѣвъ его и выслушавъ мои объясненія, князь говоритъ:

— Все это хорошо; я вамъ очень благодаренъ, что вы хотите сдѣлать опрятнымъ этотъ уголокъ, но казнѣ дорого будетъ стоить постройка дома и ледника.

— Позвольте мнѣ построить, а я вашему сіятельству подамъ счетъ; можетъ, такъ дешевле обойдется.

Послѣ нѣсколькихъ словъ князь согласился и, отпуская меня, сказалъ:

— Мы съ княгиней придемъ сегодня къ вамъ часу въ третьемъ и на мѣстѣ все посмотримъ; она въ этомъ разумѣетъ болѣе меня.

Въ три часа они пріѣхали. Побывъ немного въ гостинной у жены, мы вышли на дворъ, я съ планомъ въ рукѣ.

— Гдѣ же будетъ фонтанъ? спросилъ Михаилъ Семеновичъ.

— Вотъ здѣсь, передъ крыльцомъ; прикажите только провесть воду изъ родника до моего двора—и онъ будетъ бить съ крышей наравнѣ.

— Воды могу дать вамъ только на двугривенный; это будетъ половина струи, что проведена къ дому начальника главнаго штаба.

— Гдѣ же будетъ садъ?—спросила княгиня—на планѣ мѣсто показано большое.—„Я засыплю вотъ этотъ оврагъ.“ Княгиня хотѣла идти къ оврагу.—„Вамъ нельзя идти туда, ваше сіятельство.“ Она остановилась. Мы съ княземъ пошли къ оврагу.

— Фу, какая мерзость! Чѣмъ же вы засыпете этотъ оврагъ; тутъ надо много земли?

— Теперь на головинскомъ проспектѣ строятъ нѣсколько домовъ и землю съ мусоромъ вывозятъ за городъ; я сегодня предложилъ подрядчику привозить ее сюда; это ему сокращаетъ дорогу на двѣ трети, и онъ охотно согласился.

Потомъ пошли на задній дворъ, и всѣ мои предположенія были одобрены.

Какъ сказано выше, возвратясь изъ экспедиціи въ 1851 году, я нашелъ всѣ работы конченными. Около фонтана—восемь плакучихъ ивъ, рядъ липъ; ограды и деревья въ саду расли не по днямъ, а по часамъ. Садикъ пестрѣлъ цвѣтами. Разсмотрѣнные счеты привели меня въ восхищеніе. Черезъ нѣсколько дней я пошелъ къ главнокомандующему.

— Работы въ артилерійскомъ домѣ кончены, ваше сіятельство. Я принесъ счеты по постройкамъ.

Онъ посмотрѣлъ на итогъ.

— Вы дешево строите; оставьте ихъ здѣсь, я прикажу пересмотрѣть.

На завтрашній день начальникъ инженеровъ пришелъ осмотрѣть двухэтажный домъ и ледникъ. Осмотрѣвъ все, онъ спросилъ, какъ глубоко рыли для фундамента и когда дежурный штабъ-офицеръ, полковникъ Мооро, сказалъ ему, что, по моему приказанію, дорылись до скалы, то все одобрилъ.

На другой день только-что мы отобѣдали, пріѣзжаетъ князь Воронцовъ. Послѣ короткаго визита вставъ, онъ спрашиваетъ меня: „Отчего же я не видѣлъ фонтана?“

— А вотъ я прикажу пустить его; онъ не можетъ бить всегда—воды мало и бассейнъ, что наверху, не скоро наполняется.

Онъ вышелъ съ женою на подъѣздъ. Фонтанъ пустили; струя бьетъ все выше и дошла до крыши.

Тутъ онъ обратился къ женѣ моей:

— Нашъ почтенный генералъ всегда, что обѣщаетъ, то и дѣлаетъ.

За привѣтливымъ словомъ князь Михаилъ Семеновичъ въ карманъ не ходилъ.

— А гдѣ же садъ?

— Это обидный вопросъ, ваше сіятельство—вотъ онъ передъ нами.

Князь засмѣялся; мы пошли въ садъ.

— Да здѣсь былъ мерзкій оврагъ.

— А засыпать весь оврагъ мнѣ стоило пять тунгъ кахетинскаго вина.

Потомъ мы пошли на задній дворъ. Посмотрѣвъ на расположеніе новыхъ строеній, онъ остался доволенъ. Все было въ порядкѣ и чистотѣ. Оглянувъ пустое мѣсто, оставшееся отъ задняго двора, которое прилегало къ берегу Куры, князь спросилъ меня:

— Чтожъ вы изъ этого пустого мѣста сдѣлаете?

— Оно артилерійскому дому не нужно.

— Мѣста много, тутъ можно выстроить прекрасный домъ. Возьмите себѣ это мѣсто въ собственность, вы выстроите домъ.

— На что оно мнѣ, ваше сіятельство? у меня нѣтъ денегъ на постройку дома.

— Вы хорошій хозяинъ, генералъ—исподоволь выстроите; возьмите.

— Благодарю, ваше сіятельство; только домъ не скоро выстрою.

Эта собственность, такъ неожиданно пріобрѣтенная, подала мнѣ мысль поселиться въ Тифлисѣ, и я началъ думать о постройкѣ дома. Попросилъ инженеровъ сдѣлать планъ дома, въ 1852 году укрѣпилъ берегъ и между службой и бездѣльемъ думалъ, какъ бы добыть денегъ для постройки дома, но тутъ открылась война, послѣ войны обстоятельства вынудили меня оставить благословенную Грузію – и мечты мои пропали.

Такъ прошелъ и 1852, и 1853 годы – въ дѣятельной заботливости объ исправномъ состояніи ввѣренной мнѣ артилеріи, въ ежегодныхъ осмотрахъ всѣхъ батарей и въ неуклонномъ исполненіи своей программы.

Что до общественной жизни, мы жили тихо, нешумно, по пословицѣ: по одежкѣ протягивай ножки.

Вечеромъ за круглымъ чайнымъ сталомъ собирались хорошіе знакомые, болтали, играли въ шахматы и расходились не позже одиннадцати часовъ. Но какъ число шахматныхъ игроковъ стало увеличиваться, то мы положили въ недѣлю разъ, по субботамъ, непремѣнно собираться всѣмъ. Послѣ чая, закуривъ кто трубку, кто сигару, игроки располагались по столикамъ въ кабинетѣ и въ залѣ, а неиграющіе удалялись съ дамами въ гостинную. У углового дивана въ кабинетѣ обыкновенно играли одни и тѣ же господа партію вчетверомъ. Тутъ безъ спора и шума не проходило ни одной партіи. Начиналось всякій разъ съ того, что игроки, подходя къ столику, единогласно соглашались ни слова не говорить, не дѣлать никакихъ намековъ, играть спокойно, молча. Одинъ изъ игроковъ былъ дѣйствительно немного задорный, но былъ другой, тихій, скромный и спокойный, но крѣпко не любившій проигрывать.

Иногда и я подходилъ къ нимъ и, смѣясь, уговаривалъ не сердиться, когда товарищъ не пойметъ сдѣланнаго хода, а играетъ по своей игрѣ.

— Эхъ, Эдуардъ Владиміровичъ—перебивалъ меня задорный—хорошо говорить вамъ; сядьте-ка сами, увидите, что не легко молчать, когда товарищъ или не поддерживаетъ, или своимъ ходомъ портитъ мою игру.

— Надобно удерживаться, быть похладнокровнѣе, возражаетъ, бывало, ему тихій, спокойный человѣкъ.

А задорный пожметъ плечами и, улыбаясь, подмигиваетъ на него. Вначалѣ игра идетъ тихо, всѣ сидятъ чинно, устре-

мивъ глаза на шахматную доску; но только-что игра развернется и начнетъ принимать интересъ, игрокъ послѣ сдѣланнаго имъ хода глядитъ на товарища, сидящаго напротивъ, и глазами какъ бы спрашиваетъ: понялъ? Но вотъ товарищъ сдѣлалъ ходъ, неудовлетворяющій ожиданію—начинается пожатіе плечами, привскакиваніе на стулѣ, звѣрскіе, иногда даже презрительные взгляды. Игра между тѣмъ все болѣе и болѣе развертывается, дѣлается сложнѣе, цѣль предуготовительныхъ ходовъ труднѣе разгадать, всякій ошибочный ходъ важенъ, интересъ игры все усиливается; тутъ уже молчаніе нестерпимо—это свыше силъ шахматнаго игрока—и вы слышите громкій неудержимый возгласъ: „Помилуйте! что вы сдѣлали?“ или: „Неужели вы не поняли моего хода?“ И удивительно, что первое слово неудовольствія почти всегда высказывалось тихимъ человѣкомъ, несмотря на его спокойный характеръ. Это первое громкое слово, какъ сорванная запруда, открывала потокъ говору: одинъ обвиняетъ, другой возражаетъ; противная сторона проситъ не говорить и продолжать игру, а только-что утихаетъ говоръ, какъ эта же противная сторона, просившая о молчаніи, начинаетъ между собою громкій споръ. Тогда съ другихъ столиковъ подходятъ игроки, и начинаются разсказы. Я не помню, чтобы одна игра прошла безъ спора.

Много и пріятныхъ, и оригинальныхъ воспоминаній осталось у меня отъ второго пребыванія моего на Кавказѣ, много случайностей, которыя можно встрѣчать только въ этой сторонѣ. Но всего не набросишь на бумагу, да и къ чему? И то что написалъ—дѣлалъ отъ бездѣлья, желая припомнить всю службу мою. И, благодареніе Бога, припоминаю ее не только безъ малѣйшаго раскаянія, но съ удовольствіемъ.

Въ началѣ октября **1853** года главнокомандующій кн. Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ пригласилъ меня къ себѣ. Войдя въ кабинетъ, я засталъ тамъ кн. Бебутова и кн. Барятинскаго, бывшаго тогда начальникомъ главнаго штаба. Князь при-

гласилъ меня сѣсть и началъ говорить о предстоящей войнѣ съ Турціею, которая, въ союзѣ съ Франціею и Англіею, дастъ намъ много хлопотъ; что, по свѣдѣніямъ, которыя онъ имѣетъ, у турокъ почти все войско регулярное, хорошо обученное. Затѣмъ просилъ кн. Бебутова объѣхать турецкую границу и потомъ уже прибыть въ Александрополь, чтобы лично принять начальство надъ главнымъ александропольскимъ отрядомъ.

— А теперь, до вашего прибытія, туда поѣдетъ командовать онымъ Александръ Ивановичъ (кн. Барятинскій). А васъ прошу—обращаясь ко мнѣ—посмотрѣть, чтобы по артилерійской части ни въ чемъ не было недостатка, гдѣ располагаются войска на границахъ.

Потомъ опять говорилъ о турецкихъ регулярныхъ войскахъ, хорошо обученныхъ, и что намъ, по недостаточности войскъ, которыя мы имъ можемъ противупоставить, по необходимости надобно держаться въ оборонительномъ положеніи. Скоро стянутся на пограничныхъ трактахъ всѣ войска, коими можно распоряжаться, не оголивъ совсѣмъ край.

— Только бы стянуться, ваше сіятельство, а то побьемъ ихъ, несмотря на то, что ихъ много, а насъ мало, сказалъ я.

— Вы все думаете, что это турки 1828 и 1829 годовъ, которыхъ вы били съ Паскевичемъ. Очень ошибаетесь; теперь это регулярное войско, хорошо обученное, въ коемъ служитъ много европейскихъ офицеровъ всѣхъ націй; это турецкое войско не похоже на прежнее.

— Фески и мундиръ духу военнаго не даютъ. Турокъ учатъ, но регулярства они не понимаютъ; эта грамота не для нихъ. И повѣрьте, ваше сіятельство, что мы ихъ будемъ бить при всякой встрѣчѣ, какъ били съ Паскевичемъ.

Князь Воронцовъ посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ и, кажется, только по врожденной ему учтивости не пожалъ плечами. Но предсказаніе мое оправдалось черезъ всю кампанію.

А Баяндуръ? спросятъ меня. Ну, Баяндуръ былъ Баяндуръ, потому что командовать послали любимца князя, ему въ угоду.

XIX.

БАЯНДУРЪ, 2-го ноября 1853 ГОДА. Разборъ этого дѣла. Воспоминанія.

Перехожу къ описанію сраженій.

По несомнѣннымъ признакамъ войны съ Турціей и по приказанію Государя, главнокомандующій началъ въ августѣ мѣсяцѣ располагать въ нѣкоторыхъ пунктахъ на турецкой границѣ войска, малыми частями; у турокъ же были собраны большія силы въ Карсѣ, въ Ардаганѣ и въ Кобулетахъ. Начальнику инженеровъ поручено было объѣздить наши пограничныя крѣпости и стараться привести ихъ въ возможно исправное состояніе. Начальнику артилеріи приказано позаботиться о снабженіи крѣпостей и укрѣпленій запасами артилерійскими и имѣть оные для войскъ въ назначенныхъ пунктахъ.

Сентябрь мѣсяцъ протекъ въ чтеніи журналовъ, въ совершенномъ убѣжденіи невозможности войны и въ неохотныхъ приготовленіяхъ къ ней. Но, несмотря на мирныя увѣренія иностранныхъ журналовъ, Государь приказалъ 13-й пѣхотной дивизіи высадиться въ Редутъ-кале, и войска ея поступили на охраненіе Ахалцыха и Гуріи.

Въ октябрѣ возвратился изъ Петербурга главноуправляющій гражданскою частью князь Бебутовъ. Главнокомандующій поручилъ ему объѣхать турецкую границу. Между тѣмъ при Александрополѣ собрался отрядъ и начальство надъ онымъ, какъ и надъ всѣми войсками, дѣйствующими на турецкой границѣ, по представленію князя Воронцова, Государь поручилъ

кн. Бебутову. При объѣздѣ границы въ дождливое время Бебутовъ заболѣлъ и остановился на нѣсколько дней въ Манглисѣ. Такъ какъ александропольскій отрядъ былъ, такъ сказать, безъ начальника, ибо имъ командовалъ командиръ гренадерскаго Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка кн. Илья Орбеліанъ, а турки придвинули войска изъ Карса ближе къ границѣ, то князь Воронцовъ послалъ, по случаю болѣзни князя Бебутова, командовать отрядомъ начальника главнаго штаба князя Барятинскаго.

Скажемъ два слова о князѣ Ильѣ Орбеліанѣ, котораго г. главнокомандующій не скажу любилъ, но лелѣялъ и чествлъ, какъ сына возлюбленнаго, и крѣпко, шибко выводилъ въ люди. Ему могло быть 37 лѣтъ; высокаго роста, румяный лицомъ, чрезвычайно красивой наружности, онъ былъ безъ всякого образованія; при пристойныхъ манерахъ обхожденія, былъ совершенный грузинъ—необразованное дитя природы, храбръ и добродушенъ. Не служивъ никогда во фронтѣ, получилъ первый полкъ кавказскаго корпуса; о строевой службѣ и вообще о военномъ дѣлѣ регулярныхъ войскъ не имѣлъ никакого понятія. Умомъ и природными способностями также не отличался. Этому генералу поручено было начальство надъ пограничными войсками, до собранія всего отряда при Александрополѣ. Каковъ онъ ни былъ, но распоряженія его по расположенію войскъ, съ чужихъ ли совѣтовъ или съ здраваго разсудка сдѣланныя, увѣнчались успѣхомъ. По приказанію главнаго штаба, въ Орловкѣ для прикрытія духоборскаго русскаго населенія были поставлены два баталіона съ артилеріею; впослѣдствіи, въ началѣ октября, когда войска стягивались къ Александрополю, тамъ оставили баталіонъ и 4 орудія. Въ это время турки начали разъѣзжать по границѣ; князь Орбеліанъ нашелъ нужнымъ занять с. Баяндуръ, лежащее въ 12-ти верстахъ отъ Александрополя внизъ по Арпачаю, на лѣвомъ берегу его, на низкомъ отрогѣ Алагёза, оканчиваю-

щимся малымъ обрывомъ у самаго Арпачая. Отрогъ этотъ отдѣляетъ долину александропольскую отъ долины нижняго Арпачая. Занятіемъ этой позиціи можно было прикрывать армянскія селенія эриванской губерніи, лежащія на плоскости внизъ по Арпачаю, и вообще успѣшно наблюдать за непріятелемъ. И дѣйствительно, несмотря на то, что турки знали уже объ объявленіи войны, они не вторгались въ наши границы, а все высматривали.

22-го октября пріѣхалъ въ Александрополь для командованія отрядомъ начальникъ главнаго штаба войскъ, на Кавказѣ находящихся, генералъ-адъютантъ генералъ-лейтенантъ князь Барятинскій и, по свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ о численности турокъ, нашелъ нужнымъ стянуть весь отрядъ къ александропольской крѣпости; судить объ этомъ сборѣ войскъ трудно—могло быть и хуже того, что случилось—почему войска изъ Орловки и Баяндура были взяты, Духоборія обнажена и армянскія селенія внизъ по Арпачаю предоставлены своей защитѣ. Турки тотчасъ воспользовались этимъ: прежде двумя тысячами, потомъ всѣмъ войскомъ заняли Баяндуръ и бросили толпы куртинъ на духоборскія селенія, ограбили ихъ, а жителей, не успѣвшихъ бѣжать, увели въ плѣнъ.

27-го октября пріѣхалъ въ отрядъ начальникъ артилеріи отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-маіоръ Бриммеръ. При его прибытіи были въ отрядѣ слѣдующія войска: два баталіона Грузинскаго, два баталіона Эриванскаго карабинернаго, баталіонъ егерскаго князя Воронцова полка, стрѣлковый и саперный баталіоны; кавалеріи—сотни три линейскихъ казаковъ и одинъ донской полкъ; артилеріи—гренадерской бригады батарейныя № 1 и 2 и легкая № 1 батареи, 21-й бригады батарейной № 5 батареи 8 легкихъ орудій и легкая № 7 батарея, донская № 7 конная батарея; всего 48 орудій.

Деревня Караклисъ, лежащая наполовинѣ дороги отъ Александрополя до Баяндура, была занята нами безъ артилеріи;

впереди ея, верстахъ въ двухъ, на возвышенной мѣстности стоялъ аванпостъ линейскихъ казаковъ.

Зналъ ли начальникъ отряда, въ какой числительности турки заняли Баяндуръ—неизвѣстно. 31-го числа турецкая кавалерія стала выѣзжать противъ нашего аванпоста; дали знать о томъ. Былъ посланъ генеральнаго штаба подполковникъ Свѣчинъ осмотрѣть, въ чемъ дѣло и, если по силамъ, отогнать ихъ. Казаки—всегда молодцы—бросились на стоявшихъ передъ ними, погнали ихъ; но изъ оврага выскочила другая толпа, обскакала наши двѣ сотни и началась рѣзня. Сколько потеряли турки—не знаю, но 120 казаковъ легли на мѣстѣ безъ нужды; прочіе ускакали.

30-го числа легкая № 7 батарея была отправлена въ Эривань черезъ Караклисъ по почтовому тракту. 31-го числа дано знать черезъ лазутчиковъ, что турки хотятъ напасть на насъ. Повѣрить этому—значило полагать турокъ въ силахъ. Войска стали въ 11 часовъ въ ружье. Начальникъ отряда выдвинулъ всю артилерію въ одну линію въ боевомъ порядкѣ.

1-го ноября, въ воскресенье утромъ, пріѣхалъ въ Александрополь командующій дѣйствующимъ корпусомъ князь Бебутовъ, а начальникъ главнаго штаба, въ то же утро выѣхалъ въ Тифлисъ.

2-го ноября гренадерской бригадѣ съ ея артилеріей назначено, подъ начальствомъ кн. Орбеліана, занять с. Баяндуръ. Отъ крѣпости Александрополя до с. Баяндура, какъ сказано выше, отъ 12-ти до 14-ти верстъ, не болѣе; къ нему ведутъ двѣ дороги: одна, низменная, вдоль Арпачая, мимо мельницъ; другая—влѣво, по малой возвышенности, черезъ д. Караклисъ. Первая шла на 8 верстъ по ровной мѣстности, на второй надобно было проходить два малыхъ оврага, а въ Караклисѣ дурной мостъ черезъ малую рѣчку, которую по первой дорогѣ проходили въ бродъ. Отъ деревни начинается плоская возвышенность, идущая до баяндурскаго отрога и почти до

р. Арпачая. Слѣдуя по низменной дорогѣ, можно взойти на эту возвышенность нѣсколькими плоскими, закрытыми скатами, въ видѣ крѣпостныхъ аппарелей; возвышенность эта кончалась въ полуверстѣ отъ Арпачая. Въ этихъ оврагахъ и за возвышенностью къ Арпачаю стояла турецкая пѣхота, а сорокъ орудій были разставлены по всей занимаемой войсками мѣстности большею частью закрыто, и такъ какъ мѣстность шла, возвышаясь отъ Караклиса до Баяндура, то артилерія ихъ имѣла явное превосходство надъ нашею. Д. Караклисъ лежитъ наполовинѣ дороги. Лагерь турецкій былъ около самаго с. Баяндура; регулярныя войска и артилерія на возвышенности, кавалерія внизу, по Арпачаю.

Пообѣдавъ, войска выступили изъ лагеря, въ половинѣ перваго, по верхней дорогѣ на д. Караклисъ. Впереди бывшіе казаки, пройдя деревню и увидѣвъ много разсыпавшихся куртинъ на возвышенности, завязали съ ними перестрѣлку. Когда войска взошли на оную, они выстроились въ двѣ линіи, въ первой—4 баталіона и 2 батарейныя батареи, которыя, снявшись съ передковъ, нѣсколькими выстрѣлами прогнали кавалерію. Оставивъ обозъ (при гренадерской бригадѣ былъ весь обозъ) близь деревни, въ разстояніи отъ оной на версту, войска линіями тронулись далѣе и, отойдя отъ деревни версты на двѣ, были встрѣчены сильнымъ артилерійскимъ огнемъ, по которому увидѣли расположеніе турецкихъ батарей и число орудій, простиравшихся до сорока; большая часть ихъ была закрыта волнистою мѣстностью. Линіямъ приказано было остановиться и артилеріи дѣйствовать; но какъ снаряды, видимо, дѣйствовали неуспѣшно, то батарейные командиры просили подвинуться впередъ, что и было приказано исполнить. Пройдя сажень 300, онѣ опять остановились. Тутъ первая линія находилась въ разстояніи 450-ти сажень отъ непріятеля. Было около половины четвертаго часа пополудни, когда войска стали на эту позицію. Начался сильный арти-

лерійскій огонь, продолжавшійся до 8-ми часовъ вечера. Въ первой линіи были: два баталіона карабинернаго Наслѣдника Цесаревича и одинъ баталіонъ князя Воронцова полковъ; между этими тремя баталіонами—двѣ батарейныя батареи, а на флангахъ линіи по двѣ роты стрѣлковаго баталіона. Во 2-й линіи—два баталіона Великаго Князя Константина Николаевича полка и легкая № 1 батарея. Два дивизіона драгунъ Наслѣднаго Принца Виртембергскаго при 4-хъ конныхъ орудіяхъ донской № 7 батареи—за второю линіею. Линейскіе казаки и мусульманская конная милиція по флангамъ. Обозъ сзади, въ полторы верстахъ отъ войскъ.

Огонь артилерійскій былъ сильный съ обѣихъ сторонъ и наша первая линія крѣпко терпѣла отъ непріятельскаго, а потому милиціонеры, не любя артилерійскаго огня, всѣ побѣжали къ обозу; но когда турецкая иррегулярная кавалерія, направившись по лощинѣ съ праваго нашего фланга намъ въ обходъ, по направленію къ обозу, доскакавъ до коего, произвела въ оном сильный безпорядокъ, тогда милиція продолжала бѣгство далѣе къ Александрополю. Дивизіонъ драгунъ, прискакавшій съ двумя конными орудіями, прогналъ съ уроном куртинъ. Въ это время выдвинули изъ второй линіи легкую № 1 батарею на правый флангъ первой—и возвращавшіеся и преслѣдуемые драгунами куртины пострадали довольно отъ картечнаго огня этой батареи. Два раза регулярная пѣхота турокъ выходила изъ лощинъ, чтобы идти на наши батареи, но, не выдерживая огня, опять скоро спускалась въ оныя. Часовъ въ 7 вечера батарейная № 1 батарея, сильно пострадавшая отъ непріятельскаго огня, въ особенности отъ двухъ орудій, стоявшихъ косвенно съ лѣвой ея стороны, отъѣхала назадъ, дабы безъ нужды не подвергаться огню и осмотрѣться въ потеряхъ.

Вотъ, кажется, всѣ эпизоды этого перваго несчастнаго сраженія.

Перейдемъ въ Александрополь и посмотримъ, что тамъ дѣлалось, по отбытіи войскъ. Отправивъ гренадерскую бригаду, всѣ пошли обѣдать. Послѣ обѣда, часа въ четыре, начальникъ артилеріи сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ городъ. На возвышеніи городского кладбища онъ увидѣлъ г. командующаго корпусомъ, окруженнаго толпою офицеровъ и жителей. Въ толпѣ производились громкіе разговоры, по направленію выстрѣловъ предугадывали ходъ дѣла. День былъ прекрасный, небо ясно. Князь Бебутовъ, недоумѣвая, кажется, какъ идетъ сраженіе, приказалъ оставшимся войскамъ быть готовыми къ выступленію, а въ 5 часовъ или около мы выступили по нижней дорогѣ, въ числѣ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты, 8-ми легкихъ орудій батарейной № 5 батареи и 6-ти эскадроновъ драгунъ при 4-хъ конныхъ орудіяхъ донской № 7 батареи. Во время слѣдованія подъѣхалъ къ командующему корпусомъ адъютантъ главнокомандующаго князь Святополкъ-Мирскій и доложилъ, что онъ присланъ княземъ Орбеліаномъ сказать, что въ артилеріи зарядовъ нѣтъ; это было часовъ въ семь. Князь сказалъ объ этомъ начальнику артилеріи, который отвѣчалъ, что этого быть не можетъ и онъ за то ручается, что впослѣдствіи, при повѣркѣ, и оказалось справедливымъ.

Во время похода говорили о необходимости идти во флангъ непріятелю—что, казалось, и было рѣшено—почему, переправившись черезъ рѣчку въ бродъ, войска начали принимать вправо. Тутъ было предложено послать князю Орбеліану, чтобъ онъ свои войска стянулъ тоже вправо для соединенія съ пришедшими, чтобъ всѣ были подъ рукой у начальника.

Пройдя бродъ, 8 легкихъ орудій развернулись фронтомъ, а баталіоны стали въ колоннахъ по флангамъ; эскадроны драгунъ выстроились съ лѣваго фланга линіи; зачѣмъ? когда мѣсто ихъ было на правомъ, прикрывать оный отъ сильной турецкой кавалеріи. Поднявшись на возвышенную плоскость (о которой говорено выше; на ней стоялъ отрядъ князя Орбеліана),

начальникъ артилеріи подъѣхалъ къ батареѣ, чтобъ отдать кое-какія приказанія и сказать слово два людямъ. Мы были близко отъ непріятеля и удивлялись, какъ онъ не встрѣчаетъ насъ артилерійскимъ огнемъ, который, все болѣе рѣдѣя съ обѣихъ сторонъ по мѣрѣ нашего приближенія, совершенно прекратился лишь по всходѣ нашемъ на возвышенность. Драгуны и вся линія крѣпко принимали влѣво; вмѣсто того, чтобы гренадеръ призвать къ себѣ, мы шли къ нимъ. Адъютантъ кн. Бебутова прискакалъ къ начальнику артилеріи и доложилъ, что князь его проситъ. Съ четверть часа мы отыскивали въ темнотѣ командующаго корпусомъ, наконецъ отыскали его, окруженнаго генералами и многими офицерами; первое его слово было: „зарядовъ, братъ, нѣтъ!“

— Быть не можетъ, чтобы всѣ выстрѣлили.

— Да вотъ бригадный командиръ то же говоритъ!

Полковникъ Мищенко подтверждаетъ слова его.

— Повторяю вамъ, что этого быть не можетъ.

— Мнѣ батарейные командиры сказали, отвѣтилъ полковникъ Мищенко.

— Подите сами и повѣрьте мнѣ всѣ ящики, съ офицерами, тотчасъ!

Оказалось, что въ легкой батареѣ вторые ящики почти не были тронуты, равно какъ и въ батарейной № 2 батареѣ —третьи; въ батарейной № 1 батареѣ третьи ящики до половины были выпущены. Все это я говорю о ядрахъ и гранатахъ просто разрывныхъ [9]); а всѣ прочіе заряды во всѣхъ ящикахъ были не тронуты, кромѣ нѣсколькихъ картечей, брошенныхъ противъ кавалеріи.

Пришедшія войска, примкнувъ къ правому флангу гренадеръ, остановились; имъ приказано отдыхать. Небо было звѣздное; луна должна была взойти около полуночи. Начальникъ

[9]) Но тогда въ комплектѣ зарядовъ полагалось: на единорогъ по 15-ти гранатъ съ зажигательнымъ составомъ—не тронутыхъ.

артилеріи пошелъ къ близь стоявшей легкой № 1 батареѣ, куда собрались батарейные командиры и много офицеровъ. На короткомъ пути своемъ онъ былъ непріятно пораженъ валявшимися убитыми лошадьми, разорванными ранцами и конской аммуниціей. Побывъ немного съ господами, онъ вернулся къ князю, чтобъ узнать, что намѣрены дѣлать? ибо, видимо, что атака на лѣвый непріятельскій флангъ была отмѣнена. Въ разговорѣ онъ спросилъ г. командующаго корпусомъ: „когда мы пойдемъ на непріятеля?“

— А вотъ часа черезъ два должна луна взойти; тогда мы ихъ атакуемъ.

— Такъ я пойду приготовлю артилерію. Не прикажете ли батарейную № 1 батарею, много пострадавшую, оставить съ гренадерскимъ обозомъ? у насъ будетъ достаточно артилеріи.

— Распорядитесь!

Около 10-ти часовъ его опять просятъ къ князю.

— Турки ушли за̀ Арпачай — тутъ дѣлать нечего; мы сейчасъ возвращаемся. Я приказалъ обозамъ идти впередъ; прикажите, чтобъ и батарейныя батареи шли съ ними; когда онѣ вытянутся — и мы пойдемъ.

И мы пошли назадъ, съ ограбленнымъ обозомъ, съ разстроенною артилеріей и везя съ собою: убитыхъ 2-хъ офицеровъ и 125 рядовыхъ и раненыхъ 6 офицеровъ и 308 рядовыхъ, въ томъ числѣ 20 убитыхъ артилеристовъ и 49 раненыхъ, всѣ артилерійскими снарядами, и потерявъ изъ трехъ батарей 111 артилерійскихъ лошадей и выпустивъ безъ пользы 1330 снарядовъ и много патроновъ.

Можно вообразить, что шествіе наше было печальное, точно погребальное! Вмѣсто веселыхъ пѣсенъ—раздирающій стонъ раненыхъ, ибо половина везлась при войскахъ и только часть была отправлена впередъ.

Но оставимъ войска возвращаться въ лагерь съ горест-

нымъ чувствомъ утраченнаго достоинства и посмотримъ, что дѣлалось въ Александрополѣ.

Долго жители стояли на возвышенномъ кладбищѣ и на крышахъ домовъ и смотрѣли въ сторону Баяндура; всѣ думали, чья возьметъ? ибо пограничные армяне боятся турокъ. И вотъ видятъ, что отъ малаго Караклиса несется конница, уже послѣ сумерокъ. Это были конные милиціонеры, съ борчалинской и казахской дистанцій татары, которые, припомните, при появленіи куртинъ поскакали по дорогѣ къ малому Караклису. На дорогѣ нѣкоторые изъ нихъ, встрѣтивъ армянъ-маркитантовъ, везшихъ припасы въ отрядъ, ограбили ихъ и двухъ или болѣе порубили; одинъ изъ армянъ ускакалъ отъ такихъ друзей обратно въ Александрополь и сказалъ жителямъ, что милиція грабитъ и рѣжетъ армянъ. Первые милиціонеры, прискакавшіе въ Александрополь, совершенно увѣренные въ проигрышѣ сраженія и что жители непремѣнно будутъ ограблены турками, разочли, что лучше имъ начать, и бросились на ближнія лавки. Но армяне со всѣхъ сторонъ стеклись къ концу города и встрѣтили милиціонеровъ съ оружіемъ въ рукахъ. Прежде ругали ихъ, что они бѣжали, потомъ на выстрѣлы отвѣчали тѣмъ же, и такъ удачно, что иные, говорятъ, 62-хъ, другіе 43-хъ положили на мѣстѣ убитыми, сами не потерявъ ни одного, кромѣ раненыхъ на дорогѣ.

Около 2-хъ часовъ ночи отрядъ возвратился въ лагерь. Таковъ былъ понедѣльникъ 2-го ноября 1853 года.

Но если не сказать, какъ привезли раненыхъ въ крѣпость, какъ ихъ вынимали изъ повозокъ и укладывали въ госпиталь и какое пособіе несчастные нашли тамъ—картина будетъ неполная.

Г. командующій корпусомъ, узнавъ по прибытіи о большой потерѣ, тотчасъ послалъ въ лагерь, чтобъ сколько возможно прислали пустыхъ повозокъ. Онѣ скоро пріѣхали; на

нихъ наложили раненыхъ, какъ могли; опростали нѣсколько изъ имѣвшихся при войскахъ; артилеристовъ разсадили по лафетамъ, и такъ всѣхъ привезли къ госпиталю. Можетъ быть, только нѣсколько десятковъ изъ нихъ были перевязаны, ибо перевязочнаго пункта не было; медиковъ было всего три съ войсками, немного болѣе при госпиталѣ, и не болѣе фельдшеровъ; притомъ совершенный недостатокъ въ медикаментахъ и перевязочныхъ средствахъ. Комендантъ крѣпости, разсказывая мнѣ о привозѣ раненыхъ, говорилъ, что некому было снимать ихъ съ повозокъ, а потому онъ самъ помогалъ многихъ сколько можно бережно вытаскивать изъ глубокихъ полуфурковъ; покуда одинъ опоражнивали, другіе должны были ждать. Такъ продолжалось до самаго свѣта; многихъ привозили потомъ днемъ. Въ палатахъ не было мѣста—заняли всѣ корридоры, уложивъ раненыхъ на полу. Но и 4-го числа еще не всѣ были перевязаны, потому что было много ампутацій (изъ подвергшихся ампутаціи ни одинъ не выздоровѣлъ), требующихъ времени и утомляющихъ медиковъ. На другой день начались погребенія, продолжавшіяся до башъ-кадыклярскаго дня, послѣ коего, троекратные залпы слились съ тѣми, коими чтили павшихъ въ этомъ славномъ для русскаго оружія сраженіи.

По прочтеніи этого совѣстнаго изложенія дѣла подъ Баяндуромъ, всякій благоразумный человѣкъ невольно сдѣлаетъ слѣдующіе вопросы:

1) Зачѣмъ командующій корпусомъ, вдругъ по прибытіи, не осмотрѣвшись еще, предпринялъ такую важную операцію —выгнать сильныя турецкія войска съ нашей земли?

2) Зачѣмъ самъ, со всѣми войсками, не предпринялъ этого движенія, а поручилъ такую значительную силу и такое важное предпріятіе генералу, который, какъ ему было очень хорошо извѣстно, никакихъ военныхъ способностей не имѣ-

етъ и, служа по гражданской части и уѣзднымъ начальникомъ, пріобрѣсть ихъ нигдѣ не могъ.

3) Зачѣмъ войска направлены были по дорогѣ черезъ м. Караклисъ, а не во флангъ непріятелю, по нижнему пути?

На эти три вопроса долженъ отвѣчать главный начальникъ, какъ отвѣтственное лицо своихъ распоряженій.

Самое же сраженіе не подлежитъ никакому разбору, ибо разбираютъ дѣйствія лицъ, понимающихъ хотя немного дѣло, за которое взялись; но какъ разбирать дѣйствія человѣка, который вовсе не понимаетъ ни что онъ дѣлаетъ, ни что ему надо дѣлать? Зрячій и въ темнотѣ будетъ распоряжаться безошибочно въ своей комнатѣ; но какъ спрашивать съ слѣпого, зачѣмъ онъ въ темнотѣ и въ чужой комнатѣ, разставляя мебель, перебилъ драгоцѣнный хрусталь, испортилъ бронзу и поломалъ самую мебель? Виноватъ не слѣпой, а тотъ, кто слѣпому далъ порученіе въ чужомъ дому. Такъ и здѣсь; кн. Илья Орбеліанъ не понималъ ничего, ну ничего въ военномъ дѣлѣ регулярныхъ войскъ, въ чаду ошеломленія отъ сдѣланнаго ему порученія забылъ природное начало всего военнаго искусства —драться на кулакахъ! Еслибъ онъ вспомнилъ хоть о кулакахъ, то, какъ храбрый человѣкъ, пошелъ бы впередъ, да въ штыки, въ рукопашную. Турки не устояли бы и... и... Слѣдственно г.-м. кн. Илью Орбеліана ни въ чемъ обвинять нельзя. И потому тотъ, кто далъ полкъ Орбеліану, вывелъ его въ генералы и показалъ кн. Бебутову, что желаетъ дать ему просторную дорогу къ почестямъ, долженъ и отвѣтствовать за безсмысленное сраженіе 2-го ноября подъ Баяндуромъ. Въ критическое время, при незначительности нашихъ средствъ къ оборонѣ и слабости собранныхъ отрядовъ, ихъ довѣрять слѣдовало бы людямъ умнымъ и достойнымъ.

Недоумѣніе залегло на десять дней въ сердца начальниковъ и въ ряды солдатъ, а у жителей явилось недовѣріе къ силамъ нашимъ!

Г.-м. Кишинскій исправлялъ должность начальника штаба въ отрядѣ. Я спрашивалъ его, знали ли они о числительности турокъ, расположенныхъ въ Баяндурѣ 1-го ноября, когда пріѣхалъ кн. Бебутовъ? Онъ увѣрялъ меня, что имъ извѣстно было только, что 2 тыс. кавалеріи заняли Баяндуръ. Если такъ, зачѣмъ же 31-го октября при полученномъ извѣстіи, что турки хотятъ на насъ напасть, все войско стало въ ружье и вся артилерія такъ славно была вытянута въ линію? Противъ 2 тысячъ кавалеріи не выставляютъ 6 баталіононъ, 32 орудія, полкъ драгунъ, казаковъ и милицію. Слѣдственно должно предполагать, что уже 31-го октября было извѣстно, что турки въ силахъ были въ Баяндурѣ. А если было извѣстно о силѣ турокъ, то какъ согласить это съ отряженіемъ кн. Орбеліана выгнать ихъ? Пускай другіе рѣшатъ.

На второе замѣчаніе скажу, что командующій корпусомъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду одно—сдѣлать угодное кн. Воронцову, предоставивъ любимцу его средство отличиться, и болѣе ни о чемъ не думалъ. А это жаль; подумавъ немного, кн. Бебутовъ, какъ умный человѣкъ, могъ предугадать, что̀ выйдетъ изъ такого порученія.

Зачѣмъ не пошли по нижней дорогѣ? Оттого, что, имѣя казаковъ въ м. Караклисѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Баяндура, имѣя вѣрныхъ лазутчиковъ, мы не знали о расположеніи непріятеля и вообще не знали, что̀ и когда надо было дѣлать.

Въ этомъ дѣлѣ кавказскія войска показали себя, какъ и всегда, прямыми воинами, и невольно жалѣешь, что не было начальника, который бы достойно предводилъ ими. Артилерія понесла чрезвычайно большой уронъ въ прислугѣ, въ лошадяхъ и матеріальной части. Артилеристы не хотѣли отводить раненыхъ далѣе первыхъ ящиковъ, гдѣ ихъ принимали люди второй линіи, бѣгомъ возвращавшіеся къ орудіямъ. Пѣхотные баталіоны, стоявшіе между артилеріею, такъ быстро замѣняли убитую прислугу, что огонь ни разу не прерывал-

ся. Какъ братья, бѣжали пѣхотные солдаты къ артилеристамъ, скоро и охотно, чего обыкновенно не бываетъ, и—увы—многіе насмерть. Кавалерія, драгуны и казаки съ такимъ ожесточеніемъ врубались въ толпы курдовъ, обскакавшихъ нашъ правый флангъ, что въ минуту массы ихъ скакали назадъ, провожаемые картечью и сабельными ударами, и много легло ихъ.

По назначеніи кн. Бебутова командующимъ войсками, дѣйствующими на турецкой границѣ, онъ однажды утромъ попросилъ начальника артилеріи и начальника инженеровъ къ себѣ. Разспрашивая меня объ артилерійскихъ запасахъ въ разныхъ пунктахъ, князь спросилъ:

— Кого же вы дадите мнѣ командовать артилеріею? пожалуйста хорошаго и надежнаго.

— Я самъ буду ею командовать, если ваше сіятельство думаете, что я довольно хорошъ и надеженъ.

Онъ очень благодарилъ меня и сказалъ: „теперь я покоенъ.“ То же самое отвѣчалъ ему и начальникъ инженеровъ.

Начальникъ артилеріи, зная турокъ, былъ увѣренъ, что 31-го октября нападенія не будетъ, а потому ему было все равно, какъ смѣшно ни разставлять артилерію. Онъ былъ въ лихорадочномъ пароксизмѣ, пріѣхавъ, сѣлъ подлѣ орудія на барабанъ, закутался въ шубу и ждалъ, чѣмъ это кончится. Въ два часа распустили войска. 2-го ноября, желая лично ввести въ первое дѣло артилерію, онъ одѣлся по походному и съ адъютантами выѣхалъ около полудня въ лагерь. Подъѣхавъ къ оному, онъ увидѣлъ, что войска стояли на линейкахъ и что командующій корпусомъ объѣзжалъ ихъ и здоровался съ солдатами. Увидя генерала Бриммера, кн. Бебутовъ подъѣхалъ къ нему и, глядя на костюмъ, спросилъ:

— Вы, кажется, тоже собрались идти?

— Какъ же, я въ первое дѣло самъ поведу артилерію.

— Князю Орбеліану поручено командовать.

— Я ему не помѣшаю и буду распоряжаться только артилеріею.

— Нѣтъ, я прошу васъ остаться; мнѣ съ вами нужно переговорить о запасахъ.

— Я прошу ваше сіятельство позволить ввести мнѣ самому артилерію въ первое дѣло; я хоть старшій, но ему мѣшать не буду.

— Нѣтъ; прошу васъ, останьтесь, кончилъ настойчиво кн. Бебутовъ.

Въ это время кн. Илья Орбеліанъ подъѣзжаетъ къ намъ. Начальникъ артилеріи говоритъ ему:

— Ну, князь, хотѣлъ я идти съ тобой и ввести въ дѣло артилерію, да вотъ—не позволяютъ.

— Я бы за честь почелъ быть у васъ подъ начальствомъ, сказалъ Илья Орбеліанъ и поцѣловалъ генерала въ плечо.

Начальнику артилеріи было очень больно пустить въ первое дѣло артилерію подъ командою пустозвона, полковника, человѣка, имъ неуважаемаго. Онъ послалъ своего личнаго адъютанта капитана Тальгрена быть при артилеріи и разсказать ему, какъ ею будутъ распоряжаться. Къ сожалѣнію, послѣдствія оправдали его опасенія.

Когда вспомогательный отрядъ пришелъ къ гренадерамъ, генералъ Бриммеръ, отойдя отъ батареи, нашелъ кн. Бебутова лежащимъ на сѣнѣ и разговаривающимъ погрузински съ кн. Орбеліаномъ; тутъ же былъ г.-м. Кишинскій. Во время разговора начальникъ артилеріи спросилъ кн. Орбеліана:

— Зачѣмъ же, князь, вы не шли впередъ?

— Куда же идти? я маневрировалъ!

Начальникъ артилеріи замолчалъ и не принималъ болѣе участія въ разговорѣ. Затѣмъ онъ пошелъ опять къ батареямъ. У полковника Де-Саже, командира легкой № 1 батареи, уже былъ готовъ самоваръ, съ большимъ трудомъ закипѣвшій; но, видно, суждено было, чтобъ въ этотъ несчастный понедѣльникъ во всемъ была неудача: только-что сдѣлали чай и поставили чайникъ на самоваръ, какъ усатый бомбардиръ, несшій кипку сѣна, чтобъ мнѣ было гдѣ присѣсть, повалилъ изъ усердія и самоваръ, и чайникъ. Ночь была свѣжая, бѣда неисправимая, горе наше невыразимое.

Начальникъ артилеріи спросилъ князя Орбеліана:

— Почему вы знаете, что турки ушли?

— Да я посылалъ офицера, и онъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они стояли; никого тамъ нѣтъ.

— Другой начальникъ, чтобъ сказать, что поле сраженія осталось за нимъ, двинулся бы впередъ, но если дѣйствительно турки ушли, такъ вы находите это безполезнымъ.

Къ этому не излишнимъ нахожу присовокупить, что донесеніе, будто непріятель ушелъ за Арпачай по прибытіи остальныхъ войскъ нашихъ, видимо ложное; онъ просто отошелъ съ позиціи къ Баяндуру, отъ котораго былъ верстахъ въ трехъ. Разъѣзды и жители съ раннимъ свѣтомъ на другой день донесли, что онъ занимаетъ с. Баяндуръ, какъ и прежде, что у него много убитыхъ и раненыхъ, которыхъ онъ отправляетъ въ Карсъ, что артилерія его крѣпко повреждена и пр., и пр.

На другой день послѣ дѣла начальникъ артилеріи написалъ собственноручно записку, въ коей изложилъ, какъ трудно доставленіе въ этотъ отдаленный край зарядовъ, пороха и

всей матеріальной части артилеріи и какъ трудно образованіе артилеристовъ; почему его сіятельство изволитъ усмотрѣть, что повторять баяндурское дѣло не слѣдуетъ, т. е. безъ пользы и достоинства истреблять напрасно запасы, портить матеріальную часть и терять людей, и все оттого, что поручаютъ начальство надъ войсками незнающимъ! Испросивъ извиненія, что обязанностью своею считалъ доложить о трудности исправленія артилеріи, генералъ Бриммеръ при князѣ разорвалъ записку и клочки оставилъ на столѣ.

Во время слѣдованія остальныхъ войскъ къ Баяндуру случилось непріятное происшествіе въ артилеріи. При переходѣ рѣчки въ бродъ, въ темнотѣ, батарейной № 5 батареи зарядный ящикъ упалъ въ самой рѣкѣ. Взводный офицеръ прапорщикъ Карлгофъ далъ знать батарейному командиру; тотъ выпросилъ 10 человѣкъ пѣхоты при унтеръ-офицерѣ, чтобы ящикъ поднять. Но покуда поднимали лошадей и ящикъ, чего безъ отпряжки сдѣлать было нельзя, вся линія, шедшая, по первому предположенію, на лѣвый флангъ непріятеля, взяла влѣво, чтобъ соединиться съ отрядомъ кн. Орбеліана. Нѣсколько куртинцевъ, по проходѣ войскъ черезъ рѣку, приблизились и, замѣтивъ, что что-то возится въ рѣкѣ, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Прапорщикъ Карлгофъ, видя, что ѣздовой въ это время сѣлъ, говоритъ пѣхотному унтеръ-офицеру: „вы идите всѣ вмѣстѣ, въ кучкѣ, и отстрѣливайтесь; я же съ ящикомъ поскачу. Пошелъ!“ И ящикъ, и онъ, не зная, что войска взяли влѣво, прискакали прямо на турецкую батарею, а 10 человѣкъ съ ящичнымъ вожатымъ благополучно пришли къ батареѣ. На другой день Абди-паша приказалъ отрубить голову офицеру. Зарядный ящикъ, совершенно цѣлый, мы возвратили въ Башъ-Кадыклярѣ. О ѣздовомъ слуху не было.

XX.

БАШЪ-КАДЫКЛЯРЪ, 19-го ноября 1853 ГОДА. Послѣдствія пораженія. Разборъ. Воспоминанія. Изъ письма къ женѣ. Чинъ генералъ-лейтенанта. Пріѣздъ въ Тифлисъ.

Къ александропольскому отряду должны были прибыть изъ Дагестана два баталіона фельдмаршала Паскевича полка (Ширванскаго), одинъ донской казачій полкъ и 6 сотень линейскихъ казаковъ, которые дѣйствительно прибыли—первые 8-го и 9-го, а послѣдніе 12-го ноября. Болѣе войскъ уже ни откуда не ожидали, слѣдственно мы были въ комплектѣ. Артилерія была вся исправлена; но перебитыя артилерійскія лошади могли быть замѣнены только въ трехъ батареяхъ; въ батарейной же № 1 батареѣ, потерявшей до 50-ти лошадей, пришлось два орудія оставить безъ лошадей.

Составъ александропольскаго отряда былъ слѣдующій: пѣхоты—2 баталіона и двѣ роты Грузинскаго гренадерскаго (Константина Николаевича), 3 баталіона Эриванскаго карабинернаго (Его Высочества Наслѣдника), 2 баталіона Ширванскаго (князя Варшавскаго), 1 баталіонъ Куринскаго (князя Воронцова), кавказскіе стрѣлковый (около 500 ч.) и саперный баталіоны и нришедшій изъ Ахалкалакъ баталіонъ Бѣлостокскаго полка 13-й дивизіи; артилеріи—кавказской гренадерской бригады двѣ батарейныя №№ 1 и 2 и легкая № 1 батареи; 21-й бригады батарейной № 5 батареи 8 легкихъ орудій и конная донская № 7 батарея; кавалеріи—10 эскадроновъ Нижегородскаго драгунскаго полка, 9 сотень линейскихъ казаковъ и Донской № 20 полкъ. Баталіонъ Мингрельскаго егерскаго полка и легкая № 7 батарея 21-й бригады были 30-го октября отправлены въ Эривань для усиленія тамошняго отряда.

7-го ноября пріѣхалъ въ отрядъ помощникъ начальника главнаго штаба г.-м. Индреніусъ для исправленія должности начальника штаба при командующемъ корпусомъ на турецкой

границѣ. 8-го ноября, въ Михайловъ день, князь навѣшивалъ георгіевскіе кресты на отличившихся подъ Баяндуромъ солдатъ, и такъ какъ легкая № 1 батарея праздновала батарейный праздникъ, то приготовленъ былъ завтракъ для всѣхъ въ ея лагерѣ.

Въ это время настроеніе у жителей было такое, что они, несмотря на полученныя нами подкрѣпленія, нисколько не сомнѣвались въ могуществѣ турокъ и были увѣрены, что намъ съ ними состязаться нельзя; а потому турки имѣли въ самомъ Александрополѣ много лазутчиковъ или доброхотовъ, которые имъ передавали все, что у насъ дѣлалось.

12-го рѣшено войскамъ приготовиться къ выступленію, а 14-го передъ утромъ выступить такъ, чтобъ съ разсвѣтомъ быть передъ Баяндуромъ; идти по нижней дорогѣ лѣвою стороною Арпачая. Узнали ли турки, что было положено атаковать ихъ въ Баяндурѣ 14-го числа или по другимъ какимъ причинамъ, но вечеромъ 13-го числа они переправились обратно за Арпачай и потянулись черезъ Пирвали къ своему лагерю въ Суботанъ. Движеніе къ Баяндуру становилось безполезнымъ. 14-го числа съ разсвѣтомъ отрядъ выступилъ изъ лагеря, у карантина переправился черезъ Арпачай и въ 4 часа пополудни былъ въ с. Пирвали на Карсъ-чаѣ. Несмотря на то, что часть обоза была оставлена, его все-таки было много и, слѣдуя по необдѣланной дорогѣ, онъ затруднялъ движеніе. Съ нами былъ только десятидневный провіантъ въ сухаряхъ и комплектъ зарядовъ съ патронами. Полкъ Его Высочества Константина перешелъ деревню, Карсъ-чай и расположился на полугорѣ; съ нимъ была легкая № 1 батарея; на горѣ поставили казачьи пикеты. Отрядъ расположился у д. Пирвали.

Уже дня три погода была сырая и непріятная; такъ и въ этотъ день. Вечеромъ пошелъ маленькій снѣгъ и легъ густой туманъ на землю; ночью снѣгъ увеличился и такъ какъ онъ былъ совершенно мокрый, то растворилъ еще болѣе и безъ то-

го немного грязную дорогу. Со свѣтомъ туманъ пропалъ; но грязь по дорогѣ и въ лагерѣ была большая. Рано утромъ пришелъ къ князю лазутчикъ и донесъ, что турки изъ суботанскаго лагеря, услышавъ вчера вечеромъ два выстрѣла (заревой выстрѣлъ изъ единорога и лопнувшая граната), тотчасъ пошли къ Карсу. Первый шагъ нашего движенія впередъ былъ бы черезъ Карсъ-чай на высокую длинную гору, чтобъ выйти на ровное плато или, такъ названныя послѣ, башъ-кадыклярскія высоты. Дорога по этой горѣ—глинистая грязь; обоза было много съ собой, онъ бы насъ задержалъ на горѣ; дни короткіе, ночи темныя; гдѣ и когда бы мы нагнали турокъ? Подъ Карсомъ? Но драться подъ крѣпостью съ непріятелемъ втрое сильнѣйшимъ не приходилось. Князь подумалъ, и далъ приказъ къ обратному движенію, къ Башъ-Шурагелю, деревнѣ, лежащей на правой сторонѣ Арпачая противъ с. Баяндуръ.

15-го въ 8 часовъ утра мы выступили изъ д. Пирвали и въ 2 часа пополудни, сдѣлавъ не болѣе 10-ти верстъ, пришли въ Башъ-Шурагель. 16-го князь призвалъ уѣзднаго начальника, чтобъ распредѣлить войска по зимнимъ квартирамъ, хотя всѣ чувствовали, что, не побивъ порядочно турокъ, не можно расчитывать на покойную зимовку. Въ полдень 17-го числа пришло донесеніе отъ кн. Андроникова объ одержанной имъ побѣдѣ 14-го числа при д. Суфлисъ, близь Ахалцыха. 18-го утромъ лазутчикъ объявилъ, что турки, видя наше обратное движеніе, вернулись въ Суботанъ вчера, а сегодня ожидаютъ прибытія послѣднихъ баталіоновъ иррегулярной кавалеріи. Абди-паша остался въ Карсѣ, а корпусомъ командуетъ Риза-паша. Вечеромъ пришелъ еще лазутчикъ и объявилъ, что всѣ турецкія войска собрались въ суботанскомъ лагерѣ, что ихъ должно быть болѣе 30000, что много, много орудій и что завтра еще прійдутъ курды. Князь рѣшилъ идти на турокъ.

Всѣ обозы, 6 орудій батарейной № 1 батареи, двѣ роты саперъ, Бѣлостокскій баталіонъ и двѣ роты Грузинскаго гре-

надерскаго полка были отправлены въ Александрополь. Мы должны были выступить ночью, чтобы утромъ быть на мѣстѣ; но драгуны замѣшкались на дальней фуражировкѣ, и мы выступили въ 7 часовъ утра, имѣя при себѣ только на 5 дней сухарей и 20 пустыхъ повозокъ. Князь взялъ свою фуру, а начальникъ артилеріи свой контрабандный ящикъ—вотъ и весь обозъ. Новая луна обѣщала хорошую погоду.

Въ четвергъ 19-го числа, утромъ въ началѣ 8-го часа, отрядъ выступилъ изъ лагеря по дорогѣ къ д. Пирвали, переправился у нея черезъ Карсъ-чай (для пѣхоты князь приказалъ жителямъ сдѣлать живые мостики изъ аробъ, съ досками) и, когда войска стянулись на горѣ и отдохнули съ полчаса, пошелъ по ровной мѣстности, весело и бодро. День былъ ясный, теплый, ни одного облачка на небѣ. Когда войска подходили къ д. Пирвали, на горѣ видны были турецкіе конные пикеты, скоро ускакавшіе, какъ признакъ, что турки въ лагерѣ; это насъ очень обрадовало. Пройдя верстъ пять по плоскости, мы увидѣли въ полутора верстахъ передъ собою д. Огузлы, съ огромною четырехугольною церковью въ видѣ башни; такъ построены всѣ древнія армянскія церкви. Немного косвенно влѣво, вдали, видно было, что жители отгоняютъ къ горамъ стада барановъ. По этому же направленію начинала показываться турецкая кавалерія. Князь приказалъ остановиться.

Вотъ мѣстность, на которой произошло сраженіе. Отъ мѣста, гдѣ войска остановились, шелъ отлогій спускъ, сажень въ 15, во все протяженіе долины, т. е. версты на двѣ слишкомъ отъ правой руки къ лѣвой или отъ горы Караялъ до возвышенностей, на оконечности которыхъ, почти противъ д. Огузлы, была большая турецкая батарея; слѣдственно вся долина имѣла въ ширину версты двѣ съ половиной и въ длину, до д. Огузлы, версты двѣ; тутъ былъ расположенъ нашъ центръ и кавалерія, составлявшая правый флангъ. За лѣвыми возвышен-

ностями, по протяженію остановившихся войскъ нашихъ, находилась деревня, никѣмъ не занятая. Возвышенности показывались намъ въ видѣ трехъ холмовъ другъ за другомъ, перпендикулярныхъ къ лѣвому флангу нашей линіи; два, къ намъ ближніе, были раздѣлены между собою углубленіемъ; вершина же средняго и послѣдняго (на которомъ была турецкая батарея), представляла плоскость, отлогость коей къ нашей сторонѣ раздѣлялась промоиной. Покатости этихъ холмовъ къ полю сраженія были не совсѣмъ отлоги, но и не круты. У подошвы ихъ протекалъ по каменистому ложу ручей, впадающій въ рѣчку Огузлы близь деревни того же имени. Рѣчка течетъ за деревнею, въ глубокомъ оврагѣ, который, дѣлая уголъ съ лѣвой стороны деревни, правымъ, т. е. верхнимъ протяженіемъ своимъ сливался съ мѣстностью у оконечности горы Караялъ, а лѣвымъ протяженіемъ шелъ къ турецкому лагерю, тоже почти сливаясь съ мѣстностью и дѣлая такимъ образомъ къ нашей сторонѣ тупой уголъ. За этимъ большимъ оврагомъ, немного влѣво отъ Огузлы, была гора (близь которой с. Башъ-Кадыкляръ, давшее имя сраженію), скрывавшая отъ насъ турецкій лагерь, а по всему протяженію его и за нимъ ровная мѣстность шла, понемногу возвышаясь къ подошвѣ горъ, невдалекѣ отъ коихъ расположены деревни Суботанъ и Хаджи-Вали; въ лѣвой сторонѣ отъ первой былъ турецкій лагерь на отдѣльномъ холмѣ, въ разстояніи отъ Огузлы верстъ двухъ.

Изъ этого описанія видно, что долина Огузлы, на которой произошло сраженіе, есть трапецоидъ; основаніе его—линія, гдѣ остановились наши войска, въ двѣ версты; двѣ стороны, почти перпендикулярныя къ нему, справа—гора Караялъ, тоже версты двѣ, слѣва—возвышенія, на одномъ изъ которыхъ турецкая батарея, версты полторы; четвертая—большой оврагъ, версты въ двѣ съ половиною. Дорога изъ Пирвали на Суботанъ въ Карсъ шла черезъ д. Огузлы.

Влѣво, за Арпачаемъ, верстахъ въ 30-ти отъ насъ, возвышался Алагёзъ съ снѣжною вершиною. За турецкимъ лагеремъ, въ лѣвомъ отдаленномъ углу всей картины—снѣжная глава Арарата; надъ нею небольшое облако. Небо было совсѣмъ чистое, день теплый.

Послѣдовало распоряженіе двинуть 1-ю линію къ с. Огузлы. Она состояла изъ двухъ баталіоновъ кн. Паскевича, баталіона кн. Воронцова полка и стрѣлковаго баталіона, примкнувшаго къ лѣвому флангу батарейной № 2 батареи, и батарейной № 5 батареи съ 8-ю легкими орудіями, между баталіонами (г.-м. Кишинскій).

Два баталіона карабинернаго полка, баталіонъ гренадерскаго и двѣ роты саперъ составляли 2-ю линію; она остановилась въ колоннахъ, внѣ пушечнаго выстрѣла (г.-м. кн. Багратіонъ-Мухранскій).

Баталіонъ гренадеръ, баталіонъ карабинеръ и легкая № 1 батарея оставлены были въ резервѣ (полковникъ Моллеръ).

Кавалеріи было: на правомъ флангѣ три дивизіона нижегородскихъ драгунъ и три сотни линейскихъ казаковъ (г.-м. кн. Чавчавадзе); на лѣвомъ флангѣ два дивизіона драгунъ и 6 сотень линейскихъ казаковъ (г.-м. Багговутъ).

По дивизіону конной № 7 батареи дано на оба фланга.

Донской № 20 полкъ сталъ сзади резерва.

Приблизившись на разстояніе около 350-ти саж. къ д. Огузлы, начальникъ артилеріи ѣхавшій передъ батареями, приказалъ шедшимъ впереди батареямъ сняться съ передковъ и открыть пальбу по селенію, справа и слѣва котораго стали показываться непріятельскіе баталіоны. Только-что изъ батарейныхъ орудій сдѣлали два выстрѣла, какъ 30 непріятельскихъ орудій—22 слѣва и 8 справа—открыли перекрестный огонь по нашей линіи. Этотъ бѣглый огонь въ первый моментъ свалилъ у ящиковъ 4-хъ лошадей, ранилъ двухъ артилеристовъ и человѣка три въ пѣхотѣ. Начальникъ артилеріи

приказалъ батарейной № 2 батареѣ взять на передки, повернуть немного налѣво, чтобъ стать параллельно непріятельской батареѣ, и подвинуться ближе къ возвышеніямъ. Несмотря на пахотное мѣсто, на которомъ остановилась линія, и частый непріятельскій огонь, все передвиженіе было сдѣлано въ порядкѣ и тишинѣ. Правѣе два орудія стрѣляли изрѣдка по непріятельской пѣхотѣ и не позволяли ей выходить изъ оврага; стрѣлковый баталіонъ находился на лѣвомъ флангѣ; баталіонъ кн. Воронцова сталъ между батареями противъ Огузлы, образуя съ батарейною батареею тупой уголъ; правѣе его—остальныя 8 легкихъ орудій, а правѣе ихъ—два баталіона кн. Паскевича полка. Отъ перемѣны фронта батарейной № 2 батареи и отъ движенія ея впередъ образовался промежутокъ сажень въ 45 между баталіономъ кн. Воронцова и батарейной батареей.

Огонь непріятельскій былъ частъ и силенъ, и, конечно, еслибы не пахотная земля, на которой мы стояли и въ которую снаряды врывались, не дѣлая рикошетовъ, потеря наша оказалась бы чувствительнѣе. Начальникъ артилеріи съ удовольствіемъ видѣлъ, что не было торопливости на батареѣ. Онъ смотрѣлъ направо—не дѣлались ли какія распоряженія; но нѣтъ. Гренадеры стояли въ колоннахъ, спустившись въ долину; резервъ былъ на высотѣ, а кавалерія правѣе его. Видя, что линія стоитъ въ порядкѣ и что покуда тутъ дѣлать нечего, онъ сѣлъ верхомъ и, проѣхавъ по орудіямъ, просилъ стрѣлять рѣже, ибо и непріятель урѣдилъ огонь свой, все еще довольно частый. Онъ поѣхалъ къ князю, стоявшему невдалекѣ отъ резерва. Во время проѣзда его черезъ линію первыхъ ящиковъ непріятельское ядро ударило въ голову коренной, въ животъ подручной и перебило ногу вожатому. Хотя бомбардира Монасенко было очень жаль, какъ стараго добраго солдата, но нельзя было не похвалить удачнаго выстрѣла.

Подъѣзжая къ командующему корпусомъ, начальникъ артилеріи видѣлъ, какъ дивизіонъ конной № 7 батареи нары-

сяхъ снялся съ передковъ, ударилъ картечью въ курдовъ, и какъ вслѣдъ затѣмъ драгуны погнали ихъ. Онъ засталъ князя на возвышеніи, смотрящимъ на болѣе и болѣе разгорающееся дѣло. Тогда-то князь рѣшилъ вести колонны гренадеръ на батареи. Послали за княземъ Мухранскимъ. Кн. Бебутовъ приказалъ ему взять три баталіона и идти на батарею. Кн. Мухранскій поѣхалъ къ баталіонамъ. Мы видѣли, что два баталіона карабинеръ двинулись и что командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка кн. Илья Орбеліанъ скачетъ къ намъ, а баталіонъ его остался на мѣстѣ. Онъ подъѣхалъ къ князю, и они начали разговаривать погрузински. Князь Илья просилъ у кн. Бебутова, чтобъ онъ позволилъ ему взять и другой его баталіонъ изъ резерва; тотъ долго не соглашался, наконецъ позволилъ. Въ это время правый флангъ нашей линіи начали обходить. Пора была дѣйствовать. Вдругъ четырехугольный широкій столбъ густого дыма несется вверхъ съ непріятельской батареи. Взорвало ящикъ; все войско закричало „ура!“ Былъ часъ пополудни.

Турки при обходномъ движеніи своемъ праваго фланга нашей линіи пѣхотными баталіонами и штуцерными послали справа и слѣва густыя толпы кавалеріи, чтобы обойти оба наши фланга и разстроить резервъ. Толпы курдовъ, прогнанныя съ праваго фланга картечью и драгунами, не скакали обратно къ оврагу, изъ котораго вышли, но къ горѣ Караялъ, бывшей въ разстояніе $1^1/_2$ верстахъ отъ резерва и имѣвшей тутъ видъ сѣдла, по довольно отлогой покатости котораго шла дорога черезъ гору. Такимъ отступленіемъ они оставались все на высотѣ нашего резерва и удерживали на ономъ также кавалерію нашего праваго фланга, которая поэтому дѣлалась совершенно безполезною для нашей линіи, выдвинутой въ долину. Это-то обстоятельство дало туркамъ возможность, по отбытіи гренадерскихъ баталіоновъ, занимавшихъ прежде разстояніе между оконечностью праваго фланга нашей линіи и ре-

зервомъ, охватывать нашъ правый флангъ линіи безнаказанно и посылать регулярные баталіоны свои въ подкрѣпленіе кавалеріи.

Чтобъ кончить разсказъ о дѣйствіи кавалеріи нашего праваго фланга, скажу, что турки выслали къ оному полкъ регулярной кавалеріи и баталіона три пѣхоты съ тремя орудіями, изъ коихъ два оставались сзади. Полкъ регулярной кавалеріи и баталіонъ съ орудіями подвигались около горы на высоту нашего резерва, изъ коего легкая № 1 батарея сдѣлала прежде по курдамъ, потомъ по нимъ до 90 выстрѣловъ. Когда кавалерійскій полкъ подошелъ ближе, драгуны съ 4-мя орудіями двинулись впередъ. Осыпавъ ихъ картечью, драгуны бросились въ атаку, смяли полкъ, который мимо передняго баталіона бросился къ заднимъ, былъ ими принятъ въ промежутокъ колоннъ и тѣмъ спасся отъ конечнаго пораженія, но съ большою потерею, и болѣе не выходилъ на сцену. Драгуны отошли. Между тѣмъ конный дивизіонъ перестрѣливался съ тремя орудіями, а баталіонъ низама подвигался къ конному дивизіону, оставшемуся совершенно безъ прикрытія. Командиръ батареи подполковникъ Долотинъ приказалъ дивизіону взять на передки, подъѣхалъ къ баталіону на картечный выстрѣлъ, разстроилъ его и осадилъ назадъ. Драгуны и линейскіе казаки бросились на него, смяли, погнали, рубили безъ пощады и, наскакавъ за баталіономъ на орудія, два взяли, а третье увезено. Это было около двухъ часовъ пополудни.

Послѣ этого командовавшій кавалеріею праваго фланга г.-м. кн. Ясонъ Чавчавадзе отдыхалъ на лаврахъ, воображая, что онъ все сдѣлалъ и что съ него довольно, потому что турки, дѣлавшіе обходное движеніе, отошли за оврагъ, а нашъ правый флангъ линіи, какъ я сказалъ, остался предоставленъ себѣ. Но къ этому флангу подошли двѣ роты саперъ, бывшія прежде съ гренадерскими баталіонами.

Когда карабинеры проходили мимо командующаго корпу-

сомъ—ружье на правомъ плечѣ, бодро и весело—съ большой батареи обернули нѣсколько орудій и стали стрѣлять въ нихъ и въ свиту князя. Одно ядро вырвало изъ колонны двухъ человѣкъ; болѣе вреда не сдѣлала эта стрѣльба, но было приказано свитѣ не толпиться около князя.

Въ это время г.-м. Багговутъ, командовавшій лѣвою кавалеріею, дѣлалъ движеніе назадъ. Такъ какъ намъ не видно было за холмами, что часть оной съ двумя орудіями оставалась на мѣстѣ, то князь, принявшій это движеніе за отступленіе, поѣхалъ повыше и увидѣлъ, что Багговутъ двигается противъ массы куртинъ, старавшихся охватить лѣвый флангъ. Нѣсколько выстрѣловъ картечью—драгуны и линейскіе казаки понеслись въ атаку; курды не выдержали, ихъ пятнали по спинамъ, но не далеко гнали, и мы видѣли, какъ Багговутъ опять вернулся на прежнее мѣсто. Тутъ есаулъ Кульгачевъ поставилъ два свои орудія косвенно къ непріятельской батареѣ и крѣпко вредилъ ей, причемъ взорванъ еще ящикъ, но какъ онъ стоялъ на покатости и, вѣроятно, ужъ въ немъ было мало зарядовъ, то взрыва не видѣли и онъ не произвелъ такого великолѣпнаго эффекта, какъ первый. Начальникъ артилеріи послалъ къ есаулу Кульгачеву ящикъ отъ легкой батареи, стоявшей въ резервѣ.

Наконецъ идутъ два баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка; имъ приказано идти по возвышенію, чтобы быть внѣ выстрѣловъ.

Всѣ стояли на возвышеніи и смотрѣли на обходное движеніе штуцерного баталіона, который охватывалъ уже правый флангъ линіи и приближался къ двумъ ротамъ саперъ. Въ это время начальникъ артилеріи послалъ своего адъютанта къ батареямъ, стоявшимъ въ линіи, сказать чтобы во всѣхъ трехъ сумахъ были картечи.

Всѣ молча смотрѣли на ходъ сраженія, которое было въ эту минуту вотъ въ какомъ видѣ:

Съ лѣвой стороны г.-м. Багговутъ, послѣ прогнанія курдовъ, стоялъ съ кавалеріею безъ дѣйствія; только его четыре конныхъ орудія стрѣляли по непріятельской батареѣ и по видимымъ пѣхотнымъ баталіонамъ. Кн. Мухранскій съ двумя баталіонами карабинеръ, не дойдя до возвышенія средняго холма, легъ подъ высотою, чтобы прикрыть людей отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и ждалъ когда два баталіона гренадерскаго полка подойдутъ, чтобы идти на батарею. Два гренадерскихъ баталіона съ кн. Ильею Орбеліаномъ двигались за свитою князя; голова перваго баталіона спускалась въ долину. Въ центрѣ линія наша стояла все въ томъ же порядкѣ, съ малымъ измѣненіемъ. Одинъ баталіонъ кн. Паскевича полка съ праваго фланга былъ поставленъ по лѣвую сторону 8-ми орудій, такъ что войска тутъ стояли въ слѣдующемъ порядкѣ, съ правой къ лѣвой рукѣ: двѣ роты саперъ, отъ нихъ въ маломъ разстояніи 1-й баталіонъ кн. Паскевича полка, 8 легкихъ орудій, 2-й баталіонъ того же полка, интервалъ въ 40 сажень передъ церковью с. Огузлы, потомъ баталіонъ кн. Воронцова полка, 8 орудій кавказской гренадерской бригады батарейной № 2 батареи, дѣлавшія съ нимъ тупой уголъ, и съ лѣваго фланга— стрѣлковый баталіонъ.

Непріятельская батарея стрѣляла рѣже. Отъ нея до селенія, у подошвы возвышенія, стояли въ оврагахъ нѣсколько баталіоновъ низама; отъ селенія, по другую сторону, выходили баталіоны ихъ, а штуцерной, густо разсыпавшись, медленно обходилъ нашъ правый флангъ, загибая уже саперъ сзади. Саперы, подавая правый флангъ назадъ и отходя медленно отъ приближавшагося многочисленнаго непріятеля, невольно отдѣлились отъ 1-го баталіона кн. Паскевича полка, который также медленно подавалъ свой правый флангъ назадъ. За штуцерными былъ баталіонъ въ колоннѣ. На высотѣ нашей линіи, саженяхъ въ 150-ти—курды Касимъ-хана, всего 300 чел. славной кавалеріи, въ живописныхъ бѣлыхъ плащахъ съ крас-

ными чалмами, на блестящихъ коняхъ. Къ оконечности горы Караяла отходило нѣсколько баталіоновъ турецкой пѣхоты, возвращавшихся съ обходнаго движенія. Регулярный полкъ кавалеріи уже перешелъ оврагъ и ждалъ, что будетъ.

Все пространство отъ нашей линіи до резерва было пусто. Кавалерія нашего праваго фланга, взявъ два орудія, остановилась вправо, на высотѣ резерва; ее намъ не было видно.

Былъ третій часъ въ началѣ; сраженіе колебалось. Обходныя движенія турецкой кавалеріи къ резерву были ведены слабо, безъ энергіи, какъ всегда почти бываетъ у нихъ, и потому были отбиты; но это еще недавало намъ перевѣса. Обходное движеніе турецкой пѣхоты принимало грозный видъ; уже много труповъ валялось по полю, много раненыхъ просило о помощи. Видно было, чувствовалось, что наступаетъ рѣшительная минута боя. Голубое небо было ясно, солнце пекло, а надъ Араратомъ облако все увеличивалось. И точно, наступилъ моментъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Всѣ баталіоны низама вышли изъ враговъ по обѣ стороны с. Огузлы. Огонь съ турецкой батареи участился во всѣ стороны, въ особенности на нашу линію. Вдругъ разомкнутые баталіоны пустили отличный непрерывавшійся огонь рядами и потомъ медленно стали подвигаться впередъ. Увидѣвъ это, начальникъ артилеріи поѣхалъ къ линіи. Въ это время 300 курдовъ Касимъ-хана скачутъ на ея правый флангъ. Два орудія ударили картечью—они назадъ. Легкія орудія картечью отбили фронтальную атаку баталіоновъ низама съ правой стороны деревни, а потомъ два орудія, повернутыя назадъ капитаномъ Давыдовымъ, стали въ промежутокъ саперъ и ширванцевъ и ударили нѣсколько разъ картечью. Штуцерные хлынули назадъ. Батарейной батареѣ громко закричали: *„Впередъ на передки,“* баталіонамъ—*„Знамена впередъ! Ура!“* Въ это время визамы съ лѣвой стороны деревни остановились—опять батальный огонь и потомъ опять двинулись

впередъ съ барабаннымъ боемъ и горнами. Сажень 20 было пахотнаго мѣста, орудія шли шагомъ; пройдя его, скомандовано—„рысью!“—и 8 орудій остановились въ 100 саженяхъ отъ баталіоновъ, снялись, ударили картечью. Баталіоны пошатнулись. *„Крѣпче, крѣпче! Подверни клинья!“* былъ слышенъ крикъ офицеровъ. Разстроенные баталіоны отходили въ оврагъ; батарея взяла на передки, подъѣхала ближе; еще картечью—баталіоны побѣжали въ оврагъ. „Ура,“ „ура!“ Съ громкимъ, радостнымъ „ура!“ бросились стрѣлковый и кн. Воронцова баталіоны въ оврагъ и кололи бѣгущихъ.

Когда два орудія спереди прогнали великолѣпныхъ и блестящихъ курдовъ, а два орудія капитана Давыдова остановили и повалили штуцерныхъ, которые въ рукопашную тѣснили саперъ и 90 человѣкъ положили и порубили своими штуцерными штыками, ширванцы оправились, ударили въ штыки и, вторя громкому „ура,“ бросились на разстроенныхъ штуцерныхъ, въ свою очередь уложили почти весь баталіонъ и гнали прочихъ въ совершенномъ разстройствѣ черезъ оврагъ.

Начальникъ артилеріи поставилъ батарейную батарею надъ самымъ оврагомъ и приказалъ стрѣлять въ неразстроенныя еще части пѣхоты; скоро такихъ не было: по всему полю бѣжали и брели толпы, бросая оружіе; только кавалерійскій полкъ отступалъ въ массѣ. Когда начальникъ артилеріи поскакалъ съ возвышенія къ линіи, г.-м. Индреніусъ, видя, что тамъ можетъ быть худо, приказалъ изъ резерва легкой № 1 батареѣ съ двумя ротами карабинеръ идти къ линіи; но войска эти пришли, когда уже турокъ гнали, почему они и перешли вмѣстѣ съ ними оврагъ, гдѣ наши баталіоны, не останавливаясь на походѣ, приходили въ порядокъ. Но если войска линіи обошлись безъ нихъ, то два орудія этой батареи очень помогли грузинцамъ.

Увидя, что 2 баталіона гренадеръ приближаются къ возвышенію, г.-м. кн. Мухранскій поднялся съ карабинерами и

пошелъ по скату влѣво, чтобы ударить на батарею косвенно, сбоку (тогда уже много орудій изъ 22-хъ были обращены вправо), и, взойдя на возвышеніе, обойти промоину. Въ это время г.-м. кн. Орбеліанъ съ двумя баталіонами гренадерскаго полка, построенными въ колонны, втягивался изъ долины въ широкое отверстіе этой промоины. Подымаясь на возвышеніе, онъ былъ встрѣченъ сильнымъ штуцернымъ огнемъ двухъ турецкихъ баталіоновъ, спускавшихся съ высоты въ промоину, причемъ одинъ взялъ его съ фронта, другой сбоку. Первымъ огнемъ были перебиты баталіонные командиры, нѣсколько офицеровъ и довольно нижнихъ чиновъ. Кн. Илья Орбеліанъ уже подымался съ передними на высоту и закричалъ—„Впередъ!“ —какъ штуцерная пуля ударила его въ плечо и остановилась въ лопаткѣ. Его унесли. При перебитыхъ начальникахъ баталіоны смѣшались, дрогнули. Турки крѣпко напирали.

Карабинерные баталіоны въ это время уже вышли на высоту и увидѣли какъ погнали гренадеръ, но не тронулись съ мѣста, ибо грозный видъ этихъ воиновъ удерживалъ другихъ турокъ на мѣстѣ, а къ гренадерамъ прискакалъ съ возвышенія кн. Бебутовъ: „Куда, стой, гренадеры!“ Но если этотъ возгласъ начальника былъ силенъ, то равносильна была картечь двухъ орудій, прискакавшихъ, по требованію начальника штаба, изъ шедшей вблизи легкой № 1 батареи. Подпоручикъ Семчевскій 2-й живо снялся съ передковъ и ударилъ въ вышедшихъ уже на долину турокъ. Гренадеры остановились; еще картечь—турки прежде пошли, потомъ побѣжали назадъ, на высоту. *Въ это время линія съ крикомъ „ура!“ гнала турецкіе баталіоны, разстроенные картечью, за широкій оврагъ.* Гренадеры оправились, и кн. Бебутовъ пустилъ ихъ на возвышеніе. Вмѣстѣ съ оборотомъ турецкихъ баталіоновъ кн. Мухранскій двинулся на батарею на высотѣ, а г.-м. Багговутъ съ драгунами бросился на нее слѣва и сзади. Пѣхотные баталіоны ихъ были въ полномъ отступленіи, громимые бата-

рейною № 2 батареею, поставленною на площадкѣ надъ оврагомъ. Вся непріятельская батарея была въ нашихъ рукахъ, артилеристы порублены; но нѣсколько баталіоновъ низама стояли стройно и не подавались назадъ.

Побѣдитель не долго думаетъ: гренадерская бригада двинулась впередъ, драгуны и казаки дружно ударили на пѣхотные баталіоны. Они подались назадъ, разстроились, и вскорѣ все бѣжало. Турецкіе артилеристы держались хорошо; нѣкоторые старались ускакать съ орудіями, но ихъ настигали; почти всѣ были порублены и переколоты на орудіяхъ, тогда уже разставленныхъ вразбродъ по высотѣ. Видимо, страхъ руководилъ начальниками: когда регулярные баталіоны турокъ пробѣжали обратно за свои орудія, артилеристы встрѣтили эриванцевъ и грузинцевъ нѣсколькими картечными выстрѣлами; но эти выстрѣлы были, кажется, направляемы не искусствомъ, но отчаяніемъ, ибо потеря наша при этомъ не соотвѣтствовала дѣйствію.

Вся 22-хъ-пушечная батарея была въ нашихъ рукахъ. Много всадниковъ и какой-то легкій экипажъ, запряженный вчетверню сѣрыхъ лошадей, скакали къ лагерю. Казаки линейскіе гнали ихъ, многихъ порубили; много выюковъ досталось казакамъ, но экипажъ, бывъ далеко впереди, ускакалъ, о чемъ крѣпко жалѣлъ полковникъ линейскихъ казаковъ, храбрый Камковъ. Карабинеры, гренадеры, вся кавалерія лѣваго фланга и князь съ своею свитой пошли къ турецкому лагерю, съ лѣвой стороны горы, лежащей за оврагомъ, а войска линіи нашей съ правой ея стороны. Двѣ роты карабинеръ, оставшіяся въ резервѣ, и перевязочный пунктъ перешли въ селеніе, около котораго было много навалено турокъ.

Линія, гнавшая непріятеля черезъ оврагъ, устроившись на походѣ и пройдя къ турецкому лагерю, остановилась вдоль ручья, за коимъ толпы турокъ вразбродъ тянулись къ д. Суботанъ, близь которой, вдали, была видна масса стройной кон-

ницы. Начальникъ артилеріи, не видя нашей кавалеріи праваго фланга, утверждалъ, что это она и удивлялся только ея бездѣйствію, говоря, что, вѣрно, лошади устали; его удивляло и то, что при этой кавалеріи не было видно 4-хъ конныхъ орудій. Кто-то изъ окружавшихъ его господъ сказалъ, что это турецкая кавалерія, а князя Чавчавадзе онъ видѣлъ самъ назади, близь перевязочнаго пункта.

Въ это время подъѣхали г. командующій корпусомъ, начальникъ штаба и вся кавалерія лѣваго фланга. Первое слово князя было, когда онъ посмотрѣлъ на войска: „А гдѣ же князь Чавчавадзе?“ Начальникъ артилеріи указалъ ему на стоявшую вдали массу, говоря: „кажется, это долженъ быть онъ; но, странно, что 4-хъ орудій не видать.“ Тутъ подъѣхалъ офицеръ изъ штаба и сказалъ, что онъ, проѣжая черезъ Огузлы, видѣлъ драгунскихъ пикинеровъ (они были съ кн. Чавчавадзе) и 4 орудія, стоявшими сзади на полѣ сраженія. Кн. Бебутовъ крѣпко разсердился, и было за что; у него вырвалось: „я его подъ судъ отдамъ!“ Онъ былъ въ какомъ-то тревожно восторженномъ состояніи духа.

Начали говорить о дальнѣйшемъ преслѣдованіи, но когда удостовѣрились, что дѣйствительно часть кавалеріи назади, когда г.-м. Багговутъ сказалъ, что у него и казаки, и драгуны устали, а лошади насилу ходятъ, когда начальникъ штаба сказалъ, что раненыхъ надобно прибрать и возвратиться въ с. Огузлы и что всего остается не болѣе часу до ночи, ибо было уже половина пятаго,—тогда князь приказалъ двигаться войскамъ обратно къ селенію и по дорогѣ прибирать раненыхъ, если какіе будутъ.

Войска тронулись. Въ турецкомъ лагерѣ казаки и пѣхотинцы хозяйничали, убирая всѣ палатки. Тутъ къ начальнику артилеріи подъѣзжаетъ одинъ изъ офицеровъ, состоявшихъ при немъ, и говоритъ, что нашъ зарядный ящикъ, 2-го ноября попавшій турканъ, въ лагерѣ и совершенно цѣлъ. По-

радованный этимъ извѣстіемъ, онъ тотчасъ приказалъ собрать изъ легкой батареи тройку и отвезти ящикъ въ нашъ лагерь. Турецкій лагерь регулярныхъ войскъ былъ стройно поставленъ по линіямъ, но внизу холма и по бокамъ были разбросаны палатки курдовъ и иррегулярной пѣхоты. Поѣздивъ немного по лагерю, мы вернулись въ с. Огузлы, за которымъ въ нѣкоторомъ разстояніи разбивали палатки. Турки позаботились, чтобъ войско наше не спало подъ открытымъ небомъ въ холодную ноябрьскую ночь.

Вотъ битва башъ-кадыклярская, 19-го ноября—настоящій день вступленія на Престолъ нашего любимаго Государя.

Послѣдствія пораженія: разбитіе и совершенное разстройство непріятельской пѣхоты, которая кидала ружья, разбрелась во всѣ стороны и была ограблена окончательно курдами; взятіе 24-хъ орудій; истребленіе почти всѣхъ артилеристовъ, изрубленныхъ и поколотыхъ на батареѣ; взятіе всѣхъ артилерійскихъ и провіантскихъ запасовъ въ большомъ заготовленіи и мундирныхъ почти на все войско ихъ; совершенное снокойствіе всѣхъ границъ и покорность двухъ или трехъ санджаковъ, которые изъ турецкихъ магазиновъ, по приказанію корпуснаго командира, свезли уже до 2000 четвертей зернового хлѣба въ Александрополь.

Гдѣ-то въ письмѣ къ пріятелю я написалъ легкій разборъ этого сраженія; присоединяю еще слова два.

Первоначальное размѣщеніе войскъ нашихъ и движеніе линіи къ с. Огузлы можетъ показаться страннымъ, ибо на всей долинѣ мы не видѣли ни одного турецкаго солдата. Слѣдовало предполагать, что селеніе это сильно занято. По невозможности атаковать турокъ съ лѣвой стороны, въ виду узкости возвышеній и овраговъ, отдѣлявшихъ насъ отъ батареи ихъ, мы должны были стараться вызвать турокъ на плоскость въ долину, для чего на ней и развернулись.

Пошли взять с. Огузлы, воображая его занятымъ, и не заняли его, когда нашли его пустымъ? скажутъ намъ.

Точно. Еслибы мы нашли его занятымъ, то постарались бы взять его; завязалось бы дѣло и, конечно, турки выслали бы баталіоны въ подкрѣпленіе своимъ, ослабили бы тѣмъ батарею и дозволили бы гренадерскимъ баталіонамъ взять ее. Но въ пустомъ селеніи, что намъ дѣлать? Идти въ оврагъ, гдѣ массировалась ихъ пѣхота, было бы непростительно, ибо успѣха и ожидать нельзя было. Стоять въ селеніи подъ близкимъ разгромомъ слишкомъ 30-ти орудій и стрѣлять въ ихъ пѣхоту? Пѣхота отодвинулась бы за возвышеніе, вотъ и все, а мы понесли бы ужасную потерю. И притомъ—стоять! Мы пришли бить, а не стоять. Видя, что селеніе не занято, мы остановились передъ нимъ, артилерія отвѣчала очень успѣшно непріятельской батареѣ, а турецкіе баталіоны вышли изъ оврага на долину, ослабили прикрытіе батареи—и цѣль была вполнѣ достигнута. А безъ непріятныхъ эпизодовъ не бываетъ ни одной даже самой блестящей побѣды.

Но, скажите, зачѣмъ двѣ роты саперъ были поставлены съ тремя баталіонами гренадеръ во второй линіи? Не лучше ли имъ было оставаться въ резервѣ, а баталіонъ гренадеръ взять оттуда? тогда бы 4 баталіона находились во второй линіи и $1^1/_2$ баталіона въ резервѣ. Когда гренадеры пошли на батарею, двѣ роты саперъ, оставшись среди поля однѣ, подошли къ линіи, примкнули къ правому флангу и—увы—при обходномъ движеніи и крѣпкомъ натискѣ турецкихъ баталіоновъ потеряли 90 человѣкъ, а командиръ ихъ полковникъ Ковалевскій, раненый, вскорѣ померъ. Потеря 90 человѣкъ хорошо обученнаго спеціальнаго оружія весьма чувствительна; въ особенности горестно, если это случается безъ пользы и безъ нужды.

Что дѣлалъ нашъ стрѣлковый, хорошо обученный баталіонъ? вооруженный штуцерами, онъ могъ быть полезенъ.

Какъ онъ былъ употребленъ? Увы,—вовсе не по назначенію своему; стоялъ на лѣвомъ флангѣ линіи, гдѣ никого не было, вмѣсто того, чтобъ первоначально быть сзади, а потомъ, при надобности развернуть роты двѣ передъ правымъ флангомъ, усилить ихъ остальными. При такомъ размѣщеніи, т. е. саперъ въ резервѣ, а стрѣлковаго баталіона на правомъ флангѣ линіи, наша потеря не была бы такъ значительна, и подъ конецъ дѣла можно бы было двинуть, куда потребуется, изъ резерва цѣлый карабинерный баталіонъ при 8-ми легкихъ орудіяхъ.

Донской казачій полкъ, охранявшій съ самаго начала тылъ резерва, вовсе не былъ въ дѣлѣ. Когда кавалерійскія атаки были отбиты, онъ потерялъ и надежду подраться; когда же непріятель былъ опрокинутъ и все двинулось впередъ, о немъ забыли, и онъ остался на мѣстѣ.

Отчего нельзя было преслѣдовать непріятеля? Оттого, что 6 эскадроновъ драгунъ и три сотни линейскихъ казаковъ самовольно были оставлены назади, а о 6-ти сотняхъ Донского полка забыли. А вѣдь это 1500 чел. славной кавалеріи, изъ коихъ половина свѣжая, не бывшая въ дѣлѣ.

Хотя разгромъ турецкой арміи былъ великъ, но что бы осталось отъ нея, еслибы отъ турецкаго лагеря пустить 10 эскадроновъ драгунъ версты на три, а 15 сотень казаковъ на волю? двумъ пѣхотнымъ баталіонамъ остаться съ легкой № 1 батареею ночевать у с. Суботанъ, а прочимъ войскамъ уйти къ с. Огузлы. Чтобы было бы съ бѣгущею турецкою арміею?

Но и половинный успѣхъ такъ обрадовалъ, что забыли правило: ничего не сдѣлано, если еще остается что дѣлать, или, лучше, забыли русское—бей до конца!

Оправданіе всѣхъ этихъ ошибокъ въ одной строкѣ: насъ было 7600 противу слишкомъ 35000 турокъ!

Книжники, теоретики простите насъ, что мы сдѣлали нѣсколько ошибокъ.

12-го ноября утромъ дали знать начальнику артилеріи, что командующій корпусомъ проситъ его къ себѣ въ 12 часовъ. Прійдя на квартиру князя, онъ засталъ въ первой комнатѣ всѣхъ генераловъ, состоявшихъ въ отрядѣ, и трехъ полковниковъ (не называю ихъ поименно). Догадавшись, что это что-то вродѣ военнаго совѣта, онъ подумалъ себѣ: дѣло плохо, если самъ начальникъ недоумѣваетъ, какъ поступить; а дѣло-то простое. Входитъ князь и проситъ всѣхъ къ себѣ въ кабинетъ. Усѣлись: г. командующій корпусомъ за длиннымъ письменнымъ столомъ, начальникъ артилеріи по другую сторону стола, а всѣ прочіе—кружкомъ отъ него къ князю.

— Я вамъ хочу объяснить, въ какихъ обстоятельствахъ мы находимся—началъ кн. Бебутовъ—и силы, которыя мы можемъ противупоставить непріятелю.

Послѣ того, изложивъ на какихъ пунктахъ турецкой границы сколько поставлено войскъ, онъ присовокупилъ: „изъ чего видите, что болѣе войскъ собрать нельзя было, и что на нашъ отрядъ, который сильнѣе прочихъ, вся надежда Грузіи,“ и заключилъ такъ: „Сегодня придетъ послѣднее подкрѣпленіе, нами ожидаемое—донской казачій полкъ. Теперь я спрашиваю васъ, слѣдуетъ ли намъ, несмотря на нашу малочисленность, атаковать непріятеля, и какимъ образомъ это сдѣлать?“

— Какъ всѣ войска пришли и мы болѣе никого не ожидаемъ, то, конечно, намъ надо идти и разбить турокъ, сказалъ начальникъ артилеріи.

Тутъ пошелъ говоръ, который трудно передать въ порядкѣ. Говорили поодиночкѣ, говорили вмѣстѣ; вотъ фразы, которыя почитались убѣдительными: „турки не то, чѣмъ были въ прошлую кампанію—это регулярное, хорошо обученное войско“... „надобно прежде осмотрѣть ихъ позицію, непремѣнно прежде сдѣлать рекогносцировку“... „надо идти на Хорумъ и оттуда горами приблизиться и осмотрѣть ихъ“... „лучше перей-

ти у карантина Арпачай и съ той стороны осмотрѣть“... и пр., и пр.

Начальникъ артилеріи молчалъ; но когда стали говорить о рекогносцировкахъ, онъ не вытерпѣлъ.

— Никакихъ рекогносцировокъ не надобно; изъ нихъ мы только увидимъ, что турки сильнѣе насъ; надо идти смѣло, прямо на нихъ. Я подведу артилерію подъ носъ къ нимъ, разстрою ихъ и—не думая нисколько, колоннамъ идти на батареи въ штыки.

Одинъ голосъ: „нельзя же наобумъ, безъ рекогносцировки идти!“ Пѣхотный храбрый генералъ, молодой, но совершенно неопытный: „да кто же пойдетъ въ штыки?“

— Вы, возразилъ начальникъ артилеріи.

Въ простотѣ души своей онъ не понялъ сдѣланнаго ему комплимента и обидѣлся. Тутъ опять всѣ вмѣстѣ стали говорить, всякій защищая свое мнѣніе. Начальникъ артилеріи, видя, что командующій корпусомъ оставляетъ разгораться сумятохѣ и ни къ чему не ведущему говору, громко сказалъ слѣдующее:

— Господа, прошу васъ позволить сказать мнѣ одно слово!

Всѣ умолкли.

— Его сіятельство г. командующій корпусомъ изложилъ намъ ясно недостаточность силъ нашихъ въ теперешнихъ военныхъ обстоятельствахъ, что намъ неоткуда ждать вспоможеній и что надежда Грузіи на насъ однихъ. Прошу васъ дозволить мнѣ изложить передъ вами нравственную сторону вопроса. Русскіе не терпятъ непріятеля на своей землѣ. Безъ объявленія войны турки перешли границу, начали грабить жителей, отгонять скотъ и уводить въ плѣнъ мужчинъ и женщинъ. Влѣво армянское народонаселеніе молитъ о помощи, вправо—русскіе соотчичи наши, поселенные на самомъ рубежѣ, ограблены; избитые бѣгутъ подъ защиту крѣпости, умоляя о помощи, прося возвращенія женъ и дѣтей изъ плѣна.

Больно намъ было видѣть это, но мы не были въ силахъ и, скрѣпя сердце, должны были терпѣть двѣ недѣли безчинства турокъ на нашей землѣ. Теперь пришелъ послѣдній полкъ, котораго ожидали; болѣе ждать нѣчего—надобно идти и разбить турокъ. Для этого мы довольно сильны, сколько бы ихъ ни было; войско ихъ сдѣлалось регулярнымъ, но духъ все тотъ же. Безъ рекогносцировокъ идти прямо на нихъ, взять быка за рога, порусски—и мы побьемъ ихъ въ пухъ! Это мое мнѣніе, и я увѣренъ, что всѣ вы, господа, согласны со мною!

Едва кончилъ начальникъ артилеріи, какъ г. командующій корпусомъ, смотрѣвшій во время рѣчи на него съ какимъ-то удивленнымъ видомъ, сказалъ: „Теперь позвольте мнѣ прочесть вамъ нѣсколько словъ изъ письма ко мнѣ г. главнокомандующаго.“ И отыскавъ въ портфелѣ письмо, прочелъ: „Какъ теперь все, что можно было къ вамъ прислать, собралось, я увѣренъ, что мы скоро услышимъ, что вы побили турокъ.“

— Этимъ бы надобно начать, ваше сіятельство. Когда главнокомандующій приказываетъ, разсуждать нечего, сказалъ начальникъ артилеріи и всталъ со стула; за нимъ поднялись всѣ и обступили князя.

Слѣдуетъ замѣтить, что начальникъ артилеріи подалъ голосъ, чтобъ изъ сапернаго баталіона взять съ собой только одну роту; прочія же три оставить въ Александрополѣ при части обоза, оставляемой отъ всѣхъ войскъ; но изъ угожденія къ начальнику инженеровъ взятъ весь баталіонъ.

Какъ назвать это собраніе? Военнымъ совѣтомъ. Зачѣмъ было собирать его, и всѣхъ безъ разбора? Не доказываетъ ли это недоумѣніе начальника, который хотѣлъ опереться на мнѣніе всѣхъ, чтобъ атаковать или неатаковать турокъ? А этотъ говоръ, это пестрое разсужденіе о силахъ турокъ не доказы-

ваетъ ли, что недоумѣніе начальника было раздѣляемо многими старшими лицами. Одно лицо говорившее и трое молчавшихъ протестовали.

Въ сѣняхъ, когда надѣвали шинели, г.-м. Багговутъ сказалъ начальнику артилеріи, что онъ говорилъ дѣльно. „Да вѣдь я высказалъ только ваши чувства, господа—подраться-то всѣмъ хочется,“ отвѣчалъ онъ, смѣясь.

Надобно прибавить къ этому разсказу, что всѣ господа, бывшіе въ совѣтѣ, числомъ 12, люди храбрые, начальникъ инженеровъ и начальникъ штаба къ тому еще люди прямые, честные и съ достоинствами, но вообще всѣ совершенно неопытные, не видѣвшіе большой войны; одинъ только начальникъ кавалеріи былъ въ польской кампаніи поручикомъ, а въ венгерской хоть и бригаднымъ командиромъ, да къ храбрости не присоединялъ другихъ военныхъ достоинствъ, и потому гдѣ говорили, тамъ онъ обыкновенно молчалъ. Къ тому же другъ друга не знали, что отъ кого ожидать можно въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились. Необходимо было сраженіе, чтобы сплотить насъ, и башъ-кадыклярская битва сдѣлала изъ разномыслящихъ одну семью!

Покуда ставили лагерь у Башъ-Шурагеля, мы переѣхали Арпачай въ бродъ и осмотрѣли баяндурскій лагерь турокъ. Видно было по прямымъ линіямъ, гдѣ стояли ихъ регулярныя войска. На возвышенности былъ сдѣланъ четырехугольный окопъ, нетщательно отдѣланный, съ узкимъ, въ 4 аршина глубиною рвомъ; въ брустверѣ, коего крона обвалилась, были мѣста для 12-ти орудій. Уцѣлѣвшій отъ раззоренія домъ казачьяго поста былъ занимаемъ Абди-пашою. Любопытнаго было немного; мы отправились обратно въ лагерь.

19-го числа, когда войска выступили, прискакалъ изъ Александрополя кн. Илья Орбеліанъ, командиръ гренадерскаго полка, остававшійся тамъ по дѣламъ. Услыша ночью о выступленіи отряда, онъ пожелалъ comme de raison быть въ дѣлѣ съ полкомъ. Съ нимъ пріѣхали и два офицера генеральнаго штаба—подполковникъ Колодѣевъ и капитанъ Чижиковъ, офицеръ дѣльный, умершій въ 1854 году отъ сильной раны, полученной въ сраженіи при р. Чолокѣ, въ Гуріи, 4-го іюня.

Когда войска остановились, всѣ начальники обступили князя, и начались распоряженія, какъ и гдѣ кому быть. Начальникъ артилеріи и нѣсколько артилерійскихъ офицеровъ смотрѣли на мѣсто, гдѣ стояла турецкая батарея, стараясь опредѣлить число орудій. Рѣшили, что тамъ ихъ около двадцати, и не ошиблись. Тутъ же начальникъ артилеріи сказалъ, что ключъ позиціи—с. Огузлы; его надобно взять, а потомъ идти прямо на батарею.

Когда батареи и баталіоны первой линіи стали на свои мѣста, а прочія войска начали расходиться, начальникъ артилеріи выѣхалъ передъ фронтъ и приказалъ батареямъ спускаться въ долину. Вся линія тронулась. Г.-м. Кишинскій подъѣзжаетъ къ нему и говоритъ: „Ваше превосходительство, зачѣмъ мы оставили это возвышеніе—позиція тутъ славная!“ Тотъ, смѣясь, отвѣчалъ ему: „мало ли хорошихъ позицій; мы не стоять пришли, а бить турокъ!“

Когда батарейная № 2 батарея снялась съ передковъ, начальникъ артилеріи проѣхалъ по фронту и просилъ хорошенько мѣтить въ верхъ возвышенности, хотя рѣдкое непріятельское орудіе было видно; потомъ онъ слѣзъ съ лошади, ходилъ по орудіямъ и присматривалъ, порядкомъ ли носятъ заряды, похвалилъ капитана Иващенко за мѣткіе выстрѣлы, пущен-

ные въ пѣхоту, и приказалъ ему слѣзть съ лошади; потомъ призвалъ къ себѣ адъютанта своего капитана Тальгрена и сказалъ ему: „поѣзжайте сейчасъ къ князю и скажите ему отъ меня, что медлить нечего, а то будетъ напрасная трата людей; чтобъ тотчасъ—колонны въ штыки на батарею, а то, видите, уже турецкіе баталіоны подвигаются по оврагу къ нашему правому флангу. Я останусь здѣсь; поѣзжайте и скажите, чтобъ тотчасъ шли въ штыки. Одному ему. Vous m'entendez?“ Адъютантъ сѣлъ верхомъ и поскакалъ. Вдругъ начальникъ артилеріи вспомнилъ, что порученіе, данное имъ адъютанту, можетъ быть дурно принято, и поѣхалъ самъ къ князю. Отъѣхавъ отъ батареи, онъ увидѣлъ своего адъютанта, скачущаго обратно къ батареѣ; онъ хотѣлъ послать за нимъ ординарца, но подумалъ, что на этомъ пространствѣ могутъ убить его; лучше пусть самъ вернется. Кто знаетъ, можетъ быть, такія безсознательныя рѣшенія часто бываютъ спасительны. Подъѣхавъ къ князю, онъ прежде всего спросилъ:

— Ваше сіятельство, былъ у васъ мой адъютантъ?

— Да. Пошлите тотчасъ колонны на батарею; тутъ медлить нечего.

Въ это время подъѣхалъ начальникъ штаба.

— Кого же послать?

Начальникъ артилеріи повторилъ при начальникѣ штаба свое предположеніе; тотъ отвѣчалъ:

— Можно гренадерскую бригаду.

— Конечно, гренадеръ, сказалъ начальникъ артилеріи.

— Куда же послать? спросилъ князь.

— Прямо на батарею.

— Да тамъ оврагъ.

— Что за бѣда—сказалъ начальникъ артилеріи—да и что за оврагъ!

Когда всѣ стояли на возвышеніи и смотрѣли на обходное движеніе турецкаго штуцерного баталіона, къ начальнику артилеріи подъѣзжаетъ начальникъ инженеровъ и спрашиваетъ понѣмецки:

— Зачѣмъ войска наши стоятъ отдѣльными кучами и зачѣмъ пространство отъ возвышеній, гдѣ непріятельская батарея, къ лѣвому флангу линіи не занято нами? кавалерія можетъ проскакать прямо къ намъ.

— Пускай скачетъ мимо батареи; впрочемъ, теперь не разсуждать, а дѣйствовать надобно; я занятъ.

Ничего не подозрѣвая, начальникъ артилеріи нажилъ себѣ недоброжелателя. Впрочемъ, методизмъ теоретика, любившаго рекогносцировки, никогда не согласовался съ пылкимъ, практическимъ дѣйствіемъ артилерійскаго генерала, заклятаго врага всякого многословія.

Глядя на отличный, непрерывавшійся огонь низама, начальникъ артилеріи говоритъ князю: „хоть бы нашему гвардейскому егерскому полку такъ стрѣлять.“ Въ это время вся линія низамовъ подвигается впередъ. Не говоря ни слова, онъ ударилъ лошадь и поскакалъ къ линіи; одна мысль была у него въ головѣ—умру на батареѣ, но ни шагу назадъ! На батареѣ онъ видитъ г.-м. Кишинскаго.

— Что стоите? впередъ на нихъ!

— Какъ можно! Посмотрите, насъ обходятъ справа; вотъ, посмотрите, грузинцы бѣгутъ, вонъ ужъ гдѣ турки.

Онъ показалъ на высоту.

— Это наши карабинеры, возражаетъ ген. Бриммеръ, ѣдетъ къ четыремъ орудіямъ праваго фланга и видитъ, что 300 курдовъ скачутъ на линію.

Поставивъ батарейную батарею, начальникъ артилеріи

спросилъ, нѣтъ ли у кого воды напиться? Ординарецъ отвѣчалъ, что есть вино.—„Воды!“ Воды не оказалось ни у кого. Въ оврагѣ, куда онъ поѣхалъ, на встрѣчу ему идетъ горнистъ.—„В. п., вотъ вода, напейтесь!“ и подаетъ ему горнъ. Съ жадностью напившись, ибо горло засохло, онъ съ искреннею благодарностью сказалъ: „Спасибо, братъ!“—На здоровье, в. п.; вишь, вы устали какъ!

Проѣзжая оврагъ, онъ видѣлъ много наваленыхъ турокъ. Два раненые офицера сидѣли; къ одному подходилъ ширванецъ, но начальникъ артилеріи приказалъ ему идти своею дорогою. Нагнавъ офицера съ нѣсколькими солдатами, онъ приказалъ прибрать раненыхъ турецкихъ офицеровъ. Не знаю точно, но, кажется, это были тѣ два офицера, которые одни оказались въ числѣ 20-ти плѣнныхъ, ибо въ плѣнъ вовсе не брали, но крѣпко кололи.

Когда кто-то замѣтилъ, что онъ видѣлъ кн. Чавчавадзе назади близъ перевязочнаго пункта, начальникъ артилеріи сказалъ: „какъ это можетъ быть? какъ вамъ не грѣхъ говорить, что кн. Чавчавадзе остался за три версты назади, когда всѣ войска идутъ впередъ и когда именно надобна кавалерія для преслѣдованія?“ Въ этихъ разговорахъ прошло болѣе четверти часа, какъ подъѣхали слѣва два конныхъ орудія есаула Кульгачева и начали стрѣлять по лагерю. Начальникъ артилеріи послалъ ему сказать, чтобъ не дурилъ и не тратилъ попусту зарядовъ, а, увидавъ его, сдѣлалъ выговоръ.

Начальнику артилеріи весьма пріятно было услышать привѣтствіе всѣми уважаемаго г.-м. Индреніуса. Когда первый слѣзъ съ коня, Борисъ Эмануиловичъ, показывавшій гдѣ разбивать палатки штаба, возвратился уже назадъ. Они встрѣтились, поздравили искренно другъ друга съ побѣдою,

какъ люди, понимающіе всю важность разгрома турокъ, и поцѣловались. Начальникъ штаба сказалъ при этомъ, съ чувствомъ взявъ начальника артилеріи за обѣ руки: „ну, в. п., если мнѣ придется впередъ давать кому совѣтъ въ дѣлѣ съ турками или самому командовать, я припомню васъ—прямо на батарею!“

— Меньше потери и скорѣе кончимъ, отвѣчалъ, улыбаясь, начальникъ артилеріи.

Когда поставили палатки и самовары закипѣли, начальникъ артилеріи спросилъ деньщика своего, Петрушку, нѣтъ ли шампанскаго въ ящикѣ? Онъ вошелъ къ кн. Бебутову въ палатку, налилъ стаканъ и, подавая его, поздравилъ съ побѣдой.—„Наливай и себѣ, иначе не выпью!“ Они поцѣловались, и князь сказалъ: „душевно благодарю тебя.“ Казалось, слова эти, сказанныя съ чувствомъ, были искренни. Потомъ, подойдя къ палаткѣ начальника штаба и не отдернувъ еще полы ея, онъ налилъ стаканъ и сказалъ: „надо выпить за здоровье одного изъ виновниковъ побѣды!“ Борисъ Эмануиловичъ отдернулъ полы, и начальникъ артилеріи увидѣлъ лежащаго на землѣ г.-м. Багговута. Налили стаканы и поздравили другъ друга.

Офицеры, состоявшіе при начальникѣ артилеріи, хлопотали около чайнаго прибора. Тутъ были: капитанъ Тальгренъ личный адъютантъ его, поручикъ Ходневъ старшій адъютантъ управленія и штабсъ-капитанъ Добровольскій, состоявшій по особымъ порученіямъ. Генералъ налилъ имъ шампанскаго, поздравилъ и поцѣловалъ каждаго; потомъ пили чай передъ палаткою—начальникъ артилеріи, сидя на барабанѣ, молодежь, лежа на землѣ—и въ веселыхъ разсказахъ, глядя на привозимые отовсюду трофеи, провели часъ времени, конечно, одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ жизни.

У насъ, кромѣ сухарей, не было ничего, а говоръ и шумъ продолжались всю длинную ноябрьскую ночь. Всѣ были довольны, радость была общая; и было чему радоваться! Послѣ этого глупаго Баяндура—великолѣпный Башъ-Кадыкляръ! Небо было звѣздно, но вечеръ темный. Начальникъ артилеріи послѣ чая пошелъ съ однимъ изъ офицеровъ по батареямъ, часто натыкался на убитыхъ турокъ и, обходя костры, у которыхъ сидѣли солдаты, разговаривалъ съ артилеристами. У многихъ солдатъ были турецкія шинели, они смѣялись, что эти шинели узки, коротки и не грѣютъ, какъ наши. У батареи № 5 онъ встрѣтилъ г.-м. Кишинскаго. Поздравивъ его съ побѣдою и поцѣловавшись, онъ шеннулъ ему на ухо: „Въ нужномъ случаѣ надо быть рѣшительнѣе!“ Теперь не то, что въ военномъ совѣтѣ—онъ не обидѣлся, но сказалъ: „Точно, в. п.!“ Послѣ, въ Александрополѣ, полковникъ Лагода въ разговорѣ съ начальникомъ артилеріи сказалъ ему, что слышалъ то же самое отъ Кишинскаго.

На другой день, 20-го числа, праздновался день вступленія на престолъ Государя. Былъ парадъ и молебствіе. Армянское духовенство изъ ближнихъ селеній пришло присутствовать при священнодѣйствіи. Нравственное униженіе народа видимо отражалось въ полиняломъ, оборванномъ облаченіи этого духовенства.

Весь день собирали трофеи передъ палатку князя; было 24 орудія, 15 четырехколесныхъ ящиковъ съ 72-мя лошадьми въ упряжи, много знаменъ, штандартъ, музыки, ружья. Штуцера всѣ разошлись по рукамъ; можно было купить за 5 руб. штуцеръ. Между орудіями, нерѣдко забрызганными кровью, была 3-хъ-фунтовая пушка на красномъ лафетѣ, подаренная султаномъ въ знакъ благоволенія анатолійской арміи. Къ сожалѣнію, честь не знакома туркамъ и регулярство не передало

имъ нравственнаго достоинства воина, а потому непонятны турецкой арміи такіе подарки!

Какъ нехорошо, что люди бываютъ упрямы въ своихъ мнѣніяхъ, несмотря на то, что умомъ своимъ видятъ нехорошую сторону. Мы просили князя послать тотчасъ по окончаніи сраженія краткое извѣстіе въ Тифлисъ о немъ, а потомъ, черезъ нѣсколько дней, обстоятельное донесеніе, оба съ нарочными курьерами. Нѣтъ, сталъ на своемъ: „зачѣмъ такъ скоро посылать? завтра напишемъ обстоятельно да и пошлемъ; одного довольно.“ Такъ и сдѣлали. Чтожъ вышло? Въ Тифлисѣ узнали прежде прибытія курьера—Богъ знаетъ, какъ вѣсти заносятся вѣтромъ—что было сраженіе, и вообразите безпокойство всѣхъ ближнихъ! Моя жена день, другой ходила встревоженная, покуда 23-го, въ обѣдъ, не пріѣхалъ курьеръ, флигель-адъютантъ капитанъ Скобелевъ, и не узнали истину.

Только 21-го вспомнили, что не худо послать кавалерію по карсской дорогѣ пособрать въ окружности, что непріятель бросилъ, и оглядѣться кругомъ. На жительскихъ арбахъ привезли много артилерійскихъ запасовъ; много пороху, найденнаго разбросаннымъ по разнымъ направленіямъ, сожгли.

Узнавъ, что князь Бебутовъ затрудняется перевезти въ Александрополь раненыхъ, орудія, ящики и все забранное имущество, начальникъ артилеріи рѣшилъ облегчить его заботы, принявъ на себя перевозку всѣхъ трофей и всего, касающагося артилеріи. По просьбѣ его, всѣ лошади и всѣ повозки, какія только можно было достать въ батарейной № 1 батареѣ, остававшейся въ крѣпости, прибыли 21-го вечеромъ и перевезли все артилерійское. Князь былъ очень доволенъ.

22-го, пообѣдавъ, мы выступили обратно изъ нашего веселаго лагеря и пришли на ночлегъ въ Тихнисъ. 23-го въ полдень мы переходили Арпачай близъ карантина. Множе-

ство народа изъ города и окрестностей встрѣтили побѣдителей. Войска шли въ стройномъ порядкѣ: впереди сотня линейскихъ казаковъ, потомъ дивизіонъ драгунъ-пикинеровъ съ флюгерами, за нимъ тянулись длиннымъ рядомъ трофеи. Говоръ, крикъ, восклицанія и радость жителей были неописанны. Когда шествіе тронулось отъ карантина, съ крѣпости начали стрѣлять и ударили въ колокола. За трофеями ѣхалъ командующій корпусомъ со штабомъ. У горы встрѣтило насъ армянское духовенство съ образами и хоругвями. Народъ снималъ шапки, кланялся, кричалъ „ура,“ бросалъ шапки вверхъ; многіе прыгали отъ радости. А съ крѣпостныхъ валовъ гулъ орудій какъ бы поддерживалъ ликованіе.

Какъ общая народная радость потрясаетъ душу, какъ пріятны заслуженныя изъявленія уваженія, какъ упоительна должна быть народная любовь! У дверей крѣпостной церкви слѣзли съ коней, отслужили молебствіе, и князь пошелъ тотчасъ въ госпиталь.

Госпиталь! Поэзія тріумфа остается у дверей, человѣчество вступаетъ въ права свои! Прежде чѣмъ искать почестей, славы и народныхъ привѣтствій, не дурно бы побывать въ огромномъ госпиталѣ на другой день послѣ жаркаго, упорнаго сраженія. Всѣ палаты наполнены ранеными, во всѣхъ коридорахъ на полу лежатъ вчера еще бодрые и веселые, сегодня слабые, истекшіе кровью воины, съ нетерпѣніемъ ожидающіе очереди быть вновь перевязанными. Вновь! Многихъ еще медикъ не осматривалъ, и только засаленный платокъ товарища удерживаетъ запекшуюся кровь. Въ каждой палатѣ вы видите медиковъ, усердно перевязывающихъ раны, заботливыхъ фельдшеровъ и суетящуюся прислугу. Вездѣ кровь, тазы, бинты, корпія; почасту видишь разложенные инструменты, а въ дверяхъ столкнешься съ прислужникомъ, несущимъ отнятую руку. Воздухъ густой, тяжелый отъ болѣзненнаго дыханія, вредныхъ испареній и тѣсноты. Конечно, на-

чальство позаботится, чтобъ госпиталь не оставался продолжительное время въ такомъ состояніи. Больныхъ размѣстятъ просторно, палаты провѣтрятъ, нашлютъ медиковъ, фельдшеровъ, прислугу, добудутъ все, что надобно; и когда все это одѣнется въ лазаретные халаты, въ опрятно содержимыхъ комнатахъ страданія ратныхъ товарищей вашихъ не будутъ рѣзко поражать васъ; но походите по госпиталю послѣ упорнаго сраженія—и плачевная картина человѣческихъ страданій надолго врѣжется въ память и, можетъ быть, будетъ поучительна для васъ.

Войдя съ адъютантомъ въ квартиру, я, не раздѣваясь, сѣлъ въ кресло. Какое наслажденіе сидѣть! Припомните, что мы пять дней не сидѣли: или верхомъ, или на ногахъ, или набоку. Какъ пріятно сидѣть!

Многіе господа начали уѣзжать изъ отряда въ Тифлисъ; но, убѣдивъ командующаго корпусомъ притянуть осадную артилерію изъ Эривани въ Александрополь, я хотѣлъ ее дождаться; кромѣ того, желательно было лично поздравить князя съ Георгіемъ 2-го класса, котораго курьеръ, безъ сомнѣнія, не преминетъ привезти.

Въ это время, въ длинные вечера, я написалъ подъ вліяніемъ славной побѣды товарищу письмо, гдѣ подробно и немного поэтически описалъ башъ-кадыклярское дѣло.

А для меня это былъ урокъ, вотъ какимъ образомъ сказавшійся. Когда увидѣли, что я всѣхъ хвалю, кромѣ себѣ, то при представленіи къ Георгію 3-го класса, меня, конечно немножко со стыдомъ, забыли. А надобно сказать, что въ первый моментъ, когда чувство сознанія еще не остыло, начальнику артилеріи отдавали справедливость, такъ что, конечно съ вѣдома командующаго корпусомъ, адъютантъ его маіоръ Александровскій [10]) на другой день послѣ битвы подошелъ ко мнѣ и, разговаривая, спросилъ, какую бы награду мнѣ пріят-

[10]) Офицеръ, давно мнѣ знакомый, бывшій адъютантомъ у тестя моего.

но получить за это сраженіе? Я отвѣчалъ, что въ службѣ никогда о наградахъ не думалъ, что начальникъ знаетъ, что̀ кому дать, но что если я заслужилъ Георгія 3-й ст., то считаю это лучшею наградою.“ Этотъ адъютантъ былъ довѣренный человѣкъ князя и прекрасный, благородный офицеръ.

Недѣли черезъ двѣ пришелъ въ отрядъ приказъ г. главнокомандующаго, въ которомъ сказано было: когда наши пошли на батарею, то кавалерія праваго фланга бросилась на турокъ, погнала ихъ, и оба наши фланга охватили непріятеля; тогда центръ его, не видя возможности держаться, отошелъ... т. е. что мы въ числѣ 7600 человѣкъ окружили 35-ти-тысячную непріятельскую армію! Хитро, нечего сказать! Но нашъ кн. М. С. Воронцовъ старался выставлять только грузинъ, нисколько не безпокоясь о справедливости; вѣдь не постыдился же русскій вельможа громко сказать, *что русскіе для него только орудіе въ этой странѣ!*

Когда кн. Бебутовъ прочелъ этотъ приказъ, тонкій, уклончивый человѣкъ тотчасъ смекнулъ, кого надобно представить къ Георгію 3-й ст. Такъ и сдѣлалъ. И я полагаю, очень и очень раскаивался, что въ донесеніи своемъ написалъ во главѣ всѣхъ начальниковъ, что обязанъ побѣдою особенной распорядительности и воинской отважности начальника артилеріи генералъ-маіора Бриммера, а тамъ и о прочихъ.

...„30-го ноября пріѣхалъ первый послѣ нашей побѣды курьеръ изъ Тифлиса и привезъ мнѣ письмо отъ тебя, въ которомъ ты вложила записку княгини Воронцовой, увѣдомлявшей тебя о побѣдѣ: „Votre mari était admirable!“ Ну, admirable не admirable, а дѣло свое я дѣлалъ.

20-го декабря пріѣхалъ курьеръ изъ Петербурга и привезъ кн. Бебутову Георгія 2-го класса; а меня и г.-м. Баг-

говута Государь произвелъ въ генералъ-лейтенанты, безъ представленія, по реляціи. 21-го мая обѣдали у командующаго корпусомъ, а 22-го пришла изъ Эривани осадная артилерія.

Того же числа я выѣхалъ въ Тифлисъ съ адъютантомъ моимъ и поздно вечеромъ пріѣхалъ въ Джелалъ-оглы. 23-го, выѣхавъ изъ Каменки послѣ завтрака, мы прибыли въ Шулаверы въ 5 часовъ вечера, и такъ какъ ночи были лунныя, то отправились далѣе, полагая дотащиться хоть ночью до Тифлиса; но мнѣ рѣдко удается то, чего желаю. Спускаясь съ малой возвышенности, саженяхъ въ 100 отъ р. Храмъ, колесо коляски попало въ глубокую колею, лошади рванули—и колесо вдребезги. Легко сказать—колесо сломалось—да какъ помочь? Было 7 часовъ вечера, въ декабрѣ, слѣдственно ночь, въ сторонкѣ, гдѣ не только не найдешь колеса для желѣзной оси, но и простого повозочнаго не легко добыть. Однако, съ помощью Божіею добыли. Отчаяваться въ жизни никогда не надобно: подумай и опять подумай; не беретъ—помолись, и всякую бѣду съ плечъ свалишь.

Вылѣзли мы изъ коляски и стоимъ втроемъ около сломаннаго колеса—я, адъютантъ мой и деньщикъ Петрушка, все люди неглупые, но въ эту минуту очень похожіе на ротозѣевъ: стоимъ, глядимъ, а выдумать ничего не можемъ. Сзади—горы и армянская деревня, въ которой, кромѣ воловьихъ аробъ, экипажей не знаютъ; подъ носомъ—широкая рѣка Храмъ, а отъ нея до ст. Коды 20 верстъ. Кругомъ вспаханныя поля, что глазъ видитъ. Тутъ и днемъ не сыщешь, чего надо, а то въ декабрьскую ночь!...

— Петрушка, ставь самоваръ; будемъ чай пить, авось, надумаемся! Отпрягай лошадей; ищите корму, ребята!

Подлѣ Храма былъ духанъ и при немъ стожокъ сѣна. Хорошо, доброе начало.

Чай! благодѣтель потребляющихъ тебя! Въ особенности военные люди съ признательностью любятъ чай, потому что

чаще другихъ бываютъ въ непогодѣ и непріятностяхъ, гдѣ ты единый утѣшитель. Кипитъ самоваръ! ай да Петрушка, молодецъ! Скатерть разостлана; Тальгренъ и я вынимаемъ изъ погребца чайникъ, стаканы и прочая,—и вотъ, первый глотокъ ароматическаго питья согрѣлъ и надоумилъ, что дѣлать.

Дня за три до отъѣзда я отправилъ писарей моего управленія съ верховыми лошадьми изъ Александрополя въ Тифлисъ. Въ Шулаверахъ сказали намъ люди, бывшіе при подставныхъ лошадяхъ, что они будутъ сегодня ночевать на р. Алгеткѣ, слѣдственно на половинѣ дороги до ст. Коды. Тотчасъ написана записка къ одному изъ писарей, чтобъ скакалъ въ Коды и привелъ лошадей, а на перекладной привезъ колесо съ осью; если же тамъ будетъ неудача, то дать отъ повозки своей колесо съ осью. Кучера послали за арбою назадъ въ Шулаверы, чтобы облегчить клажу. Сдѣлавши эти распоряженія, мы еще съ большимъ удовольствіемъ продолжали пить чай; потомъ Тальгренъ улегся на коврѣ, а я въ коляскѣ, чтобы заснуть. Онъ, человѣкъ молодой, скоро уснулъ, а я промечталъ всю ночь. Въ часъ ночи, видя, что товарищъ мой поворачивается, вѣроятно отъ холода, потому что и мнѣ, хоть въ шубѣ, да не было тепло, я опять попросилъ поставить самоваръ, и опять принялись за чай. Въ 4 часа пріѣзжаетъ арба изъ Шулаверъ, а вскорѣ видимъ человѣка три верхомъ переправляются черезъ рѣку; это былъ посланный нашъ и два писаря, съ колесомъ на оси. Дѣло не легкое приспособить и привязать деревянную ось подъ желѣзную; но наконецъ къ 7-ми часамъ утра все было готово, и мы со страхомъ пополамъ, чтобъ работа наша не рушилась при переѣздѣ черезъ Храмъ, пустились въ дорогу. Оказалось, что работа была крѣпка и дозволяла иногда ѣхать рысью. Въ 11 часовъ пріѣхали въ Коды. Записка съ нарочнымъ казакомъ отправлена въ Тифлисъ, чтобъ прислали лошадей и колесо; деревянное же съ осью отправили назадъ къ писарямъ, взяли

двѣ перекладныхъ—и въ 5 часовъ вечера, въ сочельникъ, когда зажигали елку, я слѣзъ передъ своимъ крыльцомъ съ тряской повозченки и обнялъ жену.

XXI.

НЮРЮНЪ-ДАРА, 24-го іюля 1854 ГОДА.

Въ первыхъ числахъ апрѣля начальникъ артилеріи пріѣхалъ въ Александрополь. Всѣ войска были еще по квартирамъ. Въ апрѣлѣ же начали приходить войска изнутри Россіи—18-я пѣхотная дивизія и два драгунскихъ полка, №№ 4 и 8. Эта часть войскъ, находясь полгода въ походѣ, сдѣлавъ трудный зимній походъ и перейдя въ самое дурное время кавказскій хребетъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, была однакожъ въ удовлетворительномъ состояніи при вступленіи въ Александрополь. Движеніе и вообще всякая нужная работа поддерживаетъ человѣка; но по окончаніи изнурительнаго дѣла, гдѣ всѣ силы человѣка напряжены, безусловный отдыхъ бываетъ вреденъ. Войска начали болѣть, но принятыя мѣры заботливымъ начальствомъ насколько можно было прекратили послѣдствія изнурительнаго похода.

Въ началѣ мая войска стали стягиваться къ Александрополю, расположились лагеремъ и съ нетерпѣніемъ ждали минуты выступленія. Въ концѣ мѣсяца пріѣхалъ къ отряду князь Барятинскій, назначенный помощникомъ командующаго корпусомъ.

Вотъ уже снѣгъ сошелъ, по оврагамъ вездѣ показалась травка, кажется, пора бы въ походъ—а мы стоимъ. Вотъ изъ-за Арпачая возятъ вьюки съ травой и май прошелъ—мы все стоимъ! Ужъ всѣмъ стало скучно ждать, и причинъ мед-

ленности не пріищемъ. Наконецъ выступили 15-го іюня за Арпачай, верстахъ въ 4-хъ выстроили каре, отслужили молебенъ, отслушали спичъ, священникъ окропилъ всѣхъ святою водою, музыка заиграла—и потянулись мы длинной вереницей на первый лагерь. Ну ужъ лагерь! встали да сплотились, точно македонская фаланга. На другой день пошли въ Кизилъ-Чахчахъ. Вотъ тутъ-то, думаю, станемъ порядочно—и воды вдоволь, и холмы, и поляна. Куда тамъ! раскинулись, точно цыганскій таборъ. Стоимъ мы дней восемь, а турки къ Хаджи-Вали стягиваютъ всѣ свои силы, отъ насъ всего верстъ 25. А мы стоимъ да думаемъ, что дѣлать? Наконецъ тронулись, сдѣлали 8 верстъ, стали у раззоренной д. Кюрюкъ-Дара и пустили тутъ корни. На этомъ переходѣ пошелъ такой большой градъ, что пробивалъ у драгунъ каски.

Слышимъ, къ туркамъ приходятъ войска. Лазутчики говорятъ, что ихъ до 50-ти тысячъ и до 100 орудій, что пріѣхалъ новый муширъ, что у нихъ очень много европейцевъ, что они укрѣпляютъ лагерь въ Хаджи-Вали. Однимъ словомъ, извѣстіе за извѣстіемъ, и все такія устрашающія вѣсти!! А для насъ всякая вѣсть—причина, чтобъ не трогаться съ мѣста.

Въ это время турецкая кавалерія выѣзжала къ намъ и тревожила лагерь. Ободрившись нашимъ бездѣйствіемъ и желая повѣрить свѣдѣнія о насъ, турки въ ночь съ 9-го на 10-е заняли гору Караялъ, находившуюся въ $1^1/_2$ верстахъ влѣво отъ нашего лагеря. Съ разсвѣтомъ мы увидѣли надъ собою красныя фески, разглядывавшія преспокойно нашъ лагерь и, вѣроятно, опредѣлявшія его числительность. Спереди массы башибузуковъ, поддерживаемыя регулярною кавалеріею, очень дерзко разъѣзжали передъ фронтомъ. Ударили тревогу. Баталіона два полѣзли на гору; драгуны съ конною артилеріею поскакали около подошвы Караяла въ обходъ. Первая линія двинулась впередъ—и всѣ живописныя массы начали отсту-

пать. Артилерія выпустила 19 зарядовъ по уходившимъ туркамъ, и мало по малу всѣ части возвратились въ лагерь.

Непредвидѣнное занятіе турками ночью горы Караяла, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ насъ, было причиною, что тамъ построили четырехугольникъ изъ камня, который занимали днемъ и ночью ротою стрѣлковаго баталіона и ротою пѣхоты, а къ подошвѣ горы, у оконечности оной, выходилъ на-день дивизіонъ драгунъ съ двумя орудіями. Такъ мы простояли до 23-го іюля. Кажется, кн. Бебутовъ, по свѣдѣніямъ и по дерзости турокъ, предугадывалъ, что они что-то затѣваютъ, и потому приказалъ обнести вагенбургъ нѣсколькими батареями.

23-го числа, въ 9 часовъ вечера, я былъ позванъ къ князю, у котораго нашелъ нѣсколькихъ генераловъ. Онъ объявилъ намъ, что, по полученному имъ извѣстію, турки нынѣшнею ночью выходятъ изъ лагеря—это вѣрно—но куда они направятся—обратно ли въ Карсъ или хотятъ напасть на насъ—лазутчикъ узнать не могъ, такъ какъ, кромѣ старшихъ нашей, никто этого не знаетъ. А потому князь рѣшилъ сняться съ лагеря ночью, оставивъ всѣ тяжести въ вагенбургѣ, и идти по дорогѣ въ Карсъ на Мешко. Если турки идутъ въ Карсъ, то мы ударимъ на нихъ во время ихъ слѣдованія; если же у нихъ другое намѣреніе—мы будемъ наготовѣ, и обстоятельства укажутъ, какъ дѣйствовать.

Такъ какъ это поле безводное, то приказано было набрать въ манерки воды. Ночью стали отправлять всѣ обозы въ вагенбургъ, въ прикрытіе котораго оставили баталіонъ саперъ, легкую № 8 батарею 13-й бригады и четыре 12-ти-фунтовыя орудія, отбитыя у турокъ подъ Башъ-Кадыкляромъ и сформированныя въ дивизіонъ. Передъ полночью войска стали вытягиваться, по диспозиціи, а въ два часа все войско тронулось.

Теперь мѣсто сказать два слова о нашихъ силахъ, равно и о силахъ противниковъ нашихъ. Наименованія полковъ и

батарей найдутся въ офиціальныхъ донесеніяхъ, и потому я не буду упоминать о нихъ. У насъ было 18 баталіоновъ пѣхоты, 26 эскадроновъ, 9 сотень линейскихъ казаковъ, 6 сотень донскихъ, столько же конной милиціи и 64 орудія, изъ коихъ 24 конныхъ; въ числѣ пѣхоты—одинъ баталіонъ стрѣлковый, съ штуцерами. У турокъ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, подтвержденнымъ плѣнными: 48 баталіоновъ, изъ коихъ 3 штуцерныхъ, 82 орудія, 16 полковъ регулярной кавалеріи и до 10-ти тысячъ баши-бузуковъ.

Ночь была безлунная, но небо чисто и звѣздно. Мы ѣхали въ свитѣ князя, впереди войскъ. Передъ нами въ полуверстѣ, какъ и по бокамъ всѣхъ войскъ, ѣхала густая цѣпь фланкеровъ. Начало свѣтать, когда отрядъ отошелъ верстъ на пять отъ лагеря. Въ эту минуту подъѣзжаетъ полковникъ Лорисъ-Меликовъ изъ передовой цѣпи и говоритъ: „ваше сіятельство, большія массы турокъ передъ нами!“ Вслѣдъ за нимъ изъ правой цѣпи казакъ: „приказано доложить, что турокъ въ большихъ силахъ виденъ передъ нами!“ Не прошло и одной минуты, скачетъ казацкій офицеръ слѣва: „ваше сіятельство, турки видны въ большихъ силахъ по всему полю; къ самой горѣ Караялъ подходятъ, чуть ли гору ни заняли!“

Итакъ, въ пять минутъ три донесенія, изъ коихъ положительно видно, что мы находимся какъ бы въ западнѣ, и развертывайся хоть на всѣ четыре стороны. Между тѣмъ свѣтаетъ. Вѣроятно, и турки насъ увидѣли, ибо тоже остановились. Князь поѣхалъ налѣво, гдѣ, по донесенію, ихъ было болѣе; и точно, видимъ, что отъ горы Караялъ, занятой ими, густыя массы образуютъ около насъ полукружіе. Сейчасъ было послано приказаніе первой линіи развертываться влѣво.

Еслибъ турки, не останавливаясь, да дружно шли впередъ, увидѣвши насъ, да подвезли бы всю свою артилерію—нашей густой, длинной колоннѣ досталось бы порядкомъ; но если мы не ожидали видѣть ихъ кругомъ себя, то они во-

все не ожидали видѣть насъ такъ близко отъ себя, полагая застукать спящими въ лагерѣ.

Войска строятся. Кавалерія наша (8-й и 9-й драгунскіе полки) была влѣво и, находясь ближе всѣхъ къ непріятелю, развернулась и первая вступила въ дѣло.

Хотя я сказалъ, что мы отошли уже верстъ на пять отъ лагеря, но хвостъ нашей колонны былъ отъ подошвы Караяла не болѣе 600 сажень. Тутъ и началось дѣло.

Когда велѣно было выстраиваться, я выѣхалъ съ нѣсколькими артилерійскими офицерами впередъ и мы начали разсматривать полукружіе турокъ. Я стоялъ такъ, что гора Караялъ была у меня съ лѣвой руки, а прямо передъ нами, верстахъ въ двухъ, малое возвышеніе въ волнистой мѣстности. Здѣсь невольно я уперъ глаза въ него, чтобы разглядѣть хорошенько расположеніе турецкой арміи. Эта возвышенная мѣстность была вся покрыта войскомъ; справа и слѣва онаго массировались густыя колонны. Я показалъ господамъ на это возвышеніе: „вотъ ихъ центръ! туда идти надобно!“

Бѣлевскій полкъ назначенъ былъ прогнать турокъ съ Караяла, но, какъ мнѣ разсказывалъ послѣ маіоръ Рагожинъ, „когда мы уже хотѣли идти въ гору, вдругъ получаемъ приказаніе оставаться у подошвы, что насъ не мало удивило!“

Солнце взошло. Вся турецкая линія начала двигаться впередъ; на нашемъ лѣвомъ флангѣ у драгунъ былъ уже артилерійскій частый огонь. Не буду ничего говорить о дѣйствіи нашего лѣваго фланга; я видѣлъ сначала весьма немного, чтобы судить объ общности распоряженій и дѣйствій этой части нашихъ войскъ, если общность была?!.. Когда я спрашивалъ послѣ, кто командовалъ на лѣвомъ флангѣ, мнѣ говорили, что г.-л. Бѣлявскій былъ у Бѣлевскаго полка, что тамъ была легкая № 7 батарея, дѣйствовавшая на гору по турецкимъ войскамъ, спускавшимся съ оной, что у нихъ былъ взорванъ зарядный ящикъ горныхъ орудій нашими выстрѣлами, что

наши два драгунскихъ полка и донская № 7 батарея дѣйствовали хотя вблизи пѣхоты, но отдѣльно отъ нея, и что этими дѣйствіями не распоряжался г.-л. Бѣлявскій.

Когда баталіоны гренадерской бригады устроились и подошла батарейная № 4 батарея 18-й бригады, ставшая на лѣвомъ флангѣ, я увидѣлъ, что г.-м. Кишинскій шелъ съ праваго фланга впередъ съ батарейною № 1 батареею и, кажется, съ однимъ или двумя баталіонами. Это отдѣльное движеніе мнѣ крѣпко не понравилось и я обнаружилъ это, пославъ ш.-к. Добровольскаго остановить батарею. Мы двинулись.

Турки, увидѣвъ движеніе нашей гренадерской бригады и впереди ея три батарейныя батареи, тотчасъ возвратились на возвышеніе и открыли огонь. Подойдя на 450 сажень, наши батареи снялись съ передковъ и рѣдкимъ, но мѣткимъ огнемъ отвѣчали непріятелю. Въ насъ стрѣляло 18 орудій спереди, стоявшихъ на возвышеніи, и 12 косвенно, справа; когда же мы подходили ко второй позиціи, турки поставили противъ нашего лѣваго фланга 6 орудій. Около всѣхъ этихъ орудій толпились массы пѣхоты; съ возвышеній сзади видна была 2-я линія ихъ войскъ, а въ разныхъ мѣстахъ много регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ.

На этой первой позиціи мы простояли около часа, вытерпѣвъ крѣпкій огонь непріятеля; но, кажется, не даромъ и ему обошлась наша мѣткая стрѣльба.

Подъ сильнымъ, все болѣе убійственнымъ огнемъ снялись мы съ этой позиціи и тронулись впередъ. Во время этого движенія, видя, что съ правой стороны стоятъ при 12-ти орудіяхъ турецкія колонны и два полка регулярной кавалеріи, я приказалъ адъютанту эшелонировать за правымъ нашимъ баталіономъ еще два. Огонь непріятельскій былъ очень силенъ. Кромѣ 18-ти орудій, стрѣлявшихъ en face, 12 орудій справа брали насъ во время этого движенія прежде косвенно спереди, нѣсколько минутъ en écharpe, а потомъ косвенно сзади.

Потеря наша становилась чувствительна. Такъ прошли мы съ полверсты. Я остановилъ батареи около 250-ти сажень отъ турокъ и опять открылъ огонь. Непріятель въ это время спустилъ съ возвышенія къ подошвѣ два баталіона и открылъ по насъ сильный ружейный огонь; но позиція наша была счастливая: только орудія стояли открыто; линія же баталіоновъ и отъѣхавшіе передки остановились въ легкой ложбинѣ, отчего всѣ почти непріятельскіе выстрѣлы, какъ артилерійскіе, такъ и ружейные, перелетали. Наши выстрѣлы тутъ не были потеряны.

Я все время былъ при средней батарейной № 2 батареѣ и при движеніяхъ ѣхалъ впереди, подлѣ командира батареи полковника Лагоды. При мнѣ были штабсъ-капитанъ Добровольскій и прапорщикъ Гасфортъ; тутъ же были и командиры кавказской гренадерской артилерійской бригады полковникъ Москалевъ и 18-й артилерійской бригады полковникъ Назимовъ.

Съ этой позиціи я послалъ штабсъ-капитана Добровольскаго узнать, нѣтъ ли какихъ баталіоновъ въ резервѣ, а Гасфорта—попросить въ центръ какую нибудь кавалерію. И тотъ, и другой возвратились, когда мы подходили къ послѣдней позиціи, съ донесеніемъ, что въ резервѣ нѣтъ ни одного баталіона, а изъ кавалеріи ничего дать не могутъ. Тутъ подъѣхалъ къ намъ раненый г.-м. Кишинскій, командовавшій пѣхотною гренадерскою бригадою и бывшій все время на правомъ флангѣ линіи. Когда я увидѣлъ, что онъ раненъ въ ногу, то совѣтовалъ ему отъѣхать и перевязаться, а я самъ съ господами поѣхалъ къ батарейной № 1 батареѣ, на правый флангъ линіи, гдѣ въ это время убили капитана Беклемишева и ранили адъютанта моего капитана Тальгрена. Эта батарея терпѣла. Возвращаясь ко 2-й батареѣ, я остановился передъ гренадерскимъ баталіономъ, который стоялъ между ними, и сказалъ: „Братцы, теперь мы подвинемся поближе; смотри, дружно работать штыками!“ Громкое „ура!“ было мнѣ отвѣтомъ,

Полагаю, что мы были около получаса на этой позиціи. Только-что мы тронулись, полковникъ Лагода, артилеристъ спокойный, говоритъ мнѣ: „посмотрите, в. п., кажется, линія ихъ колеблется.“ Мы посмотрѣли въ бинокль—и точно, видно было колебаніе въ массахъ. Это первое предсказаніе побѣды среди самаго сильнаго разгара битвы я не могу забыть и всегда съ удовольствіемъ вспоминаю слова Лагоды. Тутъ же подъѣхалъ ко мнѣ съ лѣваго фланга полковникъ Воронковъ и говоритъ: „в. п., слѣва идутъ два турецкихъ баталіона намъ во флангъ; что прикажете?“ Я посмотрѣлъ влѣво—точно, два баталіона двигались въ колоннахъ.—„Когда мы остановимся, обратите на нихъ четыре орудія слѣва, подпустите поближе и —картечью! но не останавливаться прежде насъ.“

Мы прошли еще сажень 30. Въ 70-ти саженяхъ отъ непріятеля три батареи снялись съ передковъ такъ быстро, что я, бывъ впереди, только успѣлъ поравняться съ линіею, какъ 20 орудій ударили картечью на высоту. Я подвелъ батареи такъ близко, ибо видѣлъ, что будетъ штыковая работа на возвышеніи и надо было, чтобы люди не бѣжали полверсты, а то усталыми придутъ къ работѣ. Да и какъ весело, какъ надежно шли гренадеры за батареями!

Моментъ снятія съ передковъ на третьей и послѣдней позиціи трудно описать въ подробности. Это была рѣшительная минута въ игрѣ, которую Шекспиръ назвалъ „быть или не быть!“ Турки проигрывали только поле сраженія и славу битвы, мы—все! Шагъ назадъ—и наша малочисленность подавлена, смята, граница открыта, резервовъ нѣтъ, дорога чиста до Тифлиса и по всему краю. Передъ Александропольской крѣпостью, которая имѣла гарнизона только два баталіона и не преграждала никакой дороги, не потребуется большого отряда войскъ, чтобъ ее держать безвредною. Вотъ съ какой точки нужно смотрѣть на кюрюкъ-даринскую битву, и съ этого воззрѣнія она подходитъ на башъ-кадыклярскій бой. И для того

нашъ умный вождь дорожилъ нашими баталіонами, не рисковалъ, ища битвы, какъ мы того желали, но дважды не усомнился принять ее съ сильнѣйшимъ втрое непріятелемъ, уже охватившимъ насъ совершенно, чтобы сдавить въ чугунныхъ объятіяхъ своихъ. Всѣ, отъ старшаго до рядового, какъ бы чувствовали въ какую игру мы играемъ и знали, что побѣдить намъ необходимо, чтобы жить! Всѣ напрягли силы свои и дрались, какъ дерутся, когда хотятъ или побѣдить, или умереть.

Но вернемся къ битвѣ... Надо побѣдить или умереть. Это моментъ.

Когда линія наша остановилась, а передки отъѣзжали, турки ударили въ насъ картечью и встрѣтили ужаснымъ ружейнымъ огнемъ съ возвышенія и отъ двухъ баталіоновъ, стоявшихъ у подошвы. Кажется, картечи много перенесло, но ружейный огонь былъ смертоносенъ и много оставилъ на мѣстѣ. Къ счастью, раненыя и убитыя лошади не задержали отъѣзда передковъ. Вдругъ послѣ этого убійственнаго огня два баталіона бросаются съ крикомъ на батареи. Ихъ встрѣтили картечью. Рѣдкое орудіе успѣло ударить два раза, какъ шесть ротъ гренадеръ, стоявшихъ между батарейными № 1 и № 2 батареями, съ крикомъ „ура!“ бросаются на встрѣчу турокъ, и... скрестился штыкъ съ штыкомъ саженяхъ въ 10—30-ти впереди орудій нашихъ, заряженныхъ картечью!.. Все смолкло въ ожиданіи.

Вмѣстѣ съ гренадерами двинулась вся линія пѣхоты, кромѣ двухъ ротъ карабинеръ, бывшихъ на лѣвомъ флангѣ. Когда всѣ батареи снялись съ передковъ, четыре орудія лѣваго фланга были повернуты противъ двухъ баталіоновъ, приближавшихся уже къ оному; ихъ встрѣтили частою картечью, они вернулись и скоро разсыпались. Вмѣстѣ съ ними исчезла и батарея, бившая насъ съ лѣвой стороны.

3-й баталіонъ карабинернаго полка съ подполковникомъ

кн. Тархановымъ, пройдя между батарейными №№ 2 и 4 батареями и увидя справа рѣзню, въ которой неистовство турокъ не поддавалось гренадерамъ и даже пересиливало ихъ, этотъ славный баталіонъ съ храбрымъ кн. Тархановымъ повернулъ направо, съ громкимъ „ура“ ударилъ на турокъ... и покончилъ съ ними. Это былъ coup de grâce! Сраженіе выиграно!

Когда дымъ отъ сильной канонады немного разошелся, мы посмотрѣли на лежащее передъ нами возвышеніе. На немъ стояло, на нашъ взглядъ, до восьми баталіоновъ и много орудій; но въ пѣхотѣ былъ безпорядокъ, какое-то сильное волненіе. Только-что 3-й карабинерный баталіонъ ударилъ съ фланга на турокъ, артилерія ихъ взяла назадъ на передки и рысью стала отъѣзжать; за нею обернулась пѣхота, и вслѣдъ за этою минутою—общее бѣгство! Артилерія скакала, какъ говорится, во всѣ лопатки, пѣхота, разсыпавшись, бѣжала; дравшіеся внизу были переколоты.

Я сказалъ, когда штыки встрѣтились между батареями, всѣ выстрѣлы смолкли; но батарейная № 1 батарея успѣла выдвинуть немного впередъ два орудія (ш.-к. Дударовъ) и ударить во флангъ турокъ, бѣжавшихъ на нашу батарею. Такъ и батарейная № 2 батарея: только-что пѣхота на возвышеніи повернулась и стала отходить, она выслала съ лѣваго фланга два орудія на высоту и била отходящія войска турокъ картечью.

Рукопашный штыковой бой продолжался немного болѣе четверти часа, можетъ быть, минутъ двадцать. Когда я подъѣхалъ къ этой рѣзнѣ, все было смѣшавшись, а нѣсколько отдѣльныхъ группъ очень близки къ орудіямъ. Видно было, что турки стараются подаваться назадъ. Кто могъ изъ нашихъ раненыхъ уходилъ, но я не видѣлъ, чтобъ кого уводили, слѣдственно здоровые всѣ дрались—признакъ добрыхъ войскъ, не занимающихся ранеными во время битвы.

Когда вся линія нашей пѣхоты всходила на возвышеніе, гоня передъ собою турокъ, полкъ ихъ регулярной кавалеріи,

стоявшій при батареѣ, которая била насъ справа, выѣхалъ изъ-за холма прямо на нашъ правый флангъ. Князь Барятинскій подскакалъ ко 2-му баталіону карабинернаго полка, закричалъ: „строй каре!“ поставилъ два орудія и принялъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Полкъ повернулъ и рысью, потомъ вскачь бросился бѣжать вслѣдъ за своими.

На возвышеніи, куда я въѣхалъ съ господами, взорамъ нашимъ представилось поле на пространствѣ, можетъ, 12-ти квадратныхъ верстъ, усѣянное бѣгущимъ въ безпорядкѣ непріятелемъ. Наша гренадерская бригада гнала ихъ съ версту по отлого спускавшейся мѣстности. Въ разныхъ мѣстахъ по полю скакали артилерійскія батареи и въ безпорядкѣ кавалерійскіе полки; но влѣво, къ д. Огузлы, видны были колонны непріятельскія и нѣсколько кавалеріи. Турецкія войска праваго фланга, стоявшія у подошвы горы Караялъ, отступали въ бо́льшемъ порядкѣ. Тутъ ш.-к. Добровольскій посмотрѣлъ на часы и сказалъ: „в. п., ровно 9 часовъ!“

Когда мы старались остановить нашихъ солдатъ и устроить баталіоны въ порядкѣ, къ неописанному удовольствію нашему мы увидѣли, что съ лѣваго фланга нашего, бывшаго отъ насъ на разстояніи $1^1/_2$ верстъ, дивизіонъ драгунъ и четыре конныхъ орудія № 7 батареи несутся на бѣгущихъ турокъ. Въ этомъ состояло все преслѣдованіе разбитаго непріятеля въ томъ мѣстѣ, гдѣ я участвовалъ.

Дѣйствія лѣваго нашего фланга, которыя открыли два драгунскихъ полка послѣ артилерійскаго огня блестящими, но неудачными атаками противъ штуцерныхъ баталіоновъ непріятеля, были неуспѣшны, потому что пѣхота не поддерживала драгунъ или, лучше, потому, что не было общаго начальника на лѣвомъ флангѣ. Драгунскіе полки, по открытіи непріятеля, были ближе всѣхъ къ нему и должны были по необходимости первые удерживать его, пока войска не выстроились; но когда пришли четыре баталіона Бѣлевскаго, два Тульскаго

полковъ и стрѣлковый баталіонъ, слѣдовало выдвинуть нѣсколько баталіоновъ впередъ, поставить бывшія тутъ двѣ конныя батареи и огнемъ удерживать непріятеля, а драгунъ удалить за пѣхоту. Но говорить хорошо, что и какъ слѣдовало дѣлать; а когда дѣло началось, рѣдко дѣлаютъ то, что надобно дѣлать, но увлекаются ходомъ битвы; тутъ-то и видна потребность общаго начальника для общности распоряженій; а исправлять положеніе войскъ во время битвы—дѣло не легкое. Какъ бы то ни было, драгуны производили блестящія атаки на неразстроенные непріятельскіе баталіоны, а донская № 7 батарея подскакивала подъ носъ къ баталіонамъ и била ихъ картечью; но какъ при этихъ дѣйствіяхъ не было порядка, послѣдовательности и совокупности, то и успѣха не было, а потеря была чувствительна.

Семь баталіоновъ пѣхоты съ легкою батареею, стоявшіе вблизи, смотрѣли только на гору и не принимали никакого участія въ бою, не поддерживали конницы, когда ихъ дѣло было драться, а кавалеріи ихъ поддерживать.

Дѣйствія праваго фланга состояли въ слѣдующемъ. Когда турки обогнули насъ съ праваго фланга, пѣхота и артилерія ихъ была еще довольно удалена, такъ что наши успѣли выстроиться или, лучше сказать, оглядѣться. Но вскорѣ турки стали медленно приближаться и открыли съ дальней дистанціи огонь изъ батарей, не вредившій намъ много; но одна граната упала въ подвижный № 19 паркъ, подлѣ заряднаго ящика лопнула и буквально никого и ничего не задѣла. Тутъ выдвинули шесть ротъ Ряжскаго полка съ своднымъ дивизіономъ легкой артилеріи №№ 6 и 8 батарей 18-й бригады и остановили непріятеля. Между турками и нами былъ отлогій оврагъ; два раза они пытались идти на батарею въ штыки, два раза ряжцы шли имъ на встрѣчу. Турки останавливались, открывали убійственный ружейный огонь, и обѣ стороны расходились. Это было на правой оконечности дугообразнаго распо-

ложенія нашихъ войскъ; тутъ былъ и драгунскій № 4 полкъ, донскіе и часть линейныхъ казаковъ. Но драгунскій № 4 полкъ и линейскіе казаки растянулись гораздо правѣе ряжскихъ баталіоновъ, чтобы не допустить турецкую кавалерію охватить всю нашу позицію.

Во время этого сомнительнаго боя полковникъ Скобелевъ, командовавшій линейными казаками, бросился сбоку на турецкую пѣхоту, разсѣялъ ее и взялъ четыре орудія. Съ этой минуты перевѣсъ былъ нашъ на правомъ флангѣ.

Около 7-ми часовъ турецкая пѣхота съ артилеріею стала двигаться въ большомъ интервалѣ между ряжскими баталіонами и правымъ флангомъ нашихъ гренадеръ. Противу нея поставили два баталіона Тульскаго полка съ легкою № 1 батареею гренадерской бригады. Два баталіона этого полка были сначала поставлены на лѣвый флангъ вмѣстѣ съ Бѣлевскимъ полкомъ. У фербанта, гдѣ былъ подвижный паркъ, оставались вначалѣ двѣ ряжскихъ роты, но онѣ скоро присоединились къ своимъ. Интервалы между разными частями нашихъ войскъ были сначала невелики, но, понятно, что съ движеніемъ впередъ какъ бы отъ центра круга по разнымъ радіусамъ, интервалы, раздѣлявшіе войска, все увеличивались; за этими интервалами стояла наша кавалерія—драгуны, казаки и милиція.

Части войскъ, стоявшія вправо отъ гренадерской бригады по дугообразной линіи нашего расположенія, какъ я слышалъ, удерживали турокъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ до 9-ти часовъ утра; потомъ вся линія двинулась впередъ, напирая на турокъ.

Когда правый флангъ непріятеля отступилъ, съ лѣваго нашего фланга были посланы драгунскій № 8 полкъ и конно-линейная батарея на конечный правый нашъ флангъ—и преслѣдованіе сдѣлалось живѣе. Двѣ конныя батареи поминутно подскакивали на картечный выстрѣлъ, разстраивали пѣхоту, а кавалерія врубалась въ ряды. Здѣсь были взяты почти всѣ

плѣнные и 11 орудій. Въ центрѣ пѣхота колола—пѣшій солдатъ не довольно хладнокровенъ въ бою, чтобы щадить непріятеля.

Вмѣстѣ съ драгунскимъ № 8 полкомъ, посланнымъ въ подкрѣпленіе праваго фланга, приказано было пѣхотѣ лѣваго фланга идти въ интервалъ между центромъ и правымъ флангомъ, чтобы связать эти войска, разстояніе между которыми уже доходило до 2-хъ верстъ.

Часовъ въ 10 кончилось движеніе и преслѣдованіе непріятельскаго лѣваго фланга; войска стали отходить. До половины двѣнадцатаго они отдыхали и убирали раненыхъ на полѣ сраженія, потомъ приказано было идти обратно въ лагерь. И радостно, съ пѣснями и музыкою, возвращались войска на мѣста, оставленныя ими ночью.

Вотъ краткое изложеніе кюрюкъ-даринскаго сраженія 24-го іюля 1854 года. Разстройство непріятельской арміи было велико; 2834 тѣла турокъ похоронены нами на мѣстѣ; 2 штабъ-офицера, до 100 оберъ-офицеровъ и 1960 рядовыхъ взяты въ плѣнъ. Трофеи побѣды: 15 артилерійскихъ орудій, 17 ящиковъ, нѣсколько знаменъ, музыки и много ружей. Съ нашей стороны убиты—штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 15, нижнихъ чиновъ 578; ранены—генералъ 1, штабъ-офицеровъ 9, оберъ-офицеровъ 73, нижнихъ чиновъ 1878; контужены—генералъ 1, штабъ-офицеровъ 9, оберъ-офицеровъ 29 и нижнихъ чиновъ 457.

(Окончаніе будетъ).

СЛУЖБА АРТИЛЕРІЙСКАГО ОФИЦЕРА,

воспитывавшагося въ I кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 году.

(Окончаніе).

XXII.

1855 ГОДЪ. Блокада и сдача Карса.

По отъѣздѣ князя Воронцова за границу, въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 года, Государь назначилъ генерала-отъ-инфантеріи Реада исправлять въ отсутствіи князя его должность. Новый начальникъ былъ очень связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ: отъ уѣхавшаго намѣстника и главнокомандующаго ему была оставлена инструкція; если же обстоятельства заставляли что либо дѣлать, чего инструкція не предвидѣла, то слѣдовало писать въ Петербургъ, а такъ какъ тамъ не имѣли большого довѣрія къ самостоятельности и способностямъ высшаго лица, то слѣдили, такъ сказать, за каждымъ движеніемъ въ краѣ и тотчасъ присылали вопросы: зачѣмъ и отчего? [1]). Къ такому положенію высшаго начальника и при дружескихъ почти отношеніяхъ его къ старшимъ начальникамъ, противу которыхъ онъ или не умѣлъ, или не хотѣлъ поставить себя на ногу главнаго начальника, слѣдуетъ прибавить и то, что ни въ немъ, ни въ подчиненныхъ ему старшихъ начальникахъ особенно геніаль-

[1]) Слышалъ изустно отъ самого покойнаго генерала Реада.

ныхъ способностей не замѣчалось. Положеніе края въ началѣ лѣта 1854 года многимъ внушало сомнѣніе. Знали, что турки въ большихъ силахъ около Карса; изъ Батума ожидали нападенія на Ахалцыхъ и высадки союзниковъ въ Абхазіи или Мингреліи. Сношенія съ персидскимъ правительствомъ были шаткія. Персія выглядывала—чья возьметъ, и въ случаѣ малѣйшей неудачи тонъ сношеній ея съ нами перемѣнился бы, какъ это было въ 1853 году, и тогда въ пограничныхъ мусульманскихъ провинціяхъ возникли бы несомнѣнныя безпокойства, которыя могли затруднить насъ, потому что дорога изъ Баку въ Тифлисъ и на театръ военныхъ дѣйствій идетъ чрезъ эти провинціи и по ней мы получаемъ продовольствіе и военные запасы. Несмотря, однако, на всѣ ожиданія недоброжелательныхъ людей и алармистовъ, дѣла шли своимъ порядкомъ, вездѣ видна была дѣятельность, а въ русскихъ воинахъ и увѣренность на успѣхъ. Было и не безъ жалобъ. Говорили, что дорого платятъ за перевозку провіанта, что продукты дорожаютъ, что золото и серебро прячутъ купцы и нельзя размѣнять депозитныхъ облигацій. Можетъ, жалобы и были частью справедливы—умно и успѣшно взяться за торговыя дѣла не всякому дано, и поэтому судить, рядить и хулить должно бы съ большею осмотрительностью.

Войско было въ хорошемъ состояніи. Гурійскій отрядъ, составленный большею частью изъ 13-й дивизіи, съ весною, когда высохли ужасныя грязи, началъ поправляться. 18-я дивизія въ александропольскомъ отрядѣ, послѣ полугодового зимняго похода, болѣла, но съ заботливымъ начальствомъ оправилась понемногу, и при выступленіи въ іюнѣ мѣсяцѣ за границу всѣ войска были бодры и надежны. Правда, что вторженіе Шамиля въ началѣ іюля мѣсяца въ Кахетію было непріятнымъ эпизодомъ: плѣненіе и убійство до 2000 жителей этого виноградаго сада, сожженіе въ 6-ти верстахъ отъ г. Телава имѣнія Цинондалы, принадлежащаго князю Чавчавадзе,

причемъ горцы увезли въ плѣнъ жену полковника и четырехъ малолѣтнихъ дѣтей и сестру ея, вдову князя Ильи Орбеліана,—это вторженіе горцевъ, предвидѣнное, но не предупрежденное, показало ясно недостаточность способностей новаго начальника лезгинской линіи, молодого, ничѣмъ не заслужившаго такого назначенія, и было причиною нѣкотораго справедливаго ропота. Но скоро битва подъ Нигоитами и сраженіе при р. Чолокѣ въ Гуріи, потомъ великолѣпный разгромъ турокъ при Курюкъ-дара, не токмо успокоили умы, но и породили самоувѣренность. Все шло хорошо и въ дѣлахъ не было застоя, несмотря на временнаго начальника.

Такъ наступила зима **1854—1855** годовъ. Въ дипломатическихъ кругахъ начались переговоры, въ которые разумѣется никто не вѣрилъ. Переговоры и журнальныя статьи со стороны западныхъ правительствъ служили къ поддержанію мысли о возможности мира, а за завѣсою журнальныхъ статей производились усиленныя приготовленія къ войнѣ. Высаженныя французскія и англійскія войска въ Крыму, послѣ неудавшагося намъ инкерманскаго дѣла, бѣдствовали на южной сторонѣ Севастополя и въ Балаклавѣ, а незначительный отрядъ турокъ занималъ Евпаторію. Всѣ эти войска были до того ослаблены физически и морально голодомъ, холодомъ и грязью, что Россія справедливо ожидала, что ихъ во время зимы сбросятъ въ море; но, какъ видно, мы не были ни къ чему приготовлены; и если бурливое море препятствовало частымъ и необходимымъ подвозамъ всего нужнаго для непріятеля, то топкія и продолжительныя грязи не допускали и нашимъ подвозамъ приближаться изъ отдаленныхъ мѣстъ на оконечность пространной Россіи. Такимъ образомъ прошла зима, для кого въ бѣдственномъ, для кого въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

И въ Закавказскомъ краѣ народъ и войско были въ ожиданіи, кого Государь пришлетъ на мѣсто князя Воронцова, ко-

тораго здоровье, какъ видно, не поправлялось, ибо его свѣтлость просилъ еще отсрочки отпуска. Но долгое время оставлять безъ хозяина такой обширный край съ его разнообразнымъ народонаселеніемъ было дѣло опасное, нужна была мощная рука при умной головѣ, которая бы кстати, благоразумно и рѣшительно располагала силами края. Предъ кончиною своею, поразившею всю Россію, Государь Императоръ назначилъ главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и намѣстникомъ, со всѣми правами, предоставленными его предшественнику, командира гренадерскаго корпуса генерала-отъ-инфантеріи Муравьева, въ недавнемъ времени сдѣланнаго генералъ-адъютантомъ Его Величества. Это назначеніе получило всеобщее одобреніе, и въ концѣ января 1855 года намѣстникъ былъ уже въ Ставрополѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидали его въ Тифлисъ, но онъ ѣхалъ тихо по кавказскому краю, знакомясь съ положеніемъ онаго и распредѣляя войска по разнымъ пунктамъ—Тенгинскому полку, резервнымъ баталіонамъ и двумъ резервнымъ батареямъ приказалъ слѣдовать въ Грузію на усиленіе тамошнихъ войскъ. На послѣднемъ ночлегѣ передъ Тифлисомъ, въ Душетѣ, главнокомандующій получилъ извѣстіе, присланное съ курьеромъ, о смерти Государя Императора. На другой день, 28-го февраля, онъ вечеромъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, а 1-го марта, въ среду въ 10 часовъ утра, была присяга новому Государю, и главнокомандующій первый разъ показался публикѣ. Видимо, что первая забота его состояла въ распредѣленіи начальниковъ на разныя мѣста и въ увеличеніи дѣйствующихъ войскъ. Предполагая самъ вести войну въ Турціи, онъ необходимо долженъ былъ оставить въ краѣ главнаго начальника. По высокому значенію въ краѣ послѣ побѣдъ Башъ-Кадыкляра и Курюкъ-дара, мѣсто это неотъемлемо принадлежало князю Бебутову, кавалеру св. Георгія 2-го класса и св. Андрея Первозваннаго и какъ главноуправляющему гражданскою частью въ Закавказскомъ краѣ. Тутъ выбирать не бы-

ло мѣста, а потому главнокомандующій и рѣшилъ, что князь Бебутовъ останется въ Тифлисѣ главнымъ начальникомъ войскъ и края во время его отсутствія. Но такъ какъ онъ командовалъ дѣйствующимъ корпусомъ, а г. главнокомандующій не желалъ упразднить этого мѣста и въ своемъ присутствіи, то, по праву старшинства и какъ утвержденному помощнику корпуснаго командира, мѣсто это слѣдовало занять князю Барятинскому; но на предложеніе, сдѣланное ему по сему случаю, князь отказался (послѣ о причинахъ), и потому генералъ Муравьевъ предложилъ командовать дѣйствующимъ корпусомъ начальнику артилеріи генералъ-лейтенанту Бриммеру, который въ разговорѣ съ главнокомандующимъ равномѣрно старался отклонить отъ себя эту честь.—„Нѣтъ, прошу васъ не отказываться; я мѣсто это не могу и не хочу упразднить, а кромѣ васъ назначить некого.“—„Мѣсто это принадлежитъ князю Барятинскому; и старше меня есть—генералъ-лейтенантъ Ковалевскій.“ Но всѣ эти противорѣчія не помогли, и дней за десять до выѣзда главнокомандующаго, 1-го мая, генералъ-лейтенантъ Бриммеръ отправился въ Александрополь на смѣну князю Бебутову. Еще до отправленія генерала Бриммера къ новому мѣсту, главнокомандующій поручилъ ему съѣздить въ Гурію и Мингрелію и осмотрѣть войска, госпитали и все, касающееся до военной части. Поводомъ къ этому довѣренному порученію было болѣзненное состояніе войскъ и, какъ ходили слухи, недостаточная заботливость отряднаго начальника генералъ-маіора князя Ивана Багратіонъ-Мухранскаго, дурное расположеніе войскъ и многое не въ выгоду начальника, который, бывъ женатъ на сестрѣ покойнаго владѣтеля Мингреліи, потворствовалъ правительницѣ, вдовѣ его.

Генералъ Бриммеръ совѣстно исполнилъ данное ему порученіе и къ Пасхѣ вернулся въ Тифлисъ. Послѣ этого генералъ Муравьевъ самъ поѣхалъ въ гурійскій отрядъ и въ концѣ апрѣля возвратился совершенно очарованный сдѣланнымъ

ему пріемомъ въ Гуріи и Мингреліи. Правительница, вдова князя Давида Дадіана, урожденная княжна Чавчавадзе (Екатерина Александровна), воспитывалась у матери первой супруги главнокомандующаго и потому въ молодыхъ лѣтахъ была знакома ему. Дѣла остались въ томъ же порядкѣ какъ были, и расположеніе войскъ не было измѣнено.

Въ это время довѣріе публики къ способностямъ г. главнокомандующаго было общее; поѣздка въ Гурію, хотя и оставшаяся безъ видимыхъ добрыхъ послѣдствій, была пріятна уже какъ доказательство, что начальникъ хочетъ все видѣть своими глазами; распредѣленіе войскъ по лезгинской линіи и въ особенности учрежденіе кавалерійскаго резерва въ Кахетіи укореняли мнѣніе о способностяхъ и воинскихъ дарованіяхъ генерала; при этомъ говорили, что онъ много работаетъ, спитъ мало—все это была хорошая сторона, которою довольствовались люди нейтральные и благомыслящіе. Но какъ всѣ знали, что главнокомандующій былъ издавна въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ предшественникомъ своимъ, то пользовавшіеся благорасположеніемъ прежняго правленія или извлекавшіе выгоду изъ тогдашняго положенія дѣлъ смотрѣли въ оба, отыскивая пятна на новомъ солнышкѣ и неупустительно пользуясь промахами. Главнокомандующій во время поѣздки своей по линіи высказалъ неудовольствіе на прежнюю администрацію края въ письмѣ къ А. П. Ермолову, копія съ котораго, по его же собственному желанію была сдѣлана гласною, и, comme de raison, вмигъ разошлась по краю и скоро дошла до Петербурга. Это письмо, въ коемъ говорено было о какой-то роскоши, о какой-то покорности, въ коемъ, можетъ быть, и, безъ яснаго намѣренія была затронута добрая слава кавказскаго войска, вызвало отвѣтъ п. Мирскаго къ П. А. Коцебу, немного дерзкій, но очень хорошо и во многомъ справедливо написанный. Такая полемика была несовмѣстна съ достоинствомъ высокаго поста. Нѣкоторыя строгости на линіи, вездѣ и при

всякомъ случаѣ высказываемая самоувѣренность, что нѣтъ спеціальности, которой бы онъ не изучилъ, рѣзкій тонъ, какое-то пренебреженіе ко всѣмъ, будто говорящее: „вотъ я вамъ покажу, какъ надобно служить!“ были пересказываемы и разбираемы въ публикѣ. Но люди благомыслящіе, относя эти недостатки къ la part de l'homme, не занимались этимъ и были довольны назначеніемъ дѣльнаго начальника. Впрочемъ, неудовольствіе, выраженное въ кр. Грозной начальнику лѣваго фланга линіи генералъ-лейтенанту барону Врангелю, умному и храброму генералу, хорошему администратору и честному, въ здѣшнемъ краѣ уважаемому человѣку, неудовольствіе, послѣ коего Врангель оставилъ службу кавказскаго корпуса, произвело на всѣхъ непріятное впечатлѣніе. Сознавая самъ и говоря вовсеуслышаніе, что онъ не любитъ и не хорошо знакомъ съ гражданскимъ управленіемъ, намѣстникъ въ отвѣтахъ своихъ на просьбы гражданъ не былъ добродушно привѣтливъ, напримѣръ, нѣсколько разъ громко говорилъ: „вы думаете, что Государь меня для васъ сюда прислалъ?“ или: „я развѣ присланъ сюда вашими дѣлами заниматься?“

Около половины мая г. главнокомандующій выѣхалъ изъ Тифлиса въ Александрополь, гдѣ были собраны войска дѣйствующаго корпуса. Въ это же время мѣсто начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, предполагавшаго скоро выѣхать въ С.-Петербургъ, заступилъ помощникъ его генералъ-маіоръ Индреніусъ. По пріѣздѣ главнокомандующаго въ Александрополь, составъ дѣйствующаго корпуса былъ слѣдующій: баталіоновъ 24—20,764 чел., драгунъ 28 эскадроновъ—4407 чел., казаковъ—Донского № 4 полка 5 сот.—679 чел., линейныхъ 12 сотень—1621 чел.; охотниковъ Лорисъ-Меликова 2 сот.—255 чел., карапапаховъ сотня, 104 чел.; 7 батарей пѣшихъ и 3 конныхъ, всего 80 орудій, и 4 орудія 21-й бригады батарейной № 5 батареи, которыя, по выступленіи войскъ за границу, были возвращены на Царскіе-Колодцы. Изъ этого

числа войскъ оставлены въ Александрополѣ: баталіонъ Тульскаго пѣхотнаго полка, 3 роты гренадерскаго Его Высочества полка, рота саперъ, 4 орудія легкой № 8 батареи и линейнаго баталіона 3 роты. Кромѣ того, Донской № 20 полкъ, занимавшій по почтовой дорогѣ и около Александрополя нѣкоторые посты, имѣлъ двѣ сотни въ самомъ городѣ. За исключеніемъ постояннаго гарнизона крѣпости, линейныхъ ротъ и казаковъ № 20 полка, войска эти скоро были вытребованы къ корпусу, а ихъ замѣнилъ 3-й баталіонъ Виленскаго полка, 6 ротъ котораго равномѣрно пошли за границу. Сотня карапапаховъ (изъ туземныхъ татаръ, жителей пограничныхъ турецкихъ санджаковъ), сотня Донского № 20 полка и двѣ сотни армянской милиціи охраняли постами сообщенія наши съ Александрополемъ.

Перевозочныя средства корпуса были слѣдующія. Для артилеріи: летучій паркъ изъ 110 зарядныхъ ящиковъ и два подвижныхъ парка, каждый въ 40 зарядныхъ ящиковъ; къ этимъ послѣднимъ паркамъ, къ каждому, придали по 40 двуконныхъ повозокъ, нанятыхъ у молоканъ, и 40 аробъ для ящиковъ съ патронами, капсюлями, коломазью и проч., такъ что слѣдовать за войсками могли одинъ комплектъ всѣхъ родовъ артилерійскихъ зарядовъ на 80 орудій и $^1/_2$ комплекта слишкомъ патроновъ на всю пѣхоту и кавалерію. Для продовольственныхъ запасовъ: 3000 воловьихъ аробъ [2]) и 1000 вьючныхъ лошадей поднимали 36-ти-дневное продовольствіе на 32 т. слишкомъ чел., состоявшихъ при выступленіи отряда за границу. Но какъ изъ этихъ аробъ 500 было отдѣлено для облегченія внутреннихъ перевозокъ въ александропольскій магазинъ, то можно положить, что въ подвижномъ провіантскомъ магазинѣ было слишкомъ на мѣсяцъ продовольствія, кромѣ 10-тидневнаго запаса, имѣвшагося при войскахъ. Въ крѣп. Александрополѣ находилось въ запасѣ: артилерійскихъ зарядовъ

[2]) Изъ этихъ 3000 аробъ были выданы вышепоказанныя въ парки.

почти два комплекта на 80 орудій и, кромѣ того, въ матеріялахъ почти на столько же. Продовольственныхъ запасовъ—по 1-е ноября, въ томъ числѣ сухарей до 20 т. четвертей. Мельницы, по контракту, должны были вымалывать въ день по 300 четвертей пшеницы, но за маловодьемъ не совсѣмъ исполняли. При корпусѣ былъ подвижной госпиталь и, кромѣ того, на случай отдаленія войскъ отъ границъ, два кадренныхъ госпиталя. Медиковъ достаточно; нѣсколько отличныхъ хирурговъ. Небольшое осадное отдѣленіе было въ исправности и готово къ движенію; оно состояло изъ 4-хъ 24-хъ-фунт. пушекъ, 2-хъ пудовыхъ единороговъ и 4-хъ 2-хъ-пудовыхъ мортиръ на мѣдныхъ станкахъ. На орудіе было по 500 выстрѣловъ, но въ запасахъ имѣлось еще много и, кромѣ запаса осаднаго отдѣленія, при надобности можно было взять сколько потребно изъ крѣпостного запаса.

Вскорѣ по выступленіи войскъ изъ Александрополя стали прибывать въ корпусъ еще нѣкоторыя части оныхъ, какъ-то: пѣхоты—баталіонъ саперъ, 831 чел., 3 баталіона Виленскаго полка 13-й дивизіи, 3687 чел.; кавалеріи—Донской № 35 полкъ, 748 чел., милиціи—конно-мусульманскіе № 1 и 2 полки, въ первомъ 5 сотень, 543 чел., во второмъ 3 сотни, 293 чел.; конно-куртинскій № 2 полкъ, 5 сотень—481 чел., горской милиціи 2 сотни, 147 чел., и почетный конвой изъ грузинскихъ дворянъ, 100 чел.; артилеріи—батарейная № 2 батарея 13-й бригады. Такъ что 13-го іюня въ дѣйствующемъ корпусѣ, расположенномъ при с. Тикмѣ, состояло войскъ: пѣхоты 25 т., кавалеріи—драгунъ 4407, казаковъ 3 т., милиціи конной 1900 ч.—всего до 9000; артилеріи 4 батарейныхъ, $3^1/_2$ легкихъ и 3 конныхъ батареи, всего 84 орудія. Войска были въ исправности и бодрыя; желаніе встрѣтиться съ непріятелемъ, подъ предводительствомъ новаго начальника, было общее, равно какъ и благородная увѣренность въ успѣхѣ.

21-го мая главнокомандующій дѣлалъ смотръ всему кор-

пусу и остался весьма доволенъ хорошимъ состояніемъ войскъ. Въ отзывѣ къ военному министру объ этомъ смотрѣ онъ писалъ, что пѣхота и кавалерія были по всѣмъ частямъ въ отлично-исправномъ состояніи, а артилерія къ тому еще въ блистательномъ видѣ [3]). Такое привѣтливое свидѣтельство о войскахъ кавказскаго корпуса, назначенныхъ къ дѣйствіямъ, должно было порадовать Государя Императора.

24-го числа выдвинута была къ с. Пирвали гренадерская бригада съ ея артилеріею, драгунскіе № 4 и 8 полки съ частью казаковъ, подъ начальствомъ г.-м. графа Нирода; остальныя войска оставались въ лагерѣ у Александрополя. 26-го числа главнокомандующій приказалъ командующему корпусомъ ѣхать въ Пирвали и принять начальство надъ отрядомъ, а самъ съ прочими войсками и со всѣмъ обозомъ выступилъ изъ Александрополя по дорогѣ къ Паргету, гдѣ перешелъ на правый берегъ Карсъ-чая, чтобъ 28-го соединиться обоимъ отдѣленіямъ въ Аджи-кала, верстахъ въ 16-ти отъ Карса. Переправясь на правый берегъ Карсъ-чая, командующій корпусомъ пошелъ дорогою, по которой 19-го ноября **1853** года наши войска шли на упорный башъ-кадыклярскій бой—побѣда не вполнѣ оцѣненная, потому что, зная обстоятельства края того времени, содрогаешься исчислить бѣдствія, которыя были бы слѣдствіемъ проигрыша этого сраженія. Таково было и сраженіе **1854** года при Курюкъ-дара. Войскамъ кавказскимъ тогда приходилось играть напропалую—быть или не быть! Оттого въ войскѣ явилась благородная самоувѣренность въ своей силѣ, а въ начальникахъ личная самостоятельность. Осмотрѣвъ поле сраженія 19-го ноября и припомнивъ на мѣстѣ разные эпизоды онаго, войска обошли гору Караялъ. Командующій корпусомъ объѣхалъ поле сраженія 24-го іюля **1854** г., расположилъ войска близъ прошлогодняго лагеря, куда на дрожкахъ, съ конвоемъ, пріѣзжалъ главнокомандующій, возвратив-

[3]) Лично далъ прочесть начальнику артилеріи.

шійся потомъ въ Паргетъ, гдѣ ночевалъ съ колонной, при которой были обозы. 28-го передовая колонна командующаго корпусомъ пошла полемъ, безъ дороги, въ Аджи-кала на Карсъ-чаѣ. На этихъ 20-ти верстахъ воды нѣтъ. Задняя колонна, переправившись на правый берегъ рѣки въ Паргетѣ, въ 4 часа присоединилась въ Аджи-кала къ передней. Вверхъ по р. Карсъ-чаю, въ 6-ти верстахъ отъ лагеря, заняли дер. Заимъ, отстоящую отъ Карса верстъ на 10. Въ лагерѣ при разоренной д. Аджи-кала войска простояли 10 дней. Два раза отправляли больныхъ въ Александрополь, а оттуда получили транспортъ съ провіантомъ. 4-го іюня главнокомандующій сдѣлалъ первую рекогносцировку Карса, съ сѣверной стороны, къ карадахскимъ укрѣпленіямъ. По приближавшимся близко передовымъ войскамъ турки сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и выслали полка два регулярной кавалеріи съ поддержкою пѣхоты. Войска эти держались въ отдаленіи, а съ выѣхавшими впередъ баши-бузуками казаки наши имѣли схватку, прогнали ихъ, нѣсколькихъ убили и 7 чел. взяли въ плѣнъ. У насъ урядникъ и два казака были ранены. Неудобства атаки съ этой стороны были видимы. 7-го войска выступили изъ лагеря кружнымъ обходомъ около Карса, проходя близь подошвы горы Малыя-Ягны, чрезъ разоренную дер. Халифъ-оглы въ с. Магараджикъ, на юго-востокъ отъ Карса, гдѣ и расположились лагеремъ. Обозы, при этомъ фланговомъ движеніи войскъ направленные на Мешко, также къ вечеру прибыли въ Магараджикъ, несмотря на то, что дождливая погода затрудняла слѣдованіе, въ особенности черезъ канавы. С. Магараджикъ лежитъ на отлогости невысокой цѣпи горъ, обращенной къ Карсу съ юго-восточной его стороны. Въ прямомъ направленіи отъ онаго, верстъ девять, войска расположились на возвышенной мѣстности, такъ что городъ, укрѣпленія и вся окружающая ихъ мѣстность были въ зрительную трубу очень хорошо видны изъ лагеря. Трудно описать мѣстность, чтобъ дать о ней правильное по-

нятіе для сужденія о предстоявшей военной игрѣ. Но я постараюсь изложить то, что мы видѣли и что впослѣдствіи оказалось справедливымъ. Вотъ, что открывалось взгляду изъ нашего лагеря, т. е. съ мѣстности, на которой были расположены штабы главнокомандующаго, командующаго корпусомъ и нѣсколькихъ войскъ, стоявшихъ около. Предъ нами равнина вплоть до стѣнъ Карса, верстъ на девять; равнина эта идетъ вправо и влѣво, немного расширяясь и занимая пространство между двухъ цѣпей горъ, одной, на которой былъ расположенъ нашъ лагерь, другой, тянувшейся почти параллельно къ первой тотчасъ за Карсомъ. Карсъ, обнесенный высокою каменною стѣною, лежитъ амфитеатромъ на покатости сказанной цѣпи горъ, обращенной къ нашему лагерю. Р. Карсъ-чай, вытекая изъ горъ, прорвала хребетъ и образовала въ своемъ прорывѣ отвѣсно скалистые берега. Совершенно близъ праваго берега, какъ сказано выше, лежитъ Карсъ; на вершинѣ скалы—цитадель. Гора по правую сторону р. Карсъ-чая есть Карадахъ, а по лѣвому берегу—чахмахскія и шорахскія высоты. Противъ цитадели, на лѣвомъ берегу, на чахмахскихъ высотахъ было недоконченное укрѣпленіе; болѣе вправо—карадахскія высоты были укрѣплены и вооружены; изъ нихъ-то стрѣляли въ насъ при рекогносцировкѣ 4-го числа. Предъ Карсомъ, въ долинѣ, былъ укрѣпленный лагерь, устроенный еще въ 1853 году; брустверъ его началъ мѣстами разваливаться. Внутри лагеря были расположены войска, а предъ лагеремъ, въ нашу сторону—долина, пересѣченная кое-гдѣ ровиками и оврагами. Вправо равнина расширялась, видна была гора Ягъ-дахъ и дорога въ Александрополь. Влѣво, по долинѣ, видно теченіе Карсъ-чая; у подошвы нашего хребта, верстахъ въ 5-ти отъ насъ—с. Азатъ-кевъ, на пригорьяхъ—Ени-кевъ и Каны-кевъ, предъ нами—верхній и нижній Караджураны, Команцуръ, а въ отдаленіи—с. Тикма; хребетъ Соганлуга опоясывалъ слѣва долину, чрезъ которую шла дорога въ Эрзерумъ.

Такъ представился мнѣ видъ мѣстности, когда на другое утро, вмѣстѣ съ восходомъ солнца, я вышелъ изъ своей палатки, чтобъ безмятежно насладиться прекраснымъ утромъ. Я поставилъ возлѣ палатки столикъ съ чайнымъ приборомъ, сѣлъ въ складное кресло, велѣлъ подать трубу, направилъ ее предъ собой—и ну разсматривать Карсъ и окрестности, особенно лежащія за нимъ высоты. Вотъ результатъ моей наглядной рекогносцировки: укрѣпленія лагеря во многихъ мѣстахъ обвалились, войска за ними расположены въ безпорядкѣ; но съ долины атака, даже при скоромъ взятіи укрѣпленій, ни къ чему не поведетъ, ибо потомъ надобно думать о взятіи Карса, обведеннаго толстою стѣною. Укрѣпленіе на чахмахскихъ высотахъ не окончено и вовсе безъ вооруженія. Шорахскія высоты совсѣмъ пустыя, ничѣмъ не занятыя. Видимо, что турки если въ эти три года и ожидали нашего прибытія, то только со стороны Александрополя, и потому еще въ 1853 году устроили укрѣпленный лагерь въ долинѣ и укрѣпили батареями карадахскія высоты. По этому взгляду я сдѣлалъ выводъ, что если поставить сильныя батареи на этихъ высотахъ и стрѣлять въ городъ, то онъ сдастся. Надо немедленно занять шорахскія высоты и неоконченный чахмахскій окопъ врасплохъ, подойдя ночью или открытою силою, живо укрѣпиться противу карадахскихъ высотъ валомъ и поставить противу города батареи въ разныхъ мѣстахъ, вначалѣ изъ полевыхъ орудій, до прибытія осадныхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, у насъ была бы потеря, во-первыхъ еслибъ пришлось съ бою занимать высоты, во-вторыхъ отъ огня нѣсколькихъ малыхъ батарей съ Карадаха. Исполненіе этого плана было въ нашей волѣ, ибо, какъ я выше сказалъ, шорахскія высоты были вовсе пусты. Такимъ образомъ, сѣвъ, такъ сказать, на спину Карса, можно было приблизить лагерь къ самымъ высотамъ, поставить отрядъ изъ кавалеріи и пѣхоты въ Магараджикѣ или въ Ени-кевѣ для сообщенія съ Александрополемъ, а другой со стороны

с. Заима. Дорога была занята все время осады и со стороны с. Заима стоялъ ген. Баклановъ. Тогда, еслибы бомбардированіе не имѣло успѣха, то блокада была бы дѣйствительною и могла скоро повести къ сдачѣ.

14-го была сильная регокносцировка въ долину. 16-го чрезъ Азатъ-кевъ, Ени-кевъ въ Каны-кевъ—деревни, лежащія по отлогости горъ. Главнокомандующій, узнавъ, что въ деревняхъ по дорогѣ въ Эрзерумъ у непріятеля находится значительные склады провіанта и что тамъ же устроены печи, предпринялъ съ половиннымъ числомъ войска движеніе на Соганлугъ, оставивъ въ Каны-кевѣ, предъ Карсомъ, г.-л. кн. Гагарина съ другою половиною войскъ. Движеніе это, продолжавшееся съ 17-го по 30-е іюня, замѣчательно тѣмъ, что мы увидѣли опять мѣста битвъ 1828 года при Коинлы и Мелидюзѣ. Выгода же, пріобрѣтенная нами—это раззореніе турецкихъ пекарень, взятіе нѣсколько провіанта и .... потеря времени.

Съ февраля мѣсяца англійской службы полковникъ Вильямсъ, находившійся при турецкой арміи вродѣ комисара, старался неусыпно о приведеніи въ порядокъ турецкихъ войскъ и объ укрѣпленіи и снабженіи всѣмъ нужнымъ Карса. Но труды его и прибывшихъ съ нимъ офицеровъ мало имѣли успѣха отъ врожденной безпечности турокъ, отъ малаго пониманія ими предлагаемыхъ улучшеній, отъ невѣжества и корыстолюбія начальниковъ, недостатка денежныхъ суммъ и пр., пр. Такъ, онъ до прибытія нашихъ войскъ къ Карсу не могъ снабдить крѣпости вдоволь провіантомъ, по недостаточности перевозочныхъ средствъ, и потому склады провіанта имѣлись въ деревняхъ по ту сторону Соганлуга; тамъ устроили печи и оттуда малыми количествами перевозили въ крѣпость хлѣбъ и сухари, чѣмъ, конечно, уничтожалась надобность заготовленія для этого предмета дровъ. Но дрова заготовить легко близь Карса, а провіантъ надобно было перевезти непремѣнно.

Я упомянулъ о потерѣ времени, ибо, по моему мнѣнію,

первое дѣло—близко обложить Карсъ, а какъ главнокомандующій имѣлъ вѣрное свѣдѣніе, что отъ Карса до Эрзерума войскъ нѣтъ, а въ Эрзерумѣ оныхъ весьма немного, то, обложивши крѣпость, для привоза провіанта послать было достаточно 3 баталіона и нѣсколько сотень казаковъ съ 4-мя орудіями. Время—золото.

23-го, при обратномъ слѣдованіи, на вершину Соганлуга пріѣхалъ адъютантъ главнокомандующаго кн. Горчакова съ извѣстіемъ объ отбитіи севастопольскаго штурма 26-го мая. 24-го на высотахъ Соганлуга былъ оставленъ командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка полковникъ кн. Дондуковъ-Корсаковъ съ летучимъ отрядомъ. Бывъ въ тылу лагеря, онъ долженъ былъ наблюдать дорогу изъ Эрзерума въ Карсъ. 29-го его сняли оттуда. 1-го іюля произведена сильная рекогносцировка на горную сторону Карса, такъ что теперь съ рекогносцировками мы были почти кругомъ крѣпости. Когда, наканунѣ, въ разговорѣ главнокомандующій сказалъ мнѣ, что онъ надѣется наконецъ выманить турокъ изъ крѣпости и дать сраженіе, я не могъ не высказать, что крѣпко сомнѣваюсь, чтобы можно было выманить ихъ въ поле. Мы выступили рано утромъ и потянулись влѣво на высоты, оставя шорахскія высоты и Столовую гору между нами и Карсомъ. Турки съ любопытствомъ смотрѣли съ шорахскихъ высотъ на наше движеніе и, по мѣрѣ того какъ мы занимали противулежащія высоты, видно было, что число ихъ увеличивалось на шорахскихъ высотахъ, а потомъ они по покатости, къ намъ обращенной, стали спускать застрѣльщиковъ. Всего показалось на пустыхъ шорахскихъ высотахъ около 2-хъ, 3-хъ тысячъ.

Въ началѣ этого мѣсяца прибыли въ отрядъ 2 сотни Грузинской милиціи. Храбрые молодцы, на конѣ и пѣшіе, которые всегда и вездѣ бьютъ мусульманъ и курдовъ; а если во главѣ ихъ бойкій, умный начальникъ, то для грузинъ и тушинъ нѣтъ нигдѣ препятствій; я часто видѣлъ ихъ въ бою и всегда ра-

довался малодцамъ. Въ это же время полковникъ Лорисъ-Меликовъ былъ посланъ въ санджаки Кагизманъ и Чечеванъ къ курдамъ для приведенія ихъ къ покорности, а также чтобы войти въ сношеніе съ баязидскимъ отрядомъ. Главнокомандующій освѣдомился отъ лазутчиковъ, что Вели-паша, получивъ подкрѣпленіе, собирается выступить изъ Эрзерума и слѣдовать на Карсъ. Зная состояніе турецкихъ войскъ, никто въ лагерѣ не повѣрилъ, чтобъ турки осмѣлились подойти къ нашимъ войскамъ, блокировавшимъ Карсъ, да и самъ главнокомандующій, конечно, былъ того же мнѣнія; но все-таки онъ предпринялъ въ другой разъ походъ черезъ Соганлугъ.

Эриванскій отрядъ, послѣ славнаго пораженія турокъ на чингильскихъ высотахъ въ 1854 году (генер. Карломъ Врангелемъ), занятія Баязита и отъѣзда ген. Врангеля, раненаго въ ногу въ этомъ сраженіи, былъ порученъ генералъ-маіору Суслову, храброму и бойкому офицеру, который, какъ и всѣ честолюбывые люди, полюбилъ отдѣльное и почти независимое командованіе отрядомъ. Такъ какъ дѣла въ продолженіи почти годового командованія шли хорошо, то легко понять, что доброе мнѣніе его о себѣ окончательно утвердилось; къ тому же о немъ говорили, что онъ характера не совсѣмъ-то сговорчиваго.

Это маленькое предисловіе было необходимо, чтобы понять случившееся во время второго движенія за Соганлугъ. Главнокомандующій,ославъ приказаніе ген. Суслову двинуться съ эриванскимъ отрядомъ къ м. Кепри-кёй (мостъ на р. Араксѣ), выслалъ отъ своихъ войскъ кавалерію, подъ командой полк. кн. Дондукова-Корсакова, впередъ, приказавъ ему предпринять что будетъ возможно противу Вели-паши, стоявшаго съ отрядомъ войскъ близь Гасанъ-кале-чай, на лѣвой сторонѣ этой рѣчки, впадающей въ Араксъ близь Кепри-кёя. Планъ главнокомандующаго, согласно которому даны были инструкціи князю Дондукову-Корсакову и г.-м. Суслову, былъ слѣдующій:

первый долженъ былъ съ кавалеріею обойти лѣвый флангъ турецкаго расположенія, для чего перейти Аракъ выше м. Кепри-кёя и, поднимаясь въ горы, къ коимъ прилегалъ турецкій лагерь, занимать турокъ, а второй съ своимъ отрядомъ остановиться у Кепри-кёя. Если турки будутъ столь смѣлы, что демонстрація полк. Дондукова ихъ не испугаетъ, то Сусловъ долженъ былъ ожидать прибытія главнокомандующаго; если же они сдѣлаютъ движеніе назадъ, къ Эрзеруму, то преслѣдовать ихъ до Гассанъ-кале, но не далѣе. На дѣлѣ вышло иначе. Приблизившись къ Кепри-кёю и увидя расположеніе турецкихъ войскъ Вели-паши въ укрѣпленномъ лагерѣ на лѣвомъ берегу Гассанъ-кале-чай и дорогу съ правой стороны этой рѣчки, ведущую кратчайшимъ путемъ по широкой долинѣ прямо въ Гассанъ-кале, ген. Сусловъ предложилъ приближавшемуся уже кн. Дондукову обойти не лѣвый флангъ турокъ, по горамъ и неудобнымъ кружнымъ дорогамъ, а правый, по долинѣ Гассанъ-кале и по кратчайшей дорогѣ, ведущей къ означенному укрѣпленію—предѣлу ихъ движеній, по инструкціямъ главнокомандующаго. Дондуковъ, слыша отъ жителей, что дороги въ горахъ, по коимъ ему надобно было обходить турецкій лагерь, дурны и кружны, а по долинѣ ровны и короче, слѣдственно обходомъ справа положительнѣе добьешься цѣли, и видя утомленіе своей кавалеріи, сдѣлавшей свыше 100 верстъ въ двое сутокъ, въ жару и не разсѣдлывая лошадей, легко согласился на это предложеніе и, прійдя къ Кепри-кёю, получилъ отъ ген. Суслова кавалерію эриванскаго отряда. Перейдя Аракъ чрезъ Кепри-кёй и потомъ Гассанъ-кале-чай въ бродъ, Дондуковъ двинулся со всею кавалеріею вверхъ по р. Гассанъ-кале-чай, по широкой долинѣ, въ обходъ турецкихъ войскъ, а ген. Сусловъ, чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ обходнаго движенія, пошелъ съ пѣхотою по лѣвому берегу Гассанъ-кале-чай прямо на лагерь Вели-паши.

До сихъ поръ, какъ видите, шло все отлично хорошо; оба

отряда двигались по обоимъ берегамъ рѣчки, легко проходимой въ бродъ. Но лошади у кавалеріи изъ отряда главнокомандующаго были утомлены, и потому быстрыхъ движеній и ожидать не должно было. Пройдя нѣсколько верстъ и потерявъ нѣсколько солдатъ отъ артилеріи, дѣйствовавшей изъ лагеря чрезъ рѣку, кн. Дондуковъ увидѣлъ большую пыль отъ лагеря по дорогѣ къ Гассанъ-кале, остановился и послалъ спросить ген. Суслова, что дѣлать? Ген. Сусловъ утверждаетъ, что приказалъ дѣйствовать по усмотрѣнію, а кн. Дондуковъ говоритъ, что посланный привезъ приказаніе остановиться. Другой посланецъ привезъ точное приказаніе—остановиться, гдѣ стоятъ, т. е. почти въ тылу турецкаго лагеря. Во время движенія кн. Дондукова по правому берегу рѣки Сусловъ съ пѣхотою шелъ по лѣвому. Не доходя нѣсколько до укрѣпленнаго лагеря, съ возвышенностей онъ осмотрѣлъ его, перешелъ въ бродъ Гассанъ-кале-чай и, видя, что баши-бузуки выѣзжаютъ противъ кавалеріи, выдвинулъ легкія орудія. Турки скрылись въ лагерь. Въ это время прискакиваютъ посланные. Какой былъ отвѣтъ или приказаніе—слухи разнорѣчивы; но кн. Дондуковъ остановился и началъ располагаться на ночлегъ. Тутъ пріѣзжаетъ къ нему г.-м. Сусловъ—и попли судить, что и какъ дѣлать? Порѣшили: какъ кавалерія, присланная главнокомандующимъ, очень утомлена, то всему отряду ночевать на мѣстѣ, а казаковъ эриванскаго отряда, подъ начальствомъ Хрещатицкаго, послать обратно чрезъ рѣку наблюдать лагерь Вели-паши.

Вотъ дѣйствія нашихъ начальниковъ; теперь посмотримъ, что дѣлалъ Вели-паша? Самое обыкновенное дѣло: только-что ему донесли разъѣзды, что эриванскій отрядъ подвигается къ Кепри-кёю, „туркамъ приказано укладываться, а баши-бузукамъ выѣхать джигитовать съ русскими.“ Получивъ донесеніе, что видна кавалерія со стороны Карса, Вели-паша приказываетъ „торопиться укладкою обозовъ,“ и я воображаю

суматоху въ турецкомъ лагерѣ! какъ палочная музыка играла по чемъ попало, какъ расхищалось все, что называется казеннымъ. По третьему донесенію, что оба отряда соединились у Кепри-кёя, пѣхота идетъ на лагерь, а кавалерія по правому берегу прямо въ Гассанъ-кале: „всѣхъ башп-бузуковъ выслать навстрѣчу гяурамъ; всѣ обозы тотчасъ отправлять, да скоро, чтобъ гяуры не захватили; не останавливаться въ Гассанъ-кале—прямо въ Эрзерумъ! пѣхотѣ строиться! артилеріи стрѣлять чаще и дальше. Мы покажемъ этимъ гяурамъ, машаллахъ! что мы османлы и что плюемъ на гробы отцовъ ихъ, а какъ смеркнется, мы пойдемъ за обозомъ, и пускай казакъ насъ ищетъ—мы будемъ далеко.“ Вотъ всѣ распоряженія Вели-паши—очень просты и своимъ понятны. Какъ сказано, такъ и сдѣлано: обозы укладываются, начальники торопятъ, башибузуки скачутъ гарцовать съ гяурами, артилерія стрѣляетъ чаще и дальше, а пѣхота приготовляется къ ночному путешествію въ Эрзерумъ, если только русскіе не нападутъ тотчасъ же на ихъ укрѣпленія! „Но они всегда нападаютъ утромъ рано, а тогда мы будемъ далеко.“ Такъ распоряжался и думалъ Вели-паша. Когда разсвѣло, отъ удалявшагося обоза была видна пыль и укрѣпленный лагерь былъ пустъ, а передъ ген. Сусловымъ стояли съ покорными головами депутаты изъ Гассанъ-кале, вѣроятно, ругая напропалую Вели-пашу. Результатъ похода доставилъ нѣсколько сотъ бочекъ оставленнаго масла, много зерна, котораго неначемъ было поднять, и обыкновеннаго лагернаго хлама.

Въ этотъ же день, 22-го іюля, прибылъ главнокомандующій со своими войсками и, принявъ всѣ изустныя донесенія отъ обоихъ начальниковъ, обвинявшихъ одинъ другого въ томъ, что Вели-паша ушелъ, приказалъ прежде отступить эриванскому отряду, а 25-го и самъ пошелъ въ обратный путь. 31-го іюля онъ возвратился къ Карсу и расположился, какъ и прежде, при с. Тикмѣ.

Выступивъ противъ Вели-паши съ половиннымъ числомъ войскъ и подчинивъ ихъ ген.-лейт. Ковалевскому, г.-а. Муравьевъ оставилъ другую половину передъ Карсомъ для продолженія блокады, подъ начальствомъ командующаго корпусомъ артилеріи г.-л. Бриммера, и, объявляя ему объ этомъ распоряженіи, сказалъ, что приказалъ генеральнаго штаба офицеру отыскать другое лагерное мѣсто, ближе къ крѣпости. На это ген. Бриммеръ просилъ главнокомандующаго дозволить ему самому выбрать лагерь и установить войска по его усмотрѣнію. И тотчасъ же, поѣхавъ съ начальникомъ штаба и нѣсколькими офицерами, расположилъ лагерь при с. Команцуръ, въ 4-хъ верстахъ отъ Карса, и 19-го утромъ перевелъ войска на новыя мѣста. Первымъ долгомъ я счелъ, въ такомъ близкомъ разстояніи отъ крѣпости и при могущихъ быть тревогахъ, распредѣлить войска такъ, чтобъ каждый начальникъ могъ дѣйствовать самостоятельно въ случаѣ тревоги на его фронтѣ. Кавалерія, подъ начальствомъ ген. Нирода, прикрывала весь тылъ лагеря. Три сильныхъ летучихъ отряда изъ казаковъ, и въ каждомъ нѣсколько десятковъ охотниковъ, рыскали около Карса и днемъ, и ночью. Г.-м. Баклановъ, отъ лѣваго фланга лагеря на западной сторонѣ Карса, подавалъ руку полк. барону Унгернъ-Штерибергу, который дѣйствовалъ по ардаганской дорогѣ и соединялся съ лѣвой стороны съ полк. Едигаровымъ, который изъ Курюкъ-дара охранялъ сообщеніе наше съ Александрополемъ и дѣйствовалъ къ Занму, имѣя сношеніе съ лагеремъ съ праваго фланга. Эти летучіе отряды исполняли хорошо свои обязанности, и не было дня, чтобъ какой изъ отрядовъ не перехватилъ старающихся пробраться въ крѣпость. Въ особенности сильный отрядъ г.-м. Бакланова часто приводилъ значительные транспорты на вьюкахъ, то съ хлѣбомъ, то съ фруктами, старавшіеся пробраться въ крѣпость съ горной стороны. Если нельзя ручаться, чтобы въ эти двѣ недѣли никто не прошелъ въ Карсъ, то можно поручиться, что тран-

спорта они не получали, и потому, хотя летучіе отряды не выполняли всего, чего я ожидалъ отъ нихъ въ разосланномъ къ начальникамъ мнѣніи моемъ о летучихъ отрядахъ, дѣйствіями ихъ можно было быть довольнымъ. Эти летучіе отряды назначены были г. главнокомандующимъ, а мною дана имъ была опредѣленная мѣстность дѣйствія, для отвѣтственности.

Въ рапортѣ ко мнѣ управ. военно-поход. канцеляріею отъ 20-го іюля за № 536 сказано, что главнокомандующій желаетъ, чтобъ весь хлѣбъ былъ выкошенъ около крѣпости на разстояніи пушечнаго выстрѣла, въ отвращеніе убыли людей. Всѣ хлѣба внутри лагеря и до пѣхотной цѣпи впереди его были выкошены тотчасъ по расположеніи войскъ. Для покоса хлѣба и травы были назначаемы ежедневныя фуражировки, подъ начальствомъ генераловъ, командовавшихъ частями; если фуражировка назначалась на лѣвомъ расположеніи войскъ, то начальникъ лѣваго фланга бралъ свои войска, а если слѣдовало косить за мѣстностью праваго фланга, тогда начальникъ этого фланга бралъ часть своихъ войскъ; такъ и впереди лагеря. Во время фуражировокъ половинная часть войскъ была во всей готовности. На каждой фуражировкѣ турки высыпали изъ крѣпости и перестрѣливались съ застрѣльщиками или съ казаками; но пѣхота только разъ вышла на горы, въ числѣ двухъ баталіоновъ, когда наши фуражиры на лѣвой мѣстности подошли къ подошвѣ порахскихъ высотъ, на которыхъ турки съ послѣдней рекогносцировки (1-го іюня) начали строить укрѣпленія.

25-го числа получено донесеніе отъ полк. Унгернъ-Штернберга, что идетъ въ войска подъ Карсъ по ардаганской дорогѣ большой транспортъ съ провіантомъ и съ отбитымъ скотомъ. Такъ какъ, свернувъ съ этой дороги въ нашъ лагерь, транспортъ долженъ былъ проходить довольно значительное разстояніе въ виду крѣпости, то для безопасности его слѣдованія была назначена на 26-е число фуражировка съ праваго

фланга, а такъ какъ передъ укрѣпленіями, что въ долинѣ, находилось большое пространство съ хлѣбомъ, къ которому наши фуражиры еще не подходили, избѣгая потерь, то командующій корпусомъ самъ принялъ начальство надъ фуражировкою. 26-го въ 10 час. утра, послѣ солдатскаго обѣда, часть войскъ праваго фланга и два дивизіона драгунъ Его Высочества Николая Николаевича полка съ одною легкою батареею и 4-мя конными орудіями перешли рѣчку у Караджурана и поднялись на плоскость, передъ карскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ лежащую. Поле, которое должно было скосить, лежало отъ войскъ, выступившихъ для прикрытія фуражировъ, съ лѣвой стороны, а транспортъ ожидался съ правой. Передъ нами тянулось возвышеніе, пересѣченное дорогой изъ Карса въ Команцуръ. Съ этого возвышенія было видно всякое движеніе непріятеля изъ крѣпости, почему пѣхота съ легкою батареею поставлена была къ лѣвому флангу, два орудія стали на дорогѣ, а кавалерія въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ пѣхоты, на правомъ флангѣ. Мы находились отъ укрѣпленнаго лагеря болѣе чѣмъ на дальній выстрѣлъ батарейной пушки; впереди разъѣзжали казаки. У непріятеля не замѣчалось никакого движенія. Фуражиры наши, подъ прикрытіемъ стрѣлковой цѣпи, начали косьбу хлѣба на всемъ обширномъ пространствѣ засѣяннаго поля. Вдругъ съ возвышенной батареи укрѣпленнаго лагеря былъ сдѣланъ выстрѣлъ—ядро упало за пѣхотою въ пустомъ пространствѣ влѣво отъ кавалеріи. Видя, что непріятель вооружилъ батарею, надъ которой въ послѣднее время работалъ, чтобъ ее возвысить, Бриммеръ приказалъ кавалеріи отойти вправо назадъ изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ, пѣхотѣ принять влѣво къ фуражирамъ, а симъ послѣднимъ не покидать работы, пока все поле не будетъ скошено. Турки не переставали стрѣлять. Первые выстрѣлы были съ большими интервалами, потомъ выстрѣлы участились, но видно было, что стрѣляли изъ одного большого чугуннаго орудія (24 фун.

пушки). Движеніе войскъ, чтобъ выйти изъ-подъ выстрѣловъ этого орудія, производилось медленно и въ порядкѣ. Орудія, стоявшія на дорогѣ, взявъ назадъ на передки, отходили шагомъ влѣво, и только при двухъ ротахъ, ихъ сопровождавшихъ, случился малый безпорядокъ: когда ядро ударило близъ оныхъ и оторвало ногу батарейному командиру подполк. Тальгрену (бывшему моему адъютанту), то двѣ роты пѣхоты (18-й дивизіи), отходившія съ орудіемъ, пошли назадъ ускореннымъ шагомъ, и тотчасъ были наказаны непріятелемъ—слѣдующее ядро попало въ нихъ и убило и ранило нѣсколько человѣкъ; впрочемъ, ихъ тутъ же остановили и приказали отходить шагомъ; все это маленькое разстройство продолжалось минуты двѣ. Когда войска отошли на указанныя имъ мѣста, командующій корпусомъ потребовалъ отъ драгунъ надежнаго офицера и 12 солдатъ, приказалъ имъ объѣхать все мѣсто, занимавшееся войсками, и посмотрѣть нѣтъ ли отсталыхъ раненыхъ. Это оказалось излишнимъ, и косьба продолжалась, прикрытая войсками справа; казацкіе пикеты остались на своихъ мѣстахъ, наблюдая за укрѣпленнымъ лагеремъ непріятеля. Разъ непріятельская конница показалась внѣ лагеря: постояла, посмотрѣла, но видя, что все въ порядкѣ, возвратилась. Въ два часа пополудни поле было чисто скошено, а когда мы возвращались въ лагерь, то г.-м. кн. Александръ Гагаринъ, глядя на огромные возы хлѣба и травы, сказалъ: „ну, давно не было такой обильной фуражировки“; однако, она стоила дорого: слишкомъ сто выстрѣловъ, сдѣланныхъ непріятелемъ, у насъ убили генер. штаба шт.-кап. Похомова и 2-хъ рядовыхъ, ранили командира драгунскаго полка г.-м. Куколевскаго и артилеріи подполковника Тальгрена, обоихъ ядрами въ бедра, и оба померли—г.-м. Куколевскій на третій день, а Тальгренъ въ тотъ же день, при ампутаціи, и 9 рядовыхъ.

Накрапывалъ дождикъ когда, часа въ три, войска, пропустивъ впередъ фуражировъ, стали спускаться въ лагерь. Въ

это же время вдали съ правой стороны замѣчена была масса, казалось, кавалеріи, подходившей по нашему направленію. Командующій корпусомъ, увѣренный, что это ожидаемый транспортъ, поручилъ г.-м. Майделю съ двумя баталіонами, 4-мя орудіями и 2-мя сотнями казаковъ идти медленно ему навстрѣчу. Часовъ около 6-ти транспортъ и высланныя войска прибыли исправно въ лагерь. Итакъ, дѣйствія войскъ въ нынѣшній день имѣли полный успѣхъ. Поля были оголены почти близь самой крѣпости, и для осажденныхъ остался со стороны плоскости истоптанный подножный кормъ подлѣ самаго лагеря.

Я нарочно изложилъ во всей подробности эту фуражировку, потому что толковъ было много объ оной. Въ Тифлисѣ разнесся слухъ, что турки насъ наголову побили, убитымъ и раненымъ числа нѣтъ, и кругомъ обвиняли командующаго корпусомъ; а у главнокомандующаго вѣсть о нашемъ пораженіи сливалась съ разсказомъ, будто бы командующій корпусомъ пытался взять карскія укрѣпленія и былъ за то наказанъ. Вотъ толки неблагонамѣренныхъ и праздныхъ людей, желавшихъ сказать (къ сожалѣнію) угодное главнокомандующему и оставшемуся въ Тифлисѣ к. Б—у. А дѣло было просто: хотѣли скосить поля близь крѣпости; не знали, что высокая, еще неоконченная батарея уже вооружена орудіемъ большого калибра и имѣли потерю. Да развѣ войну ведутъ безъ потери?

28-го числа турки съ своей стороны предприняли фуражировку. Они спустили большія массы кавалеріи съ шорахскихъ высотъ, подкрѣпили ихъ, расположивъ на этихъ высотахъ баталіоны съ артилеріею, и въ то же время выдвинули войска противъ праваго фланга нашихъ войскъ. Генералу Майделю съ 2-мя баталіонами пѣхоты и 4-мя легкими орудіями и генералу Бакланову съ 5-ю сотнями казаковъ приказано было идти къ шорахскимъ высотамъ и прогнать турокъ; войска въ лагерѣ стали въ ружье, ибо по турецкимъ войскамъ

и по движеніямъ въ самомъ лагерѣ можно было предполагать объ общемъ нападеніи. Но до такой похвальной рѣшительности начальники ихъ не дошли. Увидя приближеніе нашихъ казаковъ, кавалерія ихъ, около 2-хъ тысячъ, побросавъ вьюки, поскакала на гору; нѣсколько человѣкъ было догнано и порублено. Видя это, пѣхота, вышѐдшая изъ лагеря, также возвратилась. Тѣмъ и кончилась тревога.

Въ день прибытія генерала Муравьева командующій корпусомъ ѣздилъ къ нему изъ Команцура съ донесеніемъ. 1-го августа ген. Муравьевъ пріѣзжалъ въ Команцуръ, осматривалъ расположеніе тамошнихъ войскъ и нашелъ, что оно очень близко къ крѣпости. 2-го августа главнокомандующій, рѣшивши принудить Карсъ къ сдачѣ блокадою, призналъ расположеніе войскъ при с. Тикмѣ несоотвѣтствующимъ цѣли по отдаленностѝ отъ крѣпости (18 верстъ), а у Команцура очень близкимъ (4 вер.), и потому приказалъ перенесть лагери всѣхъ войскъ къ с. Чифтлигаю, на р. Карсъ-чаѣ. Командующій дѣйствующимъ корпусомъ г.-л. Бриммеръ расположилъ войска остававшіяся предъ Карсомъ, на лѣвомъ берегу рѣчки; войска, возвратившіяся изъ-за Соганлуга, стали на правомъ берегу, правымъ флангомъ къ рѣкѣ, оставаясь подъ начальствомъ г.-л. Ковалевскаго. Ставки и штабы главнокомандующаго и командующаго корпусомъ расположились на правомъ возвышенномъ берегу. Для облегченія сообщенія, несмотря на повсемѣстные броды, построили мостъ. Госпиталь, парки и провіантскіе обозы поставили въ 2-хъ верстахъ, къ горамъ, позади лагеря. Лѣвый берегъ Карсъ-чая гораздо выше праваго, а вся мѣстность представляетъ отлогій склонъ горъ до самой рѣки; правый же берегъ прилегаетъ къ упомянутой мною выше долинѣ. Фронтъ пѣхоты былъ на протяженіи 5-ти верстъ около Карса; лѣвый флангъ отряда г.-л. Ковалевскаго примыкалъ къ невысокимъ отрогамъ горъ, на коихъ, близъ с. Бозгала, поставленъ сильный конный отрядъ съ артилеріею полк. Дон-

дукова-Корсакова; далѣе, окружая Карсъ къ сѣверу, у озера Айгеръ-гель, стоялъ съ коннымъ отрядомъ полк. бар. Унгернъ-Штернбергъ, соединяясь разъѣздами вправо съ кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ, а влѣво съ сильнымъ коннымъ отрядомъ г.-м. Бакланова, стоявшаго у с. Меликъ-кёвъ; послѣдній своимъ лѣвымъ флангомъ, разъѣздами, соединялся съ стоявшимъ на плоскости у горы Ягны-дагъ коннымъ отрядомъ п. Едигарова. Вся остальная кавалерія, расположенная при с. малой Тикмѣ, подъ начальствомъ г.-м. Нирода, соединялась разъѣздами съ п. Едигаровымъ, а съ лѣвой стороны находилась въ разстояніи только $1^1/_2$ вер. отъ праваго фланга войскъ г.-л. Бриммера. Изъ этого изложенія видно, что пѣхота, т. е. весь корпусъ войскъ стоялъ на югѣ по обоимъ берегамъ р. Карсъ-чая, правымъ и лѣвымъ флангами примыкая къ горамъ, а все остальное пространство было облегаемо пятью кавалерійскими отрядами, изъ коихъ три сильныхъ, съ артилеріею, и два легкихъ, промежуточныхъ, бар. Унгерна и Едигарова. Такое расположеніе блокирующихъ войскъ, заслоняя пѣхотою отъ Эрзерума всякій подвозъ транспортовъ къ Карсу и всякое сношеніе съ этой стороны съ окрестностями, охраняло противоположныя стороны (къ Ардагану горами и лежащую на плоскости дорогу къ Александрополю) кавалерійскими отрядами и сильными разъѣздами. Только прокрадывавшимся курьерамъ, можетъ быть, удавалось въ ночное время входить или выходить тайкомъ изъ Карса; но что это было не легко и что бдительность разъѣздовъ была строга, доказывается перехватываніемъ оныхъ съ почтою.

Кажется, въ Петербургѣ ожидали болѣе рѣшительныхъ дѣйствій отъ главнокомандующаго и, вѣроятно, что нибудь и писали, а потому онъ началъ все говорить, что провіантская часть его озабочиваетъ, и чтобъ удостовѣрить и самыя войска въ томъ, приказалъ уменьшить дачу провіанта, замѣнивъ его мясомъ. Эти опасенія насчетъ провіанта были совершенно

излишки, ибо онаго въ заготовленіи имѣлось достаточно, въ мукѣ и сухаряхъ, въ Александрополѣ, зерно перемалывалось тамъ удовлетворительно и перевозка успѣшно шла по 70-ти-верстному разстоянію; въ лагерѣ же сухарей было на все войско въ подвижномъ магазинѣ отъ 30-ти до 40-а дней, а на людяхъ 10-ти-дневный; притомъ мы находились въ странѣ, которую можно назвать житницей; а потому 10-го августа приказано прекратить уменьшенную дачу и выдавать провіантъ по положенію. При такомъ расположеніи войскъ, только со 2-го августа можно дѣйствительно сказать, что блокада была строгая, отъ коей ожидать можно было сдачи. Тутъ стали мы устраиваться подомашнему, всѣ войска выписали суконные брюки и полушубки для предстоящаго холоднаго времени; жителей окрестныхъ деревень оповѣстили, чтобъ привозили на базаръ все съѣстное; началось правильное заготовленіе сѣна фуражировками, такъ что всѣ окрестности скосили и вездѣ запаслись сѣномъ. Хотя съ самаго начала сѣно и привозили на базаръ, но покупали его больше начальники; войска же покупкою только улучшали въ позднее время накошенное. Чаще стали появляться бѣглые изъ Карса. Около крѣпости нѣтъ ни былинки травы; турки начинаютъ искать траву въ большемъ отдаленіи, но ихъ вгоняютъ въ крѣпость, и всегда съ потерею нѣсколькихъ убитыхъ и плѣнныхъ; эти послѣдніе до того оборваны и нечисты, что наши солдаты къ нимъ боялись прикоснуться; почти всегда у нѣхотинца сапоги безъ подошвъ, а ноги обернуты чѣмъ попало. Иногда турки выходили изъ укрѣпленнаго своего лагеря въ значительныхъ силахъ, но только-что отъ насъ выдвинутъ нѣсколько войскъ, они въ порядкѣ уходили домой. Эти выходы изъ крѣпости, эти попытки накосить травы въ отдаленіи или бѣжать были безпрестанны и всегда кончались однимъ и тѣмъ же: часть порубятъ, остальныхъ вгоняютъ въ крѣпость, и добываютъ наши много лошадей.

Главнокомандующій организировалъ управленія вокругъ

лежащихъ санджаковъ, которые, кромѣ правильной подати (кажется, зерномъ), доставляли войскамъ все, что требовалось.

Но, видно, кавалеріи пришлось круто. Съ 22-го на 23-е число, въ темную ночь, турецкая кавалерія, ведя съ собою артилерійскихъ лошадей, вышла изъ Карса, но, предупрежденные лазутчиками, наши кавалерійскіе отряды, расположенные въ той сторонѣ по горамъ—Дондукова, Бакланова и Унгерна —ожидали ихъ и часть отряда послѣдняго, прибывшая первою на мѣсто, совершенно неожиданно врѣзалась въ толпу турокъ и раздвоила оную пополамъ. Часть бросилась обратно въ крѣпость, а большая часть поскакала къ горамъ. Изъ послѣднихъ, небольшой части конницы, удалось, пользуясь темнотою ночи и знаніемъ мѣстности, счастливо ускакать въ горы и пробраться къ своимъ, но всѣ пѣшіе и худоконные, разстроенные нашимъ нападеніемъ, пустились врассыпную по горамъ. Преслѣдуемые, усталые, многіе въ каменникахъ и въ лѣсу образовавъ кучки, защищались, но безуспѣшно. Одна изъ такихъ кучекъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, устроила на вершинѣ горы изъ каменьевъ родъ укрѣпленія, залегла за нимъ и защищалась, но напрасно; она была счастливѣе другихъ только тѣмъ, что сама себѣ выбрала мѣсто, съ котораго уже не встала..... наши драгуны и казаки не положили хулы на руку. Пока одни добивали защищавшихся, другіе преслѣдовали бѣгущихъ, взяли сто два плѣнныхъ, нѣсколько сотъ лошадей и много оружія. Потеря турокъ была значительна, ибо трупы валялись по горамъ, въ ущельяхъ, въ обрывахъ и по всей мѣстности, что глазомъ окинуть. У насъ убито, кажется, пять или шесть, да ранено 3 офицера и до 10-ти нижнихъ чиновъ. Послѣ этого неудачнаго ухода части гарнизона изъ крѣпости турки пасли своихъ лошадей въ рукахъ около оной, т. е. на голой землѣ, и, кажется, въ это же время приказано было убить до 2-хъ т. лошадей (какъ говорили турки) и зарыть въ землю внутри укрѣпленнаго лагеря; но пять дли-

ныхъ кургановъ, конхъ мы видѣли внутри ихъ лагеря, кажется, не могли вмѣстить болѣе половины этого числа.

Въ концѣ августа всѣ окружныя горы покрылись снѣгомъ. Мы стоимъ, повидимому, на 5000 футъ надъ уровнемъ моря. Начинаетъ холодѣть, а еще полушубковъ не везутъ, хотя должны быть скоро.

Къ сторонѣ г. Ольты, въ горахъ у д. Пенякъ, стоялъ отрядъ турецкихъ войскъ Али-паши, числительностью около 3-хъ тысячъ при нѣсколькихъ горныхъ орудіяхъ. Главнокомандующій послалъ въ ночь на 29-е число ген. Ковалевскаго прогнать ихъ. Какъ только показался на горахъ лагерь, тотчасъ охотники (разныхъ народовъ) полковъ. Лорисъ-Меликова пустились, очертя голову, на турокъ, за ними—казаки, а для поддержки ихъ—нѣсколько эскадроновъ драгунъ. Храбрый Али-паша, хотя приказалъ проворнѣе вьючить, тѣмъ не менѣе съ нѣсколькими регулярными войсками, при немъ бывшими, и съ храбрѣйшими изъ баши-бузуковъ хотѣлъ защищаться, но быстрота натиска и неустойчивость турокъ были причиною общаго бѣгства: рубили наповалъ, досталось и нашѣ—раненый въ голову и руку, онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 1 офицеромъ и 40 нижними чинами. Какъ разсказывали мнѣ казаки, убитыхъ во время преслѣдованіи было нѣсколько сотъ, какъ и должно быть; почти весь отрядъ ускакалъ—лошади были бодрыя, на хорошемъ горномъ корму; весь лагерь взятъ—много оружія, скота, лошадей; какъ трофеи—2 значка, 4 горныхъ орудія и болѣе 100 вьючныхъ зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ. Однимъ словомъ, г.-л. Ковалевскій славно исполнилъ данное ему порученіе.

Пріятное время осень на Востокѣ. Жары спадаютъ; теплый благорастворенный воздухъ, чистое темно-голубое небо и вновь оживляющаяся природа даютъ также счастливое настроеніе всему существу человѣка! Конечно, мы передъ Карсомъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября не могли похвалиться,

что дышемъ благотворнымъ воздухомъ—онъ-таки начиналъ крѣпко холодѣть, въ особенности по утрамъ, когда былъ очень чувствителенъ. Ужъ и снѣгъ выпадалъ по горамъ; но этотъ горный воздухъ такъ живителенъ, здоровъ и бодритъ человѣка, что всѣ мы были постоянно въ хорошемъ расположеніи духа. У солдатъ веселое настроеніе проявлялось въ играхъ (въ мячъ, палки; въ этой игрѣ принималъ участіе и главнокомандующій, обыкновенно въ лейбъ-карабинерномъ полку, коимъ онъ командовалъ въ половинѣ 20-хъ годовъ), въ прыганьи чрезъ человѣка, въ пѣсняхъ и въ дружномъ смѣхѣ надъ разными фарсами какого нибудь шутника. Базары наши были полны съѣстныхъ припасовъ: рыба, правда, мелкая, разные фрукты, довольно дешевыя туземныя сладости, не совсѣмъ привлекательной чистоты, но доступныя карману солдата, все это при хорошей пищѣ и водкѣ, получаемой солдатомъ, были причиною, какъ я сказалъ, бодраго расположенія духа; и хотя стоянка передъ запертою крѣпостью не представляетъ разнообразныхъ развлеченій, но при доброй волѣ и съ скукою справлялись, кто какъ умѣлъ. 3-го сентября, только-что я, утромъ въ 7 часовъ, вышелъ изъ палатки къ чайному столику, какъ подходитъ ко мнѣ одинъ штабный офицеръ и говоритъ: „Слышали, в. п., за рѣкой, въ 18-й дивизіи холера! нашъ фельдшеръ былъ тамъ и говоритъ самъ видѣлъ“... И дѣйствительно, такъ и было... рыба, холодное время, неспѣлые фрукты были причиною холерныхъ припадковъ. Болѣзнь развилась, изъ-за рѣки перешла къ намъ въ госпиталь и по всему лагерю. Улучшили пищу, прибавили водки, въ кашу перцу, подвезли тулупы и зимніе панталоны, но холера взяла свое—6 недѣль не оставляла лагеря, но все-таки не была такъ страшна, какъ побаивались сначала. Когда вѣсть разнеслась по лагерю, пѣсни утихли и наступило какое-то серьозное настроеніе, очень похожее на боязнь. Но это продолжалось первые три, четыре дня: видя заботу начальства и что все

идетъ своимъ порядкомъ, что въ разныхъ мѣстахъ лагеря велѣно играть музыкѣ, нашъ славный русскій солдатъ плюнулъ на холеру, ладонь къ щекѣ и затянулъ: „Снѣги мои бѣлы, снѣги.“

По ночамъ мы постоянно тревожили турокъ: подползали къ ихъ укрѣпленному лагерю, въ разныхъ мѣстахъ стрѣляли изъ ружей и пускали ракеты по палаткамъ; или вдругъ вдоль непріятельскаго лагеря взадъ и впередъ съ гикомъ и крикомъ проскачутъ казаки. Разумѣется, стрѣльба, ракеты и крикъ всегда переполошатъ лагерь, поднимается бѣготня, крики офицеровъ, паданіе ружей и безцѣльная стрѣльба въ виноватаго, какъ говорятъ; иногда и пушка грохотнетъ, но все напрасно: кто васъ разбудилъ, тѣ ужъ далеко и смѣются надъ вашей безпутной сумятицей; остается вамъ одно утѣшеніе—прогнать проклятыхъ гяуровъ и, если можете успокоится, то заснуть...

Холера увеличивается; каждый день заболѣваетъ болѣе, но слава Богу, умираетъ мало; внизу, за рѣкой, она сильнѣе чѣмъ въ прочихъ войскахъ—или 18-я дивизія слабѣе кавказскихъ, или отъ того, что мѣстность сырая?

Въ это время главнокомандующій ежедневно распускалъ слухи, что турки хотятъ напасть ночью на нашъ лагерь, а потому все болѣе и болѣе увеличивались мѣры предосторожности и бдительности; но, несмотря на строжайшія приказанія быть осторожнымъ и всякую ночь совершенно готовымъ къ отраженію непріятельскаго нападенія, не думаю, чтобъ многіе повѣрили помышленіямъ турокъ о ночномъ нападеніи, ибо всѣмъ было хорошо извѣстно состояніе турецкихъ войскъ. Нѣкоторые смѣялись излишней осторожности, другіе же понимали, что главнокомандующій не даромъ распускаетъ слухи о ночномъ нападеніи, но не отгадывали его намѣреній; да и трудно было что придумать: блокада ужъ высказывала свои страшныя послѣдствія—уныніе, тоска, отчаяніе, голодъ и смерть уже воцарились въ Карсѣ. Казалось бы, только продолжать

стѣсненіе крѣпости и ждать терпѣливо скораго конца. Въ началѣ сентября пронесся слухъ, что Омеръ-паша съ сильнымъ войскомъ высадился въ Батумѣ и идетъ на помощь Карсу. Слухи эти что день, то все болѣе подтверждались и, кажется, вѣсти эти принимались съ большимъ удовольствіемъ въ лагерѣ: вотъ хоть подеремся порядочно, думали всѣ, коимъ наскучило бездѣйствіе. И вправду, слишкомъ 30 тысячъ отборнаго войска собрано въ кучу—и вотъ болѣе трехъ мѣсяцевъ или прогуливается по Турціи, или сидитъ и смотритъ на Карсъ! Не очень забавное препровожденіе времени.

15-го числа нѣкоторые старшіе начальники были приглашены къ главнокомандующему. Увы—военный совѣтъ! Для чего же это? Онъ умнѣе, ученѣе, опытнѣе насъ всѣхъ, а все-таки собираетъ военный совѣтъ! Когда мы усѣлись въ ставкѣ, главнокомандующій изложилъ намъ для чего насъ собралъ: Омеръ-паша высадился въ Батумѣ съ 30 т. войскомъ и идетъ на освобожденіе Карса,—*„это извѣстіе вѣрно;“* до прибытія наши, по его мнѣнію, надобно овладѣть крѣпостью и потомъ встрѣтить уже нашу; овладѣть же крѣпостью можно только штурмомъ! ..... говорилъ долго и хорошо. Е. в.-п. сказалъ потомъ, что желалъ бы знать мнѣніе каждаго изъ насъ и обратился къ командующему корпусомъ: „прошу васъ, скажите ваше мнѣніе.“ Ген. Бриммеръ въ нѣсколькихъ словахъ высказался такъ: по его мнѣнію, Омеръ-паша, если онъ дѣйствительно высадился въ Батумѣ, не можетъ скоро прійти къ Карсу по плохимъ, вовсе не разработаннымъ дорогамъ; шествіе его слѣдственно будетъ медленное. Тутъ главнокомандующій прервалъ его, сказавъ: „паша черезъ недѣлю можетъ быть здѣсь.“—„Въ такомъ случаѣ в. в.-п—ву лучше извѣстно положеніе Карса и можемъ ли мы ожидать сдачи крѣпости до прибытія Омеръ-паши, т. е. черезъ недѣлю?“—„Въ этомъ я не увѣренъ, чтобъ черезъ недѣлю сдалась крѣпость; я полагаю, что необходимо или побить нашу, или до его прихода

взять крѣпость. Такъ вы согласны на штурмъ?“ — „Согласенъ!“ Если не ошибаюсь, кажется, всѣ были почти одинаковаго мнѣнія. Вникнуть и повѣрить, отчего всѣ согласились съ мнѣніемъ главнокомандующаго штурмовать крѣпость послѣ двухмѣсячной блокады, когда уже гибельныя слѣдствія оной начали сильно выказываться, мнѣ кажется, не трудно; по крайней мѣрѣ, судя по себѣ о другихъ, я скажу просто, что мы всѣ были увѣрены въ успѣхѣ и всѣмъ надоѣла бездѣйственная стоянка около Карса и мирныя прогулки по окрестностямъ. Желалось развлеченіе и, повторяю, мы были увѣрены въ успѣхѣ, иначе мнѣнія разошлись бы въ военномъ совѣтѣ. Но если скоро согласились на штурмъ, то не такъ было когда главнокомандующій началъ читать составленную имъ диспозицію къ оному. Драться всѣ хотѣли, но хотѣли успѣха непремѣнно. Главнокомандующій назначилъ четыре отдѣльныя колонны и пятую въ резервъ. Ген. Майдель съ гренадерами и ген. Ковалевскій съ особымъ отрядомъ должны были идти на шанцы шорахскихъ высотъ, по лѣвую сторону Карсъ-чая, со стороны рекогносцировки 1-го іюля; третій отрядъ, подъ начальствомъ г.-л. кн. Гагарина, долженъ быть со стороны укрѣпленнаго лагеря на плоскости правой стороны Карсъ-чая, и тамъ же кавалерійскій отрядъ г.-м. Нирода; наконецъ, резервъ, подъ начальствомъ командующаго корпусомъ, расположится на плоскости у подошвы шорахскихъ горъ. На этихъ шорахскихъ высотахъ турки послѣ нашей рекогносцировки 1-го іюля начали строить полевыя укрѣпленія съ значительною профилью, чтобъ обезопасить себя отъ нашего нападенія съ этой стороны; они состояли изъ замкнутаго редута, отъ котораго въ одну сторону шла длинная линія, наполовинѣ съ тупымъ входящимъ угломъ и на концѣ съ эполементомъ; по другую сторону редута, вдоль надъ крутымъ всходомъ горы, была, саженяхъ въ 50-ти батарея; отъ оной, саженяхъ въ 20-ти, не совсѣмъ сомкнутое небольшое укрѣпленіе, а отъ него

на такомъ же разстояніи линія, вогнутая въ срединѣ и съ эполементами на концахъ, ... *) притомъ были на горѣ еще довольно рельефные ложементы и нѣсколько редутовъ, изъ коихъ два, кажется, съ орудіями; пространство, раздѣлявшее линіи укрѣпленій, было сажень 50.

Такое распредѣленіе войскъ всѣмъ намъ показалось неправильнымъ: зачѣмъ, когда хочешь дѣйствовать на высотахъ и имѣть успѣхъ, держать отрядъ Гагарина на плоскости? тамъ довольно было и Нирода,—и разомъ всѣ заговорили, но уступили слово ген. Броневскому, видя, что онъ горячо взялся за слово. Но, увы! всѣ наши доводы не могли поколебать убѣжденія главнокомандующаго въ непогрѣшимости сдѣланной имъ диспозиціи. Упрямый характеръ Н. Н. Муравьева всѣмъ извѣстенъ. Вначалѣ онъ сказалъ нѣсколько словъ ген. Броневскому, потомъ, какъ бы совершенно озадаченный настойчивымъ противорѣчіемъ подчиненныхъ своихъ, сидѣлъ въ креслахъ, согнувшись и устремя неподвижный взоръ на лежащую предъ нимъ диспозицію. Тотъ и другой изъ господъ говорили слово, другое; Броневскій опонировалъ. Я сидѣлъ по другую сторону стола, противъ главнокомандующаго, но почти бокомъ къ нему, и думалъ о военныхъ совѣтахъ! Это продолжалось немного болѣе пяти минутъ. Нѣсколько разъ старался я глазами просить Броневскаго перестать, но какъ удержать горный потокъ? Такъ какъ онъ былъ правителемъ канцеляріи главнокомандующаго, то, вѣроятно, уже имѣлъ съ нимъ разговоръ о диспозиціи, и также вѣроятно, что доводы Броневскаго были не очень внимательно приняты—и потому въ совѣтѣ несдержанный потокъ доводовъ полился. Наконецъ, видимо оскорбленный всеобщимъ противорѣчіемъ, главнокомандующій всталъ или, лучше, приподнялся со стула и, упершись на столъ обѣими руками, сказалъ: „я слышалъ ваши мнѣнія, господа“—и поклонился. Всѣ встали и вышли

*) Въ рукописи пропускъ. *Ред.*

изъ палатки. Совѣтъ кончился..... Мнѣ непріятно было оставить главнокомандующаго въ такомъ непріязненномъ расположеніи духа и притомъ я хотѣлъ его убѣдительно просить перемѣнить диспозицію, войска кн. Гагарина безъ нужды не оставлять въ долинѣ и не ослаблять идущихъ на штурмъ. Минутъ чрезъ десять я опять былъ въ палаткѣ. Николай Николаевичъ сидѣлъ также какъ мы его оставили. Я извинился, что безпокою его и просилъ не сердиться на Броневскаго, такъ горячо просившаго о перемѣнѣ распредѣленія войскъ, потому что дѣйствительно всѣмъ кажется, что отрядъ Гагарина будетъ на плоскости излишній, и пр., пр. Выслушавъ, онъ очень привѣтливо поблагодарилъ меня, что я пришелъ, и неудовольствіе его на противорѣчіе гг., кажется, немного улеглось. Ну, мнѣ только и надо было.

По разосланной диспозиціи на другой день, отрядъ кн. Гагарина былъ назначенъ дѣйствовать между отрядами Майделя и Ковалевскаго, т. е. штурмовать укрѣпленія. Увы, и это было не хорошо: зачѣмъ бы не слить со вторымъ?... да и за то спасибо!

Сила штурмующихъ колоннъ была слѣдующая:

1) Главная колонна, г.-м. Майделя, изъ кавказскихъ гренадеръ и части 18-й дивизіи, $11^1/_2$ баталіоновъ, имѣла при себѣ батарейную № 1-й и легкую № 1-й батареи кавказской гр. бригады, 4 турецкихъ горныхъ орудія и 5 сотень казаковъ.

2) Колонна кн. Гагарина—4 баталіона и 4 пѣшихъ орудія.

3) Ген.-лейт. Ковалевскаго—6 баталіоновъ, 8 легкихъ и 8 конныхъ орудій, 8 эскад. драгунъ, 5 сотень казаковъ и 8 ракетныхъ станковъ.

Резервъ, подъ начальствомъ командующаго корпусомъ г.-л. Бриммера, $10^1/_4$ баталіоновъ, 20 орудій полевыхъ и 2 осадныхъ и 5 сотень казаковъ, былъ расположенъ не въ дальнемъ разстояніи отъ подошвы горъ, въ долинѣ, близъ башни Гюмбетъ.

Эти войска должны были взять укрѣпленія на шорахскихъ

высотахъ. Штурмовать укрѣпленія на чахмахскихъ высотахъ, такъ называемую англійскую линію, съ фортъ Вилліамсъ и фортъ Лазъ, поручено было съ другой стороны г.-м. Базину съ отрядомъ изъ 2-хъ баталіоновъ, 16-ти орудій, 2-хъ эскадроновъ драгунъ и 12-ти сотенъ казаковъ при 8-ми конныхъ орудіяхъ. Казаки и при нихъ бывшія орудія были подъ командою г.-м. Бакланова.

На долинѣ противъ укрѣпленнаго лагеря стоялъ г.-м. Ниродъ съ 3-мя баталіонами пѣхоты, 8-ю пѣшими орудіями, 5-ю сотнями казаковъ и 8-ю конными орудіями; отрядъ этотъ долженъ былъ, угрожая туркамъ, прикрывать какъ лагерное расположеніе, такъ и дорогу отъ всякаго дѣйствія непріятеля.

Линія укрѣпленій, предназначенная для колонны Майделя, лежала, какъ сказано выше, на шорахскихъ высотахъ и начала строиться съ 1-го іюля, послѣ нашей рекогносцировки, слѣдственно передъ нашими глазами. Дорога для гренадеръ на эту возвышенность шла по крутому скату высокой горы; взойдя на гребень, вотъ что должно было представиться ихъ взорамъ: въ разстояніи 350-ти с. предъ собою—укрѣпленная линія сажень въ 150, замыкаемая слѣва (какъ мы стоимъ) сильнымъ редутомъ, а справа эполементомъ; сама линія была въ срединѣ ломана тупымъ угломъ; между эполементомъ и скалистой горой Муха шло продолженіе дороги; по сю сторону Мухи, вправо—широкая отлогая ложбина, доходящая до долины, гдѣ стоялъ резервъ и гдѣ послѣ я увидѣлъ раненыхъ. Вся эта мѣстность была сильно обстрѣливаема артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ съ укрѣпленной линіи и съ укрѣпленія Чимъ-табія, стоящаго сзади линіи. Въ разстояніи 50-ти с. влѣво отъ большого редута было отдѣльное укрѣпленіе; отъ него на нѣкоторомъ разстояніи опять укрѣпленная линія, лежащая уже по самому обрыву крутой горы, такъ что колоннамъ кн. Гагарина и Ковалевскаго послѣдній шагъ на гору надобно было сдѣлать чрезъ брустверъ. Сзади описанныхъ ли-

ній и укрѣпленій на этой нагорной плоскости были расположены въ разныхъ мѣстахъ батареи и ложементы, другъ друга хорошо обстрѣливавшіе.

Теперь время сказать, что турки знали съ вечера отъ лазутчиковъ о намѣреніи нашемъ штурмовать укрѣпленія шорахскихъ высотъ, и потому Вилліамсъ поручилъ венгерцу Кмети (Измаилъ-паша) быть въ готовности принять насъ; и должно признаться, маджаръ принялъ съ честью и, вѣроятно, сожалѣлъ, что не удалось проводить какъ бы желалъ, чтобъ достойно отблагодарить за вмѣшательство 1849 года.

Поздно вечеромъ колонны выступили изъ лагеря и начали выстраиваться по направленіямъ своего назначенія. При лунной ночи турки видѣли черныя массы, двигавшіяся къ шорахскимъ высотамъ и вошедшія въ лощину между этими высотами и Столовою горою. То были колонны генераловъ Ковалевскаго и кн. Гагарина. За ними длинная черная масса приближалась къ подошвѣ шорахскихъ горъ, и, какъ турки говорили послѣ, казалось этой колоннѣ и конца нѣтъ. Но вотъ она подошла къ высотамъ, смасшировалась и заняла всю ложбину. Чтожъ это за черныя тѣни покрываютъ снова долину? Это 10 баталіоновъ резерва съ слишкомъ 20-ю орудіями, 5-ю сотнями казаковъ и съ транспортомъ для раненыхъ. Резерву назначено было сборное мѣсто у башни Гюмбетъ, у подошвы широкой лощины, служащей тоже спускомъ съ шорахскихъ высотъ.

Въ 3 часа колонна ген. Майделя стала всходить на гору. Едва гренадеры показались на высотѣ и легкая батарея выстроилась, какъ пушечный выстрѣлъ съ турецкаго редута ударилъ въ войска и былъ сигналомъ къ жесточайшему артилерійскому и ружейному огню. Это былъ первый привѣтъ (было половина пятаго); баталіоны бросились на линію и въ обходъ эшелемента, артилерія снялась съ передковъ. Не прошло и 20-ти минутъ, линія до редута была въ нашихъ рукахъ;

взято 40 орудій, нѣсколько знаменъ, много значковъ и два отдѣльныхъ лагеря, стоявшихъ позади укрѣпленія. Валявшіеся трупы турокъ за укрѣпленіемъ и близъ палатокъ показывали, что турки крѣпко защищались. Вмѣстѣ съ штурмомъ линіи и съ обходомъ оной часть колонны Майделя пошла прямо на редутъ. Можно вообразить, что она потеряѣла на 350-тисаженномъ пространствѣ, совершенно открытомъ! Картечь и пули валили людей. Гренадеры добѣжали до рва редута, бросились въ ровъ съ крикомъ „ура“ и полѣзли на брустверъ, но тутъ былъ предѣлъ успѣха. Утомленные, разстроенные большою потерею, почти безъ начальниковъ, они изъ глубокаго рва не могли подняться на крону бруствера, откуда турки били любого.... Четыре горныхъ единорога стрѣляли по туркамъ, спѣшившимъ на помощь своимъ. Первый натискъ на редутъ былъ отбитъ; Майдель раненъ.

Вмѣстѣ съ главною колонною двинулись на гору кн. Гагаринъ и Ковалевскій. Первый шелъ на отдѣльную батарею, саженяхъ въ 50-ти отъ большого редута, взялъ ее и бросился влѣво на отдѣльный веркъ; но жесточайшимъ огнемъ съ верка и стоявшаго внѣ онаго баталіона колонна была совершенно разстроена, а кн. Гагаринъ, сильно раненый въ челюсть и горло, былъ вынесенъ людьми. Отбитая колонна, унося своихъ раненыхъ, спускалась съ покатости къ колоннѣ ген. Ковалевскаго, которая также въ это время отступала съ своимъ тяжело раненымъ въ пахъ генераломъ внизъ съ горы въ ложбину.

Колонна ген. Ковалевскаго, взбираясь по довольно крутой каменистой отлогости, имѣла на вершинѣ предъ собою, какъ сказано выше, укрѣпленную линію, вогнутую внутрь. Турки выждали и, допустивъ усталыхъ людей добраться до близкаго выстрѣла, встрѣтили ихъ жестокимъ перекрестнымъ огнемъ съ полукруга. Люди шли, но уже разстроившись, потомъ бросились въ ровъ и нѣсколькимъ удалось взлѣсть на брустверъ за

своимъ полковымъ командиромъ п. Шликевичемъ, убитымъ на кронѣ онаго. Тутъ огонь участился, всякій выстрѣлъ былъ вѣренъ. Генералъ Ковалевскій, сильно раненый, упалъ, и молодые солдаты, преслѣдуемые огнемъ непріятеля, спускались съ горы скорѣе чѣмъ всходили, несмотря на то, что тащили своихъ раненыхъ. При отступленіи по скату горы остатки колоннъ кн. Гагарина и Ковалевскаго слились въ одну массу людей, болѣе не принимавшихъ участія въ битвѣ.

Наши молодцы линейскіе казаки также поскакали на гору, предполагая найти широкій путь для себя между линіями, но наткнулись на укрѣпленія. Понеся жестокую потерю, они проскакали между ними и, встрѣтивъ сзади укрѣпленій турецкій баталіонъ, врѣзались въ него, рубили, топтали турокъ и сбросили съ горы къ Карсъ-чаю. Однако побѣдители должны были бѣжать отъ артилерійскаго огня съ другихъ укрѣпленій и, соединясь съ колонною Майделя, удалиться съ поля битвы.

Всѣ эти дѣйствія произошли одновременно и продолжались много-что полтора часа; когда толпы двухъ колоннъ спустились съ горы было половина седьмого. Это былъ первый моментъ штурма. Колонна Майделя занимала всю правую линію укрѣпленій, половина войскъ была по эту сторону, гдѣ ровъ, другая, съ артилеріею, по сторону валганга; нѣсколько орудій стрѣляло въ редутъ, всѣ другія были обращены въ противоположную сторону и дѣйствовали по укрѣпленіямъ, обстрѣливавшимъ всю мѣстность, или по войскамъ, спѣшившимъ къ редуту.

Но если этотъ первый моментъ штурма рѣзко обозначился въ колоннахъ Ковалевскаго и кн. Гагарина, потому что, потерявъ обоихъ старшихъ начальниковъ, полкового командира и почти всѣхъ баталіонныхъ и ротныхъ убитыми или ранеными, онѣ, совершенно разстроенныя и опрокинутыя въ долину, должны были потерять надежду на успѣхъ и остались въ без-

дѣйствіи (одинъ баталіонъ колонны кн. Гагарина, оставшійся въ резервѣ, внизу, не участвовалъ въ дѣлѣ и былъ посланъ главнокомандующимъ къ гренадерамъ), то не такъ было съ колонною кавказскихъ гренадеръ. Несмотря на потерю, они почти исполнили возложенное на нихъ порученіе, и потому начальникъ ихъ, видя, что вся линія и лагерь у нихъ въ рукахъ, постарался тотчасъ же возобновить штурмъ редута. Въ это время г.-м. Базинъ, отрядъ коего имѣлъ сборное мѣсто въ д. Килиса, близъ праваго берега Карсъ-чая, откуда и началъ наступленіе, кажется, около 6-ти часовъ утра,—Базинъ, взобравшись на чахмахскія высоты со стороны с. Чахмахъ, скоро занялъ укрѣпленныя линіи до редута, почти не имѣвшія войскъ для защиты, взялъ нѣсколько орудій, изъ коихъ, кажется, три увезъ съ собою при отступленіи, и, занимая линію, дошелъ до занятаго редута, гдѣ остановился по незначительности своихъ силъ. Между тѣмъ турки спѣшили изъ Карса на помощь своимъ. Кавалерія генерала Бакланова, остановившаяся внѣ выстрѣловъ, при отступленіи была полезна, какъ увидимъ ниже.

Въ началѣ 7-го часа начальникъ резерва получилъ отъ главнокомандующаго приказаніе послать два баталіона на подкрѣпленіе колонны гренадеръ. Не прошло и полчаса—еще приказаніе: послать еще два баталіона туда же и самому прибыть къ главнокомандующему, находившемуся на Столовой горѣ. Гренадеры, отбитые первый разъ отъ редута, тотчасъ возобновили штурмъ, но безуспѣшно. Турецкіе баталіоны, по отступленіи другихъ колоннъ, бросились на помощь редуту. Два баталіона, прибывшіе къ намъ изъ резерва, немедленно были введены въ дѣло—напрасно! Въ это время ген. Майдель былъ раненъ въ грудь; его вынесли, команду принялъ ген. Гонецкій.

Такъ съ 6-ти часовъ, послѣ перваго отбитія войскъ отъ редута, постоянно были направляемы на него войска: прежде своего резерва, потомъ присылаемыя изъ главнаго резерва—пять баталіоновъ и одинъ изъ колонны кн. Гагарина. Когда

Ганецкаго ранили, начальство принялъ артилерійскій бригадный командиръ полковникъ Москалевъ; его убили. Послѣ него уже, можно сказать, войска остались безъ начальника. Баталіонные командиры распоряжались своими частями, т. е. у кого было что цѣлаго, тотъ шелъ на редутъ. Храбрый кн. Тархановъ съ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ нѣсколько разъ бросался въ ровъ и лѣзъ на крутость бруствера; Ганецкій бралъ знамя, чтобъ возбудить удаль, дошелъ до рва—и раненаго вынесли; Кауфманъ, приведшій Рязанскій баталіонъ изъ резерва, бросился къ редуту; принятый огнемъ, баталіонъ разстроился, сбѣжалъ съ плоскости и, опять устроенный, двинулся въ порядкѣ къ редуту, но не дошелъ до него, обернутый сильнымъ огнемъ и раздѣленный турецкимъ баталіономъ отъ нашихъ, онъ повернулся къ чахмахскимъ высотамъ и, отбиваясь отъ преслѣдующихъ его турокъ, только впору прискакавшей кавалеріи ген. Бакланова обязанъ своимъ возвращеніемъ, кружно, по горамъ, въ лагерь. Не было начальника, не было порядка, слѣдственно не было и успѣха!

Когда ген. Бриммеръ пріѣхалъ къ главнокомандующему на Столовую гору было около 8-ми часовъ. Онъ спросилъ ген. Муравьева о ходѣ боя;—„дерутся“—былъ отвѣтъ. Тутъ, въ продолженіи слишкомъ часа, что я пробылъ на горѣ, изъ донесеній адъютантовъ и другихъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ съ поля битвы, уже можно было убѣдиться, что успѣха не будетъ. Когда прискакалъ кто-то и сказалъ, что Ганецкій раненъ, а Москалевъ убитъ, главнокомандующій обратился къ бывшему тутъ ген. Броневскому и поручилъ ему принять начальство надъ штурмующими войсками. Броневскій уѣхалъ. За нимъ слѣдили въ зрительную трубу когда онъ взбирался верхомъ на гору по крутизнѣ; не прошло и получаса, какъ кто-то громко сказалъ: „Броневскій раненъ; его ведутъ съ горы!“ Главнокомандующій быстро обернулся: „Какъ раненъ? почему вы знаете?“ взялъ трубу и потомъ, рѣзко передавъ

оную, началъ шагать взадъ и впередъ по маленькой площадкѣ. Сказавъ ген. Бриммеру нѣсколько словъ, онъ приказалъ ему ѣхать и принять начальство надъ войсками, предоставивъ ему *дѣйствовать по собственному его усмотрѣнію* и, если надобно будетъ *отвести войска,* то, буде можно, занять какое либо мѣсто на горѣ; впрочемъ, присовокупилъ генералъ Муравьевъ: „*предоставляю совершенно все вашему усмотрѣнію; дѣйствуйте какъ найдете лучше.*“ По просьбѣ генерала, онъ дозволилъ ему взять изъ резерва два баталіона на случай отвода войскъ, чтобъ было чѣмъ прикрыть и дать отпоръ.Ославъ состоявшаго при немъ кап. Добровольскаго къ начальнику штаба о поспѣшной высылкѣ двухъ баталіоновъ изъ резерва, генералъ Бриммеръ спустился съ Столовой горы и, обогнувъ другую гору, поѣхалъ по широкой ложбинѣ. Было $9^1/_4$ часовъ. Порученіе, данное ему, было незавидно. Что онъ слышалъ отъ проѣзжавшихъ съ поля боя офицеровъ было неутѣшительно: дѣльнаго ни одинъ ничего не сказалъ, все говорили о частностяхъ, о подвигахъ того или другого лица; ясно, что ничего дѣльнаго и не дѣлалось. Слишкомъ четыре часа продолжался бой; уже два часа не было начальника, ибо ген. Броневскій, только показавшись, былъ раненъ. Генералъ думалъ: что онъ найдетъ тамъ? въ какомъ состояніи войско? можно ли что предпринять съ нимъ? гдѣ раненые, убитые, о которыхъ никто изъ офицеровъ не упоминалъ? и много, много отчаянныхъ думъ тѣснилось въ головѣ; думалъ рискнуть во чтобы ни стало... но будетъ ли съ чѣмъ? И разсудокъ, и долгъ взяли верхъ.... Сорокъ лѣтъ я солдатомъ, и ни разу не приходилось отступать, а теперь—генераломъ отводить войска, не дравшись.... Когда я повернулъ въ ложбину, чтобъ выѣхать на гору, меня нагналъ кап. Добровольскій и сказалъ, что онъ исполнилъ порученіе; я видѣлъ какъ два баталіона спѣшили изъ резерва. При мнѣ были Добровольскій, кап. путей сообщенія Лимановскій, вѣстовой мой артиллеристъ По-

темкинъ, смотрѣвшій за верховыми лошадьми, и казакъ. На холмикѣ, куда мы взобрались, намъ открылась вся ложбина до верху горы, и—увы!—вотъ они раненые, убитые и множество усталыхъ асистентовъ. Кто велъ или несъ товарища, тотъ и оставался здѣсь отдыхать. Болѣе 2-хъ тысячъ, и только кос-гдѣ виденъ былъ фельдшеръ, перевязывающій раненаго. Я послалъ казака съ запискою къ начальнику штаба, чтобъ всѣ перевязочныя средства съ медиками и всѣхъ казаковъ прислалъ убрать раненыхъ и убитыхъ. Г.-м. Невѣровскій самъ пріѣхалъ и исполнилъ скоро порученіе, отвезши ихъ къ резерву, гдѣ устроилъ перевязочный пунктъ. Потомъ, тихо подвигаясь въ гору между ранеными, мы приказывали здоровымъ слѣдовать за нами, для чего я оставилъ тутъ кап. Лимановскаго, который собралъ ихъ до 200 человѣкъ. Поднявшись на гору, я встрѣтилъ генеральнаго штаба капитана Романовскаго.—„Куда вы?“—„Къ главнокомандующему.“—„Зачѣмъ?“—„Да сказать, что начальника нѣтъ, испросить приказаній.“—„Вы видите, я присланъ; гдѣ войска? какъ стоитъ дѣло?“ Ядро ударило близь насъ и рикошетами поскакало по дорогѣ. Онъ мнѣ разсказалъ, что самъ видѣлъ и въ чемъ я скоро самъ убѣдился.—„Я посмотрю, что можно будетъ сдѣлать; но если пришлось бы отвести войска, то нѣтъ ли на горѣ, здѣсь, какого мѣста, чтобъ оставить за нами?“ Это я спросилъ, какъ французъ говоритъ, par acquit de conscience, ибо самъ совершенно былъ увѣренъ, что оставленіе, за нами части взятой линіи, хоть бы съ обращеніемъ ея въ замкнутый веркъ, или другого какого мѣста на горѣ не только безполезно, но и гибельно.—„Помилуйте, в. и.! Тутъ вся мѣстность обстрѣлена, да къ чему это поведетъ?“—„Отойдите съ дороги, а то не долго до бѣды,“—еще нѣсколько выстрѣловъ. „Поѣзжайте къ главнокомандующему, перескажите ему, что вы мнѣ сказали и попроситe, чтобъ онъ выслалъ всѣхъ казаковъ къ раненымъ; я ужъ просилъ начальника

штаба объ уборкѣ ихъ. Ну, прощайте; можно что сдѣлать—сдѣлаю, нельзя, такъ“ ..... махнулъ рукой и поѣхалъ къ войскамъ.

Когда я обогнулъ оконечность линіи, вотъ что представилось глазамъ моимъ: 16 орудій стояли въ разныхъ направленіяхъ; только два были обернуты на редутъ, прочія къ крѣпости; у линій стояли пять знаменъ и куча солдатъ, числомъ, можетъ, до 300 человѣкъ; нѣкоторые сидѣли, нѣкоторые лежали; шесть, семь офицеровъ въ разныхъ мѣстахъ и около орудій нѣсколько грунпъ солдатъ вродѣ застрѣльщиковъ. По всей мѣстности за укрѣпленною линіею, гдѣ я теперь находился, лежали убитые турки и лошади. Не утѣшительное воззрѣніе! „Гдѣ же войска? Кто старшій здѣсь?“—„Вотъ войска—былъ мнѣ отвѣтъ—да за валомъ, тамъ больше; послѣдніе баталіоны изъ резерва туда пошли.“ ... Видя столько перебитыхъ лошадей въ батарейной батареѣ и совершенную безполезность оной тутъ, я приказалъ п. Брискорну отвесть ее съ горы и поставить на гребнѣ два единорога; больно мнѣ было смотрѣть на эту батарею. Я повернулъ назадъ, обогнулъ линію и поѣхалъ вдоль по наружной ея сторонѣ, гдѣ ровъ, но все не видѣлъ ни одного солдата. Но вотъ переломъ линіи—и я невольно остановилъ лошадь; сердце сжалось: всѣхъ полковъ и баталіоновъ люди жались кучею во рву! просто толпа; тутъ же штабъ и оберъ-офицеры. Наши славные солдаты прячутся во рву!....—„Гдѣ послѣдніе баталіоны, что пришли изъ резерва?“—„Это мы, в. п.“, отвѣчали изо рва. Я поѣхалъ дальше; у всѣхъ офицеровъ сабли наголо, всякій солдатъ держалъ свое ружье; я взглянулъ по протяженію рва до редута и остановился: по линіи, во рву, столпилось до 700 чел. Почти на половинѣ линіи я увидѣлъ командира нашего славнаго Эриванскаго карабинернаго Его Величества полка полковника Моллера, тоже во рву!—„Развѣ нѣтъ ни одного стройнаго баталіона въ порядкѣ?“—„Нѣтъ ни одного; какъ послѣдній разъ съ двумя баталіонами изъ резер-

ва ходили на редутъ, такъ всѣ смѣшались.“ Мнѣ стало досадно и грустно. Подвигаясь шагомъ дальше, я нѣсколько разъ слышалъ какъ солдаты говорили: „в. и., слѣзте.“ Ужъ чаще стали мелькать желтые эполеты гренадеръ; вдругъ изъ нѣсколькихъ ружей съ редута сдѣлали залпъ.... „Казакъ“ (моя верховая) хромаетъ.—„В. и., слѣзте,“ сказалъ Потемкинъ; и точно, одна пуля ударила „Казака“ въ копыто. Я слѣзъ и приказалъ отвести лошадей къ двумъ батарейнымъ орудіямъ, на гребень, и пересѣдлать. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я встрѣтилъ идущаго мнѣ навстрѣчу командира Грузинскаго гренадерскаго Великаго Князя Константина Николаевича полка кн. Тарханова, который въ прошломъ году съ 3-мя Эриванскими баталіонами далъ coup de grâce туркамъ при Курюкъ-дара; онъ имѣлъ въ правой рукѣ саблю наголо, шелъ скоро, глаза красные, навыкатъ.

— Здравствуйте, князь! нѣтъ ни одного баталіона въ порядкѣ?

— Дайте мнѣ два баталіона, я ихъ всѣхъ перебью!—и указалъ поднятой саблей на редутъ; онъ былъ весь взволнованъ и въ какомъ-то восторженномъ состояніи духа;—два баталіона, в. и., только два баталіона!

— Тутъ легло 27 баталіоновъ и ничего не сдѣлали; что вамъ два баталіона? Эту кучу изо рва трудно поднять!

Кажется, невольно опустилась сабля и невольно, какъ окаченная холодной водою, поникла голова храбраго Тарханова. — „Правда, в. и.,“—могъ онъ только выговорить, и слова сознанія своего безсилія какъ бы стали поперекъ горла у храбрѣйшаго изъ кавказскихъ гренадеръ. Молча подвигались мы дальше, и я, внутренно убѣжденный въ безполезности новой попытки на редутъ съ усталыми, нѣсколько разъ отбитыми войсками, уже рѣшилъ отвести войска и думалъ какъ бы это сдѣлать съ меньшею потерею. Мы дошли до двухъ, стоявшихъ близь рва горныхъ орудій; тутъ былъ и конецъ или, лучше, начало толпы солдатъ; тутъ уже все были желтые эполеты,

нѣсколько офицеровъ впереди; орудія стояли безъ прислуги.... Мы были въ 46-ти шагахъ отъ турецкаго редута [5]). Изъ-за всего бруствера виднѣлись красныя фески и смуглыя рожи и блестѣли стволы ружей. Турки, казалось, съ любопытствомъ смотрѣли на насъ и, конечно, предугадывали, что прибылъ новый начальникъ. Старый Керимъ-паша, бывшій въ редутѣ, хотѣлъ видѣть, что-то будетъ? и потому, хотя могли насъ обоихъ положить навѣрное, не сдѣлали ни одного выстрѣла.... Я спросилъ кн. Тарханова, что это за орудія?

— Турецкія; мы взяли у нихъ.

— Прикажите тотчасъ отвезти ихъ людьми; человѣка два, три на орудіе довольно.

Сказавъ это, я отошелъ шага два назадъ. Шесть человѣкъ выскочили изо рва и взялись за орудія. Съ редута дали залпъ изъ нѣсколькихъ ружей—одного гренадера ранило въ ногу; орудія бѣгомъ понеслись назадъ, гренадеры всполошились, начали выскакивать изо рва. „Не трогаться!“ закричалъ Тархановъ, и мы опять остались вдвоемъ.

Бросивъ взглядъ на мѣстность, по которой слѣдовало отходить, я сказалъ полковнику: „не сидѣть же людямъ все во рву. Редутъ не взяли—надо отойти. Новая попытка съ этими людьми будетъ безполезна. Въ резервѣ осталось всего три баталіона; два я на всякій случай взялъ сюда—они прикроютъ отходъ войскъ. Теперь, князь, слушайте: я прикажу н. Моллеру, котораго я видѣлъ въ серединѣ линіи, съ половиною толпы отойти тотчасъ и стать или, лучше, лечь за возвышеніемъ вдоль дороги, гдѣ уже собраны люди, водившіе раненыхъ; вы оставайтесь на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока на горѣ Мухѣ не увидите штыковъ; тогда отходите по полянѣ къ спуску.“ Онъ перебилъ меня: „прикажете бѣгомъ?“—„Нѣтъ; вразсыпную, тихо, шагомъ, если нужно—отстрѣливаясь; поняли меня?“—и

[5]) По сдачѣ Карса, я ѣздилъ съ господами осматривать эти укрѣпленія, нашелъ мѣсто гдѣ стояли орудія, у послѣдняго сгиба линіи, и сосчиталъ шаги—до редута 46.

я повторилъ еще разъ все сказанное, прибавивъ: „на гребнѣ два орудія и баталіонъ; на Мухѣ баталіонъ, за дорогой будетъ Моллеръ. Если будутъ преслѣдовать, то мы встрѣтимъ ихъ.“ —„Понялъ и исполню, какъ приказали в. п.“, и точно исполнилъ. Потомъ я оставилъ Тарханова и, отдавъ приказаніе п. Моллеру, послалъ сказать о томъ же по другую сторону укрѣпленія; полковнику Де-Саже приказалъ съ легкою батареею слѣдовать къ гребню, куда и я пошелъ.

Какъ только на каменистомъ возвышеніи Мухи показались штыки, кн. Тархановъ приказалъ людямъ выйти изъ рва и, вытянувшись линіей, съ кучею солдатъ въ резервѣ, тихо сталъ отходить по полянѣ. Турки сдѣлали выстрѣлъ, а наши два единорога бросили въ редутъ по гранатѣ. Но вмѣсто того, чтобъ идти все по полянѣ, гдѣ бы турки не осмѣлились преслѣдовать, люди безсознательно держались вправо, къ укрѣпленной линіи, и, дойдя до конца, соединились съ кучею солдатъ, у которыхъ были знамена и которые шли по другой сторонѣ. Соединившись, эти части войскъ спустились по ту сторону Мухи. Видя, что они взяли не указанное мною направленіе для спуска съ горы, я послалъ кап. Добровольскаго узнать причину перемѣны моего приказанія, ибо, не видавъ мѣстности по ту сторону Мухи, я былъ въ большомъ безпокойствѣ, скажу даже болѣе—въ большомъ опасеніи, чтобъ они не попали подъ огонь турецкихъ укрѣпленій. Были слышны выстрѣлы въ долинѣ и потомъ видна крѣпкая стрѣльба съ Мухи.... Скоро люди, лежавшіе за возвышеніемъ на дорогѣ, которымъ сказано было стянуться къ гребню, гдѣ я былъ при орудіяхъ, успокоили меня, сказавъ, что турки, вышли было изъ редута преслѣдовать, но, встрѣченные огнемъ съ Мухи и остановившимся кн. Тархановымъ, отбѣжали назадъ, а наши благополучно спустились съ горы, бросивъ одно изъ горныхъ турецкихъ орудій и потерявъ при отступленіи одного убитаго и 4-хъ раненыхъ.

Получивъ извѣстіе, что кн. Тархановъ спустился съ горы, я пропустилъ легкую батарею и приказалъ отходить двумъ батарейнымъ орудіямъ, которыя спускались съ большою осторожностью по чрезвычайно крутому спуску. Баталіонъ изъ Мухи спустился съ горы въ долину и, пропустивъ кн. Тарханова, пошелъ за нимъ. Въ это время начальникъ штаба г.-м. Невѣровскій исполнилъ отлично уборку раненыхъ, отвезъ ихъ на долину, учредилъ перевязочный пунктъ и, по мѣрѣ перевязки, отправлялъ въ лагерь, а оттуда въ госпиталь.

Было около полудня когда я спустился въ долину и занялъ приличную позицію съ 4-мя батарейными орудіями, баталіономъ пѣхоты, дивизіономъ драгунъ и сотнею казаковъ. Тутъ я остановился часа на два, пока всѣ раненые не были отправлены. Три баталіона, остававшіеся въ резервѣ, и при нихъ двѣ батареи, остались въ долинѣ тоже по моему приказанію, до конца. Турки выѣзжали на окраину горы; подходила и пѣхота—и только.

Когда послѣдняя повозка съ ранеными уѣхала, я приказалъ сняться, и, около трехъ часовъ, въ палаткѣ главнокомандующаго донесъ ему о возвращеніи войскъ. Муравьевъ поцѣловалъ меня, благодарилъ, а на другой же день втихомолку выспрашивалъ у другихъ начальниковъ, нельзя ли было Бриммеру предпринять еще атаку и не поторопился ли онъ отводить войска? Такъ какъ большою потерею трехротные баталіоны совершенно разстроились, то они были приведены опять въ 4-хъ-ротный составъ, что хотя и не увеличивало числа людей въ ротахъ, но уменьшало потребность въ баталіонныхъ командирахъ.

Послѣ этого несчастнаго штурма на насъ легла обязанность успокоенія раненыхъ. Трудная обязанность. Средствъ было много, но нуждающихся въ оныхъ больше. И какая разница—уходъ за ранеными послѣ выиграннаго сраженія, когда, упоенные побѣдою, раненые стараются чувствомъ радости за-

глушить боль, забывать о потерѣ членовъ и гордятся изуродованіемъ своимъ! Вотъ лежитъ рядъ убитыхъ, снесенныхъ одноротцами въ приличное мѣсто, чтобы честнымъ погребеніемъ почтить положившихъ животъ въ кровавомъ побоищѣ. Они всѣ отысканы, всѣ тутъ, и, слушая разсказы убирающихъ ихъ товарищей, какъ бы пошевеливаются, какъ бы хотятъ привстать и молвить свое слово, прибавить и ими видѣнное, и ими сдѣланное къ простодушнымъ разсказамъ побѣдителей. Миръ вашему праху, ряды лежащихъ воиновъ! Будетъ и вамъ послѣдній почетъ и послѣдняя горсть земли товарища, но веселые, бойкіе разсказы одноротцевъ не потѣшатъ вашего посмертнаго слуха и клики побѣды не порадуютъ вашего посмертнаго чувства!

Хотя желательно было, чтобы какъ можно скорѣе всѣ раненые были отправлены въ Александрополь, но это, если дозволено такъ назвать, чувство стратегическаго порядка мы должны были подчинить и подчинили чувству любви къ ближнему. Отправивъ въ тотъ же день предписаніе къ коменданту, чтобъ на большое число раненыхъ были приготовлены въ госпиталѣ палаты и взяты просторнѣйшіе дома отъ жителей, мы занялись собираніемъ перевозочныхъ средствъ, сѣна и соломы для настилки на повозки и арбы. Всѣ медики эти дни жили въ госпиталѣ, расположенномъ верстахъ въ двухъ отъ лагеря. Въ отмѣну прежняго рѣшенія отправлять транспорты каждый день, было положено транспортированіе производить чрезъ день. И тутъ сколько надо было дѣятельности, чтобъ за всѣмъ усмотрѣть, ничего не забыть, распорядиться такъ, чтобъ послѣ не жалѣть, ибо тутъ ошибочное распоряженіе потревожитъ совѣсть честнаго начальника. 18-го числа приказано, по прибытіи больныхъ, немного согрѣть ихъ на привалѣ и накормить на ночлегѣ горячимъ супомъ.

Поручивъ мнѣ отправленіе, главнокомандующій не жалѣлъ издержекъ. Всякій полкъ снаряжалъ своихъ раненыхъ,

госпиталь взялъ на себя трудно раненыхъ, коихъ укладывали на повозки и арбы подвое, прочихъ—по три и четыре солдата. Укладываніе на арбы началось 18-го числа утромъ, въ 3 часа пополуночи. 19-го числа двинулся транспортъ, т. е. головныя повозки, а послѣднія арбы вышли съ мѣста въ часъ пополудни. Первый переходъ былъ верстъ 20. Отправившіеся на лошадяхъ ночью были уже на мѣстѣ, когда хвостъ только тронулся. Въ первомъ транспортѣ было около тысячи человѣкъ и при нихъ 4 медика. Дорога шла по отрогамъ горъ и хотя была обработана нами, но частые подъемы и спуски дѣлали ее невыносимо скучною. Можно вообразить, что̀ терпѣли раненые, когда волы бѣжали съ горы или колеса ударялись о частые камни. Бѣдные страдальцы! Съ 19-го на 20-е число ночью—былъ часъ двѣнадцатый—написавъ къ женѣ письмо, я только-что легъ спать, какъ слышу разыгрывается гроза и вскорѣ пошелъ сильный дождь. Кажется, эту ночь я не спалъ и все думалъ о раненыхъ. Арбы были съ навѣсами, у всѣхъ были тулупы, все, что можно было сдѣлать—сдѣлано. Ахъ, но это возможное такъ недостаточно, а теперь ночь, гроза! Сколько изъ нихъ ужъ теперь перестали страдать, и холодный безжизненный трупъ уже не вторитъ стонамъ товарища! Но, противъ моего ожиданія, вернувшійся съ перваго ночлега офицеръ изъ штаба привезъ мнѣ записку отъ доктора, что до перваго ночлега въ эту бурную ночь померло только два очень трудно раненыхъ. Это подтвердилъ и офицеръ. 21-го и 23-го числа такіе же огромные транспорты. Пріемъ жителями раненыхъ въ Александрополѣ былъ очень хорошъ. Съ готовностью размѣщали ихъ въ домахъ и оказывали всякую помощь; кто могъ чѣмъ служить, дѣлалъ то охотно; достаточные жители присылали чай и сахаръ пудами. Корпія присылалась отовсюду.

Турки все ждали, что мы отступимъ отъ Карса, но когда огромныя транспортировки раненыхъ кончились, а по приказу,

отданному 28-го числа этого мѣсяца, начали строить землянки, и они могли видѣть въ какомъ огромномъ количествѣ привозился жителями лѣсъ и какъ быстро воздвигалось бобровое жилье,—у нихъ погасла послѣдняя надежда, и снова уныніе, но уже безнадежное, овладѣло ими. Голодъ и недостатокъ во всѣхъ предметахъ усиливался въ Карсѣ. Переполненные госпитали предоставлены судьбѣ; медикаментовъ нѣтъ. Пища—вываркa лошадинаго мяса, и то дается бережно. Черезъ нѣсколько дней послѣ штурма выбѣжалъ къ намъ главный комисаръ госпиталя, а въ концѣ сентября выпустили персидскаго повѣреннаго, и онъ отправился въ Персію. Къ бѣдственному состоянію гарнизона и жителей надо присоединить и холеру, которую, какъ разсказываютъ англичане, мы занесли со штурмомъ; но, кажется, лучше повѣрить туркамъ, что она уже прежде свирѣпствовала, значитъ посѣтила и насъ, и ихъ одновременно, но у нихъ была сильна, а у насъ слаба и къ концу октября совершенно прекратилась.

Въ началѣ октября отправлены по домамъ конныя милиціи грузинская и кабардинская; первая служила хорошо, какъ всегда за мою память, вторая была безполезна, ибо люди не понимали строгой подчиненности, часто разбойничали и безчинствовали и, заставляя начальство быть взыскательнымъ, причиняли лишь хлопоты; а пользы отъ нихъ не было потому, что кабардинцы не могли понять нашихъ требованій: драться съ турками, ихъ единовѣрцами, и не грабить армянъ, а быть ихъ защитниками.

Въ двадцатыхъ числахъ октября расположеніе нашихъ войскъ въ выстроенныхъ землянкахъ уподоблялось правильно выстроенной грузинской деревнѣ: ряды длинныхъ казармъ, врытыхъ въ землю, стѣны коихъ надъ оною на аршинъ, всѣ съ печами; множество офицерскихъ землянокъ, немного выше надъ землею, всѣ расположенныя симметрично около своихъ ротъ; домики полковыхъ командировъ и генераловъ, выше

всѣхъ домъ главнокомандующаго, а походныя церкви какъ бы завершали картину. Взглядъ на эту картину могъ служить приговоромъ Карсу: непремѣнное и даже скорое его паденіе.

Какъ всякій человѣкъ любитъ видѣть непремѣнную волю во власти, его ведущей, почти всегда завѣтомъ успѣха, такъ и солдаты наши въ построеніи для нихъ землянокъ убѣдились, что Карсъ мы непремѣнно возьмемъ. „Зимовать, такъ зимовать; а ужъ будетъ нашимъ поганый турокъ!“ слышалъ я разъ, идя мимо группы карабинеръ.

Между прочими удобствами жизни и, можно сказать, увеселеніями для русскаго человѣка были и бани, которыя такъ нужны ему для здоровья и которыя такъ любитъ солдатъ.

Въ началѣ октября проѣзжалъ чрезъ нашъ лагерь изъ Персіи въ Петербургъ совѣтникъ персидскаго посольства и принимаемъ былъ съ большимъ почетомъ. Зачѣмъ этотъ необыкновенный почетъ и зачѣмъ онъ свернулъ съ дороги—про то знаетъ главнокомандующій.

24-го октября выпалъ первый снѣгъ въ лагерѣ, а на другой день сошелъ, и вотъ ужъ два дня въ донесеніяхъ о больныхъ, получаемыхъ мною отъ всѣхъ частей войскъ, говорится одно и то же: заболѣвшихъ холерою не имѣется.

Холода увеличиваются. 3-го ноября снѣгъ покрылъ весь лагерь и съ этимъ холодомъ удерживается. Разъѣзды иногда бьютъ, иногда забираютъ выходящихъ турокъ, коихъ голодъ до того изнурилъ, что они сдѣлались какими-то безсознательными автоматами, точно одурѣлыми: весь въ лохмотьяхъ, выпуча глаза, стоитъ предъ тобой—и ни слова; но наѣвшись, первое начинаетъ ругать своихъ, потомъ засыпаетъ и опять проситъ ѣсть. Плохо тамъ, должно быть!

И дѣйствительно плохо, потому что 12-го числа г. Вилліамсъ прислалъ къ главнокомандующему своего адъютанта, Тизделя, просить свиданія для переговоровъ о сдачѣ. 13-го пріѣхалъ г. Вилліамсъ. Послѣ разговора, продолжавшагося съ

часъ времени, онъ вышелъ отъ главнокомандующаго и просилъ, чтобъ ему дозволили осмотрѣть лагерь. Много хвалилъ наши войска и изумлялся скорой постройкѣ землянокъ. Онъ долженъ былъ прибыть на другой день съ полномочіемъ отъ турецкаго главнокомандующаго, но шумъ, сдѣлавшійся въ Карсѣ при объявленіи жителямъ о безвыходномъ положеніи ихъ, о томъ что помощи ожидать неоткуда и что въ магазинахъ нѣтъ ни зерна хлѣба, ни одного сухаря—это объявленіе народу и гарнизону, послѣ совѣщанія начальниковъ, утромъ 14-го числа произвело такой шумъ и говоръ, что Вилліамсъ нашелъ нужнымъ остаться для предупрежденія чего худшаго и прислалъ Тизделя объяснить промедленіе свое главнокомандующему. 15-го числа, въ сопровожденіи нѣсколькихъ турецкихъ начальниковъ, онъ прибылъ вторично къ намъ, и тогда была подписана конвенція о сдачѣ крѣпости слѣдующаго содержанія:

1) Крѣпость Карсъ должна быть сдана въ цѣлости со всѣмъ казеннымъ имуществомъ.

2) Гарнизонъ Карса сдается военно-плѣннымъ съ своимъ главнокомандующимъ и выходитъ изъ крѣпости съ военными почестями. Во вниманіе къ мужественной защитѣ гарнизона, офицеры сохраняютъ свои шпаги.

3) Частная собственность остается неприкосновенною.

4) Милиція (редифъ), лазы, баши-бузуки получаютъ разрѣшеніе вернуться домой.

5) Тѣмъ же правомъ пользуются и нестроевые нижніе чины.

6) Г. Вилліамсъ имѣетъ право представить списокъ тѣмъ лицамъ изъ числа венгерскихъ и другихъ иностранныхъ офицеровъ, которымъ будетъ разрѣшено возвратиться въ свои дома.

7) Всѣ, поименованные въ ст. 4, 5 и 6, обязываются честнымъ словомъ не подымать въ теченіе всей настоящей войны оружія противъ Императора Всероссійскаго.

8) Жители Карса полагаются на великодушіе генерала Муравьева.

9) Памятники и казенныя строенія будутъ сохранены.

10) Всѣ частности должны быть опредѣлены добавочными конвенціями.

Изъ статьи шестой видно, что, во избѣжаніе разговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ, господа иностранцы, которые нынѣшній годъ насолили-таки намъ при штурмѣ, въ конвенціи были присоединены къ редифамъ; но лучшій изъ нихъ, Кмети (Измаилъ-паша), вышелъ прежде изъ Карса, т. е. въ ночь предъ сдачею. На его уходъ, кажется, приказано было смотрѣть сквозь пальцы.

16-го числа, по соглашенію, должна была быть сдача Карса. Въ 10 часовъ турецкія войска должны выйти изъ крѣпости, сложить на гласисѣ все оружіе и потомъ пройти церемоніальнымъ маршемъ предъ побѣдителемъ. Такъ было условлено.

День былъ немного морозный, но ясный. Въ долинѣ по правую сторону Карсъ-чая, не доходя до мостика, чрезъ который плѣнные должны были проходить въ лагерь и далѣе, были разставлены котлы съ пищею для регулярнаго плѣннаго войска. Кухни были расположены по Карсъ-чаю. Нѣсколько баталіоновъ и одна батарея расположились по долинѣ, въ приличныхъ мѣстахъ для парада. Другіе баталіоны были наготовѣ, чтобъ конвоировать карсскій гарнизонъ къ Каны-кёву, гдѣ онъ долженъ былъ расположиться. Такъ какъ турки не очень понимаютъ законы войны и международныя конвенціи, то были взяты всѣ мѣры, чтобъ предупредить безпорядки, а въ случаѣ нужды и образумить строптивыхъ. Кавалерія съ ея конною артилеріею были призваны участвовать въ торжествѣ. Для препровожденія лазовъ, баши-бузуковъ и редифа были назначены три баталіона и нѣсколько орудій, кои, принявъ ихъ въ долинѣ, препроводили чрезъ лагерь къ эрзерумской дорогѣ, верстъ за 10, и уже на другой день утромъ вернулись назадъ.

Около 10-ти часовъ утра штабъ, долженствовавшій сопро-

вождать главнокомандующаго, собрался около его домика. Зрительныя трубы и binocles à longue vue были направлены на Карсъ. Видѣли большія массы около стѣнъ, но ничего похожаго на какое нибудь порядочное движеніе или устройство. Знавшіе турокъ понимали, что отчетливости въ исполненіи конвенціи отъ нихъ ожидать не должно, и потому оставались покойными и въ 10 часовъ; но когда и въ 11 часовъ никакого извѣстія изъ Карса не приходило, и артилеріи полковникъ Де-Саже, назначенный комендантомъ въ Карсъ и ожидавшій съ тремя баталіонами и своею легкою батареею выступленія турокъ, чтобъ принять оставленное оружіе, вступить въ Карсъ и водрузить наше знамя на крѣпости,—Де-Саже, волнуемый нетерпѣніемъ, прислалъ спросить приказаній, идти ли ему, ибо назначенный часъ прошелъ,—невольно и мы всѣ переглянулись другъ на друга и нѣкоторое безпокойство выразилось въ догадкахъ о непонятной медленности турокъ. Однако, это продолжалось не долго. Около 12-ти часовъ пріѣхалъ посланный отъ Вилліамса съ извиненіемъ, что не въ условный часъ будетъ прохожденіе войскъ, такъ какъ турки не хотѣли отдавать оружія, но что онъ уже успѣлъ ихъ убѣдить, и какъ только немного ихъ устроитъ, тотчасъ выступитъ. Убѣжденные наконецъ начальниками отдать оружіе, они никакъ не хотѣли сложить его въ порядкѣ, по полкамъ, ломали и бросали его въ кучи. Сдача à la Turque!

Въ часъ пополудни главнокомандующій выѣхалъ къ войскамъ на правую сторону Карсъ-чая. Турки уже тянулись между линіями нашихъ войскъ. Турецкій главнокомандующій Вассифъ-паша въ сопровожденіи ген. Вилліамса и большой свиты ѣхалъ впереди и остановился подлѣ генерала Муравьева. Вслѣдъ за его штабомъ или толпами лазы, баши-бузуки и весь редифъ, т. е. все милиціонныя войска, оборванные, многіе безъ сапогъ, всѣ тощіе, голодные; нѣсколько безсильныхъ не дошли до нашего лагеря. Ихъ было 6 тысячъ; тянулись

нескончаемо; покуда шли между нашими войсками—двигались въ порядкѣ, а какъ у моста стали ихъ дѣлить въ отдѣльныя тысячныя кучи (не считая ихъ, а разрѣзая ротами толпу на 6 кучекъ) для препровожденія за лагерь, высказалось своеволіе. Съ приближеніемъ къ котламъ, изъ коихъ пищу разливали въ чашки и котелки, запахъ солдатскихъ щей тронулъ ихъ обоняніе: не вымогли, бѣдные, снести этого чувственнаго обольщенія, бросились къ котламъ, завладѣли пятью со щами и тутъ же кучею ломтей хлѣба. Павъ на землю подлѣ котловъ, они начали, торопясь, черпать изъ нихъ, но, увы, горемычные!—щи были горячіе, похлебать нельзя, а солдатскій порядокъ строгъ; скоро къ обжогамъ рта присоединились напоминанія прикладами, чтобъ для нихъ неприготовленнаго не трогали и безпорядковъ не дѣлали. Кто успѣлъ захватить хлѣба или кусокъ говядины, тотъ былъ счастливъ.... покуда ѣлъ!

Такъ милиція, въ числѣ 6-ти тысячъ или немного болѣе, была препровождена за лагерь и распущена по домамъ. Счастливъ, кому было недалеко идти, но большая часть ихъ была изъ Лазистана, около Байбурта, и вообще изъ эрзерумскаго пашалыка,—тамъ дорога шла чрезъ соганлугскій хребетъ, покрытый уже глубокимъ снѣгомъ. Много сотень этихъ несчастныхъ не дошли до своего домашняго очага: изнуренные голодомъ, больные, безсильные, они замерзали въ снѣгахъ по дорогѣ или въ деревняхъ умирали отъ истощенія. Можно сказать, что смертность не покидала ихъ отъ воротъ Карса. На другой день утромъ дежурный по лагерю донесъ мнѣ при рапортѣ, что нѣсколько турокъ изъ милиціи, отдѣлившись отъ толпы сквозь конвой, вѣроятно, чтобъ просить пищи у солдатъ, были найдены въ разныхъ частяхъ лагеря умершими; другихъ солдаты пріютили въ землянкахъ и на утро привели въ штабъ. Это были счастливѣйшіе, ибо ихъ надѣлили пищею съ запасомъ, кой-какою одеждою и скромною лептою на дорогу и проводили за лагерь.

Но вернемся къ прохожденію войскъ. Когда толпы милиціи прошли, мы увидѣли что-то стройное, впереди 12 знаменъ, которыхъ приняла рота карабинернаго полка и отнесла къ землянкѣ главнокомандующаго. За знаменами проходили войска; нѣкоторые начальники были верхомъ. Хотя глазъ и не возмущался всякими скверностями, какъ въ милиціи, но пріятно отдохнуть отъ только-что видѣннаго не могъ: и тутъ все истощенные, почти всѣ въ оборванной одеждѣ, многіе безъ сапогъ, ноги обуты тряпками. Нечистота и болѣзнь были видимы въ рядахъ, а смертность шла и за этимъ регулярнымъ войскомъ, но, конечно, не скосила столькихъ, какъ въ милиціи. Въ первыхъ войскахъ, которыя проходили, все казалось сноснымъ, даже самыя лица имѣли энергическое раздраженіе —это былъ гвардейскій стрѣлковый баталіонъ и нѣсколько арабистанскихъ войскъ—а тамъ опять истощеніе и гадкая сле движущаяся картина низшей степени человѣческаго несчастія; между офицерами еще видѣлись добрыя лица. Эта истома до того опротивѣла намъ, что мы очень обрадовались когда главнокомандующій, взявъ турокъ съ собою, поѣхалъ къ нашимъ драгунамъ.

Между тѣмъ турки по мѣрѣ прохожденія садились къ котламъ и обѣдали, а потомъ частями были поднимаемы и въ рамкѣ изъ нашихъ солдатъ—рота впереди, сзади и по бокамъ—отводимы чрезъ лагерь на назначенное для нихъ мѣсто. Трудно было поднимать ихъ отъ обѣда, трудно усмотрѣть, чтобъ не сбивались на стороны, и наконецъ, ужъ поздно вечеромъ, всѣхъ собрали на назначенное мѣсто и они, раздѣленные на пять отдѣльныхъ частей, улеглись. Ихъ окружило нѣсколько баталіоновъ, двѣ сотни казаковъ и, вблизи, батарея съ заряженными картечью орудіями. Хотя, слава Богу, не пришлось употребить этихъ строгихъ средствъ, но хорошо, что противъ неучей были взяты предосторожности. Третій отдѣлъ плѣнныхъ наканунѣ своего отправленія, послѣ трехъ или четы-

рехъ сытныхъ дней, вздумалъ браковать пищу—мало говядины и сухари нехороши, давай ему бѣлаго хлѣба—и штабъ-офицеръ, начальникъ отдѣла, сталъ ихъ уговаривать ..... они приняли его крикомъ, а одинъ назвалъ харамъ-зада. Тотъ донесъ о шумѣ генералу, которому поручено было отправленіе плѣнныхъ, а этотъ не долго думалъ: призвалъ баталіонъ, приказалъ двумъ орудіямъ сняться съ передковъ, дуло въ толпу, и спросилъ ихъ, о чемъ кричали и кто смѣлъ штабъ-офицера назвать харамъ-зада? Виновнаго тотчасъ выдали, его отпороли нагайками—и всѣ увѣряли, что каша хороша и хлѣбъ отлично спеченъ. А баловалъ этихъ дурней самъ главнокомандующій; умѣя говорить потурецки, онъ не пропускалъ случая, чтобъ не сказать имъ доброе слово. Турки народъ-то, видишь, глупый, и думаетъ себѣ: кажись, ихъ главной-то изъ нашихъ.

17-го ноября приказомъ главнокомандующаго нашъ лагерь при Чифтлигѣ приказано называть Владикарсомъ—еще одна изъ непонятныхъ несообразностей мелкаго самолюбія въ умномъ человѣкѣ. 19-го выступили первыя войска на зимнія квартиры, 20-го ѣздили съ главнокомандующимъ въ Карсъ, осматривали и карадахскія укрѣпленія, а 21-го служили панихиду по падшимъ воинамъ и молебенъ за взятіе крѣпости, при церковномъ парадѣ войскъ. 30-го выѣхалъ главнокомандующій въ Тифлисъ. Я пробылъ еще четыре дня послѣ него для окончательнаго отправленія войскъ, устройства всѣхъ дѣлъ и отдачи распоряженій по войскамъ, которымъ назначено было перезимовать въ нашихъ землянкахъ, на лѣвомъ возвышенномъ берегу Карсъ-чая. Хорошо запасшись провіантомъ, водкой, скотомъ, эти войска здорово простояли зиму. 1-го декабря ѣздилъ я на шорахскія высоты съ подполковникомъ Михаиломъ Кауфманомъ и нѣсколькими офицерами; просилъ его указать на мѣстѣ свои дѣйствія и свое невольное гуляньe послѣ нападенія на редутъ по этой нагорной вы-

сотѣ [6]). 4-го, наконецъ, я управился и выѣхалъ со всѣмъ штабомъ въ Александрополь. Погода стояла прекрасная—ясный морозный день, санки такъ и неслись по укатанной дорожкѣ; опять проѣхали оба поля предшествовавшихъ битвъ и вечеромъ въ 5 часовъ прибылъ въ городъ. Первыя слова коменданту были: „что турки? плѣнные отправлены? а больные?“—„Послѣдній транспортъ плѣнныхъ отправленъ вчера, но съ больными потеряли все теряѣніе.“—„А много?“—„Болѣе тысячи осталось въ госпиталѣ; не можемъ отмыть отъ грязи, воняютъ и послѣ ванны; воздухъ заразили. Не позволите ли ихъ отправить въ Тифлисъ?“ На другой день я пошелъ по разнымъ отдѣленіямъ въ городѣ, гдѣ въ особыхъ домахъ лежали наши раненые; я былъ очень доволенъ всѣмъ, что видѣлъ—теперь ужъ былъ просторъ въ помѣщеніяхъ, опрятность и хорошее содержаніе; люди о медикахъ отзывались съ похвалою, о жителяхъ съ видимымъ расположеніемъ; но при всемъ томъ много изъ раненыхъ отошло въ вѣчность, несмотря на всѣ старанія. Потомъ пошелъ въ крѣпость и въ госпиталь, у дверей коего начались жалобы на турокъ. Медики, смотритель, фельдшера и служителя, всѣ говорили, что съ ними справиться нельзя; еще офицеры слушаются, а съ прочими—бѣда да и только: „посадишь въ ванну, велишь ему суконку намылить да хорошенько тереться, а онъ только плескается водой; я одному горячей воды подбавилъ, чтобъ грязь-то сошла, а онъ меня выругалъ харамъ-задой; я его платье хотѣлъ вывѣтрить, покуда онъ въ ваннѣ—вѣдь провоняло, в. п.—а онъ какъ выскочитъ изъ ванны, вырвалъ у меня лохмотья свои да еще обругалъ.“ Такъ жаловались служителя. Медики и фельдшера говорили, что не принимаютъ горькія лекарства; смотритель жаловался на ужасную неопрятность; но всѣ подтверждали, что есть между ни-

[6]) Въ 1858 г. пріѣзжалъ въ кр. Новогеоргіевскъ англійскій офицеръ, другъ Кмети, написавшаго блокаду Карса и подарившаго мнѣ одинъ экземпляръ на память. Разсказъ М. Кауфмана, книга Кмети и спросы солдатъ и офицеровъ.

ми люди смирные. Пройдя по палатамъ и лично убѣдившись въ тѣснотѣ помѣщенія и въ ужасной неопрятности, ничѣмъ не отвратимой, я отвелъ въ сторону главнаго доктора, спросилъ его, не опасается ли онъ, что это изнуреніе силъ, при такой обстановкѣ, породитъ тифозную болѣзнь, а за нею и смертность? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что тифозное расположеніе уже существуетъ и что, безъ сомнѣнія, если не принять тотчасъ мѣры, тифъ скоро разовьется, а тамъ и послѣдствія его. „По моему, лучшая мѣра—удаленіе отсюда возможно большаго числа больныхъ," сказалъ я.—„Конечно, это первое, что надо сдѣлать, в. п."—„И потому, прошу васъ тотчасъ же заняться назначеніемъ къ отправленію въ Тифлисъ турокъ, оставивъ здѣсь не болѣе 200; послѣзавтра—первый транспортъ; въ немъ больныхъ по числу имѣющихся у насъ тулуповъ, чтобъ не холодно имъ было перевалиться чрезъ Безобдалъ. Изъ Джелалъ-оглу (Каменка, гдѣ квартировала батарея и былъ учрежденъ госпиталь) тулупы возвращаются для другого транспорта, а третій, съ которымъ пошлете слабѣйшихъ, можетъ взять тулупы до Тифлиса."

Такъ въ точности все было исполнено. Это распоряженіе, отправить около 700 больныхъ или, лучше, изнуренныхъ турокъ на арбахъ въ зимнее время чрезъ высокій хребетъ Безобдала, покажется немного рискованнымъ. Но, что было дѣлать? Чтобъ избавить наши войска и всю страну отъ тифозныхъ болѣзней и отъ смертности надо было принять эту рѣшительную мѣру. Да притомъ первыми жертвами смертности были бы эти несчастные изнуренные. Я не долго думалъ: что надо сдѣлать, то дѣлай вовремя; опоздаешь — наплачешься. Къ тому же погода стояла прекрасная, одѣты были тепло, на привалахъ и ночлегахъ ихъ ожидала всегда горячая пища. И, слава Богу, бѣды никакой не случилось—всѣ прибыли благополучно въ Тифлисъ, а страна и войско избавились отъ заразительнаго тифа.

Но не такъ думалъ нашъ военно-плѣнный ген. Вилліамсъ, который, изъ состраданія ли къ туркамъ полагая, что это распоряженіе служитъ доказательствомъ дурного обращенія съ ними, или изъ страсти вмѣшиваться въ чужія дѣла, сродной англичанамъ, пожаловался главнокомандующему. Когда я былъ въ Тифлисѣ у Николая Николаевича, онъ спросилъ меня о причинѣ отправленія больныхъ турокъ, сказавъ, что ген. Вилліамсъ жаловался. Я объяснилъ оную, какъ выше написалъ, и больше не было о томъ слова. Но этотъ вопросъ, сдѣланный мнѣ по жалобѣ англичанина, я нахожу обиднымъ для себя, ибо о распоряженіи, мною сдѣланномъ, я доносилъ главнокомандующему. Передъ выѣздомъ изъ лагеря главнокомандующаго я говорилъ ему, что не желаю болѣе командовать дѣйствующимъ корпусомъ, имѣя прямую обязанность по званію моему начальника артилеріи, и просилъ назначить другого кого, а мнѣ, по устройствѣ всѣхъ дѣлъ, дозволить отъѣхать въ Тифлисъ. Кажется, это ему не очень понравилось, но послѣ нѣсколькихъ возраженій онъ согласился на просьбу мою, почему, кончивши всѣ служебныя дѣла въ Александрополѣ, я выѣхалъ оттуда, сдавъ начальство старшему генералу, и 15-го декабря утромъ возвратился въ Тифлисъ.

Этотъ **1855** годъ былъ для меня годомъ крѣпкой дѣятельности, безъ отдыха, и большихъ непріятностей! И дознался я на опытѣ, что въ высшихъ должностяхъ при столкновеніи съ высшими лицами недостаточна прямая, дѣльная служба—надобна угодливость, уклончивость—и потому я вынесъ убѣжденіе, что мнѣ пора выѣхать изъ Грузіи.

XXIII.

РАЗБОРЪ ДѢЙСТВІЙ НАШИХЪ ВЪ 1855 ГОДУ. Первое расположеніе блокадныхъ войскъ. Движеніе за Соганлугъ. Попытка занять высоты. Отчего штурмъ не удался? Назначеніе ген. Бриммера начальникомъ штурмующихъ войскъ. Не могъ ли ген. Бриммеръ сдѣлать еще попытку взять редуть? Администрація въ непріятельской землѣ.

Въ предшедствовавшемъ разсказѣ показана была числительность нашихъ войскъ; изъ донесенія генерала Муравьева Государю видно, что они были въ отличномъ состояніи; духъ войскъ былъ испытанъ въ кампаніяхъ прошлыхъ годовъ; кавказцы братски приняли въ семью свою пришедшихъ изъ Россіи, а побѣда сплотила это братство. Слѣдственно для дѣйствій въ 1855 году было, кромѣ Эриванскаго отряда, слишкомъ 32 тысячи надежнаго войска въ рукахъ главнокомандующаго. Что было противъ насъ? Войско, дважды крѣпко разбитое, въ составѣ своемъ совершенно разстроенное, съ упадшимъ духомъ, съ сознаніемъ своего безсилія въ полѣ, потерявшее всякую надежду на какой либо успѣхъ, числомъ, по свѣдѣніямъ, имѣвшимся у главнокомандующаго, до 27-ми тысячъ, въ томъ числѣ 10 тысячъ милиціи и баши-бузуковъ. Это скопище вооруженныхъ людей заперлось въ стѣнахъ крѣпости, тогда еще слабо укрѣпленной, и кто зналъ турокъ, былъ увѣренъ, что и снабженіе запасами, особенно продовольственными, должно было быть недостаточно.

Что намъ слѣдовало дѣлать? Видимо, что взять Карсъ, какъ предположилъ главнокомандующій, и по возможности скоро. Тогда паденіе этой крѣпости прогремѣло бы по Азіи и заставило хоть немного призадуматься западныя державы и, можетъ быть, сдѣлало бы малую диверсію для Севастополя отправленіемъ на азіятскій берегъ войскъ французскихъ или англійскихъ (въ чемъ я, впрочемъ, крѣпко сомнѣваюсь, ибо помогать туркамъ не было въ расчетѣ союзниковъ; ихъ расчетъ былъ только вредить намъ), и всячески развязало бы намъ

руки. Вмѣсто того, генералъ Муравьевъ позднею блокадою протянулъ паденіе Карса до зимы. Союзники, видя нашу блокаду, на что обыкновенно идетъ много времени, и видя прогулки наши по эрзерумской дорогѣ, убѣдились, что мы не предпримемъ ничего важнаго и вреднаго для нихъ, и потому на дѣйствія въ Азіятской Турціи обращали мало вниманія, и только впослѣдствіи, не изъ желанія пособить Турціи, а pour sauver les debors, по настоянію Омера-паши, дозволили ему отправиться съ корпусомъ на нашъ берегъ. Но опять-таки Омеръ-паша вовсе не думалъ о подачѣ пособія блокируемой крѣпости, а желалъ только выйти изъ-подъ начала союзниковъ, употреблявшихъ турецкія войска на всѣ тяжкія работы, comme de bêtet de somme, и быть самостоятельнымъ, отдѣльнымъ начальникомъ. Вотъ почему онъ не пошелъ къ Карсу, а сдѣлалъ для него только диверсію въ Мингрелію, вѣроятно, увѣряя союзниковъ, что онъ дорогой на Кутаисъ пойдетъ къ Тифлису и покоритъ всю страну. Такимъ образомъ нашими дѣйствіями мы не сдѣлали демонстраціи для Севастополя, а дѣйствія Омеръ-паши ни въ чемъ не пособили Карсу, ибо, отбросивъ отъ р. Ингура ничтожный отрядъ кн. Багратіонъ-Мухранскаго, онъ удовольствовался этою побѣдою и остался въ Мингреліи отдыхать на лаврахъ, вовсе не желая столкнуться гдѣ либо съ настоящими силами русскихъ.

Я сказалъ: взять Карсъ въ возможной скорости. Можно ли это было исполнить?

Выше, при описаніи окрестностей Карса, я высказалъ, что начать наши дѣйствія, казалось, слѣдовало бы занятіемъ шорахскихъ и чахмахскихъ высотъ, поставивши тамъ батареи и занявъ близко къ крѣпости выходы изъ оной; отъ спуска съ шорахскихъ высотъ на Команцуръ расположить лагерь, а кавалерійскими отрядами занять всю плоскость, какъ послѣднее и было сдѣлано ген. Муравьевымъ. Тогда турки увидѣли бы себя въ настоящей, а не въ воображаемой блокадѣ и

имѣли бы надъ головами своими батареи, которыя видятъ все, что дѣлается въ городѣ и въ нижнемъ лагерѣ и могутъ всякое ихъ предпріятіе или наказать, или предупредить. Батареи эти, вооруженныя 2-хъ-пудовыми мортирами, 26-ти-фунт. пушками и батарейными орудіями, къ строгой блокадѣ присоединили бы безпокойство бомбардированія, и мы бы заняли тогда весь лѣвый берегъ Карсъ-чая. Лагерь, расположенный на плоскости, былъ бы отъ Карса, у подошвы горъ, въ 2-хъ, а по протяженію Карсъ-чая до 4-хъ верстъ. Батареи исподоволь посылали бы гостинцы; исподоволь мы занимали, хоть бы съ боя, нужные намъ пункты, и ужъ конечно мѣшка съ пшеницею не провезли бы, и скоро голодъ и плачь жителей, вѣроятно, принудили бы къ сдачѣ. При занятіи этихъ горныхъ высотъ, должно предполагать, мы имѣли бы потерю, но оная не была бы велика, ибо турки вовсе не ожидали насъ съ той стороны; а важность этихъ высотъ усматривалась ужъ при первомъ взглядѣ изъ Магараджика. Къ сожалѣнію, главнокомандующій убѣдился въ необходимости занять ихъ, выглядывая ихъ три съ половиною мѣсяца, и, разъ убѣдившись, что хорошо бы имѣть ихъ въ рукахъ, приступилъ къ занятію ихъ, но—увы—тогда уже надобно было штурмовать сильно укрѣпленныя предъ нашими глазами высоты, и была ли у насъ потеря 17-го сентября—видно изъ предшествовавшаго разсказа. Стѣснивъ такимъ образомъ крѣпость, мы должны были ожидать, что и насъ гарнизонъ будетъ безпокоить, но въ этомъ я не вижу неудобства; хорошо расположивъ войска съ крѣпкими передовыми укрѣпленными постами и ночными секретами и охвативъ кавалерійскими отрядами всю окружность Карса, какъ это послѣднее и сдѣлалъ ген. Муравьевъ, вылазки изъ крѣпости и схватки съ непріятелемъ были бы пріятнымъ развлеченіемъ для войска. Близкое стѣсненіе, уменьшивъ кругъ обложенія, потребовало бы для того меньше войска; слѣдственно можно было бы посылать, куда потребуется, отряды войскъ,

не ослабляя блокады. Но ген. Муравьевъ послѣ рекогносцировки у Магараджика расположилъ войска въ 18-ти верстахъ отъ крѣпости при с. Тикмѣ; тутъ блокады быть не могло. Пойдя первый разъ за Соганлугъ и оставивъ половину войскъ съ кн. Гагаринымъ, онъ приказалъ расположить ихъ на высотахъ противоположныхъ Карсу, при Каны-кёвѣ. И тутъ блокады не было, ибо турки свободно выходили изъ крѣпости и косили траву по всѣмъ направленіямъ. Чтобъ доказать намъ, что дѣйствительно нѣтъ блокады, баши-бузуки напали на отставшихъ шедшаго изъ Александрополя транспорта и изрубили четырехъ маркитантовъ. По возвращеніи изъ-за Соганлуга, хотя наши кавалерійскія партіи и были увеличены, но все войско оставалось при с. Тикмѣ по 19-е іюля—день выступленія во второй разъ за Соганлугъ; слѣдственно и тутъ блокады не было. Только съ 19-го іюля, когда войска были подвинуты къ с. Команцуру и конные отряды безпрестанно стали рыскать около крѣпости, можно было поручиться, что транспортъ не войдетъ въ крѣпость; но нельзя назвать и этого времени дѣйствительною блокадою, ибо обложеніе, несмотря на близкое разстояніе войскъ нашихъ отъ крѣпости, все еще не было всестороннее, и сдѣлалось такимъ только расположеніемъ отряда при с. Бозгалѣ и соприкосновеніемъ къ этому отряду конного отряда бар. Унгернъ-Штернберга. Вотъ когда можно было сказать, что кр. Карсъ находится въ блокадѣ. Чрезъ нѣсколько недѣль начали получаться свѣдѣнія о бѣдственномъ состояніи гарнизона.

Объ прогулки за Соганлугъ по эрзерумской дорогѣ считаю совершенно излишними. Тотчасъ по приходѣ къ Тикмѣ или, не доходя до Тикмы ставъ у Чифтлигая, слѣдовало занять горную мѣстность, распорядиться обложеніемъ крѣпости, а не прогулками, которыя показываютъ какую-то нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, какъ будто и самъ начальникъ еще не утвердился въ своихъ предположеніяхъ и старается фиктив-

ною дѣятельностью занять вниманіе и прикрыть свои еще не созрѣвшія намѣренія. Главнокомандующему было извѣстно, что Вели-паша формируетъ въ Эрзерумѣ войско или, лучше сказать, собираетъ что попало. Онъ извѣстился и о томъ, что большіе запасы провіанта сложены въ разныхъ мѣстахъ за Соганлугомъ, собранные туда ген. Вилліамсомъ; по ненмѣнію же перевозочныхъ средствъ, въ устроенныхъ близъ Мелидюза пекарняхъ пекли хлѣбъ и сушили сухари. Знали, что у турокъ за Соганлугомъ нѣтъ никакихъ войскъ и что только у Гассанъ-кале стоитъ ничтожный отрядъ. Казалось, тутъ бы, устроивъ блокаду какъ сказано выше, приказать отряду изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, нѣсколькихъ эскадроновъ драгунъ и сотенъ казаковъ съ приличнымъ числомъ орудій и до тысячи повозокъ и аробъ двинуться за Соганлугъ, забрать сколько можно хлѣба и сухарей и привезть въ лагерь; пекарни уничтожить, а хлѣбопековъ грековъ взять съ собою, чтобы для насъ работали въ Александрополѣ. Или такому же отряду, совмѣстно съ эриванскимъ ген. Суслова, исполнить уничтоженіе пекаренъ и перевозъ хлѣба. Все это было сдѣлано, но хлѣбъ не перевезенъ, а по возможности уничтоженъ; только не слѣдовало самому ходить и слѣдственно брать съ собой половины войскъ и тѣмъ не ослаблять блокады, отчего было потеряно два мѣсяца. Прогулки за Соганлугъ должны были быть экспедиціями для перевозки турецкаго хлѣба въ нашъ лагерь. Что тамъ не было войскъ, съ коими бы можно схватиться, въ особенности въ первое слѣдованіе, это хорошо зналъ главнокомандующій; а что турки нигдѣ не станутъ его ждать—въ этомъ при выступленіи всѣ были увѣрены; но убѣжденія другихъ не пристаютъ къ человѣку своеобычнаго характера.

Что не слѣдовало штурмовать Карсъ—въ этомъ всѣ согласны. Не думаю, чтобъ ген. Муравьевъ могъ представить удовлетворительные доводы въ необходимости занять именно въ это время, 17-го сентября, хорошо укрѣпленныя высоты, когда бло-

кода уже давала себя чувствовать гарнизону. Для скорѣйшей сдачи крѣпости эти высоты надобно было въ самомъ началѣ занять. Но, рѣшивъ взять крѣпость блокадою и не занявъ сначала неукрѣпленныя чахмахскія и шорахскія высоты, не было надобности занимать оныя по укрѣпленіи ихъ для дѣльнаго обложенія крѣпости; для этого достаточно было занять хребетъ горъ, на который мы ходили въ рекогносцировку 1-го іюля, что и сдѣлано было послѣ отрядомъ князя Дондукова-Корсакова близь с. Бозгалы, только на болѣе отдаленномъ разстояніи отъ крѣпости. Рѣшившись на блокаду, надобно было выдержать и терпѣливо сносить скуку ожиданія, которая у главнокомандующаго облегчалась горестными для гарнизона извѣстіями, приносимыми ему шпіонами почти ежедневно. Предположимъ, что штурмъ линіи укрѣпленій, на которую были направлены генералы Майдель, князь Гагаринъ и Ковалевскій, удался; что потомъ? Конечно, надобно было идти впередъ къ такъ называемой англійской линіи на чахмахскихъ высотахъ, которую съ одного конца занималъ ген. Базинъ, и тѣмъ подать ему руку. Но Базинъ, наткнувшись съ своимъ малымъ отрядомъ на фортъ Вилліамсъ, долженъ былъ остановиться, и сказаннымъ выше тремъ отрядамъ предлежало бы брать отдѣльный фортъ Чимъ-табію и два сильныхъ форта—Лекъ (Лазъ?) и Вилліамсъ, оба вооруженныхъ сильною артилеріею. Кто опредѣлитъ потерю нашу при этомъ вторичномъ штурмѣ и кто поручится за успѣхъ? Наконецъ, еслибъ и это удалось и мы заняли бы все пространство по лѣвую сторону Карсъ-чая, что потомъ? Преслѣдовать и съ бѣгущимъ непріятелемъ ворваться въ укрѣпленный лагерь? Но тутъ можно поставить и не одинъ вопросительный знакъ: на Карсъ-чаѣ одинъ мостикъ, у мельницы, слѣдственно многіе бросились бы въ бродъ и были встрѣчены здѣсь ген. Вилліамсомъ, который въ этомъ лагерѣ собралъ войска и отсюда посылалъ на гору къ Кмети баталіоны. Понять можно, что и

тутъ была бы потеря, но былъ ли бы успѣхъ? ибо тутъ утомленныя боемъ и бѣгомъ по горамъ войска наткнулись бы на свѣжія турецкія. Положимъ, что остатокъ резерва присѣлъ на помощь и баталіоны ген. Нирода тоже помогли бы, но все это не безъ потери .... Кто сосчитаетъ эту потерю? и зачѣмъ она? и много ли бы осталось у насъ войска, т. е. пѣхоты? Скажутъ мнѣ: занявъ высоты, мы могли на нихъ укрѣпиться, что способствовало бы скорѣйшей сдачѣ крѣпости. Можетъ быть; но если судить по слѣдствіямъ, то непріятель, выдержавшій блокаду до совершенной истомы, конечно, не испугался бы занятія высотъ, и съ карадахскихъ батарей, и съ цитадели старался бы намъ вредить какъ могъ,—и опять потеря. Зачѣмъ эти потери людей, когда вначалѣ можно и должно было занять эти высоты почти безъ потери, или, не занимая ихъ, обложить крѣпость и съ горной стороны, какъ слѣдовало. Должно прибавить, что турки при штурмѣ имѣли потерю до 2500 человѣкъ; это уменьшило потребителей провіанта и оный сталъ на дольшее время оставшимся, слѣдственно срокъ истощенія силъ и сдача крѣпости отдалились. Вотъ это все, кажется, надобно бы было передумать передъ рѣшеніемъ штурма высотъ, 17-го сентября.

Я изложу мысли мои не критически, а просто скажу, что думаю о томъ какъ было, а не о томъ какъ бы должно быть. Люди ночь не спали, въ полночь двинулись; кто сдѣлалъ три, кто пять верстъ; прійдя къ высотамъ, полѣзли на крутизны. Отрядъ Майделя шелъ по дорогѣ, съ артилеріею, но дорога была до того крута, что, спускаясь по оной днемъ, я удивлялся какъ могла артилерія взойти на нее ночью; люди помогали. Изъ этого видно, что въ бой вступили уже усталые. Отряду Ковалевскаго ни на какой успѣхъ и надѣяться нельзя было, и всходъ на брустверъ п. Шемкевича съ нѣсколькими молодцами былъ только достославнымъ случаемъ, удавшимся этому энергическому человѣку, который, достигши предположенной се-

бѣ цѣли, тутъ и кончилъ [7]). Отрядъ кн. Гагарина, шедшій немного отложе, слѣдственно болѣе вмѣстѣ или менѣе разсыпавшись, дошелъ до верху, и какъ укрѣпленіе, предъ нимъ оказавшееся, не было на самомъ обрывѣ, а немного внутрь, онъ взялъ его; но на немъ истощилъ всѣ силы и, двинувшись влѣво, на другое, былъ отбитъ и не могъ уже удержать и взятаго. Оба отряда сошли внизъ совершенно разстроенные и потерявъ почти всѣхъ начальниковъ. Изъ этого видно, что людямъ, шедшимъ на штурмъ укрѣпленій съ сильною профилью, не иначе можно было дойти до нихъ какъ уже усталыми. Вотъ одна изъ существенныхъ причинъ неудачи. Генералъ Майдель, поднявшись на гору, пустилъ отрядъ свой на всю линію укрѣпленій и на сильный редутъ (Тахмасъ-табія), замыкавшій линію вправо. Вошедши на гору, т. е. съ момента открытія себя непріятельскимъ выстрѣламъ, люди должны были двигаться бѣгомъ полверсты подъ жесточайшимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Можно представить себѣ потерю. Усталые, разстроенные, гренадеры добѣжали до рва—въ ровъ, но влѣзть на брустверъ удалось немногимъ, а на кронѣ ожидали ихъ въ сильныхъ рукахъ острые ятаганы и штыки. Взятіе укрѣпленной линіи было облегчено тѣмъ, что часть нашихъ войскъ, обойдя эполементъ, замыкавшій слѣва линію, погнала резервъ турокъ и била стоявшихъ на валгангѣ, которые, видя себя обойденными, не могли удержать лѣзшихъ на брустверъ. Двѣ группы палатокъ, 4 орудія и вся линія до редута были въ нашихъ рукахъ; турки прогнаны за редутъ къ ренинсонской линіи; Майдель раненъ. Часть войскъ, шедшихъ на редутъ, осталась со стороны рва, а часть обошедшихъ эполементъ и артилерія—со стороны валганга. Въ это время турки, отбивъ Ковалевскаго и Гагарина и не безпокоясь болѣе о ренинсонской линіи, сосредоточили всѣ силы свои на защиту большого

[7]) Онъ былъ желчнаго характера. Еще бывъ артилеристомъ, командовалъ батареею и состоялъ подъ моимъ начальствомъ; я хорошо зналъ этого отличнаго офицера.

редута (Тахмасъ-табія), впустивъ въ него много свѣжаго войска, а прочія поставивъ въ резервѣ за ближними укрѣпленіями (на которыя шелъ кн. Гагаринъ) и по сосѣдству. Первые два баталіона, пришедшіе изъ резерва, Майдель тотчасъ пустилъ вмѣстѣ со своими на штурмъ редута. Эти баталіоны шли на горы по ложбинѣ, въ которой собирались раненые, хотя и по менѣе крутому всходу, но пришли къ дѣлу усталые и тотчасъ бросились на укрѣпленіе; самый восходъ на гору чрезъ перевязочный пунктъ (другого входа и резерва не было) на протяженіи 200—300 с., усѣяннымъ ранеными и убитыми, не подымаетъ духа въ человѣкѣ. Старшихъ начальниковъ, которыхъ войска знали, скоро не стало; не было общихъ послѣдовательныхъ распоряженій; по прибытіи изъ резерва, свѣжіе баталіоны вмѣстѣ съ отбитыми были водимы на редутъ уже своими храбрыми баталіонными или полковыми командирами —порывы храбрости безъ настойчивыхъ распоряженій, т. е., назвать порусски, неурядица! Напрасная трата людей! Успѣха безъ старшаго начальника ожидать было нельзя! Такъ продолжалось дѣло съ 5-ти часовъ утра до половины 10-го, когда я пріѣхалъ на гору. Всѣ понимали, что штурмъ не удался, да и самъ главнокомандующій долженъ былъ убѣдиться въ этомъ, хотя и не показывалъ того; всякому понятно, какъ трудно было ему выговорить слово „неудача,“ дѣйствительно ужасное слово для отвѣтственнаго лица!

Кажется, тутъ мѣсто сказать два слова о томъ, какъ я былъ отправленъ главнокомандующимъ принять начальство надъ войсками. Когда главнокомандующій увидѣлъ самъ въ зрительную трубу, что ген. Броневскаго ведутъ назадъ съ горы, онъ началъ ходить взадъ и впередъ по площадкѣ; я стоялъ тутъ же.

— Кого я послалъ туда—всѣхъ перебили! ни одного генерала!

Я поднялъ руку подъ козырекъ и перебилъ его восклицанія.

— Позвольте сказать, в. в.-п—ство, что я здѣсь цѣлый часъ ожидаю приказаній вашихъ.

— Какъ, вы хотите, чтобъ я васъ послалъ? Это нельзя; съ кѣмъ я останусь?

— Ваше в.-п—ство, тамъ наши двѣ батареи, знамена, войска безъ начальника.

— Я васъ не могу послать—на васъ все лежитъ...

И еще что-то подобное.

— Позвольте повторить вашему в.-п—ству, что передъ непріятелемъ войска безъ начальника.

Нѣсколько секундъ главнокомандующій, все ходя, хранилъ молчаніе; потомъ остановился предо мною и сказалъ:

— Хорошо, поѣзжайте; но прошу васъ, Э. В., помнить, что у насъ осталось мало войскъ. Сколько послано изъ резерва на гору?

— Пять баталіоновъ.

— Поѣзжайте съ Богомъ.

— Позвольте мнѣ спросить в. в.-п—ство, дозволяете вы мнѣ дѣйствовать самостоятельно или я долженъ буду въ случаѣ надобности присылать за приказаніями?

Въ лицѣ главнокомандующаго выразилось какое-то недоумѣніе.

— Какъ самостоятельно? какой случай?

— Въ случаѣ, если я найду, что надобно отвести войска.

— Какъ, вы полагаете, штурмъ отбитъ?

— Ваше в.-п—ство сами видите, что онъ не удался, ибо прошло уже четыре часа, а успѣха нѣтъ; всѣ донесенія пріѣзжавшихъ оттуда совсѣмъ неутѣшительны; впрочемъ, если что можно сдѣлать, будьте увѣрены, я сдѣлаю; но если найду, что надо будетъ отвести войска, то я спрашиваю: долженъ ли я присылать за приказаніями?

Главнокомандующій опять нѣсколько секундъ ходилъ въ молчаніи, потомъ сказалъ:

— Дѣйствуйте какъ вы найдете нужнымъ по собственному вашему усмотрѣнію; я совершенно полагаюсь на васъ; но прошу васъ помнить, сколько осталось у насъ баталіоновъ; вы лучше всѣхъ это знаете.

— Если что можно сдѣлать—сдѣлаю; если нельзя—отведу войска; но на этотъ случай, и какъ я не знаю, что я тамъ найду, прошу в. в.-п—ство изъ резерва два баталіона, чтобъ подъ ихъ прикрытіемъ въ порядкѣ отойти.

Послѣ незначительнаго возраженія, главнокомандующій согласился.

— Хорошо, возьмите два баталіона. Но если надобно будетъ отвести войска, то постарайтесь на горѣ занять какое нибудь мѣсто и оставить за нами.

Зачѣмъ это?

— Если нужно, такъ вы сдѣлайте это.

— Что можно будетъ, то постараюсь сдѣлать.

— Прощайте.

Муравьевъ протянулъ мнѣ руку и я спустился съ горы,ославъ кап. Добровольскаго за двумя баталіонами изъ резерва.

Весь этотъ разговоръ длился не болѣе пяти, шести минутъ и былъ записанъ мною по возвращеніи въ палатку.

Какъ я поступалъ на горѣ по прибытіи моемъ къ войскамъ и какъ я отвелъ войска съ потерею одного убитаго и четырехъ раненыхъ—я, кажется, во всей подробности описалъ въ разсказѣ о нашихъ дѣйствіяхъ.

Итакъ, по моему разумѣнію, штурмъ не удался отъ того: 1) что было три отряда и три начальника; 2) что намъ неизвѣстно было подробное расположеніе укрѣпленій и профиль ихъ; 3) усталость людей; 4) отдѣленіе резерва, которому лучше было стоять совсѣмъ у подошвы горы, и 5) не было единства начальства надъ штурмующей колонною и резервомъ. Тогда бы этотъ начальникъ своевременно посылалъ помощь, и общія настойчивыя распоряженія, можетъ, имѣли бы скорый успѣхъ,

который могъ произвести паническій страхъ и оставленіе другихъ редутовъ.

Еслибъ я могъ ожидать успѣха хотя съ потерею половины войскъ, кажется, я рѣшилъ бы попытаться; но съ столпившимися во рву и уже нѣсколько разъ отбитыми на успѣхъ, т. е. на взятіе редута, надѣяться нельзя было. Таково было мое убѣжденіе. Къ слову сказать слѣдующее: чрезъ три, четыре дня послѣ штурма генералъ Муравьевъ спрашивалъ полк. кн. Тарханова, о которомъ я говорилъ при описаніи штурма— „могъ ли ген. Бриммеръ взять редутъ и не рано ли отвелъ войска?“ Вопросъ былъ поставленъ этакъ или близь того, на что полк. кн. Тархановъ отвѣчалъ: „Еслибы генералъ Бриммеръ не отвелъ насъ, мы бы всѣ тамъ погибли.“

Всѣ чисто административныя распоряженія главнокомандующаго были выше всякой похвалы. Одно изъ нихъ—доставленіе жителями лѣсу для постройки землянокъ поставило насъ въ возможность убѣдить непріятеля послѣ неудачнаго штурма, что мы не отойдемъ, не взявши крѣпости.

XXIV.

ВОСПОМИНАНІЯ 1855 ГОДА.

Странно, что всѣ благомыслящіе (не исключая и себя изъ оныхъ) какъ бы ожидали, что ген. Муравьева назначитъ Государь начальникомъ нашего края; но многіе не хотѣли вѣрить въ это назначеніе, говорили, что Государь къ нему не благоволитъ, что онъ до того тяжелаго характера, что съ нимъ служить нельзя, и прочее. Когда дѣйствительно сбылось, что предугадывали нѣкоторые, тогда всѣ взысканные благоволеніемъ прежняго намѣстника крѣпко призадумались. Въ концѣ янва-

ря Николай Николаевичъ Муравьевъ ужъ былъ въ Ставрополѣ; думали, вотъ чрезъ недѣлю будетъ въ Тифлисѣ, и всѣ должностные стали оглядываться на свою службу. Прошла недѣля, но намѣстникъ не торопился въ Тифлисъ; только письма приходили къ одному и другому, что ѣдетъ тихо, все осматриваетъ, входитъ въ подробности и крѣпко замѣчаетъ все непозволительное. Тогда въ Тифлисѣ всѣ, за кѣмъ водились блошки, старались по возможности исправлять, что было неправимо—все черное и сѣрое сдѣлалось бѣлымъ; казалось, всѣ были спокойны, никто не суетился, но втихомолку всѣ, за кѣмъ были грѣшки, работали чтобъ скрыть ихъ. Чѣмъ тише ѣхалъ намѣстникъ по линіи, тѣмъ безпокойство и страхъ увеличивались въ Тифлисѣ; наконецъ медленная ѣзда его до того подѣйствовала на болѣе испуганныхъ, что тревожное безпокойство обратилось въ лихорадочное состояніе. Этого разряда должностныя лица, встрѣчаясь на улицѣ, въ какомъ-то волненіи спрашивали другъ друга: „что, не слыхали, скоро будетъ?“—„Не слыхалъ; ужъ наскучило ждать; пріѣхалъ бы проворнѣе.“ Или: „а что, скоро будетъ?“—„Право, не слыхалъ; да Богъ знаетъ, будетъ ли еще?“ Тихое пятинедѣльное путешествіе намѣстника навело истому ожиданія на испуганныхъ. Но вотъ онъ выѣхалъ изъ Владикавказа, ужъ въ горахъ, и испуганные принимаютъ улыбающіяся физіономіи; искривленныя лица ихъ какъ бы говорятъ: „пріѣзжай, желанный!“ Одинъ полковникъ съ французской фамиліей, встрѣтясь со мною въ это время и сдѣлавъ мнѣ по обыкновенію вопросъ—qui était à l'ordre du jour—не слыхали ли, ваше п—ство, когда пріѣдетъ намѣстникъ? потомъ не съ того, не съ сего пошелъ разсказывать мнѣ, что онъ служилъ въ гренадерскомъ корпусѣ и что Николай Николаевичъ ему всегда благоволилъ, и что онъ чрезвычайно радъ этому назначенію. Но, несмотря на улыбающееся лицо и на радостныя слова, боязливое ожиданіе проглядывало на испуганномъ. И дѣйствительно, вотъ

что случилось. Намѣстникъ, послѣ общаго представленія, приказалъ всѣмъ вѣдомствамъ, составлявшимъ штабъ главнокомандующаго, и разнымъ частямъ, не входящимъ въ гражданскую администрацію и состоящимъ при намѣстникѣ, представляться особо каждому. Вотъ начальникъ штаба представляетъ дежурство и состоящихъ по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ; нашъ полковникъ въ числѣ послѣднихъ. Николай Николаевичъ спрашиваетъ каждаго о прежней службѣ; доходитъ очередь до де-М.—„Вы гдѣ служили прежде?“ —Въ гренадерскомъ корпусѣ, в. в.-п—ство!—„Я васъ вовсе не помню; вы вѣрно не долго были въ строю?“ Первое разочарованіе. На другой день главнокомандующій приказалъ представить себѣ конвойную команду линейныхъ казаковъ, которая прежнимъ главнокомандующимъ была поручена нашему знакомому. Полковникъ де-М. сталъ на правомъ флангѣ и подалъ рапортъ о состояніи команды.—„По какому случаю вы командуете казаками?“—Его свѣтлость поручилъ мнѣ команду. —„Сдайте ее старшему казацкому офицеру; зачѣмъ его обижать“, или что-то подобное. Второе разочарованіе. Потомъ, часа чрезъ два, представлялась канцелярія намѣстника и начальствовавшіе разными заведеніями. Нашъ знакомый имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи образцовую ферму. Видите, многомѣстный чиновникъ! значитъ человѣкъ ловкій—умѣлъ же соединить въ себѣ конвойную команду главнокомандующаго съ образцовою фермою, а у нихъ связью могъ быть одинъ навозъ. Такъ и главнокомандующій нашелъ, что это мѣсто ученаго агронома, а не полковника, и приказалъ сдать ферму, а на ферму ежегодно отпускалось 7 тысячъ руб. сер. Кончилось тѣмъ, что полковникъ нашъ—человѣкъ, впрочемъ, хорошій—видя, что жирныя мѣста отняли, а по званію состоящаго по особымъ порученіямъ придется ѣздить на слѣдствія, подумалъ, подумалъ, да и уѣхалъ изъ Тифлиса.

Вскорѣ главнокомандующій далъ мнѣ порученіе въ Гурію

—осмотрѣть войска, госпитали и прочая и по возможности устранить причину болѣзненности. Дорога предъ Кутаисомъ была чрезвычайно испорчена, такъ что ямщикъ, не видя за грязью ямы, попалъ въ нее правымъ колесомъ—и задняя ось лопнула. Не очень пріятное происшествіе. До послѣдней станціи было двѣ версты—я пошелъ пѣшкомъ; къ тарантасу подвязали дрючекъ и такъ довезли до мѣста, а я въѣхалъ въ Кутаисъ на перекладной, точно какъ въ Эривань въ **1853** году; но теперь былъ полдень, и плацъ-адъютантъ проводилъ меня на назначенную квартиру, гдѣ ожидали начальники съ рапортами. Продѣлавъ обычное, я обратился къ капитанъ-исправнику и увѣрилъ его, что дороги должны быть исправны.

— Большую почтовую дорогу исправляетъ вѣдомство путей сообщенія.

— Я говорю о томъ, что вы можете дѣлать; а съ офицеромъ путей сообщенія я буду говорить особо. Дорога непроходима; закидать или заровнять ямы, отвесть стоячую воду въ канавы, топкія мѣста закидывать камнями или хворостомъ; на это не надобно искуснаго офицера путей сообщенія; а подъ горой я видѣлъ вблизи деревни.

— Это монастырскія, перебилъ меня г. исправникъ.

— Ну такъ чтожъ? нарядите людей, а монахъ будетъ смотрѣть, чтобъ люди работали. Попросите ко мнѣ исправляющаго должность губернатора.

Между тѣмъ, отпустивъ почетный караулъ и поговоривъ съ начальниками, я откланялся имъ, сказавъ, что сейчасъ буду въ госпиталь. Подполковника путей сообщенія оставилъ, желая его убѣдить, что онъ не исполняетъ своей обязанности. На замѣчаніе мое о дорогахъ, онъ довольно бойко отвѣчалъ:

— Средствъ не отпускаютъ, оттого и работы всѣ стоятъ; ничего дѣлать нельзя.

— Что вы называете средствами? спросилъ я у него.

Свѣтскій человѣкъ улыбнулся и говоритъ:

— В. п., разумѣется, деньги; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь.

— Ошибаетесь, м. г., деньги не есть средства, а деньгами достаютъ средства къ работѣ. У васъ въ распоряженіи двѣ рабочія роты, всякаго мастерскаго инструмента заваленъ сарай, а вы въ военное время оставляете дороги, по которымъ движутся войска, въ такомъ непроѣздимомъ состояніи? Вы для исполненія своихъ обязанностей ждете приказаній начальства и денегъ, имѣя средства къ работѣ въ своемъ распоряженіи —это не есть признакъ усердія. Притомъ я васъ долженъ просить, если я впредь буду говорить съ вами о дѣлѣ, то безъ улыбокъ; онѣ не у мѣста.

Чрезъ четверть часа я подъѣзжалъ къ госпиталю, причемъ замѣтилъ, что большая улица, ведущая къ губернаторскому дому была прекрасно шоссирована. Госпитальное зданіе было близь р. Ріона, къ нему подходили чрезъ дворъ. У воротъ я нашелъ нѣсколько начальниковъ и докторовъ; свѣтскій человѣкъ тутъ же. Прямо отъ воротъ по обширному двору положены деревянныя мостки; весь дворъ — совершенное болото. Я въ изумленіи остановился и обратился къ главному доктору.

— Какъ вы это терпите, чтобъ госпиталь былъ въ вонючемъ болотѣ?

— Я писалъ нѣсколько разъ, в. п—ство; все отвѣчаютъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ средствъ нѣтъ для вымощенія дворовъ.

— Плохо же вы писали, если васъ не слушаютъ.

Госпиталь былъ въ порядкѣ. Кухня отъ него въ пяти саженяхъ, въ особомъ домикѣ; идя въ оную по мосткамъ, проходишь мимо помойной ямы.

— И это вы терпите, чтобъ помойная яма была подлѣ госпиталя, у дверей кухни?

Обращаясь къ свѣтскому человѣку, я спросилъ его:

— Кто дѣлалъ это прекрасное шоссе къ губернаторскому дому?

— Это я дѣлалъ, съ самодовольнымъ видомъ отвѣчалъ г. подполковникъ.

— Прежде чѣмъ дѣлать городское шоссе надобно бы было вымостить госпитальные дворы, чтобъ больные солдаты не болѣли еще болѣе отъ вопючаго воздуха.

— Начальство не отпускало на это суммъ, в. п—ство.

— А вотъ я вамъ покажу, что и безъ суммъ можно дѣлать то, что должно. Прошу васъ выслушать теперь мое приказаніе, ибо я требую точнаго исполненія. У васъ здѣсь двѣ военно-рабочія роты, изъ нихъ команда съ поручикомъ Южаковымъ на дорогѣ близъ Марани, кажется; отдѣлите еще команду въ 10 человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ на сурамскую дорогу; гдѣ она дурна—я прикажу выслать жителей на работу; а вы съ прочими людьми вымостите всѣ три двора. Люди у васъ есть, инструментъ есть, камень въ Ріонѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ, тачекъ для перевозки много, кажется, найдутся и повозки. Работайте дѣльно, спустивъ канавами всю воду изъ болота; вмѣсто помойной ямы, которую уничтожить, проведите скрытую склонную канаву въ Ріонъ, онъ быстръ здѣсь, все унесетъ. Все это правительству не будетъ стоить ни копѣйки. Предваряю васъ, что чрезъ 10 дней я вернусь въ Кутаисъ—и чтобъ все было готово къ моему возвращенію; эта работа будетъ служить мѣриломъ усердія вашего къ службѣ. Если работа не будетъ кончена, я представлю васъ, г. подполковникъ, за нерадѣніе къ службѣ въ военное время къ увольненію отъ оной. На все это вы тотчасъ получите предписаніе.

Свѣтскій человѣкъ выслушалъ рѣчь мою и не улыбался.

Я вернулся на 12-й день и, не заѣзжая на квартиру, въѣхалъ по вымощеному двору къ крыльцу госпиталя. Въ одномъ углу двора доканчивали мощеніе, передъ кухней, на мѣстѣ по-

мойной ямы, какой-то шутникъ поставилъ нѣсколько горшковъ geranium'а.... И большая дорога была совершенно исправлена.

Кажется, въ разсказѣ моемъ о пріѣздѣ ген. Муравьева я коснулся того, что, осматривая разныя части, онъ старался утвердить всѣхъ въ томъ мнѣніи, что нѣтъ части, которая не была бы ему знакома. Такая универсальная научность была дѣйствительно его достоинствомъ. Николай Николаевичъ получилъ прекраснѣйшее образованіе и въ продолженіи всей жизни своей старался все болѣе и болѣе пріобрѣтать познаній. О всемъ, что касается до службы офицера генеральнаго штаба я ужъ и не говорю—это была его спеціальность. Онъ говорилъ на многихъ языкахъ и почти на всѣхъ какъ бы языкъ этотъ былъ его родной, съ чистымъ выговоромъ и оборотомъ рѣчи туземца: владѣлъ русскимъ, польскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ и, кажется, еврейскимъ языками. Для татарскаго, бывъ полковникомъ, написалъ грамматику, очень пригодную для русскихъ офицеровъ; еврейскому учился, кажется, ужъ въ позднѣйшее время. Николай Николаевичъ любилъ музыку и игралъ на многихъ инструментахъ. Я видѣлъ какъ въ Башкичетѣ, еще полковымъ командиромъ, онъ бралъ изъ рукъ музыкантовъ волторну, фаготъ, флейту и игралъ съ хоромъ; я заставалъ его и за фортепіаномъ. Для рисованія онъ имѣлъ легкую руку; далеко ли онъ довелъ это искусство—не знаю, но каррикатуры, имъ набросанныя, бывали уморительно смѣшны. При такомъ прекрасномъ воспитаніи, при его способностяхъ какъ военнаго генерала, при неотъемлемой душевной добротѣ, какъ не заставить всѣхъ и каждаго любить себя? Замѣтьте, что если онъ хотѣлъ, то могъ быть чрезвычайно любезнымъ. Въ молодости долженъ былъ имѣть русское благообразное лицо, тѣло бѣлое, русые волоса и голубые глаза; тѣлосложенія крѣпкаго, сила выше обыкно-

венной. Но всѣ эти дары, и Богомъ данные, и воспитаніемъ пріобрѣтенные, какъ бы подавлялись самымъ нелюбезнымъ, тяжелымъ характеромъ въ сношеніяхъ съ приближенными и съ подчиненными. Самолюбіе его не имѣло границъ, подозрительная недовѣрчивость доходила до обиды, педантизмъ въ исполненіи имъ требуемаго до смѣшного, слѣдственно и до досады. При такомъ начальникѣ должна была быть подавлена всякая самостоятельность въ подчиненныхъ. Къ несчастію, себялюбивые и самолюбивые люди, находясь въ постоянномъ омраченіи и относя все къ себѣ, дѣлаются деспотами, не терпятъ противорѣчій, любятъ похвалы себѣ, слѣдственно слушаютъ не безъ удовольствія худое о другихъ, а потому неудивительно если между окружающими найдутся такіе, которые легкимъ путемъ угодливости стараются пріобрѣсть благоволеніе начальника. Характеръ составлялъ непріятную сторону человѣка у Н. Н. Муравьева.

Какъ я сказалъ, ген. Муравьевъ поставилъ себѣ въ обязанность увѣрять всѣхъ, что только онъ служитъ какъ должно, почему на всякомъ шагу поправлялъ и училъ всѣхъ и каждаго. Не долго ждалъ я—и до меня дошла очередь. Когда я подошелъ съ передовымъ отрядомъ къ Занму, то, высмотрѣвъ мѣстность, указалъ начальнику штаба какъ поставить войска, а равно мѣсто для лагеря и тяжестей части войскъ, шедшихъ сзади съ главнокомандующимъ. Версты три не доходя до Занма, деревни, лежащей на Карсъ-чаѣ въ 12-ти верстахъ отъ Карса, дорога спускается нечувствительно въ обширную долину, окаймленную справа Карсъ-чаемъ, слѣва и спереди, къ сторонѣ Карса, отлогостями, спускающимися съ плато въ долину. Я приказалъ весь лагерь поставить въ долину, на высотѣ къ сторонѣ Карса расположить два полка пѣхоты и при каждомъ по 4 орудія, и на высотѣ же, болѣе къ концу лагеря, казацкій полкъ; оцѣпить лагерь по обыкновенію полевыми караулами въ приличныхъ мѣстахъ, впереди нѣсколько

казацкихъ пикетовъ; и когда наши прогнали небольшой отрядъ турецкой регулярной кавалеріи отъ Заима, приказалъ установить казацкіе разъѣзды кругомъ лагеря, и такъ какъ мѣстность на плато до самаго Карса и до г. Ягна-дагъ голая степь, то можно было видѣть малѣйшее движеніе или какое либо проявленіе жизни въ безлюдномъ пространствѣ. Только-что кончили распоряженія и войска стали входить въ свои мѣста, начальнику штаба сказали, что главнокомандующій ѣдетъ. Я спустился съ плато ему навстрѣчу и, сдѣлавъ обычное донесеніе, сказалъ: „Очень скоро прибыли, в. в.-п—ство.“—„А вы еще скорѣе.“—„Кажется, такъ и слѣдовало?“—„Да, конечно! Поѣдемте къ вамъ въ палатку; вы напоите меня чаемъ?“—„Самоваръ ужъ готовъ.“ Надо сказать, что Николай Николаевичъ чаепіецъ, во всякое время дня онъ готовъ пить чай и, кажется, знаетъ толкъ въ немъ, ибо хвалилъ который пилъ у меня, конечно, не зная, что оный нарочно выписанъ изъ Москвы. Покуда мы подъѣзжали къ палаткѣ, онъ разспрашивалъ меня, какъ я приказалъ расположить лагерь? Я разсказалъ.

— Какъ же это можно спиной къ рѣкѣ? Лучше было бы расположить наверху.

— Правила нѣтъ безъ исключенія, в. в.-п. Изъ-за рѣки мы не ожидаемъ непріятеля,—онъ передъ нами, слѣдственно я на рѣку смотрѣлъ какъ на воду только, и для того сталъ въ долинѣ, чтобъ быть поближе къ ней.

— Да такъ, стоя въ долинѣ, мы и не увидимъ турокъ когда они подойдутъ!

— Во первыхъ турки изъ крѣпости не выйдутъ, чтобъ на насъ напасть.

— Это не должно брать въ соображеніе.

— А второе, наверху два пѣхотныхъ полка съ артилеріею, съ казацкими пикетами и разъѣздами; нечаянности быть не можетъ; притомъ въ четверть часа все войско можетъ быть наверху.

— Нѣтъ, такъ лагерь не слѣдовало ставить.

— Еще только начали становиться, а другая половина идетъ—прикажете перемѣнить лагерь?

— Нѣтъ, ужъ оставьте такъ, какъ вы поставили.

Меня не убѣдилъ, что лагерь дурно поставленъ; оставивъ же его безъ всякой перемѣны внутренно признавалъ его хорошо расположеннымъ, ибо передъ непріятелемъ нельзя шутить лагернымъ расположеніемъ. Чтожъ это было? Болѣе ничего, какъ непреодолимое побужденіе унизить васъ въ собственныхъ глазахъ, сказавъ, что вы ничего не разумѣете, я васъ научу!

Трудно повѣрить до чего педантизмъ можетъ довести умнаго человѣка. У насъ было много воловьихъ аробъ при войскахъ. Къ этимъ транспортамъ были опредѣлены офицеры, изъ коихъ каждый имѣлъ свой отдѣлъ. Главнокомандующій справедливо желалъ, чтобы транспорты эти въ обозѣ слѣдовали въ должномъ порядкѣ, для чего нашелъ нужнымъ сдѣлать имъ смотръ и самому учить ихъ, какъ строиться въ нѣсколько повозокъ. Когда колоннами въ пять и болѣе рядовъ они проходили мимо его, онъ замѣчалъ если они не равняются! И на этомъ воловьемъ ученьи онъ провелъ до трехъ часовъ: „я ихъ доведу, какъ въ персидскую войну, когда я былъ начальникъ штаба (онъ былъ помощникъ управляющаго штабомъ); они у меня равнялись какъ регулярныя войска!“

На другой день по прибытіи въ Магараджикъ, въ разговорѣ съ главнокомандующимъ я высказалъ мнѣніе, изложенное выше, упираясь на скорѣйшее занятіе порахскихъ высотъ. Его высокопревосходительство изволилъ отозваться: „на Чахмахѣ сильное укрѣпленіе; занятіе порахскихъ высотъ будетъ намъ дорого стоить и съ прошлой кампаніи (1828 года) онъ знаетъ, что съ этой стороны Карсъ взять нельзя, и вообще предполо-

женіе мое совершенно ошибочное.“ Когда 14-го числа войска были уже расположены мною на дальній выстрѣлъ батарейнаго орудія отъ укрѣпленнаго лагеря для рекогносцировки, пріѣхалъ главнокомандующій. Онъ долго смотрѣлъ въ поставленную близь батареи зрительную трубу, потомъ, оборачиваясь ко мнѣ говоритъ: „посмотрите на ваши ни чѣмъ не занятыя высоты.“ Я посмотрѣлъ и отвѣчалъ, что вижу одно неконченное и невооруженное укрѣпленіе на высотѣ. Главнокомандующій отвернулся, не сказавъ ни слова болѣе, и сталъ смотрѣть на предлежащій укрѣпленный лагерь. Увидя, что толпа всадниковъ выѣхала изъ него и остановилась предъ укрѣпленіемъ къ сторонѣ Карсъ-чая, онъ спросилъ меня, какое разстояніе до нихъ?

— Дальній выстрѣлъ батарейнаго орудія.

— Не думаю я, чтобъ выстрѣлъ хватилъ до группы.

— Прикажете попробовать?

— Хорошо, прикажите выстрѣлить.

Я подошелъ къ 12-ти-фунт. пушкѣ, навелъ ее самъ и велѣлъ выстрѣлить. Ядро упало предъ самою толпою и поскакало дальше; всѣ засуетились, сдѣлалась суматоха, всадники разъѣхались и изъ всей толпы остались на мѣстѣ только два молодца. Чрезъ нѣсколько времени главнокомандующій приказалъ отвести войска въ лагерь. Кажется, любознательность наша не много пріобрѣла отъ этой второй рекогносцировки.

Ужъ эти мнѣ рекогносцировки! не лежитъ душа къ нимъ. Вотъ и въ началѣ кампаніи все хотѣли рекогносцировать, тогда какъ безъ оглядки надобно было стукнуть. Я не прочь осмотрѣться предъ начатіемъ дѣла, чтобъ знать какъ и что дѣлать, какъ взяться за дѣло, чтобъ можно было ожидать успѣха: разошли довѣренныхъ офицеровъ, поѣзжай самъ; но эти такъ называемыя сильныя рекогносцировки, съ шумомъ подымающія на ноги весь лагерь, дѣлаются обыкновенно людьми

нерѣшительными, которые, затрудняясь опредѣлить планъ дѣйствія и желая скрыть свою нерѣшительность, дѣлаютъ шумныя движенія, чтобъ ими занять толпу. Случилось, впрочемъ, мнѣ быть на сильной рекогносцировкѣ 5-го августа 1828 года при приближеніи нашемъ къ Ахалцыху, когда я командовалъ 1-ю батарейною ротою кавказской гренадерской бригады. Главнокомандующій графъ Паскевичъ-Эриванскій, желая занять гору, съ которой можно было обозрѣть Ахалцыхъ какъ на ладони и съ которой турки высматривали нашъ лагерь, выстроилъ часть войскъ (насъ всего было около 7 т.), двѣ батарейныя батареи впереди, и мы съ музыкою и барабаннымъ боемъ двинулись къ горѣ. Предъ нами былъ широкій, довольно глубокій и крутоберегій оврагъ. Главнокомандующій, ѣхавшій за батареями, скомандовалъ: „рысью!“ Одно орудіе соскочило со шворня, два ящика опрокинулись, прочіе живо взбѣжали наверхъ. Турки ошалѣли; въ нихъ ударили картечью и проводили ядрами. Гора очистилась; на ней поставили батарею изъ 4-хъ орудій—это была батарея № 1, при кратковременной осадѣ, и я пробылъ на оной до 7-го числа, когда вечеромъ меня смѣнили. Это назвали сильною рекогносцировкою. Она понятна! Хотя батарея по отдаленности вредить не могла крѣпости, но три дня пріѣзжалъ Иванъ Ѳеодоровичъ высматривать крѣпость и разбросанные лагери Кіая-паши (Косо-паша), расположенные внѣ крѣпости. Съ 8-го на 9-е ночью, оставивъ обозы въ лагерѣ, налегкахъ, мы пошли къ турецкимъ лагерямъ, разбили 20-ти-тысячный вспомогательный корпусъ Косо-паши, взяли одну внѣ крѣпости стоявшую укрѣпленную батарею, три-четыре разбросанныхъ лагеря, нѣсколько плѣнныхъ. Весь вспомогательный корпусъ разсѣялся, паша вбѣжалъ въ Ахалцыхъ, кажется, съ тысячью или двумя и, по взятіи штурмомъ крѣпости 15-го августа, былъ взятъ въ плѣнъ. Вотъ результатъ дѣльной рекогносцировки.

На рекогносцировкѣ 1-го іюля былъ у насъ разговоръ съ главнокомандующимъ, вспоминая о которомъ можно припомнить мое прежнее мнѣніе о шорахскихъ высотахъ. Когда войска были разставлены и главнокомандующій, окруженный своею свитою, углубился въ разсматриваніе окрестнаго мѣстоположенія, очень живописнаго, я, побывъ при немъ нѣсколько времени, пошелъ къ приготовленному на травѣ завтраку. Покончивъ его, мы закурили сигарки и, лежа на травѣ, смотрѣли на турокъ, застрѣльщики коихъ на покатости дѣлали, каждый для себя, изъ каменьевъ защиту. Прошелъ, можетъ, часъ времени какъ адъютантъ главнокомандующаго явился просить меня къ нему. Я нашелъ его на томъ же мѣстѣ, лежащимъ на травѣ съ генераломъ Броневскимъ.

— Какъ вы думаете, Эдуардъ Владиміровичъ, ген. Броневскій говоритъ, чтобъ прогнать турокъ и идти на шорахскія высоты.

— Чтожъ и дѣло, в. в.-и—ство; пойдемте и займемте ихъ.

— Да я не хочу ихъ занимать, а хочу только турокъ прогнать оттуда.

— Если только прогнать оттуда турокъ, а потомъ и самимъ уйти, такъ я не вижу какая польза будетъ отъ того.

— Какъ какая польза побить турокъ? Какъ вы полагаете, Павелъ Николаевичъ?

— Мнѣ кажется—отвѣчалъ ген. Броневскій—что надобно непремѣнно ихъ побить, а такъ какъ они вышли изъ крѣпости, то этотъ случай пропускать не надо.

— Вотъ видите, ген. Броневскій согласенъ со мною, что ихъ надобно прогнать оттуда.

— Ваше высокопревосходительство изволите спрашивать мое мнѣніе; я его высказалъ: если вы желаете занять эти высоты и оставить за нами, чтобъ оттуда дѣйствовать по Карсу, тогда немедля надобно прогнать турокъ и занять ихъ, что сдѣлать весьма легко.

— А какъ вы ихъ займете, если я это поручу вамъ?

— Я поставлю батарейныя орудія на противоположную гору, отдѣленную отъ порахскихъ высотъ оврагомъ, которыя скоро очистятъ всю пологость горы; спущу колонны пѣхоты въ долину, стрѣлковый баталіонъ и всѣхъ застрѣльщиковъ впереди, нѣсколько сотень казаковъ слѣва, и послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ двину все на гору.

— Какъ же казаки верхами вскачутъ на крутую гору?

— Они будутъ прежде пѣхоты тамъ и помогутъ ей. Прикажете распорядиться?

— Но занимать высотъ я не хочу.

— Тогда я считаю всякое кровопролитіе излишнимъ; впрочемъ, какъ ваше в.-и—ство прикажете.

— Прикажите отходить въ лагерь; а я думалъ дать сегодня сраженіе.

Это было сказано съ видимымъ неудовольствіемъ, конечно, обращеннымъ ко мнѣ. Но какъ умъ и военныя способности ген. Муравьева, а еще болѣе крутость характера очень хорошо всѣмъ извѣстны, то напрасно думать, чтобъ высказанное мною мнѣніе измѣнило предположеніе г. главнокомандующаго.

Когда на другой день я встрѣтился въ лагерѣ съ ген. Броневскимъ, то шутя сказалъ этому уважаемому мною генералу: „а что, Павелъ Николаевичъ, вы вчера чай разсерчали на меня, что я не былъ одного мнѣнія съ вами?“—„Совсѣмъ нѣтъ, в. и., вы были правы; но мнѣ хотѣлось побить турокъ.“

Когда, по возвращеніи главнокомандующаго изъ второй прогулки за Соганлугъ, я поѣхалъ къ нему, чтобъ донести о состояніи войскъ, остававшихся подъ моимъ начальствомъ предъ Карсомъ, при пріемѣ меня опять выказался характеръ Николая Николаевича. Самъ ли онъ придумалъ или повѣрилъ

добрымъ людямъ, но кажется, мысль, что подъ предлогомъ фуражировки 26-го іюля я хотѣлъ попытаться взять Карсъ въ его отсутствіе не оставляла его. Зная изъ рапорта моего къ нему (копію котораго послалъ военному министру), какъ меня огорчила смертельная рана ген. Куколевскаго и смерть бывшаго адъютанта моего Тальгрена, г. главнокомандующій не нашелъ ничего приличнѣе, какъ, по принятіи отъ меня донесенія, бросить мнѣ вопросъ:

— Въ какомъ состояніи ген. Куколевскій?

— Совершенно въ безнадежномъ.

— Очень жаль—потеря чувствительная.

— Не изволите что приказать, ваше в.-п—ство?

— Я теперь занятъ; прошу васъ прійти обѣдать.

Я вышелъ изъ палатки, поскакалъ въ свой лагерь, конечно, не слишкомъ восхищенный любезностью главнокомандующаго и не считая обязанностью принять приглашеніе къ обѣду. Войдя въ свою палатку, я выпилъ стаканъ холодной воды и когда совершенно успокоился, спросилъ себя: еслибъ ты былъ на мѣстѣ главнокомандующаго, какъ бы ты принялъ генерала, зная изъ рапорта его, что онъ крѣпко огорченъ потерею офицеровъ на фуражировкѣ? Кажется мнѣ, я протянулъ бы ему руку и сказалъ доброе, душевное слово въ утѣшеніе. Но ген. Муравьевъ, зная меня тридцать лѣтъ за прямого человѣка, за честнаго и усерднаго офицера, не усумнился поддаться безсмысленному подозрѣнію и огорчить меня напоминаніемъ о потерѣ.

Я припомнилъ этотъ случай изъ моихъ сношеній съ главнокомандующимъ какъ примѣръ, до чего доводила его подозрительная, обидная недовѣрчивость. И просить еще къ себѣ обѣдать!... Гг. психологи, не есть ли это нестерпимый деспотизмъ? А самолюбіе!—честь его обѣда убѣлитъ всякія непріятности!

1-го августа главнокомандующій пріѣзжалъ къ намъ въ лагерь у Команцура; я встрѣтилъ его у начала лагеря; онъ просилъ меня сѣсть съ нимъ въ экипажъ и послѣ нѣсколькихъ словъ сказалъ: „Я хотѣлъ отдать вамъ въ приказѣ благодарность за командованіе войсками въ мое отсутствіе, но теперь не могу.“ Я смотрѣлъ на него въ недоумѣніи, ибо никогда не думалъ о благодарности въ приказѣ! .... но вдругъ мнѣ пришла мысль и я спросилъ его: „я не о благодарности; но, кажется, в. в.-п—ство считаете меня виновнымъ, что я скосилъ всю траву и хлѣбъ около крѣпости?“ Главнокомандующій не отвѣтилъ мнѣ ничего, но не зашелъ ко мнѣ въ палатку и не пилъ чаю; расположеніе же лагеря нашелъ очень близкимъ къ крѣпости.

Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ къ главнокомандующему на гору, онъ спросилъ меня, можно ли еще послать баталіонъ изъ резерва и сколько ихъ осталось? Я отвѣтилъ, что весьма можно и что еще пять останется. „Такъ пошлите одинъ баталіонъ.“ Какъ приказаніе немудреное, то я обратился къ донскому казаку, ѣздившему постоянно со мною, и говорю ему: „Поѣзжай къ начальнику штаба и скажи ему, что генералъ приказалъ послать еще одинъ баталіонъ на гору. Понялъ?“ —„Понялъ, в. п.,“ и пересказалъ мнѣ приказаніе слово въ слово.—„Хорошо; да скажи, чтобъ послалъ *надежнаго* штабъ-офицера.“—„Слушаю, в. п.,“ махнулъ нагайкой и былъ таковъ ... Прискакавъ къ начальнику штаба въ долину, казакъ говоритъ ему: „приказалъ генералъ послать еще баталіонъ въ гору и *дежурнаго* штабъ-офицера.“ Генералъ Невѣровскій, объясняя мнѣ вечеромъ того дня отчего онъ поручилъ рязанскій баталіонъ дежурному штабъ-офицеру полк. Кауфману, присовокупилъ, что нисколько не сомнѣвался въ точности приказанія, ибо казакъ былъ бойкій малый и всегда при мнѣ находился, но думалъ, что я хочу доставить случай полковнику

Кауфману быть въ дѣлѣ; онъ и поручилъ ему рязанскій баталіонъ. Вотъ какъ Кауфманъ (Михаилъ) попалъ въ начальники рязанскаго баталіона и добылъ себѣ георгіевскій крестъ. Могло бы быть худо, какъ многимъ другимъ, анъ вышло хорошо. Когда рязанскій баталіонъ поднялся на гору и пошелъ съ внутренней стороны укрѣпленной линіи, послѣдній начальникъ, п. Москалевъ, былъ убитъ. Бывшія съ этой стороны роты, увидя въ порядкѣ идущій баталіонъ, закричали ура! и опять, вмѣстѣ съ баталіономъ Кауфмана бросились на редутъ. Увы! результатъ все тотъ же. Кауфманъ отвелъ баталіонъ къ ложементамъ по склонной плоскости, привелъ въ порядокъ людей и думаетъ: чего же ждать? Ура! ура! крикнулъ онъ около редута, и все опять кинулось, очертя голову, на редутъ, и опять то же—потеря, и только потеря. Это была послѣдняя безпорядочная попытка къ овладѣнію редутомъ. Рязанскій баталіонъ, повернутый въ этотъ разъ картечью назадъ, былъ непріятелемъ отброшенъ отъ своихъ и долженъ былъ, отстрѣливаясь, отступать по направленію, гдѣ предполагалъ найти г.-м. Базина, чтобъ съ нимъ соединиться. Наши орудія прекратили преслѣдованіе турокъ; но чтобъ дойти до Базина, занявшаго часть укрѣпленій, называвшихся англійскою линіею, надо было бороться съ турками, засѣвшими въ разныхъ ложементахъ, и выдерживать огонь съ разныхъ фортовъ; такъ Кауфманъ съ рязанцами и сдѣлалъ: изъ двухъ довольно крѣпкихъ ложементовъ онъ выгналъ турокъ и подвигался, кажется, къ Вилліамсъ-редуту на англійской линіи; встрѣченный оттуда сильнымъ картечнымъ огнемъ и вышедшими изъ-за линіи турками, онъ началъ отходить, отстрѣливаясь, но сзади встрѣтили его турецкія войска, такъ что рязанцы, тѣснимые со всѣхъ сторонъ были, какъ нѣмцы говорятъ in der Klämme, т. е. въ тискахъ. Кауфманъ однако не потерялъ головы; онъ видѣлъ, что ему одно спасеніе—достичь спуска съ горы въ противоположную сторону Карса. Онъ и взялъ это направле-

ніе. Но какъ дойти до спуска?... Казалось и близко, да, вишь, турки, идя по пятамъ и сидя на стѣнѣ, были еще ближе. Ужъ приходилось и штыками отбиваться отъ болѣе докучливыхъ, ужъ строй былъ потерянъ и баталіонъ переобразовывался въ толпу, но офицеры и солдаты славнаго Рязанскаго полка, глядя на импровизированнаго своего начальника, не терявшаго головы, сплочивались въ кучу, останавливались, отстрѣливались, отбивались и не поддавались. Ужъ турки такъ облегли, что рязанцы почти не двигались... Становилось плохо; но гдѣ опасность велика, тамъ и помощь близка: стоявшій на курганѣ съ казаками г.-м. Баклановъ, видя трудное положеніе рязанцевъ, несмотря на все увеличившагося непріятеля (какъ deus ex machina), бросается на турокъ такъ стремительно, что они, неожиданно атакованные, бѣгутъ, преслѣдуемые казаками—и Кауфманъ съ рязанцами, подобравъ своихъ, спокойно спустился съ горы и горами, окольною дорогою, прибылъ въ 6 часовъ вечера въ лагерь.

Когда я отводилъ войска, то мнѣ сказали, что 1-й баталіонъ рязанцевъ, вѣроятно, соединился съ отрядомъ Базина, ибо пошелъ въ ту сторону. Это было вѣроятно, но не дознано точно, и потому, возвратившись въ лагерь, я донесъ главнокомандующему, что 1-го баталіона Рязанскаго полка не было при войскахъ и что, вѣроятно, онъ у Базина, отъ котораго мы извѣстій никакихъ не имѣли. Но это вѣроятіе, однако, щемило намъ душу; въ особенности Константинъ Кауфманъ былъ пораженъ исчезновеніемъ своего младшаго брата.

Но вотъ, часовъ въ пять, говорятъ мнѣ, что привезли раненаго п. Макѣева (штабнаго офицера), который былъ вмѣстѣ съ Кауфманомъ и говоритъ, что Кауфманъ живъ и ведетъ баталіонъ горами. Я къ Макѣеву—онъ подтвердилъ, сказавъ, что самъ былъ при баталіонѣ и оставилъ его съ часъ тому на привалѣ. Обрадованный находкою рязанскаго баталіона и нашего весельчака, всѣми любимаго Кауфмана, и забывъ вся-

кую форменность, въ архалукѣ, безъ галстука и шапки, какъ стоялъ передъ палаткою, побѣжалъ я къ главнокомандующему, чтобъ снять у него тягостное недоумѣніе въ этотъ и такъ уже тяжелый день. На бѣгу моемъ встрѣтилъ брата и обрадовалъ его. У ставки главнокомандующаго, не входя въ оную, я громко сказалъ: „в. в.-п—ство, Кауфманъ живъ и здоровъ и ведетъ баталіонъ въ лагерь.“—„Войдите, Эдуардъ Владиміровичъ.“—„Не могу, я въ архалукѣ,“—и хотѣлъ отойти, но не успѣлъ кончить, какъ ставка отворилась и я пріятно былъ изумленъ, не видя въ глазахъ Николая Николаевича Муравьева не только никакого негодованія, что я предсталъ съ донесеніемъ одѣтый какъ Богъ послалъ, но кажется, нѣтъ, не кажется, а точно онъ понялъ причину моей не форменной поспѣшности—это я видѣлъ въ глазахъ его и въ крѣпкомъ поцѣлуѣ. Какъ пріятно подмѣтить чувствительность въ такомъ эгоистическомъ характерѣ, въ такой олицетворенной педантической формальности!

Ну, еслибы Михаилу Кауфману выпала участь многихъ, положившихъ животъ на этомъ несчастномъ штурмѣ, а я, какъ и случилось, остался цѣлъ и невредимъ? Вѣдь братъ и родственники проклинали бы меня; Николай Николаевичъ сказалъ бы, что я и приказаній-то порядочно передать не умѣю, да, нечего сказать, и собственныя думы тревожили бы мою доселѣ, благодаря Бога, спокойную совѣсть. Невольно сознаешь, что трудно въ жизни, а въ особенности въ службѣ не проступиться. Думалъ сдѣлать лучше—сказалъ одно слово—чуть не вышла бѣда! Но Богъ видѣлъ намѣреніе и не попустилъ быть бѣдѣ.

Въ разсказѣ какъ я принялъ начальство на горѣ, я упомянулъ, что, встрѣтившись съ кап. Романовскимъ, посланнымъ къ главнокомандующему, сказалъ ему, чтобъ просилъ главнокомандующаго о высылкѣ казаковъ для уборки раненыхъ, о

чемъ мною дано знать и начальнику штаба. Отведя войска подъ гору, я послалъ съ адъютантомъ записку слѣдующаго содержанія: „Нашедъ войска смѣшанными во рву и не имѣя надежды на успѣхъ взять редутъ съ разстроенной толпой, я съ честью отвелъ войска; потеря велика.“ Получивъ записку, онъ говоритъ: „Ничего не понимаю;“ и, сѣвъ верхомъ, спускался съ Столовой горы со всѣмъ штабомъ. Я пошелъ пѣшкомъ ему навстрѣчу.

— Я исполнилъ приказаніе ваше—говоритъ главнокомандующій—и послалъ казаковъ; изъ записки вашей я ничего не понялъ.

— Я, кажется, ясно написалъ, что взять редутъ нельзя было совершенно разстроенными войсками.

— Вы пишете, что вы съ честью отвели войска.

— Потому, что мы не бросили взятыхъ у непріятеля орудій и отступали тихо, въ порядкѣ.....

Онъ перебилъ меня: „Я вамъ оставляю и дивизіонъ драгунъ“—съ тѣмъ и поѣхалъ. Возвращаясь къ барабану, на коемъ сидѣлъ, я думалъ себѣ: прелюбезный начальникъ!... но когда послѣ поразмыслилъ о всѣхъ выходкахъ ген. Муравьева, такъ убѣдился, что онъ все дѣлаетъ съ расчетомъ. На что же бы годился эгоизмъ, еслибъ не училъ жить расчетливо. Тутъ, при всѣхъ, надобно было показать, что онъ не одобряетъ отступленія, надобно было показать свое неудовольствіе, а въ палаткѣ, когда я пришелъ съ донесеніемъ, что привелъ войска въ лагерь, надобно было поцѣловать. Тутъ можно вспомнить первыя слова, сказанныя мнѣ главнокомандующимъ: „А что, Эдуардъ Владиміровичъ, все потеряно! надобно отойти!“—„Это почему? что потеряли нѣсколько людей и офицеровъ? въ прочемъ я не вижу перемѣны въ нашемъ положеніи.“ Разумѣется, онъ и самъ зналъ, что мы не отойдемъ, да, вишь, меня-то хотѣлъ поймать. Пальцы въ ротъ класть ему не надо.

У насъ въ лагерѣ былъ и живописецъ, который снималъ разные виды окрестностей и лагеря. На другой день послѣ несчастнаго штурма нѣкоторые изъ господъ говорятъ мнѣ, что живописецъ проситъ меня дозволить ему сдѣлать картину, изображающую встрѣчу мою съ княземъ Тархановымъ на пирахскихъ высотахъ, когда я принималъ начальство надъ войсками: турецкій редутъ, усѣянный этими выразительными физіономіями, линія укрѣпленій, занятыхъ нами, наши солдаты во рву, ожидающіе приказанія, два взятыхъ орудія, а въ 15-ти саж. отъ редута Тархановъ съ саблей наголо и я, спокойно смотрящій на редутъ. Кругомъ горы войска, внизу рѣка, за оной лагерь. Великолѣпный видъ! „Скажите ему— отвѣчалъ я—чтобъ онъ обождалъ и написалъ бы картину „Сдача Карса,“ когда турки будутъ проходить передъ главнокомандующимъ.“

Выйдя разъ утромъ изъ палатки и поздоровавшись съ ординарцемъ и вѣстовымъ, я спросилъ у послѣдняго, давно ли онъ служитъ.—„Съ 1848 года, в. п.“—„Все въ Рязанскомъ полку?“—„Такъ точно, в. п.“—„Въ какой ротѣ?“—„Въ 1-й, в. п.“—„Кто у васъ ротный командиръ?“ Онъ замялся, опустилъ глаза, но потомъ, взглянувъ на меня бодро своимъ веселымъ лицомъ, говоритъ: „виноватъ, в. п., запомнилъ; онъ изъ нѣмцевъ.—„Не хорошо, братецъ—сказалъ я усмѣхнувшись—все-таки надо знать фамилію ротнаго командира. Ну, а меня какъ зовутъ, знаешь?“—„Какъ не знать, в. п.: ген.-лейт. Бримеровъ.“—„Ну вотъ видишь, меня же выучилъ—вѣдь и я изъ нѣмцевъ.“ Тутъ ординарецъ говоритъ мнѣ: „онъ всего двѣ недѣли, в. п., какъ переведенъ въ роту.“—„Зачѣмъ тебя перевели?“—„За бакены, в. п.“ Я не понялъ.—„Что это значитъ—за бакены?“—„За бакены, в. п.“ Я взглянулъ на ординарца.—„Изволите видѣть, в. п., бригадный генералъ на смотру приказалъ его перевесть въ 1-ю роту, потому что тамъ

все русыя бакены, а во второй гренадерской черныя; вотъ его и перевели.“ Я взглянулъ на молодца, и дѣйствительно у него были прекрасно расчесанныя русые бакенбарды.—„А во 2-й ротѣ ты долго былъ?“—„Съ опредѣленія на службу, в. в.“—„Чтожъ, ты охотно перешелъ въ другую роту?“—„Какъ можно охотно, в. в.?—семь лѣтъ въ той ротѣ служилъ-съ.“ Вотъ это я понялъ. Свыкшись въ продолженіи 25-ти-лѣтняго служенія въ кавказскихъ войскахъ съ дѣльною стороною военнаго быта, переводъ этотъ за бакены показался мнѣ до того неумѣстнымъ, чтобъ не сказать глупымъ, что я, свидѣвшись въ тотъ же день съ формалистомъ-генераломъ, замѣтилъ ему, что въ военное время не слѣдуетъ разстраивать товарищества въ солдатскомъ быту, а, напротивъ, стараться скрѣплять его, а глубокомысленные доводы его о пользѣ единообразія прекратилъ тѣмъ, что просилъ его, покуда находится у меня подъ начальствомъ такихъ переводовъ не дѣлать. Дѣйствительно, когда равненіе въ церемоніальномъ маршѣ и даже въ боевыхъ порядкахъ считалось мѣриломъ военнаго искусства, тогда, отъ мелочей до мелочей, дошло и до того, что подборъ бакеновъ заботилъ начальство. Это дурное направленіе солдатскаго быта было причиною неразвитости солдата и совершенной потери самостоятельности въ начальникахъ и дѣлало воина или обезьяной, или автоматомъ. Но у насъ въ кавказскомъ корпусѣ солдатскій бытъ былъ свободнѣе, развязнѣе, а природный умъ офицеровъ не былъ подавляемъ изреченіями: „не извольте разсуждать! дѣлайте, что вамъ приказываютъ!“ и не проявлялся въ подобныхъ отвѣтахъ: „слушаюсь, какъ прикажете!“ Такое направленіе военнаго быта мы исподоволь встрѣчали въ войскахъ, пришедшихъ къ намъ въ 1854 году изъ Россіи; но какъ и солдаты, и офицеры были молоды, то, смотря на кавказскія войска и живя съ ними, они послѣ перваго сраженія уже дышали свободнѣе и дѣйствовали развязнѣе. Только въ начальникахъ подавленное годами собственное суж-

деніе не могло пріобрѣсти самостоятельности, и бывали случаи, что на вопросъ: „отчего же вы этого не сдѣлали?“ получался отвѣтъ: „да я ни отъ кого не получалъ приказанія!!“...

Припоминаю одинъ солдатскій отвѣтъ, крѣпко тогда насъ разсмѣшившій, но который былъ тоже рѣзкимъ проявленіемъ подавленнаго самоубѣжденія, автоматизмомъ. По прибытіи моемъ весной **1854** года въ лагерь при Александрополѣ, я назначилъ инспекторскій смотръ артилеріи. Осматривая батареи 18-й артилерійской бригады послѣ сдѣланнаго имъ ученья, я приказалъ отпречь лошадей и открыть всѣ ящики. Обходя ящики съ бригаднымъ командиромъ и гг. офицерами, я разговаривалъ съ солдатами и дѣлалъ имъ разные вопросы. Остановясь у одного ящика, я спросилъ ефрейтора, что означаютъ знаки, нарисованные на покрышкахъ?—„Разные заряды, в. п.“ —„Ну, вотъ это какой зарядъ?“—„Шрапнелева граната, в. п.“ —„Хорошо; а это какой.“—„А это простая граната, в. п—ство.“ —„Дѣло; ну скажи же мнѣ, какая разница между шрапнелевою гранатою и простою?“—„Первая съ разрывомъ, а вторая съ вышибомъ трубки, в. п.“ отвѣчалъ бойкій бомбардиръ.—„А ты бывалъ когда въ лабораторіи?“—„Всякій годъ при передѣлкѣ зарядовъ, в. п.“ Извольте видѣть, и при передѣлкѣ бывалъ; но какъ на ежегодныхъ практическихъ ученьяхъ стрѣляютъ шрапнелевыми гранатами съ разрывомъ оныхъ, дабы видѣть какъ ложатся ихъ пули, а простой гранаты желаютъ знать только ея первое паденіе, для чего разрыва ея не требуется, то мой добрый усачъ не поразмыслилъ, что и простую гранату въ сраженіи тоже должно рвать. Подозвавъ взводнаго командира, я просилъ даже не выговаривать солдату за его отвѣтъ, но тихо научить его. И вправду, вѣдь не онъ виноватъ, что промахнулся.

XXIV.

Послѣднее время въ Тифлисѣ. Отъѣздъ. До Москвы. Послѣднее посѣщеніе мое А. П. Ермолова. Лампада. Въ Петербургѣ. Служба въ Новогеоргіевскѣ. Начало безпорядковъ въ Польшѣ. Отпускъ. Назначеніе состоять при особѣ Генералъ-Фельдцейхмейстера. Я—старикъ.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ, меня крѣпко занимала мысль о моемъ переводѣ изъ кавказскаго корпуса, о чемъ я уже писалъ начальнику штаба Генералъ-Фельдцейхмейстера, но отвѣта не получалъ. Я написалъ еще разъ ген. Безаку, уже болѣе настойчиво, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ князю Горчакову, прося дать мнѣ мѣсто въ своей арміи, въ Крыму. Наконецъ ген. Безакъ отвѣтилъ мнѣ, что Генералъ-Фельдцейхмейстеръ не желаетъ выпустить меня изъ артилеріи, а вакантнаго мѣста для меня нѣтъ. Пока длилась эта переписка, военныя дѣйствія прекратились и въ Крыму, а кн. Горчаковъ былъ назначенъ намѣстникомъ въ царствѣ польскомъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ просилъ назначить меня первымъ комендантомъ въ кр. Новогеоргіевскъ. Военный министръ просилъ главнокомандующаго ген. Муравьева узнать, приму ли я это мѣсто? а ген. Безакъ, письменно увѣдомляя меня о новомъ назначеніи, просилъ написать ему, приму ли я его? Одному рапортомъ, другому письмомъ отвѣчалъ, что всякое мѣсто принимаю съ благодарностью, лишь бы не въ кавказскомъ корпусѣ. Въ маѣ вышелъ Высочайшій приказъ о назначеніи меня на вышеозначенную должность.

Въ одно воскресенье зала главнокомандующаго, какъ въ день пріемный, была полна. Я стоялъ у окна близь дверей и разговаривалъ съ нѣкоторыми господами. Главнокомандующій, войдя и поклонившись всѣмъ, прямо подходитъ ко мнѣ. Господа отошли, мы остались одни у окна.

— Здравствуйте, Эдуардъ Владиміровичъ.

Я поклонился.

— Зачѣмъ вы оставляете кавказскій корпусъ?

— Затѣмъ, что в. в.-п—ство недовольны службой моей.

— Кажется, я вамъ этого никогда не говорилъ.

— Я и не ожидалъ, чтобъ вы мнѣ сказали объ этомъ; довольно для меня и того, что вы давали понять это; а какъ я лучше служить не умѣю, то и просился вонъ.

— Зачѣмъ же вы мнѣ не сказали, что проситесь изъ кавказскаго корпуса?

— В. в.-п—ство, конечно, могли быть увѣрены, что, показывая мнѣ свое недовольство службою моею, я уйду. Къ чему же тутъ разговоры!

— Я этого не ожидалъ.

И отошелъ отъ меня.

Вскорѣ вышли награды за взятіе кр. Карса; я получилъ Владиміра 2-й ст. съ мечами. Когда получившіе награды пришли благодарить главнокомандующаго, онъ попросилъ меня въ кабинетъ. Вошедши, я поблагодарилъ его за полученную награду.—„Мнѣ весьма пріятно, что вы довольны ею,“—хотя я этого и не говорилъ, ибо награда была просто послѣдующая—и въ непродолжительномъ разговорѣ былъ весьма любезенъ и привѣтливъ: мы были наединѣ. . . .

Еще одна любезность. Полковникъ Тархановъ, тотъ самый, который далъ турецкимъ баталіонамъ coup de grâce въ сраженіи при Курюкъ-дара и съ которымъ я разговаривалъ на карсскихъ высотахъ предъ отводомъ войскъ, этотъ боевой товарищъ пріѣхалъ изъ Манглиса проститься со мною. Тархановъ явился главнокомандующему; тотъ спрашиваетъ его: „Зачѣмъ вы пріѣхали?“—„Проститься съ генераломъ Бриммеромъ; говорятъ, онъ скоро выѣзжаетъ.“—„Для этого не надобно было оставлять полка.“ Понятно, что я разсказываю мнѣ переданное.

Воспоминанія, излагаемыя мною въ слѣдующихъ строкахъ, всегда трогаютъ меня до слезъ, какъ доказательства добраго расположенія ко мнѣ боевыхъ товарищей, подчинен-

ныхъ и нѣкоторыхъ, уваженія достойныхъ знакомыхъ. Какое множество писемъ получено мною передъ выѣздомъ! И во всѣхъ изъявленіе сожалѣнія, что я оставляю кавказскій корпусъ. Всю эту кипу я не могъ взять съ собою и потому просилъ дежурнаго штабъ-офицера, Моорю, присѣсть въ моемъ кабинетѣ и оставить на память нѣсколько болѣе мнѣ близкихъ, а прочія сжечь; оставленныя и теперь цѣлы. 30-го мая артиллеристы, бывшіе въ Тифлисѣ и пріѣхавшіе, пришли ко мнѣ съ начальникомъ грузинскаго гарнизоннаго артилерійскаго округа г.-м. Годлевскимъ просить меня отобѣдать завтрашній день съ ними и принять на память картину, изображающую лагерное расположеніе войскъ предъ Карсомъ, взятую у живописца Байкова. На это я отвѣчалъ господамъ, что по чувству душевнаго моего расположенія къ товарищамъ-артилеристамъ мнѣ всякая память о нихъ была бы пріятна, но предложеніе, сдѣланное въ официальной формѣ отъ всего корпуса артилеристовъ, принять не могу безъ соизволенія Государя Императора, и потому прошу картину возвратить Байкову; что же касается обѣда, то мнѣ весьма пріятно принять ихъ приглашеніе. Когда господа вышли, я попросилъ къ себѣ дежурнаго штабъ-офицера: „отчего вы мнѣ ничего не сказали, что затѣваютъ артилеристы?“ Маленькій, толстенькій Моорю, котораго за благородный характеръ и ненумную, но неутомимую дѣятельность я весьма уважалъ и съ которымъ мы жили почти попріятельски, немного смѣшавшись, отвѣчалъ: „такъ ужъ порѣшили, чтобы вамъ не говорить покуда все не будетъ кончено.“

— Да вѣдь это будетъ дорого стоить господамъ офицерамъ?

— Всѣ отвѣчали одно: что бы ни стоило, но обѣдъ, картина на память и литографированный портретъ ваши въ каждую батарею на память кавказскимъ артилеристамъ—а были бы.

Чтобъ скрыть навернувшуюся слезу, я обернулся, махнулъ ему рукой и пошелъ къ женѣ, съ которой, по сообщительной натурѣ моей, дѣлилъ и горе, и радости жизни.

На другой день былъ прощальный обѣдъ, данный мнѣ артилеристами. Не буду описывать его, но припомню только задушевныя слова высокопреосвященнаго экзарха Грузіи Исидора, умнаго и всѣми уважаемаго, по лѣвую руку коего я сидѣлъ: „Какъ пріятно вамъ должно быть, Эдуардъ Владиміровичъ, слышать отъ всѣхъ, какое уваженіе и любовь вы заслужили въ здѣшнемъ краѣ.“ Высокая, честная душа твоя, пастырь, поняла чувства и думы прямого, честнаго солдата! И точно, эти громкія изъявленія были мнѣ пріятны, ибо не лесть руководила ими: вѣдь я отъѣзжалъ изъ этого края, а въ Петербургѣ у меня не было ни дядюшекъ, ни тетушекъ, ни высокихъ покровителей, чрезъ которыхъ я бы могъ кому нибудь быть полезенъ. Много, что тотъ или другой скажетъ два-три привѣтливыхъ слова за службу мою... и долгъ заплаченъ. 1-го іюня гг. артилеристы пришли проститься съ нами. Опять горькое чувство разлуки съ кавказскою артилеріею давило грудь. Тяжело мнѣ было это разставанье! Зала была полна. Я зналъ хорошо всѣхъ офицеровъ; не было личности, съ которою я не могъ разговориться или припомнить то или другое до него касающееся. Я говорилъ со всѣми, смотрѣлъ на всѣхъ, какъ бы желая втянуть ихъ въ себя и не разставаться съ ними. Когда грусть ужъ крѣпко обуяла меня, я простился съ артилеристами, но они пожелали проводить насъ завтра.

Тяжелъ былъ этотъ день: разнообразныя распоряженія, укладка вещей; а тутъ еще цѣлый день прощальные визиты знакомыхъ. Жена совсѣмъ утомилась. Когда пріѣхалъ къ намъ Н. Н. Муравьевъ, то я, еще подъ вліяніемъ горькаго прощанія съ артилеристами, со злобою смотрѣлъ на этого достойнаго человѣка, который обидчивою недовѣрчивостью, самолюбіемъ и безтактнымъ обхожденіемъ съ людьми отталкивалъ отъ себя всѣхъ и каждаго. Разсказывалъ же онъ мнѣ самъ: „когда я командовалъ гренадерскимъ корпусомъ, отъ меня три начальника штаба ушли!“ Есть чѣмъ похвалиться! 2-го іюня **1856** г.

мы выѣхали изъ Тифлиса въ Петербургъ. Артилеристы провожали насъ. Поднявшись на первую гору за р. Верой, я просилъ господъ вернуться, хотя они непремѣнно хотѣли проводить насъ до Гартискара, первой станціи отъ Тифлиса. Вынули цѣлую батарею шампанскаго, захлопали пробки, отбитыя горлышки полетѣли на землю.... Съ полчаса пробыли мы тутъ. Выпивъ бокалъ, я бросилъ его на землю: „Не бывать мнѣ болѣе на Кавказѣ; не своя семья, не кавказцы закроютъ глаза мнѣ!“ сказалъ я и, растроганный, со слезами на глазахъ, посадилъ жену въ карету. И поѣхали мы въ дальній путь, на новую жизнь!.....

Прекрасная погода сопутствовала намъ всю дорогу. Мы ѣхали не торопясь, останавливались почти во всѣхъ городахъ; гдѣ было что смотрѣть, то осматривали. Такъ какъ погода стояла жаркая, а я большой охотникъ до простокваши и земляники, то гдѣ только на станціи можно было найти эти лакомства, ужъ я не упускалъ случая, а какъ за Харьковомъ началъ вездѣ встрѣчать квасъ, то считалъ себя совершенно счастливымъ, добравшись до него. Но простокваша, квасъ и ягоды не любятъ встрѣчаться вмѣстѣ въ желудкѣ, и я поплатился, что не взялъ этого въ соображеніе: совершенно разслабленнаго привезли въ Тулу. Уложивъ меня въ постель, жена послала за докторомъ, а я, подъ вліяніемъ этой слабости, въ болѣзненномъ настроеніи мыслей, предполагая, что исходъ болѣзни можетъ быть и дурной, просилъ жену послать къ начальнику тульскаго оружейнаго завода генералу Самсону, какъ артилеристу, просить посѣтить меня. Докторъ, веселый, любезный человѣкъ, прописалъ лѣкарство и старался успокоить жену. Я отъ слабости почти не могъ говорить. Только-что докторъ ушелъ, пріѣхалъ Самсонъ. Я просилъ его, если понадобится, принять участіе въ женѣ. Но, слава Богу, покой и старанія любезнаго доктора скоро поставили меня на-ноги. Посѣщенія Самсона мнѣ также были очень пріятны и способствовали моему скорому вы-

здоровленію. Пробывъ восемь дней въ Тулѣ, мы на девятый день отправились далѣе, въ Москву. Передъ отъѣздомъ мы были на заводѣ у ген. Самсона и познакомились съ его семействомъ, а я посѣтилъ и нашего веселаго доктора. Я хотѣлъ отблагодарить его, но онъ, принявъ протянутую къ нему на прощанье руку и почувствовавъ въ ней бумажку, вдругъ отдернулъ свою руку:

— Прошу, в. п., не обижайте меня.

— Какая же тутъ обида—сказалъ я—кажется, дѣло самое обыкновенное.

— Мнѣ было очень пріятно быть вамъ немного полезнымъ, но я считаю безчестіемъ получить съ васъ вознагражденіе за малый трудъ. Когда вы дрались съ непріятелемъ и защищали наше отечество, мы здѣсь жили покойно....

И настойчивость моя не могла убѣдить его взять вознагражденіе за трудъ. Такъ и вышелъ. На другой день, передъ выѣздомъ, я сдѣлалъ доктору визитъ и еще благодарилъ его за скорое излѣченіе.

Въ Москвѣ пробыли мы пять дней, осматривали все достопримѣчательное, ѣздили по окрестностямъ. Тутъ жило семейство пріятеля моего Ѳ. К. Дейтриха, который командовалъ тогда пѣхотной дивизіей и велъ ее изъ Крыма въ Тулу, гдѣ была назначена квартира его. Такъ какъ мы всегда были въ дружескихъ сношеніяхъ съ семействомъ его, то весьма пріятно было намъ встрѣтиться.

Я посѣтилъ А. П. Ермолова и нашелъ его физически очень одряхлѣвшимъ. Ему было тогда восемьдесятъ лѣтъ, можетъ, немного и болѣе. Онъ принялъ меня радушно, водилъ по комнатамъ, разсказывалъ какъ живетъ, поздравилъ меня съ службою моею и при этомъ сказалъ:

— Жаль мнѣ тебя, тевтонъ, ты далеко не пойдешь—не умѣешь жить въ свѣтѣ; ты только служишь, а надо искать.

— Не умѣю, в. в.-п—ство, спина не гнется, отвѣчалъ я.

— Ну вотъ то-то и есть; другой бы такъ прокричалъ о себѣ, что на него бы обратили вниманіе, а ты сдѣлалъ дѣло и сидишь, и ждешь слѣдующаго крестика.

Въ этомъ тонѣ онъ продолжалъ разговоръ и вдругъ спросилъ меня:

— Да скажи мнѣ, что вы это тамъ такъ не возлюбили Николая? [8]).

— Кто такой это Николай, в. в.-и—ство?

— Ну да Николай Николаевичъ Муравьевъ.

— А! вы изволите говорить о главнокомандующемъ и о намѣстникѣ Его Величества?

— Такъ вотъ что! зазнался!—перебилъ меня Алексѣй Петровичъ—да, тяжелый онъ человѣкъ, полагаю, и многимъ трудно было служить съ нимъ.

Не желая продолжать этого разговора, я всталъ. Тутъ Алексѣй Петровичъ спросилъ меня о здоровьи жены.

— Вѣдь мы съ Д. М. знакомы; когда она проѣзжала къ тебѣ въ Тифлисъ, я былъ у нея. Вотъ если ты, тевтонъ, хочешь мнѣ сдѣлать удовольствіе, такъ навѣстите старика вмѣстѣ. Я ее очень уважаю.

И, притянувъ меня къ себѣ, крѣпко прижалъ.

— Добрый ты, тевтонъ! Смотри, въ Петербургѣ будь уменъ!

Я вышелъ. На другой день мы съ женою поѣхали къ Алексѣю Петровичу. Онъ былъ очень любезенъ, спрашивалъ объ отцѣ ея, который былъ оберъ-квартирмейстеромъ кавказскаго корпуса при немъ, и о прочихъ родственникахъ, которыхъ зналъ; благодарилъ за посѣщеніе, и когда мы уходили, я, уже у дверей, обернулся еще разъ, чтобы бросить послѣдній взглядъ на маститаго воина, постоянно мнѣ благоволившаго.

---

[8]) А. П. Ермоловъ называлъ обыкновенно приближенныхъ къ нему, къ коимъ онъ благоволилъ, просто именами или прозвищами, имъ самимъ выдуманными: А. А. Вельяминова—тезкой, П. П. Муравьева и П. П. Вейкова—Николаемъ, Ѳ. П. Базилевича—Александръ, Талызина—le petit, меня—тевтономъ, и пр.

го. И точно, это былъ послѣдній взглядъ—въ 1859 г. онъ скончался.

Двѣнадцать лѣтъ служилъ я въ кавказской гренадерской артилерійской бригадѣ, командовалъ временно или на законномъ основаніи всѣми батареями, но батарейную № 2 батарею самъ сформировалъ, бывъ начальникомъ артилеріи, лично водилъ ее въ дѣло въ послѣднюю кампанію, за что она заслужила отличіе на головной уборъ и петлицы. Этой батареѣ мнѣ хотѣлось оставить память о себѣ—серебряную вызолоченую лампаду къ ротному образу. Посѣтивъ въ Москвѣ начальника артилеріи округа г.-л. Попова, я просилъ его быть мнѣ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ была очень пріятна привѣтливая готовность генерала исполнить просьбу мою. Мы заказали лампаду и я, уѣзжая изъ Москвы, просилъ переслать ее въ Тифлисъ г.-м. Годлевскому для отправленія въ батарею, причемъ передалъ ему и письмо къ батарейному командиру. Мѣсяца чрезъ два, въ кр. Новогеоргіевскѣ, я получилъ письмо отъ ген. Попова, увѣдомлявшаго объ отправленіи имъ лампады въ Тифлисъ, а вскорѣ и отъ ген. Годлевскаго. Послѣдній показывалъ ее князю Бебутову, и старикъ былъ тронутъ до слезъ, увидя на одной сторонѣ лампады изображеніе св. Василія, съ надписью: „Въ память вождя князя Василія Бебутова.“

Изъ Москвы мы поѣхали въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ. Племянникъ мой, Владиміръ Фринъ, жившій на своей дачѣ на Каменномъ островѣ, передалъ въ наше распоряженіе свою квартиру на время пребыванія нашего въ Петербургѣ. Пріятно намъ было, что всѣ родные встрѣтили насъ на желѣзной дорогѣ и между ними маститый старецъ, дѣдушка жены моей Р. И. Ховенъ, котораго мы всѣ любили и уважали за добродушіе, умъ и веселый характеръ.

Тутъ умѣстно сказать, насколько слова А. П. Ермолова были справедливы, что я не умѣю жить въ свѣтѣ, что я только

служу, а искать въ людяхъ не умѣю. Многіе знакомые и родные совѣтовали мнѣ посѣтить нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, говоря, что эта привѣтливость съ моей стороны имъ будетъ пріятна, а мнѣ можетъ быть полезна. Я считалъ это искательствомъ, находилъ совершенно лишнимъ, потому что они не были моими начальниками. Это неумѣнье жить въ свѣтѣ и пользоваться добрымъ расположеніемъ и привѣтливостью высокихъ особъ проявилось, лучше, высказалось и при представленіи лицамъ Императорской Фамиліи. Государь былъ въ Петергофѣ и жилъ въ Александріи. Я, пріѣхавъ изъ Петербурга, немного опоздалъ (въ 1856 г. еще не было желѣзной дороги), но былъ принятъ Его Величествомъ.

— Я радъ тебя видѣть и поблагодарить за добрую службу; только *вы радовали покойнаго Императора въ послѣдніе дни жизни Его.*

— Еслибъ не штурмъ, которымъ такъ огорчили Ваше Величество.

— Полно, перестань! перебилъ меня Государь.

Потомъ опять своимъ любезнымъ, мягкимъ голосомъ спросилъ меня:

— Долго ты пробудешь въ Петербургѣ?

— Я слышалъ, что Его Высочество скоро возвратится: я не имѣлъ еще счастья представляться Генералъ-Фельдцейхмейстеру.

— Оставайся, онъ скоро будетъ назадъ—и, улыбнувшись, Государь промолвилъ—онъ влюбленъ, нашелъ невѣсту,—и отпустилъ меня.

Чѣмъ бы на привѣтливыя слова Государя отвѣтить, что кавказцы осчастливлены словами Его Величества или что нибудь подобное, но и то, что я хотѣлъ сказать—„еслибы не штурмъ, и Ваше Величество только бы радовали“, не удалось: Государь не далъ мнѣ кончить строгимъ: „Полно, перестань!“ Не умно, Эдуардъ Владиміровичъ, не умно!

Великій Князь Константинъ Николаевичъ не допустилъ меня ни до малѣйшаго промаха: вышелъ, сказалъ слова два и отпустилъ.

Получивъ увѣдомленіе, что Ея Величество Императрица приметъ меня 22-го іюля послѣ обѣдни въ Петергофѣ, я уѣхалъ и былъ на выходѣ. Послѣ обѣдни графъ Шуваловъ указалъ мнѣ куда идти. Отворивъ дверь, я увидѣлъ Императрицу, стоявшую у столика; въ комнатѣ не было никого. Я поклонился, подошелъ и поцѣловалъ поданную мнѣ руку. Ея Величество очень привѣтливо, на русскомъ языкѣ, разспрашивала меня о службѣ моей, о Кавказѣ и какъ давно я не былъ въ Петербургѣ? Потомъ изволила сказать:

— Слава Богу, что война кончилась!

— Точно, Ваше Величество; но намъ, военнымъ, будетъ скучно—мы остаемся безъ дѣла.

Ея Величество изволила улыбнуться и спросила меня, не забылъ ли я нѣмецкій языкъ. Я отвѣчалъ понѣмецки, что meine Muttersprache мнѣ столь же дорога, какъ и русскій языкъ. Императрица изволила сѣсть и продолжала разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ минутъ пять или немного болѣе, почти все о Кавказѣ. Потомъ Ея Величество встала.

— Мы скоро поѣдемъ на Коронацію въ Москву; конечно, и вы будете тамъ?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество: я спѣшу въ Варшаву на новый постъ.

Императрица подала мнѣ руку и, отпуская, сказала: „Такъ вы не желаете быть на Коронаціи?“

Опростоволосился, Э. В., опростоволосился! Чѣмъ бы сказать послѣ такого привѣтливаго вопроса, что я былъ бы счастливъ, еслибы Ея Величество дозволили мнѣ сказать военному министру о приказаніи или что нибудь подобное, и потомъ поѣхать на Коронацію, хвастнувъ предъ всѣми приглашеніемъ Императрицы, я разсказываю о своемъ намѣреніи

спѣшить къ мѣсту, какъ будто всѣ дѣла мои не должны были подчиниться такому привѣтливому желанію Ея Величества. Опростоволосился! . . . .

Желая представиться вдовѣ нашего покойнаго Фельдцейхмейстера Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, я пріѣхалъ въ г. Ораніенбаумъ, гдѣ Ея Высочество имѣла тогда пребываніе. Испросивъ у гофмаршала б. Розена, можно ли мнѣ представиться, я, по докладу его, скоро получилъ милостивое приглашеніе. Ея Высочество была очень привѣтлива и, если смѣю сказать, даже любезна. Сѣвши на кресло подлѣ стола, указала мнѣ на стулъ противъ себя, спрашивала о начальникахъ, при коихъ я служилъ на Кавказѣ, и былъ ли я проѣздомъ чрезъ Москву у Ермолова? Потомъ дошла до генерала Муравьева. Весь довольно продолжительный разговоръ веденъ былъ на французскомъ языкѣ; приведу изъ него нѣкоторые отрывки. Ея Высочество съ перваго слова спросила меня, долго ли я пробуду въ Петербургѣ?

— До возвращенія Великаго Князя Михаила Николаевича.

— Мы видѣлись съ вами въ Малороссіи; вы были полковникомъ тогда; мнѣ очень было пріятно слышать о службѣ вашей въ эту войну.

Я поклонился.

— Я старался исполнять свои обязанности.

— Я слышала, что подчиненные васъ очень любятъ; скажите, за что?

— Я ищу уваженія людей, а не любви. Но если это правда, что Ваше Высочество изволили слышать, такъ артиллеристы знали, что я люблю ихъ, т. е. нашу семью (notre petite famille), и потому, вѣроятно, платили мнѣ тѣмъ же.

— Были вы ранены когда?

— Никогда, Ваше Высочество.

— Comment avez-vous fait pour n'être pas blessé, étant continuellement en guerre? Vous êtes bien heureux!

— D'abord, Madame, on ne tue pas tout le monde et puis avec un peu de pratique on tâche d'éviter les balles; quand j'étais un simple officier, alors je me cachais derrière un caisson, ou je me plaçais tellement qu'il y avait toujours quelqu'un ou quelque chose entre moi et les balles de l'ennemi. Et quand je suis devenu général, oh! alors je ne faisais plus de façon, j'envoyais en avant mes subordonnés et je me tenais raisonablement le plus loin possible du tracas, et voilà, Madame, comment j'évitais d'être blessé.

Елена Павловна крѣпко смѣялась моему практическому объясненію и, когда я кончилъ, спросила меня:

— И за это вы получили эти два георгіевскіе креста?

Потомъ, говоря о начальникахъ, при которыхъ я служилъ на Кавказѣ, спросила, зналъ ли меня генералъ Ермоловъ? Я отвѣтилъ, что зналъ, что пользовался его расположеніемъ и онъ меня до сихъ поръ называетъ тевтономъ.

— Проѣзжая Москву, вы были у него?

— Былъ, Ваше Высочество, потому что я высоко уважаю и люблю Алексѣя Петровича.

Потомъ Ея Высочество говорила о фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ, и когда увидѣла, что я отзывался о немъ, какъ о начальникѣ, расположеніемъ котораго я пользовался почти двадцать лѣтъ, она изволила сказать, улыбнувшись:

— Ces deux hommes, Ermoloff et Paskevitch ne s'aimaient pas trop.

— C'est aux évènements d'alors qu'il faut s'en prendre!

Послѣ очень короткаго молчанія Великая Княгиня вдругъ бросила мнѣ вопросъ:

— Pourquoi n'aime-t-on pas au Caucase le général Mouravieff?

— Est-ce qu'on ne l'aime pas, Madame?

— C'est du nouveau pour vous à ce qu'il paraît; à moi vous pouvez tout dire, je ne suis pas l'Impératrice.

— Il était mon chef, Madame.

Ея Высочество улыбнулась, встала и пригласила меня обѣдать сегодня въ 5 часовъ. Я извинился, сказавъ, что жена моя нездорова и что я спѣшу въ Петербургъ. Поцѣловавъ поданную мнѣ руку и дойдя до дверей, я обернулся, чтобы сдѣлать поклонъ.

— Ainsi vous ne voulez pas dîner avec nous? спросила меня Елена Павловна, голосомъ, который показался мнѣ менѣе мягкимъ и благосклоннымъ чѣмъ въ разговорѣ. Я быстро подошелъ къ Ея Высочеству, взялъ Ея руку и поцѣловалъ:

— Vous êtes fâchée, Votre Altesse Impériale. Pardonnez à un vieux soldat qui est tout dépaysé dans Vos salons.

— Vous êtes pardonné! отвѣчала мнѣ эта умная и привѣтливая женщина, улыбнувшись и подавая руку.

Потомъ я пошелъ къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, жившей тутъ же, въ Китайскомъ дому. Камердинеръ просилъ меня войти, сказавъ, что Ея Высочество въ гостиной. Она сидѣла на канапе и указала мнѣ на кресло. Только-что я сѣлъ, какъ увидѣлъ на маленькомъ кругломъ столѣ огромный черный хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ въ гостиной Ея Высочества поразилъ меня. Какъ онъ сюда попалъ и зачѣмъ? Великая Княгиня спросила меня, долго ли я ѣхалъ съ Кавказа, женатъ ли. Потомъ говорила о желѣзныхъ дорогахъ, которыя предполагаютъ строить, и разныхъ улучшеніяхъ, которыми Государь занятъ. Я слушалъ Ея Высочество, вкидывая свое слово въ разговоръ, но этотъ огромный хлѣбъ, безцеремонно разлегшійся на красивомъ столикѣ въ гостиной дворца, крѣпко интересовалъ меня. Въ моментъ молчанія, не имѣя силъ преодолѣть свое любопытство, я спросилъ:

— Какъ попалъ этотъ хлѣбъ въ гостиную Вашего Высочества?

— Въ томъ углу сырость, такъ горячій хлѣбъ положили туда, отвѣчала Великая Княгиня.

— Я не полагалъ, чтобы сырость смѣла проникать и во дворцы.

— Какъ видите, проникаетъ, сказала, улыбнувшись Екатерина Михаиловна, встала—и я откланялся.

Когда, дня чрезъ два послѣ этого представленія, мы съ женою обѣдали у дѣдушки Р. И. Ховена и между разговорами онъ спросилъ меня, какъ принимали меня Высочайшія Особы, умный старикъ, слушая, покачивалъ головою.

— Не хорошо, любезный Эдуардъ, не хорошо: Государя не слѣдовало прерывать; Императрицу поблагодарить за милостивое приглашеніе на Коронацію и исполнить, а что до приглашенія къ обѣду, такъ ужъ, чтобы довершить твои любезности, надобно было сказать: „сегодня обѣдать у васъ не могу, милостивая государыня, а пріѣду въ воскресенье!“ Не хорошо, братъ; этакъ далеко не уйдешь! Да и у Екатерины Михаиловны . . . ну послѣ спросилъ бы у камердинера, зачѣмъ тамъ хлѣбъ положили? а то безпокоить такими вопросами Великую Княгиню. Намъ и вовсе не идетъ спрашивать; наше дѣло отвѣчать. Записался, дорогой Эдуардъ, нечего сказать.

Потомъ онъ прибавилъ: „вѣдь дурного ничего не сдѣлалъ, отвѣчалъ, какъ прямому человѣку слово на языкъ пришло—значитъ не придворный!“ Тѣмъ и кончилъ старикъ.

Его Высочество Генералъ-Фельдцейхмейстеръ возвратился изъ путешествія. Въ день представленія собралось много генераловъ и офицеровъ, мнѣ почти незнакомыхъ. Вошелъ Великій Князь: стройный, высокій, молодой; умъ и привѣтливость на лицѣ и во всѣхъ пріемахъ. Дойдя до меня, Его Высочество сказалъ:

— Мнѣ пріятно съ вами познакомиться.

Я поклонился.

— Вы насъ поставили въ затрудненіе желаніемъ оставить кавказскій корпусъ: мы не знали, кѣмъ замѣнить васъ.

— Ваше Высочество очень милостивы къ службѣ моей.

— Назначили генерала Мейера; вы его знаете?

— Не знаю, Ваше Высочество.

Послѣ нѣсколькихъ словъ о моемъ новомъ назначеніи, Великій Князь отошелъ далѣе.

Теперь ничто не задерживало насъ въ Петербургѣ, пора была отправляться къ новому назначенію въ Польшу, въ кр. Новогеоргіевскъ.

Когда я откланивался Государю, Его Величество между прочимъ сказалъ мнѣ:

— Кланяйся Горчакову; онъ крѣпко просилъ, чтобы тебя назначили первымъ комендантомъ въ Новогеоргіевскъ. Ты не на покой ѣдешь—тамъ много безпорядковъ, тебѣ будетъ дѣла.

— Буду служить, какъ всегда служилъ Вашему Величеству.

— Ну, прощай!—и Государь подалъ мнѣ руку.

За нѣсколько дней передъ моимъ выѣздомъ генералъ-адъютантъ князь А. И. Барятинскій былъ назначенъ вмѣсто генерала Муравьева намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ кавказскою арміею.

Во время пребыванія моего въ Петербургѣ я посѣтилъ его раза два, равно былъ и у бывшаго начальника моего, князя Михаила Семеновича Воронцова, который, кажется, былъ доволенъ моимъ посѣщеніемъ и желалъ сказать мнѣ какую нибудь любезность; и какъ его свѣтлость за словомъ въ карманъ не лазилъ, то, говоря о службѣ моей на Кавказѣ, вдругъ бросилъ мнѣ фразу: „вы, какъ Эпаминондъ, можете сказать, что у васъ двѣ дочери: Башъ-Кадыкляръ и Курюкъ-дара.“

— Ваша свѣтлость, конечно, хотѣли сказать, что кн. Бебутовъ можетъ употребить это выраженіе греческаго полководца.

Тутъ вошла княгиня съ внучкою, и послѣ короткаго разговора я распрощался.

Дорога отъ Петербурга до Варшавы, когда-то прекрасное шоссе, была до того испорчена и изрыта, что экипажамъ было чувствительно и мы въ десять дней насилу доплелись до Варшавы. Во время войны это былъ единственный торговый путь сообщенія съ Европою, и потому можно вообразить до какой степени тяжелые обозы, безпрерывно идущіе по этому шоссе, изрыли его. Это путешествіе было истиннымъ наказаніемъ.

Странный обычай у нашего народа: если дѣти умираютъ, то просить въ крестные отцы чужого, родителямъ совсѣмъ неизвѣстнаго человѣка, предпочтительно дорожнаго. Такъ, проѣзжая въ 1822 году въ Грузію, я на одной станціи въ тверской губерніи, по усиленной просьбѣ одного, казалось, зажиточнаго крестьянина, долженъ былъ идти въ хату и быть крестнымъ отцомъ новорожденному. Священникъ стоялъ въ полномъ облаченіи. Тутъ пришла мнѣ мысль, что я лютеранинъ, и, какъ человѣкъ совѣстливый, я сказалъ объ этомъ священнику.

— Какъ же это, г. офицеръ, т. е. это выходитъ секта такая; но вѣдь христіанская?

— Это не секта, а исповѣданіе, сказалъ я.

— Не слыхалъ, батюшка, не слыхалъ.

Священникъ взялъ со стола крестъ и поднесъ мнѣ; я поцѣловалъ его.

— Чтожъ вы не перекрестились, г. офицеръ?

— Это у насъ не въ обычаѣ; да начинайте священнодѣйствіе, а то мнѣ ждать некогда.

Послѣ крещенія онъ опять подходитъ ко мнѣ.

— Вотъ католиковъ мы знаемъ, а какъ вы изволили назвать-то?...

— Лютеране; мы отошли отъ католиковъ.

— Та-а-акъ!!... и я уѣхалъ.

Станціи двѣ не доѣзжая до Вилькоміра, смотритель про-

сить меня быть крестнымъ отцомъ новорожденному, говоря, что у него двое дѣтей уже померли и что, можетъ, Богъ сохранитъ третьяго. Отказываться не въ обычаѣ—я согласился. Послали за священникомъ, и чрезъ два часа мы могли продолжать наше путешествіе. Когда, въ декабрѣ 1861 года, я проѣзжалъ по этой дорогѣ въ Ригу и увидѣлъ на станціи другого смотрителя, то спросилъ гдѣ тотъ, котораго я зналъ?

— Онъ получилъ лучшее мѣсто, а меня назначили на эту станцію.

— Такъ вы его смѣнили?

— Точно такъ, въ прошломъ году.

— Былъ у него сынъ, такъ лѣтъ пяти?

— Былъ; такой здоровенькій шалунъ. Отецъ разсказывалъ, что у него дѣти все мерли; вотъ проѣзжаетъ генералъ на третій день какъ родился сынишка; онъ къ нему: сдѣлайте Божью милость, будьте крестнымъ! Согласился, и вотъ, слава Богу, Саша выросъ.

Я на-радостяхъ, что крестины удались, высказался, что крестный генералъ былъ я.

Въ Варшавѣ мы остановились на комендантской квартирѣ. Это былъ довольно удобный pied-à-terre на улицѣ Новый Свѣтъ—три чистыя комнаты, кухня, конюшня и сарай. Но особенно намъ было пріятно, что тесть мой, теперь сенаторъ въ варшавскихъ департаментахъ, жилъ напротивъ.

На другой день я былъ у князя Д. М. Горчакова. Отпустивъ представлявшихся, онъ пригласилъ меня въ кабинетъ.

— Я просилъ, чтобы васъ назначили сюда—началъ князь —они хотѣли дать вамъ дивизію; я очень доволенъ, что исполнили просьбу мою. Въ Новогеоргіевскѣ не было порядочнаго коменданта, всѣ только думали о себѣ и допускали безпорядки.

Князь остановился въ рѣчи своей; тогда я передалъ ему слова Государя, сказанныя мнѣ когда я откланивался.

— Да, тамъ много безпорядковъ; когда вы осмотритесь, напишите мнѣ или, лучше, пріѣзжайте и скажите, что вы желаете сдѣлать; я исполню все.

Въ такомъ родѣ продолжался разговоръ минутъ десять; потомъ пошли въ церковь—было воскресенье.

Пріемомъ князя и разговоромъ его я былъ очень доволенъ, потому что при служебной дѣятельности моей могъ надѣяться на поддержку высшаго начальника.

И точно, войдя, по прибытіи моемъ въ крѣпость, въ подробности управленія каждой части, я нашелъ, что мнѣ будетъ много дѣла и много хлопотъ, чтобы привести все въ должный порядокъ. Приведу одинъ примѣръ упущенія комендантовъ, замѣтьте, продолжавшагося въ военное время. Саперные баталіоны ежегодно приходили въ Новогеоргіевскъ для учебныхъ работъ; но, накопавъ рвовъ и набросавъ брустверовъ, они по окончаніи лагеря не заравнивали поля, отчего вся мѣстность передъ бородинскимъ фронтомъ была въ продолженіи Богъ знаетъ сколькихъ лѣтъ до того изрыта, что шагу нельзя было сдѣлать; а передъ парижскимъ фронтомъ 60 землянокъ, выстроенныхъ, кажется, въ холерный годъ, такъ и оставались гнить, украшать мѣстность и служить пристанищемъ мошенникамъ и безпутству. Когда я донесъ объ этомъ главнокомандующему, онъ предписалъ мнѣ употребить на работу для сравненія мѣстности нижнихъ чиновъ полка, квартирующаго въ крѣпости, такъ какъ саперы уже вышли изъ лагеря. Явная несправедливость: пѣхота должна работать за саперовъ! Я представилъ объ этомъ, роту саперъ прислали въ крѣпость —и мѣстность была выровнена; 60 землянокъ сняла пѣхота.

Въ бумагахъ этого времени я нахожу отвѣтъ на мой вопросъ при выѣздѣ изъ крѣпости, что я сдѣлалъ въ 5 лѣтъ комендантства? Въ отвѣтѣ слѣдующее: 1) срытіемъ 60-ти землянокъ и саперныхъ работъ уровнена мѣстность предъ парижскимъ и бородинскимъ фронтами; 2) перенесеніе въ крѣпость

слободки женатыхъ нижнихъ чиновъ; 3) уничтоженіе сторожевыхъ домиковъ вокругъ крѣпости; 4) устройство садовъ и аллей близъ собора и госпиталя; 5) улучшеніе ризницы собора и, по моему представленію, увеличеніе жалованья всѣмъ священнослужителямъ въ крѣпостяхъ; 6) поддержка лютеранской церкви въ Новомъ Дворѣ и по возможности лучшее устройство католической каплицы для арестантовъ; 7) перестройка всѣхъ домовъ въ трехъ русскихъ колоніяхъ.

При возведеніи Новогеоргіевской крѣпости построены были въ 400-хъ саженяхъ отъ гласиса 60 кирпичныхъ домиковъ для женатыхъ нижнихъ чиновъ. Такъ они стояли слишкомъ 20 лѣтъ. Все начальство, казалось, забыло, что вблизи крѣпости каменныхъ строеній не дозволяется терпѣть, не говоря уже о томъ, что коменданту въ началѣ осады и такъ время и руки дороги, а тутъ срывай 60 домовъ и ровняй мѣстность. При этой слободкѣ былъ деревянный домикъ о двухъ комнатахъ съ кухней; при домикѣ садъ. Такъ какъ послѣ вечерней зари крѣпостныя ворота запирались, то могъ ли комендантъ отвѣчать за то, что ночью происходило внѣ крѣпости? Ясно, что помѣщеніе женатыхъ нижнихъ чиновъ надо было перенести въ крѣпость. Я выбралъ мѣсто для 15-ти деревянныхъ домовъ, каждый въ четыре комнаты, съ особымъ ходомъ и съ сѣнями. Но какъ сдѣлать это переселеніе безъ денегъ, ибо денегъ не дадутъ? Подумалъ, подумалъ, да и выдумалъ: бережно ломать дома, кирпичъ продать, лѣсъ выпросить у князя изъ казенныхъ лѣсовъ и работать солдатами, съ платою. Кирпичей при бережной разборкѣ оказалось около 150-ти тысячъ; изъ нихъ 25 тыс. оставилъ для печей, прочіе продалъ за 9 р., на три рубля ниже цѣны обыкновенной, и получилъ слишкомъ 1000 рублей. Такъ и представилъ проектъ. Главнокомандующій согласился на все. Зимой вырубили лѣсъ, весной сломали слободку и начали строить домики; работа кипѣла. На радости, что сложная работа удалась, я, чтобы не было сырости

въ домахъ, выстроилъ имъ на свой счетъ просторную прачешную о четырехъ котлахъ. Къ слободкѣ провелъ аллею изъ тутовыхъ деревьевъ; дѣти, отряхая деревья, лакомились сладкими ягодами.

Около крѣпости стояло, кажется, 12—14 сторожевыхъ домиковъ. При начальномъ осмотрѣ крѣпости я спрашивалъ у командира инженерной команды о назначеніи ихъ.

— Чтобы по гласису не ходили и дорожекъ не дѣлали и вообще за чистотою наружности крѣпости наблюдали. Когда кн. Горчаковъ былъ въ Данцигѣ, то, возвратясь, говорилъ Государю о сторожевыхъ домикахъ внутри и снаружи крѣпости, и Государь приказалъ ихъ построить.

Сторожа внутреннихъ сторожевыхъ домиковъ при магазинахъ и разныхъ складахъ, легко понять, уменьшали часовыхъ изъ гарнизона; но наружные какъ-то были для меня непонятны, особенно когда я узналъ, что ежегодно ремонтъ на домики непремѣнно вносится въ смѣту и что одинъ домикъ совсѣмъ надо перестроить—и все это для чистоты гласиса! Желая знать, что дѣлается въ нихъ ночью, я послалъ расторопнаго плацъ-адъютанта объѣхать всѣ наружные домики и донести мнѣ, что онъ найдетъ въ нихъ. Въ 11 часовъ ночи онъ выѣхалъ изъ крѣпости съ двумя казаками и на утро донесъ: одинъ домикъ былъ запертъ, въ другомъ нашелъ только дѣтей, въ двухъ веселыя компаніи изъ солдатъ и женщинъ за водкой, съ безобразными послѣдствіями отъ оной.

Я рѣшилъ представить объ уничтоженіи наружныхъ домиковъ. Но если они сдѣланы по представленію кн. Горчакова, успѣха не будетъ. Fais ce que dois, advienne que pourra! Я поѣхалъ къ князю.

— Садитесь; вы имѣете что сказать мнѣ?

— Я хотѣлъ доложить в. с. о дѣлѣ, да затрудняюсь, смѣю ли изложить по этому дѣлу мое мнѣніе, противорѣчащее вашему взгляду, какъ мнѣ сказали.

— Пустяки какіе; вѣдь я человѣкъ, могу ошибаться. Говорите!

— Въ Новогеоргіевской крѣпости есть сторожевые домики внутри и около крѣпости. Я понимаю, что внутри постоянные сторожа хорошаго, надежнаго поведенія замѣняютъ при разныхъ складахъ большое число часовыхъ отъ гарнизона; но снаружи крѣпости я не могу понять, зачѣмъ имѣть сторожей. И какъ мнѣ сказали, что это была мысль в. с., то я затруднялся изложить предъ вами мое мнѣніе.

Князь при послѣднихъ словахъ, съ нетерпѣніемъ выслушавъ меня, сказалъ:

— Это неправда, это совсѣмъ не мое предложеніе.

Разговоръ кончился тѣмъ, что князь согласился на мои доводы и приказалъ подать мнѣ докладную записку о снесеніи всѣхъ наружныхъ сторожевыхъ домиковъ, и ихъ снесли.

Бывъ въ первый день Рождества въ соборѣ, я замѣтилъ, что облаченіе священниковъ крѣпко поношено. Поговоривъ объ этомъ съ протоіереемъ, я пожелалъ видѣть всю ризницу собора и нашелъ, что она не соотвѣтствовала такому храму. Старикъ протоіерей объявилъ мнѣ, что деньги у нихъ есть въ московскомъ банкѣ и что на просьбы о заказѣ новыхъ ризъ получилъ отъ архіерея отказъ. Въ первую же поѣздку въ Варшаву я былъ у преосвященнаго. Вкрадчивыми, ласковыми просьбами я убѣдилъ умнаго архипастыря дозволить собору раскошелиться, и онъ, смѣясь, что иновѣрецъ такъ сильно заботится о благолѣпіи православнаго храма, далъ свое согласіе. Изъ Петербурга наполнили ризницу облаченіями и нѣкоторыми вещами превосходной работы.

Протоіерей, священникъ и діаконъ были прекрасные люди. Всѣ обязанности исполняли съ истинно христіанскимъ усердіемъ, всѣ семейные, но жалованье получали ничтожное. Я представилъ объ увеличеніи ихъ жалованья вдвойнѣ. Чрезъ два мѣсяца вышло высочайшее соизволеніе удвоить жалованье

всему священническому причту во всѣхъ крѣпостяхъ царства польскаго. Радость почтенныхъ священнослужителей была велика, когда они пришли благодарить меня за представленіе.

Около Новогеоргіевской крѣпости Государь Николай Павловичъ приказалъ поселить русскихъ въ семи колоніяхъ. Ихъ переселили изъ псковской губерніи, выстроили имъ дома и въ ближайшей колоніи, Александровской, церковь. Было много домовъ двухъ-этажныхъ въ предположеніи постоя и отдачи въ наймы,—кому?—не знаю. Эти дома не были отданы въ собственность переселенцамъ, но оставались казенными и ежегодно ремонтировались правительствомъ. Пріѣхавъ однажды, въ 1858 году, въ Варшаву, я пошелъ представиться князю. Послѣ представленія онъ пригласилъ меня въ кабинетъ и началъ говорить объ этихъ колоніяхъ. Вотъ сущность словъ его: „поляки желаютъ ихъ выжить, говорятъ, что они только пьянствуютъ, въ податяхъ за ними большія недоимки, худо обрабатываютъ поля и притомъ ежегодное ремонтированіе ихъ домовъ стоитъ дорого. „Я хочу ихъ совсѣмъ отнять отъ гражданскаго управленія и отдать въ ваше вѣдѣніе. Я прикажу принесть къ вамъ всѣ бумаги, касающіяся переселенія; прочтите ихъ, осмотрите самыя колоніи и потомъ представьте мнѣ ваше мнѣніе.“ Я прочелъ бумаги, ознакомился съ дѣломъ, объѣхалъ всѣ колоніи и, признаюсь, вся постройка ихъ удивила меня. Мнѣ сказали, что лѣсъ рубили весной и лѣтомъ и тотчасъ изъ него строили дома—немудрено, что скоро сгнили; вообще въ постройкѣ была видна непростительная скорость исполненія высочайшей воли! Я представилъ князю свое мнѣніе, которое заключалось въ слѣдующемъ: на русскихъ поселенцахъ нѣтъ вовсе недоимокъ по податямъ; пьянствуютъ они столько же, и какъ поляки, поля обрабатываютъ лучше; дома въ трехъ колоніяхъ, прежде построенныхъ, попорчены крѣпко, гнилы и требуютъ совершенной перестройки. „Гдѣ намъ поправлять эти хоромы,“ отвѣчалъ мнѣ одинъ мужикъ,

указывая на двухъ-этажный домъ. Поэтому, я полагаю, изъ 15-ти тысячъ, требуемыхъ гражданскимъ вѣдомствомъ на ремонтъ нынѣшняго года, перестроить всѣ дома трехъ колоній, въ другихъ поправить всѣ и затѣмъ отдать ихъ въ собственность поселянъ. Лѣсъ для перестройки, взамѣнъ сгнившаго, дать изъ казенныхъ лѣсовъ и работу производить солдатами, съ платою. Оставить поселянъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, но если случаются какіе нибудь рабочіе наряды на ихъ землѣ—поправка проселочныхъ дорогъ, постройка мостиковъ и пр.—относиться къ коменданту. Князь Горчаковъ одобрилъ записку мою. Изъ 15-ти тысячъ, требовавшихся на ремонтъ, мнѣ было отпущено 5 тыс. рублей, и на эти деньги были выстроены русскіе домà съ двумя отдѣленіями и съ крытымъ крыльцомъ, а въ церкви священникомъ, въ моемъ присутствіи, было объявлено, что дома Государь даритъ имъ въ собственность. Всякій хозяинъ былъ обязанъ смотрѣть за постройкой своего дома, чтобы ни одно гнилое бревно не легло въ стѣны. Близь домовъ былъ дворъ, за дворомъ садъ и огородъ. Каждому хозяину я подарилъ шесть фруктовыхъ деревъ—яблонь, грушъ или сливъ, по желанію. Въ **1860** году вся постройка была окончена и ген. Сухозанетъ, временно заступавшій мѣсто умершаго кн. Горчакова, осматривалъ колоніи и за все, что при мнѣ сдѣлано въ крѣпости, благодарилъ меня.

Теперь припомню разные случаи и происшествія въ эти пять лѣтъ. Вскорѣ по моемъ прибытіи въ крѣпость, я получилъ отъ главнокомандующаго предписаніе показать въ крѣпости, что можно, двумъ французскимъ генераламъ: начальнику артилеріи крымской арміи M-r Leboeuf и начальнику инженеровъ M-r Froissard. Эти господа, проѣзжая чрезъ Варшаву въ Парижъ, конечно имѣли порученіе осмотрѣть кр. Новогеоргіевскъ. По пріѣздѣ ихъ, я посадилъ съ собою въ коляску артилериста, а инженеръ въ другой сѣлъ съ командиромъ инженерной команды. Лебёфъ, вѣроятно, слышалъ въ Вар-

шавѣ, что я служилъ на Кавказѣ и потому началъ разговоръ о службѣ моей въ той сторонѣ и хвалилъ наши дѣйствія въ прошлую кампанію. Въ разговорѣ я спросилъ его:

— Pourquoi n'avez-vous pas envoyé avec Omer-Pacha des troupes françaises? Les Caucasiens se seraient fait un plaisir de se mesurer avec vous.

— On a parlé de ça et puis on a laissé ce projet.

Проѣзжая мимо складочныхъ сараевъ, онъ спрашиваетъ меня, что это за строенія? Я сказалъ. Потомъ вдругъ спросилъ: „Combien de pièces faut-il pour armer cette forteresse?“

— Deux milles, отвѣчалъ я.

— Allons donc, c'est un peu trop.

— Puisque vous doutez de mes paroles pourquoi me le demandez-vous?

Онъ засмѣялся: „c'était indiscret de ma part.“

Когда мы были въ равелинѣ, на которомъ былъ сдѣланъ каменный абшпитъ (они дѣлаются только во время осады), ген. Фроссаръ, засмѣявшись, сказалъ: „Il paraît que vous avez beaucoup d'argent, que vous anticipez avec les constructions qu'on ne fait que pendant le siège. Notre chambre des députés n'aurait pas donné de l'argent pour ça à l'empereur.“

— Comme si votre empereur fait tant de façons avec la chambre? сказалъ я, и французъ улыбнулся съ довольнымъ видомъ. Оба генерала показались мнѣ настоящими французами—привѣтливые, веселые, разговорчивые, но все какъ-то носъ кверху; до смѣшного самонадѣянны. Послѣ обѣда, сидя на канапе, закуривъ сигару и прихлебывая кофе, Лебёфъ говоритъ мнѣ: „Comme la paix est conclue, faut espérer que votre Empereur viendra à Paris pour faire une visite à l'empereur Napoléon. Si on trouve que ces visites sont indispensables.

— La route de Paris à Pétersbourg n'est pas plus longue que de Pétersbourg à Paris, отвѣчалъ я.

Отъѣзжая, ген. Лебёфъ просилъ меня, если буду въ Парижѣ, побывать у него въ Версали.

Какъ хорошо, что вдругъ по прибытіи въ крѣпость мнѣ пришло на умъ сравнять саперныя работы и срыть 60 земляпокъ! Что бы французскіе генералы подумали о нашемъ содержаніи въ должномъ видѣ пограничныхъ крѣпостей, сопоставивъ изрытую мѣстность предъ двумя фронтами съ наружными сторожевыми домиками и каменными абшпитами въ равелинахъ!

Въ **1857** году Государь былъ въ Варшавѣ. При представленіи генераловъ Его Величество милостиво обратился ко мнѣ, спросилъ о здоровьи, потомъ сказалъ:

— Тебѣ скучно въ крѣпости?

— Скучно, Ваше Величество, но стараюсь найти занятія.

— Ты сады разводишь, это дѣло. Благословляю тебя на всѣ работы твои.

И, перекрестивъ меня, подалъ руку, которую я съ душевнымъ умиленіемъ поцѣловалъ.

На маневрахъ Государь, проѣзжая мимо группы генераловъ, вызвалъ меня и представилъ эрцгерцогу Альбрехту съ словами: „Un brave de l'armée du Caucase!“

— Vous devez être heureux, général, d'entendre cela de Sa Majesté, votre Empereur, сказалъ эрцгерцогъ.

— Aussi le suis-je, votre altesse!

Потомъ Государь говоритъ мнѣ порусски:

— Я получилъ сегодня непріятное донесеніе, что Вревскій убитъ—затѣсался въ лѣсистое ущелье; у насъ значительная потеря.

— Очень жаль Вревскаго, Ваше Величество, но вѣрно не были довольно осторожны.

Въ **1859** году осенью пріѣхалъ Государь въ Варшаву; тутъ Его посѣтили императоръ австрійскій и регентъ Пруссіи (братъ больного короля, нынѣшній императоръ германскій).

Послѣ побѣдъ французовъ въ Италіи и образованія итальянскаго королевства, поляки, подстрекаемые своимъ парижскимъ комитетомъ, начали опять волноваться. Первая ихъ демонстрація была въ февралѣ **1860** года—служеніе панихиды по убитымъ въ граховскомъ сраженіи въ **1831** году. Говорили, что на совершеніе этой панихиды наше правительство дало имъ позволеніе. Понятно, что такая добродушная неосторожность поощрила поляковъ къ дальнѣйшимъ безпорядкамъ. Говорили, что когда, по возвращеніи Наполеона III изъ итальянскаго похода, депутаты польскаго комитета представлялись ему и просили объ участіи къ бѣдственному положенію Польши, Наполеонъ сказалъ имъ: „Mais la Pologne ne remue pas, elle est tranquille, donc elle est contente.“ Эта маккіавельская фраза была понята гг. депутатами—и Польша зашевелилась! Но чтожъ она выиграла? Когда безпорядки усилились по всему царству въ **1863** году, Франція и Англія подали нашему правительству коллективную ноту, ходатайствуя за поляковъ и напоминая, что Польша должна пользоваться конституціею **1815** года, тогда твердый и прямо патріотическій отвѣтъ кн. Горчакова, нашего министра иностранныхъ дѣлъ, прекратилъ всякое чужое вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи.

Въ это время, въ **1860** году, каменная болѣзнь моя усилилась и жена повезла меня въ Берлинъ, гдѣ знаменитый хирургъ Лангенбекъ сдѣлалъ мнѣ операцію и приказалъ для укрѣпленія разстроенныхъ нервовъ ѣхать на минеральныя воды. Но какъ безпокойство въ Польшѣ все увеличивалось, я считалъ своею обязанностью вернуться къ своему посту, куда въ началѣ іюня и возвратился.

Въ Варшавѣ я нашелъ, за смертью кн. Горчакова, исправляющимъ должность намѣстника военнаго министра Сухозанета, который, видя мое слабое здоровье, предложилъ мнѣ назначить меня въ Военный Совѣтъ. Послѣ многихъ оттоворокъ

и увѣреній, что я могу еще служить въ войскахъ, и новыхъ убѣжденій ген. Сухозанета перейти въ Военный Совѣтъ, я согласился. Онъ написалъ объ этомъ помощнику военнаго министра, исправлявшему въ его отсутствіе должность военнаго министра генералъ-адъютанту Милютину, который отвѣчалъ ему, что Государь не изволилъ согласиться на представленіе, потому что члены Военнаго Совѣта все полные генералы. Сухозанетъ вторично просилъ генерала Милютина доложить о назначеніи меня въ Военный Совѣтъ, но получилъ отвѣтъ, что послѣ рѣшенія Государя онъ въ другой разъ докладывать не смѣетъ. Такъ я не попалъ въ Военный Совѣтъ, о чемъ, искренно говоря, и не жалѣлъ.

При князѣ Горчаковѣ демонстраціи поляковъ въ Варшавѣ принимали все болѣе и болѣе видъ дерзкаго непослушанія. Чѣмъ бы твердо, не щадя нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, въ самомъ началѣ остановить такія проявленія, доблестный князь о всякомъ случаѣ писалъ въ Петербургъ, спрашивая, что дѣлать? Такъ, напримѣръ, множество поляковъ въ старо-польской одеждѣ, кунтушахъ, чамаркахъ и шапкахъ, расхаживали по улицамъ и тысячныя толпы народа слѣдовали за ними, горланя свою патріотическую пѣсню: „Еще Польша не згинѣла.“ Въ такомъ случаѣ, разумѣется, безъ буйства и уличныхъ безпорядковъ обойтись не могло. Князь посылаетъ адъютанта, чтобы казаками разогнать ихъ, но потомъ посылаетъ другого, чтобы не трогать, что это раздражитъ ихъ и можетъ быть свалка. Затѣмъ доноситъ объ этихъ прогулкахъ въ Петербургъ, присовокупляя, что эти тысячныя толпы оружія не имѣли. Изъ Петербурга отвѣтъ: если они безъ оружія, то пускай гуляютъ въ своихъ чамаркахъ. Ну и догулялись до настоящей революціи! Конечно, всякому благородному человѣку должно быть больно разгонять невооруженную толпу народа картечью, но государственный сановникъ, облеченный властью, отвѣчаетъ предъ Государемъ, отечествомъ и своею совѣстью

не только за настоящую минуту дерзкаго непослушанія, но и за тѣ послѣдствія, которыя произведетъ неподавленное въ началѣ непослушаніе. Первое энергичное дѣйствіе начальства въ зародышѣ подавило бы всѣ замыслы ксендзовъ и красныхъ. Этого закала люди весьма охотно въ добротѣ сердца видятъ слабость, а нерѣшительность подстрекаетъ ихъ къ упорству.

Доблестный князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ померъ и прахъ его покоится въ Севастополѣ, по желанію его. Вмѣсто него тотчасъ былъ присланъ военный министръ Сухозанетъ. Демонстраціи съ ксендзами во главѣ продолжались, но многихъ виновныхъ забирали; расправа была энергичнѣе, но поляки не унимались. Въ это время былъ присланъ въ кр. Новогеоргіевскъ, по просьбѣ моей, одинъ изъ четырехъ патеровъ, состоявшихъ при главномъ штабѣ (люди надежные, намъ преданные!!!) для исполненія церковныхъ требъ. Прійдя разъ ко мнѣ по какому-то дѣлу и кончивъ разговоръ, онъ, переминаясь и будто въ какомъ-то смущеніи, говоритъ мнѣ: „Ясновельможный панъ генералъ, я слышалъ навѣрное, что архіепископъ Фіалковскій, видя, что русское правительство забираетъ въ цитадель народъ, когда онъ выходитъ изъ костеловъ, хочетъ дать приказаніе запереть всѣ костелы. Будетъ нехорошо, весь народъ въ Польшѣ возстанетъ и будетъ революція.“ Выслушавъ его, я отвѣчалъ ему: „Не безпокойтесь, революціи не будетъ. Какъ костелы запрутъ, не надобно будетъ и ксендзовъ, ихъ, какъ возмутителей отправятъ въ Сибирь, народъ будетъ радъ, что отдѣлался отъ ксендзовъ и сдѣлается протестантомъ.“

Въ это время у меня въ крѣпости перебывало 16 ксендзовъ. Ихъ, по большей или меньшей выдержки въ казематахъ, отправляли или въ Сибирь, или въ отдаленные города обширной Россіи. Припомню, что незадолго передъ этимъ разговоромъ, получивъ предписаніе главнокомандующаго схватить и содержать въ казематахъ помѣщика и ксендза, жившихъ

въ верстахъ 30-ти отъ крѣпости, я послалъ переодѣтаго жандарма, ловкаго малаго, часто употреблявшагося въ подобныхъ случаяхъ. Въ отдаленіи отъ подводы, на которой онъ сидѣлъ, ѣхали три казака съ урядникомъ. Съ разсвѣтомъ прибывъ въ деревню, двое казаковъ съ жандармомъ поѣхали къ ксендзу, но еще наканунѣ вечеромъ птица улетѣла!—куда?—никто не зналъ. Помѣщика схватили уже одѣтаго. Утромъ, спускаясь съ лѣстницы комендантской квартиры, внизу коей былъ ордонансгаузъ, я въ сѣняхъ увидѣлъ казаковъ съ арестантомъ, котораго тотчасъ отвели въ казематъ. На запросъ мой о ксендзѣ, они разсказали какъ было дѣло, и урядникъ кончилъ разсказъ слѣдующими многозначительными словами: „Когда, выѣхавъ съ господскаго двора, мы остановились въ деревнѣ поджидать своихъ, около насъ собралось много народу. Я слѣзъ съ коня и попросилъ огня у одного мужика, курившаго папироску; мужики подступили ближе ко мнѣ и одинъ говоритъ: „а ксендзъ-то утекъ! Эхъ, панове, зачѣмъ вы ѣздили за ними—они всегда знаютъ, когда вы пріѣдете; вы бы намъ сказали, мы бы всѣхъ помѣщиковъ и ксендзовъ перевязали и привезли бы въ Варшаву.“ А другіе, смѣясь, кричали: „онъ правду говоритъ, такъ бы лучше было.“

— Полно такъ-ли?—спросилъ я урядника—точно ли мужики это говорили?

— Помилуйте, в. п., казаки слышали; да и самъ помѣщикъ могъ слышать.

Въ это смутное время много перебывало начальниковъ въ Польшѣ: по смерти кн. Горчакова—Сухозанетъ, графъ Ламбертъ, опять Сухозанетъ, Лидерсъ, наконецъ Великій Князь Константинъ. Нельзя пропустить и начальника гражданскаго управленія маркиза Велепольскаго, который, пріѣхавъ въ Петербургъ, умѣлъ обворожить всѣхъ, увѣряя, что если въ гражданскомъ правленіи будутъ только поляки, то всѣ смуты прекратятся. Ему повѣрили и послали его начальникомъ этого

управленія. Но ксендзы и красные ему не вѣрили. Это была не ихъ поля ягода, и когда, послѣ неудавшагося поджога брюлевскаго дворца, въ которомъ жилъ Велепольскій, они присылали къ нему отравленныя письма, онъ могъ убѣдиться, что всѣ обѣщанія его были даны безъ хозяина, и потому, кажется въ 1862 году, и онъ сошелъ со сцены. Пріѣхалъ генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ. Онъ былъ католикъ, и по инструкціи ли, по добродушію или вслѣдствіе расчета принималъ демонстраціи, безчинства и непослушаніе поляковъ весьма легко, какъ бы шутя съ ними. Но эта снисходительность не согласовалась съ твердою волею прямодушнаго человѣка, желавшаго усмирить безчинства во что бы то ни стало. Этотъ сановникъ былъ генералъ-адъютантъ Герценцвейхъ, присланный Государемъ въ Варшаву на постъ генералъ-губернатора вмѣстѣ съ гр. Ламбертомъ. Послѣ одной сильной демонстраціи, выходившей изъ ряда тѣхъ, къ которымъ привыкли, генералъ-адъютантъ Герценцвейхъ предложилъ съ арестованными поступить по всей строгости законовъ. Намѣстникъ не соглашался проливать крови, подчиненный настаивалъ; завязался споръ, крупный споръ. Генералъ Ламбертъ напомнилъ, что онъ начальникъ. На это Герценцвейхъ обозначилъ дѣйствія намѣстника словомъ..... Конецъ распри плачевный! Прійдя домой, благородный генералъ застрѣлился, а намѣстникъ поѣхалъ лѣчиться на о. Мадейру.

Въ октябрѣ 1861 года опять пріѣхалъ ген. Сухозанетъ временно принять бразды правленія. Кажется, 15-го этого мѣсяца во всемъ краѣ было объявлено военное положеніе и все немного присмирѣло; но не надолго. Въ это время слабость моего здоровья все увеличивалась; раздражительность нервная сдѣлалась невыносима и къ довершенію непріятнаго положенія я простудилъ глаза до того, что опасался лишиться зрѣнія. Все это понудило меня проситься въ годовой отпускъ, и въ декабрѣ 1861 года, когда глаза немного поправились и

я получилъ просимый отпускъ за границу, мы выѣхали въ Ригу.

Въ 1862 году Государь въ залогъ Своего милосердія и желанія добра полякамъ назначилъ намѣстникомъ въ Польшу Брата Своего Великаго Князя Константина Николаевича—и чтожъ? На милосердіе Царя поляки отвѣчали выстрѣломъ въ Брата, а въ началѣ 1863 года банды мятежниковъ разсыпались по всей Польшѣ. И пошелъ пиръ горой по царству.

2-го декабря 1861 г. я выѣхалъ изъ Новогеоргіевска. Наканунѣ выѣзда весь гарнизонъ, т. е. всѣ вѣдомства, состоящія въ крѣпости, дали мнѣ прощальный обѣдъ, за которымъ мнѣ показалось смѣшнымъ, что единственный офицеръ, котораго я *хотѣлъ* арестовать въ продолженіи пятилѣтняго комендантства, сочинилъ привѣтственные стихи на отъѣздъ мой и прочелъ ихъ съ увлеченіемъ.

— Я радъ, что заслужилъ ваше расположеніе, господа— отвѣчалъ я и, обращаясь къ автору—а вы, молодой человѣкъ, не злопамятны.

— Противъ в. п. этого чувства нельзя предполагать, ибо вы не дѣлали зла никому, отвѣтилъ учтивый офицеръ.

Тутъ общество просило передать женѣ моей на память мой портретъ съ надписями всѣхъ бывшихъ на обѣдѣ и ананасъ отъ этого обѣда.

Странно, что переѣздъ въ декабрѣ мѣсяцѣ имѣлъ для моихъ больныхъ глазъ какъ бы благодѣтельное дѣйствіе, и въ Ригу я пріѣхалъ совершенно здоровый. Нѣманъ въ Ковно мы переѣхали на паромѣ и оттуда на Динабургъ. Пріѣхавъ на послѣднюю станцію къ Динабургу поздно вечеромъ, мы заночевали. Я спрашивалъ у смотрителя, стала ли Двина?

— Никакъ нѣтъ, в. п.; ледъ идетъ такой сильный, что не всегда и перевозъ бываетъ; и почты вотъ ждемъ, да нѣтъ.

Плохо, подумалъ я, такъ пожалуй придется вернуться до Вилькомiра и повернуть на Митаву!

Утромъ, только-что вставши, я вышелъ во дворъ. Морозъ, да сильный морозъ, градусовъ, полагаю, до 15-ти. Небо ясное, звѣзды такъ и блещутъ.

— Ну, в. п.—сказалъ мнѣ смотритель, несшій изъ кухни самоваръ—счастливы вы, вишь какой за ночь морозъ Богъ далъ; вѣрно и Двина стала.

Мы поѣхали; съ версту не доѣзжая до Двины жидовская фура намъ навстрѣчу. „Стала Двина?“—„А якъ зе мы переѣхали? а вонъ и почта.“ И точно, наваленныя сани съ почтою въѣзжали на берегъ. Уменъ смотритель, подумалъ я: прежде пустилъ жида съ фурою, потомъ послалъ почту. И мы благополучно прибыли въ тотъ же день въ Ригу.

Пробывъ въ Ригѣ мѣсяца три съ родными, я поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы осмотрѣться. Жену оставилъ дома. На другой день по пріѣздѣ представлялся Великому Князю Генералъ-Фельдцейхмейстеру.

— Зачѣмъ вы оставили комендантство?

— Нездоровъ, Ваше Высочество; доктора велятъ непремѣнно ѣхать на воды.

— Зачѣмъ же вы въ Ригу поѣхали?

— Чтобы отдохнуть между родными.

Отъ Его Высочества направился къ военному министру. Зала полна, но привѣтливый адъютантъ безъ просьбы моей пошелъ доложить.

— Министръ занятъ, проситъ обождать.

Я выждалъ пока адъютантъ не сказалъ: министръ проситъ! Слова два о больныхъ глазахъ, слова два объ осадномъ положеніи Польши—и я откланялся. Ну, подумалъ я уходя, ожидать нечего: вернусь съ водъ—и въ отставку. Сорокъ восемь лѣтъ прослужилъ—довольно!

Въ воскресенье представлялся Государю: какъ всегда, привѣтливъ и съ добрымъ словомъ. На другой день былъ у Великаго Князя Константина Николаевича. Его Высочество, по-

здоровавшись и подавъ мнѣ руку, говоритъ: „Вы довольны, что состоите при Особѣ Генералъ-Фельдцейхмейстера?“

— Ваше Высочество, я не состою при Особѣ Генералъ-Фельдцейхмейстера; я не имѣю никакого назначенія.

— Какъ же вчера въ театрѣ Государь спрашивалъ у Брата: „Ты видѣлъ Бриммера?“—„Да, онъ былъ у меня.“—„Мнѣ желалось бы пристроить его; онъ служилъ хорошо. Я бы желалъ, чтобы онъ состоялъ при Тебѣ.“ Братъ отвѣчалъ, что Ему будетъ весьма пріятно. Такъ вы этого не знали еще?

— Благодарю Ваше Высочество, что Вы изволили мнѣ объявить о такомъ лестномъ для меня назначеніи.

Еще нѣсколько привѣтливыхъ словъ—и Его Высочество отпустилъ меня.

Дня чрезъ два писарь изъ военнаго министерства приноситъ мнѣ высочайшій приказъ, въ коемъ я назначаюсь состоять при Особѣ Генералъ-Фельдцейхмейстера. Я тотчасъ же отправился къ Великому Князю. Былъ часъ второй, непріемный часъ, но Его Высочество принялъ меня и разсказалъ то же, только прибавилъ, что Государь такъ поставилъ вопросъ: „Куда бы намъ старика пристроить?“ Когда Его Высочество кончилъ, я всталъ со стула, поклонившись, поблагодарилъ за лестное назначеніе и присовокупилъ, что при этомъ случаѣ узналъ новость для меня—что я старикъ! „Хотя я никогда до сего времени о лѣтахъ своихъ не думалъ, но какъ Государь назвалъ меня старикомъ, значитъ—я старикъ!“

Великій Князь засмѣялся: „Садитесь, садитесь; который же вамъ годъ?“

— Шестьдесятъ семь, Ваше Высочество.

— И вы не считаете себя старикомъ?

— До сихъ поръ лѣта не напоминали о себѣ.

Такъ, получивъ противъ ожиданія назначеніе, мысль объ отставкѣ должно было отбросить. Черезъ нѣсколько дней я вернулся въ Ригу.

Въ началѣ апрѣля мы поѣхали въ Киссингенъ. Пробывъ тамъ съ пользою для здоровья шесть недѣль, мы отправились въ Швейцарію, чтобы въ Оберландѣ провести лѣто. Изъ Риги мы взяли съ собою знакомую старушку, лѣтъ 60-ти, но здоровую, бодрую, веселую компаньонку. Большое семейство ея—дѣти и внучата—умоляли насъ, ради Бога, беречь ее. Проѣзжая изъ Кенигсберга въ Берлинъ, на одной станціи остановились на пять минутъ. Мы вышли изъ вагоновъ въ буфетъ и, взявъ кто что захватилъ по первому звонку, торопливо спѣшили къ вагонамъ. Посадивъ жену и войдя въ вагонъ, я вижу, что нашей веселой старушки нѣтъ. Третій звонокъ, поѣздъ тронулся—старушка является на платформѣ, кричитъ, бѣжитъ за поѣздомъ; кондукторъ ее удерживаетъ, поѣздъ бѣжитъ все шибче—старушка осталась, какъ была, даже безъ носового платка! Мы были очень огорчены этимъ. Только-что мы прибыли на слѣдующую станцію, я телеграфировалъ, что оставилъ здѣсь денегъ и что буду ожидать ее въ Берлинѣ съ слѣдующимъ поѣздомъ. Въ 10 часовъ вечера я былъ на берлинской станціи и только-что поѣздъ пришелъ, я спрашиваю у кондуктора гдѣ дама, сѣвшая въ Бромбергѣ?

— In der ersten Klasse. Da steigt sie aus.

И, увидя меня, старушка расхохоталась, а, пріѣхавъ въ Hotel, говоритъ женѣ: „Nein, wenn man dies und jenes thut und dann noch in's Büffett geht.“

НАСТОЯЩЕЕ.

Іюля 3-го 1871 года. Больному глазу дѣлается все хуже. Это все тотъ же правый глазъ, что 16 лѣтъ назадъ первый разъ простудилъ на вѣтру, потомъ часто болѣлъ. Отъѣзжая изъ Новогеоргіевска, двѣ недѣли пролежалъ съ нимъ въ Варшавѣ. Въ 1868 году опять отъ сильнаго вѣтра онъ заболѣлъ; въ мартѣ 1869 г. сдѣлали операцію, въ маѣ 1870 г. другую—толку мало! Нынѣ, въ маѣ, говорятъ, что надо глазъ выколоть,

а глазъ совершенно здоровъ, видитъ когда вѣку подымешь, но нижнюю вѣку срѣзали; кругомъ болѣзнь все изуродовала, верхняя вѣка закрыла глазъ.

Становлюсь слабъ, уже 75-й годъ, писать трудно, а все хочется припомнить пройденный путь жизни или, лучше сказать, службы, ибо для меня жизнь была служба—въ ней жилъ! И потому по возможности буду слегка припоминать, что собственно меня касается.

1871 года Царское село. Подкожная болѣзнь у праваго глаза дѣлается все хуже; рана увеличивается, вѣка опускается. Сегодня, 15-го мая, въ два часа я встрѣтилъ въ саду Государя, ѣдущаго на дрожкахъ. Я поставилъ палку у палисадника и остановился, отдавъ честь.

— Здравствуй, Бриммеръ; какъ твое здоровье?

— Слава Богу, Ваше Величество, маюсь!

Дрожки не вдругъ остановились; я оглянулся, Государь смотритъ на меня, обернувшись. Я подошелъ. Государь подалъ мнѣ руку.

— Ты здѣсь на лѣто?

— Я живу здѣсь, въ Царскомъ, Ваше Величество.

— Да, да—ты тутъ домъ купилъ. Что твой глазъ?

— Все хуже, Ваше Величество; двѣ операціи сдѣлали, теперь хотятъ здоровый глазъ выколоть, а будетъ ли и съ этого толкъ, Богъ знаетъ.

Государь покачалъ головой.

— Лѣчись, братецъ, лѣчись!

Я поклонился. Государь еще разъ подалъ мнѣ руку и, сказавъ: „Дай Богъ тебѣ здоровья!“ отъѣхалъ.

Августъ. Болѣзнь увеличивается, теряю сонъ, аппетитъ. Родственники настойчиво совѣтуютъ ѣхать за границу, къ болѣе искуснымъ докторамъ. Докторъ Великаго Князя Михаила Николаевича говорилъ мнѣ, что во Флоренціи лѣчатъ подкожную болѣзнь mit Hunde-Magen-Saft и совѣтовалъ ѣхать

туда, но предварительно посовѣтоваться въ Вѣнѣ съ докторомъ Hebra, спеціалистомъ по этой части, съ европейскою репутаціею. Нечего дѣлать, надобно ѣхать. Старость не снимаетъ съ насъ обязанности пещись о своемъ здоровьи. Завтра, 9-го сентября, выѣзжаемъ.

1872 г. іюня 25-го. Возвратились, пріѣхали! Какая радость, когда на Александровской станціи желѣзной дороги увидѣли мы моего любезнаго, добраго племянника Эд. Ф. съ женою и четырьмя малютками, выѣхавшими намъ навстрѣчу. Фу, какъ надоѣли Вѣна, Теплицъ и вся жизнь заграничная. Какъ родное, русское, свое мило человѣку мыслящему! Съ какимъ удовольствіемъ мы проѣзжали царскосельскій паркъ и наконецъ остановились у своей хаты. Какъ выразить чувство спокойнаго веселья когда, вчера за часмъ сидя на верандѣ, я опять смотрѣлъ сквозь зелень листьевъ на золотые куполы дворцовой церкви! Ни мысль, ни глазъ долго не могли оторваться отъ блиставшихъ крестовъ—символовъ спасенія! И тихая молитва благодарности вознеслась къ Всевышнему, что здоровымъ дозволилъ мнѣ возвратиться въ домъ нашъ! [9]).

Э. Бриммеръ.

[9]) Въ 1874 году авторъ этихъ записокъ умеръ. Документы, которыми онъ подкрѣпилъ свои воспоминанія, будутъ печататься въ слѣдующихъ номерахъ „Кавказскаго Сборника“, въ видѣ Приложеній. *Ред.*